Ж. Огаковскій.

Закономѣрность аграрной эволюціи.

Часть II.

Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи.

САРАТОВЪ.
Электро-Типо-Литографія Б. Л. Рабиновичъ.
1911.

Глава I.

О „закономѣрности“ и самобытности“ аграрной эволюціи въ Россіи.

§ 1. Эволюція производства.

Въ русской аграрной литературѣ существуютъ два діаметрально-противоположныхъ взгляда на характеръ аграрной эволюціи въ Россіи. Одинъ изъ этихъ взглядовъ формулированъ сравнительно недавно г. Туганъ-Барановскимъ въ его книгѣ „Націонализація земли“ въ такихъ рѣшительныхъ словахъ: „нашъ аграрный строй есть нѣчто весьма *своеобразное* и рѣзко отличающееся отъ аграрнаго строя другихъ странъ Европы“. (Стр. 92).

„Капиталистическая промышленность развивается по сходному типу во всѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ—вездѣ наблюдается концентрація и централизація производства...., ростъ акціонерныхъ компаній и пр. и пр. составляющіе то, что Марксъ назвалъ законами капиталистическаго развитія. Въ этомъ отношеніи Россія не составляетъ исключенія и подчиняется этимъ законамъ, (поскольку дѣло идетъ о промышленности) точно такъ же какъ и остальныя капиталистическія страны. Совсѣмъ другое аграрныя отношенія и аграрное развитіе. Они не укладываются ни въ какой общій типъ и въ высшей степени индивидуальны и своеобразны.

Въ различныхъ странахъ наблюдаются разнообразныя сочетанія всевозможныхъ формъ земледѣльческаго хозяйства. Русское аграрное развитіе уже потому не можетъ идти по западно-европейскому типу, что ничего сколько нибудь похожаго на этотъ типъ не существуетъ“. (Стр. 114).

Совершенно иной взглядъ высказанъ новѣйшимъ экономистомъ г. Лященко. „Наблюдая характеръ аграрно-экономической эволюціи Россіи, мы не можемъ замѣтить ни какихъ либо исключительныхъ законовъ ея, ни господства какихъ либо особыхъ формъ „народнаго производства“, а лишь черты, которыя часто сближаютъ ее, а часто дѣлаютъ вполнѣ тождественной съ аграрно-экономической эволюціей другихъ странъ“. (Очерки аграрной эволюціи Россіи т. I стр. 113).

И тотъ и другой взгляды на аграрную эволюцію являются отзвукомъ двухъ міровоззрѣній, которыя, проходя

этапы славянофильства и западничества, народничества и марксизма, субъективной и объективной школы въ соціологіи и исторіи, впродолженіе многихъ десятковъ лѣтъ раскалывали и раскалываютъ нашу науку и нашу мыслящую интеллигенцію на два антагонистическихъ лагеря.

Кто правъ въ этомъ многолѣтнемъ спорѣ?..

Въ первой части нашего труда мы указывали, что эволюція сельско-хозяйственнаго *производства* и эволюція *распредѣленія* средствъ производства—земли, орудій и т. д. далеко не всегда имѣютъ точки соприкосновенія, ибо эволюція распредѣленія, кромѣ чисто экономическихъ и хозяйственныхъ факторовъ, зависитъ отъ факторовъ совсѣмъ иныхъ категорій, которые мы называемъ политическими и психологическими. Поэтому, мы можемъ допустить, что эволюція сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи будетъ *закономѣрной* т. е., однотипичной съ таковой же эволюціей другихъ странъ Европы, а эволюція распредѣленія можетъ быть „самобытной“ и никакого общеевропейскаго типа не представлять, потому что, „ничего, сколько нибудь похожаго на этотъ типъ не существуетъ“.

Отсюда слѣдуетъ, что надо разсматривать съ этой стороны отдѣльно эволюцію производства и эволюцію распредѣленія.

Итакъ, первый вопросъ: „закономѣрна“ или „самобытна“ эволюція сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи?.

Въ 1-й части нашего труда мы указывали, что основной факторъ эволюціи производства—*ростъ и густота* населенія. Эта эволюція проходитъ три фазиса: до—земледѣльческій, фазисъ экстенсивнаго и, наконецъ, интенсивнаго земледѣлія и скотоводства. Каждый изъ фазисовъ возникаетъ и развивается на извѣстной ступени густоты населенія. Ростъ и густота населенія, конечно, варьируютъ въ каждой странѣ, но, по существу это—факторъ универсальный. Сгущеніе населенія и въ Азіи и въ Европѣ, въ Америкѣ и Австраліи заставляетъ эволюціонировать сельское хозяйство въ одномъ и томъ же направленіи—отъ пастушескаго быта къ переложному земледѣлію, отъ перелога къ трехполью, отъ трехполья къ многополью. Въ зависимости отъ быстроты роста, отъ различной плотности, находится быстрота сельско-хозяйственной эволюціи и каждая страна, смотря по степени плотности населенія, въ каждый данный моментъ находится на опредѣленной ступени этой эволюціи. Такъ въ коренной Германіи, при болѣе медленномъ приростѣ населенія, экстенсивный фазисъ земледѣлія—его переложный и трехпольный

періоды тянулись около 1800 лѣтъ; въ Россіи, при болѣе быстромъ приростѣ, въ разныхъ раіонахъ отъ 800 до 150 лѣтъ, а въ Соединенныхъ штатахъ—при еще болѣе быстромъ приростѣ—около 100 лѣтъ. Такъ, въ настоящее время, тогда какъ въ киргизскихъ степяхъ въ зависимости отъ извѣстной степени густоты населенія совершается переходъ отъ дикаго скотоводства къ переложному земледѣлію, въ Сибири отъ перелога къ трехполью,—въ центрѣ Россіи трехполье дошло до своего конца, а на западѣ и сѣверо-западѣ перешло на многополье и, наконецъ, въ Германіи уже господствуетъ вполнѣ интенсивный фазисъ сельскаго хозяйства. Однимъ словомъ, совершаясь въ различные періоды времени, сельскохозяйственная эволюція, находясь въ зависимости отъ одного и того же основного фактора—роста населенія, проходитъ однотипичные этапы, однородные фазисы во всемъ мірѣ: и у насъ, какъ и всюду трехполье будетъ смѣнено интенсивнымъ многопольемъ, а не переложной системой, если только наше населеніе будетъ возрастать, а не вымирать.

Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ эволюцію сельско-хозяйственнаго производства закономѣрной, т. е. въ своихъ общихъ чертахъ однородной, *однотипичной* въ различныхъ странахъ. Но, конечно, эта закономѣрность не доходитъ до полнаго совпаденія. Кромѣ этихъ общихъ *родовыхъ* чертъ эволюція сельскаго хозяйства въ каждой странѣ имѣетъ специфическія *видовыя* черты, придающія ей своеобразный отпечатокъ. Этотъ отпечатокъ накладывается, прежде всего природными условіями. Въ первой части мы указывали, что основные природные факторы—атмосфера и почва оказываютъ громадное вліяніе на производство. Но эти факторы *статическаго* характера: они въ рамкахъ исторіи человѣчества составляютъ болѣе или менѣе установленную, мало измѣняющуюся величину, къ которой должна приспособляться сельскохозяйственная эволюція, поскольку она зависитъ отъ человѣческихъ рукъ.

Мы указывали, что атмосферныя условія до сихъ поръ почти совсѣмъ независимы отъ человѣческаго воздѣйствія. Поэтому тамъ, гдѣ ихъ проявленіе особенно рѣзко,—тамъ сельско-хозяйственная эволюція уже не можетъ быть однотипичной, закономѣрной. Это положеніе касается такихъ крайностей, какъ тропическія и полярныя страны или горныя высоты въ умѣренномъ поясѣ. Въ тропикахъ, благодаря орошенію, благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, населеніе можетъ сгущаться до очень большихъ предѣловъ, а сельское хозяйство оставаться на первобытныхъ

ступеняхъ простого собиранія плодовъ природы, которые она даетъ безъ всякаго труда со стороны человѣка. Наоборотъ, полярныя страны остаются пустынными въ теченіе тысячелѣтій и населеніе обречено пребывать въ фазисѣ звѣроловнаго и пастушескаго быта, поскольку земледѣліе оказывается здѣсь невозможнымъ.

Такимъ образомъ, наше понятіе о закономѣрномъ ходѣ сельско-хозяйственной эволюціи приложимо лишь къ странамъ умѣреннаго пояса съ болѣе или менѣе однороднымъ климатомъ. Здѣсь эволюція производства видоизмѣняется въ разныхъ странахъ, раіонахъ и мѣстностяхъ въ зависимости отъ почвенныхъ условій, отъ рельефа мѣстности и проч. Въ сырой Великобританіи съ глинистой почвой значительную роль въ сѣвооборотѣ играютъ кормовыя травы, а въ болѣе сухой Германіи—злаковыя культуры.

Можетъ быть и въ Россіи типъ плодосмѣна будетъ отличаться отъ германскаго, можетъ быть въ нечерноземной полосѣ выработаются иные сѣвообороты, чѣмъ въ черноземной, но, тѣмъ не менѣе, русское земледѣліе, подобно германскому, въ настоящее время должно будетъ перейти на многополье и взять питаніе растеній на себя, тогда какъ теперь, при трехпольи оно предоставляетъ его цѣликомъ или въ значительной степени природѣ.

Кромѣ природныхъ факторовъ, своеобразный отпечатокъ эволюціи производства придаютъ и другіе второстепенные факторы воздѣйствія человѣка на природу: культурный уровень населенія и его племенныя и расовыя черты. Мы указывали въ первой части, что, напримѣръ, манчжурское земледѣліе, по степени интенсивности, болѣе или менѣе близко къ европейскому; но, тогда какъ манчжуры не примѣняютъ усовершенствованныхъ орудій, примѣненіе ихъ у культурныхъ европейцевъ растетъ съ каждымъ годомъ въ геометрической прогрессіи. Вообще, большая или меньшая степень „машинизма“ въ земледѣліи зависитъ отъ культурнаго уровня населенія и, поскольку этотъ уровень повышается въ данной странѣ, постольку же развивается и „машинизмъ“.

Племенныя и расовыя черты, какъ и качество почвы, сказываются на разновидностяхъ сѣвооборота: посади манчжура въ Европу, онъ будетъ стараться сѣять гаолянъ, чумизу, бобы, а европеецъ въ Манчжуріи постарается вырастить пшеницу. Конечно, въ данномъ случаѣ играютъ главную роль климатическія и почвенныя условія. Но нѣкоторое вліяніе племенныхъ привычекъ на производство можно наблюдать въ любомъ раіонѣ.

Итакъ, эволюція сельско-хозяйственнаго производства въ разныхъ странахъ умѣреннаго пояса „закономѣрна“ въ самыхъ общихъ „родовыхъ“ чертахъ, т. е. она проходитъ однородные этапы, однородные фазисы эволюціи. Быстрота смѣны этихъ фазисовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ роста населенія, или, правильнѣе—отъ измѣненій въ соотношеніяхъ между удобной для сельскаго хозяйства площадью и суммой населенія т. е. отъ быстраго или медленнаго *уплотненія* населенія.

На этомъ основномъ однородномъ фонѣ эволюціи природныя условія и второстепенные факторы воздѣйствія человѣка на природу—культурныя и племенныя отличія, въ разныхъ странахъ рисуютъ разнообразные узоры. Но, подобно тому, какъ вода, протекая черезъ разные пласты земли, смѣшиваясь въ однихъ пластахъ съ глиной, въ другихъ съ пескомъ, въ третьихъ съ черноземнымъ иломъ, въ четвертыхъ съ известью, всетаки остается водой, такъ и эволюція производства, не смотря на различныя чисто мѣстныя примѣси, остается въ главныхъ чертахъ однородной, т. е. „закономѣрной“, а не „самобытной“.

Эволюція сельско-хозяйственнаго производства, какъ мы говорили въ первой части, вліяетъ на эволюцію распредѣленія земли, но эта послѣдняя зависитъ не только отъ экономическихъ и хозяйственныхъ факторовъ, но и отъ факторовъ совсѣмъ иного порядка—именно политическихъ и психологическихъ. Быть можетъ, благодаря этому, ходъ распредѣленія земли въ каждой странѣ получаетъ настолько своеобразный отпечатокъ, что о какой-либо „закономѣрности“ эволюціи, общей всѣмъ или многимъ странамъ, говорить не приходится. Дѣйствительно, эволюція распредѣленія связана какъ мы сказали, съ политической исторіей каждой страны. А развѣ политическая исторія не „самобытна?“...

Перейдемъ теперь къ этому вопросу.

§ 2. Эволюція распредѣленія.

Споръ о „закономѣрности“ и „самобытности“ русской исторіи ведется, какъ извѣстно, съ появленія у насъ славянофиловъ и западниковъ. Къ первымъ примыкаютъ и народники стараго толка, ко вторымъ марксисты прежней формаціи, именовавшіеся „нео-марксистами“. Среди историковъ-спеціалистовъ расколъ въ этомъ отношеніи существуетъ и до сихъ поръ. Къ „самобытникамъ“, въ послѣднее время относятся такіе авторитеты, какъ Ключевскій, Милюковъ, ученые, міровоззрѣніе которыхъ, во многомъ различно. Изъ

сторонниковъ „закономѣрности“ русской исторіи наиболѣе замѣчателенъ безвременно погибшій Н. Павловъ-Сильванскій. Вообще, какъ говоритъ этотъ авторъ, „глубокое различіе между историческимъ развитіемъ Россіи и Запада для большинства русскихъ историковъ—положеніе, не требующее доказательствъ... Мысль о глубокомъ различіи между Россіей и Западомъ объединяетъ лучшихъ историковъ, выясняющихъ—одни „совершенную самобытность“ русской исторіи, другіе—ея „крайнее своеобразіе“, третьи—ея „полную противоположность исторіи западной“, до рѣзкаго „контраста“. (Феодализмъ въ древней Руси, стр. 1.)

Изъ воззрѣній этого „большинства русскихъ историковъ“, мы позволяемъ себѣ остановиться на взглядѣ г. Милюкова, какъ историка, выставившаго наиболѣе рѣзкую теорію „самобытности“ русской исторіи, которую покойный г. Павловъ-Сильванскій назвалъ теоріей „контраста“. „У насъ государство“, говоритъ Милюковъ, „имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на Западѣ общественная организація обусловила государственный строй. Европейское общество строилось, такъ сказать, извнутри, органически, отъ низшихъ этажей къ высшимъ. Фундаментъ этой исторической постройки—крестьянство—сложился, въ главныхъ чертахъ, уже во время народныхъ переселеній VI—VIII столѣтій. Затѣмъ, на этомъ фундаментѣ устроенъ былъ въ средніе вѣка второй этажъ европейской феодальной аристократіи, сильной своимъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Наконецъ, только къ новому времени, путемъ упорной борьбы съ этимъ вторымъ общественнымъ слоемъ, путемъ обоюдныхъ мелкихъ побѣдъ надъ правами и привилегіями частныхъ лицъ, сословій, провинцій, выдвинулось сильное государство, постепенно и медленно расширявшее предѣлы своего владѣнія. У насъ историческій процессъ шелъ какъ разъ обратнымъ порядкомъ—сверху внизъ. Если оставимъ въ сторонѣ Кіевскую Русь, у которой были совсѣмъ другія условія историческаго развитія—въ сѣверо-восточной Руси представитель государственной власти—князь былъ чуть ли не первымъ осѣдлымъ жителемъ государства: вокругъ него все находилось въ движеніи, все населеніе приходило и уходило, не связывая себя съ государемъ—владѣльцемъ земли ничѣмъ, кромѣ личнаго и срочнаго договора. Среди этого „жидкаго“ элемента нашей исторіи, какъ любилъ выражаться историкъ Соловьевъ, мало по малу выдѣляется небольшой кругъ личныхъ помощниковъ князя, его „вольныхъ слугъ“, все еще могущихъ, при случаѣ, и уйти къ сосѣднему князю. Когда одинъ изъ князей—московскій—по-

глощаетъ остальныхъ, вольные слуги переходятъ къ нему на службу: кругъ этихъ „слугъ“ княжескихъ расширяется и русское служилое сословіе пріобрѣтаетъ постоянную осѣдлость. Но и послѣ того, какъ кристаллизовался этотъ второй слой русскаго общества, фундаментъ подъ нимъ продолжаетъ колебаться, вольное крестьянство все еще бродитъ съ одной земли на другую, продолжая оставаться „жидкимъ“ элементомъ русской исторіи. Только, благодаря усиленнымъ совмѣстнымъ стараніямъ правительства и землевладѣльцевъ удается, наконецъ, привести этотъ элементъ въ твердое, въ „крѣпостное“ состояніе. Такимъ образомъ, у насъ государственная власть закрѣпляетъ подъ собой землевладѣльцевъ, землевладѣльцы закрѣпляютъ подъ собой земледѣльцевъ“. (Очерки 1, 125).

Причинъ этого полнаго контраста въ историческомъ развитіи сословій и классовъ, выражающагося въ томъ, что на западѣ общественные классы строились *снизу вверхъ*, а у насъ *сверху внизъ*, г. Милюковъ выставляетъ двѣ.

1) Слабость экономическаго развитія. „Русское государство оказалось сильнѣе русскаго общества потому, что развитіе матеріальныхъ интересовъ не успѣло еще сплотить общество въ прочныя общественныя группы, какія давно сложились на Западѣ, подъ вліяніемъ ожесточенной экономической борьбы.....

Низкій уровень экономическаго развитія достаточно объясняетъ слабость составныхъ элементовъ древней Руси... Но самъ по себѣ онъ не можетъ объяснить, почему надъ сословными элементами, ранѣе, чѣмъ они успѣли развиться, сложилось сильное государство“.

2) Причины образованія сильнаго государства-внѣшнія опасности. „Русская государственная организація сложилась ранѣе, чѣмъ могъ ее создать процессъ этого внутренняго роста самъ по себѣ. Она была вызвана къ жизни внѣшними потребностями, насущными и неотложными потребностями самозащиты и самосохраненія.... Благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ и создалось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ. Вслѣдствіе самой этой скудости, оно должно было напрягать всѣ силы своего населенія: а чтобы распоряжаться всѣми силами его, оно должно было сдѣлаться всемогущимъ“.

Итакъ, слабость экономическаго развитія и постоянная внѣшняя опасность—татары, поляки, шведы, ливонцы—вотъ двѣ причины, по которымъ у насъ государство создавало сословія и классы, тогда какъ на западѣ Европы самостоятельно организовавшіеся классы создавали государство.

Слѣдовательно, если-бы эти причины существовали на Западѣ, то и тамъ государство явилось бы созидательной силой, конструпровавшей несуществующіе до того времени сословія и классы, а не наоборотъ.

Но развѣ этихъ причинъ на самомъ дѣлѣ въ Европѣ не было? Вѣдь феодализмъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ сложился тамъ къ IX—XI вѣку. Но въ это время тамъ преобладалъ такой-же „натуральный“ строй, какъ и у насъ въ удѣльную эпоху. Экономическое развитіе было также слабо: города, какъ крупные торгово-промышленные центры, отсутствовали; отсутствовала и „ожесточенная экономическая борьба“ а потому вовсе не благодаря этой борьбѣ сложились прочныя общественныя группы. Съ другой стороны, развѣ не было въ западной Европѣ сильной внѣшней опасности для любого государства: развѣ гунны, германцы, авары, угры, норманны, мавры не оказывались для государства Европы такими же опасными, какъ наши печенѣги, половцы, татары; развѣ они не сметали царей и царства?..

Очевидно, характеризуя причины различія въ эволюціи классовъ и политическихъ формъ государства, г. Милюковъ просто игнорировалъ историческіе факты. Но если эти причины однородны на Западѣ и у насъ, то должна быть однородна и исторія ихъ развитія. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

А) Организація классовъ и сословій

Г. Милюковъ думаетъ, что въ западной Европѣ сначала организовалось крестьянство, а затѣмъ на немъ былъ „надстроенъ“ второй этажъ—„европейской феодальной аристократіи“. Авторъ не замѣчаетъ самъ, что въ этомъ мѣстѣ онъ употребилъ страдательный залогъ: „былъ надстроенъ“ т. е. феодальная знать не создалась органически сама собой, а ее создала извнѣ какая-то другая сила. Дѣйствительно, феодальные сеньоры не вышли изъ народа, а ихъ посадила на спину народа государственная власть—короли, меровинги и каролинги. Эти короли, подобно нашимъ удѣльнымъ князьямъ, нуждались въ своихъ дружинахъ, въ спеціальномъ военно-служиломъ классѣ. Дружинники, кормившіеся службой на жалованіи, съ ослабленіемъ денежныхъ средствъ у королей, принуждены кормиться отъ земли. „При упадкѣ денежнаго хозяйства не только частнаго, но и государственнаго (послѣ смѣны гегемоніи римлянъ германской) вознаграждать за службу остался лишь одинъ способъ—раздачей земли“ (Карѣевъ „Помѣстье—государство и сословная мо-

нархія среднихъ вѣковъ. стр. 25.) И въ Западной Европѣ и у насъ, только въ разное время, тамъ въ V—IX в.в., у насъ-послѣ Кіевскаго періода, т. е. послѣ XII вѣка, болѣе или менѣе развитое мѣновое хозяйство смѣняется натуральнымъ. И на Западѣ и у насъ къ этому времени становится необходимой организація спеціальнаго, военно-служилаго класса, т. к. массы трудового населенія уже перешли на земледѣліе, требующее осѣдлой жизни, не позволяющее отрываться отъ насиженнаго угла и двигаться въ дальніе безпрестанные походы. Съ другой стороны, благодаря тому, что земледѣліе въ народномъ хозяйствѣ начало играть преобладающую роль, земля пріобрѣла уже извѣстную *цѣнность*. И этой единственной, имѣвшейся у нихъ въ рукахъ цѣнностью короли, императоры, папы, наши князья вознаграждаютъ своихъ вассаловъ и своихъ бояръ. А такъ какъ земля становилась капиталомъ, приносящимъ прибыль только тогда, когда она обрабатывалась крестьянами, то правители передавали своимъ вассаламъ политическія и юридическія права на крестьянъ. Они закрѣпощали сверху крестьянское населеніе юридически, тогда какъ сами феодалы—помѣщики получившіе землю, т. е. источникъ существованія трудовыхъ массъ, закрѣпощали ихъ экономически, посредствомъ взиманія ренты за пользованіе землей и средствами производства. Этотъ процессъ *внѣшней политической* дифференціаціи населенія на два класса: нетрудовыхъ землевладѣльцевъ и на трудовыхъ земледѣльцевъ, причемъ первый классъ частью самъ захватилъ, частью получилъ отъ монарховъ всю или почти всю землю-былъ, въ извѣстное время, всюду во всѣхъ странахъ. „Возникновеніе сначала просто частной собственности на землю, а потомъ и образованіе на этой основѣ крупнаго землевладѣнія—явленіе общее исторіи всѣхъ народовъ и вездѣ играющее важную первостепенную роль въ созиданіи внутреннихъ соціальныхъ отношеній обусловливаемаго ими политическаго строя“ (Карѣевъ Ibid с. 24) „Всѣ страны европейскаго Запада въ VI, VII, VIII, IX и X вѣкѣ переживали ту же самую вторую стадію въ развитіи натуральнаго хозяйства, характеризующуюся преобладаніемъ земледѣлія. Соотвѣтственно этому, шло сосредоточеніе земли въ рукахъ военно-служилаго класса и церковныхъ учрежденій“. (Рожковъ, обзоръ Русской исторіи съ соціолог. точки зрѣнія вып. II стр. 142.)

Итакъ во всѣхъ странахъ, но въ разное время была создана *сверху* надъ трудовой массой надстройка—второй этажъ изъ военно-служилаго класса, превратившагося, благо-

даря „натуральности“ тогдашняго хозяйственнаго строя, въ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. И, подобно тому, какъ сельско-хозяйственная эволюція въ разныхъ странахъ „закономѣрна“ т. е. однородна потому, что ее порождала одна общая причина—возрастаніе населенія, такъ и эволюція распредѣленія земли, организація классовъ и сословій, въ данномъ случаѣ, является во всѣхъ странахъ „закономѣрной“, ибо порождается общими причинами, отчасти политическаго, отчасти экономическаго характера—безпрерывными войнами и отсутствіемъ денежныхъ средствъ у государства.

В. Эволюція формъ государственнаго и общественнаго строя.

Точно также однородна и эволюція этихъ формъ. Община—волость, германская марка—эти первоначальныя общественныя ячейки, какъ теперь уже установлено, почти аналогичны. Первоначальныя государственныя формы на Западѣ носили характеръ племенныхъ организацій, слившихся затѣмъ въ крупныя государства. У насъ въ Кіевскую эпоху племенные и родовые союзы, трансформируясь въ городовыя области, если придерживаться теоріи Ключевскаго, сливаются тоже въ единую „землю русскую“. Вслѣдъ затѣмъ и на Западѣ и у насъ крупныя государства распыляются на рядъ мелкихъ удѣловъ, сеньерій—боярщинъ, по терминологіи г. П. Сильванскаго. Что нашъ удѣльный періодъ аналогиченъ по своимъ политическимъ формамъ средневѣковому феодализму,—это трудно теперь отрицать послѣ работъ названнаго автора[1]).

За феодально-удѣльнымъ періодомъ идетъ періодъ сословной монархіи. Сословная монархія на западѣ появляется въ тотъ моментъ, когда короли начинаютъ брать верхъ надъ феодалами. Феодализмъ *политическій*,—государственныя права феодаловъ начинаютъ сходить со сцены; но остается феодализмъ *соціальный*. Однако и въ политическомъ отношеніи привиллегированное дворянство и духовенство сохраняетъ извѣстное значеніе, которое и выражается въ Европѣ въ разныхъ сеймахъ, генеральныхъ штатахъ, и т. д., а у насъ въ земскихъ соборахъ. „Преобла-

[1]) См. Павловъ-Сильванскій „Закладничество-патронатъ (записки Русскаго Археологическаго О—ва т. IX вып. I и II.) Иммунитетъ въ удѣльной Руси (Ж. М. нар. просвѣщ. 1900 № 12) Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси и т. д.

дающимъ элементомъ средневѣковыхъ сословныхъ сеймовъ была, несомнѣнно, феодальная аристократія, къ которой, до извѣстной степени, слѣдуетъ причислить и представителей духовнаго сословія..... Роль городовъ была второстепенной". (Карѣевъ стр. 305.)

„Сословная монархія и на Западѣ и у насъ смѣняется монархіей *абсолютной*. Дворянство окончательно теряетъ политическія прерогативы, но только по отношенію къ монарху; по отношенію же къ крестьянской массѣ сохраняется большинство политическихъ правъ, а экономическая власть надъ крѣпостнымъ населеніемъ во многихъ государствахъ даже усиливается. „Государственная власть, выросшая на развалинахъ политическаго феодализма, не могла, конечно, терпѣть, чтобы помѣстье было своего рода государствомъ, но она ничего не имѣла противъ того, чтобы помѣщикъ по прежнему оставался господиномъ надъ крестьянами". (Карѣевъ стр. 355.)

„Западно-европейскіе короли особенно охотно брали подъ свою защиту интересы народныхъ массъ лишь тогда, когда искали себѣ союзника въ борьбѣ съ политическими притязаніями знати: но едва только эти притязанія прекращались, едва дворянство политически смирялось, въ особенности же когда оно обращалось въ придворную знать, (что и произошло во всѣхъ абсолютныхъ монархіяхъ Европы и Россіи въ XVIII и началѣ XIX в. Н. О.) вся сила государства направлялась на поддержку ихъ правъ и привилегій *соціальнаго* характера..... Вся задача королевской политики заключалась въ томъ, чтобы всѣ сословія удержать въ одинаковомъ повиновеніи и повиновеніе самаго сильнаго и опаснаго изъ нихъ покупать, помогая ему держать въ повиновеніи крестьянскую массу, живущую на его, этого сословія земляхъ" (Ibid с. 362).

Такимъ образомъ, въ эпоху абсолютныхъ монархій уничтожался политическій феодализмъ, но сохранился и даже усилился феодализмъ *соціальный*, власть дворянъ надъ крестьянами, какъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ къ этому времени крѣпостное право достигло своего развитія въ Пруссіи, Австріи и Россіи, такъ и въ тѣхъ, гдѣ оно уже почти исчезло, напримѣръ во Франціи. При раскрѣпощеніи, очень часто вся перемѣна отношеній заключалась въ томъ, что крестьянскія повинности переводились, такъ сказать, съ лица на землю, и освобожденный отъ крѣпостной зависимости крестьянинъ, въ сущности, продолжалъ платить не

менѣе того, что ему приходилось платить въ состояніи серважа.

Наконецъ, въ настоящую эпоху, послѣ политическихъ бурь, разрушается соціальный феодализмъ и абсолютная монархія, дающіе мѣсто *конституціонному государству*.

Итакъ, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, для большинства крупныхъ европейскихъ странъ общую послѣдовательную смѣну государственныхъ формъ.

Племенныя и городовыя области сливаются въ крупныя но неустойчивыя государства; эти государства скоро распадаются на рядъ удѣловъ-сеньерій. Путемъ борьбы происходитъ собираніе этихъ мелкихъ ячеекъ въ крупныя государственныя тѣла—феодализмъ смѣняется сословной монархіей, въ которой еще борятся двѣ силы: центростремительная и центробѣжная. Первая сила побѣждаетъ—создается абсолютная монархія, основанная на компромиссѣ между королевской властью и господствующимъ сословнымъ дворянствомъ...

Но этотъ компромиссъ всею тяжестью падаетъ на народныя массы. Когда происходитъ быстрое возрастаніе населенія —массы уже не могутъ выдержать этого давленія; вспыхиваютъ взрывы революцій, въ результатѣ которыхъ получается новый компромиссъ власти, но уже не съ господствующимъ сословіемъ, а съ народными массами—компромиссъ именуемый конституціоннымъ государствомъ.

Мы не будемъ останавливаться на причинахъ этой „закономѣрности“ смѣны государственныхъ формъ, т. к. онѣ относятся къ политической исторіи, мы же здѣсь изучаемъ одну часть экономической исторіи нашей страны. Намъ важно было пока констатировать самое существованіе этой закономѣрности. Ибо, разъ и политическая исторія разныхъ странъ, въ общихъ чертахъ, однородна, то мы не можемъ отрицать, что эволюція распредѣленія земли въ Россіи должна быть такой же закономѣрной, какъ и эволюція сельскохозяйственнаго производства.

Но, повторяемъ, эта закономѣрность носитъ, понятно, самый общій характеръ. Эволюція соціальныхъ классовъ, государственныхъ формъ, и зависящая отъ нихъ эволюція распредѣленія земли, такъ же какъ и развитіе производства въ каждой странѣ, происходятъ на фонѣ совершенно своеобразныхъ „самобытныхъ“ природныхъ, экономическихъ и соціально-политическихъ условій. И, прежде чѣмъ перейти къ конкретному изложенію земельной исторіи Россіи, мы считаемъ необходимымъ остановить вниманіе читателей на наиболѣе характерныхъ контурахъ этого „самобытнаго“ фона.

§ 3. Отличительные факторы сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи.

Какъ мы говорили, факторы сельско-хозяйственнаго производства дѣлятся на природные и на факторы воздѣйствія человѣка на природу. Изъ природныхъ факторовъ наше вниманіе обращаютъ прежде всего формы поверхности и почвы. Первая особенность поверхности европейской Россіи, бросающаяся въ глаза каждому туристу—это однообразіе безконечной равнины. „Даже въ Азіи, среди ея громадныхъ сплошныхъ пространствъ одинаковой формаціи, говоритъ Ключевскій, наша равнина заняла бы не послѣднее мѣсто. Иранское плоскогорье, напримѣръ, почти вдвое меньше ея“ (Курсъ русской исторіи I, стр. 45.) Равнинность Европейской Россіи явилась результатомъ ледниковаго періода въ ея геологической исторіи. Два раза поверхность почти всей равнины покрывалась моремъ, а къ началу четвертичнаго періода одѣлась сплошнымъ ледникомъ, покрывавшимъ всю сѣверную и среднюю Россію, вплоть до Орловской и Курской губерній и вдававшимся двумя широкими языками на югъ, охватывая Малороссію и часть среднечерноземнаго раіона (Кіевскую, Черниговскую, Полтавскую, Тамбовскую, Воронежскую и часть Саратовской губерній.) Въ то же время юго-востокъ Россіи покрывало море, соединявшее нѣкогда въ Арало-Каспійской впадинѣ нынѣшнія Аральское, Каспійское и Черное моря.

Моря и ледники создали современную ровную поверхность Россіи. Ледникъ исчезъ лишь во второй половинѣ четвертичнаго періода, и это обстоятельство задержало у насъ появленіе человѣка, жившаго въ Европѣ, начиная съ третичной эпохи.

Вслѣдъ за исчезновеніемъ ледниковъ, сырая, болотистая и озерная поверхность сѣверной половины равнины покрывается дремучими лѣсами. Но болѣе сухая, южная часть остается степью, составляющей, какъ полагаетъ Докучаевъ, неразрывную часть того великаго степного пояса, который кольцомъ сплошь одѣваетъ сѣверное полушаріе и въ составъ которавходятъ венгерскія и придунайскія пусты, испанскіе десьертосы, европейскія и азіатскія степи, и, наконецъ, американскія преріи.[1])

Такимъ образомъ, къ началу исторической эпохи, на безконечной равнинѣ, отдѣленной отъ Азіи на сѣверѣ

[1]) Докучаевъ. „Наши степи прежде и теперь“.

Уральскими горами, а на югѣ, послѣ высыханія моря, открытой знаменитыми каспійскими воротами, господствовали на сѣверѣ лѣса, на югѣ степи. Между степной и лѣсной полосой проходила по средней Россіи полоса лѣсо-степи, или иначе луговая полоса. Различіе въ растительности, кромѣ различія во влажности, было порождено и само служило причиной разницы въ качествѣ почвы. Въ Россіи существуютъ три главныхъ вида почвъ, соотвѣтствующихъ растительнымъ полосамъ: въ лѣсной, иначе нечерноземной полосѣ преобладаютъ дерново-подзолистыя почвы (супесчаныя и суглинистыя). Соотвѣтствующая лѣсо-степной полоса такъ называемыхъ лѣсныхъ суглинковъ, составляетъ переходъ отъ подзолистыхъ почвъ къ чернозему и наконецъ, идетъ степная черноземная полоса, занимающая громадную площадь въ 100 милліоновъ десятинъ.. Но очень долго, до XVI вѣка русское земледѣльческое населеніе почти не соприкасалось съ черноземной полосой, составляющей одну изъ главныхъ особенностей почвенныхъ условій сельскаго хозяйства въ Россіи. Что же касается до подзолистыхъ почвъ, то онѣ распространены во влажныхъ и равнинныхъ мѣстностяхъ сѣвернаго полушарія: въ сѣверной Германіи, Даніи, Голландіи и на сѣверѣ Франціи.

Кромѣ общей равнинности степей и черноземной почвы на югѣ, наши природныя условія отличаются еще характерными особенностями русскихъ рѣкъ.

За 4½ вѣка до христіанской эры Геродотъ, „описывая Скифію, т. е. южную Россію, замѣчаетъ что въ этой странѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разносторонняго, глубокаго и вмѣстѣ столь замѣтнаго дѣйствія на жизнь нашего народа, какъ эта рѣчная сѣть европейской Россіи“. (Ключевскій. Курсъ рус. ист. I, стр. 58.)

Рѣки Россіи во многомъ отличны отъ европейскихъ: онѣ берутъ начало, преимущественно, въ одномъ раіонѣ, въ западной части средне-русской возвышенности, изъ болотъ и лѣсовъ—остатковъ ледниковаго періода, а не изъ горъ. Благодаря этому, онѣ отличаются малымъ теченіемъ, полноводностью; протекая по одному меридіональному направленію, по рыхлому грунту, онѣ легко размываютъ его и дѣлаютъ многочисленные извивы. Наконецъ, вытекая изъ одной плоской мѣстности, ихъ истоки близко стоятъ другъ отъ друга, что позволяло въ древнія времена переволакивать небольшія суда изъ одного бассейна въ другой, а въ позднѣйшія—соединять ихъ каналами.

Равнинность громадной Европейской Россіи, окаймленной сравнительно незначительной береговой линіей, создала и однообразіе климата: „изъ всѣхъ обширныхъ пространствъ, вдали отъ моря, и внѣ тропиковъ, нигдѣ температура такъ медленно не убываетъ, съ юга на сѣверъ, какъ въ Европейской Россіи“. (Брокг. т. 54, ст. „Россія“ стр. 23.)

Внутри Россіи нѣтъ горъ, которыя могли бы задерживать облака, идущія съ моря, или вѣтры, дующіе изъ Азіи. Годовыя изотермы колеблются лишь въ предѣлахъ отъ 2 до 10 градусовъ тепла: Іюльскія отъ 12 до 25, Январьскія отъ 18 до 0. Вездѣ климатъ болѣе или менѣе континентальный и лѣтомъ бываютъ жарко, а зимой землю покрываетъ снѣгъ и рѣки замерзаютъ. Количество осадковъ (дождя и снѣга) тоже не даетъ рѣзкихъ контрастовъ. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ климатъ суше, разница между зимой и лѣтомъ больше; и въ то время, какъ линіи одинаковыхъ январьскихъ температуръ на картѣ поднимаются вверхъ (къ сѣверу) по направленію съ востока на западъ, линіи іюльскихъ опускаются (къ югу) въ томъ же направленіи; и въ общемъ, климатическая разница востока и запада едва-ли не больше таковой же разницы сѣвера и юга. Но въ срединныхъ областяхъ Россіи, если отбросить юго-восточныя степи и крайній сѣверъ, климатъ не даетъ какихъ либо рѣзкихъ колебаній. А. въ этихъ областяхъ протекли главные моменты нашей исторіи....

Вотъ главныя природныя особенности Европейской Россіи; однообразная равнинная поверхность, степи на югѣ, открытыя каспійскими воротами для широкихъ потоковъ азіатскихъ ордъ, полноводныя рѣки, медленно, многочисленными извилинами текущія по равнинѣ на протяженіи многихъ тысячъ верстъ съ сѣвера на югъ и сближенныя въ своихъ истокахъ на „волокахъ“ и, наконецъ, однообразіе климата.

Однообразіе поверхности и однообразіе климата не могли не оказать на исторію Россіи громаднаго вліянія: это однообразіе, вмѣстѣ съ многоводными рѣками, облегчало колонизацію, облегчало массовыя передвиженія изъ одного раіона въ другой и, затѣмъ, сліяніе этихъ раіоновъ въ одно могучее политическое тѣло. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будь наши равнины раздѣлены непроходимыми горными хребтами, наша исторія имѣла бы другой видъ.

Въ каждой ячейкѣ, раздѣленной такими хребтами, сложились бы разныя племена, разныя народности. Разнообразіе климатическихъ условій создало бы коренныя отличія въ самомъ характерѣ народнаго производства; и, во

всякомъ случаѣ, въ такой относительно быстрый промежутокъ времени, какой мы имѣемъ въ исторіи Россіи, не образовалось бы единаго русскаго народа. Гдѣ всѣ эти безчисленныя финскія племена, гдѣ наши радимичи, вятичи, древляне, сѣверяне и т. д.? Ихъ нѣтъ: они ассимилировались легко и быстро въ одно великорусское племя, не смотря на то, что великороссы вовсе не отличались высокой степенью культурности. Легкость ассимиляціи разныхъ племенъ и народностей объясняется именно легкостью разселенія, благодаря которой всѣ эти племена и народности быстро перемѣшивались между собой. Соловьевъ говоритъ, что „племена исчезаютъ въ Россіи съ самаго начала; а въ исторіи Германіи мы постоянно встрѣчаемся съ саксонцами, турингами, франконцами, швабами". „Особность, самостоятельность и сила племенъ были причиной того, что государственное единство Германіи стало невозможнымъ". (Исторія Россіи т. XIII стр. 8.)

Легкость разселенія отражалась и отражается на *нивеллировкѣ системъ сельскаго хозяйства*. Двигаясь сначала съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а съ XVI вѣка—съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ, русское земледѣльческое населеніе быстро проходило въ каждомъ раіонѣ неизбѣжные фазисы сельскаго-хозяйства, и, напримѣръ, бывшія еще 100 лѣтъ назадъ безлюдными новороссійскія степи, теперь у крестьянъ распаханы даже дальше предѣловъ, возможныхъ при экстенсивномъ трехпольи

Такимъ образомъ, однообразіе природныхъ условій создало возможность легкаго разселенія, а легкое разселеніе создало и продолжаетъ создавать быструю нивеллировку сельско-хозяйственнаго производства. Какъ только историческія условія становятся болѣе или менѣе благопріятными для разселенія, оно происходитъ съ невѣроятной быстротой. Такъ, сразу паденіе Казанскаго и Астраханскаго царствъ и освобожденіе отъ крѣпостного права дали толчекъ назрѣвшимъ потребностямъ трудовыхъ массъ въ переселеніи, и въ настоящее время уже населенность различныхъ раіоновъ Европейской Россіи въ значительной степени нивеллирована, какъ показываютъ слѣдующія данныя плотности населенія, заимствованныя у г. Милюкова. (Очерки I. 31.)

Плотность населенія (на 1 кв. версту человѣкъ).

	1678 г.	1858 г.	1897 г.
Центръ	39,1	39,4	52,9.
Юго-западъ . .	11,4	40,8	57,5.
Западъ	9,6	26,0	35,3.

	1678 г.	1858 г.	1897 г.
Сѣверо-западъ .	8,7	14,7	21,2.
Югъ	4,5	32,1	43,9.
Юго-Востокъ . .	2,2	19,8	29,3.

Въ то время, какъ въ 1678 году максимумъ плотности населенія (въ центрѣ) превышалъ минимумъ (на юго-востокѣ) въ 18 разъ, теперь разница между населенностью различныхъ раіоновъ не больше, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза.

При легкости колонизаціи по равнинамъ, надо бы было ожидать, что русское населеніе сначала двинется въ степь, гдѣ природныя условія были болѣе благопріятны. Но существованіе степи и явилось причиной того политическаго фактора, который надолго повернулъ колонизацію Россіи въ другую сторону—въ дремучіе лѣса и болота нечерноземной полосы.

Степь, открытая со стороны Азіи, ничѣмъ не отличалась отъ среднеазіатскихъ степей,—была даже удобнѣе для кочеванія и азіатскіе кочевники чувствовали себя въ ней, какъ рыба въ водѣ.

Вотъ почему, съ самаго начала нашей исторіи орда за ордой проходятъ каспійскія ворота и осѣдаютъ въ нашей степи, на такой срокъ, на какой позволяютъ историческія обстоятельства. Долгая мучительная борьба со степными кочевниками, борьба, не разъ потрясавшая до основанія всю экономическую жизнь русскаго народа—вотъ первоначальный результатъ существованія этихъ безбрежныхъ, плодоносныхъ „морей земли“ на югѣ Россіи. И опять приходится сказать, что если бы на мѣстѣ открытаго прохода изъ Азіи въ Европу стояли непроходимыя горы,—исторія Россіи имѣла бы совсѣмъ другой видъ.

Итакъ, двѣ специфическія природныя особенности Россіи—однообразіе поверхности, климата и существованіе степей оказали весьма значительное вліяніе на экономическую, политическую и соціальную исторію Россіи. Можетъ быть, благодаря земельному простору, благодаря возможности постоянной колонизаціи, въ Россіи мы встрѣчаемъ еще одну особенность, которая относится къ главному внѣшнему фактору воздѣйствія человѣка на природу—именно, *убыстренный ростъ населенія.*

Милюковъ находитъ, „что въ Россіи, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, самый быстрый ростъ, какой мы знаемъ“. (Очерки I, стр. 24.)

Соединенные Штаты—тоже страна безпрерывной колонизаціи. Но населеніе Штатовъ не знало ни упорной, вѣковой борьбы съ сильными внѣшними врагами, ни крѣпостного

права, ни голодовокъ и мора, ни гнета тяжелыхъ податей, словомъ не знало тѣхъ историческихъ факторовъ, знакомыхъ Европѣ и Россіи, которые и тутъ и тамъ постоянно задерживали естественный ростъ населенія. Наоборотъ, кромѣ несдерживаемаго перечисленными причинами свободнаго естественнаго прироста, Соединенные Штаты за 87 лѣтъ (1821—1899) получили извнѣ притокъ въ 19 милліоновъ человѣкъ эмигрантовъ[1]). Благодаря этому двойному приросту, населеніе Штатовъ увеличилось за 100 лѣтъ въ 16 разъ. Въ Россіи, за 43 года все населеніе увеличилось въ 10 разъ (съ 13 милліоновъ въ 1724 г. до 126 мил. въ 1897 году.) Часть этого прироста явилась въ результатѣ присоединенія западныхъ густо населенныхъ областей. Но, если даже къ Петровской Руси прибавить пришлое (не туземное) населеніе Новороссіи и средней Азіи, то все-таки мы найдемъ у насъ за это время увеличеніе населенія почти въ 6 разъ (до 74 мил.), какого ни одна европейская страна за тотъ же періодъ не знала. И этотъ быстрый приростъ явился однимъ изъ самыхъ главныхъ экономическихъ стимуловъ для разселенія послѣдней эпохи—послѣ ликвидаціи крѣпостного права. Разселеніе предыдущихъ эпохъ вызывалось не столько экономическими, сколько политическими причинами. Такимъ образомъ, и природные факторы и основной факторъ сельско-хозяйственной эволюціи въ Россіи въ значительной мѣрѣ „самобытны“, что и должно было создать извѣстные оттѣнки своеобразности въ ходѣ русской эволюціи сельскохозяйственнаго производства.

§ 4. Отличительные факторы эволюціи распредѣленія. Дѣленіе исторіи Россіи на періоды.

Своеобразныя черты политической исторіи Россіи, а вмѣстѣ съ ней и эволюціи распредѣленія земли зависятъ, прежде всего, отъ перечисленныхъ природныхъ факторовъ, изъ которыхъ главные—*однообразіе* поверхности, климата и хорошіе естественные пути сообщенія—большія многоводныя рѣки. Это-то однообразіе, въ связи съ пустынностью необъятныхъ пространствъ равнины, и позволяло, какъ мы уже сказали, русскому народу переселяться и разселяться по лицу земли Русской, какъ только появлялась въ томъ крайняя необходимость. Конечно, нельзя считать подвижность русскаго населенія его „самобытной“ чертой, какъ это счи-

[1]) Замѣчательно, что естественный приростъ въ Россіи и Соед. Штат. почти одинаковъ: 1,43% въ Россіи, 1,41% въ Соедин. Штатахъ.

таютъ Соловьевъ, Ключевскій, отчасти Милюковъ и др. „Нѣтъ прочныхъ жилищъ, говоритъ Соловьевъ, съ которыми бы тяжело было разставаться, въ которыхъ бы обжились цѣлымъ поколѣніемъ; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра—и вмѣсто нихъ куча пепла. Построить новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала; отсюда, съ такой легкостью русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село; уходилъ отъ татарина, отъ Литвы, уходилъ отъ тяжелой подати, отъ дурного воеводы или подъячаго; брести розно было нипочемъ". (Истор. Россіи т. XIII.)

Какъ справедливо замѣчаетъ г. Сильванскій „рѣзко противуполагая бродячую Русь осѣдлому Западу, Соловьевъ, съ одной стороны преувеличилъ до фантастическихъ размѣровъ подвижность древней Руси, бродяжничество ея населенія.....съ другой стороны, въ отношеніи западнаго средневѣковья, крайне преувеличилъ, перенеся черты позднѣйшей эпохи на болѣе раннюю, осѣдлость населенія, „прочность, опредѣленность" отношеній на Западѣ въ средніе вѣка" (Феодализмъ др. Руси стр. 15.)

Словомъ, въ дѣйствительности, русскіе далеко не всегда были такъ крайне подвижны, а европейцы далеко не такъ осѣдлы, какъ представляли себѣ наши авторитетные историки.

Но всетаки, извѣстная доля истины въ этой антитезѣ Россіи и Запада есть. Вѣдь, почти на нашихъ глазахъ, такой бродячестью отличался и культурный американскій фермеръ. Какъ только ему „не почаспилось" на данномъ мѣстѣ, онъ искалъ себѣ другого. Въ Европѣ, какъ говоритъ Милюковъ „передвиженіе этнографическихъ массъ улеглось въ общихъ чертахъ къ VIII—IX вѣкамъ; такимъ образомъ, Европа усѣлась на мѣстѣ къ тому времени, когда только что началась наша исторія" (Очерки I стр. 52). Въ послѣдующія эпохи наша исторія знала такія массовыя переселенія, какъ изъ Кіевской Руси въ средне-волжское междурѣчье въ XII—XIII в. в.; какъ передвиженіе милліоновъ изъ центральнаго Замосковья и Новгородской области на югъ и на востокъ въ XVI—XVII в.в. и, наконецъ, послѣднее, еще не выясненное въ литературѣ разселеніе—послѣ ликвидаціи крѣпостного права. Въ Европѣ, послѣ начала феодализма такихъ массовыхъ передвиженій населенія не было [1]). Но отсутствіе этихъ передвиженій объясняется вовсе не привычкой европейцевъ къ осѣдлости, также, какъ причина ихъ въ Россіи

[1]) Кромѣ крестовыхъ походовъ, которые, впрочемъ, захватили, относительно небольшую часть населенія.

лежитъ не въ бродяжествѣ, свойственномъ русскому характеру. Г. Соловьевъ самъ отмѣтилъ, почему уходитъ русскій человѣкъ: „онъ уходитъ отъ татарина, отъ литвы, отъ тяжелой подати, отъ дурного воеводы“, прибавимъ, еще отъ злого барина, а въ послѣднее время—отъ земельной тѣсноты. Это все причины весьма и весьма уважительныя; ради нихъ, дѣйствительно можно было съ отчаянія бросить насиженное гнѣздо, разрушить хозяйство, которое складывалось, быть можетъ, десятки лѣтъ.

Но развѣ подобныхъ причинъ для ухода въ Европѣ не было? Конечно, были, но все дѣло въ томъ, что европейскому мужику уйти было некуда: кругомъ все было занято, вездѣ сидѣли такіе же злые сеньеры, бароны и такъ-же грабили, такъ-же судили судомъ неправеднымъ. А нашъ мужикъ зналъ, что за Окой на Дону, на низовомъ поволжьи и т. д. есть мѣста, гдѣ ни бояринъ, ни подъячій его не достанутъ. Въ этомъ обиліи пустынныхъ и удобныхъ земель и заключалась коренная разница между Европой и Россіей; это обиліе и давало возможность массовыхъ переселеній.

Но самый фактъ переселеній, даже самая возможность ихъ должны были отражаться и дѣйствительно отражались на отношеніяхъ между крупнымъ землевладѣльцемъ и крестьяниномъ.

Эти отношенія, отношенія не только капиталиста къ пролетарію, хозяина къ батраку или арендатору, но и повелителя къ подданному—отличались у насъ отъ европейскихъ не столько по своимъ формамъ—формы были, какъ указываетъ г. П. Сильванскій, болѣе или менѣе сходными, сколько по *степени* угнетенія сильными землевладѣльцами слабыхъ крестьянъ. Съ другой стороны, не имѣя твердой почвы подъ ногами въ видѣ виллановъ, которымъ „некуда податься“ наши „сеньеры“ никогда не являлись такими всесильными, такими самостоятельными по отношенію къ монархамъ. Словомъ, феодализмъ у насъ несомнѣнно существовалъ, но, какъ говоритъ Милюковъ *„у насъ феодальный бытъ былъ слабѣе“*. Слабость, вѣрнѣе сказать, недоразвитость нашего феодализма выразилась въ томъ, что наши бояре въ удѣльную эпоху не дошли до политическаго суверенитета: они не стали тѣми маленькими монархами, какими были сеньеры въ Европѣ.

„Существеннымъ моментомъ въ развитіи феодализма является переходъ отъ феодализаціи недвижимой собственности къ феодализаціи власти. Этотъ переходъ завершился на Западѣ къ XIII вѣку и охватилъ собою всѣхъ болѣе или ме-

нѣе крупныхъ феодаловъ. У насъ... ни одинъ бояринъ-вассалъ не сталъ суверенным или полусуверенным владѣльцемъ и „окняженіе“ земли предупредило ея „обояреніе“. (Тарановскій, Феодализмъ въ Россіи.—Вар. Универ. изв. 1902 г. № 4). Но и суверенные, удѣльные князья и князьки, разросшіеся въ многолюдное племя отъ единаго ствола Рюрика, были тоже политически слабы и одинъ за другимъ поглощались московскими князьями съ небывалой на Западѣ легкостью. Очевидно, и они не могли закрѣпить подъ собой и опереться на трудовое населеніе, ускользавшее отъ ихъ власти, въ случаѣ сильнаго нажима.

Эта слабость политической власти, политическаго феодализма отразилась и на судьбахъ крестьянской общины. Павловъ-Сильванскій, сближая нашу средневѣковую общину-волость съ германской маркой, конечно правъ. Подобно тому, какъ „члены марковой общины владѣли землей на правѣ частной собственности, но съ частнымъ землевладѣніемъ соединялось землевладѣніе общинное“, общими лѣсами, лугами, выгонами и пустующими участками, тѣмъ, что и до сихъ поръ называется альмендой—точно также и наши „волощане владѣли усадебной землей, какъ собственностью съ правомъ распоряженія“. И въ тоже время „значительная часть угодій состояла въ общинномъ владѣніи и пользованіи наравнѣ съ германской альмендой“! И въ Европѣ и въ Россіи служилые землевладѣльцы и монастыри поглотили крестьянскія земли. Но на западѣ захватъ земель привелъ къ постепенному уничтоженію всѣхъ общинныхъ порядковъ,—у насъ крестьянство сохранило болѣе или менѣе самостоятельныя формы землевладѣнія и, подъ вліяніемъ сгущенія населенія, съ теченіемъ вѣковъ превратило древнія захватныя формы въ уравнительно-передѣльный механизмъ

Такимъ образомъ, вся разница между соціально политической исторіей Европы и Россіи, въ данномъ случаѣ, сводится къ тому, что въ Европѣ феодалъ былъ сильнѣе, а крестьянинъ былъ беззащитнѣе т. к. ему „некуда было податься“, т. е. разница была *въ оттѣнкахъ*, *а не по существу*. Слабость нашего феодала, отчасти, вѣроятно, зависѣла и отъ другихъ природныхъ факторовъ.

Какъ говоритъ Соловьевъ „на Западѣ горы—камень, по древне-русскому выраженію, на востокѣ лѣсъ и поле. Въ камнѣ свили свои гнѣзда западные мужи и оттуда владѣли мужиками; камень давалъ имъ независимость“.

Сравнительная свобода внутреннихъ отношеній крестьянскаго населенія происходила и отъ того, что въ Россіи не было *внѣшняго военнаго захвата земель*. Единственное,

почти, трехвѣковое завоеваніе Россіи татарами не касалось земли [1]): татары, на счастье русскаго народа, были кочевниками. Вотъ почему, съ цѣлью взиманія дани, они дѣлаютъ перепись населенія, тогда какъ Вильгельмъ Завоеватель, покоривши Англію, производитъ первый земельный кадастръ и раздаетъ земли своимъ дружинникамъ. Тѣ перевороты, которые въ распредѣленіи земли производило въ Европѣ завоеваніе германскими племенами территорій, населенныхъ кельтами и римлянами, незнакомы Россіи, т. к. кочевники, завоевывавшіе Россію, землей не интересовались.

Кочевникамъ, въ силу ихъ быта, незнакома идея землевладѣнія, тѣмъ болѣе,—частнаго землевладѣнія. Въ Россіи не было того основного политическаго фактора эволюціи распредѣленія земли, о которомъ мы говорили въ первой части нашего труда—военнаго завоеванія страны осѣдлымъ племенемъ. Это военное завоеваніе тамъ, гдѣ оно было въ Европѣ, производило глубокія пертурбаціи въ землевладѣніи туземнаго населенія; оно окончательно раскалывало уже разслоенное населеніе и создавало, во вполнѣ законченномъ видѣ, классъ нетрудовыхъ землевладѣльцевъ-феодаловъ.

Въ Россіи этому внѣшнему завоеванію отчасти соотвѣтствуетъ московское собираніе удѣльной Руси. Но все-таки, москвичи были единоплеменниками населенія завоеванныхъ областей и рѣзкія измѣненія, которыя они производили въ землевладѣніи, касались лишь верховъ туземной знати, но сравнительно мало задѣвали крестьянское населеніе; за то другой политическій факторъ—*раздача земель* господствующимъ классамъ, въ исторіи нашего землевладѣнія игралъ едва ли не большую роль, чѣмъ на Западѣ Европы. Онъ, какъ и всюду, подготовилъ почву для окончательной дифференціаціи массы на два антагоническихъ класса: трудовыхъ земледѣльцевъ и нетрудовыхъ землевладѣльцевъ. Разслоивши населеніе, отдавши землю въ руки служилыхъ помѣщиковъ, московское правительство, такимъ образомъ, отдало въ ихъ руки и крестьянъ, что и привело къ закрѣпощенію этихъ послѣднихъ...

Въ общемъ итогѣ, несмотря на нѣкоторыя „самобытныя“ черты въ нашей политической исторіи, эволюція распредѣленія земли переживаетъ тѣ же три фазиса, что и въ Европѣ: первоначальную, внутреннюю „органическую“ дифференціацію (захватный періодъ общины, мелко-родовой бытъ) и внѣшнюю политическую дифференціацію, которая у насъ вырази-

[1]) Предыдущія болѣе слабыя завоеванія, какъ Хазаровъ или темная исторія Варяжскаго „призванія“ тоже къ землѣ отношеній не имѣли.

лась не въ завоеваніи, а въ раздачѣ земель господствующимъ классамъ, но имѣла тотъ же результатъ—окончательное разслоеніе населенія и полную экспропріацію земли въ пользу землевладѣльцевъ. Когда населеніе сгустилось до того, что стало голодать, начался и у насъ третій фазисъ *борьбы за землю*, которая идетъ и по сю пору...

Итакъ „самобытность“ исторіи Россіи и въ сферѣ производства и въ сферѣ распредѣленія больше всего выражалась, въ концѣ концовъ, въ *неограниченномъ просторѣ земель* и въ постепенной ихъ колонизаціи. Въ силу этой то „самобытности“ исторія Россіи обыкновенно дѣлится не на три періода, соотвѣтствующіе тремъ фазисамъ эволюціи производства и распредѣленія, а на *пять*.

Первый періодъ—Кіевской Руси, у которой, по словамъ Милюкова „были совсѣмъ другія условія историческаго развитія“, являлся ничѣмъ инымъ, какъ колонизаціоннымъ этапомъ. Если бы не было нашествія кочевниковъ,—этотъ колонизаціонный этапъ превратился бы въ постоянное мѣстожительство русскаго народа, т. к. природныя условія здѣсь, во всякомъ случаѣ, были болѣе благопріятны, чѣмъ въ сѣверо-восточной Руси. Но внѣшнія событія повернули русское населеніе и русскую исторію вмѣсто юга и Византіи, къ которымъ она уже тяготѣла, на сѣверъ къ финнамъ, и кіевскій періодъ остался своеобразнымъ памятникомъ, указывающимъ, какъ увидимъ дальше, насколько ошибочны шаблонныя представленія о натуральномъ и мѣновомъ строѣ.

Кіевскій періодъ—періодъ первоначальнаго осѣданія восточныхъ славянъ на нашей территоріи, съ точки зрѣнія эволюціи сельско-хозяйственнаго производства, является фазисомъ доземледѣльческаго—звѣроловнаго хозяйства, въ которое постепенно врастаетъ самое экстенсивное переложное земледѣліе. Съ точки зрѣнія эволюціи распредѣленія Кіевскій періодъ есть періодъ первоначальной дифференціаціи и накопленія *движимыхъ* капиталовъ въ рукахъ господствующихъ классовъ.

Наконецъ, въ отношеніи государственныхъ формъ, Кіевскій періодъ представлялъ разрушеніе первоначальныхъ племенныхъ организацій, и сліяніе ставшихъ на ихъ мѣсто организацій иного типа (по Ключевскому—городовыхъ областей) въ одно рыхлое политическое тѣло, такое же неустойчивое, какъ и западныя монархіи меровинговъ и каролинговъ.

Второй періодъ, главная исторія котораго происходила въ раіонѣ междурѣчья Оки и Волги—удѣльный. Въ этомъ періодѣ земледѣліе беретъ окончательный верхъ надъ звѣ-

роловнымъ хозяйствомъ, а въ самомъ земледѣліи трехполье постепенно замѣняетъ переложную систему и къ концу періода выдвигается на первый планъ.

Въ сферѣ распредѣленія господствующіе классы переходятъ отъ захвата движимости къ *земельному* захвату, т. к. земля, съ развитіемъ хлѣбопашества, стала пріобрѣтать цѣнность. По государственнымъ формамъ, этотъ періодъ схожъ съ западно-европейскимъ феодальнымъ бытомъ.

Третій періодъ-Русь московская, какъ ее называетъ Ключевскій царско-боярская, военно-землевладѣльческая. Въ этомъ періодѣ начинается *обратное* массовое движеніе населенія на югъ и на юго-востокъ. Поэтому, эволюція земледѣлія въ старыхъ центральныхъ областяхъ на нѣкоторое время не только останавливается, но даже даетъ попятный ходъ. За то земледѣліе быстро растекается широкимъ пятномъ по вновь колонизованнымъ территоріямъ степи, Поволжья и Прикамья. Такимъ образомъ, это—періодъ развитія сельскаго хозяйства не вглубь, а вширь—періодъ „разсѣянія" земледѣлія. Въ распредѣленіи земли мы видимъ здѣсь окончательную ликвидацію крестьянскаго землевладѣнія посредствомъ раздачи земель сверху господствующему военно-служилому классу. Благодаря этому, уже вполнѣ отграничиваются, обособляются два антагонистическихъ класса—трудовыхъ земледѣльцевъ и нетрудовыхъ землевладѣльцевъ. Они превращаются въ замкнутыя сословія, и второе сословіе не только экспропріируетъ всю землю, но и закрѣпощаетъ личность самихъ крестьянъ. Государственная форма этого періода—сословная монархія.

Четвертый періодъ „императорскій—дворянскій". Колонизація подвигается еще дальше въ томъ-же направленіи. Но, относительно (если брать сумму передвигающагося населенія и сравнивать ее съ суммой остающагося) она не такъ интенсивна, какъ предыдущая; центральныя области московской колонизаціи не дѣлаются запустѣлыми, и въ нихъ происходитъ развитіе трехполья. Во вновь заселенномъ колонизаціонномъ поясѣ—Новороссіи и нижняго Поволжья развивается залежная система. По распредѣленію земли этотъ періодъ есть періодъ созданія *крупнаго землевладѣнія*, за которымъ къ началу XIX вѣка идетъ развитіе крупнаго товарнаго хозяйства помѣщиковъ. Здѣсь, какъ и въ Европѣ, происходитъ концентрація крупнаго землевладѣнія, отчасти на почвѣ фаворитизма, свойственнаго всѣмъ абсолютнымъ монархіямъ, т. е. какъ разъ при той государственной формѣ, которую переживала наша исторія въ этотъ періодъ.

Наконецъ, пятый и послѣдній періодъ, который мы переживаемъ и по сію пору—есть эпоха *паденія* трехполья дошедшаго до своего конца въ центральныхъ раіонахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ областяхъ наиболѣе старой культуры приблизительно, по направленію съ запада на востокъ, идетъ вытѣсненіе трехполья многопольнымъ сѣвооборотомъ. Россія начинаетъ вступать въ интенсивный фазисъ сельскаго хозяйства. Этому фазису и въ Еьропѣ и у насъ предшествуетъ періодъ политической борьбы за землю. Во время этой борьбы исчезаютъ сословныя перегородки, остаются лишь экономическіе классы. Экономическая борьба за землю между этими классами продолжается; въ общемъ, и политическія и экономическія формы борьбы сопровождаются побѣдой мелкаго трудового хозяйства надъ нетрудовымъ капиталистическимъ, ибо послѣднее менѣе приспособлено къ интенсивному фазису сельскаго хозяйства. Въ отношеніи государственныхъ формъ абсолютная монархія смѣняется конституціоннымъ типомъ.

Вотъ основныя черты всѣхъ пяти періодовъ въ эволюціи производства, распредѣленія и политическихъ формъ. Какъ мы сказали, исторія Россіи осложняется тѣмъ, что она является и исторіей колонизаціи незаселенныхъ пространствъ. Сначала, наши предки заселяютъ. Приднѣпровье, потомъ бросаютъ его и переходятъ въ Московскую область. Отсюда, начиная съ третьяго періода, они двигаются на Юго-Востокъ и области, заселенныя въ московскую эпоху, являются первымъ колонизаціоннымъ поясомъ. Въ четвертомъ императорскомъ періодѣ первый колонизаціонный поясъ превращается въ старозаимочный, но за нимъ наростаетъ второй. Наконецъ, въ пятомъ періодѣ, послѣ освобожденія, населеніе продвигается въ третій поясъ—на сѣверный Кавказъ, въ Сибирь и среднюю Азію. Каждый колонизаціонный поясъ полукругомъ охватываетъ южную и восточную стороны старыхъ русскихъ областей; эволюція производства въ каждомъ поясѣ проходитъ только убыстреннымъ темпомъ обычные фазисы сельскаго хозяйства. Начинаясь съ истребленія животныхъ и растительныхъ богатствъ природы, проходя черезъ періодъ переложнаго земледѣлія, она заканчивается трехполь емъ. И сейчасъ еще въ Россіи различные раіоны находятся на различныхъ ступеняхъ сельско-хозяйственнаго развитія, несмотря на то что, убыстренное заселеніе колонизаціонныхъ поясовъ въ значительной степени сгладило различія между ними. Такимъ образомъ, каждый поясъ переживаетъ *свою* эволюцію производства. Но эволюція распредѣленія въ каждомъ поясѣ зависитъ отъ того политическа-

го момента, въ который этотъ поясъ вступаетъ въ раіонъ колонизаціи. Такъ, въ Московскомъ періодѣ, въ первомъ поясѣ создается мелкое и среднее военно-служилое землевладѣніе, въ императорскомъ—во второмъ (отчасти и въ первомъ) поясѣ—латифундіи фаворитовъ и вообще крупное землевладѣніе. Въ послѣднемъ, настоящемъ періодѣ—въ Сибири, Средней Азіи, а также на казенныхъ земляхъ восточной Россіи развивается исключительно трудовое крестьянское землевладѣніе. Кромѣ трехъ незаселенныхъ поясовъ колонизаціи къ Россіи присоединенъ бывшій ранѣе заселеннымъ юго-западъ и западъ. Здѣсь политическая исторія, а слѣдовательно и эволюція распредѣленія земли были нѣсколько иного типа, чѣмъ въ коренной Россіи, а поэтому мы будемъ разсматривать отдѣльно исторію этихъ раіоновъ т. е. тѣхъ, въ которыхъ проживало русское населеніе—раіоновъ Литовско-русскаго государства.

Заканчивая на этомъ схему предстоящаго изслѣдованія, мы должны еще отмѣтить, что, къ сожалѣнію, до сихъ поръ вообще экономическая исторія Россіи очень мало изучена. Вниманіе историковъ привлекала до сихъ поръ сфера политическихъ событій и правовыхъ отношеній; и только за послѣдніе годы стали появляться труды спеціально по экономической исторіи: но и въ нихъ главное вниманіе обращено на исторію распредѣленія, а эволюція производства затрагивается слегка. Поэтому мы volens-nolens, вынуждены въ дальнѣйшемъ ограничиваться лишь общей характеристикой эволюціи производства и заранѣе извиняемся передъ читателями за нѣкоторую непропорціональность въ изложеніи, которая происходитъ не по нашей винѣ.

Глава II.

„КІЕВСКАЯ РУСЬ".

Фазисъ до-земледѣльческій и начало экстенсивнаго земледѣлія. Первоначальный захватъ капитала.

§ 1) Характеръ производства.

Исторія Россіи начинается съ исторіи разселенія. Съ VII вѣка восточные славяне, тѣснимые аварами, покидаютъ предгорья Карпатъ и въ теченіи двухъ вѣковъ постепенно разселяются по бассейнамъ Днѣстра, Днѣпра, Ловати, Волхова. Впрочемъ бассейнъ рѣки Днѣстра не игралъ замѣтной роли въ нашей исторіи: поселившіеся здѣсь вплоть до Чернаго моря, племена улучей и тиверцевъ, подъ напоромъ кочевниковъ, вскорѣ передвигаются на сѣверъ, гдѣ и сливаются съ населеніемъ галичскаго княжества. Остальныя племена осѣли на берегахъ рѣкъ, составлявшихъ почти одну сплошную линію—линію великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки. Фактъ связи разселенія восточныхъ славянъ съ направленіемъ этого пути, былъ извѣстенъ и автору нашей начальной лѣтописи,—который, описавши размѣщеніе племенъ, сейчасъ же разсказываетъ: „путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти по Ловоти выйти въ Ильмеръ озеро великое, изъ него изъ озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево и того озера внидетъ устье въ море Варяжское и потому морю идти до Рима, а отъ Рима прити къ тому же морю къ Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море (Черное) въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка". Это была торная дорога міровой торговли между Европой и Азіей.

Послѣ завоеванія значительной части Византійской Имперіи арабами, во 2-й половинѣ VII вѣка торговля Европы съ Левантомъ ведется, главнымъ образомъ, черезъ Византію и „великій водный путь".

Въ VIII вѣкѣ Арабы, перенеся свою столицу въ Багдадъ, начинаютъ принимать оживленное участіе въ міровой

торговлѣ, и создается восточный „залозный“ путь черезъ Хазарское царство по Волгѣ и Дону. У Хазаръ было три большихъ города: Итиль, Самандаръ и Сергиль, изъ которыхъ первый, построенный въ устьѣ Волги, являлся средоточіемъ русско-арабской торговли. Сѣвернѣе хазарскаго лежало царство булгарское съ главнымъ городомъ Булгаріи; у Булгаръ по словамъ Ибнъ-Даста, было довольно развито земледѣліе и они иногда, снабжали хлѣбомъ Новгородцевъ. Еще сѣвернѣе и восточнѣе Булгаріи находилась легендарная Біармія. Эти страны вели торговлю со Славянами и Европой, при чемъ третій торговый путь проходилъ черезъ Волгу и ея притоки, затѣмъ сливался съ великимъ воднымъ путемъ, или черезъ западную Двину направлялся къ южнымъ берегамъ Балтійскаго моря, которое кишѣло торговцами и морскими разбойниками. Здѣсь находился богатый городъ Западныхъ Славянъ (лютичей) Юлинъ на Одерѣ, отъ котораго до новгорода было 14 дней пути.

Такимъ образомъ, наши предки, разселившись по западной части русской равнины, попали на перекрестокъ міровыхъ торговыхъ путей, соединявшихъ Европу и Азію, и ни одинъ товаръ, ни одинъ купецъ, не могли миновать заселенной восточными Славянами территоріи. Теперь спрашивается, была ли какая либо связь между этой міровой торговлей и славянскимъ населеніемъ и отразились ли торговыя сношенія какъ на производствѣ, такъ и на распредѣленіи экономическихъ благъ среди этого населенія?...

На этотъ счетъ существуютъ два мнѣнія. Одно изъ нихъ принадлежитъ представителю марксистскаго направленія въ исторіи, г. Рожкову. Съ точки зрѣнія чистаго марксизма, конечно, немыслимо допустить, чтобы историческая дѣйствительность представляла какія либо уклоненія отъ шаблоннаго представленія о господствовавшемъ въ до-капиталистическую, тѣмъ болѣе такую древнюю эпоху строѣ, „натуральнаго“ замкнутаго хозяйства. По его мнѣнію „глубины народнаго производства оставались незатронутыми внѣшней торговлей; по существу, народное хозяйство Кіевской Руси было чисто натуральнымъ т. е. такимъ, при которомъ почти каждый работаетъ только на себя и на свою семью, а не для продажи“. „Торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ, князей, ихъ дружинниковъ и не большой группы состоятельныхъ горожанъ, масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства. ... внѣшняя торговля, въ дѣйствительности, не затрогивала и

настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ, руководившихъ ею, высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ предметы роскоши". (Обзоръ Русской исторіи съ соціологич. точки зрѣнія, вып. 1.)

Другой взглядъ, высказывавшійся нѣсколькими историками, имѣетъ наиболѣе яркаго выразителя въ лицѣ г. Ключевскаго. Г. Ключевскій называетъ Кіевскую Русь „городовой", „торговой".

Онъ думаетъ, что разселеніе Славянъ по территоріи великаго пути сопровождалось двумя важными экономическими послѣдствіями 1) „развитіемъ внѣшней, южной и восточной, черноморско-каспійской торговли Славянъ и *вызванныхъ ею лѣсныхъ промысловъ*". 2) „Возникновеніе древнѣйшихъ городовъ на Руси съ тянувшими къ нимъ торгово-промышленными округами. Оба эти факта можно относить къ VIII вѣку" т. е. къ эпохѣ *до* пришествія Варяговъ. (Ключевскій курсъ 1 стр. 149.) Иными словами, внѣшняя торговля оказала сильное вліяніе и на производство и на распредѣленіе и даже на государственныя формы. Г. Ключевскій считаетъ, что именно она создала производство. „Торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Восточные славяне.... заняли преимущественно лѣсную полосу равнины. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставляла славянамъ обильный матеріалъ для внѣшней торговли". (Курсъ 1. стр. 144).

Благодаря ей, создались въ населеніи экономическіе классы, и, наконецъ, древнія племена съ ихъ родовымъ бытомъ трансформировались въ городовыя области, Внѣшняя торговля была приманкой, привлекшей варяговъ, а варяги создали первое подобіе русскаго государства—единою „землю русскую", какъ выражался пѣвецъ слова о полку Игоревѣ „Словомъ, политическое развитіе Кіево-Новгородской Руси очень точно соотвѣтствовало ея экономическому росту".[1]) Вотъ какіе, діаметрально противоположные взгляды, имѣются у нашихъ историковъ на значеніе внѣшней торговли въ Кіевской Руси. Какъ рѣшить, какой изъ этихъ взглядовъ ближе къ дѣйствительности?

Если бы у насъ въ рукахъ были какія либо массовыя точныя данныя, напримѣръ, хотя бы о пропорціи городского

---

[1]) М. Н. Покровскій. Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси. Сб. мелк. земск. единица стр. 198.

и сельскаго населенія, при чемъ мы бы знали, что въ городѣ живутъ не земледѣльцы и звѣроловы, а служащій персоналъ-торговцы и промышленники, то нашъ вопросъ этой пропорціей бы и рѣшался. Правда, мы знаемъ, что городовъ въ Кіевской Руси было много: варяги звали ее еще въ IX вѣкѣ „гардарикъ"—страна городовъ. Въ 1155 году находилось въ предѣлахъ нынѣшнихъ:

Кіевской, Черниговской и Полтавской губ. .	66	городовъ.
Волынской, Минской. Могилевской и Подольской	36	„
Орловской	8	„
На сѣверѣ[1])	15—20	„

В. И. Покровскій (См. энциклоп. словарь Брокгаузъ статья „торговля")—насчитываетъ къ этому времени еще больше—около 300 городовъ. Но какіе это были города? Только въ пяти изъ нихъ (Кіевъ, Новгородъ, Ростовъ, Переяславль и Бѣлгородъ) имѣлись тысяцкіе, слѣдовательно, населеніе превышало тысячу взрослыхъ мужчинъ. Въ Кіевѣ, въ эпоху его разцвѣта, Хлѣбниковъ насчитываетъ 60 тысячъ душъ, но по очень проблематичному разсчету—по числу церквей (600 церквей, кладя на каждую церковь 100 душъ.), въ Новгородѣ 40 тысячъ душъ. Но т. к. въ дѣйствительности, даже въ Москвѣ въ 1678 году было лишь около 5000 дворовъ, то цифры населенія Кіева и Новгорода въ XII вѣкѣ нельзя не признать преувеличенными. Другіе же города, вѣроятно, считали свое населеніе сотнями дворовъ.

Съ другой стороны, мы не знаемъ общаго числа населенія. По разсчетамъ Бѣляева (см. земледѣліе въ древней Руси), согласно методу Моро-де Женнеса (одинъ воинъ на 30 душъ) во время похода Олега въ 907 году населеніе равнялось $1^1/_2$ милліонамъ. Но, конечно, этотъ разсчетъ настолько проблематиченъ, что ни какихъ выводовъ на немъ строить нельзя. И нашу задачу приходится рѣшать не посредствомъ статистическихъ данныхъ, а посредствомъ комбинацій отрывочныхъ фактовъ съ логическими соображеніями. На первый планъ тогда выдвигается вопросъ, каковъ былъ характеръ производства у населенія Кіевской Руси: были ли древніе славяне кочевниками—скотоводами, или охотниками—звѣроловами, или хлѣбопашцами. Г. Рожковъ даетъ такой „конечный выводъ" о характерѣ народнаго производства: „въ Кіевской Руси съ VI по XII столѣтіе господствовала добывающая промышленность; въ сельскомъ хозяйствѣ,

[1]) Хлѣбниковъ. Общество и государство въ домонгольскій періодъ рус. исторіи стр. 225.

имѣвшемъ меньшее значеніе, преобладало скотоводство надъ земледѣліемъ, которое, особенно, къ концу періода принадлежало, однако, уже къ числу обычныхъ занятій населенія.

Подъ добывающей промышленностью—терминомъ не совсѣмъ точнымъ г. Рожковъ подразумѣваетъ „охоту или звѣроловство“. Сюда же надо причислить и дикое пчеловодство (бортничество). Значитъ, древніе славяне были, по преимуществу, охотниками—звѣроловами, и въ этомъ отношеніи Рожковъ сходится съ Ключевскимъ.

„Лѣсной звѣроловъ и бортникъ—самый ранній типъ, явственно обозначившійся въ исторіи русскаго народнаго хозяйства“... Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ оба историка правы, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Дѣйствительно, у древнихъ славянъ преобладалъ охотничій до-земледѣльческій фазисъ, но, во первыхъ, только въ началѣ нашей исторіи, а во вторыхъ, онъ смѣнился не скотоводствомъ, а прямо земледѣльческимъ хозяйствомъ и при томъ не въ одно и то же время на всемъ пространствѣ Кіево-Новгородской Руси.

Мы говорили въ первой части нашего труда, что смѣна фазисовъ и системъ сельскаго хозяйства происходитъ посредствомъ врастанія новаго фазиса, новой системы въ старые, при чемъ старые еще долго продолжаютъ существовать наряду съ новыми. Такъ напримѣръ, сейчасъ земледѣліе врастаетъ въ охотничье хозяйство какихъ нибудь африканскихъ дикарей или въ скотоводческое хозяйство нашихъ киргизъ.

Чѣмъ больше населеніе переходитъ на земледѣліе, тѣмъ болѣе оно должно сокращать кочеваніе, неизбѣжно связанное съ охотничьимъ и пастушескимъ бытомъ, и, благодаря этому большему осѣданію, большей привязанности къ землѣ, оно вынуждается покидать старые промыслы. Такимъ образомъ, земледѣліе и до—земледѣльческіе промыслы—звѣроловство и скотоводство находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу; чѣмъ больше развито земледѣліе, тѣмъ меньше времени населеніе посвящаетъ этимъ старымъ промысламъ.

Въ теченіе шестивѣковой исторіи Кіевскаго періода сельское хозяйство не оставалось неподвижно на одной и той же ступени развитія: оно двигалось впередъ, хотя, можетъ быть, очень медленно, и это поступательное движеніе заключалось во врастаніи земледѣлія въ охотничьи промыслы и, слѣдовательно, въ вытѣсненіи послѣднихъ новымъ фазисомъ сельско-хозяйственной эволюціи.

Впрочемъ, несомнѣнно, что земледѣліе было извѣстно Славянамъ еще на Карпатахъ, но, въ силу рѣдкости населенія, обилія животныхъ и лѣсовъ, не пріобрѣло тогда сколько нибудь замѣтнаго значенія. Медленное, постепенное развитіе земледѣлія, вѣроятно, шло съ юга на сѣверъ. Хлѣбниковъ говоритъ, что земледѣліе, по законамъ Конта, должно идти отъ странъ болѣе плодородныхъ къ странамъ менѣе плодороднымъ. Раньше всѣхъ оно должно было существовать у улучей и тверцевъ жившихъ на самыхъ южныхъ частяхъ Днѣстра, Авары, подчинившіе и немногихъ русскихъ Славянъ, по сказанію Фредегарія—схоластика, писателя VIII вѣка, презирали ихъ за хлѣбопашествомъ. Самое мѣсто поселенія ихъ и нижнихъ берегахъ Днѣстра, способствовало земледѣлію, которымъ занимались, по Геродоту, еще скиѳы. Затѣмъ, земледѣліе должно было начаться у Полянъ потомъ у Древлянъ и Вятичей: въ половинѣ X столѣтія Варяги брали съ сѣверныхъ Славянъ дань по „былой веверицы" (бѣлка) съ дыма. Слѣдовательно, тамъ главную роль играла охота.

Но въ 964 году съ Полянъ Святославъ бралъ „по шлягу съ рала", а въ 910 году Владиміръ завоевалъ Вятичей „возложа на нихъ дань отъ плуга, якоже и отецъ его и маше". Такимъ образомъ, въ южныхъ областяхъ: Полянъ, Древлянъ о Вятичей, земледѣліе относятся къ началу X вѣка, въ сѣверныхъ—къ XI вѣку, (въ Новгородѣ).

Это мнѣніе Хлѣбникова подтверждается свидѣтельствомъ арабскихъ писателей: такъ Ибнъ-даста (въ 30 годахъ X-го вѣка) о нашихъ Славянахъ говорилъ, что „больше всего онъ сѣютъ просо. „Въ то же время Новгородцы, которыхъ онъ называлъ руссами, „не имѣютъ.., пашенъ"[1]).

Apriori слѣдовало ожидать, что на черноземѣ земледѣліе должно было возникнуть раньше, чѣмъ въ сыромъ климатѣ, на болотистой и глинистой почвѣ Новгородской обл., которую арабы представляли въ видѣ острова, гдѣ земля настолько мокра, что трясется, если ступить на нее ногой; и вплоть до XVII вѣка Новгородцы не могли пропитаться собственнымъ хлѣбомъ.

Въ XI XII в.в. земледѣліе на всей территоріи Кіевской Руси уже играетъ первостепенную роль. На княжескомъ съѣздѣ въ 1103 году дружина Святополка указываетъ на неудобства похода весной, когда смерды заняты полевыми работами. Наиболѣе вѣское доказательство преобладающей роли земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ, мы видимъ въ

---

[1]) Гаркави. Сказанія Мусульманскихъ писателей о славянахъ.

той старательности и подробности, съ которой лѣтописи отмѣчаютъ неурожайные годы. Въ 1023 году голодъ „свирѣпствовалъ въ Суздальской области. Жители искали помощи въ изобильной странѣ Казанскихъ болгаръ и „Волгою привозили оттуда множество хлѣба“[1]). Въ 1070 году голодъ отмѣченъ въ Ростовской области и на Волыни; въ 1092 году „многія области, но больше всѣхъ Кіевъ, какъ средоточіе тогдашней населенности.“[2]).

Въ 1095 г. голодаетъ южная Россія, въ 1124 году Ростовская область, въ 1126 году Новгородъ: „отъ жестокаго холода вымерзли озими, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 апрѣля, воды затопили нивы, селенія и земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ своихъ вмѣсто зелени одну грязь“.

Въ 1128 году—всеобщій неурожай въ Новгородской, Псковской, Полоцкой, Суздальской и Смоленской областяхъ: „и бысть голодъ черезъ зиму, ржи осьминка по полугривнѣ“. (1 рубль 50 копѣекъ на наши деньги). Народъ питался мякиной, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовой корой, мхомъ, древесной гнилью. Люди падали мертвыми на улицахъ и площадяхъ. Въ 1170 и 1215 годахъ голодъ опять въ Новгородѣ, гдѣ вообще неурожаи были всего чаще. Въ 1223 году въ неизвѣстной области. Въ 1230 году—всеобщій неурожай, кромѣ Кіева. Люди бѣжали, кто куда могъ или продавались въ рабство и въ короткое время схоронили 42 тысячи человѣкъ.

Этотъ перечень неурожаевъ и ихъ послѣдствій рельефно указываетъ, что въ XI—XII вѣкахъ земледѣліе уже выступило на первый планъ. Если неурожаи приводили къ тому, что люди падали замертво на улицахъ, питались падалью и продавались въ рабство, то ясно, что хлѣбъ составлялъ основной продуктъ народнаго питанія, а земледѣліе—главный элементъ народнаго производства. Ни дикіе звѣри, ни домашній скотъ не могли прокормить голодное населеніе и, слѣдовательно, ихъ роль въ народной экономіи была второстепенной.

Итакъ отрывочные факты и логическіе доводы могутъ дать намъ такую картину эволюціи производства: отъ VII до X вѣка, приблизительно, всюду преобладаетъ звѣроловное хозяйство и бортничество, а наряду съ ними слабые зачатки земледѣлія. Въ X вѣкѣ на югѣ, въ XI—на сѣверѣ зем-

---

Примѣчаніе: [1]) Турчиновичъ. Исторія сельскаго хозяйства въ Россіи отъ временъ историческихъ.

[2]) Св. Словцовъ „историческое и статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи“ См. также Мих. Боголѣповъ. „О колебаніяхъ климата въ Европейской Россіи въ историческую эпоху“.

ледѣліе становится уже замѣтнымъ для постороннихъ глазъ, элементомъ хозяйства, а въ XI—XII вѣкахъ выдвигается на первый планъ, оттѣсняя остальные промыслы.

Но мы до сихъ поръ не касались скотоводства, а вѣдь г. Рожковъ думаетъ, что „въ сельскомъ хозяйствѣ..... преобладаетъ скотоводство надъ земледѣліемъ". На какомъ основаніи онъ такъ думаетъ—мы не знаемъ: фактовъ и логическихъ соображеній онъ не приводитъ. Единственнымъ апріорнымъ доводомъ можетъ служить старинный взглядъ историковъ—экономистовъ, что охотничье хозяйство, прежде, чѣмъ перейти на земледѣльческое, должно пройти стадію пастушескаго быта. Но взглядъ этотъ уже оставленъ. Мы знаемъ теперь, что „громадное большинство нашихъ первобытныхъ народовъ, уже въ тотъ моментъ, когда они стали извѣстны европейцамъ, знакомо было съ земледѣліемъ и занималось имъ". Въ тоже время, „скотоводство у обитателей тропическихъ странъ играетъ самую незначительную роль"[1]).

Переходъ изъ охотничьяго быта на земледѣліе, минуя пастушескую стадію, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ не только возможенъ, но прямо неизбѣженъ, т. к. въ лѣсахъ большія стада животныхъ негдѣ пасти. Надо предполагать, что только въ степныхъ раіонахъ, гдѣ возможно обширное скотоводство, эволюція хозяйства идетъ послѣдовательными ступенями—отъ охотничьяго быта, черезъ пастушескій, къ земледѣльческому. Въ лѣсахъ же, по мѣрѣ истребленія звѣрей, начинаетъ прямо развиваться хлѣбопашество, для чего лѣса вырубаются и выжигаются. Слабое развитіе скотоводства у древнихъ славянъ подтверждается и историками и мусульманскими писателями. По словамъ г. Стромилова [2]), у славянъ было мало скота, такъ что они пріобрѣтали его у сосѣднихъ кочевниковъ: торковъ, печенѣговъ, а затѣмъ половцевъ, частью мирнымъ путемъ—торговлей, частью во время войнъ. „Скотоводство въ древней Руси и особенно въ сѣверо-восточной, говоритъ Пономаревъ,[3]) не было развито и скотъ приходилось добывать отъ степныхъ народовъ, кочевавшихъ въ юго-восточныхъ степныхъ мѣстностяхъ". „Вообще у народа скота было мало и только княжескія стада, сначала въ южной Руси, потомъ въ москов-

---

[1]) Бюхеръ. Экономическій строй первобытныхъ народовъ

[2]) См. скотоводство древней Руси. Жур. сельскаго хозяйства и лѣсоводства, 1871 года № 1.

[3]) Историческій обзоръ правительств. мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи.

скомъ княжествѣ были значительны".[1]) Это послѣднее указаніе подтверждаютъ арабы. Ибнъ Даста говоритъ, что, „рабочаго скота у Славянъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ одинъ упомянутый человѣкъ (по Хвольсону—великій князь). Вотъ эти то большія княжескія стада, какъ табунъ въ 4000 головъ у Черниговскихъ Ольговичей (1146 годъ), и могли ввести въ заблужденіе Рожкова, Но княжескія конскія стада, по словамъ Дьяконова „вовсе не исключительная область частнаго княжескаго хозяйства т. к. княжескіе кони служили для потребностей войны, Еще Владиміру Святому епископы и старцы совѣтовали снова ввести виры (денежные штрафы) вмѣсто казней на пріобрѣтеніе оружія и коней для военныхъ походовъ".[2]) Количество лошадей у князей вовсе не можетъ служить показателемъ общаго положенія скотоводства въ народномъ хозяйствѣ. Эти лошади являлись, также, какъ разнаго рода оружіе, кольчуги (см. у Ибнъ-Даста) чѣмъ то вродѣ неприкосновенныхъ военныхъ запасовъ въ интендантскихъ складахъ современной Россіи.

Вообще, надо думать, что если скотоводство для массъ было затруднено, благодаря лѣсистости края, если у народа скота было мало и если скотъ добывался войной и торговлей, то онъ и сосредоточивался въ рукахъ тѣхъ, кто занимался такимъ „благороднымъ" промысломъ, т. е. въ рукахъ князя, дружинниковъ, бояръ—вообще у господствующихъ классовъ. Древнее названіе землевладѣльца „огнищанинъ" (огнище, по объясненію Ключевскаго, пастбище), а боярина „скотникъ" говоритъ за то, что скотоводство, если и было развито, то преимущественно въ верхнихъ слояхъ, которые, вопервыхъ легко добывали скотъ указанными способами, во 2-хъ могли предпочитать скотоводство, какъ болѣе прибыльное занятіе, чѣмъ земледѣліе, требовавшее тогда большихъ усилій. Высокія цѣны на скотъ, о которыхъ мы будемъ говорить дальше, сами по себѣ уже указываютъ, съ одной стороны, на слабое развитіе скотоводства въ народныхъ массахъ, съ другой стороны—на высокую доходность скотоводства. И теперь мы можемъ наблюдать у киргизъ, что въ то время, какъ бѣдныя и средне-зажиточныя массы населенія переходятъ ужо на земледѣліе,—богачи остаются скотоводами. „По компетентному свидѣтельству К. П. Фонъ-Кауфмана, дифференціація кочевого населенія на скотоводовъ—богачей и земледѣльческую или полуосѣдлую массу

[1]) Аристовъ. Промышленность въ древней Руси.

[2]) Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси изд. II. стр. 170.

началась еще въ эпоху, предшествовавшую русскому завоеванію; уже въ то время происходило постепенное обособленіе скотоводства, какъ промысла одной лишь состоятельной доли киргизскаго населенія отъ земледѣлія какъ достоянія бѣдныхъ.[1]) А вѣдь различные слои киргизскаго населенія находились въ, приблизительно, одинаковыхъ условіяхъ относительно скотоводства; между тѣмъ, какъ у нашихъ предковъ оно, въ силу вышеуказанныхъ причинъ, должно было естественно составить монополію господствующихъ классовъ. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что скотоводство, какъ промыселъ, подобно киргизамъ, составляло монополію лишь состоятельныхъ верховъ въ Кіевской Руси; народныя массы же не покидая окончательно звѣроловства и бортничества, съ X—XI в. в. переходятъ преимущественно на земледѣліе.

Установивши въ общихъ чертахъ характеръ производства въ Кіевской Руси, обратимся теперь къ поставленному выше вопросу: играла ли внѣшняя торговля какую либо роль для народнаго хозяйства только что выясненнаго типа.

Въ народномъ хозяйствѣ звѣроловство, рыболовство и бортничество въ началѣ исторіи были преобладающими промыслами. Продукты этихъ промысловъ и служили предметами вывоза: это были мѣха цѣнныхъ звѣрей—горностаевые, собольи, бобровые, выдровые и т. д., медъ, воскъ, рыба, икра, моржовые клыки и, сверхъ того, тоже важные предметы торговли—невольники. Всѣ эти продукты отличались компактностью, цѣнностью, сравнительной легкостью, т. е, были удобны для тогдашняго примитивнаго транспорта и могли выдерживать долгій путь, не страдая отъ порчи. Стало быть, самый *типъ* хозяйства очень удобно совпадалъ съ требованіями тогдашняго мірового рынка. Съ другой стороны, запросы рынка были очень выгодны для нашихъ звѣролововъ и бортниковъ: въ самомъ дѣлѣ—куда бы они дѣвали всѣ эти мѣха, медъ и воскъ, если бы не было сбыта?

Для собственнаго „натуральнаго“ потребленія имъ было бы достаточно ничтожной части своей добычи. И если они истребляли съ такой яростью цѣнныя породы пушныхъ звѣрей, что многихъ изъ нихъ уже не осталось къ XIII вѣку, то ясно, что къ этому ихъ понуждалъ міровой рынокъ, а отнюдь не собственныя „натуральныя“ потребности. Мы подробно доказывали въ первой части, что, такъ называемое „замкнутое“, натуральное хозяйство, живущее для себя, въ чистомъ видѣ есть фикція г.г. экономистовъ, которой

[1]) А. А. Кауфманъ Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста. стр. 79.

въ реальной дѣйствительности никогда не было. Но могутъ быть разныя степени „натуральности“. Такъ, мелкое земледѣльческое зерновое хозяйство, является теперь дѣйствительно наполовину, а то и на три четверти натуральнымъ; дикое, скотоводческое хозяйство можетъ оставаться почти совсѣмъ безъ обмѣна: но ,охотничье хозяйство безъ сбыта возможно лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ и на самыхъ примитивныхъ ступеняхъ культуры—приблизительно, въ эпоху каменнаго вѣка, при крайней рѣдкости населенія. При мало мальски развитой общественности, звѣроловъ начинаетъ сбывать свои продукты, потому что значительная часть ихъ (шкуры) ему не нужна, какъ не нужны, скажемъ, слитки золота для „натуральнаго“ потребленія какого нибудь золотоискателя. Въ самомъ свойствѣ этихъ продуктовъ лежатъ причины, наталкивающія на обмѣнъ: ненужность ихъ для самого производителя и высокая цѣнность для лицъ, предъявляющихъ на нихъ спросъ. Вотъ почему мы думаемъ, что охотничій бытъ не только не препятствовалъ, а наоборотъ, по самому своему существу, наталкивалъ на развитіе обмѣна и при томъ не личнаго, а международнаго, т. к. для туземцевъ его продукты не представляли цѣнности,—цѣнились же высоко племенами тѣхъ странъ, гдѣ подобныхъ продуктовъ не было.

Итакъ звѣроловное хозяйство, по самой своей структурѣ, весьма склонно превращаться въ мѣновое, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе, чѣмъ слѣдующее за нимъ, по скалѣ эволюціи производства, хозяйство земледѣльческое.

Однако мы говорили сейчасъ только объ одной сторонѣ—о сбытѣ. Для массъ туземнаго населенія могъ существовать интересъ сбывать тѣ продукты, которые имъ были ненужны, но на которые предъявлялся спросъ. Но что туземцы *получали* взамѣнъ этихъ мѣховъ, меда, воска, и т. д.? Русскіе князья, дружинники и купцы, возившіе въ Византію и въ Итиль товары, привозили оттуда разныя металлическія издѣлія, оружіе, вино, плоды, золото, украшенія, пурпуръ, сукна, шелковыя матеріи и пояса, сафьянъ, благовонныя пряности, жемчужныя ожерелья и, наконецъ, просто монеты и серебро. Вплоть до Владиміра Св. въ Россіи не было своихъ монетъ, кромѣ византійскихъ; въ большомъ ходу были арабскія, которыя стали появляться на Руси съ VIII и даже съ конца VII вѣка. Были и германскія и скандинавскія монеты, и радимичи—одно изъ самыхъ захолустныхъ племенъ, платили Олегу по „шелягу“ съ рала.

Всѣ эти предметы, кромѣ металлическихъ оружій и денегъ, были предметами роскоши. Такіе же предметы роскоши

или мѣха, получали русскіе отъ Хазаръ и булгаръ, при чемъ очень часто переправляли ихъ на югъ въ Византію или на западъ въ Европу. Вообще, транзитная торговля, повидимому, была развита на Руси. Нуждался ли въ этихъ предметахъ роскоши тотъ полу-охотничій и полу-земледѣльческій Кіевскій простой народъ? Ясное дѣло, что если и нуждался, то опять таки, только, какъ въ украшеніи, въ предметахъ роскоши, а не первой необходимости, (кромѣ желѣзныхъ издѣлій, отчасти оружія и т. д.). Отсюда, на первый взглядъ вытекаетъ правильность того мнѣнія г. Рожкова, что „главная масса населенія не принимала во внѣшней торговлѣ никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства". Г. Ключевскій подтверждаетъ этотъ фактъ: „въ давнія времена X вѣка, служилый классъ вмѣстѣ съ князьями собиралъ дань съ подвластнаго населенія натурой и этой данью выгодно торговалъ съ хазарами, съ Византіей;" но дальше онъ дѣлаетъ весьма существенное добавленіе. „Потомъ, когда успѣхи торговли разлили въ странѣ оборотный капиталъ по всѣмъ классамъ общества, князья стали замѣнять прежніе поборы *денежными налогами* и давать своимъ боевымъ слугамъ *денежное жалованіе*". (Боярская Дума стр. 96).

Если денежный капиталъ разлился по всѣмъ классамъ, (а что это было такъ, можно видѣть хотя бы изъ Олеговой дани по шелягу съ рала или изъ поголовнаго налога Ярослава I.) то, очевидно, что массы населенія не только отдавали свои продукты даромъ, но и могли ихъ продавать на деньги или вымѣнивать на разные другіе предметы. Внѣшняя торговля захватила, конечно, прежде всего то населеніе, которое жило вблизи большихъ рѣкъ—этихъ могучихъ артерій товарообмѣна.

Здѣсь, очень давно, по Ключевскому, еще въ VIII вѣкѣ, возникаютъ древнѣйшіе большіе города, что подтверждается находимыми кладами монетъ. Въ VIII вѣкѣ еще не было пришествія варяговъ. Кому же тогда населеніе платило дань? Правда, южныя племена, жившія близко къ степямъ— поляне, сѣверяне, вятичи—были покорены хазарами, но именно благодаря владычеству хазаръ—мягкаго торговаго и кочевого народа „для днѣпровцевъ, послушныхъ данниковъ хазаръ, были открыты степныя, рѣчныя дороги, которыя вели къ Черноморскимъ и Каспійскимъ рынкамъ. Подъ покровительствомъ хазаръ, по этимъ рѣкамъ и потекла бойкая торговля изъ Поднѣпровья. (Курсъ I. стр. 146).

Варяжскіе князья, собиравшіе дань съ дружинами, не создавали ни городовъ, ни торговыхъ путей: все это существо-

вало до нихъ. А какое значеніе имѣла внѣшняя торговля, видно хотя бы изъ того, что въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ было очень большее количество не только славянъ и скандинавовъ, но и грековъ, армянъ, евреевъ, венеціанцевъ, сирійцевъ, моравовъ. Хозары были кочевниками; однак у нихъ тоже появляются большіе города (въ Итилѣ, будто бы 40 тысячъ виноградниковъ); хозары смѣшиваются съ евреями и у нихъ всѣ религіи: іудейская, магометанская, языческая пользовались одинаковымъ почетомъ. А между тѣмъ восточный „залозный“ путь, шедшій черезъ страну хозаръ, былъ менѣе значителенъ, чѣмъ нашъ западный „великій водный путь“. Стоитъ только посмотрѣть на расположеніе племенъ, вытянувшихся довольно узкой лентой вдоль этого пути, чтобы убѣдиться, что между этимъ разселеніемъ и торговлей была извѣстная связь: иначе, какой смыслъ былъ звѣроловамъ поселяться по болѣе возвышеннымъ и открытымъ берегамъ рѣкъ, тогда какъ дремучіе лѣса лежали въ глубинѣ равнины.

Такимъ образомъ, раннее появленіе городовъ и городовыхъ областей и общее направленіе осѣданія племенъ, указываетъ, что торговля для народныхъ массъ имѣла немаловажное значеніе. Больше всего интересовъ привязывало къ торговлѣ горожанъ. Изъ числа горожанъ г. Рожковъ указываетъ только на князей и дружинниковъ; но онъ упускаетъ изъ вида другіе классы крупныхъ торговцевъ—„гостей“—и туземныхъ и иностранныхъ. За гостями шли болѣе мелкіе купцы, потомъ мелочные торговцы и ремесленники, обнимавшіеся однимъ общимъ терминомъ „житые люди.“ Всѣ эти классы жили почти исключительно торговлей. Около нихъ скоплялись, какъ всюду, тысячи разныхъ служащихъ и рабочихъ, частью изъ рабовъ, частью изъ свободнаго „племени смердья.“ Г. Рожкову должно быть яснымъ, что какъ теперь какой нибудь нефтяной или желѣзный и стальной „король“ не самъ своей персоной перевозитъ сотни милліоновъ пудовъ и продаетъ ихъ во всѣхъ концахъ свѣта, такъ и въ Кіевской Руси князья, бояре, гости, т. е. тогдашніе капиталисты не могли обходиться безъ арміи „пролетаріата“ и тысячъ различныхъ агентовъ и посредниковъ. Эти посредники, вѣроятно, не ограничивались городами: они проникали вглубь лѣсовъ, селились на погостахъ, и можетъ быть, какъ Новгородскіе князья, совершали далекія поѣздки по разбросаннымъ хуторамъ, представлявшимъ типъ тогдашнихъ поселеній.

Итакъ, извѣстная часть тогдашняго населенія, далеко не такая ничтожная, какъ думаетъ г. Рожковъ, и при томъ

не только принадлежавшая къ однимъ верхамъ, а составлявшаяся изъ группъ съ самымъ различнымъ соціальнымъ положеніемъ, была непосредственно заинтересована отчасти въ міровой, отчасти во внутренней торговлѣ и жила, преимущественно, на ея счетъ. Относительно внутренней торговли у г. Рожкова тоже явная тенденція къ ея умаленію. Но стоитъ только вспомнить описанія арабовъ—современниковъ о торговлѣ лодками, стоитъ вспомнить объ обозахъ, шедшихъ отъ Курска въ Кіевъ, о томъ что Новгородъ жилъ привознымъ хлѣбомъ, что вѣсы и торговыя пошлины хранились въ церковныхъ ларяхъ, объ обиліи погостовъ съ базарами и т. д., чтобы допустить довольно значительное развитіе и этого вида торговли... Иначе и быть не могло: внѣшняя торговля всегда порождаетъ и внутреннюю, и горожане, конечно, не могли питаться продуктами лишь своей охоты, бортничества и проч. Такимъ образомъ, торговля составляла главный жизненный нервъ для городовъ, находившихся на рѣчныхъ путяхъ. Но какой интересъ былъ отъ нея для тѣхъ народныхъ массъ, которыя блуждали по дремучимъ лѣсамъ, занимались охотою, бортничествомъ и переложнымъ полукочевымъ земледѣліемъ?...

Намъ кажется, что этотъ интересъ могъ быть различнымъ, въ зависимости отъ того, какой промыселъ—охотничій или земледѣльческій, занималъ въ народномъ хозяйствѣ первое мѣсто. Мы говорили, что до X вѣка восточные Славяне были по преимуществу звѣроловами: у нихъ накоплялись цѣнные продукты, которые имъ некуда было дѣвать, и, они, если судить по аналогіи съ нынѣшними охотничьими племенами, съ радостью вступали въ торговлю. Но что они получали взамѣнъ? Мы видѣли, что предметы ввоза—были предметы роскоши. А что получаютъ нынѣшніе чукчи, эскимосы, африканскіе дикари, киргизы и т. д. взамѣнъ своихъ продуктовъ отъ европейцевъ? Развѣ можно назвать водку, ромъ, табакъ разные зеркала, бусы дешевые ситцы—предметами необходимости для быта дикарей? Очевидно, нѣтъ!.. Тѣмъ не менѣе полудикіе и дикіе народы вымѣниваютъ на нихъ весьма цѣнные (съ нашей точки зрѣнія) продукты. Г. Рожковъ говоритъ, что русскіе еще въ VIII вѣкѣ „познакомились съ иностранной монетой, которая, однако, цѣнилась главнымъ образомъ, какъ украшеніе, а не какъ мѣновое орудіе.“ Пусть это будетъ вѣрно; пусть деньги, разныя застежки для поясовъ, зеленыя бусы и проч. были такими же предметами роскоши, какъ зеркальца, ситцы, водка, табакъ для современныхъ дикарей. И, тѣмъ не менѣе, ради этихъ предметовъ роскоши современный

чукча старается набить какъ можно больше звѣрей, а киргизъ—вырастить побольше скота; для нихъ и древній славянинъ избивалъ бобровъ и лазилъ по деревьямъ въ поискахъ за медомъ и воскомъ. Долгіе мѣсяцы, валяясь въ чумахъ и кибиткахъ, современные дикари мечтаютъ о томъ времени, когда они пріѣдутъ на ярмарку за тысячи верстъ, какъ они весело проведутъ тамъ время и какія хорошія вещи тамъ купятъ. Также точно мечтали и наши предки, какъ они пріѣдутъ въ Кіевъ, пригонятъ лодки и привезутъ товары ко времени отправки князя въ обычный весенній походъ по Днѣпру и Черному морю въ Византію.

Сторонники узко-матеріалистическаго направленія въ философіи и исторіи забываютъ что самое *понятіе* о цѣнности того или другого предмета—вещь крайне растяжимая, покоющаяся не только на матеріальныхъ но и на психическихъ основахъ человѣческой жизни. Въ ихъ глазахъ, напримѣръ, *эстетическія* чувства не играютъ какой либо замѣтной роли. Но надо видѣть ту массу различныхъ украшеній, серебряныхъ и золотыхъ вещей, ковровъ и т. д., которые переходятъ изъ рода въ родъ въ киргизскомъ хозяйствѣ, чтобы понять, какое большое значеніе имѣетъ эстетическое чувство въ жизни полудикихъ народовъ. Впрочемъ, эти предметы роскоши служатъ не только для эстетическаго наслажденія; они сплошь и рядомъ являются мѣновой единицей, и стоитъ прочитать Тана, чтобы увидать, какъ отлично папуша листового табаку выполняетъ у чукчей роль денегъ при внутреннемъ непосредственномъ обмѣнѣ, столь необходимомъ при жизни въ отдѣльныхъ жилищахъ, разбросанныхъ на далекомъ пространствѣ. Именно, такой хуторской типъ поселеній, господствовавшій въ Кіевской Руси, побуждаетъ къ усиленному обмѣну одной семьи, одного рода съ другимъ; и, въ этомъ случаѣ, вопреки Рожкову, мы думаемъ что, не только монеты, но и излюбленныя зеленыя бусы могли служить отличной мѣновой единицей.

Но, кромѣ эстетики, съ тѣхъ поръ, какъ населеніе начало переходить на земледѣліе, торговля, обмѣнъ пріобрѣтали и существенное *экономическое* значеніе для массъ. Земля (въ ту эпоху) ничего не стоила, но громадную цѣнность имѣли скотъ и орудія, необходимыя для земледѣлія. Вотъ цѣны скота по Русской Правдѣ: волъ стоилъ гривну кунъ, корова 43 гривны, свинья 5 кунъ, лошадь 2 гривны, овца 5 кунъ, баранъ нагату. Если мы будемъ считать необходимымъ для хозяйства 1 корову, 1 лошадь, 5 овецъ, 1 барана, 2 свиней, то, по цѣнамъ того времени, все это стоитъ $3^1/_2$ гривны; а за лѣто одинъ работникъ, по Рус-

ской Правдѣ, получалъ $^1/_2$ гривны; за работу женки съ дочерью—одна гривна. Въ общемъ, принимая въ разсчетъ стоимость содержанія, $3^1/_2$ гривны можно было заработать въ 6 лѣтъ. Но самый скотъ не составляетъ еще всего, потому что необходимо было распахать землю изъ подъ лѣса, выстроить домъ, купить земледѣльческія орудія; все это предполагаетъ такіе же труды, какъ и пріобрѣтеніе скота, такъ что врядъ ли за 12 лѣтъ труда бережливый батракъ могъ скопить себѣ на самостоятельное хозяйство, да и то его каждую минуту могли разорить Половцы или увезти чужіе князья въ рабы. Во времена Русской Правды за годовой трудъ человѣка платилось полъ гривны, т. е. за одну корову человѣкъ долженъ былъ работать почти два года, тогда какъ въ настоящее время, въ теченіе одного года крестьянинъ можетъ заработать цѣнность 5-ти коровъ, считая цѣнность коровы въ 15 рублей. Такимъ образомъ, трудъ человѣка относительно прежняго сталъ дороже въ 10 разъ, человѣкъ сдѣлался въ 10 разъ дороже. (Хлѣбниковъ „Общество и государство“ стр. 231).

Теперь намъ ясно, какую ошибку дѣлалъ г. Рожковъ, когда выставлялъ скотоводство впереди земледѣлія: При развитомъ скотоводствѣ не могло быть и рѣчи о такихъ цѣнахъ на скотъ. Высокія цѣны, мы думаемъ, объясняются монополіей скотоводства въ рукахъ господствующихъ классовъ, на которую мы указывали выше. Скотину князь и дружина добывали войной и торговлей; они же, вѣроятно, скопляли у себя „рольныя желѣза“ и вообще мертвый инвентарь. Господствующіе классы потребляли только часть предметовъ роскоши, служившей объектомъ международной торговли, другую часть они переправляли транзитомъ въ Европу, въ Азію и наоборотъ, съ юга на сѣверъ, и съ востока на западъ. Благодаря такой торговлѣ, въ ихъ рукахъ скоплялись капиталы, которые они и пускали въ оборотъ, заводя нужный для земледѣльцевъ скотъ и разные другіе предметы. Вотъ на этотъ то земледѣльческій капиталъ и могъ происходить обмѣнъ съ массами, доставлявшими предметы экспорта: мѣха, медъ и т. д. Смердъ, нуждавшійся въ лошади, долженъ былъ купить ее за очень дорогую цѣну, а для этого онъ долженъ былъ продать указанные продукты. А если ему нечего было продавать—онъ шелъ въ „ролейные закупы“, въ батраки или даже въ рабы.

Итакъ мѣновыя отношенія, особенно въ моментъ перехода на земледѣліе, глубоко проникли въ общество Кіевской Руси, настолько глубоко, что первый юридическій кодексъ—Русская Правда, былъ, по мѣткому выраженію Ключевскаго,

„уложеніемъ о капиталѣ". „Капиталъ служилъ предметомъ особенно напряженнаго вниманія для законодателя; самый трудъ т. е. личность человѣка, разсматривается какъ орудіе капитала: можно сказать, что капиталъ—это самая привиллегированная особа въ Русской Правдѣ". (Курсъ I стр. 300).

Капиталъ дѣйствовалъ не столько на производство, сколько на распредѣленіе. Вся соціально-политическая структура Кіевской Руси, въ значительной степени, была результатомъ экономическихъ отношеній. „Политическое развитіе Кіево-Новгородской Руси очень точно соотвѣтствовало ея экономическому росту. Благодаря случайному, съ точки зрѣнія мѣстной исторіи, переходу торговаго пути изъ Азіи въ Европу, на Днѣпръ и Волховъ, очутившіяся въ сосѣдствѣ этого пути, славянскіе племена быстро пробѣжали первыя ступени хозяйственной эволюціи, по которымъ такъ медленно и неуклюже карабкалась позднѣйшая Русь." (Покровскій стр. 198). Къ вліянію этой хозяйственной эволюціи на формацію классовъ и бытовыхъ формъ мы и переходимъ.

§ 2) Первоначальное накопленіе капитала и первый земельный захватъ. Образованіе классовъ. Паденіе Кіевской Руси.

Ни одна общественная группа, начиная съ момента ея первичнаго образованія, не состоитъ изъ экономически-однородныхъ человѣческихъ ячеекъ. Разслоеніе, „дифференціація" происходитъ на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи и представленіе объ экономическомъ равенствѣ въ „до-капиталистическомъ" строѣ и даже въ строѣ первобытныхъ племенъ, есть такая же иллюзія, какъ представленіе о „натуральномъ" „замкнутомъ" хозяйствѣ этихъ эпохъ.

Слѣды первоначальнаго *внутренняго* разслоенія восточныхъ славянъ, если не экономическаго, то политическаго, можно отмѣтить еще въ VI вѣкѣ на Карпатахъ. Византійскіе писатели говорятъ, что въ эту эпоху Славяне распадались на множество племенъ, которыми управляли многочисленные князьки или филархи. Слѣдовательно, на Карпатахъ господствовалъ еще родовой бытъ и эти князьки были родоначальниками. Такъ какъ въ современныхъ дикихъ племенахъ родоначальники всегда богаче остальныхъ членовъ рода, то, по аналогіи, можно представить себѣ, что и на Карпатахъ уже началось экономическое отслоеніе верховъ. Съ VII вѣка восточные Славяне двигаются въ Поднѣпровье. Переселяясь понемногу въ теченіе двухъ вѣковъ, они теряли родовыя связи. „Одни родичи уходили, другіе оста-

вались; упедшіе селились на новыхъ мѣстахъ не рядомъ, сплошными родственными поселками, а въ разброску, одинокими, удаленными другъ отъ друга дворами. Къ этому вынуждало тогдашнее состояніе страны, куда направлялась славянская колонизація; каждый выбиралъ для поселенія мѣсто, удобное для ловли и охоты, а среди лѣсовъ и болотъ такія мѣста не шли обширными сплошными пространствами." (Ключевскій. Боярская Дума стр. 24). Еще готскій историкъ Іорнандъ, описывая территорію Кіевской Руси, говоритъ, что эта обширная страна покрыта лѣсами и непроходимыми болотами. Славяне поселялись на болѣе открытыхъ, сухихъ и возвышенныхъ мѣстахъ - островкахъ, на которыхъ поселиться цѣлому роду было бы тѣсно. Отсюда развивается хуторская форма поселеній—отдѣльными семьями или небольшими группами семей—задругами (мелкими родовыми группами). Этотъ взглядъ на первоначальную форму поселеній, поддерживаемый многими историками, находитъ подтвержденіе, съ одной стороны, въ современномъ типѣ поселеній въ рѣдко-населенныхъ и при томъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а съ другой стороны—въ тѣхъ остаткахъ древнихъ поселковъ, которые называются городищами. По словамъ Блюменфельда [1]) „чѣмъ дальше мы удаляемся отъ центра къ окраинамъ, отъ полосы скученнаго земледѣльческаго населенія и высокой земледѣльческой культуры въ мѣстности рѣдкаго населенія и полудикаго хозяйства, или чѣмъ ниже спускаемся мы въ глубь исторіи, тѣмъ чаще мы встрѣчаемся съ хуторнымъ типомъ поселеній и потому мы можемъ съ большой вѣроятностью сказать, что въ до - княжеской Руси такой типъ былъ господствующимъ!"

Хуторской типъ поселеній былъ необходимъ при звѣроловномъ бытѣ и переложномъ (подсѣчномъ) земледѣліи среди лѣсовъ и болотъ. Если бы древніе славяне были кочевниками - скотоводами на открытыхъ степяхъ, они какъ и современные кочевники, дольше бы сохранили формы родового общежитія, т. к, пастушескимъ племенамъ удобнѣе кочевать по безбрежнымъ степямъ болѣе или менѣе крупными коллективностями. Но природныя условія заставили ихъ заняться промыслами, способствовавшими быстрой индивидуализаціи, быстрому разложенію рода на мелкія группы, простыя или сложныя семьи. Судя по городищамъ—круглымъ или четырехугольнымъ площадямъ, обнесеннымъ валомъ отъ 200 до 1000 шаговъ въ окружности, расположеннымъ въ Поднѣпровьи на раз-

[1]) Блюменфельдъ. Къ вопросу о землевладѣніи въ древней Руси. стр. 52.

стояніи 4—8 верстъ другъ отъ друга,[1]) размѣры этихъ мелкихъ группъ были не особенно велики. Благодаря разбросанности поселеній, власть родового старшины—князька начала смѣняться властью домовладыки—главы семейства или задруги.

Это разложеніе рода должно было повести къ раздѣленію родового имущества: раздѣланныя каждой семьей пашни, пріобрѣтаемый ею скотъ и орудія, естественно, уже становились собственностью этой семьи, а не отдѣльнаго рода.

Итакъ, въ первые же вѣка по разселеніи славянъ, племена и роды начинаютъ разлагаться, исчезать съ горизонта „Славянское народонаселеніе различныхъ мѣстностей потеряло свои родовыя имена, и, значитъ, потеряло сознаніе о племенныхъ союзахъ.“ (Соловьевъ Исторія Россіи т. XIII). Это раздѣленіе на части могло произойти еще до пришествія варяговъ, но тогда же мелкія семейныя группы начинаютъ подвергаться обратному процессу *сцѣпленія*, но уже подъ вліяніемъ не родовыхъ, а чисто экономическихъ, торговыхъ интересовъ. Въ мѣстахъ, болѣе удобныхъ для поселенія, какъ, напримѣръ, на территоріи Кіева, скопляется большое количество семействъ, привлеченныхъ торговлей; и мало по малу, среди разбросанныхъ жилищъ вырастаютъ болѣе или менѣе крупные торговые центры, погосты и города. Эти центры, согласно извѣстной теоріи г. Ключевскаго, подчиняютъ своему вліянію окрестное населеніе и, взамѣнъ племенныхъ союзовъ, образуются городовыя области. Естественно, что такая трансформація соціальнаго строя не могла не оказать вліянія на экономическое разложеніе населенія. Тѣ лица, на рукахъ которыхъ сосредоточивались торговля и управленіе, выдѣляются подъ именемъ „лучшихъ людей“ „нарочитыхъ мужей“, „старцевъ градскихъ“ и позднѣе „земскихъ бояръ“ въ особый классъ. Ясные слѣды существованія верхняго класса, образовавшагося *внутри* туземной массы, встрѣчаются въ X вѣкѣ, именно въ разсказѣ о посольствѣ древлянъ къ Ольгѣ „Древляне избраша лучшіе мужи, иже держаху деревскую землю и послаша по ню.“ О старцахъ градскихъ или людскихъ

Примѣчаніе: [1]) Относительно городищъ существуетъ нѣсколько мнѣній: одни считаютъ ихъ остатками семейныхъ храмовъ, другіе - городовъ третьи—укрѣпленныхъ мелкихъ поселеній. Въ пользу третьяго мнѣнія говоритъ, какъ ихъ многочисленность (въ Черниговской, Курской Полтавской и Кіевской губ. найдено болѣе 600, во всей Россіи 5000 и постоянно открываются новыя) такъ и незначительные размѣры, а также множество предметовъ домашняго обихода, находимыхъ въ нихъ.

встрѣчается упоминаніе при Владимірѣ Св. При немъ и заканчивается ихъ роль, какъ совѣтниковъ князя. Эти градскіе старцы, по мнѣнію Ключевскаго, появились еще до Варяговъ, при образованіи городовъ и представляли военно-торговый классъ, обладавшій значительнымъ имуществомъ и политическою властью. Изъ нихъ выходили старосты, тысяцкіе, сотскіе и другія административныя лица.

Итакъ, очень рано изъ общей массы „русскаго населенія долженъ былъ выдѣлиться классъ лицъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ богатство или вліяніе. Это были или члены старѣйшихъ по колонизаціи задругъ, или люди, разбогатѣвшіе отъ торговли. (Блюменфельдъ. стр. 98.) Этотъ видъ разселенія мы называемъ первоначальной *внутренней органической дифференціаціей*, т. к. какъ она происходила въ средѣ туземныхъ элементовъ еще до пришествія Варяговъ. Насколько велика была эта внутренняя дифференціація, можно предполагать по тому обложенію, которое произвели Новогородцы въ 1018 году съ цѣлью найма Варяговъ для похода на Святополка: „начаша скотъ (деньги) сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ.“ Максимумъ налога превышалъ минимумъ, по однимъ разсчетамъ (Блюменфельдъ, Бѣляевъ) въ 135 разъ, по другимъ (Ключевскій) въ 112½, по третьимъ (Дьяконовъ) въ 225 разъ. Мужи—это тотъ классъ, который, впослѣдствіи, получилъ названіе „людей“, черныхъ людей крестьянъ. Это, вѣроятно, главы семействъ трудовой массы.

Если указанный налогъ былъ подоходнымъ, то доходы верхняго класса превышали доходы нижняго въ десятки и сотни разъ...

Эта внутренняя дифференціація скоро усиливается еще приходомъ Варяговъ, начинающихъ играть замѣтную роль въ Поднѣпровьи со второй половины IX вѣка. Варяги, кто бы они ни были, какъ народность—Шведы, Даны, прибалтійскіе Германцы—являлись, какъ классъ, преимущественно вооруженными купцами или воинами наемниками. Осаживаясь въ большихъ городахъ Руси, Варяги встрѣчали здѣсь классъ населенія, соціально имъ родственный и нуждавшійся въ нихъ, классъ вооруженныхъ купцовъ и входили въ его составъ, вступая въ торговое товарищество съ туземцами или нанимаясь за хорошій кормъ оберегать русскіе торговые пути и торговыхъ людей, т. е. конвоировать русскіе торговые караваны.“ (Ключевскій Курсъ I стр. 156.)

Слившись съ верхними слоями туземцевъ, они захватили власть надъ окружными областями и образовали пер-

выя русскія княжества.

Результатомъ прихода варяговъ и образованія княжествъ, соединенныхъ вокругъ Кіева, которому всѣ области начинаютъ платить налоги, было дальнѣйшее развитіе экономической дифференціаціи, подкрѣпленной политическою властью. Князья окружаютъ себя дружиной; мѣстные лучшіе люди, огнищане, земскіе бояре и проч. частью входятъ въ составъ княжескихъ дружинъ. Оба верхнихъ слоя—пришлый и туземный довольно тѣсно переплетаются между собой и составляютъ уже внушительный, по размѣрамъ, классъ, хотя далеко еще не превратившійся въ замкнутое сословіе. Такъ, въ дружину Владиміра Св. приглашается юноша—богатырь, скорнякъ по профессіи, побѣдившій печенѣжскаго богатыря: въ числѣ галицкихъ бояръ значатся „поповы сыны“ и даже „отъ племени смердья“; былинный Илья Муромецъ была тоже крестьянскій сынъ. Но, надо полагать, что только исключительная личная доблесть или какія нибудь счастливыя обстоятельства пролагали единицамъ изъ низшихъ слоевъ дорогу въ привиллегированные классы, плотнымъ кольцомъ облегавшіе князя, а для массъ—доступъ въ дружину былъ мало досягаемъ.[1]) Вмѣстѣ съ князьями дружинники, а иногда и купцы ходили въ Византію, объѣзжали область за „полюдьемъ“, совершали походы, захватывали плѣнныхъ, дѣлая ихъ рабами, захватывали скотъ и другое имущество, получали жалованіе и другіе подарки—словомъ, обогащались всѣми доступными тогда способами. Благодаря этому, благодаря политической власти, войнѣ и торговлѣ, верхніе слои быстро накапливаютъ значительныя имущественныя цѣнности. У черниговскаго Святослава, кромѣ табуна въ 4 тысячи головъ, было найдено 900 скирдъ хлѣба на гумнѣ, а въ подвалахъ 5000 пудовъ меда и проч.

Владиміръ Мономахъ подарилъ отцу за обѣдомъ 300 гривенъ золотомъ (болѣе 15 тысячъ рублей), а Владимірко князь Галицкій хотѣлъ подкупить Всеволода 1200 гривнами серебра. Смоленскій князь Ростиславъ получилъ съ 25 городовъ, 30 селъ и многочисленныхъ погостовъ своего княжества 3150 гривенъ серебра, 34 лисицы, 10 черныхъ куницъ, трое саней рыбы, 2 скатерти, 3 убруса, и 1 осетра. Стоимость серебра 50 тысячъ рублей. Какъ видно, глав-

[1]) Впрочемъ, Хлѣбниковъ говоритъ, что въ дружинахъ княжескихъ участвовали сначала преимущественно норманны, но мало по малу въ нихъ проникли славянскіе элементы. Въ походахъ Игоря и Олега участвовали всѣ славянскія племена. Послѣ этихъ походовъ масса войска разошлась по домамъ, но лучшихъ воиновъ князья оставляли въ дружинахъ. Варяги обходились очень дорого и ихъ держали лишь въ силу необходимости.

ная форма дани въ XII вѣкѣ была уже денежной.[2]) Среди бояръ были вельможи, не уступавшіе князьямъ. У Шимона Варяга въ его „домѣ“—(древне-римская фамилія) было, ни много ни мало, 3000 душъ семьи, дружины и челяди, у Новгородца Емина—400, у Родіона Несторовича (впрочемъ жившаго уже въ удѣльную эпоху)—1700 и проч.

Обычный окладъ боярскаго жалованія въ XII вѣкѣ—200 гривенъ кунъ (50 фунтовъ серебра). Сынъ Шимона Варяга пожертвовалъ на гробъ Преподобному Ѳеодосію 500 фунтовъ серебра и 50 фунтовъ золота....

Въ общемъ, до X—XI вѣковъ князья, бояре и дружинники накопляютъ преимущественно *движимое* имущество: скоть, деньги, рабовъ. Будучи пришлыми „наемниками“ кочующими по всей землѣ и по торговымъ путямъ, занятые, преимущественно, сборомъ дани и торговлей, общественные верхи сначала мало интересовались земельной собственностью и землей вообще, тѣмъ болѣе, что хлѣбопашество въ народномъ хозяйствѣ еще не играло замѣтной роли. Но, когда земледѣліе начинаетъ выдвигаться на первый планъ, и когда вмѣстѣ съ этимъ наблюдается уже нѣкоторое истощеніе источниковъ звѣроловнаго хозяйства—появляются зачатки *частнаго* землевладѣнія. Прежде всего они наблюдаются въ средѣ князей. Уже въ X вѣкѣ княжна Ольга устраиваетъ по всей землѣ свои „мѣста“ и „села“, „ловища“ и „перевѣсища“, ясно, что Ольга старалась захватить доходныя мѣста охотничьяго промысла. У матери Владиміра Св. было свое село Будятино; много селъ было и у самого Владиміра.

Частное некняжеское землевладѣніе въ X вѣкѣ еще неизвѣстно. Впервые указанія на него встрѣчаются въ 1006 году въ договорѣ Владиміра Св. съ волжскими болгарами—именно о запрещеніи торговать непосредственно съ „огневтиной“ и „смердиной“. „Огневтина“ челядь—рабы, принадлежавшіе огнищанамъ и жившіе по селамъ. Въ XII и XIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ уже м.ого указаній на челядь сельскихъ холоповъ, проживавшихъ въ частныхъ владѣніяхъ князей и бояръ. Въ Путивлѣ—дворовомъ селѣ князя Святополка было 700 холоповъ; городъ Минскъ тоже былъ населенъ почти исключительно княжескими холопами. По мнѣнію Ключевскаго, рабовладѣніе было не только экономическимъ условіемъ, но и первоначальнымъ юридическимъ проводникомъ идей частнаго землевладѣнія. Эта земля *моя* по-

[2]) См. Красноперова. Данныя по географіи Смоленскаго и Новгородскаго княжествъ въ XII вѣкѣ. Ж. М. Нар. Просв. Іюнь 1901 г. № 6.

тому что *мои* люди на ней сидятъ. Намъ кажется, что если существующіе классы въ Кіевской Руси, какъ мы говорили, монополизировали спеціально скотоводческій промыселъ, то этотъ фактъ могъ способствовать развитію частнаго землевладѣнія т. к. мѣстъ, удобныхъ подъ пастбища и сѣнокосы въ лѣсныхъ раіонахъ было, вѣроятно, немного и захватывать ихъ для себя являлось для крупныхъ скотовладѣльцевъ—собственниковъ необходимымъ. Землевладѣлецъ и скотовладѣлецъ назывались „огнищанами“ а огнище, по мнѣнію Ключевскаго, обозначало, собственно, стоянку пастуховъ. Стало быть, ассоціація идей у первыхъ создателей института частной земельной собственности была такова: мои пастухи здѣсь пасутъ мой скотъ: ergo, эта земля моя.

Но, если верхамъ общества во вторую половину Кіевской эпохи уже былъ смыслъ обзаводиться частной земельной собственностью, то заводить свое *земледѣльческое хозяйство* не было какихъ либо вѣскихъ резоновъ.. И, дѣйствительно, Русская Правда еще не знаетъ холопа—страдника т. е. пахотнаго: онъ появляется лишь въ XV вѣкѣ; въ Кіевскую же эпоху онъ не успѣлъ еще выдѣлиться изъ „рядовичей“, которыхъ хозяинъ приставлялъ ко всякому черному труду.

Земледѣльческое хозяйство, да еще крупное—вещь хлопотная. Заводить его для цѣлей сбыта не имѣло смысла, ибо громоздкіе продукты земледѣлія не могли выдержать далекихъ перевозокъ. Слѣдовательно, хлѣбопашествомъ можно было заниматься только для собственнаго пропитанія и земледѣльческое хозяйство дѣйствительно было еще натуральнымъ. Вдобавокъ, дружинникъ пропитывался вокругъ князя, и если кому и надо было вести земледѣльческое хозяйство для пропитанія, то это князьямъ, тѣмъ болѣе, что какъ мы сейчасъ видѣли, налоги, (дань) платимыя населеніемъ, пріобрѣтаютъ къ XI вѣку денежную форму. „Въ основѣ финансоваго устройства, говоритъ Покровскій, лежало денежное хозяйство. Помимо прямыхъ указаній лѣтописи, которая говоритъ о шелягахъ, гривнахъ и т. д.. нетрудно догадаться, что Новгородцы не могли отправлять въ Кіевъ говядину или баранину въ натуральномъ видѣ“. (Сборн. мелк. земск. един. 200). У князей мы и видимъ указаніе на такое крупное хозяйство, какъ 900 скирдъ хлѣба

Но и князья и дружинники не сидѣли на одномъ мѣстѣ. Князья путешествовали на полюдье, ѣздили въ Грецію продавать набранные товары. Оставаясь дома, они вели мѣстныя войны, судили, правили, для чего или переѣзжали съ

мѣста на мѣсто, или сидѣли по большимъ городамъ, а не въ своихъ селахъ. Тоже самое дѣлала съ княземъ и его дружина. Благодаря очередному порядку княженія, князья постоянно передвигались съ одного „стола“, изъ одного города въ другой. Дружинники, или двигались за своими князьями или переходили отъ одного князя къ другому. Изъ 150 дружинниковъ упоминаемыхъ въ лѣтописи до смерти Ярослава, всего шестеро по смерти князя отца, оставались у сына и только шесть осталось въ одной и той же волости. „Главнымъ образомъ, благодаря этой подвижности, прибавляетъ Ключевскій, у бояръ туго развивалась и самая крѣпкая привязь къ мѣсту--землевладѣніе.“ (курсъ I стр. 236). Вообще пришлый классъ, въ значительной степени, еще не утратилъ того бродячаго характера, которымъ отличались „проворные даны“. Результатомъ этого бродячества являлся абсентеизмъ, присущій тогдашнимъ крупнымъ владѣльцамъ, едва ли не болѣе, чѣмъ нынѣшнимъ. Туземные „лучшіе люди“ вѣроятно были болѣе осѣдлыми, если не вошли въ составъ княжескихъ дружинъ; но они тянули къ наиболѣе прибыльному занятію—торговлѣ, которая и должна была ихъ удерживать въ городахъ.

Такимъ образомъ, отсутствіе широкаго сбыта хлѣба, неизбѣжный абсентеизмъ, наконецъ, слабое развитіе земледѣлія, еще не взявшаго окончательно верхъ надъ охотничьими промыслами, все это удерживало лицъ, накопившихъ значительные капиталы въ видѣ скота, денегъ и рабовъ, отъ употребленія ихъ въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Но, когда сгущеніе населенія заставило трудовыя массы свободнаго „смердья“ переходить на земледѣліе, капиталисты нашли способъ выгодно пустить въ оборотъ накопленные капиталы, именно въ *чужомъ крестьянскомъ хозяйствѣ*. Съ этого времени система раздачи въ ссуду необходимыхъ земледѣльцамъ средствъ производства: скота, орудія, сѣмянъ или даже просто денегъ, начинаетъ практиковаться; практика эта развивается съ вѣками и, въ концѣ концовъ, какъ говорятъ многіе историки, приводитъ къ институту крѣпостного права.

Въ Кіевскую эпоху земля не имѣла цѣнности т. к. большинство ея лежало „впустѣ“; но средства для обработки земли, какъ мы видѣли, имѣли громадную цѣнность, по разсчетамъ Хлѣбникова, въ 10 разъ превышавшую нынѣшнюю, такъ какъ ихъ было мало и они были монополизированы въ рукахъ господствующихъ классовъ. И вотъ, на почвѣ этой монополіи, на почвѣ спроса и предложенія, возникаетъ среди трудящихся новый обширный классъ *ролейныхъ за-*

куповъ, выдѣлившихся изъ свободныхъ смердовъ, именно, благодаря отсутствію необходимыхъ средствъ. Кто такіе были закупы—вопросъ спорный. Одни полагаютъ, что это были наемные рабочіе, наймиты, какъ они и названы въ одной статьѣ Русской Правды, получавшіе отъ господина плату („цѣну“ или „копу“) впередъ, другіе что—нѣчто вродѣ издѣльныхъ арендаторовъ, обязанныхъ отрабатывать хозяину съ процентами взятыя въ ссуду деньги и прочія средства производства, при чемъ ссуда обезпечивается самозалогомъ. Но, кто бы они ни были—несомнѣненъ тотъ фактъ, что они доставляли капиталистамъ—хозяевамъ значительную прибыль, размѣры которой опредѣляются тѣмъ, что обычный, законный процентъ денежныхъ займовъ составляетъ не менѣе 50%, а при займахъ натурой—именно скотомъ, вѣроятно наиболѣе распространенныхъ—200%. Въ вопросахъ Кирика (XII в.) епископъ даетъ наставленіе брать лихву „милосердную“—60%—80%.

Понятно, что раздача ссудъ закупамъ являлась гораздо болѣе выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, чѣмъ веденіе собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Высота роста показываетъ сильную нужду въ средствахъ производства, которыя были мало доступны народнымъ массамъ, т. к. добывались войной и торговлей. Вообще, гость и дружинникъ могли обойтись безъ земледѣльца: первый могъ добыть себѣ все нужное торговлей, второй—войною; но земледѣлецъ не могъ обойтись безъ орудій и скота; онъ принужденъ былъ соглашаться на всѣ условія своего господина, и становиться въ полурабскую зависимость отъ него, зависимость, которая отражалась еще и на общественномъ положеніи „закупа.“ (Блюменфельдъ стр. 240.)

Усиленіемъ спроса на капиталъ и монополизаціей его въ рукахъ господствующихъ классовъ, живущихъ преимущественно въ городахъ, объясняется высота заемнаго процента. „Нѣсколько позднѣе, въ XIII вѣкѣ. когда торговый городъ потерялъ свое преобладаніе въ народно-хозяйственной жизни, духовные пастыри находили возможнымъ требовать „легкаго“ роста по 3 куны на гривну или по 7 рѣзанъ т. е. по 12 или 14%. (Ключевскій Курсъ I. 301.) Вопреки Рожкову, считающему, что высокій ссудный процентъ въ Кіевской Руси есть слѣдствіе рѣдкости и дороговизны капитала, обусловленныхъ, въ свою очередь, слабостью мѣновыхъ сношеній, именно въ послѣдующую эпоху, когда городъ и торговля теряютъ первенствующее значеніе. когда на первый планъ выступаетъ деревня и натуральное хозяйство, капиталъ какъ будто „дешевѣетъ“, если судить по ростовому

проценту. Очевидно, что причина дороговизны капитала въ Кіевской Руси не слабость мѣновыхъ отношеній, которыя въ Руси верхне-волжской, во всякомъ случаѣ, были слабѣе, а въ усиленномъ спросѣ на него, появившемся со стороны трудовой массы вслѣдствіе перехода на земледѣліе. Члены сельской семьи-задруги, выдѣлявшіеся изъ нея по той или другой причинѣ, не могли сами завести своего хозяйства и должны были изъ свободнаго состоянія переходить въ полусвободное закупничество, откуда ужъ не долго было до обельнаго (полнаго) холопства. Быть можетъ, этому способствовало продолжавшееся разложеніе родового быта, которое, съ развитіемъ земледѣлія, должно было еще усилиться.

Итакъ, сосредоточеніе капитала въ рукахъ господствующихъ классовъ, усилившееся со времени сліянія верховъ туземной массы съ пришлымъ военно-торговымъ элементомъ, создало и въ нижнихъ слояхъ этой массы значительную дифференціацію. Они раздѣлились на три класса: свободныхъ старцевъ, полу-свободныхъ закуповъ и не свободныхъ холоповъ. Разслоилось населеніе; съ развитіемъ земледѣлія обрисовываются первые контуры разслоенія по землевладѣнію. Появляется земельный захватъ, составляющій обычную принадлежность первоначальныхъ фазисовъ земледѣлія, появляется, прежде всего со стороны верхнихъ слоевъ, которымъ рабскій и закупническій трудъ позволялъ занимать обширныя пространства земли. Мы видимъ, что въ X вѣкѣ создается княжеское землевладѣніе, въ X в. частное землевл. свѣтскихъ лицъ. Въ томъ же вѣкѣ появляется и монастырское землевладѣніе, быстро разрастающееся, благодаря княжескимъ пожалованіямъ и вкладамъ частныхъ лицъ. Кромѣ того, монастыри пріобрѣтаютъ земли и покупкой. Такъ, въ XII вѣкѣ Антоній Римлянинъ купилъ для основаннаго имъ монастыря землю у посадничьихъ дѣтей Смихна и Прохна съ точнымъ обозначеніемъ границъ.[1]) На монастырскихъ и церковныхъ земляхъ селился довольно распространенный классъ изгоевъ. Изгои образовались изъ лицъ разныхъ состояній, выбившихся изъ прежней колеи, (обанкрутившихся купцовъ, неграмотныхъ и потому неспособныхъ къ исправленію требъ, поповскихъ сыновей, выслужившихся холоповъ и т. д.), отставшихъ отъ прежнихъ занятій и лишенныхъ средствъ къ существованію. Они отдавались подъ покровительство духовенства

Примѣчаніе. [1]) Купля—продажа земель (населенныхъ) существовала и въ свѣтской средѣ. Особенно часто покупали князья. Волынскій князь Владиміръ Васильевичъ купилъ село Березовичи у Давидовича Федорки и заплатилъ за него 50 гривенъ кунъ, 5 локтей скарлаты и досчатую броню.

и духовенство надѣляло ихъ, въ качествѣ работниковъ, полевымъ или усадебнымъ надѣломъ, на правахъ временныхъ или безсрочныхъ арендаторовъ. Такіе арендаторы были выгоднѣе для хозяевъ, чѣмъ бездомные холопы, которымъ не было интереса лучше обрабатывать землю. Поэтому, развитіе монастырскаго хозяйства пошло впередъ убыстреннымъ темпомъ. Вообще монастыри и церкви сильно способствовали внѣдренію понятія о частной земельной собственности, отчасти личнымъ примѣромъ, т. к. они первые начинаютъ отграничивать свои владѣнія межами, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что духовенство, въ своихъ интересахъ, отстаиваетъ и развиваетъ право завѣщанія, ибо вклады по завѣщанію доставляютъ духовенству большой доходъ. „Развитіе завѣщательнаго права оказываетъ громадное вліяніе на образованіе института частной собственности.“ (Блюменфельдъ стр. 113.)

Такимъ путемъ, въ XI вѣкѣ, начинаетъ, главнымъ образомъ въ верхнихъ слояхъ, развиваться идея *частной земельной собственности*.

Въ Русской Правдѣ, въ ея первоначальной редакціи XI вѣка имѣется такая статья: „А межу переоретъ или перейметъ, то за обиду 12 гривенъ.“ Въ редакціи XII вѣка эта статья расширяется и детализируется. „Аже межу перегнетъ бортную—или ролейную разоретъ, или дворную тыномъ перегородитъ межу, то 12 гривенъ продажи. Аже дубъ подотнетъ знаменный или межный, то 12 гривенъ продажи.“ Каждый видъ угодій: борти пашни, лѣса, усадьбы, къ XII вѣку уже отграничивается межами и за нарушеніе границъ полагается значительный денежный штрафъ.

Но, всетаки, надо полагать, что земли, захваченныя верхними слоями въ частную собственность, въ кіевскій періодъ составляли еще незначительную часть того пространства, которое было вольнымъ и, либо лежало впустѣ, либо обрабатывалось и осваивалось свободнымъ трудовымъ классомъ смердовъ. Каково было положеніе этого класса и на какихъ правахъ оно пользовалось освоенной имъ землей?

Мы говорили выше, что восточные славяне, вѣроятно, разселились по равнинамъ, отдѣльными хуторами, въ которыхъ жили болѣе или менѣе крупныя семьи—задруги. Родовыя связи ослабѣли вмѣстѣ съ разселеніемъ по хуторамъ; владѣніе имуществомъ въ особенности движимымъ, начинаетъ превращаться если не въ личное, то, во всякомъ случаѣ, въ семейное. У смерда оказываются, по Русской Правдѣ, свои кони, борти; на съѣздѣ 1103 г. говорится о смердьемъ „селѣ“ и „имѣніи“. Лаппо-Данилевскій думаетъ,

что „подъ селомъ смерда слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть вообще занятый имъ участокъ съ дворомъ и принадлежностями его хозяйства, „имѣніемъ“ его усадьбу, хуторъ или что нибудь подобное.“ (Крестьянскій строй сб. статей стр. 7.)

Дьяконовъ полагаетъ (см. очерки обществен. и государств. строя древн. Руси.), что были смерды—арендаторы земли у крупныхъ владѣльцевъ и хозяева собственники. Имущество смерда передавалось по наслѣдству сыновьямъ; дочери получали лишь часть (оже будетъ у него дщери дома, то даяти часть на ня) остальная переходила къ князю. Ключевскій объясняетъ этотъ законъ такъ: „Смердъ, работавшій на княжеской землѣ со своимъ инвентаремъ, могъ передавать дочерямъ только движимое имущество; остальное, т. е. участокъ земли и дворъ послѣ смерти не оставившаго сыновей, наслѣдовалъ князь.“ (Курсъ I, стр. 298.)

Такимъ образомъ, у смердовъ было свое собственное имущество, которымъ они распоряжались по своему усмотрѣнію. Было ли это имущество индивидуальнымъ, или оно принадлежало семьѣ, или задругѣ т. е. болѣе крупному коллективу—(сложной семьѣ) сказать трудно. Вездѣ скорѣе всего индивидуализируется движимое имущество и, по Русской Правдѣ, мы видимъ, что конь, борть принадлежатъ, во всякомъ случаѣ. отдѣльнымъ смердамъ. Затѣмъ, идетъ ивдивидуализація той недвижимости, которая цѣликомъ или въ значительной степени создана руками человѣка—избы, дворы, усадьбы. Но была ли индивидуализирована собственность на всю землю, освоенную отдѣльными смердами, уже въ Кіевской Руси?

Этотъ вопросъ встрѣчается съ другимъ вопросомъ: что такое вервь? Въ Русской Правдѣ вервь является болѣе или менѣе крупной территоріальной единицей, члены которой связаны круговой порукой по судебнымъ и финансовымъ дѣламъ. Вервь встрѣчается, главнымъ образомъ, въ южной Руси; въ Новгородской области мы находимъ другую территоріальную единицу—погостъ. Есть кое-гдѣ и третья единица—сотня, составляющая пережитокъ древняго, военнаго дѣленія.

Вервь, вѣроятно, когда то была родовымъ союзомъ, но уже въ эпоху Русской правды, какъ таковой, она находилась въ состояніи разложенія; но, какъ территоріальная единица. она имѣла свои границы, т. к. отвѣчала за „мертвое тѣло“, находимое на ея землѣ.

Въ сохранившемся отъ 1400 года статуѣ Далматской общины—Полицы „вервь“—семейная община, имѣющая раз-

ныя формы землепользованія: въ однихъ общинахъ члены владѣютъ всей землей сообща, безъ раздѣловъ, въ другихъ —пашня подѣлена на дворовые участки, въ третьихъ—подѣлены и пашня и лѣсъ. Первый, сопоставившій вервь Русской Правды съ Далматской вервью—Леонтовичъ: и та и другая, по его мнѣнію, родовыя группы. По Бѣляеву—вервь—земельное товарищество свободныхъ крестьянъ, артель подобная позднѣйшему складничеству. По Блюменфельду, по мѣрѣ размноженія членовъ задруги, нѣкоторые изъ нихъ выдѣлялись и основывали новую задругу, которая продолжала тянуть къ старой; путемъ колонизаціи возникалъ союзъ задругъ, составлявшій территоріальную общину.

„Господствующимъ типомъ поселеній была территоріальная община, слагавшаяся изъ совокупности мелкихъ хуторовъ, задругъ" разсѣявшихся среди непрогляднаго лѣса, по берегамъ рѣченокъ и группировавшихся вокругъ старѣйшаго поселка. (Стр. 83.)

Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ мнѣній и отрывочныхъ указаній и источниковъ съ извѣстной опредѣленностью можно вывести только, что въ Кіевской Руси было *двѣ* формы землевладѣнія у трудовыхъ массъ: личное или семейное и коллективное землевладѣніе группы семей, сидящихъ на болѣе или менѣе отграниченной общей территоріи.

Мелкая или крупная семья, живущая на отдѣльномъ хуторѣ—поселкѣ, освоивала опредѣленный участокъ земли, который, будучи разработанъ, являлся ея собственностью до тѣхъ поръ, пока она на немъ сидѣла. Эти отдѣльные участки были вкраплены въ территорію какой то болѣе крупной общественной единицы—верви, погоста сотни, позднѣе—волости.

Существованіе семейной собственности, или по крайней мѣрѣ—хозяйства, подтверждается и раскладкой налоговъ. поляне, сѣверяне и вятичи платятъ дань Хозарамъ „отъ дыма"; Ольга беретъ дань „отъ двора", Святополкъ и Владиміръ „отъ рала" и „плуга"; Въ XI вѣкѣ дань собирается „отъ мужа" и „отъ человѣка", но мужъ и человѣкъ —это представители отдѣльныхъ хозяйствъ. Разъ нормой обложенія являлось отдѣльное хозяйство—ясно, что это хозяйство было индивидуализировано.

Мелкіе земельные собственники врядъ ли были защищены общиной отъ экспропріаціи ихъ земель болѣе крупными. Владиміръ Мономахъ хвалится въ своемъ поученіи тѣмъ, что „худыхъ смердовъ и убогія вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти",—слѣдовательно такія обиды были распространеннымъ явленіемъ.

Епископъ Климентъ въ серединѣ XII вѣка говоритъ о „славы хотящихъ, иже прилагаютъ домъ къ дому и села къ селамъ, изгои же и сябры и бортіи и пашни, ляды же и старины", т. е. крупные владѣльцы увеличиваютъ свои имѣнія и сажаютъ въ нихъ поселенцевъ изъ изгоевъ и сябровъ. (О сябрахъ см. дальше.) Концентрація собственности отмѣчена и епископомъ Серапіономъ, который говоритъ, что сильные люди не только „имѣніями не насыщающеся", но даже „свободныя сироты, (подъ сиротами подразумѣвается низшій классъ населенія—смерды) порабощаютъ и продаютъ".

Такимъ образомъ, съ возрастаніемъ интереса къ землѣ, приблизительно, съ XII вѣка уже начался процессъ захвата крупными владѣльцами не только обработанныхъ участковъ, принадлежащихъ смердамъ, не только ихъ имѣнія, но и порабощеніе ихъ самихъ....

Всѣ эти и цѣлый рядъ описанныхъ выше явленій, привели къ тому, что къ началу паденія Кіевской Руси—ко второй половинѣ XII вѣка тогдашнее населеніе разслоилось экономически сверху до низу. Это разслоеніе, эта дифференціація не была еще разслоеніемъ по землѣ т. к. земля все таки, сама по себѣ, безъ обработки еще не являлась цѣнностью. Въ Кіевской Руси, на первомъ планѣ стоитъ еще движимое имущество. „Существенное различіе между древнѣйшими и позднѣйшими памятниками права состоитъ въ томъ, что Русская Правда оставляла совсѣмъ въ сторонѣ отношенія по недвижимостямъ."[1])

Частная земельная собственность возникаетъ лишь къ концу періода и находится еще въ зачаточномъ состояніи. Поэтому, разслоеніе, дифференціація основывалась, преимущественно, на распредѣленіи различныхъ видовъ движимаго имущества.

Какъ и всякое первоначальное разслоеніе, оно является сначала *внутреннимъ*, *органическимъ*.

Изъ однородной массы „людей", „мужей", еще доприхода варяговъ выдѣляются „лучшіе люди", „нарочитые мужи". Развитію такой внутренней дифференціаціи способствуютъ міровые торговые пути, проходившіе черезъ страну, занятую славянами.

Эти лучшіе люди, концентрировавшіеся въ городахъ, захватываютъ въ свои руки власть надъ остальнымъ населеніемъ. Пришедшіе послѣ варяги сливаются съ ними, и внутренняя дифференціація превращается во *внѣшнюю*, пріобрѣтающую политическій оттѣнокъ. Но, такъ какъ ва-

[1]) Брокг. ст. „Россія". т. 55 стр. 534.

ряги застаютъ славянъ еще въ до—земледѣльческомъ фазисѣ и т. к. сами они представляютъ изъ себя подвижной военно—торговый элементъ, то эта внѣшняя дифференціація, первоначально, не касается земли. Прежде чѣмъ перейти къ землевладѣнію, верхніе классы накопляютъ необходимый для сельскаго хозяйства капиталъ: деньги, скотъ, рабовъ. Только съ X-го вѣка, когда земледѣліе становится уже замѣтнымъ элементомъ народнаго хозяйства, появляются первые слѣды княжескаго землевладѣнія, а съ XI-го вѣка—прочихъ свѣтскихъ лицъ и духовенства. „Возникновеніе частной земельной собственности фактически совершилось въ высшихъ слояхъ народа.“ (Блюменфельдъ стр. 104.) Даже г. Рожковъ, который, вопреки очевиднымъ фактамъ, говоритъ о преобладаніи натуральнаго хозяйства, сознается, что „внѣшняя торговля создала начиная съ X-го вѣка, новыя формы землевладѣнія, прежде на Руси невѣдомыя: княжеское, боярское и монастырское... капиталъ далъ возможность занять прочно и надлежащимъ образомъ эксплоатировать болѣе или менѣе обширныя земли посредствомъ приложенія несвободнаго и полусвободнаго труда, т. к. только капиталисты имѣли средства покупать въ значительномъ количествѣ рабовъ и ссужать деньги съ обязательствомъ отработать долгъ съ процентами: такія ссуды приводили къ образованію полусвободнаго класса такъ называемыхъ „закуповъ“, трудъ которыхъ, наряду съ трудомъ холоповъ, имѣлъ очень существенное значеніе въ развитіи княжескаго, боярскаго и монастырскаго землевладѣнія“.

Капиталъ, вторгнувшись въ хозяйственную жизнь трудовой массы, раскололъ ее на три класса: свободныхъ полноправныхъ хозяевъ—смердовъ, полузависимыхъ, не имѣющихъ своихъ орудій и сидящихъ на господской землѣ, закуповъ и абсолютно зависимыхъ холоповъ. Наконецъ, сами смерды, вѣроятно, были также разслоены экономически: одни изъ нихъ имѣли свое хозяйство, даже своихъ холоповъ, платили особенную дань („истужница“ смоленскихъ погостовъ), другіе садились арендаторами на княжескихъ и боярскихъ земляхъ, теряли самостоятельность и превращались въ изгоевъ или закуповъ.

Итакъ, разслоеніе всего населенія на верхніе и нижніе классы, разслоеніе внутри нижнихъ классовъ, первичное образованіе частичнаго землевладѣнія крупнаго и мелкаго и начало захвата земли крупными собственниками—вотъ характерныя черты распредѣленія въ первую эпоху русской исторіи. Эти черты созданы главнымъ образомъ, тѣмъ, что одинъ изъ основныхъ нервовъ народнаго хозяйства—внѣшняя

торговля, былъ монополизированъ господствующими классами: благодаря этому, господствующіе классы оказались единственными обладателями капиталовъ, въ которыхъ населеніе, переходившее на земледѣліе, почувствовало особенно острую нужду. Но эпоха Кіевской Руси не есть еще эпоха захвата земли господствующими классами: земля не представляла еще для нихъ особеннаго интереса, и, вмѣсто захвата земли бродячій воинъ—купецъ предпочиталъ захватъ тѣхъ капиталовъ, посредствомъ которыхъ онъ съ большимъ удобствомъ могъ эксплуатировать тружениковъ земли. Эта беззастѣнчивая эксплуатація, ведущая за собой обнищаніе и безправіе трудовой массы, въ связи съ княжескими усобицами, ослабила политическую мощь Кіевской Руси и послужила одной изъ главныхъ причинъ ея паденія.

Первымъ предвѣстникомъ этого паденія было нашествіе половцевъ, смѣнившихъ въ степи печенѣговъ, которымъ въ 1036 году Ярославъ нанесъ окончательное пораженіе.

Уже въ XI-мъ вѣкѣ половцы прерываютъ „залозный“ путь на востокъ къ арабамъ и заставляютъ населеніе, осѣвшее южнѣе и восточнѣе Кіева, податься на сѣверъ. Начинается изнурительная двухвѣковая борьба съ этими кочевниками, дѣлающими постоянные набѣги на страну и преслѣдующими караваны, ѣдущіе по Днѣпру въ Царь-градъ. Половцы своими набѣгами разоряли смердовъ, которымъ, благодаря дороговизнѣ капитала, съ такимъ большимъ трудомъ доставалось заведеніе собственнаго хозяйства. Разоренному смерду ничего не оставалось, какъ садиться на землю богатаго боярина и надѣвать на себя ярмо закупничества...

Если бы Кіевская Русь была сильна политически, она, быть можетъ, и справилась бы съ кочевниками: но народныя массы не могли сочувствовать князьямъ, первымъ дѣломъ которыхъ было, во время усобицъ, превращать страну своихъ соперниковъ въ развалины, разграбить и сжечь ихъ села и увезти съ собой все, что можно. Особенно князья охотились за плѣнными, которыхъ они обращали въ рабовъ и селили въ своихъ имѣніяхъ. Изъ 83 походовъ Владиміра Мономаха, гордившагося своей гуманностью, только 20 имѣли отношеніе къ половцамъ, а 63 были во имя чести княжескихъ интересовъ; и при возстановленіи этой чести не было оставлено на территоріи враждебныхъ князей „ни челядины, ни скотины“. Охота на рабовъ вызывалась страстью къ колонизаціи.

„XII-й вѣкъ былъ тѣмъ вѣкомъ, когда страсть къ заселенію пустыхъ пространствъ и вообще къ распространенію земледѣльческой культуры была общей.“ (Хлѣбниковъ).

Вслѣдствіе этой страсти, „превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки, сопровождавшуюся уменьшеніемъ свободнаго населенія, княжескія усобицы еще болѣе увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ, и безъ того приниженныхъ аристократическимъ законодательствомъ XI—XII в. в.“ (Ключевскій. Курсъ I, 340).

Народнымъ массамъ, при такомъ положеніи вещей, не оставалось ничего больше, какъ уходить и отъ половцевъ, и отъ князей съ ихъ неправедными тіунами и усобицами. И вотъ, со второй половины XII вѣка рабочее населеніе южной Руси начинаетъ передвигаться, отчасти на западъ, въ глубь Галиціи и Польши, откуда потомъ появляются малороссы, отчасти на сѣверъ, въ междурѣчье Оки и Волги—колыбель московскаго царства и великорусскаго народа. Кіевскія области пустѣютъ, и уже въ 1159 году Святославъ Черниговскій жалуется, что онъ взялъ въ удѣлъ Черниговъ и 7 пустыхъ городовъ, въ которыхъ живутъ псари, да половцы (мирные). Въ числѣ этихъ городовъ былъ богатый нѣкогда Любечъ. „Русь, пустѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднѣла“ (Курсъ I стр. 345), признакомъ чего было паденіе вѣса монетъ въ четыре раза. При Мономахѣ гривна кунъ вѣсила полфунта серебра, а въ 1230 году—только 12—13 золотниковъ. „Поганые“ отнимали уже и греческій путь: впрочемъ, начиная съ крестовыхъ походовъ, торговля Европы съ Азіей переходитъ опять, какъ и въ древности, на море, черезъ Италію и транзитное значеніе рѣчного пути изъ Варягъ въ Греки падаетъ. Только Новгородъ пріобрѣтаетъ, съ развитіемъ ганзейскаго союза, значеніе передаточнаго пункта для сѣверной Европы.

Такимъ образомъ, запустѣніе Кіевской Руси началось подъ вліяніемъ притѣсненія трудовой массы задолго до нашествія Татаръ, точно также, какъ запустѣніе Московской Руси, какъ увидимъ дальше, произошло задолго до смуты. Причины этого запустѣнія, причины массового передвиженія народа, въ обоихъ случаяхъ, были болѣе или менѣе однородны и сводились къ одной главной—къ рѣзкому усиленію эксплуатаціи трудовыхъ массъ господствующими классами.

Въ Кіевской Руси господствующіе классы эксплуатировали массу, захвативши въ свои руки капиталъ, въ Московской,—захвативши землю. Захватъ капитала, въ эволюціи земельныхъ отношеній въ Россіи, предшествовалъ земельному захвату.

Первоначальные зародыши земельнаго захвата въ Кіевской Руси были, сравнительно, слабы. Болѣе усиленное

развитіе—захватъ земли пріобрѣтаетъ въ Руси удѣльной и своего апогея достигаетъ въ Московской Руси, что и служитъ одной изъ главныхъ причинъ второго кризиса, потрясшаго Россію до основанія...

Мы закончили изложеніе перваго періода русской исторіи; читатель видитъ, что этотъ періодъ былъ въ высшей степени оригинальнымъ. Вмѣсто „натуральнаго“, „замкнутаго“ хозяйства, долженствующаго господствовать, по обычнымъ представленіямъ, на зарѣ исторіи всякаго народа мы встрѣчаемъ въ эпоху до-земледѣльческаго фазиса и самаго экстенсивнаго земледѣлія, широкое развитіе мѣновыхъ отношеній, глубокую экономическую дифференціацію и зарожденіе частной собственности.

Теперь намъ ясно, какъ глубоко ошибаются тѣ изслѣдователи, которые считаютъ развитіе мѣновыхъ отношеній ядромъ хозяйственной эволюціи вообще и сельско-хозяйственной въ частности. [1])

---

[1]) Образецъ подобнаго взгляда читатель можетъ найти въ книгѣ г. Лященко „Очерки аграрной эволюціи въ Россіи“. Напримѣръ, авторъ считаетъ общими этапами аграрной эволюціи—„первоначальное накопленіе капитала путемъ накопленія до—капиталическихъ сначала натуральныхъ, затѣмъ денежныхъ рентъ“. (стр. 112) Въ Кіевской Руси накоплялись не натуральныя, а денежныя ренты и не отъ земли, а отъ внѣшней торговли и войны.

Глава III.

УДѢЛЬНАЯ ЭПОХА.

Фазисъ переложнаго земледѣлія; первоначальный захватъ земли.

§ 1. Колонизація; характеръ производства по раіонамъ.

Уголъ, образуемый Окой и верхней Волгой, до XII-го вѣка былъ занятъ преимущественно финнами. На югъ отъ Оки лежали дремучіе лѣса Вятичей; уйти въ эти лѣса „значило спрятаться такъ, чтобы никто не нашелъ". (Ключевскій Курсъ I. 351). Съ половины XII-го вѣка эти лѣса начинаютъ прочищаться и создается „дорога прямоѣзжая" изъ Мурома въ столчный городъ Кіевъ, на который Илья Муромецъ совершилъ одинъ изъ своихъ славныхъ подвиговъ.

Въ 40—50 годахъ въ раіонѣ междурѣчья князья строятъ нѣсколько городовъ. Съ этого же времени впервые упоминается Москва.

Къ первой четверти XIII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ уже насчитывается 20 городовъ; въ томъ же столѣтіи еще до татарскаго нашествія появляются Руза, Гороховецъ, Кострома, Нижній-Новгородъ и т. д. Изъ этого факта—построенія городовъ князьями можно было бы, на первый взглядъ, сдѣлать выводъ, что переселялось въ междурѣчье населеніе городское, торговое и что переселеніемъ руководили князья. Такой выводъ будетъ совершенно неправильнымъ: города, построенные князьями, не были торговыми центрами. Это были укрѣпленные оборонительные пункты, куда, во время нашествія непріятеля, укрывалось населеніе и резиденціи административныхъ лицъ. Торговля же въ этомъ глухомъ краю не могла процвѣтать и туда уходило не городское, а сельское трудовое населеніе Кіевской Руси, которое на югѣ было измучено княжескими усобицами, эксплуатаціей господствующихъ классовъ и набѣгами кочевниковъ. Сѣверные князья только воспользовались этимъ потокомъ, наполнившимъ лѣсныя дебри ихъ владѣній и постарались закрѣпить урегулировать этотъ приливъ путемъ постройки городовъ. Массы славянъ, устремившіяся въ междурѣчье, встрѣтились

и очень быстро ассимилировали такія же деревенскія, почти не дифференцированныя массы коренныхъ туземцевъ финнскаго происхожденія. Сліяніе славянъ съ финнами создало великорусское племя. Оторвавшись отъ торговыхъ путей, отъ широкихъ многоводныхъ рѣкъ съ многолюдными торговыми городами на ихъ берегахъ, переселившись въ область, покрытую лѣсами, болотами, пересѣченную мелкими рѣченками, текущими въ разныхъ направленіяхъ, населеніе потеряло ту связь, которая соединяла въ одно цѣлое, какъ представителей княжескаго рода, такъ и различныя племена Кіевской Руси. Эта связь—внѣшняя торговля выпала въ сѣверо-восточной Руси и населеніе разбилось на рядъ отдѣльныхъ группъ, замкнувшихся въ изолированныхъ территоріяхъ удѣльныхъ княжествъ. Исчезли большіе города, а съ ними исчезъ торговый классъ и въ составѣ верховъ остались лишь князья со своими дружинами. Эта изоляція вытекала, въ значительной степени, изъ характера колонизаціи, обусловленной природными особенностями междурѣчья. „Каждая обширная область, земля, или великое княженіе удѣльной Руси опредѣлились въ своихъ будущихъ предѣлахъ, именно благодаря процессу колонизаціи, потому что поселенцы сразу захватывали возможно болѣе обширный раіонъ и потомъ уже начиналось движеніе внутрь или вглубь отдѣльныхъ, намѣченныхъ вначалѣ областей. Наконецъ самый путь колонизаціи, находился въ сильной зависимости отъ рѣкъ, перерѣзывавшихъ въ разныхъ направленіяхъ страну, а также отъ лѣсовъ, ее покрывавшихъ; поселенцы двигались именно по рѣкамъ и обыкновенно замыкались въ бассейнѣ той рѣки, гдѣ осѣдали, будучи изолированы отъ своихъ сосѣдей непроходимыми лѣсами, занимавшими водораздѣлы между разными бассейнами. [1])

Первоначальный захватъ поселенцами обширныхъ раіоновъ г. Рожковъ объясняетъ привычкой къ старымъ хозяйственнымъ „пріемамъ и къ господствующимъ въ Кіевской Руси отраслямъ производства, требовавшимъ захвата возможно болѣе обширныхъ пространствъ для хозяйственной эксплуатаціи“ (Ibidem).

Г. Рожковъ полагаетъ, что въ Кіевской Руси до самаго конца т. е. до второй половины XII-го вѣка господствовало звѣроловное хозяйство и дикое скотоводство, и привычки къ нему именно и побудили первыхъ поселенцевъ на сѣверо-востокѣ захватывать сразу обширные раіоны. Мы постарались доказать въ предыдущей главѣ, что къ XII-му населеніе занималось уже преимущественно земледѣліемъ,

[1]) Рожковъ. Обзоръ Русской исторіи вып. II стр. 121.

а скотоводство и, можетъ быть, охота, являлись достояніемъ, преимущественно, верховъ. Поэтому, если предполагать, что привычки къ тому или иному способу хозяйства играютъ большую роль, то эти привычки должны были тянуть нашихъ колонистовъ скорѣе на земледѣліе. Но мы думаемъ, что привычки, традиціи, хотя и имѣютъ въ сельскомъ хозяйствѣ извѣстное значеніе, однако, на первый планъ, какъ факторъ сельско-хозяйственной эволюціи мы ставимъ *густоту* населенія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы привычки перевѣшивали значеніе этого фактора, то англійскіе фермеры, переселившись въ Австралію, германскіе крестьяне—въ Америку, наши полтавцы—въ киргизскія степи, завели бы въ безбрежныхъ степяхъ своей новой родины первые—искусственные луга, вторые—плодосмѣнъ, третьи—трехполье. Но вмѣсто этихъ системъ, всѣ они, несмотря на разницу въ степени культурности, заводятъ сначала крайне экстенсивное переложное земледѣдіе и тебеневочное скотоводство. Было бы смѣшно заводить плодосмѣнъ при густотѣ въ 1 человѣкъ на квадратную версту. Этотъ примѣръ указываетъ, что густота населенія въ эволюціи системъ сельскаго хозяйства играетъ первенствующую роль и что, поэтому, если новое населеніе сѣверо-восточной Руси и стремилось сначала заняться звѣроловствомъ, для чего и захватывало обширные раіоны, то это объясняется никакъ не традиціонными привычками, а, именно, самой возможностью на новыхъ мѣстахъ захватывать обширные раіоны, т. е. рѣдкостью населенія.

Но, если въ началѣ колонизаціи возвратъ къ чисто звѣроловному хозяйству, обусловленный неистощенностью зоологическихъ богатствъ края и трудностью земледѣлія среди лѣсовъ и болотъ и былъ возможенъ, то эта возможность очень быстро исчезаетъ съ момента татарскаго нашествія, когда всѣ, оставшіеся въ живыхъ, жители Поднѣпровья бѣжали на западъ или на сѣверо-востокъ. Съ тѣхъ поръ преобладаніе земледѣлія здѣсь становится неизбѣжнымъ и эта неизбѣжность усиливается еще тѣмъ, что до половины XIV вѣка раіонъ междурѣчья Оки и Волги былъ запертъ со всѣхъ сторонъ: съ юга и востока мордвой и татарами, съ сѣвера—продолжавшимся колонизаціоннымъ движеніемъ новгородскихъ выходцевъ. Волей, неволей, при такомъ, отчасти искуственномъ сгущеніи населенія, земледѣліе скоро становится главнымъ источникомъ средствъ существованія и если не съ XIII-го вѣка, то, во всякомъ случаѣ, съ XIV го, надо считать, что производство въ верхне-волжской Руси вступило въ эру *экстенсивнаго земледѣльческаго фазиса.*

Поэтому, глубоко ошибается г. Милюковъ, рѣшающійся утверждать, безъ основательныхъ доказательствъ, что „въ центральномъ поволжьѣ въ XIV—XV в. в. встрѣчаемъ достаточно слѣдовъ, показывающихъ, что зоологическія богатства продолжали служить основой экономической жизни". (Очерки стр. 70). Впрочемъ, онъ опровергаетъ самъ себя, заявляя черезъ нѣсколько строкъ, что „въ лѣсахъ Московской губерніи уже вначалѣ XV-го вѣка, по свидѣтельству Герберштейна, не было иныхъ пушныхъ звѣрей, кромѣ зайцевъ" Неужели исключительно звѣроловное населеніе могло жить однми зайцами? Немножко дальше г. Милюковъ выставляетъ еще болѣе вѣскій аргументъ противъ самого себя: „князья—владѣльцы и, можетъ быть, нѣкоторые крупные собственники давно уже разобрали между собою всѣ эти бобровые гоны, „бортныя ухожья", „рыбные ѣзы" (затворы), словомъ, всѣ лакомые куски тогдашней народной экономіи." Если князья и другіе крупные собственники захватили для себя мѣста охоты и рыбной ловли, то чѣмъ же должны были питаться народныя массы?

Оказывается, что на поддержаніе собственнаго существованія, даже слуги княжескаго двора, (а тѣмъ болѣе всѣ остальные крестьяне) должны были имѣть собственную небольшую запашку.

Итакъ, намъ кажется, что въ XIII—XIV в. в., какъ и въ концѣ Кіевскаго періода земледѣліе является главнымъ занятіемъ трудовыхъ народныхъ массъ; охота, рыболовство, бортничество, скотоводство, какъ въ Кіевской Руси въ сильной степени монополизируются господствующими классами. Лаппо-Данилевскій говоритъ: „древнее великокняжеское хозяйство въ XII—XIV в. в. еще отличалось слѣдами полукочевого быта, ибо основными его элементами были, повидимому, звѣриная и рыбная ловля, скотоводство и отчасти земледѣліе. Для охоты, рыболовства и скотоводства служили дворовые холопы великаго князя... ловчіе, охотники, стрѣлки, сокольники, рыболовы, конюхи. [1]) Г. Рожковъ, довольно подробнымъ анализомъ доказываетъ то же самое, что количество „путиковъ" (мѣстъ для звѣриной охоты), „перевѣсищъ" (для птичьей охоты) бобровыхъ гоновъ и даже дикихъ бортей къ XIV вѣку сильно убавилось, что всѣ эти мѣста монополизированы господствовавшими классами и этими промыслами занимаются уже не массы населенія, а спеціалисты-профессіоналы: ловчіе, сокольники, бобровники, бортники-древолазцы, для массъ же—„времена, почти безраздѣльнаго гос-

[1]) Организація прямого обложенія стр. 1.

подства добывающей промышленности безвозвратно миновали"... Только рыболовство, благодаря обилію рыбы, является еще важнымъ промысломъ до второй половины XVI вѣка.

На первый планъ, какъ массовой промыселъ, выдвигается *земледѣліе*. Уставная грамота митрополита Кипріяна въ 1391 году, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ преобладающемъ значеніи земледѣлія, ибо главныя повинности митрополичьихъ монастырей „игумнову долю пашни пахать, сѣять и жать, рожь молоть, хлѣбы печь, солодъ молотить, на сѣмя рожь молотить". Пашня, во всѣхъ документахъ, выдвигается на первый планъ. (Рожковъ стр. 125).

Система тогдашняго земледѣлія выражалась особой фразой: „садили села на сыромъ кореню". Это была подсѣчная или лядинная система—вырубанія и выжиганія лѣса—„роздерти", „росчисти", „роскоси", „гари". Земледѣльцы должны были часто переходить съ однихъ участковъ на другіе. Послѣ расчистки и сжиганія лѣса, верхне-волжскій суглинокъ становился плодороднымъ на нѣсколько лѣтъ; дольше онъ не выдерживалъ постоянныхъ посѣвовъ и земля переставала родить. „Выжжетъ земледѣлецъ лѣсъ, посидитъ года три и идетъ на другое мѣсто, чтобы трудъ его былъ легче, производительнѣе: лучше было дѣлать новую гарь, чѣмъ заниматься удобреніемъ. Чуть трудъ станетъ тяжелѣе, земледѣлецъ идетъ искать новаго мѣста на просторѣ, гдѣ полюбится. Оттого въ древнихъ памятникахъ до XV-го вѣка не встрѣчается ни одного намека. чтобы земли гдѣ нибудь удобрялись". [1])

Въ силу того „кочевого" земледѣлія и вслѣдствіе права „отказа" крестьянъ, весьма многіе, и притомъ авторитетные историки, какъ Милюковъ, Ключевскій и др. думаютъ, что крестьянинъ удѣльной Руси и самъ былъ кочевникомъ. „Выжигая лѣсъ на нови, крестьянинъ сообщалъ суглинку усиленное плодородіе и нѣсколько лѣтъ къ ряду снималъ съ него превосходный урожай, потому что зола служитъ очень сильнымъ удобреніемъ. Но то было насильственное и скоропреходящее плодородіе: черезъ 6—7 лѣтъ почва совершенно истощалась и крестьянинъ долженъ былъ покидать ее на продолжительный отдыхъ, запускать въ перелогъ. Тогда онъ переносилъ свой дворъ на другое, часто отдаленное мѣсто, поднималъ другую новь, ставилъ „новый починокъ на лѣсѣ". Такъ эксплуатируя землю, великій русскій крестьянинъ передвигался съ мѣста на мѣсто и все въ одну сторону, по направленію на сѣверо-востокъ пока не дошелъ

[1]) Аристовъ. Промышленность древней Руси стр. 58.

до естественныхъ границъ Русской равнины, до Урала и Бѣлаго моря". (Курсъ I стр. 380).

Представленіе о крайней бродячести русскихъ крестьянъ свойственно большинству нашихъ историковъ. Но спрашивается, если бы г. Ключевскій былъ правъ, если бы крестьяне двигались все время на сѣверо-востокъ, къ Уралу и Бѣлому морю, то кто бы остался въ междурѣчьѣ?

Къ XVI столѣтію здѣсь было бы пусто, а на сѣверѣ и на востокѣ набито биткомъ народа. Въ дѣйствительности же было какъ разъ наоборотъ: сѣверъ и сѣверо востокъ, не смотря на то, что колонизуются съ XI—XII в. в., пустынны, вслѣдствіе климатическихъ условій и по сіе время, а въ междурѣчьи къ XVI вѣку населеніе сгустилось до того, что перешло на трехполье. Очевидно, почтенный историкъ, въ данномъ случаѣ сильно преувеличилъ. Нельзя себѣ представить, чтобы большинство крестьянъ черезъ каждыя 6—7 лѣтъ бросали обстроенные дворы, насиженныя мѣста, уже организованное окрѣпшее хозяйство и двигались въ новый путь, подобно кочевникамъ, вся „худоба" которыхъ укладывается на одномъ возу. Земледѣліе именно и является промысломъ, привлекающемъ человѣка къ одному мѣсту. Надо представить себѣ картину тогдашняго хозяйства: между необъятными лѣсами и болотами, поселенецъ отыскиваетъ вблизи какой нибудь рѣчки или источника болѣе сухой пригорокъ и строитъ тамъ дворъ. Въ окружающей чащѣ онъ распахиваетъ сначала болѣе удобныя и близь—лежащія мѣста; когда онѣ истощены, онъ продвигается дальше, но это не значитъ, что онъ бросаетъ свое прежнее жилище. Если удобныхъ мѣстъ, по близости, достаточно, чтобы повторить операцію разработки лѣса нѣсколько разъ, то нѣтъ никакого смысла земледѣльцу кочевать со всѣмъ своимъ, довольно громоздкимъ, имуществомъ по новымъ расчисткамъ. Вѣдь не кочуютъ же современные крестьяне въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, гдѣ до сихъ поръ практикуется эта система. Ермоловъ, согласно даннымъ, взятымъ у г. Щекотова, считаетъ, что при лѣсныхъ подсѣкахъ обыкновенно возвращаются на старые участки черезъ 25—30 лѣтъ; при такъ называемыхъ сыросѣкахъ (расчистка кустарниковъ) даже черезъ 8—10 и до 15 лѣтъ. [1]) Значитъ достаточно было древнему земледѣльцу найти по близости, въ окружающихъ его лѣсахъ, удобныя для пашни мѣста, вчетверо по площади превышающія его обычную норму посѣва, чтобы переселеніе со всѣмъ дворомъ на новыя мѣста было

[1]) См. Ермоловъ. „Организація полевого хозяйства".

излишнимъ. А т. к., съ одной стороны, тогда засѣвали сравнительно мало, съ другой—селились маленькими поселками въ 2—3, а то и въ 1 дворъ, то, надо думать, что, въ большинствѣ случаевъ, земледѣлецъ могъ оставаться на мѣстѣ, разрабатывая землю въ предѣлахъ того участка, которыхъ ограничивался обычнымъ терминомъ „куда топоръ и соха ходили". Здѣсь онъ рубилъ лѣсъ, здѣсь обрабатывалъ пашню, и даже охотился и рыбачилъ; здѣсь и переходилъ, истощивши старые, на новые участки. Въ разныхъ мѣстахъ у него лежали и клочки пашни и сѣнокоса, бортные ухожаи, ловища и перевѣсища, и ручьи и рѣчки, въ которыхъ онъ ловилъ рыбу. Вотъ образецъ такого хозяйства: „се купи Кондратъ у Степана землю отцину его дворь и дворище, горней земли 4 полянки и пригеребь за улицею, 4 лоскута на Юрмоли земли и у перевѣсищахъ и въ тоняхъ и въ ручьѣ отцины его". [1])

При истощеніи почвы вблизи селенія, земледѣлецъ могъ переселиться на лѣто на болѣе отдаленные участки, строить тамъ людскія жилища „лѣтники", временные хутора, какъ строятъ ихъ теперь въ Сибири и въ Уральскомъ войскѣ, вычищать лѣсъ, распахивать и засѣвать новину, а, по окончаніи уборки, возвращаться въ свое постоянное жилище. Наконецъ, стоитъ только посмотрѣть на то, какъ земледѣліе сокращаетъ кругъ кочеваній у киргизовъ, какъ болѣе осѣдлые изъ нихъ переселяются изъ зимовокъ въ кибитки не болѣе какъ на 3—4 лѣтнихъ мѣсяца, и бродятъ не далѣе 20—30 верстъ отъ своего постояннаго жилища, чтобы убѣдиться, на сколько хлѣбопашество является прочной цѣпью' привязывающей къ одному мѣсту. [2]) „Поэтому, мы всецѣло присоединяемся къ мнѣнію Бѣляева: „нельзя сказать, чтобы переселенія крестьянъ съ одной земли на другую были общимъ правиломъ; это, скорѣе, были исключенія, по крайней мѣрѣ, въ XIV—XV столѣтіяхъ, ибо мы во всѣхъ грамотахъ встрѣчаемъ упоминанія о старожильцахъ, какъ на общинныхъ такъ и на частныхъ земляхъ, а старожильцы нерѣдко говорятъ, чтой иной живетъ на занимаемой имъ землѣ 20, иной 30, 40, 50, 80 лѣтъ, что и дѣды и отцы его жили на этой землѣ". (крестьяне на Руси стр. 34). Отрицаетъ бродячесть

---

[1]) См. Блюменфельдъ стр. 94.

[2]) Можно привести еще одинъ доводъ въ пользу мнѣнія о сравнительной осѣдлости крестьянъ. Въ удѣльную эпоху, какъ и въ началѣ московской подати падали не на населеніе, а на землю; если бы крестьяне были такъ подвижны, если бы они постоянно переходили съ мѣста на мѣсто, забрасывая старыя пашни и выбирая новыя-обложеніе земель было бы не возможно, какъ было невозможно въ кіевскую эпоху, когда облагался дворъ („дымъ", „мужъ", „рало"), а не земля.

крестьянъ и проф. Сергѣевичъ: „въ писцовыхъ книгахъ конца XV-го вѣка не замѣтно сколько нибудь чувствительнаго перехода крестьянъ. Весьма распространенное мнѣніе о бродяжничествѣ крестьянъ при свободномъ переходѣ ихъ— далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности". [1])

Только благодаря этой осѣдлости, благодаря тому, что, мало по малу, вокругъ селеній, распахивается вся земля и возникаетъ изъ перелога *трехпольная* система. Въ настоящее время въ Уральскомъ войскѣ господствуетъ еще перелогъ, но вблизи станицъ и поселковъ удобная земля почти сплошь распахана и здѣсь, наряду съ безпорядочнымъ пестрополѣмъ, наблюдаются зачатки правильнаго трехпольнаго сѣво-оборота, Такъ было и въ удѣльной Руси; а къ концу XV вѣка вмѣстѣ съ господствомъ подсѣковъ появляются первые намеки на трехполье, именно въ самомъ древнемъ суздальскомъ уѣздѣ въ 1462 и 1516 г. г. Въ 1462—году митрополитъ далъ игумену землю „и съ нынѣшнею парениною". Г. Бѣляевъ ошибочно относитъ первое документальное указаніе на трехполье къ 1503 году („да и паренину его рожью на монастырь сѣяли"). Въ 1512 году уже есть ясныя свидѣтельства о трехпольѣ въ грамотѣ великаго князя Василія Ивановича: „да и землю обмѣрилъ въ яму ямщицкомъ на пашню... во всѣхъ трехъ полехъ по 10 десятинъ въ полѣ", въ другомъ мѣстѣ крестьянинъ говоритъ на судѣ: „два года будетъ тотъ починокъ пашу: рожь лѣтось сѣялъ, а ныне, господине, на томъ починку ярь сѣялъ, и жалъ свою". [2])

Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ 1542 году считалось въ одномъ имѣніи 12 четвертей пашни и столько же перелогу, въ каждомъ изъ трехъ полей, т. е. существовало *двухполіе*. Но двухполье, какъ свидѣтельствуетъ г. Ермоловъ, (и подтверждаетъ г. Рожковъ) существуетъ недолго и быстро смѣняется трехпольемъ. Къ половинѣ XVI вѣка трехполье, какъ какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ существовавшихъ тогда земледѣльческихъ системахъ.

Такимъ образомъ, первый періодъ экстенсивнаго земледѣльческаго фазиса, періодъ господства перележной системы, продолжался приблизительно $2^1/_2$—3 столѣтія (отъ половины XIII до половины XVI вѣка), если не считать Кіевской Руси. Если вспомнить, что въ Германіи первые документальные слѣды возникновенія трехполья относятся къ

[1]) Древности русскаго землевладѣнія, Ж. М. Нар. Просв. 1900 г. №№ 9—10.

[2]) Бѣляевъ. О земледѣліи въ древней Россіи.

VIII вѣку по Р. Х., а первыя указанія на важное значеніе земледѣлія имѣются у Тацита, то надо сказать, что переложная система въ Германіи господствовала гораздо дольше, тѣмъ въ центральной Россіи. Такая быстрая эволюція, приведшая къ тому, что въ 1544 году уже возять навозъ на паровое поле въ Волоколамскомъ уѣздѣ, [1]) явилась результатомъ быстраго прироста населенія, увеличившагося, какъ вслѣдствіе естественнаго роста, такъ и благодаря эмиграціи, сначала изъ раззореннаго приднѣпровскаго края, а затѣмъ изъ покоренныхъ Московскими князьями областей, особенно новгородской. Можно даже констатировать хронологическую связь перехода на земледѣліе съ первымъ колонизаціоннымъ потокомъ съ юга, и перехода съ перелога на трехполье съ первымъ новгородскимъ раззореніемъ, когда въ концѣ XV вѣка Иванъ III перевелъ множество новгородцевъ въ свои владѣнія. Вскорѣ послѣ этого перевода, писцовыя книги—Новгорода, какъ увидимъ дальше, за періодъ 1500—39 г. г. даютъ картину—возврата отъ паровой зерновой системы къ перелогу, тогда какъ, напримѣръ, тверскія писцовыя книги указываютъ, наоборотъ, на развитіе трехполья. Итакъ, благодаря сгущенію населенія, усилившемуся а) подъ вліяніемъ колонизаціи изъ Приднѣпровья, б) отчасти добровольными, отчасти насильственнымъ переселеніямъ изъ сосѣднихъ удѣловъ и особенно изъ новгородскихъ областей, в) невозможности выселяться до XV вѣка изъ междурѣчья, огражденнаго на югѣ татарами, на сѣверѣ Новгородцами—мы наблюдаемъ въ центральномъ раіонѣ верхняго Поволжья, въ древней Московской области быстрое развитіе экстенсивнаго земледѣлія, прошедшаго въ теченіе трехъ вѣковъ черезъ періодъ переложной системы и къ началу XVI вѣка уже доразвившагося до трехполья.

Такова была эволюція производства въ центральномъ раіонѣ, куда направлялась главная колонизація. Но, кромѣ этого раіона, въ удѣльную эпоху необходимо различать еще два другихъ—сѣверный и Новгородскій, значительно отличающихся, по характеру производства, отъ только что разсмотрѣннаго.

Сѣверный раіонъ, охватывающій нынѣшнія Олонецкую, Вологодскую и Архангельскую, Пермскую, Вятскую и часть Костромской губерніи, населяется выходцами изъ Новгородской области. Новгородцы, уже въ XI вѣкѣ, достигаютъ бассейна Онѣги и Сѣверной Двины (Заволочье), въ полови-

[1]) Т. к. верхневолжскій суглинокъ не могъ выдержать трехпольной системы безъ удобренія, то это послѣднее возникаетъ сейчасъ же послѣ ея распространенія.

нѣ XII вѣка доходятъ до Перми, къ XII в.—до Урала, но численно эта колонизація была слаба.

Съ XIV вѣка новгородцы замѣняются московскими выходцами и эмиграція усиливается. Характернымъ показателемъ усиленія движенія на Сѣверъ служатъ монастыри. До XIV вѣка тамъ было всего 2 монастыря, въ XIV вѣкѣ 17, въ XV—22. Эти монастыри—совсѣмъ иного типа, чѣмъ знала Кіевская Русь. До XIII вѣка монастыри строились преимущественно въ городахъ и пригородахъ. Монастырей, построенныхъ въ глухихъ мѣстахъ, такъ называемыхъ „пустыней“ до XIII вѣка было не болѣе 10%; въ XIV вѣкѣ число пустынныхъ монастырей уже равняется числу городскихъ, въ XV вѣкѣ превосходитъ ихъ вдвое. [1]) Эти пустынные монастыри развивались вмѣстѣ съ крестьянской, народной колонизаціей, иногда опережая ее, иногда идя вслѣдъ за ней, но всегда ихъ появленіе можетъ служить признакомъ появленія трудового сельскаго населенія въ этомъ раіонѣ; и судя по этому признаку, какъ мы видали сейчасъ, приливъ трудовыхъ массъ особенно развился съ XIV вѣка.

Однако, конечно, такой громадный раіонъ—свыше 170 милліоновъ десятинъ, не могъ быть заселеннымъ съ достаточной густотой сравнительно слабыми колонизаціями, и поэтому онъ въ удѣльную эпоху пребывалъ еще въ до-земледѣльческомъ фазисѣ, фазисѣ звѣроловства и рыболовства; т. к., вслѣдствіе суроваго климата, пчелы не водились, то бортничества не было.

Однако, преобладаніе звѣроловства и рыболовства не исключало существованія зачатковъ земледѣлія. Съ этой стороны сѣверъ можно раздѣлить на двѣ части: въ одной—на побережьи Бѣлаго моря и Ледовитаго океана (Мурманъ, Мезень и Печора) земледѣлія почти не было; изъ 50 отдѣльныхъ владѣній Соловецкаго монастыря только въ 4-хъ есть указанія на „орамыя“ земли. На сѣверномъ побережьи, говоритъ Платоновъ, [1]) „не земля, а вода по преимуществу давала заработокъ и обезпеченіе“. Рыбный ловъ въ морѣ и „морскихъ рѣкахъ“, охота за морскимъ звѣремъ, морской торгъ со своимъ и чужимъ—вотъ главныя занятія Поморовъ XVI вѣка (и раньше Н. О.). На землѣ же нельзя было жить пахотою, потому что земля была неродима; можно было выварить соль и для того сводить лѣсъ; можно было охотиться за пушнымъ звѣремъ, водить оленей.

---

[1]) См. Милюковъ. Очерки I, стр. 58, Ключевскій Курсъ II 312 и дальше.

[2]) См. Очерки по исторіи смуты стр. 5.

При этихъ условіяхъ населеніе должно было жаться къ морю и рѣкамъ, оставляя наиболѣе далекія отъ моря глухія мѣста въ пользованіе аборигеновъ страны—Кореловъ и Лопарей".

Въ другой части, далекой отъ моря и болѣе близкой къ югу, съ лучшимъ климатомъ, земледѣліе занимало болѣе видное мѣсто и въ купчихъ XIV вѣка, напримѣръ въ Двинской землѣ обычно перечисляются орамыя (пашенныя) земли, пожни (сѣнокосы), притеребы (земли, недавно расчищенныя изъ подъ лѣса) наряду съ ловищами, перевѣсищами, путиками, тонями и т. д. Однако въ 1417 году—устюжа не заплатили Двинянамъ 8080 соболей, а въ 1425 г. 50 тысячъ бѣлокъ въ качествѣ дани, что указываетъ на преобладающее значеніе охотничьяго промысла. Въ XV вѣкѣ еще даже около Углича „біяху звѣря много лоси, елени и зубры же и буйволы и лисицы, и серны, волки же и медвѣди".

Конечно, система земледѣлія была—подсѣчная. Въ 1524 году въ 60-ти верстахъ отъ Вологды, нѣкій Гавріилъ „посѣче лѣсъ и много древеса, хварастіе оно огнемъ запаливъ и раломъ взоравъ, нивы насѣяше" Слабость земледѣлія видна изъ ничтожныхъ размѣровъ запашки, которая не превышала 2—3 десятинъ на дворъ, тогда какъ для центра „нормальной крестьянской запашкой въ древнѣйшее время до XVI вѣка, считалась, надо думать, „выть"—равная 15 десятинъ доброй, 18—средней и 24 десятины худой земво всѣхъ трехъ поляхъ". [1]) т. е. нормальныя запашки сѣвера были въ 5—6 разъ ниже, чѣмъ въ центрѣ. На самомъ крайнемъ сѣверѣ онѣ, вѣроятно, были еще меньше, потому что тамъ, вмѣсто сохи и плуга, просто копали землю мотыгами и лопатами, какъ дѣлали это Якуты въ 50-хъ годахъ XIX вѣка. [2]) Итакъ, въ то время, какъ въ центрѣ развивалось быстро экстенсивное земледѣліе, дойдя къ концу удѣльной эпохи, до трехпольной системы, на сѣверѣ земледѣліе не могло вытѣснить преобладающихъ тамъ все время звѣроловныхъ и рыболовныхъ промысловъ. Какъ и слѣдовало ожидать, преобладаніе этихъ промысловъ привело къ нѣкоторому развитію обмѣна. Туземное населеніе сбывало сначала въ Новгородъ, потомъ въ Холмогоры и Вологду, а черезъ нее въ Москву пушнину, рыбные продукты, моржевые клыки, соль, желѣзо и проч., а взамѣнъ получало хлѣбъ и разнаго рода издѣлія. Можно даже предполагать (конечно, a priori) что

[1]) Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ стр. 144.

[2]) А. Кауфманъ. „Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста". стр. 24.

обмѣнъ былъ на сѣверѣ относительно больше развитъ, чѣмъ въ центрѣ. Въ центрѣ преобладало натуральное земледѣльческое хозяйство; пока Москва не связала въ одинъ узелъ всѣ обособленныя области, до тѣхъ поръ каждое удѣльное княжество жило болѣе или менѣе изолированной экономическою жизнью. Конечно, чисто натуральное замкнутое хозяйство—это фикція, которой въ дѣйствительности не существуетъ. Былъ обмѣнъ и въ верхне-волжскихъ удѣлахъ; но помимо своей слабости, онъ являлся *внутреннимъ* обмѣномъ, тогда какъ торговля сѣвера являлась преимущественно внѣшней, и, поэтому масштабъ ея былъ шире.

Но торговля сѣвера и центра стушевывалась передъ торговлей *Новгорода* Великаго, развившаго въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, традиціи Кіевской Руси. Торговля Новгорода, какъ и Кіева была преимущественно *внѣшняя*. Сношеній съ арабами и Византіей уже не было, татары наводнили степи и перерѣзали всѣ торговые пути; кромѣ того торговый трактъ южной Европы пошелъ по Средиземному морю. Но за то на Сѣверѣ образовался ганзейскій союзъ, съ которымъ Новгородъ вступилъ въ тѣсную связь въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Новгородъ являлся посредникомъ между Европой и Россіей. Изъ Россіи вывозилось, какъ и по сіе время вывозится, преимущественно сырье: мѣха, медъ, воскъ, сало, ворвань, кожи, ленъ, конопля. Нѣмцы привозили къ намъ соль, желѣзо, серебро, олово, свинецъ, сукна, краски, металлическія издѣлія и т. д. Предметы вывоза Новгородъ получалъ изъ своихъ обширныхъ сѣверныхъ владѣній и изъ центра Россіи. Они были, такъ же, какъ и въ Кіевской Руси, за исключеніемъ техническихъ растеній,—льна, конопля, производство которыхъ въ Новгородско—Псковскомъ раіонѣ началось очень рано и составляетъ отличительную особенность этого раіона до сихъ поръ. Новгородцы начали сѣять тогда и хмѣль, въ настоящее время забытый.

Но, кромѣ этихъ техническихъ растеній, производство зерновыхъ хлѣбовъ было слабо развито. Самъ Новгородъ питался привознымъ хлѣбомъ не изъ своей области, а изъ центральнаго Поволжья, что составляло одну изъ существенныхъ причинъ его политической слабости. Тверскіе, а затѣмъ Московскіе князья держали въ рукахъ главный пунктъ хлѣбнаго экспорта—Торжокъ, и отъ нихъ зависѣло лишить Новгородцевъ подвоза. Основная причина слабаго развитія земледѣлія—плохая почва и частые неурожаи. Ужъ изъ приведеннаго въ предыдущей главѣ перечня неурожаевъ по XII столѣтіе, видно, что Новгородская область чаще

всего подвергалась голодовкамъ въ Кіевскую эпоху. Тоже было и въ удѣльный періодъ: неурожаи въ Новгородской и Псковской земляхъ отмѣчены лѣтописями въ 1215, 1230, 1297—98—99, 1309, 1314, 1366. 1421—22, 1426, 1435—36, 1446, 1453, 1466—68, 1485, 1498 1501 годахъ.

За три столѣтія 21 голодовка, тогда какъ въ другихъ раіонахъ Св. Словцовъ насчитываетъ за это время всего 10. Поэтому, мы думаемъ, что средніе урожаи—ржи—самъ 5 и овса—самъ 3, указанные Соколовскимъ, [1]) нѣсколько преувеличены. Неблагопріятныя условія климата и почвы заставили Новгородскихъ крестьянъ сокращать свои посѣвы.

Нормальная единица запашки—обжа („одинъ человѣкъ на лошади оретъ") была, повидимому, значительно меньше верхне-волжской выти,—Соколовскій опредѣляетъ ея размѣры въ $2^1/_2$ десятины въ каждомъ полѣ=$7^1/_2$ десятинъ, т. е. въ 2—3 раза меньше выти. Да и фактически, въ концѣ XV вѣка на дворъ, въ Вотской и Шелонской пятинахъ приходилось по $3^1/_2$—$4^1/_2$, Деревской $2^1/_2$ десятины въ каждомъ полѣ. Такимъ образомъ, Новгородская область, по развитію земледѣлія, занимала среднее мѣсто между земледѣльческимъ центромъ и звѣроловнымъ сѣверомъ. Система полеводства, какъ и всюду, была первоначально подсѣчной, [2]) но, какъ и въ центрѣ, къ концу удѣльнаго періода подсѣчное хозяйство смѣняется трехпольемъ и „древнія писцевыя книги не знаютъ уже никакой другой системы" (Никитскій стр. 221).

Наряду съ земледѣліемъ, вѣроятно, было развито и скотоводство, во всякомъ случаѣ, сильнѣе, чѣмъ въ другихъ раіонахъ. Г. Рожковъ даже думаетъ, что оно для новгородскаго населенія было важнѣе земледѣлія, но доводы его скорѣй указываютъ, что скотоводство, какъ всюду, составляло достояніе верхнихъ слоевъ общества; именно, по духовной епископа Климента (XIII в.) скотъ составлялъ главное имущество завѣщателя. Другое доказательство г. Рожкова такого рода. „Тогда нормальнымъ для земледѣльческаго хозяйства признавались размѣры пахатной земли въ 10 разъ больше чѣмъ луговой: между тѣмъ, въ шелонской пятинѣ пашня менѣе чѣмъ въ 6 разъ, превосходила размѣрами сѣнокосныя угодья. Очевидно, скотоводство не играло здѣсь служебной роли по отношенію къ земледѣлію, а пользовалось самостоятельнымъ значеніемъ" (Обз. русской исторіи вып. II стр. 11). Изъ соотношенія угодій только и можно сдѣлать-

[1]) См. Очерки по исторіи общины на сѣверѣ Россіи.

[2]) См. А. Никитскій. Очерки истор. экономич. быта великаго Новгорода стр. 70.

тотъ выводъ, который сдѣлалъ самъ авторъ, что, кромѣ рабочаго скота, новгородцы занимались разведеніемъ другихъ видовъ, что скотоводство „пользовалось самостоятельнымъ значеніемъ“, но никакъ нельзя выводить, что это значеніе было первенствующимъ. А что у новгородцевъ скотоводство было болѣе развито, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Руси—видно также, напримѣръ, по составу всадниковъ въ Куликовской битвѣ: изъ 150 тыс. всѣхъ всадниковъ, болѣе 80 тысячъ были присланы одними новгородцами и литовцами. Немаловажное значеніе имѣла и охота. Не даромъ новгородцы ограничивали права князей на охоту и даже изгоняли ихъ за злоупотребленія въ этомъ отношеніи.

Наше краткое изложеніе эволюціи сельско-хозяйственнаго производства въ удѣльную эпоху позволяетъ сдѣлать такіе выводы: 1) Въ центральномъ раіонѣ верхняго Поволжья, благодаря быстрому сгущенію населенія (основная масса жителей Приднѣпровья, кромѣ запада, двинулась именно сюда)—сравнительно благопріятнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, произошло ускоренное развитіе экстенсивнаго земледѣлія, прошедшаго въ $2^1/_2$—3 вѣка періодъ переложной системы полеводства и вступившаго въ концѣ удѣльной эпохи въ эру господства трехполья. 2) Въ сѣверномъ раіонѣ, несмотря на усиленіе колонизаціи, благодаря крайней рѣдкости населенія, господствовалъ *до*—земледѣльческій, звѣроловный фазисъ сельскаго хозяйства. 3) Въ Новгородско-Псковской области, хотя населеніе было сравнительно рѣже, чѣмъ въ центральномъ междурѣчьѣ, а климатическія и почвенныя условія хуже, но, повидимому, благодаря незначительнымъ запасамъ удобныхъ земель, т. е. благодаря относительной густотѣ населенія, земледѣліе также быстро дошло до трехпольной системы. Однако, вообще въ этомъ раіонѣ земледѣліе не играло существенной роли и наряду съ нимъ были значительно развиты, какъ скотоводство, такъ и охота. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной эволюціи, по силѣ и быстротѣ темпа на первомъ мѣстѣ надо поставить верхне-волжскій раіонъ, затѣмъ Новгородско-Псковскую область, и затѣмъ уже пустынный сѣверъ. Но эволюція обмѣна, какъ и въ Кіевской Руси, далеко не совпадаетъ съ эволюціей сельскаго хозяйства. Самый прогрессивный въ сельско-хозяйственномъ отношеніи центральный раіонъ являлся самымъ слабымъ въ мыслѣ развитія обмѣна. Сравнительно съ Кіевской Русью, въ дѣлѣ сельско-хозяйственнаго прогресса онъ шагнулъ далеко впередъ, но, по развитію обмѣна, онъ отсталъ далеко назади и вмѣсто царства капитала, какое мы видимъ въ Кіевской Руси, здѣсь мы встрѣ-

чаемся съ царствомъ натуральнаго хозяйства. [1]) Г. Покровскій, считающій удѣльную боярскую вотчину наиболѣе чистымъ типомъ „замкнутаго“ хозяйства былъ отчасти правъ. [2]) Относительно болѣе былъ развитъ обмѣнъ на сѣверѣ, что, какъ мы говорили выше, зависѣло отъ характера главныхъ промысловъ—звѣроловства—требующихъ, по самому своему типу, извѣстнаго развитія торговли. Еще болѣе былъ развитъ обмѣнъ въ Новгородѣ, но въ сельско-хозяйственномъ отношеніи этотъ раіонъ значительно уступалъ центральному.

Итакъ, развитіе обмѣна и развитіе сельско-хозяйственнаго производства далеко не всегда совпадаютъ. Отсюда слѣдуетъ, что исторія Россіи всецѣло подтверждаетъ положеніе, выставленное въ первой части нашего труда—объ отсутствіи тѣсной зависимости между развитіемъ обмѣна и эволюціей сельскаго хозяйства: послѣдняя, съ этой стороны есть процессъ *самодовлѣющій*. Но, если обмѣнъ не отражается на производствѣ, то нельзя отрицать извѣстнаго вліянія его на характеръ *распредѣленія*, къ которому мы и переходимъ.

§ 2). Распредѣленіе. Первоначальный захватъ земли и эволюція формъ землевладѣнія по раіонамъ.

Предыдущее изложеніе показало намъ, что основныя черты производства въ центрѣ въ удѣльную эпоху—быстрое развитіе и преобладаніе земледѣлія надъ остальными промыслами и слабое развитіе обмѣна, т. е. „натуральность“ хозяйства. Эти черты отразились, какъ на эволюціи распредѣленія земли, такъ и на нѣкоторыхъ особенностяхъ политическихъ формъ этой эпохи.

Если въ Кіевской Руси верхніе классы еще не имѣли сильнаго тяготѣнія къ землѣ, то это объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что торговля, война и дань доставляли имъ достаточные доходы, во вторыхъ тѣмъ, что земля, за слабымъ развитіемъ земледѣлія, такихъ доходовъ не доставляла и въ третьихъ—сильной бродячестью этихъ классовъ. Уже потому, что князья, при очередномъ порядкѣ княженія, не могли разсчитывать на постоянную осѣдлость въ одной и той же волости—ихъ не могло тянуть къ прочному землевладѣнію. Въ Верхневолжской Руси все это измѣнилось: исчезла торговля, сократилось значеніе войнъ, какъ важныхъ источниковъ дохода. „Военные походы потеряли прежній грабитель-

[1]) Хотя, повторяемъ, идеальнаго „замкнутаго хозяйства“ въ натурѣ не было и нѣтъ и, какъ увидимъ дальше, „натуральность“ удѣльнаго хозяйства также, въ извѣстной степени условное понятіе.

[2]) См. сб. мелкая земская единица стр. 222.

скій характеръ: военной добычи не хватало на удовлетвореніе потребностей вольныхъ великокняжескихъ слугъ; эту добычу нужно было замѣнить новымъ источникомъ доходовъ" (Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія). Другой источникъ доходовъ „дани" и „выходы" разными мѣхами, медомъ, воскомъ или деньгами исчезли вмѣстѣ съ истощеніемъ зоологическихъ богатствъ, исчезновеніемъ денегъ изъ народнаго обихода и, главное, съ раздробленіемъ всей территоріи на мелкіе, изолирванные удѣлы. Сойдя съ большихъ рѣкъ, потерявъ удобные пути сообщенія, князьямъ уже не зачѣмъ и некуда было ѣздить въ „полюдье", ибо жители ихъ маленькихъ княжествъ, не могли бы имъ платить „дани" продуктами звѣроловства и бортничества или деньгами, которыхъ не было у нихъ самихъ. Все, что могли сдѣлать князья—это захватить для личнаго обихода, оставшіеся бортныя „ухожья" „рыбные ѣзы", „путики" и „перевѣсища". Такъ они и сдѣлали и поселили въ этихъ мѣстахъ своихъ холоповъ, ставшихъ съ тѣхъ поръ и, включительно по московскую эпоху, спеціалистами-профессіоналами — сокольничьими, конюшими, рыболовами, охотниками, бортниками. Но этого князьямъ было мало для прокормленія себя и дружины, Волей—неволей, при съуженномъ горизонтѣ владѣній, при безконечномъ дробленіи удѣловъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигли территорій 2—3 селъ и деревень, князья осѣдали на одномъ мѣстѣ и обращались къ землѣ, какъ къ единственному источнику средствъ къ существованію. Но т. к. ни князь, ни его дружина не обрабатывали сами земли, то имъ оставалось лишь одно: захватить въ свои руки землю, нужную трудовымъ массамъ, съ тѣмъ, чтобы эти массы платили имъ за землю ренту. Какъ мы уже говорили въ первой части и выше, въ первой главѣ, этотъ земельный захватъ,— развивающійся именно, въ тотъ моментъ, когда земледѣліе въ народномъ хозяйствѣ становится преобладающимъ элементомъ, наблюдается во всѣхъ почти европейскихъ и, въ значительной степени, въ азіатскихъ странахъ.

Въ центральномъ раіонѣ прежде всѣхъ началъ захватывать землю князь. При отсутствіи крупныхъ городовъ съ обширнымъ торговымъ классомъ княжеская власть сѣверовосточной Руси не имѣла того противовѣса, который представляли изъ себя древне—русскія городскія вѣча. Князь сталъ монопольнымъ обладателемъ власти надъ раздробленнымъ, раскиданнымъ по лѣсамъ сельскимъ населеніемъ. Расширенію княжеской власти способствовало еще то обстоятельство, что первые князья, садясь на удѣлъ во время его колонизаціи, находили его пустыннымъ, принимали дѣятельное участіе

въ его заселеніи и, такимъ образомъ, смотрѣли на удѣлъ, какъ на твореніе своихъ рукъ, результатъ своего собственнаго хозяйничанья. Хозяевами удѣла они дѣлались и потому, что очередной порядокъ княженія прекратился и князья являлись не временными обладателями, а наслѣдственными владѣльцами удѣловъ. Такъ или иначе, но удѣльные князья начинаютъ смотрѣть на территорію своихъ удѣловъ, какъ на собственную вотчину. Однако, этотъ взглядъ сложился, окрѣпъ, а главное осуществился на дѣлѣ не сразу. Получая свой удѣлъ, князь находилъ въ немъ другихъ хозяевъ, раньше поселившихся и освоившихъ различные участки: крупныхъ хозяевъ—бояръ и мелкихъ—крестьянъ. Сообразно съ этимъ, и земли удѣла, по типу землевладѣльцевъ, дѣлились на три группы: дворцовыя, составлявшія частную собственность князя, боярскія (сюда же относятся и земли духовенства) и крестьянскія или черныя. Дворцовыя и подклѣточныя земли получались, частью, путемъ заимки пустопорожнихъ земель, частью, путемъ покупки у частныхъ владѣльцевъ и, наконецъ, путемъ уступки отдѣльныхъ волостей земщиной князьямъ въ кормленіе, при чемъ эти волости, благодаря усиленію княжеской власти, превратились въ частную собственность князя. Эти пустопорожнія земли, которыхъ въ началѣ было очень много, считались какъ и въ эпоху меровинговъ въ Европѣ, „принадлежащими князю, который имѣлъ на нихъ обширныя права распоряженія, могъ предоставить селиться на нихъ чернымъ людямъ, приписать ихъ ко двору, или раздать ихъ въ вотчины и помѣстья“. (Блюменфельдъ стр. 111).

Со своихъ собственныхъ земель князья получали доходъ въ свою пользу, эксплуатируя дворцовыя угодья частью трудомъ холоповъ, частью, сдавая ихъ въ аренду крестьянамъ. Черныя земли, вначалѣ, вѣроятно, принадлежали или отдѣльнымъ крестьянамъ или крестьянскимъ общинамъ. Съ XIII вѣка, крестьяне, сидѣвшіе на черныхъ земляхъ, включаются въ тягловую организацію. „Кромѣ податей и пошлинъ, которые лежали на черныхъ земляхъ наравнѣ съ прочими массами населенія, черная община несла еще особый оброкъ—тягло, который шелъ въ казну княжескую и возникъ, вѣроятно, еще въ монгольскую эпоху. Отсюда черныя земли начинаютъ называться „тяглыми“. Всякій пріобрѣтатель черныхъ земель долженъ тянуть тягло“. (Блюменфельдъ стр. 124). Люди, сидѣвшіе на черныхъ земляхъ, становились тяглецами, плательщиками по преимуществу. Разъ крестьянинъ переставалъ платить подати, онъ лишался права на эту землю. Такимъ образомъ, владѣніе отдѣльныхъ лицъ, непосредствен-

но сидѣвшихъ на черной землѣ, является условнымъ, ограниченнымъ. Однако, при неопредѣленности понятій о собственности, сидѣвшія на черной землѣ лица, распоряжались ею довольно свободно: передавали по наслѣдству, продавали, сдавали въ аренду, но все это, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы новый владѣлецъ тянулъ во всѣ общинные разрубы и „разметы". Вотъ эти то условіи и отличали черныя „тяглыя" земли отъ бѣлыхъ „не—тяглыхъ". Кто же являлся ворховнымъ собственникомъ этихъ земель? Одни историки (Бѣляевъ, отчасти Ключевскій) полагаютъ, что государство и это мнѣніе находитъ себѣ точку опору въ томъ, что доходы отъ черныхъ волостей поступали, по большей части, въ казну, хотя и князья иногда пользовались ими, другіе (Чичеринъ, Сергѣевичъ), что князь, владѣвшій ими также какъ дворцовыми. „Земля царя и великаго князя и нашего владѣнія" [1]), какъ говорили крестьяне. Третьи, наконецъ, считали собственникомъ общину—волость (Владимірскій-Будановъ, И. Лаппо). „Собственникъ черной земли—волость, какъ крестьянская община (староста со крестьяны) (И. Лаппо Тверской у. стр. 60).

Но для насъ не важна юридическая природа чернаго землевладѣнія. Фактически черныя земли находились въ пользованіи крестьянъ при чемъ обработанныя земли—пашни, усадьбы были освоены отдѣльными дворами, лѣсъ же, выгонъ и вообще пустующая земля были общимъ владѣніемъ общества, на что имѣются указанія въ писцовыхъ книгахъ.

Но существованіе черныхъ земель было очень неустойчивымъ. „Ни личныя, ни имущественныя права черныхъ людей не были обезпечены закономъ; простого распоряженія великаго князя (Московскаго) было достаточно для того, чтобы превратить черную волость въ частно-владѣльческую вотчину." (Лаппо-Данилевскій. „Крестьянскій строй" стр. 26). Къ концу удѣльной эпохи, когда московскіе князья почувствовали потребность въ сильномъ увеличеніи класса служилыхъ людей, развилась особенно интенсивная ликвидація черныхъ земель и „во многихъ центральныхъ уѣздахъ черныя земли не сохранились до второй половины XVI вѣка." [2]) Часть черныхъ земель слилась съ дворцовыми, другая была роздана въ помѣстья и въ рѣдкихъ случаяхъ—въ вотчины служилымъ людямъ. Вскорѣ и дворцовыя земли трансформируются въ помѣстныя: словомъ, происходитъ сначала „ок-

[1]) Впрочемъ Сергѣевичъ считаетъ, что до собиранія Руси Москвой черныхъ общинныхъ земель совсѣмъ не было, а было частное владѣніе отдѣльныхъ лицъ: бояръ, князей, крестьянъ и т. д.

[2]) Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси. Стр. 424.

няженіе", потомъ „обояреніе" и „одворяненіе" черныхъ земель... Третій разрядъ земель—„боярскія", т. е. владѣнія частныхъ лицъ, свѣтскихъ и духовенства. Эти разряды владѣнія, также какъ и княжескія, сильно разрослись въ удѣльную эпоху. „Съ большей осѣдлостью князей прочнѣе осѣдаютъ по княженіямъ и бояре, постепенно мѣняя свою воинственную физіономію на скромный обликъ хозяина, помогающаго своему князю управлять его вотчиной и заботиться о промыслахъ въ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, растетъ у бояръ и вкусъ къ землевладѣнію, такъ что бояринъ и его наслѣдники, дѣти боярскія становятся типичными землевладѣльцами, вслѣдъ за князьями и на ряду съ церковными учрежденіями, въ частности монастырями". [1]) Ростъ вкуса къ землевладѣнію у бояръ объясняется тѣмъ, что земля становится основнымъ источникомъ средствъ существованія для трудовыхъ массъ. Только, захвативши землю, бояринъ могъ быть увѣренъ, что онъ и его многочисленный дворъ, состоявшій иногда изъ тысячи и болѣе разныхъ служащихъ и холоповъ, будетъ сытъ, обутъ и одѣтъ. Способы пріобрѣтенія вотчинъ теперь значительно усложнились. „Къ старому, наиболѣе распространенному, если не единственному въ Кіевской Руси способу—заимкѣ или захвату пустыхъ земель, присоединилось теперь пожалованіе отъ князей, пріемъ въ даръ, покупка и мѣна у другихъ вотчинниковъ, въ томъ числѣ и у князей", и, наконецъ—15 лѣтняя давность владѣній. Раздача земель княземъ становится теперь необходимой, съ тѣхъ поръ, какъ князья уже не могутъ содержать дружинниковъ на денежномъ жалованіи. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, земля въ удѣльной Руси начинаетъ играть ту роль, какую игралъ капиталъ въ Руси Кіевской. „Все это, говоритъ г. Рожковъ свидѣтельствуетъ о небываломъ прежде развитіи вещнаго права, совершившимся подъ непосредственнымъ вліяніемъ торжества земледѣлія, привязавшаго людей къ землѣ, сдѣлавшаго послѣднюю чрезвычайно цѣнной и превратившаго ее въ предметъ разнообразныхъ юридическихъ сдѣлокъ". [2]) По его разсчетамъ, въ первой половинѣ XVI вѣка средняя цѣна одной десятины равнялась, приблизительно, $^3/_{10}$ рубля или 28 руб. нынѣшнихъ. Надо считать этотъ разсчетъ нѣсколько преувеличеннымъ, т. к. даже передъ освобожденіемъ отъ крѣпостного права цѣна десятины была не болѣе 15—20 рублей; но, тѣмъ не менѣе, фактъ что земля пріобрѣтаетъ уже денежную стоимость, самъ по себѣ знаменате-

[1]) Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Стр. 250.

[2]) Рожковъ стр. 146.

ленъ. Духовенство не осталось за флагомъ при этой всеобщей погонѣ господствующихъ классовъ за землей. Къ концу XV вѣка земельныя владѣнія духовенства стали ужъ очень большими. Такъ, митрополитъ имѣлъ 530 селъ съ 1825 дворами. Въ Тверскомъ уѣздѣ въ 40 годахъ XVI вѣка земель духовенства было болѣе 48 тысячъ четвертей въ одномъ полѣ. (72 тысячи десятинъ). Итакъ князья, бояре, духовенство въ центральномъ раіонѣ удѣльной Руси постепенно захватываютъ въ свои руки землю, которая ускользаетъ изъ рукъ трудовой крестьянской массы. „Въ рукахъ этихъ классовъ, сосредоточивалась частная земельная собственность и землевладѣніе все болѣе становилось главнымъ экономическимъ средствомъ обезпеченія ихъ общественнаго положенія". [1])

Кромѣ простого захвата крестьянскихъ земель, ихъ окняженію" и „обояренію" способствовало сосредоточеніе капиталовъ, необходимыхъ для сельскаго хозяйства. Эти капиталы, накопленные еще въ эпоху Кіевской Руси, отчасти пріумноженные при помощи земельной ренты, татарской дани, переходящей вскорѣ въ руки московскихъ князей и другихъ налоговъ, послужили, какъ и въ предыдущую эпоху, могучимъ средствомъ для закабаленія крестьянъ, и въ частности, для ихъ обезземеленія. „Отдѣльная крестьянская семья сплошь и рядомъ не обладала... сколько нибудь достаточными для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствами, а это заставляло ее нерѣдко отказываться отъ земли за ссуду инвентаремъ, получаемую отъ лицъ болѣе состоятельныхъ, или садиться на землю, принадлежавшую этимъ состоятельнымъ лицамъ. Экономически сильными капиталистами... были въ то время, прежде всего, князья, великіе и удѣльные, затѣмъ архіерейскія кафедры, по преимуществу, митрополичьи, монастыри и наконецъ, бояре. Въ ихъ рукахъ и сосредоточивалась постепенно вся масса земельнаго богатства области между Окой и Волгой. (Рожковъ Ibidem).

Московская эпоха, въ этомъ отношеніи, измѣнила очень мало: она перетасовала землевладѣльцевъ, уничтожила крупную княжескую и боярскую вотчинную собственность, насадивъ первоначально болѣе мелкое помѣстное владѣніе, но экспропріація земель у трудовой массы крестьянъ и переходъ ихъ въ руки *нетрудовыхъ* классовъ населенія, совершились до московской эпохи, и въ XVI—XVII в. в. лишь закончилась эта стадія первоначальнаго захвата, закончилась тѣмъ, что, вслѣдъ за экспропріаціей земель, была экспропріирована личная свобода крестьянъ.

[1]) Ключевскій. Боярская Дума. Стр. 113.

Первоначальный захватъ земли господствующими классами и въ западной Европѣ происходилъ въ тотъ періодъ, когда земледѣліе становилось преобладающимъ занятіемъ. Здѣсь, наиболѣе наглядной является та непосредственная связь производства съ распредѣленіемъ, которая приводитъ къ торжеству крупнаго нетрудового землевладѣнія въ ту эпоху, когда земледѣльческое производство стоитъ еще на самыхъ экстенсивныхъ ступеняхъ своего развитія. Мы говорили объ этой связи въ первой части; теперь же, не дѣлая пока дальнѣйшихъ выводовъ, считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что эпоха удѣльной Руси подобно аналогичнымъ эпохамъ на западѣ Европы, являлась эпохой разцвѣта *крупнаго землевладѣнія* на фонѣ экстенсивнаго переложнаго земледѣлія.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой *крупнаго хозяйства.* Крупное хозяйство невозможно было завести, помимо всѣхъ прочихъ причинъ, уже просто потому, что отдѣльныя села и деревни изъ 2—3 дворовъ, разбросанныхъ въ лѣсахъ, никоимъ образомъ не допускали концентраціи производства. Владѣлецъ десятковъ и сотенъ такихъ деревень и пустошей, раскиданныхъ на большомъ пространствѣ, могъ эксплуатировать ихъ наиболѣе выгодно, сдавая въ аренду или жалуя въ „кормленіе“ на тѣхъ или другихъ условіяхъ. „Аренда въ самыхъ разнообразныхъ формахъ была, повидимому, излюбленной хозяйственной системой крупныхъ землевладѣльцевъ древней Руси, начиная съ удѣльнаго князя XIV—XV в. в.“ [1]) „Органы мѣстнаго управленія, намѣстники и волостели со своими тіунами и доводчиками, были правительственными арендаторами у князя—хозяина, подобно тому, какъ перехожіе крестьяне были подневольными арендаторами у вотчинниковъ XV вѣка“. [2])

Необходимость сдачи въ аренду земель могла обусловливаться для бояръ еще тѣмъ, что они, какъ служилые люди, должны были находиться въ томъ мѣстѣ, куда ихъ назначилъ князь, между тѣмъ, какъ вотчины ихъ зачастую лежали въ другомъ удѣлѣ. „Вольная служба“, т. е. право перехода служилыхъ людей отъ одного князя къ другому, поскольку оно осуществлялось на дѣлѣ, также препятствовало осѣданію на мѣстѣ, а, слѣдовательно, и организаціи крупнаго хозяйства; наконецъ, играло значительную роль и отсутствіе сбыта зерновыхъ продуктовъ, хотя мы не считаемъ это отсутствіе единственной причиной отсутствія крупныхъ хозяйствъ въ средніе вѣка. Для дворни въ тысячу и

[1]) Рождественскій. Служилое землевладѣніе. Стр. 16.

[2]) Ключевскій. Боярская Дума. Стр. 111.

болѣе человѣкъ, хотя бы при самой замкнутой формѣ, могло бы организоваться достаточно крупное собственное хозяйство: слѣдовательно, не одна „натуральность“ удѣльной эпохи являлась препятствіемъ для организаціи такового. Благодаря перечисленнымъ причинамъ, крупныя вотчины дробились на рядъ мелкихъ хозяйствъ, которыя въ пользу владѣльца удѣляли часть доходовъ или продуктовъ, или труда.

Хозяйство монастырей, вѣроятно, въ удѣльную эпоху было однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и лучше поставленныхъ (кромѣ княжескихъ). Здѣсь впервые появляются слѣды барщинной системы, хотя барщина была очень слабо распространена въ удѣльную и даже въ началѣ московской эпохи. Въ 1391 году, въ Константиновскомъ монастырѣ „большіе люди изъ монастырскихъ селъ церковь снаряжали и дворъ тынили, хоромы ставили, игумновъ жребій весь рольи (пашни) орали взгономъ и сѣяли и жали и возили, сѣно косили десятинами и во дворъ ввозили, ѣзъ били (рыболовство) и вешній и зимній, сады оплетали, на неводъ и на бобры въ осенинѣ ходили, пруды прудили и истоки забивали... а пѣшеходцы (пѣшіе, безлошадные крестьяне) изъ селъ къ празднику рожь мололи и хлѣбы пекли и дѣли неводныя снаряжали“.

Отсюда ясно, насколько разнообразно и сложно было монастырское хозяйство. Только дворцовое хозяйство и то болѣе крупныхъ удѣльныхъ князей могло сравняться и превзойти монастырское. Послѣ описаннаго сейчасъ случая, барщина встрѣчается, по свидѣтельству Рожкова, лишь въ документахъ 1520 года—во Владимірскомъ, 1531 - Переяславль—Залѣсскомъ у. и 1541 г.—Волоколамскомъ уѣздѣ.

Отсутствіе барщины можетъ служить показателемъ отсутствія господскаго земледѣльческаго хозяйства, т. к. и собственные холопы вотчинниковъ далеко не всегда были пахотными холопами „страдниками“. Холопы страдники, по словамъ Ключевскаго являются лишь въ XV вѣкѣ. [1]) Вообще, можно сказать, „что чѣмъ раньше, тѣмъ рѣже и мѣньше размѣрами была барская запашка и даже въ концѣ періода она не была распространеннымъ явленіемъ“. (Рожковъ стр. 114).

Такимъ образомъ, большинство хозяйствъ въ удѣльной Руси были арендаторскими, какъ называетъ ихъ Лященко, „докапиталистическими фермерами“. Хозяйство было отдѣлено отъ землевладѣнія, быть можетъ, въ такой же степени, какъ въ современной капиталистической Англіи. Само со-

[1]) См. Ключевскій. Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи.

бой разумѣется, что крестьяне, которые больше другихъ классовъ были заинтересованы въ собственномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, являлись и болѣе многочисленнымъ арендаторами. Куда бы ни садился крестьянинъ—вездѣ они оказывался на чужой землѣ. „Къ XVI вѣку всѣ крестьянъ оказались съемщиками участковъ чужой земли, будь то ячерныхъ или оброчныхъ волостяхъ, въ дворцовыхъ имѣніяхъ, или въ монастырскихъ вотчинахъ и, наконецъ, въ помѣстьяхъ". [1])

Садясь на чью либо землю, крестьяне обязывались платить различнаго рода подати и ренту и нести извѣстныя повинности. Собственно, государственнымъ налогомъ вначалѣ являлась лишь татарская дань; сборы въ пользу князя носили характеръ его личныхъ доходовъ и взимались, преимущественно, съ крестьянъ, сидѣвшихъ на черныхъ или дворцовыхъ земляхъ; земли, принадлежавшія вотчинникамъ, были, большей частью, „обѣлены" отъ подати.

Сверхъ того, населеніе выплачивало намѣстнику или волостелю „дани" натурой, идущія ему на кормъ и разныя судебныя пошлины за производство суда. Частнымъ владѣльцамъ въ томъ или иномъ видѣ выплачивалась рента за пользованіе землей. Памятникъ, наиболѣе полно рисующій условія аренды—Псковская судная грамота XIII—XIV в. Хотя она и относится къ Новгородскому раіону, но можетъ считаться характерной и для условій аренды въ центральной области. Псковская судная грамота строго отличаетъ свободнаго арендатора отъ наймита—наемнаго батрака, чего не дѣлаетъ Русская Правда, смѣшивающая наймита съ рядейнымъ закупомъ. Наймитъ Псковской грамоты, какъ и современный батракъ, условливается на извѣстный срокъ или на опредѣленную работу: выстроить домъ, выкопать прудъ и т. д. По окончаніи срока или работы, онъ получалъ условленную плату, чѣмъ и отличался отъ закупа, который получалъ плату, въ видѣ ссуды, впередъ.

Крестьяне—арендаторы, по Псковской Грамотѣ, назывались, смотря по своимъ профессіямъ, изорниками (орать—пахать) съемщиками пахотныхъ участковъ, огородниками или кочетниками (арендаторами рыбныхъ ловель). Изорникъ обязывался отдавать владѣльцу четверть урожая, огородникъ и кочетникъ—половину добытыхъ продуктовъ. Арендаторъ могъ уйти отъ хозяина, или хозяинъ отказать ему—въ опредѣленный срокъ „о филипповѣ заговѣньѣ". Кромѣ земли, арендаторъ могъ получить „покруту",

[1]) Дьяконовъ. Очерки стр. 314.

ссуду скотомъ, орудіемъ, сѣменами, т. е. средствами производства, или прямо деньгами. Условія взысканія покруты были очень подробно указаны въ Грамотѣ, что заставляетъ предполагать широкое распространеніе задолженности. „Грамота постоянно предполагаетъ задолженность арендатора: они живутъ въ долгахъ, бѣгутъ отъ долговъ и умираютъ въ долгахъ". [1]) Въ случаѣ несостоятельности и самовольнаго ухода, конфисковалось имущество должника, а самъ онъ, будучи пойманъ, какъ и закупъ Русской Правды обращался въ холопа. [2])

При наличности такихъ условій и появились старые изорники, которые, по выраженію грамоты, „возы везутъ на государя", т. е. отбываютъ въ пользу землевладѣльца особыя барщинныя повинности сверхъ установленнаго оброка. „Слѣдуетъ думать, что именно старые изорники и подобныя имъ лица и оказались первымъ элементомъ въ составѣ сельскаго населенія, навсегда утратившимъ свободу перехода. Это первыя звенья въ цѣпи возникающаго крѣпостного права:" (Ibid. стр. 99).

Задолженность крестьянъ была распространена всюду и влекла за собой ограниченія въ правѣ перехода. Такъ, въ 1450—71 годахъ бѣлозерскіе князья отдаютъ распоряженіе выпускать монастырскихъ половниковъ, серебренниковъ (взявшихъ въ ссуду деньги—серебро) и людей только въ юрьевъ день и только тогда, когда тѣ выплатятъ ссуду: „а коли серебро заплатитъ, тогда ему и отказъ". Къ концу XV вѣка начинается запрещеніе перехода и старожильцамъ, какъ наболѣе задолженному элементу [3]). Наконецъ возникаетъ и „пожилое"—плата въ 1 рубль—т. е. 94 рубля нынѣшнихъ, (по Рожкову) за пользованіе дворомъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ въ мѣстахъ безлѣсныхъ и 50 коп. въ мѣстахъ лѣсныхъ.

---

[1]) Дьяконовъ. Очерки обществ. и госуд. строя ст. 98.

[2]) Впрочемъ, въ Суздальской Руси, крестьянинъ былъ въ лучшемъ положеніи. „Въ удѣльной Суздальской Руси движеніе къ колонизаціи, повидимому, вывело крестьянина изъ такого приниженнаго состоянія. По актамъ XV вѣка видно, что здѣсь крестьянинъ должникъ не только не превращался въ холопа за уходъ съ земли частнаго владѣльца безъ расплаты, но и послѣ ухода уплачивалъ свой долгъ съ разсрочкой и безъ процентовъ. Нужда въ рабочихъ рукахъ вмѣстѣ съ стѣсненными средствами при общемъ броженіи, несомнѣнно, всего болѣе содѣйствовали такой льготной перемѣнѣ въ юридическомъ положеніи крестьянъ" (Ключевскій. Боярская Дума 307).

[3]) Впрочемъ, какъ мы уже доказывали въ предыдущемъ §, земледѣліе само по себѣ привязывало крестьянъ къ землѣ, что видно хотя бы изъ факта опредѣленія срока. „Юрьевъ день осенній или филиппово заговѣніе" т. е. осень и зима—вотъ тѣ времена года, въ которые могли совершаться переходы т. к. земледѣльческія работы заканчивались въ эту пору.

Задолженностью страдали не только крестьяне: „изъ духовныхъ грамотъ не только простыхъ дружинниковъ, но и высшихъ бояръ и самихъ князей видно, до какой степени доходила ихъ задолженность, особенно монастырей, игравшихъ роль кредиторовъ и ростовщиковъ“ [1]). Кромѣ крестьянъ, бояръ и служилыхъ людей и т. п. пользуются ссудой даже холопы. Такъ бояринъ Патрикѣевъ въ духовной 1498 года насчитывалъ $165^1/_2$ рубля (около 16 тысячъ на наши деньги) одного ссуднаго серебра, розданнаго только сельскимъ его холопамъ, не считая денегъ, розданныхъ крестьянамъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что если хозяйство удѣльной эпохи и можетъ быть названо натуральнымъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, т. к. денежный оборотъ и обмѣнъ не играли въ немъ мало мальски замѣтной роли, тѣмъ не менѣе его никакъ нельзя назвать „замкнутымъ“, самопотребляющимъ уже потому, что землевладѣніе и землепользованіе были *отдѣлены* другъ отъ друга. Господствующіе классы владѣли землей, захвативъ ее въ свою собственность, трудовыя массы пользовались чужой землей, добывая, при помощи обработки земли, насущныя средства для существованія. Эти массы, собственно, только и вели хозяйство, но это хозяйство не было исключительно самопотребляющимъ, замкнутымъ т. к. извѣстную часть продуктовъ труда земледѣльцы отдавали землевладѣльцамъ. Точно также и хозяйство крупныхъ землевладѣльцевъ не было вполнѣ замкнутымъ. Если они кормились сами земельной рентой и кормили свою „дворню“, то, за покрытіемъ натуральныхъ расходовъ, у нихъ оставался излишекъ, который они и пускали въ оборотъ въ видѣ ли „подмоги“, „покруты“ въ видѣ ли „ростового серебра“. Такъ какъ задолженность была широко развитымъ явленіемъ, то ясно, что не только земля, но и капиталъ, т. е. средства земледѣльческаго производства, сосредоточивался въ рукахъ господствующихъ классовъ въ удѣльную эпоху; и этимъ капиталомъ они пользовались, по существу, такъ же, какъ пользуется современный капиталистъ, эксплуатируя трудовыя массы съ цѣлью получить прибавочную стоимость. Все отличіе этого оборота капитала отъ современнаго состоитъ въ томъ, что удѣльный капиталистъ не покупалъ продуктовъ крестьянскаго труда на рынкѣ, а пользовался имъ для „расширеннаго воспроизводства“ при помощи указанныхъ операцій. Стоитъ вспомнить только хозяйственную дѣятельность Ивана Калиты, прибавлявшаго всю жизнь

[1]) Энциклоп. словарь Брокгаузъ „Россія“ 55 т. (стр. 576).

„куплями", конфискаціей за долгъ и т. д. имѣнье къ имѣнью, село къ селу, городъ къ городу, что бы увидать, какъ умѣло и раціонально тогдашними капиталистами воспроизводился „овеществленный трудъ" земледѣльцевъ. Не даромъ Калита переманивалъ къ себѣ крестьянъ изъ чужихъ княжествъ, покупалъ въ Ордѣ русскихъ плѣнниковъ, строилъ города и села, гдѣ и сажалъ свое разношерстное населеніе. Насколько не мирится картина этого хозяйничья съ шаблоннымъ представленіемъ объ его „замкнутомъ" видѣ въ удѣльную эпоху, ясно само собой.

Итакъ, въ центральной области, вмѣстѣ съ развитіемъ земледѣлія, въ удѣльную эпоху произошелъ захватъ земли въ руки господствующихъ классовъ. Слѣдовательно, не только въ области производства- но и въ сферѣ распредѣленія мы находимъ дальнѣйшую эволюцію по сравненію съ Кіевской эпохой. Въ Кіевской Руси, при господствѣ до-земледѣльческаго звѣроловнаго быта захватъ земли не представлялъ интереса для господствующихъ классовъ. Они и захватываютъ не землю, а движимый капиталъ: деньги, скотъ, рабовъ. Въ удѣльной Руси земледѣліе становится главнымъ занятіемъ населенія—и мы видимъ, что къ концу періода вся земля въ центральной Руси уже „окняжена" и „обоярена". Отсюда видно, что и въ сферѣ сельско-хозяйственнаго производства и въ сферѣ распредѣленія земли преобладаніе натуральнаго или мѣнового строя оказываетъ, сравнительно, слабое вліяніе. Въ Кіевской Руси былъ, относительно сильно развитъ обмѣнъ; въ удѣльной его не было. Но отсутствіе обмѣна не помѣшало господствующимъ классамъ захватить землю въ свои руки т. е. сконцентрировать у себя основной элементъ производства.

Нѣсколько иная картина эволюціи распредѣленія представляется намъ въ сѣверномъ раіонѣ. Здѣсь, какъ мы видѣли въ предыдущемъ §, въ удѣльную эпоху господствовалъ еще фазисъ до-земледѣльческихъ промысловъ, и земля не имѣла такого значенія, какъ въ центрѣ. Съ другой стороны, сѣверъ былъ слишкомъ отдаленнымъ и слишкомъ суровымъ, по своимъ климатическимъ условіямъ, раіономъ, чтобы возбуждать особенно сильный аппетитъ у капиталистовъ къ захвату земель. Крупные землевладѣльцы предпочитаютъ осѣдать ближе къ центрамъ административнымъ и торговымъ, захватывать болѣе плодородную почву, а сѣверныя тундры съ тайгой, съ трескучими морозами особенно ихъ не привлекали. Тѣмъ не менѣе, новгородскіе бояре, архіепископы и мѣстные монастыри и тамъ овладѣли обширными территоріями, частью, посредствомъ простой занимки незаселен-

ныхъ земель, частью, путемъ покупки уже заселенныхъ и обработанныхъ крестьянскихъ участковъ.

Конечно, крупное землевладѣніе на сѣверѣ, никогда не достигало до такихъ размѣровъ, какъ въ центрѣ и Новгородскомъ краѣ, но тѣмъ не менѣе оно тамъ существовало. Появленіе его можетъ быть объяснено двумя причинами: 1) стремленіемъ монополизировать мѣста, удобныя для охоты и рыбной ловли. Здѣсь мы видимъ аналогію съ Кіевской Русью: вѣдь и княжескій земельный захватъ въ Кіевской Руси начался съ того, что великая княгиня Ольга объявила своими по всей странѣ множество путиковъ, перевѣсищъ и т. д. 2) сравнительно незначительнымъ количествомъ удобныхъ для пашни земель. Благодаря этому, крестьяне должны были прочно осѣдать на опредѣленныхъ мѣстахъ. На сѣверѣ старинное вольное или захватное кочевое землепользованіе исчезло: каждая семья уже не переселяется постоянно, захватывая себѣ для хозяйственной эксплуатаціи на непродолжительный срокъ любой участокъ земли—она осѣдаетъ довольно прочно, болѣе опредѣленнымъ образомъ надолго размежевывается съ сосѣдями. Причина этой перемѣны кроется въ ростѣ населенія и естественныхъ условіяхъ сѣвернаго края, гдѣ суровость климата и скудость почвы, мало удобной для земледѣлія, исключаютъ вѣроятность широкаго простора и требуютъ отъ каждой хозяйственной единицы столь напряженнаго труда, что она неохотно разстается съ облюбованнымъ участкомъ". (Рожковъ. Обзоръ вып. II) И сейчасъ въ Олонецкой, Архангельской и даже Вологодской губерніяхъ крестьянскіе посѣвы ничтожны: каменистая, глинистая пашня, выкорчеванная изъ подъ лѣса, очищенная отъ валуновъ, густо разсыпанныхъ по полямъ, требуетъ тщательнаго удобренія и массы труда, чтобы могла оплатить его затраты. Прибавимъ еще сюда незначительное количество удобныхъ земель, т. е. трудность ихъ отысканія, и мы поймемъ, почему сѣверные крестьяне такъ неохотно разставались съ насиженными мѣстами и почему боярамъ, монастырямъ и другимъ крупнымъ землевладѣльцамъ было даже выгодно покупать такіе воздѣланные участки у крестьянъ, вынужденныхъ ихъ продавать по тѣмъ или инымъ причинамъ. На такія мѣста всегда находились желающіе: даже старые хозяева, продавши свои земли, свою усадьбу, сплошь и рядомъ оставались на нихъ сидѣть, превратившись въ безсрочныхъ арендаторовъ—половниковъ.

И тѣмъ не менѣе крупное землевладѣніе на сѣверѣ было явленіемъ временнымъ, неустойчивымъ. Неустойчи-

вость его объяснялась тѣмъ, что владѣльцы, кромѣ монаховъ не могли и не хотѣли проживать въ этихъ глухихъ краяхъ; не *могли* служилые люди, потому, что на сѣверѣ не съ кѣмъ было воевать и некому было служить: тамъ не было внѣшнихъ враговъ, почти не было и удѣльныхъ князей, владыкъ края, проживавшихъ за тысячи верстъ. Съ ними жили и съ ними воевали далеко на югѣ служилые люди. Не *хотѣли* жить новгородскіе бояре потому, что для торговли и службы имъ надо было оставаться въ Новгородѣ. Вотъ почему, въ XV вѣкѣ Иванъ III такъ легко однимъ махомъ покончилъ съ боярскимъ землевладѣніемъ на сѣверѣ, но взамѣнъ его не создалъ служилаго помѣстнаго землевладѣнія, какъ въ Новгородской области. Здѣсь остались только черныя и дворцовыя волости, да монастыри; но и раньше, въ эпоху владычества Новгорода, здѣсь, въ сущности, преобладали крестьянскія волости: крестьянское землевладѣніе всегда было наиболѣе полнымъ, наиболѣе независимымъ и отдѣльные крестьяне вполнѣ свободно распоряжались своей землей, въ то время какъ въ центрѣ они давно уже утеряли это право.

Вслѣдствіе этой свободы распоряженія землей черносошнаго крестьянства—здѣсь мы легче всего можемъ изучить тѣ формы землепользованія, которыя складывались органически среди трудовой массы, безъ воздѣйствія на нихъ постороннихъ вліяній. Здѣсь то именно и сохранилась община—волость, какъ крупная земельная единица, которая, повидимому, выросла, изъ болѣе древней территоріальной единицы, извѣстной въ Кіевской Руси подъ именемъ верви. Мы видѣли, что въ Кіевскую эпоху было два вида крестьянскаго землевладѣнія: семейное или личное и коллективное. Къ первому виду относились тѣ угодья, которыя были разработаны и освоены отдѣльными семьями внутри территорій верви, ко второму—земли или еще незанятыя и неразработанныя отдѣльными хезяйствами, или такія, которыя, по своему характеру, требовали общаго пользованія: общій лѣсъ, заброшенная пашня, выгоны, луга и т. д. Въ центральной области „быстрое возрастаніе поземельныхъ правъ волостной общины было пріостановлено раздачей черныхъ земель въ вотчины и помѣстья“ (Блюменфельдъ стр. 176).

„Обояреніе“ и „одворяненіе“ черныхъ земель, конечно, въ значительной степени, содѣйствовало измѣненію формъ крестьянскаго землепользованія. Въ каждой, болѣе или менѣе крупной вотчинѣ появилось „село“. Въ этомъ селѣ находился дворъ боярина или помѣщика, въ которомъ жилъ

онъ самъ или его прикащикъ, стояла церковь, принадлежавшая вотчиннику, какъ собственность, а около церкви лѣпились бобыльскіе дворы. Здѣсь проживала и администрація и устраивались базары. Словомъ, село являлось хозяйственнымъ, культурнымъ, религіознымъ и административнымъ центромъ для окружающихъ деревенекъ. принадлежавшихъ вотчиннику, или помѣщику; и естественно, что, съ теченіемъ времени, прежнее волостное дѣленіе территорій трансформировалось въ центральной области въ сельское. Такая трансформація не могла не отразиться на общинныхъ земляхъ, которыя, какъ и на западѣ, постепенно захватываются помѣщиками. „По своимъ причинамъ и, по первоначальнымъ фазисамъ разрушеніе волостной общины въ Россіи, совершенно тожественно съ подобнымъ же процессомъ на западѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь землевладѣлецъ захватывая въ свою власть всю, незанятую жителями часть дачи, оставляя лишь ближайшіе къ нимъ участки земли, сразу уничтожалъ всякую связь не только между деревнями, вошедшими въ помѣстье и деревнями одной и той же волости, оставшимися за предѣлами его, но и между деревнями своего помѣстья.“ [1]) Отчасти отъ этой причины, отчасти благодаря развитію трехполья и связанному съ нимъ укрупненію деревенскихъ поселеній, сельская община перешла въ деревенскую точно также, какъ и на западѣ крупная сотенная марка—въ деревенскую марку. Но этотъ переходъ—дѣло позднѣйшей эпохи. Въ удѣльную же эпоху деревенская община еще не сформировалась и въ центральныхъ областяхъ шло лишь раздробленіе общины—волости на сельскіе округа, при чемъ общинная земля зачастую стала попадать въ руки вотчинниковъ и помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе и на сѣверѣ и въ центрѣ существовали оба указанныхъ сейчасъ вида крестьянскаго землевладѣнія: общинное и частное, точно также, какъ существовали они и въ средніе вѣка въ западной Европѣ. Но есть историки, которые совершенно отвергаютъ у насъ существованіе въ удѣльную эпоху общиннаго землевладѣнія и землепользованія, есть историки, которые, наоборотъ, отрицаютъ существованіе частнаго крестьянскаго землевладѣнія. Историки перваго типа отрицаютъ самопроизвольное зарожденіе и развитіе общины: они считаютъ, что община есть продуктъ административно-фискальныхъ мѣропріятій правительства. Первый, наиболѣе выдающійся представитель этого взгляда—Чичеринъ; а изъ но-

[1]) Соколовскій. „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ стр. 80.

выхъ историковъ наиболѣе авторитетные—Сергѣевичъ и Милюковъ.

Представителей противоположной крайности, склонныхъ отрицать существованіе частнаго крестьянскаго землевладѣнія—теперь почти нѣтъ. Самый значительный изъ нихъ—Бѣляевъ. Такъ какъ этотъ крайній взглядъ, повидимому, уже устарѣлъ, то мы и не будемъ на немъ останавливаться. Но сторонники воззрѣнія на общину, какъ на результатъ правительственной политики, въ настоящій моментъ разрушенія общины пріобрѣли, пожалуй, еще большій удѣльный вѣсъ. И это вполнѣ понятно: если община есть не народное, а административное созданіе, то морально, начальство имѣетъ гораздо больше правъ сказать вѣроломной общинѣ то, что сказалъ Тарасъ Бульба Андрею: „я тебя породилъ, я тебя и убью".

Г. Сергѣевичъ выступаетъ теперь въ качествѣ авторитетнаго защитника именно того взгляда, что начальство породило общину. По его мнѣнію[1]), до тѣхъ поръ, пока Иванъ III не экспропріировалъ земель у новгородскихъ бояръ и не создалъ на ихъ мѣсто чернаго землевладѣнія, до тѣхъ поръ общинныхъ земель на сѣверѣ и въ Новгородѣ не существовало. „Въ Новгородскихъ пятинахъ первыя основы землевладѣнія крестьянскихъ общинъ заложены въ концѣ XV вѣка, а въ другихъ владѣніяхъ Московскихъ князей и того раньше. Точно опредѣлить это время нельзя: можно только утверждать, что возникновеніе землевладѣнія крестьянскихъ общинъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ территоріи московскаго государства и частной земельной собственности Московскихъ князей. Какъ бы ни возникала эта частная собственность, если только она не отдавалась служилымъ людямъ, она предоставлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникало владѣніе крестьянскихъ общинъ, о которомъ крестьяне выражались такъ: „земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія". Первые такіе опыты могли возникать уже въ концѣ XIV вѣка."

Такимъ образомъ, г. Сергѣевичъ думаетъ, что общиннаго землевладѣнія до „собиранія Руси" московскими князьями не было. Его создали московскіе князья. Но гдѣ у него доказательства этого? Если Иванъ III создалъ въ Новгородской области черное землевладѣніе, то вѣдь это землевладѣніе, за исключеніемъ сѣвера, не просуществовало и полувѣка, и его преемниками было цѣликомъ роздано въ помѣстья.

[1]) См. напр. статьи подъ заглавіемъ „Древности русскаго землевладѣнія" въ журн. М-ва Нар. просв. за 1900 и 1901 гг.

Въ центральныхъ же областяхъ, кажется, нѣтъ никакихъ данныхъ, указывавшихъ, чтобы московскіе князья устраивали общинное землевладѣніе. Наоборотъ всѣ данныя, какъ разъ, свидѣтельствуютъ объ усиленной раздачѣ черныхъ земель, которыя и были почти уничтожены, какъ мы указывали, въ первой половинѣ XVI вѣка. т. е. къ тому времени, когда „собираніе Руси“ было закончено. А что касается до созданія общины въ Новгородѣ, то мы всецѣло присоединяемся здѣсь къ слѣдующимъ словамъ г. Павлова-Сильванскаго. „В. И. Сергѣевичъ, утверждая въ текстѣ своей книги „Древности русскаго права“ очень рѣшительно, что „Иванъ Васильевичъ создалъ въ Новгородѣ крестьянскую общину„—въ примѣчаніи дѣлаетъ нѣсколько существенныхъ оговорокъ, по отношенію къ древнѣйшей исторіи общины, имъ совершенно не изученной. „Въ области управленія крестьяне, говоритъ онъ, можетъ быть (не можетъ быть, а несомнѣнно) имѣли какія нибудь общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ либо цѣловальниковъ, раскладывать повинности“ и т. п. И тутъ же почтенный авторъ отмѣчаетъ еще одно „общее дѣло волости“—общины, касающееся уже не управленія а землевладѣнія: „наемъ пустыхъ деревень“. Если бы В. И Сергѣевичъ внимательно изучилъ указанія древнѣйшихъ нашихъ источниковъ на порядки мірского самоуправленія и землевладѣнія въ связи съ общей исторіей общины въ Россіи и на Западѣ, то онъ понялъ бы, что Иванъ III не „создалъ общины“, а, изгнавъ новогородскихъ бояришекъ, только освободилъ древніе общинные порядки, сохранившіеся въ боярскихъ имѣніяхъ. отъ придавливавшей ихъ господской власти. Община жила въ Новогородскихъ боярщинахъ въ однихъ, полная силъ, въ другихъ сдавленная, какъ тисками, властью ключника, какъ жила она и въ Германіи и въ Англіи, какъ жила она и у насъ позднѣе въ дворянскихъ помѣстьяхъ. Иванъ III не создалъ общины, какъ не создало ея въ XIX столѣтіи, при освобожденіи крестьянъ, Положеніе 1861 года. Подъ верхнимъ слоемъ въ Новогородскихъ боярщинахъ XV вѣка, какъ въ дворянскихъ имѣніяхъ XIX вѣка, лежалъ древній основной пластъ крестьянскаго міра. Этотъ пластъ обнажился, какъ только въ Новгородѣ, при конфискаціи земель, у новгородскихъ бояръ и бояришекъ снятъ былъ прикрывавшій ее и иногда совершенно придавливавшій ее верхній слой господской власти“. [1])

Такимъ образомъ, московскіе князья не создавали общины—волости, а скорѣе ее разрушали. Она исчезла быст-

[1]) П. Сильванскій. Феодализмъ древней Руси стр. 78.

рѣе всего именно въ центральной области, гдѣ они являлись изстари верховными владыками. Къ началу московской эпохи—къ половинѣ XVI вѣка, община—волость сохранилась только на сѣверѣ, т. е. тамъ, гдѣ Москва не могла или не хотѣла ее достать. Но не надо эту древнюю общину—волость смѣшивать съ современной общиной, въ которой главная функція—передѣльный механизмъ. Древняя волостная община передѣловъ не знала: да и какой былъ въ нихъ смыслъ, когда земли хватало на всѣхъ и когда деревня, по своимъ размѣрамъ напоминала одинокіе хутора. Зачѣмъ было дѣлиться деревнѣ изъ 2—3-хъ дворовъ, у которой угодья простирались кругомъ на цѣлыя версты—выбирай любое мѣсто безъ запрета. Передѣлы есть явленіе позднѣйшей эпохи, когда начало чувствоваться утѣсненіе въ землѣ, когда земельный захватъ Ивана обездоливалъ Петра. Пока же этого утѣсненія не было, въ волостной общинѣ царило захватное право на землю, и общія угодья: лѣсъ, пастбища пустыя пашни, называвшіяся въ XV вѣкѣ „вобчихами“, оставались общими до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ крестьянъ не захватывалъ ихъ въ свою пользу. Коль скоро эти угодья „получали спеціальное хозяйственное значеніе, служили ареною особеннаго труда, то и они исключались изъ общаго владѣнія и поступали въ частныя руки“. [1])

Итакъ, главныя формы землевладѣнія къ концу удѣльной эпохи—въ центрѣ частное землевладѣніе князей, бояръ и духовенства, на сѣверѣ—черное крестьянское землевладѣніе волостныхъ общинъ. Въ третьемъ раіонѣ—Новгородской области, происходилъ такой же захватъ земли господствующими классами, какъ и въ центрѣ. Но въ центрѣ первыми и главными землевладѣльцами становились удѣльные князья: они захватывали и колонизовали пустыя земли, превращали ихъ въ дворцовыя, присвоивали себѣ право распоряжаться черными землями, раздавали и тѣ и другія въ вотчины и помѣстья, способствуя развитію боярскихъ и монастырскихъ владѣній. Въ Новгородской области и князю и его боярамъ запрещалось пріобрѣтать села и слободы и принимать людей въ закладъ. Роль князя въ захватѣ земель сыграли здѣсь бояре и купцы, т. е. вмѣсто чисто политической власти, на первый планъ выступила власть „господина капитала“. Бояре и купцы, подобно князьямъ въ центрѣ, захватывали не только „порожжія“, но и черныя земли. „Черныя земли, первоначально бывшія единственнымъ видомъ земель въ Новгородской области, перешли въ руки

[1]) Никитинъ. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода стр. 43.

частныхъ собственниковъ еще задолго до Московскаго завоеванія". (Соколовскій). Бояре не только захватывали, но, какъ и на сѣверѣ, покупали земли, что, какъ думаетъ Рожковъ, доказывается крайней черезполосицей и разбросанностью боярскихъ имѣній. Очень распространено было въ Новгородѣ и закладничество—коммендація: закладничество состояло въ томъ, что болѣе слабые землевладѣльцы—крестьяне отдавали себя со всѣмъ имуществомъ и землей подъ покровительство сильнаго боярина и становились отъ него зависимыми въ податномъ, судебномъ и земельномъ отношеніяхъ. Благодаря всѣмъ этимъ способамъ пріобрѣтенія земель, къ XV вѣку въ Новгородской области царило крупное боярское землевладѣніе (а также землевладѣніе духовенства). Кромѣ бояръ, крупными владѣльцами были и купцы. Рыцарь Ланнуа писалъ, что нѣкоторые горожане владѣли землей на 200 лье въ длину. Однако, новгородскіе вотчинники какъ и въ центрѣ, не были мало мальски крупными хозяевами. „Во всей Деревской пятинѣ, расположенной въ плодороднѣйшей части области, и занимавшей 31 тыс. кв. вер., не было въ концѣ XV вѣка ни одного владѣльца, который запахивалъ бы болѣе 40 десятинъ (8—9 обежъ); обыкновенно же владѣльцы засѣвали не болѣе 10—14 десятинъ (2—3 обежъ) при помощи, приблизительно такого же числа рабовъ" (Соколовскій стр. 21). У крупнѣйшаго Новгородскаго боярина Ив. Захар. Овина, владѣльца 20 имѣній, было всего $37^1/_2$ десятинъ собственной пашни. Въ Новгородѣ, опять таки, аналогично центру, господствовала сдача земель крестьянамъ въ аренду, почти всегда за оброкъ, денежный или натуральный и почти никогда за барщину. Формы аренды описаны выше (см. Псковская судная грамота)

Какъ и всегда, верхніе классы накопляли капиталы, пускали ихъ въ оборотъ, богатѣли; нижніе—теряли землю и экономическую самостоятельность, падали, превращались въ пролетаріевъ. Происходила дифференціація, вѣроятно, въ Новгородѣ еще болѣе сильная, чѣмъ въ Московскомъ центрѣ, т. к. здѣсь кромѣ физической силы и политической власти орудовалъ торговый капиталъ.

Низшіе классы были также дифференцированы: въ ихъ средѣ, кромѣ крестьянъ—арендаторовъ различныхъ категорій (изорники, кочетники, огородники, половники, поземщики) и остатковъ черныхъ крестьянъ—смердовъ, мы видимъ классъ своеземцевъ, затѣмъ сельскихъ ремесленниковъ, наемныхъ батраковъ („подсусѣдниковъ") и наконецъ холоповъ. Всѣ эти классы, кромѣ своеземцевъ, встрѣчались въ другихъ раіонахъ. Своеземцы—это, въ массѣ, мелкіе част-

ные землевладѣльцы, землевладѣльцы трудового типа, хотя размѣры земельныхъ участковъ у нихъ колебались очень сильно отъ 1—2 десятинъ въ одномъ полѣ до 25—39 десятинъ. Зажиточные земцы были уже форменными мелкими капиталистами, сдававшими свою землю въ аренду крестьянамъ, имѣвшими своихъ холоповъ, какъ и нѣкоторые изъ смердовъ въ Кіевской Руси.

Впрочемъ, и крестьяне въ Новгородской области были значительно дифференцированы. По разсчетамъ Сергѣевича, землевладѣніе одного крестьянскаго двора превышало владѣніе другого отъ 2-хъ до 14-ти разъ, и такая разница встрѣчалась въ одной и той же волости, т. е. въ одномъ мѣстѣ и у одного владѣльца. Авторъ, при этомъ, замѣчаетъ, что, въ виду вольнаго найма земель отдѣльными земледѣльцами, эти различія совершенно понятны. Разъ это такъ, то и въ центральной области, относительно которой не сохранилось древнѣйшихъ статистическихъ данныхъ, надо ожидать точно такого же разслоенія въ крестьянской средѣ, т. к. вольный наемъ былъ преобладающимъ.

Своеземчество начинаетъ исчезать, поглощаемое боярскимъ землевладѣніемъ еще до Московскаго завоеванія. Московскіе цари уничтожаютъ его, какъ и боярское, съ 1500 г. Въ писцовыхъ книгахъ этой эпохи, постоянно встрѣчаются записи „были деревни своеземцевы, а нынѣ за государемъ“...

Чтобы покончить съ характеристикой формъ землевладѣнія и землепользованія въ удѣльную эпоху, надо сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ „сябрахъ“ или „складникахъ“. Понятія, скрывающіяся подъ этими терминами, играютъ большую роль въ теоріяхъ, касающихся эволюціи родовой общины въ такъ называемую „сосѣдскую“. Въ нѣсколькихъ словахъ, сущность этихъ теорій такова: какъ мы видѣли, въ Кіевской Руси, имуществомъ владѣла нераздѣльно болѣе или менѣе крупная семья (задруга).[1]) Эта семья въ удѣльную эпоху начала разлагаться: происходили дѣлежи по наслѣдству, образовалось отдѣльное и при томъ неравное имущество у членовъ семьи, которое они, случалось, продавали постороннимъ людямъ. Если членъ семьи продавалъ свое имущество, неотдѣлимое отъ общаго хозяйства, то покупатели-чужеродцы, подъ именемъ „сябровъ“ (нынѣшній шаберъ-сосѣдъ) попадали въ составъ семьи. Такимъ образомъ, семья-родъ разлагалась въ *сосѣдство*—въ товарищество постороннихъ лицъ, владѣющихъ землей въ одной общей семьѣ. Это—прообразъ будущей деревенской общины. Къ сябрамъ близко подходили „складники“, упоминавшіеся

[1]) Хотя сябры уже упоминаются въ посланіи Климента XII вѣка.

въ грамотахъ XIV вѣка. И тѣ и другіе владѣли общей землей; и у тѣхъ и у другихъ участки пашни иногда дѣлились, при чемъ каждый обрабатывалъ свой участокъ отдѣльно; иногда землепользованіе участками чередовалось по жребію. Разница между сябрами и складниками заключалась въ способахъ пріобрѣтенія земли: сябры владѣли наслѣдственной землей, складники сообща покупали или арендовали землю (нѣчто вродѣ германскихъ gehöferschaften).

§ 3. Феодализмъ политическій и соціальный.

Возвышеніе Москвы.

Наше краткое изложеніе эволюціи распредѣленія въ удѣльную эпоху показываетъ, что классовая дифференціація, не смотря на „натуральность" производства въ нѣкоторыхъ раіонахъ, пошла и дальше и глубже, сравнительно съ Кіевской эпохой. Удѣльная эпоха есть эпоха первоначальнаго захвата земли въ руки господствующихъ классовъ и обезземеленія трудовыхъ массъ. Господствующіе классы, какъ миѳическій Антей, прикоснувшись къ землѣ, завладѣвши ею, стали могучими. Земля—основной источникъ производства; и захвативши этотъ источникъ, правящіе верхи получили возможность захватить и капиталъ и власть надъ трудовыми массами, чѣмъ они и поспѣшили воспользоваться въ слѣдующую эпоху, представляющую, съ этой стороны завершеніе удѣльнаго періода, который, поэтому, можетъ быть названъ періодомъ начала соціальнаго феодализма. Соціальный феодализмъ—очень цѣпкій и устойчивый элементъ въ исторіи. И на Западѣ и у насъ онъ просуществовалъ тысячелѣтіе, дожившіи до XIX вѣка, при чемъ остатки его существуютъ и сейчасъ въ разныхъ странахъ.

Не такова у насъ была судьба политическаго феодализма; детальное изложеніе его не входитъ въ программу нашей работы, которая на развитіи политическихъ формъ останавливается лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія картины эволюціи распредѣленія земли. Но, во первыхъ, широкая публика еще не отличаетъ политическаго феодализма отъ соціальнаго, во вторыхъ слабое развитіе и быстрое паденіе политическаго феодализма у насъ, смѣнившагося рѣзко выраженной и устойчивой формой сословной, а затѣмъ и абсолютной монархіи, даетъ солидную точку опоры для сторонниковъ „самобытности" русской исторіи. Поэтому мы и считаемъ нужнымъ сказать нѣсколь-

ко словъ по поводу политическаго феодализма у насъ. Подъ политическимъ феодализмомъ обыкновенно подразумѣвается раздробленіе верховной власти, т. е. присвоеніе отдѣльными лицами, по большей части крупными землевладѣльцами, правъ, составляющихъ прерогативы государственной власти. Къ этимъ правамъ относятся: право взиманія податей, право суда надъ населеніемъ, чеканка монеты, иностранныя, сношенія, участіе въ общихъ законодательныхъ съѣздахъ, судъ перовъ и наконецъ, даже право войны. Иначе говоря, политическій феодализмъ заключается въ превращеніи каждаго отдѣльнаго помѣстья или вотчины въ маленькое государство, при чемъ въ западной Европѣ политическія права землевладѣльцевъ варьировали очень сильно: наиболѣе крупныя княжества и графства, представляли вполнѣ самостоятельныя политическія единицы съ такими верховными правами, какъ, право чеканки монеты и право войны, наиболѣе мелкія бароніи не имѣли почти никакихъ политическихъ правъ, кромѣ нѣкоторыхъ судебныхъ и финансовыхъ функцій по отношенію къ подвластному населенію.

Это право суда и фискальныя права феодаловъ, такъ назыв. иммунитетъ, касаясь трудовыхъ массъ, сидѣвшихъ на господскихъ земляхъ, впрочемъ, относились не только къ политическому, но и къ соціальному феодализму. Подъ соціальнымъ феодализмомъ мы подразумѣваемъ политическую и вытекающую изъ нея экономическую власть надъ трудовыми массами, и этотъ соціальный феодализмъ являлся общей чертой, присущей, какъ самымъ мелкимъ, такъ и самымъ крупнымъ феодальнымъ владѣніямъ. Къ соціальному феодализму мы причисляемъ цѣликомъ институтъ крѣпостного права, и, какъ уже говорили выше, считаемъ соціальный феодализмъ, основанный на политическомъ захватѣ земли въ руки господствующихъ классовъ, чрезвычайно устойчивымъ и едва ли не основнымъ факторомъ распредѣленія земли и продуктовъ производства вплоть до нашего времени.

Въ удѣльную эпоху элементы политическаго феодализма, т. е. прерогативы верховной власти принадлежали, по теоріи Н. И. Сильванскаго, главнымъ образомъ, удѣльнымъ князьямъ, которыхъ онъ, въ этомъ отношеніи, приравниваетъ къ крупнымъ сеньерамъ на западѣ Европы. Процесъ образованія феодальныхъ сеньерій и удѣльныхъ княжествъ былъ различенъ: въ Европѣ феодализмъ развился, благодаря вымиранію и вырожденію каролинговъ, у которыхъ верховная власть была узурпирована графами и баронами. У насъ, въ центральной области великокняжеская

династія не вымерла, а наоборотъ, разрослась до громадныхъ размѣровъ, и раздробленіе удѣловъ произошло естественнымъ путемъ, вслѣдствіе раздѣловъ по наслѣдству. Но разницу въ самомъ процессѣ феодализаціи власти, авторъ считаетъ несущественной; по его мнѣнію существенъ самый фактъ раздробленія власти, аналогичный на Западѣ и у насъ и объясняемый однородными, однотипичными природными и экономическими условіями.

„Централизованная каролингская монархія пала прежде всего, вслѣдствіе ея несоотвѣтствія экономической и географической разрозненности эпохи натуральнаго хозяйства. Это несоотвѣтствіе обнаружилось особенно послѣ Карла Великаго, когда начали населяться и развиваться окраины обширной имперіи; центральной власти стало тогда совсѣмъ не подъ силу держать въ подчиненіи обособленныя экономически и географически, все усиливавшіяся части страны. Поэтому то всѣ обособленные мірки, получивъ самостоятельность, при паденіи центральной власти, и удержали ее за собой на нѣсколько столѣтій. Поэтому то, новое и уже прочное государственное объединеніе территорій явилось только тогда, когда кончилось полное господство натуральнаго хозяйства и развилось хозяйство денежное, создавшее необходимую для централизованнаго управленія связность частей территоріи.

Въ удѣльной Руси мы находимъ тѣ же самыя основныя условія расдробленія государственной власти, что и на западѣ. Мы находимъ: 1) географическую разрозненность, населенность рѣдкими оазисами среди дебрей лѣсовъ и топи болотъ и недостатокъ путей сообщенія, 2) хозяйственную разрозненность этихъ оазисовъ, обусловленную господствомъ натуральнаго хозяйства,.. Эта то обособленность отдѣльныхъ населенныхъ округовъ, большихъ и малыхъ, эта географическая разрозненность страны и была у насъ, также какъ и на западѣ, главною причиною раздробленія власти. Географическое и экономическое разъединеніе неизбѣжно обусловливало разъединеніе политическое и государственное: обособленные округа, самостоятельные экономически въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, отрѣзанные географически отъ другихъ, у насъ—„страшными дебри и непроходимыми блаты„, или на Западѣ во многихъ мѣстахъ горами, въ другихъ также лѣсомъ и болотами, обособлялись и политически“. (Феодализмъ древней Руси стр. 91.)

Географическая и экономическая обособленность, въ связи съ натуральнымъ хозяйствомъ, служитъ причиной финансовой обособленности отдѣльныхъ сеньерій и удѣловъ

и эту финансовую обособленность мы считаемъ одной изъ главныхъ причинъ раздробленія государственной власти. „Сколько нибудь крупная государственная организація, при натуральной системѣ повинностей, невозможна. Раздробленіе страны на мелкіе административные центры было совершенно неизбѣжно въ сѣверо-восточной Руси; гдѣ можно „кормился“ непосредственно самъ князь, гдѣ ему было нельзя, онъ сдавалъ свой „кормъ“ намѣстнику, или волостелю“.[1]) Однимъ словомъ и на западѣ и у насъ, какъ выражается Карѣевъ, въ феодально-удѣльную эпоху „общество катилось по наклонной плоскости къ возстановленію господства натуральнаго хозяйства,“[2]) сравнительно съ предыдущей эпохой; а натуральное хозяйство личное и государственное создавало дробленіе верховной власти.

Что это такъ, что развитіе политическаго феодализма покоилось, главнымъ образомъ, на натуральности народнаго хозяйства, можно отчасти видѣть изъ сопоставленія раздробленной политически центральной области съ болѣе или менѣе объединенной республикой Новгорода Великаго. Въ то время, какъ въ центрѣ каждый удѣльный князь самостоятельно воевалъ, правилъ страной, собиралъ дани и выходы, Новгородъ Великій, не смотря на всю обширность своей территоріи, въ значительной степени былъ ея верховнымъ владыкой, отъ котораго зависѣли и внѣшніе политическіе акты республики; и внутреннее законодательство и управленіе. И если самимъ Новгородомъ правила олигархія изъ бояръ, то, всетаки, это была олигархія, болѣе или менѣе объединенное управленіе, и входившіе въ составъ этой олигархіи бояре не превратились въ сеньеровъ, самостоятельныхъ повелителей какой либо части территоріи и страны. И если и были отрывы значительныхъ территорій отъ центра и образованіе самостоятельности политическихъ тѣлъ, какъ Псковъ и Вятка, то, во первыхъ они были сравнительно рѣдко, во вторыхъ они формировались въ такія же олигархическія республики, а не въ феодальныя сеньоріи. Это сопоставленіе тѣмъ болѣе любопытно, что вѣдь въ географическомъ отношеніи, Новгородская территорія, еще больше отличалась обиліемъ „дебрей и блатъ“ чѣмъ центральная и слѣдовательно, должна была повести къ большей изолированности отдѣльныхъ областей. Однако, этого не случилось, благодаря сравнительно развитому обмѣну, и если начала соціальнаго феодализма и въ центрѣ и въ Новгородской об-

---

[1]) Покровскій. Мелкая земская единица стр. 200.
[2]) Помѣстье-государство стр. 17.

ласти развивались одинаково быстро въ удѣльную эпоху, то начала политическаго феодализма, не смотря даже на слабость государственной власти, въ Новгородѣ были гораздо менѣе развиты.

Итакъ, въ удѣльномъ дробленіи княжествъ у насъ заключались зародыши политическаго феодализма. Но, какъ извѣстно всякому, эти зародыши просуществовавъ менѣе трехъ столѣтій, были уничтожены „собираніемъ Руси“ Московскими князьями. „Съ XIV вѣка, на ряду съ продолжающимся дробленіемъ сѣверо-восточной Руси на новые удѣлы развивается объединеніе Руси и къ концу XIV вѣка московскіе князья собираютъ едва ли не большую половину центральныхъ областей. Еще черезъ сто лѣтъ при Иванѣ III, объединенъ не только весь центръ, но и громадные раіоны сѣвера и Новгорода Великаго. и въ XVI вѣкѣ начинается уже новая эпоха политической исторіи Россіи—эпоха Московской монархіи.

Чѣмъ же объясняется, что нашъ политическій феодализмъ „отцвѣлъ, не успѣвши разцвѣсть?“ Почему на западѣ Европы этотъ видъ феодализма былъ гораздо больше устойчивымъ и успѣлъ сложиться и окрѣпнуть на протяженіи многихъ вѣковъ своего существованія? Очевидно, что крѣпость западнаго политическаго феодализма не могла явиться результатомъ большей натуральности народнаго хозяйства: несомнѣнно, что у насъ въ XIV и XV в.в. въ эпоху собиранія Руси, хозяйство оставалось, почти такимъ же какъ и раньше, и во всякомъ случаѣ, болѣе натуральнымъ, чѣмъ на западѣ Европы. Значитъ, въ данномъ случаѣ, суть не въ этомъ факторѣ, который многіе историки экономисты считаютъ первопричиной чуть ли не всякаго историческаго явленія. Причины быстраго паденія феодализма и объединенія Руси въ одно политическое тѣло, лежатъ прежде всего въ природныхъ условіяхъ страны. Мы говорили въ первой главѣ, что основныя природныя отличія Россіи отъ Европы—однообразіе ея поверхности и климата, что этимъ однообразіемъ обусловливалась легкость разселенія, которая, въ свою очередь, повела къ быстрой нивеллировкѣ племенныхъ отличій еще въ Кіевскую эпоху. Географическую причину раздробленія власти въ удѣльной Руси г. П. Сильванскій видитъ въ „лѣсахъ и болотахъ“, въ Европѣ къ нимъ присоединились горные хребты. Но лѣса и болота, по мѣрѣ сгущенія населенія, по мѣрѣ развитія земледѣлія, истреблялись очень быстро и мы увидимъ дальше, что въ половинѣ XVI вѣка въ центрѣ Московской области уже было сравнительно немного лѣсовъ. Герберштейнъ писалъ, что

во время его путешествія въ 1526 году „по пнямъ большихъ деревьевъ, которые существуютъ и нынѣ, можно заключить, что вся эта область не такъ давно была очень лѣсистой... стараніемъ и трудомъ земледѣльцевъ она довольно обработана“ [1]).

Такимъ образомъ „эта географическая“ преграда для сліянія Руси, благодаря эволюціи сельско-хозяйственнаго производства, быстро падала.

Другая преграда—„натуральность“ хозяйства для концентраціи политической власти, какъ мы говорили, имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, потому, что при натуральной формѣ повинностей, она не даетъ возможности стягивать платежи въ одно мѣсто изъ далекихъ округовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ везти за тысячи верстъ и куда дѣвать зерно, лѣсъ, хлѣбъ, полотно и другіе продукты, которые поступали, въ видѣ податей и оброковъ, съ населенія. Для болѣе или менѣе крупнаго государства, необходимо, чтобы его финансовые рессурсы выражались въ денежной формѣ. Вотъ въ этомъ то отношеніи московскіе князья были поставлены въ исключительно благопріятныя условія. „Податныя обязанности, возникшія подъ вліяніемъ татарскаго ига, по своимъ послѣдствіямъ, имѣли весьма важное значеніе, какъ для государственнаго строя вообще, такъ и для податной системы въ частности. По мѣрѣ поступленія татарской дани въ его казну, богатѣлъ великій князь московскій. Въ противоположность западно-европейскимъ государямъ, онъ не нуждался въ деньгахъ. Располагая значительными, по тому времени, средствами, онъ содержалъ многочисленныя дружины, покупалъ земли у обѣднѣвшихъ князей, или пріобрѣталъ заложенныя у него имущества владѣльцевъ, по несостоятельности послѣднихъ; онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденъ былъ отъ необходимости обращаться къ населенію съ запросомъ о денежныхъ вспомоществованіяхъ, взамѣнъ политическихъ льготъ[2])“.

Слѣдовательно, сдѣлавшись представителемъ хана, по сбору главной денежной подати той эпохи татарской дани, московскіе князья стали богатыми деньгами и въ этихъ деньгахъ они получили точку опоры для собиранія Руси. Вотъ почему натуральность тогдашняго народнаго хозяйства и тогдашней финансовой системы не явились препятствіемъ для уничтоженія политическаго феодализма.

Будучи богатыми, московскіе князья не только покупали и захватывали земли—они привлекали на эти земли

---

[1]) Герберштейнъ. „Записки о Московіи“.

[2]) Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія стр. 77.

трудовое крестьянство, которому легко могли давать необходимыя ссуды и льготы на обзаведеніе. Крестьяне уходили изъ другихъ удѣловъ и садились на земли московскихъ князей и ихъ помѣщиковъ; этимъ самымъ ослаблялась политическая сила другихъ удѣльныхъ князей и пропорціонально увеличивалась сила московскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне, выплачивая поземельную ренту и возвращая ссуды съ прибылью, способствовали возрастанію экономическаго могущества будущихъ абсолютныхъ монарховъ.

Сильные экономически и политически, московскіе князья и по отношенію къ военно-служилому классу, отъ котораго, собственно, зависѣло ихъ политическое значеніе, были далеко не такъ предупредительны, какъ удѣльные, которымъ volens—nolens—приходилось ладить съ этимъ неуживчивымъ элементомъ. Иванъ Калита первый заводитъ помѣстную систему, при которой землевладѣніе военно-служилаго класса находится въ прямой и постоянной зависимости отъ верховной власти. Помѣстная система расплывается пятномъ вслѣдъ за московскими завоеваніями и, по мѣрѣ ея развитія, исчезаютъ зародыши политическаго феодализма, крывшіеся въ боярскихъ вотчинахъ, этихъ сеньеріяхъ удѣльной эпохи.

Наконецъ, ставши представителями всей Руси передъ татарами и затѣмъ руководителями въ борьбѣ съ ними, московскіе князья явились носителями идеи единой русской земли, той идеи, которая была еще жива въ твореніяхъ пѣвца Слова о полку Игоревѣ, которая погибла въ удѣльную эпоху и вновь возродилась подъ вліяніемъ горькихъ вѣковъ татарскаго ига.

Вотъ главныя изъ тѣхъ причинъ, которыя способствовали уничтоженію политическаго феодализма, и быстрому объединенію Россіи подъ московскимъ флагомъ. Но, уничтоживши политическій феодализмъ, московское правительство не только не уничтожило, а, наоборотъ, даже способствовало развитію феодализма соціальнаго. Покоривъ своей власти элементы феодальной аристократіи, закрѣпивши подъ собой землевладѣльцевъ, государственная власть уже содѣйствовала тому, чтобы „землевладѣльцы закрѣпили подъ собой земледѣльцевъ“. Это было прямой выгодой для московскаго правительства, т. к. облегчало его фискальный и административный аппаратъ.

Вотъ почему московская эпоха есть эпоха развитія соціальнаго феодализма, дошедшаго въ своей эволюціи до созданія института крѣпостного права.

Глава IV.

МОСКОВСКАЯ РУСЬ.

Разсѣяніе земледѣлія. Раздача земель сверху. Закрѣпощеніе крестьянъ.

§ 1) Характеристика главнѣйшихъ явленій эпохи.

Московская эпоха занимаетъ, сравнительно, съ предыдущими, небольшой періодъ времени—всего два столѣтія, тогда какъ кіевская тянулась около пяти вѣковъ, удѣльная три съ половиною вѣка (отъ половины XII вѣка до конца XV вѣка).[1]) Впрочемъ, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ колесо исторіи поворачивается быстрѣе, и слѣдующая императорско-дворянская эпоха занимаетъ только полтора столѣтія,

Эпоха московской Руси, изъ всѣхъ древнихъ эпохъ обращала на себя наибольшее вниманіе историковъ: именно въ это время получило начало русское государство въ томъ видѣ—монархіи, съ рѣзко выраженной централизаціей власти, въ которомъ оно сохраняется до сихъ поръ. Въ кіевскую эпоху еще можно было подмѣтить нѣкоторые общіе интересы, соединявшіе отдѣльныя племена и городовыя области, разбросанныя по берегамъ великаго воднаго пути, соединявшіе и русскихъ князей—интересы торговые и династическіе.

Эти интересы были экономическими съ точки зрѣнія племенъ и городовъ и личными съ точки зрѣнія отдѣльныхъ князей. Въ удѣльную эпоху исчезаютъ общіе экономическіе интересы, теряется родственная связь между князьями, и природныя условія, соединявшія кіевскую Русь, становятся въ удѣльной факторомъ, раздробляющимъ ее на отдѣльныя изолированныя области. Русское государство разсыпается на отдѣльныя части и московскіе князья, крупинка за крупинкой, терпѣливо и упорно, въ теченіе почти всей удѣльной эпохи, подбирали подъ свою власть разсыпанныя части. Къ

---

[1]) Нѣкоторые историки, какъ напр. П. Сильванскій, доводятъ удѣльную эпоху до Ивана Грознаго, уничтожившаго послѣдніе слѣды феодализма.

XVI в. главная ихъ работа была закончена: Русь, подъ властью единаго рода московскихъ князей, стала единымъ государствомъ. И въ первые же моменты появленія на свѣтъ этого государства, ему пришлось столкнуться съ сильными внѣшними врагами: на востокѣ и югѣ—съ татарами, на западѣ и сѣверѣ—съ Литвой, Польшей и Шведами. Въ силу необходимости, московская Русь стала военнымъ государствомъ. Въ военномъ государствѣ, какъ въ войскѣ, необходима строгая централизація власти, необходимо повиновеніе единому монарху, какъ единому главнокомандующему. Вотъ двѣ причины, обусловившихъ развитіе централизаціи власти въ московской Руси: взглядъ московскихъ царей на русскую землю, какъ на завоеванную, купленную и добытую лично ими, а слѣдовательно, лично имъ принадлежавшую вотчину и необходимость военной организаціи государства. Собираніе Руси московскими князьями можно сравнить съ военнымъ завоеваніемъ въ другихъ странахъ.

Мы говорили въ первой части, что основныхъ политическихъ факторовъ въ распредѣленіи земли—два: внѣшнее завоеваніе и раздача завоеванной или захваченной земли сверху военно-служилому классу. Въ Россіи, собственно, не было внѣшняго военнаго завоеванія территоріи, сопряженнаго съ тѣми громадными перетасовками въ распредѣленіи земли, которыя оно создавало, напримѣръ, въ Галліи, Франконіи, Бургундіи, Англіи, Ирландіи, Пруссіи и т. д. Хозары и татары—два народа, бывшіе нашими завоевателями, являлись кочевниками и землей не интересовались. Но московскіе князья и цари, захватывая отдѣльныя княжества въ то время, когда земледѣліе широко развилось, когда земля получила значеніе основного источника средствъ для существованія народныхъ массъ,—произвели въ сферѣ землевладѣнія такія пертурбаціи, которыя можно сравнить съ подобными переворотами въ землевладѣніи, создаваемыми въ западной Европѣ.

Они уничтожили черныя земли, боярскія и княжескія вотчины, своеземческія владѣнія и, наконецъ, даже свои собственныя дворцовыя латифундіи и взамѣнъ, всѣхъ видовъ, создали къ концу XVI в. однообразную категорію *помѣстнаго* землевладѣнія. Насколько широко было развито помѣстное землевладѣніе—можно видѣть изъ слѣдующей сводки массовыхъ данныхъ, приведенныхъ въ книгѣ Рожкова, „Сельское хозяйство московской Руси въ XVI в“. Въ концѣ XVI в. было (во всѣхъ раіонахъ) въ %.

Помѣстныхъ земель	66.9.
Вотчинъ свѣтскихъ лицъ.	9,5.
„ духовенства (монастырей, архіер., церкви)	16,7.
Дворцовыхъ земель - , ...	3,4.
Посадскихъ, черныхъ, ямскихъ . . .	3,5.

Изъ всѣхъ видовъ землевладѣнія, существовавшихъ до московскихъ царей, они пощадили, за исключеніемъ Новгорода, только землевладѣніе духовенства, (главнымъ образомъ, монастырское), продолжавшее расти до второй половины XVII в. Вотчины свѣтскихъ лицъ, сосредоточенныя почти исключительно въ центрѣ, были уже новообразованіемъ: взамѣнъ старыхъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ, они попали въ руки новыхъ приближенныхъ лицъ московскихъ государей[1].)

Такимъ образомъ, первое основное явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ московскую эпоху—это экспропріація земель у крупныхъ владѣльцевъ и раздача ихъ вмѣстѣ съ пустопорожними территоріями вновь завоеванныхъ областей, военно-служилому дворянскому элементу: *московская эпоха положила начало современному дворянскому землевладѣнію*. Но былъ-ли вызванъ этотъ земельный переворотъ экономическими мотивами? Помѣстная система складывается къ концу XV в., когда уже московское княжество достигаетъ очень крупной величины. Мы знаемъ болѣе подробно, какія пертурбаціи произвело завоеваніе Новгорода еще при Иванѣ III. „Въ 1484 г. поималъ князь великій большихъ бояръ ноугородскихъ и боярынь и казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на собя, а имъ оставилъ помѣстья на Москвѣ по городамъ". Тогда же онъ вывелъ въ Москву 7 тысячъ житыхъ людей, а въ 1489 г, еще тысячу. Въ 1500 г. князь „поималъ въ Новѣ-городѣ церковныя земли за себя, владычни и монастырскія и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья". Черныя и дворцовыя земли скоро переходятъ въ помѣстья. Такъ, въ Вотской пятинѣ въ 1500 году помѣстья занимаютъ 69, 3% территоріи, черныя земли—13, 4%, въ 1539 г. черныхъ земель уже нѣтъ и помѣстья занимаютъ 97, 8%. Посадивши новгородскихъ землевладѣльцевъ въ московскую область, великій князь въ новгородскую посадилъ москвичей: именно въ 1500 году только въ Ладожскомъ и Орѣховскомъ уѣздахъ Вотской пятины сидѣ-

[1]) Хотя г. Готье указываетъ на нѣкоторые остатки удѣльнаго княжескаго землевладѣнія и въ XVII вѣкѣ, но ихъ такъ немного, что не приходится принимать въ разсчетъ.

ло уже 106 московскихъ помѣщиковъ, владѣвшихъ 3 тысячами дворовъ.

Политическая цѣль подобной перетасовки вполнѣ ясна: желаніе имѣть въ Новгородѣ преданный и не связанный узами мѣстнаго патріотизма военно-служилый классъ. Экономической причины здѣсь мы не видимъ. Первоначальный захватъ земли новгородскими боярами и купцами дѣйствительно былъ слѣдствіемъ концентраціи торговаго капитала въ ихъ рукахъ, т. е, результатомъ экономическаго фактора. Но московскіе князья, захвативши Новгородъ физической силой, сломили старое вотчинное и создали новое помѣстное землевладѣніе, съ *политической* цѣлью—усилить военную организацію государства. Помѣстья представляли изъ себя ничто иное, какъ замѣну денежнаго жалованія нашимъ „рыцарямъ", т. к., подобно ленамъ соотвѣтственной эпохи въ западной Европѣ, раздавались подъ условіемъ военной службы на конѣ и лишь на время службы. Слѣдовательно, уничтожая старое землевладѣніе, созданное экономическими причинами, помѣстная система насаждала новое, зависящее, исключительно, отъ *политическихъ* факторовъ—необходимости военной организаціи государства. Помѣстная система шла наперекоръ экономическимъ интересамъ трудящихся массъ и даже самихъ помѣщиковъ. Поэтому, ея господство продолжалось всего 100 съ небольшимъ лѣтъ—до второй половины XVII вѣка.

Съ этого момента, эта временная, условная, а потому текучая, „жидкая" форма землевладѣнія отвердѣваетъ въ вотчину, а вотчина въ частное землевладѣніе дворянъ XVIII вѣка, которое и въ настоящее время еще не утратило очень большого значенія въ сельскохозяйственной экономіи нашей страны. Такимъ образомъ, раздача земель въ помѣстья—мѣра обусловленная чисто политическими причинами, имѣла едва ли не рѣшающее значеніе въ дальнѣйшей эволюціи распредѣленія земли. Земля съ тѣхъ поръ и вплоть до послѣдняго періода, начавшагося въ 1861 году, окончательно попадаетъ въ руки господствующаго класса, съ котораго сбрасываются всѣ его обязанности и остаются одни права, права соціальнаго феодализма, пріобрѣтающія въ послѣдующій за московскимъ-дворянскій періодъ исторіи, рѣшающее соціально-экономическое значеніе.

Итакъ, дворянство дѣлается, со времени московскаго царства, почти единственнымъ властителемъ земли. По приблизительнымъ разсчетамъ Ключевскаго (Курсъ II, 233) служилые дворяне къ концу XIV вѣка, получили въ свое владѣніе около 30 милліоновъ десятинъ одной пахатной земли.

Бѣляевъ [1]) считаетъ, что къ концу царствованія Ивана Грознаго было роздано 50 милліоновъ четвертей (25 милл. десятинъ).

Этотъ основной фондъ дворянскаго землевладѣнія полученный въ XVI вѣкѣ, постепенно росъ вмѣстѣ съ ростомъ территоріи россійскаго государства и съ поглощеніемъ сохранившагося еще въ московскую эпоху единственнаго конкуррента-землевладѣнія монастырей.

Съ развитіемъ нетрудового дворянскаго землевладѣнія связывалось другое новое явленіе московской эпохи—созданіе института крѣпостного права. Мы, пока, не будемъ на немъ останавливаться. Скажемъ только, что въ немъ мы видимъ дальнѣйшую эволюцію тѣхъ формъ захвата, которыя мы уже констатировали въ предыдущихъ главахъ: въ кіевскую эпоху произошелъ захватъ движимаго капитала господствующими классами; въ удѣльную и московскую захватъ земли, и наконецъ, во второй половинѣ московской—въ XVII вѣкѣ—захватъ личной свободы трудовыхъ массъ. Закрѣпощеніе крестьянъ явилось результатомъ сплетенія политическихъ интересовъ государства и экономическихъ—землевладѣльцевъ дворянъ, т. е. соединеніемъ политическаго и экономическаго факторовъ. Оно представляло послѣднее звено въ цѣли послѣдовательныхъ захватовъ, окончательно разложившихъ населеніе на два антагонистическихъ класса: трудовыхъ земледѣльцевъ и нетрудовыхъ земле—и рабо-владѣльцевъ. Въ послѣдующія эпохи новыхъ формъ захвата мы уже не находимъ.

Итакъ, раздача земель въ помѣстья, соединенная съ организаціей военно-служилаго дворянскаго класса и закрѣпощеніе крестьянъ—вотъ два основныя явленія исторіи распредѣленія московской эпохи.

Но московская исторія протекла въ странѣ совсѣмъ иного масштаба, чѣмъ предшествующія эпохи. Въ 1505 году, при Василіи III-мъ территорія единой Россіи равнялась 24 тысяч. кв. миль или 1176 тыс. кв. верстъ, а въ 1689 году, при воцареніи Петра, она достигла 280 тыс. кв. миль или 12120 кв. верстъ, т. е. увеличилась почти въ 11 разъ. Конечно, на такой обширной территоріи, въ различныхъ ея областяхъ эволюція производства и распредѣленія варьировали очень сильно: и изучать общую ихъ исторію не представляется возможнымъ. Кромѣ указанныхъ главныхъ явленій, и то не распространившихся на сѣверный раіонъ и на Сибирь, мы не можемъ указать какихъ либо крупныхъ, однородныхъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ раіонамъ московской Руси.

[1]) Крестьяне на Руси стр. 90.

Поэтому, намъ приходится изучать отдѣльно исторію наиболѣе крупныхъ областей. Эти области мы разбиваемъ на двѣ группы. 1) на старыя, издавна заселенныя: такъ называемое Замосковье (центральная область) и Новогородско-псковскій раіонъ, 2) на новыя, которыя составляютъ два колонизаціонныхъ пояса: юго-восточный и сѣверо-восточный.

Юго-восточный поясъ состоитъ изъ двухъ раіоновъ: степи и Поволжья, сѣверо-восточный—это старый раіонъ Архангельско-Вологодскій и Вятско-пермскій. Главная колонизація шла на югъ, но и сѣверъ, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ, продолжалъ заселяться. Вмѣстѣ съ разселеніемъ народныхъ массъ шло и разсѣяніе земледѣлія по всѣмъ колонизуемымъ раіонамъ. Населеніе отливало отъ центра и приливало на окраины. Этотъ разливъ, это разсѣяніе населенія и земледѣлія составляетъ *третью* характерную особенность московской эпохи. Благодаря ей, сельское хозяйство совершенно не эволюціонировало *вглубь:* центральные раіоны даже пережили эпоху паденія сельскаго хозяйства. Но земледѣліе разросталось *вширь*, растеклось по великой русской равнинѣ, какъ наши рѣки въ весеннее половодье. Чѣмъ плодороднѣе была область, тѣмъ быстрѣе шла колонизація; и эта тенденція къ „разсѣянію“ земледѣльческаго населенія создавала нивеллировку сельскаго хозяйства, создавала то, что теперь между различными раіонами Европейской Россіи въ сферѣ сельскаго хозяйства, сравнительно мало различія, хотя одни изъ нихъ прожили 800 лѣтнюю исторію, а исторія другихъ насчитываетъ не болѣе 150 и даже 100 лѣтъ.

Всѣ три основныхъ явленія московской эпохи: раздача земель помѣстному дворянству, закрѣпощеніе крестьянъ и разсѣяніе земледѣлія и населенія, отразились различнымъ образомъ въ различныхъ областяхъ московскаго государства. Вотъ почему мы будемъ разсматривать исторію производства и распредѣленія отдѣльно по тремъ главнымъ группамъ раіоновъ: 1) старымъ—Замосковье и Новгородъ, 2) степи и Поволжья, 3) сѣвера. Къ этимъ тремъ группамъ мы прибавляемъ четвертую—область Литовско-Русскаго государства, которая, оторвавшись въ эпоху паденія Кіевской Руси, вошла въ составъ нашей территоріи уже въ четвертомъ историческомъ періодѣ. Подчиненная нѣсколько инымъ политическимъ условіямъ, она, вмѣстѣ съ нѣкоторыми общими чертами, даетъ и характерныя уклоненія, примыкая, по своей политической эволюціи, ближе къ западно-европейскому типу, т. е. къ типу съ болѣе развитымъ политическимъ феодализмомъ. Въ этой главѣ мы разсмотримъ исторію Ли-

товской Руси до развитія крѣпостного права, т. е. до второй половины XVI вѣка, т. к. эта эпоха будетъ соотвѣтствовать, по своимъ чертамъ, эпохѣ московской Руси.

§ 2) Населенность, производство и распредѣленіе въ старыхъ областяхъ Московской Руси.

А) Эволюція населенности и производства.

Впервые въ московской эпохѣ историческіе матеріалы позволяютъ намъ опереться уже не на отрывочныя фактическія данныя, а на болѣе или менѣе массовыя цифры. Есть нѣкоторая возможность представить себѣ, хотя приблизительно и общую населенность Россіи и въ частности, населенность ея центральной области. По разсчетамъ П. Н. Милюкова, (См. Очерки I стр. 26—7) во всей Московской Руси въ серединѣ XVI вѣка было 10—$11^1/_2$ милл. душъ обоего пола, въ концѣ XVI в. 15 мил., вскорѣ послѣ смуты, въ 1620 годахъ, $12^1/_2$ мил. и въ 1678 г. 16 милліоновъ. Менѣе, чѣмъ за полтора вѣка населеніе, въ общемъ, возросло съ 10—$11^1/_2$ до 16 милліоновъ, т. е. на 45—60 %. Въ статьѣ В. И. Покровскаго „Населеніе“ (См. Энц. слов. Брокгаузъ т. 40 стр. 631) мы встрѣчаемъ иныя цифры: для 1480 г.—2, 1 мил., 1580 г. 4, 3 мил., 1680 г. 12, 6 мил.; наконецъ у Schnitzler'a (L'empire de tsars au point actuelle dela seience) для 1462 г. 6 мил., 1535 г. 10 мил. 1584 г. 12 мил. 1613 г. 12 мил., 1645 г. 13 мил., 1689 г. 16 мил.

Мы не знаемъ, на чемъ основаны данныя г. Покровскаго и Schnitzler'a, но намъ извѣстны соображенія г Милюкова. Основаніемъ для его разсчетовъ служитъ первая ревизія 1724 г., когда болѣе или менѣе было установлено количество обложенныхъ подушной податью крестьянскихъ и посадскихъ мужскихъ душъ—именно 5605,4. тыс чел.[1]). Основываясь на этой цифрѣ, г. Милюковъ считаетъ все населеніе обоего пола и обложенное и не обложенное податями въ эпоху 1-ой ревизіи равнымъ, приблизительно, 13 мил. Перепись 1678 г., которая даетъ только число дворовъ показала, что это число на 20 % болѣе того, какое было въ Петровскую эпоху (въ 1710 году). Отсюда г. Милюковъ и устанавливаетъ для 1678 г. цифру на 20 % большую. чѣмъ

[1]) По Дену „Населеніе Россіи по пятой ревизіи т. I[4]. У Милюкова нѣсколько иная цифра—5576,5 т. чел. (Госуд. хозяйство Россіи и реформы Петра Великаго изд. II стр. 476). По Ключевскому (подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи)—5794,9 челов.

въ 1724 г. т. е. въ 16 мил. Но, въ тоже самое время, въ другомъ своемъ сочиненіи (Государствен. хоз. въ Россіи стр. 206) авторъ даетъ, на основаніи учета дѣйствительныхъ данныхъ, гораздо болѣе низкую цифру—въ 6,570 тыс. душъ. (Число дворовъ тяглыхъ и не тяглыхъ по переписи 1678 г. 841,7 тыс. средній составъ двора=6,98 чел.) Спрашивается, которая изъ двухъ цифръ г. Милюкова вѣрнѣе? дѣйствительная или гипотетическая?. Мы считаемъ болѣе правильною гипотетическую цифру—16 милліоновъ: го 1-хъ потому, что въ 1678 году, въ эпоху сравнительно спокойную, когда населеніе не было сокращено безпрерывными войнами Петра, непосильными работами на его громадныхъ территоріяхъ (напр. Воронежская верфь—20 тысячъ рабочихъ ежегодно, Таганрогъ и Азовъ—40 тыс., сѣверныя верфи—80 тыс,, постройка Петербурга—200—400 тыс. и проч.); громадными податями и т. д., его численность во всякомъ случаѣ, не могла быть меньшей, чѣмъ въ концѣ царствованія Петра; во 2-хъ потому, что, собственно, перепись и при Петрѣ дала всего около $3^1/_2$ милліоновъ мужскихъ душъ и только строгая ревизія послѣ переписи увеличила это число на два слишкомъ милліона. Надо ожидать, что, такъ какъ перепись 1678 года не была такой строгой, т. к., съ другой стороны, сравнительно съ Петровской, она была очень неполной (многія платежныя группы еще не были въ нее внесены), то неточность ея данныхъ достигала гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ данныхъ первой переписи Петра.

Итакъ, для конца XVII вѣка, мы можемъ считать правдоподобной общую численность населенія Московской Руси въ 1 16 милліоновъ душъ. Но всѣ остальныя цифры г. Милюкова построены на слишкомъ проблематичныхъ и огульныхъ гипотезахъ. Наименѣе вѣроятной мы считаемъ цифру въ 15 мил. для 80 годовъ XVI вѣка. Она получилась изъ предположенія, что смута убавила настолько же населеніе, насколько реформы Петра, т. е. на 20 %. Но г. Милюкову слѣдовало бы помнить, что разореніе населенія началось еще задолго до смуты. Съ 50—60 гг. XVI вѣка началось повальное бѣгство крестьянъ изъ Замосковья и, во время этого бѣгства, населеніе едва ли сильно приростало. Въ 1557, 1565, 1567, 1570, 1589, 1601-2 гг. были голодовки, изъ которыхъ 3 повсемѣстныхъ. Прошелъ широкой полосой кровавый моръ (чума). Посѣтили Россію и татары, совершившіе одинъ изъ самыхъ опустошительныхъ набѣговъ и дошедшіе до Москвы, которая сгорѣла, Наконецъ постоянныя войны и безчинства Ивана Грознаго не могли не произвести значительныхъ опустошеній въ народѣ. Вообще

вторая половина XVI вѣка—эпоха рѣзкаго паденія благосостоянія и запустѣнія самыхъ заселенныхъ областей: центра и новгородской. Подсчитавши приводимыя у г. Рожкова въ его „сельскомъ хозяйствѣ московской Руси" данныя, мы получили слѣдующія процентныя отношенія между числомъ деревень, починковъ, (вновь возникающихъ поселковъ) и пустошей (заброшенныхъ деревень).

		Деревень	Починковъ	Пустошей
Центр. область.	1-я п. XVI в.	83,3	11,5	5,2
	1550—60 гг.	80,0	5,8	14,2
	1580—90 гг.	48,6	2,2	49,2
Новгородск. область.	1500 г.	95,8	1,0	3,2
	1539—45 гг.	71,0	18,2	10,8
	1560 гг.	90,0	3,8	6,2
	1570 гг.	41,6	1,3	57,1
	1580—90 гг.	16,5	1,3	82,2

Эти массовыя данныя обнимаютъ, въ общемъ счетѣ, около 108 тысячъ населенныхъ мѣстъ. Относительное число деревень въ концѣ вѣка, сравнительно съ его началомъ, убавилось въ центрѣ вдвое, въ Новгородской области въ 5—6 разъ. Если значительная доля населенія центральныхъ и западныхъ раіоновъ и ушла изъ брошенныхъ деревень въ новые раіоны колонизаціи, то, вѣроятно, порядочная часть его погибла отъ войнъ, казней, голодовокъ, умножившихся разбоевъ и въ дорогѣ. Да и вообще, массовыя передвиженія врядъ ли способствовали усиленію естественнаго прироста. Поэтому, мы склонны думать, что общая сумма населенія въ первой, спокойной половинѣ XVI вѣка врядъ ли была меньшей, чѣмъ въ его бурномъ концѣ и г. Милюковъ, опредѣляя ее въ 11—11½ мил. убавляетъ ее, minimum, милліона на 3 т. е. мы считаемъ, что къ 40—50—мъ годамъ XVI вѣка населеніе могло равняться 13—14½ милліонамъ, и до 20-хъ годовъ въ теченіе эпохи Ивана Грознаго и смуты сократилось, не смотря на естественный приростъ, до указанной г Милюковымъ цифры въ 12⅓ мил. Но, конечно, наше предположеніе тоже, въ значительной мѣрѣ, гадательно.

Отъ общихъ цифръ всего населенія обращаемся къ цифрамъ центральной области—Замосковья. Для Замосковья г. Готье въ 20-хъ годахъ XVII вѣка даетъ цифру 600—700 тыс. д. въ 1678 г. 2 милліона. [1]) Эти цифры намъ кажутся сильно преуменьшенными. Въ Московской губерніи Петра I, охватывавшей значительно меньшую территорію, чѣмъ тер-

[1]) См. Готье Замосковный край въ XVII вѣкѣ. стр. 268—9.

риторія всего Замосковнаго края, въ 1724 году было 1622 тысячи мужскихъ душъ, т. е., по крайней мѣрѣ, 3.300 тыс. душъ обоего пола одного податного населенія. Т, к. число дворовъ въ Московской губ. въ 1678 г. было на 24, 8 % больше, чѣмъ въ 1710 г., то, по указанному выше способу г. Милюкова, мы должны считать лишь одно податное населеніе этой губерніи равнымъ 4.118 тысячъ человѣкъ; не податное составляло около $^1/_5$ податного или 823 тыс. человѣкъ, а все населеніе 4.941 тыс. Поэтому, трудно предположить, что въ 1678 году населеніе всего Зомосковья было менѣе 5 милліоновъ душъ обоего пола, т. е. въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ указанная цифра г. Готье, основывавшагося на фактическихъ показаніяхъ переписныхъ книгъ.

Выше мы видѣли, что г. Милюковъ также увеличилъ фактическія данныя для населенія всей Россіи въ $2^1/_2$ раза (6.573 тыс. и 16 мил.); разъ мы признали это увеличеніе правильнымъ для всей Россіи, то оно будетъ правильнымъ и для отдѣльныхъ ея областей. Поэтому и цифра 1620-хъ годовъ должна быть также увеличена т. е. вмѣсто 600—700 тыс. нужно считать въ это время въ Замосковьи 1500—1700 тыс. человѣкъ.

Въ концѣ XVI вѣка, здѣсь населенность, вѣроятно, была значительно выше. По дозорнымъ книгамъ троицкихъ вотчинъ въ 10 московскихъ уѣздахъ числилось:

	Въ 1592—4 гг.	1614—16 гг.	1624—40 гг.
Крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.	4,490	1,049	2735.

Судя по этимъ даннымъ, численность населенія въ 1590 году могла быть въ 1,6 разъ выше, чѣмъ въ 1620-хъ и равняться 2,4—2, 8 мил. душъ.

Еще гуще сидѣло населеніе въ Замосковьи въ первой половинѣ XVI вѣка, когда собираніе удѣловъ было только что закончено: удѣльные князья и бояре, къ концу XV вѣка съѣзжались въ Замосковье поближе къ Московскому трону. Изъ Новгорода переводились тысячи житыхъ людей. Раздача земель въ помѣстья была въ самомъ разгарѣ, и отовсюду въ Замосковье привлекались тысячи людей, верставшихся въ помѣстный окладъ. Помѣщики, въ свою очередь путемъ различныхъ льготъ, привлекали на полученную землю крестьянъ. Заселеніе Замосковья закончилось, въ общемъ, къ началу XVI столѣтія, хотя еще въ 1550 году было роздано въ ближайшихъ къ Москвѣ уѣздахъ 176,8 тысячъ десятинъ 1078 служилымъ людямъ. Рожковъ утверждаетъ, что большая часть уѣздовъ центра была хорошо населена уже въ первой половинѣ XVI вѣка (Сельск. хоз.

стр. 292). Это подтверждается приведенной выше табличкой количества деревень починковъ и пустошей: обиліе починковъ (11,5 %) указываетъ, что приливъ населенія еще продолжался, но главнымъ образомъ, въ приволжскихъ уѣздахъ: Дмитровскомъ, Тверскомъ, Бѣжецкомъ, Пошехонскомъ. Ярославскомъ и. т. д. Въ самомъ центрѣ населеніе уже усѣлось и здѣсь „не замѣтно ни значительнаго отлива, ни прилива населенія“ (Ibid стр. 197) Въ 50—60 гг. начинается отливъ населенія, сначала изъ центральныхъ уѣздовъ Замосковья въ окраинные, а потомъ и дальше. Замосковье пустѣетъ: его запустѣніе характеризуется той-же табличкой процентнаго отношенія деревень, починковъ и пустошей, изъ которой видно, что въ первой половинѣ XVI в. деревни и починки составляли 94,8 %, а пустоши 5, 2 %; въ 50—60 гг. первыя сокращаются до 85,8 %, а вторые увеличиваются до 14,2 % и, наконецъ, въ 80—90 гг. пустоши уже составляютъ 49,2 % населенныхъ мѣстъ. Если можно судить о населенности по относительному числу деревень, починковъ и пустошей, то въ началѣ XVI в. населенность Замосковья въ 1, 8 разъ была больше, чѣмъ въ концѣ, т. е. доходила до 4, 3—47 милліоновъ человѣкъ.

Наши разсчеты, конечно, весьма проблематичны, но они находятъ себѣ подтвержденіе въ пертурбаціяхъ земледѣлія въ теченіе двухъ-вѣкового періода московской Руси. Если они соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то общее увеличеніе населенности въ центрѣ можно изобразить такъ: до первой половины XVI в., быстрый приростъ, затѣмъ населеніе начинаетъ разбѣгаться, Замосковье пустѣетъ: запустѣніе сразу усиливается во время смуты и ближайшій моментъ послѣ смуты—1610 годы—точка максимальнаго запустѣнія. Однако, это послѣднее было недолговѣчнымъ. По словамъ г. Готье, „населеніе, бѣжавшее изъ своихъ селъ и деревень, не уходило далеко отъ брошеннаго, часто сожженнаго, или разрушеннаго двора, а скрывалось въ лѣсахъ, которыми и доселѣ еще богатъ древній замосковный край....

Какъ только началось замиреніе страны, бродившее и скрывавшееся по лѣсамъ населеніе начало возвращаться на прежнія мѣста, опустѣвшія деревни стали заселяться вновь, запущенныя поля стали распахиваться; этимъ обстоятельствомъ легче всего объясняется необычайно сильный приростъ населенія, замѣчаемый между дозорами 10-хъ годовъ и описаніемъ слѣдующаго десятилѣтія. Рѣзкій, но короткій кризисъ смутнаго времени не столько уничтожилъ, сколько распугалъ населеніе“ (Замосковный край стр, 247). Въ вотчи-

нахъ Троицкаго монастыря за 10—15 лѣтъ число дворовъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ 2 ½ раза.

Относительное спокойствіе, которымъ пользовался центръ въ теченіе XVII вѣка, способствовало росту населенія и, хотя оно продолжало отливать на окраины, тѣмъ не менѣе естественный приростъ оставшагося населенія и монастырей, притокъ казенныхъ поселенцевъ (16 тыс. Корелъ, Литовскіе плѣнники и проч.) были достаточны для того, чтобы въ концѣ XVII столѣтіи не только возстановить, но даже слегка перевѣсить цифру первой половины XVI вѣка.

Опредѣляя общую густоту населенія Замосковья по указаннымъ цифрамъ, мы получаемъ, что въ началѣ XVI вѣка она равнялась 17,6 человѣкъ на квадр. версту, въ концѣ—11 чел.; въ 20-хъ гг. XVII вѣка—7 челов., и въ 1678 г. 19,2 чел. на кв. версту. Къ 1897 году густота населенія (сельскаго и городского) Замосковья дошла лишь до 34,8 человѣкъ. Такія сильныя колебанія не могли не отразиться на эволюціи сельско-хозяйственнаго *производства*.

Быстрое заселеніе Замосковья въ началѣ XVI вѣка прежде всего дало себя знать сокращеніемъ лѣсовъ. Сводя воедино массовыя свѣдѣнія объ угодьяхъ, приведенныя г. Рожковымъ, получаемъ такія процентныя отношенія, по тремъ группамъ уѣздовъ:

	Пахатной земли.	Сѣнокоса.	Лѣса
1 гр. Центральн. уѣзды	93,5	2,9	3,6
2 гр. Преимущ. западн. и сѣверо-зап.	63,8	2,4	33,8
3 гр. Восточн. и сѣверо-вост.	23,2	1,2	75,6
Всего въ Замоск. краѣ	57,0	2,1	40,9

Центральные уѣзды Замосковья 1) г. Рожковъ называетъ „почти безлѣсными“ (стр. 14). Такъ и выходитъ, если довѣриться всецѣло писцовымъ книгамъ. Но эти уѣзды охватываютъ, главнымъ образомъ, части современныхъ Московской и Тверской губерній, гдѣ, даже въ 1887 г. было 38,7% и 34% лѣсовъ. Ясно, что г. Рожковъ, въ данномъ случаѣ, допустилъ ошибку, которая уже указана г. Готье. Именно „хозяйственныя описанія московской эпохи отнюдь не слѣдуетъ разсматривать, какъ общія описанія всей территоріи страны: это были только описанія земель тяглыхъ,

1) Замосковный край обнималъ теперешнія Московскую, Тверскую Ярославскую, Костромскую и Владимірскую губерніи цѣликомъ, Гжатскій у. Смоленской губ., Боровской—Калужской, Егорьевскій и часть Касимовскаго Рязанской, Балахнинскій и Семеновскій Новгородской, и часть Устюжскаго Новгородской губ.

находившихся въ податномъ окладѣ. А эти земли составляли, можетъ быть, даже меньшую часть всей государственной территоріи. Оставались вовсе неописанными огромныя пространства чернаго и дворцоваго лѣса." (ст. 157.) Да и приписанный къ вотчинамъ и помѣстьямъ сплошной, такъ называемый поверстный лѣсъ податями не облагался и въ писцовыя книги записывался лишь въ очень грубыхъ чертахъ: въ ширину столько-то верстъ, въ длину столько-то. Такимъ образомъ, приведенныя данныя могутъ служить показателемъ распредѣленія угодій только на населенной и только на болѣе или менѣе культивированной площади земель. По нимъ мы можемъ заключить, что во всей центральной области—въ Замосковье въ XVI вѣкѣ большая половина земель, эксплуатировавшихся населеніемъ, уже представляла изъ себя пахатныя угодья. Въ другой старой области Россіи—Новгородской, пашня составляла всего 33,3%, сѣнокосъ—1,8%, а лѣсъ—74,9%. Здѣсь, какъ мы говорили выше, почва была гораздо хуже, чѣмъ въ центрѣ и не располагала къ земледѣлію. И сейчасъ пахатныя угодья занимаютъ въ Новгородской губ. только 14,6%, а въ Псковской—30,8% удобной территоріи, тогда какъ лѣсъ—69, 2% и 38%.

Но эти цифры указываютъ намъ лишь на то, что земледѣліе заняло въ XVI вѣкѣ первенствующее положеніе въ ряду различныхъ способовъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ края.

Но первенствующая роль земледѣлія была ясна уже изъ предыдущей главы, а теперь намъ гораздо важнѣе опредѣлить, каковы были системы земледѣлія въ центральной области въ Московскую эпоху? Мы знаемъ, что въ эпоху удѣловъ здѣсь преобладало переложное хозяйство перваго періода экстенсивнаго фазиса земледѣлія. Первые слѣды трехполья появляются въ документахъ лишь въ 60-хъ годахъ XV вѣка, но затѣмъ оно развивается очень быстро. Писцовыя книги, обращавшія на пашню усиленное вниманіе т. к. пахатныя земли служили базисомъ налогового обложенія, позволяютъ прослѣдить эту эволюцію. Въ этихъ книгахъ мы встрѣчаемъ 4 термина для обозначенія разновидностей пашни: пашня „паханая" „пашня наѣздомъ", „перелогъ" и „лѣсомъ поросло", Паханая пашня всегда исчисляется въ трехъ поляхъ, откуда многіе изслѣдователи и заключаютъ, что на ней велась болѣе или менѣе правильная паровая зерновая система съ трехпольнымъ свѣооборотомъ.

Другіе же говорятъ, что это шаблонное „въ одномъ полѣ столько то десятинъ или четвертей, а въ дву-потому-жъ" было именно шаблономъ, привычкой, канцелярской

формулой, Г. Бѣлевскій. [1]) приводитъ нѣсколько отвѣтовъ на вопросы Вольно-Экономическаго о-ва въ 1767 году относительно системы земледѣлія. Большинство корреспондентовъ утверждаетъ, что у нихъ господствуетъ трехпольная система, но изъ дальнѣйшихъ описаній видно, что сѣно косятъ по „пашеннымъ мѣстамъ“ (въ харьковскихъ провинціяхъ) или поднимаютъ землю „твердую“ степную (Острогожская провинція Воронежской губ.)—явственные слѣды залежной системы.

Но, какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно одно, что „пашня паханая“ есть „живущая“, регулярно обрабатываемая и, во всякомъ случаѣ, паровая зерновая система въ различныхъ способахъ ея обработки занимала видное мѣсто. Наѣзды, перелогъ, и лѣсопоросльія пашни, наоборотъ,—земли, обрабатываемыя нерегулярно, состоятъ или изъ-впервые поднимаемой нови или изъ запущенной на отдыхъ пашни. Относительно „наѣзда“ существуютъ два мнѣнія: всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что „наѣзды“—пашня, обрабатываемая случайно урывками; она находится вдали отъ жилья и обрабатывать ее только и можно наѣзжая изрѣдка изъ своего села. Но г. Рожковъ считаетъ эту пашню признакомъ упадка, конца экстенсивнаго земледѣлія а, по Ключевскому, она признакъ „зачатка земледѣлія тамъ, гдѣ его не было. Второе мнѣніе подтверждается практикой сибирскихъ старожиловъ, у которыхъ тоже существуютъ наѣздныя заимки.“ „Наѣздныя заимки“—это такія, гдѣ нѣтъ полнаго хозяйственнаго обзаведенія (хлѣвовъ для скота), куда выѣзжаютъ на недѣлю или на двѣ для необходимыхъ на заимочной пашнѣ работъ.“ [2])

Впослѣдствіи, наѣздныя заимки обращаются въ постоянныя, на нихъ ставятся починки, изъ которыхъ потомъ вырастаютъ деревни. Судя по этому примѣру—„наѣзжая пашня“, скорѣе, признакъ расширенія земледѣлія, распространенія его на еще незатронутыя цѣлины, чѣмъ его паденія

Но и „наѣздъ“ и „перелогъ“ могутъ быть сведены въ одну категорію системъ относящихся къ первому періоду экстенсивнаго фазиса—переложному, тогда какъ „пашня паханная“ скорѣе всего характеризуетъ уже начало второго періода—господства паровой зерновой системы,—двупольнаго или трехпольнаго сѣвооборота. И, такъ какъ для насъ

---

[1]) „Сельскохозяйственныя основы общиннаго землевладѣнія и землепользованія“, „Юридич. Вѣстн. 1888 г.

[2]) Качоровскій. Русск. община 1 изд. стр. 95.

важнѣе всего отмѣтить эволюцію экстенсивнаго фазиса по періодамъ, то мы и будемъ приводить соотвѣтственныя данныя въ видѣ сводки по двумъ группамъ: пашни паханой, характеризующей второй періодъ экстенсивнаго фазиса, и наѣзда, перелога и пр., указывающихъ на первый періодъ.

Каковы же были измѣненія этихъ двухъ группъ въ XVI и XVII вѣкахъ?

		% пашни паханой	Наѣзда, перелога и пр.
Центр. область (Замосковье).	До 70-хъ гг. XVI в.	95,6%	4,4%
	Послѣ 70-хъ гг.	31,6 „	68,4 „
Новгородская область.	Конецъ XV в.	99,2„	0,8„
	1539—45 гг.	95,7„	4,3„
	80—е гг. XVI в.	6,9„	93.1„

Очевидно, что въ первой половинѣ XVI в. паровая зерновая система занимала преобладающее положеніе. Менѣе, чѣмъ въ 100 лѣтъ, со второй половины XV в., она вытѣснила переложную систему въ старыхъ областяхъ верхняго Поволожья и Новгорода. Вѣроятно, документальныя данныя у насъ, какъ и въ Германіи нѣсколько запаздываютъ. Въ Германіи возникновеніе трехполья Лампрехтъ относитъ къ V вѣку, а документы къ VIII. Можно думать, что и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря сгущенію населенія, трехполье могло начаться и въ XIV в., на что, отчасти, намекаетъ развивающаяся черезполосность землепользованія. Но даже, если мы отнесемъ начало трехполья къ XIV в., эволюцію земледѣлія придется признать всетаки достаточно быстрой. Но какъ быстро паровая зерновая система воцарилась, также быстро она и исчезла во второй половинѣ XVI в., что находится въ прямой связи съ запустѣніемъ старыхъ областей. Такъ въ Замосковномъ краѣ относительное количество деревень сокращается на половину, а урегулированная пашня паханая на двѣ трети вытѣсняется перелогомъ. Въ Новгородской области населенныхъ деревень къ концу вѣка осталось 16,5%, а „пашни паханой“, только 6,9%. [1])

[1]) Вообще, запустѣніе Новогородской области было громадно. Въ самой густо населенной Деревской пятинѣ на пространствѣ 467 кв. верстъ осталось всего 123 жилыхъ селенія въ Вотской пятинѣ вмѣсто прежнихъ 5 десятинъ въ полѣ запашки сократились до 1¾ дес. или даже ½ дес. (Соколовскій оч. истор. сельск. общины на сѣверѣ Россіи).

Отсюда слѣдуетъ, что попятное движеніе земледѣлія было сильнѣе, чѣмъ убыль населенія. Это объясняется тѣмъ, что населеніе не только убывало. но и оставшіеся крестьянскіе дворы стали пахать гораздо меньше. чѣмъ прежде. Въ центрѣ до 70-хъ годовъ средній размѣръ пашни на одинъ дворъ равнялся 8,2 четвертей въ одномъ полѣ (12,3 десятинъ въ трехъ поляхъ), а въ концѣ вѣка—4,4 четверти (6,6 дес. въ трехъ поляхъ): въ Новгородской области въ первой половинѣ XVI вѣка—7 четв. (10,5 дес.), въ концѣ 2,8 чет. (4,2 дес.) Иными словами, каждый оставшійся дворъ въ центрѣ, сократилъ свою запашку почти вдвое, а въ Новгородской области въ $2^1/_2$ раза. „Параллельно регрессу въ системѣ земледѣлія, говоритъ г. Рожковъ, шло и сокращеніе крестьянской запашки на дворъ, т. е. крестьянинъ центральной Руси дѣлался маломощнымъ въ хозяйственномъ отношеніи, сильно разорялся“ (Сельское хозяйство московской Руси стр. 146) Въ результатѣ, и получилась, по выраженію г. Ключевскаго, „геометрическая прогрессія запустѣнія“.

Деревни обезлюдѣли, но и оставшіеся дворы, потеряли настолько работоспособность, что въ 2—$2^1/_2$ раза убавили запашку. Эта потеря работоспособности двора объясняется также его обезлюдѣніемъ. Если не уходилъ цѣлый дворъ, то уже непремѣнно изъ оставшихся дворовъ уходили такъ называемые „затяглые“ не записанные въ податной окладъ: подворники, захребетники, проживавшіе подъ крыломъ болѣе сильныхъ крестьянъ. Уходить имъ было легче, потому что правительство не только не чинило имъ препятствій, а не видя, по своей близорукости, какое значеніе они имѣютъ для крестьянскаго хозяйства, не понимая, что ихъ уходъ повліяетъ и на платежеспособность двора, само усердно перезывало ихъ на службу въ новостроющіеся на югѣ города и укрѣпленія.

Но вотъ, нагрянула смута. Незадолго до смуты, послѣ смерти Ивана Грознаго, появились легкіе признаки улучшенія. Такъ, въ Московскомъ и Старицкомъ уѣздахъ въ однѣхъ и тѣхъ же вотчинахъ было:

	% пашни	% перелога.
1584—6 гг.	9,9	90,1
1593 „ „	34,8	65,2

Но смутное время смело попытки трудовыхъ массъ возстановить хозяйство, когда имъ немного „полегчало“ въ политигяескомъ отношеніи. Вліяніе смуты на измѣненіе системъ земледѣлія г. Готье прослѣдилъ по однѣмъ и тѣмъ же

Троицкимъ вотчинамъ, по 48 вотчинамъ и помѣстьямъ Московскаго у. и 15 Звенигородскаго. [1])

Троицкія вотчины % земли.

	пашня	наѣздъ.	перелогъ.
1592 г.	37,3	—	62,7
1614—16 гг.	1,8	—	98,2
1624,40 „„	22,7	—	77,3
Московскій у. 48 имѣній.			
1586 г.	22,8	—	77,2
1624—5 гг.	13,3	—	86,7
Звенигородскій у. 15 имѣній.			
1560—3 гг.	100,0	0,0	0,0
1624—8 гг.	2,1	1,7	96,2

Массовыя данныя по 30 уѣздамъ Замосковья къ 20 годамъ XVII вѣка, указываютъ на такую пропорцію этихъ видовъ пашни:

Пашни паханой	14,7 %
Наѣзда	2,4 %
Перелога	82,9 %

Повидимому, maximum хозяйственнаго раззоренія падалъ на 1610-е годы, когда даже въ Троицкихъ вотчинахъ перелогъ занималъ 98,2% пашни. Къ 20-мъ годамъ его опять начинаетъ вытѣснять трехполье, и площадь перелога колеблется въ предѣлахъ 77,3% до 86,7%, составляя, по массовымъ даннымъ, 82,9% или, все еще больше четырехъ пятыхъ обрабатываемой земли, тогда какъ въ концѣ XVI вѣка онъ занималъ не болѣе двухъ третей. Въ послѣдующую эпоху XVII вѣка развивается, но сравнительно медленно, поступательное движеніе трехполья, вытѣсняющаго перелогъ. Въ 40-хъ годахъ XVII в. по массовымъ даннымъ 14 уѣздовъ, было:

Пашни паханой	42,8 %
Наѣзда	8,0 %
Перелюга	49,2 %

Здѣсь пашня паханая уже близка къ половинѣ обрабатываемой территоріи. Затѣмъ, сводя приведенныя г. Готье цифры по однимъ и тѣмъ же имѣніямъ 14 уѣздовъ за 20—40-е и 80-е п. годы, мы видимъ дальнѣйшую эволюцію трехполья:

	20—40 годы	70—80 годы
пашни пахан.	19,0%	57,0%
наѣзда	2,4%	4,5%
перелога	78,6%	38,5%

[1]) Въ Звенигородскомъ у. мы исключили изъ подсчета 7 совершенно запустѣлыхъ имѣній.

Массовыя цифры для 14 уѣздовъ въ 70—80 гг. даютъ для пашни паханой 62,2%, перелога 37,8%. По этимъ цифрамъ, паровая зерновая система къ концу XVII вѣка *еще не достигла того господствующаго положенія, какое она занимала въ первую половину XVI вѣка*, когда болѣе девяти десятыхъ обрабатываемой земли было занесено писцами въ разрядъ „жилой" регулярно эксплуатируемой пашни. Въ концѣ XVII вѣка, въ лучшемъ случаѣ, она обнимаетъ двѣ трети культивируемой территоріи. Этотъ фактъ какъ будто находится въ противорѣчіи съ ростомъ населенія. Мы не разъ указывали, что основной факторъ развитія производительности земли—густота и ростъ населенія. Но, по нашимъ разсчетамъ выходитъ, что плотность населенія въ концѣ XVII вѣка была нѣсколько выше, чѣмъ въ первой половинѣ XVI вѣка (19,2 и 17,6 чел. на кв. версту). Правда, уплотненіе населеніе Замосковья за эти полтора вѣка, полныхъ экономическихъ и политическихъ кризисовъ и потрясеній, не могло быть большимъ, но все-таки оно произошло и, слѣдовательно, въ концѣ московской эпохи здѣсь надо было ожидать большаго распространенія паровой зерновой системы, чѣмъ въ ея началѣ. Почему же этого не случилось?

Мы видѣли выше, что рѣзкое паденіе земледѣлія къ концу XVI вѣка, кромѣ сокращенія числа крестьянскихъ дворовъ, объясняется еще тѣмъ, что и оставшіеся крестьянскіе дворы стали гораздо болѣе малолюдными и принуждены были сократить вдвое свою запашку. Быть можетъ, и въ XVII вѣкѣ благосостояніе крестьянъ не дошло до такой степени, чтобы размѣръ запашки крестьянскаго двора достигъ до уровня начала эпохи. Сравнимъ средніе размѣры дворовой запашки:

до 60-хъ гг. XVI в.	12,3 дес. въ трехъ поляхъ
конецъ XVI в	6,6 " [1])

[1]) Г. Готье, подсчитывая тѣже данныя у Рожкова, получилъ иныя, цифры: именно, для служилыхъ земель въ концѣ XVI вѣка 2,6 десят. для монастырскихъ 4,74 дес., въ началѣ и 2,6 дес. въ концѣ. Нашъ подсчетъ даетъ цифры, почти втрое большія. Разницу мы объясняемъ тѣмъ, что г. Готье даетъ цифры всегда въ трехъ поляхъ, а г. Рожковъ въ одномъ полѣ. Поэтому, для сравненія мы утраивали цифры г. Рожкова, чего г. Готье, повидимому, не сдѣлалъ. Г. Рожковъ во всей книгѣ приводитъ цифровыя данныя всегда въ одномъ полѣ; тоже и въ данномъ случаѣ. Напр. онъ говоритъ: въ черныхъ деревняхъ Тверск. у. въ 1539—45 было 1615 четв. въ каждомъ изъ трехъ полей и 195 дворовъ. Цифры дворцовыхъ селъ Симеона Бекбулатовича, данныя въ трехъ поляхъ, онъ переводитъ на одно поле и т. д. (стр. 146—7). Разъ онъ всюду примѣняетъ однообразную систему учета и въ данномъ случаѣ не дѣлаетъ ого-

	по мас. дан.	по одн. тѣмъ же имѣн.
въ 20-хъ гг. XVII в	6	6,1 д.
въ 70—80 гг.	7,0	9,3

Дѣйствительно, сравнительно съ началомъ XVI вѣка размѣры подворной запашки сократились, minimum, на одну четверть. Но это сокращеніе уже не зависѣло, какъ въ концѣ XVI вѣка, отъ убыли въ семейно-рабочемъ составѣ крестьянскаго двора. Всѣ изслѣдователи указываютъ, какъ разъ наоборотъ, что семейный составъ двора главнымъ образомъ, благодаря реформѣ податного обложенія (переносу тягла съ земли на дворъ) [1]) значительно увеличился къ концу эпохи и г. Готье, старательно проштудировавшій древніе статистическіе матеріалы по этому вопросу, находитъ, что этотъ составъ за время съ 1620 по 1678 гг. увеличился приблизительно вдвое (см. стр. 263). Если сравнить размѣры *подушной* запашки (на душу м. п.) то окажется что она падала, не только въ XVI вѣкѣ, но даже и въ XVII вѣкѣ. „Въ XVII столѣтіи, говоритъ г. Готье, эволюція подушной запашки совершенно ясна: это опредѣленно выраженное *сокращеніе*, достигающее, въ среднемъ, 20—25%. Такой фактъ наводитъ на размышленіе. Онъ, несомнѣнно указываетъ на пониженіе крестьянскаго хозяйства, которое, еле оправившись послѣ смутнаго времени, обнаружило во, второй половинѣ XVII вѣка *тенденцію къ дальнѣйшему пониженію*.

На ряду съ сильнымъ увеличеніемъ общей площади всей пахатной земли, въ томъ числѣ и крестьянской, происходило уменьшеніе количества земли, распахиваемой каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ (стр. 514). Иначе говоря, ростъ населенія значительно обгонялъ ростъ пашни.

Мы прослѣдили на болѣе или менѣе массовыхъ данныхъ общую эволюцію сельскаго хозяйства въ старыхъ областяхъ московскаго государства за XVI и XVII вѣка и пришли къ такимъ выводамъ:

1) Въ первой половинѣ XVI вѣка въ Замосковьи и въ Новгородской области господствующей системой земледѣлія была паровая зерновая, близкая къ трехполью. Начиная съ 60—70-хъ годовъ этого вѣка, земледѣліе переживаетъ глу-

---

ворки, надо полагать, что его таблицы о размѣрахъ крест. запашки, разсчитаны тѣмъ же способомъ.

---

[1]) По словамъ Лаппо-Данилевскаго подворная подать „способствовала повышенію средней населенности тяглаго двора“ (Орг. прям. обл. стр. 259).

бокій кризисъ, который, усиливаясь въ эпоху смуты, достигаетъ своего апогея къ 10 годамъ XVII вѣка. Послѣдствіемъ этого кризиса явилось возвращеніе къ крайне экстенсивной переложной системѣ, почти совершенно вытѣснившей еще слабое неустойчивое трехполье. Съ 1629-хъ годовъ начинается снова возстановленіе паровой зерновой системы, тѣмъ не менѣе, и въ концѣ XVII вѣка не достигающей той степени развитія, до которой она дошла въ началѣ московской эпохи.

2) Эти пертурбаціи паденій и подъемовъ сельскаго хозяйства не вполнѣ совпадаютъ съ такими же измѣненіями въ населенности края: именно, въ концѣ XVII вѣка населенность центра нѣсколько выше, чѣмъ въ началѣ предыдущаго вѣка, между тѣмъ какъ распространеніе „паханой“ „живущей“ пашни даетъ обратные результаты. Это расхожденіе эволюціи населенности и эволюціи сельскаго хозяйства объясняется тѣмъ, что къ концу эпохи *сократились средніе размѣры крестьянской дворовой, а затѣмъ подушной запашки*. Такой фактъ не можетъ быть объясненъ малоземельемъ: малоземелья въ XVI вѣкѣ быть не могло. Единственное объясненіе его—*паденіе экономическаго благосостоянія крестьянъ*.

Такимъ образомъ, главнѣйшія явленія эволюціи производства таковы: глубокій сельско-хозяйственный кризисъ, тянувшійся около 60-ти лѣтъ—съ 60-хъ годовъ XVI вѣка по 1610-е гг., слабая эволюція земледѣлія въ XVII в. и пониженіе уровня благосостоянія крестьянъ. Спрашивается, чѣмъ объясняются эти явленія.

Б) Трансформація землевладѣнія.

При нормальныхъ условіяхъ сельско-хозяйственное производство зависитъ больше всего отъ природныхъ факторовъ и отъ густоты населенія. Природные факторы, повидимому, мало измѣнялись въ теченіе московской эпохи: не было ни геологическихъ переворотовъ, ни какихъ нибудь небывалыхъ наводненій. Общее число неурожаевъ и голодовокъ, не превышало обычнаго. Такъ, по Бѣляеву, въ XII вѣкѣ было 8 голодовокъ, въ XIII—8, въ XIV—7, въ XV—8 и въ XVI—8, по Словцову въ XII вѣкѣ 3, въ XIV—5, въ XV—16, въ XVI—11 въ XVII—12. Наконецъ, послѣдній изслѣдователь климатическихъ измѣненій въ Европейской Россіи—Боголѣповъ[1]), находитъ, что въ XVI и XVII вв. особенно рѣз-

[1]) Боголѣповъ. „О колебаніяхъ климата въ Европейской Россіи въ историческую эпоху“.

кихъ уклоненій въ общей правильности чередованій выдающихся засухъ (три раза въ теченіе 100 лѣтъ) не было. Правда, неурожаи и засухи сконцентрировались именно во второй половинѣ XVI вѣка, при началѣ кризиса, правда, въ это время прошелъ кровавый моръ и къ этому прибавилось грозное татарское нашествіе: но всѣ эти явленія, даже при ихъ совпаденіи, не могли создать длительнаго кризиса, потому что они не отличались особенной силой и не были продолжительны. Послѣ нихъ народное хозяйство могло быстро оправиться, какъ оправлялось послѣ голодовокъ, эпидемій и короткихъ вражескихъ нашествій въ минувшіе вѣка. И не въ нихъ, т. е. не въ природныхъ факторахъ плюсъ часто встрѣчающіеся въ эпоху среднихъ вѣковъ бѣдствія войны и „повѣтрія“, въ данномъ случаѣ, мы должны искать начала кризиса. Кризисъ начался потому, что населеніе въ 60-хъ годахъ XVI вѣка, еще до большихъ голодовъ до чумы и нашествія хана, стало разбѣгаться изъ Замосковья. Несомнѣнно, что отливъ населенія въ центрѣ былъ основной и ближайшей причиной сельско-хозяйственнаго кризиса. Но по какимъ причинамъ произошелъ самый отливъ населенія? Мы вполнѣ присоединяемся къ слѣдующимъ словамъ г. Рожкова: „сельско-хозяйственный регрессъ и уходъ населенія не два особыхъ явленія, а двѣ стороны одного и того же процесса, неразлучимыя другъ отъ друга. Остановиться на объясненіи перваго, т. е. упадка хозяйства вторымъ т. е. бѣгствомъ населенія—значило бы не сдѣлать ни шагу впередъ въ такомъ объясненіи. Надо идти дальше, поискать разрѣшенія вопроса о причинахъ отлива *самого населенія*.“ (стр. 365). Причина отлива населенія, а слѣдовательно и причины рѣзкаго паденія сельскаго хозяйства, связаннаго, съ другой стороны, съ пониженіемъ уровня крестьянскаго благосостоянія, лежатъ *внѣ* природныхъ условій: ихъ надо искать въ той сферѣ, которая непосредственно воздѣйствуетъ на *распредѣленіе*—въ сферѣ факторовъ *политическаго* характера.

Политическіе факторы могутъ быть раздѣлены на внѣшніе и внутренніе. Внѣшними можно признать такія явленія, какъ войны. Дѣйствительно, войнъ было много; „въ 1492—1595 годахъ было 3 войны съ Швеціей и 7 войнъ съ Литвой, Польшей совмѣстно съ Ливоніей. Эти войны поглотили не менѣе 50 лѣтъ; слѣдовательно, на западѣ въ эти 103 года мы, круглымъ счетомъ, годъ воевали, годъ отдыхали.... На азіатской сторонѣ шла изнурительная непрерывная борьба“ (Ключевскій курсъ II 261).

Но, во время этихъ войнъ, непріятель рѣдко и то, главнымъ образомъ, на окраинахъ (за исключеніемъ указаннаго выше случая и смутнаго времени) вторгался въ предѣлы государства; и во всякомъ случаѣ, на распредѣленіе земли войны не оказывали непосредственнаго вліянія. Даже смутное время было сильнымъ, но быстрымъ ударомъ, отъ котораго населеніе также быстро стало оправляться. Въ послѣдующую эпоху войны уже совсѣмъ не заходили на территорію центра. Вліяніе войнъ скорѣе сказывалось на благосостояніи населенія, не въ видѣ прямого разоренія, грабежа „потока", а косвенно, съ одной стороны, въ видѣ увеличенія налоговъ, съ другой—организаціи помѣстнаго военнослужилаго класса.

Московское государство, поглотивши большинство земель, занятыхъ русскимъ населеніемъ, очутилось лицомъ къ лицу и на западѣ и на юго-востокѣ съ европейскими и азіатскими націями. „Чѣмъ больше росло и крѣпло Московское государство, тѣмъ все съ большими и большими опасеніями взирали на него его сосѣди, Швеція и особенно Польша, тѣмъ враждебнѣе относились они къ его развитію благосостоянія"[1]). Съ XVI-го и до XVIII вв. наше молодое царство переживаетъ мучительную эпоху своего роста, когда ему предстояло или, поглотивши часть своихъ внѣшнихъ враговъ, сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ оно сдѣлалось въ настоящее время,—могучей имперіей, захватившей полъ Европы и треть Азіи, или быть самому поглощеннымъ этими врагами. Вотъ почему, какъ говоритъ Лаппо-Данилевскій, войско и финансы стали центромъ, вокругъ котораго вращались всѣ второстепенные интересы; вотъ почему все населеніе было превращено въ людей служилыхъ и въ людей тяглыхъ и обѣ группы должны были существовать не столько для себя, сколько для государства.

Число служилыхъ людей, обязанныхъ только службой и освобожденныхъ отъ повинностей, сразу увеличилось во много разъ: они рекрутировались, между прочимъ и изъ крестьянъ. На укрѣпленныя южныя и западныя линіи новыхъ крѣпостей назначался низшій служилый людъ, „мѣнявшій посадскій или крестьянскій дворъ на дворъ въ стрѣлецкой, пушкарской, или иной „приборной" слободѣ. Этотъ вновь поверстанный въ государеву службу мелкій людъ, въ большинствѣ своемъ, извлекался изъ уѣздовъ, которые тѣмъ самымъ теряли часть своего трудоваго населе-

[1]) Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія (стр. 502).

нія“[1]), значитъ количество тяглыхъ людей уже поэтому сокращалось. Но на это сокращенное населеніе налагались большія повинности, и, въ результатѣ, податной окладъ долженъ былъ увеличиваться въ геометрической прогрессіи. Такъ и было, судя по разсчетамъ г. Рожкова. „Крестьянинъ въ 1513 году платилъ на наши деньги около 80 коп. съ каждой четверти пашни: въ 20—40 гг. 90 коп., въ 50—80 гг. 1 р. 30 к. и наконецъ въ концѣ столѣтія 4 р. 70 к. Такимъ образомъ платежи въ пользу государства возросли въ 80—90 гг. сравнительно съ 50 гг. въ $3^1/_2$ раза“ (сельск. хоз. стр. 234). Въ XVII в. продолжается ростъ податей: въ теченіе этого вѣка только расходы на армію, составлявшіе около половины государственнаго бюджета, увеличились втрое. Въ 1615 году появляется стрѣлецкая подать, затѣмъ полоняничная, разные экстренные сборы „пятой“ „десятой“ деньги, налогъ на соль и т. д. и т. д. Только за 1654—1680 гг. дважды собиралась пятая деньга, 5 разъ десятая одинъ разъ 15-я[2]). Вообще въ XVII вѣкѣ „повинности сельскаго тяглаго населенія по отношенію къ правительству увеличивались неуклонно“. (Готье стр. 542).

Итакъ внѣшнія войны и, какъ результатъ ихъ для внутренней жизни русскаго народа, *усиленное возрастаніе налоговъ*—вотъ первый политическій факторъ, способствовавшій раззоренію трудового земледѣльческаго населенія во второй половинѣ XVI вѣка и задерживавшій сельскохозяйственный прогрессъ въ XVII вѣкѣ. Нѣкоторые историки считаютъ его и *основнымъ*. Такъ напр., Соколовскій[3]), считаетъ, что главныя причины разоренія и запустѣнія центра—не бродячій инстинктъ русскаго народа, не истощеніе почвы: крестьяне бѣжали отъ „царскихъ даней и разметовъ“, отъ „опричнаго правежу“ отъ чрезмѣрныхъ оброковъ за землю въ пользу служилыхъ людей.

Но другіе историки, особенно г. Рожковъ, склонны не придавать возрастанію налоговаго бремени почти никакого значенія. По разсчетамъ Рожкова, государство въ центральной области до 80-хъ годовъ брало у трудового земледѣльца въ видѣ денежныхъ податей 5, 8 % валового дохода, послѣ 80-хъ гг.—13,8 %; въ Новгородской—сначала 6,8 % потомъ—16,2 %. Но и эта разница объясняется, въ сильной

---

[1]) Платоновъ. Очерки по исторіи смуты.

[2]) Милюковъ. Государ. хоз. Россіи стр 56.

[3]) См. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ.

степени тѣмъ, что до второй половины XVI вѣка большую роль играли не денежныя, а натуральныя формы налоговъ и г. Рожковъ думаетъ, что въ первой половинѣ XVI вѣка „тяжесть государственныхъ податей и повинностей была не *меньшею* чѣмъ позднѣе“, Отрицаетъ онъ и повышеніе землевладѣльческаго оброка—ренты за землю. Онъ указываетъ, что до XVI вѣка преобладало половничество—платой владѣльцу половины и третьей части урожая. Въ концѣ XVI вѣка денежный оброкъ составляетъ въ центрѣ 8,8 % валового дохода, въ Новгородской области—10,3 %.

Въ общей сложности, „во второй половинѣ XVI вѣка никогда крестьянинъ неуплачивалъ въ казну и землевладѣльцу вмѣстѣ половины урожая и обыкновенно отдавалъ имъ меньше трети“, (стр. 264).

Наконецъ „налоги возрасли реальнымъ образомъ въ 80-хъ гг, когда упадокъ хозяйства былъ уже совершившимся фактомъ“. (стр. 265) Налоги возрасли *послѣ* разоренія крестьянъ, паденія цѣнности рубля втрое и, главное,—послѣ сокращенія запашки: правительство должно было взимать ту же или еще большую сумму съ гораздо меньшаго количества „тяглой“ пашни, откуда ясно, что возрастаніе налоговъ было *слѣдствіемъ*, а не причиной паденія сельскаго хозяйства.

Послѣдній аргументъ кажется самымъ сильнымъ. Но дѣло въ томъ, что апогей „запустѣнія“, повидимому и начинается къ 70—80-мъ гг.; въ 50—60-хъ годахъ появились лишь первые признаки отлива населенія; поэтому можно не видѣть въ податяхъ основной причины разоренія массы и ея эмиграціи, но нельзя не считаться съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что именно они способствовали разоренію и задерживали развитіе сельскаго хозяйства послѣ смуты. Выкладки г. Рожкова, опредѣляющія, какую долю валового дохода составляютъ налоги, являются не только, какъ ихъ называетъ самъ авторъ „нѣсколько рискованными“, но и прямо подозрительными, т. к. разсчетъ валового дохода слишкомъ проблематиченъ. Г. Рожковъ строитъ его на томъ гадательномъ предположеніи, что производительность почвы была „не многимъ выше, чѣмъ теперь“.

Мы же думаемъ, вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ „можетъ быть вслѣдствіе дурной обработки, урожаи были *значительно ниже теперешнихъ*.“ (Милюковъ. Очерки I. стр. 76).

Данныхъ и у насъ и у г. Рожкова для опредѣленія урожайности крайне мало. Правда, если вывести среднюю

ариѳметическую изъ немногихъ примѣровъ, приводимыхъ г. Рожковымъ, то получится для ржи—самъ $5^5/_6$, овса—самъ $4^2/_3$, что и даетъ нѣкоторое право г. Рожкову считать урожай ржи равнымъ 6 чертвертямъ на десятину, овса 8 четвертей (при посѣвѣ ржи на десятину 1 нынѣшней четверти, овса 9 четв.). Но, примѣры г. Рожкова слишкомъ отрывочны и мелки и на нихъ никоимъ отразомъ нельзя строить мало мальски серьезныхъ обобщеній. Гораздо болѣе основательные матеріалы Миклашевскаго для степи XVII вѣка, охватывающія почти 90-лѣтній періодъ, опредѣляютъ урожай только въ самъ 2,2. Сводка точныхъ показаній въ имѣніяхъ Морозова, хозяйство которыхъ являлось образцовымъ[1]), за 5 лѣтъ даетъ для ржи самъ 3,8, овса самъ 4,0. Наконецъ, эти отрывочныя свѣдѣнія можно подтвердить аналогіей съ современнымъ состояніемъ урожайности въ Европейской Россіи. На нашемъ югѣ въ Новороссіи и на юго-востокѣ въ Самарской и Астраханской губ. не смотря на плодородную почву-черноземъ, средніе урожаи при экстенсивныхъ системахъ, гораздо ниже, чѣмъ въ центрѣ и на западѣ гдѣ системаземледѣлія болѣе экстенсивна[2]).

Такимъ образомъ, первая неправильность г. Рожкова при исчисленіи валового дохода, слишкомъ высокія нормы урожая. Вторая неправильность—*низкія* продовольственныя нормы. Авторъ считаетъ достаточными для крестьянской семьи на продовольствіе себя и скота 10 четвертей ржи и 4 четверти овса (тогдашнихъ: древняя четверть ржи вѣсила $4^2/_3$ пуда, т. е. половину нынѣшней). Мы думаемъ, что для семьи въ 5—6 душъ, 47 пудовъ ржи—это даже ниже *голодной* нормы. Меньше 6 пудовъ на душу среднюю норму установить нельзя: большинство экономистовъ теоретиковъ и практиковъ считаютъ нормальнымъ потребленіемъ 18—19 пудовъ[3]). Слѣдовательно, на семью требовалось одной ржи не менѣе 80-ти пудовъ.

Этихъ двухъ ошибокъ достаточно, чтобы опрокинуть учетъ валового дохода у г. Рожкова. А если онъ неправильно опредѣлилъ валовой доходъ, то не правильными будутъ и опредѣленія отношеній между размѣрами налоговъ и

---

[1]) См. книги посѣвныя ужинныя и умолотныя въ имѣніяхъ Морозова. Времен. о-ва исторій и древн. Россіи кн. VII.

[2]) См. сводъ статист. свѣдѣній по сельск. хоз. Россіи въ концѣ XIX в. изд. М. З. и Г. П.

[3]) См. ст. Маресса въ сборникѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ и главу „продовольств. нормы“ въ книгѣ Ѳ. А. Щербины, „Крестьянскіе бюджеты“.

этимъ доходомъ. И мы думаемъ, что крестьянинъ второй половины XVI вѣка, выплачивалъ казнѣ и землевладѣльцу, не только не меньше, а, можетъ быть, и больше половины урожая. Только возрастаніемъ крестьянскихъ повинностей можетъ быть объяснено бѣгство крестьянъ отъ земли, крайнее обнищаніе и пролетаризація крестьянской массы. Но въ этомъ общемъ ростѣ повинностей, дѣйствительно, подати, взимавшіеся непосредственно въ казну занимали, вѣроятно, далеко не такое значительное мѣсто, какъ оброки и всякаго рода сборы, шедшіе въ пользу землевладѣльческаго военно-служилаго класса.

Возрастаніе крестьянскихъ повинностей въ пользу землевладѣльцевъ явилось въ результатѣ двухъ основныхъ *политическихъ* факторовъ, непосредственно воздѣйствовавшихъ на распредѣленіе земли и продуктовъ земледѣльческаго труда: 1) *раздачи земель въ помѣстья служилому классу и* 2) *закрѣпощенія крестьянъ*. Къ этому нужно еще прибавить факторъ психологическаго характера—религіозное чувство, сильно вліявшее на развитіе землевладѣнія духовенства. Къ концу XVI вѣка, какъ мы указывали выше, во всѣхъ областяхъ Московской Руси помѣстья занимали уже $^2/_3$ занятой территоріи. Однако, не во всѣхъ раіонахъ развитіе помѣстной системы было одинаковымъ и даже въ двухъ старыхъ областяхъ—центральной и западной мы встрѣчаемъ нѣкоторую разницу въ трансформаціи различныхъ видовъ земледѣлія, а именно:

Новгородская область

% земли	За помѣстьями.	Вотчинами свѣт. л.	Духовенства.	Черн. зем.	Дворцовыми.	Своеземческими.
Конецъ XV в. .	58,8	0,0	24,7	22,6	0,0	6,6.
Конецъ XVI в.	86,0	0,1	11,7	1,0	1,2	0,0.

Замосковье.

Конецъ XVI в	56,1	19,4	23,6	0,0	0,9	0,0.

Въ Новгородской области, какъ въ покоренной странѣ, вотчинное боярское землевладѣніе было уничтожено еще въ концѣ XV вѣка и вмѣсто него насаждено помѣстное. Это послѣднее и въ XVI вѣкѣ продолжаетъ развиваться, поглощая почти всѣ черныя, своеземческія, т. е. крестьянскія земли, большую половину владѣній духовенства и занимая къ концу вѣка уже 86 % территоріи. Отальная часть сохраняется за духовенствомъ.

Въ Замосковномъ краѣ, вблизи отъ царскаго трона, свѣтскія вотчины удержались въ большемъ объемѣ; въ ихъ

рукахъ осталось около $^1/_5$ территоріи. Помѣстья охватываютъ большую половину, земли духовенства, пользовавшагося тутъ особенно богатыми милостями—около $^1/_4$ части.

Такимъ образомъ, взамѣнъ прежняго „окняженія“ и „обояренія“ земли, развивавшихся въ теченіе удѣльной эпохи, въ XVI вѣкѣ произошло ея „одворяненіе“—иначе сказать, помѣстья служилыхъ дворянъ плюсъ вотчины духовенства, вытѣснили прежнія княжескія и боярскія вотчины. Эта трансформація землевладѣнія достигла своего апогея ко второй половинѣ XVI в., т. е., какъ разъ, ко времени отлива крестьянъ изъ центральныхъ областей и паденія сельско-хозяйственнаго производства. Г. Рожковъ и ставитъ трансформацію землевладѣнія въ непосредственную причинную связь съ сельско-хозяйственнымъ регрессомъ. „Упадокъ сельско-хозяйственнаго производства и сокращеніе размѣровъ запашки земли на дворъ и рабочаго въ центрѣ и Западномъ полѣсьѣ (въ Новгородской обл.)—*непосредственное* слѣдствіе развитія помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія насчетъ земель вотчинныхъ и черныхъ“ (стр, 476). Доказательствомъ для него служатъ цифры, указывающія на отношеніе паханой пашни и перелога на территоріи различныхъ категорій землевладѣльцевъ. Подсчитавъ приведенныя имъ массовыя данныя, получаемъ:

На земляхъ	% пашни паханой	% перелога.	Отношеніе между пашней и перелог.
Помѣстныхъ . . .	11,2	88,8	1:7,9.
Духовенства . . .	17,6	82,4	1:4,7.
Свѣтск. вотчинъ .	29,4	70.6	1:2,4.
Дворцов. и черныхъ	37,6	62,4	1:1,7.

Въ то время, какъ въ помѣстьяхъ перелогъ почти въ 8 разъ превосходитъ паханую пашню, а на земляхъ духовенства въ 4,7 разъ,—въ вотчинахъ только въ 2.4 раза, а на черныхъ и дворцовыхъ земляхъ, т. е. на тѣхъ, гдѣ крестьяне были наиболѣе самостоятельными—всего лишь въ 1,7 разъ. Слѣдовательно, черные крестьяне и вотчинники въ 3—5 разъ тщательнѣе обрабатывали свои земли, чѣмъ хозяева помѣстій и монастырей. Г, Ключевскій даетъ еще болѣе рѣзкія указанія: въ „центральныхъ областяхъ и на Новгородско-Псковскомъ сѣверо-западѣ перелогъ рѣшительно переросталъ „пашню паханую“: такъ, въ вотчинахъ приходилась десятина пашни, на 2—6 дес. въ помѣстьяхъ на $^1/_2$ *десятины—29 десятинъ*, на монастырскихъ земляхъ на 1—14, а на архіерейскихъ да на 4—56 дес.“ (Курсъ II, 366).

Что въ вотчинныхъ имѣніяхъ хозяйство было постав-

лено лучше, чѣмъ въ помѣстьяхъ—подтверждаютъ также и массовыя данныя на протяженіи XVII вѣка.

	% пашни.		% перелога.	
	Въ помѣстьяхъ.	Въ свѣтск. вотчинахъ.	Въ помѣстьяхъ.	Въ свѣтск. вотчинахъ.
Въ 20-хъ гг. XVII в. .	10,9	27,8	90,1	72,2.
Въ 1685 г.	49,6	67,7	50,4	32,3.

Такимъ образомъ, правительство, совершая въ государственныхъ цѣляхъ рѣзкій переворотъ—революцію въ распредѣленіи земли, уничтожая старыя формы землевладѣнія—вотчины черныя земли и насаждая на ихъ мѣстѣ въ XVI в. помѣстья; общество, преподносившее монастырямъ сотни тысячъ десятинъ въ видѣ вкладовъ на поминъ грѣшной души, или закладывавшее имъ же въ обезпеченіе ссуды,—рука объ руку дѣйствовали въ одномъ направленіи—въ созданіи новыхъ формъ землевладѣнія, повидимому, менѣе пригодныхъ къ развитію сельскаго хозяйства, чѣмъ старыя.

Но чѣмъ объясняется эта непригодность? Вѣдь въ новыхъ южныхъ раіонахъ—Степи и Поволжья точно также насаждалось помѣстное землевладѣніе, и какъ увидимъ дальше, ничуть не въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ центрѣ. Тамъ не менѣе, именно туда населеніе прибывало въ огромномъ количествѣ, земледѣліе тамъ эволюціонировало очень быстро и въ помѣстьяхъ процентное отношеніе пашни и перелоговъ было гораздо болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ центрѣ. Очевидно, что только въ центральныхъ областяхъ помѣстная система обладала специфическими свойствами, отталкивающими отъ себя трудовыя массы, на которыхъ лишь и можетъ основываться сельско-хозяйственное развитіе. Каковы же эти отрицательныя свойства помѣстій?

„Главной причиной такого вреднаго вліянія помѣстной системы, говоритъ г. Рожковъ, была *юридическая природа помѣстья*: помѣстье было, какъ извѣстно, собственностью государя; владѣлецъ не имѣлъ права распоряжаться имъ, а получалъ лишь право пользованія подъ условіемъ службы; правительство всегда могло уменьшить помѣстье, взять его у владѣльца и передать другому, однимъ словомъ могло, по своему усмотрѣнію, лишать помѣщика правъ пользованія предоставленнымъ ему имѣніемъ. Такая юридическая особенность помѣстья въ XVI вѣкѣ не была фикціей, ей соотвѣтствовала крайняя подвижность помѣстья, необезпеченность его за потомствомъ владѣльца“ (стр. 456). Словомъ, „помѣстная система пріучала служилыхъ людей къ кочевому экстенсивному хищническому хозяйству, понижала техническій уровень сельско-хозяйственнаго производства“. (Стр. 460).

Правительство, экспропріировавши земли у однихъ классовъ и лицъ и передавши ихъ другимъ, сохраняло за собой право распоряженія, которымъ и пользовалось широко: къ централизаціи политической власти, такимъ образомъ, присоединилась централизація власти надъ землей.

Итакъ, по мнѣнію г. Рожкова, главная причина плохого хозяйства въ помѣстьяхъ—необезпеченность и зависимость землевладѣнія. Но во 1-хъ, самъже г. Рожковъ указываетъ, вопреки болѣе или менѣе установившемуся взгляду, что монастырское хозяйство было далеко не образцовымъ и немногимъ превышало помѣстное. А вѣдь монастырское землевладѣніе было и независимымъ и неподвижнымъ. Земля притекала къ монастырямъ, но изъ ихъ рукъ не уходила (по крайней мѣрѣ въ московскую эпоху).

Во 2-хъ развѣ *вотчинное* землевладѣніе свѣтскихъ лицъ было такимъ неподвижнымъ и самостоятельнымъ? Въ XVI вѣкѣ земельныя права родовыхъ вотчинниковъ, бывшихъ прежде полными частными собственниками, подверглись ограниченіямъ, стѣснявшимъ право купли-продажи и право распоряженія ими по завѣщанію. Такія стѣсненія вызывались ничѣмъ инымъ, какъ усиленной, самопроизвольной мобилизаціей крупныхъ вотчинъ, сохраненіе которыхъ было важно для государства, т. к, ихъ владѣльцы, потомки удѣльныхъ князей, поставляли на службу, иногда, цѣлые полки. Но эти стѣсненія не могли, однако, остановить мобилизаціи, развивающейся, отчасти, вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ, отчасти, переходившихъ въ чужіе руки, благодаря задолженности земельной аристократіи. „Мы видимъ по духовнымъ землевладѣніямъ богатыхъ землевладѣльцевъ, что даже мелкія, текущія потребности, личныя, хозяйственныя, служебныя они были принуждены удовлетворять постоянными займами денежныхъ суммъ, часто очень мелкихъ, платья служилаго инвентаря, коней, хлѣба... Бояринъ, богатый землевладѣлецъ князь Ал-дръ Горбатый, владѣвшій вотчинами и помѣстьями въ нѣсколькихъ уѣздахъ, принужденъ закладывать платье, чтобы снарядиться на службу“. Въ обезпеченіе ссуды обыкновенно закладывались земли монастырямъ. „При исконныхъ и постоянныхъ связяхъ монастыря съ мірянами, богатый капиталистъ монастырь сдѣлался банкиромъ для страдавшаго безденежьемъ служилаго класса“.[1]) Само собой разумѣется, что заложенныя земли сплошь и рядомъ не выкупались и оставались

[1]) Рождественскій. „Служилое землевладѣніе.“ (стр. 82—83 и 88).

за монастыремъ... Да и самъ г. Рожковъ приводитъ множество фактовъ усиленной мобилизаціи свѣтскихъ вотчинъ. Приведемъ его данныя въ соизмѣримый видъ посредствомъ разсчета средней мобилизаціи въ теченіи одного года.

Изъ 100 имѣній въ теченіе одного года переходили:

	помѣстья		вотчины.	
	къ чужеродцамъ	къ дальнимъ родств.	къ чужеродцамъ.	къ дальнимъ родств.
Московскій у. .	3,0	2.	2,5	0,3.
Коломенск. у. .	3,2	0,2.	2,0	0,1.
Тверской у. . .	1,5	0,9.	3,8	1.9.

Въ двухъ уѣздахъ мобилизація вотчинъ немного уступаетъ таковой же помѣстій, но въ третьемъ первая превышаетъ вторую болѣе, чѣмъ вдвое. Словомъ, судя по этимъ примѣрамъ и тотъ и другой видъ землевладѣнія были достаточно текучими и въ 30—40 лѣтъ могли совершенно перемѣнить своихъ владѣльцевъ.

Въ XVII вѣкѣ мобилизація помѣстій и вотчинъ судя по 407 имѣніямъ, свѣдѣнія о которыхъ собраны г. Готье, была также значительной. Съ 20-хъ до 80-хъ гг. т. е. за 60 лѣтъ изъ 100 владѣній:

	Осталось въ томъ же родѣ		Перешло къ чужеродцамъ	
	помѣстій	вотчинъ.	помѣстій	вотчинъ.
Въ Московск. у. . .	39,2	35,6	60,8	64,4.
Въ 12 другихъ у. .	42,1	39.5	57,9	60,5.

Въ XVII вѣкѣ вотчины оказываются даже подвижнѣе помѣстій. Но мало того, что вотчинное землевладѣніе было также подвижно, какъ и помѣстное: ко второй половинѣ XVI вѣка оно становится и зависимымъ. Кромѣ родовыхъ вотчинъ были еще вотчины пожалованныя, въ которыхъ права владѣнія зависѣли отъ условій пожалованія: были княжескія, служебныя вотчины, которыми князья владѣли до тѣхъ поръ, пока служили. Вотчины жалованныя въ XVI вѣкѣ очень скоро вытѣсняютъ родовыя. „Тогда во множествѣ исчезали вотчины, владѣемыя изстари, унаслѣдованныя отъ отцовъ и дѣдовъ; во множествѣ стали являться вотчины новыя, недавно купленныя, вымѣненныя, чаще всего пожалованныя.“ (Ключевскій курсъ II, 292).

Указъ 1556-го года окончательно ставитъ вотчины и помѣстья въ одинаковыя служебныя отношенія. „Государь съ вотчинъ и помѣстій уложенную службу учини же: со ста четвертей добрыя угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конь“.

Такимъ образомъ, ко второй половинѣ XVI вѣка и вотчинное землевладѣніе становится и зависимымъ и подвижнымъ. Если и были какія либо различія въ этомъ отношеніи, то они были слишкомъ незначительны, чтобы ими можно объяснить разницу въ сельскомъ хозяйствѣ вотчинъ и помѣстій. „Можно сказать, говоритъ г. Платоновъ, что къ концу XVI столѣтія, всѣ служилые землевладѣльцы были гораздо болѣе помѣщиками, чѣмъ вотчинниками[1])".

Но и этого мало: мобилизація вотчинъ и ихъ зависимость происходили, отчасти, отъ естественныхъ условій, отчасти отъ новаго законодательства, обусловленнаго, въ свою очередь, объективными причинами—военными нуждами государства. Иванъ Грозный поставилъ вотчинное землевладѣніе въ зависимость отъ своей личной воли. При помощи института опричнины онъ совершенно перетасовалъ въ большей половинѣ государства, какъ помѣщиковъ, такъ и вотчинниковъ изъ старыхъ княжескихъ родовъ. Г. Платоновъ устанавливаетъ, что опричина охватывала весь центръ, большую часть запада, и часть южной окраины и сѣвера. На всемъ этомъ пространствѣ Иванъ Грозный „вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быть въ опричнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ". „Зная истинные размѣры опричнины, прибавляетъ г. Платоновъ, мы увѣримся въ полной справедливости словъ Флетчера (въ IX главѣ) о княжатахъ, (бывшихъ удѣльныхъ князьяхъ Н. О.), что Грозный, учредивъ опричнину, *захватилъ ихъ наслѣдственныя земли*, за исключеніемъ весьма незначительной доли и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Теперь, прибавляетъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными". (стр. 111). Родовое аристократическое землевладѣніе, то самое, которое въ Европѣ сохранилось вѣками и сохранило удѣльный вѣсъ феодальной знати у насъ, главнымъ образомъ, благодаря опричнинѣ, было вырвано съ корнемъ. „Разгромъ княжескаго землевладѣнія" и вообще, необычайно энергичная мобилизація земель—вотъ главныя послѣдствія опричнины, завершающія тотъ процессъ, который начался вмѣстѣ съ возвышеніемъ Москвы. Грозный закончилъ ликвидацію удѣльныхъ земельныхъ порядковъ.

---

[1]) Очерки по исторіи смуты стр. 44.

„Ликвидируя въ опричнинѣ старыя земельныя отношенія, заведенныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взамѣнъ ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывая право землевладѣнія съ обязательной службой Этого требовали и политическіе виды самого Грознаго и интересы болѣе общіе государственной обороны". (Ibid. стр. 120).

Итакъ, къ концу XVI вѣка вотчина и помѣстье смѣшались въ одинъ видъ служилаго землевладѣнія, также были зависимы отъ воли царя и правительства, одинаково были подвижны; съ эпохи опричнины вотчинниками стали уже не родовитые аристократы, а служилые чиновники, царскіе прислужники. Г. Рождественскій, разбирая списокъ крупныхъ землевладѣльцевъ 1613 года, указываетъ на „соотношеніе между служебнымъ положеніемъ, чиномъ лица и его землевладѣніемъ". „Размѣры земельныхъ богатствъ въ спискѣ понижаются, въ общемъ, сообразно пониженію ступеней служилой іерархіи". Родовая земельная аристократія смѣняется бюрократіей, землевладѣніе которой зависитъ всецѣло отъ служебныхъ успѣховъ и, при такомъ капризномъ монархѣ, какъ Иванъ Грозный, должно было мѣняться съ поразительной быстротой.

Изъ этого слѣдуетъ выводъ, уничтожающій первое предположеніе г. Рожкова: и вотчины и помѣстья были одинаково *подвижными* и *зависимыми* типами землевладѣнія и разница въ состояніи сельскаго хозяйства на земляхъ обоихъ типовъ не могла, слѣдовательно, зависѣть отъ этой причины. Другая причина, выставляемая г. Рожковымъ—измѣненія въ *размѣрахъ* землевладѣнія; „не то, чтобы была замѣтна крайняя парцелляція землевладѣнія, но крупныя владѣнія дробились все чаще и чаще и смѣнялись господствовавшимъ въ то время типомъ *средняго* землевладѣнія. И это обстоятельство не осталось безъ нѣкотораго вліянія на хозяйство: въ крупныхъ владѣніяхъ оно, вообще говоря, шло *лучше*, чѣмъ въ среднихъ". (стр. 462). Подъ крупнымъ имѣніемъ авторъ подразумѣваетъ такое, въ которомъ пашня превышала 1200 десятинъ, въ трехъ поляхъ (боярскій окладъ), среднее онъ дѣлитъ на два разряда: высшій—отъ 475 до 1200 десятинъ и низшій отъ 150 до 475 дес.; наконецъ мелкое на 3 разряда: 75—100 дес. 22,5—75 дес. имелкое 22,5. Эволюція группъ землевладѣнія въ центральныхъ областяхъ обрисовывается слѣдующими цифрами.

Изъ 100 десятинъ всей пашни было въ имѣніяхъ:

		Свыше 475	150—475 дес.	150—1200 дес.	1200	475	75—150	22,5—76	22,5
Новгор. область	Конецъ XV в.		1,0	14,4	75,2	7,0	2,3	0,5	
	1539—45 гг.			15,5	59,7	21,1	3,5	0,2	
	помѣстья 80-е г. XVI в.		1,9	15,3	67,8	12.0	2,9	0,1	
Замосковный край.	Тверск. 1539—40 гг.		13,3	19,4	50,4	11,5	5,3	0,1	
	уѣздъ. 1548 г.		4,4	13,4	52,4	23,1	6,4	0,3	
	Ост. у. 80-е гг. XVI в.		1,7	15,5	61,1	20,4	1,15	0,05	
	Вотчины. Конецъ. XVI в.		12.7	25,1	36,7	12,7	12,1	0,5	

Эта таблица не даетъ намъ возможности подмѣтить какого либо значительнаго измельчанія землевладѣнія въ Новгородской области, въ которой мы только и обладаемъ болѣе или менѣе сравнимыми данными. На протяженіи XVI вѣка размѣры землевладѣнія оставались въ общемъ устойчивыми, причемъ, еще съ эпохи Ивана III, установившаго здѣсь, какъ извѣстно, помѣстную систему, преобладаніе сохраняется за средними имѣніями—въ 150—475 десятинъ. Сравнивая цифры конца XV и конца XVI вв., мы можемъ только наблюдать, что нѣкоторая часть—около 7—8% изъ этой группы дѣйствительно разрушилась и перешла въ низшую группу 75—150 десятинъ. Но это измельчаніе настолько незначительно, что оно не могло отразиться сколько нибудь замѣтнымъ образомъ на сельскомъ хозяйствѣ. Относительно Замосковья, къ сожалѣнію, наши данныя не сравнимы, т. к. въ разныя эпохи взяты разные уѣзды. Изъ нихъ мы можемъ сдѣлать только два вывода: а) что и здѣсь, въ помѣстьяхъ, какъ въ Новгородѣ, преобладали тѣ же группы въ 150—475 десятинъ, б) что вотчины были значительно крупнѣе помѣстій.

Второй выводъ какъ будто подтверждаетъ гипотезу г. Рожкова о лучшемъ хозяйствѣ въ крупныхъ владѣніяхъ. Но на стр. 461 онъ самъ говоритъ: „несомнѣнно, главной причиной дурного веденія хозяйства была крайняя обширность монастырскихъ и архіерейскихъ владѣній и чрезвычайная ихъ разбросанность, затруднявшія надзоръ и управленіе.“ Тоже самое нужно сказать и о свѣтскихъ вотчинахъ. Земли крупныхъ владѣльцевъ, поименованныхъ въ спискѣ 1613 года находились:

въ одномъ	уѣздѣ	только у	одного	владѣльца
„ 2— 3	уѣздахъ	„	7	„
„ 4— 5	„	„	12	„
„ 5—10	„	„	25	„
„ 10—15	„	„	6	„
свыше 15		„	1	„

Новоявленная служилая знать получала отъ милостей царскихъ свои вотчины исподволь, по мѣрѣ того, какъ въ разныхъ концахъ страны находились свободныя имѣнія. Въ результатѣ и оказывалось, что большинство вотчинниковъ владѣли имѣніями въ 5—10 а то и 15-ти уѣздахъ. Понятно, что сумма владѣній какого нибудь думскаго дьяка или боярина, хотя бы она достигла даже 100 тысячъ десятинъ, никоимъ образомъ не можетъ допускать крупнаго хозяйства, если его владѣнія разбросаны въ сотняхъ участковъ чуть ли не по всей Руси. Поэтому величина землевладѣнія въ московскую эпоху, какъ и въ удѣльную не имѣла рѣшительно никакого отношенія къ величинѣ хозяйства.

Крупнаго хозяйства и въ XVI вѣкѣ, какъ и въ удѣльную эпоху не могло существовать и лучшимъ доказательствомъ этого служатъ средніе размѣры деревень: подсчитавъ приведенныя у г. Рожкова цифры, мы получили, что въ Замосковьи на одну деревню приходилось въ среднемъ 4,5 дворовъ, а въ новгородской области и того меньше—2,4 двора. Всѣ такія деревеньки ютились по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, окруженныя зачастую непроходимыми лѣсами и болотами. Можно ли было при этихъ условіяхъ вести крупное хозяйство, запахивать въ одномъ мѣстѣ тысячи десятинъ—предоставляемъ судить читателямъ. Мы же вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію Рождественскаго, что при большихъ размѣрахъ вотчинъ, разбросанности поселеній и ихъ назначительной величинѣ, при сравнительной рѣдкости населенія трудно было связать въ одну хозяйственную систему гнѣзда селъ и деревень, разбросанныхъ на большихъ пространствахъ. Эти отдѣльныя группы селъ и деревень и были готовыми хозяйственными единицами, изъ которыхъ складывались большія вотчины.

Итакъ, ни подвижность и зависимость землевладѣнія ни нѣкоторое, впрочемъ, повидимому, не особенно значительное его измельчаніе, не могутъ служить основными причинами сельско-хозяйственнаго кризиса второй половины XVI в., несомнѣнно, однако связаннаго съ организаціей помѣстной системы. Эти свойства помѣстій, которыя выдвинулъ впередъ г. Рожковъ не играютъ рѣшительной роли потому, что 1) мало подвижное, независимое и крупное монастырское землевладѣніе по мнѣнію самого г. Рожкова являлось одной изъ главныхъ причинъ кризиса, 2) вотчинное землевладѣніе стало во второй половинѣ вѣка такимъ же зависимымъ и подвижнымъ, какъ и помѣстное, а между тѣмъ въ немъ хозяйство было поставлено лучше, въ 3) крупное землевладѣніе, при разбросанности и малой вели-

чинѣ отдѣльныхъ участковъ, изъ которыхъ оно слагалось, не имѣло никакого отношенія къ размѣрамъ хозяйства, которое оставалось одинаково мелкимъ и въ малыхъ и въ среднихъ и крупныхъ владѣніяхъ. Но г. Рожковъ упустилъ изъ виду одно очень важное на нашъ взглядъ указаніе, которое сдѣлалъ онъ самъ, что земледѣліе въ самомъ *мелкомъ* владѣніи (до 22,5 дес.) обыкновенно находилось въ сравнительно *хорошемъ* состояніи... отношеніе пашни къ залежи болѣе благопріятно для пашни, чѣмъ... было въ среднихъ и крупныхъ имѣніяхъ. Сравнительно хорошее состояніе полеваго хозяйства... любопытно въ томъ отношеніи, что оно прибавляетъ лишнюю черту къ объясненію причинъ хорошаго веденія хозяйства въ крестьянскихъ черныхъ земляхъ; помѣщикъ или вотчинникъ, владѣвшій 1—14 четв. въ каждомъ полѣ ($1^1/_2$—$22^1/_2$ дес. въ трехъ поляхъ), въ экономическомъ отношеніи занималъ положеніе, тожественное съ черными крестьяниномъ, большею частью самъ былъ *земледѣльцемъ*, значитъ, лучшее состояніе земледѣлія на черныхъ земляхъ объясняется не только юридическимъ положеніемъ земель этого рода, но и размѣрами владѣнія каждаго крестьянина" (стр. 465). И въ то время, „какъ въ крупномъ владѣніи Коломенскаго уѣзда перелога было втрое больше, чѣмъ пашни, въ этихъ мельчайшихъ владѣніяхъ пашня въ 9,3 раза превосходила перелогъ, т. е. хозяйство мельчайшаго владѣнія было въ 28 разъ лучше поставлено, чѣмъ хозяйство крупнаго". „Число примѣровъ, говоритъ г. Рожковъ, при желаніи можно увеличить". Такимъ образомъ, изъ всѣхъ видовъ землевладѣнія, (какъ мы видали и изъ раньше приведенныхъ данныхъ), хозяйство лучше всего было поставлено на черныхъ и дворцовыхъ земляхъ, и затѣмъ въ мельчайшихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, т. е. тамъ гдѣ, *трудовой мелкій земледѣлецъ*, все равно, крестьянинъ, помѣщикъ или вотчинникъ, *самъ для себя своимъ трудомъ обрабатывалъ принадлежащую ему землю.*

Отсюда слѣдуетъ, что для успѣшности хозяйства требовалось во 1-хъ) *достаточное количество трудовыхъ земледѣльцевъ*, *во 2-хъ*) *ихъ заинтересованность въ интенсивности и продуктивности своего труда.* Относительно перваго условія—достаточной населенности имѣній крестьянами, г. Ключевскій говоритъ: „боевая годность (обусловленная хозяйственной состоятельностью) служилаго класса зависѣла отъ доходности его имѣній, отъ количества и состоятельности крестьянъ, населявшихъ его вот-

чины и помѣстья (Курсъ III, 110). Во второй половинѣ XVI вѣка трудовыя массы отливаютъ изъ старыхъ областей и это, конечно. ближайшая непосредственная причина сельско-хозяйственнаго кризиса. Ни въ помѣстьяхъ, ни въ вотчинахъ, ни въ монастыряхъ владѣльцы сами земли не пахали: пашню обрабатывали крестьяне. Поэтому, чѣмъ больше крестьянъ уходило съ насиженныхъ мѣстъ, тѣмъ большимъ хозяйственнымъ упадкомъ сопровождался этотъ уходъ. И надо предполагать что именно съ помѣстныхъ земель уходило наиболѣе крестьянство т. е. эта категорія землевладѣнія, при начавшемся отливѣ населенія, оказазась наиболѣе запустѣлой.

На это указываютъ, какъ безчисленныя жалобы служилыхъ помѣщиковъ, что они не могутъ нести службы вслѣдствіе того. что крестьяне ихъ покинули, такъ и прямыя и косвенныя цифровыя показанія. Къ сожалѣнію, г. Рожковъ и другіе изслѣдователи не сравнивали количества тяглыхъ и пустыхъ дворовъ на земляхъ различныхъ категорій и мы можемъ сдѣлать такое сравненіе только по Тульскому уѣзду.

	% пашни		% дворовъ	
1628—39 гг.	паханой	наѣзда и перелога	тяглыхъ крест. и боб.	пустыхъ
помѣстья	28,2	71,8	27,6	72,4
вотчины	60.5	39,5	64,8	35,2

Косвенное доказательство можно найти, сопоставивши по раіонамъ % земли, розданной въ помѣстья и % запустѣлыхъ деревень.

Въ концѣ XVI вѣка	% помѣстн. земель	% пустошей.
Въ Новгородск. обл.	86,0	8?,2.
Въ Замосковьи	56,1	49,2.

Вообще „помѣстья уѣздныхъ дворянъ были населены крайне скудно“. (Ключевскій. Курсъ III, 110).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право предположить, что именно превращеніе вотчинныхъ и черныхъ земель въ помѣстья породило тотъ массовый отливъ крестьянъ, который напоминаетъ исходъ евреевъ изъ Египта. Крестьяне стали уходить, а оставшіеся начали забрасывать свою пашню, потому, что условія ихъ существованія, съ организаціей помѣстной системы, ухудшились. А ухудшились онѣ не потому, что помѣстья были подвижны и не потому, что были среднихъ размѣровъ, а потому, что помѣщиковъ *стало очень много*. При лихорадочной организаціи военныхъ силъ, обусловленной грозной военной опасностью извнѣ, Москов-

ское правительство набирало служилыхъ людей не только изъ прежнихъ удѣльныхъ бояръ и князей и другихъ служилыхъ элементовъ: ихъ, конечно, не хватало. Оно начало брать ихъ изъ новгородскихъ горожанъ, своеземцевъ, и изъ „поповичей и простого всенародства“, (слова Курбскаго) т. е. крестьянъ, испомѣщать иноземцевъ-литовцевъ, поляковъ, нѣмцевъ, татаръ.

По старому московскому родословцу, только 33 % изъ перечисленныхъ тамъ наиболѣе знатныхъ чиновниковъ-великорусскаго происхожденія: польско-литовскаго было 25 %, татарскаго 17 %. И этотъ сбродный элементъ изъ князей, поповичей, холоповъ, поляковъ, литовцевъ, татаръ, составилъ огромную армію, которую г. Ключевскій исчисляетъ въ 300—400 тысячъ человѣкъ, Бѣляевъ даже въ 500 тыс., г. Милюковъ въ XVII вѣкѣ (когда уже появились регулярныя войска)—въ 260 тысячъ. И всю эту, сразу создавшуюся армію вмѣстѣ съ семьями и вновь образованной безчисленной дворней крестьянство должно было содержать своимъ трудомъ. Забѣлинъ, въ извѣстной статьѣ „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“, рисуетъ такую картину, которая, хотя и относится къ XVII вѣку и эрѣ крѣпостного права, но можетъ быть отнесена и къ началу Московской эпохи. „Главная забота хорошаго, разумнаго хозяина, хорошаго устроителя своей вотчины и своихъ выгодъ, заключалась въ томъ, чтобы никакая доходная сила въ его хозяйствѣ не пустовала и именно по отношенію къ крестьянамъ, къ этой основной силѣ вотчинническаго быта. Поэтому, не было предмета въ крестьянской работѣ или какого промысла, за которымъ время отъ времени не протягивались бы руки помѣщика. Онъ почиталъ своею собственностью все, что ни производилъ и чѣмъ бы силенъ не былъ человѣкъ, жившій въ его крѣпости... Покупая новую вотчину, или пріобрѣтая ее въ пожалованіе отъ государя, умный вотчинникъ внимательно осматривалъ свое поле и почти *всегда окладывалъ крестьянъ новыми податями и поборами*, если не прямыми, то косвенными“.

Вполнѣ естественно, что положеніе крестьянъ, послѣ раздачи десятковъ милліоновъ десятинъ дворцовыхъ, черныхъ и вотчинныхъ земель въ помѣстья, стало гораздо болѣе тяжелымъ. Если крестьяне удѣльной Руси прокармливали сравнительно незначительное количество князей, тіуновъ, бояръ, слугъ вольныхъ, то теперь имъ пришлось сразу кормить чуть ли не полумилліонную армію помѣщиковъ, вмѣстѣ со своими семьями и дворней, вѣроятно, превышавшую милліонъ душъ непроизводительнаго населенія.

И съ этой стороны, дѣйствительно играли роль и подвижность и величина землевладѣнія. При подвижности и необезпеченности землевладѣнія, помѣщикъ, зная, что онъ сегодня здѣсь, а завтра, быть можетъ, его погонятъ на другое мѣсто, относился хищнически *не къ землѣ* которую онъ самъ не обрабатывалъ, *а къ крестьянамъ*, которые непосредственно служили объектомъ помѣщичьей эксплуатаціи. И чѣмъ меньше было помѣстье, тѣмъ труднѣе приходилось крестьянамъ, жившимъ въ немъ, потому что тѣмъ большую долю своихъ продуктовъ и труда они должны были отчуждать на прокормленіе помѣщика и его окружающихъ. И въ послѣдующую эпоху XVII в. вплоть до освобожденія мы будемъ наблюдать тоже самое: чѣмъ меньше имѣнье, тѣмъ болѣе бѣдны, больше истощены и заморены крестьяне, т. к. здѣсь на нихъ слишкомъ давила необходимость содержать непроизводительныхъ владѣльцевъ имѣнія. Поэтому-то, по словамъ г. Платонова „отъ пустоты совсѣмъ погибало хозяйство мелкопомѣстнаго служилаго человѣка, ему было не съ чего являться на службу и впередъ служити нечѣмъ“, онъ самъ шелъ „бродить межъ дворъ“, бросая опустѣлое хозяйство, пока не попадалъ на новый помѣстный участокъ или не находилъ пріюта на боярскомъ дворѣ. Крупные землевладѣльцы имѣли гораздо больше экономической устойчивости: льготы, которыми они умѣли запастись, сами по себѣ влекли на ихъ земли трудовое населеніе. Возможность сохранить мірское устройство въ большой вотчинѣ была второй причиной тяготѣнія крестьянства къ крупнымъ земельнымъ хозяйствамъ. Наконецъ и выходъ крестьянина отъ крупнаго владѣльца былъ не такъ легокъ: администрація крупныхъ вотчинъ въ борьбѣ за крестьянъ имѣла достаточно имущества, вліянія и средствъ, чтобы не только удерживать за собой своихъ крестьянъ, но и еще „называть“ на свои земли чужихъ. Такимъ образомъ, когда мелкое землевладѣніе раззорялось въ концѣ, болѣе крупные и знатные держались и даже пытались возобновлять хозяйство на случайно запустѣвшихъ и обезлюдѣвшихъ участкахъ“. (стр. 130).

Слѣдовательно крупное, по преимуществу, вотчинное землевладѣніе было лучше поставлено въ хозяйственномъ отношеніи потому, что оно было гуще населено рабочей силой крестьянина. А населено оно было гуще потому, что во 1-хъ) владѣльцы являлись болѣе сильнымъ политически элементомъ и могли давать льготы крестьянамъ или удерживать ихъ у себя, во 2-хъ) потому, что количество самихъ владѣльцевъ, кормящихся крестьянскимъ трудомъ, относи-

тельно числа крестьянъ было меньше. Если представить себѣ, что владѣлецъ 1000 дворовъ имѣетъ 100 человѣкъ семьи и дворни, то содержаніе одного человѣка изъ непроизводительныхъ классовъ упадетъ на 10 дворовъ; но если эти 1000 дворовъ находятся во владѣніи 100 или даже 50 помѣщиковъ, у которыхъ семьи и дворни будетъ 1000 или 500 человѣкъ, то прокормить одного человѣка придется одному или двумъ дворамъ, т. е. тяжесть содержанія непроизводительныхъ классовъ въ мелкихъ имѣніяхъ увеличивается въ 5—10 разъ сравнительно съ крупными.

Точно также и ростъ монастырскаго землевладѣнія сопровождался, какъ и ростъ помѣстій, большимъ количественнымъ ростомъ самихъ монаховъ и монахинь—тоже класса непроизводительнаго. За XIV вѣкъ до половины XV-го было основано 180 монастырей, въ слѣдующіе 150 лѣтъ—300, а въ XVII вѣкѣ 220. Можно думать, что увеличеніе лицъ, кормившихся такъ или иначе крестьянскимъ трудомъ на монастырскихъ земляхъ, не такъ ужъ сильно уступало росту служилаго класса, и еще современники отмѣчали, что благодаря увеличенію духовенства „села и пашни изнурялись въ пустошахъ“. Англичанинъ, современникъ Ивана Грознаго—Ченслеръ, прямо утверждаетъ, „что въ этой странѣ очень много духовныхъ лицъ, черныхъ монаховъ“. Онъ характеризуетъ ихъ такимъ образомъ: „нигдѣ нѣтъ такого разврата и пьянства, а также и по насиліямъ своимъ, это самый отвратительный народъ въ мірѣ. Судите теперь объ ихъ святости. Монахи эти имѣютъ помѣстья вдвое противъ самого князя, который обращается съ ними очень умѣренно, напримѣръ, если они берутъ взятки съ бѣдныхъ и простыхъ, то князь считаетъ это въ порядкѣ вещей“ [1]).

Г. Ченслеръ указываетъ и на третій непроизводительный классъ, явившійся, впрочемъ, уже въ результатѣ народнаго обнищанія—разныхъ нищихъ, бобылей и т. д. „число бѣдныхъ здѣсь очень велико и живутъ они самымъ нищенскимъ образомъ“. „Бѣднѣйшій классъ сельскаго и городского населенія не привлекался къ обложенію, нищіе, бѣдные люди скитальцы межъ дворъ, бѣдныя вдовы, наконецъ многіе людишки, занятые черною работой, доставлявшей слишкомъ малое вознагражденіе—всѣ эти люди не входили въ разрубы и разметы тяглой общины и не записывались въ тягло въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ“ [2]). Итакъ, главную причину народнаго оскудѣнія, бѣгства крестьянъ и сельско-хозяйственнаго кризиса, мы видимъ

[1]) Середонинъ. Извѣстія англичанъ о Россіи.
[2]) Лаппо-Данилевскій. „Организація прямого обложенія“.

въ размноженіи непроизводительныхъ классовъ: служилаго дворянства и духовенства. Третій непроизводительный классъ—нищіе, бобыли и т. д. явился уже въ результатѣ обнищанія, но возросталъ за счетъ производительнаго крестьянства; будучи освобожденъ отъ тягла, онъ тѣмъ самымъ увеличивалъ бремя обложенія на плечахъ крестьянъ, оставшихся въ тяглѣ. Слѣдующая по важности причина—увеличеніе налогового бремени. Всѣ остальныя причины: неурожаи, моръ, татарское нашествіе, безчинства опричнины являются второстепенными.

Въ XVII вѣкѣ раздача земель продолжаетъ происходить, но въ уменьшенномъ масштабѣ, т. к. земельный фондъ для раздачи былъ въ значительной долѣ исчерпанъ. Въ 1612—13 г.г. было роздано думнымъ и московскимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, 45500 десятинъ. Въ 1614—25 г.г. раздача продолжается, хотя съ одной характерной особенностью: раздаваемые участки мелкихъ *размѣровъ*.

Вообще землевладѣніе этой эпохи не было крупнымъ: какъ и въ XVI столѣтіи преобладало среднее дворянское землевладѣніе. Въ этомъ насъ убѣждаетъ списокъ 1613 г., въ который были включены самые крупные чины. Отъ списка сохранился обрывокъ, [1]) въ которомъ перечислены 17 бояръ (въ томъ числѣ 11 титулованныхъ) 5 окольничьихъ, 1 кравчій, 2 чашника, 1 дворянинъ, 88 стольниковъ и 47 дворянъ большихъ. По размѣрамъ землевладѣнія они распредѣлялись такъ:

	% владѣльцевъ.	% земли.
До 1000 четвертей . .	53,3	17,1
1— 2 тысячъ . . .	24,7	20,3
2— 5 „ . . .	16,9	29,3
5—10 „ . . .	3,2	11,9
Св.—10 . . .	1,9	21,4

Очень крупные владѣльцы свыше 10 тыс. четвертей, даже и въ этомъ спискѣ занимаютъ всего $^1/_5$ долю площади. Съ 1625 года массовая раздача почти прекращается вплоть до 80-хъ годовъ XVII вѣка, когда она начинается вновь, при чемъ ея характеръ совершенно мѣняется. „Къ этому времени прекратилась забота правительства объ увеличеніи въ Замосковныхъ уѣздахъ служилаго сословія“ (Готье стр. 329), отчасти, благодаря сравнительному внѣшнему спокой-

[1]) См. Барсуковъ. Докладная выпись о вотчинахъ и помѣстьяхъ. Чтенія о-ва исторіи и др. Россіи 1895 г. ч. 1.

ствію, но, главное, вслѣдствіе реформированія арміи, которая превращается изъ временной „рыцарской“ дворянской, въ постоянную, состоящую изъ стрѣльцовъ, рейтаровъ, драгунъ рекрутирующихся или по найму, или изъ даточныхъ крестьянъ. Не нуждаясь въ увеличеніи числа служилыхъ людей, правительство почти перестало раздавать по мелкимъ участкамъ даже пустыя дворцовыя земли. За то раздача боярамъ, придворнымъ дѣятелямъ и любимцамъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ; теперь, по своимъ размѣрамъ она начинаетъ напоминать XVIII вѣкъ, т. е. эпоху самой безцеремонной траты дворцовыхъ и государственныхъ имуществъ въ пользу придворныхъ фаворитовъ. За 1682—1700 г.г. 70-ти лицамъ было роздано 16120 дворовъ и болѣе 157 тысячъ десятинъ одной пахатной земли, слѣдовательно болѣе 300 тыс. десятинъ всякой земли“. (Готье) Всего за 1682—1711 г.г. были пожалованы знатнымъ лицамъ 43,7 тыс. дворовъ, 506 тыс. десятинъ пашни, а всего болѣе милліона десятинъ. И, судя по списку владѣній свыше 100 дворовъ (переписанныхъ въ 1696 году, т. к. они были обязаны поставить съ 10 тысячъ дворовъ по одному линейному кораблю), *крупное землевладѣніе уже къ концу XVII вѣка занимаетъ очень замѣтное мѣсто.*

	% владѣльцевъ.	% дворовъ.
До 100 дворовъ . . .	3,0	0,6
100— 200 „ . . .	43,6	13,5
200— 500 „ . . .	34,9	23,2
500—1000 „ . . .	9,4	14,5
свыше 1000 „ . . .	9,1	48,2

У владѣльцевъ свыше тысячи дворовъ было, во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ по 10 тысячъ десятинъ земли. И эти владѣльцы латифундій сосредоточивали у себя къ концу XVII вѣка уже половину дворовъ, принадлежавшихъ крупнымъ владѣльцамъ. Вообще же всѣ крупные владѣльцы свыше 100 дворовъ общимъ числомъ 695, имѣли свыше 315 тысячъ дворовъ. А т. к., по переписи 1678 года, всѣхъ тяглыхъ дворовъ (кромѣ посадскихъ и дворцовыхъ) было 713 тыс. (по Ключевскому), то крупные владѣльцы захватили себѣ въ концѣ московскаго періода 44,2% крестьянъ и, вѣроятно, около половины всей частновладѣльческой территоріи. Въ компанейскомъ спискѣ самымъ крупнымъ владѣльцемъ былъ троицкій монастырь (свыше 20 тысячъ дворовъ и 210 тыс. десятинъ). По словамъ Карновича, уже при Алексѣѣ Михайловичѣ были владѣльцы 10, 12 и до 17 тыс.

дворовъ. 4 митрополита владѣли 22 тыс. дворовъ. [1]) Въ половинѣ XVII вѣка такихъ крупныхъ богатствъ не встрѣчалось. Въ 1647 году самымъ крупнымъ владѣльцемъ былъ Н. И. Романовъ—7 тысячъ дворовъ; Морозовъ—6 тысячъ, князь Черкасскій—5 тыс., Шереметьевъ—2800 дворовъ, 8 человѣкъ имѣли по 1—$2^1/_2$ тыс. дворовъ, 10—отъ 500 до 1000 (Милюковъ. Очерк. 1, 182). Черезъ 50 лѣтъ владѣльцевъ свыше 1000 дворовъ было уже 63, т. е. впятеро больше, чѣмъ въ 1647 году. Такимъ образомъ, въ концѣ XVII вѣка, при переходѣ сословной монархіи въ абсолютную, начинается процессъ *концентраціи частнаго землевладѣнія*, охватывающій всю послѣдующую эпоху и основанный, какъ и на западѣ Европы во время абсолютной монархіи, почти исключительно на придворномъ фаворитизмѣ. Монастырское и вообще духовное землевладѣніе, несмотря на всѣ попытки правительства остановить его ростъ, перестаетъ развиваться только со второй половины столѣтія, да и то не вполнѣ, какъ можно видѣть изъ процентнаго отношенія земель и крестьянскихъ дворовъ, на земляхъ владѣльцевъ духовныхъ и свѣтскихъ.

На 100 десятинъ свѣтскихъ владѣній приходилось владѣній духовенства:

Въ 20 г.г. XVII в. (по 15 у.у.)	. .	32,1%
		На 100 дворовъ.
Въ 1627—30 г.г. (9 у.у.)	. .	33,6%
Въ 1678—85 г.г. (11 у.у.)	. .	41,5%
По отдѣльнымъ уѣздамъ:		
Боровской	1629—30 г.г. . .	30,0%
	1678 г. . . .	34,0%
Дмитровскій	1629 г. . . .	59,1%
	1678 г. . . .	44,5%
Звенигородскій	1624—5 г. . .	47,0%
	1678 г. . . .	50,9%
Юрьевскій	1646—50 г.г. . .	45,0%
	1678 г. . . .	55,0%

Но болѣе всѣхъ развивалось, какъ и въ XVI вѣкѣ, *дворянское* землевладѣніе. Общая картина распредѣленія дворовъ и земель между отдѣльными категоріями владѣльцевъ, видна изъ слѣдующихъ данныхъ 1678 года [2]).

---

[1]) Карповичъ Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ.
[2]) Заимствовано у Ключевскаго. Курсъ III, 299.

Изъ 100 дворовъ было:

Посадскихъ и черныхъ	10,4%
Дворцовыхъ	9,3%
Духовенства	13,3%
Боярскихъ	10,0%
Дворянскихъ	57,0%

По всей Россіи $^4/_5$ народнаго труда находилось къ концу XVII вѣка въ рукахъ господствующихъ классовъ: бояръ, дворянъ и духовенства. Въ сѣверныхъ областяхъ Замосковья и Новгорода дворцовое землевладѣніе сильно ослабѣло, черное совсѣмъ исчезло и, слѣдовательно, захватъ господствующими классами и земли и труда дошелъ въ центральныхъ областяхъ до полнаго поглощенія этихъ основныхъ элементовъ сельско-хозяйственнаго производства страны.

На протяженіи московской эпохи въ центральныхъ областяхъ земледѣліе въ общемъ не развивалось, къ концу ея оно даже не достигло, повидимому, того уровня, на которомъ стояло въ началѣ. *За то землевладѣніе господствующихъ классовъ*, ихъ права на землю и трудъ, достигли своего апогея. При этомъ въ XVII вѣкѣ въ служиломъ землевладѣніи произошла трансформація, обратная той, которая наблюдалась въ концѣ XV вѣка и въ XVI вѣкѣ. Тогда помѣстья поглощали вотчины, и вотчины, по своей юридической конструкціи, приблизились къ тому виду условнаго зависимаго землевладѣнія, которое представляло изъ себя помѣстья. Въ XVII вѣкѣ, наоборотъ, помѣстья начинаютъ вытѣсняться вотчинами.

		% земли.	
		Въ помѣстьяхъ.	Вотчинахъ.
Въ 20-хъ г.г. XVII в. (10 у.у.)		71,5	28,5
„ 1624—40 г.г. (7 у.у.)		54,0	46,0
„ 1678 г. (10 у.у.)		40,9	59,1
По отдѣльнымъ уѣздамъ:			
Боровской у.	1629—30 г.г.	40,0	60,0
	1678 г.	25,3	74,7
Гороховецкій	1646 г.	63,9	36,1
	1678 г.	50,5	49,5
Коломенскій у.	1627 г.	46,7	53,3
	1646 г.	43,9	56,1
	1678 г.	28,4	71,6
Московскій у.	1624—5 г.г.	35,4	64,6
	1646 г.	4,4	95,6

И юридическая природа помѣстья скоро сближается съ вотчинной, или, вѣрнѣе, и тотъ и другой видъ землевладѣнія пріобрѣтаютъ права полной частной собственности. Помѣщикъ начинаетъ распоряжаться землей по своему усмотрѣнію и пользоваться широкими правами наслѣдованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и средніе размѣры вотчинъ и помѣстій.

Средній размѣръ въ десятинахъ:

	помѣстій.	вотчинъ.
Въ 1624—30 г.г.	254,4	167,9
Въ 1684—86 г.г.	77,5	221,7

Средняя величина помѣстій сокращается втрое, вотчинъ—увеличивается въ полтора раза.

Такимъ образомъ, на протяженіи двухъ столѣтій характеръ землевладѣнія служилаго класса испытываетъ сильныя измѣненія. Въ XVI вѣкѣ изъ частнаго самостоятельнаго землевладѣнія бывшихъ „слугъ вольныхъ“ удѣльнаго князя, оно превращается въ условное, зависимое; въ XVII вѣкѣ самостоятельность служилаго землевладѣнія возстанавливается и происходитъ окончательная его трансформація въ полную частную собственность дворянскаго класса, въ каковомъ видѣ оно доживаетъ до нашихъ дней. Это расширеніе и *отвердѣніе* правъ на землю у служилаго класса сопровождалось расширеніемъ и отвердѣніемъ его правъ на личность, а слѣдовательно и на трудъ крестьянъ, вылившемся въ форму крѣпостного права. Это явленіе сложилось, въ общихъ чертахъ, уже до второй половины XVII вѣка. Послѣ 70-хъ годовъ, мы наблюдали второе явленіе исторіи дворянскаго землевладѣнія—его укрупненіе, *концентрацію* въ рукахъ верхнихъ слоевъ дворянства.

Оба явленія указываютъ на то, что дворянство, послѣ эпохи смутнаго времени, пріобрѣло большой удѣльный вѣсъ. Военно-служилый классъ, по свидѣтельству г. Платонова, сталъ крупной силой во время смуты. „Участвуя въ походахъ и переворотахъ, въ качествѣ силы, рѣшающей дѣло, воинскіе люди поняли свое значеніе въ странѣ и научились пользоваться военной организаціей для достиженія своихъ общественныхъ стремленій“. (Стр. 146).

Въ 1611 году сложилась программа дѣйствій, призывавшая именемъ патріарха къ единенію не всѣхъ вообще русскихъ людей, а только консервативныя силы населенія: землевладѣльческій служилый классъ и торгово-промышленный, тяглый. Ихъ силами создано было нижегородское ополченіе, освобождена Москва и побѣждены казаки. Правитель-

ство 1613 года и земскіе соборы времени царя Михаила стали органами этихъ, восторжествовавшихъ въ борьбѣ среднихъ слоевъ Московскаго общества. „Политика царя Михаила была поэтому одинаково холодна къ интересамъ и старинной родовой знати и крѣпостной рабочей массы: она руководилась интересами общественной середины". (Стр. 147).

Но развитію политической мощи дворянства у насъ помѣшала та же самая причина, которая сломила политическій феодализмъ на западѣ Европы: реорганизація арміи, вслѣдствіе которой наше дворянство и западное рыцарство потеряло свое военное значеніе. Тѣмъ не менѣе, и у насъ и на западѣ дворянство, не имѣя прямой политической власти, стало ближе всѣхъ къ трону абсолютныхъ монарховъ, и фактически сосредоточило въ своихъ рукахъ управленіе страной. И въ XVII вѣкѣ общее вліяніе дворянства на весь ходъ законодательства и управленія государствомъ, несомнѣнно усилилось. Для Рюриковичей вся русская земля, собранная ихъ трудами, завоеванная ими и купленная на ихъ средства, представлялась ихъ собственной вотчиной, а сотни тысячъ служилыхъ дворянъ такими же холопами, слугами „подъ дворскимъ", какими они привыкли ихъ считать въ удѣльную эпоху. Романовыхъ возвело на престолъ дворянство и горожане: въ теченіе всего XVI и XVII вѣка, оно играло при дворѣ большую роль. „Съ установленіемъ крѣпостной неволи крестьянъ, дворянство, поглощая въ себя боярство, стало на дѣлѣ господствующимъ классомъ; дворянство всегда имѣло возможность „непосредственнаго обращенія къ власти съ коллективными челобитными, и боярско-дворянскіе кружки, преемственно обсѣдавшіе престолъ слабыхъ царей, облегчали этотъ путь". (Ключевскій. курсъ III, 273). Однимъ словомъ, въ XVII в. дворяне пріобрѣтаютъ возможность усиленно вліять на законодательныя нормы, которыя къ этому времени только и вырабатываются; и, само собой разумѣется, что они пользуются этимъ вліяніемъ въ своихъ интересахъ. А эти интересы какъ разъ начинаютъ привязывать дворянина къ землѣ. „Служебныя назначенія, извѣстныя намъ съ конца XV в., съ полной ясностью показываютъ, какъ много времени дворяне должны были проводить на службѣ и какъ мало у нихъ оставалось для житья дома. Можно думать, что служилый человѣкъ до половины XVII в. не былъ особенно привязанъ къ принадлежавшему ему клочку земли: между ними не было связи, которая заставляла человѣка дорожить этимъ клочкомъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе... Эта отчужденность между землей и ея владѣльцемъ стала исчезать, когда начало фак-

тически ослабѣвать служебное тягло дворянина; для жителей Замосковья, удаленныхъ отъ границъ страны, такой моментъ насталъ около половины XVII столѣтія. Съ этого времени, связь дворянъ съ ихъ имѣніями крѣпла и развивалась, пока не достигла въ XVIII столѣтіи полнаго своего развитія" (Готье стр. 422). Правительство, послѣ смуты теряетъ понемногу свои верховныя права на землю, розданную дворянамъ за службу и дворяне становятся полными хозяевами розданной земли. Словомъ, происходитъ *отдѣленіе земли отъ государства*.

Итакъ, основной причиной развитія власти дворянъ надъ землею и надъ крестьянскимъ населеніемъ явилось тяготѣніе дворянъ къ землѣ, точнѣе, къ собственному земледѣльческому хозяйству, а условіемъ, благопріятнымъ для осуществленія стремленій дворянства, послужило его политическое вліяніе на законодательство и управленіе страны. Мы можемъ прослѣдить на фактахъ, какъ развивалось собственное хозяйство у помѣщиковъ. На протяженіи XVI в. барская пашня и барскіе холопы постепенно усиливаются за счетъ крестьянской пашни и крестьянскихъ дворовъ. Но эта эволюція пока очень незначительныхъ размѣровъ.

		% пашни.		% дворовъ.		
		Господской.	Крестьянской.	Помѣщичьихъ.	Холопскихъ.	Крестьянскихъ.
А. Замосковн. край.	До 70-хъ г.г. XVI в.	1,1	98,9	4,5	8,8	86,7
	Послѣ 70-хъ г.г.	10,1	89,9	—	—	—
Б. Новгородская область.	Конецъ XV в.	7,3	92,7	2,8	4,9	92,3
	1539—45 г.г.	14,9	85,1	3,9	6,7	89,4
	Конецъ XVI в.	—	—	12.1	9,4	78,5

Въ Новгородской области фактическія данныя, приведенныя у г. Рожкова и сведенныя въ этой табличкѣ, массоваго характера; въ Замосковьи отрывочны и касаются, главнымъ образомъ, монастырей. И тѣ и другіе матеріалы указываютъ, что барская пашня къ концу вѣка развивается, сравнительно съ крестьянской, и помѣщичьи и холопскіе дворы, работавшіе на помѣщиковъ,—также [1]). Можно полагать, что къ концу вѣка барская пашня, въ общемъ, достигаетъ 10—15% всей. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что абсолютные размѣры господской запашки также увеличились. Не надо забывать, что къ концу вѣка крестьянская

[1]) Впрочемъ, холопы въ то время далеко не всегда были „страдными" т. е. пашенными.

запашка сократилась болѣе, чѣмъ вдвое; и поэтому уже должно было возрасти относительно значеніе помѣщичьей запашки, если даже она сохранилась на томъ же уровнѣ. Но, если она и увеличивалась абсолютно, то только потому, что убыль крестьянъ, главныхъ кормильцевъ и работниковъ—заставила помѣщиковъ самихъ взяться за хозяйство. Это рельефно замѣтно на слѣдующихъ данныхъ, касающихся троицкихъ вотчинъ и относящихся къ самому критическому моменту въ сельскомъ хозяйствѣ.

	% дворовъ.				% пашни.		
	Монастырск.	Служныхъ.	Крестьянскихъ.	Бобыльс.	Монастырск. и служной.	Крестьянской.	На 1 двор. десятинъ запашки.
Въ 1592—3 г.г.	1,1	0,5	91,6	6,8	8,3	91,7	7,3
Въ 1624—30 г.г.	2,0	10,5	52,5	35,0	36,3	63,7	3,9

Въ то время, какъ общая запашка на дворъ, благодаря послѣдствіямъ смуты, сократилась почти вдвое къ 20 г.г. XVII в., монастырская—*относительно* увеличилась съ 8,3% до 36,3%—болѣе, чѣмъ вчетверо, но *абсолютно*—всего съ 1352 десятинъ до 1614 дес., т. е. только на 19,4% или на одну пятую. Характерно и то, что въ 1592—3 г.г. служнихъ—батрацкихъ дворовъ было всего 12; въ 20-хъ г.г XVII вѣка уже 120. Т. к. крестьяне, обрабатывавшіе издѣльно монастырскія поля, разбѣгались (число крестьянскихъ дворовъ уменьшилось съ 2015 до 597), то монастырь самъ долженъ былъ выставить своихъ рабочихъ въ лицѣ разныхъ служекъ, дѣтенышей и т. д. По даннымъ, касающимся владѣній свѣтскихъ лицъ, барская пашня къ 20 г.г. увеличилась еще болѣе-именно до 49,1% всей, т. е. владѣльцы стали пахать на себя почти столько же, сколько и крестьяне. Такимъ образомъ, развитіе барской запашки, т. е. собственнаго помѣщичьяго хозяйства происходитъ параллельно *съ развитіемъ сельско-хозяйственнаго кризиса*. Г. Рожковъ говоритъ. „Чрезвычайно, любопытно, что особеннаго относительнаго развитія барская запашка достигаетъ къ концу столѣтія во всѣхъ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ къ тому времени паровая зерновая система смѣнилась болѣе экстенсивной переложной системой“ (стр. 132). Къ сожалѣнію, переписи 70—80 г.г. XVII вѣка не различали барской пашни отъ крестьянской и намъ трудно судить о томъ, каковы были дальнѣйшія судьбы барскаго хозяйства. Тѣ отрывочныя свѣдѣнія, на которыя указываетъ г. Готье, даютъ противорѣчивыя показанія. Такъ, въ

монастырскомъ хозяйствѣ, процентъ барской запашки съ 20-хъ по 80-е г.г. повысился.

	% пашни.	
	Монастырской.	Крестьянской.
Въ 20-хъ г.г. XVII в. . .	19,3	80,7
Въ 80-хъ г.г.	36,6	63,4

Въ отдѣльныхъ случаяхъ были повышенія и пониженія. Но, если судить по другому показателю—проценту крестьянскихъ и батрацкихъ дворовъ, то произошло обратное явленіе. Такъ въ 115 имѣніяхъ различныхъ уѣздовъ было:

	Изъ 100 дворовъ.			
	Владѣльческихъ.	Людск., задворн. и др.[1])	Крестьянскихъ.	Бобыльскихъ.
Въ 20-хъ г.г. . .	3,9	5,7	54.0	36,4
Въ 80-хъ г.г. . .	1,9	2,5	87,9	7,7

Нѣкоторыя разъясненія этого видимаго противорѣчія могутъ доставить цифры трехъ переписей по Тульскому уѣзду.

	Помѣщич. и приказч.	Людск. и задворн.	Крестьянскихъ.	Бобыльскихъ.
Въ 1628—30 г.г. .	20,9	12,9	37,9	28,3
Въ 1648 г. . . .	1,0	4,9	57,3	36,8
Въ 1676 г. . . .	1,2	18,8	52,3	27,7

Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ въ 1630—32 году на 1543 крестьянскихъ двора было 149 дворовъ холопскихъ, а въ 1678 г. въ этомъ уѣздѣ однихъ задворныхъ людей, не считая другихъ рязрядовъ батрачества, было 12%. Судя по этимъ примѣрамъ, относительное число дворовъ, занятыхъ исключительно барской запашкой, падало до второй половины XVII в. До этого времени происходилъ обратный приливъ крестьянъ на брошенныя послѣ смуты мѣста прежней осѣдлости. Крестьяне приносили съ собой рабочія руки и ихъ приливъ уже самъ по себѣ сокращалъ относительное значеніе барскаго хозяйства: возможно, что оно сокращалось и абсолютно, т. к. крестьяне доставляли помѣщикамъ ренту, и надобность въ собственномъ хозяйствѣ уменьшалась: но со второй половины XVII вѣка относительное значеніе собственнаго помѣщичьяго хозяйства растетъ, и этотъ ростъ, вѣроятно, уже совпадаетъ съ абсолютнымъ развитіемъ господской за-

[1]) Конечно холопы, задворные люди и т. д. далеко не всегда были заняты пашней, но въ XVII вѣкѣ помѣщики уже довольно усиленно переводили ихъ на земледѣльческія работы.

пашки. Это предположеніе можно подтвердить массовыми данными о числѣ задворныхъ людей (по 16 у. у.).

	% задворныхъ людей.	% крестьянъ и бобылей [1]).
Въ 1646 г. . . .	4,2	95,8
Въ 1677—8 г.г. . .	9,0	91,0

Вотъ всѣ наиболѣе рельефныя данныя, которыми мы обладаемъ по этому вопросу. Судя по нимъ, помѣщичье хозяйство развивалось въ два момента московской эпохи: 1) въ теченіе сельско-хозяйственнаго кризиса, при чемъ это развитіе было вынужденной компенсаціей убыли, которую производило въ средствахъ для существованія у владѣльцевъ бѣгство крестьянъ и 2) со второй половины XVII вѣка, когда помѣщики начинаютъ пользоваться большими земельными правами, когда ихъ служебныя обязанности сокращаются и въ то же время происходитъ окончательное закрѣпощеніе крестьянъ. Параллельно съ общимъ развитіемъ помѣщичьяго хозяйства, развивалась и барщина. До 70-хъ годовъ XVI вѣка почти не существовало барской пашни, слѣдовательно не было и барщины. Но и въ концѣ XVI вѣка барщина еще слабо распространена, хотя въ это время „уже встрѣчаются случаи поглощенія всѣхъ остальныхъ обязанностей крестьянъ въ пользу землевладѣльца одной барщиной“. (Лаппо-Данилевскій. Крестьянскій строй. стр. 43).

Въ XVII вѣкѣ барщина распространяется на югѣ, на западѣ и подъ Москвой: на сѣверо-востокѣ начинаетъ преобладать денежный оброкъ. Такое территоріальное распредѣленіе типа крестьянскихъ повинностей, зависящее, главнымъ образомъ отъ различій въ качествѣ почвы, какъ мы увидимъ изъ слѣдующей главы, характерно и для дальнѣйшей эпохи.

Кромѣ крестьянскаго и холопскаго труда, существовалъ и наемный трудъ: въ подмосковномъ дворцовомъ селѣ Измайловѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ наемныхъ жнецовъ было до 700. Встрѣчались наемные батраки и въ имѣніяхъ Морозова. Но вообще, конечно, наемный трудъ былъ слабо распространенъ.

Развитіе помѣщичьяго хозяйства, барщина, превращеніе натуральнаго оброка въ денежный и такая же трансформація государственныхъ податей, совершившіеся въ концѣ XVI вѣка—все это указываетъ, что въ это время уже начинаетъ развиваться обмѣнъ. Г. Рожковъ даже считаетъ, что „въ переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и

[1]) Всѣ приведенныя цифры основаны на подсчетахъ данныхъ г. Рожкова, Готье, Ключевскаго, Щепкиной (Тульскій у. въ XVII вѣкѣ) и Дьяконова. (Очерки изъ исторіи сельскаго населенія).

слѣдуетъ видѣть главную причину происхожденія крѣпостного права на крестьянъ“ [1]). Но для всякаго мало мальски знакомаго съ исторіей, очевидно, что торговля въ Московской Руси далеко не занимала такого выдающагося положенія, чтобы могла произвести, сама по себѣ, такой коренной переворотъ въ народномъ быту и въ законодательствѣ. Въ сущности, мы наблюдаемъ въ эту эпоху не столько развитіе, сколько перемѣщеніе торговли съ новгородскаго запада въ Замосковный край и на сѣверъ. Еще въ 1545 году въ Новгородѣ было 5300 дворовъ, въ Псковѣ 1300 однихъ торговыхъ помѣщеній, въ старой Руссѣ 1545 дворовъ. Послѣ разгрома Новгорода Иваномъ Грознымъ, въ немъ осталось не болѣе 10% жилыхъ дворовъ, и въ послѣдующую эпоху Новгородъ уже не поднимался, т. к. открылся новый бѣломорскій путь, черезъ Холмогоры, Архангельскъ на Вологду и Москву. Предметы заграничнаго вывоза остаются тѣже, какіе были при Рюрикѣ: мѣха, медъ, воскъ, ленъ, пенька, сало. При Иванѣ IV вывозили за границу мѣховъ на $^1/_2$ милліона рублей, воска 50 тысячъ пудовъ, меда 100 тысячъ пудовъ, льномъ и пенькой нагружали до 100 судовъ При Ѳедорѣ Ивановичѣ внѣшній обмѣнъ упалъ, благодаря кризису и запустѣнію: мѣховъ вывозили на 400 тыс. рублей, воска 10 тыс. пудовъ, меда 30 тыс., льномъ и пенькой нагружали только 5 судовъ.

Въ общемъ, внѣшняя торговля, вѣроятно, относительно упала. Но *внутренняя* значительно развилась и въ ней пріобрѣли преобладаніе земледѣльческіе продукты.

Самый плодородный раіонъ до заселенія степи—Нижегородской, Ярославской, Рязанской губерній служилъ издавна житницей для Новгорода, а съ развитіемъ Москвы—и для этой послѣдней. Въ Москву стали тянуться громадные караваны, нагруженные хлѣбомъ—до 700—800 возовъ въ день. Между сѣверной и сѣверо-восточной нечерноземной, неплодородной полосой но въ то же время, звѣроловной и промышленной (желѣзные соляные промыслы, кустарничество) и южной-плодородной, но безлѣсной, происходилъ постоянный обмѣнъ черезъ посредство, главнымъ образомъ, Москвы, Ярославля, Нижняго, Вологды, Костромы и др. Въ 1678 году въ Москвѣ было 4845 дворовъ, въ Ярославлѣ 2236, въ Вологдѣ 1440 дворовъ, Нижнемъ 1900 дворовъ, Костромѣ (1628—30 г г.) 1633 двора и 489 лавокъ. Но какіе классы населенія участвовали въ этомъ обмѣнѣ и послужило ли его развитіе толчкомъ для помѣщичьяго хозяйства и для развитія крѣпостного права?

[1]) Городъ и деревня въ Русской исторіи стр. 39.

Мы видѣли, что наибольшаго относительнаго развитія помѣщичье хозяйство достигло скорѣе, въ эпоху сельско-хозяйственнаго кризиса, когда трехполье въ центральныхъ областяхъ и на западѣ было почти совсѣмъ вытѣснено перелогомъ. Это вытѣсненіе, естественно, влекло за собой сокращеніе суммы производства земледѣльческихъ продуктовъ и помѣщики заводили свою запашку, очевидно, не для сбыта, а съ цѣлью возмѣстить недостатокъ пропитанія. Поэтому, врядъ ли есть какая либо связь между первымъ періодомъ въ развитіи помѣщичьяго хозяйства и эволюціей обмѣна. Въ степи, въ это время земледѣліе также еще не развилось настолько, чтобы хлѣбъ служилъ предметомъ экспорта, а, наоборотъ, изъ Замосковья правительству приходилось подвозить хлѣбъ для пропитанія служилыхъ людей. Главными поставщиками хлѣба на рынкѣ тогда, несомнѣнно были *крестьяне*, вынужденные добывать этимъ способомъ, какъ и теперь, деньги для уплаты податей; и мы думаемъ, что „если развитіе мѣнового обращенія сельско-хозяйственныхъ благъ уже довольно сильно выражалось во второй половинѣ XVI столѣтія“ (г. Рожковъ, стр. 289), то въ этомъ развитіи наибольшее участіе принимали не помѣщики, а крестьяне, т. к. и оброкъ и подати перешли на центральную форму. Другая причина, заставлявшая крестьянъ отчуждать свои продукты—таже, какая существовала и въ Кіевской Руси—именно монополія средствъ производства въ рукахъ правительства и господствующихъ классовъ, хотя теперь эта монополія значительно ослабѣла.

Особенно она была замѣтна по отношенію къ лошадямъ. Главными поставщиками лошадей, какъ и въ Кіевскую эпоху, были татары, ногайцы, вообще кочевники. „Страшась подрыва своихъ интересовъ, власти запрещали покупку лошадей въ Астрахани у татаръ, равно и татарамъ запрещалось гонять куда бы то ни было лошадей для продажи, кромѣ Москвы. Поэтому, т. к. пригонъ татарскихъ лошадей въ Москву происходилъ только въ извѣстные сроки, и какъ притомъ только въ Москвѣ совершался большой торгъ ногайскими лошадьми, цѣны на этихъ лошадей поднимались; послѣ отхода станицы (татарской), барышники, скупая татарскихъ лошадей отъ 5-ти до 15 рублей за лошадь, покормивъ ихъ съ мѣсяцъ, продавали за большія деньги“ [1]).

При Иванѣ Грозномъ, въ Москвѣ рабочій меринъ цѣнился отъ 2 до 4 рублей, въ народной торговлѣ въ уѣздахъ гораздо дороже, напримѣръ, въ Бѣлозерскомъ краѣ, въ 1614 году—10 рублей. Если тогдашній рубль, какъ разсчитываетъ

[1]) Костомаровъ. Очерки торговли московскаго государства. Стр. 304.

г. Рожковъ, равнялся 94 рублямъ нынѣшнимъ, то это была прямо невѣроятная цѣна[1]).

Итакъ, въ эпоху кризиса, не смотря на развитіе барскаго хозяйства, крестьяне были главными поставщиками земледѣльческихъ продуктовъ на рынкѣ. Что же касается до помѣщиковъ, то они уже потому не могли принимать широкаго участія въ этой торговлѣ, что ихъ собственное хозяйство въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ было мелкимъ и своими размѣрами отнюдь не свидѣтельствовало о *товарномъ* характерѣ производства.

Иное дѣло—вторая половина XVII вѣка. Помѣщичье хозяйство возрастаетъ не только относительно, но и абсолютно; средній размѣръ вотчинъ увеличивается; барщинный и холопскій трудъ растетъ, крестьяне превращаются въ крѣпостныхъ, „трудъ сельскаго тяглеца все болѣе и болѣе становится даровымъ трудомъ въ рукахъ землевладѣльцевъ", и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ эту эпоху участіе барскаго хозяйства въ обмѣнѣ—должно было возрасти. Появляются даже образцовыя вотчины, вродѣ знаменитой морозовской; словомъ, вторая половина XVII вѣка, послужила и въ этомъ отношеніи прелюдіей для послѣдующей эпохи, которую можно назвать не только эпохой крупнаго землевладѣнія, но и, въ значительной долѣ, *крупнаго товарнаго хозяйства*. Къ этой эпохѣ, цитированныя выше слова г. Рожкова, оказываются болѣе приложимыми; но не слѣдуетъ забывать, что крѣпостное право складывалось задолго до второй половины XVII вѣка, что экономическія причины его лежатъ, какъ увидимъ дальше, въ задолженности крестьянъ, начавшейся еще съ Кіевской эпохи, и что, поэтому, развитіе помѣщичьяго товарнаго хозяйства есть скорѣе слѣдствіе, а не причина возникновенія крѣпостного права...

Мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ эволюцію производства и распредѣленія въ центральныхъ областяхъ; мы изучили основное явленіе московской эпохи—раздачу земель господствующему классу—дворянству, пріобрѣтеніе имъ правъ на землю т. е. отдѣленіе земли отъ государства и превращеніе ея въ частную дворянскую собственность. Въ XVII вѣкѣ господствующій классъ начинаетъ уже кристаллизоваться въ замкнутое привиллегированное сословіе: онъ непроходимой пропастью отдѣляется отъ трудовой массы. Эта послѣдняя окончательно теряетъ землю, а затѣмъ и свободу: она тоже превращается въ замкнутое сословіе, низшую касту „черной

[1]) Правительственная монополія торговли распространялась и на многіе другіе предметы первой необходимости и средства производства.

кости". До сихъ поръ мы не разсматривали судебъ крестьянства въ московскую эпоху. Теперь мы перейдемъ къ нимъ.

В) Закрѣпощеніе крестьянъ. Дифференціація въ крестьянской средѣ. Эволюція общинныхъ формъ.

Въ исторіи крестьянства московской эпохи центральное мѣсто занимаетъ, конечно, развитіе крѣпостного права. Для насъ, въ исторіи этого развитія наиболѣе интересными являются не юридическіе фазисы, черезъ которые проходило закрѣпощеніе, а экономическія условія, вызвавшія это едвали не наиболѣе значительное явленіе разсматриваемаго періода

Главныхъ экономическихъ условій для развитія крѣпостного права было два: разсмотрѣнный уже нами переходъ земли въ руки господствующихъ классовъ и все возраставшая задолженность крестьянъ. Земля являлась источникомъ существованія для трудовыхъ массъ: тотъ, кто захватилъ землю, держалъ въ своихъ рукахъ и средства народнаго существованія. Реально это право на средства существованія массъ выражалось въ томъ, что право пользованія владѣльческой землей крестьяне оплачивали рентой въ различныхъ видахъ. Такъ было и до московской эпохи: и до XVI вѣка, „крестьяне всѣ оказывались съемщиками чужой земли", и платили ренту. По существу, въ этомъ отношеніи не было разницы между московской эпохой и предыдущей. Не было разницы и въ томъ отношеніи, что крестьяне также не имѣли своихъ средствъ производства и получали ихъ въ ссуду и въ подмогу отъ помѣщиковъ „Вольный перехожій арендаторъ крестьянинъ, большею частью, приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря". (Ключевскій. Курсъ II, 381). Въ удѣльную эпоху крестьяне арендовали землю, получали отъ владѣльца ссуду и, поэтому, должали, запутывались въ долгахъ, и даже, до нѣкоторой степени, закрѣпощались за владѣльцами, и черными общинами. Еще въ XV вѣкѣ образовался слой старожильцевъ-крестьянъ, которыхъ историки сближаютъ съ засѣдѣлыми „непохожими" (отъ слова „ходити") людьми юго-западной Руси и главной особенностью которыхъ была потеря права свободнаго ухода отъ владѣльцевъ, подъ вліяніемъ застарѣлой долговой зависимости. Крестьянинъ, получившій ссуду или подмогу, далеко не всегда могъ ее заплатить. Ссуда давалась не даромъ, а за проценты: но чаще, вмѣсто платежа процентовъ, крестьянинъ обязывался отрабатывать господину. Первый видъ ссуды назывался

серебромъ „ростовымъ“, второй—„издѣльнымъ“. Алексѣевы, некрупные вотчинники Московскаго уѣзда, въ 1511 году имѣли за крестьянами 2000 рублей на наши деньги. Ссуда выдавалась деньгами, скотомъ, инвентаремъ, хлѣбомъ и т. д.

Кромѣ выплаты ссуды, крестьянинъ долженъ былъ уплачивать ренту „за пожилое“. „Дворы пожилые платили въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина“. (Судебникъ 1497 г.). Къ концу XV вѣка далеко не всѣ крестьяне могли выплатить ренту, ссуду и пожилое и фактически прикрѣплялись къ своему участку.

Въ XVI вѣкѣ задолженность крестьянъ сразу *количественно усиливается*. Это усиленіе г. Ключевскій въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ „Происхожденіе крѣпостного права“ [1]) констатируетъ, указывая на появленіе такъ называемаго кабальнаго холопства, которое до 1526 года почти не существовало, но съ этого времени рѣдкая грамота не говоритъ о кабальныхъ холопахъ. „Трудно объяснить, что именно тогда произошло въ народномъ хозяйствѣ, говоритъ авторъ, но можно замѣтить, что произошло нѣчто такое, вслѣдствіе чего чрезвычайно увеличилось количество свободныхъ людей, которые не хотѣли продаваться въ полное холопство, но не могли поддерживать своего хозяйства, безъ помощи чужого капитала“. („Кабальный холопъ—должникъ, уплачивающій по договору ростъ съ занятаго капитала личной обязательной работой“). Въ началѣ московской эпохи кабальный холопъ еще не сблизился съ крестьяниномъ: онъ еще не былъ по большей части земледѣльцемъ, а по просту дворовымъ работникомъ, но самый фактъ появленія этой категоріи указываетъ на быстрый ростъ задолженности трудовой массы. Въ XVI вѣкѣ, „по нѣкоторымъ признакамъ можно заключить, что $^3/_4$, мѣстами даже $^9/_{10}$ всѣхъ крестьянъ были обременены займами“. (Рожковъ. Городъ и деревня стр. 39).

По Новгородскимъ книгамъ изъ 103 договоровъ 86 заключены со ссудой. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь снабжалъ сѣменами 70% своихъ крестьянъ. Росла задолженность вширь, растекалась между населеніемъ, росла она и вглубь, т. е. увеличивались долги каждаго двора, отчасти отъ внѣшнихъ причинъ. Такъ была увеличена плата за пожилое: всюду съ 1601 года стали взимать высшій окладъ. По порядными записямъ увеличивалась и подмога и неустойки при уходѣ: первая, съ полтины до 5 рублей, вторая съ 1 рубля до 5 рублей. По словамъ Ключевскаго, крестьянинъ, взявшій въ ссуду 3 рубля и прожившій на мѣстѣ 10 лѣтъ, при

[1]) „Русская Мысль“ 1885 года №№ 8—10.

уходѣ долженъ былъ заплатить только за эту ссуду и за пожилое 300 рублей на наши деньги.

А крестьянъ съ такими денежными долгами, конечно, было громадное большинство. Причина этого роста задолженности, въ общихъ чертахъ, ясна изъ предыдущаго изложенія.

1) Ростъ помѣстнаго землевладѣнія и числа самихъ помѣщиковъ. „Развитіе помѣстнаго владѣнія въ тѣ вѣка, несомнѣнно содѣйствовало распространенію серебряничества т. е. задолженности". (Ключевскій Ibidem). Каждый помѣщикъ стремился привлечь къ себѣ крестьянъ—эту главную рабочую силу ссудами. Это было *прямое* распространеніе задолженности. Но еще больше помѣстная система содѣйствовала задолженности, увеличивая повинности и ренту, которыя, надо полагать, были гораздо значительнѣе казенныхъ оброковъ. Въ особенности тяжело она отражалась на населеніи черныхъ и дворцовыхъ земель, розданныхъ въ помѣстья, на которыхъ повинности сразу должны были, minimum, удвоиться. Увеличивались крестьянскіе платежи,—росла и нужда въ ссудѣ.

Благодаря задолженности, изъ крестьянина вырабатывался типъ, который г. Ключевскимъ обрисованъ такими чертами: „Это былъ, въ большинствѣ малоземельный и малоусидчивый хлѣбопашецъ, весьма задолженный, въ хозяйствѣ котораго все: и утварь и инвентарь и участокъ, было наемное или заемное, который обстраивался и работалъ съ помощью чужого капитала и который, подъ гнетомъ повинностей, склоненъ былъ сокращать, а не расширять свою дорого оплачиваемую запашку". (Курсъ II, 391).

2) Это сокращеніе запашки и было второй причиной задолженности. Оно уменьшало, нѣсколько, подати и повинности, но оно же и ослабляло устойчивость крестьянскаго хозяйства. И теперь, какъ тогда, наиболѣе задолжены у насъ малоземельные т. е. малопосѣвные, малохозяйственные крестьяне.

3) Но сокращеніе запашки, какъ мы уже выяснили, въ концѣ XVI вѣка зависѣло больше всего отъ сокращенія населенія. Вначалѣ, „крестьянскій дворъ имѣлъ очень сложный составъ: при дворовладѣльцахъ, записанныхъ въ книги, и отвѣчавшихъ за податную исправность дворовъ, жили за ихъ тягломъ, кромѣ ихъ дѣтей, еще неотдѣленные братья, племянники, также захребетники, люди нетяглые и не письменные". (Ibidem).

Правительство не слѣдило за уходомъ этихъ затяглыхъ элементовъ и они впервые двинулись въ степь, въ кабаль-

ные холопы къ крупнымъ владѣльцамъ и тѣмъ самымъ ослабили работоспособность податного „тяглаго двора“.

Всѣ эти причины—помѣстная система, подати, сокращеніе крестьянскихъ запашекъ и убыль рабочей силы двора, одна отъ другой зависящія, одна съ другой связанныя, приводили къ крайне быстрому повальному росту задолженности массъ въ XVI вѣкѣ, задолженность же порождала личное *прикрѣпленіе* крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ. Не имѣя возможности заплатить владѣльцу ссуду, за пожилое и т. д., крестьянинъ и не могъ отъ него уйти законнымъ, открытымъ путемъ. Онъ или бѣжалъ тайкомъ, или его вывозили другіе помѣщики, которымъ были нужны рабочія руки и которые уплачивали всѣ долги прежнимъ владѣльцамъ. Изъ 2217 крестьянъ Тверской вотчины князя Симеона Бекбулатовича, въ теченіе 5-ти лѣтъ (до 1580 г.) выбыло 305 дворовъ (14%).

Изъ нихъ:

Были вывезены другими владѣльцами.	188	62%
Убѣжали и ушли незаконно . .	65	21%
Ушли, разсчитавшись съ владѣльцемъ.	53	17%

Такъ „безъ всякой законодательной системы“ постепенно замиралъ крестьянскій выходъ, вытѣсняемый крестьянскимъ вывозомъ. (Дьяконовъ Очерки стр. 339).

Каждый годъ передъ Юрьевымъ днемъ прикащики крупныхъ владѣльцевъ и монастырей разъѣзжали по селамъ и сманивали крестьянъ мелкихъ помѣщиковъ на вывозъ. Происходили ссоры, драки, даже цѣлыя сраженія.

Благодаря распространенію вывоза „подъ крестьянскимъ правомъ выхода отъ землевладѣльцевъ къ началу XVII вѣка привыкли уже разумѣть только землевладѣльческое право вывоза крестьянъ“. Но и это право начинаетъ исчезать юридически, какъ право, т. к. правительство издаетъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в.в. рядъ мѣръ, его ограничивающихъ и имѣющихъ цѣлью оградить мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ отъ окончательнаго запустѣнія ихъ земель. Тогда же возникаютъ сдѣлки на крестьянъ безъ *земли*. „Право вывоза, по мѣрѣ того, какъ его стѣсняло законодательство, превращалось въ право передачи или... сдѣлки на крестьянъ безъ земли... Безземельныя операціи съ крестьянами появляются вскорѣ послѣ того, какъ законодательство начало стѣснять вывозъ“.[1]) Крестьяне уже, отчасти играютъ роль того безсловеснаго скота—рабовъ, который помѣщики впослѣдствіи выводили на базары. Правда на такія сдѣлки требовалось еще согласіе крестьянъ и этимъ выражалась тѣнь

[1]) Ключевскій. Происхожденіе крѣпостного права.

ихъ личной свободы. Но крестьянинъ былъ, въ сущности, наемнымъ пролетаріемъ, потерявшимъ надежду на заведеніе самостоятельнаго хозяйства. Вскорѣ, вслѣдъ за экономической самостоятельностью, теряетъ онъ и личную свободу.

Крестьяне, садясь на землю какого нибудь владѣльца заключали съ нимъ договоръ, „порядную запись“. Въ 20-хъ годахъ XVII вѣка эти порядныя начинаютъ называться „ссудными“ записями и, съ этого времени, въ нихъ, кромѣ обычныхъ условій аренды и ссуды, появляется совершенно новый пунктъ. Такъ, въ ссудной записи 1626 года вольный человѣкъ обязуется за государемъ своимъ жить „во крестьянехъ по свой животъ“ „безвыходно“ т. е. *вѣчно*. Самую ссуду и проценты по ней порядчикъ уже не обязывается выплачивать, покуда живетъ у владѣльца. Онъ только обязуется „жити во крестьянехъ“.

Одинъ заемщикъ объяснялъ, что взялъ въ ссуду 15 р. „и въ той де ссудѣ далъ на себя запись, что ему за тое ссуду жить во крестьянехъ вѣчно“. (Дьяконовъ. Очерки стр. 361). Эти условія ссуды и составили „крѣпость крестьянскую, или вѣчность крестьянскую, какъ говорили въ XVII в.“ (Ключевскій, курсъ III, 220). Они сблизили крестьянъ съ кабальными холопами, которыхъ какъ разъ къ XVII в., помѣщики, развивавшіе, какъ мы видѣли, въ это время свое собственное хозяйство, стали сажать на пашню „во крестьяне“. Главная особенность кабальнаго холопства— принимавшееся холопами на себя обязательство служить за ростъ, „кабала за ростъ служити“, т. е. лицо, занявшее деньги, обязано было служить кредитору только за проценты, а долгъ возвращался по окончаніи срока службы. Легко увидѣть сходство въ ссудныхъ записяхъ крестьянъ съ условіями кабальнаго холопства: и крестьянинъ, давшій ссудную запись, и кабальный холопъ обязывались „служить“ за проценты, одинъ во крестьянехъ, другой въ холопахъ. Когда помѣщики стали сажать холоповъ на пашню, разница между ними окончательно стушевалась: и тотъ и другой стали фактически служить своимъ господамъ, т. е. устанавливается наслѣдственность кабальной и крестьянской крѣпости. Такимъ образомъ, экономическія отношенія сами по себѣ создали основы крѣпостнаго права, и правительству оставалось только ввести его въ границы законодательныхъ нормъ. По словамъ Ключевскаго, сближенію крестьянъ съ холопами, т. е. ихъ закрѣпощенію помогла и перепись 1628 г. „Бродячій вольный хлѣбопашецъ, застигнутый писцомъ на землѣ владѣльца, куда онъ забрелъ для временной „крестьянской“ пристани и за нимъ записанный, волей неволей ря-

дился къ нему въ крестьяне на условіяхъ добровольнаго соглашенія и вдвойнѣ укрѣплялся за нимъ, какъ этой писцовой, такъ и порядной записью, какую давалъ на себя (курсъ III стр. 221). Государству былъ необходимъ „усидчивый тяглецъ, котораго всегда можно было бы найти по писцовой книгѣ на опредѣленномъ участкѣ и который частнымъ обязательствомъ не ослаблялъ бы податной способности, а помѣщикъ искалъ пахатнаго холопа, который дѣлалъ бы исправно „дѣло его помѣщицкое, пашенное и гуменное и дворовое“ и оброкъ и платилъ бы, котораго сверхъ того можно было бы при случаѣ продать, заложить и въ приданное отдать безъ земли (Ibid 224). Отсюда слѣдуетъ, что интересы правительства частью совпадали, частью противорѣчили интересамъ помѣщиковъ: совпадали въ томъ отношеніи, что правительству и помѣщикамъ было выгодно прикрѣпить крестьянина къ одному владѣльцу. Дѣло въ томъ, что, т. к. промежутки между переписями, на которыхъ основывались главные виды податей, были очень велики, то бюджетный балансъ требовалъ, чтобы число податныхъ единицъ—крестьянъ было въ теченіи всего промежутка болѣе или менѣе одинаковымъ, иначе происходило нарушеніе баланса. „Репартиціонный характеръ податной системы, основанной на долгосрочныхъ переписяхъ требовалъ, по возможности, *постояннаго уровня платежныхъ силъ* данной мѣстности, по крайней мѣрѣ, въ промежутокъ времени, проистекавшій отъ составленія одной переписи до начала другой. Такого рода требованіе возможно было выполнить лишь *прикрѣпленіемъ* [1]). Перепись 1646 года „повела къ возможности повсемѣстнаго и единовременнаго прикрѣпленія тяглаго населенія къ мѣсту жительства“. Противорѣчіе интересовъ владѣльцевъ и помѣщиковъ заключалось въ томъ, что холопы, въ которыхъ помѣщики стремились превратить крестьянъ, не платили податей. Отсюда въ законодательствѣ возникъ компромиссъ: признавая извѣстныя права владѣльца на личность, трудъ и имущество крестьянина, правительство въ то же время, по уложенію 1649 года, постановило „имати за крестьянъ государевы всякіе поборы съ вотчинниковъ и помѣщиковъ“. Переложивъ на владѣльца самый главный нервъ государства—взыскиніе податей, правительство допускаетъ передачу имъ административныхъ и судебныхъ функцій, что и ведетъ къ значительному умаленію значительныхъ правъ мірского самоуправленія.

---

[1]) Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія стр. 136.

Такимъ образомъ, уничтоживъ политическій феодализмъ частныхъ владѣльцевъ, московское правительство, какъ бы вознаграждаетъ владѣльцевъ развитіемъ феодализма *соціальнаго*. И въ то время, какъ помѣщики пріобрѣтаютъ не только власть надъ ниже ихъ стоящими трудовыми массами, но и сами освобождаются отъ служебнаго закрѣпощенія государству, въ то время, какъ и земля становится изъ государственной ихъ личной собственностью, крестьяне сближаются съ холопами и теряютъ не только окончательно права на землю, но и значительную долю правъ даже на свои „животы"—т. е. имущества. Благодаря этому, между классомъ нетрудовыхъ землевладѣльцевъ и классомъ трудовыхъ земледѣльцевъ обнаруживается непроходимая пропасть и оба класса превращаются въ замкнутыя *сословія* благородныхъ и подлыхъ людей. Отнынѣ мы будемъ изучать отдѣльно экономическія судьбы каждаго сословія. Землевладѣніе дворянства, какъ мы говорили, къ концу XVII вѣка обнаруживаетъ тенденцію къ „подвижкѣ вверхъ", къ концентраціи, которая происходитъ потому, что царскіе любимцы, въ эпоху Ѳедора Алексѣевича и Софьи, прибираютъ къ своимъ рукамъ милліоны десятинъ дворцовыхъ земель. Теперь спрашивается, каково было экономическое положеніе „подлаго" сословія?

Ортодоксальные экономисты не могутъ представить себѣ, чтобы въ средніе вѣка, въ эпоху „натуральнаго строя" народная масса могла быть экономически разслоенной и выдѣлять изъ себя огромный классъ форменныхъ пролетаріевъ. Въ средніе вѣка, утверждаетъ Каутскій, нищета являлась единичнымъ фактомъ. Разумѣется и средневѣковая эпоха знала моменты бѣдственнаго состоянія массъ, но, какъ правило, эти моменты обусловливались вторженіемъ внѣшняго врага, или стихійными причинами, нашествіемъ венгровъ или норманновъ, недородами и т. д. Бѣдствіе въ большей или меньшей степени распространялось на *весь народъ* и имѣло преходящій характеръ. Только съ началомъ новаго времени вновь возникаетъ пролетаріатъ, какъ особо многочисленный классъ общества, какъ постоянное учрежденіе, подобно тому, какъ онъ существовалъ въ послѣднее время римской республики и въ императорскій періодъ [1]).

Но мы знаемъ изъ предыдущаго, что даже по отношенію къ Россіи, не говоря о западной Европѣ, это шаблонное представленіе оказывается невѣрнымъ. И дефференціація и

[1]) K. Kautsky. Thomas More und seine utopie цитировано по книгѣ И. Гранатъ „къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи".

пролетаріатъ были у насъ „постоянными учрежденіями“, начиная съ кіевской эпохи. Мы видимъ, что въ самомъ началѣ XVI вѣка „мужи“ были minimum въ $62^1/_2$ раза бѣднѣе „лучшихъ людей“, старостъ и въ $112^1/_2$ разъ бѣднѣе земскихъ бояръ. Сами „мужи“ т. е. трудовая масса раскалывались, по крайней мѣрѣ, на три класса: смердовъ, имѣвшихъ свои средства производства, закуповъ-пролетаріевъ, не имѣвшихъ таковыхъ и челядь-холоповъ, не имѣвшихъ не только орудій производства, но и личной свободы.

Въ удѣльную эпоху полузависимые ролейные закупы становятся юридически болѣе свободными, что Блюменфельдъ объясняетъ „расширеніемъ площади колонизаціи, вызвавшемъ возрастаніе спроса на рабочіе руки“ (Формы землевл. стр. 224). Но зато экономически вся масса свободныхъ крестьянъ, бывшихъ смердовъ, превращается въ арендаторовъ не только средствъ производства, но и земли, захваченной въ свои руки господствующими классами.

Иными словами, въ экономическомъ отношеніи, не закупы приближаются къ смердамъ, а наоборотъ смерды становятся такими же задолженными арендаторами, какъ и закупы. Оба эти класса сливаются въ одинъ, сильно пролетаризованный, классъ крестьянъ, почти не обладающій ни землей, ни другими средствами производства; другой классъ—барскіе холопы. Въ XVI вѣкѣ изъ крестьянъ выдѣляется, помимо многихъ другихъ, новый многочисленный классъ—бобылей. Кто такіе бобыли? Одни историки (Бѣляевъ) полагали, что бобыли—это крестьяне „полувытчики“, т. е. сидѣвшіе на половинѣ нормальнаго земельнаго надѣла. Это мнѣніе основывается на томъ, что на бобылей въ началѣ XVII вѣка накладывался половинный окладъ податей. Но современные изслѣдователи: Дьяконовъ и Лаппо-Данилевскій установили, что бобыль—это безземельный или крайне малоземельный крестьянинъ. „Бобыль—непашенный, безземельный человѣкъ. Такимъ онъ выступаетъ въ самыхъ раннихъ памятникахъ, содержащихъ упоминанія о бобыляхъ. Этотъ признакъ остался отличительной чертой бобыля и въ теченіе всего XVI вѣка. Бобыль не пашенный человѣкъ, не въ силу того, что онъ земледѣлію предпочелъ какой либо промыселъ, находя его выгоднымъ. Онъ не пашенный только потому, что, вслѣдствіе бѣдности покинулъ земледѣліе, „отбылъ пашни“, какъ говорилось тогда, или, по неимѣнію средствъ, не могъ нигдѣ пристроиться на пашню, порядиться въ крестьяне“ [1]). Бобыли были съ усадьбой, были безмѣстные, „бро-

[1]) Дьяконовъ. Очерки исторіи сельскаго населенія московской Руси. стр. 209 и 219.

дячіе“ и „походячіе“. Общественное и экономическое положеніе бобылей могло понижаться до низшихъ ступеней общественной лѣстницы, гдѣ они сливались съ разношерстной массой казаковъ, монастырскихъ дѣтенышей, захребетниковъ, прикромниковъ, подсусѣдниковъ, задворныхъ людей и т. д. Лаппо-Данилевскій говоритъ, что бобыли имѣли обыкновенно недостаточное количество земли, или вовсе ея не имѣли и нерѣдко занимались черною работою и легкими промыслами; крестьяне, напротивъ, всегда владѣли пашенными участками и, если занимались промыслами и торговлей, то скорѣе отъ избытка, чѣмъ отъ недостатка средствъ. Словомъ, бобыли вполнѣ подходили подъ типъ современнаго крестьянскаго пролетаріата и полу-пролетаріата, который нѣкоторые современные экономисты считаютъ результатомъ „вторженія капитализма въ деревню“, но который существовалъ на протяженіи среднихъ вѣковъ и въ Англіи (бордаріи, коттеры, косцеты) и въ Германіи (ласситы и коссеты) и во Франціи и въ Польшѣ и т. д.,—во всѣхъ европейскихъ странахъ. Съ современнымъ крестьянскимъ пролетаріатомъ сближаетъ бобылей и *малосемейность*. Средній семейный составъ бобыльскаго двора всегда значительно ниже, чѣмъ крестьянскаго. Въ однихъ и тѣхъ же 115 имѣніяхъ было:

Людей (м. п.) на дворъ.

	Въ крестьянскихъ дворахъ.	Въ бобыльскихъ дворахъ.
20-е г.г. XVII в. . . .	2,2	1,2
80-е г.г.	3,5	2,5
По массовымъ даннымъ,		
1628—30 г.г. (8 д.д.) . .	1.8	1,6
1678 г. (10 д.д.) . . .	4,6	3,1

И у насъ теперь средній семейный составъ безпосѣвнаго и малопосѣвнаго двора—3—4 человѣка обоего пола, тогда какъ нормальный 6—7 человѣкъ. Семейно-рабочій составъ двора—самый яркій признакъ его экономическаго положенія и въ древнюю эпоху и въ настоящее время.

Итакъ, въ московскую эпоху, трудовое земледѣльческое населеніе разбивалось на три большихъ класса: 1) крестьянъ-арендаторовъ, имѣвшихъ *свое* болѣе или менѣе достаточное земледѣльческое хозяйство, 2) бобылей, подворниковъ, захребетниковъ и т. д.—свободный пролетаріатъ и полу-пролетаріатъ и 3) холоповъ, пахавшихъ господскую пашню или

исполнявшихъ всякую барскую работу и жившихъ на разныхъ условіяхъ (полные, кабальные, докладные холопы). Каковы были размѣры каждаго класса?

Выше мы приводили процентныя отношенія крестьянскихъ, помѣщичьихъ и людскихъ (холопскихъ) [1]) дворовъ въ разные періоды времени. Изъ этихъ данныхъ, мы видимъ, что ихъ количество мѣнялось въ зависимости отъ степени развитія помѣщичьяго хозяйства. Въ началѣ XVI вѣка, когда барская запашка была слабо развита, по наиболѣе точнымъ даннымъ новгородской области, процентъ помѣщичьихъ и холопскихъ дворовъ равнялся только 7,7; въ концѣ вѣка онъ выросъ до 21,5%. Сильно варьировало число холоповъ и по отдѣльнымъ уѣздамъ: отъ 3—5% до 7—17%, а въ Каширскомъ и Тульскомъ уѣздахъ оно достигало 25—30%.

Послѣ смутнаго времени холопство падаетъ: въ Тульскомъ уѣздѣ до 15%, Бѣлевскомъ—9% и т. д. Въ смутное время много холоповъ разбѣжалось. Но, какъ мы указывали уже выше, оно вновь начинаетъ расти со второй половины XVII вѣка—со времени второго подъема помѣщичьяго хозяйства. Отсюда можно заключить, что развитіе холопства шло параллельно съ развитіемъ помѣщичьяго хозяйства.

Каждый изъ только что перечисленныхъ классовъ не представлялъ изъ себя экономически однороднаго цѣлаго: онъ былъ еще дифференцированъ *внутри себя*. Не былъ исключеніемъ изъ этого общаго правила и классъ холоповъ. На верхахъ этого класса находились, какъ и въ Кіевскую и удѣльную эпоху, управители, довѣренныя лица господъ,—соотвѣтствующіе древнимъ тіунамъ: приказчики, ключники и т. д. Къ нимъ примыкали и „большіе“ холопы, сопровождавшіе господъ на войну. Но главную массу, какъ и въ другихъ классахъ, представляли „меньшіе“ холопы, положеніе которыхъ было, порой, очень тягостно, какъ видно напримѣръ, изъ посмертной покаянной исповѣди помѣщика Соловьева (1627 г.). „Также и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ, оскорбилъ въ своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ и къ женамъ и ко вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣніемъ, а иныхъ есми грѣхомъ и смерти предалъ, согрѣшилъ во всемъ и передъ ними виноватъ: простите меня грѣшнаго и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ“. И жизнь и честь холопа была

[1]) Въ помѣщичьихъ дворахъ жили приказчики и прочая „челядь“ помѣщика, такъ что помѣщичьи дворы можно также причислить къ холопскимъ.

въ рукахъ господина, на котораго трудно было найти управу [1]).

Классъ холоповъ—несомнѣнно пролетарскаго типа: хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ было свое имущество, была и спеціальная холопская запашка, но, во первыхъ, все это встрѣчалось очень рѣдко и въ ничтожныхъ размѣрахъ, а во вторыхъ, какъ говоритъ г. Дьяконовъ, только къ „большимъ“ холопамъ, „по преимуществу относятся указанія памятниковъ о томъ, что у холоповъ было недвижимое имущество, подаренное имъ господами и даже пріобрѣтенное на собственныя средства“. (Очерки стр. 391).

Другой классъ—бобылей, казаковъ, подворниковъ, захребетниковъ и проч.—былъ классомъ свободныхъ пролетаріевъ. Подворники, захребетники, подсусѣдники и значительная доля казаковъ жили чаще всего на крестьянскихъ дворахъ, при чемъ захребетники имѣли свою избу, другіе же были чаще всего бездомными. Бобыли жили обыкновенно возлѣ церкви и въ пустыхъ крестьянскихъ дворахъ „покуды въ тѣ дворы жильцы будутъ“. Не пашенные бобыли имѣли часто свою усадьбу. Размѣры бобыльскаго класса измѣнялись въ *обратномъ отношеніи къ уровню сельско-хозяйственнаго производства*. Въ первой половинѣ XVI вѣка на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ процентъ бобылей колебался отъ 6,3% до 41,8%. По писцовымъ книгамъ Деревской пятины (Новгородская область) % бобылей въ 1581—2 г.г. равнялся 26,5%, на монастырскихъ земляхъ также 28,6%. Ранѣе, судя по пустымъ дворамъ, бобылей было только 12,1% и 18,6%. Въ Вятской пятинѣ, по тому же разсчету, % бобылей поднялся съ 5,3% до 8,3%. Такимъ образомъ, къ концу XVI вѣка вмѣстѣ съ паденіемъ сельскаго хозяйства, число бобылей повышается въ полтора—два раза. Во время смуты и въ первый періодъ послѣ нея оно продолжаетъ расти въ геометрической пропорціи. Такъ въ Троицкихъ вотчинахъ было:

	% крестьянскихъ дворовъ.	% бобыльскихъ дворовъ.
Въ 1592—3 г.г. . .	88,9	11,1
Въ 1614—16 г.г. . .	60,0	40,0
Въ 1624—40 г.г. . .	56,2	43,8

[1]) Впрочемъ, и „свободнымъ“ крестьянамъ доставалось за неуплату долговъ (правежъ), даже отъ смиренныхъ иноковъ, о чемъ краснорѣчиво повѣствуетъ Вассіанъ Патрикѣевъ: „мы же обидимъ и грабимъ, продаемъ христіанъ, братій нашихъ и бичемъ ихъ истязуемъ безъ милости, аки звѣри дикіе на тѣлеса ихъ наскакающе“.

По массовымъ, наиболѣе полнымъ даннымъ, въ 30 у.у. Замосковья, въ 20-хъ годахъ XVII вѣка на 27036 дворовъ крестьянъ было 18909 бобылей, т. е. бобыли составляли уже *41,1*% всѣхъ дворовъ. Это, очевидно, было maximum'омъ развитія бобыльскаго класса. Отсюда начинается его исчезновеніе. По 115 имѣніямъ за 20-е—80-е г.г. процентъ бобылей убавился съ 40 до 7,9%, по массовымъ даннымъ отдѣльныхъ у.у.

		% крестьянскихъ дворовъ.	% бобыльскихъ дворовъ.
Гороховецкій у.	1628 г.	62,4	37,6
	1685 г.	80,2	19,8
Дмитровскій у.	1627—30 г.г.	55,9	44,1
	1685 г.	96,8	3,2
Коломенскій у.	1646 г.	60,2	39,8
	1678 г.	62,6	37,4
Тульскій у.	1628—30 г.г.	57,4	42,6
	1646 г.	60,9	39,1
	1678 г.	65,4	34,6

Тогда, какъ въ началѣ XVII вѣка процентъ бобылей упорно держался близко у цифры 40, къ концу вѣка онъ дѣлается очень разнообразнымъ и, хотя уменьшается всюду, но въ иныхъ уѣздахъ до 3,2%, въ другихъ—только до 37,4%. На сокращеніе числа бобылей повліяли двѣ причины: 1) по указамъ 1630—1 г.г., съ возникновеніемъ идеи живущей четверти, бобылей правительство зачислило въ разрядъ тяглыхъ людей, на ряду съ крестьянами, включивъ ихъ въ составъ живущей четверти: „гдѣ крестьянскихъ дворовъ не достаетъ и тутъ положить за одинъ дворъ крестьянскій по 2 двора бобыльскихъ", т. е. бобыли стали платить половинный окладъ. А это обстоятельство облегчило имъ переходъ „во крестьяне", т. к. они получили возможность пахать половинные надѣлы. Но, само собой разумѣется, что такой возможностью они могли воспользоваться лишь въ томъ случаѣ, если это позволяло имъ ихъ экономическое благосостояніе 2) улучшеніе экономическаго благосостоянія бобылей было связано съ улучшеніемъ сельскаго хозяйства вообще. „Ростъ бобыльскаго населенія совпалъ съ экономическимъ упадкомъ, съ сильнымъ потрясеніемъ, которое пагубно отозвалось на всемъ строѣ народнаго хозяйства. Послѣдовавшее умиротвореніе должно было, несомнѣнно, повлечь за собой извѣстное улучшеніе въ этомъ хозяйствѣ. Разоренное, согнанное съ пашни и отвыкшее отъ нея насе-

леніе, стало вновь на нее возвращаться. Бобыли—наиболѣе неимущій элементъ сельскаго населенія, начали постепенно убывать, и одно изъ послѣдствій экономическаго кризиса XVI в. и кризиса смутнаго времени стало сглаживаться. Уменьшеніе бобылей въ XVII в., есть естественное явленіе, стоящее въ непосредственной связи съ ихъ ростомъ въ XVI столѣтіи: и то и другое обусловливается развитіемъ экономическаго кризиза, достигшаго своего апогея на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ" (Готье стр. 262).

Переходимъ къ третьему классу—къ крестьянамъ. Въ теченіе московской эпохи бывали моменты, именно въ 20 г.г., XVII в., когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Тульской губ.), этотъ классъ составлялъ немногимъ болѣе одной трети всего трудоваго населенія, т. е остальные пролетарскіе классы вдвое превышали его по численности. Но, въ общемъ, это былъ самый обширный классъ московской эпохи. Но былъ ли онъ *экономически однороднымъ?*..

Историки—спеціалисты, за немногими исключеніями (Миклашевскій, Ивановъ) оставляли въ сторонѣ вопросъ о крестьянской дифференціаціи въ московскую эпоху, но уже тотъ фактъ, что отъ основного ядра крестьянъ отдѣлялись другіе классы—бобыли, кабальные холопы и т. п., показывалъ, что въ крестьянской средѣ происходили дифференцирующіе, разлагающіе процессы: какъ были крестьяне, имѣвшіе своихъ собственныхъ холоповъ, такъ были и крестьяне, которые за неимѣніемъ средствъ, сами „рядились" въ холопы И этотъ фактъ несомнѣненъ, какъ для кіевской, такъ и для удѣльной и для московской эпохъ.

Московскіе писцы отлично знали фактъ разслоенности крестьянъ: пріѣхавши въ уѣздъ, они расписывали волости въ сохи и выти не по однимъ землямъ, но и по состоянію земледѣльцевъ, при чемъ зажиточныхъ или *лучшихъ* людей писали въ одну „кость", *среднихъ* въ другую и *молодшихъ* (бѣднѣйшихъ) въ третью. Въ этомъ дѣлѣ принимала живѣйшее участіе община. „При раскладкѣ податей, община, со своими выборными начальниками, принимала въ разцѣнку все имѣніе каждаго крестьянина: и дворъ, и домашнюю скотину, и пашню и получаемый съ нея хлѣбъ, промыслы и работниковъ въ семьѣ" [1]) т. е. тѣ самые элементы хозяйства или признаки, по которымъ группируетъ крестьянъ современная земская статистика и которые служатъ основой для нынѣшнихъ представленій о крестьянской дифференціаціи.

---

[1]) Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. Стр. 64.

„Бобыли, несмотря на то, что были бѣднѣе крестьянъ, можетъ быть, однако, дѣлились на такіе же три разряда. По крайней мѣрѣ, судя по писцовымъ книгамъ, бобыльскій дворъ равенъ былъ, обыкновенно $^1/_{16}$ ($^1/_{20}$), $^1/_{32}$ или $^1/_{64}$ четвер. въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ и $^1/_{128}$, что указываетъ на признаніе правительствомъ и въ средѣ бобылей, главнымъ образомъ, 3-хъ разрядовъ“[1]). Величину каждаго слоя, устанавливаемую, повидимому, искусственно однообразной для цѣлыхъ уѣздовъ, можно видѣть по такимъ примѣрамъ.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ писецъ Кайсаровъ (XVII в.) положилъ въ соху лучшихъ крестьянъ 40 дворовъ, среднихъ 60, молодшихъ 80 и самыхъ молодшихъ 120. Въ самомъ городѣ Чердыни оказалось:

Бобыльск. дворовъ.	Самыхъ молодш.	Молодшихъ.	Среднихъ.	Лучшихъ.	Неизвѣстныхъ.
9,5%	49,7%	23,3%	4,8%	1,7%	6,0%

Въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ концѣ XVI вѣка было положено въ соху лучшихъ дворовъ 80, среднихъ 100 дворовъ и убогихъ 120 дворовъ. Въ Вяземскомъ уѣздѣ, съ половины XVII столѣтія, въ сохѣ было 40 дворовъ лучшихъ, 80 среднихъ и 100 молодшихъ. Въ самомъ городѣ Вязьмѣ, въ это время лучшихъ людей, платившихъ отъ 15 коп. до 1 руб. 80 коп., было 57 человѣкъ (22,6%), среднихъ—отъ 4 до 15 к. 152 человѣка (60,3%) и молодшихъ—1—4 коп. 45 человѣкъ (17,3%). Нельзя сказать, насколько эти платежные разсчеты соотвѣтствовали дѣйствительнымъ размѣрамъ экономическихъ слоевъ: но, судя по раскладкѣ, разница въ имущественномъ отношеніи отдѣльныхъ слоевъ была велика, т. к. въ городѣ Вязьмѣ верхній слой платилъ болѣе низшаго въ 15—45 разъ. Въ 1583 году къ шведамъ перешла ижорская земля; при ея взятіи, они составили подробную опись дворамъ, изъ которыхъ видны слѣдующіе размѣры слоевъ.

	% слоевъ.		
	Копорье.	Ямъ.	Иванъ-Городъ.
Зажиточные .	44,96	43,44	42,21
Болѣе бѣдные	15,73	15,20	23,45
Бобыли . .	29,66	30,33	20,99
Бѣжавшіе . .	9,71	10,93	12,35

Здѣсь замѣчательно то, что и верхній слой—зажиточные и нижній—бобыли превосходятъ по своимъ размѣрамъ средній. Этотъ примѣръ указываетъ намъ на сильную имущественную неоднородность. Но, насъ, собственно интересуетъ не столько разслоенность по имуществу, сколько по

[1]) Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія. Стр. 104.

размѣрамъ земледѣльческаго хозяйства, иначе говоря, по величинѣ запашекъ. Эта послѣдняя разслоенность существовала со временъ удѣльной эпохи. Нормальный участокъ двора—выть (15—24 десятины) или обжа (въ Новгородской области), соотвѣтствующая германской гуфѣ и даже близкая къ ней по размѣрамъ (30—40 моргеновъ—10—13 десятинъ), какъ и эта послѣдняя, давно уже раздробилась на полувыти, четверть выти, треть, полтретья ($^1/_6$), осьмаки или осьминки ($^1/_8$) и даже на $^1/_{16}$ и $^1/_{32}$ выти. Даже по среднимъ размѣрамъ крестьянскихъ запашекъ въ разныхъ имѣніяхъ можно видѣть всю разнокалиберность пахотныхъ участковъ. Такъ, по приводимымъ у Рожкова даннымъ (см. селькое хоз. стр. 148—151) на одинъ дворъ въ различныхъ монастырскихъ имѣніяхъ приходилось отъ 2,1 четверти (3,2 дес.) до 31,0 четв. (45,5 дес.). Эти имѣнія были крупныя земельныя единицы; между отдѣльными деревнями, которыя состояли обычно изъ 2—8 дворовъ и по запашкамъ которыхъ уже можно судить, поэтому, о разнообразіи запашекъ въ отдѣльныхъ дворахъ, разница была гораздо больше.

Въ Тверскомъ уѣздѣ средніе размѣры запашекъ одинъ на дворъ по деревнямъ были: $37^1/_2$ дес., $33^3/_4$, $31^1/_2$, 30, 27, 24, $19^1/_2$, $13^1/_2$, 12, $7^7/_8$, $5^{21}/_{20}$, $4^1/_2$, $3^1/_2$, 3 и $1^7/_8$. Въ сельцѣ Пасыковкѣ было всего два двора, дворъ боярскій да дворъ людской, и пашни 184 четв. (по 92 ч.=46 дес. на дворъ). Въ селѣ Лотошинѣ было по 2 дес. на дворъ. Вообще, также, какъ и теперь, среднія величины (крестьянскихъ дворовыхъ запашекъ) не даютъ точнаго представленія о дѣйствительности; „по подробнымъ описямъ нѣкоторыхъ имѣній въ селѣ съ десяткомъ деревень и починковъ не находимъ двухъ поселковъ съ одинаковыми подворными участками, въ одной деревнѣ на дворъ отведено 7 десятинъ, а рядомъ въ другой 36 или даже $52^1/_2$ десятины. Встрѣчаемъ подворные надѣлы и въ 24, даже въ 47 десятинъ и въ 3 десятины, даже у одного и того же владѣльца—Троицкаго Сергіева монастыря, въ одной вотчинѣ крестьяне пользовались огромнымъ надѣломъ въ 47 десятинъ, въ другой—довольствовались всего $4^1/_2$ дес. въ трехъ поляхъ“. (Ключевскій II 384—5). Такое же разнообразіе было и въ имѣніяхъ Морозова. Между тѣмъ, какъ справедливо заключаетъ Лаппо-Данилевскій „размѣрами крестьянской запашки въ большинствѣ случаевъ опредѣлялось и благосостояніе двора“ (крестьянскій строй стр. 35). Отъ какихъ причинъ происходило это разнообразіе?..

1) Одна причина, до нѣкоторой степени подходитъ подъ современное представленіе о процессѣ „ка-

питализаціи-пролетаризаціи" крестьянства, какъ напримѣръ, оно сложилось у г. Ильина, въ его книгѣ „Развитіе капитализма въ Россіи".

Процессъ пролетаризаціи рисуется Блюмонфельдомъ слѣдующими чертами. „Крестьянинъ, будучи не въ состояніи платить податей сполна, отчуждаетъ половину или большую часть своего участка и переходитъ въ разрядъ бобылей, но чѣмъ меньше у него земли, тѣмъ меньше у него средствъ спастись отъ разоренія. Ему приходится разстаться и съ другой половиной участка и стать казакомъ, имѣющимъ только свою усадьбу, а тамъ—прощай и усадьба—онъ сталъ бездомовнымъ батракомъ—наемникомъ" (стр. 300). Кромѣ податей, или легкой возможности запутаться въ долгахъ при широкой задолженности того времени,—всякихъ случайныхъ несчастій, вродѣ нападенія разбойниковъ, неурожаевъ, нашествія татаръ, моровой язвы, и т. д. было тогда гораздо больше, чѣмъ теперь. Являлась масса земледѣльцевъ, которые „отемнѣли", „обмолодали", „охудали" и „одолжали". Эти то охудавшіе пролетаріи попадали въ лапы „прожиточныхъ" „лучшихъ" крестьянъ—иначе называвшихся, какъ и теперь, *міроѣдами* или *горланами*. Они работали на нихъ, живя у нихъ въ качествѣ „захребетниковъ", подсусѣдниковъ и т. д., они же стояли за нихъ на сходѣ и тѣмъ поддерживали ихъ удѣльный вѣсъ. И отъ податей прожиточные имѣли способы отвертѣться. Въ наказѣ 1610 г. Левшину для управленія черными волостями въ Чухломскомъ уѣздѣ говорится: „А которые крестьяне прожиточные и горланы съ себя убавливали пашни, которые жили на выти, не хотя государевыхъ податей платити, а тѣ свои доли наметывали на молодшихъ людей, а въ тое пашни мѣсто на пустошахъ землю пашутъ и сѣно косятъ на пустыхъ доляхъ". Эти прожиточные не брали на себя участковъ, записанныхъ въ податной окладъ, куда заносилась только „пашня живущая", „пашня паханая", а захватывали и разрабатывали участки, лежавшіе „впустѣ" и, такимъ образомъ, избавлялись отъ податей.

Вотъ нѣкоторые изъ путей, которыми создавалась экономическая дифференціація въ московскую епоху. Типъ горлана и міроѣда отлично былъ знакомъ нашей древней деревнѣ и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго если вспомнить, что во дворѣ у большинства крестьянъ все было наемное и заемное. На почвѣ повальной задолженности пышно распускались махровые цвѣты ростовщичества.

2) Такое же, если не болѣе важное значеніе имѣлъ и *семейно-рабочій составъ двора*, который и теперь оказываетъ,

въ сущности, рѣшающее вліяніе на такъ называемую „экономическую“ дифференціацію [1]). Быть можетъ, въ московскую эпоху значеніе семейно-рабочаго состава было еще больше. При разработкѣ пашни изъ подъ лѣса, при еще продолжавшихся традиціяхъ захвата, на первый планъ выдвигается „сила“ двора. Подъ этой силой подразумѣвалась не только экономическая состоятельность и „заможность“, опредѣляемая количествомъ рабочаго скота, орудій и т. д. но и количество рабочихъ рукъ, своихъ и наемныхъ. По крайней мѣрѣ, въ памятникахъ терминъ „прожиточные“ крестьяне, всегда фигурируетъ вмѣстѣ съ другимъ „семьянистые“—многосемейные. Интересна въ этомъ отношеніи жалоба крестьянина Мокѣева въ 1688 году, игумену. „Въ нынѣшнемъ году по вашему, государи, властелинскому указу прибавлено на меня сироту съ братьями четвертину вновь, а мы живемъ *порознь, а которые есть у семьянистые, сохи по три выходятъ въ поле...* а мнѣ сиротѣ гдѣ за ними угоняться, они *семьянистые, а я одинъ*. Милостивые государи, власти, пожалуйте меня сироту, велите, государи и иныхъ повертати съ нами въ новоприборныя доли, что они семьянистые и могутой своею отъ тѣхъ новоприборныхъ доль отбиваются и уваливаютъ на насъ скудныхъ и одинокихъ“ [2]). Въ этой жалобѣ „могутность“ двора сопоставляется съ его „семьянистостью“, а бѣдность съ одиночествомъ: ясно, что и въ представленіяхъ жалобщика оба признака неотдѣлимы и семейный составъ является основой благосостоянія двора.

Итакъ, помимо того, что все трудовое населеніе московской эпохи раскалывалось на нѣсколько классовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга не только экономическими, но и соціально—правовыми перегородками; классы крестьянъ, бобылей и холоповъ, но и каждый классъ, особенно классъ крестьянъ, внутри себя былъ сильно дифференцированъ. Верхній зажиточный слой въ крестьянской средѣ захватывалъ въ свои руки средства производства; обладая значительнымъ кадромъ рабочихъ рукъ, онъ разрабатывалъ не записанныя въ окладъ пустоши и тѣмъ освобождалъ себя отъ тяжелыхъ податей, которыя всей массой падали на малосемейныхъ и маломощныхъ; онъ эксплуатировалъ этихъ послѣднихъ въ качествѣ наемныхъ батраковъ или при помощи ростовщическихъ операцій. И вотъ, въ Московскую эпоху появляются первыя попытки устранить эту несправедливость, путемъ

---

[1]) См. Законом. агр. эволюціи ч. I, гл. I § 4 „причины крестьянской неоднородности“.

[2]) Куплевасскій. Состояніе сельской общины въ XVII в. на дворцовыхъ земляхъ, духовенства и свѣтскихъ владѣльцевъ (стр. 14).

уравниванія земли и податныхъ тяготъ—иначе говоря, зарождается организація *уравнительно-передѣльнаго механизма сельской общины.*

Въ предыдущей главѣ мы указывали, что волостная община въ центрѣ распалась на сельскіе округа, въ значительной степени совпадавшіе съ границами вотчинъ и помѣстій. Этому способствовала и практика податныхъ переписей, при которыхъ уѣзды и страны расписывались не по волостямъ, а по вотчинамъ и помѣстьямъ. „Не трудно замѣтить, какіе важные результаты должны были развиться изъ такого дѣленія населенія по размѣрамъ частныхъ поземельныхъ владѣній. Размноженіе служилыхъ людей, при отсутствіи маіората, повело къ дробленію крупныхъ поземельныхъ собственностей, которое производилось безъ особеннаго вниманія къ мѣстному общинному дѣленію; самая возможность существованія общины подрывалась такимъ дробленіемъ; размѣры ея поставлены были въ зависимость отъ размѣровъ вотчины или помѣстья, а при небольшой величинѣ послѣднихъ, когда за землевладѣльцемъ числилось 2—3 двора и когда они отдѣльно отъ другихъ облагались податью, которую нерѣдко взималъ вотчинникъ или помѣщикъ, она едва ли могла успѣшно развиваться. Разумѣется, такое дробленіе не сразу подѣйствовало на дробленіе общиннаго строя... но, съ теченіемъ времени, слѣды нѣкотораго единства общины внѣ предѣловъ вотчины или помѣстья слабѣютъ все болѣе и болѣе“ [1]).

Итакъ, древняя волостная община распадается не въ деревенскую, а въ сельскую, границы которой опредѣляются размѣрами помѣстій. А т. к. въ центрѣ помѣстья были, въ большинствѣ, среднихъ размѣровъ, и на каждый помѣщичій дворъ приходилось въ среднемъ 25 крестьянскихъ, то, надо полагать, что въ каждую сельскую общину того времени входило по нѣскольку деревень. Насколько вліяли помѣщикъ или правительство на внутренніе распорядки этой общины? Сами помѣщики, какъ мы видѣли, долгое время, вплоть до второй половины XVII вѣка, не могли вплотную заняться сельскимъ хозяйствомъ, а, слѣдовательно и мірскими распорядками крестьянъ. Въ тогдашнее время наблюдалось то же самое явленіе, что и теперь: чѣмъ крупнѣе была группа владѣльцевъ, тѣмъ болѣе въ ея средѣ развивался абсентеизмъ: и только въ мелкихъ владѣніяхъ помѣщикъ, пока его не привлекала служба, сидѣлъ на мѣстѣ; въ среднихъ и крупныхъ онъ тянулся въ Москву, по-

1) Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія. (Стр. 92).

ближе къ трону, или въ другіе города, гдѣ занимался какой нибудь службой, а въ имѣніяхъ его замѣняли приказчики. Эти приказчики, между прочимъ и контролировали распредѣленіе пашни между крестьянами.

Но, всетаки, какъ свидѣтельствуетъ большинство историковъ, община сохранила большое вліяніе на свои внутреннія распорядки, и приказчикъ напр. фактически вмѣшивается въ поземельныя отношенія общины только тогда, когда его къ этому побуждали ссоры и несогласія между общинниками. Но и въ этомъ случаѣ, онъ дѣйствовалъ не одинъ, а со старостой и выборными лицами. Однимъ словомъ „въ дворцовыхъ селахъ и частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ рядомъ съ приказнымъ управленіемъ продолжали въ значительной мѣрѣ, сохраняться общинные распорядки, которые даже выгодно было поддерживать не только правительству, но и землевладѣльцу, ибо ими ограничивалось своеволіе и злоупотребленіе приказчика“ (Ibid. стр. 95). Въ общемъ, чѣмъ *крупнѣе было владѣніе, тѣмъ община была самостоятельнѣй*. Даже у такого суроваго, всесильнаго и самовластнаго хозяина, какимъ былъ бояринъ Морозовъ, крестьяне-общинники рисковали идти противъ боярской воли, когда дѣло касалось ихъ общинныхъ традицій. Приказчикъ доносилъ Морозову: „кромѣ того, какъ кр-нинъ Мишка-козелъ съ пасынками просилъ поверстать его въ землѣ противъ своей братьи, въ усадьбѣ и въ полѣ, ихъ *выборный Игнашка съ товарищами боярскаго указа не послушали, поверстать въ землѣ не дали*, отводятъ ему землю помѣтную, худую, съ собой его ровно не верстаютъ, а сказываютъ ему: ты паши тамъ, гдѣ навозилъ, а что *нажилъ и ты съ нами подѣли*, тогда мы тебя съ собой ровно и поверстаемъ“. Ясно, что выборные, въ данномъ примѣрѣ, показывали свою власть, обуздывая какого то „прожиточнаго“ міроѣда.

Итакъ, крестьянскія общины были въ Московскую эпоху въ центрѣ достаточно самостоятельны, чтобы повернуть по своему земельные распорядки. Помѣщики были отъ нихъ въ сторонѣ; при частой смѣнѣ владѣльцевъ, они прямо не могли хорошо ознакомиться съ крестьянами, если бы даже и хотѣли. Приказчики далеко не всегда были полновластными хозяевами: ихъ контролировалъ и міръ и владѣлецъ и правительство, которому вовсе не было интереса въ томъ, чтобы крестьяне „охудали“. И при этой самостоятельности, въ то время, какъ развивается въ общинѣ классъ „прожиточныхъ горлановъ“, въ средѣ крестьянской массы ростетъ стремленіе положить предѣлъ аппетитамъ этихъ господъ. Возникаютъ уравнительные передѣлы, т. е. совершается пере-

ходъ общины изъ захватной въ уравнительную. Для того, чтобы этотъ переходъ могъ совершиться, необходимы два условія: 1) развитіе паровой зерновой системы полеводства съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ. При переложной системѣ господствуетъ захватное право: каждый захватываетъ земли сколько ему по силамъ. Переходъ на паровую зерновую систему обозначаетъ уже сгущеніе населенія, ограниченность удобныхъ, нетронутыхъ пространствъ. Онъ требуетъ вмѣшательства общины въ земельныя права отдѣльныхъ членовъ. Является необходимость раздѣлить всю землю на три поля, отвести опредѣленный участокъ для выгона, установить сроки выпаса скота по парамъ и жнивамъ, и наконецъ, урегулировать черезполосицу такъ, чтобы она не мѣшала каждому крестьянину проѣхать къ его участку. Всѣ эти требованія приводили къ возникновенію передѣловъ, а возрастающая нужда въ землѣ могла вліять на ихъ болѣе уравнительный характеръ. 2) Второе условіе—укрупнѣніе поселеній, т. к., передѣлы могутъ возникать только въ болѣе крупныхъ поселеніяхъ, гдѣ болѣе настоятельно ощущается потребность въ равномѣрномъ распредѣленіи земли. Массовое изслѣдованіе К. Качоровскаго (см. Народное право) показано, что и теперь передѣлы происходятъ, преимущественно въ болѣе крупныхъ общинахъ. Въ XVII в. поселки въ Московскомъ краѣ начинаютъ укрупняться послѣ смутнаго времени. Въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ волостяхъ, по Окѣ они доходили до 20 и болѣе дворовъ. Конечно, и укрупнѣніе поселковъ и трехпольный сѣвооборотъ и, особенно, нужда въ землѣ, не настолько еще развились, чтобы создать повсемѣстную организацію передѣльнаго механизма, но кое гдѣ она возможна уже въ XVI в. Такъ въ 1511 г. митрополитъ Симонъ даетъ грамоту Юрію Миленицкому: „и ты бъ въ тѣ села съ архимандритомъ съ Матвѣемъ ѣхалъ, да землю бъ есть во всѣхъ 3 поляхъ примѣрилъ, да далъ бы еси христіанамъ во всѣхъ 3-хъ поляхъ по 5 десятинъ... А будетъ земли *обильно* и кому будетъ земли надобно болѣе того, инъ бы потому же пахалъ, а кому не будетъ силы". Этотъ примѣръ показываетъ, какъ важна нужда въ землѣ для возникновенія болѣе уравнительной разверстки. Въ 1592 г. въ Дмитровскомъ уѣздѣ были „вопчія" запашки. Вся деревня въ 2—4 двора пахала, кромѣ своихъ надѣловъ „по мѣрѣ всѣ сопча"—по 5—$7^1/_2$ десятинъ, а въ одномъ сельцѣ 16 дворовъ пахали сообща 22 десятины.

Приказчикъ Верхоруцкой волости Бѣлевскаго уѣзда доноситъ въ 1640 году „И тое землю крестьяне для своего верстанія сами межъ себя мѣрили въ дву поляхъ, а въ

третьемъ полѣ не мѣрили, потому... была къ новому году рожь сѣяна. И по той ихъ мѣрѣ старые и новые росчистныя земли пашни объявилось за ними сверхъ живущихъ вытей въ дву поляхъ много. И межъ себя тое земли верстать и *дѣлити противъ вытей не стали*,отсрочили межъ себя сами, какъ послѣ ржановой жнитвы въ третьемъ полѣ измѣряютъ и владѣютъ они, крестьяне тѣми же старыми и розсчистными землями по прежнему, кто чѣмъ владѣли прежъ того безъ *раздѣлу*". Этотъ примѣръ показываетъ, какъ далеки были, по типу уравнительности, тогдашніе передѣлы отъ нынѣшнихъ. Новоразсчистныя земли, которыя, какъ мы видѣли, преимущественно концентрировались у зажиточныхъ, остались за ними и послѣ передѣловъ.

Мы не будемъ излагать другихъ примѣровъ; и изъ этихъ видно, что передѣльная община была въ самомъ зачаточномъ состояніи въ Московскую эпоху, при чемъ дальше передѣловъ по дворамъ и тягламъ дѣло не шло. Этотъ эмбріонъ пережилъ еще крѣпостное право слѣдующей эпохи и, только послѣ освобожденія 1861 года, развитіе крестьянской общины пошло быстрымъ правильнымъ темпомъ вплоть до того историческаго момента, который мы переживаемъ сейчасъ.

§ 3) Населеніе, производство и распредѣленіе земли въ юго-восточномъ колонизаціонномъ поясѣ Степи и Поволжья.

Эволюція производства и распредѣленія въ новыхъ колонизаціонныхъ раіонахъ юга, отличалась не только иными, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прямо противоположными чертами отъ эволюціи центральныхъ областей. Иначе и быть не могло. Отливъ населенія въ центрѣ обозначалъ ничто иное, какъ *приливъ* его въ черноземныя степи, открывшіяся для земледѣльца со временъ покоренія Казани и Астрахани. И въ удѣльную эпоху шелъ колонизаціонный потокъ изъ Замосковья на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Но этотъ потокъ былъ жалкимъ ручейкомъ сравнительно съ той широкой рѣкой переселенцевъ, которая, со второй половины XVI вѣка, начала затоплять степные края, такъ благопріятные для земледѣлія и остававшіеся до сихъ поръ запретными. Величину этого „великаго переселенія" можно себѣ представить по тому запустѣнію, которое мы видѣли въ старыхъ областяхъ въ концѣ XVI вѣка. Изъ приблизительныхъ разсчетовъ, сдѣланныхъ въ предыдущемъ §, можно полагать, что на югъ и юго-востокъ за 60—70 лѣтъ передвинулось не менѣе, а то и болѣе милліона душъ. „Къ 80-мъ годамъ XVI в.,

когда экономическій кризисъ старыхъ государственныхъ областей вызвался рѣзче всего, населеніе царства, за исключеніемъ сѣвернаго поморья, эмиграціи изъ котораго не замѣтно, очень значительно сползло, если можно такъ сказать, къ югу.“ (Готье, стр. 271). Степная колонизація была трехъ родовъ: правительственная, вольная и частновладѣльческая; послѣдняя, впрочемъ, въ московскую эпоху стала мало мальски замѣтной лишь въ самомъ концѣ ея. Въ Поволжьи, какъ и на нашемъ сѣверѣ, довольно значительную роль играли монастыри.

Правительственная колонизація выражалась, главнымъ образомъ, въ постройкѣ городовъ и оборонительныхъ линій. Въ XVI вѣкѣ было построено три оборонительныхъ линіи: одна—древнѣйшая (Тульская) шла по Окѣ и отъ Серпухова на югъ черезъ губерніи Новгородскую, Владимірскую, Рязанскую, Тульскую; другая, построенная при Грозномъ и третья при Ѳедорѣ заняла уже Симбирскую, Рязанскую, Тульскую, Черниговскую, Курскую, Воронежскую. При Борисѣ выстроенъ самый южный городъ Цареборисовъ, вскорѣ, впрочемъ, уничтоженный. Смута остановила правительственную постройку городовъ, которая опять начинается съ 1636 года. Но, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича „ни одинъ изъ новопостроенныхъ городовъ не выдвинулся далеко въ степь. Правительство Михаила Ѳедоровича, очевидно, желало упрочить за собой тѣ мѣста, въ которыхъ уже началась его строительная дѣятельность“ [1]). До 1656 года созданы три линіи: Бѣлгородская, Симбирская, Закамская, захватившія, кромѣ упомянутыхъ, на югѣ Харьковскую и Полтавскую губ., на востокъ почти все среднее Поволжье. Этими раіонами заканчивается колонизаторская дѣятельность московскаго правительства и завоеваніе остальной части степи доводится до конца уже императорскою Россіей.

Внѣшній перечень дѣятельности правительства, построившаго за 100 слишкомъ лѣтъ шесть линій и нѣсколько десятковъ городовъ, ставшихъ, впослѣдствіи, губернскими и уѣздными центрами, еще не говоритъ объ ея внутреннемъ содержаніи. Какой именно элементъ призывался правительствомъ для колонизаціи? Была ли правительственная колонизація авангардомъ, который велъ за собой „вольныхъ“ колонистовъ, или, наоборотъ, она только закрѣпляла заселеніе раіоновъ, уже захваченныхъ піонерами, явившимися въ степь „самотекомъ“? На первый вопросъ отвѣтить не трудно. „Элементами правительственной колонизаціи были,

1) Багалѣй. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины московскаго государства стр. 58.

преимущественно посадскіе „сведенцы“ въ городахъ и „служилые“ люди, большею частью „новоприборные“ (низшихъ чиновъ Н. О.), очень многочисленные и помѣщавшіеся цѣлыми селеніями и довольно мало похожіе на своихъ собратьевъ болѣе сѣверныхъ областей“. (Готье стр. 273).

Въ общемъ, правительство не особенно разбиралось въ качественномъ составѣ своихъ колонистовъ. Въ 1636 году, Тамбовскій воевода послалъ бирючей въ разные города кличъ выкликати на площадяхъ „въ жилецкіе люди вольныхъ и охочихъ людей, отъ отцовъ дѣтей и отъ братьи братью, и отъ дядей племянниковъ, и подсосѣдниковъ и захребетниковъ и половинщиковъ“ [1]). И шли въ тамбовскій край, разные сходцы, бобыли, утеклецы и иные обездоленные люди. Иногда колонистовъ, идущихъ по зову однихъ воеводъ, не пускали воеводы другихъ городовъ, сторожили по дорогѣ „и тѣхъ людей имали, и били и женъ ихъ позорили и грабили“.

Второй вопросъ нѣсколько сложнѣе. Багалѣй, одинъ изъ лучшихъ историковъ колонизаціи, думаетъ, что въ ней главную роль играло правительство. „Населеніе степной окраины московскаго государства, принадлежало, главнымъ образомъ, чтобы не сказать, почти исключительно, служилому сословію... Даже деревни здѣсь, какъ видно изъ описанія болѣе поздняго времени, были населены почти исключительно разными разрядами служилыхъ людей, крестьянъ здѣсь было очень мало... Процессъ колонизаціоннаго движенія состоялъ изъ двухъ частей: начинался станичными и сторожевыми разъѣздами, продолжался и заключался постройкой новыхъ городовъ, какъ военныхъ центровъ“. (Стр.134). Селенія расползались уже изъ городовъ по территоріи, огражденной этими военными центрами. Появленіе деревень по мнѣнію Багалѣя, указывало на то, что данный округъ становится сравнительно безопаснымъ. Но вотъ какой фактъ противорѣчитъ этому взгляду: въ началѣ колонизаціи, и особенно, во время смуты правительство не принимало въ ней почти никакого участія, а она всетаки и въ смутное время, несомнѣнно, была сильнѣе, чѣмъ раньше. „Вліяніе смутнаго времени на населеніе страны говоритъ г. Готье, ярко выразилось въ еще большемъ, (чѣмъ въ концѣ XVI в.) разбродѣ его, въ исчезновеніи множества старинныхъ населенныхъ пунктовъ и въ тяготѣніи всѣхъ бродячихъ, или временно ставшихъ бродячими элементами къ окраинамъ сѣверской, польской и къ низовымъ городамъ“ (стр. 271). Уже наличность въ степи крестьянъ, которыхъ тамъ правительству гораздо труднѣе было уловить въ податное ярмо, и

[1]) Дубасовъ. „Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края“ вып. IV стр. 29.

уходъ которыхъ изъ центра поэтому, былъ ему прямо невыгоденъ, указываетъ на существованіе самовольной колонизаціи. Съ XVII вѣка, крестьяне уже не уходятъ, а *бѣгутъ* сюда, и правительство, вмѣстѣ съ московскими землевладѣльцами, организуетъ цѣлые отряды сыщиковъ; а крестьяне не только бѣгутъ, но и устраиваютъ иногда вооруженныя передвиженія, цѣлыми массами. Въ 1682 г. воеводы докладывали государю: „Разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ крестьяне, покинувъ домы свои, а иные села, въ которыхъ они жили и помѣщиковъ своихъ дворы пожгли и, учиня имъ многое разореніе, собрався многолюдствомъ, человѣкъ по сту и больше съ ружьемъ, пошли обозами въ украйные города разными дорогами, говоря, будто имъ всѣмъ дана свобода и велѣно имъ изъ за помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ выходить съ 1 числа 190 (1682 г.) и селитца и жить гдѣ кто похочетъ“ (Де-Пуле Орловскіе акты стр. 393). Нѣсколько позже московской эпохи въ 1729 г., по показаніямъ воинской коллегіи, оказалось въ бѣгахъ только за 1719—27 г.г. 198,876 душъ м. п.[1]). Такимъ образомъ, наличность вольной колонизаціи, идущей не только помимо правительства, но и наперекоръ ему, внѣ сомнѣнія.

Рожковъ говоритъ: „извѣстно, что колонизація во второй половинѣ XVI в., особенно къ концу его, совершалась здѣсь удивительно быстро и шла сначала, помимо правительства, потомъ, главнымъ образомъ, въ 90-хъ г.г. правительство усиливаетъ свое въ ней участіе и отчасти даже становится ея руководителемъ“ (Сельск.-хоз. стр. 342). Г. Платоновъ обрисовываетъ самовольный отходъ въ болѣе рѣзкихъ чертахъ „не смотря на опасности, на всемъ пространствѣ укрѣпленной границы живетъ и подвигается впередъ, все южнѣй, земледѣльческое населеніе; оно не только безъ разрѣшенія, но и безъ вѣдома власти, осѣдаетъ на новыхъ земляхъ, въ своихъ „юртахъ“ пашенныхъ заимкахъ и звѣропромышленныхъ угодьяхъ. Стремленіе московскаго населенія на югъ изъ центра государства было такъ энергично, что выбрасывало наиболѣе предпріимчивые элементы даже вовсе за границу крѣпостей, гдѣ за хатой поселенца была уже не засѣка, или городской валъ, а природныя „крѣпости“: лѣсная чаща и теченіе лѣсной-же рѣчки“ (стр. 68). Выходя изъ лѣсовъ, первоначальные переселенцы предпочитали лѣсныя мѣста голой степи, тогда какъ теперешніе переселенцы, преимущественно изъ черноземной полосы, прежде всего заселяютъ степные раіоны. Отношеніе между размѣрами вольной и правительственной колонизаціи въ значи-

[1]) Серповскій. Переселеніе въ Россіи въ древнее и новое время.

тельной степени можно опредѣлить отношеніемъ между количествомъ крестьянскихъ и служилыхъ (помѣщичьихъ) дворовъ. По писцовымъ книгамъ конца XVI в. въ степныхъ уѣздахъ значилось:

крестьянскихъ дворовъ	67, 1%
помѣщичьихъ	11, 8%
холопскихъ	21, 1%

Въ началѣ XVII в. въ двухъновыхъ уѣздахъ—Бѣлгородскомъ и Путивльскомъ было:

помѣщичьихъ дворовъ	32, 4%
холопскихъ	2, 0%
крестьянскихъ	34, 1%
бобыльскихъ	31, 5%

Въ Воронежскомъ же уѣздѣ на одинъ дворъ помѣщичій приходилось 11 дворовъ крестьянъ и бобылей. Такимъ образомъ, если въ степи было на одинъ дворъ помѣщичій, въ большинствѣ случаевъ два двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, то это доказываетъ, что $^2/_3$ населенія шло сюда помимо правительственнаго воздѣйствія. Но цифры крестьянскихъ дворовъ, надо думать, крайне уменьшены въ писцовыхъ книгахъ, ибо далеко не всякій крестьянинъ попадалъ въ эти книги, избѣгая податного оклада. Въ широкихъ степяхъ и глухихъ лѣсахъ было привольно укрываться отъ глазъ писцовъ, и дѣйствительный процентъ крестьянъ долженъ былъ быть гораздо выше. Но всетаки здѣсь и служилый мелкопомѣстный элементъ, кадрировавшійся изъ тѣхъ же крестьянъ, бобылей, захребетниковъ и т. д. былъ очень великъ: однако, очень часто правительство не *переселяло* разныхъ стрѣльцовъ, пушкарей, и т. д. а набирало ихъ изъ крестьянскихъ жителей, иначе говоря, просто пользовалось элементами вольной колонизаціи.

Еще болѣе крестьянской была колонизація Поволжья. Въ XVI—XVII в.в. въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ по даннымъ Перетятковича, насчитывалось.[1])

Помѣщичьихъ дворовъ	15, 4%
Людскихъ	4, 7%
Крестьянскихъ	73, 9%
Безпашенныхъ	6%

Въ Поволжьи было сравнительно безопаснѣе и черноземъ нисколько не хуже степного. Это привлекало не только крестьянъ, но и землевладѣльцевъ и, какъ увидимъ даль-

1) Подсчетъ данныхъ Рожкова.
2) Подсчетъ данныхъ Миклашевскаго.
3) Сводка цифръ, приведенныхъ въ книгѣ Перетятковича „Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка“.

ше здѣсь были, сравнительно со степью, гораздо болѣе крупныя помѣстья и вотчины, особенно монастырскія.

Служилыхъ людей правительство испомѣщало само сначала въ округѣ г. Казани. Словомъ „въ Казанскомъ Поволжьи на первыхъ же порахъ были водворены всѣ формы землевладѣнія", которыми характирезуется Замосковье XVI в. (Платоновъ), но съ той разницей, что здѣсь перевѣсъ былъ на сторонѣ дворцовыхъ и черныхъ земель. Но, кромѣ степи и Поволжья была еще и „понизовая степь" совсѣмъ еще не освоенная правительствомъ, но уже занятая *казацкой вольницею*, бродившей между Волгой и Дономъ. занимаясь отчасти охотой и рыболовствомъ, отчасти просто, грабежомъ. Этотъ *видъ колонизаціи уже былъ исключительно вольнымъ*. Казачество росло очень быстро: въ 1388 г. митрополитъ Пименъ проѣхалъ по Дону „пустыней великой"; Контарини пересѣкъ степь въ 1476 г. между Волгой и Дономъ и первыя поселенія нашелъ подъ Рязанью; Татары держались вблизи рѣкъ, а самая степь абсолютно пустовала. Еще въ 1521 г. Донъ былъ безлюденъ, въ 1549 г. казаки стояли на немъ твердой ногой, въ 1560-хъ гг. они образуютъ первые казачьи города по Волгѣ, а въ 1574 г. усиливаются до того, что могутъ взять собственными силами Азовъ. Правительство воспользовалось этой внезапно выросшей силой, какъ отчасти оно пользовалось крестьянами. Наружно ругая казаковъ, втайнѣ посылая имъ хлѣбъ и оружіе, дѣйствуя угрозами, ласками, раздачей жалованья, подкупомъ, привлекая на свою сторону выдающихся атамановъ, правительство добилось того, что донскіе казаки, сбѣжавшіеся въ степь для вольной жизни, не только сами сдѣлались ревностными исполнителями его приказаній, но и покорили Москвѣ огромныя области.

И другимъ вольнымъ движеніемъ вскорѣ воспользовалось московское правительство для военныхъ цѣлей. Движеніе это шло не съ сѣвера, а съ запада, изъ тѣхъ областей, которыя оторвались отъ Кіевской Руси во время ея паденія. „Сельское хозяйство въ Польшѣ къ концу XVI в. окончательно перешло изъ мелкопомѣстнаго въ великопомѣстное, система чиншеваго дохода съ имѣній окончательно замѣнилась тамъ панщиной и, вслѣдствіе принужденій къ работѣ со стороны владѣльцевъ и ихъ прикащиковъ, усилились болѣе, чѣмъ когда либо, побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ. Что касается до Литвы, то Герберштейнъ говоритъ, что тамъ народъ со временъ Витовта находился въ полномъ распоряженіи панскихъ урядниковъ и доведенъ до крайности; а Михаилъ Литвинъ... сравнивалъ порабощеніе литовскихъ простолюдиновъ съ татарскою неволею и упрекаетъ пановъ литовскихъ

въ томъ, что они своихъ людей мучатъ, уродуютъ и убиваютъ безъ суда. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали движенію народонаселенія съ береговъ Вислы и Нѣмана въ юго-восточныя пустыни, которыя къ концу XVI в. сдѣлались болѣе или менѣе безопасными, благодаря воинственности пограничныхъ жителей“[1]) (казаковъ Н. О.) Отсюда видно, что причины, создавшія движеніе малорусскихъ крестьянъ съ запада на востокъ, болѣе или менѣе аналогичны тѣмъ, которыя вызвали движеніе крестьянъ великорусскихъ съ сѣвера на югъ: усиленіе помѣщичьей власти, увеличеніе повинностей, какъ результатъ этого и развитіе крѣпостного права, повлекшее переходъ отъ оброка къ барщинѣ. Начиная съ Ивана Грознаго, въ степь переселяются черкасы-малороссійскіе казаки и крестьяне. Въ смутное время они дѣлаются воровскими. Для очищенія степи отъ ихъ шаекъ Михаилъ Ѳеодоровичъ принимаетъ на службу *мирныхъ* черкасъ, которые вступаютъ съ воровскими въ борьбу. Въ разныхъ городахъ въ 20-30 гг. XVII вѣка, на службѣ состояло 1198 черкасъ. Съ 30 хъ гг. приливъ ихъ усиливается; идутъ на московскую территорію разомъ цѣлые полки (послѣ пораженія Хмельницкаго подъ Берестечкомъ); малороссами заселяется Харьковская часть Воронежской и Курской губерній. (Слободская украина).

Итакъ, вольное народное переселеніе съ сѣвера и съ запада, которое вызывалось, главнымъ образомъ, усиленіемъ гнета господствующихъ классовъ, и тутъ и тамъ значительно перевѣшивало, въ своей совокупности, организованную правительственную колонизацію. Правительство только старалось приспособить это переселеніе для своихъ цѣлей.

Оба вида переселеній—вольное и правительственное, сливаясь воедино, какъ два большихъ притока въ одну могучую рѣку, скоро наполнили населеніемъ пустынныя, плодородныя степи. Скорость заселенія привела прежде всего къ тому, что первоначальный *до*-земледѣльческій фазисъ-сельскаго хозяйства, звѣроловный, просуществовалъ въ степяхъ можетъ быть, не болѣе нѣсколькихъ десятковъ или немного больше сотни лѣтъ. „Періодъ эксплуатаціи зоологическихъ богатствъ продолжался здѣсь сравнительно недолго и полоса этой эксплуатаціи быстро отодвигалась все далѣе и далѣе на югъ. Въ серединѣ XVI вѣка, югъ Кіевской губ., вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская—представляютъ такую полосу бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель; вездѣ тутъ звѣря бьютъ, бобровъ и рыбу ловятъ. Въ серединѣ XVII вѣка, эти мѣстно-

[1]) *Кулишъ*. „Исторія возсоединенія Руси т. I стр. 22.

сти уже заселены земледѣльческимъ населеніемъ, и полоса звѣропромышленныхъ угодій, такъ называемыхъ „юртовъ“ отодвигается на югъ за Бѣлгородскую линію. Въ 1622 году все теченіе Донца со всѣми притоками занято такими угодьями: вся середина Харьковской губ. состоитъ изъ семи юртовъ, которые эксплуатируютъ бѣлгородскіе колонисты. Въ серединѣ вѣка, однако, и сюда приходятъ новые колонисты“. (Милюковъ. Очерки I. 74). Быстрота исчезновенія *до*-земледѣльческаго фазиса-фазиса расхищенія накопленныхъ природой зоологическихъ богатствъ, объясняется еще и степнымъ характеромъ мѣстности. Собственно, южная украина—нынѣшній центрально-земледѣльческій раіонъ Тульской, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Курской, Воронежской губ., а также Малороссія кромѣ юга Харьковской и Полтавской губ. и теперь и тогда не были чистой степью. Большая часть этихъ раіоновъ принадлежитъ къ такъ называемой *лѣсо-степной* полосѣ. Но, тѣмъ не менѣе, степь и тогда тамъ преобладала. Такъ въ концѣ XVI вѣка, по массовымъ даннымъ, въ населенныхъ и обрабатываемыхъ частяхъ степи было (по писцовымъ книгамъ):

Пашни	67,2%
Сѣнокоса	4,4%
Лѣса	28,4%

Лѣсъ занималъ немногимъ болѣе четвертой части всѣхъ угодій. По словамъ Багалѣя, тогда лѣсовъ было больше, чѣмъ теперь. Въ XVII столѣтіи они тянулись къ берегамъ рѣкъ и рѣчекъ непроходимыми дебрями въ 5—10 верстъ ширины и до 30 верстъ длины. На обиліе лѣсовъ по берегамъ рѣкъ, по тѣмъ вообще мѣстамъ, гдѣ ледниковыя отложенія вклинивались въ древнюю степь т. е. гдѣ наносные суглинки смѣняли степной черноземъ, указываетъ и изслѣдованіе г. Докучаева въ Полтавской губерніи. Теперь количество лѣсовъ въ этихъ раіонахъ уменьшилось и въ центральной земледѣльческой полосѣ, по даннымъ 1887 года, было всего 14% лѣсовъ, а въ Малороссіи 12,2%. Въ степи истребить зоологическія богатства легче, т. к. въ лѣсахъ звѣрь находитъ лучшую защиту отъ человѣка. Поэтому, быть можетъ, въ степныхъ мѣстахъ, звѣроловство такъ быстро смѣняется скотоводствомъ и на первыхъ ступеняхъ исторіи въ степяхъ мы уже встрѣчаемъ пастушескій бытъ. Но т. к. наши переселенцы, во первыхъ прибывали сюда изъ земледѣльческихъ мѣстностей, во вторыхъ приливъ ихъ большими массами шелъ очень быстро, въ третьихъ татарская опасность заставляла ихъ скучиваться въ однѣхъ мѣстахъ, то, истребивъ звѣря и рыбу, они сразу переходятъ на земледѣ-

ліе, минуя скотоводческій фазисъ, т. к. первобытное скотоводство требуетъ рѣдкости населенія и разбросанности хозяйствъ по безбрежнымъ степнымъ пастбищамъ. По приведеннымъ сейчасъ даннымъ видно, что уже во второй половинѣ XVI вѣка, по крайней мѣрѣ въ сѣверной половинѣ степи (Тульская, Рязанская, Тамбовская, Орловская губ.) уже господствовало земледѣліе. Въ той же части Поволжья, которая была занята въ это время (Казанская, Симбирская губ.) еще господствовали лѣса.

Въ записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ владѣніяхъ было:

Пашни.	31,2%
Сѣнокоса	1,5%
Лѣса	67,3%

Въ виду недавней заселенности края и обилія удобныхъ земель, въ юго-восточномъ колонизаціонномъ поясѣ до XVII вѣка преобладала переложная система земледѣлія.

Изъ 100 десятинъ пашни:

	Степь.	Поволжье.
Пашни паханой .	29%	24,9%
Наѣзда . .	8,9%	} 75,1%
Перелога . .	62,1%	

Обиліе наѣзжей пашни указываетъ на быстрое расширеніе хлѣбопашества. Однако, судя по этимъ цифрамъ, новыя области уже догнали, по степени интенсивности земледѣлія, старыя, въ которыхъ, въ это время, обнаружился крайній регрессъ и процентъ перелога дошелъ въ Замосковьи до 66,1%, а въ Новгородской области даже до 93,1%. Степной раіонъ въ концѣ XVI вѣка былъ едва ли не самой прогрессивной областью Московской Руси въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Такой быстрый земледѣльческій прогрессъ объясняется, прежде всего, приливомъ населенія, который можно видѣть по количеству деревень, починковъ и пустошей.

	Деревень.	Починковъ.	Пустошей.
		%	
Въ Степи .	58,1	3,6	38,3
Въ Поволжьи.	59,2	25,1	15,7

Въ это время въ Замосковьи пустошей было 49,2%, а въ Новгородской области 82,2%.

Населеніе въ степи, благодаря постоянной опасности отъ кочевниковъ, и относительному безводію, осаживалось гораздо болѣе крупными поселеніями. Тогда какъ въ центрѣ средній размѣръ поселенія былъ 4,5 дворовъ, въ Новго-

родской области 2,4 двора, въ степи онъ равнялся 9,6 дворовъ, въ Поволжьи 9,0 дворовъ. Въ XVII вѣкѣ поселенія еще болѣе укрупнялись. Такъ, въ 1620 году, въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ было:

Поселковъ до 5 дворовъ . .	36,2%
Отъ 5 до 20 дворовъ . .	16,2%
Свыше 20 дворовъ . . .	47,6%

Средній размѣръ селеній въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ 27 дворовъ, въ Путивльскомъ 19 дворовъ, въ Воронежскомъ у. цѣлая треть деревень была уже очень крупными селами. Эта, сравнительно, большая величина поселеній сама по себѣ влекла къ земледѣльческому прогрессу, т. к. вблизи крупныхъ деревень вся окружающая удобная земля скорѣе распахивается и тутъ легче возникаетъ трехполье.

Но самой важной причиной прогресса мы считаемъ *формы и размѣры землевладѣнія*. Главными категоріями землевладѣнія въ концѣ XVI в. были въ степи помѣстья, въ Поволжьи—дворцовыя и черныя земли.

% пахотныхъ земель.

	Помѣстныхъ.	Вотчинныхъ.	Дворцовыхъ и черныхъ.	Духовенства.
Степь . . .	79,3	7,5	2,3	10,9
Поволжье . .	25,6	0,6	70,1	3,7

Казалось бы, въ степи, распредѣленіе земли подходило къ таковому же въ центральныхъ областяхъ. Но дѣло въ томъ, что степныя помѣстья, по своимъ размѣрамъ, были *значительно меньше*, чѣмъ въ центрѣ.

% земли въ степныхъ помѣстьяхъ.

Свыше 1200 дес.	475—1200	150—475	75—150	$22^1/_2$—75	До $22^1/_2$ дес.
1,4	10,8	47,1	19,0	20,9	0,8

Сравнимъ ихъ съ размѣрами помѣстій и вотчинъ въ центральныхъ областяхъ.

% пашни въ помѣстьяхъ.

	Крупныхъ (свыше 475 дес.).	Среднихъ (150—475 дес.).	Мелкихъ (менѣе 150 дес.).
Новгородск. обл. . .	17,2	67,8	15,0
Центральная обл. (пом. и вотч.).	23,5	53,8	22,7
Степь	12,2	47,1	40,7

Мелкія владѣнія занимаютъ въ степи сравнительно вдвое большую площадь, чѣмъ въ центрѣ и въ $2^1/_2$ раза

большую, чѣмъ въ Новгородской области. Въ XVII столѣтіи помѣстные оклады въ степи стали еще меньше, т. к. составъ служилаго населенія сдѣлался еще демократичнѣе. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, въ началѣ XVII вѣка, средній размѣръ помѣщичьяго участка равнялся 50,8 четвертей въ одномъ полѣ (76,2 десят.), въ Путивльскомъ 45,2 десят., въ Оскольскомъ у. 5 поселеній помѣщиковъ имѣли окладъ 25—50 четв. 6—отъ 50 до 75, 19—до 100, 14—до 150 и только 3—отъ 150 до 200. Въ 1644 году лучшія дѣти боярскія въ Харьковской губ. получали по 225 десятинъ, среднія по 150, охочіе люди лучшіе 120 дес., средніе 105; казаки лучшіе 135, средніе 90 дес. Черкасы (чугуевскій полкъ) получили 32.325 десятинъ на 948 человѣкъ, по 34,1 десят. въ среднемъ, при чемъ даже командиръ полка получилъ только 180 десят. По Бѣлевскому („сельско-хозяйствен. основы общины“) размѣръ помѣстныхъ окладовъ въ степи колебался отъ 2 до 70 дес. въ полѣ (6—210 десят. въ трехъ поляхъ).

Незначительность помѣстныхъ окладовъ объяснялась демократичностью состава служилыхъ людей. „Служилое сословіе степной украины, по сравненію съ таковымъ же центральныхъ областей отличалось одной важной особенностью: въ то время, какъ тамъ главный контингентъ составляли дворяне и дѣти боярскіе, здѣсь господствующее положеніе занималъ низшій разрядъ служилаго класса“. (Багалѣй стр. 110). Такъ, въ Цареборисовѣ въ 1600 году изъ 2955 человѣкъ служилыхъ людей, дворянъ было 1,5%, дѣтей боярскихъ 7%. Остальные были пушкари, стрѣльцы, затинщики, бѣломѣстные казаки и т. д. Вся эта масса служилаго люда превратилась, впослѣдствіи, въ крестьянъ,—однодворцевъ, четвертниковъ и казенныхъ. Многолюдство и мелкопомѣстье служилаго класса въ степи, въ связи съ незначительнымъ, относительно, количествомъ крестьянъ, явилось причиной другого отличія степныхъ помѣщиковъ отъ центральныхъ. „Большая часть помѣщиковъ центральной области владѣли крестьянами; между тѣмъ, на степной украинѣ было ихъ очень мало; въ лучшемъ случаѣ, служилый украинецъ могъ разсчитывать на своихъ дѣтей, родственниковъ, и свойственниковъ“. (Ibid. стр. 115).

Такимъ образомъ, степные помѣщики, были въ сущности, такіе же трудовые земледѣльцы, какъ и крестьяне. Съ крестьянами сближалъ ихъ и способъ испомѣщенія; пашня всѣхъ данной группы отбивалась въ одной общей межѣ и находилась въ черезполосномъ владѣніи. Такъ воеводѣ Годунову приказано отвести близъ „Уфимскаго городка“ „на великомъ полѣ“ „пашню“ съ *одного, а не врозни*, а отдѣля

пашню, велити имъ грани потесать". Получалась община, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ (Ефименко, Иванова) совпадала съ общиной складниковъ и сябровъ на сѣверѣ Россіи. Владѣніе было, какъ тогда выражались, „черезъ межу, черезъ десятину, черезъ загонъ врядъ той деревни съ прочими помѣщиками".

Сѣнокосъ, запольныя и переложныя земли, какъ и во всякой общинѣ, были въ общемъ владѣніи. Пашня передѣлялась не по душамъ, не по работникамъ, а по окладнымъ долямъ, что, впрочемъ, соотвѣтствовало и типу первыхъ крестьянскихъ передѣловъ въ центрѣ, гдѣ главную роль играло сначала, повидимому, стремленіе сравнять участки пахатной земли, которыми каждый дворъ владѣлъ фактически, съ податнымъ окладомъ, платимымъ этимъ дворамъ.

Родственныя группы иногда владѣли землей сообща. Бывали случаи, что нѣкоторые помѣщики стремились выдѣлиться въ особые участки, но всегда встрѣчали отпоръ отъ сосѣдей. Потерпѣла фіаско и правительственная попытка во время переписи 1678 года размежевать помѣщиковъ. Цѣль переписи была „спорныя земли и всякія угодья развести и помѣстныя и вотчинныя земли писати и мѣрити и межевати". Однако, при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ принудительная консолидація (разверстаніе чрезполосицы) была отмѣнена, т. к. вызвала возмущеніе среди помѣщиковъ, сросшихся съ чрезполосицей.

Итакъ, степные помѣщики сильно приближались къ крестьянамъ. При довольно большихъ земельныхъ окладахъ, они не могли, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ, распахивать всю свою землю и распахивали, сколько были въ силахъ. Крестьяне же здѣсь были въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ центрѣ. Средній размѣръ запашки на крестьянскій дворъ равнялся въ концѣ XVI вѣка въ степи 9,1 десят. т. е. въ полтора—два раза болѣе, чѣмъ въ центрѣ и Новгородской области. Въ Поволжьи, въ это же время, средняя крестьянская запашка была 7 десятинъ, но она, повидимому, росла дальше. Сводя приведенныя у Перетятковича цифры по отдѣльнымъ селамъ, получаемъ:

Въ однѣхъ и тѣхъ же деревняхъ.		На 1 крест. двор. пашни.	% дворовъ. Крестьянскихъ.	Бобыльскихъ.
Свіяжскаго у.	1594 г.	3,8	71,0	29,0
	1652 г.	6,6	86,0	14.0
Казанскаго у.	1567 г.	8,4	—	—
	1603 г.	9,8	—	—
Тоже.	1603 г.	4,9	—	—
	2-й пол. XVII в.	11,2	—	—

Въ 4-хъ деревняхъ Казанскаго уѣзда количество пашни увеличилось съ 1617 г. до половины XVII вѣка съ 315 четв. въ одномъ полѣ до 1759 четв., т. е. впятеро.

Повышеніе размѣровъ запашки влекло за собой и повышеніе благосостоянія. Въ половинѣ XVII вѣка въ Свіяжскомъ у. на 3991 крестьянскій дворъ было только 787 дворовъ бобылей и захребетниковъ, т. е. 16,5%, а раньше ихъ было гораздо больше. Обиліе пролетарскихъ элементовъ въ началѣ колонизаціи и дальнѣйшее ихъ сокращеніе—явленіе, извѣстное и современному переселенческому движенію. Приходя съ пустыми руками, и древніе бобыли, и современные переселенцы нанимаются въ батраки къ старожилымъ крестьянамъ; проходитъ нѣсколько лѣтъ и бобыль обзаводится своимъ хозяйствомъ, превращаясь въ полноправнаго крестьянина. „Новоприбывшій, являвшійся на мѣсто, чаще всего, съ легкимъ имущественнымъ багажомъ, обыкновенно либо выбиралъ себѣ отдѣльнаго вліятельнаго члена въ обществѣ, у котораго становился сосѣдомъ или захребетникомъ, слѣдственно помогая ему, или черезъ него всей общинѣ нести часть тягостей, либо прямо становился членомъ общины". (Перетятковичъ стр. 345). Бѣдняки записывались въ бобыли, главнымъ образомъ, изъ за податныхъ льготъ. „По прошествіи нѣкотораго времени, поселенецъ, разжившись, либо непосредственно переходилъ съ оброка на тягло, либо ему снова давались льготы спеціально для перехода изъ бобыльства на крестьянство". (Ibid). Впрочемъ, какъ и въ центрѣ, разница между крестьянствомъ и бобыльствомъ обусловливалась разницей въ семейно-рабочемъ составѣ двора. „Въ городѣ болѣе семьянистые посадскіе люди, за ними слѣдуютъ бобыли, а за бобылями будутъ захребетники. Въ селахъ и деревняхъ самые семьянистые люди—крестьяне, послѣ нихъ идутъ бобыли, и наконецъ—захребетники". (Стр. 185). Въ 1678 году въ дворцовыхъ слободахъ Симбирскаго уѣзда на 1 крестьянскій дворъ приходилось 3,5 д. м. п. на 1 бобыльскій—2,2 человѣка.

Счастливое, сравнительно, положеніе крестьянъ въ Поволжьи, продолжалось до второй половины XVII; въ концѣ вѣка ихъ экономическій уровень начинаетъ падать, что видно по увеличенію бобылей. Въ 1678 году было:

	Крестьянск. дворовъ.	Двор. задворн. людей.	Бобылей.
Въ Симбирскомъ у. .	53,4%	17,2%	29,4%
Въ Закамской линіи .	64,2%	—	35,8%

Бунтъ Разина, набѣги инородцевъ, неурожаи, но особенно возрастаніе податей и раздача дворцовыхъ и черныхъ

земель въ вотчины, сократили, съ одной стороны приливъ населенія сюда, съ другой, создали даже его отливъ.

Крестьяне отсюда начинаютъ продвигаться на югъ, въ сѣверную часть Саратовской губ., которая была пустынной вплоть до проведенія сызрано-пензенской оборонительной черты въ 1681—5 г.г. Первыя поселенія въ Хвалынскомъ, Вольскомъ, Петровскомъ, Сердобскомъ уѣздахъ встрѣчаются по документамъ не ранѣе 1682 года[1]). До построенія черты, въ этой части средняго поволжья господствовалъ *до*-земледѣльческій фазисъ: изъ Тамбовской губ. сюда являлись промышленники на различные „ухожаи": бортные, рыбные, звѣриные, которые со всѣми угодьями по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ, съ крестьянами дворцовыхъ селъ Конобѣева и др. Шацкаго уѣзда всего около полумилліона десятинъ были пожалованы въ 1691 году боярину Льву Кирилловичу Нарышкину. Такимъ образомъ, этотъ край входитъ въ земледѣльческій фазисъ уже съ тѣми характерными чертами въ распредѣленіи земли, которыя отмѣчаютъ слѣдующую эпоху— фаворитизма и концентраціи землевладѣнія. Къ императорско-дворянской эпохѣ относится и колонизація юга Воронежской и Пензенской губ. Путешественникъ Авриль не встрѣтилъ въ 1687 году, проѣхавъ отъ Царицына на Саратовъ и Пензу, ни малѣйшаго признака осѣдлыхъ поселеній.

Изъ вышесказаннаго видно, что быстрое развитіе сельскаго хозяйства въ степи и Поволжьи объясняется, помимо притока населенія а) свободнымъ положеніемъ крестьянъ и болѣе значительнымъ размѣромъ ихъ запашекъ, б) небольшой величиной служилаго землевладѣнія, демократическимъ составомъ этого класса и тѣмъ, что онъ своимъ трудомъ принималъ непосредственное участіе въ производствѣ. Надо еще добавить, что казна, по разсчету Ключевскаго за 1555—90 г.г. перевела на среднюю Оку и далѣе на югъ, въ видѣ жалованія служилымъ людямъ, около 43 милліоновъ на наши деньги, да за вторую линію—въ губерніи Курскую, Тамбовскую, Воронежскую около половины этой суммы. „Изъ этого денежнаго фонда, столь значительнаго для тогдашняго московскаго бюджета, заокскіе помѣщики устрояли на дикомъ полѣ свои усады съ 20, 30, 60, 75, 80 десят. усадебной земли, на которой сажали и обзаводили деревни пришлыхъ крестьянъ изъ людей неписьменныхъ и „нетяглыхъ". (Курсъ II, 306).

Теперь намъ ясно, насколько неправильно было мнѣніе г. Рожкова, что сельско-хозяйственный кризисъ въ центрѣ объясняется сокращеніемъ размѣровъ помѣстья. Наоборотъ,

[1]) См. Чекалинъ. Саратовское поволжье до конца XVII в.

именно малые размѣры, трудъ самихъ хозяевъ и лучшее положеніе крестьянъ, вотъ что позволило земледѣльцамъ степной украины не только догнать, но и перегнать земледѣліе старыхъ областей.

Господствующимъ типомъ хозяйства, какъ и землевладѣнія, было мелкое и у помѣщиковъ, по величинѣ, мало чѣмъ отличавшееся отъ крестьянскаго, что доказывается количествомъ скота, приходящагося на одно хозяйство.

Въ среднемъ на одно хозяйство приходилось:

	У служил. клас.		У дворц. кр. (Бѣлгород. уѣзда).	У дворц. кр. въ Замоск. (Бѣжецк. у.).
	Русскихъ.	Черкасъ.		
Лошадей (раб. скота).	3,6	2,7	2,9	1,8
Коровъ. . .	1,8	0,9	2,7	2,8
Овецъ . . .	5,4	2,4	8,0	2,6
Свиней . . .	5,8	1,6	7,7	2,6

Впрочемъ, надо помнить, что эти крестьяне принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ. Крупными сельскими хозяевами являлись только нѣкоторые монастыри (особенно въ Поволжьи), немногіе помѣщики и казенныя имѣнія. Въ степи, во второй половинѣ столѣтія, появляется новый типъ крупнаго помѣщичьяго хозяйства малороссійскаго происхожденія, „но этотъ типъ еще только *нарождается*, въ то время достигая гораздо большей степени развитія въ XVIII вѣкѣ, когда масса малороссійскаго населенія, жившаго на чужихъ земляхъ „повольно", была обращена въ крѣпостныхъ". (Миклашевскій стр. 211).

Благодаря работѣ г. Миклашевскаго, мы можемъ впервые получить довольно полное представленіе объ экономической неоднородности слоевъ, какъ у служилыхъ людей, такъ и у крестьянъ.

	% хозяйствъ.				
	Безъ раб. скот.	Съ 1 гол.	2—3.	4—5.	6 и бол.
Русскихъ переведенцевъ (служилыхъ).	0,2	5,2	57,7	28,8	8,4
Черкасъ . .	7,2	32,1	34,9	14,8	10,1
Крестьянъ . .	2,5	11,9	47,8	26,7	11,1

Сравнительно съ современными данными, которыя указываютъ, что у насъ дворовъ безъ рабочихъ лошадей чуть ли не третья часть, эти цифры указываютъ на такъ называемую „подвижку вверхъ", т. е. на болѣе высокій уровень благосостоянія. Но не надо забывать, что это—правительственные переселенцы (и черкасы, указанные здѣсь были тоже „сведенцами"), выбранные „нарочито" изъ людей „прожиточныхъ" и „семьянистыхъ". „Было бы очень опрометчиво

заключать, говоритъ г. Миклашевскій, что все населеніе, добровольно или невольно являвшееся на окраину, „на вѣчное житье“, было также состоятельно, какъ то, свѣдѣнія о которомъ мы приводимъ выше. Въ памятникахъ постоянно встрѣчаются извѣстія, что верставшіеся въ службу „охочіе“ и вольные люди даже изъ дѣтей боярскихъ „бѣдны, пѣши и безконны“ (стр. 211). Образецъ такого бѣднаго населенія г. Миклашевскій встрѣчаетъ въ „описныхъ книгахъ дворамъ и пожиткамъ за укрывательства отъ разбору“ (1709 г.).

Въ этой группѣ % дворовъ:

Безлошадныхъ.	Съ 1 лош.	2—3.	4—5.	6 и бол.
15,8%	41,2%	37,2	3,9	1,9

Въ томъ же году были отысканы „нѣтчики“ и бѣглецы изъ полковъ, экономическое положеніе которыхъ было такимъ же:

Безлошадныхъ.	Съ 1 лош.	2—3.	4—5.	6 и бол.
15,1	57,6%	24,3%	3,0%	0,0%

Намъ кажется, что мы получимъ болѣе близкое къ дѣйствительности представленіе объ экономическомъ положеніи всей массы населенія, если попробуемъ вывести среднее ариѳметическое изъ всѣхъ пяти указанныхъ группъ, которое будетъ таково:

Низшій слой (безлошадн. и съ 1 лош.) .	42,3%
Средній (2—3 лош.)	38,8%
Высшій (4 лош. и болѣе) . . .	18,9%

По земско-статистическимъ переписямъ въ 92 уѣздахъ 19 губ. было (80-е—90-е г.г. XIX в.).

Безлошадн. и однолошадн. .	64,4%
2—3 лошад.	29,8%
4 и болѣе.	5,8%

Подвижка внизъ съ тѣхъ поръ, очевидно, произошла: особенно сократился верхній слой—многолошадныхъ т. е. такъ называемой „мелкой буржуазіи“, уменьшившійся относительно втрое.

Благодаря тому, что г. Миклашевскій приложилъ къ своей работѣ подворныя таблицы, мы могли подсчитать, какія *доли* средствъ производства сосредоточиваются въ рукахъ различныхъ слоевъ. Нашъ подсчетъ далъ слѣдующіе результаты:

	Крестьяне (дворц.).			Бѣломѣстн. казаки.		
	Безлош. и 1 л.	2—3.	4 и болѣе.	Безлош. и 1 л.	2—3.	4 и болѣе.
% дворовъ . .	14,9	47,3	37,8	10,9	44,0	45,1
У нихъ раб. скота.	3,9	36,3	59,8	2,2	33,2	64,6
% посѣвн. площ. .	9,8	45,1	45,1	—	—	—
% коровъ . .	7,8	40,5	51,7	2,4	40,6	57,0
Овецъ . . .	7,3	43,5	49,2	2,1	31,7	66,2
Свиней . .	8,0	43,2	48,8	1,4	37,9	60,7
Ульевъ . .	0,1	31,8	68,1	—	—	—

Несмотря на то, что сведенцы представляли изъ себя искусственно подобранный, сравнительно, однородный составъ населенія, мы видимъ довольно значительную дифференціацію средствъ производства, большая половина которыхъ сосредоточивается въ рукахъ многолошадныхъ дворовъ: и этого факта достаточно, чтобы подорвать иллюзію объ экономической однородности древняго „патріархальнаго“ крестьянства. Въ настоящее время, какъ увидимъ въ послѣдней главѣ, верхніе слои не концентрируютъ у себя и пятой доли средствъ производства[1]).

§ 4. **Производство и распредѣленіе земли на сѣверѣ.**

Въ удѣльную эпоху населеніе передвигалось изъ центра только на сѣверъ; въ московскую—сюда притекали только жиденькія струйки могучаго колонизаціоннаго потока, который проложилъ себѣ русло въ совершенно противоположномъ направленіи. Благодаря этому, благодаря суровости климата и ничтожному количеству удобныхъ земель, сѣверный край оставался лѣснымъ. Въ XVI вѣкѣ лѣса составляли только 97,2% записанныхъ въ писцовыя книги земель, сѣнокосы—0,1%, а пашня всего—2,7%.

Изъ сѣверныхъ мѣстностей, ближайшихъ къ центру и изъ самаго центра въ теченіе XVI вѣка населеніе продвигалось все далѣе на сѣверъ и на востокъ въ Вологодскую

[1]) Въ заключеніе нашего краткаго изложенія эволюціи производства и распредѣленія въ новыхъ раіонахъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшую выписку изъ соч. г. Миклашевскаго относительно урожайности: на елецкой государевой пашнѣ съ 1616 по 1698 г.г. средній урожай ржи былъ „самъ“ 2,2, овса—самъ 1,1. Въ продолженіе этихъ 19 лѣтъ изъ 82, свѣдѣнія о которыхъ имѣлись у г. Миклашевскаго относительно, только одинъ разъ урожай ржи равнялся самъ 5,6. „Пусть, говоритъ г. Миклашевскій, урожаи въ казенномъ хозяйствѣ были вдвое или даже втрое ниже чѣмъ въ хозяйствѣ частныхъ лицъ, т. к. казенное хозяйство могло быть ведено очень небрежно. Тѣмъ не менѣе все таки приходится предполагать, что урожайность въ XVII столѣтіи была нисколько не выше, какъ то думаютъ, нѣкоторые, а даже *ниже*, чѣмъ въ настоящее время“ (стр. 232).

и Архангельскую губерніи, а затѣмъ въ Пермскую и Вятскую. Всю громадную сѣверную область, въ отношеніи къ колонизаціи, можно было раздѣлить на двѣ части: юго-западную, пустѣвшую, какъ московскій центръ и сѣверо-восточную, наполнявшуюся на подобіе юга, хотя, конечно, не такъ интенсивно. Это видно, напримѣръ, изъ данныхъ обонежской пятины, гдѣ въ концѣ XVI вѣка было:

	Деревень.	Починковъ.	Пустошей.
Въ сѣверо-восточн. половин. (заонежской) . . .	47,2%	0,8%	52,0%
Юго-западной (нагорной) .	10,9%	0,02%	89,08%

Въ XVII столѣтіи населеніе передвигается далѣе на востокъ „изъ центральныхъ старинныхъ уѣздовъ поморья во вновь заселяющіеся Вятскій и Пермскій край“[1]).

Такъ въ Соликамскомъ уѣздѣ (Пермскаго края) населеніе съ 1620 г. до 1640 г. увеличилось на 157%, а къ 70 г.г. на 395%, въ Чердынскомъ—за 40-е—70-е г.г. на 80%; въ ближайшихъ къ поморскому центру уѣздахъ ростъ населенія уже слабѣе: въ Яренскомъ на 30%, Устюжскомъ—на 19%, въ устьянскихъ волостяхъ на 5% (за 20-е—7-е г.г.). Наконецъ, въ самомъ центрѣ—въ у.у. Двинскомъ, Тотемскомъ Сольвычегодскомъ за это время наблюдается убыль населенія на 5%, 13% и 18%.

Такимъ образомъ, въ сѣверной области происходитъ процессъ передвиженія населенія, аналогичный тому, который происходилъ въ восточной части Россіи: изъ ранѣе заселенныхъ центральныхъ мѣстностей населеніе передвигается въ новые пустынные и болѣе плодородные края. Передвиженіе это въ XVI вѣкѣ, когда оно охватывало, сравнительно, незначительный раіонъ, зависѣло отъ той же причины, какъ и эмиграція въ центрѣ—отъ роста помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія въ юго-западномъ углу края.

Въ обонежской пятинѣ изъ 100 дес. пашни принадлежало:

	Помѣстьямъ.	Духовенству.	Черным., своезем. и дворц. землямъ.
Въ 1565—6 г.г. . .	5,1	20,4	74,5
Въ 1582—3 г.г. . .	50,1	30,8	19,1

Параллельно съ раздачей черныхъ земель въ помѣстья и духовенству, здѣсь шелъ процессъ укрупнѣнія помѣстныхъ владѣній:

	% пашни.		
	Въ имѣніяхъ свыше 475 дес.	150—475 д.	Меньше 150 д.
Въ 1565—6 г.г. . .	0,0	27,2	72,8
Въ 1582—3 г.г. . .	18,1	59,8	22,1

[1]) М. Богословскій земское самоуправленіе на рус. сѣверѣ въ XVII вѣкѣ стр. 130.

За 17—18 лѣтъ мелкопомѣстное землевладѣніе сократилось относительно болѣе чѣмъ втрое; въ результатѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ обонежской пятины произошелъ такой же переворотъ, какой мы видѣли въ Замосковьи и Новгородской области:

Изъ 100 десятинъ пашни было.

	Паханой.	Наѣзда и перелога.
Въ 1565—6 г.г. . . .	86,7	13,3
Въ 1582—3 г.г. . . .	16,5	83,5

Еще разъ мы видимъ, какъ далекъ отъ истины былъ г. Рожковъ, когда паденіе сельскаго хозяйства приписывалъ (хотя отчасти) измельчанію землевладѣнія.

Но ни помѣстное, ни другіе виды частнаго землевладѣнія не играли почти на всемъ остальномъ сѣверѣ какой-либо замѣтной роли. По даннымъ, приведеннымъ г. Богословскимъ, крестьянскіе дворы по различнымъ видамъ землевладѣнія распредѣлялись такъ:

	Черныхъ.	Духовенства.	Частн. владѣл.
Въ 1620-хъ г.г. .	87,1	7,4	5,5
Въ 1670-хъ г.г. .	81,2	11,2	7,6

Частное землевладѣніе свѣтскихъ лицъ почти цѣликомъ сосредоточивалось въ Соликамскомъ уѣздѣ—царствѣ именитыхъ купцовъ Строгановыхъ. Въ остальныхъ уѣздахъ частнымъ владѣльцамъ принадлежала небольшая горсточка дворовъ.

Точно также и землевладѣніе духовенства, судя по этой табличкѣ, не было особенно значительнымъ. Надъ всѣми видами землевладѣнія господствовали черныя земли, (дворцовыя были только въ Вятскомъ уѣздѣ).

Быть можетъ, благодаря этому, не смотря на крайнюю рѣдкость населенія, мы видимъ здѣсь довольно быструю эволюцію сельскаго хозяйства. Въ 1623 году въ 3-хъ волостяхъ Кеврольскаго уѣзда было 97,5% паханой пашни и только 2,5% перелога. „А пашенныхъ лѣсовъ у нихъ нѣтъ“, постоянно повторяется въ писцовыхъ книгахъ того времени. Въ XVII столѣтіи, повидимому, трехполье занимало видное мѣсто: „но трехпольное хозяйство не вытѣснило совсѣмъ подсѣчной системы, послѣдняя продолжаетъ держаться рядомъ съ нимъ, а въ иныхъ, мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Заонежскомъ краѣ, все еще господствовало надъ нимъ. (Богословскій стр. 168). Несмотря на кажущееся обиліе земель, удобныхъ для распашки было очень мало, да и ихъ надо было выкорчевать изъ подъ лѣса, освободить отъ валуновъ и постоянно удобрять золой и навозомъ. Все это создавало, какъ и теперь на сѣверѣ, ничтожные размѣры запашекъ.

Крестьянская запашка въ XVI вѣкѣ на помѣстныхъ земляхъ составляла 3,3 десятины (въ трехъ поляхъ) на дворъ, на черныхъ—4,4 дес. Въ теченіе XVII вѣка она растетъ въ Кеврольскомъ уѣздѣ.

Въ 1587 г. . . . 2,1 дес.
Въ 1623 г. . . . 3,3 дес.
Въ 1686 г. . . . 5,3 дес.

Впрочемъ. увеличеніе запашекъ въ 1686 году отчасти объясняется *укрупненіемъ семейнаго состава двора*—явленіемъ общимъ для всей Россіи въ концѣ XVII вѣка и зависящимъ отъ перевода правительствомъ обложенія съ земли на дворъ. Въ крестьянскомъ дворѣ работниковъ м. п. въ 1623 г. было 1,7 человѣкъ, въ 1686 г. 2,2 чел. На одного работника пашни приходилось: въ 1623 г. 2,0 дес., въ 1686 г. 2,4 дес.

Въ Устюжскомъ уѣздѣ, наоборотъ, пашня на дворъ сокращалась почти вдвое. Въ Черевковской волости на 1 дворъ было:

Въ 1623 г. . . . 7,3 дес.
Въ 1686 г. . . . 4,0 дес.

Въ Кивокурскомъ станѣ:

Въ 1623 г. . . . 7,2 дес.
Въ 1686 г. . . . 3,6 дес.

На Устюжскомъ уѣздѣ наиболѣе отразились послѣдствія сплошныхъ неурожаевъ 1639—45 г.г., когда даже изъ Кевролы и Мезени ушло 51% населенія и 9% вымерло. И тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что сѣверная область была, по преимуществу, крестьянской, несмотря на ничтожные размѣры запашекъ, здѣсь, какъ и всюду, мы встрѣчаемъ слѣды довольно значительнаго разслоенія въ крестьянской массѣ, какъ по имущественному положенію вообще, такъ и по земледѣльческому хозяйству въ частности.

По имущественному положенію трудовое сельское населеніе сѣвера дѣлилось на три класса: крестьянъ, половниковъ и бобылей. Крестьянами назывались земледѣльцы, сидѣвшіе, по преимуществу, на черной землѣ, и смотрѣвшіе на тѣ доли земли, которыми они пользовались, какъ на свои собственныя вотчины; они передавали землю по наслѣдству, закладывали, продавали, обмѣнивали,—словомъ, пользовались фактически всѣми правами частной собственности. „Половникъ рядится на чужую землю; это просто рабочій, обрабатывающій чужую землю на извѣстныхъ условіяхъ, и участокъ, на которомъ онъ работаетъ, для него все время остается чужимъ, онъ не можетъ имъ распоряжаться. Главную массу половниковъ мы находимъ на церковныхъ и на частно-

владѣльческихъ земляхъ... но мы ихъ встрѣчаемъ также и у простыхъ черносошныхъ крестьянъ, поряжавшихъ ихъ работать на свои деревенскіе участки".

„Половникъ нанимался на годъ, на два, на три и работалъ изъ доли урожая, причемъ эти доли были различны и половина урожая, за вычетомъ сѣмянъ, была не единственнымъ условіемъ половническаго договора". (Богословскій стр. 133—4). Такимъ образомъ, половники—это безземельные арендаторы.

Третій классъ—бобыли, по большей части,—не пашенные тяглые люди, жившіе въ своихъ дворахъ, ютившіеся, какъ и въ московскомъ центрѣ, возлѣ церкви на погостѣ. Занятіе бобылей—ремесла и батрачество. Иногда бобыли жили на чужихъ дворахъ батраками, тамъ же жили и подворники, подсусѣдники, захребетники—крестьянскій пролетаріатъ.

Численное отношеніе между этими тремя группами было было таково:

Изъ 100 дворовъ было:

	Крестьянскихъ.	Бобылей.	Половниковъ.
А. На черныхъ земляхъ.			
Въ 1620-хъ г.г.	94,1	2,6	3,3
Въ 1640-хъ г.г.	86,7	13,2	0,1
Въ 1670-хъ г.г.	85,3	9,1	5,6
Б. На земляхъ духовенства.			
Въ 1620-хъ г.г.	68,0	7,8	24,2
Въ 1640-хъ г.г.	66,7	16,0	17,3
Въ 1670-хъ г.г.	49,3	13,9	36,8
В. На земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ.			
Въ 1640-хъ г.г.	92,5	6,9	0,6
Въ 1670-хъ г.г.	79,4	9,3	11,3
На земляхъ всѣхъ категорій.			
Въ 1620-хъ г.г.	90,7	2,8	6,5
Въ 1640-хъ г.г.	84,3	13,2	2,5
Въ 1670-хъ г.г.	80,5	10,4	9,1

Въ началѣ XVII вѣка мы видимъ на этой таблицѣ большую однородность трудовой массы: пролетарскія группы бобылей и половниковъ въ 1640 г.г. охватываютъ только 9,3% всего населенія; наименьшее количество ихъ наблюдается на черныхъ земляхъ—всего 5,9% наибольшее на земляхъ духовенства—32%. Въ Московской области въ 1620-хъ г.г. однихъ бобылей было больше 40%: это будетъ понятно, если припомнить, что московская область цѣликомъ перешла во владѣніе свѣтскихъ помѣщиковъ и духовенства, что и создало массовое обѣдненіе населенія. Такой же процессъ, повидимому, могъ бы произойти и на сѣверѣ, если бы здѣсь

черныя земли перешли въ руки господствующихъ классовъ. Но этого не случилось; и, тѣмъ не менѣе, въ XVII вѣкѣ происходитъ, повидимому, дальнѣйшее разслоеніе массы, при чемъ процентъ бобылей за 50 лѣтъ (отъ 20-хъ до 70-хъ г.г.) подымается съ 2,8 до 10,4%, а половниковъ съ 6,5 до 9,1%.

На развитіе дифференціаціи указываютъ также и приводимыя г. Ивановымъ чрезвычайно любопытныя данныя группировки дворовъ по посѣвной площади въ Кеврольскомъ уѣздѣ, подобныхъ которымъ мы почти не имѣемъ въ исторической литературѣ.

Для полноты сравненія, къ посѣвнымъ группамъ мы прибавили безпосѣвныхъ бобылей. Сравнивая эти группировки съ современными, подходящими по типу данными земской переписи 1900 г. по Грязовецкому уѣзду Вологодской губерніи, мы получаемъ:

	% дворовъ.				
	Безпосѣвн.	До 2 десят.	2—3.	3—6.	Св. 6 десят.
Кеврольск. у. 1623 г.	9,7	37,7	28,7	23,2	0,7
„ 1686 г.	10,0	29,4	26,3	29,4	4,9
Грязовецк. у. 1900 г.	6,2	36,9	28,4	26,9	1,6

Если такое сравненіе допустимо, то мы можемъ сказать, что въ древнюю эпоху крестьянство по посѣвамъ было болѣе разслоено на сѣверѣ, чѣмъ теперь. Эта разслоенность, особенно замѣтная въ 1686 году, касалась не только всего разсмотрѣннаго г Ивановымъ раіона—она наблюдалась и въ отдѣльныхъ деревняхъ, несмотря на то, что размѣръ сѣверныхъ деревень и тогда и теперь былъ ничтожнымъ. Средній размѣръ деревни на сѣверѣ въ концѣ XVI вѣка равнялся 2,6 дворамъ.

Въ Кеврольскомъ уѣздѣ было:

	% ко всѣмъ деревнямъ.	Въ томъ числѣ съ неравными запашками.
Деревень изъ 2-хъ дворовъ.	25,0	54,2
„ „ 3-хъ „	25,4	80,9
„ „ 4-хъ „	13,8	93,4
„ „ 5-ти „	11,4	100
„ „ 6-ти „	7,8	100
„ „ 7-ми 15 двор.	16,6	100

Только въ 17,1% всѣхъ деревень и, какъ видно изъ этой таблички, лишь въ 2—4 дворныхъ деревняхъ встрѣчались равные пахатные участки. Чѣмъ крупнѣе деревня, тѣмъ менѣе въ ней было равенства между участками. Въ 1623 году минимумъ пахотнаго участка относился къ максимуму, какъ 1:18:19; въ 1686 г. уже какъ 1:29; 1:33; 1:44

и 1:80; даже въ такихъ маленькихъ поселеніяхъ максимальные участки превосходили минимальные въ 44 и 80 разъ.

Всѣ эти цифры указываютъ, что между 20 и 70-ми г.г. на сѣверѣ происходитъ процессъ разложенія крестьянства, его пролетаризація и капитализація. „Переписныя книги конца столѣтія отмѣчаютъ значительное экономическое разложеніе сельской массы и въ то время, какъ одни крестьяне щеголяютъ атласными шапками и однорядками, другіе, также дворохозяева, значатся тамъ въ рубрикѣ нищихъ“ или „ходящихъ по міру“. (Богословскій стр. 152).

На это разслоеніе вліяли многія причины: разложеніе стариннаго родового быта и землепользованія, развитіе промысловъ, неурожаи, усиленная мобилизація земли и т. д.: наиболѣе важныя изъ этихъ причинъ—*разложеніе родового быта*, который еще трансформировался на сѣверѣ въ это время въ складническій союзъ, тогда какъ въ центрѣ слѣды его исчезли еще въ удѣльную эпоху. Такая задержка формъ быта находилась въ связи съ отсталостью производства: на сѣверѣ и въ московскую эпоху во многихъ раіонахъ преобладало звѣроловство и рыболовство, которыя удобнѣе производить артелями. „Морскіе промыслы, которыми было занято прибрежное населеніе Поморья, были невозможны иначе, какъ въ формахъ коллективнаго труда. Такого же труда требовали и рыбныя ловли по большимъ рѣкамъ... Тоже, хотя, можетъ быть и въ меньшей степени, надо сказать и о земледѣліи на сѣверѣ съ расчисткой дремучаго лѣса и съ выкорчевываніемъ вѣковыхъ пней“. (Ibidem стр. 157). Вотъ почему тамъ долго еще сохраняется естественная артель—сложная семья или создается товарищество-сябринство или складничество.

Въ прежнее время, въ одномъ дворѣ или въ маленькой деревушкѣ изъ 2—4 дворовъ жила одна родственная группа: отецъ съ взрослыми семейными дѣтьми, дяди, племянники и посторонніе складники. Всѣ они владѣли недвижимостью сообща; иногда и движимое имущество было ихъ коллективной собственностью. „Свойственники иногда заключали даже договоръ о томъ, чтобы жити вмѣстѣ и пити и ясти вмѣстѣ“. (Ивановъ).

Но съ XV вѣка, по двинскимъ грамотамъ, начинаются семейные раздѣлы, зарождается индивидуальная собственность, вытѣсняющая коллективную собственность рода. На индивидуализацію земельной собственности, какъ и въ западномъ краѣ (что мы увидимъ въ слѣдующемъ §) вліяло развитіе земледѣлія и связаннаго съ нимъ личнаго права труда, особенно проявляющагося при захватной формѣ земле-

владѣнія. „На заимкахъ, росчистяхъ, требующихъ затраты особенно напряженнаго труда, вырабатывается право личной частной земельной собственности... Господствовавшая нѣкогда на сѣверѣ заимочная форма землепользованія и создала ту идею личной собственности, или, точнѣе, владѣнія, съ которой мы встрѣчаемся въ Поморьѣ въ XVI—XVII в.в.". (Богословскій стр. 170). И всюду, при первобытной переложной системѣ экстенсивнаго земледѣлія и при медленной трансформаціи ея въ трехполье, происходитъ разложеніе родового быта, смѣняющагося простой семьей и личной земельной собственностью; но этотъ процессъ индивидуализаціи продолжается до тѣхъ поръ, пока не начнетъ ощущаться земельная тѣснота. Тогда изъ подворнаго землепользованія вырастаетъ современная община.

Въ XVII столѣтіи мы наблюдаемъ на сѣверѣ первоначальную стадію процесса—*индивидуализацію земельной собственности*, проявляющуюся въ семейныхъ и складническихъ передѣлахъ.

Передѣлы на сѣверѣ въ эту эпоху не имѣли ничего общаго съ современными передѣлами въ общинѣ: это было просто выдѣленіе отдѣльнымъ членамъ семьи или складническаго союза той доли, на которую они имѣли право. Такъ какъ эти доли были неравномѣрны, то такіе передѣлы и производили разслоенность въ землепользованіи.

Сильно вліяли на индивидуализацію землевладѣнія и неурожаи заставившіе убѣжать въ Кеврольскомъ уѣздѣ половину населенія; на ихъ мѣсто пришли другіе, купили или взяли въ закладъ поземельные участки ушедшихъ. „Мобилизація земли... влекла цѣлый рядъ послѣдствій, увеличеніе неравенства, значительную прожиточность, рядомъ съ обезземеленіемъ... Земля перестала быть предметомъ натуральнаго хозяйства, сдѣлавшись предметомъ торговаго оборота". (Ивановъ стр. 31).

Другой факторъ, вліявшій на индивидуализацію земельной собственности и на дифференціацію—*внѣшняя торговля*, сильно развившаяся на сѣверѣ въ Московскую эпоху, благодаря открытію бѣломорскаго тракта. „Всѣ торгово-промышленные пункты въ краѣ, за исключеніемъ развѣ Архангельскаго порта, держались на мѣстныхъ промыслахъ и питали свой торгъ продуктами мѣстной производительности. Эти продукты отличались значительнымъ разнообразіемъ и находили хорошій сбытъ и на внутреннемъ рынкѣ и за границу. Между ними главное мѣсто занимали мѣха, рыба и соль и далеко не главное—хлѣбъ. По условіямъ климата и почвы пашня и покосъ на сѣверѣ не вездѣ были возможны

и почти нигдѣ не были исключительнымъ видомъ хозяйственнаго труда. Вотъ почему, какъ ни малолюденъ былъ московскій сѣверъ, какъ ни мало было на немъ крупныхъ торгово-промышленныхъ поселеній, онъ всетаки имѣлъ характеръ *торгово-промышленнаго района*, сравнительно съ московскимъ земледѣльческимъ югомъ... При постоянныхъ недородахъ и малой урожайности, земледѣліе на сѣверѣ оправдывалось только необходимостью: разобщенные между собою, удаленные отъ крупныхъ рынковъ сѣверные поселяне не могли разсчитывать на правильный подвозъ хлѣба съ юга, на возможность скорой и удобной мѣны на хлѣбъ того товара, которымъ они бывали богаты. Такъ обстоятельства создавали жителю Поморья двойственную физіономію—промышленника и земледѣльца, пахаря и въ то же время солевара, рыболова, звѣролова и т. п.". (Платоновъ стр. 17).

Торгово-промышленный классъ, какъ въ Новгородѣ въ удѣльную эпоху, богатѣя, становился землевладѣльцемъ. Скупая земли, капиталисты пользовались своими средствами, пуская ихъ въ оборотъ между крестьянами, нуждавшимися, какъ и въ Московскомъ центрѣ, въ кредитѣ. По словамъ командированнаго изъ Москвы дворянина Золотарева „зажиточные крестьяне разоряютъ и вытѣсняютъ бѣдняковъ изъ деревень кабалами и большими процентами, пріобрѣтеніемъ ихъ земельныхъ участковъ, скупкой деревень, даже и не обремененныхъ долгами, но хозяева которыхъ почему либо оскудѣютъ. Такой богатый „какъ похочетъ кого выжить и онъ не токмо что деревню всю купитъ--иной пять-шесть деревень купитъ мочью своею. А молодшій человѣкъ бѣдный, обрадуется многимъ деньгамъ, взявъ деньги, да и выбѣжитъ вонъ за море или въ иные куда городы. Да въ томъ, государь, въ твоихъ государевыхъ въ Заонежскихъ погостахъ и пустота чинится. А есть, государь, въ Заонежскихъ погостахъ прожиточные торговые люди солью и всякими товарами торгуютъ, ино, государь, мочно какому иному человѣку хотя половину погоста откупить и за росты участки къ себѣ всѣ взяти, а бѣдныхъ выживетъ всѣхъ вонъ и онъ останется по своей мочи одинъ на просторѣ". (Богословскій стр. 190).

Итакъ, разложеніе коллективнаго семейнаго и складническаго землевладѣнія и развитіе промысловъ, въ связи съ неурожайными годами, вотъ основные факторы, способствовавшіе на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ дифференціаціи и пролетаризаціи крестьянства. Развивается бобыльство и половничество изъ обезземеленныхъ элементовъ деревни. Тотъ фактъ, что число безземельныхъ увеличивается, указывалъ, что зе-

мельный захватъ началъ доходить до своихъ предѣловъ: удобныхъ, нетронутыхъ и легко доступныхъ обработкѣ земель стало мало. „При трудности новыхъ заимокъ, доступныхъ только крѣпкимъ хозяйствамъ, при все увеличивающейся по мѣрѣ роста населенія, тѣснотѣ на трехпольной пашнѣ, такія явленія возбуждали недовольство въ угнетенныхъ малосостоятельныхъ деревенскихъ элементахъ, которые и стремятся къ пересмотру и провѣркѣ землевладѣльческихъ правъ и къ приведенію въ соотвѣтствіе земельныхъ участковъ съ тягловыми нормами". (Ibidem). Это—то стремленіе и положило начало борьбѣ за уравнительные передѣлы, которая привела въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., при благосклонномъ содѣйствіи правительства, къ созданію современной общины, на началахъ земельнаго уравненія.

§ 5. Главнѣйшія черты эволюціи распредѣленія въ литовско-русскомъ государствѣ. Политическій феодализмъ. Разрушеніе общины.

Литовско-русское государство, слившееся въ XVI вѣкѣ съ Польшей, а въ XVII—XVIII в.в. вошедшее цѣликомъ въ составъ Россіи, дѣлится на три части: Литву, Западную Русь (Бѣлоруссію) и юго-западную—Кіевскую, Волынь, Подолію. Лучшая изъ этихъ частей, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ,—юго-западная, гдѣ когда то жили самыя культурныя славянскія племена—поляне и дулѣбы, оставалась (кромѣ Волыни и Подоліи) пустынной до XV в., т. е. до того времени, когда татары были оттѣснены въ глубину степи. Западная Русь населяется раньше—въ XIII вѣкѣ, а Литва, покрытая дремучими лѣсами, была всегда недоступна для внѣшнихъ враговъ, и здѣсь населеніе свободно развивалось съ первыхъ временъ литовской исторіи, которая началась гораздо раньше, чѣмъ исторія Руси. Тѣмъ не менѣе и здѣсь населеніе, благодаря лѣсамъ и болотамъ, осталось настолько рѣдкимъ, что до XIII вѣка преобладало звѣроловное хозяйство и бортничество и земледѣліе становится замѣтнымъ лишь въ концѣ XIII вѣка. Въ концѣ XIV вѣка „земледѣліе стало въ Литвѣ и Бѣлоруссіи главной отраслью народнаго труда"[1]). На Волыни и Подоліи, свободныхъ отъ татаръ, земледѣліе развивается какъ и въ Литвѣ съ XIII—XIV в.в., въ Кіевщинѣ только съ XIV вѣка. Въ западной и юго-западной части приливъ населенія, бѣжавшаго отъ татаръ изъ Поднѣпровья, создалъ быструю эволюцію и здѣсь въ XV вѣкѣ уже развивается трехпольный сѣвооборотъ. Въ одномъ документѣ 1446 года говорится:

1) Рожковъ. Обзоръ Русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія, ч. II вып. II, западная и юго-западная Русь.

„великій князь казалъ высокодворцамъ ходити на работу, орати на *паренину* два дни, а на яръ орати два дни, на паренину бороновати день, а на яръ бороновати день, жито жати два дни, а яръ жати два дни“[1]). Такимъ образомъ, эволюція сельскаго хозяйства въ литовско-русскомъ государствѣ, кромѣ его литовской части, начинается почти одновременно съ удѣльной сѣверо-восточной Русью, затѣмъ обгоняетъ ее, точно такъ же какъ обогнала ее степь. Съ XVI столѣтія земледѣліе развивается настолько, что создается значительный хлѣбный экспортъ въ западную Европу черезъ Данцигъ, Кенигсбергъ и Ригу. Кромѣ хлѣба, въ Европу, какъ и изъ удѣльной московской Руси, идутъ лѣсные матеріалы, медъ, воскъ, шкуры, мѣха. Благодаря тому, что московское государство удобно размѣстилось рядомъ съ Европой, торговля развивается также быстро, какъ нѣкогда въ кіевской Руси и развитіе внѣшней торговли подгоняетъ торговлю внутреннюю. Одинъ за другимъ выростаютъ города, въ которыхъ жители считаются тысячами и десятками тысячъ и внутреннія таможенныя пошлины только на протяженіи XVI вѣка даютъ увеличеніе въ шесть разъ.

Въ общемъ, эволюція сельско-хозяйственнаго производства, сравнительно съ таковой же въ коренной Россіи, находясь, въ однородныхъ приблизительно, природныхъ условіяхъ, (ровная поверхность, незначительныя отличія въ климатѣ, обиліе лѣсовъ), отличается только своимъ болѣе скорымъ темпомъ и усиленнымъ развитіемъ торговли; т. е. разница здѣсь *не въ формахъ, а въ темпѣ развитія.*

Поэтому, мы на ней и не будемъ останавливаться. Но въ *исторіи земельныхъ отношеній западной Руси* мы наблюдаемъ нѣкоторыя особенности, сближающія ее съ западноевропейской—именно значительно большую силу и значеніе дворянскаго класса, иначе говоря болѣе развитые элементы *политическаго феодализма.* Съ запада же были перенесены сюда и начала частной собственности на землю у крестьянъ, (волочная система) благодаря которымъ уничтожились зародышевыя формы земельной общины. Вотъ этими двумя особенностями мы преимущественно и займемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Своеобразная особенность соціально-политическаго строя литовско-русскаго государства создалась подъ сильнымъ вліяніемъ Польши, въ свою очередь заимствовавшей ихъ изъ Германіи. Причины этого двойного заимствованія, создавшаго такой рѣзко выраженный типъ

[1]) Особенно подогнала повсемѣстное развитіе трехполья волочная система (60-е г.г. XVI в.), согласно которой крестьянскія земли было велѣно „на волоки въ три поля размѣрити и поровнати“.

феодализма, что онъ повелъ за собой разложеніе и гибель польскаго государства лежатъ не столько въ экономическихъ условіяхъ западно-русскаго быта, сколько въ большомъ количествѣ и силѣ военно-служилыхъ господствующихъ классовъ, съумѣвшихъ подчинить себѣ королей, какъ нигдѣ въ Европѣ и направлявшихъ законъ и власть по своему усмотрѣнію. Полякамъ, еще на зарѣ ихъ исторіи, пришлось вести безпрерывную борьбу съ могущественными германскими княжествами и орденами. Эта борьба, по словамъ Антоновича,[1]) „раздѣлила древнюю общину на два сословія: военное и земледѣльческое и первое изъ нихъ немедленно обратило исключительно въ свою пользу всѣ политическія и гражданскія права, бывшія нѣкогда достояніемъ цѣлой общины". Изъ общины выдѣлился классъ рыцарей—„влодыкъ", составлявшій придворную княжескую дружину или живущій въ укрѣпленныхъ замкахъ, „городахъ" и оттуда управлявшій „кметями"—сельскимъ населеніемъ.

Рыцари получаютъ жалованіе и земельные участки, которые имъ обрабатываютъ рабы и кмети. На кметей возлагается еще рядъ другихъ повинностей, начиная съ содержанія „кормленія" княжескихъ служащихъ и гарнизоновъ въ „городахъ" и кончая подводной повинностью и обязанностью участвовать въ княжеской охотѣ. Кмети не выдерживаютъ тягости рыцарскаго гнета и возстаютъ въ XI вѣкѣ; возстаніе было подавлено и въ результатѣ гнетъ еще усилился. Уже въ XII вѣкѣ, всѣ повинности, которыя несли кмети въ пользу государя: десятины, подводы, сторожевая служба и т. п. шляхта захватила въ свои руки. Этому способствуетъ дробленіе Польши на удѣлы. Въ XVI столѣтіи Казиміръ Великій заканчиваетъ удѣльный польскій періодъ объединеніемъ Польши. Преемникъ его Людовикъ, однако, подпадаетъ подъ власть сорганизовавшейся шляхты, которая согласилась обезпечить престолъ за его потомствомъ подъ условіемъ уступить навсегда въ пользу шляхты подати, платимыя крестьянами въ казну (10 грошей съ лана изъ 12; въ пользу казны оставалось лишь 2 гроша). Но т. к. рыцарь-помѣщикъ былъ и судьей своихъ крестьянъ, то онъ могъ увеличивать подати по своему произволу.

Въ XVI вѣкѣ крестьяне окончательно теряютъ всѣ права собственности на землю[2]), а въ 1520 году вполнѣ воцаряется крѣпостное право. Вмѣстѣ съ развитіемъ соціальнаго феодализма, польская шляхта пріобрѣтаетъ и политическія

[1]) См. архивъ юго-западной Россіи ч. VI т. II 1869 г.

[2]) *И. Л. Горемыкинъ.* Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ.

права—„привилеи“, которыя послужили могучей приманкой для шляхты литовской и западно-русской. Въ концѣ концовъ, короли оказываются вполнѣ въ ихъ рукахъ и создается олигархическая республика, „Рѣчи посполитой“. Нѣсколько иначе шла эволюція господствующихъ классовъ въ Западной Руси. Правда въ Галиціи „благодаря заимкѣ свободныхъ земель, покупкамъ у крестьянъ и княжескимъ пожалованіямъ уже въ XIII в. образовалось крупное боярское землевладѣніе“ (Рожковъ), однако въ началѣ западно-русской исторіи особеннаго приниженія крестьянъ и возвышенія шляхты еще не замѣтно. Но со второй половины XIII в., литовскіе князья, тѣснимые съ запада нѣмецкими орденами, двигаются на западную Русь, ослабѣвшую отъ татарскаго нашествія и удѣльныхъ усобицъ и овладѣваютъ огромными пространствами ея земель. Они раздаютъ ее то большими удѣлами меньшимъ князьямъ литовскимъ и русскимъ, то болѣе мелкими участками-боярамъ—земянамъ, наконецъ, сельскимъ и городскимъ общинамъ и мелкимъ землевладѣльцамъ (панцырнымъ и путнымъ боярамъ—нѣчто въ родѣ нашихъ земцевъ). Этимъ создается институтъ крупнаго землевладѣнія. Въ XV в. на всемъ протяженіи государства, кромѣ лѣваго берега Днѣпра, произошло обезземеленіе крестьянства и развитіе землевладѣнія великокняжескаго, княжескаго, панскаго, боярскаго, земянскаго и церковнаго (монастырскаго, архіерейскаго и церковнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. собственно приходскихъ церквей“. (Рожковъ стр. 21). Среди землевладѣльцевъ были князья и бояре, выставлявшіе по 153, 154, 170, 426, 433, 466, 621 и 768 ратниковъ каждый. Въ общемъ, самыя знатныя фамиліи въ 1528 г. выставляли 7190 конныхъ ратниковъ изъ 19526 всѣхъ, т. е. около 37%; можно предполагать, что не меньшій, если не большій процентъ всѣхъ земель сосредоточивался въ ихъ рукахъ.

Обезземеленіе крестьянъ и переходъ земель въ руки господствующихъ классовъ произошелъ такимъ же путемъ, какъ въ московской Руси. Уничтоживши удѣлы, литовскіе великіе князья, какъ и московскіе, создаютъ *помѣстную систему*. Но уже въ концѣ XV вѣка появляются наслѣдственныя помѣстья „до живота“, „до двухъ и до трехъ животовъ“, т. е. до смерти владѣльца, его сына и внука.

Въ XVI столѣтіи, какъ въ московской Руси въ XVII, помѣстья отвердѣваютъ въ „вотчины“ и пріобрѣтаютъ права полной частной собственности. Но есть и разница въ этомъ прогрессѣ: разница заключается въ томъ, что московскія помѣстья были средней величины, здѣсь же развивается

крупное землевладѣніе. Концентрація землевладѣнія усиленно возрастаетъ послѣ люблинской уніи и сліянія литовской и польской шляхты, изъ которой выдѣляется классъ магнатовъ, подчиняющій своему вліянію всю мелкопомѣстную шляхту.

Причину этой особенности мы видимъ въ томъ, что въ западной Руси не были уничтожены и сравнены съ остальными потомки удѣльныхъ князей и бояръ, значеніе которыхъ было стерто съ лица земли у насъ жестокой политикой Ивана Грознаго. Эти то потомки—князья и паны, сохранивъ значительную долю своихъ земель и своей власти, и явились впослѣдствіи главными кадрами аристократической олигархіи въ Рѣчи Посполитой.

Вполнѣ естественно, что, чѣмъ могущественнѣе былъ господствующій классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ шире были его политическія и соціальныя права—„привилеи“, тѣмъ приниженнѣе былъ классъ трудовыхъ земледѣльцевъ—крестьянъ, тѣмъ тяжелѣе былъ гнетъ повинностей, падавшихъ на нихъ. Въ XIV—XV столѣтіи, когда собственное помѣщичье хозяйство было еще слабо развито, когда литовскіе „паны“ еще не очень близко сошлись съ польскими и вліяніе польскихъ порядковъ еще не вполнѣ сказалось—повинности были не особенно тяжелы. Но съ XVI вѣка развивается торговля, хлѣбный экспортъ, развивается и крупное помѣщичье хозяйство: это, вмѣстѣ съ усилившимся вліяніемъ Польши, создаетъ переходъ съ оброка на барщину, при томъ въ ея тяжелыхъ формахъ (до 3—5 дней въ недѣлю), и въ 3-ей редакціи Литовскаго статута (1588 г.) —*окончательное закрѣпощеніе крестьянъ*. Закрѣпощеніе крестьянъ, до нѣкоторой степени шло такимъ же путемъ, какъ въ московской Руси: какъ тамъ, такъ и тутъ сначала закрѣпощались „отчичи“, крестьяне „засѣдѣлые“, „непохожіе“—разряды, соотвѣтственные московскимъ „старожильцамъ“, проживавшіе по многу лѣтъ на земляхъ одного и того же владѣльца и обремененные неоплатными долгами[1]). Другая причина—не имѣвшаяся въ московской Руси—обиліе плѣнныхъ „Благочестивые рыцари Христовы, уводя плѣнниковъ, обращали въ крѣпостное состояніе, ибо рабство не одобрялось церковью. Литовскіе варвары дѣлали тоже самое, уводя

[1]) „Укрѣпленіе крестьянъ (кромѣ немногихъ случаевъ) всегда основывалось на одномъ неизмѣнномъ началѣ долговой, или лучше сказать, хозяйственной зависимости. Въ этой хозяйственной зависимости кр-нъ отъ землевладѣльца нужно искать основную причину, или точнѣе ту почву, на которой возникло укрѣпленіе сельскихъ жителей какъ въ ю.-зап., такъ и въ вост. Руси“. Леонтовичъ. Кр-не юго-зап. Руси по литовскому праву XV—XVI стол. Кіевск. унив. изв. 1863 г. №№ 10—11.

и коренное населеніе Ливоніи и обратно своихъ же сородичей. Конечно и литовцы не лучшую долю готовили своимъ плѣнникамъ. Что плѣнъ велъ не только въ неволю, но и въ крѣпостное состояніе, показываетъ въ позднѣйшее время судьба плѣнныхъ татаръ или москвитянъ" (Довнаръ-Запольскій. Организація западно-русскаго крестьянства стр. 301). Можетъ быть поэтому, здѣсь формы крѣпостного права, выросшія на почвѣ плѣненія чужеземцевъ, были болѣе тяжелыми, чѣмъ въ московской Руси. Вообще, господствующіе классы въ Польшѣ и Литвѣ относились къ трудовой массѣ не какъ къ своимъ землякамъ, а какъ побѣдители къ побѣжденнымъ.

Нашъ краткій очеркъ эволюціи распредѣленія земли и организаціи классовъ указываетъ намъ, что между этой эволюціей и таковой же въ московской Руси есть и пункты сходства и пункты различія.

А) Сходство, какъ и всюду, выражается въ общихъ *родовыхъ* чертахъ. На зарѣ исторіи и Польши и Литвы, подъ вліяніемъ внѣшней борьбы выдѣляется военно-служилый классъ. Этотъ классъ овладѣваетъ сначала политическою властью, захватываетъ часть земель въ свои руки; возникаетъ удѣльно-феодальный періодъ. Казиміръ Великій въ Польшѣ, Витовтъ въ Литвѣ, покорившіе феодаловъ, производятъ „собираніе" своихъ государствъ. Какъ и московскіе цари, они раздаютъ земли въ помѣстья; какъ тамъ, такъ и тутъ, помѣстья отвердѣваютъ въ вотчины и развивается крѣпостное право.

Б) Но ни польскіе короли, ни литовскіе великіе князья не сломили покоренныхъ сеньоровъ—удѣльныхъ князей и пановъ. Опираясь на громадныя земельныя владѣнія, дававшія имъ средства и силы, паны въ эпоху сословной монархіи превращаютъ свои „сеймы"—аналогичные земскимъ соборамъ, не въ жалкія законосовѣщательныя учрежденія, какъ у насъ, а въ учредительныя собранія. Съ другой стороны, города въ западной Руси и Польшѣ не были такъ сильны, чтобы польскіе короли, подобно европейскимъ, могли опереться на нихъ въ борьбѣ съ панами, поэтому взамѣнъ абсолютной монархіи въ Рѣчи Посполитой возрождается *политическій феодализмъ*, и создается панская олигархія. А политическій феодализмъ ведетъ къ усиленному развитію феодализма соціальнаго. Вотъ почему, не только формы помѣщичьяго гнета въ западной Руси были сильнѣе, но и гибли недоразвитыя формы *крестьянскаго общиннаго землевладѣнія*. Къ нимъ мы теперь и переходимъ.

Въ теченіе XIII—XV вв., трудовыя массы западной Руси разбились на нѣсколько классовъ, изъ которыхъ составилось пять основныхъ группъ.

1) „Челядь невольная"—это холопы, рабы, частью изъ плѣнниковъ, частью купленные или наконецъ, осужденные въ рабство за уголовныя преступленія. Холопы, какъ и въ восточной Руси или работали на дворъ хозяина или сажались на пашню („паробки"), какъ наши „страдники" XV в. Въ послѣднемъ случаѣ они сближались съ тяглыми крестьянами и отбывали барщину (3 дня за 9 морговъ$=4\frac{1}{2}$ дес.).

2) Второй разрядъ—„коймины" или иначе, „отчичи", пригонные, дякольные люди. „Это были крестьяне отбывавшіе барщину; тяглые отчичи должны были ходить на господское дѣло съ серпомъ, косою, топоромъ. „Отчичъ крѣпокъ къ землѣ, почему поступаетъ въ продажу, въ раздѣлъ, по наслѣдству вмѣстѣ съ землею, на которой служитъ. Тяглый отчичъ не имѣетъ собственности (юридически, но не фактически")[1]). Разумѣется, онъ не можетъ уйти съ земли и господинъ можетъ искать его и его дѣтей неопредѣленное число лѣтъ. Конечно судъ, увеличеніе или уменьшеніе повинностей зависитъ отъ господина". Этотъ разрядъ въ составѣ двороваго населенія помѣщика являлся самымъ многочисленнымъ; впослѣдствіи всѣ остальные разряды были приведены къ этому одному знаменателю,—знаменателю крѣпостного права.

3) Ремесленники и люди другихъ спеціальныхъ службъ. Организація этихъ спеціальныхъ службъ, напоминавшихъ „бобровниковъ", „сокольниковъ", „конюховъ" и т. д. московской Руси, была очень сложной и разнообразной. На этой группѣ, какъ и на двухъ вышеуказанныхъ отразилось всемогущество военно-служилаго класса литовской Руси, сосредоточившаго всѣ эти группы вокругъ господскихъ дворовъ, „замковъ" и „градовъ". Двѣ послѣднихъ группы стояли *внѣ* двороваго населенія.

4) „Панцырные бояре" и „путники", мелкіе землевладѣльцы, ведущіе подобно нашимъ степнымъ „новоприборнымъ" владѣльцамъ помѣстій, хозяйство своими руками, мало чѣмъ отличавшееся отъ крестьянскаго, но въ то же время обязанные, какъ и прочіе помѣщики, военной службой. Панцырные бояре, впослѣдствіи, въ большинствѣ, также попали въ разрядъ крѣпостныхъ, чѣмъ ихъ служба и отличается отъ службы нашихъ однодворцевъ, оставшихся за государствомъ.

---

[1]) Довнаръ-Запольскій. Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ стр. 299.

5) Послѣдняя группа—*„данники“*. Данники—это крестьяне, которые не отбывали барщины, но вмѣсто нея платили „дань“ „медовую“ и „грошовую“ т. е. оброкъ деньгами и продуктами охоты, бортничества, земледѣлія. Данники—свободные крестьяне, потомки вольныхъ смердовъ кіевской Руси. Они не были вольными арендаторами: владѣніе ихъ, какъ и оброкъ—чиншъ было вѣчно-наслѣдственнымъ. Среди этой группы населенія, когда то бывшей наиболѣе многочисленной, но затѣмъ все болѣе и болѣе сокращавшейся, т. к. значительная часть данниковъ закрѣпощалась, превращалась въ тяглыхъ отчичей, мы и находимъ еще въ XVI вѣкѣ явственные слѣды общинной организаціи въ ея первобытной формѣ общины-волости. У нихъ сохраняется и старая семейно-родовая организація,—носившая спеціальное названіе „дворища“. Дворище аналогично хорвато-сербской задругѣ, сѣверно-русскому печищу, т. е. тѣмъ формамъ мелко-родового быта и землепользованія, которыя Ефименко, Леонтовичъ, Блюменфельдъ и др. изслѣдователи считали остатками основной формы хозяйства, господствовавшаго въ кіевскую эпоху русской исторіи.

Дворище—сложная семья—хозяйство, нѣсколько семействъ, связанныхъ родственными или товарищескими отношеніями, и владѣло первоначально сообща, какъ движимымъ имуществомъ, такъ и недвижимостью—землей. Однако, и въ московской Руси, подобно кіевской, единицей обложенія являлось не дворище, а „дымъ“. По словамъ Леонтовича[1]) дымъ былъ иногда составной частью дворища, иногда представлялъ такую же самостоятельную единицу поселенія, какъ и дворище. Но чаще—дымъ отдѣльная изба съ отдѣльной семьей и поэтому единица меньшая, чѣмъ дворище. До второй половины XVI вѣка дворище, т. е. группа дымовъ, владѣвшихъ сообща однимъ земельнымъ участкомъ со всѣми причитающимися угодьями, было распространено на территоріи данниковъ въ Польшѣ, на Волыни, въ правобережной кіевщинѣ, въ Подоліи и Подляхіи. Всѣ семьи, входившія въ составъ дворища, жили на одномъ общемъ дворѣ, но имѣли каждая особое жилище, при чемъ число ихъ, судя по писчей подати (грошъ съ дыма) было отъ 2-хъ до 40. Въ дворищѣ соединялись не только родственники: отцы, дѣды, взрослые дѣти, зятья, шурья со своими семьями, но и *чужеродцы*: „сябры“, „потужники“, спильники, половинники, пріймаки, участники, дольники, вытники, сосѣди, сумѣстники и т. д. Всѣ эти элементы, какъ и на нашемъ сѣверѣ, были совладѣльцами и сотрудниками въ общемъ хо-

[1]) См. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ.

зяйствѣ дворища. Земельныя владѣнія дворища, въ зависимости отъ различныхъ размѣровъ семейно-рабочаго состава, были очень разнообразны. Были дворища, имѣвшія менѣе одной волоки—до 14 морговъ (7 десятинъ) и были величиной въ 18 волокъ (342 дес.) пашни. Maximum превосходилъ minimum, по этимъ даннымъ, (1555 года) въ 50 разъ. Участки дворища почти никогда не лежали въ одномъ мѣстѣ, что было невозможно, прежде всего, вслѣдствіе разнообразія угодій. „За всѣми на все, зъ землею, зъ пашнею, зъ бобры, зъ лѣсы, зъ озеры, зъ ловы звѣриными и пташьими, яко ся тое дворище въ границахъ и обвиходехъ своихъ само въ себѣ маетъ, на которомъ дворищѣ человѣкъ на имя Шеакъ Сущъ". (1570 г.) Мѣста для охоты, рыболовства, бортничества, пашни, сѣнокоса, конечно, не могли скопиться на одномъ пунктѣ. Съ другой стороны, во многихъ мѣстахъ Литвы въ особенности въ Пинскомъ полѣсьѣ, земледѣліемъ можно было заниматься только на отдѣльныхъ прогалинахъ—островкахъ, благодаря чему и пахатныя угодья каждаго дворища состояли изъ множества разбросанныхъ лоскутовъ. Лѣсистая мѣстность, глинистая почва были пригодны лишь для небольшихъ запашекъ силами двухъ трехъ семей. Съ разростаніемъ ихъ, новыя поколѣнія, по необходимости, выдѣляются на другіе свободные островки, сколько нибудь пригодные для культуры. Поэтому, дворищныя поселенія не могли разростись до размѣровъ мало-мальски значительной деревни и въ Литвѣ въ XIV—XV вв. преобладаетъ хуторская форма поселеній, какъ въ кіевской Руси. Эта форма переходитъ въ XV—XVII вв. въ южно-русскую украину. „Изъ люстраціи кіевской земли около 1471 г. видно, что не только въ южныхъ, но и въ сѣверныхъ частяхъ этой земли, села того времени по большей части относятся къ типу хуторовъ. По люстраціи 1565 г., въ Подоліи лишь въ немногихъ селахъ числится до 40 человѣкъ, большинство состоитъ изъ одного, двухъ десятковъ, а нерѣдко и того меньше. Въ волынскихъ и полѣсскихъ инвентаряхъ также не рѣдко встрѣчались села изъ одного дворища съ однимъ или двумя жильцами". (Леонтовичъ). Необходимость жить разбросанными хуторами, которые не могли разростись до размѣровъ мало-мальски значительныхъ деревень, приводила къ неизбѣжности выселенія избыточнаго прироста изъ территоріи стараго дворища. При выселеніи происходили раздѣлы имущества. Между тѣмъ, выселенія должны были быть очень частыми. „При системѣ перемѣнныхъ лядинъ и перелоговъ, семьи не долго держались въ своемъ разросшемся составѣ. При истощеніи старой лядины и переходѣ на непочатую но-

вину, могъ также имѣть мѣсто раздѣлъ семьи. Она переходила на новыя лядины и перелоги не всегда въ прежнемъ своемъ составѣ, но иногда, волей неволей, должна была разсаживаться на новыхъ мѣстахъ, въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, особенно если новыя мѣста представляли незначительные островки, мало пригодные для земельной культуры и вообще, хозяйства въ прежнихъ размѣрахъ. Наконецъ, съ численнымъ разростаніемъ семьи, сидѣвшей на лѣсномъ обрубѣ или лядинѣ получался значительный запасъ рабочей силы". (Леонтовичъ стр. 113).

Крупная семья-задруга, вообще, при развитіи земледѣлія, должна была распадаться на свои составныя части. Причины этого не только тѣ, на которыя указываетъ г. Леонтовичъ. Дѣло въ томъ, что эта форма быта болѣе всего свойственна *до*-земледѣльческому фазису. При охотѣ, рыболовствѣ и другихъ до-земледѣльческихъ промыслахъ требуется *артельная* организація хозяйства съ большимъ, сравнительно, количествомъ рабочихъ рукъ. Напримѣръ, при охотѣ, большую роль играютъ облавы, при рыболовствѣ неводное и т. д. Точно также мелко-родовой бытъ держится и въ пастушескомъ хозяйствѣ. Но, когда земледѣліе вростаетъ въ хозяйство, вытѣсняя прежніе промыслы, оно начинаетъ раздроблять, индивидуализировать формы семьи. Вспомнимъ, какъ новгородцы опредѣляли соху-земельный участокъ: „соха—*одинъ* человѣкъ на лошади оретъ". Земледѣліе по самому своему существу, есть видъ производства, наиболѣе приспособленный для мелкихъ индивидуальныхъ формъ хозяйства. Общественныя запашки, возникающія, такъ сказать, по традиціи, при переходѣ съ *до*-земледѣльческихъ промысловъ на хлѣбопашество, быстро исчезаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь нѣтъ общаго хозяйства. Иванъ пашетъ одинъ участокъ, Петръ другой. Съ какой стати Иванъ будетъ дѣлиться съ Петромъ, если на участкѣ перваго, обработанномъ очень хорошо, хлѣбъ уродился самъ 10, а на участкѣ второго—и зерна не собрано. Такимъ путемъ, развитіе земледѣлія само по себѣ приводитъ повсюду къ разложенію древняго мелкородового быта, каковое явленіе мы наблюдаемъ вездѣ параллельно съ этимъ развитіемъ.

Мы говорили въ началѣ этого §, что въ XIV—XV вв. земледѣліе въ московской Руси развилось особенно быстро подъ вліяніемъ прилива населенія изъ запустѣлыхъ русскихъ областей. Этотъ приливъ населенія могъ также содѣйствовать разложенію дворища. Въ составъ дворища очень часто принимались для увеличенія силы рабочихъ рукъ, посторонніе элементы. „Обезземеленный человѣкъ, говоритъ

Владимірскій-Будановъ, блуждаетъ по территоріи государства и, ходя по чужимъ сторонамъ, тщетно ищетъ доли, нигдѣ онъ не можетъ подняться выше наймита, двороваго паробка.... Онъ не можетъ основать новаго хозяйства, не имѣя ни рабочаго скота, ни орудій. На выручку являются такія дворища, которыя, въ достаточной степени, снабжены имущественными средствами, но чувствуютъ недостатокъ рабочихъ силъ. Сюда, наконецъ, примыкаетъ бездомный и потомъ становится полноправнымъ совладѣльцемъ-собственникомъ".[1]).

А сдѣлавшись таковымъ, и предъявляя, при удобномъ случаѣ, свои владѣльческія права, онъ, какъ и у насъ „сябры", способствуетъ разложенію дворища.

Наконецъ, „разложеніе дворищъ вызывалось финансовыми интересами государства, именно стремленіемъ перевести обложеніе съ крупной единицы на *мелкую* и тѣмъ увеличить доходность государства; вмѣстѣ съ тѣмъ, государству и панамъ было желательно привести единицу обложенія къ предмету болѣе опредѣленному, не столь подвижному, именно къ дыму". (Владимірскій-Будановъ Ibid. стр. 373).

Итакъ, къ тому времени, когда земледѣліе не только окончательно развивается, но и начинаетъ обращать вниманіе пановъ, какъ выгодное дѣло (благодаря хлѣбному экспорту), дворище—эта архаическая форма крестьянскаго землевладѣнія, было значительно подорвано. Подорвана была и другая древняя форма—*волостная община*.

Владѣнія отдѣльныхъ дворищъ, какъ въ кіевской Руси и на сѣверѣ у черносошныхъ крестьянъ, были вкраплены въ территорію, принадлежавшую общинамъ-волостямъ. Всѣ земли волости разбивались на три категоріи: а) на принадлежавшую (т. е. освоенную) отдѣльнымъ дворищамъ или дымамъ; „это все-самостоятельные крестьянскіе участки, которые поступаютъ въ продажу, обмѣнъ, переходятъ по наслѣдству, отдаются въ закладъ и обмѣнъ". (Довнаръ Запольскій стр. 102). Это—подворное землевладѣніе того-же типа, какое мы видѣли въ московской Руси.

б) На принадлежавшую отдѣльнымъ селамъ, тамъ, гдѣ они образовались изъ скопленія дворищъ. Часть земель села, преимущественно пашня, принадлежала отдѣльнымъ дымамъ и дворищамъ, другая часть—главнымъ образомъ, лѣсныя угодья, предназначенныя для охоты и бортничества, составляли коллективное владѣніе всѣхъ сельчанъ. „Село, или даже нѣсколько сосѣднихъ селъ имѣли земли бортныя, боб-

1) Владимірскій-Будановъ. Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ. (Кіевск. сб. 1892 г.)

ровые гоны, лѣсъ, выгоны, которые къ нему тянули". (Ibid стр. 118). Общность угодій объясняется именно тѣмъ, что охотничій промыселъ требовалъ артельныхъ коллективныхъ организацій или, какъ говорили тогда, необходимости „сябровать въ лѣсу, на водахъ". Общее пользованіе звѣропромышленными угодьями, „было самымъ распространеннымъ явленіемъ, можетъ быть, всеобщимъ: въ самомъ дѣлѣ, для охоты на крупнаго звѣря въ лѣсу, для сложной рыбной ловли съ промысловыми цѣлями, необходимо было согласіе односельчанъ и даже нѣсколькихъ селъ , если не для общей работы, то, по крайней мѣрѣ, для одновременной, потому что несвоевременный выходъ на промыселъ одной группы совладѣльцевъ, или размежеваніе промысловъ, могли отражаться на успѣхахъ другихъ промышленниковъ". (Ibidem стр. 132). И податная раскладка за эти лѣсныя угодья падала на все село: все село платило вмѣстѣ за бобровый гонъ, звѣриные ловы, рыбную ловлю и дань медовую. в) Наконецъ, волостныя земли—это были всѣ, угодья находившіяся на территоріи волости, за вычетомъ подворныхъ и сельскихъ. Онѣ распадались на земли, удобныя для хлѣбопашества, фактически никому не принадлежавшія, на которыхъ каждый изъ общинниковъ—волощанъ, могъ дѣлать заимки „притеребы" и на лѣсныя и водныя угодья, аналогичныя сельскимъ. Земельныя права волости не были строго опредѣлены; главное ея дѣло была присада новыхъ поселенцевъ на волостной землѣ и на отдѣльныхъ дворищахъ и „пустовщинахъ". Но, какъ административно-фискальная единица, волость обладала значительными правами: имѣла выборную организацію, входившую въ сношеніе съ велико-княжескими намѣстниками, свои суды и пр. Никакихъ передѣловъ, ни въ волости, ни въ сельской общинѣ не было замѣтно. Всѣ дымы, основанные дворищами, поступали въ ихъ неотъемлемое владѣніе. Волостная община, какъ органъ коллективнаго землевладѣнія, подобно дворищу, подверглась значительному разложенію къ XVI вѣку. На это уже указывало существованіе сельскихъ общинъ. Естественно, что подворныя, сельскія и волостныя территоріи находились въ обратномъ отношеніи другъ къ другу: чѣмъ больше земель отходитъ къ отдѣльнымъ дворамъ и селамъ, тѣмъ меньше ихъ остается во владѣніи всей волости.

Разростаніе сельскихъ и особенно подворныхъ земель зависѣло отъ развитія земледѣлія. Чѣмъ больше земель выкорчевывалось изъ подъ лѣса, обращалось подъ пашни, а, слѣдовательно и освоивалось отдѣльными дворами, тѣмъ болѣе съуживались предѣлы лѣсныхъ угодій, составлявшихъ

главный контингентъ волостной территоріи. Отсюда возникаетъ выводъ общаго характера, крайне важный для выясненія эволюціи общинныхъ формъ.

Община-волость, соотвѣтствующая древне-германской сотенной маркѣ,—организація, присущая, повидимому, всѣмъ европейскимъ народностямъ въ ту эпоху, когда въ народномъ хозяйствѣ господствовали еще промыслы *до земледѣльческаго фазиса и періода самаго экстенсивнаго земледѣлія*.

Населеніе, въ предѣлахъ волости, живетъ разбросанными хуторами-дворищами, печищами и т. д.—въ составѣ крупныхъ семействъ или крупныхъ хуторовъ. Такая форма разселенія соотвѣтствуетъ, съ одной стороны природнымъ условіямъ лѣсной и болотистой страны, въ которой селиться удобнѣе всего на открытыхъ и возвышенныхъ сухихъ поляхъ—островкахъ, съ другой—охотничьему быту, требующему обширныхъ пространствъ и артельной организаціи труда. Тоже самое мы видимъ въ пастушескомъ быту, напримѣръ, у современныхъ киргизъ. Тамъ существуютъ территоріи, принадлежащія крупнымъ родовымъ группамъ—общія лѣтовочныя пастбища: когда киргизы не осѣдали, хотя на время, на отдѣльныхъ мѣстахъ, эти лѣтовки преобладали надъ остальными видами угодій. Но теперь почти всѣ киргизы не кочуютъ зимой: они осѣдаютъ на землю мелко-родовыми группами, на отдѣльныхъ мѣстахъ, возлѣ воды, гдѣ строятъ зимнія жилища-землянки. Земля вокругъ этихъ жилищъ уже освоивается во владѣніе каждой мелкой группой подъ названіемъ *призимовочныхъ* угодій (кстау). Здѣсь, кромѣ пастбищъ (осеннихъ и весеннихъ), имѣются пашни и сѣнокосы. Съ теченіемъ времени, пашни и сѣнокосы въ видѣ отдѣльныхъ полосокъ, заимокъ, начинаютъ врѣзываться въ лѣтовочную территорію; чѣмъ больше развивается земледѣліе и отчасти сѣнокошеніе, тѣмъ болѣе сокращается эта территорія. *Словомъ, древняя форма общинно-волостного землевладѣнія, соотвѣтствуя доземледѣльческому фазису, разлагается подъ вліяніемъ развитія земледѣлія*. На смѣну волостной общинѣ идетъ не сельская, а *подворная* форма землевладѣнія. Села-деревни слишкомъ еще не велики, земель вокругъ нихъ слишкомъ еще много, чтобы почувствовать остро необходимость уравнительныхъ передѣловъ. Эти передѣлы возникаютъ только тогда, когда села разростаются въ десятки и сотни дворовъ, когда земли вокругъ села обращены подъ пашню и когда основная масса мелкихъ землевладѣльцевъ чувствуетъ земельную тѣсноту и начинаетъ съ завистью смотрѣть на тѣхъ сосѣдей „міроѣдовъ“ и „горлановъ“, которые „по три сохи выходятъ въ поле“ и захватываютъ земли

въ десятки разъ больше, чѣмъ одинокіе „сироты“. Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка въ московской Руси поднимаются жалобы на этихъ міроѣдовъ и горлановъ. Эти жалобы предвѣстники той *борьбы за землю*, которая, повидимому, происходила на Руси въ XVIII вѣкѣ, и которая, при сравнительной самостоятельности земельныхъ распорядковъ въ крестьянской средѣ, привела къ нашему времени, къ современной *передѣльной общинѣ*.

Не такова была судьба западно-русской и литовской общины. Къ XVI вѣку община-волость распадалась, подъ вліяніемъ развитія земледѣлія, способствующаго на первыхъ порахъ *индивидуализаціи* землевладѣнія. Къ этой *экономической* причинѣ прибавились и причины политическаго характера. Какъ и въ московской Руси, раздача земель въ помѣстья, дробившія волостную территорію, способствовала ея разложенію. Раздача земель происходила въ Литвѣ въ XV вѣкѣ. Такъ какъ въ концѣ XV вѣка начинается процессъ трансформаціи помѣстій въ вотчины, т. к. помѣщики пріобрѣтаютъ и фискальныя, и судебныя, и административныя права надъ крестьянами, то помѣщики, какъ и великокняжескіе урядники, ведутъ постоянную борьбу съ волостью, которая, хотя и отстаивала свои земельныя и административныя права, но неудачно, т. к. противники обладали слишкомъ большой силой и политическимъ вѣсомъ. „Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, говоритъ Довнаръ-Запольскій община ведетъ тяжелую борьбу съ администраціей, при чемъ постепенно утрачиваетъ нѣкоторыя изъ своихъ специфическихъ особенностей. Въ жизни общины того же періода наблюдается и другое неблагопріятное для нея явленіе. Она распадается постепенно географически, вслѣдствіе уменьшенія своей территоріи, потому что *отдѣльныя села* раздаются великимъ княземъ частнымъ людямъ“. (Довнаръ-Запольскій стр. 287).

Итакъ наблюдаемая сельская община „является пережиткомъ, притомъ разлагающимся уже въ періодъ болѣе древнихъ отношеній. Это, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ общей исторической смѣнѣ формъ крестьянскаго землевладѣнія, не подвергающагося сильнымъ постороннимъ вліяніямъ. Изъ такой общины могла выработаться и великорусская община съ ея равненіемъ и душевыми надѣлами, но могъ произойти и распадъ на отдѣльные дворы. Въ литовско-русскомъ центрѣ происходило *послѣднее* явленіе“. (Ibid. стр. 140).

Окончательное уничтоженіе общины и полное закрѣпощеніе подворнаго землевладѣнія произошли, когда была

введена *волочная система*, т. е. въ 60-хъ гг. XVI вѣка, Сигизмундомъ Августомъ. Раздѣленіе земель на волоки практиковалось издавна въ Польшѣ, куда оно проникло изъ Германіи. Изъ Польши эта система переходила и въ Литву и кое гдѣ она встрѣчается уже при Витовтѣ. Но это были только отдѣльные случаи. Массовое же проведеніе ея въ жизнь произведено послѣ земельнаго кадастра Сигизмунда Августа... Сущность волочной системы заключалась въ слѣдующемъ.

Назначенные отъ правительства ревизоры, и межевщики, сначала описывали земли данной мѣстности по качеству почвы, по угодьямъ; затѣмъ, они разбивали всю пашню на однообразные *волоки*—по 19 десятинъ въ каждой, при чемъ волока лежала въ трехъ поляхъ. Эта треть волоки называлась „рѣзомъ". Всѣ участки должны быть „прогоняные" т. е. выходить на дороги. Такимъ образомъ, устанавливалась строгая трехпольная система и каждое изъ трехъ полей разбивалось на столько равновеликихъ участковъ по $6^1/_3$ десятинъ, сколько волокъ имѣло все село. При этомъ, стремились, чтобы земли каждаго села имѣли видъ четырехугольника, въ центрѣ котораго находились деревенскія усадьбы. „Административно-полицейскія соображенія заставляли правительство устраивать большія села, чего не знала до-реформенная деревня..... Селеніе разбивалось въ одномъ изъ трехъ полей, которое по счету называлось третьимъ полемъ но лежало въ серединѣ двухъ первыхъ. Такимъ образомъ селенія принимали однообразный видъ". (Ibid. стр. 201).

Отсюда видно, какой громадный масштабъ имѣла волочная реформа. Она касалась не только земли, но и формъ поселеній, совершенно передѣлавъ ихъ на свой ладъ; она вводила трехпольную систему даже тамъ, гдѣ ея раньше не было. Каждая волока записывалась или за однимъ или за нѣсколькими крестьянами, которые и получали право наслѣдственнаго пользованія ею за извѣстныя строго опредѣленныя подати и повинности по отношенію къ казнѣ и частнымъ землевладѣльцамъ. Этимъ самымъ окончательно устанавливалось *частное подворное землепользованіе въ крестьянской средѣ*. Излишки, остававшіеся послѣ разбивки полей и въ лѣсахъ, удобные для пашни—разные „притеребы", „обрубы", „клины", „застѣнки", отдавались за особую плату отдѣльнымъ крестьянамъ. Остальныя угодья (лѣсъ, сѣнокосъ, выгонъ), или „морговались"—также разбивались на отдѣльные участки, или, чаще, отдавались въ пользованіе всего села, подобно германскимъ альмендамъ. Волочная система

сначала была введена въ Литвѣ и ближнихъ къ западу русскихъ волостяхъ. Но къ концу XVI вѣка она распространяется на всю Бѣлоруссію. Кромѣ разрушенія волостной общины и созданія подворнаго пользованія землей, волочная система уничтожила и послѣдніе остатки крестьянской земельной собственности. Вся земля стала или королевской или панской. „Это, конечно, потому, что вся реформа сопровождалась переводомъ крестьянъ съ участковъ, насиженныхъ ихъ праотцами, на волочные, съ которыми связаны были совершенно опредѣленныя *вѣчно-арендныя* отношенія. Въ глазахъ крестьянъ ихъ прежнія дворища и службы были отчинами..... Но реформа проводилась въ тотъ періодъ, когда былъ провозглашенъ принципъ, по которому кметъ и все его имущество принадлежитъ владѣльцу: „гдѣ помѣра пойдетъ маютъ мѣрити *всякій* къгрунтъ, купленный и заставный, *къгды-жъ* кметъ и вся его мѣстность наши есть“,—какъ сказано въ волочной уставѣ“.[1]) (Ibid. стр. 247).

Волочная система покончила съ западно-русской и литовской общиной навсегда. Задавленная помѣщичьей властью, строгой регламентаціей повинностей, установленной для каждаго крестьянина въ отдѣльности, община здѣсь не возродилась и въ ту эпоху, когда началось утѣсненіе въ землѣ. Община была уничтожена въ самый критическій моментъ ея перелома, моментъ разложенія архаическихъ формъ. Какъ и въ западной Европѣ подворное землевладѣніе, явившееся на ея смѣну, было закрѣплено властью правительства и господствующихъ классовъ, т. к., при многочисленности помѣщиковъ, имъ и правительству возможно и выгодно было стать лицомъ къ лицу съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ. Въ московской Руси помѣстный классъ на сѣверѣ и въ центрѣ не былъ ни такимъ многочисленнымъ, ни такимъ могущественнымъ, ни такимъ осѣдлымъ, привязаннымъ къ землѣ, какъ въ западной Руси. Вотъ почему у насъ община пережила критическій періодъ и стала развиваться органически въ послѣдующую эпоху.

Итакъ, двѣ основныя особенности литовской Руси—развитіе политическаго феодализма и разложеніе общины находятся одна съ другой, какъ и въ западной Европѣ, въ неразрывной связи. Можно даже сказать, что здѣсь политическій феодализмъ, не встрѣчавшій такого противодѣйствія со стороны королевской власти, какъ въ Европѣ, гдѣ эта

1) Т. е. гдѣ будетъ произведено измѣреніе, тамъ межевать и купленную и освоенную крестьянами землю, т. к. крестьянинъ и все его имущество принадлежитъ намъ.

послѣдняя опиралась на города,—и былъ самымъ замѣтнымъ явленіемъ исторіи, отразившимся и на земельныхъ отношеніяхъ вообще и, въ частности, на судьбахъ трудовыхъ массъ населенія. Эти массы, подобно нашимъ крестьянамъ, ринулись въ степи, когда степи очистились и господскій гнетъ сталъ невыносимымъ. Но московское правительство, благодаря тому, что оно не отдавало эти степи въ руки крупныхъ владѣльцевъ, съумѣло сохранить ихъ за собой. Западно-русское населеніе, уходя въ степи, усилило могущество Москвы и соотвѣтственно ослабило Польшу.

Этимъ переходомъ маятникъ равновѣсія двухъ великихъ славянскихъ державъ покачнулся въ сторонуМосквы,—и Польша была обречена на погибель....

Главнѣйшіе источники и пособія для исторіи сельскаго хозяйства и поземельныхъ отношеній Россіи до XVIII вѣка.

Антоновичъ. Введеніе къ актамъ о крестьянахъ. Архивъ юго-западной Россіи. Ч. VI, т. I.

Аристовъ. Промышленность въ древней Руси. СПБ. 1866 г.

Багалѣй. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины московскаго государства М. 1887 г. Онъ-же. Матеріалы для исторіи Харькова въ XVII вѣкѣ.

Барсуковъ. Докладная выписка о вотчинахъ и помѣстьяхъ. (Чтенія общ-ва исторіи и др. Рос. 1895 г., т. I).

Благовѣщенскій. Четвертное право. М. 1899 г.

Блюменфельдъ. О формахъ землевладѣнія въ древней Руси. Одесса 1884 г.

Боголѣповъ М. О колебаніяхъ климата въ европейской Россіи въ историческую эпоху. М. 1908 г.

Богословскій М. Земское самоуправленіе на сѣверѣ Россіи въ XVII в. М. 1909 г.

Болтинъ. Примѣчанія на исторіи древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка. СПБ. 1788 г.

Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь. Ст. Россія т.т. 54 и 55 и др. статьи.

Бѣлевскій. Сельско-хозяйственныя основы общиннаго землевладѣнія и землепользованія. (Юридич. Вѣстникъ 1888 г. Сент.).

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. (Изд. 4-е М. 1903 г.).

— О земледѣліи въ древней Россіи (Труды вольно-экономич. О-ва за 1866 г. т. I и II).

— Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Руси. (Временникъ. О-ва исторіи и древн. Россіи, т. XXII).

— О поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ. (Временникъ московск. О-ва исторіи и древн. Россіи, т. XI).

Веселовскій. Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по части земледѣлія отъ древнѣйшихъ временъ до учрежд. Мин. Г. Им. (Журн. М. Гос. Им. 1842 г.).

Владимірскій-Будановъ. Крестьянское землевладѣніе западной Россіи до половины XVI в. (Чтенія въ историч. общ. Нестора лѣтописца 1893 г. т. VII).

— Формы крестьянскаго землевладѣнія въ западной Россіи XVI вѣка. (Кіевскій сборникъ 1892 г.).

— Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка. (Архивъ юго-западной Россіи ч. VII, т. I).

— Населеніе юго-западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской уніи. (Т. II).

Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ.

Герберштейнъ. Записки о Московіи.

Горемыкинъ И. Л. Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. СПБ. 1869 г.

Готье. Замосковный край въ XVII в. М. 1906 г.

Довнаръ-Запольскій. Очерки по организаціи западнорусскаго крестьянства въ XVI в. (Кіевъ 1905 г.).

— Западно-русская сельская община въ XVI вѣкѣ. (Журн. М-ва Нар. Просв. 1897 г. № 7).

Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь.

Дубасовъ. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Т. I—VI.

Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ московскомъ государствѣ СПБ. 1898 г.

— Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси 2-е изд. СПБ. 1908 г.

Елагинъ. Исторія русскаго флота СПБ. 1864 г. (Приложеніе III).

Ефименко А. Я. Крестьянское землевладѣніе на сѣверѣ. (См. Изслѣдованія народной жизни. М. 1884 г.).

— Дворищное землевладѣніе въ южной Руси. (Рус. Мысль 1892 г. №№ 4 и 5).

Забѣлинъ. Большой боярин въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ. (Вѣстн. Европ. 1871 г. №№ 1 и 2).

— Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя въ имѣніи Морозова. (Временникъ Общ. ист. и древн. Кн. VII).

Иванишевъ. О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи. (Сочиненія, Кіевъ 1876 г.).

Ивановъ П. Къ исторіи землевладѣнія на сѣверѣ Россіи въ XVII в. (Древности. Труды Арх. Ком. Моск. Археогр. О-ва 1898 г. Т. I).

— Поземельные союзы и передѣлы Россіи въ XVII в. (Древности. Т. II вып. 2 1902 г.).

Иконниковъ. Экономическое положеніе крестьянъ въ царств. Ивана Грознаго. (Библ. для чтен. 1865 г. № 5).

Кавелинъ. Поземельная община въ древней и новой Россіи. (Вѣстн. Европы 1877 г. № 5).

— Формы землевладѣнія у русскаго народа. (Труды Вольно-Экономич. О-ва 1877 г. Т. II и III).

Карповичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ СПБ. 1885 г.

Карѣевъ. Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. СПБ. 1906 г.

Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Ч. I, М. 1904 г. Ч. II М. 1906 г., ч. III М. 1908 г.

— Боярская Дума древней Руси. Изд. 3. М. 1902 г.

— Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи. (Рус. мысль 1885 г. №№ 8 и 10).

— Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. (Рус. Мысль 1886 г. №№ 9 и 10).

— Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ. (Московск. унив. извѣстія 1866—67 гг.).

— Русскій рубль въ XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему. (Чт. О-ва ист. и древн. Россіи. 1884 г. Т. II).

Корсакъ. О формахъ промышленности. М. 1861 г.

Костомаровъ. Очерки домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вв. и старинные земскіе соборы. (Монографіи т. XIX-й).

— Очерки торговли московскаго государства въ XVI и XVII в. (Монографіи Т. XX).

Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича СПБ. 1840 г.

Куплевасскій. Состояніе сельской общины на дворцовыхъ земляхъ и земляхъ духовенства и свѣтскихъ владѣльцевъ.

Лаппо И. Тверской уѣздъ въ XVI в. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. М. 1894 г.

Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ СПБ 1890 г.

— Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія Россіи. (Сб. Крестьянскій строй, СПБ. 1905 г.).

— Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода А. И. Никитскаго. (Рецензія см. Журн. Мин. Нар. Прорвѣщ. 1895 г. № 2).

Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ, вып. 1. СПБ. 1897 г.

— Крестьяне юго-западной Россіи, по литовскому праву въ XV—XVI ст. Кіевъ 1863 г.

Лешковъ. Продовольствіе древней Руси. Москвитянинъ 1854 г. II—V.

Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. I. Разложеніе натуральнаго строя и условія образованія сельскохозяйственнаго рынка. СПБ. 1908 г.

Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта московскаго государства. Ч. I заселеніе и сельское хозяйство въ XVII в. М. 1894 г.

Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. 4-е изд. СПБ. 1900 г.

— Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформы Петра Великаго. Изд. 2 СПБ. 1905 г.

Милютинъ В. А. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. (Чт. Общ. ист. и др. Россіи 1859 г. Т. IV, 1860 г. т. III 1861 г. Т. I и II).

Неволинъ. Полное собраніе сочиненій. Т. IV, 1857 г.

Никитскій. А. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. (Чтенія О-ва истор. и древн. Рос. 1893 г.).

Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ древней Руси. СПБ. 1908 г.

— Иммунитетъ удѣльной Руси. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1900 г. № 12).

— Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. № 6, 1902 г. № 1).

— Закладничество-патронатъ. (Записки Имп. Рус. Археол. О-ва. Т. IX, вып. 1 и 2 1897 г.).

— Государевы служилые люди. СПБ. 1908 г.

Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI вв. М. 1877 г.

— Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в. Одесса 1882 г.

Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ СПБ. 1899 г.

Пономаревъ. Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи. СПБ. 1888 г.

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія и статьи. СПБ. 1876 г.

Порай-Кошицъ. Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII в. СПБ. 1874 г.

Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ XVI в. СПБ. 1897 г.

Рожковъ. Сельское хозяйство московской Руси въ XVI в. М. 1899 г.

— Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I Кіевская Русь. Ч. II Удѣльная Русь. вып. I Вольныя городскія общины. Сѣверо-восточная Русь. Вып. II запад. и юго-западная Русь.

— Городъ и деревня въ русской исторіи СПБ. 1902 г.

— Натуральное хозяйство и форма землевладѣнія въ древней Руси. (Жизнь 1900 г. № 9).

Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. I—II СПБ. 1902 г.

— Древности русскаго землевладѣнія. (Журн. М Нар. Пр. 1900 г. №№ 9—10, 1901 г. №№ 2, 3, 4).

Середонинъ. Извѣстія англичанъ о Россіи. (Чтен. общ. истор. и древн. Рос. 1884 г. Т. VI.

Серповскій. О переселеніи въ древнее и новое время. СПБ. 1885 г.

Свящ. Словцовъ. Историческое и статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи. (Сборн. стат. свѣдѣн. о Россіи. Изд. статист. отд. Импер. русск. географ. О-ва Т. III).

Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. СПБ. 1877 г.

— Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ земель передъ крѣпостнымъ правомъ. СПБ. 1878 г.

Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XIII.

Стромиловъ. Скотоводство древней Руси. (Журн. сельск. хоз-ва и лѣсоводства 1871 г. №№ 1—4).

Тарановскій. Феодализмъ въ Россіи. (Варшавскія унив. изв. 1902 г. № 4).

Турчиновичъ. Исторія сельскаго хозяйства въ Россіи отъ временъ историческихъ до 1850 г. СПБ. 1853 г).

Флетчеръ. О государствѣ русскомъ СПБ. 1906 г.

Хлѣбниковъ. Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи СПБ. 1872 г.

Чечулинъ. Начало въ Россіи переписей.

Чекалинъ. Саратовское поволжье до конца XVII в.

Яблочковъ. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. СПБ. 1876 г.

ГЛАВА V.

Крѣпостная Россія.

§ 1. Естественное движеніе населенія и колонизація. Вліяніе крѣпостного права на ростъ населенія.

Большинство историковъ въ настоящее время уже отказалось отъ того взгляда, что Петербургская, или какъ ее называетъ Ключевскій, императорско-дворянская, крѣпостная эпоха начинается съ радикальнаго переворота, радикальной ломки Петромъ I государственнаго и общественнаго уклада, царившаго въ Московской Руси. Теперь стало общимъ мѣстомъ то положеніе, что всѣ составные элементы новаго строя, приблизившаго насъ къ Европѣ, имѣлись въ наличности уже при первыхъ Романовыхъ, медленно развивались на всемъ протяженіи XVII вѣка и Петръ своими реформами только далъ болѣе или менѣе интенсивный толчекъ ихъ поступательному движенію. Намъ вполнѣ ясно теперь, что здѣсь мы имѣемъ дѣло *съ эволюціей, а не съ революціей.*

Этотъ взглядъ, установленный историками—политиками и юристами для сферы государственныхъ и общественно-правовыхъ отношеній, несомнѣнно, еще болѣе приложимъ къ области отношеній соціально-политическаго характера. Эти послѣднія, связанныя съ существованіемъ огромныхъ народныхъ массъ, могутъ, вообще говоря, эволюціонировать лишь сравнительно медленнымъ темпомъ: если политическія событія иногда идутъ съ головокружительной быстротой и кажущейся внезапностью, то переломы въ народномъ хозяйствѣ всегда совершаются, минимумъ, въ теченіе десятилѣтій, а обычно—вѣками. Поэтому радикальная ломка, произведенная Петромъ, если бы она и была таковой на самомъ дѣлѣ, могла отразиться лишь поверхностно на коренномъ укладѣ народно-хозяйственной жизни, и эта жизнь должна была въ значительной мѣрѣ, независимо отъ этой ломки, идти по тому пути, который намѣтился еще въ Московскую эпоху.

И дѣйствительно, всѣ главныя черты эволюціи населенія, производства и распредѣленія въ XVIII и первой половинѣ XIX вв. наблюдались и въ московскую эпоху. Такъ и при Петрѣ и при его преемникахъ населеніе продолжало сползать къ югу и востоку, какъ сползало оно за 200 лѣтъ передъ тѣмъ; вмѣстѣ съ этимъ сползаніемъ населенія, во

вновь колонизованныхъ областяхъ развивается хлѣбопашество, а земледѣльческое значеніе московскаго центра все болѣе и болѣе сокращается. Передвиженіе населенія и разсѣяніе земледѣлія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того-же самаго фактора, отъ котораго оно зависѣло въ московскую эпоху: отъ расширенія господствующими классами власти надъ землей и надъ трудовой массой—т. е. отъ развитія крѣпостного права и соціальнаго феодализма вообще. Помѣщики превращаются окончательно въ полноправныхъ земельныхъ собственниковъ, каковой процессъ начался въ XVII вѣкѣ путемъ превращенія помѣстій въ вотчины. Мы видѣли, что уже съ 80-хъ годовъ появляются первые признаки концентраціи дворянскаго землевладѣнія, создаваемаго придворнымъ фаворитизмомъ; въ XVIII вѣкѣ концентрація достигаетъ своего апогея. Достигаетъ своего апогея и крѣпостная власть надъ крестьянами, а полная власть надъ землей и людьми позволяетъ помѣщикамъ выступить въ качествѣ сельскихъ хозяевъ и крупныхъ товаропроизводителей на хлѣбномъ рынкѣ, наклонность къ чему мы встрѣчаемъ у нихъ, опять таки, еще во второй половинѣ XVII вѣка. Словомъ, всѣ основныя хозяйственныя и соціальныя явленія крѣпостной эпохи, существовали, отчасти, въ потенціальномъ состояніи, и въ „патріархальную“ московскую эпоху...

Какъ курьезъ, слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту сходства, съ которой приходится начинать изложеніе исторіи населенія. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка мы сталкиваемся съ такимъ, явленіемъ, *какъ всеобщая убыль населенія*, столь часто встрѣчавшаяся въ московскую эпоху, эпоху великой „смуты“, мора, глада, безпрерывныхъ войнъ и звѣрскихъ насилій. Эту убыль создалъ Петръ I своими опустошительными реформами и войнами. Общая цифра числа дворовъ податного населенія была:

Въ 1678 г.	1710 г.	убыль въ %
791018	637005	—19,5

„Такимъ образомъ, говоритъ г. Милюковъ, изъ всего населенія убыла $^1/_5$-я часть. Но необходимо помнить, что этотъ результатъ есть, такъ сказать, равнодѣйствующая дѣйствительной убыли и того естественнаго прироста, который долженъ былъ нѣсколько примирить и замаскировать ее. Вспомнимъ, прежде всего, что, по нашимъ разсчетамъ, одна армія поглотила до 200 тысячъ рабочаго населенія и половину этого числа безвозвратно. Къ этому надо прибавить еще наборъ рабочихъ и мастеровыхъ на верфи... и въ Петербургъ на обстройку столицы не менѣе 16,8 тысячъ работниковъ

м. п. ежегодно, а вѣроятно вдвое болѣе“[1]). Въ общемъ, убыль населенія, по Милюкову, составила 582,1 т. м. п. или около 1,2 мил. д. обоего пола до 1710 года. Это число основано на фактическихъ подсчетахъ переписей: но мы уже указывали, что цифры подворныхъ переписей въ виду ихъ, неточности, надо увеличивать болѣе, чѣмъ вдвое. И дѣйствительно, самъ г. Милюковъ считаетъ въ „Очеркахъ“, что въ 1678 г. въ Россіи было 16 мил. душъ, а въ 1724—13 мил. т. е., что въ царствованіе Петра Великаго населеніе сократилось на 3 милліона.

Такая значительная убыль населенія въ Россіи повидимому, произошла въ послѣдній разъ. Съ тѣхъ поръ населеніе Россіи, судя по даннымъ ревизій, растетъ безостановочно, за исключеніемъ небольшой остановки послѣ войны 1812 года, а именно:

Количество населенія въ милліонахъ.

	м. п. по даннымъ ревизій.	Обоего пола. По Де-Ливронд.	По Шницлеру.
1-я ревизія (1724 г.). .	5,8	14	16
2-я „ (1743—5 г.).	6,6	16	18
3-я „ (1762—4 г.).	7,5	19	20
4-я „ (1782—3 г.).	12,8	28	30
5-я „ (1796 г.). .	17,8	36	36
6-я „ (1811 г.). .	17,9	41	41
7-я „ (1817 г.). .	17,0	45	45
8-я „ (1835 г.). .	21,8	60	59
9-я „ (1851 г.). .	22,3	68	69
10-я „ (1858 г.). .	24,0	74	75

Болѣе правильными цифрами всего населенія (обоего пола) надо считать, повидимому, цифры де-Ливрона, принятыя и въ военно-статистическомъ сборникѣ. Судя по нимъ, населеніе Россіи за 135 лѣтъ увеличилось въ $5^1/_2$ разъ; если же допустить, что во время первой ревизіи, было 13 милліоновъ (по разсчету Милюкова), то почти вшестеро. Но за это время были присоединены: Польша, Литва, Бѣлоруссія, западная Малороссія, Финляндія, низовое Поволжье, Сѣверный Кавказъ, Новороссія. Если взять лишь территорію Петровской Руси, то на ней населеніе, по Милюкову, увеличилось (за 1724—1851 г.г.) съ 13 милліоновъ до 39 милліоновъ, т. е. втрое.

Но этотъ приростъ распространялся по всей территоріи далеко не равномѣрнымъ образомъ, т. к. передвиженіе на-

1) Милюковъ П. Государственное хозяйство Россіи и реформы Петра Великаго. Ключевскій говоритъ, что „первыя 10 лѣтъ войны обошлись приблизительно 14 мил. населенію болѣе чѣмъ въ 300 тыс. человѣкъ“. (Курсъ рус. исторіи т. IV стр. 87).

селенія, его „сползаніе“, на югъ и юго-востокъ продолжалось и въ XVIII и даже въ началѣ XIX в. Мы можемъ, приблизительно, учесть это передвиженіе по областямъ Петровскихъ губерній, которыя, до нѣкоторой степени, совпадаютъ съ раіонами московской эпохи и съ современными.

Населеніе въ милліонахъ[1]).

Петровскія губерніи.	1724 г.	1858 г.	Дѣйствительный приростъ.	На какое колич. должно было увеличч. населеніе кажд. раіона при средн. приростѣ всей Петров. Руси.	Разница нормал. и дѣйств. прироста +или—
Московская. . .	3,4	4,5	1,1	8,4	—7,3
Смоленская. . .	0,5	1,9	1,4	1,4	0,0
Ингерманландская. .	1,9	5,2	3,3	4,6	—1,3
Архангелогородская .	0,7	1,6	0,9	1,7	—0,8
Сибирская . .	0.4	1,7	1,3	1,0	+0,3
Кіевская . . .	1,1	3,9	2,8	2,6	—0,2
Азовская . . .	0,9	7,2	6,3	2,2	+4,1
Казанская . . .	1,1	8,8	7,7	2,9	+4,8

Замосковный край и Новгородская область, хотя послѣдняя въ значительно меньшихъ размѣрахъ, продолжали служить тѣмъ резервуаромъ, изъ котораго вытекали колонизаціонные потоки, направлявшіеся въ степныя окраины и въ Поволжье. Больше всѣхъ потеряло Замосковье, гдѣ населеніе, въ крѣпостную эпоху, увеличивалось очень мало; Новгородская область, еще при московскихъ царяхъ, настолько запустѣла, что дальнѣйшій отливъ населенія здѣсь не-

1) Цифры населенія разсчитаны по таблицѣ Милюкова въ „Очерках“ (ч. I стр. 31) путемъ помноженія площади (въ кв. в.) каждой губерніи на густоту населенія, показанную въ той же таблицѣ. Онѣ вывѣрены по населенію 1897 года. Въ Петровскія губерніи входили: въ Московскую—вся Московская губ., 5 у.у. Калужской, 9—Тульской, 9—Владимірской, 5—Рязанской, 3—Костромской, 1—Ярославской: въ Смоленскую: вся Смоленская, 6 у.у. Калужской, 1—Тверской, 1—Тульской; въ Ингерманландскую: цѣликомъ Петербургская, Новгородская и Псковская, 11 у.у. Тверской, 9—Ярославской, 6 у.у. Олонецкой; въ Архангелогородскую—вся Архангельская, 8 у.у. Вологодской, 7 у.у. Костромской, 1 у. Олонецкой; въ Кіевскую: 2 у.у. Тульской, 11 у.у. Орловской, 14 у.у. Курской, 6 у.у. Харьковской; въ Сибирскую: 5 у.у. Вятской и 5 у.у. Пермской; въ Азовскую—вся Воронежская, 2 у.у. Тульской, 5—Рязанской. 10—Тамбовской, 7 у.у. Пензенской, 4 у.у. Саратовской, 5—Харьковской, 1 у. Курской, 1 у. Орловской; въ Казанскую—цѣликомъ Нижегородская, Казанская, Симбирская, Уфимская, 2 у.у. Рязанской, 2 у.у. Тамбовской, 3 у.у. Пензенской, 4 у.у. Владимірской, 2 у.у. Костромской, 6 у.у. Саратовской, 6 у.у. Вятской и 2 у.у. Пермской.

могъ быть очень большимъ. Слегка отливало населеніе и съ сѣвера, передвигаясь въ томъ же направленіи, какъ и въ XVII вѣкѣ т. е. на востокъ, въ Прикамье (Сибирская и сѣверъ Казанской губ.).

Направленіе колонизаціи отъ старыхъ областей къ новымъ, очевидно, должно было сократить относительное значеніе старинныхъ центровъ.

Изъ 100 душъ всего населенія находилось:

	Въ 1678 г.	1724 г.	1858 г.
Старыя области: въ Замосковьи, Новгородской области и на сѣверѣ. . . .	73,1	64,9	38,1
Новыя области 1-го колон. пояса: въ Степи, Поволжьи и Прикамьи.	26,9	35,1	61,9

Въ то время, какъ въ концѣ московской эпохи, въ старыхъ областяхъ сосредоточивалось $^3/_4$ тогдашняго населенія, а въ началѣ крѣпостной эпохи—$^2/_3$; къ концу этой послѣдней здѣсь остается немногимъ больше одной трети.

Перемѣщеніе населенія происходило на всемъ протяженіи эпохи, нѣсколько ослабѣвая только къ ея концу, какъ показываютъ нижеслѣдующія данныя, разсчитанныя по современнымъ раіонамъ Великороссіи:

Изъ 100 душъ населенія Великороссіи было:

	Въ 1743 г.	1762 г.	1782 г.	1819 г.	1838 г.	1851 г.	1862 г.
Въ Московско-промышл., сѣверо-западн. и сѣв. раіонахъ . .	52,3	51,3	45,2	44,7	36,8	36,2	35,9
Въ Центр. земледѣл. Приволжск. и сѣверо-восточн. . . .	47,7	48,7	54,6	55,3	63,2	63,8	64,1

Повидимому, максимумъ переселенческаго движенія падалъ на Петровскую эпоху и на первые 20 лѣтъ послѣ нея, т. е. на первую половину XVIII вѣка.

Петровскія реформы, гоненія на расколъ, Бироновщина, а больше всего развитіе крѣпостного права и ростъ налоговъ заставляли населеніе бѣжать проторенными путями на берега Волги, въ южную Украину. Къ концу XVIII земледѣльческій центръ и ближайшія къ нему губерніи Поволжья уже были болѣе или менѣе наполнены населеніемъ, вдобавокъ, и здѣсь крестьянъ настигло ярмо крѣпостничества. Поэтому эти области, области *перваго колонизаціоннаго пояса* Московской эпохи, къ тому времени уже перестаютъ привле-

кать къ себѣ народныя массы, и, хотя притокъ переселенцевъ и продолжается сюда, но уже въ значительно ослабленномъ размѣрѣ. Главныя массы эмигрантовъ направляются, черезъ области перваго колонизаціоннаго пояса, и изъ нихъ—во второй, созданный завоеваніями Екатерины—преимущественно, въ Новороссійскъ и низовое Поволжье, и отчасти въ Малороссію. Въ силу этого, общій приростъ населенія на территоріи старой Петровской Руси къ концу эпохи выказываетъ тенденцію къ сокращенію:

За 1724—62 г.г. населеніе Петровской Руси ежегодно прирастало на . . 1,21%
За 1762—1815 г.г. на . . 1,14%
За 1815—1851 г.г. на . . 0,75%

Въ 3-хъ губерніяхъ Новороссіи (Екатеринославской, Таврической, Херсонской) Скальковскій насчитывалъ въ 1756—60 г.г. только 38 тысячъ душъ обоего пола[1]).

Въ 1768 г. . 100 т.
Въ 1787 г. . 808,6 т. (по Штукенбергу 849,5 т.).
Въ 1819 г. . 1048,6 т.
Въ 1838 г. . 1935,3 т.
Въ 1856 г. . 2783 т.
Въ 1862 г. . 3141,7 т. (по Елисееву).

За 75 лѣтъ (съ 1787 г.) населеніе этихъ трехъ губерній увеличилось вчетверо. Также быстро росло и населеніе Донской области: въ 1708 году въ ней было 28,5 тыс. казаковъ м. п.; въ 1785 г. (по Арсеньеву) 200 тыс. казаковъ и крестьянъ обоего пола; въ 1838 г. (Шницлеръ) 640,3 т.; въ 1862 г. (по Елисееву) 949,7 тыс. Въ общемъ, во всей Новороссіи (съ Бессарабіей) въ 1838 г. было 3295,6 тыс., въ 1862 г.—5117,7 тыс. И изъ этихъ 5 милліоновъ, по крайней мѣрѣ, большая половина прибыла изъ внутреннихъ губерній, какъ центра, такъ и перваго колонизаціоннаго пояса.

Съ конца XVIII вѣка заселяется югъ средняго и низовое Поволжье. Въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губ. 55% селеній основано уже въ XIX вѣкѣ, при чемъ на его первую четверть приходится 33% селеній, на вторую 22%; въ Вольскомъ у. до 1725 г. было 7 селеній, въ 1743—12, а теперь ихъ 134.

Во всей Саратовской губерніи въ 1782 г. было 278,3 тыс. крестьянъ муж. пола, въ 1858 г. 681,3 тыс.; причемъ надо замѣтить, что въ 1850 г. Новоузенскій и Николаевскій уѣзды отошли къ Самарской губ., такъ что приростъ, въ дѣйствительности, былъ гораздо выше. Въ Самарской губ. въ 1856 году было 1479,1 тыс. душъ. Менѣе прирастало населеніе въ без-

[1]) По Милюкову около 50 тыс. (очер. I стр. 64).

плодной Астраханской губ., гдѣ оно за 1819—56 гг. поднялось лишь съ 362 до 414,5 тыс. Въ 1862 году населеніе обѣихъ губерній равнялось 2068 тыс., а вмѣстѣ съ Новороссіей составило 7,2 милліона.

Въ Малороссію шла колонизація не только съ сѣвера, но и съ запада—изъ царства Польскаго.

Въ 1785 году въ восточной половинѣ Малороссіи—въ Харьковскомъ и Черниговскомъ намѣстничествахъ числилось 1527,6 тыс. д.; въ 1819 г. въ этихъ губерніяхъ плюсъ Полтавская, было 3249,8 тыс. въ 1862—4989,7 тыс. Въ западной половинѣ (губ. Кіевская, Волынская, Подольская) населеніе возросло съ 3222,4 т. въ 1819 г. до 5483,4 т. въ 1862 г. а во всѣхъ 6-ти губ. съ 6,5 мил. до 10,5 мил. Очевидно главная колонизація Малороссіи произошла еще въ XVIII вѣкѣ, а въ XIX вѣкѣ, точно также, какъ въ первомъ поясѣ колонизаціи—въ степи и среднемъ Поволжьѣ, она только заканчивалась.

Такимъ образомъ, до второй половины XVIII вѣка происходитъ весьма интенсивное заселеніе тѣхъ раіоновъ, которые начали колонизоваться еще въ московскую эпоху: Степи, средняго Поволжья и Малороссіи: со второй половины вѣка и до реформы колонизація переходитъ во второй колонизаціонный поясъ, въ раіоны Новороссіи, нижняго Поволжья, Оренбургскаго края.

Въ общемъ, передвиженіе населенія могло охватить не менѣе 10—12 милліоновъ душъ—около трети жителей Петровской Руси. Кто же создавалъ это передвиженіе: явилось ли оно такимъ же преимущественно, вольно-народнымъ, какъ и въ Московскую эпоху или правительственнымъ, или, наконецъ, созданнымъ по иниціативѣ помѣщиковъ, получившихъ десятки милліоновъ десятинъ плодородныхъ пустошей на югѣ и востокѣ?...

Сейчасъ мы установили, что въ исторіи передвиженія населенія въ крѣпостную эпоху надо различать два момента: до конца XVIII вѣка, когда народныя массы размѣщались еще на территоріи Петровской Руси, переходя изъ старинныхъ центральныхъ областей въ области перваго колонизаціоннаго пояса, и второй моментъ—съ конца этого вѣка, когда населеніе продвигается еще дальше на югъ и востокъ въ новыя области второго пояса колонизаціи. Характеръ эмиграціи къ оба момента былъ различнымъ: въ первый моментъ эмиграція, скорѣе всего, была вольно-народной, была ничѣмъ инымъ, какъ просто *бѣгствомъ* трудового люда отъ тяжелыхъ условій жизни, ухудшившихся при Петрѣ и его преемникахъ, какъ онѣ ухудшились при Иванѣ Грозномъ и

въ смутное время. Факты указываютъ на усиленное развитіе крестьянскихъ побѣговъ въ первую половину XVIII вѣка. Такъ мы уже говорили, что по свѣдѣніямъ военной коллегіи, за 1719—27 г.г. оказалось въ бѣгахъ 198,9 тыс. мужчинъ. Голодъ 1733 года вызвалъ повальное бѣгство изъ многихъ губерній, усиленное тяжелымъ выколачиваніемъ недоимокъ со стороны агентовъ Бирона. Болтинъ рисуетъ такими яркими чертами этотъ „правежъ“ эпохи временщиковъ. „Правительство, не взирая на донесенія воеводъ о крайнемъ неимуществѣ народа, посылало строжайшіе указы о неослабномъ взысканіи недоимокъ; но, не видя и затѣмъ успѣха, разосланы были по городамъ нарочные гвардіи офицеры, которымъ вольно было держать воеводъ и товарищей ихъ скованными до тѣхъ поръ, пока взыскана будетъ вся недоимка. Отъ воеводъ посланные съ командами солдатъ, для понужденія къ платежу, бояся и сами быть истязанными, употребляли ужасныя безчеловѣчія съ крестьянами. Все, что находили у нихъ въ домахъ, яко хлѣбъ, скотъ и всякую рухлядь продавали: лучшихъ людей за неплатежъ забирали подъ караулъ и каждый день поставляя всѣхъ рядомъ разутыми ногами на снѣгъ, били по щиколоткамъ и по пятамъ палками и сіе повторяли дѣлать ежедневно, пока выплатятъ всю недоимку. Помѣщиковъ и старостъ отвозили въ городъ, гдѣ ихъ содержали многіе мѣсяцы въ тюрьмахъ, изъ коихъ большая часть съ голоду, а паче отъ тѣсноты помирали. По деревнямъ повсюду слышенъ былъ стукъ удареній палочныхъ по ногамъ, крикъ сихъ мучимыхъ, вопль и плачъ женъ ихъ и дѣтей, гладомъ и жалостію томимыхъ. Въ городахъ бряцаніе кандаловъ, жалобные гласы колодниковъ, просящихъ милостыни отъ проходящихъ, воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій, многія тысячи крестьянъ, бѣжавъ съ женами и дѣтьми, поселилися въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи“.

По разсчетамъ Болтина, за границу убѣжало 250 тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, еще больше крестьянъ бѣжало въ Степь, Поволжье и другія, тогда еще пустынныя окраины Петровской Руси.

Послѣ второй ревизіи, побѣги крестьянъ еще усилились. Въ 1742 году сенатъ доносилъ, что много имѣній совершенно запустѣло. Въ одномъ Переяславль-Залѣсскомъ уѣздѣ оказалось 68 опустѣлыхъ помѣщичьихъ деревень. Уходъ крестьянъ былъ особенно силенъ изъ подмосковныхъ губерній.

Уходили не только помѣщичьи крестьяне, но и монастырскіе и дворцовые. Къ 1748 году изъ Бѣлгородской и

Воронежской губ. однихъ однодворцевъ показано въ бѣгахъ 10423 человѣка. По словамъ князя Васильчикова, „главный потокъ сходцевъ направлялся на востокъ и, къ половинѣ XVIII в. онъ принялъ размѣры народнаго переселенія: на Дону, въ Астрахани, Оренбургѣ, по Волгѣ и Каспію, въ Перми и Поморью возникали многолюдныя села, слободы, станки и всѣ на началахъ вольнаго и мірского землевладѣнія“ (Землевладѣніе и земледѣліе въ Рос.). О томъ, что наплывъ бѣглыхъ былъ особенно великъ въ началѣ XVIII в., свидѣтельствуетъ Снѣжневскій, изслѣдовавшій исторію побѣговъ въ Нижегородское Заволжье, бывшее тогда малозаселенной окраиной. „Земли тогда было много и старожилы не стѣсняли новыхъ пришельцевъ въ пользованіи ею. Въ первую ревизію 1719 г. всѣ эти бѣглые крестьяне были записаны въ бобыли казеннаго, дворцоваго и удѣльнаго вѣдомствъ, но уже во вторую ревизію нѣкоторые изъ нихъ оказались записанными за помѣщиками, въ третью же и всѣ они числились помѣщичьими“ [1]). Со второй половины XVIII в. вольныя переселенія крестьянъ или ихъ побѣги начинаютъ сокращаться. Правда, бывали случаи довольно большихъ побѣговъ и въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX-го. Такъ, въ концѣ XVIII в. переходъ крестьянъ изъ Воронежской губ. въ Донскую область принялъ массовый характеръ, при чемъ зачастую переходили туда вооруженныя банды, разбивавшіе „капитанъ-исправниковъ, съ учрежденными отъ правительства для удержанія ихъ разъѣздами“. Точно также въ 20-хъ годахъ XIX вѣка изъ Тверской, Рязанской и Курской губерній крестьяне массами передвигались въ Новороссію и Бессарабію. Число бѣглецовъ въ нихъ было такъ велико, что возвращеніе ихъ подорвало бы развитіе края, почему въ 1827 году бѣглыхъ крестьянъ, зашедшихъ въ Новороссійскія губерніи, велѣно было оставить на прежнихъ мѣстахъ [2]).

Въ 1845—47 годахъ крестьяне толпами бѣжали на Кавказъ изъ Саратовской, Курской и Воронежской губ. Въ Курской губерніи готовились къ побѣгу 20000 человѣкъ изъ 46 имѣній, но были остановлены насильственнымъ возвращеніемъ бѣглецовъ Воронежской губ.

Однако, побѣги второй половины XVIII и начала XIX в.в. были количественно значительно меньше вольныхъ переселеній первой половины XVIII вѣка. Большинство крѣпостныхъ концентрировалось въ подмосковныхъ губерніяхъ, откуда, какъ мы видѣли изъ цифръ, приведенныхъ выше, и

1) Снѣжневскій. Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣднюю четверть XVIII и XIX в.в. Нижегородскій сборникъ изд. Гацисскаго т. X.
2) Романовичъ-Славатинскій. „Исторія дворянства въ Россіи“.

шла наибольшая эмиграція. Но переселяться изъ Замосковья было возможно лишь на ближайшія окраины перваго колонизаціоннаго пояса; второй поясъ—Новороссія и низовое Поволжье—былъ слишкомъ удаленъ отъ центра. Во вторую половину крѣпостной эпохи большая часть земель перваго пояса, т. е. земледѣльческаго центра и средняго Поволжья уже разобрана; и, какъ увидимъ дальше, къ концу вѣка здѣсь кое-гдѣ уже начинаются жалобы на *малоземелье*, т. е. даетъ себя чувствовать относительное перенаселеніе. „Къ концу крѣпостного права побѣги крѣпостныхъ, хотя и не прекращались, но стали повторяться сравнительно рѣже и не потому, чтобы условія ихъ жизни измѣнились къ лучшему, но потому, что бѣглому стало труднѣе укрываться отъ помѣщиковъ и отъ властей: мѣста, считавшіяся прежде безопасными и гостепріимными для бѣглыхъ, мало по малу утратили благопріятныя для бѣглецовъ свойства. Масса недовольнаго люда накоплялась поэтому въ помѣщичьихъ имѣніяхъ“. (Снѣжневскій). И первымъ признакомъ этого недовольства было широкое развитіе пугачевскаго бунта. „Лишь въ XVIII в. (въ концѣ Н. О.), когда пустыхъ земель стало уже гораздо меньше, уйти изъ подъ крѣпостного права стало некуда—сталъ возможенъ и аграрный бунтъ“[1]). Такимъ образомъ, побѣги крѣпостныхъ служили клапаномъ, черезъ который разрѣжалось народное недовольство и клапанъ этотъ дѣйствовалъ болѣе исправно лишь до второй половины XVIII в. По приведеннымъ выше приблизительнымъ разсчетамъ можно думать, что изъ московскаго центра и новгородской области въ предѣлы перваго колонизаціоннаго пояса передвинулось преимущественно за это время около 8,6 милліоновъ человѣкъ.

Со второй половины вѣка вольная колонизація направляется уже изъ перваго пояса—изъ губерній Курской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской на болѣе удаленныя окраины—во второй, въ Новороссію, низовое Поволжье, Донскую область, Сѣверный Кавказъ. Но, съ одной стороны малоземелье въ первомъ поясѣ еще не давало себя такъ остро чувствовать, какъ въ центрѣ, съ другой—развитіе крѣпостного права препятствовало вольному переселенію. „Къ половинѣ XVIII в. свой, русскій источникъ колонизаціи изсякаетъ. Людей свободныхъ, вольныхъ, дѣлается все меньше: крѣпостное право, развиваясь и количественно и качественно, лишаетъ крестьянское населеніе имперіи свободы передвиженія; оно задерживаетъ такимъ образомъ, естественное

1) Сборникъ „Мелкая земская единица“, статья Покровскаго страница 229.

распредѣленіе населенія по территоріи, сообразное съ качествомъ почвы и искусственнымъ путемъ сосредоточиваетъ его въ менѣе благодатномъ центрѣ, въ бассейнахъ Оки, верхней и средней Волги, т. е. въ предѣлахъ прежняго Московскаго государства“ [1]).

Крѣпостное право являлось, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ могучихъ стимуловъ для вольнаго народнаго переселенія. „Прикрѣпленіе къ землѣ и постепенное усиленіе крѣпостного права побуждало тѣхъ, кто не мирился съ новымъ порядкомъ вещей, покидать родныя мѣста и населять отдаленныя окраины Россіи. Что давленіе помѣщичьей власти было, хоть и не единственной, но одной изъ главныхъ причинъ побѣговъ, это признавали въ XVIII в. люди съ весьма различными убѣжденіями [2])

Но, съ другой стороны, закрѣпощеніе крестьянъ, несомнѣнно, стѣсняло свободу передвиженія. Крѣпостной крестьянинъ долженъ былъ бѣжать тайкомъ, бросая на произволъ судьбы свое имущество; вольный крестьянинъ могъ спокойно ликвидировать его и безпрепятственно уйти на новыя мѣста. Чѣмъ меньше становилось вольныхъ крестьянъ, тѣмъ труднѣе дѣлались безпрепятственныя переселенія. Далѣе, мы уже указывали, что, благодаря заселенію ближнихъ окраинъ, побѣги крѣпостныхъ изъ центра стали затруднительнѣе. Сталъ лучше организованнымъ и аппаратъ правительственной и помѣщичьей власти—легче было ловить крестьянъ и пресѣкать попытки къ бѣгству.

Кромѣ крѣпостного права, въ началѣ XVIII вѣка побуждало къ переселенію и быстрое возрастаніе налоговъ и повинностей. При Петрѣ I-мъ податное бремя увеличилось втрое (съ 25 милліоновъ до 75 мил. на наши деньги); это утроеніе произошло, главнымъ образомъ, благодаря превращенію всѣхъ до—Петровскихъ податей въ подушную подать, падавшую непосредственно на трудовое крестьянское населеніе. Всѣ прямыя подати въ 1680 г. составляли 8,4 мил. на наши деньги, а въ 1724 г.—уже 42.6 мил. Съ тѣхъ поръ подушная подать остается безъ измѣненія вплоть до отмѣны ея въ 1887 г., несмотря на паденіе цѣнности денегъ въ 9 разъ. Вотъ почему, именно въ первый моментъ финансовая реформа Петра была наиболѣе разорительна для крестьянъ. Мы не говоримъ о массѣ другихъ налоговъ, объ увеличеніи натуральныхъ повинностей, усилившихся въ эпоху постоянныхъ войнъ. Особенно тяжелъ былъ солдатскій постой.

[1]) Григорій Писаревскій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. М. 1909 г.

[2]) П. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I стр. 395.

Учесть, перевести на цифры, всю тяжесть обложеніи деньгами и натурой невозможно: но она была такъ велика, что, несомнѣнно, заставляла крестьянъ бѣжать туда, гдѣ, по ихъ разсчетамъ, рука начальства не могла ихъ достать

Въ связи съ частыми войнами происходили усиленные рекрутскіе наборы. За 1700—9 гг. было взято въ солдаты около 200 тыс. рабочаго мужскаго населенія. За 1749—76 гг. было 10 рекрутскихъ наборовъ, во время которыхъ мобилизовано 584.612 чел. „Бѣгство усиливалось, какъ только до крестьянъ доходила вѣсть о рекрутскомъ наборѣ, сплошь и рядомъ удавалось бѣжать и тѣмъ, которые уже были взяты въ рекруты“.(Семевскій 1 т. 400 стр.) Войны и наборы были особенно велики въ первую половину XVIII в., при томъ, послѣдніе падали на относительно меньшее количество населенія.

Начало крѣпостной эпохи характеризуется и сильнымъ преслѣдованіемъ раскольниковъ. Витевскій, Серповскій и другіе изслѣдователи единогласно свидѣтельствуютъ, что Донщина, Поволжье и Прикамье населяется больше всего раскольниками съ конца XVII в. Ко второй половинѣ эпохи преслѣдованія раскола сокращаются и это не могло не отразиться на сокращеніи эмиграціи.

Итакъ крѣпостное право, увеличеніе налоговъ и повинностей, рекрутскіе наборы и религіозныя преслѣдованія—вотъ главныя изъ причинъ, побудившихъ народныя массы переселяться, куда они только были въ силахъ. „Крестьяне, бѣжавшіе въ Польшу, всячески не только помѣщиковъ, но и самую свою сторону безстрашно порицаютъ; во первыхъ неволю, потомъ подушный платежъ, такожъ отъ рекрутскихъ наборовъ разлуку съ семьями ихъ, мостовыя и проч. казенныя безъ платы за работы, а сверхъ того клевещутъ и на господскія тяглы“ (изъ донесенія пусторжевскихъ дворянъ въ 60-хъ гг. XVIII в.).

Правительство, не будучи въ состояніи крутыми мѣрами, безчисленными грозными указами, совладать съ этимъ движеніемъ, должно было примиряться съ ними и даже пыталось заманить зарубежныхъ бѣглецовъ обѣщаніемъ всякихъ льготъ. Но ни обѣщанія, ни угрозы не дѣйствовали и вольно—народное переселеніе въ первую половину эпохи было самымъ главнымъ факторомъ того *разсѣянія* населенія по лицу земли русской, которое продолжается и по сію пору. Само правительство въ это время принимало въ колонизаціи сравнительно небольшое участіе, за которое можно считать, лишь, устройство ландмилиціи (20 полковъ) на южной границѣ и проведеніе оборонительныхъ линій здѣсь и на

востокѣ (закамская черта) въ 30-хъ—40-хъ гг. XVIII вѣка. Даже въ Новороссіи, на заселеніе которой правительство потратило потомъ столько усилій, колонизація была исключительно вольно—народной,—запорожцами, украинцами и раскольниками—великоросами. Точно также и помѣщики, которые не получали еще десятковъ милліоновъ десятинъ на окраинахъ, и не особенно стремились пока къ развитію собственнаго хозяйства, не принимали замѣтнаго участія въ колонизаціи.

Но, со второй половины XVIII вѣка сокращается относительно тяжесть налоговъ, рекрутскіе наборы, преслѣдованіе раскола; цѣпи крѣпостного права оковываютъ большую половину крестьянъ. Все это вліяетъ на уменьшеніе вольно—народной эмиграціи; за то наряду съ ней развивается *правительственная* колонизація. Наше правительство къ этому времени начинаетъ воспринимать популяціонистскія теоріи меркантилизма, распространившіяся въ Европѣ, по которымъ, для экономическаго процвѣтанія государства, необходимо многочисленное населеніе, и сообразно съ этими теоріями, стремится вызвать изъ за границы иностранныхъ эмигрантовъ. Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ императрица Елизавета вызываетъ австрійскихъ сербовъ, которые, подъ начальствомъ полковника Хорвата, образуютъ рядъ военныхъ поселеній южнѣе Кіевской губ. (Новая Сербія). Въ двухъ полкахъ, составленныхъ изъ колонистовъ—гусарскомъ и пандурскомъ, было 8000 человѣкъ. За сербами появились болгары (620 чел.) потомъ бахмутскіе молдаване, валахи и т. д. Екатерина II, которая, еще будучи великой княгиней, писала, что „мы нуждаемся въ населеніи“, послѣ восшествія на престолъ, въ 1762 году обратилась къ населенію западной Европы съ манифестомъ, призывавшимъ иностранцевъ селиться въ Россіи; была создана канцелярія опекунства иностранныхъ, которой отпущено 200 тысячъ рублей на первое время для помощи поселенцамъ. На призывъ откликнулись, главнымъ образомъ нѣмцы: съ 1763—66 гг. переселилось въ одно только Поволжье 6342 семьи (около 22800 д. об.), въ другихъ мѣстахъ было водворено около тысячи семействъ. Экономическое положеніе этихъ первыхъ колонистовъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ (1769 г.)

на одну семью душъ обоего пола	3,6.
лошадей	2,2.
рогатаго скота	1,9.
овецъ	0,4.
свиней	0,2.
четвертей посѣва ржи	2,2.
четвертей умолота	7,2.

Повидимому, въ началѣ первые колонисты не были очень обезпеченными. Иначе и не могло быть, такъ какъ ихъ кадры составлялись изъ пролетаріата. „Эмигрировалъ въ Россію, главнымъ образомъ, городской пролетаріатъ, оборванцы пропойцы изъ разныхъ слоевъ общества". (Писаревскій стр. 65). Въ то время въ западной Европѣ было большое количество безработныхъ, благодаря развитію крупной мануфактурной промышленности, лишавшей ремесленниковъ заработка и и окончанію семилѣтней войны, которое привело къ роспуску многочисленныхъ армій. „Чрезвычайно многіе изъ такихъ людей", доноситъ Каницъ графу Орлову, „сдѣлались либо побродягами, либо нищими, а особливо нынѣ, потому что многія фабрики въ нѣмецкой земли разорились. Всѣ такіе люди— весьма полезные переселенцы для Россіи".

Но, начатый такъ успѣшно вывозъ иностранныхъ колонистовъ пришлось прекратить въ 1766 г., т. к. западныя правительства, также увлеченныя идеями популяціонистовъ, начали препятствовать дальнѣйшему развитію эмиграціи. Вплоть до конца 70-хъ годовъ XVIII в. почти не было иностранной колонизаціи. Она начинается снова послѣ турецкой кампаніи, когда въ 1788 году было сразу переселено въ Новороссію 31,4 тысячи душъ крымскихъ христіанъ грековъ, армянъ и валаховъ. Ихъ, какъ и нѣмецкихъ колонистовъ, надѣлили землей по 60 десятинъ на дворъ.

Въ 1781 году въ Новороссію же переселили около 960 душъ шведовъ съ острова Даго, въ 1783 году 435 корсиканцевъ, въ 1786 г. 910 нѣмцевъ изъ Данцига, въ 1788 г. 1333 меннонитовъ, которыхъ въ 1793—6 гг. прибыло еще 118 семействъ.

Послѣ второй турецкой войны, въ 1791—2 гг. переселилось также въ Новороссію около тысячи семействъ болгаръ, армянъ и грековъ.

Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ въ низовое Поволжье было переселено около 23 тыс. человѣкъ, въ Новороссію— до 35 тыс. иностранныхъ колонистовъ. Въ XIX вѣкѣ иностранная колонизація Россіи быстро возрастала и по X-й ревизіи (1858 г.) числилось:

В ъ т ы с я ч а х ъ.

	Колонистовъ семей.	Душъ м. п.	Земли т. дес
Въ Поволжьи . .	23,6 .	103,0	871,5
Въ Новороссіи . .	27,5	119,5	1213,1
Проч. районахъ . .	1,1	6,6	23,1
Всего	52,2	289,1	2107,7

Въ общемъ, слѣдовательно, иностранная колонизація созданная исключительно правительственными усиліями, ко времени реформы, дала, круглымъ счетомъ, до полумилліона душъ обоего пола.

Въ 1777—99 гг. устраивается укрѣпленная линія на сѣверной границѣ Кавказа, куда правительство переселяетъ нѣсколько казачьихъ полковъ съ Дона и Волги.

Въ XIX вѣкѣ организуются переселенія государственныхъ крестьянъ. Небольшія партіи дворцовыхъ крестьянъ переселялись и въ XVIII вѣкѣ—напримѣръ, въ 1701 году 1021 дворъ изъ Ярославской въ Воронежскую губ. въ 1715—26 гг.—въ окрестности Петербурга изъ Замосковья и т. д. Но самыя грандіозныя и, притомъ, сравнительно, очень планомѣрныя перемѣны производились графомъ Киселевымъ при Николаѣ I. Переселяли изъ центральныхъ губерній сначала въ первый колонизаціонный поясъ—губерніи Воронежскую, Тамбовскую, Харьковскую, а потомъ—во второй—въ Саратовскую, Самарскую и Оренбургскую и въ Предкавказье—крестьянъ, имѣвшихъ менѣе 8 десятинъ на ревизскую душу, при чемъ, по крайней мѣрѣ, по инструкціи, переселеніе было обставлено хорошо: заготовлялся лѣсъ для построекъ, давались сѣмена, орудія и скотъ (по парѣ воловъ на хозяйство), предоставлялись поселенцамъ льготы отъ податей и рекрутчины и т. д. Всего при Киселевѣ переведено 169 тыс. д. мужескаго пола, которые были надѣлены $2^1/_2$ милл. десят.

Третій видъ колонизаціи—помѣщичья, почти не встрѣчался въ Московской Руси; его развитіе начинается, главнымъ образомъ, со второй половины XVIII вѣка, съ эпохи наиболѣе усиленной раздачи земель придворнымъ фаворитамъ. „Царскимъ любимцамъ достались, большею частью, многоземельныя и малозаселенныя казенныя дачи, приволжскія степи, пермскіе промыслы, такъ что первая ихъ забота должна была состоять въ принудительномъ размѣщеніи жителей изъ однѣхъ мѣстностей въ другія (курсивъ нашъ Н. О.); къ этому приступлено было одновременно и повсемѣстно въ исходѣ XVIII вѣка безъ всякаго руководства и законнаго ограниченія, по произволу жадныхъ владѣльцевъ, находившихъ всюду подобострастное повиновеніе со стороны мѣстныхъ властей, и тупое, злобное сопротивленіе отъ крестьянъ. Изъ многочисленныхъ дворовъ отбирали излишекъ рабочихъ и вывозили ихъ на новыя мѣста; равносильнымъ хозяевамъ давали жребій и по „Божьему суду“ приговаривали старожиловъ къ переселенію“ [1]).

[1]) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ Европейскихъ странахъ. (Т. I стр. 402).

При Петрѣ I помѣщичьи переселенія были нѣсколько ограничены; безъ разрѣшенія камеръ-коллегіи переселять было нельзя. При Екатеринѣ II переселенія производились уже безъ разрѣшенія властей, явочнымъ порядкомъ. Какъ констатируетъ князь Васильчиковъ, помѣщичьи переселенія усилились съ развитіемъ раздачи земель дворянамъ. Иногда само правительство, чтобы ускорить колонизацію вновь завоеваннаго края, раздавало помѣщикамъ земли въ этой мѣстности съ условіемъ ихъ заселенія. Въ 1781 году помѣщикамъ было дозволено „на розданныя и впредь раздаваемыя имъ земли“ въ Азовской и Новороссійской губерніяхъ перевести и поселить до 26 тысячъ крестьянъ“. [1]) Въ концѣ XVIII вѣка развилась продажа людей безъ земли „на вывозъ“.

Въ XIX вѣкѣ, когда уже въ нѣкоторыхъ раіонахъ появилось относительное малоземелье, многіе помѣщики переселяли крестьянъ на купленныя или пожалованныя земли на многоземельныхъ окраинахъ. Какихъ либо точныхъ массовыхъ данныхъ о величинѣ переселеній, производимыхъ помѣщиками, мы не имѣемъ: изслѣдователи констатируютъ только, что они были значительныхъ размѣровъ.

Итакъ, въ крѣпостную эпоху, размѣщеніе населенія по территоріи Россіи, его „сползаніе“ на югъ и юго-востокъ продолжалось съ большой интенсивностью. До второй половины XVIII вѣка она была преимущественно вольно-народной и происходила въ предѣлахъ старой Московской Руси.

Изъ прежнихъ центральныхъ раіоновъ—Замосковья, Новгородской области и сѣвера населеніе передвигалось въ первый колонизаціонный поясъ—Степи, средняго Поволжья и Прикамья, а также въ Малороссію; со второй половины вѣка, колонизація идетъ вслѣдъ за новыми русскими завоеваніями—въ Новороссію, низовое Поволжье, Оренбургскій край и на сѣверный Кавказъ. Здѣсь къ вольно-народному переселенію прибавилось организованное правительствомъ, поселившимъ до полумилліона иностранныхъ колонистовъ. Если принять въ разсчетъ постройку укрѣпленныхъ линій, и разселеніе государственныхъ крестьянъ, то общіе размѣры правительственной колонизаціи составляютъ около милліона душъ, т. е. сравнительно незначительную часть всего переселенческаго потока. Точно также и помѣщичье переселеніе не могло идти въ сравненіе съ грандіознымъ вольно-народнымъ передвиженіемъ. Но и правительство и помѣщики, во

1) Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II т. II стр. 160.

многихъ раіонахъ, идя вслѣдъ за вольными колонистами, захватывали ихъ подъ свою власть. Правительство превращало ихъ въ служилыхъ людей на территоріи укрѣпленныхъ линій, на югѣ и востокѣ помѣщики—обращали въ крѣпостныхъ рабовъ. Мы видимъ, что въ Нижегородской губерніи вольные поселенцы, записанные послѣ первой ревизіи въ государевы бобыли, во время 2-ой и 3-ей оказались, всѣ безъ исключенія, помѣщичьими крестьянами. Тоже самое случилось и въ Саратовской губерніи. Придворные вельможи, вродѣ гр. Нарышкина, получили огромныя пространства незаселенныхъ и заселенныхъ земель казеннаго и удѣльнаго вѣдомствъ, а это повело къ многочисленнымъ случаямъ закрѣпощенія вольныхъ крестьянъ—старожиловъ. Въ Аткарскомъ уѣздѣ также были закрѣпощены самовольные поселенцы, ясачные крестьяне, бѣглые, однодворцы и пр. или путемъ пожалованія кому-либо занятыхъ ими земель, или же посредствомъ постепеннаго закрѣпощенія ихъ за вліятельными помѣщиками, подъ покровительство которыхъ они становились добровольно. Добровольное закрѣпощеніе особенно интесивно развилось въ Малороссіи. Такимъ образомъ, бѣгство крестьянъ, въ концѣ концовъ, становилось выгоднымъ для крупныхъ владѣльцевъ, получавшихъ имѣнія въ тѣхъ раіонахъ, куда первоначально направлялись бѣглецы изъ центра.

Мы видѣли, что со второй половины XVIII вѣка, населеніе, перетекая во второй колонизаціонный поясъ, тѣмъ самымъ ослабляетъ свой естественный приростъ на всей территоріи старой Петровской Руси. Но, кромѣ эмиграціи, была еще другая причина, еще больше содѣйствовавшая ослабленію этого прироста—*именно развитіе крѣпостного права.* Взявши данныя, приведенныя у Шнитцлера, получаемъ такую картину роста государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Число крестьянъ м. п. въ тысячахъ.

	Государственныхъ.	Помѣщичьихъ (безъ двор.).
Въ 1762 г.	5759,1	6678,2
„ 1796 г.	6505,7	8699,8
„ 1811 г.	7550,7	10444,6
„ 1836 г.	8915,5	11365.8
„ 1851 г.	9827,9	10708,8
„ 1858 г.	10614,4	9803,2

Въ то время, какъ общее число государственныхъ крестьянъ увеличилось за 76 лѣтъ на 4,8 милліоновъ, помѣщичьихъ, несмотря на пожалованія и самовольные захваты— всего на 3,1 милліона. Больше всего число помѣщичьихъ крестьянъ возрастаетъ за 1782—96 гг. и 1796—1811 гг. т. е. въ моментъ самой усиленной раздачи населенныхъ земель фаворитамъ; съ 1835 года помѣщичьи крестьяне начинаютъ сокращаться даже абсолютно. Такъ какъ въ XIX вѣкѣ раздача крестьянъ прекратилась, то ясно, что увеличеніе крѣпостныхъ больше всего зависѣло отъ искусственныхъ причинъ. Намъ могутъ указать, что и государственные крестьяне возрастали также отчасти искусственнымъ путемъ, т. к. на вновь завоеванныхъ окраинахъ туземное населеніе обращалось въ этихъ послѣднихъ. Поэтому, посмотримъ, какъ обстояло дѣло на территоріи Московской Руси (въ 27-ми великороссійскихъ губерніяхъ):

Число крестьянъ мужескаго пола въ тысячахъ 1).

	Государственныхъ.	Помѣщичьихъ.
Въ 1782 г. . . .	4012,1	5089,9
„ 1796 г. . . .	4513,4	5694,3
„ 1811 г. . . .	5112,5	6231,0
„ 1835 г. . . .	—	6737,5
„ 1858 г. . . .	7131,3	6439,8

Получается тотъ же самый результатъ: за 76 лѣтъ число государственныхъ крестьянъ увеличилось на 77,8%, помѣщичьихъ на 26,5%, относительно почти втрое меньше, при чемъ съ 1835 года, оно падаетъ. Это сокращеніе происходитъ почти повсемѣстно, а потому причиной его не можетъ служить перемѣщеніе помѣщичьихъ крестьянъ.

Распредѣленіе крѣпостныхъ крестьянъ по раіонамъ.

	Въ 1835 г.	1858 г.	Измѣнен. въ %. + —
Сѣверный 2)	101,6 тыс. д. м. п.	108,2 тыс. д. м. п.	+6,5
Сѣверо-восточный . .	317,7	262,4	—17,4
Сѣверо-западный . .	535,0	507,5	—5,1
Московск. промыш. .	2308,2	2188,0	—5,2
Центральн. землед. .	2180,6	2117,1	—2,9
Средне-волжск. . . .	1294,4	1256,5	—2,9

1) Разсчетъ сдѣланъ по Герману, Кеппену и Тройницкому.

2) Въ сѣверный раіонъ включены губерніи: Архангельская, Вологодская, Олонецкая: въ сѣверо-восточный: (др. Прикамье) Вятская, Пермская, Оренбургская (съ Уфимской); въ сѣверо-западный: (древн. Новго-

Сокращеніе крѣпостного населенія произошло во всѣхъ раіонахъ кромѣ сѣвернаго, гдѣ вообще крѣпостныхъ было очень мало. Даже такіе раіоны, какъ среднее Поволжье и отчасти земледѣльческій центръ, куда населеніе продолжало еще притекать, дали убыль крѣпостныхъ. Эту убыль Тройницкій, тщательно изучившій вопросъ, объясняетъ рекрутскими наборами. „Главную причину уменьшенія въ числѣ крѣпостного населенія, мы считаемъ возможнымъ приписать отбыванію этимъ сословіемъ рекрутской повинности въ натурѣ, потому что люди, поступившіе въ рекруты изъ свободныхъ сословій, остаются въ тѣхъ же сословіяхъ при счетѣ народонаселенія; поступившіе въ военную службу изъ крѣпостного сословія, исключаются изъ него навсегда, причисляясь, по истеченіи срока своей службы, не только лично, но и съ частью своихъ семей къ какому либо изъ свободныхъ сословій [1]).

Однако, надо принять въ разсчетъ, что, во 1-хъ сдача крѣпостныхъ въ рекруты существовала всегда, а убыль становится особенно замѣтной лишь послѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка, во 2-хъ, если прибавить къ абсолютной убыли нормальный естественный приростъ, который за 23 года долженъ былъ составить, по крайней мѣрѣ, 25% — не менѣе 2½ милліоновъ душъ мужескаго пола, то дѣйствительная убыль за это время будетъ около 4 милліоновъ — каковое сокращеніе одними рекрутскими наборами объяснить невозможно. Въ 3-хъ, государственные крестьяне также отбывали рекрутскую повинность, однако убыли населенія у нихъ не замѣтно. Точно также нельзя объяснить это явленіе созданіемъ института свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ; первыхъ съ 1803 года было отпущено на волю всего 112 тысячъ душъ мужескаго пола, вторыхъ — 45 тысячъ.

Основной причиной убыли надо считать *паденіе естественнаго прироста*, идущаго параллельно развитію крѣпостного права. Съ 1678 году на боярскихъ и помѣщичьихъ земляхъ находилось 67% всѣхъ крестьянъ. По второй ревизіи, въ 1793 году крѣпостные составляли лишь 53,7%; съ тѣхъ поръ, до 5-й ревизіи (1796 г.) процентное отношеніе

родская область) — Новгородская, Псковская, С.-Петербургская; въ московско-промышлен. (Замосковье) — Московская, Владимірская, Калужская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Костромская; въ центрально-земледѣльческій (Степь) — Тамбовская, Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская; въ средне-волжскій (Поволжье) — Казанская, Симбирская, Пензенская, Нижегородская, Саратовская.

1) Тройницкій. О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи. Журналъ Сельское Благоустройство 1858 г. и отдѣльное изданіе подъ тѣмъ же заглавіемъ.

ихъ ко всѣмъ крестьянамъ въ Великороссіи, несмотря на щедрыя пожалованія, сократилось до 53,1%; наконецъ по X ревизіи (1858 г.) въ тѣхъ же раіонахъ Петровской Руси крѣпостныхъ оставалось только 47,4%. Ясно, что крѣпостные, несмотря на искусственный приливъ со стороны, не давали нормальнаго прироста, сравнительно со свободными крестьянами, даже въ XVIII вѣкѣ, когда тяжесть крѣпостного гнета еще не достигла до кульминаціонной точки. Въ XIX вѣкѣ, особенно во второй его четверти, несмотря на то, что бѣгство на окраины было уже затруднено, вмѣсто прироста произошла *абсолютная убыль*, указывающая на крайнее ухудшеніе условій существованія крѣпостныхъ.

Въ общемъ, ихъ число, составляющее въ 1835 году еще 44,8% всего населенія, понизилось въ 1858 году до 37,9%.

Такое рѣзкое пониженіе другой изслѣдователь этой эпохи Н. Х. Бунге объясняетъ повышеніемъ эксплуатаціи крѣпостного труда со стороны помѣщиковъ: „Въ болѣе отдаленную эпоху примѣненіе обязательнаго труда было ограниченнѣе и, если, съ одной стороны нравы были грубѣе и злоупотребленія власти были возмутительнѣе, то съ другой—стремленіе къ извлеченію выгодъ изъ работы (крѣпостного Н. О) не было такъ сильно, какъ теперь. Самыя имѣнія не носили еще характера спекулятивныхъ покупокъ и сохранили, въ большей степени, свой бытовой характеръ“ [1]).

Третій экономистъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ—Елисѣевъ, сравнивая приростъ населенія по губерніямъ, находитъ, что въ губерніяхъ съ большимъ количествомъ крѣпостного населенія, приростъ слабѣе и наоборотъ, независимо отъ плодородія почвы и другихъ условій. „Процентный приростъ нашего населенія по губерніямъ почти вполнѣ совпадаетъ съ процентнымъ содержаніемъ въ тѣхъ губерніяхъ крѣпостного населенія. При ничтожности крѣпостного элемента въ губерніи, удовлетворительный приростъ населенія получался даже въ губерніяхъ съ самою бѣдною почвою и суровымъ климатомъ. Поэтому то и благоденствовали всѣ наши окраинныя губерніи и южныя, и восточныя и сѣверныя позже заселявшіяся и не успѣвшія относительно пропитаться крѣпостнымъ элементомъ. И наоборотъ, только особенное плодородіе и случайныя выгоды географическаго

1) Н. Бунге. Измѣненіе въ сословномъ составѣ населенія Россіи въ промежутокъ между 7 и 8, 8 и 9 ревизій. Экономическій указатель 1857 года № 44.

положенія, спасали нѣсколько губернію, если крѣпостное населеніе стансвилось въ ней слишкомъ сильнымъ“ [1]).

Итакъ, крѣпостное населеніе давало болѣе слабый приростъ во все время крѣпостной эпохи, а къ концу ея даже убыль, не только благодаря бѣгству крѣпостныхъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, попадавшихъ во власть помѣщиковъ, не только благодаря рекрутскимъ повинностямъ, перечисленію въ свободныхъ хлѣбопашцевъ и во временно обязанныхъ крестьянъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе пониженія естественнаго прироста, вызваннаго усиленіемъ эксплуатаціи помѣщиками труда крѣпостныхъ, особенно замѣтномъ со второй четверти XIX вѣка. Это пониженіе естественнаго прироста еще болѣе ослабляло возрастаніе населенія въ старыхъ, центральныхъ областяхъ, гдѣ процентъ крѣпостныхъ былъ наиболѣе великъ.

Изъ 100 душъ мужскаго пола въ 1858 году было:

	Крѣпостныхъ крестьянъ.	Государственныхъ.	Приростъ всего крестьян. населенія въ % (за 1782—1858 гг.).
Въ Московско-пром. раіонѣ . . .	66,5	33,5	19,3
Сѣверо-западномъ .	62,6	37,4	15,6
Центрально - земледѣльческомъ . .	51,0	49,0	64,5
Средне-волжск. .	44,1	55,9	66,7
Сѣверномъ . .	18,1	81,9	32,4
Сѣверо-восточн. .	14,1	85,9	95,9

Во всѣхъ раіонахъ, кромѣ сѣвернаго, стоявшаго въ исключительныхъ условіяхъ, чѣмъ большій процентъ крѣпостныхъ находился въ данномъ раіонѣ, тѣмъ медленнѣе происходилъ приростъ населенія. А такъ какъ въ старыхъ центральныхъ раіонахъ—московско-промышленномъ и сѣверо-западномъ процентъ крѣпостныхъ былъ максимальный, то на нихъ и падаетъ наименьшій приростъ.

Въ общемъ итогѣ, въ трехъ старыхъ, раньше всѣхъ заселенныхъ раіонахъ—сѣверномъ, сѣверо-западномъ (Новгородскомъ) и Московскомъ въ 1678 году сосредоточивалось 73,1% т. е. почти три четверти населенія Московской Руси, а въ трехъ новыхъ—всего одна четверть. Въ 1858 году въ новыхъ раіонахъ обоихъ колонизаціонныхъ поясовъ (съ Новороссіей и Заволжьемъ) еще было 68,6% всего населенія,

1) Елисѣевъ. Производительныя силы Россіи „Отечественныя Записки“ 1868 г. № 8.

т. е. болѣе двухъ третей. Перемѣщеніе населенія, конечно, не могло не отразиться и на перемѣщеніи сельско-хозяйственнаго производства, эволюція котораго больше всего зависѣла отъ измѣненія въ населенности разныхъ областей Россіи.

§ 2. Общая характеристика эволюціи производства.

а) Эволюція сельскаго хозяйства.

Мы оставили разсмотрѣніе эволюціи сельскаго хозяйства на томъ моментѣ, когда, послѣ жестокаго кризиса конца XVI и начала XVII вв., въ центрѣ начала возстанавливаться паровая зерновая система съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ. Въ то же время въ первомъ колонизаціонномъ поясѣ, быстрыми шагами пробѣжавшемъ фазисъ до-земледѣльческаго, преимущественно, звѣроловнаго хозяйства развивается экстенсивное переложное земледѣліе. Поэтому, мы назвали московскую эпоху эпохой разсѣянія земледѣлія. То же приходится сказать и о крѣпостной эпохѣ. Сравнивая данныя о распредѣленіи угодій, преимущественно, конца XVIII вѣка (генеральнаго межеванія) и 50-хъ гг. XIX вѣка, мы получаемъ:

Изъ 100 десятинъ всей удобной земли:

РАЙОНЫ.		Пашня.	Сѣнокоса.	Лѣса.	Остальныхъ угодій.
Сѣверо-западн.	Генер. межев.	14,7	3,0	61,6	20,7
	50-е гг. XIX в.	17,7	6,8	57,0	18,5
Московск. пром.	Генер. межев.	30,8	5,5	54,4	9,6
	50-е гг. XIX в.	34,9	12,4	42,7	10,0
Централ. землед.	Генер. межев.	41,3	18,0	20,4	20,3
	50-е гг. XIX в.	60,7	12,2	15,4	11,7
Средне-волжск.	Генер. межев.	36,6	13,1	40,8	9,5
	50-е гг. XIX в.	41,8	9,2	40,9	8,1
Сѣверо-восточн.	Генер. межев.	10,3	8,9	56,6	24,2
	50-е гг. XIX в.	11,0	9,5	59,3	20,2
Всего по 26 губ.	Генер. межев.	24,0	9,7	47,4	18,9
	50-е гг. XIX в.	29,4	10,5	44,8	15,3

Данныя генеральнаго межеванія взяты у Арсентьева и Янсона данныя конца 50-хъ гг. XIX в.—у Вильсона (примѣчанія къ сельскохозяйственному атласу.

Пашня возросла всюду—въ лѣсныхъ раіонахъ за счетъ лѣса, въ степныхъ—за счетъ сѣнокосныхъ степей. Но этотъ ростъ далеко не одинаковъ въ разныхъ областяхъ: въ то время, какъ въ старомъ московскомъ центрѣ за 50—60 лѣтъ отводится вновь подъ пашню только 4,1% всей удобной площади, а въ сѣверо-западномъ (древней Новгородской области) 3%, въ земледѣльческомъ центрѣ (Степи) заново распахивается 19,4%—цѣлая пятая часть, въ среднемъ Поволжьи 5,2% [1]).

Благодаря тому, что въ раіонахъ Степи и Поволжья пашня ростетъ быстрѣе, происходитъ относительное перемѣщеніе земледѣлія изъ центра на окраины.

Изъ 100 десятинъ всей пашни было:

	Въ концѣ XVI вѣка [2]).	Въ концѣ XVIII вѣка.	Въ 50-хъ гг. XIX вѣка.
Въ старыхъ центральн. област.	76,1	32,6	31,1
Въ раіонахъ перваго колониз. пояса . . .	23,9	67,4	68,9

Получается картина вполнѣ тождественная съ картиной перемѣщенія населенія. Какъ тамъ въ концѣ XVII вѣка, такъ и здѣсь, въ концѣ XVI вѣка, $^3/_4$ пашни и населенія сосредоточивались въ старыхъ центральныхъ областахъ и ко времени освободительной реформы здѣсь осталась лишь всего одна треть того и другого. Перемѣщеніе трудового населенія отъ центра къ окраинамъ повело за собой перемѣщеніе главнаго источника его существованія—пахатныхъ угодій. Развитіе пашни на просторныхъ окраинахъ даже опережало ростъ населенія. Такъ ко времени реформы находилось.

	Изъ 100 душъ населенія.	Изъ 100 десятинъ пашни.
Въ старыхъ центр. област. (сѣверн., московскій, сѣверо-западный)	31,6	24,9
Въ 1-мъ колонизац. поясѣ (центральн.-земледѣльч., средн. Поволжье, сѣвево-вост.) . . .	51,3	54,2

[1]) При этомъ надо замѣтить, что въ нѣкотор. губерн. 1-го колонизаціоннаго пояса генеральное межеваніе производилось позднѣе, чѣмъ въ центрѣ, такъ что промежутокъ времени между приведенными выше данными здѣсь меньше.

[2]) Конечно, цифры XVI в. не полны, т. к. множество писцовыхъ книгъ утеряно; тѣмъ не менѣе, имѣющіяся на лицо данныя (приведенныя у Рожкова) охватываютъ около 3,3 милліона десятинъ пашни и для общей картины эволюціи ихъ полнота достаточна.

	Изъ 100 душъ населенія.	Изъ 100 десятинъ пашни.
Во 2-мъ колонизац. поясѣ (Низовое Поволжье, Новороссія) . .	18,1	20,9
Всего .	100	100

Въ то время какъ въ раіонахъ двухъ поясовъ колонизаціи къ концу эпохи скопилось 68,4% населенія—пашни сосредоточилось уже 75,1%: это вполнѣ понятно, т. к. въ колонизаціонныхъ поясахъ, охватывавшихъ сравнительно мало заселенную степную полосу, было гораздо больше удобной для распашки земли, самая обработка степного чернозема была гораздо легче и, поэтому каждый крестьянинъ могъ распахать здѣсь гораздо большее количество десятинъ. Въ земледѣльческомъ центрѣ пашня передъ освобожденіемъ уже охватывала 60,7% всей площади. Среднее Поволжье, хотя еще отставало отъ него (41,8%), но далеко опередило московскій центръ (34,9%), тѣмъ болѣе сѣверо-западъ (17,7%).

Эта слабая эволюція земледѣлія въ нечерноземныхъ областяхъ какъ ясно изъ предыдущаго, болѣе всего зависѣла отъ слабаго прироста населенія. Конечно, это былъ приростъ, а не убыль, какъ въ эпоху московскаго кризиса, почему и земледѣліе все таки эволюціонировало. Но эволюція была крайне слаба, т. к. населеніе уходило изъ центральныхъ раіоновъ и этимъ самымъ лишало ихъ рабочихъ рукъ, способныхъ обрабатывать землю.

Но отчего же уходило это населеніе. Въ предыдущемъ § были перечислены политическія причины: крѣпостное право, гнетъ повинностей, рекрутчина, преслѣдованіе раскола. Но экономическихъ причинъ мы еще не касались; а главная изъ нихъ была та, что населеніе московской области, изъ которой выходило преобладающее большинство эмигрантовъ, уже къ концу XVIII вѣка дошло до той степени густоты, которая представляетъ конечную грань при трехпольномъ сѣвооборотѣ—именно приблизительно, 40—45 человѣкъ на кв. версту. Г. Милюковъ, говоритъ, въ своихъ „очеркахъ“: есть, очевидно, для каждой страны и для каждаго времени какой-то естественный предѣлъ насыщенія страны населеніемъ. Населеніе растетъ свободно, пока не достигнутъ этотъ предѣлъ, но послѣ его достиженія, упругость сопротивленія новому приросту быстро увеличивается и возрастаніе населенія замедляется... Ростъ сѣвернаго и центральнаго населенія Россіи очевидно, замедленъ. Почему же происходитъ это явленіе: Чѣмъ оно объясняется?..

Единственнымъ возможнымъ объясненіемъ остается то, въ силу котораго увеличеніе населенія тѣсно связано съ увеличеніемъ средствъ существованія, а возможность увеличить средства существованія зависитъ отъ характера экономической жизни. Нельзя не замѣтить, что задержка въ развитіи населенія центральной Россіи произошла на той цифрѣ, которую Левассеръ полагаетъ предѣльной для роста земледѣльческаго населенія (40 человѣкъ на кв. километръ. что равняется 45,6 человѣкъ на кв. версту). Приблизительно къ той же цифрѣ приходили экономисты, пытавшіеся опредѣлить, сколько населенія Россія можетъ прокормить своимъ собственнымъ хлѣбомъ, при современныхъ условіяхъ русскаго земледѣлія (Очерки I, стр. 35). Въ Московской губерніи Петра I уже въ 1678 году было 39,1 человѣкъ на кв. версту, но это число быстро упало при Петрѣ I и въ 1724 г. оно равнялось лишь 29,4 человѣкъ. Медленно повышаясь, густота населенія лишь въ 1858 году дошла до прежняго размѣра въ 39,4 человѣка. Ясно, что въ дореформенныхъ условіяхъ производства эта цифра и была предѣломъ, котораго не могла переступить населенность нечерноземнаго, малоплодороднаго московскаго центра. Даже и эта цифра плотности, вѣроятно, была для него нѣсколько велика. По крайней мѣрѣ уже со второй половины XVIII вѣка начинаются жалобы на его перенаселенность. Такъ, кн. Щербатовъ, въ своемъ „разсужденіи о повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи въ 1787 году“ главныя причины голода видитъ въ „умноженіи народа“, въ „недостаткѣ земель“, въ уменьшеніи ихъ плодородія, въ томъ, что „прилежащіе къ земледѣлію крестьяне не толикое число земли обрабатываютъ, сколько бы надлежало, тогда какъ великія степи, въ лучшихъ мѣстахъ лежащія, и снабженныя тучною землею, безъ земледѣлія остаются“. Даже у государственныхъ крестьянъ, обычно лучше надѣленныхъ землей, многіе „не имѣютъ и по осьминѣ на работника высѣять“. Въ другой своей работѣ: „статистика въ разсужденіи Россіи“, написанной еще раньше (въ 1776—7 гг.), онъ говоритъ о Московской губерніи (Петровскихъ размѣровъ): „по причинѣ великаго числа народа, населяющаго сію губернію, многія деревни такъ безземельны остаются, что ни съ какимъ прилежаніемъ не могутъ себѣ на пропитаніе хлѣба достать и для того принуждены другими работами оный сыскивати“. (Собраніе сочиненій т. I стр. 480).

Ростопчинъ, авторъ изданной въ 1806 году анонимной брошюры „плугъ и соха“, уже связываетъ эмиграцію непосредственно съ малоземельемъ и истощеніемъ почвы: „во

многихъ мѣстахъ, гдѣ земли выпахались и ихъ мало, а поселяне хлѣбопашцы, то они переходятъ на новыя мѣста".

Въ концѣ XVIII в. у государственныхъ крестьянъ % пашни въ Московскомъ раіонѣ составилъ 36,7%, у оброчныхъ—32,9% удобной земли [1]). Процентъ на первый взглядъ, небольшой, но, если мы узнаемъ, что даже въ 1887 г. изо всей удобной земли подъ пашню было отведено 30,8%, то намъ станетъ яснымъ, что суглинистая почва не допускала больше и распашки, чѣмъ 30—35% и что слѣдовательно, въ концѣ XVIII в. крестьяне не только достигли, но, отчасти, перешли уже за предѣлы распашки, возможной при трехпольи того времени. Отсюда выводъ—жалобы на выпаханность и малоземелье (относительное) для того момента имѣли свои вѣскія основанія. Послѣ реформы площадь пашни въ московскомъ раіонѣ сразу значительно сократилась—съ 11,1 мил. дес. въ началѣ 60-хъ гг. до 8,7 мил. дес. въ 1881 г., т. е. на 2,4 мил. или на 21,6% [2])—что указываетъ на перепаханность территоріи въ дореформенную эпоху.

Итакъ, въ старинномъ московскомъ центрѣ къ концу XVIII в., трехполье не только развилось, но и дошло до своего предѣла, что было видно по выпаханности полей, общему пониженію урожайности и частымъ голодовкамъ. По приложеніямъ къ сельско-хозяйственному атласу Вильсона средняя урожайность была:

	Урожаи „самъ".	
	озимаго.	ярового.
Въ Московско-промышлен. раіонѣ	3,03	2,67
Сѣверо-западномъ . . .	3,41	2,73
Сѣверномъ	4,02	3,11
Въ среднемъ въ центральныхъ областяхъ	*3,34*	*2,79*
Въ центрально-земледѣльч. раіонѣ	3,64	3,32
Въ сѣверо-восточномъ . .	3,82	3,65
Средне-волжскомъ	3,95	3,38
Въ среднемъ въ областяхъ 1-го пояса колонизаціи	*3,79*	*3,42*
Въ низов. Поволжьѣ . . .	3,72	3,98

[1]) Разсчетъ сдѣланъ по даннымъ Семевскаго, приведеннымъ въ приложеніи ко II-му тому „крестьяне въ царствованіе Екатерины II", посредствомъ помноженія числа душъ на приведенные размѣры подушнаго надѣла.

[2]) „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи" изданіе минист. землед. и государствен. имуществъ.

	Урожай озимаго	„самъ“ яроваго.
Въ Новороссіи	3,84	4,86
Въ среднемъ въ областяхъ II-го пояса колонизаціи	*3,73*	*4,53*

Минимальный урожай въ московско-промышленномъ раіонѣ, раньше всѣхъ вступившемъ въ періодъ трехполья, максимальный (яровыхъ)—въ наиболѣе экстенсивномъ по характеру земледѣлія Новороссійскомъ. Мы увидимъ изъ слѣдующихъ части что теперь расположеніе раіоновъ по урожайности совсѣмъ иное. Очевидно, въ тогдашнюю эпоху природныя качества почвы, ея сравнительная свѣжесть благодаря экстенсивности системъ полеводства, играли гораздо большую роль, чѣмъ теперь. Человѣкъ еще не прилагалъ особенныхъ усилій къ развитію естественнаго плодородія почвы и урожай зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ этого плодородія. Поэтому, раіоны перваго и, особенно, второго колонизаціоннаго пояса, съ ихъ свѣжимъ черноземнымъ цѣлиннымъ „пластомъ“ стояли по урожайности гораздо выше раіоновъ нечерноземнаго центра.

Неурожаи дореформенной эпохи также больше всего падали на центральные раіоны. Они наблюдались въ 1710, 16, 22, 33, 34, 49, 65, 66, 67, 87, 94—1800, 20, 21, 33, 34, 35, 39, 43, 44, 45, 50, 51 гг.—всего 23 раза за 150 лѣтъ. „Цѣлый рядъ фактовъ, говоритъ г. Покровскій, указываетъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка центральная Россія уже перешла за тотъ предѣлъ плотности населенія, при которомъ послѣднее могло прожить обычными для прежней поры пріемами хозяйства... 80-е г.г. отмѣчены сплошнымъ рядомъ голодовокъ, напомнившихъ одному новѣйшему изслѣдователю голодъ 1891 года. Какъ и теперь въ высшемъ обществѣ съ ужасомъ разсматривали черную массу, которой питались крестьяне. Въ 1782 году четверть ржи стоила 1 руб. 30 коп. въ 1786 г. дошла до 4 руб.; въ 1788 году 4 рубля стоила четверть лебеды [1])“.

Однако, Московскій раіонъ еще не такъ сильно страдалъ отъ неурожаевъ, какъ Новгородскій, который, благодаря своей болотистой почвѣ, суровому климату, поражается голодовками съ XI вѣка. И это, несмотря на то, что и въ XVIII и даже въ XIX вѣкѣ здѣсь, наряду съ трехпольемъ, довольно распространена еще подсѣчная система. По словамъ Щербатова, „во многихъ мѣстахъ Новго-

1) Гранатъ. „Исторія Россіи“, статья Покровскаго.

родской губерніи земля есть столь неплодородна, что, хотя вырубаютъ великія дубравы и сожигаютъ лѣсъ на сѣчахъ, но и изъ сихъ свѣжихъ земель, не болѣе, какъ три или четыре хлѣба собираютъ, а потомъ совершеннымъ оскудѣніемъ соковъ земли, принуждены опять оную землю въ лѣса запустить". О С.-Петербургской губерніи: „земля песчаная, болотная и климатъ холодной..... въ ничто приводятъ всѣ труды земледѣльца и рѣдко награждаютъ попеченіе его, такъ что многонародный градъ Петербургъ весьма мало отъ окружающихъ его жителей заимствуетъ своего пропитанія, а самые оные, бывъ удручены частыми недородами хлѣба, хотя освобождены съ начала заведенія сея губернія, отъ всѣхъ рекрутскихъ наборовъ, однако мало размножаются, и густые лѣса, годные для строенія, всю сію губернію почти покрываютъ". Въ наиболѣе плодородной губерніи раіона— Псковской жители занимались, какъ и теперь, посѣвомъ льна; въ Новгородской же этотъ древній ея промыселъ, вслѣдствіе уменьшенія нетронутыхъ лядинъ, на которыхъ ленъ удавался лучше всего, началъ падать.

Подсѣчная система сохранилась на сѣверо-западѣ и въ XIX вѣкѣ. По Арсеньеву, расчистка лѣсовъ подъ пашню „въ большомъ употребленіи во многихъ частяхъ губерніи" [1]). Кн. Васильчиковъ пишетъ: „еще на моей памяти, главнымъ рессурсомъ крестьянъ сѣверо-западной полосы было лядинное и лѣсопольное хозяйство: на пустошахъ или лѣсныхъ нивахъ, часто безъ вѣдома владѣльцевъ, они сѣяли ячмень, ленъ, овесъ, подсѣкали въ лѣсныхъ дачахъ молодую поросль, жгли ее и, разсѣявши золу, кое какъ, между пнями проборонивъ обгорѣлую почву, засѣвали ее яровыми хлѣбами [2]). На Архангельско-Вологодскомъ сѣверѣ подсѣчная система была еще болѣе развита. Въ Вологодской губерніи „жители различаютъ два ряда посѣвовъ: подсѣками называютъ они участокъ, часто довольно крупнаго лѣса, срубленнаго и выжженнаго для посѣва колосовыхъ хлѣбовъ: наиболѣе ржи; послѣ нѣсколькихъ урожаевъ, пространство сіе вновь заростаетъ лѣсомъ [3])..... .

Иванъ Лепехинъ въ 1771 году описывалъ въ своемъ путешествіи: „подъѣзжая къ селу Подкиберскому (Яренскаго у.), увидѣли, съ какимъ трудомъ сихъ бѣдныхъ жителей соединено было хлѣбопашество, особливо озимоваго хлѣба. Озими ихъ стояли среди огромныхъ лѣсовъ, въ которыхъ

[1]) См. Статистическіе очерки Россіи.
[2]) Кн. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи.
[3]) Лодэ. Хозяйственное обозрѣніе Вологодской губерніи, стр. 44.

они пространныя вырубаютъ палестины и, сожегши лѣсъ, на пеплѣ сѣютъ свой хлѣбъ. Сихъ мѣстъ они не пашутъ, но, выжегши лѣсъ прямо сѣютъ и, заборонивши совершаютъ посѣвъ..... Такая новина служитъ имъ только на одинъ годъ или, какъ крестьяне говорятъ, со всякой новины снимаютъ они только одинъ хлѣбъ, а на другой надобно дѣлать новую новину 1)".

Въ Вологодской губерніи, съ конца XVIII вѣка крестьяне вполнѣ самостоятельно, безъ всякихъ постороннихъ указаній, начали прибѣгать къ искусственному травосѣянію. „Недостатокъ въ кормѣ... съ давнихъ временъ побудилъ жителей прибѣгнуть къ искусственному сѣянію тимофеевой травы, называемой палочникомъ. Они высѣваютъ ее вмѣстѣ съ рожью на подсѣкахъ и, смотря по свойству мѣста, болѣе или менѣе влажному и пригодному для сего растенія, пользуются имъ отъ 3 до 7 и 9 годовъ". (Лодэ стр. 44). Эта общая характеристика системъ полеводства въ трехъ раіонахъ древняго центра показываетъ, что земледѣліе здѣсь эволюціонировало сравнительно слабо со временъ Московской эпохи. Въ московскомъ раіонѣ продолжаетъ господствовать экстенсивное трехполье, дошедшее до предѣловъ распашекъ, возможныхъ въ нечерноземной полосѣ и даже отчасти переступившее за эти предѣлы, что и вызвало истощеніе почвы, рядъ неурожаевъ, иначе говоря—*сельско-хозяйственный кризисъ*, которымъ обычно знаменуется паденіе трехполья, и который въ концѣ XIX вѣка переживаетъ центрально-земледѣльческій раіонъ и среднее Поволжье.

Въ Новгородской области, на ряду съ преобладающимъ трехпольемъ, продолжаетъ фигурировать подсѣчная система, занимающая на сѣверѣ едва ли не господствующее положеніе. Смѣсь трехполья съ перелогомъ, характерная для московской эпохи, остается и въ дореформенную эпоху.

Такимъ образомъ, эволюція чистаго земледѣлія въ старыхъ раіонахъ мало подвинулась впередъ, что больше всего зависѣло отъ слабаго прироста населенія. Нѣсколько большіе успѣхи замѣтны въ появленіи новыхъ спеціальныхъ культуръ. Въ Вологодской губерніи развивается травосѣяніе, въ подстоличныхъ мѣстностяхъ огородничество. „Въ нѣкоторыхъ частяхъ Ярославской и Костромской губерній, крестьянинъ не жалѣлъ трудовъ при удобреніи и пожертвованій при воздѣлываніи тощей почвы своего огорода, чтобы... получить возможно большее количество зеленаго гороха. Точно также у заставъ Московскихъ крестьянинъ обра-

1) Дневныя записи путешествія Ивана Лепехина въ 1771 г., ч. III стр. 239.

батываетъ малые участки своей земли, подъ посѣвъ картофеля, моркови, какъ и ржи. Точно также помѣщикъ въ окрестностяхъ Петербурга тратитъ до 300 рублей на удобреніе десятины, опредѣляемой подъ посѣвъ тимофеевой травы, съ бѣлымъ клеверомъ, капусты или картофеля. Въ этихъ мѣстахъ высокая цѣна на означенныя огородныя произведенія при скоромъ и удачномъ сбытѣ полною рукою заплатитъ имъ за пожертвованія“ [1]).

Благодаря близости столицъ, взамѣнъ земледѣлія въ нечерноземной полосѣ, кромѣ огородничества начинаетъ развиваться и молочное хозяйство.

На 100 жителей приходилось (въ 40-хъ г.г. XIX вѣка [2]):

	Лошадей %.	Рогатаго скота.	Овецъ.
Сѣверный раіонъ . . .	20,9	50,8	46,4
Сѣверо-западный . . .	17,4	36,5	14,9
Московско-промышлен.	31,4	43,8	39,9
Всего въ старыхъ областяхъ	27,4	43,1	35,5.

Не только надъ лошадьми, необходимыми для земледѣльческаго хозяйства, но даже и надъ мелкимъ скотомъ—овцами количественно доминировалъ крупный рогатый скотъ. Это несомнѣнное доказательство развитія молочнаго хозяйства.

Въ раіонахъ перваго колонизаціоннаго пояса распредѣленіе видовъ скота было совсѣмъ иное.

На 100 жителей головъ скота:

	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.
Центральн. земледѣльч. раіонъ	38,4	30,7	61,8
Средне-Волжскій . . .	42,1	33,4	107,6
Сѣверо-восточный [3]) .	64,0	54,3	84,9
Всего въ I колонизаціон. поясѣ . .	45,7	37,2	81,9

Здѣсь на первый планъ, между видами крупнаго скота выступаютъ уже лошади, что указываетъ на преобладаніе земледѣлія. Мы видѣли выше, что къ 50-мъ г.г. XIX вѣка, въ этихъ раіонахъ сосредоточилось 54,2% всей

[1]) Сабуровъ. Записки Пензенскаго земледѣльца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства. Отечественныя Записки 1842—43 г.г.

[2]) Разсчетъ сдѣланъ по Арсеньеву.

[3]) Впрочемъ въ сѣверо-восточномъ раіонѣ обиліе лошадей объясняется не преобладаніемъ земледѣлія, а существованіемъ значительнаго количества туземныхъ—башкирскихъ, татарскихъ, киргизскихъ и проч. хозяйствъ, бывшихъ тогда еще кочевниками-коноводами.

великорусской пашни. Еще Щербатовъ называлъ Воронежскую и Бѣлгородскую губерніи житницей Россіи. Эволюція земледѣлія шла здѣсь очень быстрыми шагами, и за 50 послѣднихъ лѣтъ передъ реформой площадь пашни въ центрально-земледѣльческомъ раіонѣ увеличилась на половину.

Въ началѣ XVIII вѣка въ большинствѣ губерній этого раіона еще господствовала переложная система: даже во второй его половинѣ на сѣверѣ черноземной полосы, въ Тамбовской и Орловской губ. встрѣчались нетронутыя пространства степи

Стаховичъ вспоминаетъ, что его прадѣдъ въ 1780-хъ г.г. купилъ въ Елецкомъ уѣздѣ до 2-хъ тыс. десятинъ степи. По его словамъ, Елецкій уѣздъ въ 1750-хъ г.г., по простору и обилію земли, былъ такимъ же, какъ въ половинѣ XIX в. Оренбургская и Самарская губ. [1]).

Болотовъ упоминаетъ, что возлѣ его имѣнія въ Шацкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., лежала степь въ 40 верстъ длиною и 30 шириною. „Наши крестьяне распахивали вмѣстѣ со многими другими, степь сію ежегодно, сколько кто былъ въ силахъ, ибо вся она почиталась государственной и никому не принадлежавшей“ [2]). Про югъ земледѣльческаго центра нечего и говорить: въ Воронежской губ. въ концѣ XVIII в. перелогъ, повидимому еще преобладалъ надъ трехпольемъ. Въ 1797 г. распредѣленіе угодій было таково:

Усадебной	1,2%
Пашни	12,2 „
Степи	36,1 „
Лѣса	11,2 „
Неудобной	8,2 „

Степи было столько же, сколько и пашни, которая, конечно, далеко не вся обработывалась по трехпольной системѣ. Прошло 50—60 лѣтъ и, ко времени реформы, уже всюду не только воцарилось трехполье, но и начались жалобы на земельное утѣсненіе и истощеніе почвы. Сабуровъ въ 1855 г. пишетъ, что въ средней полосѣ (1 колонизаціонномъ поясѣ) земли для населенія недостаточно. Только въ 7 ея губерніяхъ и то нѣкоторая часть землевладѣльцевъ нынѣ можетъ быть надѣлены болѣе 3-хъ десятинъ на тягло въ каждомъ полѣ, а въ другихъ губерніяхъ этой же полосы большая часть крестьянъ не имѣетъ для своихъ посѣвовъ и вышеуказаннаго количества [3]). Въ XIX вѣкѣ ста-

1) М. А. Стаховичъ. Историческій взглядъ на сельское хозяйство въ одномъ степномъ краѣ. (Журн. землевлад. 1852 т. № 2).

2) Болотовъ, „Жизнь и приключенія“ т. II стр. 561.

3) Сабуровъ. „Ходъ земледѣлія въ Англіи“. Москвитянинъ. 1855г. № 11.

ринная степь—привольная „южная Украина"—обѣтованный край бѣглыхъ замосковныхъ крестьянъ, уже начинаетъ знакомиться съ *голодовками*. Въ 1811 году былъ неурожай въ Воронежской губерніи и „бѣдный земледѣлецъ помогалъ нуждѣ своей травою лебедою, которую собираетъ и просушиваетъ, какъ гречиху, потомъ вяжетъ въ снопы и молотитъ, какъ хлѣбъ, на токахъ. Сія лебеда похожа зерномъ на макъ; хлѣбъ пекутъ изъ нея, мѣшая оной одну часть съ двумя частями ржи, въ каковой пропорціи онъ и не противенъ и не вреденъ, но какъ скоро употребляютъ его больше и съ примѣсью за недостаткомъ ржи, гречишной мякины, тогда получается противной вкусъ и дѣлается вреденъ для желудка" [1]). Въ неурожай 1833 г. цѣлыя толпы крестьянъ выходили побираться на дорогу, какъ это было въ концѣ XVIII вѣка въ Московскомъ раіонѣ. Жители плодородныхъ мѣстъ питались дубовыми желудями и древесной корой. Въ 1839—40 г.г. центральныя черноземныя губерніи были поражены засухой и т. д. Вообще, въ XIX вѣкѣ особенно, во второй его четверти, голодовки въ черноземной полосѣ, повидимому, бывали уже чаще, чѣмъ въ нечерноземной. „Въ Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Воронежской губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, какъ будто, по какому то волшебству, исчезло постоянное и неизмѣнное плодородіе прежнихъ лѣтъ" [2]).

Итакъ, земледѣльческій центръ въ продолженіи крѣпостной эпохи, особенно во вторую половину ея, быстро эволюціонировалъ отъ переложной системы къ трехполью. Трехполье окончательно воцарилось здѣсь въ XIX вѣкѣ, а вмѣстѣ съ нимъ появились и голодовки. Если въ нечерноземномъ центрѣ развитіе промышленной жизни давало трудовому населенію сторонніе заработки, возмѣщало этимъ истощеніе почвы, то въ земледѣльческомъ центрѣ такой компенсаціи не было и каждый неурожай тяжелымъ ударомъ падалъ на благосостояніе населенія. Тѣмъ не менѣе, мы видѣли, что здѣсь урожайность была еще выше, чѣмъ въ московской области, что, слѣдовательно, черноземная почва не успѣла истощиться вполнѣ. Экстенсивное трехполье развилось къ концу эпохи, и за короткій срокъ не могло исчерпать запасъ природныхъ богатствъ почвы; кризисъ трехполья былъ нѣсколько заторможенъ освободительной реформой, и съ полной силой сказался лишь въ 90-хъ годахъ XIX вѣка.

1) Штаръ. Статистическое описаніе Воронежской губерніи 1812 г. (рукопись).

2) Шелеховъ. О настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи. СПБ. 1843 г.

Почти также быстро эволюціонировалъ другой раіонъ этой области—среднее Поволжье. Онъ отсталъ отъ земледѣльческаго центра, благодаря тому, что позднѣе заселился. Въ 50-хъ годахъ XIX вѣка подъ пашней здѣсь было только 41,8% всей площади, тогда какъ въ земледѣльческомъ центрѣ—60,7%. Въ концѣ XVIII вѣка почти всюду еще преобладалъ перелогъ; сѣверныя губерніи—Нижегородская, Пензенская, частью Казанская—раньше вступили въ періодъ трехполья—южныя позднѣе. Въ центральныхъ губерніяхъ „по мѣрѣ умноженія населенія пашня распространилась все болѣе и болѣе, такъ что теперь (40-е г.г. XIX в.) немного сыщется земель, которые можно было бы обратить подъ пашню безъ ущерба для другихъ сельско-хозяйственныхъ угодьевъ. Пензенская губернія давно стала въ числѣ малоземельныхъ губерній" (Арсеньевъ). А между тѣмъ, немного раньше, въ 30-хъ годахъ г. Карповичъ восхищался видами Саратовской степи. „Въ 1832, 33 и 34 г.г. я съ большимъ любопытствомъ вникалъ въ земледѣліе Тамбовской, Воронежской и Саратовской губ. и въ первый разъ въ жизни, въ Саратовской губ. увидѣлъ и узналъ, что значитъ степь. Величественное зрѣлище. Представьте себѣ почти необозримое пространство земли, покрытое зеленью, гладкое, ровное и вы имѣете понятіе о степи...; когда поднимается вѣтеръ, ковыль волнуется и зеленобѣлые его переливы представляютъ странный видъ. Вы будете ѣхать цѣлый день и взоръ не встрѣтитъ предмета, на которомъ могъ бы остановиться. На обширномъ пространствѣ не найдете даже кустика: все гладко, какъ море, гдѣ можно видѣть только небо и землю, землю и небо..... Я удивился и теперь еще для меня не понятно: почему владѣльцы имѣній въ другихъ губерніяхъ такъ мало обращаютъ вниманія на этотъ чудесный край [1])".

Въ одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ статистико-экономическихъ монографій дореформенной эпохи А. Никольскаго (по Балашовскому у. Саратовской г.), говорится, что 30 лѣтъ назадъ (въ 40-хъ годахъ XIX в.) земледѣліе было менѣе развито и „производилось по способу самой грубой переложной системы. По изобилію земель ихъ почти не дѣлили. Каждый выбиралъ мѣсто въ принадлежащихъ дачахъ по своему произволу, занималъ пространство, на обработку котораго доставало у него силъ и скота: поля, мѣстами, представляли чрезвычайно пеструю картину. Это былъ остатокъ стариннаго обычая пахать наѣздами, гдѣ

1) Карповичъ. „Хозяйственные опыты 30-ти лѣтней практики или наставленіе для управленія имѣніями (стр. 303).

вздумалось и косить перелогами, гдѣ трава лучше. Пашня неопредѣленной величины и формы занималась просомъ, рядомъ сѣяли пшеницу, гречу или рожь: въ такомъ же видѣ часто оставались пятнами непаханые промежутки залежи. Крестьянинъ, распахавъ новую землю, засѣвалъ ее 1-й и 2-й годъ просами, 3-й пшеницею, потомъ гречью, овсомъ или рожью; по снятіи 4-й 5-ти хлѣбовъ съ одного мѣста переходилъ на другое, оставляя прежнее въ залежь. Съ умноженіемъ народонаселенія и съ усиленіемъ господскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, земля приведена въ извѣстность, во многихъ мѣстахъ поля нарѣзаны правильно и въ настоящее время господствующая система земледѣлія—паровая съ перелогомъ т. е. состоящая изъ трехъ главныхъ полей: парового, озимаго и ярового. Къ послѣднему каждый годъ, гдѣ есть, прирѣзываютъ по нѣсколько десятинъ цѣлины или залежи, для посѣва красныхъ хлѣбовъ, проса и пшеницы, всегда лучше родящихся на земляхъ крѣпкихъ. Этотъ прирѣзокъ земли, по снятіи съ него нѣсколькихъ жатвъ, запускаютъ подъ пастьбу и покосы и взамѣнъ его прирѣзываютъ по порядку другой, потомъ 3-й и т. д. Лѣтъ черезъ 8, 10, 12, смотря по количеству залежей, посѣвъ возвращается на старый прирѣзокъ. Этотъ порядокъ земледѣлія, свойственный степной странѣ, имѣющей еще лишнія крѣпкія земли, представляетъ какъ бы смѣсь обыкновенной трехпольной или полевой системы съ переложною [1])". Однако, несмотря на сравнительное обиліе земель, тотъ же Никольскій съ ужасомъ описываетъ бѣдствія голода 1833 года: „не дай Богъ никому видѣть такихъ бѣдъ и несчастій, какія испыталъ народъ въ 1833—34 г.г. по случаю неурожая хлѣба. Одно воспоминаніе о нихъ ужасно. Представьте себѣ, до чего доводилъ ихъ голодъ: бѣдные, не имѣя въ запасѣ хлѣба, бродили по лѣсамъ и сбирали гнилушки, рвали сережки съ березы и орѣшника, рвали съ дуба желуди и все это толкли, мѣшали съ мукой и пекли для себя хлѣбы. Мякина и лебеда шли тоже въ хлѣбъ. Барда съ виннаго завода была лучшей примѣсью къ хлѣбу; но и той было мало, ибо на заводахъ мало курили вино. Домашній скотъ крестьяне кормили липовымъ, дубовымъ и березовымъ листомъ. Ни у помѣщиковъ, ни у крестьянъ ихъ сѣна не было: снимали крыши съ избъ и сараевъ и этою полусгнившею соломою кормили лошадей. Птицу и свиней почти перевели. Отъ суровой, грубой и несвойственной человѣку

1) Никольскій. Хозяйственное описаніе Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи стр. 69

пищи, многіе крестьяне страдали болѣзнью, похожей на водянку или отекъ". (Ibid. стр. 65).

Почему, при обиліи свободныхъ земель, крестьяне такъ страдали отъ неурожаевъ, становившихся уже замѣтнымъ явленіемъ въ черноземной полосѣ въ XIX вѣкѣ—вполнѣ понятно: эти свободныя земли были не крестьянской, а господской собственностью.....

Итакъ, и въ среднемъ Поволжьѣ, въ большинствѣ губерній ко времени реформы уже господствовало трехполье; только на юго-востокѣ наряду съ трехпольемъ еще существовала залежь (въ Казанской губ. подсѣки).

Смѣсь переложной системы съ трехпольемъ господствовала и на сѣверо-востокѣ. Такъ, въ Пермской губ., по монографіи 1811 года [1]) „пашни или обрабатываемыя поля раздѣляютъ крестьяне на яровыя, озимовыя и паровыя", но въ то же время паровыя поля бываютъ „отъѣздныя или дальнія и для озимовой ржи, да и для всякаго хлѣба предпочитается заложная т. е. новая и никогда прежде не паханная земля". Переложная система преобладала и въ южныхъ и восточныхъ азіатскихъ уѣздахъ Пермской губерніи. Черезъ 50 лѣтъ, другой изслѣдователь этой губерніи утверждаетъ, что „система земледѣлія распространена повсемѣстно съ давнихъ поръ трехпольная... Впрочемъ,. въ этомъ отношеніи земледѣльцы не придерживаются строгой послѣдовательности. Въ случаѣ совершеннаго истощенія земли, ее оставляютъ на отдыхъ въ залежахъ, на 10, 20 и даже мѣстами на 30 лѣтъ. Оставленная такимъ образомъ пашня, заростаетъ кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ [2])". Кромѣ дѣленія на трехпольныя и подсѣчныя пашни, т. наз. „новочистикъ" въ Пермской губ. существовало еще подраздѣленіе на удворныя и отъѣзжія или отхожія: къ первымъ относятся тѣ поля, которыя находятся близъ селеній и скотныхъ вагоновъ, а ко вторымъ—находящіяся въ разстояніи 5 и болѣе верстъ отъ деревни. Такимъ образомъ, въ Пермской губ. эволюція сельскаго хозяйства шла медленнѣе. чѣмъ въ остальныхъ раіонахъ перваго колонизаціоннаго пояса. Тогда какъ тамъ трехполье уже господствовдло къ концу эпохи, здѣсь еще преобладала смѣсь перелога и трехполья. Впрочемъ и здѣсь замѣтна эволюція земледѣлія, которую можно констатировать, напримѣръ, такими фактами. Во второй половинѣ XVIII в., въ Пермской и Вятской губ. крестьяне, за недостаткомъ хлѣба, постоянно прибѣгали къ суррога-

1) Хозяйственное описаніе Пермской губерніи.

2) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба Пермской губ.

тамъ, что дѣлали и въ Архангельской и Олонецкой губ., гдѣ хлѣбъ ѣли съ сосновой корой. По словамъ Рычкова (1770 г.), когда крестьянинъ „послѣ пихтовой пищи допущенъ будетъ къ ѣствѣ настоящаго хлѣба, то оказывается такая сильная въ его ногахъ боль, что онъ нѣсколько дней принужденъ бываетъ лежать неподвижно [1])". Привычку къ такой „деревянной" пищѣ имѣли якуты еще въ 50-хъ г.г. XIX в. и при переходѣ на настоящій хлѣбъ у нихъ „горѣло сердце". Но къ половинѣ XIX в. у пермяковъ и вятчанъ, также, какъ у современныхъ якутовъ, деревянная пища уже не примѣняется, что можетъ свидѣтельствовать объ успѣхахъ земледѣлія.

Въ общемъ итогѣ, въ раіонахъ перваго колонизаціоннаго пояса за 150 лѣтъ крѣпостной эпохи, совершился быстрый переходъ отъ экстенсивнаго перелога къ экстенсивному трехполью. Переложная система сохранилась только на юго-востокѣ и на восточныхъ окраинахъ, а внутреннія губерніи этого пояса, особенно, губерніи земледѣльческаго центра, уже становятся, по системѣ полеводства, въ уровень со старинымъ московскимъ центромъ, съ тою разницей, что тамъ, на глинистой почвѣ издавна практиковалось удобреніе, здѣсь же, на черноземѣ удобреніе почти не примѣнялось. По величинѣ пахатной площади земледѣльческій центръ значительно обгоняетъ центръ московскій, т. к. въ первомъ отводится подъ пашню 61% всей территоріи, во второмъ—только 35%. Дѣвственная почва, „цѣлины", совсѣмъ исчезла въ Тульской, Рязанской, Орловской и Пензенской губ. и находилась на пути къ полному исчезновенію, въ губерніяхъ Воронежской, Саратовской и Симбирской.

Переходимъ къ послѣдней области—второго колонизаціоннаго пояса. Пустынные и плодородные раіоны этого пояса—Новороссія и Низовье Поволжье и сѣверный Кавказъ только во второй половинѣ XVIII вѣка окончательно входятъ въ предѣлы Россійскаго государства. Въ этихъ раіонахъ, особенно въ Новороссіи, до 20—30-хъ г.г. XIX вѣка надъ земледѣліемъ еще господствовало дикое тебеневочное скотоводство. „На южныхъ нашихъ степяхъ: екатеринославскихъ, херсонскихъ, таврическихъ, астраханскихъ, отчасти саратовскихъ и Кавказской области народонаселеніе..... содержитъ свой многочисленный скотъ совершенно патріархально, потому что климатъ и обиліе въ дешевой землѣ даютъ возможность содержать его во всѣ времена года на

---

1) Цитируемъ по Семевскому „Домашній бытъ и нравы крестьянъ во II половинѣ XVIII вѣка. „Устои" 1882 г. № 1 и 2.

подножномъ корму или съ малымъ на зиму запасомъ [1])". Еще въ Запорожской сѣчи, находившейся на сѣверѣ Новороссіи на хуторахъ „зимовникахъ" разводили громадные гурты скота. Разводили его и кочевники калмыки и ногайцы въ приволжскихъ и донскихъ степяхъ, и казаки, а слѣдомъ за ними, русскіе и иностранцы. Съ приходомъ иностранныхъ и русскихъ капиталистовъ—купцовъ и дворянъ развивается тонкорунное овцеводство. Число овецъ мериносовъ, привезенныхъ изъ Испаніи въ концѣ XVIII вѣка, и разводимыхъ вначалѣ магнатами, вродѣ кн. Кочубея, Потемкина, только съ 1823 до 1848 г.г. выросло съ 444 тысячъ до 3657 тысячъ. Вообще, овцеводство въ Новороссіи являлось главнымъ видомъ скотоводства въ эту эпоху.

На 100 жителей приходилось (по даннымъ 40-хъ г.г. XIX вѣка):

Лошадей	35,6
Крупнаго рогатаго скота . .	124,2
Овецъ.	356,2

Въ 1814 году въ Новороссіи, по Скальковскому было 2 милліона овецъ, въ 1844 году—7 милліон. (по Арсеньеву 10 милліон.).

Но необычайно быстрый приростъ населенія подгонялъ эволюцію сельскаго хозяйства, и, параллельно со скотоводствомъ, здѣсь развивается экстенсивное земледѣліе, опережающее скотоводство къ концу крѣпостной эпохи. Въ 1778 году въ Новороссіи засѣвали 115 тысячъ четвертей, въ 1789 году уже 543 тыс., въ 1845 г. 1997 тыс. четвертей, въ 1851 году—2909 тыс. За 70 съ небольшимъ лѣтъ площадь посѣвовъ увеличилась болѣе чѣмъ въ 25 разъ. Развитію земледѣлія способствовалъ не только ростъ населенія, но и выгодный сбытъ за границу, черезъ Одессу, Таганрогъ и другіе порты. Система полеводства была *переложная* сохраняющаяся вплоть до освободительной реформы. Въ Херсонской губ., „особенно въ степныхъ мѣстахъ, обыкновенный способъ землевоздѣлыванія есть система перелоговъ. Даже у помѣщиковъ нѣтъ никакого стремленія къ улучшенію" (Арсеньевъ). Въ Екатеринославской губ. цѣлина вспахивалась малороссійскимъ плугомъ, въ который впрягалось 3—4 пары воловъ; въ первый разъ подъ бахчи, во 2-й и 3-й разъ засѣвали пшеницей, а потомъ оставляли на 2—3 года подъ залежь. „Слѣдственно и здѣсь, какъ въ Херсонской губерніи, обыкновенный способъ хлѣбопашества есть система перелоговъ. Но близко время (пророчествуетъ Арсеньевъ), что, вслѣд-

[1]) Сабуровъ: Записки Пензенскаго земледѣльца. Отечественныя Записки 1842—3 г.г.

ствіе умножающагося населенія и здѣсь почувствуется оскудѣніе земель". На переложную систему указываетъ и обиліе крупнаго рогатаго скота—воловъ, въ $3^1/_2$ раза превышавшихъ количество лошадей. На волахъ вспахивались нетронутыя земли, черноземные пласты; поэтому въ Новороссіи того времени лошадей было даже меньше, чѣмъ въ земледѣльческихъ областяхъ. Все, что мы сказали о системахъ хозяйства въ Новороссіи, примѣнимо и къ низовому Поволжью, гдѣ также было развито скотоводство и господствовала переложная система земледѣлія.

Итакъ, эволюція сельскаго хозяйства въ дореформенную эпоху, представляетъ дальнѣйшее разсѣяніе земледѣлія, его поступательный ходъ вмѣстѣ съ передвигающимся трудовымъ населеніемъ на югъ и юго—востокъ. Милліоны людей, разсѣявшихся по черноземной полосѣ, подняли десятки милліоновъ десятинъ пустующей „нови." Земледѣліе росло въ полной зависимости отъ роста населенія: въ старыхъ центральныхъ раіонахъ—московскомъ сѣверо—западномъ и сѣверномъ населеніе рослослабо, слабо развивалось и земледѣліе Въ Московской области царило, по прежнему, трехполье со слабымъ навознымъ удобреніемъ. Дальнѣйшее расширеніе запашекъ было, благодаря сравнительно плохому качеству почвы, невозможно. Старопахатныя земли истощались, удобреніе было слишкомъ незначительно, чтобы возстанавливать плодородіе почвы и московскій центръ, въ концѣ XVIII вѣка переживаетъ сельско-хозяйственный кризисъ, *кризисъ трехполья*. Кризисъ этотъ, впрочемъ, не былъ ни такимъ интенсивнымъ ни такимъ долговѣчнымъ, какъ современный намъ кризисъ земледѣльческаго центра, потому что крестьянское населеніе Замосковья нашло изъ него два выхода:. переселеніе въ раіоны черноземной полосы и развитіе не земледѣльческихъ промысловъ. Съ этихъ поръ чистое земледѣліе въ хозяйственной жизни Московской области отступаетъ на второй планъ передъ промыслами, къ которымъ прибавляется молочное скотоводство и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, огородничество. Точно также и въ двухъ другихъ старыхъ раіонахъ-сѣверозападномъ и сѣверномъ мы не наблюдаемъ особеннаго развитія земледѣлія, продолжавшаго оставаться на стадіи смѣшанной трехпольно-подсѣчной системы.

Наоборотъ, въ черноземныхъ раіонахъ перваго колонизаціоннаго пояса—въ земледѣльческомъ центрѣ и среднемъ Поволжьи, куда въ первой половинѣ эпохи направились главные потоки эмиграціи, происходитъ быстрая сельско хозяйственная эволюція; во внутреннихъ губерніяхъ этого по-

яса перелогъ всюду смѣняется трехпольемъ, площадь пашни за 30-50 лѣтъ увеличивается въ полтора раза; переложная система сохраняется только на юго-восточныхъ и восточныхъ окраинахъ. Земледѣліе становится господствующимъ, почти исключительнымъ промысломъ этой области. Преобладаетъ земледѣліе и въ Малороссійскихъ губерніяхъ.

Второй колонизаціонный поясъ—Новороссія и низовое Поволжье наполняются населеніемъ только къ концу XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе, заселеніе края идетъ съ такой быстротой, что тебеневочное скотоводство въ нѣсколько десятковъ лѣтъ уже уступаетъ первенство переложному земледѣлію.

Итакъ, три главныхъ области Россіи, благодаря, отчасти, разницѣ въ качествѣ почвы, отчасти, вслѣдствіе различнаго роста населенія, значительно дифференцировались въ хозяйственномъ отношеніи. Старый центръ сдѣлался отхожe-промысловымъ, первый колонизаціонный поясъ—чисто земледѣльческимъ, второй-скотоводческимъ и земледѣльческимъ.

Такая дифференціація областей не могла не отразиться на развитіи *обмѣна* между этими областями, который уже въ силу этой одной причины, долженъ былъ во много разъ увеличиться, сравнительно съ московской эпохой.

Б. Эволюція промышленности и обмѣна.

Историки-экономисты марксистскаго направленія, какъ гг. Рожковъ и Лященко, развитіе торговли и промышленности считаютъ первопричиной не только хозяйственной эволюціи нашей страны, но даже нѣкоторыхъ сторонъ внутренней политики правительства. Мы видѣли, что г. Рожковъ развитіе крѣпостного права пытался объяснить переходомъ хозяйства московской эпохи изъ натуральнаго въ мѣновье. Въ дореформенную эпоху, сравнительно съ московской, эволюція обмѣна шагнула далеко впередъ—тѣмъ болѣе важное значеніе приписываютъ этому фактору экономисты указаннаго направленія. Если въ московскую эпоху, по мнѣнію г. Рожкова обмѣнъ послужилъ причиной развитія крѣпостного права, то теперь, наоборотъ, появленіе денежнаго хозяйства создало условія, влекущія къ ликвидаціи этого права. „Необходимость освобожденія труда подчеркивалась всѣмъ общимъ складомъ денежно-хозяйственныхъ отношеній, вызывалась той потребностью въ ростѣ личной инициативы, которая составляетъ плоть отъ плоти и кость отъ кости слагающагося капиталистическаго строя“. [1])

1) Гранатъ. Исторія Россіи глава IV стр. 100.

Все вниманіе автора этой цитаты устремлено на развитіе торговли, внутренней и внѣшней, усилившейся, благодаря раздѣленію труда между отдѣльными областями. Еще большее значеніе обмѣну, какъ фактору сельско-хозяйственнаго производства, приведшему къ неизбѣжности крестьянской эмансипаціи, придаетъ г. Лященко, для котораго, впрочемъ, вся сельско-хозяйственная эволюція сводится къ эволюціи денежно-торговаго капитала. Даже для сельскаго хозяйства начала XVIII в., „кромѣ начавшейся уже много раньше дифференціаціи сельскаго населенія, имѣли преобладающее значеніе три стороны хозяйственнаго развитія страны: развитіе городовъ съ неземледѣльческимъ населеніемъ и промыслами, развитіе денежнаго хозяйства во всѣхъ отрасляхъ промышленной жизни и, наконецъ *какъ непосредственный результатъ* первыхъ двухъ,—перенесеніе центра сельско-хозяйственной культуры въ черноземныя области. Съ этихъ поръ эти земледѣльческія области начинаютъ вести сельское хозяйство въ цѣляхъ *торговаго обмѣна* на вполнѣ уже упрочившемся внутреннемъ рынкѣ, именно, въ городахъ и селеніяхъ сѣверныхъ нечерноземныхъ областей, въ которыхъ, въ свою очередь, болѣе быстро развиваются промышленное населеніе“[1]). Въ нечерноземной области авторъ, вмѣстѣ съ Щербатовымъ, видитъ причину паденія земледѣльческой культуры не въ кризисѣ трехполья, а въ—„развитіи денежнаго хозяйства, промышленности и городовъ съ ихъ новымъ складомъ жизни... Земледѣліе падало не вездѣ, а только тамъ, гдѣ новыя отрасли промышленной жизни побѣждали сельское хозяйство. Въ общемъ же для всей страны сельское хозяйство нашло себѣ въ городахъ потребительный рынокъ и въ городскомъ спросѣ основу своего дальнѣйшаго развитія“. (Ibid. стр. 150).

Мы не будемъ останавливаться на логическихъ противорѣчіяхъ обоихъ писателей: [2]) на противорѣчіи г. Рожкова, который и развитіе и паденіе крѣпостного права одинаково приписываетъ росту денежнаго хозяйства, и на противорѣчіи г. Лященко, который паденіе сельскаго хозяйства въ московскомъ центрѣ и развитіе его въ черноземной полосѣ объясняетъ однимъ и тѣмъ же городскимъ спросомъ. Противорѣчія эти слишкомъ уже очевидны: если денежное хозяйство вызвало къ жизни крѣпостное право, то почему дальнѣйшее его развитіе убило это послѣднее? Если городской спросъ развилъ сельское хозяйство въ черноземной полосѣ, находившейся за сотни и тысячи верстъ отъ город-

[1]) Гранатъ. Исторія Россіи глава IV стр. 110.
[2]) Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи стр. 154.

скихъ центровъ, то почему онъ убилъ хозяйство подстоличныхъ губерній? Въ трудахъ обоихъ авторовъ найдемъ не мало противорѣчій не менѣе наглядныхъ, но изъ за нихъ мы всетаки не станемъ отрицать того несомнѣннаго факта, что и обмѣнъ и промыслы значительно эволюціонировали въ крѣпостную эпоху. Однако, была ли эта эволюція, настолько велика, что всѣ разсмотрѣнныя нами явленія дореформенной эпохи—и переселеніе десятковъ милліоновъ людей въ колонизаціонные пояса и неудержимое развитіе въ нихъ земледѣлія и скотоводства—словомъ все сельско-хозяйственное развитіе страны произошло по волѣ „господина капитала“? Для отвѣта на этотъ вопросъ, надо прежде всего постараться опредѣлить размѣры роста торгово-промышленной жизни. „Господинъ капиталъ“ гнѣздится больше всего въ городахъ: слѣдовательно, рость городскаго населенія, абсолютный и относительный, является главнымъ показателемъ вліятельности капитала въ народной экономіи. Посмотримъ, какъ росло городское населеніе въ Россіи въ эту эпоху.

Число жителей въ милліонахъ

	Городскихъ.	Сельскихъ.	% городск. насел. ко всему.
1724 г. .	. 0,33	. 12,67	. 2,5.
1762 г. .	. 0,8	. 27,2	. 2,9.
1782 г. .	. 1,3	. 34,7	. 3,6.
1812 г. .	. 1,65	. 39,35	. 4,0.
1836 г. .	. 3,03	. 56,97	. 5,0.
1851 г. ,	3,48	. 64,52	. 5,2.

Относительный процентъ городского населенія возросъ болѣе, чѣмъ въ двое: съ 2,5% до 5,2% т. е. городское населеніе росло вдвое быстрѣе сельскаго: въ то время, какъ сельское увеличилось впятеро, городское почти въ 11 разъ. Но, по абсолютнымъ цифрамъ, городское населеніе дало ничтожный приростъ—всего какихъ нибудь $3^1/_6$ милліона, тогда какъ сельское увеличилось на колоссальную цифру 52 милліона, Правда, цифры городского населенія на этой табличкѣ, взятой у г. Милюкова и основанной на оффиціальныхъ данныхъ, преуменьшены противъ дѣйствительныхъ. Дореформенные экономисты считали своимъ долгомъ ихъ увеличивать: Шторхъ для 1796 года даетъ 2279 тысячъ горожанъ по оффиціальнымъ источникамъ. но спѣшитъ прибавить, что въ дѣйствительности ихъ было не менѣе 3,5 милліоновъ—(почти втрое больше, чѣмъ у Милюкова): Горловъ даетъ:

для 1793 г.	. .	2279,4 тысячи
„ 1811 „	. .	2850,9 „

для 1825 „ . . 3521,0 тысячи
„ 1838 „ . . 4745,6 „
„ 1840 „ . . 4906,3 „

Тенгоборскій въ 1846 году опредѣляетъ число горожанъ въ 5,15 милліоновъ; Шницлеръ въ 1856 году—5,684 тысячи при 58, 8 мил. сельскаго. Если считать болѣе правильными цифры тогдашнихъ экономистовъ, то окажется, что процентъ городского населенія за 1794—1856 г. выросъ съ 6,3 до 8,9%. Но даже и 9% городского населенія—цифра недостаточно внушительная, чтобы она могла оказывать большое вліяніе на сельское хозяйство страны. Прямо, непосредственно такая небольшая прибавка городского населенія, питающагося привознымъ хлѣбомъ, не могла значительно воздѣйствовать на экспортъ хлѣбныхъ продуктовъ. Но, дѣло въ томъ, что не одно городское населеніе питалось тогда привознымъ хлѣбомъ; своего хлѣба не доставало и сельскому населенію нечерноземной полосы. Недостачу эту Вильсонъ опредѣляетъ:

въ Московскомъ промышленномъ раіонѣ въ 2064 тыс. четв.
„ Сѣверо-западномъ . . . . 2271 „ „
„ Сѣверномъ . . . . . 1863 „ „

Всего. 6138 тыс. четв.

Въ остальныхъ губ. нечерноземной полосы недоставало 1351 тыс. чет. а всего въ 60,4 милліона пудовъ (считая по 8 пуд. на четверть), въ томъ числѣ, въ однихъ великорусскихъ раіонахъ 49,6 милл. пудовъ По Маресу, въ 80-хъ годахъ XIX вѣка недостача хлѣба для населенія нечерноземной полосы учитывалась въ 67,9 милліоновъ пудовъ; слѣдовательно, послѣ реформы нужда въ привозномъ хлѣбѣ (главнымъ образомъ, вслѣдствіе интенсификаціи земледѣлія и повышнія урожайности), не особенно увеличились. Эпоха кризиса трехполья, повидимому задолго до освобожденія, побудила крестьянъ нечерноземной полосы прибѣгать къ покупному хлѣбу. Средства для этой покупки они находили въ неземледѣльческихъ промыслахъ и промышленность и торговля далеко не были сосредоточены въ однихъ только городахъ. Множество фабрикъ и заводовъ ютились въ дворянскихъ имѣніяхъ и крупныхъ селахъ. Общее число фабрикъ было:

Въ 1724 г. . . 233
„ 1762 „ . . 984
„ 1804 „ . . 2423 съ 95,2 тыс. рабочихъ
„ 1815 „ . . 4189 172,8 „ „
„ 1833 „ . . 5664 274,0 „ „
„ 1843 „ . . 6813 466,6 „ „
„ 1858 „ . 12259 548,9 „ „

Въ 1804 г. изъ 95,2 тысячъ рабочихъ 49,6 тысячъ было крѣпостными. Потомъ фабрики стали переходить въ руки купцовъ, выбивавшихся зачастую изъ рядовъ крестьянъ, но оставались въ селахъ. Весь горнозаводскій пріуральскій раіонъ съ приписанными къ горнымъ заводамъ крестьянами, которыхъ въ 1760 гг. было 190 тысячъ душъ, являлся также исключительно сельскимъ.

Фабрики и заводы обнимали далеко не всю тогдашнюю индустрію. Наряду съ фабрикой развивалась, со второй половины XVIII вѣка, кустарная промышленность. Въ 30—40-хъ годахъ XIX вѣка кустарь даже на время побиваетъ фабрику. Такъ въ Шуйскомъ уѣздѣ въ концѣ 40-хъ годовъ было только 1200 ткачей на фабрикахъ, а въ деревняхъ на фабрикантовъ работало 2000 ткачей-кустарей.[1]) Въ 10-хъ годахъ XIX вѣка во всей странѣ считалось 700 тысячъ ремесленниковъ—цифра, вѣроятно, преуменьшенная.

Если теперь, при развитіи фабрикъ, сильно убавившихъ кустарные промыслы, насчитывается до 7-8 милліоновъ кустарей, то въ то время ихъ, во всякомъ случаѣ, были милліоны.

Наиболѣе полнымъ показателемъ развитія промысловъ могутъ служить цифры отходовъ населенія въ промысловыхъ губерніяхъ. Еще въ XVIII вѣкѣ изъ Ярославской губерніи брали паспорта (въ 1798 году) 73,7 тысячъ крестьянъ т. е. $^1/_3$ взрослаго мужскаго населенія, въ Московской (1799 г.)—48,9 тысячъ—около 20%, въ 4-хъ уѣздахъ Костромской—11 тысячъ—около 15%. По Гастгаузену въ 4-хъ уѣздахъ Ярославской губ. изъ 153 тысячъ д. мужского пола только 67 тысячъ занималось земледѣліемъ, т. е. промышленниковъ было почти 37%. Въ половинѣ XIX вѣка изъ государственныхъ крестьянъ, занимавшихся неземледѣльческими промыслами было:

	Число въ тысячахъ	% ко всѣмъ рабоч. мужскаго пола.[2])
Въ Костромской губ.	35,4	85%
Во Владимірской „	57,2	78%
„ Московской „	66,6	91,4%
„ Новгородской „	44,0	?
„ Тверской (съ полуработ. „	113,2	91,3%

Болѣе $^4/_5$ работниковъ мужчинъ въ промысловыхъ губерніяхъ имѣли сторонніе заработки. Такимъ образомъ,

1) Туганъ Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ 3 изданіе стр. 219.

2) Матеріалы для стастистики Россіи, собираемые по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ. вып. I—VI.

передъ нами, дѣйствительно грандіозное развитіе промышленности. И тѣмъ не менѣе, далеко нельзя сказать, что именно оно и играло руководящую роль въ сельскомъ хозяйствѣ всей страны. На это указываетъ такой коренной важности фактъ, какъ переселеніе трудящихся массъ изъ промышленныхъ центровъ на югъ и юго-востокъ.

Обыкновенно, широкое развитіе индустріи и обмѣна не отпугиваетъ, а привлекаетъ населеніе; въ Америкѣ, Германіи, Бельгіи, Англіи—всюду, въ промышленныхъ раіонахъ населеніе сгущается очень быстро. У насъ только концу дореформенной эпохи, населеніе Московскаго раіона дошло до той плотности (39,4 чел. на кв. версту), которой оно достигло еще въ 1678 году. И въ настоящее время плотность этого раіона растетъ, сравнительно, слабо. Очевидно, что развитіе промышленности и торговли было настолько мало, что не могло остановить эмиграціоннаго потока, вызваннаго совсѣмъ другими причинами. Къ этому надо добавить, что основная масса эмигрантовъ выселилась изъ нечерноземной полосы еще въ началѣ эпохи, въ теченіе XVIII вѣка, тогда какъ развитіе дореформенной индустріи падаетъ на начало XIX вѣка. Поэтому г. Лященко, утверждающій, что „перенесеніе центра сельско-хозяйственной культуры въ черноземную область“ есть непосредственный результатъ развитія городовъ, промысловъ и денежнаго хозяйства, просто перепуталъ хронологію событій, чѣмъ впрочемъ, очень часто отличаются изслѣдователи марксистскаго направленія. Развитіе сельскаго хозяйства въ черноземной полосѣ не могло быть результатомъ торгово-промышленной эволюціи въ нечерноземной области просто потому, что оно *произошло раньше послѣдняго*. Ясное дѣло, что трудовыя массы переселяясь изъ Московской и Новгородской областей въ Степь и Поволжье, уходили не отъ развитія промышленности, а отъ гнета крѣпостного права, и отъ участившихся голодовокъ, связанныхъ съ истощеніемъ почвы и кризисомъ трехполья. Найдя въ черноземной полосѣ нетронутыя площади плодородной земли, они обработывали ихъ первоначально для себя и уже потомъ, когда Екатерина II и Павелъ обратили въ крѣпостныхъ сотни тысячъ крестьянъ, потомковъ переселенцевъ, новые владѣльцы заставляли этихъ крѣпостныхъ вывозить милліоны пудовъ въ Замосковье и на сѣверъ...

Развитіе внѣшней и внутренней торговли хлѣбомъ въ крѣпостную эпоху также было значительнымъ. Мы видѣли выше, что нечерноземная промышленная полоса требовала 50—60 милліоновъ пудовъ привознаго хлѣба. Съ XVIII столѣтія развивается и заграничный экспортъ.

Вывозилось за границу.

Въ 1758—60-хъ годахъ	.	70	тысячъ четвертей
„ 1790—	.	233	„ „
„ 1800—13 „	.	1713,8	„ „
„ 1814—23 „	.	2114,9	„ „
„ 1824—33 „	.	2305,1	„ „
„ 1834—43 „	.	2250,0	„ „
„ 1844—53 „	.	5536,0	„ „

т. е. максимумъ вывоза въ концѣ 40-хъ годовъ и началѣ 50-хъ дошелъ, приблизительно, до 44,3 милліона пудовъ.

Размѣры внутренней торговли хлѣбомъ, высчитывались дореформенными экономистами по величинѣ городского и фабричнаго населенія, по требованіямъ на армію, и на винокуреніе, а также по указанному недобору хлѣбовъ въ нечерноземныхъ раіонахъ. Тенгоборскій опредѣлилъ ея размѣры въ $33^1/_2$ милліона четвертей, Сабуровъ въ 35—40 милліоновъ, Протопоповъ—обороты и внѣшней и внутренней торговли—въ $59^1/_2$ милліоновъ четвертей, Семеновъ—въ 44—45 мил. четв. Наиболѣе часто повторялась цифра въ 40 милліоновъ четвертей для внутренней и 4 мил. четв. для внѣшней торговли... Если признать ихъ болѣе или менѣе правильными, то весь круговоротъ зернового товарообмѣна въ Россіи выразится въ цифрѣ 352 милліона пудовъ въ 30—50-хъ гг. XIX вѣка, Такъ какъ зерновое производство страны большинствомъ изслѣдователей того времени опредѣлялось въ 250 милліоновъ четвертей (съ сѣменами), то выходитъ, что обмѣнъ охватывалъ 17% всего производства. Однако цифра производства намъ кажется нѣсколько преувеличенной. Въ 1901—5 г.г. въ среднемъ, въ Европейской Россіи (съ сѣменами) производилось около 3000 милліоновъ пудовъ, т. е. за послѣдніе 50—60 лѣтъ валовой сборъ повысился всего на 1300 милліоновъ пудовъ или на 65%. Между тѣмъ, площадь пашни съ 40-хъ годовъ до 1887 года выросла съ 85 милліоновъ до 120 милліоновъ, т. е. на 42%; площадь пара только за 20 послѣднихъ лѣтъ сократилась на 6%, и, наконецъ, урожайность за 40 послѣднихъ лѣтъ (1861—1900 гг.) поднялась на 35%. Поэтому валовой сборъ хлѣбовъ въ 40—50-хъ гг. долженъ былъ, вѣроятно , по крайней мѣрѣ, удвоиться; а такъ какъ цифры настоящаго времени надо признать болѣе вѣрными, то исходя отъ нихъ, размѣры валового сбора наканунѣ реформы, надо полагать, не превышали 208,3 милліона четвертей или 1650 милліоновъ пудовъ. Оффиціальные источники указываютъ на такія цифры сбора. [1])

1) По „докладамъ“ Валуевской коммиссіи, Зябловскому и Герману.

	Посѣяно	Собрано
Въ 1800—13 гг.	48,8 мил. четв.	155. мил. четв.
„ 1820—е „	. 50. „ „	. 155,6 „ „
„ 1834—40—е „	. — „ „	. 179— „ „
„ 1840—47—е „	. 59,2 „ „	. 209,7 „ „
„ 1854—63—е „	. 63,6 „ „	. 220— „ „

Въ 40—50-хъ гг. XIX вѣка, по этимъ цифрамъ, валовой сборъ выразился въ 210—220 милліоновъ четвертей, что близко подходитъ къ предполагаемой нами цифрѣ 208 мил. четв. Если эти цифры, приблизительно вѣрны, то обмѣнъ захватываетъ въ ту эпоху 21% валового сбора, т. е, пятую часть. Мы увидимъ дальше что этотъ процентъ, судя по барскимъ запашкамъ даннаго періода, можно считать болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Эти сотни милліоновъ пудовъ ввозились, главнымъ образомъ, изъ сосѣднихъ съ нечерноземной полосой раіоновъ: земледѣльческаго центра, средняго Поволжья, Малороссіи, отчасти Заволжья, Новороссіи; юго-западъ и сѣверо-западъ (Прибалтійскій край) отправляли свой хлѣбъ, преимущественно, за границу. За отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, доставка гужемъ и водой была крайне затрудительна: по разсчетамъ Заблоцкаго,[1]) путевыя перевозки занимали до 800 тысячъ человѣкъ въ лѣтнее время и до 3 милліоновъ въ зимнее. На водѣ также работали сотни тысячъ грузчиковъ: только въ предѣлахъ средняго Поволжья, на Волгѣ, работало 61 тысяча человѣкъ (Арсеньевъ).

Итакъ, развитіе промышленности и торговли, особенно къ концу эпохи, стало очень значительнымъ; и, тѣмъ не менѣе, факты не позволяютъ намъ согласиться съ историками марксистскаго лагеря. Уже въ эпоху генеральнаго межеванія, въ концѣ XVIII вѣка, въ земледѣльческомъ центрѣ подъ пашней находилось 12,1 милліоновъ десятинъ, въ среднемъ Поволжьѣ 7,4 мил., на сѣверо-востокѣ—7,3 мил. всего въ раіонахъ перваго колонизаціоннаго пояса 26,8 милліоновъ, тогда какъ въ нечерноземныхъ раіонахъ только 13 милліоновъ десятинъ. Слѣдовательно, первый колонизаціонный поясъ, или, какъ его называли въ то время, „средняя полоса“, сталъ центромъ сельско-хозяйственной культуры еще *до* развитія торговли и промышленности. Къ 50-мъ годамъ XIX вѣка площадь пашни въ этой полосѣ выросла только на 5 милліоновъ десятинъ. Поэтому, какъ мы уже говорили, торгово-промышленная эволюція произошла не *до*, *а послѣ эволюціи сельско-хозяйственной* и скорѣе явилась не причиной, а *слѣдствіемъ* этой послѣдней: индустрія въ нечерноземной

1) Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи. „Отечественныя записки“ 1844 т. LII.

полосѣ, съ ея истощенной почвой, могла развиться только потому, что въ черноземной къ XIX вѣку въ достаточной степени разрослось земледѣліе, способное доставить отхожему промышленнику и горожанину сравнительно дешевый хлѣбъ.

Вообще, странно думать, что милліоны трудящихся, начиная съ Московской эпохи, перетекали на югъ со спеціальной цѣлью, когда-нибудь, черезъ десятки и сотни лѣтъ, сбывать хлѣбъ на свою прежнюю родину. Покидая ее, они думали только о томъ, чтобы найти пропитаніе на землѣ, да избавиться отъ господскаго гнета, отъ рекрутчины, да тяжелыхъ податей. И, если впослѣдствіи имъ дѣйствительно пришлось туда везти хлѣбъ на продажу, то мы увидимъ дальше, что дѣлали они это далеко не по своей охотѣ, такъ какъ этотъ хлѣбъ, хотя и добытъ былъ ихъ руками, но составлялъ не крестьянскую, а господскую собственность.

Наоборотъ, во второмъ колонизаціонномъ поясѣ—въ Новороссіи нельзя отрицать вліянія рынка на развитіе земледѣльческаго производства. Но рынокъ этотъ былъ не внутренній, а внѣшній—Европа, почувствовавшая въ началѣ XIX вѣка нужду въ привозномъ хлѣбѣ, отчасти, благодаря приросту населенія, отчасти вслѣдствіе истощенія почвы и тяжелаго кризиса трехполья, начавшагося впрочемъ еще раньше, чѣмъ въ Московской области.

Въ общемъ, мы не считаемъ возможнымъ ставить эволюцію сельскаго хозяйства въ черноземной полосѣ въ крѣпостную эпоху въ зависимость отъ торгово-промышленнаго развитія центральнѣхъ раіоновъ. Помимо того, что развитіе промышленности и торговли произошло позже, чѣмъ развилось сельское хозяйство, самый размѣръ дореформенной индустріи и обмѣна былъ слишкомъ незначительнымъ, сравнительно съ ростомъ земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ, за 1724—1858 гг. въ 4 южныхъ и восточныхъ петровскихъ губерніяхъ (Кіевской, Сибирской, Азовской и Казанской), гдѣ населеніе занималось главнымъ образомъ, земледѣліемъ, число жителей выросло съ 3,5 милліоновъ до 21,6 милліоновъ, и къ нимъ надо прибавить еще 7,2 милліона населенія Новороссіи и Заволжья—всего—28,8 мил. Въ то же время въ старыхъ губерніяхъ (Московской. Смоленской, Ингерманландской и Архангельской), ставшихъ промысловыми, число жителей увеличилось только съ 6,5 милліоновъ до 13,2 мил. Въ земледѣльческихъ областяхъ прибавилось болѣе 25 милліоновъ, въ областяхъ со слабымъ развитіемъ земледѣлія—меньше 6. Эти цифры—лучшій показатель того, въ какую сторону хозяйственной жизни тяготѣли интересы народныхъ массъ: они доказываютъ, что *эволюція сельскаго хозяйства во всемъ ея*

объемъ во много разъ превышала торгово-промышленное развитіе. Сельско-хозяйственная эволюція была построена на прочномъ фундаментѣ естественныхъ потребностей трудового народа: но какой именно элементъ населенія послужилъ главнымъ двигателемъ дореформенной индустріи и обмѣна, мы узнаемъ въ слѣдующемъ §.

§ 3. Эволюція помѣщичьяго землевладѣнія и хозяйства.

А. Концентрація дворянскаго землевладѣнія и первые признаки его паденія.

Дореформенная эпоха есть эпоха апогея дворянской силы и власти. Мы видѣли, что уже въ Московскую эпоху дворянство захватило въ свои руки большую часть земли, что 67% крестьянскихъ дворовъ ютилось на земляхъ бояръ и дворянъ. Но, дворянство еще не было полновластнымъ хозяиномъ на своей земли, ни крестьянъ. Юридически верховнымъ владыкой и земли и крестьянъ было правительство. Въ послѣдующую эпоху дворянство окончательно становится полнымъ хозяиномъ и того и другого, и изъ служилаго класса превращается въ привиллегированное сословіе.

Такая трансформація дворянства произошла не вслѣдствіе его экономическаго значенія, а, главнымъ образомъ; благодаря его близости къ трону, благодаря тому, что кадры придворныхъ любимцевъ и бюрократіи, военной и гражданской, составлялись исключительно изъ дворянъ, иначе говоря— благодаря *политическимъ* факторамъ этой эпохи. Основной политическій факторъ—превращеніе сословной монархіи въ абсолютную, въ большинствѣ европейскихъ странъ, гдѣ такое превращеніе было, повелъ за собой усиленіе экономической мощи дворянства. Въ дореформенную эпоху, какъ и въ Московскую, экономическая сила дворянства базировалась, главнымъ образомъ, на раздачѣ земель. Но раздача земель, по крайней мѣрѣ до послѣднихъ лѣтъ московской эпохи, носила совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ концѣ XVII и XVIII вв. При Рюриковичахъ развивается помѣстная система. раздача земли за службу; земельные оклады, какъ мы видѣли, преимущественно *среднихъ* размѣровъ. Правительство слѣдило за тѣмъ, чтобы земля не концентрировалась въ однѣхъ рукахъ, чтобы другіе дворяне землей не оскудѣвали и чтобы всѣ несли службу пропорціонально окладу. Понятно и тогда были царскіе любимцы и встрѣчались уклоненія отъ этого общаго правила. Но это были только исключенія, такъ какъ интересы правительства тѣсно связывались съ пропорціональнымъ распредѣленіемъ земель, и служебныхъ тяготъ.

Правительство спокойно отнимало земли у десятковъ тысячъ служилыхъ людей и передавало ихъ другимъ: оно само уничтожало крупную феодальную земельную собственность удѣльныхъ князей и бояръ.

При первыхъ Романовыхъ, вмѣстѣ съ реформами въ арміи военно-служебное значеніе дворянства сокращается. Раздача земель за службу теряетъ свое значеніе и помѣстная система фактически падаетъ, сохраняясь, впрочемъ, въ законодательствѣ до половины XVIII вѣка... „Образованіе регулярной арміи, говоритъ Ключевскій довершило разрушеніе основъ помѣстнаго землевладѣнія; когда дворянская служба стала не только наслѣдственной, но и постоянной и помѣстье должно было стать не только постояннымъ, но и наслѣдственнымъ владѣніемъ, слиться съ вотчиной... Къ началу XVIII вѣка помѣстье приблизилось въ вотчинѣ на незамѣтное для насъ разстояніе и готово было исчезнуть какъ особый видъ служилаго землевладѣнія". (Курсъ т. IV стр. 114). „Въ первой половинѣ XVIII вѣка правительство наше перестаетъ поддерживать помѣстную систему; оно не только не дѣлаетъ систематическихъ раздачъ земельныхъ служебныхъ надѣловъ, но оно перестаетъ заботиться о сохраненіи равномѣрности въ этихъ надѣлахъ: оно рядомъ распоряженій стѣсняетъ самое полученіе служебнаго надѣла, стѣсняетъ возможность уравненія между служилыми землевладѣльцами; это прямо уже показываетъ намъ, что помѣстная система пала" [1]).

Раздача земель прекращается въ 1714 году. Розданныя помѣстья превращены въ наслѣдственныя вотчины, а вознагражденіемъ за службу становится денежное жалованіе, т. е. заканчивается тотъ процессъ трансформаціи помѣстья въ вотчину и отдѣленія служилой земли отъ государства, который шелъ на протяженіи XVIII вѣка.

Но, раздача земель, не прекращается съ уничтоженіемъ помѣстной системы. Такъ какъ теперь правительство уже обладаетъ достаточными средствами, чтобы платить за службу деньгами, а не землей, то казалось бы, что въ ея раздачѣ больше надобности нѣтъ. Однако, и въ XVIII вѣкѣ земля раздается направо и налѣво, но уже не въ видѣ уплаты за службу, а въ видѣ пожалованія, подарка, награды тѣмъ, кто умѣлъ угодить лицамъ власть имѣющимъ. Государственные мотивы раздачи замѣняются личной прихотью властителей и она пріобрѣтаетъ характеръ безпорядочной траты казенныхъ земельныхъ фондовъ, все возраставшихъ, благодаря

1) Якушкинъ. Очерки изъ исторіи русской поземельной политики XVIII вѣка стр. 91.

новымъ завоеваніямъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на отсутствіе всякой системы и плана въ раздачѣ земель, именно она создаетъ концентрацію дворянскаго землевладѣнія.

Мы видѣли, что уже въ концѣ XVIII вѣка происходитъ поворотъ въ характерѣ и размѣрахъ земельныхъ пожалованій. Уже съ 1682 по 1700 гг. 70 знатныхъ фаворитовъ получаютъ 16,1 тысячъ дворовъ (по 230 дворовъ на 1 лицо) и 167 тысячъ десятинъ пашни, не считая сѣнокоса и лѣса. За 1701—1711 гг. пожаловано такимъ же лицамъ 43,7 тысячъ дворовъ, 27,6 тысячъ дворовъ и болѣе 300 тысячъ десятинъ.

Раздача каждому фавориту сотенъ дворовъ и тысячъ десятинъ уже не имѣла смысла платы за службу—для этого она была слишкомъ щедра, и являлась именно монаршей милостью.

Петръ Великій, прекратившій раздачу помѣстій, практиковалъ хотя впрочемъ, въ значительныхъ размѣрахъ, милостивыя пожалованія населенныхъ имѣній. По тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ литературѣ, онъ пожаловалъ 12 лицамъ, главнымъ образомъ, боевымъ генераламъ 8351 дворъ (по 696 дворовъ въ среднемъ).

Вѣроятно и другіе военные, отличившіеся въ бою, также были надѣлены деревнями. Кромѣ того, Меньшиковъ, отчасти благодаря пожалованіямъ, а больше незаконными путями, собралъ около 100 тысячъ мужскихъ душъ, изъ которыхъ только въ Малороссіи онъ укрывалъ 35 тысячъ бѣглыхъ. Шафировъ накопилъ такимъ-же способомъ 15 тысячъ крестьянъ, но въ 1723 году у него ихъ отобрали. Несмотря на немногочисленность пожалованій, уже и при Петрѣ нѣкоторыя лица съумѣли сконцентрировать огромыя земельныя богатства. Такъ, у Шереметева было 60 тысячъ душъ; онъ женился на княжнѣ Черкасской, принесшей ему въ приданое 80 тысячъ душъ; графъ Головинъ имѣлъ 30 тысячъ, грузинскій царь Вахтангъ 32 тысячи, Кантеміръ 17 тысячъ. Кромѣ того, у Строгановыхъ, сохранившихъ свои латифундіи на Волгѣ и по Уралу, числилось около 120 тысячъ душъ [1]). Всего, такимъ образомъ, у этихъ 8-ми человѣкъ (съ Меньшиковымъ и Шафировымъ) скопилось къ концу царствованія Петра I-го 454 тысячи душъ мужскаго пола.

Кромѣ пожалованній населенныхъ имѣній, продолжалась и раздача незаселенныхъ земель, напримѣръ въ Ингерманландіи, гдѣ онѣ раздавались съ условіемъ ихъ заселенія русскими или чухнами, въ противномъ случаѣ онѣ черезъ три года отбирались.

---

1) Карповичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ.

Раздавались помѣстья и во внутреннихъ губерніяхъ. „Всего такихъ дачъ произведено было вотчинной коллегіей много сотъ тысячъ десятинъ“ [1]).

Послѣ смерти Петра начинается эра дворцовыхъ переворотовъ, во время которыхъ лица, такъ или иначе помогавшія претендентамъ вступать на престолъ, награждались землей и людьми. Объ этихъ пожалованіяхъ извѣстно очень мало, но, вѣроятно, онѣ были далеко не ничтожными. При Екатеринѣ I пожаловано было 3-мъ лицамъ 9 тысячъ десятинъ, при Петрѣ II Долгорукіе получили 44 тысячи душъ, князь Черкасскій 40 тысячъ десятинъ. Въ день коронаціи Анны Ивановны 3-мъ вельможамъ роздано 9 тысячъ душъ; сколько, во время ея царствованія, получилъ Бирономъ—неизвѣстно, но, вѣроятно, не мало. При Елизаветѣ пожалованія усиливаются: лейбъ-кампанцы, возведшіе ее на престолъ, одни получили 14 тысячъ душъ. „Вообще, принято было за правило, при каждомъ политическомъ переворотѣ, при паденіи однихъ временщиковъ и возвышеніи другихъ, не только конфисковать имѣнія павшихъ, но и награждать, и непремѣнно, крестьянскими „деревушками“, возвысившихся сановниковъ со всѣми ихъ клевретами, пособниками и соумышленниками [2]).

При Елизаветѣ разбогатѣло много сановниковъ, но особенно Разумовскій, который во всѣхъ своихъ вотчинахъ насчитывалъ 120 тыс. ревизскихъ душъ. Петръ III пожаловалъ Гудовичу 15 тысячъ душъ, другимъ 6 лицамъ около 4 тыс. Въ общемъ, кн. Васильчиковъ считаетъ, что, по неполнымъ свѣдѣніямъ, до восшествія на престолъ Екатерины II одними пожалованіями, не считая другихъ способовъ „пріобрѣтенія“ придворные фавориты получили 389 тыс. душъ.

Съ воцареніемъ Екатерины II пожалованія возрасли въ геометрической прогрессіи. По подсчету Семевскаго [3]) за время своего царствованія Екатерина II пожаловала 400 тыс. душъ мужск., т. е. 800 тыс. обоего пола. На одно пожалованіе приходилось, въ среднемъ 1044 душъ муж. пола. Въ короткое царствованіе Павла онъ раздарилъ 288 тыс. душъ муж. пола—600 тыс. душъ обоего; на одно пожалованіе приходилось 545 душъ муж. пола [4]). Крупныя пожалованія, свыше 1 тысячи душъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

---

1) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи стр. 154.

2) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе.

3) Семевскій. „Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II. Отеч. зап. 1877 г. № 7.

4) Семевскій. Пожалованіе населенныхъ имѣній при Императорѣ Павлѣ. Рус мысль 1887 г. № 12.

	При Екат. II.		При Павлѣ I.		Всего.		
	Влад.	Душъ (тыс.)	Влад.	Душъ (тыс.)	Влад.	Душъ (тыс.)	% душъ.
Свыше 10 тыс.	5	97,5	3	56,7	8	154,2	40,0
5 . . 10 „	5	37,8	1	6,0	6	43,0	11,1
6 . . 5 „	11	41,8	7	26,3	18	68,1	17,7
1 . . 3 „	21	42,0	58	78,4	79	120,4	31,2
	42	218,3	69	167,4	112	385,7	100

4% крупныхъ пожалованій пришлось на долю получившихъ свыше 10 тыс. мужскихъ душъ, по 19 тыс. душъ каждому, что соотвѣтствуетъ, приблизительно, 200 тыс. дес. земли. Въ общемъ, за весь XVIII вѣкъ пожаловано крестьянъ владѣльцамъ *до 2 милліоновъ душъ* обоего пола.

Но дворянское земле- и рабовладѣніе расширилось не только одними пожалованіями. Мы видимъ, что Меньшиковъ и Шафировъ, при грозномъ Петрѣ I, не дававшемъ потачки вельможнымъ хищникамъ, только укрывательствомъ бѣглыхъ, которыхъ тогда расплодилось особенно много, набрали себѣ 50 тыс. душъ.

Точно также нижегородскіе бѣглецы, зачисленные, послѣ первой ревизіи въ дворцовые бобыли, при второй и третьей оказались, невѣдомыми путями, превращенными въ помѣщичьихъ крѣпостныхъ, а земля, на которой они сидѣли, сдѣлалась господской собственностью. Такіе захваты земли и крестьянъ практиковались въ XVIII вѣкѣ постоянно и обусловливались авторитетомъ временщиковъ, низкопоклонствомъ предъ ними властей и безправіемъ массы. Глядя на временщиковъ и мелкая дворянская сошка подбирала себѣ то, что плохо лежало. Такъ „у дворцовыхъ крестьянъ количество угодій сильно уменьшалось, вслѣдствіе того, что сосѣдніе помѣщики всячески старались оттягать у нихъ землю [1])“. Тоже они дѣлали и съ однодворческими землями. „Пріобрѣтя себѣ, хотя бы небольшой участокъ земли среди однодворцевъ, помѣщикъ не только самымъ беззастѣнчивымъ образомъ пользовался ихъ лѣсами, но еще начиналъ прямо захватывать земли своихъ новыхъ сосѣдей... По словамъ жителей воронежской провинціи, дворяне, офицеры и чиновники присвоили себѣ однодворческія дачи и поселили на нихъ многими слободами не только своихъ крестьянъ, переведенныхъ изъ другихъ мѣстъ, но еще созвали туда вольныхъ малороссіянъ... Тяжбы въ судебныхъ учрежденіяхъ остались безъ всякаго результата, на предложеніе же однодворцевъ полюбовно размежеваться съ ними, дворяне „почитая ихъ за подлость“, не обращали никакого

1) Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. II, стр. 29.

вниманія..... Въ Тамбовской провинціи помѣщики и чиновники также, не ограничиваясь покупкою земель однодворцевъ, силою захватывали у нихъ пашни, луга и лѣса, такъ что послѣднимъ приходилось арендовать земли или у своихъ товарищей, или у тѣхъ же помѣщиковъ. Тоже было въ Шацкой, Елецкой и Калужской провинціяхъ, въ Смоленской губерніи и въ другихъ мѣстахъ, населенныхъ однодворцами" (Ibid стр. 740). Болотовъ, въ своихъ запискахъ, подробно разсматриваетъ, какъ была захвачена тамбовская казенная степь. Одинъ изъ захватчиковъ, сосѣдъ Болотова, „Рахмановъ... очень силенъ, имѣетъ тамъ 2 великія деревни и насъ повсюду наглостью и многолюдствомъ своимъ обижаетъ, отнимаетъ у всѣхъ насильно землю и луга, а наши, по малолюдству своему, противиться ему не могутъ. Тягостный примѣръ тогдашняго бѣднаго состоянія нашего отечества, а особливо тамошнихъ мѣстъ, гдѣ кто былъ сильнѣе, тотъ былъ и правъ, и сила его въ законъ поставлялася [1]). Вообще, по его словамъ, земли „находились въ великомъ небреженіи и многія изъ нихъ захвачены сосѣдственными дворянами во владѣніе". При генеральномъ межеваніи, большая часть захваченныхъ земель оставлена за захватчиками, съ платой по рублю за десятину.

Кромѣ захвата земель и крестьянъ, они пріобрѣтались помѣщиками также и покупкой. Екатерина II продавала казенныя земли. Имѣнія, населенныя крестьянами, считались, въ эту эпоху, очень выгодными и люди, накопившіе денежные капиталы, охотно тратили ихъ на пріобрѣтеніе такихъ имѣній. „Всѣ добивались права владѣть крестьянами. Страсть сдѣлаться помѣщиками была особенно сильна съ половины XVIII вѣка, и разбогатѣвшіе откупщики обращались въ крупныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ по 10, иногда и по 20 тысячъ душъ крестьянъ" (Карновичъ). Купцы и заводчики также слѣдовали ихъ примѣру и старались выбиться въ дворяне, т. к. только дворяне пользовались правомъ владѣть крестьянами. Чиновники и офицеры, становившіеся дворянами по табели о рангахъ, всѣми правыми и неправыми путями охотились за крестьянами и землей. Служить въ арміи было доходнымъ дѣломъ: еще въ началѣ XIX вѣка кавалерійскій полкъ давалъ своему командиру ежегодно „безгрѣшныхъ" доходовъ до 100 тыс. руб. Эти, накопленные всяческими путями капиталы обращались на покупку крестьянскихъ душъ и земли. Въ противоположность нынѣшнему положенію вещей, тогда капиталы пе-

[1]) Болотовъ А. Жизнь и приключенія, т. I стр. 682.

ретекали въ сельское хозяйство, т. к. оно было выгоднымъ дѣломъ, благодаря даровому труду крѣпостныхъ.

Итакъ, *пожалованіе, захватъ и покупка*—вотъ три важнѣйшихъ источника концентраціи дворянскаго землевладѣнія въ XVIII вѣкѣ, изъ которыхъ первый былъ, вѣроятно самымъ главнымъ. А такъ какъ и первый и второй способы пріобрѣтенія базировались на силѣ и власти фаворитовъ, а не на экономической почвѣ, да и накопленіе капиталовъ, шедшихъ на расширеніе землевладѣнія, часто вытекало изъ того же источника, то, несомнѣнно, что концентрація земле- и рабовладѣнія въ этомъ видѣ была результатомъ политическихъ факторовъ. Политическіе факторы создали дворянское землевладѣніе и московской эпохи, но эти факторы были иного порядка и давали совершенно иную картину распредѣленія земель. Мы можемъ, въ общихъ чертахъ опредѣлить, насколько подвинулась впередъ концентрація землевладѣнія за XVIII вѣкъ, сравнивъ данныя конца XVII вѣка и 8-й ревизіи 1835 года. Т. к., по Семевскому, въ концѣ XVIII вѣка [1]), въ среднемъ на крестьянскій дворъ (по 13 губ.), приходилось по 3,2 души мужскаго пола, то мы приняли, при сравненіи, это отношеніе. Получилось такое распредѣленіе крестьянъ у свѣтскихъ владѣльцевъ:

	% крестьянъ у владѣльцевъ.		
	До 160 дворовъ (500 душ. м. п.)	160—320 дв. (500—1 тыс.	свыше 320 дв. (св. 1 тыс.)
1694 г.	74,1	7,3	18,6
1835 г.	52,5	14,5	33,0 [2])

Число крестьянъ у очень крупныхъ владѣльцевъ, свыше 500 душъ относительно почти удвоилось, абсолютно же оно увеличилось во много разъ. Если въ концѣ XVIII вѣка у нихъ было, приблизительно, около 500 тыс. душъ мужскаго пола, то по 8-й ревизіи они обладали 5120 тыс. душъ, т. е. числомъ въ десять разъ большимъ. Если мы припомнимъ, что за это время населеніе Россіи увеличилось приблизительно впятеро (съ 13 милліоновъ до 68 мил.), то будетъ видно, что концентрація крупнаго землевладенія шла вдвое быстрѣе роста населенія; въ дѣйствительности она двигалась еще быстрѣе т. к. она завершилась въ XVIII вѣкѣ. Сравнивая цифры, приведенныя Семевскимъ о распредѣленіи

---

1) См. ст. „Домашній бытъ русскихъ крестьянъ".

2) Цифры конца XVII вѣка получены такимъ образомъ: сдѣланъ подсчетъ свѣтскихъ крупныхъ владѣльцевъ по Елагинскому списку 1694 года. Число крестьянскихъ дворовъ у остальныхъ владѣльцевъ получено при помощи вычитанія изъ общаго числа крестьянскихъ дворовъ у дворянъ и бояръ по даннымъ 1678 года.

владѣльцевъ въ 1777 году по 20-ти губерніямъ, съ данными 8-й ревизіи (по тѣмъ же 20 губ.), получаемъ почти одинаковыя величины.

	% владѣльцевъ	
	До 100 душъ	свыше 100 душъ
Въ 1777 г. .	83,8 . . .	16,2.
„ 1835 „ .	84,1 . . .	15,9.

Въ 1835 году замѣчается уже небольшое сокращеніе числа крупныхъ владѣльцевъ, почему именно конецъ XVIII вѣка и надо считать *кульминаціоннымъ пунктомъ концентраціи землевладѣнія въ Россійской имперіи.* Въ концѣ XIX вѣка начинается уже *обратный процессъ—раздробленія землевладѣнія.*

Этого кульминаціоннаго пункта дворянское землевладѣніе достигло не при помощи развитія промышленности и крупнаго сельско-хозяйственнаго производства на сбытъ, ибо индустрія и крупное товарное сельское хозяйство развивалась уже въ XIX вѣкѣ, а исключительно благодаря пожалованіямъ и захвату земель. „Въ царствованіе Елизаветы и Екатерины II, говоритъ кн. Васильчиковъ, появилась новая гроза, небывалая въ Россіи, по крайней мѣрѣ, никогда не свирѣпствовавшая въ такомъ размѣрѣ—это пожалованіе государевыхъ вотчинъ царскимъ любимцамъ, людямъ случайнымъ. Тогда то внезапно, надъ обѣднѣвшимимъ дворянствомъ и государевымъ вольнымъ людомъ возвысилось новое сословіе людей случайныхъ, и открылся новый способъ закрѣпленія вольныхъ крестьянъ за помѣщикомъ, посредствомъ высочайшихъ пожалованій казенныхъ земель и крестьянъ, на нихъ водворенныхъ. Это и было настоящее основаніе крупнаго землевладѣнія въ Россіи, которое съ нѣкоторыми измѣненіями дожило и до настоящаго времени„ (землевладѣніе и земледѣліе стр. 401—2). Тоже говоритъ и Романовичъ-Славатинскій: „путемъ пожалованій населенныхъ имѣній въ XVIII вѣкѣ образовалось много новыхъ помѣщиковъ, которые не имѣли никакой преемственной связи съ помѣщиками и вотчинниками XVI и XVII столѣтій. Вообще, большая часть нашихъ помѣщиковъ началѣ вдядѣнія своими имѣніями могутъ возвести не далѣе XVIII вѣка.“ (Дворянство въ Россіи стр. 165). Въ 1700 году только 330 знатныхъ и 14711 незнатныхъ дворянъ—всего 15041 человѣкъ владѣли населенными имѣніями. Въ 1835 году въ о'чной Великороссіи было 71186 такихъ владѣльцевъ, а во всей Европейской Россіи—109400 Если прибавить къ великорусскимъ 5,3 тысячи Новороссійскихъ, Самарскихъ и Астраханскихъ владѣльцевъ, явившихся, лгав-

нымъ образомъ, изъ Великороссіи, то общее число земледѣльцевъ— дворянъ за 1700—1835 гг оказывается увеличившимся впятеро. Но, въ это время число дворянъ вообще возросло только вдвое: по сообщенію Факеродта, во время первой ревизіи было около 500 тысячъ дворянъ обоего пола; считая по 5 душъ на семью—100—тысячъ семействъ.

Въ 1858 году дворянъ было 1002 тыс. (200,5 тыс. семействъ) Если цифры XVIII вѣка вѣрны, то въ началѣ XVIII вѣка не болѣе $^1/_6$ части дворянъ владѣли населенными имѣніями, а въ XIX вѣкѣ—больше половины. Если же даже онѣ и преувеличены, то, всетаки, несомнѣнно, что ростъ дворянскаго землевладѣнія далеко опередилъ численный ростъ самого дворянскаго сословія, хотя и это послѣднее прирастало довольно значительно, благодаря табели о рангихъ. [1]) Правда многіе землевладѣльцы—дворяне въ степи опускались до званія четвертниковъ, но на ихъ мѣсто выростали въ центрѣ дворяне изъ чиновниковъ и офицеровъ, а въ Малороссіи они рекрутировались изъ войсковой старшины. Къ концу XVIII вѣка въ Малороссіи насчитывалось уже 100 тысячъ дворянъ.

Итакъ, въ XVIII вѣкѣ произошелъ сильный ростъ дворянскаго класса, пополнявшагося изъ бюрократіи и фаворитизъ и еще болѣе сильная концентрація землевладѣнія. Оба явленія—результатъ политическихъ факторовъ. Послѣднимъ доказательствомъ этому служитъ распредѣленіе владѣній по раіонамъ.

% крестьянъ у владѣльцевъ (въ 1858 году).

	Раіоны.	До 100 д.	100—500.	св. 500.
Раіоны Россіи	Сѣверо-восточный	8,5	11,4	80,1.
	Среднее Поволжье	13,4	33,1	53,5.
	Земледѣльч. центръ	21,0	35,1	43,9.
	Восточн. Малороссія	25,9	30,6	43,5.
	Московско-промыш.	22,0	37,3	40,7.
	Сѣверо-западный	28,6	43,3	28,1.
	Новороссійск.	35,3	41,2	23,5.
	Сѣверный	35,1	41,9	23,0.
Бывш. царства Польск.	Западно-Малорус.	5,4	27,8	64,8.
	Литовско-Бѣлорусск.	17,2	34,2	48,6.
Всего въ Европейской Россіи		18,6	33,9	47,5.

Раіоны расположены нами по убывающему проценту крупныхъ душевладѣльцевъ отдѣльно на территоріи Россіи и

[1]) По ключевскому въ 1740 г. на 100 душъ податныхъ классовъ приходилось 7,5 душъ дворянъ потомственныхъ, 3,0 д.—двор. личныхъ и 4,5 д. духовенства, всего 15%, въ томъ числѣ 10,5% дворянъ.

бывшаго Царства Польскаго. Наверху оказываются новые окраинные раіоны—сѣверо-востокъ и Поволжье, [1]) гдѣ въ рукахъ владѣльцевъ свыше 500 душъ сосредоточено 80,1 и 53,5% крестьянъ. Сѣверо-восточный—горнозаводскій раіонъ, въ которомъ вельможамъ пожалованы сотни тысячъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ. Въ просторномъ Поволжьи шла вакханалія раздачъ и захватовъ казенныхъ земель и вольныхъ крестьянъ.

Второе мѣсто по величинѣ землевладѣнія занимаютъ внутренніе раіоны колонизаціонныхъ поясовъ—земледѣльческій центръ и восточная Малороссія. Здѣсь уже въ Московскую эпоху часть земель была занята военно-служилымъ элементомъ и для раздачъ въ XVIII вѣкѣ не было такого простора, какъ на востокѣ и юго-востокѣ; поэтому, у владѣльцевъ свыше 500 душъ оказалось отъ 43,5% до 43,9% крестьянъ.

Наконецъ, территорія раіоновъ стараго центра была уже почти вся роздана дворянамъ въ XVI вѣкѣ и новые фавориты менѣе всего могли здѣсь разсчитывать на монаршія милости. Кромѣ Московскаго раіона, гдѣ болѣе или менѣе крупное вотчинное землевладѣніе удерживалось со временъ удѣловъ, благодаря близости къ трону, и гдѣ еще передъ реформой осталось 40,7% крестьянъ у владѣльцевъ свыше 500 душъ—въ остальныхъ старыхъ раіонахъ—Новгородскомъ и сѣверномъ эта цифра понижается до 23% и 28,1%. Плохая почва этихъ раіоновъ и суровый климатъ не привлекали фаворитовъ, предпочитавшихъ получать земли въ приволжскихъ черноземныхъ степяхъ.

Общій, вполнѣ явственный выводъ изъ нашей таблицы—*крупное землевладѣніе растетъ отъ центра къ южнымъ и восточнымъ окраинамъ*: въ томъ же направленіи, какъ указываетъ Семевскій, росло и пожалованіе земель: отсюда очевидна зависимость концентраціи землевладѣнія отъ пожалованій. Милліоны крестьянъ бѣжали на окраины отъ помѣщичьяго гнета: но проходило немного лѣтъ и дѣти бѣглецовъ опять попадали въ господскую кабалу. Крупные помѣщики подвигались вслѣдъ за вольнымъ крестьянствомъ

---

1) Исключеніе представляетъ Новороссія, гдѣ небольшое, количество крупныхъ владѣльцевъ объясняется не малыми размѣрами землевладѣнія, а малыми размѣрами душевладѣнія. Новороссія вошла въ предѣлы Россіи въ концѣ XVIII вѣка, когда уже заканчивалась раздача населенныхъ земель. Здѣсь крупные владѣльцы захватили милліоны десятинъ пока еще пустынныхъ земель: поэтому, хотя въ Новороссіи крупное землевладѣніе, вѣроятно преобладало до реформы, но по количеству крестьянъ владѣльцы Новороссіи не выдавались.

и, базируясь на политической власти, захватывали и „ничью“ землю и вольныхъ крестьянъ въ свои руки.

Съ воцареніемъ Александра I, прекратилось пожалованіе населенныхъ имѣній. Одному изъ лицъ, обратившихся къ нему съ такой просьбой, онъ отвѣчалъ: Русскіе крестьяне большею частью принадлежатъ помѣщикамъ. Считаю излишнимъ доказывать униженіе и безсиліе такого состоянія, и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило не давать никому въ собственность крестьянъ“. Но тутъ же онъ прибавилъ: „имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано въ аренду вамъ и вашимъ наслѣдникамъ, слѣдовательно, вы получите желаемое, но только съ тѣмъ, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы, подобно безсловеснымъ животнымъ“. Въ аренду имѣнія раздавались и въ XVIII вѣкѣ, главнымъ образомъ, въ прибалтійскомъ раіонѣ. Въ 1810 году, въ Эстляндіи, Лифляндіи и западныхъ губерніяхъ въ арендѣ было 350 тыс. душъ мужскаго пола. Въ Россіи раздача въ аренду была незначительная, но здѣсь еще практиковалась раздача населенныхъ имѣній, которыя существовали и раньше: Нарышкинъ получилъ въ Саратовской губерніи 505,7 тысячъ десятинъ, Орловъ 158 тысячъ, кн. Вяземскій 100 тысячъ. При Павлѣ и Александрѣ 1-мъ было роздано 338 лицамъ 1298 тысячъ десятинъ при Николаѣ I 1176,7 тысячъ—всего 2,4 милліона десятинъ. „Раздача ненаселенныхъ земель производилась въ теченіе XIX вѣка и производится доселѣ, подвигаясь все далѣе и далѣе къ окраинамъ Россіи„.(Романовичъ-Славатинскій). Но, судя по приведеннымъ цифрамъ размѣры пожалованій, сравнительно съ XVIII вѣкомъ сократились въ нѣсколько разъ: въ самомъ дѣлѣ, за 60 лѣтъ было пожаловано 2,4 милліоновъ десятинъ—по 40 тыс. десятинъ въ годъ ненаселенныхъ земель: Екатерина и Павелъ за 40 лѣтъ второй половины XIX вѣки роздали 1,2 милліона душъ-по 30 тысячъ душъ въ годъ (обоего пола); Считая, приблизительно по 6 десятинъ на душу—получимъ среднюю годовую пропорцію раздачъ—*180 тысячъ десятинъ*. Благодаря сокращенію пожалованій, благодаря тому, что возможность захватовъ земли также сократилась, т. к. послѣ генеральнаго межеванія свободныхъ необмѣренныхъ и незарегистрированныхъ территорій осталось мало, дворянское землевладѣніе начинаетъ въ XIX в. подвергаться нѣкоторому дробленію. Первый признакъ этого *обратнаго процесса* эволюціи распредѣленія земель мы указали выше, сравнивая данныя конца XVIII в. и 8-ой ревизіи (1835 г.): относительное количество владѣльцевъ свыше 100 душъ сократилось

на маленькую цифру въ 0,3%; послѣ 30-хъ гг. XIX в. это дробленіе крупнаго землевладѣнія усиливается почти во всѣхъ раіонахъ.

РАІОНЫ.		Процентъ владѣльцевъ.				Проценты крестьянъ у владѣльцевъ.			
		До 21 души.	21—100.	101—1 тысяч.	Свыше 1 тыс.	До 21 души.	21—100.	101—1 тысяч.	Свыше 1 тыс.
Сѣверо-восточн.	1835 г.	73,7	16,4	8,4	1,5	2,6	5,9	17,3	74,2
	1858 „	54,0	26,7	17,5	1,8	1,4	5,7	18,8	74,1
Поволжье.	1835 г.	50,0	27,0	21,3	1,7	2,9	10,5	50,6	36,0
	1858 „	29,4	36,0	31,8	2,8	1,6	11,1	53,3	34,0
Земледѣл. центръ.	1835 г.	65,1	21,1	12,9	0,9	5,9	15,1	48,8	30,2
	1858 „	44,1	33,8	21,0	11,1	3,6	16,9	52,6	26,9
Восточная Малорос.	1335 г.	73,3	18,1	8,0	0.6	8,9	17,0	43,8	30,3
	1858 „	66,9	22,5	9,9	0,7	7,6	18,6	46,7	27,1
Московско промышл.	1835 г.	53,7	28,5	16.8	1.0	5,2	16,8	52,9	25,1
	1858 „	37.0	39,9	22,1	1,0	3,5	20,3	55,2	21,0
Сѣверо-западный.	1835 г.	62,8	24,6	12.2	0,4	7,7	20,9	58,2	13,2
	1858 „	44,2	37,9	17,4	0,5	5,4	24,6	60,1	9,9
Ново-россійскій	1835 г.	63,4	25,2	11,1	0,3	10,7	24,6	53,7	11,0
	1858 „	54,2	32,9	12,5	0,4	7,4	27,7	54,2	10.7
Сѣверный	1835 г.	59,7	27,5	12,6	0,2	10,1	25,0	58,7	6,2
	1858 „	42,1	39,6	17,9	0,4	5,9	26,0	58.8	9,3
Западная Малорос.	1835 г.	45,1	19,2	31,6	4,1	0,9	4,5	43,1	51,5
	1858 „	22,2	27,8	45,6	4,4	0,6	5,5	50,9	43,0

РАЙОНЫ.		Процентъ владѣльцевъ.				Процентъ крестьянъ у владѣльцевъ.			
		До 21 души.	21—100.	101—1 тысяч.	Свыше 1 тыс.	До 21 души.	21—100.	101—1 тысяч.	Свыше 1 тыс.
Литовск.	1835 г.	50,5	29,5	18,5	1,5	2,9	14,3	47,9	34,9
Бѣлорос.	1858 „	37,3	36,7	24,3	1,7	2,4	15.3	52,0	30,3
Всего Европ. Рос.	1835 г.	53,9	24,0	15,0	1,1	4,7	13,9	48,4	33.0
	1858 „	43.0	34,2	21,5	1,3	3,2	15,8	52,0	29.0
% измѣненіе каждаго слоя (+ или —)	—	—20,2	+42,5	+43,3	+18,2	—31,9	+13,7	+6,2	—12,1

Самый верхній слой—владѣльцевъ свыше 1 тысячи душъ относительно увеличился, но число крестьянъ у нихъ уменьшилось съ 33% до 29%, относительно на 12,1%. Сократился и самый нижній слой мелкихъ владѣльцевъ до 21 души и число крестьянъ у него убавилось относительно на 31,9%. Отъ этого сокращенія выиграли промежуточные слои—владѣльцевъ отъ 21—100 душъ, у которыхъ процентъ крестьянъ увеличился на 13,7%, и отъ 100 до 1 тысячи—на 6,9%. Словомъ, произошла настоящая нивеллировка землевладѣнія. И эта нивеллировка наблюдалась во всѣхъ раіонахъ (кромѣ сѣвера, гдѣ дворянское землевладѣніе было ничтожно), при чемъ замѣтно вполнѣ явственно, что сокращеніе самаго крупнаго землевладѣнія *усиливается по направленію отъ окраинныхъ* къ центральнымъ раіонамъ.

% измѣненіе числа крестьянъ у владѣльцевъ свыше 1 тысячи душъ (+ или —).

Въ сѣверо-восточномъ раіонѣ . . . . . — 0,1.
„ Новороссійскомъ . . . . . — 1,1.
„ Поволжьи . . . . . — 5,6.
„ Восточной Малороссіи . . . . . — 10,5.
„ Центрально-земледѣльческомъ . . . — 10,9.
„ Московско-промышленномъ . . . . — 16,3.
„ Сѣверо-западномъ . . . . . — 25,3.
„ Сѣверномъ . . . . . + 31,3.
„ Западной Малороссіи . . . . . — 16,5.
„ Бѣлоруссіи и Литвѣ. . . . . — 13,2.

Въ старыхъ центральныхъ раіонахъ—сѣверо-западномъ и московскомъ крупное землевладѣніе потеряло 24,3 и 16,3%; въ раіонахъ, заселеніе которыхъ началось въ XVI вѣкѣ—10% съ небольшимъ и, наконецъ, въ новыхъ раіонахъ, гдѣ дворянское крупное землевладѣніе было самаго недавняго происхожденія—отъ 0,1 до 5,6%. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ древнѣе по происхожденію было крупное землевладѣніе раіона, тѣмъ быстрѣе въ немъ началъ развиваться съ XIX вѣка обратный процессъ раздробленія. Впрочемъ, дробленіе происходило не только въ верхнемъ слоѣ, но и внутри почти каждаго слоя.

На 1-го владѣльца приходилось крѣпостныхъ.

Владѣльцы:	Въ 1835 г.	Въ 1858 г.
Безземельные . . .	3,5	3,3
До 21 души. . . .	7,7	8,0
21—100	49,3	46,9
101—500.	217.1	197,0
501—1 тысяча. . .	687,5	648,4
Свыше 1 тысячи. .	2448,0	2207,3

За исключеніемъ владѣльцевъ до 21 души, во всѣхъ остальныхъ группахъ сокращалось число крѣпостныхъ, принадлежащихъ одному владѣльцу—ясный показатель дробленія.

Ко времени освобожденія происходитъ, на ряду съ отмираніемъ группъ самыхъ мелкихъ владѣльцевъ, сокращеніе размѣровъ землевладѣнія у крупныхъ и всеобщее раздробленіе владѣній. Процессъ всеобщаго раздробленія, достигшій такихъ громадныхъ размѣровъ послѣ реформы 1861 года, начался, такимъ образомъ, еще въ до-реформенную эпоху, что указываетъ на его зависимость не только отъ ликвидаціи крѣпостного права, но и отъ другихъ причинъ, возникшихъ въ началѣ XIX вѣка. Какія это причины—мы увидимъ дальше, но ихъ послѣдствія въ видѣ паденія дворянскаго землевладѣнія уже достаточно ясно обнаружились передъ эмансипаціей. Паденіе дворянскаго землевладѣнія рельефно выразилось въ ростѣ его задолженности. Въ 1800 году было заложено въ опекунскихъ совѣтахъ 161,7 тысячъ ревизскихъ душъ, въ 1833—3.849,3 тысячи, а въ 1859 г. 7.107,2 тыс., или 65,6% всѣхъ крѣпостныхъ, подъ залогъ которыхъ было выдано ссудъ 425,5 милліоновъ рублей.

Еще въ 1833 году Заблоцкій-Десятовскій считалъ, что весь долгъ дворянъ равенъ 950 милліоновъ рублей ассигнаціями [1]). Ко времени освобожденія было заложено

1) Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. Т. IV.

$^2/_3$ дворянскихъ земель—столько, сколько и въ концѣ XIX вѣка. Въ результатѣ задолженности начинается мобилизація земель: въ Смоленской губ. за 1841—59 гг. было продано 16,8 тыс. душъ, 211,9 тысячъ десятинъ заселенныхъ земель и 45,3 тысячи десятинъ незаселенныхъ земель [1]). Преображенскій, въ своей работѣ, по Тверской губ. замѣчаетъ [2]): „Продажа имѣній весьма не рѣдка въ руки другихъ сословій, но еще чаще продаются имѣнія съ публичныхъ торговъ", за частные и казенные долги. По словамъ Рожкова, „недворянское землевладѣніе распространялось и въ областяхъ съ многочисленнымъ населеніемъ, но особенно быстро и сильно оно росло тамъ, гдѣ крѣпостныхъ было мало: такъ было на югѣ, юго-востокѣ и на западѣ Россіи" [3]). Сколько земель перешло къ недворянамъ путемъ купли и продажи—неизвѣстно: у мелкихъ земледѣльцевъ крестьянъ и колонистовъ, на правахъ собственности было ко времени освобожденія 6,2 милліона десятинъ, у дворянъ около 105 милліоновъ десятинъ.

Приведенные факты показываютъ, что начало XIX вѣка является поворотнымъ пунктомъ въ распредѣленіи земель. Какъ камень, брошенный вверхъ сильной рукой, быстро поднималось въ XVIII вѣкѣ крупное дворянское землевладѣніе: дойдя до кульминаціоннаго пункта въ концѣ этого вѣка, оно начинаетъ падать и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе ускоряется это паденіе, подобно камню, летящему обратно на землю. Но особенно любопытно, что начало этого обратнаго процесса исторіи землевладѣнія—процесса раздробленія земель совпало, какъ разъ съ разцвѣтомъ крупнаго товарнаго сельско-хозяйственнаго производства.

Б) Развитіе крупнаго товарнаго хозяйства у землевладѣльцевъ.

Въ предыдущемъ § мы говорили, что вторая половина XVIII вѣка и особенно первая—XIX-го, характеризовались развитіемъ индустріи, какъ фабричной, такъ и кустарной, а также торговли, особенно зерновой.

Развитіе дореформенной индустріи далеко не было результатомъ потребностей народныхъ массъ: хотя, въ то время, въ крестьянскомъ бюджетѣ денежные расходы составляли порядочный процентъ, но главная часть этихъ расходовъ слагалась изъ оброковъ и податей, затѣмъ затратъ на водку

---

[1]) Соловьевъ. С.-х. статистика Смоленской губ.

[2]) Преображенскій. Описаніе Тверской губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи.

[3]) Гранатъ. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ статья Рожкова.

и соль, обремененную тогда акцизомъ: другихъ продуктовъ обрабатывающей промышленности пріобрѣталось очень мало Напримѣръ, въ бюджетѣ, приводимомъ Вилькинсомъ, расходовалось деньгами:

На инвентарь и сбрую . .	7 р. 90 к.
Одежду и обувь	2 р. 80 к.
Итого. . .	10 р. 70 к.

Изъ 72,5 руб. денежныхъ расходовъ и 381,4 руб. всѣхъ, т. е около 3% всего бюджета [1]). Въ тоже время *натурой* на одежду и обувь эта крестьянская семья затрачивала 13 р. 70 к.—впятеро больше чѣмъ деньгами: и это было въ одной изъ промышленныхъ губерній. Въ Тамбовской губерніи богатая семья изъ 16 душъ, бюджетъ которой превышалъ 800 руб. и которая тратила почти половину его деньгами (351 р. 25 к.), на покупку предметовъ индустріи израсходовала 33 р. 80 к —4% всего бюджета [2]). Третья семья, тоже богатая, изъ 765 рублеваго бюджета, на похороны, одежду, обувь и хозяйственный инвентарь затратила 50 руб., а натурой—только на домашнія ткани тоже 50 руб. Полагая, что духовныя требы обошлись деньгами въ 25 руб.—процентъ денежныхъ расходовъ на предметы индустріи и въ этомъ случаѣ не превышаетъ 4%. Такимъ образомъ, бюджетныя данныя свидѣтельствуютъ, что крестьяне того времени не представляли мало-мальски замѣтной покупательной силы для тогдашней индустріи. Крестьяне нечерноземной полосы покупали въ большомъ количествѣ хлѣбъ, привозимый съ юга, покупалась также водка и соль: но продукты мануфактурной промышленности, металлическія издѣлія и т. п. пользовались еще ничтожнымъ спросомъ со стороны крестьянъ.

Дореформенная индустрія получила свое существованіе благодаря потребности правительства: ее поставилъ на ноги Петръ Великій, нуждавшійся въ русскомъ сукнѣ, русскихъ пушкахъ, ядрахъ, русскомъ полотнѣ, русскихъ канатахъ, для своихъ солдатъ и кораблей. До второй половины XVIII вѣка промышленность развивалась благодаря правительственному понужденію, съ этого времени и вплоть до нашего она эволюціонируетъ при помощи правительственной поддержки (см. Милюковъ. Очерки I стр. 86). Болѣе или менѣе самостоятельное развитіе индустріи начинается съ того момента, когда къ потребностямъ государства прибавляются *личныя*

1) Вилькинсъ. Что нужно помѣщичьему и исдѣльному крестьянину для безбѣднаго содержанія себя въ нечерноземной полосѣ.

2) Грузиновъ. Бытъ крестьянъ Тамбовской губ. Журналъ землевлад. 1858 г. т. 2.

потребности дворянства, быстро богатѣвшаго, благодаря пожалованіямъ землей и крестьянами, и благодаря массѣ новыхъ „хлѣбныхъ“ должностей, созданныхъ реформами въ сферѣ военной и гражданской администраціи и заполненныхъ старымъ и новымъ дворянствомъ. Легко доставшіяся средства легко и проживались; и почти всѣ писатели того времени поэты, историки, экономисты свидѣтельствуютъ о безумной роскоши дворянскаго сословія.

Не желая растягивать изложенія, мы не будемъ приводить фактовъ, указанныхъ ими, а ограничимся лишь нѣкоторыми обобщеніями современныхъ экономистовъ. По словамъ Елисеева, (въ статьѣ производительныя силы Россіи), „со времени Петра городской рынокъ захватило въ свои руки русское барство и приспособило его къ своимъ личнымъ потребностямъ. Владѣя, при посредствѣ крѣпостнаго труда, огромной массой капиталовъ, оно пополняло его исключительно предметами роскоши, моды, безумства, франтовства“.

„Помѣщикъ, имѣвшій отъ 200 до 1 тыс. душъ желаетъ жить никакъ не хуже того, кто имѣетъ 10 тысячъ.; тотъ, кто имѣетъ за 100, старается подражать ему, имѣющіе же отъ 20—100 не хотятъ отстать въ образѣ жизни отъ имѣющихъ болѣе 100 душъ. Владѣлецъ съ хорошимъ вкусомъ и тономъ послѣдней моды, коего все достояніе состоитъ, положимъ изъ 50 душъ, стоящія по средней цѣнѣ, 30 тысячъ рублей ассигнаціями, приносящія высшій доходъ въ 4 съ половиной тысячи въ годъ, не можетъ уже выѣзжать иначе какъ въ каретѣ, или въ коляскѣ; если у него есть жена и двѣ дочери, то на гардеробъ ихъ выходитъ болѣе 900 руб., ему собственно 400 руб., на разныя украшенія дома 200 руб., на сахаръ, чай, кофе и пряности, по крайней мѣрѣ, 1000 руб., на вино 400 руб.. на разъѣзды по дѣлу и безъ дѣла и непроизводительные расходы 1000 руб., на ремонтъ экипажа, сбруи и ливреи 400 руб., на наемъ француза и какого нибудь піаниста, по крайней мѣрѣ, 1200 руб., всего 5 съ половиной тысячъ, слѣдовательно, цѣлой 1 тысячей болѣе доходовъ“ [1]). Благодаря жизни выше средствъ и происходила задолженность дворянъ. „У насъ между помѣщиками еще не такъ много людей, которые постигали бы благое намѣреніе правительства и умѣли съ пользою употребить деньги, выдаваемыя въ ссуду изъ установленій кредитныхъ. Большая часть заложила помѣстья свои по непростительной безрасчетливости. Получивъ изъ приказа капиталы и не заботясь о пріисканіи

[1]) Шелеховъ. Мысли объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства.

средствъ къ возврату ссуды, иные приступили немедленно къ постройкѣ въ деревняхъ своихъ великолѣпныхъ домовъ, къ разведенію роскошныхъ садовъ, выписывали бронзу, хрусталь, мраморъ, мебель, экипажи, одѣвали людей въ богатыя ливреи и лошадей въ серебряную сбрую, нанимая французовъ—поваровъ, ѣздили въ столицу, прокатились по краямъ, дали нѣсколько пировъ и издержали все". (Ibidem).

Что деньги, занимаемыя дворянами, уходили на предметы роскоши, а не на улучшеніе хозяйства, свидѣтельствуютъ и высоко-оффиціальныя лица. Императоръ Николай I, еще разъ облегчая въ 1830 г. условія займа изъ кредитныхъ установленій „повторилъ свою прежнюю надежду, что новыя ссуды обратятся не къ прихотямъ роскоши и не къ усиленію долговъ расточительности, а къ лучшему устройству дворянскихъ имѣній, къ дальнѣйшему еще усовершенствованію земледѣлія и къ расширенію сельской и всякой другой полезной промышленности". Но „масса долговъ на дворянскихъ имѣніяхъ не переставала накопляться безъ всякаго усовершенствованія земледѣлія, имѣнія не выходили изъ опеки за неплатежъ въ приказы, нерѣдко они продавались съ молотка. До какой степени банкротства дошло бы наше дворянство, если бы законъ 1859 г. не отмѣнилъ залога и перезалога ихъ имѣній въ кредитныя установленія!" (Романовичъ - Славатинскій стр. 347).

Итакъ, дворяне не довольствовались растратой тѣхъ громадныхъ доходовъ, которые доставили имъ земельныя пожалованія, оброкъ и барщина: они не довольствовались и тѣми деньгами, которыя они получали на службѣ, какъ офицеры и чиновники и которыя добывались ими въ качествѣ „безгрѣшныхъ" доходовъ; они растратили еще нѣсколько сотъ милліоновъ, полученныхъ подъ залогъ имѣній, изъ кредитныхъ установленій. Большая часть этихъ милліоновъ перетекли; въ концѣ концовъ, въ карманы купцовъ и промышленниковъ. Не удивительно, поэтому, что, начиная съ „блестящаго вѣка Екатерины", такъ возрастаетъ наша индустрія. За 34 года царствованія Екатерины прибавилось болѣе 2-хъ тысячъ новыхъ фабрикъ и заводовъ, тогда какъ при вступленіи ея на престолъ ихъ было только 984. Правда, въ началѣ, въ индустріи значительное участіе принимало дворянство: дворяне заводили свои фабрики, обучали дворню разнымъ ремесламъ и количество дворни въ XVIII вѣкѣ быстро возрастало. Полотняныя и суконныя фабрики, особенно сильно разросшіяся въ эту эпоху, принадлежали въ значительной долѣ, дворянамъ. Въ 1773 г. одна треть всѣхъ фабрикатовъ вырабатывалась на дворянскихъ промышленныхъ заведеніяхъ. Но такъ продолжалось недолго: практика скоро

показала, что фабрики работаютъ успѣшнѣе при вольнонаемномъ трудѣ. Энергія, извѣстное умѣніе, требующееся для организаціи промышленныхъ предпріятій, не имѣлись въ наличности у дворянъ, которые только умѣли „пожирать капиталы“ доставшіеся имъ даромъ, и арену индустріальнаго производства они скоро уступаютъ почти безъ боя болѣе приспособленнымъ къ этому дѣлу купцамъ и богатымъ крестьянамъ. По разсчетамъ г. Туганъ-Барановскаго, въ 1832 г. дворянскія фабрики составляли 15% всѣхъ, а въ концѣ 40-хъ гг., по Гастгаузену только 5%. Въ это время крестьянскій трудъ на фабрикахъ рѣшительно отступилъ на задній планъ передъ вольнонаемнымъ. (Туганъ—Барановскій. Русск. фабр. стр. 91).

Кромѣ сокращенія числа дворянскихъ фабрикъ. на это указываетъ также уменьшеніе дворни въ промышленныхъ раіонахъ къ концу эпохи.

% общаго числа дворовыхъ (м. п.) къ крѣпостному населенію [1]).

Раіоны.	По 8 ревизіи.	По 10 ревизіи.
Сѣверный.	3,3	3,8
Сѣверо-западный . . .	6,9	5,6
Московско-промышл. . .	7,1	5,2
Пентр. земледѣльч . . .	8,1	11,8
Средне-волжскій . . .	4,6	5,7
Сѣверо-восточный . . .	4,7	4,8

Въ то время, какъ въ земледѣльческихъ раіонахъ, особенно въ центральномъ, число дворовыхъ растетъ, въ промышленномъ—(московскомъ и сѣверо-западномъ) оно сокращается. Въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ помѣщики „широко пользовались дозволеніемъ закона брать крестьянъ съ пашни во дворъ, чтобы увеличить барщинную запашку на счетъ крестьянскихъ земель“ [2]). Въ промышленныхъ же раіонахъ, гдѣ барщина была слабо распространена, „по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства, когда потребности помѣщика все въ большей и большей степени удовлетворялись покупными предметами, дворня, въ извѣстной степени, теряла свое значеніе и дѣлалась отягощеніемъ для помѣщика“. (Ibid, стр. 130).

---

1) Разсчетъ сдѣланъ по Кеппену (8 рев.) и Тройницкому (10 рев.) въ добавленіемъ недостающихъ у Кеппена губерній изъ данныхъ „матеріаловъ для статистики Россіи“ Мин. Вн. Дѣлъ 1841 г.).

2) Игнатовичъ. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“ стр. 133.

Такимъ образомъ, помѣщики въ XIX вѣкѣ, въ періодъ наиболѣе усиленнаго развитія индустріи, перестаютъ принимась въ ней дѣятельное участіе: они потребляютъ большое количество ея продуктовъ, но производство ихъ предоставляютъ купцамъ и крестьянамъ.

Тѣмъ не менѣе, они всетаки извлекаютъ доходы изъ индустріи, но не прямымъ, а косвеннымъ путемъ, посредствомъ денежныхъ оборотовъ, взимаемыхъ съ крестьянъ, занятыхъ въ промышленности.

Въ промышленныхъ раіонахъ со второй половины XVIII вѣка устанавливается оброчная система, въ земледѣльческихъ—барщинная.

Въ 19 губеріяхъ, приведенныхъ у Семевскаго было:

	Во II половинѣ XVIII вѣка,		Въ первой половинѣ XIX вѣка,	
	% оброчн. крестьянъ.	% барщинныхъ.	% оброчн. крестьянъ.	% барщинныхъ.
Сѣверный раіонъ. .	81,7	18,3	83,4	16,6
Сѣверо-западный. .	32,0	68,0	33,5	66,5
Московск.-промышл.	57,7	42,3	61,4	38,6
Центр. земледѣл. .	22,9	77,1	29,5	70,5
Средне-волжскій (Только Пензенской губ.).	52,0	48,0	24,8	75,2

По болѣе полнымъ матеріаламъ редакціонныхъ коммисій передъ освобожденіемъ [1]) распредѣленіе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ представлялось въ такомъ видѣ:

	% оброчныхъ.	% барщинныхъ.
Сѣверный раіонъ	83,5	16,5
Московско-промышленный . .	61,4	38,6
Севѣро-западный	39,6	60,4
Центральн. земледѣльч. . .	26,8	73,2
Средне-волжскій	26,2	73,8
Нижне-волжскій	22,9	77,1
Сѣверо-восточный	9,7	90,3
Литва и Бѣлоруссія	6,3	93,7
Западная Малороссія	1,9	98,1
Новороссія	0,8	99,2
Восточная Малороссія . . .	0,7	99,3
Всего по Европ. Россіи	26,2	73,8

1) См. Скребицкій. „Крестьянское дѣло“. Цифры оброчныхъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ не совсѣмъ точны, т. к. тогда исчезло раздѣленіе имѣній на барщинныя и оброчныя, которое строго проводилось въ XVIII вѣкѣ, и во множествѣ имѣній, при господствѣ оброчной системы, помѣщики заводили барщинную запашку.

Если отбросить западныя области, принадлежавшія нѣкогда царству Польскому, въ которыхъ крѣпостныя отношенія были строго урегулерованы закономъ и обычаемъ и произволу помѣщиковъ подлежали очень мало, то мы ясно увидимъ, что барщинная система развивается отъ центральныхъ раіоновъ къ окраиннымъ на югъ и юго-востокъ, оброчная же остается достояніемъ промышленныхъ центровъ.

Оброчная система преобладала въ центрѣ еще въ XVIII вѣкѣ, но тогда играли значительную роль натуральныя формы оброка; денежный же оброкъ развивается въ XVIII вѣкѣ. Кн. Щербатовъ пишетъ: „сіе, кажется, есть коренное зло Россіи, что во многихъ ея областяхъ великое число крестьянъ, оставя земледѣліе, ударилось въ другіе промыслы. Прежде, нежели Петръ Великій, наложеніемъ податей, принудилъ крестьянъ стараться другими промыслами пріобрѣтать себѣ на пропитаніе и на заплату податей, крестьяне всѣ принадлежали къ землепашеству, были сыты, но бѣдны и хлѣбъ столь дешевъ былъ, что, не взирая на великое плодородіе, никогда не могъ заплатить трудовъ земледѣльца, но какъ стали крестьяне податьми нѣсколько отягчены, тогда помѣщики узнали многія спокойствія жизни, кои до того имъ невѣдомы были, для пріобрѣтенія оныхъ стали на крестьянъ новыя подати накладывать; тогда крестьяне, для удовлетворенія податьми государя и помѣщика, оставя земледѣліе, стали ходить на работы, и дѣйствительно они стали богаче деньгами, но земледѣліе упало и государство отъ того претерпѣваетъ“. [1])

Слѣдовательно, Щербатовъ главной причиной, гнавшей крестьянъ на земледѣльческіе отхожіе промыслы, считаетъ увеличеніе государственныхъ повинностей и помѣщичьихъ оброковъ.

Въ концѣ этой главы мы приведемъ разсчеты увеличенія крестьянскихъ денежныхъ повинностей. По этимъ разсчетамъ выходитъ, что оброки за сто лѣтъ передъ реформой увеличились, по крайней мѣрѣ, въ 3—4 раза. Такое увеличеніе вполнѣ понятно. Увеличившись численно вдвое (съ 500 тысячъ до 1 милліона), „узнавши многія спокойствія жизни“, иначе говоря, увеличивши свои личныя потребности въ нѣсколько разъ, помѣщики, для удовлетворенія этихъ потребностей, должны были увеличить оброки.

Ростъ самого дворянскаго класса и особенно его потребностей крайне импульсировали индустрію: за свои „спокойствія жизни“ они платили доходами отъ оброковъ; а, увели-

[1]) Щербатовъ. Собраніе сочиненій т. I стр. 491.

чивая оброки, они толкали крестьянъ на промыслы т. е. доставляли индустріи рабочія руки.

Дворяне были главными потребителями продуктовъ дореформенной индустріи, они же доставляли ей армію пролетаріата.

Словомъ и „спросъ“ и „предложеніе“—все зависѣло отъ дворянства (если не считать правительственнаго воздѣйствія), не смотря на его слабое непосредственное участіе въ производствѣ.

Дворянство нечерноземныхъ губерній, въ которыхъ глинистая сильно выпаханная почва требовала хорошаго удобренія и тщательной обработки, и, при экстенсивномъ хозяйствѣ, давала слабые урожаи, мало занималось хлѣбопашествомъ.

Тѣмъ не менѣе, въ XIX в. даже и здѣсь увеличивается барская запашка. Наиболѣе авторитетный писатель 30-хъ гг. Н. Муравьевъ сообщаетъ: „оброчныя недоимки крестьянъ понудили многихъ помѣщиковъ обратить крестьянъ своихъ на издѣлье; хотя оно, большею частью, худо устроено, но количество хлѣба значительно умножилось. Въ примѣръ могу поставить то, чему я самовидецъ. Въ теченіи послѣднихъ 4-хъ лѣтъ около моего помѣстья, Московской губ. Рузскаго уѣзда на радіусъ 35 в. умножилось помѣщичьихъ запашекъ слишкомъ 1500 сороковыхъ десятинъ въ каждомъ полѣ. Нѣтъ причинъ сомнѣваться, чтобы не только въ Московской губ., но и въ прочихъ тому же не послѣдовали“ [1]) но въ общемъ, здѣсь помѣщики предпочитали болѣе прибыльные оброки.

Иначе обстояло дѣло въ черноземной полосѣ, гдѣ свѣжая еще не выпаханная почва даже при экстенсивныхъ системахъ щедро оплачивала земледѣльческій трудъ. Когда, со второй половины XVIII в., въ нечерноземной полосѣ, параллельно съ кризисомъ трехполья, развивается индустрія, города ростутъ и крестьяне, забрасывая земледѣліе переходятъ на промыслы, помѣщикамъ ближайшихъ черноземныхъ раіоновъ перваго колонизаціоннаго пояса открывается выгодный рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ; землевладѣльцы же южныхъ раіоновъ, главнымъ образомъ, Новороссіи, начинаютъ сбывать свой хлѣбъ за—границу. Словомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ рынка внутренняго и внѣшняго, въ черноземной полосѣ *развивается собственное зерновое хозяйство помѣщиковъ*.

Дореформенную эпоху можно назвать эпохою *осѣданія дворянъ на землю*. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что это осѣданіе стало наблюдаться еще со второй половины

1) Тэеръ. Основаніе раціональнаго сельскаго хозяйства съ примѣчаніями Н. Н. Муравьева стр. 14.

XVII в: вмѣстѣ съ трансформаціей землевладѣнія, превращавшагося изъ помѣстнаго въ вотчинное, съ развитіемъ крѣпостного права, появляются первые признаки собственнаго барщиннаго хозяйства помѣщиковъ. „Какъ служащій царю классъ (дворяне) тяготѣлъ къ Москвѣ, какъ классъ землевладѣльцевъ, какъ хозяева своихъ вотчинъ и помѣстій, служилые люди тянули въ деревни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе отъ центра къ окраинамъ осиливаетъ. Царская служба дѣлается тяжелѣе, деревенская жизнь заманчивѣе—помѣщикъ перевѣшиваетъ воина. Вотъ почему „огурство“ служилыхъ людей ихъ отбываніе отъ службы, нѣти и побѣги болѣе и болѣе усиливаются, не смотря на строгія наказанія, опалу, батоги, лишеніе имѣній. Въ первомъ крымскомъ походѣ 1687 г. дворянъ и дѣтей боярскихъ не явилось на службу 1300 чел. Двойственность шляхетства продолжается и въ XVIII в., высшее стремится въ столицу, низшее—отбываетъ отъ службы-, сказывается въ нѣтяхъ, прячется въ деревни“ (Романовичъ-Славатинскій стр. 181). Но въ концѣ XVII в. потреб. ности дворянства были еще мало развиты, крѣпостное право только что было оформлено закономъ, крестьяне еще не забыли былыхъ вольностей и не успѣли стать тѣмъ безсловеснымъ рабочимъ скотомъ, какимъ они сдѣлались черезъ 100 лѣтъ. Съ другой стороны, области Россіи не были дифференцированы, югъ не былъ заселенъ, а центръ питался своимъ собственнымъ хлѣбомъ и даже вывозилъ его на сѣверъ. Поэтому, помѣщичьи запашки, въ общемъ, были еще невелики. По Забѣлину, въ среднемъ, на одну боярскую десятину въ 6400кв. саж. посѣва приходилось 6—8 дворовъ, а на выть въ 18—24 дес.—двѣ такихъ десятины ($5^1/_6$ казен.). т. е. барская запашка, составляла $^1/_4$—$^1/_5$ крестьянской; даже въ барщинныхъ имѣніяхъ. Такъ у Морозова запахивалось 3 дес. барской запашки на 4 двора, а каждый дворъ имѣлъ въ трехъ поляхъ отъ 4 до 5 дес. въ среднемъ, т. е. барская запашка въ 5—6 разъ была меньше крестьянской. Также мало была развита барская запашка и въ началѣ XVIII в., когда Петръ своей табелью о рангахъ и преслѣдованіемъ нѣтчиковъ привлекъ на службу сотни тысячъ дворянъ. Служба отвлекала дворянство отъ земли въ теченіи всей первой половины XVIII в. Болотовъ говоритъ относительно этой эпохи: „тогдашнія времена были не таковы, какъ нынѣшнія: такого великаго множества дворянскихъ домовъ повсюду съ живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, нигдѣ не было. Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ и въ деревнѣ живали одни только престарѣлые старики, не могущіе болѣе нести службу, или за болѣзнями и

дряхлостью по какому нибудь особливому случаю отставленные, и всѣхъ такихъ было не много“ (Жизнь и приключенія т. 1 стр. 147). Указъ о вольности дворянства 1762 г. даетъ сильный толчекъ къ возвращенію дворянъ на землю. Всѣ тѣ, кто въ службѣ не видѣлъ какой либо выгоды для себя, стремятся разстаться съ ней: остаются тѣ, кто разсчитывалъ на „великія и богатыя милости“ отъ верховныхъ властей, а т. к. это были близкіе къ правящимъ сферамъ крупные владѣльцы, то прежній абсентеизмъ сохраняется преимущественно въ рядахъ крупныхъ помѣщиковъ, въ имѣніяхъ которыхъ, до конца эпохи, преобладаетъ оброчная система.

„Распространеніе оброчной и барщинной системы зависѣло также отъ абсентеизма помѣщиковъ, который сильнѣе замѣчался опять таки у крупныхъ владѣльцевъ: отсутствіе въ имѣніяхъ помѣщиковъ, стремившихся на государственную службу и предпочитавшихъ готовые доходы кропотливому веденію сельскаго хозяйства, часто вызывало предпочтеніе оброчной системы передъ барщинной.“ (Игнатовичъ стр. 47.)

Большинство владѣльцевъ другихъ разрядовъ устремляются въ деревню и барскія запашки быстро растутъ.

Распредѣленіе запашки крестьянской и барской въ барщинныхъ имѣніяхъ конца XVIII вѣка видно изъ слѣдующихъ данныхъ: [1])

	% крестьянской запашки	% помѣщичьей запашки.
Сѣверо-западн. раіонъ	70,6	29,4
Московско-промышл. раіонъ.	61,9	38,1
Центрально-земледѣл. „	65,9	34,1
Средне-волжскій „	66,8	33,2
Всего въ 18 г.	65,0	35,0

Въ среднемъ, на двѣ десятины крестьянской запашки въ барщинныхъ имѣніяхъ приходилась одна десятина помѣщичьей пашни. Въ оброчныхъ имѣніяхъ вся пашня была крестьянской, какъ свидѣтельствуетъ Шторъ и подтверждаетъ Елагинъ.

Въ оброчныхъ вотчинахъ, по разсчету Семевскаго, приходилось 3,8 десятины пашни на душу, въ барщинныхъ 2,9 десят. крестьянской и 1,5 десят. помѣщичьей. [1])

Если мы помножимъ эти нормы на число душъ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ (первыхъ 1.453,4 тыс., вторыхъ 1687,9 тыс.), то окажется, что изъ 14.413 тыс. десятинъ всей пашни, существовавшей на помѣщичьей землѣ въ 19 гу-

[1]) Разсчетъ сдѣланъ по среднимъ размѣрамъ угодій на душу и по количеству душъ, приведенныхъ у Семевскаго въ таблицѣ на стр. 584—5 II-го тома.

берніяхъ, данныя о которыхъ разработаны Семевскимъ, 11871,2 тысячи десятинъ или 82,3% принадлежали крестьянамъ и только 2531,8 тысячъ десятинъ—17,7% помѣщикамъ. Если же принять въ разсчетъ пашню государственныхъ крестьянъ, то процентъ помѣщичьихъ запашекъ къ общей массѣ пашенъ въ 19 губерніяхъ понизится до 5,3% т. е. до $^1/_{19}$ части.

Отсюда слѣдуетъ, что хотя помѣщичьи запашки за 100 лѣтъ до конца XVIII вѣка увеличились относительно болѣе, чѣмъ вдвое, онѣ еще составляли очень небольшую величину во всемъ земледѣльческомъ производствѣ страны.

Въ XVIII вѣкѣ дворяне, какъ мы видѣли, переживали періодъ максимальной концентраціи землевладѣнія: но, захватывая въ свои руки милліоны крестьянъ и десятки милліоновъ десятинъ, оставаясь еще въ большомъ числѣ въ столицахъ, гдѣ на нихъ сыпались всяческія милости, они довольствовались, пока, извѣстной земельной рентой, единственно возможной при отсутствіи рынка для товарнаго хозяйства. Георги—иностранный писатель этой эпохи замѣчаетъ, что „способъ пользованія земельными владѣніями, существующій въ Россіи, существенно отличается отъ принятаго въ Лифляндіи и Германіи. Нѣмецкое дворянство считаетъ свои имѣнія съ полями, лѣсами, рыбными ловлями и прочими угодіями за свой капиталъ, а своихъ подданныхъ за орудія, для того, чтобы процентъ съ этого капитала довести до высшаго размѣра. Въ Россіи крѣпостные люди составляютъ цѣнность имѣній:... владѣльцы имѣній не имѣютъ ни земледѣлія, ни сѣнокосовъ, ни молочнаго хозяйства, ни овцеводства и вообще не ведутъ никакого хозяйства". Выводъ этотъ нѣсколько преувеличенъ, ибо, какъ мы видѣли, барщина развивалась и, при томъ, главнымъ образомъ, во второй половинѣ вѣка. Но, дѣйствительно, ея развитіе было, сравнительно со всей массой крестьянскаго производства, еще очень незамѣтной величиной.

Но вотъ, періодъ широкой раздачи вольныхъ земель и крестьянъ въ черноземной полосѣ сокращается, потомучто роздано почти все, что можно было раздать даже съ ущербомъ для казенныхъ интересовъ. Милліоны крестьянъ, передвинувшихся на югъ и востокъ, подняли десятки милліоновъ десятинъ цѣлины. Дифференціація областей въ хозяйственномъ отношеніи создала большой внутренній рынокъ для зерновыхъ продуктовъ, усилившіяся связи съ Европой, которая тогда, вслѣдствіе прироста населенія, наполеоновскихъ войнъ и развитія городской жизни, почувствовала потребность въ хлѣбѣ, создали рынокъ внѣшній. Появленіе рын-

ковъ явилось благопріятной почвой для эволюціи крупнаго товарнаго помѣщичьяго хозяйства: но, конечно, однихъ благопріятныхъ условій еще было недостаточно, чтобы побудить помѣщиковъ черноземной полосы выступить на стезю предпринимательства. Для этого требовались внутреннія побужденія, и таковыми мы считаемъ: а) ростъ числа помѣщиковъ, который скоро началъ обгонять ростъ дворянскаго землевладѣнія, такъ что къ началу XIX в. мы констатировали первые признаки *дробленія имѣній*, б) указанное выше развитіе личныхъ потребностей дворянъ, побуждавшихъ ихъ съ уменьшенной площади земли получать увеличенное количество доходовъ.

Наконецъ и само правительство, передавъ въ руки дворянскаго класса монополію винокуренія и поставки провіанта, на что требовалось около 15 милліоновъ четвертей —120 мил. пуд., толкало дворянъ на развитіе товарнаго хозяйства.

Фактъ эволюціи собственнаго помѣщичьяго хозяйства констатируется большинствомъ писателей. По словамъ Самарина „лѣтъ 70 тому назадъ, (въ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX в. Н. О.) владѣльцы значительныхъ имѣній мало занимались сельскимъ хозяйствомъ, по большей части, довольствовались умѣреннымъ оброкомъ, собирая, сверхъ того, натурою разные припасы для своихъ домашнихъ потребностей... Этотъ порядокъ вещей измѣнялся постепенно отъ совокупности дѣйствій многихъ причинъ. Имѣнія быстро дробились и и съ каждымъ новымъ раздѣломъ средства владѣльцевъ уменьшались, а потребности ихъ возрастали въ изумительной прогрессіи“ (соч. т. II 1873 г. стр. 17). Тогда дворяне почувствовали необходимость заняться своими дѣлами, увеличить свои доходы, обезпечить на будущее время вѣрное ихъ поступленіе, и для достиженія этихъ цѣлей избрали сподручное и дешевое средство *заведеніе барщины*“. (Ibid. стр. 49—50).

„Опытъ долженъ былъ показать помѣщикамъ, говоритъ князь Волконскій, что получить доходъ отъ земледѣлія было выгоднѣе, овладѣвая получаемыми съ нея произведеніями крѣпостного труда, съ промысловъ же наоборотъ, предоставивъ свободу крестьянину, обложить его только надлежащимъ оброкомъ.... Съ теченіемъ времени весь сѣверъ сталъ оброчнымъ, а черноземный югъ барщиннымъ. Въ барщинныхъ имѣніяхъ, ко времени царствованія Александра I, помѣщику обычно принадлежала уже половина запашки. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. нормальнымъ въ барщинныхъ имѣніяхъ считалось уже дѣленіе пахотной земли ме-

жду владѣльцами и крестьянами пополамъ, а ко времени освобожденія вездѣ, гдѣ крѣпостное населеніе не было особенно густо, въ такихъ имѣніяхъ въ распоряженіи крестьянъ не оставалось и этого количества пашни [1]). Чтобы не нарѣзывать крестьянамъ излишней земли, стали избѣгать образованія новыхъ тяглъ и запрещали семейные раздѣлы.

Муравьевъ, въ своихъ извѣстныхъ примѣчаніяхъ къ переводу Тэера, изданныхъ въ 30-хъ гг., считаетъ нормальнымъ распредѣленіе между бариномъ и крестьянами пополамъ не только одной пашни, но и всѣхъ угодій. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить по массовымъ даннымъ всѣхъ раіоновъ, какая часть пашни въ концѣ эпохи принадлежала помѣщику, какая крестьянамъ.

По отдѣльнымъ губерніямъ пашня и посѣвъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

А) Промышленныя губерніи.

	у помѣщиковъ:		у крестьянъ:
Тверская губер. .	362,3 тыс.	четв. посѣва	1348,3 тыс.
Костромская губ. .	157,1 тыс.	„ „	763,7 тыс.
Смоленская губ. .	531,8 тыс.	„ „	1729,5 тыс.

Б) Земледѣльческія губерніи.

Рязанская губ.	665,8 тыс.	десят. пашни	716,7
Калужская губ. (часть имѣній) .	16,5 тыс.	„ „	27,4
Казанская губ. .	202,7 тыс.	„ „	262,3
Гродненская губ. .	326,0 тыс.	„ „	533,4
Саратовская губ. .	463,0 тыс.	четв. посѣва	764,0 [2])

По этимъ даннымъ, въ земледѣльческихъ губерніяхъ помѣщикамъ принадлежало около половины пашни и посѣвовъ, въ промышленныхъ отъ одной пятой до одной трети. Не надо забывать, что эти данныя охватываютъ, какъ барщинныя такъ и оброчныя имѣнія и что, слѣдовательно, въ барщинныхъ имѣніяхъ 50-хъ гг. къ которымъ относятся приведенныя цифры, помѣщикамъ принадлежало уже болѣе половины пашни. Это заключеніе подтверждается матеріалами трудовъ редакціонныхъ комиссій, разработанными г-жей Игнатовичъ, и касающимися только имѣній свыше 100 душъ, въ которыхъ оброчная система относительно преобладала.

---

[1]) Кн. Волконскій, „условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ". (Тр. Ряз. учен. арх. ком. 1897 г.).

[2]) Данныя эти взяты изъ трудовъ офицеровъ генеральнаго штаба, у Преображенскаго, Яновскаго, Штукенберга и изъ свѣдѣній, собранныхъ комиссіями для уравненія денежныхъ сборовъ М. Гос. Им.

% всей удобной земли въ 50 гг. XIX в.[1])

	съ лѣсомъ		безъ лѣса		% паш. въ кон. XVIII в.	
	у кр.	у пом.	у кр.	у пом.	у кр.	у пом.
Сѣверный р.	49,8	50,2	73,1	26,9	100	0,0
Сѣверо-запад.	41,1	58,9	69,3	30,7	87,8	12,2
Моск. пром.	49,6	50,4	63,1	36,9	87,5	12,5
Центр. земл.	44,2	55,8	48,0	52,0	80,3	19,7
Средне-Волжск.	49,1	50,9	64,5	35,5	92,3	7,7
Всего по 20 губ.	46.1	53,9	56,2	43,8	82,3	17,7

Т. к. въ составѣ удобныхъ земель безъ лѣса преобладаютъ пашни, то данныя 3-ей и 4-ой графы, до нѣкоторой степени, сравнимы съ данными конца XVIII в.: судя по нимъ, процентъ эксплуатируемыхъ земель (пашни, сѣнокосы, выгоны, усадьба), находившійся въ пользованіи помѣщиковъ, за 70 лѣтъ послѣдняго періода крѣпостной эпохи, поднялся съ 17,7% до 43,8%, т. е. относительно въ $2^1/_2$ раза. Больше всего онъ выросъ въ земледѣльческомъ центрѣ, гдѣ помѣщичьи угодья, занимавшія въ концѣ XVIII в. одну пятую, захватили теперь болѣе половины эксплуатируемой площади всѣхъ имѣній. Но эти данныя относятся къ имѣніямъ свыше 100 душъ (оброчнымъ и барщиннымъ вмѣстѣ).

Если мы возьмемъ цифры, имѣющіяся по всѣмъ имѣніямъ и относительно всѣхъ угодій, то онѣ намъ укажутъ на еще большее преобладаніе земли, эксплуатируемой самими помѣщиками.

Изъ 100 десятинъ всей удобной земли (съ лѣсомъ) было въ пользованіи: [2])

	Крестьянъ:	Помѣщиковъ:
Сѣверный р. . .	26,4	73,6
Сѣверо-зап. . .	28,6	71,4
Моск. пром. . .	48,1	51,9
Центр. земл. . .	47,2	52,8
Вост. Малор. . .	38,8	61,2
Поволжье . .	43,7	56,2
Сѣверо-вост. . .	15,4	84,6
Новорос. . .	14,3	85,7
Запад.-Малор. .	36,7	63,3
Литва съ Бѣлор. .	27,8	72,2
Всего въ Евр. Рос. .	34,0	66,0

Сравнивая раіоны, имѣющіеся на этой и на приведенной выше таблицѣ, мы видимъ, что, въ большинствѣ слу-

[1]) Разсчитаны по таблицѣ 2 (приложеній) посредствомъ помноженія числа десятинъ на процентъ угодій, принадлежавшихъ помѣщикамъ и крестьянамъ.

[2]) Разсчетъ сдѣланъ по даннымъ редакціонныхъ комиссій, приведеннымъ въ Военно-Статистическомъ Сборникѣ стр. 188.

чаевъ, на послѣдней таблицѣ, гдѣ взяты *всѣ* имѣнія, процентъ земли, эксплуатируемой непосредственно помѣщиками, нѣсколько выше.

Итакъ, всѣ приведенныя нами цифры говорятъ о томъ, что во 1-хъ) къ концу періода большинство земель оказалось въ пользованіи помѣщиковъ, во 2-хъ) что въ черноземныхъ раіонахъ большая половина пашни также принадлежала помѣщикамъ. Т. к. крестьяне занимались земледѣліемъ гораздо больше для удовлетворенія своихъ потребностей, а не для продажи хлѣба, и продавали лишь по нуждѣ, для уплаты податей, то большая половина пашни въ помѣщичьихъ хозяйствахъ указываетъ, что большая часть зернового сбыта находилась въ ту эпоху въ помѣщичьихъ рукахъ.

Въ этомъ, въ высшей степени важномъ выводѣ мы вполнѣ сходимся съ г. Лященко. „Если въ общей массѣ дореформеннаго земледѣльческаго производства наибольшая доля выпадала, какъ и теперь, на крестьянское производство, то въ производствѣ собственно товарныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, т. е. въ работѣ на рынокъ не только преобладало, но являлось почти исключительнымъ помѣщичье хозяйство.

Въ теченіи XIX столѣтія въ земледѣльческихъ раіонахъ сильно развивались помѣщичьи запашки и переходъ къ предпринимательскому барщинному хозяйству съ цѣлью полученія прибавочнаго продукта и реализаціи его на рынкѣ. Конечно и крестьянское хозяйство, въ нѣкоторой части своего производства, являлось поставщикомъ на рынокъ:— во первыхъ,—благодаря необходимости въ денежныхъ средствахъ, во вторыхъ—благодаря тому, что и среди него обнаруживалась уже нѣкоторая дифференціація, обусловившая возможность возникновенія крестьянскихъ предпринимательскихъ хозяйствъ.

Но при той крайней эксплуатаціи крѣпостного труда, которая отнимала у крестьянъ почти весь прибавочный продуктъ, за исключеніемъ лишь крайне необходимаго для поддержанія существованія этого крестьянина и его хозяйства, представляется почти безусловнымъ, что на рынкѣ, какъ внѣшнемъ, такъ, особенно, на внутреннемъ долженъ былъ преобладать помѣщичій хлѣбъ.

Въ Харьковской губ., въ средній по урожаю годъ, у крестьянъ, за покрытіемъ своихъ потребностей, оставалось излишковъ 15 тыс. четв., у помѣщиковъ 1.100 тыс. четв.; тоже и въ Пензенской, и въ Саратовской и др. губ. Въ общемъ итогѣ, по исчисленіямъ нѣкоторыхъ дореформенныхъ писателей, отъ крестьянъ поступало на внутренній и внѣш-

ній рынокъ не болѣе 10% общаго количества, 90% поступало отъ помѣщичьяго производства, которое и являлось, такимъ образомъ, главнымъ представителемъ товарнаго производства и работы на рынокъ“ [1]).

Можетъ быть исчисленіе помѣщичьяго сбыта въ 90% и, было нѣсколько преувеличеннымъ. Правда, помѣщичьимъ крестьянамъ было нечего продавать: по словамъ Сабурова, продавать хлѣбъ могли лишь такіе крестьяне, у которыхъ было въ черноземныхъ губерніяхъ болѣе 4—5 дес. на тягло; громадное же большинство ихъ имѣло меньше 3-хъ дес., (пашни) но, вѣдь, продавали они, большею частью не отъ избытковъ, а отъ нужды, для уплаты податей.

„По разнымъ губерніямъ въ селахъ бываютъ каждую недѣлю большіе торги, которые начинаются почти послѣ уборки съ полей хлѣба. Крестьяне со всѣхъ сторонъ привозятъ туда рожь и пшеницу, ячмень, гречиху, горохъ, пшено, крупу, сѣмя льняное и конопляное, сѣно, ленъ, пеньку, холстъ, сукно крестьянское, медъ, воскъ, сало, масло коровье, конопляное, кожи и шерсть и продаютъ ихъ по *весьма низкимъ цѣнамъ*“ [2]). Фактъ дешевой продажи указываетъ, что способъ исчисленія крестьянскихъ продажъ по избыткамъ хлѣба, остающимся за покрытіемъ натуральныхъ потребностей, который примѣняли дореформенные экономисты, въ даннымъ случаѣ, неприложимъ, т. к. крестьяне, какъ и теперь продавали не излишки, а хлѣбъ, необходимый для ихъ существованія. „Въ числѣ причинъ дешевой продажи хлѣба посѣлянами хлѣбородныхъ губерній можно полагать то, что они обязаны были взносить въ казначейство подушныя подати осенью въ такое время, когда нѣтъ еще движенія въ хлѣбной торговлѣ. Въ сіе время хлѣбъ и скупается весьма дешево мѣстными торговцами, которые, по установленію зимняго пути, получаютъ за него барышъ на счетъ земледѣльцевъ. У насъ съ первымъ зимнимъ путемъ начинается такъ называемый побѣгъ: пріѣзжаютъ закупщики изъ сѣверныхъ губерній съ порожними подводами за хлѣбомъ для своего продовольствія и для отвоза онаго изъ барыша въ мѣста, куда требуется“. [3])

Картина вполнѣ тождественная съ современной: тогда, какъ и теперь, крестьяне продавали хлѣбъ осенью, чтобы весной купить его на „сѣмены—ѣмены“ по повышенной цѣнѣ. Такъ какъ и казенные крестьяне были обложены денежными повинностями, для уплаты которыхъ они должны бы-

[1]) Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи стр. 199—200.
[2]) Карновичъ. Хозяйственные опыты стр. 314.
[3]) Бунинъ. Мысли о русскомъ хозяйствѣ.

ли продавать хлѣбъ или другіе сельско-хозяйственные продукты, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было добыть денегъ промыслами, то можно думать, что доля участія крестьянъ въ зерновомъ товарообмѣнѣ была нѣсколько выше, чѣмъ ее опредѣляютъ дореформенные экономисты, но всетаки значительно меньше помѣщичьей. Помѣщикамъ, кромѣ ихъ привиллегированнаго положенія, дававшаго имъ въ руки монополію винокуренія и поставокъ на казну, помогало дурное состояніе путей сообщенія. Заставляя своихъ крестьянъ отбывать подводную повинность, помѣщики могли свободно доставить сколько угодно хлѣба на центральные рынки, чего крестьянинъ не могъ сдѣлать. Онъ долженъ былъ ждать пока въ его селѣ появится скупщикъ, между тѣмъ, какъ помѣщикъ самъ доставлялъ товаръ въ Москву, въ Петербургъ и другіе центры.

Итакъ, начиная съ XIX в., особенно съ 20—30-хъ гг. (Заблоцкій-Десятовскій считаетъ, что съ 1812 г.), помѣщики сильно развиваютъ собственныя запашки съ цѣлью крупнаго товарнаго производства. *Послѣдніе 30—40 лѣтъ передъ реформой были моментомъ максимальнаго развитія крупнаго товарнаго хозяйства, тогда какъ конецъ XVIII в. былъ кульминаціоннымъ пунктомъ крупнаго землевладѣнія.*

Просимъ читателей запомнить эти выводы, очень важные для характеристики аграрной эволюціи.

Рельефнымъ показателемъ товарнаго характера помѣщичьяго хозяйства служитъ тотъ фактъ, что всеобщій неурожай 1833 г. поднялъ благосостояніе тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ мало-мальски уродился хлѣбъ, благодаря высокимъ цѣнамъ. Неурожай „поддержалъ помѣщиковъ, обогатилъ откупщиковъ, оптовыя торговли и всѣ отрасли промышленности.... Передъ симъ мы находились въ противоположной крайности и терпѣли отъ обилія, производящаго дешевизну... Говоря здѣсь исключительно о помѣщикахъ и купцахъ, на счетъ крестьянъ должно замѣтить, что ихъ вообще болѣе бѣдныхъ, чѣмъ зажиточныхъ, т. е. живутъ они трудомъ рукъ своихъ и не имѣютъ ни запасовъ, ни капиталовъ, не очень жалуются на урожай и не совсѣмъ понимаютъ даже выгоды дороговизны“ [1]).

Какъ видно, антагонизмъ интересовъ трудовыхъ крестьянъ и капиталистовъ—помѣщиковъ по отношенію къ „вліянію урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ на народное хозяй-

1) Сабуровъ Промышленный бытъ помѣщиковъ сельскихъ хозяевъ въ многоземельныхъ губ. Отеч. зап. 1841 г. № 14. См. также С. Масловъ. О размежеваніи черезполосицы и цѣнахъ на хлѣбъ. Земледѣльч. журн. 1836 г. № 36.

ство, который послужилъ темой длиннѣйшихъ дебатовъ въ нашей экономической литературѣ 90 гг., не былъ чуждъ и эпохѣ 30-хъ гг.

Одновременно съ развитіемъ товарнаго помѣщичьяго хозяйства, основаннаго на барщинной системѣ, возникаютъ новыя формы предпринимательства: *плантаціонныя* хозяйства (съ мѣсячниками), *крупно-арендаторскія* хозяйства купцовъ и крестьянъ, и хозяйства основанныя на *наемномъ трудѣ*. Одно изъ первыхъ указаній на плантаціонную систему мы встрѣчаемъ у Радищева,

. Одинъ помѣщикъ, по его словамъ (въ „Путешествіи") отнялъ у крестьянъ всю землю, скупилъ весь скотъ по цѣнѣ, назначенной имъ самимъ, заставлялъ работать всю недѣлю на барщинѣ, а чтобы они не умирали съ голоду, кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ и по одному разу въ день, инымъ же давалъ мѣсячину. Другой помѣщикъ также отнялъ у крестьянъ землю, заставилъ постоянно работать всѣхъ взрослыхъ и дѣтей, а на пропитаніе людямъ семейнымъ выдавалъ мѣсячину, холостыхъ же кормилъ на дворѣ въ мясоѣдъ пустыми щами, а въ посты хлѣбомъ и квасомъ. Такимъ образомъ, плантаціонное хозяйство заключалось въ томъ, что владѣлецъ экспропріпровалъ у крестьянъ всю землю и превращалъ ихъ въ своихъ батраковъ, а кормилъ ихъ натурою, чаще всего выдавая имъ провизію на мѣсяцъ. По подсчетамъ Семевскаго, въ концѣ XVIII в., система мѣсячины была заведена въ 41 имѣніи съ 963 душ. (въ 20 губ.). Обыкновенно, эту систему практиковали мелкопомѣстные дворяне.

Въ XIX в. переводъ крестьянъ въ мѣсячники участился, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется увеличеніе числа дворовыхъ въ черноземной полосѣ съ 8-ой по 10 ревизію, т. к. мѣсячники часто переводились въ дворовые. Особенно усилилось развитіе мѣсячины съ 1830 гг., т. е. со времени развитія товарнаго хозяйства и дробленія имѣній. По словамъ Самарина, гдѣ наиболѣе дробятся имѣнія, тамъ появляются и мѣсячники; въ Рязанской губ., гдѣ было очень много мелко-помѣстныхъ дворянъ, Повалишинъ и Зяблоцкій-Десятовскій отмѣчаютъ большое количество мѣсячниковъ. Впрочемъ, бывали случаи перевода на мѣсячину и въ крупныхъ помѣстьяхъ.

Въ Великороссіи мѣсячина была менѣе развита, въ Бѣлоруссіи и Малороссіи больше. Въ Великороссіи она чаще практиковалась въ раіонахъ, близкихъ къ центру, гдѣ съ 1830-хъ гг. особенно сильно начала ощущаться земель-

ная тѣснота въ мелкихъ помѣстьяхъ, число которыхъ увеличивалось въ этихъ раіонахъ быстрѣе, чѣмъ на окраинахъ.

Другая предпринимательская система—крупно—арендаторское хозяйство, основанное часто на наемномъ трудѣ, наоборотъ, развивается на окраинахъ—въ низовомъ Поволжьи и Новороссіи. Одно изъ наиболѣе подробныхъ описаній арендаторскихъ хозяйствъ оставлено намъ Никольскимъ, въ его извѣстной монографіи по Балашовскому уѣзду Саратовской губ. Крупная аренда была, по большей части, долгосрочна: арендовали помѣщики, имѣвшіе мало своей земли, чиновники, купцы, мѣщане и зажиточные крестьяне. Кромѣ крупной практиковалась и мелкая аренда бѣдными мѣщанами и крестьянами на короткіе сроки. При долгосрочной арендѣ цѣна за десятину составляла отъ $1^1/_2$ до 3 руб. серебромъ въ годъ (5—10 руб. ассигнаціями); при краткосрочной она подымалась до 5 и 7 рублей за цѣлинную землю.

Долгосрочные арендаторы строили хутора, нанимали рабочихъ годовыхъ и сроковыхъ (пѣшихъ годовыхъ за 15—30 руб., полугодовыхъ 10—16 руб. серебромъ на хозяйскихъ харчахъ). Зажиточные крестьяне производили работы, большею частью, силами своей семьи, т. к. были многосемейными и лишь принанимали въ страдную пору издѣльныхъ батраковъ.

Въ батраки въ Саратовской губ, нанимались крестьяне изъ сосѣднихъ мало-земельныхъ уѣздовъ Пензенской, Тамбовской и Рязанской губ.; они ежегодно отправлялись на Донъ, въ Воронежскую и Саратовскую губ. Кадры батраковъ рекрутировались изъ двухъ крайнихъ полюсовъ крестьянства: безлошадныхъ и многолошадныхъ дворовъ: „первые, оставшись пѣшими, почти безполезны дома и потому нанимаются на сторону, дабы, выработавъ деньги, завести опять лошадь: вторые, имѣя въ избыткѣ лошадей или рабочихъ воловъ, успѣшно доканчиваютъ свои посѣвы и, пользуясь остальнымъ временемъ, нанимаются пахать на сторонѣ и пользуются этимъ уже въ видѣ промысла“.

Хозяйства на собственной землѣ, ведущіяся наемнымъ трудомъ, также были распространены преимущественно на окраинахъ, особенно въ Новороссіи и Заволжьи, гдѣ процентъ крѣпостныхъ былъ очень невеликъ и гдѣ, въ силу необходимости, приходилось работать наемными рабочими. Въ эпоху усиленнаго предпринимательства, наемный трудъ распространился и въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, иногда смѣшанно съ барщиннымъ трудомъ, иногда въ чистомъ видѣ. Но, всетаки, несомнѣнно, что вплоть до самой реформы, въ большинствѣ губерній преобладалъ бар-

щинный трудъ и только на окраинахъ наемъ батраковъ на лѣтніе мѣсяцы былъ широко распространенъ.

Князь Мещерскій писалъ въ 1873 г., что „хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольно-наемный трудъ, выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевыя работы крестьянъ изъ густо-населенныхъ украинныхъ губерній". Г. Рожковъ, изъ работы котораго (см. Гранатъ Истор. Россіи) мы взяли эту выдержку, склоненъ думать, что вольнонаемный трудъ передъ освобожденіемъ былъ широко распространенъ всюду и старается это доказать рядомъ конкретныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ срединныхъ губерній. Онъ полагаетъ, что „невыгодность крѣпостной барщины приводила мало по малу къ тому, что ея примѣненіе постепенно сокращалось и крѣпостные крестьяне все чаще переводились на оброкъ, что постепенно стали слагаться формы труда, переходныя отъ крѣпостныхъ къ вполнѣ свободнымъ". Но мы показали выше, что въ XIX в. помѣщичье хозяйство развивалось за счетъ крестьянскаго и, въ противоположность г. Рожкову, г-жа Игнатовичъ, наиболѣе тщательно изучившая этотъ вопросъ, думаетъ, что это развитіе происходило на почвѣ барщинной системы. „Сильное увеличеніе количества помѣщиковъ съ 20—100 дес. (съ 8 по 10 рев.) дѣлаетъ возможнымъ выводъ, что развитіе барщиннаго хозяйства могло сильно двинуться впередъ въ XIX в., ко времени реформы. Это обстоятельство, быть можетъ, объясняетъ. до нѣкоторой степени, и тотъ фактъ, что и въ оброчныхъ имѣніяхъ XIX вѣкѣ появились барщинныя запашки и смѣшанная оброчно-барщинная система (стр. 49). и дальше—„уменьшеніе количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, зависѣло, главнымъ образомъ, отъ помѣщичьяго развитія барщиннаго хозяйства. Пока господинъ не дорожилъ собственною запашкою, онъ предоставлялъ большую часть земли крестьянамъ. Въ XIX в., при увеличеніи потребностей помѣщиковъ, потребовалось повышеніе дохода его имѣнія, причемъ требовался преимущественно денежный доходъ. Результатомъ явилось стремленіе увеличить барщинную запашку". (стр. 53) Гастгаузенъ тоже свидѣтельствуетъ, что „число барщинныхъ крестьянъ постоянно возростаетъ, какъ оброчное положеніе, дотолѣ господствовавшая форма взиманія доходовъ съ крестьянъ во всей Великороссіи, прекращается". Если приведенныя нами выше массовыя данныя и указыва-

ютъ на повышеніе процента оброчныхъ крестьянъ во многихъ раіонахъ, то во 1-хъ) это повышеніе было, до извѣстной степени, мнимымъ, т. к. въ XIX в. распространяется смѣсь оброка и барщины и неизвѣстно, въ какую группу барщинныхъ или оброчныхъ заносили крестьянъ редакціонныя комиссіи, на матеріалы которыхъ опираются приводимыя выше данныя; во 2-хъ) увеличеніе процента оброчныхъ съ конца XVIII в. происходило почти исключительно въ промышленныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ: Московской (на 32%), Владимірской (20%), Ярославской (9,4%) Олонецкой (6%), Костромской (2,5%), Псковской (2%) и Вологодской (1%). Изъ земледѣльческихъ губерній число оброчныхъ увеличилось: въ Рязанской (на 19%), Тульской (17%), Курской (16,5%). Наоборотъ, сокращеніе оброчныхъ констатировано преимущественно въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ: въ губерніяхъ Пензенской (27%), Воронежской (19%), Нижегородской (14%), Орловской (8%), Калужской (3%); изъ промышленныхъ и сѣверныхъ: Тверской (на 6%), Новгородской (3,4%), Смоленской (3%). Поэтому, вопросъ объ увеличеніи числа барщинныхъ или оброчныхъ крестьянъ въ разгаръ помѣщичьяго предпринимательства, по меньшей мѣрѣ, вопросъ спорный, рѣшающійся разно для различныхъ мѣстностей и для различныхъ размѣровъ хозяйствъ. Оброчная система скорѣй всего развивалась въ нечерноземной полосѣ и въ крупныхъ имѣніяхъ свыше 100 душъ, барщинная въ черноземной полосѣ и въ среднихъ имѣніяхъ отъ 20 до 100 душъ...

Спорнымъ является и вопросъ о большей выгодности наемнаго или барщиннаго труда. Въ ту эпоху, почти всякій писатель-экономистъ затрагивалъ этотъ вопросъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что наемный трудъ былъ сильно распространенъ. Дѣло въ томъ, что ратовали за наемный трудъ агрономы-новаторы, пропагандисты „фармерскаго хозяйства“ и плодопеременной системы. Т. к. большинство писателей-экономистовъ того времени и были такими новаторами, то отсюда и получается иллюзія значительнаго распространенія системы, обсуждавшейся почти безпрерывно съ 30-хъ гг. и даже раньше. Еще Растопчинъ въ 1806 г. говорилъ, что „англинскій фармеръ столько же начинаетъ быть нуженъ многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французской эмигрантъ, итальянскія въ домахъ окна и скаковыя лошади въ запряжку“. Моднымъ былъ и вольно-наемный трудъ, но факты указываютъ, что, по крайней мѣрѣ, въ срединныхъ губерніяхъ, на практикѣ его примѣненіе представляло довольно рѣдкія исключенія. А это само по себѣ уже ука-

зываетъ на невыгодность вольнонаемнаго труда; если бы онъ былъ выгоденъ, то, несомнѣнно, помѣщики ввели бы его въ широкихъ размѣрахъ, какъ это сдѣлали фабриканты, съ того момента, какъ индустрія стала расширяться.

Въ индустріи наемный трудъ сдѣлался необходимымъ, съ тѣхъ поръ, какъ она стала на твердую почву потому, что концентрація производства, неизбѣжная въ этой послѣдней, требовала отдѣленія рабочихъ отъ орудій труда, требовала и технической спеціализаціи. Барщинный крестьянинъ, сидѣвшій на землѣ, жившій землею, не могъ быть такимъ рабочимъ: тутъ нуженъ былъ пролетарій, покончившій съ земледѣліемъ, каковыми и являлись оброчные и многіе изъ государственныхъ крестьянъ, занимавшихся въ нечерноземной полосѣ отхожими промыслами. Вотъ почему мы видимъ, что съ 1804 до 1825 г. процентъ фабричныхъ рабочихъ изъ крѣпостныхъ понизился отъ 52,0% (49,6 тыс. изъ 95,2 тыс. всѣхъ) до 45% (96,5 тыс. изъ 210,6 тыс. всѣхъ) „нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ г. Туганъ-Барановскій, что относительное число несвободныхъ рабочихъ на фабрикахъ быстро падало въ теченіи 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ гг.“ [1]) (Рус. фабр. стр. 90) „но въ области земледѣлія крѣпостной трудъ упорно держался и всѣ попытки правительства побудить помѣщиковъ добровольно освободить своихъ крестьянъ, кончились полной неудачей: по законамъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ помѣщики освободили менѣе 1% всего крѣпостного населенія. Очевидно, въ области земледѣлія помѣщики находили для себя болѣе выгоднымъ крѣпостной трудъ. Крѣпостное право могло быть ликвидировано только непосредственнымъ актомъ государственной власти“. (Ibid стр. 89). Почему же крѣпостной трудъ былъ для помѣщиковъ болѣе выгоднымъ? Главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ *даровымъ!*

Этотъ неоспоримый аргументъ выставляется тогдашнимъ сельско-хозяйственнымъ авторитетомъ Муравьевымъ, принявшимъ въ спорѣ о вольнонаемномъ и барщинномъ трудѣ сторону послѣдняго. „Въ Россіи, при исчисленіи дохода, никогда не принимаютъ въ разсчетъ, чего будетъ стоить обработка земли, потому что у насъ единажды навсегда изъ коренного капитала (земли) сдѣланъ расходъ на содержаніе крестьянъ, которые за сіе обязаны обрабатывать землю“. Не надо помѣщику разсчитывать ни стоимости человѣческаго труда, ни содержанія рабочаго скота, ибо все это у него уже имѣется въ готовомъ видѣ. Не надо разсчитывать, во

1) До 5% всѣхъ рабочихъ къ концу эпохи по Гастгаузену.

что обойдется гужевая доставка на рынокъ за сотни верстъ, ибо крестьяне свезутъ, сколько прикажетъ баринъ, на своихъ лошадяхъ.

Правда, что Муравьевъ говоритъ о невыгодности наемнаго труда лишь условно: „при томъ положеніи и народонаселеніи, въ которомъ теперь находится Россія, самое выгоднѣйшее средство къ обработкѣ земли есть воздѣлываніе оной осѣдлымъ (барщиннымъ) крестьяниномъ. Вольнонаемные же работники представляютъ сверхъ дороговизны, еще и то неудобство, что ихъ мудрено найти, да и то весьма нехорошихъ, а поденщиковъ вовсе нѣтъ, развѣ только по близости столицъ". (прим. т. I, стр. 189). „Работа наемными людьми въ Россіи будетъ самымъ неосновательнымъ и разорительнымъ предпріятіемъ, доколѣ цѣна хлѣба не возвысится, цѣна наемныхъ батраковъ не уменьшится и число ихъ не увеличится". (Ibid стр. 71). Слѣдовательно, главныя причины невыгодности наемнаго труда—рѣдкость и дороговизна рабочихъ рукъ и дешевизна продуктовъ. Но фабриканты, вѣдь, находили достаточное количество рабочихъ; съ другой стороны, кто же мѣшалъ помѣщикамъ отпустить своихъ рабочихъ на волю? Что же касается дешевизны хлѣба, то послѣ реформы хлѣбъ вздорожалъ, вольный трудъ сталъ исключительнымъ, а помѣщичье хозяйство упало, какъ никогда до сихъ поръ не падало.

Возраженія Маслова Муравьеву, по этому поводу, сводятся къ тому, что помѣщики были обязаны, по закону, кормить крестьянъ во время неурожаевъ, платить за нихъ подушное и вообще поддерживать ихъ хозяйство, когда оно падало. Какъ исполняли помѣщики эти предписанія закона, видно изъ того, что въ годы неурожаевъ толпы крѣпостныхъ выходили на дорогу выпрашивать подаяніе; во всякомъ случаѣ, эти обязанности, повидимому, ихъ не особенно обременяли.

Итакъ, очевидное нежеланіе помѣщиковъ добровольно освободить крестьянъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ невыгодности вольно-наемнаго труда. И сколько бы отдѣльныхъ конкретныхъ примѣровъ ни приводилъ г. Рожковъ—исторія лучше всего доказываетъ его неправоту; переходъ къ вольно-наемному труду сразу подорвалъ помѣщичье хозяйство: „порвалась цѣпь великая, порвалась и ударила однимъ концомъ по барину"...

Предыдущее изложеніе показало намъ, что въ дореформенную эпоху сложилось пять системъ крупнаго хозяйства; оброчная, представляющая, въ сущности, отсутствіе собственнаго хозяйства, барщинная, плантаторская, аренда-

торская и основанная на наемномъ трудѣ.[1]) Наиболѣе развиты были оброкъ и барщина, причемъ эта послѣдняя, повидимому, усиливается къ концу эпохи въ черноземной полосѣ. На барщинѣ основывается и крупное товарное хозяйство помѣщиковъ, развивающееся въ земледѣльческихъ областяхъ въ началѣ XIX в. вслѣдъ за тѣмъ, какъ концентрація дворянскаго землевладѣнія достигла высшей точки своего развитія въ концѣ XVIII в. Оба эти явленія, несомнѣнно, связаны между собою и крупное хозяйство не могло возникнуть безъ крупнаго землевладѣнія, порожденнаго не экономическими, а политическими факторами—раздачей земель и крестьянъ абсолютными монархами своимъ фаворитамъ и самовольными захватами, безнаказанно практиковавшимися со стороны этихъ послѣднихъ. Концентрація землевладѣнія явилась результатомъ извѣстнаго политическаго режима; разбогатѣвшіе дворяне узнали „спокойствія жизни“, ихъ личныя потребности широко развились, а это, съ одной стороны, дало толчекъ къ развитію индустріи, съ другой,—сельско-хозяйственнаго предпринимательства. Мы не утверждаемъ, что эти новыя явленія хозяйственной жизни создались исключительно только благодаря этимъ факторамъ; но, несомнѣнно, главную точку опоры индустрія и крупное сельско-хозяйственное производство получили въ развитіи соціальнаго феодализма. Еще относительно индустріи необходимо указать, что она была вскормлена и поставлена на ноги правительственной опекой, казенными нуждами и помѣщики своими тратами только способствовали ея дальнѣйшей эволюціи, хотя и здѣсь не надо забывать, что первыя фабрики заводились въ дворянскихъ имѣніяхъ. Но крупное сельско-хозяйственное производство въ ту эпоху было не мыслимо безъ крупнаго землевладѣнія, безъ дарового крѣпостного труда, и, какъ только это послѣднее условіе его процвѣтанія было уничтожено, дворянское капиталистическое хозяйство начинаетъ хирѣть и таять, уступая мѣсто мелкому трудовому хозяйству бывшихъ безправныхъ рабовъ.

1) Кромѣ описанныхъ системъ была еще одна—устройство хозяйства на артельныхъ началахъ (см. Стремоуховъ „описаніе хозяйственнаго распорядка, основаннаго на общественномъ или соединенномъ хозяйствѣ“, земледѣл. журналъ 1829 г. т. XXV). Помѣщикъ Стремоуховъ соединилъ въ одно свою и крестьянскую землю и разбилъ ее на „удѣлы“, въ каждомъ изъ которыхъ отвелъ землю на 25 тяголъ. Каждый „удѣлъ“ обрабатывался товариществомъ изъ этихъ тяголъ, или „дружиной“. Все сработанное и собираемое съ земли помѣщикъ и крестьяне дѣлили пополамъ. Помѣщикъ съ своей половины давалъ на всѣхъ сѣмена, платилъ подати и чинилъ всѣ постройки. О другихъ попыткахъ см. у Струве: „попытки артельныхъ организацій“ Жур. „Начало“ кн. I.

В) Прогрессивныя начинанія въ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Эпоха абсолютной монархіи и соціальнаго феодализма и на западѣ, и у насъ были вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой „просвѣщеннаго абсолютизма". Просвѣщенный абсолютизмъ, начавшійся со „славнаго вѣка Екатерины", не миновалъ и сельско-хозяйственной сферы. Но въ XVIII в., когда не было развито крупное предпринимательство, культурныя начинанія помѣщиковъ были крайне рѣдкимъ явленіемъ. Эти первыя попытки были вызваны простымъ подражаніемъ Европѣ, модой такой же, какъ „итальянскія окна въ домахъ и скаковыя лошади въ запряжку".

Въ Европѣ, во второй половинѣ XVIII в., а въ Англіи раньше, подъ вліяніемъ значительнаго развитія рынка, на почвѣ крупнаго землевладѣнія развивается крупное хозяйство, которое наступившимъ кризисомъ паровой зерновой системы понуждается къ интенсификаціи земледѣлія. У насъ же въ XVIII в., подобная интенсификація только и могла быть модной игрушкой, т. к. трехполье лишь въ промышленномъ центрѣ доходило до грани своего развитія и даже привело къ истощенію глинистой почвы, въ черноземной же полосѣ оно только начинало вступать въ свои права. Поэтому, и первыя попытки къ улучшенію системъ полеводства начались въ сѣверныхъ нечерноземныхъ областяхъ.

Самая первая попытка въ Россіи введенія *травосѣянія* была, повидимому, сдѣлана иноземцемъ Граффтомъ и боярином Морозовымъ, который, судя по сохранившемуся письму, пробовалъ сѣять какой то „рензатъ" (по предположенію Миклашевскаго „райграссъ"). Слѣдующая по времени, изъ извѣстныхъ въ литературѣ, вѣроятно, крестьянская въ Вологодской губерніи, о которой мы говорили выше, (культура тимофеевки на подсѣкахъ) и на которую набрели сами крестьяне, независимо отъ посторонних вліяній. Вологодское травосѣяніе было сильно развито уже въ XVIII в., но большого значенія оно не имѣло, т. к. было связано съ подсѣчной системой и, при переходѣ этой системы въ трехполье, должно было исчезнуть само собой, также, какъ и возникло. Въ подмосковномъ раіонѣ, къ концу XVIII в., образовались благопріятныя условія для возникновенія травосѣянія: истощеніе почвы побудило населеніе переходить съ зернового на молочное хозяйство, а недостача въ лугахъ была очень ощутительна—на 100 десятинъ пашни приходилось всего отъ 11 до 22,2 десятинъ сѣнокоса, Первоначально, для увеличенія кормовыхъ средствъ, помѣщики этого

раіона пробовали въ XVIII в. вводить 4-хъ польный выгонный сѣвооборотъ, (2 поля подъ посѣвомъ, 3-е—паръ, 4-е—выгонъ), который рекомендовался Друковцевымъ въ его „наставленіи дворянамъ, крестьянамъ и поварихамъ", вышедшемъ въ 1777 г. Въ 1800 г. Модестъ Бакунинъ упоминаетъ объ этой системѣ, какъ о довольно распространенной: „иные помѣщики завели 4-е поле, изъ коего сдѣлали они парянину и пастьбу". Интенсивный толчокъ хозяйственнымъ начинаніямъ помѣщиковъ дало основаніе Вольно-экономическаго общества. „Это общество, искусственно возникшее по волѣ императрицы, должно было послужить для сближенія просвѣщенныхъ слоевъ Россіи съ западной Европой на поприщѣ улучшенія моднаго тогда земледѣлія". [1]) Созданіе Вольно-экономическаго общества отразилось прежде всего на пропагандѣ новыхъ идей по сельскому хозяйству, что видно изъ числа изданныхъ въ XVIII в. с.-хозяйственныхъ книгъ (122), изъ которыхъ, впрочемъ, само общество издало только 12. Вольно-экономическое общество давало импульсъ культурнымъ начинаніямъ, будило мысль помѣщиковъ. Но, хотя теоретическихъ разговоровъ объ „аглицкихъ фермерахъ" было много, на практикѣ въ XVIII в. пробовали новыя системы только нѣсколько хозяевъ, вродѣ Болотова, введшаго мекленбургскій выгонный сѣвооборотъ въ 1774—6 гг. въ Кіясовскомъ дворцовомъ имѣніи близъ Москвы, Полторацкаго, иниціатора плодосмѣна, Бланкеннагеля, св. Рознатовскаго, автора улучшенной зерновой и хуторского хозяйства и т. д. Плодосмѣнную систему пропагандировала и „практическая школа земледѣлія и сельскаго хозяйства" возлѣ г. Павловска (С.-Петерб. губ.) и агрономы Екатерининской эпохи: И. Комаровъ. М. Ливановъ, М. Бакунинъ и Десницкій. Задача школы была „доказать на самомъ опытѣ пользу раздѣленія пашни на 7 полей и возможность такового же заведенія во многихъ мѣстахъ Россіи и какимъ образомъ черезъ посѣвные обороты можно избѣгнуть въ Россіи повсюду еще обычайнаго, но весьма вреднаго оставленія подъ паръ третьей части земли, лишающей государства ежегодно третьей части своего обилія". Первымъ въ Россіи ввелъ плодосмѣнъ графъ Брюсъ въ 80-хъ гг. XVIII в. въ С.-Петербургской губерніи.

Но на какой зыбкой почвѣ строилась и пропаганда, и первые опыты—можно видѣть изъ такихъ словъ проф. Десницкаго: „желающимъ употреблять сей способъ (плодосмѣнъ

---

1) Бажаевъ. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи стр. 45.

практически, надлежитъ сперва выписать изъ Англіи всѣ употребительныя орудія земледѣльческія, а всего бы лучше, если бы достаточные помѣщики соблаговолили выписать и фермера англійскаго, коему отдавши желаемое число десятинъ земли въ кортому на 7 или 19 лѣтъ, какъ то водится въ Англіи, дать учениковъ для наученія". Въ настоящее время, прибавляетъ г. Вернеръ, изъ сочиненія котораго мы заимствуемъ эту цитату, [1]) „такой совѣтъ можетъ вызвать только улыбку, но въ то время онъ не казался страннымъ и многіе помѣщики такъ именно и поступали. Настоящихъ фермеровъ, конечно, не было, но было не мало иностранцевъ, служившихъ не то въ видѣ управляющихъ, не то фермеровъ". Въ самомъ дѣлѣ, только одно травосѣяніе и выгонная система, благодаря нуждѣ въ сѣнокосахъ, истощенію почвы и уже начавшемуся развитію молочнаго скотоводства, могли разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ въ нечерноземной полосѣ. Но чтоже касается до „плодоперемѣнія", то оно не имѣло никакихъ реальныхъ основаній; ни обезпеченнаго сбыта продуктовъ по соотвѣтственной цѣнѣ, ни острой нужды къ землѣ, ни рабочихъ и фермеровъ, ни необходимаго для него роста сельско-хозяйственной индустріи, ни, наконецъ, общаго культурнаго развитія массъ, которое также нужно для интенсивнаго хозяйства, какъ вода для растеній.

Поэтому, и въ XIX в., когда появляются благопріятныя условія для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и развивается помѣщичье предпринимательство, а вмѣстѣ съ нимъ и прогрессивныя начинанія помѣщиковъ пріобрѣтаютъ болѣе серьезный характеръ,—на первый планъ въ этихъ начинаніяхъ выступаетъ 4-хъ польный сѣвооборотъ съ травосѣяніемъ, довольно быстро прогрессирующій въ Московской области. Въ началѣ XIX в. его пропагандировали Левшинъ и Самаринъ. Примѣру Самарина только въ окрестностяхъ его имѣнія (въ Ярославской губ.) послѣдовало 27 помѣщиковъ. Заведенные имъ въ имѣніи порядки сохранились, безъ перерыва, до нашего времени. Вообще, травосѣяніе, хотя и медленно, развивается на всемъ протяженіи XIX в.

Депо сѣмянъ при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства продало сѣмянъ кормовыхъ травъ на 75 тыс. рублей, кромѣ того, существовала и частная торговля сѣмянами травъ, развившаяся въ 30-хъ и 40-хъ гг. Въ С.-Петербургской губерніи завели травосѣяніе не только помѣщики, но и крестьяне. Въ 1846 г. они продали 65 тыс. пуд., а въ 1847 и

---

1) Вернеръ. Сельско-хозяйственная экономія стр. 249.

48 гг. болѣе 86 тыс. пуд. сѣна, собраннаго съ искусственныхъ луговъ. Свѣдѣнія о попыткахъ травосѣянія встрѣчаются въ 30—40 гг. почти во всѣхъ губерніяхъ нечерноземной полосы: ихъ не было только въ Архангельской, Вятской, Новгородской и Пермской губ. Однако, и относительно травопольнаго хозяйства спеціально изслѣдовавшій его исторію г. Бажаевъ, говоритъ, что „не можетъ быть и рѣчи о такихъ его успѣхахъ, чтобы хоть гдѣ нибудь въ отдѣльной мѣстности (въ губерніи или уѣздѣ) оказалось непоколеблемымъ господствующее положеніе зерновой трехпольной системы. По сравненію съ послѣдней, завоеванія травопольнаго хозяйства были настолько скромны, что даже такой зоркій наблюдатель какъ Гастгаузенъ, совершенно проглядѣлъ русское травопольное хозяйство, хотя былъ и въ мѣстностяхъ, гдѣ оно, несомнѣнно, существовало“ (стр. 124).

Травосѣяніе 30—40-хъ гг. было, положительно, каплей въ морѣ трехполья. Иначе и не могло быть, т. к. сплошная массовая эволюція системъ полеводства, является, прежде всего, результатомъ стихійнаго процесса роста и уплотненія населенія. Только, когда населеніе (городское и сельское) достигаетъ такой густоты, что господствующая система полеводства не доставляетъ ему достаточныхъ средствъ для существованія, только тогда, вслѣдъ за кризисомъ этой системы, начинается сплошная трансформація ея въ новую, болѣе интенсивную. Населеніе нечерноземной полосы, гдѣ преимущественно существовало дореформенное травосѣяніе, какъ мы видѣли выше, почти остановилось въ своемъ ростѣ въ крѣпостную эпоху: сначала изъ-Замосковья оно перетекало на югъ и на востокъ, а затѣмъ и естественный приростъ, подъ вліяніемъ ухудшившихся условій крѣпостного права, сильно сократился. Въ московско-промышленномъ раіонѣ три четверти крестьянъ были крѣпостными—вотъ главная причина остановки прироста въ этомъ раіонѣ; а вмѣстѣ съ этой остановкой, исчезалъ и импульсъ для измѣненія системъ полеводства“. Казалось бы, говоритъ г. Бажаевъ, что господство натуральнаго удовлетворенія потребностей и экстенсивной зерновой системы хозяйства должно было, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе ограничиваться однимъ естественнымъ приростомъ населенія, который всегда и неизбѣжно вызываетъ возрастающую земельную тѣсноту и необходимость интенсификаціи производства. Но именно, по отношенію къ дореформенному времени дѣйствіе этого могучаго фактора совсѣмъ не могло имѣть мѣста, такъ какъ крѣпостное населеніе не только не обнаружило нормальнаго прироста, но даже показывало небольшую убыль„(стр. 1. 6)

Если само трудовое земледѣльческое населеніе не чувствовало острой потребности въ интенсификаціи производства, т. к. слабую урожайность истощенной почвы оно возмѣщало сторонними заработками, то и помѣщики, въ общей массѣ малокультурные, лишенные творческаго духа иниціативы, предпочитали скорѣе увеличивать крестьянскіе оброки, взимавшіеся за счетъ промысловъ, чѣмъ слѣдовать труднымъ примѣрамъ немногихъ пылкихъ новаторовъ. На это у нихъ не хватало ни энергіи, ни знаній, хотя средства, въ видѣ дарового крѣпостного труда, находились у нихъ въ рукахъ, во всякомъ случаѣ, въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ послѣднюю эпоху; и если бы они захотѣли поставить свое хозяйство на правильную почву—имъ не миновать бы было введенія травополья, т. к. безъ него хозяйство, вслѣдствіе кризиса трехполья, было, несомнѣнно, убыточнымъ. Но у нашихъ помѣщиковъ, привыкшихъ къ „спокойствіямъ жизни“ безъ всякаго труда, къ монаршимъ щедротамъ, историческія условія вытравили всякую иниціативу и они не воспользовались тѣми средствами, которыя были у нихъ въ рукахъ для созданія прочнаго благополучія не только народнаго, но и своего. Единственный случай, когда такъ дорого стоющее народу крѣпостное право могло быть хотя отчасти возмѣщено культурной иниціативой помѣщиковъ, былъ ими упущенъ, и только теперь, спустя полстолѣтіе, само крестьянство подмосковнаго раіона пошло по дорогѣ, намѣченной первыми піонерами дореформенной эпохи...

Если травосѣяніе, для котораго въ нечерноземной полосѣ, имѣлись нѣкоторыя благопріятныя условія, все таки не привилось, то еще меньше успѣха могла ожидать пропаганда плодосмѣна, какъ системы болѣе сложной и трудной. Въ XIX столѣтіи плодосмѣнъ пропагандируется извѣстнымъ московскимъ профессоромъ Павловымъ, ученики котораго, бывшіе студенты, то здѣсь, то тамъ переустраивали свое хозяйство на раціональныхъ началахъ. Въ одномъ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи было нѣсколько хозяйствъ съ плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ, продержавшихся до 40-хъ гг. Но,въ общемъ, увлеченіе „плодоперемѣніемъ“ было весьма кратковременнымъ, и въ 30-хъ гг. уже смѣнилось скептическимъ отношеніемъ къ нему не только у массы помѣщиковъ, но и у выдающихся хозяевъ, какимъ былъ Н. Н. Муравьевъ, авторъ примѣчаній къ переводу Тэера. Неудачи нѣкоторыхъ хозяевъ, а особенно опытнаго хутора Московскаго общества сельскаго хозяйства, еще болѣе расхолаживали лицъ, заинтересовавшихся этой системой. Словомъ, „плодоперемѣніе“, по крайней мѣрѣ, въ средней Россіи от-

цвѣло, не успѣвши разцвѣсть. Взамѣнъ увеличенія урожайности при помощи опасной и трудной интенсификаціи производства, помѣщики черноземной полосы предпочли добывать большее количество продуктовъ при помощи расширенія собственныхъ запашекъ за счетъ нетронутыхъ земель, еще болѣе за счетъ крестьянскихъ полей. Площадь запашекъ въ областяхъ перваго пояса колонизаціи увеличилась за 50—60 лѣтъ, какъ мы видѣли, всего на 5 мил. десятинъ, но за это время площадь господской пашни увеличилась въ $2^1/_2$ раза, и стала достигать половины всей запашки на частныхъ земляхъ. Быть можетъ, благодаря этому, развилось и примѣненіе усовершенствованныхъ орудій, при чемъ одна фирма Бутенопа съ 1833 по 1846 гг. изготовила ихъ на 3 съ половиною мил. руб. ассигнацій. (Въ томъ числѣ 1100 молотилокъ, 6060 вѣялокъ, 1600 плуговъ, 125 экстирпаторовъ, 550 соломорѣзокъ и т. д.). Потомъ основалось еще 19 заводовъ с.-хозяйственныхъ орудій.

Такимъ образомъ, и въ нечерноземной и въ черноземной полосѣ, помѣщики, стремясь увеличить свои доходы, дѣлали это, какъ и полагается по основному принципу политической экономіи, съ наименьшей затратой своего труда: взамѣнъ введенія улучшенныхъ системъ хозяйства, требовавшихъ съ ихъ стороны кропотливаго труда и знаній, они въ нечерноземной полосѣ отнимали у крестьянъ все большія доли вознагражденія за трудъ послѣднихъ въ видѣ оброковъ, а въ черноземной полосѣ отхватывали себѣ все большія доли крестьянской пашни. И, пока у нихъ была возможность расширять свои „спокойствія жизни“ по этой линіи наименьшаго сопротивленія, до тѣхъ поръ пропаганда немногихъ выдающихся людей была обречена на неудачу, тѣмъ болѣе, что и въ естественныхъ условіяхъ черноземной полосы, еще не дожившей до періода упадка, не было точки опоры для перехода къ улучшеннымъ системамъ полеводства. Только на западѣ и юго-западѣ Россіи, въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ—въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской, Харьковской и Гродненской, гдѣ населеніе сгустилось очень быстро еще въ XVIII вѣкѣ, гдѣ землевладѣльцы были болѣе культурными, городская жизнь сравнительно болѣе развита—развивается свекло-сахарное и винокуренное производство; послѣднее, впрочемъ, существовало въ среднихъ губерніяхъ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ.

Первый свеклосахарный заводъ былъ устроенъ Бланкеннагелемъ въ 1801 году въ Тульской губерніи, второй въ 1809 г. Мальцевымъ. Въ концѣ 20-хъ гг. появляются заводы

въ Смоленской, Нижегородской и Орловской губ. Всѣхъ свеклосахарныхъ заводовъ было въ Россіи:

Въ 1845 г.	206 зав.	съ производительн.	484,1 тыс. п.
„ 1855 „	403 „	„ „	1300 тыс. п.

За 10 лѣтъ передъ началомъ реформы число заводовъ почти удвоилось, а производительность ихъ увеличилась почти втрое, что свидѣтельствуетъ объ ихъ укрѣпленіи. По Тенгоборскому, въ Европейской Россіи подъ свеклою было 35,207 десятинъ.

Еще сильнѣе развивалось винокуренное производство, которое, благодаря монополіи, цѣликомъ сосредоточивалось въ рукахъ помѣщиковъ. Въ 1863 г. было выкурено 25,001 тыс. ведеръ вина на сумму 65.799 тыс. руб. Винокуренное производство получило толчекъ съ развитіемъ посѣвовъ картофеля, которые особенно стали распространяться послѣ неурожаевъ 1839—40 гг. Картофель, какъ извѣстно, представляетъ единственный полезный для населенія продуктъ, которымъ „просвѣщенный абсолютизмъ“ не безъ обычныхъ способовъ „насажденія культуры“ облагодѣтельствовалъ крестьянство.

Въ общемъ итогѣ, сельско-хозяйственная индустрія, по крайней мѣрѣ, двѣ ея отрасли, присущія обычно крупному землевладѣнію—винокуреніе и сахароваренiе—сдѣлали въ крѣпостную эпоху довольно значительные успѣхи, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо большіе, чѣмъ интенсификація земледѣлія, но 3-я отрасль—молочное производство, не смотря на распространеніе молочнаго скота въ нечерноземныхъ губерніяхъ, ограничилось устройствомъ 15—20 сыроваренъ въ Вологодской и Новгородской губ. Эта отрасль, болѣе свойственная среднему хозяйству, или кооперацiи мелкихъ хозяйствъ, такъ же какъ и травосѣяніе, начала развиваться усиленнымъ темпомъ только на нашихъ глазахъ, не столько у помѣщиковъ, сколько у крестьянъ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ губерній.

Въ общемъ итогѣ, можно смѣло сказать, что эпоха помѣщичьяго предпринимательства, которой ознаменовались послѣднія десятилѣтія передъ освобожденіемъ, не создала никакого переворота въ сельско-хозяйственномъ производствѣ. Иначе и не могло быть, т. к. эволюція производства въ сельскомъ хозяйствѣ больше всего зависитъ не отъ единичныхъ усилій отдѣльныхъ культуртрегеровъ, а отъ назрѣвшихъ потребностей трудовыхъ массъ. Только тогда, когда укоренившаяся традиціонная система хозяйства уже не можетъ удовлетворить потребностей подросшаго населенiя и когда почва истощена и начинаются голодовки, когда

обостреніе нужды достигаетъ до своего предѣла, тогда сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣе и шире распространяются по лицу земли новые болѣе культурные пріемы хозяйства. И лишь спустя полвѣка усиленнаго прироста населенія, послѣ того, какъ въ 90-хъ гг. разразились всероссійскія голодовки, начинается медленная но все болѣе ускоряющая свой темпъ интенсификація земледѣлія.

И заслуга плодотворныхъ культурныхъ начинаній въ этой области принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, не дореформеннымъ помѣщикамъ, которые, какъ впрочемъ и ихъ потомки, умѣли только „пожирать капиталы", а не создавать новыя цѣнности...

§ 4. Крестьянское землепользованіе въ крѣпостную эпоху.

А. Эволюція распредѣленія въ крестьянской средѣ.

Дворянское землевладѣніе въ крѣпостную эпоху достигло наивысшей точки концентраціи: четыре пятыхъ крестьянъ, принадлежащихъ дворянамъ, и, вѣроятно, еще большая доля земли, сосредоточились въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ болѣе 100 душъ (приблизительно болѣе 1 тыс. десятинъ). Максимальная концентрація землевладѣнія—вотъ основная черта эволюціи распредѣленія въ средѣ помѣщичьяго класса. Какова же была эта эволюція въ средѣ трудового крестьянства, отдѣленнаго отъ господствующихъ классовъ непроходимой пропастью сословныхъ разграниченій? Къ сожалѣнію, для болѣе или менѣе точнаго отвѣта на этотъ вопросъ у насъ нѣтъ такихъ же массовыхъ данныхъ, какія были въ нашемъ распоряженіи относительно дворянскаго землевладѣнія. [1]) Тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя имѣются у насъ, могутъ служить только въ качествѣ контрольнаго аппарата для выводовъ, произведенныхъ при помощи чисто логическихъ соображеній.

Первое логическое соображеніе, которое будетъ служить для насъ отправной точкой для рѣшенія вопроса объ эволюціи распредѣленія земли и прочихъ средствъ производства въ крестьянской средѣ—это концентрація помѣщичьяго землевладѣнія и хозяйства. Помѣщичье землевладѣніе *увеличивалось*—отсюда выводъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ запасный земельный фондъ изъ государственныхъ нетрону-

1) Это замѣчаніе относится только къ Великороссіи. Въ Малороссіи, благодаря такъ называемой Румянцевской описи, мы имѣемъ весьма богатый матеріалъ по распредѣленію земли и скота у крестьянъ и казаковъ въ концѣ XVIII в. Но исторія малорусскаго землевладѣнія отличалась нѣкоторыми особенностями, не позволяющими примѣнить безъ анализа выводы изъ этого матеріала къ великороссійскимъ условіямъ.

тыхъ земель былъ невеликъ—крестьянское землевладѣніе и землепользованіе должно было *уменьшаться*. Если въ началѣ крѣпостной эпохи крестьяне центральныхъ областей возмѣщали захватъ своей земли бѣгствомъ на многоземельныя окраины, то, со второй половины XVIII в., эти окраины были также захвачены помѣщиками и крестьянинъ очутился всюду въ тискахъ крѣпостного права.

Вслѣдъ за увеличеніемъ помѣщичьяго землевладѣнія наступилъ моментъ развитія крупнаго товарнаго помѣщичьяго хозяйства. Это развитіе происходило уже преимущественно за счетъ собственныхъ крестьянскихъ запашекъ, т. к. къ этому времени, уже и въ черноземномъ центрѣ была распахана значительная часть свободныхъ земель.

Наконецъ, естественный приростъ населенія, впрочемъ, весьма незначительный у помѣщичьихъ крестьянъ, но довольно большой у государственныхъ, также вліялъ на сокращеніе крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. Въ общемъ итогѣ, благодаря этимъ факторамъ, во второй половинѣ XVIII в. въ оброчныхъ имѣніяхъ 20 губ. на душу приходилось 13 съ половиной десятинъ удобной земли, и въ барщинныхъ 7—8 десятинъ,—а въ 50-хъ гг. XIX в. на душу всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ тѣхъ же губерніяхъ приходилось только около 4 десятинъ въ среднемъ, т. е. вдвое—втрое меньше, чѣмъ 60—70 лѣтъ назадъ. Сравнивая данныя этихъ моментовъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ губерніямъ, получаемъ:

Губерніи.	Десятинъ пашни на тягло.			Десятинъ всей земли на душу.		
	Конецъ XVIII в.		50-е гг. XIX в.	Конецъ XVIII в.		50-е гг. XIX в.
	Оброч.	Барщ.	У кр-нъ обѣихъ категорій	Оброч.	Барщ.	У кр-нъ. обѣихъ категорій
С.-Петерб. . .	6,0	—	4,0	18,0	—	3,3
Псковск. . . .	9,6	7,0	3,9	12,0	8,0	5,5
Новгор. . . .	9,4	9,0	3,5	28,0	18,0	2,7
Яросл.	—	—	—	6,5	3,6	5,2
Костр.	8,4	—	5,4	23,0	—	6,8
Владим.	—	—	—	10,6	5,0	3,1
Нижегор. . . .	7,2	4,6	4,7	10,0	5,3	2,2
Рязанск. . . .	5,0	5,8	3,3	9,0	4,8	2,6
Воронеж. . . .	14,0	13,3	6,4	15,7	13,4	2,6
Тамбовск. . . .	15,0	11,0	6,3	13,0	7,3	3,1

По матеріаламъ редакціонныхъ коммиссій по отдѣльнымъ раіонамъ у помѣщичьихъ крестьянъ.

Раіоны.	На тягло. Усадьбы.	Пашни.	Сѣнокоса	Всего.	Всѣхъ угодій на душу.
Сѣверо-запад. . .	0,5	3,7	3,1	7,3	3,8
Моск. пром. . .	0,5	2,9	3,7	7,0	4,4
Центр. земл. . .	0,6	6,0	1,1	7,7	2,8
Сред. волж. . . .	0,6	6,1	0,9	7,6	3,0
Малор. (Черниг.) .	0,3	4,8	1,2	6,3	2,5

По словамъ Сабурова (записки пензенскаго землевладѣльца) въ концѣ XVIII в. нормальный надѣлъ пензенскаго крестьянина составлялъ 19 дес. на тягло, а черезъ 50 лѣтъ—7—9 дес. Тоже было и во многихъ другихъ губерніяхъ перваго пояса колонизаціи: „во многихъ мѣстностяхъ средней полосы уже оказалась для нашего сельскаго хозяйства тѣснота. Часть народа здѣсь живетъ въ тѣснотѣ, потому только не ужасной, что они къ ней привыкли". Въ Рязанской губерніи, уже во время крѣпостного права крестьяне не могли прокормиться хлѣбомъ, получавшимся съ отведенной имъ земли и должны были пополнять недостатокъ какимъ нибудь способомъ. (Волконскій).

Такъ какъ помѣщичье предпринимательство больше всего распространилось въ черноземной полосѣ, то здѣсь мы и наблюдаемъ на первой изъ приведенныхъ таблицъ наибольшее сокращеніе надѣловъ, находившихся въ пользованіи крестьянъ. Въ черноземной полосѣ они сократились въ 4—5 разъ, пахотные въ 2—3 раза. Въ Ярославской, Владимирской, Костромской—губерніяхъ промышленнаго центра, гдѣ помѣщики были меньше заинтересованы въ расширеніи своихъ запашекъ, это сокращеніе не было такимъ значительнымъ. Повидимому, немного сократились крестьянскіе надѣлы и въ сѣверныхъ губерніяхъ. Въ Вологодской губ., въ 1628 г. въ одной общинѣ на душу приходилось $9^{9}/_{13}$ дес. земли, въ 1783 г.—$5^{5}/_{7}$ дес., въ 1883 г.—$4^{5}/_{6}$ дес.; за 100 послѣднихъ лѣтъ крестьянское землепользованіе убавилось всего на $^{1}/_{5}$. [1]) Только на сѣверо-западѣ, гдѣ приростъ населенія въ крѣпостную эпоху былъ значительно выше, чѣмъ въ Московскомъ центрѣ [2]), и гдѣ не было такого простора, какъ на сѣверѣ, земельные и, въ частности,

1) Мерцаловъ. Исторія одной общины. Вологодскій сборникъ т. IV.
2) См. данныя, приведенныя въ параграфѣ 1-мъ о приростѣ населенія Ингерманландской губ.

пахотные надѣлы также сильно сократились. Такимъ образомъ, не смотря на то, что еще въ половинѣ XVIII в. черноземная полоса привлекала милліоны крестьянъ изъ старинныхъ центровъ своимъ земельнымъ просторомъ, къ концу крѣпостной эпохи, благодаря приливу населенія и помѣщичьему предпринимательству [1]), крестьянскіе надѣлы на душу, судя по второй таблицѣ, оказываются здѣсь меньшими, чѣмъ въ нечерноземныхъ раіонахъ.

У государственныхъ крестьянъ на сокращеніе надѣловъ могла вліять только одна причина—увеличеніе населенія, благодаря притоку извнѣ и естественному приросту; но, какъ мы показали выше, зато приростъ населенія у государственныхъ крестьянъ былъ, сравнительно, очень великъ.

Измѣненія размѣровъ земельнаго надѣла были таковы по 19 губ. [2]).

Раіоны.	На 1 мужскую душу десятинъ. Пашни и сѣнокоса. Конецъ XVIII в.	50 гг. XIX в.	Лѣса. Конецъ XVIII з.	50 гг. XIX в.	Всего удобной. Конецъ XVIII в.	50 гг. XIX в.
Сѣверный . . .	3,9	1,9	52,6	12,2	56,5	14,1
Сѣв.-запад. .	4,8	4,5	17,5	3,3	22,3	7,8
Моск. пром. .	4,3	3.2	5,2	1,9	9,5	5,1
Центр. земл. .	7,9	5,2	2,6	0,4	10,5	5,6
Сред. волжск.	4,3	3,6	6,1	1,5	10,4	5,1
Всего по 19 г.	4,9	4,2	12,3	2,3	17,2	6,5

Общіе размѣры земельныхъ надѣловъ государственныхъ крестьянъ сократились почти такъ же сильно, какъ и помѣщичьихъ, но размѣры, собственно культурныхъ участковъ—пашни и сѣнокоса, играющихъ главную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ, особенной тенденціи къ сокращенію не проявили.

Очевидно, что пашня (и отчасти сѣнокосъ) сохранилась почти на одномъ уровнѣ, несмотря на сильный приростъ населенія потому, что у государственныхъ еще были запасы земель въ видѣ лѣсовъ, а на югѣ—степей, которые и пошли подъ распашку для возмѣщенія убыли. Но и здѣсь истребленіе лѣсовъ указываетъ, что эксплоатація земель къ концу крѣпостного права дошла на территоріи государственныхъ крестьянъ до того предѣла, за которымъ начинается земельное утѣсненіе.

Итакъ, несомнѣнно, что площадь крестьянскаго землепользованія, не смотря на массовую эмиграцію, на „разсѣя-

1) Слѣдуетъ отмѣтить, что размѣры семьи въ черноземной полосѣ были больше, чѣмъ въ нечерноземной: поэтому. Семевскій считаетъ тягло въ первой полосѣ равнымъ 2 душъ, во второмъ—2½ д.

2) По даннымъ Семевскаго и матеріаловъ госуд. им. 1858 г.

ніе“ населенія и земледѣлія по вновь заселеннымъ областямъ, росла во второй половинѣ крѣпостной эпохи значительно меньше, чѣмъ возрастало само крестьянское населеніе. Тамъ, гдѣ, какъ у государственныхъ крестьянъ, еще были значительные запасы нетронутыхъ земель, ростъ населенія не создавалъ еще земельной тѣсноты, т. к. недостатокъ пашни восполнялся распашкой лѣсной и степной цѣлины: но гдѣ запаснаго фонда не было, гдѣ онъ захватывался помѣщиками, именно въ черноземныхъ губерніяхъ, тамъ, къ концу эпохи, начала чувствоваться такая же земельная тѣснота, какъ и въ старинномъ центрѣ. Въ общемъ, всюду, за это время, размѣры земельнаго надѣла крестьянъ значительно сократились.

Такое сокращеніе, несомнѣнно, должно было вліять на распредѣленіе земли въ крестьянской средѣ нивеллирующимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно происходило. Кромѣ сокращенія размѣровъ земельнаго надѣла, въ томъ же направленіи могло дѣйствовать и паденіе урожайности полей, такъ какъ тотъ и другой факторъ одинаково воздѣйствовали на пониженіе суммы средствъ для существованія, добывавшихся крестьянами при помощи земледѣлія. Если, положимъ, въ предыдущую эпоху крестьяне получали съ десятины пашни 30 пудовъ, а въ крѣпостную только 20, то такое паденіе урожаевъ было бы равносильно сокращенію полевого надѣла на одну треть. Пониженіе урожайности мы наблюдали въ промышленномъ центрѣ въ XVIII в., и здѣсь, поэтому, не смотря на то, что милліоны крестьянъ переселились на югъ и на востокъ и населеніе возростало крайне слабо, дальнѣйшая дифференціація крестьянской массы должна была пріостановиться и смѣниться если не нивеллировкой, то общей подвижкой внизъ. Развитіе помѣщичьихъ аппетитовъ, заставившее ихъ увеличить крестьянскіе оброки, дѣйствовало такимъ же образомъ. Поэтому, можно думать, что въ Московскомъ раіонѣ, еще *до* развитія промысловъ, распредѣленіе средствъ земледѣльческаго производства должно было сдѣлаться болѣе равномѣрнымъ въ крестьянской средѣ, на что указываютъ, напримѣръ, данныя, сообщенныя г. Бѣлокуровымъ по 3 помѣщичьимъ деревнямъ Подольскаго уѣзда, Московск. губ., въ 1735 г.

	% сем.	% душ.	Сред. раз. семьи.	% лош.	% коров.	% овецъ
Безъ лош.	17	12	3,8	—	—	— [1]
Съ 1 лош.	42	34	4,4	31	45	25
Съ 2 лош.	36	46	6,9	54	48	60
3 и болѣе	5	8	8,5	15	7	15

1) Разсчитаны по списками дворовъ, опубликованнымъ въ „Чтеніяхъ исторіи и древн. Россіи“ въ 1892 г. кн. 4.

Массовыя данныя по всему Подольскому уѣзду, приводимыя г. Черненковымъ, для 1869 г. указываютъ на еще болѣе равномѣрное распредѣленіе рабочаго скота, правильнѣе, на дальнѣйшую подвижку внизъ.

	% хозяйствъ		% хозяйствъ
Безлошадныхъ	34,6	Безкоровныхъ	27,0
Съ одной лошад.	47,6	Съ 1 кор.	53,0
2 лошади.	14,1	„ 2 „	16,5
3 и болѣе	3,7	„ 3 и болѣе	3,5

Весьма вѣроятно, что эти данныя несравнимы, т. к въ первомъ случаѣ мы имѣемъ въ распоряженіи только три помѣщичьи деревни, во второмъ—цѣлый уѣздъ. Но если три деревни 1735 г. типичны для характеристики распредѣленія скота въ средѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ эту эпоху, то подвижка внизъ, на которую указываютъ цифры 1869 г., тѣмъ болѣе характерна, что въ послѣднія включены не только помѣщичьи, но и государственные крестьяне, у которыхъ благосостояніе стояло всегда на болѣе высокомъ уровнѣ, а поэтому число безлошадныхъ должно было быть больше, а многолошадныхъ меньше.

Изложенныя выше соображенія и только что приведенныя данныя могутъ свидѣтельствовать о томъ, что на эволюцію распредѣленія у крестьянъ вліяли нѣкоторые нивеллирующіе факторы: но были факторы и обратнаго порядка. Къ числу ихъ въ нечерноземной полосѣ, прежде всего относилось развитіе промысловъ. Это развитіе создавало то, что изъ рядовыхъ крестьянъ выходили порой фабриканты и купцы съ сотнями тысячъ капитала, а зачастую мелкіе торгаши-кулаки, обиравшіе бѣдныхъ и занимавшіеся, какъ и нынѣшніе, ростовщичествомъ: нужда въ кредитѣ и въ ту эпоху была очень велика у крестьянъ. Такъ, относительно Смоленской губерніи г. Соловьевъ замѣчаетъ: „недостаточные крестьяне, которыхъ такъ много въ Смоленской губерніи, не говоря уже о неурожаяхъ, и въ обыкновенные годы часто нуждаются: или въ хлѣбѣ для обсѣмененія яровыхъ полей и для своего продовольствія или въ деньгахъ на уплату податей. Помѣщичьи крестьяне, когда они нуждаются въ хлѣбѣ, прибѣгаютъ къ своимъ помѣщикамъ. Кромѣ этого, вообще всѣ крестьяне и государственные, и помѣщичьи, при недостаткѣ въ хлѣбѣ, обращаются къ богатымъ домохозяевамъ изъ крестьянъ же [2])

---

1) См. Характеристика крестьянск. хоз. стр. 116.
Соловьевъ. С.-хоз. статистика Смоленской губ. 1855 г.

Яркую картину ростовщическихъ операцій деревенскихъ богатѣевъ даетъ Афросимовъ. „Въ деревняхъ богатые, хитрые крестьяне стараются довести порочныхъ нерадивыхъ собратьевъ своихъ до нищеты: подъ видомъ, будто помогаютъ его нуждамъ, даютъ ему деньги на взносъ казенныхъ податей, отправляютъ за него подводы, снабжаютъ сѣменами и за всѣ эти благодѣянія пользуются участкомъ принадлежащей ему земли, которую его же заставляютъ обрабатывать. Начальникъ, проѣзжая крестьянскимъ полемъ, найдетъ, что всякій на своей землѣ убираетъ хлѣбъ, но когда придетъ время возки, то увидитъ, что на гумнахъ бѣдняковъ нѣтъ ни снопа и они еще съ осени просятъ у богатыхъ хлѣба, закладываютъ имъ свои тягловые участки земли. всю зиму на нихъ работаютъ, или ходятъ за нихъ на барщину. Богачи сіи, какъ піявки сосутъ кровь изъ бѣдныхъ, а прикащиковъ спаиваютъ и научаютъ всѣмъ злоупотребленіямъ“. [1]) Г. Рожковъ справедливо замѣчаетъ, что „эксплуатація со стороны барина дополнялась дѣятельностью въ томъ же направленіи со стороны деревенскихъ кулаковъ, изъ своей же братіи крѣпостныхъ: по словамъ одного помѣщика 20-хъ годовъ вездѣ богачи-кулаки властвовали надъ крестьянами, *среди которыхъ рѣдко видимъ уравнительное и общее благосостояніе*“. (Издан. Гранатъ. Исторія Россіи).

У государственныхъ крестьянъ было тоже самое: „сходомъ ворочали одинъ или нѣсколько міроѣдовъ и дѣло рѣшалось, обыкновенно, выставленной водкой“. (Ibid ст. Богословскаго).

Итакъ, въ центральныхъ промысловыхъ областяхъ дѣйствовали съ одной стороны нивеллирующіе, съ другой дифференцирующіе факторы.

Насколько послѣдніе процессы были сильны, видно изъ того, что крѣпостные крестьяне въ промысловыхъ губерніяхъ имѣли своихъ крѣпостныхъ или наемныхъ работниковъ. На этотъ фактъ указываетъ и Семевскій, и Гастгаузенъ (въ Угличскомъ уѣздѣ Ярославской губ.), и Муравьевъ.

На сѣверѣ хозяйственная обстановка продолжала способствовать разслоенности крестьянъ. Въ этомъ отношеніи XVIII в. являлся прямымъ продолженіемъ XVII-го и только въ концѣ его поднимаются настолько энергичные протесты со стороны малоземельной обездоленной массы, что они доходятъ до слуха начальства, и при его содѣйствіи начинается рядъ уравнительныхъ передѣловъ.

1) Афросимовъ. Опыты оцѣнки работъ по уѣздамъ. Земледѣльческій журналъ 1834 г. № 6.

Для конца XVIII вѣка интересны приводимыя г. В. В. данныя о распредѣленіи въ части Верхотоемской волости Сольвычегодскаго уѣзда [1]).

	% хозяевъ, имѣвшихъ:
до 2-хъ десятинъ пашни	11,9
„ 2—3 „ „	35,5
„ 3—6 „ „	46,7
Св. 6 „ „	5,9

Табличка не полна, т. к. нѣтъ свѣдѣній о безземельныхъ крестьянахъ.

Въ предыдущей главѣ мы приводили данныя о распредѣленіи посѣвовъ въ Кеврольскомъ уѣздѣ. Если взять эти данныя, исключивъ изъ нихъ безпосѣвныхъ, то распредѣленіе крестьянъ будетъ такимъ:

	1623 г.	1686 г.
До 2-хъ дес. .	41,9 %	32,3
2—6 „ .	57,2	61,3
Св. 6 „ .	0,9	6,4

Мы опять таки не рискуемъ утверждать, что данныя изъ разныхъ мѣстностей, хотя бы подходящихъ по хозяйственнымъ условіямъ раіоновъ, вполнѣ сравнимы; но всетаки онѣ могутъ дать нѣкоторое подтвержденіе той гипотезѣ, что и на сѣверѣ фактически разслоеніе не сдѣлало большихъ успѣховъ въ XVIII вѣкѣ; и если со стороны малоземельныхъ крестьянъ и подымались, какъ мы увидимъ дальше, горячіе протесты противъ богатыхъ міроѣдовъ, захватившихъ въ свои руки землю, то это происходило скорѣе отъ того, что малоземельные и безземельные, вслѣдствіе сгущенія населенія, острѣе почувствовали свою нужду, чѣмъ вслѣдствіе усилившихся земельныхъ захватовъ со стороны деревенскихъ богатѣевъ.

Переходимъ къ черноземнымъ областямъ. Въ раіонахъ перваго пояса колонизаціи въ крѣпостную эпоху быстрѣе всего сгущалось населеніе; здѣсь въ XIX в. сильнѣе всего развилось помѣщичье барщинное хозяйство и, благодаря этимъ двумъ причинамъ, больше всего сократились крестьянскіе надѣлы. Естественнѣе всего было ожидать, что распредѣленіе земель въ крестьянской средѣ достигло здѣсь значительно большей равномѣрности, по крайней мѣрѣ, у помѣщичьихъ крестьянъ. И, быть можетъ, отчасти правъ г. Струве, который въ своихъ статьяхъ о дореформенномъ хо-

1) См. В. В. Къ исторіи общины въ Россіи, стр. 9.

зяйствѣ, [1]) указываетъ, что „дореформенные агрономы изъ помѣщиковъ гораздо раньше земскихъ статистиковъ и гораздо раньше „марксистовъ“ открыли крестьянскую дифференціацію. Они знали, что ея гнѣздилищемъ были селенія свободныхъ государственныхъ и оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ“.

Онъ думаетъ, что у барщинныхъ крестьянъ, наоборотъ, было развито сильное экономическое равенство, т. к. оно было выгодно помѣщику-предпринимателю. „Если оброкъ предоставлялъ крестьянъ, въ извѣстной степени, самимъ себѣ и обязанность исполнять свои повинности передъ барономъ въ денежной формѣ, усиливая разлагающее вліяніе денегъ, дифференцировала крестьянскую массу, то барщина, нуждаясь въ равенствѣ рабочихъ единицъ, какъ важномъ условіи успѣшной коммерціи, наоборотъ, оказывалась могущественнымъ нивеллирующимъ факторомъ по отношенію къ крестьянской массѣ“.

Г. Струве, быть можетъ, правъ, что у барщинныхъ крестьянъ разслоенность была меньшей, чѣмъ у оброчныхъ и государственныхъ, но не потому, что помѣщики были настолько могущественными, что могли сдѣлать всѣхъ крестьянъ двухлошадными или однолошадными, а потому, что земельные надѣлы были слишкомъ малы и ограниченность средствъ для существованія не давала разложенію проникать глубоко въ крестьянскую среду. Впрочемъ, ни у насъ, ни у Струве, пока, нѣтъ фактическихъ доказательствъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса и здѣсь мы можемъ строить только апріорныя гипотезы.

Если большая равномѣрность распредѣленія у барщинныхъ крестьянъ существовала въ каждомъ отдѣльномъ имѣніи, то между земельнымъ обезпеченіемъ крестьянъ различныхъ имѣній было большое различіе. Напримѣръ, изъ 176 имѣній Калужской губ. приходилось на мужскую душу: [2])

Отъ	$2^1/_4$	до	3	дес.	въ	10	имѣніяхъ.
„	3	„	$4^1/_2$	„	„	22	„
„	6	„	10	„	„	100	„
„	10	„	23	„	„	22	„
Св.	23			„	„	3	„

Такая разница въ распредѣленіи земли, благодаря различной населенности имѣній, естественно, вызывала и раз-

1) „Основные моменты въ развитіи крѣпостного права“ и „Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ“.

2) См. Яновскій. Статистическое обозрѣніе помѣщичьихъ имѣній Калужской губ. Кал. Губ. Вѣд. 1859 г.

личія въ имущественномъ положеніи крестьянъ различныхъ имѣній.

Крестьяне многоземельныхъ имѣній были въ массѣ болѣе богаты, малоземельныхъ—бѣдны, въ первыхъ было больше многолошадныхъ и многопосѣвныхъ, во вторыхъ—безлошадныхъ (такъ называемыхъ пѣшихъ) и малопосѣвныхъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всякой деревнѣ, во всякомъ имѣніи были и малолошадные и многолошадные дворы, и, повторяемъ, если у барщинныхъ крестьянъ и можно предполагать нѣкоторую равномѣрность въ экономическомъ благосостояніи, скорѣе всего на почвѣ всеобщаго обѣдненія, то эта равномѣрность является таковой лишь по сравненію съ оброчными и государственными крестьянами или съ московской эпохой, но совсѣмъ не обозначаетъ того равенства „патріархальныхъ середняковъ“, которое, безъ всякихъ основаній, приписывается гг. марксистами крестьянству дореформенной эпохи. Напротивъ того, самые благожелательные помѣщики говорили, что *„нельзя уравнять состоянія всѣхъ хлѣбопашцевъ“* и идеаломъ ставили лишь требованіе, чтобы „бѣдняковъ и бездомныхъ бобылей“—сельскаго пролетаріата не было, при хорошемъ управленіи. Но этотъ идеалъ, зачастую оказывался недостижимымъ, и „пѣшіе“ безлошадные дворы, были, вѣроятно, довольно частымъ явленіемъ въ барскихъ имѣніяхъ.

Въ окраинныхъ раіонахъ—въ низовомъ Поволжьи, Новороссіи, на крайнемъ востокѣ, куда переселеніе еще только началось, разслоеніе должно было обрисоваться болѣе рѣзкими чертами.

Наиболѣе опредѣленную характеристику разложенія крестьянъ даетъ А. Никольскій въ своей извѣстной монографіи по Балашовскому уѣзду Саратовской губ. „Скудость или довольство въ быту крестьянина выражается матеріальнымъ его состояніемъ. Въ этомъ смыслѣ крестьянъ можно раздѣлить на 4 класса: бѣдныхъ, исправныхъ, зажиточныхъ и богатыхъ. Бѣдный крестьянинъ не имѣетъ ни одной лошади, ни одной или одну плохую корову, двѣ—три овцы, нѣсколько куръ и самый скудный запасъ хлѣба. Строеніе у него, по большей части, ветхое или раззоренное, одежда худая, загонъ его плохо обработанъ, въ исправленіи повинностей онъ всегда отстаетъ и въ домашней жизни постоянно чувствуетъ скудость и недостатокъ, а въ неурожайный годъ его доля—нищета. Исправный крестьянинъ имѣетъ на тягло, по крайней мѣрѣ, одну хорошую или двѣ посредственныхъ лошади, двѣ коровы съ подтелкомъ, до 10 овецъ, иногда

2—3 свиньи, да нѣсколько куръ и утокъ. Строеніе его, хотя и не обширно, но хозяйственно устроено, одежда потребная есть, обработкою своего поля онъ хорошо кормитъ свою семью, оплачиваетъ повинности и исправляетъ свои обязанности во время: одинъ неурожай или другое несчастіе являетъ въ быту его недостатки и дѣлаетъ на время неисправнымъ противъ другихъ. Зажиточный крестьянинъ имѣетъ на тягло по двѣ и болѣе лошадей, нѣсколько коровъ и рабочихъ быковъ, собственный плугъ; платья и строеній въ избыткѣ; нѣкоторые большесемейные имѣютъ по двѣ избы. При избыткѣ рабочаго скота, онъ сверхъ своихъ полей засѣваетъ съемныя земли и потому въ домашнемъ быту его изобиліе; запасъ хлѣба у него остается ежегодно отъ своего продовольствія и уплаты повинностей, такъ что неурожай или случайныя несчастья не вдругъ дѣлаютъ его неисправнымъ. Къ классу богатыхъ крестьянъ относятся тѣ же зажиточные, но отъ долговременнаго домашняго избытка скопившіе запасный денежный капиталъ, который у многихъ простирается отъ 300 до 1500 и болѣе рублей серебромъ. Въ домашнемъ быту у нихъ является, безъ особой роскоши, все то же, что и у крестьянина зажиточнаго: но, при способностяхъ, многіе изъ нихъ ведутъ сверхъ хозяйства и торгъ хлѣбомъ и скотомъ“ (ст. 54—55).

Величину каждаго слоя Никольскій опредѣлилъ приблизительно, такъ: бѣдныхъ около одной четверти, исправныхъ—половина, зажиточныхъ—около одной четверти и богатыхъ—2—3%. На нѣсколько слоевъ дѣлитъ крестьянъ и авторъ „Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи“ 1811 г. Въ этомъ сочиненіи есть интересная таблица, въ которой указано по отдѣльнымъ уѣздамъ, сколько каждый слой „пущаетъ скота на зиму“ (т. е. оставляетъ на своемъ корму на зимнее время). Таблица эта довольно велика и мы здѣсь изъ нея приведемъ лишь данныя о лошадяхъ.

Категоріи хозяйствъ:	Сохраняютъ у себя на зиму лошадей въ уѣздахъ: Камышловскомъ и Шадринскомъ.	Верхотур. и Чердынск.	Соликамскомъ и Ирбитскомъ.
Исправн. (богат.	10—30, 30—40.	10—7	6—10, 7—10.
Посредств. (зажит.)	20—30	—	3—5—2
Одинак. (средн.)	10—20	—	1—2
Бѣдные	—	—	—

	Кунгурск. и Пермск.	Оханск. и Осинск.	Красноуфимск. и Екатеринбург.
Исправн. (богат.)	10	—	20—25, 15—20
Посред. (зажит.)	5, 4—6	7—15, 5—8	—
Одинакіе (средн.)	2, 1	1—2, 1—2	3—9, 2—6
Бѣдные	—	—	1—2, 1

Кромѣ 4 указанныхъ въ таблицѣ слоевъ, существовалъ и пятый—пролетарскій: „впрочемъ, прибавляетъ авторъ, довольно такихъ крестьянъ, особливо въ скудныхъ земледѣліемъ мѣстахъ, которые никакого скота не содержатъ, доставая свое пропитаніе работой у исправныхъ, или по горнымъ заводамъ и рудникамъ, или другимъ какимъ промысломъ и рукодѣліемъ". „Исправные", т. е. богатые крестьяне обычно содержали на каждаго работника въ семьѣ по 2—4 рабочихъ лошадей: т. к. у нихъ семьи были большія, то и приходилось на семью 10—20 и до 40 лошадей рабочихъ, коровъ 10—15, овецъ до 40 и свиней до 50.

Эти данныи ясно свидѣтельствуютъ, что на крайнемъ сѣверо-востокѣ, гдѣ было много еще земель и лѣсовъ, гдѣ скотоводство, какъ можно видѣть изъ цифръ, приведенныхъ раньше, процвѣтало почти такъ же, какъ въ Новороссіи, гдѣ, наконецъ, были горные промыслы, разслоеніе въ крестьянской массѣ было очень значительнымъ въ началѣ XIX в. Мы не можемъ изъ указанныхъ фактовъ опредѣлить размѣры каждаго изъ перечисленныхъ пяти слоевъ, но существованіе „довольнаго" числа безлошадныхъ и безземельныхъ пролетаріевъ, нанимавшихся работать у богатыхъ крестьянъ или въ рудники, на ряду съ богачами, владѣвшими 40 гол. рабочихъ лошадей, само по себѣ указываетъ на разслоеніе во всякомъ случаѣ болѣе значительное, чѣмъ установленное по Балашовскому уѣзду г. Никольскимъ.

Такое же разслоеніе существовало, повидимому, и въ Сибири, что можно констатировать изъ данныхъ о числѣ безлошадныхъ по Спасскому участку Каинскаго округа (сѣв. зап. Бараба).

% безлошадныхъ дворовъ:	Сѣв. степь.	Сред. степь.	Южн. степь.	Всего въ степи и предгорьѣ.
Въ 1805—10 гг.	12,6	19,3	13,1	17,3
„ 1890 г. . .	8,7	8,4	8,4	6,0

Процентъ безлошадныхъ дворовъ сто лѣтъ назадъ въ этой мѣстности былъ вдвое—втрое больше, чѣмъ теперь, не смотря на то, что въ Барабинскихъ степяхъ надо предполагать въ ту эпоху развитое скотоводство.

Вотъ тѣ отрывочныя фактическія данныя, по крайне важному вопросу о разслоеніи крестьянъ въ Великороссіи въ крѣпостную эпоху, которыми мы обладаемъ. Выводы изъ этихъ данныхъ, которые мы пока можемъ только намѣтить, но не обосновать, будутъ таковы: 1) крестьяне Великороссіи

въ крѣпостную эпоху далеко не были экономически однородной массой. Многочисленныя свидѣтельства современниковъ указываютъ, что разслоеніе въ средѣ крестьянъ существовало во всѣхъ раіонахъ, причемъ разнымъ слоямъ были присущи различные и даже, повидимому, противоположные интересы. Такъ всюду существовало, по крайней мѣрѣ, три слоя—богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ, [1]) при чемъ богатые эксплоатировали бѣдняковъ при помощи ростовщическихъ операцій или нанимая ихъ къ себѣ въ батраки.

2) Разслоеніе въ центральныхъ областяхъ, повидимому, было меньше, чѣмъ на окраинахъ; у барщинныхъ крестьянъ меньше, чѣмъ у оброчныхъ и государственныхъ; разница разслоенія въ различныхъ раіонахъ и у различныхъ крестьянъ зависѣла, скорѣе всего, отъ разницы въ величинѣ надѣловъ; затѣмъ на разслоеніе вліяло и вторженіе капитализма въ деревню, т. е. развитіе промысловъ, обогащавшихъ однихъ и превращавшихъ другихъ въ пролетаріевъ. Но вліяніе промысловой жизни, какъ увидимъ изъ слѣдующей главы, даже въ промышленныхъ раіонахъ для сферы чистаго земледѣлія было второстепеннымъ.

3) Нѣкоторыя данныя заставляютъ предполагать, что сгущеніе населенія, т. е. сокращеніе земельнаго простора заставило крестьянъ произвести болѣе равномѣрное распредѣленіе земельнаго фонда, бывшаго въ ихъ распоряженіи; т. е. что распредѣленіе земли, сравнительно съ московской эпохой, направилось или въ сторону *подвижки винзъ*, или *нивеллировки*. Это предположеніе подтверждается довольно сильнымъ развитіемъ въ крѣпостную эпоху *общинно-передѣльнаго механизма*.

Б) Эволюція общины въ крѣпостную эпоху.

Въ московскую эпоху, на тогдашнихъ окраинахъ, на сѣверѣ и на югѣ господствовала еще древняя община—волость съ ея захватными формами землепользованія. Въ центрѣ община—волость уже разложилась и перешла въ сельскую, въ которой господствовало фактически индивидуально—подворное землепользованіе, кое-гдѣ съ начавшимися передѣлами по паямъ, по дворамъ, по тягламъ, „по силѣ“. Захватное землепользованіе можетъ существовать лишь при земельномъ просторѣ, при разбросанности жилищъ и при переложной системѣ земледѣлія. Какъ только населеніе сгу-

[1]) Дѣленіе на три слоя, обычное для московской эпохи, существовало и въ крѣпостную. См. у Семевскаго дѣленіе крестьянъ Нижегородской губ. на „первостепенныхъ или великотяглыхъ, средостатейныхъ и рядовыхъ“. (Крестьяне въ царств. Екатерины II т. II стр. 103.

щается настолько, что является необходимость перехода на трехполье, какъ только поселки превращаются изъ одно-двухдворныхъ хуторовъ въ деревни и села съ десятками и и сотнями дворовъ, такъ начинаетъ развиваться власть общины надъ землей.

Это положеніе впервые было высказано еще Нейслеромъ и поддержано Кавелинымъ. „Большая власть поземельной общины, большее вмѣшательство совокупности ея членовъ въ с.-хозяйственныя распоряженія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, могли и должны были развиться только съ того времени, когда сельское населеніе скучилось въ большія деревни и распространилось трехпольное хозяйство. Съ этихъ поръ стали необходимы строгое подчиненіе каждаго хозяина извѣстной системѣ полеводства и передѣлы пашни. Итакъ, преобразованіе сожительства и введеніе трехпольнаго хозяйства, съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ населенія, постепенно придаетъ общинному землевладѣнію новый характеръ“[1])

Трехпольный сѣвооборотъ, уже по самому своему существу, требуетъ коллективнаго вмѣшательства въ землепользованіе каждаго отдѣльнаго крестьянина, т. к. разграниченіе земли на три поля и разверстаніе полосъ немыслимы или безъ взаимнаго согласія членовъ общества. или безъ воздѣйствія органовъ правительственной власти. Подобное воздѣйствіе правительства, какъ мы видали, имѣло мѣсто въ литовско-русскомъ государствѣ, когда Сигизмундъ-Августъ, введя волочную систему, уничтожилъ остатки волостной общины и ввелъ трехпольный сѣвооборотъ вмѣстѣ со строгимъ подворнымъ землевладѣніемъ.

Многіе изъ русскихъ историковъ, начиная съ Чичерина, какъ извѣстно, придерживаются такого взгляда и на происхожденіе русской передѣльной общины. Такъ г. Милюковъ думаетъ, что „передѣлы на земляхъ частныхъ ввели или помѣщики, или ихъ приказчики. Распоряжается при этомъ не община, а приказчикъ частнаго владѣльца; если же распоряжается передѣломъ участковъ община, то это по спеціальному разрѣшенію или приказанію владѣльца. Такимъ образомъ, хозяйственная (поземельная Н. О.) община нашего времени впервые появляется въ предѣлахъ частнаго и при томъ болѣе или менѣе крупнаго хозяйства на земляхъ монастыря или князя. Уже въ XVI в. свободное хозяйственное распоряженіе крестьянскими участками, повидимому, входитъ въ обычай на владѣльческихъ земляхъ срединной Россіи. Въ теченіи XVII и XVIII вв. правительство старается

[1]) Кавелинъ. „Поземельная община въ древней и новой Россіи В Евр. 1877 г. № 5.

распространить этотъ обычай и на свободное крестьянство русскихъ окраинъ... Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка это вполнѣ ему удается. Итакъ, русская община есть позднiй и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія“ (Очерки т. I стр. 206). Такого же взгляда придерживается и профессоръ Сергѣевичъ. Однако, неоспоримые факты вполнѣ самостоятельнаго зарожденія и развитія общины, совершающіеся передъ нашими глазами, какъ въ Сибири, такъ и въ киргизскихъ степяхъ у бурятъ (см. А. А. Кауфманъ „Русская Община“) свидѣтельствуютъ, что во 1-хъ, передѣльная община можетъ быть, во всякомъ случаѣ, естественнымъ продуктомъ органическаго развитія хозяйственной жизни народной массы, во 2-хъ, что она возникаетъ въ тотъ моментъ, когда массы трудового населенія начинаютъ ощущать недостатокъ въ землѣ вообще, или въ какомъ-либо видѣ угодій въ частности. Такъ, киргизы и бурята передѣляютъ сѣнокосы, гдѣ ихъ немного, потому что, при осѣданіи на землю, они, прежде всего, начинаютъ нуждаться въ этомъ видѣ угодій.

Въ центральной Россіи, какъ мы видѣли, уже въ XVIII вѣкѣ началъ ощущаться недостатокъ земель, паровая зерновая система не только развилась, но даже безъ усиленнаго удобренія, привела къ истощенію почвы и частымъ неурожаямъ. Слѣдовательно, въ центрѣ, въ концѣ XVI и XVII вв. укорененіе трехполья само по себѣ создало благопріятныя условія для возникновенія передѣловъ. Поэтому „общинное землевладѣніе съ передѣлами земли было въ половинѣ XVIII вѣка явленіемъ, уже давно установившимся въ центральной Россіи и притомъ не у однихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а также въ государственныхъ. дворцовыхъ и экономическихъ волостяхъ“.

Если г. Милюковъ правъ, что въ XVI и XVII вв. общину создавали частные владѣльцы, то чѣмъ, спрашивается. объясняется ея развитіе на государственныхъ, дворцовыхъ и волостныхъ земляхъ, въ теченіе XVII и XVIII вв., тогда какъ правительство обратило усиленное вниманіе на общинные порядки у казенныхъ крестьянъ лишь въ концѣ XVIII вѣка?

Правда, нѣкоторые историки указываютъ на введеніе подушной подати, которое, будто бы, было толчкомъ къ развитію передѣловъ. По мнѣнію проф. Сергѣевича, напримѣръ, „равные надѣлы тяглецовъ и періодическіе передѣлы по ихъ числу составляютъ послѣдствія подушной подати“. Но, „какъ было выяснено еще покойнымъ Трироговымъ,

подушное обложеніе податныхъ общинъ совмѣстимо съ какимъ угодно принципомъ внутренней раскладки лежащихъ на общинѣ платежей, въ томъ числѣ и съ раскладкой по фактическому пользованію землей". [1]) И дѣйствительно, количество ревизскихъ душъ не только никогда не соотвѣтствовало, но и не могло соотвѣтствовать количеству наличныхъ плательщиковъ и величинѣ ихъ землепользованія.

„Въ народномъ хозяйствѣ, говоритъ Ключевскій, нѣтъ душъ, а есть только капиталы, да рабочія руки. Дѣйствительными плательщиками были, разумѣется, только работники, а не всѣ ревизскія души... По мѣрѣ того, какъ одни работники убывали, а другіе подростали, отдѣльнымъ плательщикамъ приходилось платить то за большее, то за меньшее число ревизскихъ душъ. Математически разсчитанный однообразный налогъ, цѣлью котораго, по мысли законодателя, было уравненіе подданныхъ въ казенныхъ платежахъ, на дѣлѣ оказывался чрезвычайно неравномѣрнымъ. Можно было устранить это неудобство, сообщивъ ревизской душѣ значеніе не платежной силы, какой она не могла быть сама по себѣ, а только счета на единицы. Такое же значеніе и дано ей послѣдующимъ законодательствомъ. По указу 3-го мая 1783 года подати съ крестьянъ и мѣщанъ, по числу душъ, полагаются единственно для удобности въ общемъ государственномъ счетѣ, но такой счетъ не долженъ стѣснять плательщиковъ въ способахъ ими полагаемыхъ къ удобному и соразмѣрному платежу податей. [2]) Этотъ взглядъ еще болѣе рѣшительно высказывается кн. Васильчиковымъ. „Народъ по душамъ не считался. Онъ принималъ отъ казны подушный окладъ, какъ валовой, оптовый разсчетъ слѣдующихъ съ общества, съ селенія или вотчины всѣхъ налоговъ или повинностей, какъ итогъ денежныхъ взысканій, налагаемыхъ правительствомъ, или подводъ рекрутъ, требуемыхъ для войны,—и только: самая раскладка, самое взиманіе, нарядъ подводъ, поставка рекрутъ, вовсе не производились по числу душъ, а по старому уложенію, по исконному обычаю мірскихъ разметовъ и разрубовъ, по вытямъ и тягламъ. Селеніе, получая приказъ о сборѣ податей, или наоборотъ, рекрутъ, по стольку то съ души, а всего столько то, принимало къ свѣдѣнію только это послѣднее число, а раскладывало его не по душамъ, какъ считала казна, а по числу рабочихъ крестьянъ, надѣленныхъ землей въ каждой семьѣ особо. Между этими двумя порядками не было ничего общаго и часто встрѣчались явныя несообразности и противо-

1) А. Кауфманъ. Русская община стр. 429.
2) Ключевскій. Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи.

рѣчія; люди вымирали, убѣгали, казна всетаки выбирала свой подушный окладъ съ наличныхъ крестьянъ, но крестьяне между собой выравнивали эти фискальныя взысканія и вовсе не вѣдая про основы податной системы".[1]) Они разверстывали землю по тягламъ и ставили рекрутовъ по очереди, выдвигая въ первые жеребьи многосемейные дворы. Мнѣніе кн. Васильчикова подтверждается многочисленными фактами, приведенными гг. В. В. и В. И. Семевскими, изъ которыхъ видно, что тягловая разверстка существовала въ XVIII вѣкѣ не только у помѣщичьихъ крестьянъ, но и у государственныхъ, и у удѣльныхъ: „въ большей части у удѣльныхъ имѣній разверстка земли между домохозяевами данной общины, въ извѣстной мѣрѣ, утрачивала характеръ разверстки по *потребительной* нормѣ (по наличнымъ душамъ мужскаго пола въ моментъ ревизіи) и пріобрѣтала нѣкоторыя черты системъ разверстки по силѣ домохозяйствъ, по нормѣ *производительной*". (В. В. Къ исторіи общины стр. 79) В. И. Семевскій, приведя много примѣровъ потягольной разверстки у государственныхъ крестьянъ въ половинѣ XVIII вѣка, заключаетъ, что „не можетъ быть и рѣчи о созданіи, въ это время, посредствомъ правительственныхъ распоряженій, современнаго типа общины" (крестьяне въ царствованіе Екатерины II т. II стр. 103).

Опираясь на выводы этихъ самостоятельныхъ изслѣдователей исторіи общины, мы думаемъ, что г. Милюковъ и другіе историки, придерживающіеся взгляда на русскую передѣльную общину, какъ на продуктъ исключительнаго воздѣйствія правительственной и помѣщичьей власти, слишкомъ преувеличиваютъ всемогущество этой власти, полагая, что оно простирается не только на сферу правовыхъ отношеній, но и на область хозяйственной жизни народныхъ массъ, которая намъ кажется подчиненной, въ гораздо большей мѣрѣ, законамъ экономической эволюціи. Не такъ давно, представитель правительства, г. Лыкошинъ, заявилъ въ Государственной Думѣ, по поводу указа 9-го ноября, что ни одинъ законъ не можетъ пройти въ жизнь, если онъ не будетъ соотвѣтствовать реальнымъ потребностямъ нашего крестьянства. Про это непреоборимое условіе для осуществленія любого законодательнаго акта забыли гг. историки, ставящіе во главу угла созданія русской общины воздѣйствіе правящихъ верховъ. Конечно, они могли бы указать на западъ Европы и на Литовско-Русское государство, гдѣ первобытная община была дѣйствительно разрушена господствующей вла-

1) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. Т. I стр. 370.

стью; они могли бы указать на Прусскую монархію, гдѣ въ началѣ XIX вѣка уничтожены послѣдніе слѣды общиннаго землевладѣнія; наконецъ, они могутъ теперь указать на современный, пока, впрочемъ, весьма относительный успѣхъ закона 9-го ноября.

Но этимъ историкамъ и экономистамъ надо помнить о существенной разницѣ между актами *разрушающими* и актами *созидающими* извѣстныя соціально-экономическія отношенія. Достаточно сильная государственная власть въ состояніи разрушить, уничтожить какой либо изъ элементовъ въ этихъ отношеніяхъ, но она не можетъ его создать, не опираясь на реальныя условія экономической жизни: вопреки этимъ условіямъ, власть не можетъ создать ничего, кромѣ пустыхъ предписаній, которыя такъ и останутся на бумагѣ.

Изъ множества примѣровъ, которые можно было бы привести для доказательства безсилія власти искусственно сотворить какія либо новыя формы хозяйственной жизни массъ, приведемъ одинъ, касающійся окраины Россіи. Когда въ 60-хъ годахъ создавалось сельское положеніе, оно было распространено не только на Россію, но отчасти и на Киргизскую степь, гдѣ степнымъ положеніемъ образовывались волости, волостныя территоріи и аулы съ общинными правами на землю. Но и по сію пору, сорокъ лѣтъ спустя, у киргизъ еще господствуетъ родовой бытъ и эти административныя территоріи, нанесенныя на карты, не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительными границами такъ называемыхъ хозяйственныхъ ауловъ, составляющихъ собственность мелкородовыхъ группъ и лѣтовками, принадлежащими крупнымъ родамъ. И писаный законъ, существующій на бумагѣ сорокъ лѣтъ, постоянно отступаетъ, въ осложнившихся съ вторженіемъ переселенцевъ, юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ передъ обычнымъ правомъ, основанномъ на непреоборимыхъ условіяхъ хозяйственной жизни полукочевого племени.

Тоже самое, намъ кажется, произошло бы, если бы наше правительство и помѣщики начали вводить передѣлы, вопреки хозяйственнымъ обычаямъ, сложившимся у нашихъ крестьянъ къ XVIII вѣку. Общинные распорядки не могли-бы привиться крестьянству, какъ не могло-бы привиться, напримѣръ, разведеніе банановъ въ Якутской области; для него не было бы подходящихъ естественныхъ условій. И, поскольку историческіе документы дѣйствительно говорятъ намъ о правительственномъ (но не о помѣщичьемъ) воздѣйствіи на возникновеніе общины въ нѣкоторыхъ раіонахъ Россіи, мы должны помнить, что для реализаціи началь-

ственныхъ предписаній должна была найтись подходящая почва. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Мы не отрицаемъ извѣстнаго благопріятнаго вліянія власти на созданіе русской общины: власть помогала развитію общины уже тѣмъ, что не уничтожала ее, какъ на западѣ Европы. Но мы никакъ не можемъ считать власть единственнымъ родоначальникомъ этого коренного крестьянскаго института. Документы говорятъ, что органы правительства фактически мало вмѣшивались въ разверстку земли между крестьянами. Такъ, „удѣльная администрація вѣдалась съ приказами, обществами, селеніями, но не съ домохозяевами; ей не были, хорошо извѣстны податные распорядки. касавшіеся реальныхъ платежныхъ единицъ“. (В. В. Стр. 81) По Болтину, каждый государственный крестьянинъ „владѣетъ своимъ паемъ въ полной свободѣ и независимости“. Администрація была слишкомъ немногочисленной, чтобы могла имѣть дѣло съ отдѣльными крестьянами—она была въ состояніи воздѣйствовать только на цѣлыя общества, волости и селенія и поэтому разверстка земли между отдѣльными крестьянами фактически предоставлялась усмотрѣнію самихъ крестьянъ.

Вліяніе помѣщиковъ, по всей вѣроятности, тоже было относительно слабо. Г. Милюковъ думаетъ, что помѣщики, начиная съ XVI вѣка, вмѣшиваются въ земельныя распорядки крестьянъ, но въ дѣйствительности это вмѣшательство выражалось только въ обложеніи крестьянъ оброками. Сами помѣщики были заняты службой, а ихъ прикащики могли дѣйствовать только въ согласіи съ крестьянскимъ міромъ. Власть помѣщика въ ту эпоху не была еще безграничной. Въ центральныхъ раіонахъ Россіи передѣльная община сложилась еще до половины XVIII в., а до тѣхъ поръ былъ еще сильно развитъ помѣщичій абсентеизмъ и оброчная система повинностей. „Большинство имѣній въ это время состояло на оброкѣ и въ такихъ вотчинахъ крестьяне обыкновенно совершенно свободно пользовались землею на излюбленныхъ ими общинныхъ началахъ, почти безъ всякаго вмѣшательства со стороны помѣщика. Въ этомъ отношеніи нашъ крѣпостной мужикъ находился въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ такой же крестьянинъ на западѣ“ (Семевскій. К-не въ царств. Екатер. II т. I стр. 135). Болтинъ, свидѣтельство котораго, какъ современника, очень важно, говоритъ, что оброчные крестьяне „всегда раскладку дѣлаютъ сами по себѣ, вѣдая каждый о другомъ, сколько можетъ заплатить безъ тягости передъ другими и по общему мірскому приговору“.

Одно простое логическое соображеніе сильно подрываетъ мысль о вліяніи помѣщиковъ на возникновеніе и развитіе передѣловъ. Если бы помѣщики были творцами общины, то, такъ какъ у каждаго изъ нихъ была своя собственная фангазія,—несомнѣнно, мы бы увидѣли въ центральной Россіи сотни и тысячи типовъ разверстки самыхъ разнообразныхъ очертаній; и что это было бы такъ—показываютъ, напримѣръ, попытки введенія подворнаго или даже хуторскаго землевладѣнія, кончавшіяся почти всегда неудачей. Въ дѣйствительности-же, подобно тому, какъ въ земледѣліи помѣщики придерживаются въ массѣ однообразнаго трехпольнаго сѣвооборота, такъ и въ распредѣленіи земли у помѣщичьихъ крестьянъ мы всюду встрѣчаемъ однотипичную *потягольную* разверстку. Мы не имѣемъ историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о массовыхъ попыткахъ вмѣшательства помѣщиковъ въ системы разверстки: скорѣе, наоборотъ, документы говорятъ, что помѣщики, какъ и правительство, въ общемъ, придерживались принципа не вмѣшательства въ поземельныя дѣла крестьянъ, регулировавшіяся по обычному праву.

Извѣстную роль, въ данномъ случаѣ, игралъ и фактъ концентраціи дворянскаго землевладѣнія въ XVIII в., крупные владѣльцы, конечно, не могли входить въ земельные интересы каждаго отдѣльнаго крестьянина.

Итакъ, мы полагаемъ, что правительственная и помѣщичья власть не была творцомъ русской поземельной общины, во 1-хъ потому, что въ центральной Россіи община сложилась еще раньше, чѣмъ воздѣйствіе правительства и помѣщиковъ на крестьянское хозяйство стало замѣтной величиной, во 2-хъ потому, что община вообще складывалась далеко не въ такомъ видѣ, въ какомъ ее можно было бы себѣ представить, если бы она создавалась не снизу, путемъ естественной эволюціи, а сверху, посредствомъ начальственныхъ предписаній. Вотъ почему мы присоединяемся къ тѣмъ историкамъ и экономистамъ, которые считаютъ нашу современную общину продуктовъ самостоятельнаго стремленія крестьянъ къ болѣе уравнительному распредѣленію земли, стремленія, проявившагося подъ вліяніемъ усилившейся земельной тѣсноты и истощенія почвы.

Что это было такъ—показываетъ картина географическаго распространенія передѣльной общины; такой типъ общины возникаетъ въ XVII и XVIII вв. въ старинныхъ центральныхъ областяхъ московской Руси, т. е. тамъ, гдѣ трехполье не только развилось но и привело къ паденію естественнаго плодородія почвы. Здѣсь, изъ подворнаго земле-

пользованія, безразлично на частныхъ, дворцовыхъ, экономическихъ и т. д. земляхъ, т. е. на земляхъ самыхъ разнообразныхъ категорій владѣльцевъ возникаетъ передѣльный механизмъ. Принципъ разверстки, вначалѣ преимущественно тягловой, какъ у казенныхъ, такъ и у помѣщичьихъ крестьянъ. Въ именномъ указѣ 1739 г. предписывается дворцовымъ и всѣхъ вотчинъ крестьянамъ, кромѣ помѣщичьихъ, „разложить доимку на всю вотчину по тягламъ, сколько съ кого по тяглу и по владѣнію земли придетъ и править безъ всякаго послабленія для того, что.... пожиточные крестьяне всѣ пустые участки по себѣ раздѣлили и тою землею владѣютъ и прибыль отъ нея получаютъ, а самые убогіе люди и участки свои меньше имѣютъ, чего ради всякъ изъ нихъ по пропорціи земли, кто сколько платитъ, также и по пропорціи своихъ пожитковъ и другихъ промысловъ и доимку заплатить должны". По Болотову, во всѣхъ селеніяхъ и даже самыхъ однодворческихъ и прочихъ казеннаго вѣдомства, какъ и во всѣхъ оброчныхъ деревняхъ вся земля раздроблена на мелкіе участки (полосы, дѣлянки) и каждый дворъ получаетъ себѣ оныя во владѣніе не по числу находящихся и въ ономъ положенныхъ въ подушный окладъ душъ, а по числу находящихся въ ономъ *совершеннаго возраста работниковъ*, изъ которыхъ составляются такъ называемыя тяглы, а въ иныхъ мѣстахъ выти, на которыя разлагаются и всѣ государственныя подати и платежъ оброчный и прочія повинности". Болтинъ, описывая смѣшанную потягольную разверстку у помѣщичьихъ крестьянъ, прибавляетъ, что и государственные „раздѣляютъ пашни, луга и лѣса по себѣ такъ же какъ и о помѣщичьихъ сказано". Такимъ образомъ въ началѣ крѣпостной эпохи основаніемъ при разверсткѣ земли служило, повидимому, тягло, тѣсно связанное съ рабочимъ составомъ семьи". (В. В. стр. 62). Какъ извѣстно, подъ тягломъ, обыкновенно, подразумѣвались пара взрослыхъ работниковъ, но, по опредѣленію Гастгаузена, далеко не всегда семейная чета. Напримѣръ, если крестьянинъ имѣетъ престарѣлаго отца, взрослаго сына и нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей, то такая семья составляетъ одно тягло: она несетъ барщинныя повинности на одно тягло и получаетъ одинъ участокъ земли. Если сынъ женится, то, хотя бы онъ остался жить въ одной избѣ съ отцомъ, онъ составитъ отдѣльное тягло, какъ въ барщинной работѣ, такъ въ части и на землю. Значитъ подъ тягломъ правильнѣе всего считать двухъ взрослыхъ работниковъ, иногда представлявшихъ изъ себя брачную пару, иногда двухъ мужчинъ. Въ одной семьѣ могло быть нѣсколько тяголъ. Тягловая разверстка разви-

лась, повидимому, изъ *подворной*, смѣнившей индивидуальное землепользованіе въ московской Руси. И та и другая принадлежитъ къ *производительнымъ (трудовымъ)* типамъ разверстки, которыя, по словамъ извѣстнаго изслѣдователя современной общины К. Качоровскаго [1]) „устанавливаются при многоземельи, напримѣръ, при рабочей нормѣ надѣла, или при такихъ его свойствахъ, (трудности обработки и неплодородіи) и такой комбинаціи ихъ съ размѣромъ лежащихъ на немъ податей, когда выгоды его эксплуатаціи обусловливаются размѣрами рабочихъ силъ семьи и прямо пропорціональны имъ". Тягловая разверстка зародилась въ центральныхъ областяхъ именно въ то время, когда бремя податей со второй половины XVII вѣка и особенно, съ эпохи Петра, стало быстро возрастать, когда уплата податей потребовала значительной доли крестьянскаго труда. Съ другой стороны, хотя количество земли было еще относительно велико, но удобная земля въ нечерноземной полосѣ успѣла уже истощиться и старопахатныя площади, также—какъ новорасчистныя потребовали усиленныхъ затратъ труда. Отсюда и возникаетъ уравнительная разверстка по труду, распредѣленіе налогового бремени сообразно съ рабочими силами семей.

Но миновало тяжелое время Петровскихъ реформъ. Послѣ Петра государственные крестьяне вздохнули нѣсколько свободнѣе, съ половины XVIII в. они начинаютъ переходить отъ тягловой разверстки къ *подушной* (по числу наличныхъ душъ м. п.);—„есть основаніе предполагать, что къ концу этого столѣтія подушная разверстка, хотя не всегда въ чистомъ видѣ сдѣлалась среди дворцовыхъ (и другихъ разрядовъ государственныхъ Н. О.) крестьянъ довольно распространеннымъ явленіемъ". (В. В. стр. 62). Развитіе подушной разверстки у государственныхъ крестьянъ Семевскій объясняетъ тѣмъ, что, при соотвѣтствіи платежей съ доходностью земли, подушная разверстка имѣетъ свои значительныя удобства. Лишній надѣлъ не только не кажется тогда бременемъ, а, напротивъ, увеличиваетъ средства семьи; если же оказывается, что она не въ силахъ его обработать, то всякій другой членъ общины охотно возьметъ этотъ надѣлъ въ аренду. А государственные крестьяне именно и находились въ болѣе благопріятномъ положеніи относительно повинностей: оброчный сборъ, платимый казнѣ, былъ всегда менѣе оброка, требуемаго помѣщиками, и потому подушная разверстка была удобнѣе для государственныхъ крестьянъ. Положеніе оброчныхъ вотчинъ было обыкновенно лучше, чѣмъ барщин-

[1]) Качоровскій. Русская община. Т. I. Изд. I стр. 280.

ныхъ и приближалось, до нѣкоторой степени, къ условіямъ жизни государственныхъ крестьянъ: поэтому мѣстами въ оброчныхъ имѣніяхъ существовала подушная разверстка земли". (Семевскій. Т. I стр. 114).

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVIII в. у государственныхъ крестьянъ трудовой принципъ разверстки смѣняется потребительнымъ, что бываетъ обыкновенно, во 1-хъ, тогда, когда доходность отъ земли выше лежащихъ на ней платежей, во 2-хъ, когда стѣсненіе въ землѣ требуетъ болѣе уравнительныхъ разверстокъ уже не по силѣ семьи, а по степени ея нужды въ продовольственныхъ средствахъ. Земля становится кормилицей, главнымъ источникомъ средствъ для существованія, и ограниченность этихъ средствъ требуетъ ихъ распредѣленія сообразно съ потребностями семьи, откуда и возникаетъ потребительный принципъ разверстки.

У помѣщичьихъ крестьянъ, особенно у барщинныхъ, въ теченіи всей крѣпостной эпохи сохранилась потягольная разверстка „по производительной нормѣ, обезпечивающей владѣльцу наибольшее напряженіе рабочей силы крестьянина, столь необходимой для обработки его полей". [1]) Съ тѣхъ поръ и вплоть до отмѣны крѣпостного права никакой эволюціи у помѣщичьихъ крестьянъ—барщинниковъ, а также у обремененныхъ платежами оброчныхъ не замѣтно. Помѣщики строго придерживались выгоднаго для нихъ принципа тягловой разверстки, того принципа, который они уже застали сложившимся въ тотъ моментъ, когда они прибирали къ своимъ рукамъ крестьянскую землю и крестьянскій трудъ. Пользуясь всей полнотой крѣпостной власти, превративъ крестьянъ въ „капиталъ орудій"—въ простое орудіе своего крупнаго хозяйства, они не проявили, вопреки г. Милюкову, своего творчества въ общинѣ, и единственная ихъ роль заключалась въ томъ, что они *задавили* свободное творчество крѣпостной общины. По словамъ Семенова [2]) коренные передѣлы съ ломкой межъ, обусловленные въ барщинныхъ имѣніяхъ почти всегда иниціативой помѣщика и вытекающіе изъ его хозяйственныхъ соображеній, вообще были довольно рѣдки, но и въ этихъ случаяхъ помѣщикъ, „впрочемъ, всегда, предоставлялъ разверстку вновь нарѣзанныхъ или перерѣзанныхъ мірскихъ земель самой общинѣ".

Словомъ, тамъ, гдѣ дѣйствительно съ конца XVIII в. проявилось давленіе на крестьянъ сверху—именно въ бар-

---

1) Итоги экономическаго изслѣдованія. Т. I В. В. Крестьян. общин. стр. 567.

2) См. сводъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общ. изд. Вольно-экономич. и географ. общества.

щинныхъ вотчинахъ—тамъ община, вплоть до освобожденія, застыла на старомъ принципѣ тягловой разверстки; тамъ-же гдѣ она была сравнительно свободна (у государственныхъ и оброчныхъ крестьянъ), тамъ, въ теченіи XVIII в. и начала XIX в. она эволюціонировала черезъ трудовой принципъ къ потребительному типу разверстки по наличнымъ мужскимъ душамъ. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ далеко нельзя видѣть вліянія ревизій. Правда, съ конца XVIII в. ревизіи производимыя довольно часто и регулярно, начинаютъ иногда совпадать съ коренными передѣлами, производимыми крестьянами упомянутыхъ категорій, но коренные передѣлы производились крестьянами зачастую и независимо оть ревизіи, порой каждогодно (паровое поле); ревизіи могли быть просто удобнымъ моментомъ для передѣловъ, т. к. тогда производился обязательный подсчетъ наличныхъ мужскихъ душъ. Кромѣ общихъ (коренныхъ) передѣловъ, производились и частные, такъ называемыя свалки-навалки, касавшіяся не цѣлой общины и не всей земли, а лишь нѣсколькихъ семей или частей земли; они совершались, уже, какъ общее правило, безъ всякаго отношенія къ ревизіямъ.

Итакъ, въ центральныхъ областяхъ нечерноземной и отчасти черноземной полосы въ крѣпостную эпоху шла довольно быстро эволюція передѣльной общины, заключавшаяся въ переходѣ отъ подворнаго землепользованія къ тягловой разверсткѣ и черезъ нее къ потребительной. Иного характера эта эволюція была въ другихъ раіонахъ Россіи на сѣверѣ и на югѣ.

На сѣверѣ и сѣверѣ-востокѣ, въ противоположность центру, преобладали не помѣщичьи, а государственные крестьяне. Здѣсь, въ XVII в. семейно-захватное право перешло въ индивидуально-подворное владѣніе, или въ долевое владѣніе складниковъ (сябровъ). Индивидуальное владѣніе развивалось на заимкахъ, лежавшихъ вдали отъ села, гдѣ была подсѣчная система земледѣлія, долевое на присельныхъ пашняхъ, гдѣ господствовалъ уже трехпольный сѣвооборотъ. Но и заимщики и долевые владѣльцы свободно распоряжались тѣми участками, которыми они пользовались, продавали, сдавали въ аренду, передавали ихъ по наслѣдству, какъ свою собственность. „Продолжительное (въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній) примѣненіе крестьянами сѣвера Россіи обычая свободнаго распоряженія землями (причемъ совершаемыя сдѣлки купли-продажи участковъ нерѣдко закрѣплялись законнымъ порядкомъ и пріобрѣтали, такимъ образомъ, юридическую силу), въ концѣ концовъ однако, настолько укрѣпило его въ чувствахъ и сознаніи крестьянъ,

что, когда, благодаря размноженію населенія, ясно почувствовалось утѣсненіе въ землѣ и настало время регулированія въ интересахъ всѣхъ, пользованіи ею, сѣверная община, —составленная изъ множества самыхъ мелкихъ поселковъ и не успѣвшая поэтому развить такую въ своей средѣ солидарность, какая гораздо легче образуется въ сплошныхъ крупныхъ поселеніяхъ,--сѣверная община, говоримъ, оказалась не въ силахъ своевременно сама справиться съ затрудненіями нравственнаго, юридическаго и экономическаго характера, стоявшими на пути введенія общихъ передѣловъ земли и потому, не смотря на развитіе въ ея средѣ сознанія необходимости такого акта, для скорѣйшаго осуществленія послѣдняго, понадобилось вмѣшательство правительства“ (В. В. къ исторіи общины стр. 8-ая).

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что вмѣстѣ съ индивидуализаціей землевладѣнія на сѣверѣ наблюдалась нѣкоторая дифференціація и концентрація земли въ рукахъ немногихъ богачей. тогда какъ на другомъ полюсѣ малоземельное крестьянство теряло послѣдніе надѣлы и превращалось въ безземельныхъ половниковъ. То же положеніе вещей продолжалось, отчасти, и въ XVIII в., когда, впрочемъ, какъ мы говорили выше, надо предполагать, что не столько увеличивался верхній слой многоземельныхъ, сколько нижній—безъ—и малоземельныхъ, т. е. усиливались кадры лицъ, недовольныхъ существовавшимъ земельнымъ неравенствомъ. Кромѣ крестьянъ, покупали и захватывали земли купцы, мѣщане и другія сословія. Поэтому, „начиная съ 60-хъ гг. XVIII в., малоземельные крестьяне сѣверной Россіи добивались передѣловъ земли, и правительственныя мѣры относительно введенія передѣловъ были лишь отвѣтомъ на настоятельныя просьбы крестьянъ, нуждающихся въ болѣе уравнительномъ пользованіи землей“. (Семевскій, II, 605). Сами малоземельные крестьяне не могли совладать съ богатѣями, главнымъ образомъ, вслѣдствіе разрозненности. Разбросанные по малолюднымъ поселкамъ—„печищамъ“, они не могли сплотиться въ массу, настолько компактную и внушительную, чтобы произвести давленіе на крупныхъ влацѣльцевъ и самостоятельно принудить ихъ къ уравнительнымъ передѣламъ. Для этого понадобилось содѣйствіе правительства, которое и было оказано имъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Въ 1766 г. была издана межевая инструкція, которой возвращались въ разрядъ государственныхъ земель всѣ угодья, перешедшія отъ крестьянъ въ руки другихъ сословій и впредь запрещалась продажа земель, какъ этимъ

лицамъ, такъ и крестьянамъ одной и той-же волости. Въ 1785 г. была сдѣлана попытка произвести передѣлъ по числу ревизскихъ душъ въ Олонецкой губерніи. Съ 1786 г. „часть земель была поровну раздѣлена между крестьянами, и съ того времени при каждой ревизіи вновь передѣляется, а другая часть земель до настоящей поры еще ни разу не подвергалась передѣлу, хотя и здѣсь крестьяне признаютъ въ принципѣ обязательность передѣловъ. [1]) Однако, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губ. передѣловъ не было еще въ 70-хъ гг. XIX в. Отсюда видно, что введеніе передѣловъ не можетъ произойти по одной только иниціативѣ правительства, а требуетъ соотвѣтственныхъ экономическихъ условій и если передѣлы совсѣмъ не привились въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, то это объясняется въ значительной степени, рѣдкостью населенія Олонецкой губерніи". (Семевскій, II, 648.

Въ 1795 г. по просьбѣ многихъ вологодскихъ крестьянъ, была сдѣлана болѣе или менѣе удачная попытка передѣловъ по ревизскимъ душамъ въ Вологодской губ. Въ первые 20—30 лѣтъ XIX в. передѣлы распространились по Вологодской, а затѣмъ и по Архангельской губерніи; въ послѣдней, впрочемъ, неоднократныя предписанія начальства передѣлить всю владѣемую землю по душамъ, не исполнялись, вслѣдствіе несогласія большого количества крестьянъ. Первый серьезный передѣлъ въ Архангельской губ. произошелъ въ 1831 г.

Въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Пермской, первоначальный типъ землевладѣнія былъ тотъ-же, что и на сѣверѣ: „каждый крестьянинъ владѣлъ тѣмъ количествомъ земли, какое ему досталось по наслѣдству, или по куплѣ—продажѣ, а первоначальной основой землевладѣнія была расчистка лѣсовъ, сдѣланная первыми поселенцами края и ихъ ближайшими потомками. Излишне, кажется, прибавлять, что описанные порядки, съ теченіемъ времени, привели къ крайне неравномѣрному распредѣленію земли между отдѣльными домохозяевами" (В. В. стр. 63). Эта неравномѣрность, въ связи съ болѣе крупными размѣрами поселеній, чѣмъ на сѣверѣ, привела къ возникновенію уравнительныхъ передѣловъ по работникамъ, но далеко неполныхъ, которые въ 30-хъ г. XIX в. были довершены и закончены при посредствѣ администраціи. Еще позже, въ 40 и 50-хъ годахъ, вводятся передѣлы у нѣкоторыхъ крестьянъ Уфимской и Оренбургской губерній.

Итакъ, передѣльный механизмъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ воцарился при несомнѣнномъ содѣйствіи правитель-

[1]) Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ. М. 1884г.

ственной власти. Однако, отсюда вовсе не слѣдуетъ, что безъ такого содѣйствія, рано или поздно не начались-бы самостоятельные передѣлы. Въ аналогичныхъ условіяхъ, въ Сибири на нашихъ глазахъ переходитъ къ передѣламъ все большее и большее число общинъ. Да и въ XVIII в. самостоятельные передѣлы общинъ извѣстны, по крайней мѣрѣ, въ Пермской и Вологодской губ. Мы говорили выше, что на сѣверѣ было два вида пашни: присельная земля съ трехпольемъ и заимки съ подсѣчнымъ хозяйствомъ. На нихъ, по словамъ г-на Богословскаго развиваются два различныхъ юридическихъ вида землевладѣнія: на заимкахъ—индивидуально-подворное, на присельныхъ пашняхъ—складническое долевое. Вотъ на этихъ-то присельныхъ пашняхъ, на которыя падало тягловое обложеніе, уже въ XVIII в. „появляются черезполосица и уравненіе полей по долямъ тягла, зарождаются такимъ образомъ, элементы для развитія общиннаго землевладѣнія, идея о которомъ и будетъ развиваться постепенно у сѣверныхъ крестьянъ“. (Богословскій. Стр. 170). Складники были или родственники, или товарищи, или постороннія лица, пріобрѣтавшія доли въ общемъ участіи по наслѣдству, по договору и покупкой, причемъ, по этимъ долямъ разверстывались повинности, которыми былъ обложенъ участокъ. Для того, чтобы тягловыя доли были въ соотвѣтствіи съ земельными, между складниками очень часто происходили переверстки земли, при которыхъ земля распредѣлялась сначала сообразно правамъ каждаго совладѣльца. Но затѣмъ, по мѣрѣ прироста населенія, среди массы малоземельныхъ и малосостоятельныхъ все сильнѣе начинаетъ циркулировать идея, что земля не частная собственность и собственность отдѣльныхъ лицъ, а общая, государственная, отдаваемая въ аренду казной за тягло. Отсюда появляется со стороны маломочныхъ рядъ требованій о раздѣлѣ земли по тягламъ. Чѣмъ больше растетъ нужда въ землѣ, чѣмъ меньше остается простора для новыхъ заимокъ, тѣмъ сильнѣе крѣпнетъ эта идея, тѣмъ громче раздаются требованія новыхъ передѣловъ. Наконецъ, въ XVIII в. правительство выступаетъ, какъ активный дѣятель, въ пользу передѣловъ. Вмѣшательство правительства только ускорило процессъ образованія передѣльной общины, который безъ него все таки несомнѣнно закончился бы успѣшно, но, быть можетъ, позже на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Извѣстное вліяніе правительства на развитіе общинныхъ передѣловъ, сказалось не только на сѣверѣ, но и на югѣ, въ черноземномъ центрѣ, и Поволжьи; хотя здѣсь эволюція общины была гораздо болѣе самостоятельной, вслѣд-

ствіе того, что быстрое сгущеніе населенія само по себѣ послужило достаточно сильнымъ импульсомъ для возникновенія передѣловъ. Въ губерніяхъ, лежавшихъ ближе къ Московскому центру и гуще населенныхъ,—Тульской, Тамбовской, Орловской, Рязанской—на помѣщичьихъ земляхъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, происходило наибольшее сокращеніе надѣловъ, всего раньше начала развиваться передѣльная община, причемъ система разверстки была та-же, что и въ центрѣ—по тягламъ. Въ Тульской губ. ея присутствіе въ концѣ XVIII в., какъ на помѣщичьихъ, такъ и на казенныхъ земляхъ констатируетъ Болотневъ. Въ Рязанской губ. въ 1795 году сельскій староста просилъ своего барина кн. Голицына ввести подушную разверстку земли, сохранивъ тягловую разверстку податей, на что и дано было разрѣшеніе. Судя по этимъ и по подобнымъ документамъ, передѣльная община у крестьянъ черноземнаго центра—дѣло давно знакомое и привычное уже въ концѣ XVIII в. Съ этого времени и до 1861 года тягловая разверстка сохраняется у помѣщичьихъ крестьянъ безъ большихъ перемѣнъ. Но если этотъ типъ разверстки и являлся преобладающимъ въ большинствѣ имѣній, то все-таки нельзя считать его единственнымъ. Болтинъ утверждаетъ, что типы разверстокъ были довольно разнообразны, въ зависимости отъ размѣровъ земельнаго фонда: „въ иныхъ мѣстахъ вовсе земли нѣтъ, слѣдовательно и дѣлить нечего, въ другихъ столь ее много, что она цѣны своей не имѣетъ; въ такихъ случаяхъ не по владѣнію земли, а по семейству и достатку каждаго государственныя подати и помѣщичьи оброки раскладываются“.

Въ густо-населенной Рязанской губерніи, въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній передъ освобожденіемъ вовсе прекратились общіе передѣлы за отсутствіемъ земли. По словамъ Самарина, „порядокъ, гдѣ число тяглъ увеличивается вмѣстѣ съ приростомъ населенія, гдѣ на каждаго прибылого работника нарѣзывается участокъ—давно уже вывелся въ Рязанской губерніи. Здѣсь обыкновенно встрѣчается въ имѣніяхъ единожды навсегда опредѣленное и неизмѣнное число тяголъ (отъ двухъ съ половиною до трехъ десятинъ на каждаго) и соотвѣтственная также неизмѣнная нарѣзка земли... „Въ такихъ имѣніяхъ тягло уже утратило личный характеръ и получило значеніе недвижнаго участка. Лишніе затягольные работники обращаются къ другимъ промысламъ, или нанимаются въ работы на сторонѣ, возвращаясь домой на косовицу, а иногда и къ уборкѣ хлѣба“. [1])

[1]) Самаринъ. Соч. т. II стр. 168.

Такимъ образомъ, въ малоземельныхъ помѣстьяхъ замиралъ передѣльный механизмъ; наоборотъ, въ рѣдко населенныхъ можно было встрѣтить еще разверстку податей по имуществу, по „силѣ“ двора, свойственную московскому центру еще въ XVII в., когда земля распредѣлялась еще по дворамъ, а не по душамъ и не по тягламъ. Такая разверстка была значительно распространена на южныхъ и восточныхъ окраинахъ перваго колонизаціоннаго пояса—въ губерніяхъ—Воронежской, Саратовской, Казанской, Симбирской, гдѣ еще въ концѣ XVIII в. существовалъ земельный просторъ и захватное право. Сильный притокъ населенія и развитіе крѣпостного права вызвали здѣсь, къ началу XIX в., передѣлы земли по тягламъ, на ряду съ существованіемъ разверстки по „силѣ“ двора. Въ Саратовской губ. „пользованіе землею, исправленіе работъ и повинностей между крестьянами распредѣляется по душамъ или по тягламъ. Въ первомъ случаѣ, число душъ, полагаемыхъ на дворъ, соображается не съ наличнымъ ихъ числомъ, но смотря по достатку ихъ двора, составу семейства и числу рабочихъ людей; во второмъ случаѣ, за тягло считается мужъ и жена“ (Никольскій).

Государственные крестьяне разныхъ наименованій въ черноземномъ центрѣ и особенно на окраинахъ юга и востока были, сравнительно, съ помѣщичьими, значительно обезпеченнѣе земельнымъ надѣломъ. Поэтому среди нихъ передѣлы начались значительно позже и не безъ вліянія правительственной власти. Въ Орловской, Нижегородской губ. передѣлы у дворцовыхъ крестьянъ производились въ концѣ XVIII в.; въ Симбирской, Казанской и Пензенской губ.—въ первыя десятилѣтія XIX в., причемъ, напр. въ Казанской губ., въ 20-хъ гг. „господствовала разверстка земли по производительной силѣ домохозяйствъ“. Еще лучше были надѣлены землей однодворцы—разрядъ крестьянъ, образовавшійся изъ служилыхъ людей и владѣвшій землей на частно правовыхъ началахъ. Въ концѣ XVIII в. на душу у нихъ приходилось: въ Воронежской губ. 19,3 дес., Тамбовской 15, Тульской 12,3, Орловской 8,7, Курской 7,6, и Пензенской 5,8 дес. Какъ и на сѣверѣ, „возможность продавать землю развивала значительное имущественное неравенство среди однодворцевъ, т. к. бѣдняки продавали свои земли не только помѣщикамъ, но, быть можетъ, еще чаще своимъ, болѣе зажиточнымъ, товарищамъ“ (Семевскій II, 741). Межевой инструкціей 1766 г., запрещено было продавать однодворческія земли лицамъ другихъ сословій; слѣдующій шагъ — прирѣзка обезземельнымъ однодворцамъ

земли. Вслѣдъ за тѣмъ начался переходъ къ общинному землевладѣнію, который, по мѣрѣ приближенія къ моменту освобожденія крестьянъ, все прогрессировалъ. Такъ въ нѣкоторыхъ общинахъ Курской, Рязанской, Орловской этотъ переходъ совершился:

Въ XVIII в. у	5 общинъ.
„ 10—20-хъ гг. XIX в.	11.
„ 30 40-хъ гг.	37.
„ 50—60-хъ гг.	59.

Можно назвать два главные момента, говоритъ г. В. В., оказавшихъ большое вліяніе на разсматриваемый процессъ: это генеральное размежеваніе конца прошлаго вѣка и преобразованіе быта государственныхъ крестьянъ при Киселевѣ.

Насколько указанныя обстоятельства были только условіями, ускорившими процессъ, или вызвавшими его къ жизни—сказать не беремся. Несомнѣнно одно, что каково бы то ни было первоначальное происхожденіе идеи перехода одной формы владѣнія въ другую—таковая имѣла благопріятныя условія для своего развитія въ сознаніи массы четвертныхъ крестьянъ, т. к., съ одной стороны, требованія такого перехода со стороны крестьянъ раздаются еще въ половинѣ XVIII в., съ другой—превращеніе четвертного владѣнія въ общинное продолжается долго спустя послѣ Киселева—въ 60-хъ, 70-хъ, даже 80-хъ гг., а стремленіе къ общинѣ, еще не осуществившейся въ дѣйствительности, наблюдается среди четвертныхъ крестьянъ до настоящихъ дней". (В. В. къ исторіи общины стр. 31). Такимъ образомъ, эволюція общиннаго землевладѣнія у однодворцевъ является, какъ и на сѣверѣ, результатомъ, съ одной стороны, естественнаго стремленія крестьянъ къ уравнительной развертскѣ земли, появившагося еще въ XVIII в. съ другой стороны—правительственнаго воздѣйствія, ускорившаго переходъ къ передѣльной общинѣ. Генеральное межеваніе, при которомъ земля отводилась не каждому владѣльцу особо, а цѣлымъ селеніямъ въ одной общей межѣ, и крестьянамъ самимъ предоставлялось распредѣлять эту землю по своему усмотрѣнію, послужило первымъ сильнымъ толчкомъ къ введенію передѣловъ тамъ, гдѣ потребность въ нихъ уже назрѣла. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше сгущается населеніе, тѣмъ быстрѣе развивается передѣльный механизмъ общины, получившей въ концѣ 30-хъ гг. и въ 40-хъ гг. новый толчекъ со стороны чиновниковъ графа Киселева, разъѣзжавшихъ по деревнямъ и убѣждавшихъ

крестьянъ-подворниковъ произвести передѣлы по ревизскимъ душамъ.

„Успѣхъ правительственной агитаціи можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что само населеніе стремилось къ этому же и что предложеніе правительства совпало съ мыслью большинства. Дѣлая свои предложенія, правительство не вносило въ сознаніе крестьянъ новыхъ идей, а, такъ сказать, заявляетъ сторонникамъ уравненія, что въ ихъ борьбѣ съ противниками оно будетъ на ихъ сторонѣ. Но этихъ сторонниковъ должно быть значительное большинство—не меньше двухъ третей голосовъ полнаго сельскаго схода, и если вездѣ въ уѣздахъ такое большинство набиралось—значитъ само населеніе стремилось къ равненію“ (В. В. Ibidem). Что дѣйствительно правительственная агитація могла имѣть успѣхъ только тогда, когда нужда въ передѣлахъ достаточно назрѣла у крестьянъ,—видно изъ неуспѣха этой агитаціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Щигровскомъ уѣздѣ Курск. губ., гдѣ изъ 91 общины четвертниковъ къ передѣламъ перешли только 9, тогда какъ въ сосѣднемъ—Обоянскомъ уѣздѣ—большинство.

Въ общемъ, въ первомъ колонизаціонномъ поясѣ передѣльная община, вмѣстѣ съ трехпольемъ, успѣла распространиться не только на земляхъ помѣщичьихъ, но и государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій; впрочемъ на окраинахъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ передѣлы возникали только послѣ освобожденія. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ Саратовской губ. до 1848 г. еще господствовало захватное право. Захватное право преобладало и во второмъ колонизаціонномъ поясѣ—въ Новороссіи и Заволжьи, что было вполнѣ естественно, т. к. здѣсь, ко времени реформы переложное земледѣліе только еще успѣло вытѣснить дикое тебеновочное скотоводство.

Въ зависимости отъ переложной системы, земледѣльцы Новороссіи и Заволжья вели полу-кочевой образъ жизни съ переносными станами, зимовниками, куренями, хуторами. Хуторяне были, по большей части, богатые крестьяне, гонявшіе по безбрежной степи большія стада овецъ и крупнаго рогатаго скота. Обживаясь на хуторахъ, они заводили свою запашку; къ нимъ переселялись новые крестьяне и изъ хутора выросталъ выселокъ, деревня, отвоевывавшая землю у села—метрополіи. Вообще, „въ дѣлѣ регулированія землепользованія игралъ роль личный элементъ вольной заимки, перваго захвата и перваго труда“. (В. В. Крестьянская община). Однако, съ размноженіемъ населенія право первой заимки, при которомъ наибольшія преимущества

оказывались на сторонѣ богатыхъ и многосемейныхъ „могутныхъ и семьянистыхъ“, крестьянъ, а бѣдные скотомъ хозяева не успѣвали запахать сколько нибудь значительнаго участка—привело къ серьезнымъ неудобствамъ и постояннымъ столкновеніямъ отдѣльныхъ лицъ изъ-за земли. Случаи споровъ и дракъ къ 50-мъ годамъ повторялись все чаще и привели къ общимъ кореннымъ передѣламъ. Дѣло началось, впрочемъ не съ коренныхъ передѣловъ, а съ ограниченія захватнаго права извѣстнымъ срокомъ или извѣстнымъ количествомъ земли. Съ теченіемъ времени, однако, этихъ ограниченій стало недостаточно. Со стороны обездоленныхъ началась агитація противъ многоземельныхъ и богатыхъ скотомъ, и агитація далеко не всегда мирная, а съ кулачнымъ смертельнымъ боемъ и насильственнымъ разореніемъ хуторскихъ построекъ. Эта агитація привела къ уравнительному распредѣленію земли по душамъ (В. В. Ibidem).

Въ 3-хъ уѣздахъ Таврической г. (Бердянскомъ, Мелитопольскомъ и Днѣпровскомъ) передѣлы начались:

Въ 20—30-хъ гг. у 6-ти общинъ.
„ 40—50-хъ гг. у 63-хъ „
„ 60—70-хъ гг. у 88-ми — общ. госуд. крестьянъ.

У помѣщичьихъ крестьянъ Таврической, Екатеринославской г. и низового Поволжья до реформы также преобладало свободное неурегулированное землепользованіе. Помѣщики просто отводили крестьянамъ обширныя пространства, гдѣ каждый могъ запахивать любое количество земли. Первые передѣлы начались или не за долго до освобожденія, какъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ или вскорѣ послѣ освобожденія, какъ въ Мелитопольскомъ, Славяносербскомъ и Царицынскомъ уѣздахъ при чемъ, какъ обыкновенно, принципъ разверстки, былъ производительный, по тягламъ или работникамъ...

Наше краткое изложеніе эволюціи общины въ крѣпостную эпоху показываетъ, что на всемъ пространствѣ Россіи, взамѣнъ старыхъ формъ захватнаго права или индивидуально-подворнаго землепользованія, появилась передѣльная община съ болѣе или менѣе уравнительнымъ землепользованіемъ. Въ Московскую эпоху въ центрѣ неурегулированный захватъ уже смѣнился разверсткой земли по дворамъ, причемъ размѣры участковъ, повидимому, находились въ зависимости отъ „силы“, „заможности“ двора. Въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII в. разверстка по дворамъ трансформируется въ разверстку по тягламъ, т. е. возникаетъ

община производительнаго (трудового) типа. У помѣщичьихъ крестьянъ община застываетъ въ такой формѣ вплоть до освобожденія; у государственныхъ къ концу XVIII в. она начинаетъ переходить къ разверсткамъ потребительнаго типа по мужскимъ наличнымъ или ревизскимъ душамъ. Такая-же точно эволюція произошла и въ губерніяхъ земледѣльческаго центра, въ которыхъ въ Московскую эпоху, господствовалъ еще вольный захватъ земель. Земледѣльческій центръ, въ этомъ отношеніи, догналъ, а можетъ быть и обогналъ центръ Московскій, какъ обогналъ онъ его по густотѣ населенія и по развитію земледѣлія. Роль правящихъ верховъ въ обѣихъ областяхъ центра, надо полагать, вовсе не была такой активной, какъ думаютъ многіе историки. Правительство активно воздѣйствовало на общину государственныхъ крестьянъ черноземной полосы, главнымъ образомъ, у однодворцевъ-четвертниковъ. Что-же касается до помѣщиковъ, то они скорѣе тормазили самопроизвольную эволюцію общины, наложивши непомѣрныя повинности на крестьянъ и заставили ихъ тѣмъ самымъ застыть на производительномъ типѣ разверсткѣ (по тягламъ). Тягловая разверстка сохранилась у помѣщичьихъ крестьянъ именно потому, что она была выгодна для барщиннаго хозяйства; помѣщики приспособили ее для своего крупнаго хозяйства и, пока это хозяйство существовало, они душили непомѣрными повинностями зародыши крестьянскаго творчества въ этомъ отношеніи. Потому помѣщики были не творцами, а тюремщиками свободной крестьянской общины.

Въ сѣверныхъ раіонахъ въ крѣпостную эпоху, взамѣнъ захватнаго права возникаетъ производительный типъ разверстки, а затѣмъ и по мужскимъ ревизскимъ душамъ, несомнѣнно, при значительномъ содѣйствіи администраціи.

Наконецъ, на южныхъ и восточныхъ окраинахъ второго пояса колонизаціи царитъ еще захватное право и только къ концу эпохи появляются первые передѣлы.

Въ общемъ итогѣ, развитіе общины подвигалось отъ центра къ окраинамъ, вмѣстѣ съ переселеніемъ крестьянъ, сгущеніемъ населенія, и развитіемъ земледѣлія съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ. При переложной системѣ передѣловъ не возникало: они начинаются вмѣстѣ съ внѣдреніемъ трехполья въ перелогъ и мы, поэтому, думаемъ, что естественныя органическія условія сельско-хозяйственнаго развитія имѣли на созданіе общинно-передѣльнаго механизма гораздо большее вліяніе, чѣмъ воздѣйствіе хотя бы и благожелательной, въ данномъ случаѣ, правительственной власти.

§ 5) Эволюція распредѣленія земли и общины въ Малороссіи.

Совершенно особнякомъ отъ обще-русскихъ условій стоитъ исторія общины и вообще землевладѣнія въ Малороссіи. Эта исторія въ высшей степени интересна тѣмъ, что она, на протяженіи какихъ-нибудь 150-ти лѣтъ, повторяетъ въ общихъ чертахъ картину той эволюціи землевладѣнія, которая была свойственна большинству европейскихъ народовъ и которая совершалась въ теченіи тысячелѣтій.

Исторія малорусскаго землевладѣнія начинается съ момента изгнанія поляковъ изъ лѣво-бережной Украины. Послѣ возстанія Хмельницкаго всѣ землевладѣльцы-поляки, начиная отъ самыхъ крупныхъ, владѣвшихъ милліонами десятинъ и десятками тысячъ дворовъ, вплоть до мелкой „застянковой" шляхты, потеряли свои владѣнія. „Шляхетская крѣпость" была окончательно „казацкой саблею скасована", волочная система, поскольку она была введена здѣсь, уничтожена и всѣ земли края стали общей собственностью „товарищества" храбраго войска казацкаго, подобно тому какъ въ древней Германіи, территорія завоеваннаго края считалась общей собственностью всего племени. Одинъ историческій документъ того времени гласитъ: „когда, при помощи Божіей, малороссіяне гетманомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей и пришли въ подданство всероссійскаго монарха великаго государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ берегахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая, потамистъ, покамистъ она первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечки, села и деревни и въ оныхъ подъ свои жилища и дворы, дома и футоры бсягли и позаймали".

Здѣсь изложена вкратцѣ вся исторія первыхъ періодовъ малорусскаго землевладѣнія. Первоначально вся земля была „спольная и общая" собственность войска. Въ „спольницу и вольницу" съ уничтоженіемъ всѣхъ межъ поступили коронныя земли, земли польскаго „можновладства", вродѣ владѣній Вышневецкаго, который былъ хозяиномъ 30-ти тысячъ крестьянскихъ дворовъ, а также владѣнія мелкой шляхты. Неприкосновенными остались владѣнія монастырей, особенно распространенныхъ въ „Черниговщинѣ"—на сѣверѣ Малороссіи и „маетности" нѣкоторыхъ лицъ изъ войсковой старшины, которыя пока были ночтожны и составляли крупицу на всей территоріи вольной земли.

Вслѣдъ затѣмъ „войсковая вольница“ дѣлится сначала на полки, а въ полкахъ подъ сотни. Точно также дѣлили завоеванную территорію древніе германцы. Германскія племена, въ эпоху Цезаря, дѣлились на сотни; на сотенные округа раздѣлялась и вновь пріобрѣтенная область. Сотенные округа назывались сотенными марками: съ развитіемъ земледѣлія, когда населеніе уже осѣдало на одномъ мѣстѣ въ деревняхъ, сотенныя марки дробились на деревенскія. (Dorfmarken). „Одновременно съ этимъ происходило строгое разграниченіе между полевой землей, съ одной стороны, пастбищной и лѣсной областью—съ другой: выгонъ и лѣсъ оставались еще долгое время, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, много слѣдовъ такого порядка владѣнія сохранилось вплоть до нашихъ дней,—въ общемъ пользованіи всего населенія сотни; пашня-же переходила въ обособленное владѣніе отдѣльныхъ поселеній [1]). Сотенная марка соотвѣтствуетъ общинѣ-волости древней Руси. Когда-то у древнихъ славянъ было, повидимому, тоже военное устройство территорій, дѣленіе на тысячи и сотни; можетъ быть, община-волость и есть продуктъ первоначальнаго дѣленія племенной территоріи...

Въ предыдущей главѣ мы видали, какъ на территоріи Литовско-Русскаго государства въ XV—XVI столѣтіяхъ разлагалась община-волость, сначала на деревенскія территоріи, а затѣмъ и на индивидуально-подворные участки. Такой-же процессъ происходилъ въ XVI вѣкѣ на землѣ, отвоеванной у Польши „товариществомъ“ козаковъ. Къ сожалѣнію, не сохранилось данныхъ переписи 1666 года, когда, надо полагать, площадь общинно-волостныхъ земель была очень обширной. Но и въ моментъ второй, т. к. „Румянцевской“ переписи, организованной черезъ сто лѣтъ (въ 1760—70 гг.) попадались и довольно часто общинно-волостныя земли. Особенно много ихъ сохранилось въ южной части Малороссіи—въ Полтавщинѣ, т. н. сѣверная—Черниговщина была густо заселена уже въ XVII в. Такъ, въ Каневской сотнѣ „оное поле сотни Каневской козаки распахали совокупно съ козаками сотни Иркліевской и владѣютъ онымъ безъ подѣлу общественно“. Свободныя земли Крапивенской сотни находились въ совмѣстномъ владѣніи цѣлаго ряда селъ этой сотни: „здѣсь пашутъ, косятъ сѣно, рубятъ лѣсъ всѣ обыватели—козаки, владѣльцы, ихъ подсусѣдки и посполитые (крестьяне) общественно на перемѣнныхъ мѣстахъ“. Впрочемъ и на сѣверѣ Малороссіи, въ малорусскомъ Полѣсьѣ

[1]) Лампрехтъ. Исторія землевладѣнія въ Германіи. Сб. Handwörterb. Освобожденіе крестьянъ на западѣ. Стр. 3-я.

были общественно волостныя земли, состоявшія, главнымъ образомъ, изъ лѣсныхъ угодій. И въ другихъ мѣстахъ, такъ же какъ и въ древней Германіи, территорія волостныхъ земель состояла изъ лѣса и пастбища, на которыхъ всѣми желающими свободно распахивались, гдѣ удобно, клочки пашни. Слово „лѣсъ“ тогда обозначало весьма различныя угодья. Тогдашній лѣсъ заключалъ внутри себя „разробы“ (пахатные участки), сѣнокосы, бортныя и верхолозныя деревья, а въ околичности и внутри въ расчищенныхъ мѣстахъ“ [1]) всѣ села и деревни данной волости. Села и деревни, какъ и въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ, были вкравлены въ общую территорію волостныхъ земель—вольницъ.

Слѣдующій этапъ въ эволюціи землевладѣнія—раздѣленіе этихъ волостныхъ вольницъ на селенныя. Раздѣлъ волостныхъ земель по деревнямъ произошелъ, вѣроятно, къ началу XVIII вѣка. Въ селенныхъ вольницахъ на сѣверѣ, преобладали лѣса, которые каждый могъ рубить на дрова, расчищать подъ пашню и сѣнокосъ и имѣть свои „бортныя и верхолазныя деревья для пчелъ“. Въ степной части—на югѣ были распространены пахатныя и сѣнокосныя вольницы: въ этихъ вольницахъ „кто оре, той и бере“—всякій могъ пахать сколько вздумается, и то, что запахалъ—было его собственностью, но только до тѣхъ поръ, пока онъ продолжалъ запашку.

Такой вольно-захватный способъ землепользованія на волостныхъ и селенныхъ вольницахъ, аналогичный формамъ землевладѣнія, существовавшимъ на Руси, въ Кіевскую и удѣльную эпохи, могъ сохраняться лишь при самой экстенсивной полукочевой переложной системѣ земледѣлія. На сѣверѣ, въ лѣсныхъ раіонахъ, пашня пахалась нѣсколько лѣтъ подрядъ и потомъ пускалась въ перелогъ и вольницу на долгое время, въ теченіе котораго она опять покрывалась лѣсомъ. Въ южной, степной части Малороссіи, „на общевойсковыхъ вольныхъ степахъ, нераздѣльно владѣемыхъ“, система полеводства была неурегулированной залежной. Въѣзжалъ козакъ на своихъ волахъ съ плугомъ „у вольный степъ“, оглядывалъ его окомъ и выбиралъ „угодный собі облогъ, гдѣ похотивъ, та й оравъ“. Пахалъ онъ облюбованный участокъ годъ, два, десять; какъ только замѣчалъ, что „місто не дюже родитъ“, пускалъ облогъ въ залежь и выбиралъ „иншее собі угодное місто“, на которомъ „зновъ що годъ, то й оравъ“. Это называлось, „щоднымъ хозяйствомъ на перемѣнныхъ облогахъ“.

[1]) Филимоновъ. Матеріалы къ вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Краткій историческій очеркъ Малорусскаго землевладѣнія.

Сѣнокошеніе велось буквально также, какъ ведется до сего дня въ единственной сохранившейся общинѣ—волости Уральскаго казачьяго войска. „Наканунѣ дня, назначеннаго всей громадой для косовицы, собирались всѣ способные для работы жители села. Каждый надѣвалъ на себя самое лучшее платье и шелъ сюда, какъ на праздникъ „якь на велыкъ день". На слѣдующій день „день косовицы", какъ только всходило солнце, по данному сигналу, всѣ принимались за работу. Работа производилась такъ, что каждый велъ свое прокосиво, т. е. обкашивалъ свой кругъ, который онъ желалъ выкосить. При такихъ условіяхъ работа шла быстро и представляла собой турниръ въ искуствѣ сѣнокошенія. Но горе косцу, если онъ не соразмѣривъ сво силы, начиналъ прокосный кругъ такой величины, что не имѣлъ возможности свести его. Тогда въ его необкошенный участокъ врывался сосѣдній косецъ и сокращалъ размѣръ прокоса вдвое, втрое". (Фнлимоновъ стр. 71).

Итакъ, эпоха преобладанія общинныхъ, волостныхъ и селенныхъ вольницъ, была эпохой неограниченнаго вольнозахватнаго землепользованія, когда каждый, гдѣ хотѣлъ, пахалъ, косилъ, рубилъ лѣсъ и занимался дикимъ „верхолазнымъ" пчеловодствомъ безъ различія сословія и званія. Крестьяне, казаки, казачьи власти—полковники, сотники, урядники, даже духовенство и монастыри—всѣ имѣли одинаковое право на вольную землю. Конечно, такая система землепользованія, соотвѣтствующая для—земледѣльческому фазису и первоначальному періоду экстенсивнаго переложнаго земледѣлія, могла существовать лишь до тѣхъ поръ, пока населеніе было крайне рѣдко, пока захватъ вольницъ не становился никому поперекъ дороги, вообще пока земля не представляла никакой цѣнности, вслѣдствіе своего изобилія.

Но, со второй половины XVII вѣка, постоянныя войны, опустошавшія правобережную Украину, заставили жителей толпами переселяться на лѣвый берегъ, гдѣ было относительно безопаснѣе. Притокъ, бездомнаго, нуждавшагося въ землѣ народа, далъ толчекъ къ возникновенію индивидуальнаго землевладѣнія, созданнаго путемъ захвата. Земля пріобрѣтаетъ извѣстную цѣнность и каждый стремился захватить ее въ свою собственность. Селенныя вольницы расхватываются, дробятся между отдѣльными дворами: „въ оныхъ селенныхъ вольницахъ землю обыватели подъ жилища, дворы, домы, футори позаймали... и потому сталися вси добри (земельные участки) малороссіянамъ быть властными черезъ займы", говоритъ цитированный выше документъ. (Объясне-

ніе казаковъ села Покошицъ). „Оніе же займы свои малороссіяне разными означали способами: одни обуровали (опахивали), другіе котцами обносили и рвомъ окотували, кляками ограничали, и что хотѣли въ тѣхъ займахъ строили, гаи (рощи) возращали и сады заводили, хутора, слободы, деревни, села на свое имя селили, къ себѣ въ користь приводили". Другой документъ сообщаетъ: „а когда намножилось въ селахъ людей, то въ то время земледѣльцы и иныхъ селъ знатнѣйшіе и старѣйшіе обыватели начали занимать и окапывать займы всякъ по возможности своей (т. е. по имущественному положенію, по силѣ или по чину), что невозбранно имъ было".

Въ степной Украинѣ „полковникъ могъ занять также пространство, какое съ одного мѣста окинетъ окомъ, сотникъ—сколько въ день обойдетъ, а казакъ—сколько въ день опашетъ сохою" [1]). Простые казаки занимали обыкновенно „пляцъ" земли или „казачій конь мѣры"—около 80 десятинъ. Устроивши дворище, казакъ занималъ вокругъ него свой „пляцъ", откуда и развилось обиліе хуторовъ, явленіе впрочемъ, обычное при переложной системѣ полеводства. Были хутора войсковыхъ старшинъ, рядовыхъ казаковъ и даже (хотя немногіе) крестьянъ. Хутора войсковыхъ старшинъ были самые богатые и обширные и годъ отъ году увеличивались въ числѣ.

Этотъ третій періодъ исторіи малорусскаго землевладѣнія—періодъ „займанщины"—захвата общихъ земель въ постоянное индивидуальное, подворное владѣніе скоро получившее всѣ права полной собственности,—права продажи, наслѣдованія, сдачи въ аренду и т. д.,—повелъ къ значительной дифференціаціи въ землевладѣніи, т. к. каждый захватывалъ сколько былъ въ силахъ и болѣе богатые, могущественные и многосемейные занимали участки во много разъ больше, чѣмъ у ихъ бѣдныхъ и малосемейныхъ сосѣдей. Въ эту эпоху, подобно соотвѣтственнымъ моментахъ въ исторіи землевладѣнія на сѣверѣ Россіи, въ Малороссіи часто попадались многолюдныя неразложившіяся семьи-задруги, т. е. мелкія родовыя группы, состоявшія изъ 20—30 человѣкъ.

Такія семьи слагались частью изъ родственниковъ, частью изъ „сябровъ", вошедшихъ въ ихъ составъ, благодаря пріобрѣтенію части родоваго имущества. „Все равно, идетъ ли рѣчь о лѣвомъ или правомъ берегѣ Днѣпра, о югѣ или сѣверо-западѣ, о боярахъ или крестьянахъ, мы встрѣчаемъ въ актахъ нерѣдкія указанія на соединенную

[1]) Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи.

семью, на кровные союзы, на общность земель, владѣемыхъ ими“ [1]). Напримѣръ, въ XVII в. одна сложная семья Биликовъ состояла изъ 8 семейныхъ группъ, изъ которыхъ каждая представляла опять таки сводную семью, но всѣ 8 семействъ пользуются землей еще сообща. Къ началу XVIII в. 8 группъ выдѣлились въ особые дворы и полюбовно размежевали общія угодья въ полную собственность каждаго двора.

Во всей Европѣ, въ соотвѣтственныя эпохи, аналогичнымъ путемъ происходило разложеніе родового быта. Но, пока еще крупныя семьи-задруги далеко не вездѣ разложились въ Малороссіи, т. к. переложная система земледѣлія представляла для ихъ существованія благопріятную почву: такъ напримѣръ, въ матеріалахъ Румянцевской описи, разработанныхъ г. Лучицкимъ (по Золотоношской сотнѣ) односемейныхъ дворовъ было 47%, дворовъ, состоявшихъ изъ 2—3 семей 43%, свыше 4-хъ и до 14 семействъ—9%; эти огромныя семьи, при всеобщей займанщинѣ, когда земли расхватывались, какъ говорится „на шарапъ“, захватывали обширныя площади вольницъ въ свою собственность.

Первоначальная дифференціація землевладѣнія, какъ всегда, была внутренней, органической: въ ней еще не выступили на сцену политическіе факторы. Но вскорѣ, вслѣдъ за внутренней дифференціаціей наступаетъ очередь *внѣшняго политическаго захвата земли господствующими классами*, каковые были представлены въ Малороссіи войсковой старшиной и монастырями... Благодаря политическимъ факторамъ, „народъ съ оружіемъ въ рукахъ возставшій противъ своихъ притѣснителей, успѣвши сломить ихъ могущество и завоевавшій себѣ въ борьбѣ національную самобытность, народъ, разбившій старый сословный строй, сопровождавшійся рабствомъ массы и создавшій новый порядокъ жизни, внѣ всякаго посторонняго вмѣшательства, этотъ самый народъ черезъ какіе-нибудь 130 лѣтъ своего существованія, вновь представлялъ картину рѣзкаго раздѣленія на сословія, вновь выдвигалъ на историческую арену—и на этотъ разъ уже прямо изъ своей среды—группу господъ и безправную массу, на которой лежало тяжелое ярмо крѣпостничества“. [2]).

Повторилась еще разъ обычная исторія дифференціаціи общества на классы и сословія, свойственная всѣмъ

---

[1]) Лучицкій. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Сѣв. Вѣстн. 1889 г. № 1.

[2]) Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. (Рус. Бог. 1894 г. №№ 2—4.).

странамъ, прошедшимъ черезъ эпоху военнаго устройства государства: какъ древневѣковые короли раздавали земли рыцарямъ-феодаламъ, такъ дѣлали это и выборные войсковые гетманы храброй козачьей республики; какъ феодальные рыцари захватывали земли и закрѣпощали крестьянъ, такъ точно поступали и козацкіе „лыцари“, разные сотники и есаулы.

Какъ мы говорили, въ началѣ исторіи вольной Малороссіи почти не было юридическаго разграниченія между козацкой старшиной, рядовыми козаками и крестьянами: по крайней мѣрѣ, по отношенію къ войсковой землѣ всѣ обладали одинаковыми правами. Между крестьянами и козаками была лишь та разница, что „можнѣйшіе“ (богатые) писались въ козаки, а „подлѣйшіе“ (бѣдные) оставались мужиками, т. к. военная служба требовала больше средствъ. Однако, выдѣленіе козаковъ въ особое военное сословіе вскорѣ сказалось тѣмъ, что только они получили право участвовать въ политической жизни страны: въ концѣ XVII в. крестьяне теряютъ это право и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ запрещается переходъ въ другія сословія. Въ это же время происходитъ усиленная раздача гетманами войсковыхъ земель козацкой старшинѣ. Къ 30-мъ гг. XVIII в. распредѣленіе крестьянскихъ дворовъ, сидѣвшихъ на земляхъ разныхъ владѣльцевъ было:

	% дворовъ на земляхъ:
Частновладѣльческихъ . .	40,0
Монастырскихъ	25,1
Спорныхъ	5,4
На свободной войсковой и городской землѣ	13,5
Прочихъ (ранговыхъ, замковыхъ и т. д.)	16,0

Почти 70% крестьянъ поселилось уже въ „маетностяхъ“ тамошнихъ помѣщиковъ—державцевъ и на монастырскихъ земляхъ.

Выросшая такъ быстро крупная земельная собственность была, какъ и въ Россіи, троякаго происхожденія: во 1-хъ) она была пріобрѣтена путемъ гетманскихъ пожалованій—самый распространенный видъ пріобрѣтенія; во 2-хъ)—посредствомъ самовольнаго захвата волостныхъ и селенныхъ вольницъ и даже заселенныхъ земель; въ 3-хъ)—покупкой земель у крестьянъ и рядовыхъ козаковъ.

Первый примѣръ подали сотники— смотрители войсковыхъ земель, сами позволявшіе другимъ захватъ, потому-что принимали въ немъ непосредственное участіе. Кромѣ этого прямого захвата, земли прибирались старшиной къ рукамъ и косвеннымъ путемъ — посредствомъ заключки слободъ.

Выше было сказано, что съ конца XVII в. съ праваго берега Днѣпра хлынули на лѣвый толпы крестьянъ, раззоренныхъ войнами. Въ это самое время богатые люди и стали строить слободы, какъ нѣкогда ихъ строили богатые польскіе паны; слободы—это поселенія, владѣльцы которыхъ привлекали крестьянъ на свою территорію всякими льготами. Въ этихъ слободахъ и селились переселенцы и вскорѣ своимъ трудомъ обогатили владѣльцевъ пустовавшихъ прежде земель. Жители слободъ, конечно, захватывали въ окрестностяхъ всякую землю, а слободы часто закладывались и на войсковой землѣ.

Вообще, при всеобщей займанщинѣ, политически сильные элементы, конечно, могли захватить гораздо больше, чѣмъ болѣе слабые рядовые козаки. Недаромъ цитированный выше документъ указываетъ, что знатнѣйшіе и старѣйшіе обыватели первые „начали окопывать займы“ (обмежевывать захваченную землю). Точно также и въ кіевскую эпоху первые, проводившіе линіи и грани владѣльцы, первые создатели института частной земельной собственности были монастыри, князья и другіе крупные владѣльцы.

Захватъ земель сопровождался усиленіемъ повинностей, взимавшихся съ крестьянъ, поселившихся на бывшихъ войсковыхъ земляхъ, оказавшихся послѣ частно-владѣльческими „маетностями“. Крестьяне, даже купившіе свою землю либо выгонялись, либо на нихъ накладывались тяжелыя повинности. Вотъ жалоба одного крестьянина: „живу я въ маетности полковника Дурова въ с. Щербиничахъ, на грунтахъ, куплею мнѣ доставшихся, гдѣ спокойно жилъ многіе годы. Когда-же то село Щербиничи досталось полковнику, то староста его Щербиницкій Маджога, не видать съ какихъ причинъ, всѣмъ подданнымъ отказалъ такъ: ежели де хотите жить въ селѣ, то живите и подданства отбывайте повинности, только до грунтовъ (пахатной земли) не имѣйте дѣла, а если хочете, то куда хотите идите. И все поле засѣялъ на полковника. И по тѣхъ его словахъ, когда стали многіе расходиться, то я, собравъ свои пожитки, пошелъ было въ село Соловьевку: но тамъ догналъ меня Маджога и всю худобу отобралъ: коней 3 съ возомъ, коровъ 4, вола 2

и денегъ 20 рублей". Такимъ простымъ способомъ пріобрѣталась панская земельная собственность. Значительно была развита и скупка казачьихъ и крестьянскихъ земель; правительство Анны Іоанновны запретительнымъ указомъ 1739 г. пыталось было бороться съ этимъ зломъ, но неудачно. Всякій неурожай въ краѣ, всякое народное бѣдствіе, всякое несчастіе, случившееся въ той или иной семьѣ, по словамъ Филимонова, служили въ помощь старшинѣ. Если кто, нуждаясь въ деньгахъ, занималъ у державца деньги, а потомъ не могъ ихъ выплатить, то лишался своего участка.

Захвативши въ свои руки почти всю землю, малорусскіе „державцы" не останавливаются на этомъ, а, какъ и слѣдовало ожидать, создаютъ институтъ крѣпостного права: какъ и въ Россіи крѣпостное право явилось въ результатѣ а) эксплуатаціи крестьянскаго труда, которымъ выплачивалась рента за пользованіе помѣщичьими землями, б) раздачи ссудъ помѣщиками и возроставшей задолженности крестьянъ.

Барщинныя повинности, которыми крестьяне платили за господскія земли, возрастаютъ въ нѣсколько разъ. Если вначалѣ, при рѣдкомъ населеніи, въ слободы „закликались" крестьяне требованіемъ одного или двухъ дней барщины, то потомъ, со сгущеніемъ населенія, когда предложеніе земли стало съ избыткомъ покрываться спросомъ на нее, барщина выросла до четырехъ и пяти дней. Съ другой стороны, „къ концу первой четверти XVIII в. среди крестьянъ, а часто и козацкихъ сословій, подъ вліяніемъ многообразныхъ условій, создались многочисленные кадры людей, экономически несостоятельныхъ, не могущихъ своими силами справиться ни съ какимъ хозяйствомъ и нуждавшихся въ чужой помощи" (Мякотинъ), которая доставалась очень дорогой цѣной. Напримѣръ за 3 р. 50 к. деньгами и за лошадь цѣною въ пять рублей одинъ козакъ „семій рікъ" (седьмой годъ) ужъ работаетъ пану.

На развитіе крѣпостного права вліялъ также примѣръ русскихъ офицеровъ, расквартированныхъ въ Малороссіи полковъ, переносившихъ сюда крѣпостническія привычки; еще больше вліяло сосѣдство крѣпостнической Польши.

Закрѣпощеніе крестьянъ шло также быстро, какъ и вся исторія малорусскаго землевладѣнія. У нихъ еще оставалось право перехода (нашъ Юрьевъ день), но на всякую попытку къ переходу помѣщики начинаютъ смотрѣть, какъ на бѣгство, заваливаютъ всѣ инстанціи просьбами о поимкѣ бѣглецовъ и въ 1738 году добиваются отъ кабинета министровъ указа ловить ушедшихъ крестьянъ. Указъ этотъ былъ, впро-

чемъ, отмѣненъ съ воцареніемъ Елизаветы въ 1742 году, но положеніе крестьянъ фактически не стало лучшимъ, и въ 1760 г. гетманъ Разумовскій издалъ универсалъ, по которому право ухода оставалось въ зависимости отъ согласія владѣльца. Наконецъ, въ 1783 году Екатерина II издала свой извѣстный указъ, которымъ окончательно запрещался переходъ крестьянъ, каковымъ актомъ они прикрѣплялись къ своимъ владѣльцамъ „на вѣчно".

Такимъ путемъ, однородная масса малороссовъ разложилась на три класса: 1) господствующій-державцевъ, причисленныхъ вскорѣ къ дворянству и образовавшихъ въ концѣ XVIII в. кадры въ сто тысячъ человѣкъ, 2) свободныхъ полноправныхъ мелкихъ владѣльцевъ-рядовыхъ козаковъ и 3) крестьянъ, обращенныхъ въ безправныхъ крѣпостныхъ. Захватъ крупными владѣльцами войсковыхъ земель разрушительно дѣйствовалъ на сохранившіеся остатки родового и сябриннаго землевладѣнія. Скупая то и дѣло доли отчинъ и дѣлаясь со временемъ въ каждой изъ нихъ полными владѣльцами, малороссійская старшина, въ концѣ концовъ должна была разрушительно дѣйствовать на родовое заимочно-долевое владѣніе". (Филимоновъ) Вторгаясь въ территорію владѣнія рода, вельможный державецъ захватывалъ въ свои руки множество отдѣльныхъ участковъ, полосъ, благодаря чему создавалась огромная черезполосица. Для устраненія этой черезполосицы, дѣлавшей порой невозможнымъ веденіе хлѣбопашества, начались первые передѣлы, состоявшіе въ выдѣлѣ державческихъ долей владѣнія къ одному мѣсту. За войсковой старшиной потянулись на выдѣлъ богатые козаки (богатыри). Они получали въ одномъ отрубѣ, отводившемся обычно возлѣ ихъ жилища, площадь, составляющую, по размѣру, всю сумму прина лежавшихъ имъ долей. Наконецъ, и остальная масса козаковъ, въ силу необходимости, должна была перейти къ урегулированію своего землепользованія, при чемъ они получали свои доли не въ одномъ участкѣ, а въ нѣсколькихъ: пашня дѣлилась на три поля, каждое изъ полей разбивалось на нѣсколько „рѣзовъ", урочищъ, каждое урочище на „пляцы", пляцы на „чверки" и т. д. вплоть до мелкихъ полосъ „подѣловъ", которые и переходили во владѣніе сородичей и сябровъ, въ зависимости отъ права каждаго изъ нихъ на извѣстную долю участка. Благодаря этому, черезполосица становилась уже значительно болѣе урегулированной и не препятствовала болѣе или менѣе правильному трехполью, которое къ началу XIX в. смѣнило собой безпорядочное нестрополье, заступившее въ

свою очередь мѣсто переложной системы, господствовавшей при вольной займанщинѣ.

Черезполосно-долевое владѣніе не было ещэ общиннымъ: полосы дѣлились между совладѣльцами не по числу душъ, или работниковъ въ семьѣ, а по наслѣдственнымъ правамъ, или по праву купли—продажи участковъ. Въ южной Малороссіи землевладѣніе такъ и осталось на этой стадіи развитія до нашихъ дней. Въ сѣверной Черниговщинѣ помѣщики ввели тягловую разверстку среди своихъ крестьянъ въ 30—40 гг. XIX вѣка, а у государственныхъ ревизская разверстка была введена графомъ Киселевымъ. На югѣ царило еще относительное многоземелье—оно, несомнѣнно, вмѣстѣ съ вліяніемъ традицій козачества, привыкшаго къ вольницѣ, а также польско-литовскихъ правовыхъ нормъ, съ ихъ характернымъ принципомъ индивидуализаціи землевладѣнія, затормазило самопроизвольное развитіе общинъ.

Вотъ общія черты эволюціи малорусскаго землевладѣнія. Въ какихъ-нибудь полтораста лѣтъ малороссы прошли черезъ всѣ стадіи этой эволюціи, которыя европейское населеніе проходило въ два тысячелѣтія.

Мы видимъ, какъ обще-войсковая земля всего „товарищества“ дѣлится сначала по сотнямъ-волостямъ; какъ волостныя вольницы разбиваются по деревнямъ; какъ въ обще-деревенскія владѣнія, все глубже врѣзываются сначала сильные державцы, потомъ богатые козаки и наконецъ, рядовая масса, расхватывая, раздробляя общее достояніе на тысячи подворныхъ участковъ и полосъ. Во главѣ этого процесса индивидуализаціи землевладѣнія, какъ и всюду идутъ власть имущіе державцы—войсковая старшина. Какъ вездѣ, они пожалованіями, самовольнымъ захватомъ, скупкой, ростовщическими операціями, концентрируютъ въ своихъ рукахъ главную массу земель, которыя окапываютъ, отграничиваютъ межами, создавая институтъ частной земельной собственности. Пользуясь своей силой, властью и богатствомъ, они налагаютъ на крестьянскія массы ярмо-крѣпостного права и ставятъ непроходимыя сословныя перегородки. Въ этомъ процессѣ дифференціаціи нѣкогда однородной массы имъ, несомнѣнно, принадлежала выдающаяся роль.

Дифференціація малорусскаго населенія выразилась не только въ разграниченіи его на три сословія: державцевъ, рядовыхъ козаковъ и крестьянъ. Внутри каждаго сословія мы находимъ глубокое разслоеніе на богатыхъ и бѣдныхъ, на капиталистовъ и безусловныхъ пролетаріевъ. До насъ дошелъ замѣчательный историческій документъ, благодаря которому мы имѣемъ рѣдкій случай провѣрить на массовыхъ

данныхъ, насколько ошибочны представленія объ экономической однородности трудовыхъ массъ въ „патріархальную“ эпоху натуральнаго хозяйства. Этотъ документъ —такъ называемая Румянцевская опись. Румянцевская опись, или иначе „генеральная опись Малороссіи“, состоитъ изъ 148 фоліантовъ въ 1000 листовъ каждый и представляетъ изъ себя сохранившуюся до нашихъ дней половину подворной переписи, произведенной въ Малороссіи графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ въ 1765—69 гг. и позже, при чемъ переписью руководили офицеры русскихъ полковъ, стоявшихъ въ Малороссіи. Самый процессъ переписи описанъ современникомъ въ „Исторіи Руссовъ“ такими живописными чертами. „Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя (т. е. не исключая) никого и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ шеренгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ комиссіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другимъ не замѣшался. Скотъ обывательскій, держанный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачъ младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ комиссіонеровъ съ многочисленной ассистенціей. Послѣ людей (простыхъ Н. О.) и скотовъ, принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ“. Черниговскіе статистики, разработавшіе данныя Румянцевской описи и другіе изслѣдователи утверждаютъ, что перепись была произведена съ большой полнотой и достаточной точностью. По словамъ Багалѣя, „составъ семействъ былъ провѣренъ на мѣстѣ ревизорами, точно также, какъ и помѣщенія (жилыя и нежилыя). Количество поземельной собственности было опредѣлено до мельчайшихъ подробностей: перечисляются всѣ куски земли, принадлежащіе данному лицу, хотя бы они были ничтожной величины. Во всякомъ случаѣ, количество земли и посѣвовъ было опредѣлено довольно точно. [1]) Точность была необходима въ данномъ случаѣ, такъ какъ главной цѣлью переписи было опредѣленіе поземельныхъ правъ всѣхъ землевладѣльцевъ Малороссіи, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ, что было необходимо послѣ того, какъ періодъ „займанщины“ кончился и всѣ земли были расхвачены въ частную собственность. Въ моментъ переписи уже господствовало подворно—чрезполосное землевладѣніе и отъ селенныхъ и

1) Багалѣй. Генеральная опись Малороссіи. Кіевская Старина 1883 г. № 11, см. также Статист. Сборн. по Городницкому и Кролевецкому уѣздамъ Черниг. губ.

волостныхъ и вольницъ оставались сравнительно небольшія площади. Судя по семейному составу, сложныя семьи—задруги тоже уже значительно разложились къ моменту Румянцевской описи и средній составъ семьи былъ не особенно великъ сравнительно съ современнымъ. По Городницкому и Кролевецкому у. у. сравненіе группировки по семейно-рабочему составу даетъ такіе результаты:

	Кролевецкій у. 1767 г.	1883 г.	Городницкій у. 1765—8гг.	1883 г.
Средній размѣръ семьи (у козаковъ и кр-нъ) .	6,3	5,6	6,8	5,9
% дворовъ безъ раб. м. п.	7,8	8,2	7,0	7,2
Съ 1 работн. . .	55,1	61,1	53,0	61,4
„ 2 „ . .	24,4	23,4	25,1	23,9
„ 3 „ . .	8,0	6,2	9,4	6,4
„ 4-мя и болѣе рабоч.	4,4	1,1	5,5	1,1

Конечно, средняя семья въ эпоху Румянцевской описи была крупнѣе; въ особенности много было сложныхъ семей, съ 4-мя и болѣе работниками (въ 4—5 разъ больше, чѣмъ въ 1883 году), но всетаки разница къ семейно-рабочемъ составѣ не такъ ужъ была велика, чтобы не допускать сравненія данныхъ подворнаго распредѣленія земли и скота въ эти два момента, отдѣленныхъ промежуткомъ въ 115—118 лѣтъ. Данныя, для составленія группировки по экономическимъ организаціямъ, разработаны по 2-мъ у.у. Черниговской г. и 2-мъ у.у. Полтавской. (по послѣднимъ сопоставлены лишь въ части уѣздовъ). Сверхъ того, по Суражскому уѣзду Черниговской губерніи г. Филимоновымъ разработаны матеріалы Румянцевской описи, безъ сравненія ихъ съ земской подворной переписью.

Составители земскихъ статистическихъ сборниковъ по Городницкому и Кролевецкому у.у. приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы данныя обѣихъ переписей были вполнѣ сравнимы. И вотъ результаты ихъ работы, сведенные для большей наглядности въ меньшее число группъ.

А) Группировка по землепользованію.

Изъ 160 дворовъ.

Городницкій у.

		Безземел. и огородники (до 1 дес.)	1—5 д.	5—15 д.	15—25 д.	св. 25 д.
Казаки	1765—8 г.	17,3	8,4	28,4	15,6	30,3
	1883 г.	10,0	29,0	38,2	11,9	10,9

		Безземел. и огородники (до 1 дес.).	1—5 д.	5—15 д.	15—25 д.	св. 25 д.
Гос. кр.	1765—8 г.	22,9	16,7	17,6	32,2	10,6
	1883 г.	3,3	14,3	59,7	16,6	6,1
Помѣщ. кр-не	1765—8 г.	46,2	13,8	23,0	10,0	7,0
	1883 г.	8,9	39,4	46,7	3,5	1,5
Всего по уѣзду.	1765—8 г.	37,8	13,0	25,0	12,2	12,0
	1883 г.	7,7	30,7	48,2	8,7	4,7
Кролевецкій у.						
Казаки	1767 г.	17,8	14,3	31,5	16,2	20,2
	1883 г.	9,6	35,7	43,4	8,0	3,3
Гос. кр.	1767 г.	25,3	15,5	29,7	18,5	11,0
	1883 г.	1,9	35,2	45,4	4,7	2,8
Помѣщ. кр-не	1767 г.	40,7	18,2	25,6	10,5	5,0
	1883 г.	10,4	29,6	55,7	3,2	1,1
Всего по уѣзду.	1767 г.	28,2	16,1	28,9	13,9	12,9
	1883 г.	8,9	35,0	47,4	6,2	2,5

Б) Группировка по рабочему скоту.

Городницкій у.

		Безъ раб. скота.	Съ 1 гол.	2—3 гол.	4—5 гол.	6 и болѣе.
Казаки . .	1765—8 г.	20,4	14,9	22,0	17,5	25,2
	1883 г. .	20,4	12,8	44,9	15,1	6,8
Гос. кр-не .	1765—8 г.	26,4	21,2	29,0	12,5	10,9
	1883 г. .	15,1	15,5	51,6	13,6	4,2
Помѣщ. кр.	1765—8 г.	43,6	25,1	19,8	7,7	3,8
	1883 г. .	22,8	18,0	47,8	9,7	1,7
Всего по у.	1765—8 г.	37,0	22,6	21,2	10,3	8,9
	1883 г. .	20,3	16,3	48,1	11,8	3,5
Кролевецкій у.						
Всего по у.	1767 г.	35,9	19,5	26,4	18,2	—
	1883 г.	22,6	17,2	48,6	11,6	—

По Суражскому уѣзду мы приводимъ только данныя Румянцевской описи, разработанной г. Филимоновымъ, которыя, въ общемъ, даютъ такую же картину, какъ и по 2 предыдущимъ уѣздамъ.

	% дворовъ.				
	Беззем. и огор. до 1 дес.	1—5 дес.	5—15 дес.	15—25 дес.	Св. 25 дес.
Казаки	49,9	1,8	45,2	19,0	9,1
Гос. кр-не. . . .	24,7	23,4	41,6	7,5	2,8
Помѣщ. кр-не . . .	39,0	29,2	32,5	5,5	0,8
По уѣзду	33,3	22,1	36,0	6,8	1,8

	Безъ раб. скота.	Съ 1 гол.	2—3 гол.	4—5 гол.	6 и болѣе
Казаки.	10,0	10,4	27,6	25,3	26,7
Гос. кр-не . . .	17,3	20,5	32.1	17,6	12,5
Помѣщ. кр-не . .	20,9	22,9	30,4	13,5	12,3
По уѣзду . . .	19,3	21,6	30,8	15,3	13,0 [1])

Въ первой части нашего труда мы указывали, что логически мыслимы четыре главныхъ вида процессовъ эволюціи распредѣленія: 1) тотъ процессъ, который г. Черненковъ называетъ „общей *подвижкой вверхъ*“ и который состоитъ въ сокращеніи нижнихъ безземельныхъ, малоземельныхъ, безлошадныхъ и т. д. слоевъ и въ соотвѣтственномъ увеличеніи верхнихъ—многоземельныхъ и многолошадныхъ; 2) процессъ *подвижки внизъ*, обратный первому, когда нижніе слои увеличиваются за счетъ верхнихъ; 3) *нивеллировки*, когда крайніе слои—нижніе и верхніе сокращаются, а средніе возрастаютъ и 4) *дифференціаціи*, когда нижніе и верхніе слои—крайніе слои—„пролетаріевъ“ и „капиталистовъ“, по терминологіи гг. марксистовъ, увеличиваются, за счетъ среднихъ.

Для того, чтобы вполнѣ наглядно представить, какого именно характера былъ процессъ эволюціи распредѣленія средствъ производства, происшедшій въ средѣ трудового населенія Черниговской губерніи за 115 лѣтъ, мы сводимъ крайніе и средніе слои въ двѣ группы: а) крайніе: безземельные и свыше 25 дес., безъ рабочаго скота и имѣющіе свыше 6 головъ; б) средніе: имѣющіе 1—25 десятинъ и 1—5 головъ рабочаго скота.

---

1) Кромѣ этихъ данныхъ, Лазаревскій въ одной своей работѣ (Малороссійскіе посполитные крестьяне) Записки Черниг. губ. стат. приводитъ матеріалы Румянцевской переписи по 3 селамъ, сводка которыхъ даетъ такія процентныя отношенія (груп. по рабоч. скот.):

	Безъ раб. скота.	Съ 1 гол.	2—3 гол.	4—5 гол.	6 и болѣе
Казаки . .	7,1	4.8	23,8	19,1	45.2
Крестьяне .	31.7	3,0	18,3	19.6	27,4
Всего . .	26,7	3,4	19,4	19,4	31,1

Городницкій у.

		Сумма крайн слоевъ		Сумма средн слоевъ	
		По землѣ	По раб скот.	По землѣ	По раб скот.
Казаки . .	1765—8 г	47,6	45,6	52,4	54,4
	1883 г	20,9	27,2	79,1	72,8
Гос. кр-не .	1765—8 г	33,5	37,3	66,5	62,7
	1883 г	9,4	19,3	90,6	80,7
Помѣщ кр	1765—8 г	53,2	47,4	46,8	52,6
	1883 г	10,4	24,5	89,6	75,5
Всего по у.	1765—8 г.	49,8	45,9	50,2	54,1
	1883 г. .	12,4	23,8	87,6	76,2

Кролевецкій у.

		Сумма крайнихъ слоевъ.	Сумма среднихъ слоевъ.
		По землѣ	
Казаки . .	1765—8 г.	38,0	62,0
	1883 г. .	12,9	87,1
Гос. кр-не .	1765—8 г.	36,3	63,7
	1883 г. .	4,7	95,3
Помѣщ кр	1765—8 г	45,7	54,3
	1883 г.	11,5	88,5
По уѣзду .	1765—8 г.	41,1	58,9
	1883 г.	11,4	87,6

Эта таблица показываетъ достаточно ясно, что къ концу XIX в въ распредѣленіи средствъ производства мы наблюдаемъ несомнѣнную и рѣзкую *нивеллировку*: крайніе слои во всѣхъ рѣшительно разрядахъ трудовой массы сократились отъ 2-хъ до 4-хъ разъ, соотвѣтственно возрасли средніе. Такимъ образомъ, процессъ дифференціаціи оказывается *въ прошломъ*, а не въ настоящемъ, оказывается присущимъ именно *натуральному* хозяйству и формамъ пользованія, только-что покончившимъ со стадіей захватнаго права.

Господинъ Черненковъ, сводя разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ опредѣленія гг. марксистовъ, по данному вопросу, считаетъ, что процессъ дифференціаціи долженъ быть, съ ихъ точки зрѣнія, характеризованъ слѣдующими пятью признаками; 1) онъ долженъ быть „дву-стороннимъ“, т. е. крайнія группы должны расти на счетъ среднихъ 2) „При двусторонности даннаго процесса, хотя и предполагается, что высшія группы всегда составляютъ лишь меньшинство населенія, однако, это меньшинство представляется довольно многочисленнымъ; во всякомъ случаѣ, здѣсь идетъ рѣчь

о цѣломъ „слоѣ“ или „классѣ“, а не объ отдѣльныхъ, выдѣляющихся изъ общей массы, зажиточныхъ крестьянахъ“. 3) Пролетаризація—капитализація должны охватывать земледѣльческое производство. Ростовщичество-кулачество не есть еще признакъ капитализаціи земледѣльческаго производства. Классъ капиталистовъ долженъ стягивать къ себѣ все большія доли земли и прочихъ средствъ производства: скота, посѣвовъ, орудій, наемныхъ батраковъ и т. д. 4) Процессъ дифференціаціи признается явленіемъ, главнымъ образомъ, „внутри общиннымъ“, а не заключается, напримѣръ, въ болѣе или менѣе общемъ подъемѣ благосостоянія крестьянства въ однихъ мѣстахъ и упадка его въ другихъ. 5) Крайніе слои должны представляться крѣпкими, устойчивыми, средніе—неустойчивыми, рыхлыми, колеблющимися, подверженными быстрому „вымыванію“, подобно скаламъ изъ рыхлаго камня, которыя въ нѣсколько лѣтъ разрушаетъ морская волна. Если взглянуть на разслоеніе крестьянъ и казаковъ Черниговской губерніи въ XVIII вѣкѣ, то мы увидимъ, что всѣ 5 признаковъ дифференціаціи существовали именно въ эту эпоху.

1) Мы встрѣчаемъ здѣсь развитую двустороннюю дифференціацію, при чемъ крайніе слои охватывали около половины дворовъ. Эти слои, сравнивая ихъ съ современными, нѣсомнѣнно, росли за счетъ среднихъ. 2) Высшія группы составляютъ такое солидное меньшинство, что ихъ безусловно можно назвать „классомъ“ капиталистовъ. Такъ на 100 дворовъ безземельныхъ, приходилось дворовъ, имѣющихъ 25 и болѣе десятинъ:

По Городницкому у. . . 32 двора.
„ Кролевецкому „ . . 46 „

На 100 дворовъ безъ рабочаго скота:

По Городницкому у. . . 52 двора.
„ Кролевецкому „ . . 50 „

Очевидно, что многочисленные „капиталисты“ находили вполнѣ достаточное количество пролетаріата. Что капиталистовъ тогда было больше, чѣмъ теперь,—это видно и изъ прямыхъ данныхъ о количествѣ дворовъ, нанимающихъ батраковъ и подсосѣдковъ (безземельныхъ крестьянъ). Въ 1767 году въ Кролевецкомъ у. казаковъ и крестьянъ, нанимающихъ батраковъ и подсосѣдковъ было 12,5%, а въ 1883 г. только 5,8%; на 100 наличныхъ душъ наемныхъ работниковъ и подсосѣдковъ приходилось въ 1767 году 4,8, въ 1883 году—1,3. Что пролетаризація, капитализація въ XVIII в. не имѣла только ростовщическаго характера, а охватывала именно земледѣльческое производство—видно, конечно, изъ

многочисленности верхнихъ слоевъ. Въ Кролевецкомъ уѣздѣ въ 33 селеніяхъ, по которымъ разработаны данныя Румянцевской описи, въ 1767 году, было всего 29,3 тысячи десятинъ пашни и сѣнокоса, которыми пользовались рядовые казаки и крестьяне; изъ нихъ дворамъ, имѣвшимъ свыше 17 десятинъ, принадлежало 14,1 тысячи десятинъ, т. е. 48,3%. Въ 1883 году эта группа владѣла только 9 тысяч. изъ 50,6 тыс. десятинъ всѣхъ, т. е. лишь 17,3%. Отсюда видно, какая значительная концентрація средствъ производства въ верхнихъ слояхъ наблюдалась въ XVIII вѣкѣ.

4) Что двусторонняя дифференціація была явленіемъ не только внутрисословнымъ, но и внутриобщиннымъ—видно изъ приведенныхъ фактовъ и изъ данныхъ по Суражскому уѣзду, гдѣ приведены % безземельныхъ по отдѣльнымъ сословіямъ, а именно:

% безземельныхъ:

	Въ 1767 г.	Въ 1883 г.
С. Макаричи . . .	36,0	7,5
Заборье . . .	17,6	1,9
Антоновка . . .	15,2	2,9
Батуровка . . .	20,0	4,4
Хормынка . . .	45,0	1,1
Перелазы . . .	23,0	9,5
Палужская Рудня .	41,7	3,2
Ширки	27,8	2,1
Попова Гора . . .	30,4	3,6
Кашковка . . .	17,6	2,3
Версличи . . .	17,2	1,6
Селецъ , ...	21,7	2,7
Яловка	23,0	2,9
Увелье	18,0	2,1
Кожаны	20,7	2,1
Неглюба	28,2	1,6
Верещики. . . .	17,6	0,7
Несвоевка	41,4	3,3
Вихолка	31,3	3,0
Богородицкое . .	14,6	7,3
Голубово	43,9	6,2
Старая Гута . . .	20'5	5,3

Въ сборникѣ по Суражскому уѣзду приведены списки дворовъ, владѣвшихъ въ ту эпоху совершенно различнымъ количествомъ земли, независимо отъ ихъ семейнаго и рачаго состава.

5) Наконецъ, устойчивость крайнихъ слоевъ и неустойчивость среднихъ обусловливались не только экономиче-

скимъ, но и политическимъ состояніемъ того историческаго момента, когда „патріархальные середняки" подвергались безпрестанному вымыванію подъ вліяніемъ развивавшагося крѣпостного права и безцеремоннаго захвата ихъ имущества со стороны зажиторныхъ слоевъ.

Итакъ, современныя данныя свидѣтельствуютъ, что за 115 лѣтъ распредѣленіе средствъ земледѣльческаго производства и у крестьянъ, у которыхъ въ 40-хъ годахъ была введена община и у казаковъ, у которыхъ общины никогда не было,—стало несравненно болѣе уравнительнымъ, т. е. что процессъ эволюціи распредѣленія въ нихъ средѣ не можетъ быть названъ иначе, чѣмъ глубокой нивеллировкой.

Нѣсколько иного характера была эволюція распредѣленія въ Полтавской губерніи. Здѣсь мы, прежде всего, обладаемъ массовыми данными по Прилуцкому полку, приведенными у Лазаревскаго, [1]) и относящимися къ 1740 году, т. е. эпохи болѣе ранней, чѣмъ Румянцевская опись. Переведя абсолютныя цифры на процентныя отношенія, получимъ:

	Проценты.					
	Казаки.			Крестьяне.		
	Дворовъ.	Хатъ.	Семействъ.	Дворовъ.	Хатъ.	Семействъ
Грунтовыхъ и средне-грунт. (зажиточ.)	1,1	1,2	1,2	0,2	0,3	0,3
Мало-грунт. (среднихъ)	21,1	21,2	21,2	7,1	7,3	7,4
Убогихъ (воловъ и лошадей имѣющ.) .	27,7	25,0	24,9	23,0	23,2	23,3
Весьма нищетн.	44,0	34,4	34,1	69,4	62,5	62,3
Подсосѣдковъ .	6,1	18,2	18,6	0,3	6.7	6,7

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какіе размѣры землепользованія скрываются подъ терминами „грунтовые", „малогрунтовые" и т. д. Эта табличка можетъ дать указанія лишь о размѣрахъ слоя, неимѣющаго рабочаго скота, который, повидимому, именовался „весьма нищетнымъ", а также форменныхъ пролетаріевъ-подсосѣдковъ, почти не имѣвшихъ своихъ дворовъ, ютившихся въ хатахъ зажиточныхъ и жившихъ, главнымъ образомъ, „зажономъ", т. е. батрачествомъ на поляхъ своихъ сосѣдей. Судя по числу семействъ, „весьма нищетныхъ" у казаковъ была третья часть, а у крестьянъ двѣ трети. Подсосѣдковъ у казаковъ было относительно втрое больше, чѣмъ у крестьянъ, что понятно, такъ какъ казаки, болѣе обезпеченные землей, нуждались въ большемъ количествѣ батраковъ.

[1]) См. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи.

Въ общемъ, эти данныя мало любопытны, какъ по своей неопредѣленности, такъ и потому, что ихъ нельзя сравнить съ современными. Сравненіе допускаютъ матеріалы Румянцевской описи, опубликованные по селеніямъ Золотоношскаго уѣзда въ сыромъ видѣ г. Лучицкимъ (относительно только казаковъ) и въ разработанномъ—по 13 волостямъ Полтавскаго уѣзда г. Мякотинылъ (только крестьяне). [1]) Мы произвели подсчетъ матеріаловъ, опубликованныхъ г. Лучицкимъ съ цѣлью сопоставленія ихъ съ данными земскихъ подворныхъ переписей по тѣмъ же селеніямъ за 1885 и 1900 годы. Получились такіе результаты:

А) Группировка по пахатной землѣ.

Казаки (% дворовъ).

	Безпах.	До 1 д.	1—3	3—6	6—9	9—15	15—20	20—50	Св. 50 д.
1767 г.	16,8	1,5	6,9	6,3	5,7	14,1	8,4	27,8	12,5
1885 „	22,7	5,7	20,8	22,1	12,0	9,2	2,9	4,1	0,5
1900 „	22,4	7,2	21,8	21,4	10,9	8,7	5,0	2,2	0,4

Группировка по рабочему скоту.

	Безъ раб. скота.	Съ 1 гол.	2—3 гол.	4—6 гол.	7 и болѣе.
1767 г. .	13,8	7,9	24,4	23,4	30,5
1885 „ .	30,0	14,3	34,4	17,7	3,6
1900 „ .	27,9	19,3	36,5	14,6	1,7

Перепись 1885 г. даетъ, сравнительно съ данными Румянцевской описи, скорѣе общую подвижку внизъ, т. к., при весьма значительномъ сокращеніи верхнихъ слоевъ, нижніе слегка увеличились въ группировкѣ по пахатной землѣ и значительно въ группировкѣ по рабочему скоту.

Надо замѣтить вообще, что въ XVIII вѣкѣ, судя по Румянцевской описи, число безземельныхъ и безпахатныхъ хозяйствъ было значительно болѣе числа хозяевъ, не имѣющихъ рабочаго скота. Въ настоящее время наблюдается обратное явленіе. Въ XVIII вѣкѣ содержать скотъ, благодаря обилію пастбищъ, было гораздо легче: теперь же отсутствіе кормовыхъ средствъ заставляетъ хозяевъ, даже имѣющихъ собственную небольшую запашку, предпочитать наемъ рабочей скотины у сосѣдей.

Г. Мякотинъ подвергъ разработкѣ данныя о крестьянахъ по 13 волостямъ Полтавскаго уѣзда отдѣльно, по тогдашнимъ разрядамъ: ранговыхъ, городскихъ, монастырскихъ, у крупныхъ и у мелкихъ частныхъ владѣльцевъ. Сопоставленія съ земскими переписями онъ не сдѣлалъ, и намъ за него пришлось произвести эту работу.

[1]) Мякотинъ. Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ 1767 году (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета Св. Владиміра).

А) Группировка по пахатной землѣ.

(% дворовъ).

		Безнах. и до 1 дес.	1—3 дес.	3—6 дес.	6—9 дес.	9—15 дес.	15—20 д.	Св. 20 д.	Абсолют. число дворовъ.
1767 г.	Ранговые .	47,8	11,1	12,2	7,4	10,7	3,7	7,1	270
—	Монастырск.	73,2	12,9	8,7	2,2	1,4	0,5	1,1	560
—	Магистратск.	56,4	19,9	17,7	3,5	1,6	0,6	0,3	317
1883 г.	Казенные .	10,2	15,3	29,5	28,3	11,0	1,6	4,1	1057
1767 г.	Владѣльч. у крун. влад.	48,2	12,6	19,5	9,8	6,6	1,9	1,4	2857
—	Тоже, у мелк. влад. . .	88,8	4,5	2,9	1,9	1,4	0,2	0,3	581
1883 г.	Бывшіе владѣльческ.	40,6	18,9	33,5	5,6	1,6	0,3	0,5	6314
1900 г.	Бывшіе владѣльческ.	41,9	32,0	21,3	4,3	1,7	15—25 д. 0,6	Св. 25. 0,2	7096

Б) Группировка по рабочему скоту

		Безъ рабоч. ск.	Съ 1 г.	2	3	4—5	6—10	11 и болѣе.
	Ранговые . . .	29,6	7.4	23,3	10,0	14,5	9,6	5,6
	Монастырскіе. .	35,4	11,2	29,5	5,0	12,3	5,7	0,9
	Магистратскіе .	32,5	13,6	27,1	6,9	12,0	7,3	0,6
1767 г.	Владѣльческіе у крупн. влад. .	26,8	13,1	25,3	11,9	14,4	7,2	1,3
	У мелкихъ владѣльцевъ . .	57,1	13.6	17,1	4,1	5,7	1,7	0,7

		Безъ рабоч. скота.	Съ 1 г.	2—3	4—5	6 и болѣе.
1883 г.	Казенные . . .	27,6	13,9	39,2	14,0	5,3
	Владѣльческіе .	41,2	17,0	32,4	7,2	2,2

					4—6 г.	7 и болѣе.
1900 г.	Владѣльческіе .	40,0	21.7	31,3	6,3	0,7

Крестьянскіе разряды эпохи Румянцевской описи и современные не вполнѣ сравнимы, благодаря тому, что г. Мякотинъ подвергъ матеріалы описи дробному подсчету. Тѣмъ не менѣе, изъ нашего сопоставленія можно заключить, что процессъ эволюціи распредѣленія у Полтавскихъ крестьянъ за истекшее столѣтіе скорѣе всего подходитъ подъ понятіе *нивеллировки*. Такъ, нижніе слои въ группировкѣ по пахатной землѣ сократились всюду; сократились и верхніе, если

для казенныхъ крестьянъ принять въ разсчетъ ранговыхъ, а для помѣщичьихъ—у крупныхъ владѣльцевъ. Въ группировкахъ по скоту, верхніе слои сократились весьма значительно; нижніе уменьшились у казенныхъ крестьянъ; у владѣльческихъ, вѣроятно, процентъ дворовъ безъ рабочаго скота, въ общемъ нѣсколько повысился, что даетъ поводъ предполагать, въ данномъ случаѣ, подвижку внизъ.

Въ общемъ итогѣ, мы можемъ смѣло сказать, что Румянцевская опись окончательно устанавливаетъ фактъ *большей разслоенности крестьянства въ дореформенную эпоху.* Конечно, выводы изъ приведенныхъ данныхъ мы не рискуемъ распространить на всю Великороссію, т. к. въ Малороссіи, въ XVIII вѣкѣ еще слишкомъ были замѣтны слѣды „займанщины"— захватнаго права, при которомъ, какъ мы не разъ замѣчали, дифференціація народныхъ массъ достигаетъ наивысшей интенсивности. Захватное право царитъ при переложной системѣ земледѣлія, которая, проходя черезъ неурегулированное пестрополье, трансформируется въ трехпольный сѣвооборотъ. Румянцевская опись была произведена именно въ моментъ ломки переложной системы. Можно предполагать, что и въ Великороссіи, въ тѣхъ раіонахъ. гдѣ въ дореформенную эпоху еще происходила такая же трансформація переложной системы. и вольнаго захвата, т. е. на юго и сѣверо-востокѣ—разслоеніе крестьянъ было также значительнымъ, что и подтверждаютъ приведенные въ предыдущихъ §§ отрывочные факты. Что же касается до центральныхъ областей, гдѣ трехполье *уже* укоренилось вполнѣ, гдѣ захватное право смѣнилось передѣльной общиной—тамъ распредѣленіе средствъ земледѣльческаго производства было гораздо болѣе уравнительнымъ, чѣмъ въ Малороссіи въ концѣ XVIII вѣка.

Кромѣ Румянцевской описи, охватившей восточную половину Малороссіи, у насъ есть нѣкоторыя данныя о распредѣленіи земли и скота среди крестьянъ Малороссіи западной (юго-западнаго края), которая въ XVIII столѣтіи была еще подъ властью Польши. Богатый матеріалъ, но совершенно не разработанный, могутъ здѣсь дать „инвентари"—переписи, устраиваемыя, какъ и наши въ Московскую эпоху, для распредѣленія повинностей сообразно имуществу. Антоновичъ въ „архивѣ юго-западной Россіи" (томъ II часть VI) приводитъ инвентари нѣкоторыхъ деревень Кіевской области (подгородныхъ у. г. Кіева) за 1757 годъ. Мы подсчитали матеріалы по 7-ми деревнямъ съ 167 дворами.

Группировка по рабочему скоту.

% дворовъ.

Безъ рабоч. скота.	Съ 1 гол.	2	3	4	5 и болѣе.
39,5	16,2	19,2	5,9	7,8	11,4

Если сравнивать эти данныя съ матеріалами Румянцевской описи, то можно предположить, что населеніе западной Малороссіи было, въ общемъ, значительно бѣднѣе, чѣмъ въ восточной. Такъ, вѣроятно, и было, по крайней мѣрѣ, относительно владѣльческихъ крестьянъ. Это подтверждается массовыми цифрами, приводимыми Фундуклеемъ по инвентарю 1845 года по Кіевской губерніи [1]).

% дворовъ:

Тягловыхъ, имѣющихъ не менѣе 1 пары рабоч. скота	23,5
Полутягловыхъ съ 1 гол. рабоч. скота . .	6,9
Пѣшихъ (безъ рабочаго скота)	55,8
Огородниковъ (безъ пашни)	8,5
Бобылей	5.6

Хозяйства безъ рабочаго скота составляли 69,6% всѣхъ.

Въ 1888 году военно-конская перепись, охватившая не весь рабочій скотъ, а только лошадей, дала такую группировку:

% дворовъ;

Съ 2 и болѣе голов. рабоч. лошадей .	24,3
„ 1 голов.	10,1
Безъ рабочихъ лошадей . . .	65,6

Если принять въ разсчетъ, что многіе дворы безъ рабочихъ лошадей, имѣютъ, въ Кіевской губ. рабочихъ воловъ, то надо полагать, что процентъ хозяевъ безъ рабочаго скота за время съ 1845 по 1888 гг. довольно значительно уменьшился [2]).

Размѣры земельныхъ надѣловъ Фундуклей опредѣляетъ такими цифрами въ юго-западномъ краѣ.

Надѣлы тяглыхъ хозяйствъ:

	Наибольшіе.	Наименьшіе.	Преобладающіе.
Кіевская губ. .	9—16	1—5	6—9
Подольская губ. .	10—23	$1\frac{1}{2}$—5	$6\frac{1}{2}$
Волынская губ. .	$15\frac{1}{2}$—54	1—5	$6\frac{1}{2}$—12

[1]) Заимствовано у Осадчаго: „земля и земледѣлецъ въ юго-западномъ краѣ“, процентныя отношенія измѣнены т. к. въ учетъ введены бобыли.

[2]) Хотя эти данныя не вполнѣ сравнимы, т. к. въ 1888 году мы имѣемъ свѣдѣнія о всѣхъ крестьянахъ безъ раздѣла ихъ на владѣльческихъ и государственныхъ.

Надѣлы пѣшихъ хозяйствъ:

	Наибольшіе.	Наименьшіе.	Преобладающіе.
Кіевская губ. .	4—9½	1—3	4—6½
Подольская .	5—10	1—2½	3¼—4
Волынская .	6—20	⅙—2¼	3¼—6½

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ по всѣмъ 3-мъ губерніямъ юго-западнаго края въ 50-хъ годахъ распредѣленіе дворовъ было:

Тягловыхъ . . .	34,6
Пѣшихъ . . .	48,7
Огородниковъ. . .	9,3
Бобылей . . .	7,4

Процентъ дворовъ безъ рабочаго скота по всѣмъ тремъ губерніямъ тоже великъ—65,4.

Совсѣмъ иную картину даетъ группировка по рабочимъ лошадямъ, имѣющаяся по одной Гродненской губерніи сѣверо-западнаго края (1860 г.) [1].

Государственные крестьяне.

% дворовъ:	
Безъ рабочихъ лошадей .	6,8
Съ 1—2 голов. . . .	29,1
„ 3—4 „ . . .	46,0
„ 5—9 „ . . .	15,2
„ 10 и болѣе . . .	2,9

Сравнительно съ приведенными выше цифрами, мы наблюдаемъ здѣсь очень значительную подвижку вверхъ, что указываетъ на громадную разницу въ степени благосостоянія помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ.

Вотъ всѣ болѣе или менѣе разработанныя статистическія данныя, которыми мы пока обладаемъ для рѣшенія вопроса о степени разслоенности крестьянъ въ Малороссіи въ дореформенную эпоху. Разработана еще ничтожная часть всѣхъ сырыхъ матеріаловъ. Такъ не использовано еще и половины Румянцевской описи; не использованы и западнорусскіе инвентари. Но всетаки здѣсь мы имѣемъ кое-какія попытки использовать эти, въ высшей степени, важные историческіе источники. Гораздо хуже положеніе дѣла относительно великорусскихъ матеріаловъ. По Великороссіи для государственныхъ крестьянъ своей очереди дожидаются дворцовая опись 1732 г. и позднѣйшая кадастровая опись (1842—62 гг.), охватившая ни много, ни мало, какъ 234 уѣзда; для

[1] См. матеріалы для географіи и статистики Россіи (труды офицеровъ Генеральнаго штаба).

помѣщичьихъ крестьянъ—сохранившіяся описи отдѣльныхъ имѣній, на которыя указывалъ П. Б. Струве въ своей статьѣ —„крѣпостная статистика“. Дождутся ли очереди эти матеріалы—мы не знаемъ: въ настоящій моментъ интересы нашей интеллигенціи уклонились далеко въ сторону отъ рѣшенія судебъ аграрнаго вопроса. Но и имѣющіяся въ наличности разработки достаточны для того, чтобы опрокинуть такъ долго державшееся иллюзорное представленіе о дифференцирующей роли капитализма, якобы вторгнувшагося въ нашу деревню послѣ освободительной реформы.

§ 6) Причины паденія крѣпостного права.

Все, что мы изложили выше, показываетъ намъ, что дореформенная эпоха есть эпоха максимальной концентраціи землевладѣнія и развитія крупнаго товарнаго хозяйства. Начиная отъ московскаго центра и кончая вольной Малороссіей, Новороссіей и далекимъ Пріуральемъ, концентрическими кругами разростаются дворянскія вотчины въ десятки и сотни тысячъ десятинъ. Къ серединѣ XIX в. начинается уже обратный процессъ—дробленія имѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ возростаетъ, укрупняется товарное хозяйство помѣщиковъ. Вотъ въ этомъ то развитіи крупнаго товарнаго хозяйства и видятъ нѣкоторые историки марксистскаго направленія главную причину паденія крѣпостного права. „Въ новѣйшее время такъ называемая „матеріалистическая“ исторіографія выдвинула объясненіе, которое пока имѣетъ значеніе лишь предварительной развѣдки, но которое имѣетъ всѣ шансы стать со временемъ вполнѣ научной гипотезой. Объясненіе это заключается въ томъ, что въ 50-хъ гг. освобожденіе крестьянъ *отвѣчало правильно понятымъ интересамъ самихъ владѣльцевъ крѣпостного труда*“.

„Для всякаго разсуждающаго хозяина замѣна внѣ-экономическаго принужденія экономическимъ, или, какъ тогда красиво выражались, принудительнаго труда вольнымъ, являлась самымъ очереднымъ вопросомъ. Буржуазное хозяйство требовало и новаго буржуазнаго права въ деревнѣ“ [1]).

Этотъ взглядъ проводится наиболѣе выдяющимся представителемъ матеріалистической „исторіографіи“—г. Рожковымъ. Въ своей брошюрѣ „Городъ и Деревня“ г. Рожковъ выставляетъ двѣ главныхъ причины паденія крѣпостного права: 1)—развитіе обрабатывающей промышленности, 2)—развитіе крупнаго товарнаго (денежнаго) хозяйства помѣщиковъ. „Денежное хозяйство въ своемъ развитіи привело къ

[1]) Исторія Россіи въ XIX в. изд. Гранатъ т. 3 статья Покровскаго „Крестьянская реформа“ стр. 72 и 74.

техническимъ усовершенствованіямъ въ земледѣліи, а эти усовершенствованія сдѣлали невыгоднымъ для дворянства, крестьянъ и самого государства крѣпостной трудъ и вызвали его замѣну трудомъ вольнонаемнымъ: замѣна же крѣпостного труда вольнонаемнымъ и означала какъ разъ уничтоженіе крѣпостного права" (стр. 71).

Что касается развитія индустріи, то мы въ данномъ случаѣ не будемъ спорить съ авторомъ. Крѣпостной трудъ на фабрикахъ оказался дѣйствительно невыгоднымъ, а владѣлецъ его дворянинъ—неприспособленнымъ для руководства фабричнымъ предпринимательствомъ. Поэтому, къ началу XIX в., помѣщикъ—дворянинъ вытѣсняется новымъ хозяиномъ фабрикъ—купцомъ, а крѣпостной рабочій—вольнонаемнымъ. Но даже къ 1858 г. число фабричныхъ рабочихъ не достигало 550 тысячъ, тогда какъ на помѣщичьихъ поляхъ работали десятки милліоновъ крѣпостныхъ—барщинниковъ (не менѣе 15 милліоновъ душъ обоего пола); т. е. индустрія составляла еще малозамѣтную величину во всемъ крупномъ производствѣ страны и ея развитіе далеко не было способно пошатнуть устои крѣпостничества.

Въ области же крупнаго сельско-хозяйственнаго производства убѣжденіе, что вольно-наемный трудъ былъ болѣе выгоднымъ для владѣльцевъ, является, какъ мы уже говорили, крайне слабо обоснованной гипотезой. Вольнонаемный трудъ распространялся въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ было рѣдкое населеніе, куда новые владѣльцы не могли или не успѣли переселить своихъ крѣпостныхъ изъ центральныхъ губерній. Такъ было въ Херсонской, отчасти Екатеринославской и Таврической губ.—вообще въ Новороссіи; такъ было въ Самарской губ.—т. е. на южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ, гдѣ только еще начиналось земледѣліе и господствовала самая экстенсивная переложная система полеводства.

А между тѣмъ, г. Рожковъ рискуетъ увѣрять, что именно техническія усовершенствованія, которыя будто бы дворянство широко вводило въ своихъ имѣніяхъ и заставили помѣщиковъ прибѣгать къ вольнонаемному труду. На самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовали самыя экстенсивныя системы земледѣлія—вольно-наемный трудъ получилъ широкое распространеніе, а въ центральныхъ раіонахъ, гдѣ только и встрѣчаются нѣкоторыя попытки интенсификаціи земледѣлія—примѣненіе вольнаго труда было крайне рѣдкимъ исключеніемъ [1]). Но и въ

[1]) Единственный случай, когда примѣненіе вольно-наемнаго труда развилось параллельно съ техническими усовершенствованіями, наблюдается на свекловичныхъ плантаціяхъ западно-малорусскаго раіона. По

центрѣ „прогрессивныя теченія“ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ были настолько ничтожны, что не могли оказать сколько нибудь замѣтнаго вліянія на общую систему земледѣлія, которая не только тогда, но даже и теперь еще остается въ большинствѣ случаевъ, на стадіи трехпольнаго сѣвооборота.

Итакъ, г. Рожковъ основываетъ свой выводъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права на двухъ совершенно необоснованныхъ положеніяхъ: 1) на широкомъ распространеніи техническихъ усовершенствованій въ крупно-владѣльческихъ хозяйствахъ, котораго въ дѣйствительности не было; 2) на распространеніи вольно-наемнаго труда, котораго также не было. Другой представитель русскаго марксизма г. Лосицкій также указываетъ на глубокую неправильность разсужденій г. Рожкова. „Воспользовавшись трафаретомъ, снятымъ имъ съ развитія промышленности, онъ перенесъ его прямо въ область сельскаго хозяйства, а не вывелъ изъ фактовъ“. Онъ какъ-бы забылъ, что въ области промышленности сильное повышеніе уровня техники было, дѣйствительно, совершившимся фактомъ, и не попытался доказать ничего подобнаго для земледѣлія. Заимствовавъ по этому вопросу нѣсколько интересныхъ фактовъ у Струве, онъ и не подумалъ доказать ихъ общераспространенность. А только при этомъ условіи частный вопросъ отдѣльныхъ лучшихъ хозяйствъ могъ стать общимъ вопросомъ развитія общаго хозяйства. Приведенныя имъ далѣе фактическія данныя не стоятъ ни въ какой связи съ его тезой. Примѣры болѣе доходныхъ хозяйствъ съ вольнонаемнымъ трудомъ ничѣмъ не показываютъ, что техника въ нихъ была выше; а по отношенію къ распространенію барщиннаго хозяйства господину Рожкову удалось показать только его устойчивость въ земледѣльческой полосѣ, а отнюдь не паденіе“ [1]). Подобнаго-же рода неправильности, только не такъ рѣзко выраженныя, отмѣчаетъ г. Лосицкій и у П. Б. Струве. Самъ онъ вмѣстѣ съ г. Масловымъ выставляетъ главной причиной паденія крѣпостного права—стремленіе помѣщиковъ къ обезземеленію крестьянъ. „По ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи явилось единственнымъ средствомъ крупнаго обезземеленія крестьянъ“ (Ibidem). Г. Масловъ сдѣлалъ сравненіе цѣнъ на землю передъ освобожденіемъ и изъ этого сравненія онъ

свидѣтельству Самарина, воздѣлываніе свекловицы вызвало огромное требованіе вольнаго труда, возвысило его цѣнность и пріучило помѣщиковъ уважать его: но одна ласточка не дѣлаетъ весны.

[1]) А. Лосицкій. Хозяйственныя отношенія при паденіи крѣпостного права. Образованіе 1906 года 11.

убѣдился, „что въ густо-населенной полосѣ преобладанія барщиннаго хозяйства цѣна крѣпостного крестьянина упала“ По его разсчетамъ, цѣна крѣпостной души въ промышленныхъ губерніяхъ опредѣлялась въ 50,4 рубля, а въ черноземномъ центрѣ только въ 20,4 рубля: между тѣмъ, по Семевскому, цѣна крѣпостной души въ 1780 году равнялась, въ среднемъ 80 руб., а въ 1790 году мѣстами доходила до 200 рублей.

Въ то-же самое время цѣны на землю, особенно въ земледѣльческихъ губерніяхъ, возвысились очень сильно. Напримѣръ, въ Пензенской губ. въ концѣ XVIII вѣка десятина земли стоила 5 рублей, а черезъ 50 лѣтъ—25—35 руб. Въ окраинныхъ губерніяхъ, напр., въ Саратовской, ростъ цѣнъ на землю былъ еще больше. Передъ освобожденіемъ г. Масловъ опредѣляетъ цѣну одной десятины (безъ населенія) въ земледѣльческомъ центрѣ въ 27,7 рублей. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ: „если начинаетъ цѣниться выше самая земля, а не крѣпостные крестьяне, то крѣпостное право начинаетъ терять для землевладѣльца свое значеніе“.

Дѣло въ томъ, что крестьяне получаютъ отъ помѣщиковъ землю, безъ которой они не могутъ существовать. Но „съ точки зрѣнія помѣщика цѣнность крестьянъ представлялась значительно ниже цѣнности земли, ими занятой. Доходъ получаемый съ права собственности на крестьянъ, былъ ниже дохода, который долженъ былъ-бы получиться отъ занятой ими земли. Отрѣзка земель изъ пользованія крестьянъ являлась интересомъ эпохи“.

Таковъ ходъ разсужденія г. Лосицкаго и Маслова. Благодаря развитію товарнаго хозяйства помѣщиковъ, поднялась цѣнность земли. Помѣщики стали стремиться включить въ предѣлы своего крупнаго хозяйства и ту землю на которой сидѣли крестьяне, иначе говоря обезземелить этихъ послѣднихъ. Крупное обезземеленіе могло развиться только при помощи освобожденія крестьянъ. Вотъ почему освобожденіе крестьянъ являлось въ интересахъ помѣщиковъ....

Этому разсужденію нельзя отказать въ оригинальности. Другой вопросъ, насколько оно правильно. Дѣйствительно, нельзя отрицать того факта, что помѣщики, стремясь расширить свое хозяйство, усиленно сокращали собственное крестьянское землепользованіе. Пока господинъ не дорожилъ собственною запашкою, онъ предоставлялъ большую часть земли крестьянамъ. Къ XIX вѣку, при увеличеніи потребностей помѣщиковъ, имъ понадобилось повышеніе доходовъ съ имѣній, причемъ требовался преимущественно денежный доходъ. Результатомъ явилось стремленіе увеличить барщин-

ную запашку для производства сельскихъ продуктовъ въ большомъ количествѣ для сбыта на рынкѣ; понятно, такое увеличеніе запашки шло на счетъ крестьянскихъ земель. (Игнатовичъ стр. 53). Мы констатировали выше, что процентъ владѣльческихъ земель, эксплуатируемыхъ помѣщиками для своего хозяйства, во второй половинѣ XVIII в. увеличился, вѣроятно въ $2^1/_2$ раза, дойдя до половины и больше всѣхъ угодій. Каждое увеличеніе помѣщичьихъ запашекъ обозначало сокращеніе крестьянскихъ, тамъ, гдѣ населеніе было густо и гдѣ всѣ свободныя земли уже эксплуатировались, т. е. главнымъ образомъ въ земледѣльческомъ центрѣ. Обезземеленіе крестьянъ производилось также посредствомъ перевода ихъ въ дворовые и на мѣсячину. Въ черноземномъ центрѣ за семь лѣтъ съ 1851 по 1858 г. число дворовыхъ увеличилось на 154 тысячи. Развивалась и система мѣсячины, главнымъ образомъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Во всѣхъ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ по матеріаламъ редакціонныхъ комиссій, безземельныхъ крестьянъ насчитывалось 173 тысячи душъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ урѣзкѣ крестьянскаго землепользованія со стороны помѣщиковъ передъ реформой не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. „Но, при существованіи крѣпостного права, говоритъ г. Лосицкій, значительное обезземеленіе крестьянъ являлось невозможнымъ. Переводъ крестьянъ на мѣсячину былъ доступенъ только для сравнительно мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, которые сами могли сидѣть на шеѣ своего „раба“ и мелочно и жадно его эксплоатировать. Это совсѣмъ было недоступно для крупныхъ землевладѣльцевъ. Обезземеленіе крестьянъ возлагало на помѣщика обязательство кормить ихъ, а это, при малой производительности труда могло оказаться замѣной весьма невыгодной. Другое дѣло было бы при освобожденіи, при прекращеніи обязательныхъ отношеній“. Изъ этого вытекаетъ, что помѣщики сами должны были идти на встрѣчу такому освобожденію крестьянъ, которое-бы оставило этихъ послѣднихъ безъ земли или съ минимальнымъ надѣломъ. Это подтверждается и заявленіемъ редакціонныхъ комиссій. „Какъ только пронеслась въ Россіи молва объ освобожденіи крѣпостныхъ людей—господствующей заботой большинства дворянскаго сословія сдѣлалось не удержаніе права на личность крѣпостныхъ людей и ихъ обязательную службу, а сохраненіе права собственности, если не на всю землю, то, по крайней мѣрѣ, на большую часть оной. Во все время выработки основанія реформъ не прекращали сыпаться соотвѣтствующіе проекты, начиная отъ безземельнаго освобож-

денія крестьянъ и кончая возможно скудными цифрами надѣловъ". (Скребицкій т. IV стр. 181). Какъ извѣстно, подъ давленіемъ напора дворянскихъ требованій, реформа прошла съ отрѣзками крестьянскихъ надѣловъ, размѣры которыхъ г. Лосицкій въ 36 губ. (кромѣ западныхъ) опредѣляетъ въ 5.262 тыс. десятинъ т. е. въ 18,1% площади крестьянскаго землепользованія до реформы; причемъ, отрѣзки въ 2.261 тыс. десятинъ, составляющія около 24% надѣла падаютъ на земледѣльческій центръ и среднее Поволжье. Максимумъ отрѣзковъ—33,4% надѣла былъ въ Поволжьѣ, затѣмъ въ Малороссіи 31,6%, въ Новороссіи—30% и Заволжьи—27,5%. Чѣмъ крупнѣе было помѣстное владѣніе, тѣмъ выше были размѣры отрѣзковъ.

Все это совершенно вѣрно: но спрашивается, *привела-ли реформа къ дальнѣйшему обезземеленію крестьянъ?...* Мы увидимъ изъ слѣдующей главы, что пореформенный періодъ является скорѣе эпохою *обезземеленія дворянъ* и возростанія за ихъ счетъ отчасти купеческаго, отчасти крестьянскаго землевладѣнія. И этимъ неоспоримымъ фактомъ уничтожается вся сложная аргументація авторовъ марксистскаго направленія, которой нельзя отказать въ остроуміи. Если помѣщики и стремились, какъ предполагаютъ эти авторы, къ освобожденію крестьянъ съ цѣлью расширенія своего землепользованія и хозяйства, то послѣдующая исторія показала, что они глубоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Мы же лично думаемъ, что такого стремленія къ ликвидація крѣпостного права у нихъ не было и быть не могло, по той простой причинѣ, что реформа, даже въ томъ видѣ, въ какомъ она прошла, совершилась *вопреки ихъ интересамъ*, что она расшатала это самое крупное денежное хозяйство, ради котораго будто бы помѣщики должны были тяготѣть къ эмансипація. Врядъ-ли возможно оспаривать, что дворянское землевладѣніе и дворянское хозяйство сильно упали послѣ реформы, и этого паденія помѣщики не могли не предвидѣть. Вотъ почему главная масса дворянства, насколько была въ силахъ, всегда противодѣйствовала попыткамъ освобожденія, исходившимъ отъ правительственныхъ верховъ, начиная съ эпохи царствованія Екатерины II. „Судя по тому отпору, какой встрѣчали освободительныя попытки правительства въ высшихъ слояхъ дворянства, судя по тому волненію и враждѣ, съ которыми былъ встрѣченъ помѣщиками приступъ къ реформѣ Александра II, можно было-бы сказать, что отмѣна крѣпостного права была вредна для дворянъ". Г-жа Игнатовичъ, изъ книги которой мы беремъ эту цитату, считаетъ такой взглядъ не вполнѣ правильнымъ, Она указываетъ, чт

въ Николаевское время дворяне нѣсколькихъ губерній сами ходатайствовали объ освобожденіи, что въ западной Малороссіи, на свекловичныхъ плантаціяхъ сами помѣщики переходили къ вольно-наемному труду и т. д. Но эти факты говорятъ объ исключеніяхъ; общимъ-же правиломъ, несомнѣнно, было отрицательное отношеніе помѣщиковъ къ реформѣ. Они *вынуждены* были согласиться на нее только тогда, когда для нихъ выяснилось безповоротное рѣшеніе правительства провести ее во что бы то ни стало и въ ихъ стремленіяхъ получить въ нечерноземныхъ губерніяхъ максимумъ выкупа, а въ черноземныхъ максимумъ земли, можно видѣть только желаніе, чтобы неизбѣжная ликвидація крѣпостного права прошла съ наибольшей выгодой для нихъ. Они отстаивали свои позиціи съ громаднымъ упорствомъ и многое успѣли отстоять, но вся ихъ политика въ моментъ реформы носила характеръ обороны, борьбы съ насильственнымъ, враждебнымъ для нихъ актомъ, а никакъ не дружественнаго выступленія впередъ рука объ руку съ правительствомъ.

Итакъ, мы думаемъ, что паденіе крѣпостного права совершилось вопреки интересамъ массы помѣщиковъ и противъ ихъ желанія. Въ сущности говоря, хотя г. Лосицкій протестуетъ противъ мнѣнія г. Рожкова, о выгодности вольнонаемнаго труда сравнительно съ барщиннымъ, но если онъ признаетъ вмѣстѣ съ г. Масловымъ, что помѣщикамъ была нужна земля, а не крѣпостной трудъ, то его разсужденія приводятъ къ такому же выводу. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь помѣщики сами не обрабатывали земли: ее для нихъ должны были обрабатывать или крѣпостные крестьяне, или вольные батраки. Слѣдовательно, стремясь увеличить площадь своего хозяйства, помѣщики неизбѣжно должны были подумать о томъ, какой трудъ для нихъ выгоднѣе—крестьянина-барщинника или наемнаго батрака. Если бы они склонились къ первому мнѣнію—они должны бы были всѣми силами отстаивать крѣпостное право, если ко второму—пойти навстрѣчу безземельному освобожденію крестьянъ. Поэтому, разъ г. Лосицкій думаетъ, что помѣщики охотно шли на безземельное освобожденіе, онъ долженъ признать, что и вольнонаемный трудъ былъ для нихъ выгоднѣе. Однако, онъ протестуетъ противъ подобнаго взгляда г. Рожкова, и въ данномъ случаѣ мы лично всецѣло присоединяемся къ его протесту [1]) Если же онъ признаетъ, что барщинный трудъ былъ выгоднѣе для помѣщиковъ—ясное дѣло, онъ долженъ

[1]) Что вольно-наемный трудъ вовсе не былъ такъ выгоденъ, показываетъ быстрое паденіе дворянскаго хозяйства послѣ реформы.

признать, что освобожденіе крестьянъ совершилось вопреки ихъ интересамъ.

Теперь оставимъ гг. „матеріалистическихъ исторіографовъ“ съ ихъ неустранимыми противорѣчіями. Каковы же были, на самомъ дѣлѣ, причины паденія крѣпостного права?.. Мы указывали въ первой части нашего труда, что поворотный пунктъ эволюціи распредѣленія земли, переходъ отъ максимальной концентраціи землевладѣнія къ его дробленію, происходитъ въ моментъ кризиса трехполья, когда истощенная земля уже не въ состояніи прокормить возросшее трудовое населеніе, и когда увеличеніе крупновладѣльческаго хозяйства, бремя податей и повинностей сокращаютъ средства существованія у этого населенія до такого минимума, который вызываетъ постоянныя голодовки крестьянъ, ихъ вымираніе и обнищаніе; тогда, если этотъ моментъ совпадаетъ съ моментомъ подъема недовольства въ средѣ городскихъ классовъ, разражаются революціи, лозунгомъ которыхъ въ крестьянской средѣ является борьба за землю.

Въ Россіи крестьянская революція была отсрочена на 45 лѣтъ реформой. Трехполье, недавно развившееся въ черноземной полосѣ еще не дошло до своего кризиса и хотя урожайность падала, голодовки учащались передъ реформой, но они еще не были такъ повсемѣстны, какъ въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка. Точно также и крѣпостное населеніе не возрастало, а сокращалось. За то эксплуатація крестьянъ помѣщиками, усиленная стремленіемъ къ расширенію крупнаго хозяйства, дошла, повидимому, до послѣдней степени напряженія. Начиная со второй половины XVIII вѣка увеличиваются личныя потребности дворянъ, развращенныхъ въ славный вѣкъ Екатерины II системой фаворитизма. „Ростъ потребностей и разнообразіе ихъ приводили къ необходимости большую часть предметовъ для удовлетворенія этихъ потребностей покупать на рынкѣ. Это вело къ необходимости повышать доходъ съ имѣнія, чтобы имѣть возможность поставлять на рынокъ продукты собственнаго хозяйства“. (Игнатовичъ стр. 87). Повысить доходы съ имѣнія, при сокращеніи ихъ размѣровъ, можно было двумя путями: или, интенсифицируя сельско-хозяйственное производство, или увеличивъ эксплуатацію дарового труда крѣпостныхъ крестьянъ.

Мы видѣли, какъ мало было сдѣлано помѣщиками для осуществленія перваго способа повышенія доходовъ. Къ 30-мъ гг., даже большинство помѣщиковъ, дѣлавшихъ попытки подъема уровня сельско-хозяйственной техники, разочаровались въ ихъ продуктивности и мода на „аглицкое“

хозяйство прошла. Оставался второй путь, на который всецѣло переходятъ привиллегированные землевладѣльцы—путь усиленной эксплуатаціи „сѣрой скотины", отданной въ ихъ распоряженіе.

Усиленіе эксплуатаціи крестьянъ выразилось, прежде всего, въ сокращеніи ихъ землепользованія, о чемъ мы не разъ говорили. Кромѣ прямыхъ „отрѣзковъ", перевода крестьянъ въ разрядъ дворовыхъ и мѣсячниковъ, слѣдуетъ отмѣтить еще тенденцію помѣщиковъ награждать крестьянъ худшими по качеству землями. „Земля, предоставленная крестьянину, всегда почти хуже качествомъ обработки на помѣщика и положеніе ея всегда отдаленнѣе, а потому менѣе выгодно для обработки". (Заблоцкій-Десятовскій). Хотя авторъ говоритъ здѣсь о худшей обработкѣ крестьянскихъ земель, но современныя почвенныя изслѣдованія показываютъ, что и по качеству почвы крестьянскіе надѣлы значительно хуже владѣльческихъ земель, каковая разнокачественность, несомнѣнно, ведетъ начало еще съ дореформенной эпохи. Кто себѣ врагъ, а тѣмъ болѣе помѣщикъ, который распоряжался распредѣленіемъ земель по своему усмотрѣнію. Сокращеніе земельнаго обезпеченія, въ связи съ плохимъ качествомъ надѣловъ, было первой и главной причиной пониженія уровня крестьянскаго благосостоянія.

Второй причиной было возрастаніе натуральныхъ повинностей, главнымъ образомъ, земледѣльческой барщины и извозной повинности. По свидѣтельству Болтина, нормальной барщиной во второй половинѣ XVIII вѣка считалось 3 дня въ недѣлю, но были помѣщики, заставлявшіе работать на себя 4 дня и болѣе, почти всю недѣлю. „Большая часть, въ разсужденіи полевыхъ работъ налагаютъ работу урочную, т. е. даютъ на каждое тягло по десятинѣ $1^1/_2$ въ полѣ... кои долженъ крестьянинъ вспахать, посѣять, сжать и свозить въ гумно". (Примѣчанія т. II стр. 217). „Лѣтними работами до того крестьянинъ отягощенъ бываетъ, что едва черезъ силу 3 или 4 часа въ суткахъ остается на сонъ и отдохновеніе". (Ibid с. 180). Въ общемъ, Болтинъ считаетъ, что сумма всѣхъ натуральныхъ повинностей барщинныхъ крестьянъ, если перевести ихъ на деньги, составитъ 5—10 р.; оброчныхъ—3—5 руб. на душу. Но, по разсчетамъ Семевскаго, повинности барщинныхъ крестьянъ въ началѣ 1790-хъ годовъ должны быть опредѣлены, по тогдашней цѣнности денегъ, въ 14– 16 руб. Расхожденіе съ Болтинымъ г. Семевскій объясняетъ тѣмъ, что его цифры показываютъ, во что обходились крестьянину барщина, доставка припасовъ и поборы натурою, а Болтинъ говоритъ о чистомъ доходѣ помѣ-

щика. Если сравнить результаты нашего изслѣдованія относительно барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ, то выходитъ, что въ 1760 гг. оброчные платили около 2-хъ рубл. съ души, а барщиннымъ ихъ повинности обходились въ 7—8 руб.; въ 1790-хъ гг. оброчные платили около 7 рублей, а трудъ барщинныхъ оцѣнивается въ 14—16 руб.[1]) Изъ этихъ итоговыхъ подсчетовъ г Семевскаго видно, что, во 1-хъ, барщинныя повинности во второй половинѣ XVIII вѣка были вдвое тяжелѣе оброчныхъ; во 2-хъ, что за 30 лѣтъ царствованія Екатерины II послѣ указа о вольности дворянства и начавшагося предпринимательства помѣщиковъ, они болѣе чѣмъ удвоились.

Въ началѣ XVIII в., въ эпоху царствованія Петра, натуральныя повинности были также весьма тяжелы. Кн. Куракинъ въ своей автобіографіи 1707 г. высчитываетъ, что „генерально со всякаго двора крестьянскаго сходилося слишкомъ 16 руб. въ годъ", т. е. по разсчетамъ Ключевскаго 120—130 руб. на наши деньги. Если считать, какъ дѣлалъ это Ключевскій, въ тогдашнемъ дворѣ, (который, благодаря подворному обложенію, былъ очень великъ), 4 души м. п., то на душу это выйдетъ 30 рублей; стоимость душевыхъ повинностей барщинниковъ въ концѣ XVIII в. на наши деньги, будетъ приблизительно подходить къ этой же цифрѣ. Слѣдовательно и начало, и конецъ XVIII в. отличались большимъ подъемомъ поборовъ съ крестьянъ, но оба подъема зависѣли отъ разныхъ причинъ и вызвали различныя послѣдствія. Поборы Петровскаго періода вызывались государственными потребностями. По словамъ Ключевскаго (курсъ т. IV) тяжелѣе окладныхъ сборовъ, повысившихся въ нѣсколько разъ сравнительно съ московской эпохой, „были натуральныя повинности и соединенные съ ними экстренные поборы, которые, во время войны, сыпались какъ снѣгъ на голову. Чего стоила одна стройка бездоннаго Петербурга. Едва не изъ года въ годъ тысячи работниковъ и десятки тысячъ рублей на ихъ содержаніе закладывались по губерніямъ, чтобы на невскихъ болотахъ возводить египетскія пирамиды. То и дѣло требовали съ крестьянъ и дворовыхъ, за которыхъ платили тоже крестьяне, хлѣба, лошадей, извозчиковъ, даточныхъ и подможныхъ денегъ на снаряженіе и поставку затребованныхъ людей и лошадей! Въ результатѣ мы видимъ убыль населенія въ Петровскую эпоху, которое, впрочемъ, не столько вымерло, сколько, вѣроятно, разбѣжалось по недоступнымъ для агентовъ правительства окраинамъ.

[1]) Кр-не въ царствов. Екатерины II, т. I, стр. 82.

Въ концѣ XVIII в. новое возвышеніе поборовъ вызвано уже не государственными потребностями, а потребностями класса помѣщиковъ-дворянъ, узнавшихъ „многія спокойствія жизни“ въ періодъ фаворитизма. И результатомъ увеличенія крестьянскихъ тяготъ были уже не массовые побѣги, а бунты, начиная съ Пугачевскаго, такъ какъ бѣжать становилось некуда.

Въ XIX в. нормальный размѣръ барщины, по закону, остался тѣмъ же, т. е. 3 дня въ недѣлю. Но, по словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, при усиленныхъ запашкахъ, которыя явились слѣдствіемъ эволюціи помѣщичьяго предпринимательства, трехъ дней было мало: „рѣдко обходится безъ поголовныхъ сгоновъ, при которыхъ, разумѣется, уже невозможно сохранить нормальные разсчеты. Одинъ поголовный день въ недѣлю существуетъ во всѣхъ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ. Внезапныя требованія барщины особенно разорительны для крестьянъ въ черезполосныхъ дачахъ. Крестьянамъ, обыкновенно, предоставляются отдаленныя поля. Они туда направляются чуть свѣтъ. Вдругъ скачетъ отъ барина ѣздокъ и требуетъ на барщину. Крестьянинъ бросаетъ свою работу, ѣдетъ на барщину, а на его полѣ хоть трава не рости. (Ibid).

Такимъ образомъ, фактически трехдневная барщина превращалась, въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, въ четырехдневную. Чѣмъ меньше было имѣніе, тѣмъ тяжелѣе была барщина. У мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, уже все рабочее время крестьянина уходило на господское хозяйство и на себя онъ могъ работать по воскресеніямъ и иногда по субботамъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ помѣщичьяго предпринимательства особенно возросла и стала тягостна извозная повинность. Тѣ десятки милліоновъ пудовъ, которые помѣщики начали отправлять на рынокъ съ 20-хъ гг. XIX в., перевозились по первобытнымъ дорогамъ за сотни и даже тысячи верстъ, и требовали зимой до 3-хъ милліоновъ душъ работниковъ—большую половину взрослаго мужского населенія владѣльческихъ крѣпостныхъ. Въ концѣ XVIII в. извозная повинность была значительно легче. Самаринъ указываетъ, что, по справкамъ, наведеннымъ въ имѣніяхъ Московской, Тульской и Рязанской губ. „почти постоянно, если въ теченіи послѣднихъ 60 лѣтъ имѣніе нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки, гдѣ съ тягла ставилась прежде одна подвода, тамъ теперь ставятъ двѣ, три и больше“. (Сочиненія т. II, стр. 69).

Мы не станемъ дальше распространяться объ общеизвѣстномъ увеличеніи барщинныхъ тяготъ предъ концомъ крѣпостного права. Это увеличеніе было естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развитія крупно-владѣльческаго предпринимательства, дѣйствовавшаго еще въ другомъ направленіи—въ сторону *расширенія барщины*, распространенія ея на тѣхъ крестьянъ, которые раньше были на оброкѣ. Кошелевъ подтверждаетъ это въ своей извѣстной запискѣ. „Барщина даетъ помѣщику болѣе средствъ почти незамѣтно извлекать всякія сверхъ-законныя выгоды, почему число имѣній, переводимыхъ съ оброка на барщину, возрастаетъ. Господскія запашки удвоились и утроились. Усиленіе запашки потребовало отъ крестьянина излишнихъ работъ и сверхъ того, къ великому ихъ прискорбію, многіе помѣщики принялись усердно за хозяйство... Прежде въ барщинныхъ хозяйствахъ бывали времена, что нечего дѣлать и тогда отпускали крестьянъ на заработки для уплаты подушныхъ. Теперь всегда есть дѣло для крестьянъ, т. ч. никогда нѣтъ свободнаго времени къ увольненію въ сторону для заработковъ. Прежде хлѣба у помѣщиковъ производилось гораздо менѣе, чѣмъ нынѣ, и изъ этого количества большую часть поѣдала дворня, да собаки; теперь, почти весь хлѣбъ идетъ въ продажу и хлѣбныя подводы утроились и учетверились. Способы извлеченія помѣщиками изъ крестьянъ всякихъ выгодъ усиливаются, усложняются съ каждымъ днемъ и доходятъ до такой утонченности, что страшно объ этомъ и подумать. По мѣрѣ развитія помѣщичьей изобрѣтательности, обѣдненіе крестьянъ и усиливается, и обобщается".

Въ общемъ, барщинныя повинности въ XIX вѣкѣ вѣкѣ выросли вглубь и вширь: увеличился ихъ размѣръ и во многихъ имѣніяхъ крестьяне переводились съ оброка на барщину, или вводилась смѣшанная система оброка съ барщиной, а это, такъ же, какъ и земельные „отрѣзки", должно было, въ конечномъ итогѣ, вызвать пониженіе жизненныхъ средствъ у крестьянской массы.

Параллельно съ ростомъ барщины, возрастали и оброки. Вначалѣ XVIII в., по свидѣтельству Ключевскаго, основанному на указаніяхъ Посошкова и Вебера, подворный оброкъ равнялся 7-ми рублямъ тогдашнимъ или около 60 руб. нынѣшнихъ, что на душу даетъ до 1 руб. 70 коп. (15 руб. нынѣшнихъ) По Семевскому въ 1760 гг. наиболѣе обычнымъ былъ денежный оброкъ въ 1—2 руб., въ 1770 гг.—2—3 руб., въ 1780 гг.—4 р. и въ 1790 гг.—5 руб. Но нужно принять въ соображеніе, что цѣны на хлѣбъ за это вре-

мя повысились: для 1760 гг. средняя цѣна четверти ржи была 1 р. 26 к., 1770 гг.—1 р. 72 к., 1780 гг.—2 р. 85 к. и 1790 гг.—3 р. 82 к. [1]) Въ 50 гг. XIX в. цѣны на хлѣбъ увеличились, по Игнатовичу, еще въ 1,2—1,5 разъ. Принимая въ соображеніе возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ, опредѣляющее обычно паденіе стоимости денегъ, мы получимъ, что въ переводѣ на деньги 1850 г.г., сумма подушнаго оброка въ 1760 гг. составитъ около 5-ти руб., а 1790 гг. до 7-ми р. 50 к., т. е. что оброкъ за царствованіе Екатерины II фактически повысился въ 1,5 разъ. Въ 50 гг. XIX в. по таблицѣ, составленной г-жею Игнатовичъ, по 20 губерніямъ средній оброкъ на тягло равнялся 19 р. 73 к., по менѣе точнымъ, но болѣе полнымъ матеріаламъ, приведеннымъ у Скребицкаго, средній оброкъ по 29 великорусскимъ губ. равенъ 23 р. 84 к. Если считать, что въ тяглѣ было 2 ревизскихъ души, то подушный оброкъ въ 50 гг. XIX в., приблизительно, составитъ 10—12 р., что указываетъ на повышеніе его, сравнительно съ концомъ XVIII в., по крайней мѣрѣ, въ полтора раза. Но другіе источники говорятъ о гораздо большемъ повышеніи оброковъ. Такъ Заблоцкій-Десятовскій утверждаетъ, что „возвышеніе оброковъ началось съ 1810 года, съ измѣненіемъ денежнаго курса. Помѣщики старались не потерять при семъ и разсчитывали рубли ассигнаціонные по серебряному курсу. Послѣ 1815 г. съ измѣненіемъ тарифа, открывающимъ болѣе свободы въ нашей торговлѣ, помѣщики увидѣли возможность въ 1816, 17 и 18 гг. возвысить оброки. [2]) Но потомъ все пришло въ равновѣсіе: если съ одной стороны, увеличилась возможность дешеваго удовлетворенія нуждъ, то съ другой—промыслы не представляли уже высокой заработной платы. Оброкъ увеличенный остался, однако же, неизмѣннымъ и сдѣлался уже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тяжкимъ". (Кисслевъ и его время т. IV, стр. 286). Въ 30-хъ гг. оброкъ достигалъ въ Костромской губ. 50—70 руб. съ тягла, Нижегородской—77—100 руб., Ярославской—до 120 руб. Кошелевъ, въ своей запискѣ, говоритъ, что оброки дошли съ 25—30 руб. серебромъ до 40—50 руб. съ тягла. По Середнину, въ централь-

[1]) Впрочемъ, необходимо замѣтить, что среднія цѣны г. Семевскій строитъ на скудныхъ данныхъ 2—3 губерній, почему ихъ трудно считать правильными. Напримѣръ, если прибавить къ цѣнамъ 2-хъ губерній, на которыхъ онъ строитъ стоимость ржи въ 1790 гг., цѣны по 3-й губ.—Тамбовской (см. Игнатовичъ), то стоимость четверти ржи будетъ уже не 3 р. 82 к., а только 3 р. 31 к.

[2]) Нашъ ассигнаціонный рубль, равнявшійся въ 1791—5 г. 75,4 к. серебромъ, упалъ въ 1821—25-хъ гг. до 26,7 коп. сер.—почти втрое. Поэтому, паденіе курса ассигнацій должно было повысить оброки въ три раза.

ныхъ великорусскихъ губерніяхъ (московско-промышлен. центрѣ). во второй половинѣ царствованія Александра I нормальный оброкъ съ тягла былъ около 70 руб. Семевскій исправляетъ эту цифру на 50 руб. ассигнаціями, т. е. 13 р. серебромъ. (См. ст. Крестьянскій строй).

Какъ бы тамъ ни было, но увеличеніе оброковъ и при томъ значительное, является для послѣдняго періода крѣпостной эпохи несомнѣннымъ. И тѣмъ не менѣе всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что оброчные крестьяне живутъ всегда богаче барщинныхъ: происходило это потому, что какъ бы ни была сама по себѣ значительна величина оброковъ, но ихъ добываніе все же отнимало у крестьянъ гораздо меньше рабочаго времени, чѣмъ барщина, денежная стоимость которой, вѣроятно, какъ и въ XVIII в., почти вдвое превышала стоимость оброка. Съ другой стороны, оброчный крестьянинъ былъ гораздо самостоятельнѣе въ своемъ хозяйствѣ, располагалъ рабочимъ временемъ по своему усмотрѣнію и пользовался имъ, поэтому, болѣе продуктивно. Отсюда, развитіе барщинной системы въ ущербъ оброчной должно было также вредно отразиться на благосостояніи крестьянъ,

Всѣ указанныя выше явленія—сокращеніе крестьянскаго землепользованія, возвышеніе оброковъ и усиленіе барщинныхъ тяготъ, зависѣвшія отъ роста помѣщичьяго предпринимательства, связаннаго опять таки, съ возрастаніемъ численности помѣщичьяго класса и его личныхъ потребностей,—не могли не понизить уровня благосостоянія крестьянъ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовало и *пониженіе урожайности.* Наиболѣе точныя данныя конкретныхъ записей отдѣльныхъ имѣній, разработанныя проф. Фортунатовымъ въ его извѣстной диссертаціи „урожаи ржи въ Европейской Россіи", указываютъ на такое пониженіе.

Урожай ржи въ четв. съ дес.

1800—9 г.	8,1	
1810—9 г.	6,9	7,24
1820—9 г.	6,7	
1830—9 г.	6,4	
1840—9 г.	6,6	6,48
1850—9 г.	6,4	

Въ послѣднее 30-тилѣтіе, сравнительно съ первымъ, урожайность ржи упала на 10,5% Д. Столыпинъ, по опыту своего имѣнія, указываетъ на большее пониженіе урожай-

ности. „Мнѣ пришлось видѣть, говоритъ онъ, урожайную вѣдомость за 50 лѣтъ, составленную по приказанію дяди моего Афанасія Алексѣевича Столыпина и за все время его управленія, по принадлежащему ему селу Неѣловкѣ Саратовск. у.; по вѣдомости этой, составленной въ 1809 г., оказывалось, что до 1820—25-хъ гг. урожаи были, насколько помню, по 12—14 четв. на шестидесятную десятину, за послѣднее же десятилѣтіе урожаи упали на 8—9 четв. съ десятины“ [1]). Можно было бы привести еще много другихъ указаній на признаки паденія урожайности передъ реформой, но мы ограничимся этими.

Это паденіе, быть можетъ, вызывалось, не только истощеніемъ почвы, которое, даже при экстенсивномъ трехпольи, не могло еще рѣзко обнаружиться послѣ 50 лѣтней усиленной распашки чернозема, но и тѣмъ, что крестьяне, перегруженные барщинными повинностями, обрабатывали менѣе старательно, какъ господскую землю, такъ и собственные надѣлы...

Всѣ эти, вмѣстѣ взятыя причины создавали крестьянскій пауперизмъ. Тамъ, „гдѣ одно сословіе обязано, по закону, кормить другое, тамъ пауперизмъ освященъ закономъ“. (Забл. Десят. стр. 335). Помѣщики высасывали всѣ соки изъ трудовой массы: они не давали крестьянину мало-мальски стать на ноги, не давали ему „обрости“, по фигуральному выраженію Посошкова, но „стригли его, яко овцу, до гола“. Крупное товарное хозяйство помѣщиковъ базировалось на почвѣ угнетенія трудовой массы—такая почва не могла не быть зыбкой. И вотъ въ этомъ именно положеніи вещей, въ *паразитизмѣ помѣщичьяго предпринимательства, губившаго и подвластныхъ дворянству крестьянъ, и подвластную ему землю, мы и видимъ главную причину паденія крѣпостного права.* Чѣмъ больше росло помѣщичье предпринимательство, тѣмъ сильнѣе увеличивалось угнетеніе крестьянъ и тѣмъ болѣе росла крестьянская бѣднота. И высасывая соки изъ крестьянъ и земли, они ослабляли не только народныя массы, они *слабѣли сами*; мы видѣли, что ко времени реформы уже обнаружились признаки дробленія крупнаго землевладѣнія, и повальная задолженность помѣщиковъ возросла до громадныхъ размѣровъ.

Слабѣли крестьяне, слабѣли дворяне—слабѣло и *государство.* Даже маленькій восьмигривенный подушный оброкъ, который взимался казной черезъ помѣщиковъ съ крестьянъ, не выплачивался и имѣнія были обременены массой недоимокъ по подушному сбору. „Крѣпостное право не

[1]) Д. Столыпинъ. Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостного права. Рус. Арх. 1874 г. № 5.

исполняло своей функціи—обезпечивать государственные доходы" (Игнатовичъ стр. 5). Потому чѣмъ ближе къ концу эпохи, тѣмъ болѣе увеличиваются, со стороны оффиціальныхъ лицъ, указанія на невыгодныя стороны крѣпостного права. Необходимость разстаться съ нимъ чувствовалъ не только Имп. Александръ I-й, но еще больше, пожалуй, Николай I-й, собиравшій десятки тайныхъ комитетовъ: общей причиной, постоянно толкавшей правительство на путь освободительной реформы, была экономическая отсталость Россіи, такъ или иначе вошедшей въ составъ европейскихъ державъ, отсталость, тяжело отражавшаяся на государственномъ бюджетѣ и приведшая къ Севастопольскому краху. Главная причина этой отсталости—*захватъ помѣщиками народнаго труда*, который, такимъ образомъ, пропадалъ даромъ и для народа и для государства. Помѣщики не двигали впередъ культуру страны: они, какъ и всюду, были только „пожирателями капиталовъ", проживавшими и проѣдавшими милліарды, заработанные народнымъ трудомъ Сами они, однако, не обогащались, а все больше запутывались въ долгахъ. Бѣднѣлъ, нищалъ народъ; все громче жаловались на обѣдненіе помѣщики; былъ шаткимъ, неустойчивымъ государственный бюджетъ. Народъ начиналъ уже подыматься противъ невыносимаго ига: намъ нѣтъ нужды повторять общеизвѣстныя описанія роста крестьянскихъ волненій, убійствъ жестокихъ помѣщиковъ передъ реформой, показывавшаго, что чаша народнаго терпѣнія переполнилась Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пройди еще 10—20 лѣтъ и въ Россіи разразилась-бы революція. Правительство это прекрасно понимало: но, стоя на сторонѣ дворянства, оно не могло самостоятельно, безъ внѣшняго повода, рѣшиться на реформу, опасаясь созданія крупно-помѣстнаго кризиса и долгіе годы топталось на одномъ мѣстѣ. Затянувшійся гордіевъ узелъ кризиса крѣпостного права былъ разрубленъ крымской войной.

Источники и пособія для исторіи сельскаго хозяйства и поземельныхъ отношеній въ Россіи въ крѣпостную эпоху.

Авксентьевъ. Очеркъ сельско-хозяйственной промышленности Новороссійскаго края. М. 1850.

Андросовъ. Хозяйственная статистика Россіи. М. 1827.

Антоновичъ В. Введеніе къ актамъ о крестьянахъ въ „архивѣ юго-западной Россіи". Ч. VI, т. I.

Арсеньевъ К. Статистическіе очерки Россіи. СПБ. 1848.

— Начертаніе статистики Россійскаго государства. СПБ. 1819.

Афросимовъ. Опытъ оцѣнки работъ въ дворянскихъ помѣстьяхъ. Земледѣльческій журналъ 1834 г. т. XX.

Багалѣй Д. Займащина въ лѣво-бережной Украйнѣ XVII и XVIII вв. Кіевская старина 1883 г. № 11.

— Генеральная опись Малороссіи. Кіевская старина 1883 г. № 11.

Бажаевъ В. Г. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи. М. 1900 г.

Благовѣщенскій. Четвертное право. М. 1899 г.

Бланкъ. Русскій помѣщичій крестьянинъ. Труды вольно-экономическаго О-ва. 1845 г.

Болотовъ А. Жизнь и приключенія, описанныя имъ самимъ. Т. I—IV. СПБ. 1873.

Болтинъ И. Примѣчанія на исторіи древнія и нынѣшнія Россіи. Т. II СПБ. 1788 г.

Бунге Н. Х. Измѣненія сословнаго состава населенія Россіи въ промежутокъ между VII и VIII, VIII и IX ревизіями. Экономич. указатель 1857 г. № 44.

Бунинъ. Мысли о русскомъ хозяйствѣ и о нѣкоторыхъ причинахъ дешевизны нашего земледѣлія. М. 1832 г.

Бутовскій А. Опытъ о народномъ богатствѣ. СПБ. 1847 г.

Быховскій Н. Я. Изъ исторіи заселенія Новороссійскаго края. Рус. Мысль.

Васильчиковъ кн. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. СПБ. 1881 г.

— Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ Европейскихъ государствахъ. Т. I—II, изд. 2.

В. В. Къ исторіи общины въ Россіи. М. 1902.

— Крестьянская община (итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I). М. 1892.

Веневскій уѣздъ въ географическомъ, земледѣльческомъ и вообще промышленномъ отношеніяхъ. М. 1852.

Вернеръ. Сельско-хозяйственная экономія. М. 1910 г.

— Агрономическая помощь населенію въ концѣ XVIII в. (Рѣчь).

Веселовскій К. Обозрѣніе успѣховъ сельскаго хозяйства въ Россіи за послѣднее трехлѣтіе. СПБ. 1842 г.

— Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по части земледѣлія. Журн. М. Гос. Им. 1842 г.

Вешняковъ В. Крестьяне-собственники въ Россіи. Историко-статистическій очеркъ. СПБ. 1858 г.

Вилькинсъ. Что нужно помѣщичьему издѣльному крестьянину для безбѣднаго содержанія себя въ нечерноземныхъ губ. М. 1832.

— Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности. М. 1843.

Вильсонъ. Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европ. Рос. изд. 4-е. Д-та Сельск. Хоз. СПБ. 1864 г.

Витевскій. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 г.

Воейковъ и Загоскинъ. Кіевская губ. 1867 г.

Военно-статистическій сборникъ. Вып. IV-й. Россія. СПБ. 1871 г. (Труды офицеровъ Генеральнаго Штаба).

Волконскій кн. Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Труды рязанской ученой архивной комиссіи. 1897 г. Т. XII. В. 2—3.

Вторая ревизія. Журналъ Мин. Вн. дѣлъ. 1839 г. № 7.

Гастгаузенъ (бар.) Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи. М. 1869.

Германъ. Статистическія изслѣдованія относительно Россійской Имперіи. СПБ. 1819 г.

— Статистическое описаніе Ярославской губ. 1808 г.

Горемыкинъ И. Л. Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. СПБ. 1869 г.

Горизонтовъ. Хозяйственно-статистическое описаніе Пензенскаго уѣзда. СПБ. 1859.

Горловъ. Обозрѣніе экономической статистики Россіи. СПБ. 1849.

Грузиновъ. Бытъ крестьянъ тамбовской губ. Журналъ землевладѣльцевъ. 1858 г. Т. 2-й.

Демидовъ И. Историческій очеркъ Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губ. Нижній-Новгородъ. 1884.

Демчинскій П. Не даромъ жилъ. Записки многихъ наблюдателей. СПБ. 1858.

Денъ В. Е. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. М. 1902 г. Т. I и II. Ч. 2-я.

Довнаръ-Запольскій. Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX ст.

Дубасовъ. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. В. 1—6. Тамб. 1897.

Елагинъ И. Проектъ объ опредѣленіи въ неотъемлемое владѣніе дворцовымъ крестьянамъ земли. Журналъ Землевл. 1859 г. XXI—XXII.

Елисѣевъ. Производительныя силы Россіи. Отеч. Зап. 1868 г. № 2.

— (**Грыцько**). Экономическая основа крестьянской реформы. Отеч. Зап. 1874 гг. №№ 1—2.

Ефименко А. Изслѣдованія народной жизни. В. I. М. 1884.

Заблоцкій-Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Т. IV (записка о крѣпостномъ состояніи въ Россіи). СПБ. 1882 г.

Зобнинъ. Приписные крестьяне на Алтаѣ. Алтайскій сборникъ 1894 г. № 1.

Зябловскій Е. Статистическое описаніе Россійской Имперіи. СПБ. 1808.

— Россійская статистика. Т. I—II. СПБ. 1832.

Иванюковъ И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. СПБ. 1903.

Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. СПБ. 1902.

Исторія Россіи въ XIX в. изд. Гранатъ (статьи **Покровскаго М.** Россія въ концѣ XVIII в., **Рожкова Н.**—экономическое развитіе въ первой полов. XIX в. и **Богословскаго М.**—Государственные крестьяне при Николаѣ I-мъ).

Кавелинъ К. Д. Собраніе соч. т. II.

Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ. 2 изд. СПБ. 1885 г.

Карновичъ С. Сельско-хозяйственные разсчеты русскаго помѣщика въ концѣ XVIII в. Рус. Старина. 1876 г.

Карповичъ. Хозяйственные опыты 30-ти лѣтней практики или наставленіе для управленія имѣніями. СПБ. 1837.

Кеппенъ. Девятая ревизія. Предварительныя свѣдѣнія о числѣ жителей въ Россіи въ 1851 г. СПБ. 1857.

Koeppen. Über die Vertheilung der Bewohner Russlands nach ständen. Memoires de l' Academie de sciences 1847 Serie. IV T. VII.

Keussler I. Zur geschichte und Kritic des bäuerlichen gemeindebesitzes in Russland. Th. I—III. 1876—82 (рецензія Кавелина въ Вѣст. Евр. 1877 г. № 5).

К-инъ. Объ устройствѣ крестьянскаго быта у помѣщичьихъ крестьянъ въ Рязанской губ. Сельское благоустройство 1858 г.

Кирилловъ И. Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства. М. 1831 г.

Кисловскій. Очеркъ доходности сельскаго хозяйства при свободномъ трудѣ. Сельское хозяйство 1858 г.

Кишкинъ М. О земледѣліи, скотоводствѣ и сельскомъ промыслѣ въ Кирсановскомъ у. М. 1860 г.

Клаусъ А. Наши колоніи. Опыты и матеріалы по исторіи и статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи. СПБ 1869 г.

Ключевскій В. О. Курсъ русской исторіи т. IV. М. 1910.

Онъ-же. Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему. Чтенія общ. Исторіи и древн. Рос. 1884 г. т. I.

Корсакъ А. О формахъ промышленности. М. 1861 г.

Кратнія историческія свѣдѣнія о заселенности Донского края. Труды Донского войск. стат. к-та. 1867 г., в. I—II, (тамъ-же статья Карасева „Донскіе крестьяне").

Крестининъ. Историч. опытъ о Московскомъ старинномъ домоустроительствѣ Двинскаго народа. СПБ. 1785.

Крестьянскій строй. Сборникъ I. (Статья **Лаппо-Данилевскаго А. С**. очеркъ и исторія образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи и **Семевскаго В. И**. Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XIII и первой половинѣ XIX в.).

Лазаревскій М. Малороссійскіе посполитые крестьяне. Записки Черниговскаго статист. к-та 1866 г., т. I.

Онъ-же. Описаніе старой Малороссіи т. I—III. СПБ. 1896 г.

Леопольдовъ А. Статистическое описаніе Саратовской губерніи. СПБ. 1839.

Ливронъ-(де). Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи.

Лодыженскій Е. Русскій помѣщикъ. СПБ. 1856.

Лодэ Э. Хозяйственное обозрѣніе Вологодской губ. СПБ. 1843 г.

Лосицкій. Хозяйственныя отношенія при паденіи крѣпостного права. Образованіе 1906 г. № 11,

Лучицкій И. Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи. Юридическій Вѣстникъ 1890 г. № 3.

Онъ-же. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Сѣверн. Вѣстн. 1889 г. № 1.

Лященко П. Очерки аграрной эволюціи Россіи т. I. СПБ. 1908 г.

Масловъ С. О размежеваніи черезполосицы и общихъ владѣній къ однимъ мѣстамъ. Землед. Журн. 1836 г. № 6.

Матеріалы для статистики Россійской Имперіи, издаваемые при статистическомъ отдѣл. Совѣта Минист. Внут. Дѣлъ 1839 и 1841 гг.

Матеріалы для статистики Россіи, собираемые по вѣдомству М-ва Гос. Имущ. В. I—VI. СПБ. 1858—71.

Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые И. Вольно-экономич. о-вомъ. Кн. I. СПБ. 1853.

Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Ч. I—II. СПБ. 1859—60.

Матеріалы редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Изд. 2-е т. I—III. СПБ. 1859—60.

Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба по губ.: Архангельской, Воронежской, Гродненской, Донской обл., Екатеринославской, Костромской, Курляндской, Пермской, Рязанской, Херсонской и друг.

Матеріалы для оцѣнки земель Черниговской губ. (у.у. Кролевецкій, Городницкій и Суражскій) Черниговъ 1887 г.

Мерцаловъ. Сравнительный очеркъ землевладѣнія въ одной крестьянской общинѣ. Вологодскій сборникъ т. IV.

Милюковъ П. Очерки изъ исторіи русской культуры В. I. изд. 4-е СПБ. 1900.

Онъ-же. Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго. Изд. 2-е. СПБ. 1905.

Милютинъ В. А. Число городовъ и земледѣльческихъ поселеній въ Россіи 1849 г. Сборн. статистич. св. о Россіи. Изд. стат. отд. И. Географич. о-ва 3 т.

М. М. Приложеніе наемнаго труда къ хозяйствамъ сѣверной полосы Россіи. Журн. Землевл. 1859 г. XXI.

Мордвиновъ адм. Мнѣніе о причинахъ нынѣшняго разстройства финансовъ нашихъ. Чт. о-ва Исторіи и древн. Рос. 1860 г. кн. I. Мысли объ усовершенствованіи быта поселянъ-хлѣбопашцевъ. СПБ. 1837

Мякотинъ В. А. Прикрѣпленіе крестьянства лѣво-бережной Малороссіи въ XVIII в. Рус. Богат. 1894 г. № 2—4.

Онъ-же. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. СПБ. 1889 г.

Онъ-же. Крестьянское землевладѣніе въ полтавскомъ у. въ 1767 г.

Сборникъ въ пользу недост. студ. унив. св. Владимира. 1895.

Небольсинъ. Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи т. I и II. СПБ. 1850 г.

Никольскій. Хозяйственное описаніе Балашовскаго у., Саратовской губ. СПБ. 1855.

Новиковъ. Матеріалы для земледѣльческой статистики Оренбургской губ. 1859.

Н. П. О торгѣ хлѣбомъ во внутреннихъ губ. Россіи. Отеч. Записки. 1840 г. VIII.

Обзоръ дѣйствій департамента сельск. хозяйства. СПБ. 1844—5 гг. СПБ. 1850.

Обозрѣніе Кіевской, Волынской и Подольской губ. 1838—50 гг. Русскій Архивъ 1844 г. III.

Осадчій. Земля и земледѣльцы [illegible] юго-западномъ краѣ. Кіевъ. 1899.

— Крестьянское землепользованіе въ Херсонской губ. Зап. Имп. О-ва Сельско-хоз. южной Россіи. 1897 г. № 2.

Островскій П. Сельско-хозяйственное статистическое описаніе Ростовскаго, Углицкаго, Романоборисоглѣбскаго у. Ярославской губ. СПБ. 1860 г.

Павловъ П. Очеркъ сравнительной хозяйственной статистики Россіи. СПБ. 1869 г.

Павловъ-Сильванскій Н. Б. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв. СПБ. 1910.

Павловскій. Пространная географія Россійской Имперіи.

Пельчинскій В. О состояніи промышленныхъ силъ Россіи до 1832 г. СПБ. 1833.

Писаревскій Г. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII ст. М. 1909.

Плугъ и соха. Писанное степнымъ дворяниномъ (Ростопчинъ). М. 1806.

Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Рязань. 1903.

Пономаревъ. Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи. СПБ. 1888.

Посошковъ. Сочиненіе т. I—II. М. 1842. (Книга о скудости и богатствѣ. Т. I).

Преображенскій. Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. СПБ. 1854.

Протопоповъ. О хлѣбной торговлѣ въ Россіи. Жур. Мин. Госуд. Им. СПБ. 1842. Т. 5.

Пушкаревъ. Новгородская губ. 1844.

Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. СПБ. 1905.

Рожковъ Н. Городъ и деревня въ русск исторіи. СПБ. 1902.

— Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Истор. и соціологич. очерки. Т. II

— Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ Новой Россіи. Научн. Обозрѣніе. 1902 г. №№ 2—3.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права. СПБ. 1870.

Сабуровъ. Ходъ земледѣлія въ Англіи. Москвитянинъ. 1855 г. Ноябрь.

Сабуровъ П. Хозяйственно-статистическая программа для описанія состава, производительной силы и различныхъ принадлежностей русскихъ дворянскихъ имѣній. М. 1858.

Сабуровъ. Вліяніе земледѣлія на государственныя богатства съ русской точки зрѣнія. Журн. Землевл. 1858 г. IX.

Сабуровъ. Записки пензенскаго помѣщика о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства. Отечеств. Запис. 1842—3 гг. XXI—XXVI.

Сабуровъ Я. Промышленный бытъ помѣщиковъ сельскихъ хозяевъ въ многоземельныхъ губ. Отеч. Зап. 1841.

Самаринъ Ю. Сочиненія. Т. II. (М. 1878).

Сборники (земскіе) статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губ. (Балашовскій, Аткарскій, Вольскій, Камышинскій, Сердобскій, Кузнецкій у.у. 1880-е гг.).

Семеновъ А. Изученіе историческихъ свѣдѣній и Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. до 1858 г. Т. 1—3. СПБ. 1859.

Семеновъ Н. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II-го. Т. 1—3. СПБ. 1899—93.

Семевскій В. Крестьяне въ царствованіе Имп. Екатерины II-й. Т. I—II. СПБ. 1859.

— Крестьянскій вопросъ въ XVIII и 1-й половинѣ XIX в. Т. I—II. СПБ. 1886.

— Раздача населенныхъ имѣній при Импер. Екатеринѣ II-й. Отеч. Зап. 1877 г. № 8.

— Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе Имп. Павла. Рус. Мысль. 1882 г. № 12.

Семевскій В. Домашній бытъ крестьянъ во II-й половинѣ XVIII в. Устои. 1882 г. № 1—2.

Сердобскій помѣщикъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Сердобскомъ у. Арх. ист. и практ. свѣд. Т. I. СПБ. 1859.

Скальковскій А. Опись хозяйственно-статистическаго описанія Новороссійскаго края. Т. I—II. Одесса. 1850—3 гг.

— Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края.

— Исторія новой Сѣчи.

Скребницкій. Крестьянское дѣло въ царствованіе Имп. Александра II. Т. I—IV. Боннъ на Рейнѣ. 1862—8.

Смирновъ О. Къ вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Отеч. Зап. 1858 г.—X.

Снѣжневскій В. И. Крѣпостные крестьяне Нижегородской губ. наканунѣ реформы 19-го февраля. Дѣйств. Нижегород. Уч. Арх. Комм. Т. III. Нижній-Новгородъ. 1898.

— Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣднюю четверть XVIII и въ XIX в. Нижегородскій сборникъ изд. Гацисскаго. Т. X.

Совѣтовъ. О системахъ земледѣлія.

— О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ. Изд. 4-е. СПБ. 1879.

Соловьевъ Я. О поземельномъ владѣніи въ Россіи. От. Зап. 1858.

Соловьевъ. Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губ. М. 1855.

Schnitzler. L'empire de Tsars au point actuel de la sciance Th. I—IV. Paris. 1862—9.

Статистическое обозрѣніе Рославльскаго у. Смоленской губ. и Усманскаго у. Тамбовской губ.

Стаховичъ М. А. Историческій взглядъ на земледѣльческій и промышленный характеръ сельскаго хозяйства одного изъ степныхъ краевъ Россіи. Журн. Землевл. 1858 г. №№ 1—2.

Столыпинъ Д. Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостного права. Рус. Арх. 1874 г. № 5.

Сто лѣтъ назадъ. Письмо о земледѣльчествѣ въ Казанской и Оренбургской губ. Записки Казанскаго экономич. О-ва. 1859 гг. №№ 1—2.

Storch. Historisch—statistische gemälde des Russischen Reiches am Ende XVIII Iahrhunerts Th. I—VIII. Riga. 1797—1803.

Стремоуховъ. Описаніе хозяйственнаго распорядка, основаннаго на общественномъ или соединенномъ хозяйствѣ. Земледѣльч. Журн. 1829 г. XXI.

Струве П. Б. Основные моменты въ развитіи крѣпостного права въ Россіи XIX в. Міръ Божій. 1901 г. №№ 10—12.

— Крѣпостная статистика. СПБ. 1901.

— Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. Начало 1899 г. №№ 1—2.

Струковъ. Взглядъ на состояніе разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ южной Россіи за 1849—54 гг. Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1854 г. № 4 и 1855 г. №№ 3—4.

Стршѣмень-Стройновскій (графъ). Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами. 1809.

Сумароковъ. Нѣсколько мыслей объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Рус. Вѣст. 1858 г. VI.

Тенгоборгскій. О производительныхъ силахъ Россіи. Ч. I—II. М. СПБ. 1855 г.—8.

Тепловъ. Историческое и экономическое описаніе улучшенія быта крестьянъ села Молдаванки, Карачевскаго у., Орловской губ.

Трофимовъ. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи.

Тройницкій А. Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи. СПБ. 1861.

Онъ-же. О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи. Жур. Мин. Внут. дѣлъ. 1858 г. Ч. XXX.

Туганъ-Барановскій М. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Изд. 3-е. СПБ. 1907.

Турчиновичъ О. Исторія сельскаго хозяйства Россіи. СПБ. 1854.

Тэеръ А. Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства, переводъ С. А. Маслова съ пред. и примѣч. Н. Н. Муравьева и Е. Крюда. Т. I—III. М. 1830.

Филимоновъ Е. Е. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Краткій историч. очеркъ Малорусск. землевл.

Фирсовъ Н. Н. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII ст. Казань. 1896.

Фоминъ А. О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія въ Россіи. СПБ. 1829.

Фортунатовъ А. Ф. Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М. 1893.

Фундуклей И. Статистическое описаніе Кіевской губ. Т. I—III. Кіевъ. 1852.

Ходскій А. В. Земля и земледѣлецъ. Т. II. СПБ. 1891.

Хозяйственное описаніе Пермской губ. Ч. I—II. Пермь. 1804 г.

Хозяйствен. описаніе Астрахан. и Кавказ. губ. СПБ. 1809.

Хозяйственно-статистическіе матеріалы, собранные коммиссіями и отрядами уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ. СПБ. 1857.

Черемшанскій В. Описаніе Оренбургской губ. въ хозяйственно-статистическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Уфа. 1859.

Черновъ С. Статистическое описаніе Московской губ. М. 1811.

Чичеринъ. О настоящемъ и будущемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ. Атеней. 1858 г. VIII.

Чугуновъ. Историческій обзоръ мѣропріятій правительства къ развитію земледѣлія въ Россіи. Казань. 1858 г.

Шатиловъ. Нѣсколько словъ о годовомъ заработкѣ крестьянскаго тягла. Русск. Вѣстн. 1858 г. VI.

Шелеховъ. О настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи и о причинахъ прошлогоднихъ неурожаевъ. СПБ. 1841 г.

Онъ-же. О пользѣ и средствахъ улучшенія въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Библіотека для чтенія. 1838. IV.

Онъ-же. О вольно-наемномъ трудѣ. Биб. для чт. 1838. VI.

Штаръ. Статистическое описаніе Воронежской губ. (Рукопись). 1812.

Штукенбергъ. Статистическіе труды. Т. I—IV. СПБ. 1858.

Щаповъ. Собраніе сочиненій Т. II. СПБ. 1906. (Историко-географическое распредѣленіе русскаго населенія).

Шербатовъ М. Кн. Сочиненія. Т. I. СПБ. 1906.

Якушкинъ. Очерки по исторіи русской поземельной политикѣ. М. 1890. В. I. XVIII в. (Рецензія Милюкова: „Русская аграрная политика прошлаго ст.“. Рус. Мысль. 1890 г. № 5).

Яновскій. Статист. обозрѣніе помѣщичьихъ имѣній Калужскаго у. Калужск. губ. Вѣдомости 1859 г.

Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. М. 1900 г.

ГЛАВА VI

Пореформенная эпоха.

(Кризисъ трехполья. Борьба за землю. Нивеллировка крестьянскаго хозяйства).

(Предварительныя замѣчанія).

Въ переживаемый нами историческій моментъ многіе склонны смотрѣть на только что промчавшійся періодъ революціонной бури и натиска, какъ на отправной пунктъ грандіознаго перелома въ исторіи нашего государства, общества и всего народа. Въ этотъ періодъ появилось на свѣтъ какое ни на есть законодательное представительство; появились на свѣтъ и зачатки политической жизни, доступной пока открыто, правда только „правымъ“ направленіямъ. Въ міровоззрѣніи и склонностяхъ культурнаго общества происходятъ, повидимому, довольно рѣзкія перемѣны, сводящіяся, въ концѣ концовъ, къ болѣе яркому самоопредѣленію различныхъ классовъ, входящихъ въ это общество, къ дифференціаціи прежней „неопредѣленной однородности“ прогрессивнаго либерализма на буржуазное, демократическое и соціалистическое направленія.

Наконецъ, въ крестьянскихъ классахъ создается закономъ 9-го ноября и новой политикой землеустройства цѣлый переворотъ, выразившійся пока въ переходѣ болѣе 10% общинникъ въ къ частной земельной собственности: на ряду съ индивидуализаціей формъ землевладѣнія растетъ кооперативное движеніе, увеличиваются признаки „прогрессивныхъ теченій“ въ помѣщичьемъ и крестьянскомъ хозяйствѣ, и земледѣльческая Россія начинаетъ болѣе рѣшительнымъ шагомъ выходить на широкую дорогу интенсификаціи сельскаго хозяйства. Конечно, до полной замѣны традиціоннаго трехполья болѣе усовершенствованными системами полеводства еще далеко, но частичныя улучшенія въ хозяйствѣ растутъ въ геометрической прогрессіи.

Все это совершенно вѣрно: дѣйствительно, послѣреволюціонный періодъ уже внесъ нѣчто новое не только въ сферѣ государственной и общественной жизни, но и въ ту область, которую мы спеціально изучаемъ—въ область эволюціи сельско-хозяйственнаго производства и распредѣленія. Однако это новое не настолько велико, чтобы можно было отдѣлить періоды до и послѣ революціи такой же рѣзкой чертой, какой отдѣляется, въ нашемъ представленіи, напри-

мѣръ, крѣпостная отъ пореформенной эпохи. Въ общихъ періодахъ еще много общихъ чертъ, и именовать оба періода *эпохами* хозяйственной эволюціи, намъ кажется нѣтъ достаточныхъ основаній.

Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ продолжаетъ и даже усиливается, хотя, быть можетъ, на непродолжительное время, крестьянское переселеніе—внутренняя колонизація, въ которой правительство увидѣло чуть ли не панацею для рѣшенія „проклятаго“ аграрнаго вопроса. Вмѣстѣ съ колонизаціей, съ разсѣяніемъ населенія, идетъ и разсѣяніе земледѣлія и вновь „колонизаціонныя области пріобрѣтаютъ все усиливающееся значеніе, какъ и „житницы“ остальной Россіи и Европы“.

Намъ могутъ возразить, что разсѣяніе населенія и земледѣлія являлось отличительной чертой рѣшительно всѣхъ эпохъ русской исторіи, и въ этомъ отношеніи качественной разницы нѣтъ, не только между до—и пореволюціоннымъ періодами, но и вообще между отдѣльными эпохами; но есть разница въ основныхъ *причинахъ* колонизаціи до и послѣ эпохи реформъ.

Причины, толкавшія на переселеніе въ прежнія эпохи были, преимущественно, политическаго характера: раздача земель въ помѣстья, гнетъ податей, петровскія реформы, преслѣдованіе раскольниковъ, развитіе крѣпостного права, барщина и т. д. Въ пореформенную эпоху главной причиной является небывалый дотолѣ ростъ населенія и земельная тѣснота. Этотъ небывалый приростъ составляетъ едва ли не самое существенное отличіе послѣдней эпохи, создавшее и остальныя отличія, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ намъ кажется *борьба за землю* между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ и хозяйствомъ. Въ началѣ нашего труда, мы назвали послѣднюю эпоху русской исторіи, которую мы переживаемъ теперь, эпохой борьбы за землю, эпохой обратнаго перехода земли отъ крупнаго нетрудового хозяйства въ руки мелкаго трудового. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы докажемъ, что эпитетъ этотъ дѣйствительно приложимъ къ нашей эпохѣ, что борьба за землю съ перевѣсомъ въ сторону мелкаго землевладѣнія и трудового хозяйства происходитъ, какъ до революціи, такъ и послѣ нея. Эта борьба является общей чертой, объединяющей оба періода пореформенной эпохи и отдѣляющей ее рѣзкой гранью отъ крѣпостной Россіи. Послѣ реформы идетъ, возрастая съ каждымъ годомъ, торжество мелкаго трудового хозяйства.

Этими общими чертами обоихъ періодовъ пореформенной эпохи мы и займемся въ послѣдующемъ изложеніи. По

обычному нашему плану, мы сначала изучимъ ростъ и передвиженіе населенія по территоріи Россіи; разсмотримъ, но только въ самыхъ общихъ чертахъ, эволюцію сельско-хозяйственнаго производства и продолжающуюся тенденцію къ разсѣянію земледѣлія. Въ области, собственно, техники сельскаго хозяйства, въ этой части нашего труда, мы слегка остановимся только на нѣкоторыхъ признакахъ такъ называемаго кризиса трехполья въ земледѣльческомъ центрѣ. Въ предыдущей главѣ мы указали на развитіе кризиса трехполья въ старинномъ московскомъ центрѣ; въ пореформенную эпоху этотъ кризисъ охватилъ и области перваго пояса колонизаціи, въ которыхъ такъ недавно еще утвердилась паровая зерновая система. Но, въ то же время, на ряду съ паденіемъ старыхъ экстенсивныхъ системъ полеводства, въ этихъ областяхъ обнаруживаются первые признаки земледѣльческаго прогресса, двигающагося, по всѣмъ видимостямъ, съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ; есть данныя для того, чтобы установить повышеніе урожаевъ за послѣніе 40—50 лѣтъ.

Эти прогрессивныя стороны сельско-хозяйственной эволюціи будутъ подробно изучены нами въ послѣдней IV части нашего труда, въ которой мы займемся анализомъ предпосылокъ ближайшаго будущаго аграрной эволюціи въ нашей странѣ. Здѣсь же мы остановимся только на нѣкоторыхъ *отрицательныхъ* сторонахъ современнаго земледѣлія въ Россіи, характеризующихъ кризисъ экстенсивныхъ системъ полеводства.

Въ сферѣ *распредѣленія* мы изслѣдуемъ трансформацію землевладѣнія и хозяйства какъ у частныхъ владѣльцевъ, такъ особенно у крестьянъ, у которыхъ богатые матеріалы военно-конскихъ и земскихъ переписей даютъ возможность твердо установить, въ какую сторону идетъ эволюція распредѣленія послѣ освобожденія. Но, мы не будемъ касаться измѣненій формъ общиннаго землепользованія, т. к., во 1-хъ этому вопросу спеціально посвященъ выходящій въ свѣтъ на-дняхъ II-й томъ извѣстнаго сочиненія К. Р. Качоровскаго, въ которомъ будетъ опубликованъ результатъ единственныхъ по объему матеріаловъ, собранныхъ авторомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, во 2-хъ, новѣйшія измѣненія въ формахъ крестьянскаго землепользованія, явившіяся послѣ закона 9 ноября несомнѣнно входятъ въ составъ тѣхъ „предпосылокъ ближайшаго будущаго“, которымъ мы предполагаемъ посвятить четвертую часть нашего труда.

Итакъ, въ настоящей работѣ мы разсмотримъ далеко не всѣ стороны эволюціи производства и распредѣленія, въ

пореформенную эпоху; здѣсь мы остановимся только на ихъ *общихъ чертахъ*, при чемъ въ эволюціи производства мы намѣтимъ, главнымъ образомъ, признаки паденія экстенсивной системы, выражающагося въ сокращеніи площади пашни и посѣвовъ. Всѣ остальные элементы производства: измѣненія культуръ въ посѣвахъ, удобренія, сельско-хозяйственныхъ орудій, урожаевъ и т. д. мы откладываемъ до четвертой части. Мы откладываемъ и анализъ послѣдствій закона 9-го ноября, и кооперативное движеніе—словомъ, всѣ тѣ вопросы, которые составляютъ злобу дня въ настоящій моментъ. Къ этому насъ побуждаетъ еще и отсутствіе достаточнаго количества матеріаловъ, не успѣвшихъ накопиться настолько, чтобы стало возможнымъ объективное фактическое разсмотрѣніе новыхъ явленій нашей аграрной исторіи.

§ 1. Ростъ населенія. Колонизація. Развитіе городской жизни.

Первый фактъ, бросающійся въ глаза при сравненіи новой эпохи со старой, дореформенной—это дѣлающій сильный скачекъ вверхъ, приростъ населенія. Въ 1858 году въ Европейской Россіи было 59,3 милліона человѣкъ; черезъ 50 лѣтъ къ 1908 г. въ ней насчитывается уже 113,8 мил.—почти вдвое болѣе. До реформы приростъ населенія старой Петровской Руси систематически понижался, сократившись съ 1,21% ежегодной прибыли въ 1724—62 г.г. до 0,78%, въ періодъ 1815—51 гг. За 55 лѣтъ, съ 1796 по 1851 гг. населеніе коренной Россіи (по Милюкову) увеличилось съ 29 мил. до 39 мил.—на 34,4%; за 46 лѣтъ до 1897 г. оно выросло на этой территоріи до 65 мил.—на 66,7%. Приростъ населенія во 2-й половинѣ XIX в. вдвое превысилъ приростъ первой половины. Чѣмъ объясняется этотъ новый крайне важный, по своимъ послѣдствіямъ, фактъ...

Предыдущая глава показала намъ, что сокращеніе прироста и даже асолютная убыль въ началѣ XIX вѣка замѣчалась исключительно у помѣщичьихъ крестьянъ. За 1835—58 гг. число государственныхъ крестьянъ увеличилось на 1,7 мил. м. п., или не менѣе чѣмъ на 3,4 мил. душъ обоего пола; помѣщичьихъ, наоборотъ,—сократилось болѣе чѣмъ на 3 мил. душъ обоего пола. Съ момента освобожденія численность помѣщичьихъ крестьянъ опять начинаетъ возрастать и, повидимому, усиленнымъ темпомъ.

Число крестьянъ (обоего пола) въ Европ. Россіи въ тысяч.

	1858 г.	1867 г.
Государственныхъ	20.050,2	23.225,4
Разныхъ вѣдомствъ	2.450,4	1.019,3

	1858 г.	1867 г.
Военныхъ поселянъ	1.119,3	—
Колонистовъ . . .	449,6	608,1
Итого .	24.069,5	24.852,8
Удѣльныхъ . . .	2.070,0	1.419,4
Горнозаводскихъ . .	267,3	—
Помѣщичьихъ . .	22,546,7	25.847,4
Итого .	24.884,0	27.266,8
Всего .	48.953,5	52.119,6

Данныя 1858 и 1867 гг. не вполнѣ сравнимы: во 1-хъ, въ 1858 г. была перепись, а свѣдѣнія за 1867 г. брались изъ губернаторскихъ отчетовъ, т. е. изъ канцелярской волостной и полицейской, такъ называемой „потолочной“ статистики, во 2-хъ, многочисленные разряды крестьянъ, существовавшихъ до реформы, перепутались послѣ нея и начали сливаться въ два основныхъ разряда — казенныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ. Но всетаки, эта табличка даетъ право сказать, что помѣщичьи крестьяне послѣ реформы сразу нарушили тенденцію къ быстрому приросту, быть можетъ, даже въ первое время, болѣе интенсивному, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ. По табличкѣ государственные крестьяне всѣхъ категорій возросли на 800 тысячъ, помѣщичьи и удѣльные—на 2,4 милліона.

Отсюда видно, что освобожденіе крестьянъ сразу повліяло на ростъ населенія въ благопріятную сторону: магическое слово „воля“ дало толчекъ къ быстрому размноженію бывшихъ крѣпостныхъ. Произошло ли это любопытное явленіе вслѣдствіе нѣкотораго улучшенія средствъ къ существованію, отбиравшихся раньше помѣщикомъ, т. е. благодаря экономическимъ причинамъ, или тутъ повліяла создавшаяся независимость брачныхъ союзовъ отъ господской воли и прихоти (а это могло больше всего отразиться на многомилліонной дворнѣ, обреченной зачастую на безбрачіе), т. е. нѣкоторое улучшеніе *правовыхъ* условій крестьянской жизни—для насъ не важно. Намъ важно констатировать самый фактъ возобновившагося прироста у бывшихъ крѣпостныхъ, который вполнѣ объясняетъ, почему общій ростъ всего населенія увеличился именно вдвое: крѣпостные составляли половину всѣхъ крестьянъ и отсутствіе прироста у нихъ должно было почти вдвое сокращать возрастаніе общей массы населенія въ послѣднія десятилѣтія передъ реформой.

Итакъ убыстренный ростъ населенія въ пореформенную эпоху составляетъ первое характерное отличіе ея отъ предыдущей. Но, какъ и въ крѣпостную эпоху, сопоставленіе данныхъ 1858 и 1907 гг. показываетъ, что населеніе возросло далеко не равномѣрно въ разныхъ углахъ Россіи.

Количество всего населенія въ тысяч.

	Раіоны:	1858 г.	1907 г.	Отношеніе чиселъ 1907 къ 1858 гг., принятыхъ за 100.
Центръ.	Московско-промыш.	8462,6	12799,3	151
	Сѣверо-западн. . .	2764,8	5664,9	205
	Сѣверный . . .	1513,9	2401,5	159
	Всего центръ . .	12.741,3	20.865,7	164
1-й поясъ колонизаціи.	Центр. землед. . .	9784,8	15858,2	160
	Средне-волжск. . .	6768,6	11118,7	163
	Сѣверо-восточн. .	4170,4	7220,9	173
	Вост.-малорос. . .	4873,6	9448,9	192
	Всего 1 поясъ . .	25.597,4	43.646,7	170
2-й поясъ.	Заволжскій [1]) . .	4044,1	9361,8	231
	Новороссійскій . .	4574,2	13608,9	295
	Всего 2-й поясъ .	8.618,3	22.963,7	266
3-й поясъ.	Сѣверн. нов. . .	1732,5	5305,8	312
	Сибирь [2])	3141,2	7049,2	226
	Средн.-азіат. степи.	2626,2	5891,7	225
	Всего 3 поясъ . .	7.499,9	18.246,7	243
Западъ.	Западн. Малоросс. .	5221,0	11650,6	223
	Литва и Бѣлоруссія	5399,0	12095,4	224
	Прибалт. край . .	1754,1	2618,9	149
	Царств. польск. [2])	5319,3	11360,9	214
	Финляндія . . .	1636,5	2968,6	111
	Всего западъ . .	19.329,9	40.694,4	211
	Закавказье [2]) . .	2425,4	5602,6	231
	Вновь пріобрѣтенныя области Азіи [3])	—	3413,5	—
	Итого Россійская имперія . . .	76.212,2	155.433,3	204

[1]) Въ Заволжье заключены кромѣ Астраханской и Самарской губ., Оренбургская и Уфимская, колонизація которыхъ продолжалась послѣ реформы.

[2]) Данныя лѣваго столбца—60 гг.

[3]) Ферганская, Самаркандская, Закаспійская.

Минимальный приростъ въ великороссійскихъ раіонахъ, какъ и въ дореформенную эпоху, даетъ московская область, гдѣ населеніе увеличилось всего въ полтора раза, тогда какъ во всей Россіи оно удвоилось. Правда за эти 50 лѣтъ оно увеличилось на большую величину, чѣмъ за 150 лѣтъ крѣпостной эпохи, но все-таки это увеличеніе было значительно ниже нормальнаго естественнаго прироста въ Россіи, и это, не смотря на то, что здѣсь довольно сильно развилась городская жизнь и число горожанъ поднялось съ 966 тысячъ до 2151 тыс.—въ 2,23 раза; число однихъ сельскихъ жителей—увеличилось только въ 1,42 раза. Также слабо прирастало населеніе и въ сѣверномъ раіонѣ (увеличеніе въ 1,59 разъ); только, на сѣверо-западѣ мы находимъ нормальное возрастаніе населенія, зависящее, впрочемъ, въ значительной степени, отъ количественнаго роста горожанъ (съ 715,3 тыс. до 2152,3 тыс.—въ 3,01 разъ), сельское же населеніе и здѣсь увеличивалось довольно слабо (въ 1,71 разъ), хотя болѣе интенсивно, чѣмъ въ двухъ другихъ раіонахъ.

Однако раіоны стариннаго центра, съ конца XVI вѣка отличавшіеся слабостью своего прироста, въ пореформенную эпоху уже не составили единственнаго исключенія: къ нимъ примкнули въ этомъ отношеніи два раіона черноземнаго центра, бывшіе въ XVIII и въ началѣ XIX вв. житницей Россіи: центрально-земледѣльческій и среднее Поволжье. Здѣсь населеніе за 50 лѣтъ увеличилось только на 60—63% —почти на половину менѣе, чѣмъ во всей остальной Россіи. Такое „оскудѣніе“ населеніемъ этихъ раіоновъ, привлекшихъ въ дореформенную эпоху, около 9 милліоновъ новаго населенія, показываетъ, что они не только перестали служить для трудовыхъ массъ колонизаціоннымъ убѣжищемъ, но, что, наоборотъ, отсюда уже двинулась масса эмигрантовъ, направившихся на югъ и востокъ, въ болѣе привольныя мѣста.

Слабо увеличилось населеніе и на сѣверо-востокѣ, въ Вятской и Пермской губерніяхъ: суровый климатъ, тяжелыя условія ликвидаціи крѣпостного права у горнозаводскихъ крестьянъ не дали здѣсь развиться болѣе или менѣе значительному приросту. Впереди всѣхъ раіоновъ бывшаго перваго пояса колонизаціи, ставшаго теперь метрополіей для окраинъ, идетъ восточная малороссія, гдѣ благодатный климатъ и почва способствовали размноженію населенія, хотя этотъ раіонъ, при небольшихъ надѣлахъ, еще очень недавно давалъ максимальное количество переселенцевъ.

Всѣ эти области—старинаго центра и перваго пояса лежатъ *подъ* чертой нормальнаго всероссійскаго прироста, откуда можно предположить, что при господствовавшемъ въ нихъ экстенсивномъ трехпольѣ, когда населенію становится тѣсно при густотѣ въ 40 человѣкъ на кв. в., они уже были перенасыщены населеніемъ въ моментъ ликвидаціи крѣпостного права. Однако цифры, густоты на первый взглядъ, не подтверждаютъ этого предположенія:

на 1 кв. в. приходилось сельскаго населенія:

	въ 1858 г.	1907 г.
Московско-промышл. раіонъ	24,2	34,3
Сѣверо-западный	11,3	19,4
Сѣверный	1,2	1,9
Центральн.-земледѣл. . . .	34,8	55,9
Средне-волжск.	24,7	40,0
Сѣверо-восточн.	8,6	16,2
Восточно-малорос.	31,9	61,1

Только въ двухъ раіонахъ и то лишь въ 1907 году сельское населеніе превысило предѣльную норму густоты при трехпольи.

Но такой разсчетъ густоты, очень часто примѣняемый во многихъ изслѣдованіяхъ, будетъ невѣрнымъ: во 1-хъ потому, что отсюда не исключена неудобная, негодная для сельскаго хозяйства земля, а во 2-хъ потому, что переселяется, главнымъ образомъ, трудовое земледѣльческое населеніе и, стало быть, опредѣленіе густоты должно основываться только на той площади, которая находится въ его пользованіи, т. е. на площади надѣльной, купчей, и арендованной земли.

Сдѣлаемъ такой разсчетъ: для 60-хъ годовъ возьмемъ цифры надѣльной земли и опредѣлимъ по отношенію къ нимъ плотность крестьянскаго населенія: для послѣдняго періода возьмемъ количество земледѣльческаго населенія по переписи 1897 года и опредѣлимъ его плотность по отноше-

нію къ надѣльной, купчей (данныя 1905 г.) и арендованной (данныя 1887 г. и 1904 г.) [1]) Получаемъ такія цифры:

На 1 кв. версту человѣкъ.

	1860 гг. (крестьяне къ надѣльн. землѣ).	1890 — 900 гг. крестьяне къ надѣльной, купчей и арендов. землѣ.	1890 — 900 гг. земледѣльческ. населеніе къ надѣльной, купчей и арендованной землѣ.
Московск. промышл. раіонъ	50,7	51,1	41,6
Сѣверо-западный . .	36,9	42,1	36,3
Центрально-землед.	56,4	65,1	64,3
Средне-волжскій .	48,4	53,2	51,2
Восточно-малорос. .	63,8	67,1	71,4

Цифры перваго и второго столбцовъ не вполнѣ точны, т. к. среди крестьянъ, особенно промышленныхъ раіоновъ, много занимающихся, главнымъ образомъ, промыслами, которые къ землѣ имѣютъ мало касательства: но за то онѣ сравнимы между собой. Цифры 3-го столбца, характеризующія плотность чисто *земледѣльческаго* населенія, будутъ болѣе точными, но онѣ несравнимы съ данными 60-хъ годовъ. Тѣмъ не менѣе всѣ три столбца даютъ такіе выводы.

1) Уже въ 60-хъ годахъ плотность крестьянскаго населенія почти во всѣхъ раіонахъ (кромѣ безплоднаго сѣверо-запада), дающихъ пониженный приростъ, превышала обычную норму густоты при трехпольи. 2) Съ тѣхъ поръ крестьянское населеніе сгустилось сравнительно слабо отчасти, благодаря развитію промысловъ, отчасти вслѣдствіе покупки и аренды владѣльческихъ земель и, наконецъ, переселенія. Слабость дальнѣйшаго возрастанія густоты свидѣтельствуетъ, что она дошла до послѣдняго предѣла, возможнаго при данныхъ системахъ полеводства, превысившаго въ нѣкоторыхъ раіонахъ 60 человѣкъ на кв. версту; дальше, если бы негдѣ было покупать и арендовать землю, некуда было бы переселяться, и по тѣмъ или инымъ причинамъ, невозможно бы было перейти къ болѣе интенсивнымъ системамъ, допускающимъ высшую плотность населенія—должно было послѣдовать *вымираніе* крестьянъ, подобное вымиранію бывшихъ крѣпостныхъ передъ освобожденіемъ.

Но густота въ 50—60 человѣкъ на 1 кв. версту, общая для всѣхъ разрядовъ крестьянъ еще колеблется по отдѣльнымъ категоріямъ, въ зависимости отъ степени надѣленія

[1]) Взяты изъ „Статистич. свѣд. по земельному вопросу въ Европейской Россіи".

ихъ при освобожденіи. Такъ, по сдѣланному нами для Воронежской губ., подсчету, у государственныхъ крестьянъ (на надѣльной, купчей и арендованной землѣ) плотность равна 44,6 человѣкъ на кв. в., у помѣщичьихъ-собственниковъ—66,5 человѣкъ, у дарственниковъ—80,8 человѣкъ (а безъ купчей и арендованной—375 челов.).

При такихъ условіяхъ, если бы у всѣхъ разрядовъ крестьянъ приростъ былъ одинаковымъ, дарственники могли бы дойти до густоты, существующей въ Китаѣ, гдѣ садятъ огороды на рѣчныхъ плотахъ. Но природа поступила въ данномъ случаѣ, благоразумно она *нивеллировала* густоту, ослабляя приростъ у малонадѣльныхъ группъ и увеличивая его у многонадѣльныхъ. За 1859—78 гг. населеніе выросло.

Въ общинахъ съ надѣломъ до	2-хъ	дес.	на	18,3%
„ „	2—4	„	„	20,0 „
„ „	4—6	„	„	23,5 „
Свыше	6	„	„	29,4 „[1])

Общины съ минимальнымъ надѣломъ дали приростъ на 60% меньшій, чѣмъ общины съ надѣломъ свыше 6 десятинъ на душу.

Перечисленные раіоны въ пореформенную эпоху явились центромъ, метрополіей, изъ которой изливался колонизаціонный потокъ на южныя и восточныя окраины. Какъ показываетъ приведенная выше таблица, больше всего пока возросло населеніе на югѣ: на сѣверномъ Кавказѣ (въ 3,12 разъ) и въ Новороссіи (въ 2,95 разъ). Сюда, въ эти теплые черноземные края хлынуло населеніе изъ центральныхъ раіоновъ тотчасъ же послѣ освобожденія. Въ Кубанской области до 1860 г. было основано 170 русскихъ поселеній съ 227,7 тысяч. душъ (по даннымъ 1871 г.), за 1861—71 гг. основалось еще 150 поселеній съ 155,4 тыс. душъ; за одинъ 1872 годъ переселилось сюда еще 54,1 тыс. душъ, всего, стало быть, за 11 лѣтъ послѣ реформы, во всякомъ случаѣ, болѣе 210 тыс. русскихъ поселенцевъ. До освобожденія, на Кубань переселеніе шло по правительственной иниціативѣ: не говоря о запорожскихъ казакахъ, въ 1810-хъ гг. въ Черноморье переселено 25 тыс. душъ казаковъ изъ Полтавской и Черниговской губ., затѣмъ, при Киселевѣ, сюда переселяли и казаковъ и государственныхъ крестьянъ. Послѣ 1868 года регулированная правительствомъ колонизація прекращается и остается одно вольно-народное переселеніе. „Русскія переселенія, говоритъ кн, Васильчиковъ, уже проникли почти

1) Цифры взяты у Солнцева „Очерки изъ исторіи естественнаго движенія населенія и крестьянскаго землевладѣнія въ Европейской Россіи“.

до подошвы Арарата и дошли до этого предѣла не только безъ пособій, но и безъ всякаго руководства правительства".

На Кубани и въ Черноморьи переселенцы селились, главнымъ образомъ, на земляхъ пожалованныхъ генераламъ и офицерамъ за военныя дѣйствія противъ горцевъ. Однако, въ скоромъ времени, офицеры передали свои земли промышленникамъ—овцеводамъ, что и повело къ вздорожанію арендной платы за 10 лѣтъ съ 3-хъ до 10-ти—и 12-ти руб.

Въ концѣ 60-хъ гг. масса малорусскихъ крестьянъ двинулась на Кубань за казенными землями: но тамъ ихъ уже не нашли и перешли въ Ставропольскую губернію. Здѣсь, небольшая часть ихъ была надѣлена казенной землей, но большинство, благодаря трудности приписки, такъ и не устроилось до 70-хъ гг. Впрочемъ, Ставропольская губернія была почти единственной на югѣ, гдѣ крестьяне могли стать земельными собственниками. По свидѣтельству авторовъ земскаго изслѣдованія по переселенію крестьянъ Полтавской губ. [1]) переселенцы переходили сначала въ ближайшій Новороссійскій раіонъ. „Но Новороссія оказывается для нихъ наименѣе гостепріимною. И не абсолютный недостатокъ земли служитъ тому помѣхой: земель, остающихся въ пустѣ и тщетно ожидающихъ человѣческихъ рукъ для своей обработки, здѣсь имѣется до сихъ поръ еще масса..... Но если пустыхъ земель много, то свободныхъ не оказывается почти вовсе: предшествующая аграрная политика привела къ тому, что юридически свободныхъ земель, здѣсь уже нѣтъ". На Дону и на Кубани всѣ земли представляли казачье достояніе и лишь сдавались въ аренду, какъ изъ такъ называемыхъ войскового запаса, такъ и изъ пожалованныхъ офицерскихъ земель.

Такимъ образомъ, собственникомъ крестьянинъ могъ сдѣлаться только въ Ставропольской губ., гдѣ и осѣло до второй половины 70-хъ гг. 54% полтавскихъ переселенцевъ. Въ остальныхъ мѣстахъ онъ могъ стать только арендаторомъ —въ Новороссіи помѣщичьихъ, въ казачьихъ предѣлахъ— войсковыхъ и офицерскихъ владѣній.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что сдача въ аренду была сильно развита. Нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, весьма цѣнныхъ при рѣдкомъ населеніи, имѣя огромные запасы пустующихъ земель, владѣльцы охотно платили крестьянамъ за работу не деньгами, а землей. Крестьяне „беруть иногда обработку цѣлаго небольшого участка изъ извѣстной части урожая; затѣмъ, ходя туда на работы изъ года въ годъ, начинаютъ снимать землю за деньги и, такимъ образомъ, дѣ-

[1]) Переселеніе изъ Полтавской губ. съ 1861 по 1-е іюля 1900 года.

лаются арендаторами, особенно, если первые опыты имъ удаются. Часто снимаютъ они участки на нѣсколько лѣтъ или у крупныхъ съемщиковъ, или у офицеровъ въ казачьихъ земляхъ, строятъ землянки, переводятъ туда семейства или своихъ односельцевъ, а затѣмъ и навсегда остаются тамъ, приписываясь къ новымъ землямъ. Такихъ арендаторовъ—крестьянъ много и въ Донской обл., особенно въ Донецкомъ округѣ (преимущественно воронежскихъ и харьковскихъ) и въ Кубанской обл. и въ Ставропольской и въ Самарской губ.“ [1]) Здѣсь они находятъ забытый на родинѣ просторъ степей, большія стада привольно тебенюющаго скота и пшеничный хлѣбъ. Переселяющіеся на Кубань приписывались въ городскіе мѣщане.

Въ общемъ итогѣ, не смотря на слабую возможность получить на югѣ землю въ полный надѣлъ, туда до 80-хъ гг. направлялись главныя массы переселенцевъ изъ центральныхъ черноземныхъ губерній. Данныя о переселеніи въ эту эпоху очень скудны. Вотъ они въ сведенномъ видѣ.

Изъ 100 семействъ или душъ переселилось:

	Въ Новороссію.	На сѣвери. Кавказъ.	Въ Заволожье.	Въ Сибирь и ср. Азію.	Въ прочія мѣста.
Изъ Тамбовск. г. (до 1881 г.)	21,3		34,0	44,7	
„ Пензенск. г. (тоже) . .	30,4		41,5	28,1	
„ Рязанск. г. (до 1876 г) .	76,0		10,0	8,0	6,0
„ Воронеж. г. (до 1890 г.)	40,6	35,8	5,0	8,5	10,1
„ Полтавск. г. (до 1876 г.)	38,9	50,2	2,3	0,1	8,5

Изъ Тамбовской и Пензенской губ. болѣе близкихъ къ востоку, переселенческая волна шла на ближній востокъ, изъ болѣе близкихъ къ югу Рязанской, Воронежской, Полтавской—на югъ.

Но, съ конца 70-хъ и 80-хъ гг. и здѣсь наступаетъ поворотъ переселенческаго движенія на востокъ, и притомъ не на ближній, а на дальній—въ Сибирь и среднюю Азію.

	Въ Новорос. и Сѣв. Кавк.	Заволожье.	Сибирь.	Прочія мѣста.
Изъ Рязанск. г. (1877—82 г.)	8,1	10,2	81,4	0,3
„ Полтавск. г. (1877—93 г.)	64,8	4,8	14,6	15,8
Тоже (1894—900 г.) . .	—	13,0 —	87,0	—

1) Чаславскій В. И. Земледѣльческіе отхожіе промыслы въ связи съ переселеніемъ крестьянъ. (Сборн. госуд. знаній т. II, стр. 204).

Изъ Рязанской губерніи, лежавшей дальше отъ юга, съ конца 70-хъ гг. изъ Полтавской,—ближней—позже (съ 90-хъ гг.) наступаетъ этотъ поворотъ въ направленіи эмиграціи, показывающій, что на югѣ, въ это время чужому человѣку уже трудно приткнуться. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1890-хъ г. густота земледѣльческаго населенія Новороссіи (безъ Донской области) на надѣльной, купчей и арендованной землѣ уже достигла 41,9 человѣкъ, а крестьянскаго—45 человѣкъ на кв. версту, т. е. превзошла нормальную плотность при трехпольи.

Быть можетъ, болѣе раннему движенію въ Сибирь, кромѣ ея отдаленности и неизвѣстности, препятствовала и правительственная политика, до 80-хъ годовъ прямо враждебная переселенію.

До освобожденія министерство гр. Киселева переселило сюда десятки тысячъ государственныхъ крестьянъ. Только за 1852—4 гг. въ Тобольскую и Томскую губ. было перечислено 38,2 тыс. переселенцевъ. [1]) За 1846—79 гг. перечислено въ эти двѣ губерніи 78,8 тыс. душъ м. п. Самые большіе размѣры переселеніе имѣло передъ крымской войной, за 1855—60 гг. оно ослабѣло, съ 60-хъ гг. опять усилилось, причемъ, вмѣстѣ съ государственными, въ первый разъ потянулись и бывшіе крѣпостные крестьяне. Въ 70-хъ гг. переселеніе въ Сибирь ослабѣваетъ.

Неурожай 1879—80-хъ гг. сразу заставилъ сдвинуться вмѣстѣ сотни тысячъ душъ и съ тѣхъ поръ переселенческій потокъ, то усиливаясь, то ослабѣвая, но никогда уже не падая ниже нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ и возвышаясь за послѣдніе годы до 600—700 тыс., не перестаетъ перетекать сначала въ Сибирь, а затѣмъ въ среднеазіатскія степи. За 1860—85 гг. переселилось въ Сибирь 300 тыс. душъ обоего пола, причемъ только за 1881—83 гг.—108,5, что указываетъ на рѣзкое повышеніе колонизаціи именно съ 80-хъ гг. Съ 1892 голоднаго года и далѣе—со времени постройки Сибирской желѣзной дороги правительство мѣняетъ фронтъ своей переселенческой политики, начинаетъ относиться болѣе благосклонно къ переселенію, а за послѣдніе годы даже поощряетъ и развиваетъ переселенческое движеніе.

За 20 лѣтъ съ 1885 по 1904 гг.. перевалило за Уралъ 1488 тыс. чел., причемъ въ первое дѣсятилѣтіе 1885—94 гг.—367,3 тыс. во второе (1895—904)—1.120,7 тыс.—втрое больше.

---

1) Ежегодникъ Россіи 1907 г. статья Патканова по Ядринцеву: (Сибирь, какъ колонія), въ 1854 г. перечислено 19,2 тыс. душъ.

Наконецъ за послѣдніе пять лѣтъ 1905—9 гг. число переселенцевъ перешло уже за *два милліона*: средній ежегодный размѣръ переселенческаго движенія въ десятилѣтіе 1885—94 гг. составилъ 37 тыс., въ 1895—904 гг.—112 тыс., и за послѣдніе 5 лѣтъ—420 тыс.

Откуда и куда двигались Сибирскіе и Средне-азіатскіе колонисты.

За 1885—904 гг. переселилось:

Изъ центральн.-землед. раіона	30,1% всѣхъ переселенц.
Восточной малороссіи . . .	25,4 „
Изъ Литвы и Бѣлоруссіи . .	11,7 „
„ Средняго поволжья . .	9,0 „
„ Новороссіи	6,4 „
„ Низоваго поволжья . .	3,6 „
„ Сѣверо-востока	6,6 „
„ Прочихъ раіоновъ . . .	7,2 „

Изъ раіоновъ земледѣльческаго центра—центральнаго, средне-волжскаго, и восточной Малороссіи переселилось двѣ трети (64,5%) всѣхъ эмигрантовъ въ Азію. Но за послѣднее время эмиграція изъ этихъ раіоновъ ослабѣваетъ и усиливается съ запада и съ юга: за пятилѣтіе 1899—903 гг. эмиграція съ запада увеличилась въ 2,22 раза сравнительно съ предыдущимъ, а изъ Новороссіи въ 2,59 разъ. Очевидно, та площадь, которая доступна трудовымъ земледѣльцамъ въ Новороссіи, къ 900 годамъ оказывается уже перенасыщенной населеніемъ. Конечно, это перенасыщеніе весьма *относительно*. А. А. Кауфманъ, очень удачно назвалъ его относительнымъ малоземельемъ, которое должно сократиться при дальнѣйшей интенсификаціи системъ полеводства...

Вотъ, въ общихъ чертахъ, исторія нашей внутренней колонизаціи за послѣдніе полвѣка. Приблизительно до 80-хъ годовъ, переселенческое движеніе направляется изъ черноземнаго центра, главнымъ образомъ, *на югъ*—въ Новороссію, на сѣверный Кавказъ—и отчасти на ближній Востокъ—въ Заволжье; съ 80-хъ годовъ оно перебрасывается черезъ Уральскій хребетъ, направляясь сначала въ ближайшую западную часть Сибири, потомъ въ восточную и наконецъ, въ послѣдніе годы поворачиваетъ на югъ—въ средне-азіатскія степи.

Изъ 100 душъ переселившихся въ Азію осѣло:

	Въ 1885—93 гг.	1894—8 гг.	1899—90 г.	1904—8 гг.
Въ запад. Сибири .	82,6	63,0	50,3	27,1
„ восточной . .	12,8	14,8	30,1	13,9
„ степн. област. .	4,6	21,3	18,8	58,3
„ остальн. мѣстахъ	—	0,9	0,8	0,7

Первоначально резервуаромъ, изъ котораго вытекаетъ переселенческій потокъ, служитъ черноземный центръ, но за послѣдніе годы переселенцы выходятъ въ увеличенномъ числѣ съ юга и съ запада. Мы видѣли, что при крѣпостномъ правѣ, въ началѣ XVIII вѣка переселенцы выходили только изъ промышленнаго центра, а въ концѣ эпохи—уже изъ черноземныхъ губерній. Такимъ образомъ, на протяженіи двухъ столѣтій, эмиграція охватываетъ все новыя и новыя области такъ же, какъ и иммиграція. Теперь эмиграція и иммиграція распредѣлились уже по частямъ свѣта: переселеніе идетъ почти изъ всей Европейской Россіи въ Азіатскую: внутри-же Европейской Россіи разселеніе, повидимому, уже заканчивается, плотность населенія здѣсь болѣе или менѣе нивеллирована и только современная аграрная политика можетъ дать на нѣкоторое время новый толчекъ въ этомъ направленіи.

Въ общемъ итогѣ, перемѣщеніе населенія за 50 лѣтъ выразилось въ такихъ цифрахъ:

	% населенія, проживавшаго.		На сколько милліоновъ увеличилось или уменьшилось населеніе,
	въ 1858 г.	въ 1907 г.	сравнит. со среднимъ приростомъ (+ или —).
Въ раіон. старин. центра (Московск., сѣверо-западномъ, сѣверномъ).	23,4	19,7	—3,8
Перваго пояса колонизаціи (Центр.-земледѣл., средневолжск., восточно-малорос. сѣверо-восточн.) . . .	47,0	41,3	—6,1
Второго пояса (Заволжья, Новороссіи)	15,8	21,7	+6,2
Третьяго пояса (Сѣвер. Кавк., Сибири, средней Азіи). .	13,8	17,3	+3,7

Области промышленнаго и земледѣльческаго центровъ, въ которыхъ въ 1858 г. сосредоточивалось 70,4% всего населенія, теперь имѣютъ только 61%. Онѣ потеряли, приблизительно, около 10 милліоновъ душъ, передвинувшихся на югъ и на востокъ и перевалившихъ за Уралъ.

Внутри европейскихъ государствъ подобныхъ перемѣщеній населенія не существуетъ, такъ какъ тамъ плотность населенія давно уже нивеллировалась, насколько позволяли это естественныя и политическія условія. Но за то тамъ существуетъ и развивается переселеніе изъ деревни *въ городъ* и *эмиграція за океанъ*.

За 1851—1891 гг. въ трехъ европейскихъ странахъ: Великобританіи, Германіи (1871—1891 гг.) и Франціи городское населеніе увеличилось на 24,9 мил.; за это же время (во Франціи—за 1857—93 гг.) изъ этихъ странъ эмигрировало 9,4 мил. [1])

Распредѣленіе населенія между городомъ и деревней измѣнилось во второй половинѣ вѣка въ такой пропорціи:

	% городскихъ жителей		% сельскихъ жителей	
	1851 гг.	1900-е гг. [2])	1851 гг.	1900-е гг.
Англія . .	51,0	77,0	49,0	23,0
Франція .	25,5	41,0	74,5	59,0
Германія (1771)	36,1	57,0	63,9	43,0

Во всѣхъ этихъ странахъ сельское населеніе убыло не только относительно, но и *абсолютно*: въ Великобританіи 1851—1891 гг.) съ 15.7 мил. до 13,8 мил., во Франціи (тоже) съ 26,6 мил. до 24 мил., въ Германіи (1871—1891 гг.) съ 26,2 мил. до 26,1 мил. Населеніе, живущее сельско-хозяйственнымъ трудомъ, въ этой странѣ сократилось съ 19,2 мил. въ 1882 г. до 17,7 мил. въ 1907 г. Отсюда видно, что въ европейскихъ государствахъ, главнымъ образомъ, города и отчасти, эмиграція заграницу, поглотила не только *весь* естественный приростъ сельскаго населенія, но и часть коренныхъ жителей деревни.

Такимъ образомъ, въ Европѣ а) ростъ городского населенія за счетъ сельскаго, превышаетъ, по своимъ размѣрамъ эмиграцію за океанъ, б) города и заокеанскія страны поглощаютъ съ избыткомъ весь приростъ сельскаго населенія. Не то въ Россіи. Въ 1858 г. во всѣхъ областяхъ Россіи, кромѣ запада и Закавказья было 5,0 мил. горожанъ и 49,5 мил. сельскихъ жителей, въ 1907 г. первыхъ 12,8 мил.,

[1]) Разсчитано по Веберу: „ростъ городовъ въ XIX ст.“, и энц. слов. Брокгаузъ. ст. эмиграція (80 полутомъ).

[2]) По Заку, соціально-политическія таблицы.

вторыхъ—92,9 мил. Горожане увеличились на 7,8 мил., сельскіе обыватели—на 43,4 мил. почти *вшестеро* болѣе. Правда, городское населеніе растетъ быстрѣе сельскаго, почти относительно вдвое: за 50 лѣтъ первое увеличилось на 156%, второе—на 87%, но т. к. нормальный приростъ всего населенія—94%, то отсюда слѣдуетъ, что города поглотили всего 7—8% естественнаго прироста сельскаго населенія, тогда какъ въ Европѣ они отнимаютъ его у деревни почти цѣликомъ.

Эти сопоставленія показываютъ, что въ Россіи городская жизнь, сравнительно съ западной Европой, развивается очень медленнымъ темпомъ. Избыточное населеніе центральныхъ раіоновъ предпочитаетъ переселяться на окраины, очевидно, потому, что въ городахъ оно не находитъ достаточно заработковъ. И это положеніе касается, какъ промышленныхъ, такъ и земледѣльческихъ областей. Такъ въ Московскомъ и Сѣверо-западномъ раіонахъ сельское населеніе увеличилось, приблизительно, на 4,3 мил. душъ менѣе, чѣмъ оно должно бы увеличиться при нормальномъ приростѣ; между тѣмъ городское населеніе возросло только на 2,5 мил.

Отбрасывая естественный приростъ горожанъ, равный, круглымъ счетомъ, полутора мил., получимъ, что три слишкомъ милліона душъ деревенскихъ жителей промышленныхъ раіоновъ, разошлись по другимъ областямъ, вѣроятно, больше всего какъ отхожіе промышленники. Точно такъ же, какъ и отхожіе земледѣльческіе рабочіе изъ черноземнаго центра, разные плотники, каменьщики и проч. профессіональные рабочіе изъ промысловыхъ мѣстностей, уходя на заработки въ черноземныя степи, на югъ и на востокъ, доходя до Сибири, иногда осаживаются окончательно на мѣстахъ отхода. „За временными отходами, говоритъ Янсонъ, зачастую слѣдуетъ обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ самостоятельнымъ промысломъ и окончательное переселеніе“[1]).

Вообще, громадное пространство Россіи способствуетъ тому, что въ городахъ сосредоточивается не вся промышленная жизнь страны: милліоны промышленныхъ рабочихъ, кустарей, ремесленниковъ, торговцевъ и т. д. живутъ въ селахъ и деревняхъ, и поэтому возрастаніе населенія, занятаго торговлею и промышленностью, можно предполагать нѣсколько болѣе широкимъ, чѣмъ это показываютъ цифры однихъ горожанъ. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній о профессіональномъ сословіи населенія въ началѣ дореформенной эпохи.

[1]) Янсонъ. Сравнительная статистика Россіи и западно-Европейскихъ государствъ т. I стр. 167.

По весьма приблизительнымъ вычисленіямъ Янсона, въ 60-хъ годахъ неземледѣльческаго населенія было 14%; по переписи 1897 года—25%. Горожанъ въ Европейской Россіи въ 1858 г. было 9,4%, въ 1907 году—12,5%. Если бы цифры Янсона были вѣрны, то отсюда мы бы могли заключить о необычайномъ возрастаніи внѣгородского промысловаго населенія: но онѣ слишкомъ проблематичны и поэтому наше мнѣніе о ростѣ внѣгородскихъ и неземледѣльческихъ промысловъ съ 60-хъ годовъ является только гипотезою.

Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно одно, что въ Россіи сельское и даже только земледѣльческое населеніе, въ абсолютныхъ числахъ, увеличивается несравненно быстрѣе, чѣмъ городское и вообще промысловое. Можно сказать даже, что относительный ростъ городовъ теперь идетъ немногимъ быстрѣе, чѣмъ въ дореформенную эпоху. Съ 1794 до 1858 года число горожанъ увеличилось, приблизительно, въ два съ половиною раза; во столько же разъ оно увеличилось и въ слѣдующіе 50 лѣтъ.

Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ Россіи городская жизнь развивается значительно болѣе медленнымъ темпомъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Причина этой разницы между Европой и Россіей лежитъ не только въ относительно слабомъ развитіи индустріи у насъ; она лежитъ еще въ томъ, что Россія, въ своемъ цѣломъ, до сихъ поръ совмѣщаетъ двѣ области: область метрополіи и область колоній. Ростъ городовъ въ западной Европѣ былъ бы немыслимъ, если бы европейскихъ горожанъ не кормили своимъ хлѣбомъ заокеанскія страны, Россія и Индія.

Десятки милліоновъ городскихъ обитателей Европы кормятся продуктами труда сотенъ милліоновъ земледѣльцевъ другихъ странъ.

Въ Россіи земледѣльцы въ XIX в. подкармливаютъ не одну Европу: уже въ дореформенную эпоху раіоны перваго пояса кормили своимъ хлѣбомъ оскудѣвшій московскій центръ. Послѣ реформы произошло „оскудѣніе“ перваго пояса—земледѣльческаго центра, превратившагося въ метрополію. Теперь, на югъ и на востокъ все болѣе и болѣе возлагается миссія кормить своимъ хлѣбомъ не только Европу, но и значительно возросшій контингентъ раіоновъ центральной Россіи.

§ 2. Общая эволюція сельско-хозяйственнаго производства. Кризисъ трехполья.

Въ первой части нашего труда мы характеризовали второй экстенсивный фазисъ сельско-хозяйственной эволюціи, какъ фазисъ развитія производительности земли *вширь*. Онъ

раздѣляется на два періода: переложнаго и трехпольнаго земледѣлія, при чемъ въ первомъ періодѣ пашня распространяется по еще нетронутой цѣлинѣ, во второмъ—на ряду съ расширеніемъ пашни за счетъ другихъ угодій возрастаетъ площадь посѣва на территоріи, уже занятой подъ распашку, до тѣхъ поръ, пока доля посѣва въ пашнѣ не превыситъ двухъ третей. Тогда начинается замѣна паровой зерновой системы полеводства, при которой возстановленіе плодородія почвы предоставляется преимущественно самой природѣ,—системой болѣе интенсивной—улучшенной зерновой съ травосѣяніемъ и плодосмѣномъ, когда естественное плодородіе почвы возстанавливается и развивается трудомъ и искусствомъ земледѣльца. При этомъ площадь пашни уже не растетъ, потому что вся земля, годившаяся подъ распашку, занята; площадь посѣва *зерновыхъ хлѣбовъ* тоже не возрастаетъ, а иногда идетъ на убыль; паръ занимается кормовыми травами и корнеплодами.

Поэтому эволюція экстенсивнаго фазиса выражается въ расширеніи пашни за счетъ другихъ угодій и въ расширеніи посѣвовъ зерновыхъ хлѣбовъ за счетъ пара и залежей внутри пашни. Какъ только площадь посѣвовъ достигаетъ двухъ третей пашни, [1]) дальнѣйшее расширеніе ихъ уже грозитъ истощеніемъ почвы и паденіемъ урожайности.

На этомъ пунктѣ, обычно, и останавливается дальнѣйшее экстенсивное развитіе производительности земли *вширь*. Далѣе земледѣліе переходитъ въ *интенсивный фазисъ развитія производительности земли вглубь*, когда ни территорія пашни, ни площадь злаковыхъ культуръ, почти не растутъ, но увеличивается сумма продуктовъ, получаемыхъ съ одной и той же территоріи, т. е. возрастаетъ *урожайность*.

Въ западно-европейскихъ государствахъ мы и видимъ образецъ интенсивнаго развитія производительности земли.

		Площадь всей пашни.	Площадь посѣва зернов. хлѣбовъ.	Площадь остальныхъ культуръ.	Площадь пара и пастб. въ пашнѣ.
Великобританія (1 мил. акровъ)	1873—75 гг.	18,13	9,45	8,04	0,64
	1901—5 гг.	15,30	7,08	7,87	0,35
Разница въ % (+ или —) .		—15,6	—25,1	— 2,9	—45,3

[1]) Конечно, пропорція посѣвовъ въ пашнѣ колеблется въ зависимости отъ природныхъ качествъ почвы; при плохой почвѣ площадь пара въ трехпольномъ сѣвооборотѣ, будетъ меньше, при очень плодородной—посѣвъ можетъ захватывать $^3/_4$ пашни безъ истощенія почвы.

		Площадь всей пашни.	Площадь посѣва зернов. хлѣбовъ.	Площадь остальныхъ культуръ.	Площадь пара и пастб. въ пашнѣ.
Германія (1 мил. гектаровъ) . .	1878 г. . .	25,83	15,59	6,42	3,82
	1900 г. .	25,77	16,05	7,43	2,29
Разница въ %		— 0,3	+ 2,9	+15,7	—40,1
Франція (тоже) .	1862 г. . .	26,57	15,68	5,74	5,15
	1892 г. . .	25,77	14,83	7,57	3,37
Разница въ %		— 3,0	— 5,4	+31,9	—34,6

Площадь пашни убыла вездѣ, въ особенности въ Великобританіи, гдѣ пахотныя земли смѣнились, въ большомъ количествѣ, постоянными лугами. Точно также убыла на 35—45% площадь пара; площадь зерновыхъ хлѣбовъ слегка увеличилась только въ Германіи, во Франціи она сократилась на 5,4%, въ Великобританіи на 25,1%. За счетъ пара и отчасти зерновыхъ хлѣбовъ, выросли прочія культуры: корнеплоды, масличныя, кормовыя травы, территорія которыхъ увеличилась въ Германіи на 15,7%, во Франціи на 31,9% и только въ Великобританіи сократилась на очень небольшую величину. Эти сопоставленія показываютъ, что въ Европѣ экстенсивное развитіе производительности земли, выражающееся въ ростѣ пашни и посѣвовъ зерновыхъ хлѣбовъ остановилось и взамѣнъ его развивается культура растеній, свойственныхъ интенсивнымъ системамъ полеводства.

Что же мы видимъ за послѣдніе полвѣка въ Россіи? Въ пореформенную эпоху и у насъ уже можно подмѣтить нѣкоторые признаки грядущаго интенсивнаго фазиса сельскаго хозяйства, но мы, какъ уже говорили, откладываемъ разсмотрѣніе этихъ признаковъ до четвертой части нашего труда. Здѣсь же мы остановимся, въ общихъ чертахъ, только на нѣкоторыхъ признакахъ, характеризующихъ судьбы *экстенсивнаго* полеводства въ пореформенную эпоху.

Эволюція экстенсивнаго фазиса въ земледѣліи выражается, по нашему опредѣленію, въ ростѣ пахотныхъ угодій вообще (преимущественно переложный періодъ) и посѣвной площади внутри пашни (трехпольный періодъ). Сокращеніе или остановка въ расширеніи пашни или посѣвовъ обозначаютъ паденіе экстенсивнаго фазиса, что иногда связано съ кризисомъ трехполья, иногда является слѣдствіемъ дальнѣйшей интенсификаціи земледѣлія.

Въ теченіе XIX вѣка ростъ пашни въ предѣлахъ Европейской Россіи выражается такими цифрами:

			Средній ежегодный приростъ въ тыс. десятинъ.
Въ 1809 г. (по Герману) . .	73	мил. дес.	
„ 1832 „ (по Зябловскому)	75	„ „	517
„ 1846 „ (по Арсеньеву)	84,7	„ „ [1])	606
„ 1860-е г. (Военно-ст. сб.)	88,8	„ „	293
„ 1881 г. (Центр. ст. ком.)	106,7	„ „	998
„ 1887 г. [2]) (тоже) . . .	117,2	„ „	1750

Послѣ 1887 г свѣдѣній о площади пашни мы не имѣемъ, если не считать подозрительныхъ цифръ урожайнаго сборника центральнаго статистическаго комитета за 1901 г. (115,1 мил. дес.). Дореформенная статистика, конечно, мало вѣроятна: если мы всетаки довѣримся ей, то за первые 37 лѣтъ (1809—46 гг.) она дастъ увеличеніе площади пашни на 34,2%; затѣмъ въ 40-хъ гг. до освобожденія начинается упадокъ прироста пашни; послѣ освобожденія и до 1887 г. земли распахиваются усиленнымъ темпомъ. Абсолютный ростъ пахатной территоріи шелъ въ возрастающей прогрессіи: за 1809—32 гг. ежегодный приростъ равнялся 517 тыс. десятинъ, а въ 1880-хъ гг.—1750 тыс. десятинъ—втрое болѣе.

Эти приблизительныя цифры, впрочемъ, довольно правдоподобны, усиленный ростъ пашни въ 30-хъ и 40-хъ гг. можетъ быть объясненъ развившимся предпринимательствомъ помѣщиковъ; сокращеніе передъ „волей"—результатъ начавшагося дворянскаго оскудѣнія и все возрастающаго возбужденія въ крестьянской массѣ, озлобленной гнетомъ крѣпостного права, и близкой къ поголовному возстанію. Могла здѣсь повліять и Крымская война. Съ 60-хъ гг. цифры пахатной площади становятся болѣе достовѣрными и, опираясь на нихъ, мы можемъ констатировать за первые 15 лѣтъ послѣ освобожденія очень быстрое развитіе экстенсивнаго земледѣлія, выразившееся въ увеличеніи пашни на 28,4 мил. десятинъ или на 32%, что, конечно, вызвано быстрымъ возрастаніемъ численности крестьянскаго населенія.

Но обще-русскія данныя о приростѣ пахатныхъ земель такъ же какъ и обще-русскія данныя о приростѣ населенія, не могутъ дать понятія о видоизмѣненіяхъ, происходящихъ въ отдѣльныхъ раіонахъ. Наша родина слишкомъ обширна и массовые итоги могутъ затушевать зачастую діаметрально-противоположныя процессы, происходящіе въ ея углахъ.

---

[1]) По оффиціальнымъ даннымъ 77 мил. Арсеньевъ прибавляетъ 10%, считая оффиціальныя данныя пониженными.

[2]) Цифры недостающихъ 4-хъ губерній, какъ и въ другихъ подсчетахъ, взяты за 1881 годъ.

По отдѣльнымъ раіонамъ, дѣйствительно, получается очень пестрая картина.

РАІОНЫ.	Пашня въ тыс. десят.			Посѣвная площадь (всѣ культуры, кромѣ кормовыхъ травъ, свекловицы и табака)			Посѣвн. площадь (только злаковъ и кукурузы).		
	1860-е г.г.	1887 г.	Разница въ % + или —	1887 г.	1908 г.	Разница въ % + или —	1887 г.	1908 г.	Разница въ % + или —
Москов. пром. р.	11075	8912	— 20	5352	4936	— 8	4848	4205	—13
Сѣверо-зап. .	3275	2615	— 20	1592	1628	+ 2	1382	1375	— 1
Сѣверн. . . .	1141	1539	+ 35	715	825	+15	598	759	+27
Всего центр. .	15491	13066	— 16	7659	7389	— 4	6828	6339	— 7
Центр. Земл. .	16610	17526	+ 5	11298	10267	— 9	10692	9298	—13
Средне-Волжск.	9611	13596	+ 41	8575	8639	+ 1	8179	8020	— 2
Сѣв.-Вост. . .	6166	8321	+ 35	4943	5285	+ 7	4730	4998	+ 6
Вост. . . .	6900	9052	+ 31	5604	5821	+ 4	5393	5404	0
Всего 1 поясъ	39287	48495	+ 23	30420	30012	— 2	28994	27720	— 4
Заволжье . .	3614	16658	+361	6544	8881	+36	6253	8617	+38
Новорос. . .	10774	21272	+ 98	12079	16116	+33	11635	15809	+36
Всего 2 поясъ.	14388	37930	+163	18623	24997	+34	17888	24426	+37
Запад. Малор.	6872	7743	+ 13	5028	5289	+ 5	4862	4744	— 2
Литва и Бѣл.	11010	8274	— 25	5122	5795	+13	4442	4808	+ 8
Прибалт. край	1753	1684	— 4	1152	1217	+ 6	940	990	+ 5
Всего Западъ	19635	17701	— 10	11302	12301	+ 9	10244	10542	+ 3
Итого Европ.Рос.	88802	117192	+ 32	68004	74699	+10	63954	69027	+ 8

Эта таблица указываетъ, прежде всего, на рѣзкое паденіе прироста посѣвовъ во всей Европейской Россіи за 1887—1908 гг. Этотъ приростъ выразился всего въ 10%, тогда какъ въ первую половину пореформенной эпохи пашня увеличилась на 32%. Надо, впрочемъ, замѣтить, что данныя лѣвой и правой половины таблицы не вполнѣ сравнимы: за 1860—87 гг. мы имѣемъ цифры площадей пахатной земли, а за 1887—1908 гг.—посѣвной площади. Т. к. въ нѣкоторыхъ раіонахъ (главнымъ образомъ, на югѣ и на востокѣ) еще заканчивался переходъ отъ перелога къ трехполью, то ростъ посѣвной площади не всегда былъ пропорціоналенъ росту пашни—иногда онъ опережалъ его.

Но ростъ пашни и ростъ посѣвовъ (только злаковъ) одинаково должны обозначать, на основаніи сказаннаго, развитіе экстенсивныхъ системъ полеводства, а наоборотъ, сокращеніе того или другого—ихъ паденіе.

Сокращеніе пашни на лѣвой половинѣ таблицы—за 1860—87 гг.—наблюдалось въ четырехъ раіонахъ, принадлежащихъ къ нечерноземному центру и западу: московско-промышленному и сѣверо-западному (въ обоихъ на 20%), литовско-бѣлорусскому (на 25%) и прибалтійскому (на 4%). Слабое развитіе пахотныхъ угодій въ промысловыхъ раіонахъ отмѣчено нами еще съ конца XVIII в.: по генеральному межеванію здѣсь было 13 мил. десятинъ пашни; въ 60-хъ гг.—14,3 мил. За 60 слишкомъ лѣтъ площадь пашни выросла только на 10%; послѣ освобожденія она упала на 20%, Это показываетъ, съ достаточною убѣдительностью, что во все это время здѣсь тянулся кризисъ трехполья, закончившійся къ 80-мъ гг.

Съ 80-хъ гг. въ русскомъ промысловомъ центрѣ и въ бѣлорусско-литовскомъ раіонѣ, съ 50—60-хъ гг. въ прибалтійскомъ раіонѣ начинается новое направленіе въ сельскохозяйственной эволюціи: хотя площадь зерновыхъ хлѣбовъ продолжаетъ убывать, но эта убыль въ значительной степени возмѣщается развитіемъ посѣва корнеплодовъ, масличныхъ и кормовыхъ травъ.

Въ московскомъ раіонѣ площадь этихъ растеній увеличивается на 280 тыс. дес. [1]), въ сѣверо-западномъ на 72 тыс., въ бѣлорусско-литовскомъ—на 577 тыс. и прибалтійскомъ—166 тыс. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти раіоны, въ настоящій моментъ, уже пережили кризисъ трехполья и вступили на путь интенсивнаго развитія производительности земли вглубь, хотя и дѣлаютъ на немъ, кромѣ прибалтійскаго края, еще первые, неувѣренные, колеблющіеся шаги.

Не такова была судьба ближайшихъ къ центру раіоновъ перваго пояса колонизаціи. Первый изъ нихъ—центрально-земледѣльческій до 1887 г. еще двигается, хотя сильно замедленнымъ темпомъ, по пути экстенсивнаго расширенія запашекъ.

Въ первой половинѣ XIX в. здѣсь именно находилось главное ядро дореформеннаго капиталистическаго земледѣлія помѣщиковъ и пашня съ генеральнаго межеванія до 60-хъ гг. возросла на 4,5 мил. дес. или на 38%. Въ послѣдующіе 25 лѣтъ она увеличилась только на 5%. Замираніе роста пахатныхъ земель служило признакомъ приближающагося кризиса трехполья, который и разразился послѣ 80-хъ гг., когда за послѣдніе 21 годъ территорія зерновыхъ культутъ *сократилась* на 13%. Нѣсколько позднѣе наступаетъ кризисъ экстенсивнаго земледѣлія въ среднемъ Поволжьи: до 1887 г. пашня выростаетъ на цѣлыхъ 41%, т. к. здѣсь,

[1]) Для кормовыхъ травъ взяты данныя 1881—1901 гг.

надо полагать, при освобожденіи, еще встрѣчались цѣлинныя степи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не закончился переходъ перелога въ трехполье. Догнавши ускоренной распашкой земледѣльческій центръ, среднее Поволжье, послѣ 80-хъ гг., начинаетъ катиться по наклонной плоскости кризиса экстенсивнаго земледѣлія, что выражается въ сокращеніи площади зерновыхъ культуръ на 2%. Останавливается на точкѣ замерзанія ихъ ростъ и въ восточной Малороссіи, но тутъ болѣе благопріятный климатъ и почва препятствуютъ рѣзкому проявленію кризиса. Восточная Малороссія переживаетъ его почти незамѣтно и теперь начинаетъ идти по стопамъ своей западной сосѣдки—Кіевщины и Подоліи, гдѣ склонность къ интенсификація земледѣлія обнаруживается довольно ясно къ 90-мъ гг. [1])

Такимъ образомъ, если считать за признакъ кризиса экстенсивнаго земледѣлія прекращеніе дальнѣйшаго роста пашни и зерновыхъ посѣвовъ, то такой кризисъ наблюдался съ 60—70-хъ г.г. въ западныхъ раіонахъ и раіонахъ промыслового центра, а въ концѣ 80-хъ и 90-хъ гг.—въ раіонахъ земледѣльческаго центра, средняго Поволжья и, отчасти, восточной Малороссіи. Главную причину кризиса мы найдемъ, если разсмотримъ проц-ое отношеніе пашни ко всей удобной землѣ [2]).

Раіоны.	Съ лѣсомъ. 1860 г.	1887 г.	Безъ лѣса. 1860 г.	1887 г.
Московско-промышл. р. . .	39,0	31,4	71,9	57,8
Сѣверо-западн.	22,8	18,2	55,1	44,0
Центральн.-землед.	65,9	69,5	77,2	81,5
Средне-волжскій	41,2	58,3	56,5	79,9
Восточно-Малорос.	54,4	71,3	62,5	81,9
Литва и Бѣлорус.	50,1	37,6	81,6	61,3

Въ Московско-промышленномъ раіонѣ дальнѣйшее расширеніе пашни остановилось тогда, когда оно охватило до 72% всей удобной земли безъ лѣса; въ сѣверо-западномъ, съ его болотами, гдѣ въ XI столѣтіи земля тряслась, если ступить на нее ногой—до 55%; въ Литовско-Бѣлорусскомъ до 82%. Въ раіонахъ черноземной полосы предѣлъ дальнѣйшему распространенію пашни кладется тогда, когда она достигаетъ, круглымъ счетомъ, 80% удобной безлѣсной тер-

---

[1]) Въ нашу таблицу не включены данныя о посѣвѣ свекловицы—наиболѣе замѣтнаго вида интенсивныхъ культуръ въ этихъ раіонахъ.

[2]) Площадь удобной земли опредѣлена по даннымъ 1887 г., т. к. данныя 60-хъ гг. не позволяютъ выдѣлить неудобныя земли.

ріторіи. Въ Европейскихъ государствахъ % пахатныхъ угодій *ниже*, не смотря на болѣе благопріятныя климатическія условія.

% пашни къ удобной землѣ:

	Съ лѣсомъ	Безъ лѣса
Въ Великобританіи . .	—	46,9
„ Германіи	52,6	74.8
„ Франціи	59,9	76,9

Очевидно, что дальше идти по пути экстенсивнаго расширенія запашекъ, чѣмъ пошло населеніе промысловаго центра къ 60-мъ гг., а земледѣльческаго къ 80-мъ было нельзя: истощеніе почвы при такомъ усиленномъ напряженіи производительныхъ силъ земли было неминуемо. Въ центрально-земледѣльческомъ, наиболѣе распаханномъ, раіонѣ, а потомъ и въ среднемъ Поволжьи земля стала покрываться оврагами. Вырубаніе лѣсовъ по берегамъ рѣкъ, повело къ оживленію летучихъ песковъ, которые начали двигаться и засыпать слой чернозема. По 11 уѣздамъ Воронежской губ. у крестьянъ вся площадь неудобныхъ земель въ 1858 г. составляла 187,3 тыс. дес., а въ 1890-хъ гг.—293,6 тыс. дес. За 35—40 лѣтъ она приросла на $^2/_3$. До 1881 г. она увеличивалась ежегодно на 1916 дес., съ этого времени, до 1890-хъ гг. —на 4785 дес. т. е. втрое болѣе. Населеніе уперлось въ глухую стѣну сопротивленія природы истощенію почвенныхъ богатствъ, которыя люди, подгоняемые быстрымъ размноженіемъ голодныхъ ртовъ, стали тратить съ безумной расточительностью. Природа настойчиво требовала отъ земледѣльца, чтобы онъ самъ принялъ участіе въ возстановленіи запасовъ почвенныхъ благъ посредствомъ улучшенныхъ сѣвооборотовъ и удобренія—иначе говоря перешелъ бы на болѣе интенсивныя системы полеводства.

Однако, человѣкъ всегда стремится идти по линіи наименьшаго сопротивленія. Поэтому, вмѣсто интенсификаціи земледѣлія въ старыхъ раіонахъ, населеніе сначала устремляется на югъ и на востокъ, туда, гдѣ передъ освобожденіемъ еще царило переложное хозяйство. Заволжье и Новороссія подвергаются невѣроятно быстрой распашкѣ: за какихъ нибудь 23—25 лѣтъ площадь пахатныхъ земель здѣсь увеличивается съ 14,4 мил. дес. до 37,9 мил., т. е. почти утраивается. Тоже самое было, по всей вѣроятности, и на сѣверномъ Кавказѣ. Въ 1887 г. площадь пашни въ Новороссіи уже охватываетъ 66,1% всѣхъ удобныхъ земель безъ лѣса, въ Заволжьи 54,3%, всего во второмъ поясѣ колонизаціи, 60,4%. Распашка нетронутыхъ земель къ 80 гг.

еще не достигаетъ $^4/_5$ территоріи—крайняго предѣла, за которымъ дальнѣйшее экстенсивное расширеніе ея становится, надо полагать, невозможнымъ: но она гораздо ближе къ нему въ 80-хъ гг.; вотъ почему возрастаніе зерновыхъ посѣвовъ за второй періодъ послѣ 80-хъ гг. значительно замедляется. За послѣдніе 21 годъ территорія злаковыхъ культуръ вырастаетъ на 6,5 мил. дес., а въ 1860—87 гг.—пашни, на 24,5 мил. дес.,—почти вчетверо болѣе. Замедленіе роста посѣвной площади было вызвано, несомнѣнно, уменьшеніемъ запасовъ свободныхъ удобныхъ для пашни земель; можно полагать, что теперь крайній предѣлъ распашки—$^4/_5$ удобной территоріи, уже достигнутъ; какъ результатъ этого, мы видимъ, что переселеніе на югъ послѣ 80-хъ гг. сокращается до минимума, поворачивая изъ центра на дальній Востокъ въ Сибирь и среднюю Азію. Мало того, въ Сибири появляются выходцы изъ самой Новороссіи; число ихъ за послѣдніе годы растетъ и достигаетъ значительной величины —явный показатель того, что и Новороссіи уже недалеко отъ полнаго прекращенія дальнѣйшаго роста посѣвовъ, иначе говоря отъ кризиса экстенсивныхъ системъ полеводства.

Итакъ, ростъ пашни и посѣвовъ, прекратившійся въ раіонахъ центра и перваго пояса колонизаціи (за исключеніемъ сѣвера и сѣвера-востока) происходитъ только на югѣ и востокѣ Европейской Россіи, во второмъ поясѣ колонизаціи, заселеніе котораго началось только въ концѣ XVIII вѣка, а теперь уже имѣетъ тенденцію прекращаться.

Почти весь приростъ пашни и посѣвовъ упалъ на этотъ поясъ колонизаціи, а это не могло не отразиться на перемѣщеніи центра тяжести всего земледѣльческаго производства Россіи.

Изъ 100 десят. было:

	Пашни.			Посѣвовъ.		Изъ 100 душъ населенія.	
	1860 г.	1881 г.	1887 г.	1887 г.	1908 г.	1858 г.	1901 г.
Въ центрѣ . . .	22,4	14,0	13,1	12,7	10,8	27,1	23,8
„ первомъ поясѣ.	56,8	51,0	48,7	54,0	47,4	54,5	49,9
„ второмъ поясѣ.	20,8	35,0	38,2	33,3	41,8	18,4	26,3

Эта таблица показываетъ намъ, какъ быстро старинный промысловый центръ теряетъ свое земледѣльческое значеніе. Въ предыдущей главѣ мы показали, что онъ началъ терять это значеніе еще съ конца XVIII в., но, послѣ 60-хъ г.г. XIX вѣка эти потери еще усилились и площадь подъ пашней и посѣвомъ, достигавшая въ 60-хъ г.г. почти $^1/_4$ всей культурной территоріи трехъ главныхъ областей Европейской Россіи, теперь спустилась до $^1/_{10}$.

Но населеніе составляетъ до сихъ поръ еще 23,8 %.

населенія трехъ областей, тогда какъ площадь посѣвовъ,— только 10,8%. Отсюда видно, что значеніе промысловыхъ раіоновъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ Россіи падаетъ относительно быстрѣе, чѣмъ ихъ населенность.

Въ дореформенную эпоху раіоны перваго пояса служили житницей Россіи; теперь ихъ положеніе сильно пошатнулось и первенство начинаетъ переходить ко второму поясу. Если къ раіонамъ второго пояса прибавить 5.364 тыс. десятинъ посѣва примыкающаго къ нему сѣвернаго Кавказа, то окажется, что три раіона юга и востока уже превзошли въ 1908 году, по площади хлѣбовъ, 4 раіона перваго пояса; по даннымъ Центральнаго статистическаго Комитета, во второмъ поясѣ + сѣверный Кавказъ 29,8 мил. десятинъ, а въ первомъ — только 27,7 мил. — на 2,1 мил. десятинъ менѣе. При этомъ, въ противоположность центру, ростъ посѣвной площади здѣсь идетъ относительно быстрѣе, чѣмъ ростъ населенія, что вполнѣ понятно, такъ какъ чѣмъ экстенсивнѣе система полеводства, тѣмъ больше площадь, которую можетъ обрабатывать одинъ человѣкъ.

Всѣ эти факты говорятъ о томъ, что въ пореформенную эпоху продолжалось дальнѣйшее сползаніе населенія и разсѣяніе земледѣлія по направленію на югъ и на востокъ.

Вмѣстѣ съ разсѣяніемъ земледѣлія распространяется и трехпольная система полеводства. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о количествѣ посѣвовъ пара и залежи въ пашнѣ не идутъ у насъ далѣе 1887 года. Въ этомъ году было:

% посѣвной площади къ пашнѣ.

Раіоны.	Всей.	у кр-нъ.	у частн. влад. [1]
Московск.-промышл. . .	60,1	62,2	51,1
Сѣверо-западн.	60,8	62,2	56,2
Сѣверный.	46,5	45,7	55,5
Центральн.-землед. . .	64,5	66,3	61,2
Средне-волжск. . . .	62,7	65,2	57,7
Сѣверо-восточн. . . .	59,5	59,8	54,8
Восточн.-Малорос. . . .	61,2	67,4	54,6
Заволжье	38,7	40,9	31,9
Новороссія.	59,3	75,8	47,0
Западн. Малорос. . . .	65,3	67,2	63,0
Литва и Бѣлор. . . .	61,9	64,0	58,0
Прибалтійск. край . .	66,4	66,4	66,5
Всего черн. полоса . .	57,6	60,9	52,3
Нечерноземн.	60,0	61,0	56,2
Европейск. Россія. . .	58,3	60,9	53,0

[1]) Безъ губерній: Пензенской, Астраханской, Лифляндской и Донской области.

При переложной системѣ, подъ паромъ и залежью, или подсѣками должно находиться, минимумъ, двѣ трети пашни; при трехпольи подъ паромъ остается третья часть, т. е. посѣвъ долженъ занимать, круглымъ счетомъ, 65—66% пашни. Наша таблица говоритъ, что уже въ 1887 году, во всѣхъ почти раіонахъ *господствовала трехпольная система*[1]) *полеводства или близкія къ ней*. Даже на сѣверо-востокѣ и въ Новороссіи она преобладаетъ въ большинствѣ мѣстностей. Между тѣмъ, въ дореформенную эпоху, въ 30-хъ—40-хъ г.г. XIX вѣка перелогъ господствовалъ не только въ Заволжьѣ, Новороссіи, на сѣверо-востокѣ, но даже въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сѣверо-запада были распространены подсѣки, а въ Саратовской губерніи лежали еще нетронутыя ковыльныя степи. Быстрый ростъ населенія, увеличившагося, minimum, въ полтора, maximum, въ три раза во всѣхъ раіонахъ, заставилъ земледѣльцевъ распахать степи и уничтожить лѣса.

Трехполье распространилось по всему лицу русской земли, но, особенно, на крестьянскихъ надѣлахъ, гдѣ даже въ такомъ раіонѣ, какъ Новороссійскій, посѣвы заняли $^3/_4$ пашни, тогда какъ у помѣщиковъ—меньшую половину—признакъ того, что новороссійскіе владѣльцы въ 1887 году, въ значительномъ числѣ, придерживались переложной системы,—тѣхъ знаменитыхъ 15-ти польныхъ сѣвооборотовъ, о которыхъ съ такимъ негодованіемъ говорили изслѣдователи 80-хъ г.г. При такомъ сѣвооборотѣ, цѣлинная степь засѣвается въ первый годъ какимъ-нибудь цѣннымъ, сильно истощающимъ землю злакомъ, чаще всего пшеницей, которая сѣется 2—3 года безъ всякаго удобренія, пока даетъ урожай; затѣмъ его смѣняютъ болѣе легкими хлѣбами — рожью, овсомъ, ячменемъ; потомъ, снявши 4—5 посѣвовъ, отдаютъ на годъ крестьянамъ въ аренду и послѣ того—опять запускаютъ подъ залежь на 9 — 10 лѣтъ. Такую систему мы лично встрѣчали въ началѣ 90-хъ г.г. въ Воронежской губ. въ латифундіяхъ титулованныхъ владѣльцевъ десятковъ и сотенъ тысячъ десятинъ. Вообще, если гдѣ и встрѣчались въ 80-хъ г.г. пятна переложной системы на общемъ фонѣ трехполья, распространеннаго на всемъ пространствѣ отъ Невы до Чернаго моря и отъ Днѣпра до Волги, то эти пятна находились въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Однако, и у нихъ, съ большой быстротой пускались подъ распашку цѣлинныя степи. Такъ, у частныхъ владѣльцевъ Воронежской губерніи было:

[1]) Для сокращенія мы употребляемъ этотъ терминъ. Точное опредѣленіе по Ермолову будетъ: „паровая, зерновая система съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ“, т. к. передъ трехпольемъ бываетъ еще короткая стадія дву-польнаго сѣвооборота.

	Угодья въ %:					
	Усадьба.	Пашня.	Сѣнокосъ и степь.	Выгонъ.	Лѣсъ.	Неудобн.
Въ 1857 г.	1,4	46,3	36,5	1,2	8,2	6,4
„ 1881 „	1,5	64,7	13,8	4,5	8,7	5,8

Весь приростъ пашни, увеличившейся за 24 года на помѣщичьихъ земляхъ въ полтора раза, произошелъ за счетъ нетронутыхъ степей, т. е. за счетъ переложной системы полеводства.

Трехпольная система, распространившаяся, послѣ реформы, по всей черноземной полосѣ, была очень экстенсивной. Кн. Васильчиковъ говоритъ: „переходя, по необходимости, къ трехпольной системѣ хозяйства, крестьяне еще живутъ, можно сказать, на преданіи переложнаго полеводства, засѣвая свои поля два года сряду колосовыми хлѣбами и не кладя подъ нихъ навоза; выпахавъ до конца свои надѣльныя пашни и вытравивъ выгоны, бросаются они на чужія земли (помѣщиковъ Н. О.) и тоже ихъ вытягиваютъ и разворяютъ съ вѣдома и согласія дворянъ-помѣщиковъ и, такимъ образомъ все расширяютъ пространство чужихъ культурныхъ земель, вмѣсто того, чтобы обрабатывать, какъ слѣдуетъ, свои надѣльныя угодья, увеличивать свои парные луга и убирать своевременнно свой собственный хлѣбъ". Общій выводъ автора относительно эволюціи земледѣлія въ 60—70-хъ г.г таковъ: „земледѣльческая производительность замѣтно усилилась со времени освобожденія крестьянъ: но надо опасаться, чтобы этотъ временный и усиленный прогрессъ не повелъ за собой еще сильнѣйшую реакцію отъ того, собственно, что хлѣбопашцы *неудержимо стремятся къ расширенію запашекъ*, пренебрегая самыми элементарными пріемами трехпольнаго хозяйства и мечтая о невозвратномъ привольѣ прежнихъ временъ". (Землевладѣніе и земледѣліе т. II стр. 63).

Данныя 1887—1908 г.г. показываютъ, что кн. Васильчиковъ былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ: вслѣдъ за безудержнымъ развитіемъ экстенсивнаго трехполья безъ удобренія, можно сказать, по его пятамъ, идетъ земледѣльческій кризисъ. Дальнѣйшая распашка полей пріостанавливается; ровная, какъ столъ, площадь нашихъ степей перерѣзывается оврагами, превращается въ какую то своеобразную Швейцарію. По оврагамъ скатывается весенняя влага, не успѣвшая впитаться въ землю. Верхній черноземный пластъ, не сдерживаемый корнями многолѣтнихъ травъ, смывается бурными потоками, и кое-гдѣ обнажается безплодная подпочва. Природа, которую человѣкъ эксплоатировалъ такъ безпощадно, начинаетъ мстить все учащающимися неурожаями.

Въ погонѣ за свѣжими силами земли, крестьянинъ бросается на югъ, на востокъ, на помѣщичьи земли. Но, сравнительно съ прошлыми вѣками, запасовъ земель осталось очень ограниченное количество. И волей - неволей, вслѣдъ за неудержимой распашкой послѣдняго земельнаго фонда, крестьянину приходится подумать о томъ, что для пріобрѣтенія недостающихъ средствъ существованія, нѣтъ другого исхода, какъ болѣе интенсивная обработка тѣхъ земель, которыя находятся у него въ рукахъ...

Итакъ, сельскохозяйственная эволюція пореформенной эпохи выразилась въ распашкѣ удобныхъ земель черноземной полосы, особенно интенсивной на югѣ и юго-востокѣ и въ повсемѣстномъ развитіи трехполья—иначе говоря, *въ нивеллировкѣ системъ полеводства на территоріи Россіи и вслѣдъ за тѣмъ—въ кризисѣ трехполья*, повлекшемъ за собой пріостановку дальнѣйшаго роста и даже сокращеніе площади пахатныхъ земель и посѣвовъ, сначала въ нечерноземныхъ, а затѣмъ и въ черноземныхъ центральныхъ раіонахъ.

Все это совершилось съ необычайной быстротой: мы видѣли, что какой-нибудь Аткарскій уѣздъ Саратовской губерніи еще только заселялся въ 50—60-хъ г.г., а въ 90-хъ годахъ въ немъ земля уже истощена трехпольемъ, онъ страдаетъ отъ неурожаевъ и дальнѣйшая распашка прекращается, потому что распахано все, что было можно пустить подъ посѣвъ. Эта быстрота есть результатъ *убыстреннаго роста населенія*, небывалаго въ Европѣ; убыстренный приростъ является причиной земледѣльческаго кризиса, но въ немъ заложена и причина дальнѣйшей сельско - хозяйственной эволюціи, неизбѣжной настолько же, насколько неизбѣжна и политическая эволюція нашей страны, пережившей, какъ и большинство европейскихъ странъ. вмѣстѣ съ кризисомъ трехполья, бурный политическій кризисъ...

Послѣ того, какъ въ Европейской Россіи распахано все, что можно, настаетъ чередъ Азіатской Россіи; туда начинаютъ перетекать милліоны крестьянъ, а т. к. при болѣе экстенсивныхъ системахъ полеводства, каждый земледѣлецъ распахиваетъ гораздо большую площадь, чѣмъ при, сравнительно, болѣе интенсивной культурѣ, то эти милліоны, повидимому, способны поднять десятки милліоновъ десятинъ пашни, если только азіатская почва окажется достаточно плодородной и климатъ благопріятнымъ для земледѣлія.

Вслѣдъ за переселенцами, за земледѣліе принимается уже туземное пастушеское и охотничье населеніе. Киргизы Акмолинской области въ 1880 г. засѣвали 796 четвертей, и въ 1900 г. 22 тысячи; во всей Акмолинской области въ

1885 году было посѣяно 53 тыс. четвертей, а въ 1901 г. 1854 тысячи пудовъ, что даетъ, приблизительно, увеличеніе въ 6 разъ за 16 лѣтъ. Въ Тургайской области посѣвъ 1880 г. равнялся 21 тыс. десятинъ, 1900 г. — 182 тыс. десятинъ. Только въ 4-хъ губерніяхъ и областяхъ Сибири въ 1906 г. было уже 3780,6 тыс. десятинъ посѣва, въ 1908 г.—4100 тыс.; въ 4-хъ Киргизскихъ областяхъ въ 1908 году засѣвалось 1428 тыс. десятинъ.

Тотъ переселенческій потокъ, который пронесся въ Азію за послѣдніе годы, постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, покровительственная переселенію политика власти, дѣятельность земскихъ переселенческихъ организацій—все это, казалось бы, должно говорить за то, что и въ Азіи, быть можетъ, въ ближайшіе годы слѣдуетъ ожидать такого же быстраго развитія экстенсивнаго земледѣлія, какое отмѣчено нами на югѣ и востокѣ Европейской Россіи къ 60 — 80-хъ г.г.; но весь вопросъ въ томъ, каковы дѣйствительные размѣры удобнаго земельнаго фонда въ Азіи; не можетъ ли этотъ переселенческій потокъ изсякнуть также быстро, какъ быстро онъ забилъ въ 1900 - хъ годахъ.? Вѣдь не даромъ переселенцы раскидываются на всемъ протяженіи 8000 верстнаго діаметра Сибири; не даромъ переселеніе изъ западной Сибири уже перебросилось въ восточную, изъ восточной въ Киргизскія степи. Отсюда является предположеніе, что удобныя земли—только тоненькія прожилки въ мощныхъ пластахъ суровой безплодной тайги, тундры и солонцеватыхъ безводныхъ степей. Однако, вопросъ этотъ,— настолько обширный и сложный, настолько тѣсно связанный съ вопросомъ о ближайшемъ будущемъ сельско-хозяйственной эволюціи въ нашей странѣ, что мы вынуждены, ограничившись коротенькимъ замѣчаніемъ, отложить его детальное разсмотрѣніе до четвертой части нашего труда.

До сихъ поръ мы разсматривали пореформенную исторію только одного, правда, главнаго элемента сельско-хозяйственнаго производства — именно, чистаго хлѣбопашества. Но, вмѣстѣ съ кризисомъ этой отрасли хозяйства, переживаетъ нѣкоторыя измѣненія и другая отрасль—скотоводство.

Къ сожалѣнію, мы должны отмѣтить, что данныя о количествѣ скота мало достовѣрны. До сихъ поръ мы старались опираться на болѣе достовѣрные источники: переписи, спеціальныя изслѣдованія; въ области скотоводства намъ придется оперировать лишь съ данными волостной статистики и только военно-конскія переписи даютъ достовѣрный и полный матеріалъ относительно числа лошадей, но онѣ начинаются съ 1882 года. Малодостовѣрныя полицейскія свѣдѣнія даютъ для Европейской Россіи слѣдующія цифры.

Милліоны головъ:

	Лошадей.	Крупн. рогат. скота.	Овецъ и козъ.	Свиней.
1864 г.	14,7	21,0	44,7	9,4
1883 „	17,9	23,6	47,8	9,4
1888 „	19,7	24,6	44,5	6,2
1900 „	19,7	32,9	49,6	11,4
Приростъ за 1864-900 г. въ %	34	57	11	21

Какъ ни маловѣроятны эти цифры, но, въ очень крупныхъ массахъ, онѣ всетаки, даютъ, во времени, отображеніе дѣйствительныхъ измѣненій. Судя по нимъ, въ пореформенную эпоху сильнѣе всего возросло количество крупнаго рогатаго скота (къ 1900 г. на 57%).

Количество лошадей увеличивалось до 1890-хъ г.г., что могло быть связано съ усиленной распашкой земель; крупный рогатый скотъ за этотъ періодъ возросъ очень мало. Голодъ 1891—2 г.г. сразу сократилъ количество лошадей и только къ 1900 г. оно возстановилось въ прежнемъ объемѣ.

Данныя военно-конскихъ переписей показываютъ, что въ 1888—91гг. въ 42 губерніяхъ было 17,4 мил. лошадей, а въ 1893 — 96 гг. въ этихъ же губерніяхъ — 16,2 мил., въ 1899—904 гг.—18,3 мил.; за то, какъ разъ въ эту пору сталъ возрастать крупный рогатый скотъ, увеличившійся за 1888—1900 гг. на 8,3 мил. головъ.

Въ общемъ, за пореформенную эпоху болѣе всего возросъ, въ своемъ числѣ, крупный рогатый скотъ, за нимъ лошади, потомъ свиньи; minimum прироста дали овцы и козы, Приблизительно, въ томъ же направленіи идетъ эволюція скотоводства и въ главныхъ государствахъ западной Европы.

Увеличеніе и уменьшеніе числа домашнихъ животныхъ въ милліонахъ головъ (+ или —):

	Лошади.	Крупн. рогат. скотъ.	Свиньи.	Овцы.
Великобритан. (1871—1900 гг.).	+ 0,3	+ 1,2	— 0,2	— 3,4
Германія (1860—1905 гг.) . .	+ 1,1	+ 4,3	+12,5	—18,6
Франція (1862—1905 гг.) . .	+ 0,3	+ 1,5	+ 2,7	—14,3
Всего . .	+ 1,7	+ 7,0	+15,0	—36,3

Въ Германіи и Франціи только приростъ свиней превышаетъ приростъ крупнаго рогатаго скота, но за то овцы и козы—принадлежность болѣе экстенсивнаго хозяйства и крупнаго землевладѣнія обнаружили крайне рѣзкое паденіе своей численности. Такимъ образомъ, эволюція скотоводства

въ Россіи, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ крупному скоту, въ общихъ чертахъ, довольно близка къ таковой-же эволюціи въ Европѣ: и тутъ и тамъ крупный рогатый скотъ возрастаетъ быстрѣе лошадей: но относительно прироста мелкаго скота замѣчается нѣкоторая разница, заключающаяся въ томъ, что въ Европѣ свиноводство развивается сильнѣе, а овцеводство падаетъ быстрѣе, чѣмъ въ Россіи, что, надо полагать, находится въ связи съ большей интенсивностью европейскаго сельскаго хозяйства.

Обыкновенно, для опредѣленія степени развитія скотоводства въ данной странѣ примѣняется способъ вычисленія отношеній количества скота къ сельскому или сельско-хозяйственному населенію.

Мы видимъ, что въ Россіи сельское населеніе растетъ быстро, гораздо быстрѣе, чѣмъ количество скота, благодаря чему, сравнительно съ населеніемъ, количество скота падаетъ (кромѣ крупнаго рогатаго скота).

На 100 сельскихъ жителей приходилось:

	Лошадей.	Крупн. рогат. скота.	Овецъ и козъ.	Свиней.
1864 г. (Населеніе 1858 г.) .	27,4	39,2	83,2	17,5
1900 г. (Населеніе 1897 г.) .	23,6	39,5	59,5	13.6

Въ Европѣ происходитъ обратное явленіе, потому что тамъ абсолютное количество сельскихъ жителей сокращается. Относительное паденіе количества домашнихъ животныхъ въ Россіи также можетъ служить показателемъ кризиса экстенсивныхъ системъ полеводства: въ особенности, это касается лошадей и овецъ. Лошади — главный видъ рабочаго скота. По словамъ г. Черненкова ростъ рабочаго скота „допустимъ лишь до тѣхъ поръ, пока можетъ параллельно увеличиваться и количество обрабатываемой земли: но какъ только это увеличеніе останавливается, такъ и количество рабочаго скота должно также останавливаться въ ростѣ или даже пріобрѣсти тенденцію къ нѣкоторому сокращенію. [1])

Это положеніе мы считаемъ примѣнимымъ только къ экстенсивнымъ системамъ: при интенсификаціи земледѣлія, увеличивается количество полевыхъ работъ (вспашекъ, бороновокъ и т. д.), что можетъ повести къ увеличенію рабочаго скота уже независимо отъ расширенія площади обрабатываемой земли.

---

[1]) Н. Н. Черненковъ. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства стр. 19.

Сравнивая приростъ лошадей по отдѣльнымъ крупнымъ областямъ Россіи, получаемъ:

Въ раіонахъ.	Число лошадей въ тысячахъ. Въ 1864 г.	Въ 1900 г.	Приростъ въ % (+ или —).
Центра. . . .	2762	3325	+ 20.4
1-го пояса . .	7684	7138	— 7,1
2-го пояса . .	2233	5246	+ 135
Запада. . . .	2040	3973	+ 94

Больше всего возросло количество лошадей тамъ, гдѣ больше всего возросла площадь запашекъ—въ окраинныхъ раіонахъ 2-го пояса колонизаціи.[1]) За ними идетъ западъ, затѣмъ центръ, гдѣ мы наблюдаемъ первые признаки перехода къ интенсивному хозяйству. Раіоны 1-го пояса—оскудѣвшаго земледѣльческаго центра и средняго Поволжья, какъ и слѣдовало ожидать, даютъ убыль, несомнѣнно, связанную съ кризисомъ трехполья, наиболѣе поразившимъ эти именно области Россіи.

Въ то же самое время крупный рогатый скотъ всюду увеличился:

Въ центрѣ на. . . .	34,0%
„ 1-мъ поясѣ . . .	48,6
„ 2-мъ поясѣ . . .	82,8
На западѣ	60,2

Ростъ рогатаго скота, поскольку онъ является молочнымъ, дѣйствительно, сильно связанъ съ ростомъ населенія; вотъ почему даже оскудѣвшій первый поясъ, судя по оффиціальнымъ даннымъ, опережаетъ нѣсколько промышленный центръ. Впрочемъ, какъ мы говорили, къ оффиціальнымъ цифрамъ надо относиться, въ данномъ случаѣ, съ большою осторожностью и выводы изъ нихъ дѣлать съ оговоркой о невозможности ручательства за ихъ достовѣрность.

Пока мы ограничимся изложеніемъ только вышеприведенныхъ данныхъ по эволюціи скотоводства. Подробный анализъ единственно достовѣрныхъ матеріаловъ военно-конскихъ переписей будетъ сдѣланъ дальше.

Главный выводъ, который мы можемъ сдѣлать сейчасъ—это тотъ, что кризисъ экстенсивныхъ системъ больше всего отразился на овцеводствѣ, а затѣмъ на коневодствѣ. Что касается до крупнаго рогатаго скота, то его приростъ, повидимому, даже не отставалъ отъ роста населенія. Этотъ выводъ, какъ увидимъ ниже, отчасти подтверждается земско-статистическими матеріалами.

[1]) Не надо забывать, впрочемъ, что здѣсь, а также на юго-западѣ, кромѣ лошадей примѣняются въ земледѣліи и волы: потому, цифры лошадей не даютъ еще полнаго понятія объ измѣненіяхъ въ количествѣ рабочаго скота.

§ 3. Эволюція частнаго землевладѣнія и хозяйства.

А) Трансформація землевладѣнія.

Вопросъ о мобилизаціи частнаго землевладѣнія въ пореформенную эпоху давно уже привлекалъ вниманіе изслѣдователей и является едва ли не самой разработанной изъ проблемъ эволюціи распредѣленія средствъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Теперь, вѣроятно, нѣтъ читающихъ хотя бы газеты людей, которые бы не знали, что дворянство оскудѣваетъ землей, что „вишневые сады“ безпощадно вырубаются, что купецъ и трудовой крестьянинъ конкурируютъ другъ съ другомъ въ уничтоженіи родовыхъ гнѣздъ старинной дворянской знати. Поэтому намъ нѣтъ особенной нужды въ детальномъ изложеніи фактовъ по исторіи частнаго землевладѣнія за послѣднія 45—50 лѣтъ—и мы ограничимся лишь самой общей характеристикой основныхъ чертъ земельной мобилизаціи.

До освободительной реформы юридически числились только двѣ основныхъ категоріи землевладѣльцевъ: казна (съ удѣлами) и дворянство. Казна владѣла $^2/_3$ всей территоріи Европейской Россіи, дворяне—одной третью, но эта треть состояла изъ самыхъ удобныхъ и цѣнныхъ земель, расположенныхъ въ наиболѣе заселенныхъ и благопріятныхъ по климату областяхъ.

Однако, фактически, въ пользованіи третьей категоріи крестьянъ находилось едва ли не болѣе земель, чѣмъ въ первые годы послѣ ликвидаціи крѣпостного права.

Общеизвѣстенъ фактъ экспропріаціи „отрѣзковъ“ въ пользу помѣщиковъ при освобожденіи. По вычисленію г. Лосицкаго, эти отрѣзки составляли 18,1% прежнихъ крестьянскихъ надѣловъ (5,262 тыс. дес. въ 36 губ.). Кромѣ крестьянскихъ надѣловъ, до 6 милліоновъ десятинъ было въ частномъ владѣніи купцовъ и богатыхъ крестьянъ.

Послѣ освобожденія и развязки обязательныхъ поземельныхъ отношеній, закончившейся къ 1880-мъ г.г., крестьянское надѣльное землевладѣніе опять начало слегка возрастать, главнымъ образомъ, за счетъ казенныхъ земель.

Изъ 100 дес. всей земли было:

	Въ частномъ владѣніи.	Казны, удѣловъ и остальныхъ учрежденій	Крестьянск. надѣльныхъ удобныхъ земель.	
1877 г.	24,7	44,9	30,4	
1887 г.	25,0	42,1	32,9	(съ неудобн.)
1905 г.	25,9	40,8	33,3	

Эта табличка заимствована у Дена и касается 46 губ. По всѣмъ губерніямъ, по которымъ есть данныя, оффиціальные источники [1]) нѣсколько увеличиваютъ приростъ надѣльныхъ земель.

% земельной площади.

	У частн. влад.	У казны, удѣл. и пр.	Крестьян. надѣлы.
1877 г. (49 губ.)	24,9	44,1	31,0
1887 г. (46 губ.)	25,0	42,0	33,0
1905 г. (50 губ.)	25,8	39,1	35,1

Обѣ таблички указываютъ, что крестьянскіе надѣлы и отчасти—земли частныхъ владѣльцевъ растутъ за счетъ государственныхъ земель. Эта тенденція къ сокращенію государственныхъ земель, происходившая, главнымъ образомъ, отъ новыхъ нарѣзокъ надѣловъ на окраинахъ, въ настоящее время, когда объявлена распродажа всего удобнаго земельнаго фонда казны и удѣловъ, должна усилиться въ геометрической прогрессіи. Въ Сибири крестьяне также надѣляются десятками милліоновъ десятинъ. Такъ какъ теперь правительство стремится создать изъ крестьянъ частныхъ земельныхъ собственниковъ, то эта распродажа и раздача казенныхъ земель должна обозначать развитіе началъ личной земельной собственности (по скольку стремленія правительства осуществляются) за счетъ національнаго земельнаго фонда.

Въ этомъ смыслѣ современное правительство, особенно со времени указа 9 ноября 1906 г., продолжаетъ политику Московскаго и дореформеннаго, раздававшаго въ помѣстья и вотчины десятки милліоновъ „ничьей“ „черной“ „дворцовой“ и вообще принадлежавшей государству и націи земли.

Но есть и весьма существенная разница въ *направленіи* раздачъ: прежде власть насаждала сначала среднее служилое, а потомъ крупное нетрудовое аристократическое дворянское землевладѣніе. Со времени реформы, правительство, поддерживая капиталами катящееся по наклонной плоскости дворянское землевладѣніе, въ тоже время вынуждено идти на встрѣчу неудержимо растущей демократизаціи землевладѣнія, переходу земель въ руки трудовыхъ массъ, т. к., въ концѣ концовъ, состояніе государственныхъ финансовъ зависитъ отъ этихъ массъ, черпающихъ главныя средства для существованія въ земледѣліи. И на окраинахъ наше правительство уже не раздаетъ земель въ помѣстья и вотчины, а нарѣзаетъ переселенческіе надѣлы. Неуспѣхъ

[1]) Статистика землевладѣнія 1905 г. (1877 и 1905 гг.) и сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хоз. Россіи для 1887 г.

единственной попытки къ насажденію крупнаго землевладѣнія въ Сибири, сдѣланной министромъ Сипягинымъ, показываетъ, что всякое поползновеніе создать искусственнымъ путемъ новыя дворянскія гнѣзда, въ современныхъ условіяхъ—чистѣйшая утопія: крупные землевладѣльцы не хотятъ идти въ Сибирь потому, что тамъ имъ дѣлать нечего. Точно также и внутри Россіи, наряду съ дворянскимъ банкомъ, выростаетъ крестьянскій...

Но насъ сейчасъ интересуетъ не земельная политика правительства, а самостоятельная „органическая“ трансформація частнаго землевладѣнія, зависящая отъ новыхъ экономическихъ условій, появившихся послѣ реформы. Первое слѣдствіе этихъ условій, бросающееся въ глаза при разсмотрѣніи результатовъ земельной мобилизаціи—*демократизація землевладѣнія.*

% земли у владѣльцевъ по сословіямъ:

	Дворянъ.	Купцовъ (съ торг.-пром. товарищ.).	Мѣщанъ (съ обществ. и товарищ.).	Крестьянъ (тоже).	Прочихъ.
1877 г. (49 г.)	77,8	12,2	2,0	7,0	1,0
1887 г. (46 г.)	68,3	13,4	2,9	13,1	2,3
1905 г. (50 г.)	52,5	16,6	3,6	23,9	3,4

Несмотря на всѣ подпорки, подставляемыя подъ расшатанное дворянское землевладѣніе, оно неуклонно продолжало падать, поглощаемое землевладѣніемъ болѣе демократическихъ сословій—крупной и мелкой буржуазіи и крестьянъ. Въ 60-хъ гг., послѣ размежеванія, у дворянъ осталось 79,1 мил. дес. [1]). Къ 1877 г. эта площадь свелась къ 73,1 мил. дес. въ 49 губ. и 70,1 мил.—къ 46 губ.; въ 1887 г.—къ 65,3 мил. (въ 46 г.) и въ 1905 г.—къ 53,2 мил. въ 50 губ. и 49,9 мил. въ 46 губ. За весь пореформенный періодъ дворянское землевладѣніе убавилось болѣе чѣмъ на одну треть Разные источники одинаково свидѣтельствуютъ, что убыль дворянскаго землевладѣнія прогрессируетъ. Средняя ежегодная убыль дворянскихъ земель равнялась:

За 1859—77 гг. 517 тыс. дес.
„ 1877—79 „ . 741 „ „
„ 1892—6 „ . 785 „ „
„ 1897—1900 гг. 977 „ „

[1]) По Святловскому—см. „къ вопросу о судьбахъ землевладѣнія въ Россіи“. По оффиц. издан.—„Свѣдѣнія о количествѣ земли у дворянъ въ 1861 и 1892 гг.“ въ 44 губ. до реформы было 111,6 мил. дес., отрѣзано для крестьянъ 33,8 мил., осталось 77,8 мил. дес.

Послѣ 1900 г. убыль дворянскихъ земель возросла еще больше, а послѣ революціи, въ одномъ 1906 г. было продано и заявлено къ продажѣ 7,6 мил. дес. Одно время было основаніе полагать, что „черезъ 5—6 лѣтъ въ Россіи исчезнутъ послѣдніе остатки исторически сложившагося захватнаго землевладѣнія“ [1]).

Теперь мы знаемъ, что окончательная ликвидація дворянскаго землевладѣнія не такъ близка, какъ это казалось три года назадъ. Къ сожалѣнію, т. к. мобилизація земель идетъ далеко не вся черезъ крестьянскій банкъ, то болѣе точные ея результаты мы можемъ узнать лишь послѣ сводокъ объявленій старшихъ нотаріусовъ о куплѣ-продажѣ земли, публикуемыхъ въ „матеріалахъ по статистикѣ движ. земл. въ Россіи“ за послѣдніе годы еще не вышедшихъ въ свѣтъ. Однако и теперь мы можемъ съ увѣренностью сказать, что убыль дворянскихъ земель идетъ въ гору и послѣ 1905 г.

Паденіе дворянскаго землевладѣнія доказываетъ, что вся его мощь покоилась на политическихъ основахъ—на милости монарховъ и соціальномъ феодализмѣ, т. е. на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ. Когда политическіе факторы повернули въ другую сторону—наше аристократическое землевладѣніе оказалось неприспособленнымъ къ самостоятельному существованію, къ современной экономической борьбѣ и его паденіе произошло такъ рѣзко и быстро, какъ нигдѣ въ Европѣ. Обыкновенно утверждаютъ, что это паденіе есть неизбѣжный результатъ столкновенія пережитковъ патріархальнаго феодальнаго строя съ современнымъ капитализмомъ. Но въ Европѣ капитализмъ, конечно, развился сильнѣе, чѣмъ въ Россіи, однако, тамъ дворянское землевладѣніе, въ общемъ, оказалось болѣе устойчивымъ; и у насъ дворянское землевладѣніе убыло менѣе всего *именно на западѣ*.

	Число десятинъ въ милліонахъ.		Убыль
	Въ 1877 г.	Въ 1905 г.	въ %.
Въ центрѣ . . .	14,3	7,6	47,3
„ 1 поясѣ [2]) .	18,6	12,2	34,2
„ 2 „ .	19,4	13,9	28,3
На Западѣ . . .	21,8	18,5	15,1

[1]) Сборникъ „Борьба за землю“ стр. 264.

[2]) Громадную территорію пермскихъ дворянскихъ земель въ 6,7 милліоновъ дес. мы перенесли изъ 1-го пояса во 2-й, т. к. эти земли подарены дворянамъ уже въ крѣпостную эпоху и являются, какъ и земли 2-го пояса—новообразованіемъ сравнительно съ землями центра и б. ч. перваго пояса, пожалованнымъ дворянамъ еще въ Московскую эпоху.

Западные землевладѣльцы-дворяне, какъ увидимъ дальше, вели гораздо болѣе самостоятельное хозяйство, обладали своимъ инвентаремъ и скотомъ, а потому и крѣпче своихъ собратьевъ въ коренной Россіи держались за свои владѣнія. Исключая западъ, мы изъ этой таблички видимъ, что, чѣмъ ближе къ центру дворянское землевладѣніе, тѣмъ сильнѣе оно поддалось процессу разрушенія. Аналогичное явленіе по отношенію къ размѣрамъ землевладѣнія, мы обнаружили въ крѣпостную эпоху переписями 1835—1858 г., показавшими, что крупное дворянское землевладѣніе дробится быстрѣе въ центральныхъ раіонахъ, въ которыхъ оно было насаждено раньше.

Въ Московскомъ центрѣ помѣщики почти не вели своего хозяйства, отпуская крестьянъ на оброкъ: поэтому они и потеряли почти половину своихъ владѣній только за 28 послѣднихъ лѣтъ. Въ первомъ поясѣ, гдѣ преобладала барщинная система хозяйства, землевладѣніе оказалось болѣе устойчивымъ; еще крѣпче оно держалось во второмъ поясѣ, гдѣ и до реформы былъ сильно распространенъ вольно-наемный трудъ, а, слѣдовательно, имѣлся свой собственный земледѣльческій инвентарь.

Паденіе дворянскаго землевладѣнія свидѣтельствуетъ, что за его счетъ возвышается землевладѣніе другихъ сословій и классовъ: приведенныя выше данныя показываютъ, что это, главнымъ образомъ, купцы, крестьяне и мѣщане, т. е. представители капитала и труда. Кто же изъ нихъ беретъ верхъ въ борьбѣ за огромное наслѣдіе, оставляемое удаляющимся со сцены „первенствующимъ сословіемъ?“.

Ликвидація дворянскихъ имѣній началась тотчасъ же послѣ освобожденія; собственно, первые признаки ея проявились еще въ дореформенную эпоху. Янсонъ, въ своей „сравнительной статистикѣ Россіи“, приводитъ единственныя, бывшія въ его распоряженіи, данныя о мобилизаціи земли въ 60 и началѣ 70-хъ гг. въ Московск. и Петербургск. губ. Въ Московской губ. „дворянское землевладѣніе уменьшается, какъ по отношенію къ числу владѣльцевъ, такъ и по пространству земли; *купеческое* землевладѣніе, напротивъ, *быстро возрастаетъ*, захватывая въ свои предѣлы дворянскія земли; личное *крестьянское* землевладѣніе возрастаетъ въ *незначительныхъ размѣрахъ*“. Въ С.-Петербургской губ. „въ переходѣ дворянскихъ земель въ другія руки, крестьяне, какъ и въ Московской губ. принимаютъ менѣе участія, чѣмъ другія сословія: въ итогѣ покупателей земли за 10 лѣтъ крестьяне составляютъ всего 15,9 %, тогда какъ городскія сословія (главнымъ образомъ, купцы) 42,6 %“. Ав-

торъ полагаетъ, что ту же картину, „судя по множеству свидѣтельствъ, представляетъ движеніе личнаго землевладѣнія въ Россіи повсемѣстно и особенно въ черноземныхъ степныхъ губерніяхъ (т. II стр. 176—7).

Такимъ образомъ, Янсонъ предполагалъ, что въ началѣ эпохи, въ 60-хъ—70-хъ гг., капиталъ торжествовалъ надъ трудомъ, купецъ надъ крестьяниномъ въ борьбѣ за землю. Данныя 1877 г. подтверждаютъ это положеніе: къ этому времени въ рукахъ купцовъ было 9,8 мил. дес., да въ рукахъ частныхъ о-въ и товариществъ (торгово-промышленныхъ)—1,7 мил.—всего 11,5 мил. дес., тогда какъ у крестьянъ и крестьянскихъ о-въ только 6,5 мил. дес. До 1877 г. купцы пріобрѣли на 5 мил дес. или на 80% болѣе, чѣмъ крестьяне.

Но уже за слѣдующее десятилѣтіе картина мѣняется: по 46 губ. купеческое землевладѣніе увеличивается на 3,3 мил., крестьянское—на 6,9 мил. дес. крестьяне вдвое опережаютъ купцовъ. Тоже самое происходитъ и въ послѣдній періодъ 1887—1905 г.: по 46 губ. землевладѣніе у купцовъ возрастаетъ на 3,4 мил. дес., крестьянъ—на 10,7 мил., уже *втрое* болѣе. Отсюда ясно, что купеческія покупки сокращаются по направленію къ нашему времени, а крестьянскія—имѣютъ тенденцію возрастать. Дѣйствительно, по матеріаламъ о движеніи землевладѣнія въ Россіи, средній ежегодный приростъ купеческаго землевладѣнія составилъ:

До	80 г.	.	450 тыс.	дес.	въ	годъ.
„	81—86 „	.	300 „	„	„	„
„	87—92 „	.	200 „	„	„	„
„	99—98 „	.	100 „	„	„	„

Чѣмъ ближе къ нашему времени отъ начала реформы, тѣмъ чаще и чаще *перепродаютъ* купцы пріобрѣтенныя ими раньше имѣнья, чѣмъ и объясняется это пониженіе прироста купеческаго землевладѣнія. Такъ на 100 дес. купленной купцами земли приходилось проданной ими же:

Въ	1863—68 гг.	. .	12,9
„	69—74 „	. .	25,0
„	75—80 „	. .	42,0
„	81—86 „	. .	55,0
„	87—92 „	. .	62,2
„	93—98 „	. .	84,2

Спекулятивный характеръ купеческихъ покупокъ совершенно ясенъ изъ этого сопоставленія. Часто встрѣчающіяся даже въ беллетристической литературѣ картины того, какъ „чумазые“, покупая дворянскія гнѣзда, вырубали лѣса, рощи и сады, сводили усадьбы, истощали землю без-

прерывными посѣвами цѣнныхъ хлѣбовъ, потомъ отдавали въ такую же истощающую почву краткосрочную аренду крестьянамъ, и высосавъ изъ земли всѣ соки, наконецъ, продавали ее оголенную и обезсиленную „на вѣчно"—всецѣло подтверждаются все возрастающими цифрами перепродажъ, показывающими, что земли 10—15 лѣтъ эксплуатировали сами купцы, покуда они не выбирали изъ нихъ самое цѣнное, не снимали т. сказать всѣхъ сливокъ съ природныхъ благъ земли.

Итакъ, купеческое землевладѣніе возрастаетъ въ пореформенную эпоху, но въ быстро убывающей прогрессіи. Крестьянское землевладѣніе, наоборотъ, все усиливается въ своемъ ростѣ. Цифры ежегоднаго пріобрѣтенія крестьянами земли по десятилѣтіямъ даютъ возрастающую волну прироста:

Въ 60-хъ гг.	91,5	тыс. дес.
„ 70-хъ „	263,0	„ „
„ 80-хъ „	438,0	„ „
„ 90-хъ „	730,0	„ „

Но общій сословный терминъ „крестьяне" обнимаетъ частныхъ владѣльцевъ совершенно различныхъ категорій. Между ними встрѣчаются и хозяева парцеллъ въ $^1/_2$ десят. и латифундій въ тысячи и десятки тысячъ десятинъ. Крестьяне пріобрѣтаютъ землю троякимъ способомъ: *единолично*, *обществами* и *товариществами*. И въ средѣ единоличныхъ покупщиковъ встрѣчаются, дѣйствительно, немало крупныхъ землевладѣльцевъ.

$^0/_0$ земли у крестьянъ въ 1905 г.

	(Единол. влад.)
Влад. до 50 дес.	32,2
„ отъ 50—200 „	24,8
„ „ 200—500 „	15,5
„ „ 500—1 тыс.	9,9
„ свыше 1 „	17,6

Въ первой части нашего труда мы установили, что крайней гранью мелкаго трудового хозяйства при трехпольи можно считать 50 дес. землевладѣнія (приблизительно, 20—25 дес. посѣва). Земловладѣніе отъ 50 до 200 дес. будетъ среднимъ, т. е. такимъ, въ хозяйствѣ котораго владѣлецъ со всей семьей принимаетъ своимъ трудомъ непосредственное участіе вмѣстѣ съ наемными работниками; свыше 200 дес.—крупнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что мелкимъ единоличнымъ владѣльцамъ въ 1905 г. принадлежала только третья часть всей площади, четвертая часть—среднимъ и болѣе двухъ пятыхъ ($43^0/_0$)—крупнымъ.

Единоличное землевладѣніе (13,2 мил. дес.) составляетъ немногимъ болѣе половины всѣхъ частныхъ владѣній кре-

стьянъ. Другая половина (11,4 мил. дес.) представляетъ собственность крестьянскихъ обществъ и товариществъ, т. е., въ подавляющемъ большинствѣ, принадлежитъ крестьянскимъ хозяйствамъ трудового типа. Вмѣстѣ съ владѣніями до 50 дес. трудовое крестьянское землевладѣніе составитъ 63,8% всего землевладѣнія крестьянъ (15,7 мил. дес.).

Насколько отличается по своему характеру, общественное и товарищеское землевладѣніе отъ единоличнаго, можно видѣть по цифрамъ перепродажъ. За 1862—99 гг. единоличные владѣльцы продали 59,2% купленной земли.

Товарищества . . 12,6%
Общества. . . . 14,2%

Какъ и купцы, единоличные владѣльцы—крестьяне усиливаютъ со временемъ мобилизацію своей земли.

% продаваемой земли по отношенію къ покупаемой:

Въ 1863—68 гг. . . 21,0
„ 1869—74 „ . . 22,8
„ 1875—80 „ . . 37,9
„ 1881—86 „ . . 45,3
„ 1887—92 „ . . 57,4
„ 1893—98 „ . . 63,3

Перепродажа земли у единоличныхъ владѣльцевъ-крестьянъ эволюціонируетъ не такъ рѣзко, какъ у купцовъ, но это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что въ число единоличныхъ крестьянскихъ владѣній входятъ не только среднія и крупныя, но и мелкія, которыя, надо полагать, менѣе подвижны и своей устойчивостью затушевываютъ общій ростъ мобилизаціи единоличныхъ покупокъ...

Приведенные факты говорятъ намъ, что крестьяне, какъ покупщики земли, распадаются на двѣ группы: на рядовыхъ земледѣльцевъ, пріобрѣтающихъ землю для пропитанія, за недостаткомъ надѣльной, и на крупныхъ и отчасти среднихъ землевладѣльцевъ, цѣль покупокъ которыхъ, какъ и купцовъ,—земельная спекуляція. Теперь спрашивается, какая изъ этихъ группъ беретъ верхъ въ борьбѣ за землю?

Большая часть земли, принадлежащей единоличнымъ собственникамъ-крестьянамъ, находится въ рукахъ среднихъ и крупныхъ владѣльцевъ. Поэтому, развитіе единоличнаго владѣнія должно, до нѣкоторой степени, указывать на ростъ средняго и крупнаго землевладѣнія у крестьянъ, а увеличеніе товарищескихъ и общественныхъ покупокъ—эволюцію землевладѣнія трудового типа. Сравненіе единоличныхъ и общественныхъ крестьянскихъ покупокъ можно сдѣлать по двумъ переписямъ 1877 и 1905 гг.

Изъ 100 дес. крестьянскаго землевладѣнія было:

	Въ единоличн. собств.	Обществъ и товариществъ.
Въ 1877 г.	88,3	11,7
„ 1905 „	53,7	46,3

За 28 лѣтъ общественныя и товарищескія покупки увеличились относительно вчетверо. Систематическій ростъ ихъ обрисовывается очень рельефно матеріалами по ежегодной мобилизаціи земли.

% купленной земли:

	Единолично.	Тов-ми и Об-вами.
Въ 1863—67 гг.	58,9	41,1
„ 1868—72 „	50,5	49,5
„ 1873—77 „	48,9	51,1
„ 1878—82 „	48,9	51,1
„ 1883—87 „	25,6	74,4
„ 1888—92 „	25,5	74,5
„ 1893—97 „	25,4	74,6

Вначалѣ крестьянскіе богатѣи преобладали въ числѣ покупателей. „Въ общемъ итогѣ, большая часть земель перешла въ руки отдѣльныхъ зажиточныхъ крестьянъ; сравнительно менѣе куплено цѣлыми обществами и еще менѣе товариществами“—писали авторы „матеріаловъ М-ва Госуд. Им. въ 1880 г.. Съ теченіемъ времени, не только общественныя и товарищескія покупки стали перевѣшивать единоличныя (даже до начала дѣятельности крестьянскаго банка), но и въ средѣ единоличныхъ „зажиточные“ буржуазные элементы вытѣсняются трудовыми, что видно изъ сильнаго дробленія владѣній. Средній размѣръ единоличнаго крестьянскаго владѣнія упалъ съ 45 дес. въ 1887 году до 26 дес. въ 1905 году.

Мы не будемъ останавливаться на небольшихъ группахъ владѣльцевъ другихъ сословій: мѣщанъ принадлежащихъ, по типу, къ мелко-буржуазному элементу, духовенства, у котораго владѣнія еще мельче и пр. Подведемъ теперь итоги нашему краткому обзору мобилизаціи земли у наиболѣе крупныхъ категорій владѣльцевъ.

1) Дворянское землевладѣніе послѣ реформы подвергалось процессу безпрерывнаго все возрастающаго уничтоженія; первые слѣды этого процесса начинаютъ обнаруживаться еще въ крѣпостную эпоху.

2) За счетъ дворянскаго развивается въ началѣ крупно-буржуазное купеческое землевладѣніе, которое, послѣ 70-хъ гг. вытѣсняется крестьянскимъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ яснѣе обнаруживается роль купцовъ,

какъ земельныхъ маклеровъ, главная цѣль которыхъ—скупить задешево земли у оскудѣвающаго дворянства съ тѣмъ, чтобы, выжавши изъ нихъ всѣ соки, перепродать ихъ, по дорогимъ цѣнамъ, жаждущимъ земли крестьянамъ.

3) Среди крестьянъ сначала преобладали болѣе богатые, единоличные собственники, изъ которыхъ болѣе крупные оказались такими же спекуляторами землей, какъ и купцы. Затѣмъ они уступили мѣсто трудовымъ крестьянамъ, покупающимъ обществами и товариществами. Наконецъ измельчали и единоличныя покупки.

Итакъ, дворяне уступаютъ свое мѣсто купцамъ, купцы—крестьянамъ, крупные собственники—крестьяне—болѣе мелкимъ. Все это указываетъ, что эволюція землевладѣнія въ пореформенную эпоху представляетъ характерные черты *демократизаціи* и *дробленія*: послѣдняя черта окончательно устанавливается данными объ измѣненіи землевладѣнія по размѣрамъ, которыя, въ виду ихъ большого значенія, мы приводимъ по отдѣльнымъ районамъ.

% распредѣленія площади землевладѣнія

Районы		До 50 д.	50—200	200—500	500—1 тс.	Св. 1 тс.
Московско-промышл. раіон.	(1877 г.	8,9	10,7	14,5	13,6	52,3
	(1905 г.	12,4	18,3	16,9	12,2	40,2
Сѣверо-западный	(1877 г.	6,1	7,6	8,4	10,8	67,1
	(1905 г.	10,0	12,3	12,0	10,4	55,3
Сѣверный	(1877 г.	12,8	9,3	8,4	9,4	60,1
	(1905 г.	20,7	10,4	7,6	6,9	54,4
Итого центръ	(1877 г.	8,2	9,4	11,9	12,3	58,2
	(1905 г.	12,2	15,4	14,2	11,1	47,1
Измѣн. слоевъ въ %		+48,8	+63,8	+19,3	—9,7	—19,1
Централ. земледѣл.	(1877 г.	6,4	10,7	16,3	15,3	51,4
	(1905 г.	9,2	14,5	19,2	15,1	42,0
Средне-Волжскій	(1877 г.	2,8	4,5	8,9	10,6	73,2
	(1905 г.	4,5	8,5	13,8	14,3	58,9
Сѣверо-восточный	(1877 г.	0,3	0,2	0,2	0,2	99,0
	(1905 г.	0,4	0,6	0,5	0,6	97,9
Восточная малороссія	(1877 г.	9,5	13,0	14,4	14,4	48,7
	(1905 г.	18,7	16,6	15,4	13,8	35,5
Итого 1-й поясъ	(1877 г.	4,4	6,7	9,7	9,7	69,5
	(1905 г.	7,0	9,3	11,6	10,2	61,9
Измѣн. слоевъ въ %		+59,1	38,8	+19,6	+5,2	—10,9

Районы		До 50 д.	50—200	200—500	500-1 тс.	Св. 1 тс.
Заволжье	(1877 г.	1,0	2,5	3,0	4,8	88,6
	(1905 г.	1,3	3,8	9,7	12,2	73,0
Новороссія	(1877 г.	1,2	4,4	7,6	11,4	75,5
	(1905 г.	2,8	9,1	14,2	16,4	57,5
Итого 2-й поясъ	(1877 г.	1,1	3,6	5,7	8,7	80,9
	(1905 г.	2,1	6,6	12,1	14,5	64,7
Измѣн. слоевъ въ %		+90,9	+83,3	+112,3	+66,7	—20,0
Западн. малороссія	(1877 г.	2,9	3,1	7,1	12,5	74,4
	(1905 г.	5,5	7,3	10,9	17,0	59,3
Литва и Бѣлоруссія	(1877 г.	4,4	6,2	8,3	9,5	71,6
	(1905 г.	7,5	10,4	11,5	11,3	59,3
Прибалт. край	(1877 г.	4,0	3,2	1,3	5,5	86,0
	(1905 г.	7,6	1,2	2,1	6,6	82,5
Итого Западъ	(1877 г.	3,9	4,8	6,8	9,6	74,9
	(1905 г,	7,0	8,1	9,8	12,1	63,0
Измѣн. слоевъ въ %		+79,5	+68,7	+44,1	+26,0	—15,9
Всего 49 губ. Европ. Россіи	(1877 г.	4,6	6,2	8,7	10,1	70,4
	(1905 г.	7,3	9,9	11,9	11,7	59,2
Измѣн. слоевъ въ %		+58,7	+59,7	+36,8	+15,8	—15,9

Надо замѣтить, что данныя 1877 и 1905 гг. не вполнѣ сравнимы т. к. въ первую перепись принимались въ разсчетъ *владѣльцы*, а во вторую *владѣнія*, такъ что владѣнія обществъ и товариществъ, во вторую перепись принимались каждое за единицу, что давало перегибъ въ сторону болѣе крупныхъ владѣній. И тѣмъ не менѣе эта таблица вполнѣ отчетливо показываетъ, что процессъ *дробленія* произошелъ рѣшительно во всѣхъ районахъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ. Всюду онъ проявился въ однихъ и тѣхъ же чертахъ: въ рѣзкомъ упадкѣ самой крупной группы владѣній свыше 1000 дес. и въ ростѣ за ея счетъ территоріи остальныхъ владѣній, при чемъ, чаще всего, чѣмъ мельче была группа, тѣмъ болѣе она возросла. Наиболѣе сильное дробленіе наблюдалось въ районахъ стариннаго центра, гдѣ быстрѣе всего исчезало дворянское землевладѣніе: здѣсь относительно сократилась не только площадь владѣній свыше 1 тыс. дес., но и у слѣдующей за ней группы—500—1 тыс. дес., которая въ большинствѣ другихъ районовъ дала приростъ. За центральными районами не черноземной полосы слѣдуютъ центральные

районы черноземной--центрально-земледѣльческій, средневолжскій и восточной Малороссіи. Дробленіе землевладѣнія въ этихъ старыхъ районахъ, гдѣ существуетъ болѣе нитенсивное хозяйство, гдѣ земельная тѣснота достигаетъ крайней степени напряженія—явленіе не удивительное: но оно происходитъ также и въ новыхъ областяхъ—Новороссіи и и Заволжья, которыя нѣкоторыя авторы марксистскаго направленія считаютъ твердыней развивающагося землевладѣльческаго капитализма при экстенсивномъ хозяйствѣ. Очивидно, что и здѣсь напоръ двигавшихся съ сѣвера и запада массъ населенія дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, какъ и въ старыхъ областяхъ, и крупныя латифундіи юга и востока образовавшіяся какихъ-нибудь 50—100 лѣтъ назадъ, падаютъ и разсыпаются на мелкія части, подъ вліяніемъ этого напора...

Въ общемъ итогѣ, отъ пореформенной мобилизаціи земли болѣе всего выиграли крестьянскіе трудовые элементы. Въ 1877 г. у крестьянъ было удобныхъ купчихъ и надѣльныхъ земель 119,2 мил. дес. въ 1905 г.—149,8 мил. дес. приростъ на 31,6 мил. дес. Предыдущее изложеніе эволюціи населенія и производства должно было сдѣлать ясными для читателя главныя велечины перехода земель въ крестьянскія руки. Небывалый приростъ населенія заставилъ крестьянъ вначалѣ пойти старымъ знакомымъ путемъ—искать свободныхъ земель на окраинахъ. И мы видимъ, что до конца 70-хъ гг, крестьяне мало покупаютъ земли, уступая ихъ купцамъ, за то милліонами переходятъ въ Новороссію и Заволжье. Но къ 80 гг. ближнія окраины уже заполнены населеніемъ.

Переселенческій потокъ принужденъ переброситься черезъ Уралъ въ далекую Сибирь и на первыхъ порахъ общій темпъ разселенія замираетъ. Для того, чтобы достигнуть Сибири, надо было обладать извѣстнымъ запасомъ денежныхъ средствъ, настойчивости и энергіи, которыя должны были достигать высокаго напряженія, чтобы преодолѣть препятствія, составившіяся на пути тогдашней переселенческой политикой правительства. Въ общемъ переселенія за весь пореформенный періодъ, охватили не болѣе $^1/_4$—$^1/_5$ прироста населенія. Еще меньшую долю оттянули къ себѣ города; между тѣмъ, въ 60-хъ гг. въ промышленномъ, въ 80-хъ—въ земледѣльческомъ центрахъ развивается кризисъ экстенсивнаго трехполья, выражающійся въ сокращеніи пашни и посѣвовъ, а, слѣдовательно, повлекшій за собой уменьшеніе главныхъ средствъ существованія земледѣльческаго населенія, продолжающаго, тѣмъ не менѣе, быстро возра-

стать. Что оставалось дѣлать крестьянскому населенію, прикованному къ родинѣ, на надѣлахъ сокращенныхъ еще въ моментъ реформы у помѣщичьихъ крестьянъ, почти на пятую часть?

Если-бы наши крестьяне были болѣе культурны, если-бы у нихъ въ рукахъ были достаточныя средства, если-бы они обладали не только юридическими правами, но и исторически сложившимися навыками къ общественной самодѣятельности—они бы, возможно, нашли *ближайшій* выходъ въ интенсификаціи своего хозяйства Конечно, даже урѣзанныхъ и раздробленныхъ надѣловъ, размѣръ которыхъ въ 1860-хъ гг. составилъ 4,8 дес., а въ 1900 г—2,6 дес. на мужскую душу—хватило бы на пропитаніе, если десятина посѣва сразу начала бы давать не 30 или 40, а 100 пудовъ. Но интенсивное земледѣліе, кромѣ перечисленныхъ сейчасъ условій—культуры, правопорядка, запаса капиталовъ у общественной самодѣятельности, требуетъ болѣе или менѣе значительнаго *времени* для широкаго распространенія. Въ сельскомъ хозяйствѣ дѣйствуютъ не только силы человѣка, но и силы природы: только, приспособившись, послѣ долголѣтнихъ усилій и многочисленныхъ опытовъ, къ природнымъ условіямъ почвы и климата, можно заставить землю удвоить или утроить свою плодовитость Между тѣмъ и по сейчасъ даже наши агрономы не рѣшили какіе улучшенные сѣвообороты, какіе пріемы труда наиболѣе продуктивны въ нашихъ степныхъ черноземныхъ районахъ. Что же оставалось дѣлать нашимъ крестьянамъ, у которыхъ не было ни знаній, ни средствъ, ни времени на производство долголѣтнихъ опытовъ съ новыми пріемами сельскаго хозяйства, новыми способами удобренія: они не могли ждать результатовъ подобныхъ опытовъ, если бы ихъ дѣлали за нихъ агрономы, потому что не хотѣли умереть голодной смертью. Но и земская агрономія въ крупномъ масштабѣ—явленіе весьма недавнее. Вотъ почему единственный выходъ, который они могли отыскать для поддержанія своего существованія—былъ расширеніе своего землевладѣнія и землепользованія за счетъ сосѣднихъ господскихъ земель. Однако увеличенія землевладѣнія надѣльнаго и частнаго на 30 мил. дес., т. е. на какихъ нибудь 25 % было недостаточно: естественный приростъ почти удвоилъ населеніе. Если четвертая часть прироста нашла спасеніе въ разселеніи, другая четверть—въ покупкѣ „на вѣчно“ частновладѣльческихъ земель, то что оставалось дѣлать остальной половинѣ прироста надо думать, бѣднѣйшей, у которой не было средствъ купить землю или переселиться на далекія окраи-

ны? Эта половина нашла исходъ въ *арендѣ* частновладѣльческихъ земель.

Б) Трансформація частновладѣльческаго хозяйства.

До реформы 19 февраля 1861 года помѣщичье хозяйство вытѣсняло крестьянское.

Въ концѣ XVIII в въ 19 губ процентъ помѣщичьей запашки и въ барщинныхъ, и въ оброчныхъ имѣньяхъ равнялся 17,7; 82,3% пашни принадлежало крестьянамъ. Въ 50-хъ г.г. XIX в процентъ удобной земли безъ лѣса, находившейся въ пользованіи помѣщиковъ, достигъ уже 43,8. Господскіе посѣвы по тремъ губерніямъ на черноземной полосѣ, данныя по которымъ приведены въ предыдущей главѣ, составили 24,5 %, по 5 губ. черноземной—42,7 %. Такъ какъ главная площадь посѣвовъ была тогда въ черноземныхъ губерніяхъ съ барщиннымъ хозяйствомъ, то можно думать, что помѣщикамъ принадлежало, въ общемъ, до $^2/_5$, а крестьянамъ—$^3/_5$ всей запашки на частновладѣльческихъ земляхъ.

Реформа сразу оборвала эволюцію помѣстнаго хозяйства Оффиціальныя изслѣдованія и свидѣтельства цѣлаго ряда современниковъ въ одинъ голосъ твердятъ о почти повсемѣстномъ упадкѣ помѣщичьяго хозяйства и о параллельномъ возрастаніи крестьянскаго. Извѣстный докладъ Валуевской комиссіи[1]) признаетъ, какъ фактъ, „что хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ подвергались, вслѣдствіе реформы 19 февраля, сильному потрясенію. Они выдерживали и выдерживаютъ чрезвычайно трудный и тяжелый кризисъ“. Сводка сообщеній „свѣдущихъ лицъ“, приведенныхъ въ докладѣ, по 30 губ., показываетъ, что у помѣщиковъ запашки увеличились въ 8 губ. а уменьшились въ 22 губ., у крестьянъ-же, наоборотъ, увеличились въ 23 губ., а уменьшились въ 5-ти, остались безъ перемѣнъ въ 2-хъ. По отдѣльнымъ областямъ замѣтны сильныя колебанія въ ростѣ и паденіи запашекъ.

Число губерній, въ которыхъ посѣвы

	увеличились		уменьшились		
	у помѣщиковъ	у крестьянъ.	у помѣщиковъ.	у крестьянъ.	
Въ центрѣ . .	—	3	8	3	безъ пер. въ 2-хъ.
„ 1 поясѣ . .	4	7	5	2	
„ 2 поясѣ . .	3	4	1	—	
На западѣ .	1	9	8	—	

[1]) Докладъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи 1873 года.

Болѣе всего пострадали помѣщичьи хозяйства въ центральныхъ областяхъ и на западѣ. Что касается до запада, то здѣсь это паденіе было очень кратковременнымъ и вызваннымъ политическими бурями возстанія 1863 г. Нельзя, однако, того-же сказать про помѣщиковъ промышленныхъ раіоновъ, и до реформы предпочитавшихъ оброчную систему, т е. отсутствіе собственнаго хозяйства Реформа подкосила и тѣ слабые ростки сельско-хозяйственной культуры, которые крѣпостной трудъ взростилъ помѣщикамъ на глинистой почвѣ негостепріимнаго сѣвера Многіе помѣщики просто заколачивали свои усадьбы и уѣзжали въ города на казенную службу Въ Тверской губ. съ 1861 г. число усадебъ сократилось почти на половину (съ 2860 до 1802). „Но цифра эта, говоритъ оффиціальный источникъ, изъ котораго мы ее заимствовали [1]) далеко не выражаетъ собой степени упадка помѣщичьихъ усадебъ: большинство уцѣлѣвшихъ не поддерживается вовсе или весьма слабо. Въ Костромской г изъ 1400 усадебъ въ 1861 г.—356 вовсе закрылись, а 308 проданы купцамъ и лѣсопромышленникамъ и обращены въ жилье для сторожей Подобные примѣры, хотя и не столь многочисленные, встрѣчаются во всѣхъ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ. Случаи закрытія усадебъ встрѣчались чаще вслѣдъ за крестьянской реформой". По изслѣдованію Раевскаго [2]) въ сѣверо-западной полосѣ Россіи (Тверской, Витебской, Смоленской, Могилевской губ.) у помѣщиковъ, послѣ освобожденія крестьянъ, посѣвы вообще болѣе или менѣе значительно уменьшились, многіе изъ нихъ, при *ограниченномъ скотоводствѣ* и недостаткѣ оборотнаго капитала, не находятъ возможнымъ вести хозяйство вольно-наемнымъ трудомъ въ прежнихъ размѣрахъ и сокращая запашки, часть пахатныхъ полей запускаютъ въ покосы для усиленія скотоводства.

По словамъ кн. Васильчикова „нечерноземная полоса великороссійскихъ губерній представляетъ ту особенность въ отношеніи земледѣлія, что мелкій и тощій слой почвы требуетъ повсемѣстно сильнѣйшаго удобренія, и это условіе совокупно съ рѣдкостью населенія и краткостью рабочаго сезона, значительно возвышаетъ цѣнность земледѣльческой обработки. Господскія запашки въ этой полосѣ составляли и въ прежнія времена исключеніе: большая часть крестьянъ жили на чисто оброчной повинности, владѣя, дѣйствитель-

1) Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и с.-хоз промышленности въ Россіи В I изд. М-ва Гос Им 1880 г.

2) См *Вильсонъ* объясненія къ хозяйствено-статистическ. атласу Европ Россіи изд 4-е 1869 г.

но, всѣми помѣщичьими угодьями. Въ этой полосѣ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, пострадали отъ прекращенія крѣпостного труда помѣщичьи хозяйства и тѣ изъ нихъ, которыя еще понынѣ устояли, сократились на половину и болѣе" (Землевладѣніе и земледѣліе т. II стр. 54). По Энгельгардту, въ Смоленской губ. „запашки уменьшились болѣе, чѣмъ на половину". Въ имѣніи самого Энгельгардта при крѣпостномъ правѣ, пахалось въ 3-хъ поляхъ $163^1/_2$ дес., а въ 1871 г., онъ, пріѣхавъ хозяйничать, нашелъ въ обработкѣ всего 66 дес.; остальныя $97^1/_2$ дес. были запущены и заросли бурьяномъ. Обработка земли производится еще хуже, чѣмъ прежде, количество кормовъ уменьшилось, потому что луга не очищаются, не осушаются и зарастаютъ; скотоводство же пришло въ совершенный упадокъ. „Большинство хозяйствъ, въ теченіи 12 лѣтъ (со времени реформы) успѣло уже прійти въ совершенное разстройство: множество хуторовъ совершенно запущены, а большинство помѣщиковъ, бросивъ имѣнія, убѣжало на службу Дѣйствительно, проѣзжая по уѣзду и видя всюду запустѣніе и разрушеніе, можно было подумать, что тутъ была война, нашествіе непріятеля".

Еще черезъ 5 лѣтъ, въ тѣхъ же письмахъ изъ деревни онъ пишетъ.

„Прошло уже семнадцать лѣтъ послѣ положенія, а помѣщичье хозяйство нисколько не подвинулось, напротивъ того, съ каждымъ годомъ оно болѣе и болѣе падаетъ, производительность имѣній болѣе и болѣе уменьшается, земли все болѣе и болѣе дичаютъ Ни выкупныя свидѣтельства, ни проведеніе желѣзныхъ дорогъ, ни вздорожаніе лѣсовъ, за которые владѣльцы въ послѣднее время выбрали огромныя деньги, ни возможность получить изъ банковъ деньги подъ залогъ имѣній, ни столь выгодное для землевладѣльцевъ паденіе кредитнаго рубля—ничто не помогло помѣщичьимъ хозяйствамъ стать на ноги".

Итакъ помѣщичье хозяйство нечерноземной полосы и нѣкоторыхъ прилегающихъ къ ней губерній земледѣльческаго центра сразу пришло въ сильное разстройство послѣ освобожденія. Но въ остальныхъ губерніяхъ 1-го и въ большинствѣ губерній 2-го пояса запашки на помѣщичьей земмѣ, повидимому, увеличились. Однако, указывало ли это увеличеніе на ростъ *собственнаго* помѣщичьяго хозяйства?

Въ той же нечерноземной полосѣ владѣльцы компенсировали убытки отъ сокращенія собственнаго хозяйства *усиленной сдачей въ аренду*. Арендныя цѣны стали быстро повышаться и „землевладѣльцы пріобрѣли новые источники доходовъ отъ такихъ пустошей, лѣсныхъ покосовъ и

пустырей, которые крестьяне признавали неудобными, а сами помѣщики бездоходными...

Мы полагаемъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, что, въ общей сложности, помѣстное сословіе въ этой полосѣ болѣе выгадало отъ усилившейся сдачи своихъ земель, чѣмъ проиграло отъ сокращенія своихъ запашекъ". Но въ нечерноземной полосѣ, гдѣ почва была плоха, и земледѣліе требовало большихъ затратъ, гдѣ крестьянинъ всегда могъ заработать больше при помощи постороннихъ заработковъ, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ, гдѣ наконецъ, при освобожденіи, крестьяне получили повышенные а не урѣзанные надѣлы,—аренда, естественно, была мало развита. По изслѣдованію проф Карышева [1]) (данныя 80-хъ гг.) въ сѣверо-западномъ раіонѣ процентъ арендуемой крестьянами земли по отношенію къ надѣльной, равнялся 8,7, въ сѣверо-восточномъ—всего 2,6 тогда какъ въ земледѣльческихъ раіонныхъ почти нигдѣ не былъ меньше 12, а въ большинствѣ, колебался отъ 23,6% до 53,3%. По болѣе новому изслѣдованію проф. Мануйлова [2]) охватившему земско статистическія данныя 189 у. у. процентъ, арендуемой земли къ надѣльной, составилъ [3]).

Въ Московско-промышл. раіонѣ . .	11,8
Прочихъ губ. нечерн полосы (С.-Петерб. Новгородск., Вятской, Пермской) . . .	4,4
Всего въ нечерноземной полосѣ . .	7,7
Въ центрально-землед. раіонѣ	16,0
Средне-волжскомъ	16,1
Новороссіи (и Самарской губ) . .	30,7
Восточной Малороссіи	26,4
Всего въ черноземной полосѣ	22,4

Отсюда видно, что аренда внѣнадѣльныхъ земель въ черноземной полосѣ, главнымъ образомъ въ 80-хъ гг была распространена относительно втрое болѣе, чѣмъ въ нечерноземной: въ черноземную полосу направлялся главный потокъ переселенцевъ, населеніе сгущалось здѣсь всего быстрѣе, главное занятіе его было земледѣліе, а надѣлы при освобожденіи урѣзаны очень сильно. Поэтому усиленное арендованіе крестьянами помѣщичьихъ земель въ этой по-

1) Итоги экономич. изслѣдов Россіи по даннымъ земской статистики т. II крестьянскія внѣнадѣльныя аренды.

2) Статья „аренда земли въ Россіи" въ сборникѣ „Очерки по крестьянскому вопросу" т. II.

3) Разсчетъ нашъ составленъ по таблицамъ, приложен. къ статьѣ.

лось началось сейчасъ же послѣ освобожденія; имъ то и объясняется, въ значительной мѣрѣ, *увеличеніе запашекъ на частно-владѣльческой территоріи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ*. Докладъ валуевской комиссіи утверждаетъ, что во многихъ губерніяхъ не произошло уменьшенія запашекъ, потому что увеличилась сдача земли въ наемъ крестьянамъ Съемъ земли возросъ въ Орловской, Тамбовской, Самарской, Воронежской и др. губерніяхъ Въ Таврической губ. особенно охотно отдавали въ наемъ многоземельныя крупныя экономіи. Вообще, въ первое время послѣ реформы, по свидѣтельству „матеріаловъ гос. им-въ", земли помѣщиковъ въ огромномъ числѣ раздавались въ аренду Даже на югѣ и югѣ-востокѣ, гдѣ площадь засѣва возросла въ такой громадной пропорціи, по словамъ кн. Васильчикова „помѣщичьи запашки исчезаютъ. Преобладающій порядокъ эксплуатаціи есть сдача земель за денежную плату съемщикамъ изъ крестьянъ. Сдача эта происходитъ въ огромныхъ размѣрахъ: такъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ, гдѣ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ 28 тысячъ, они снимаютъ, при достаточномъ надѣлѣ, 90 тыс. дес. Здѣсь развивается система оптовыхъ съемокъ крупными арендаторами, передающими ихъ мелкимъ съемщикамъ. Особенно это замѣтно въ Самарской губ. и въ Кубанской обл., гдѣ въ новѣйшее время были пожалованы большія имѣнія разнымъ генераламъ и заслуженнымъ чиновникамъ". Вообще, на окраинахъ и до реформы аренда была болѣе крупной. (См. монографію Никольскаго). Въ Малороссіи „хуторскія хозяйства сокращаются, господскія запашки упраздняются, владѣльцы оставляютъ себѣ небольшіе участки подъ такія культуры, которыя наиболѣе истощаютъ почву, а остальныя земли сдаютъ въ аренду или крупнымъ арендаторамъ изъ евреевъ, или крестьянамъ—казакамъ". Въ 2-хъ уѣздахъ Черниговской губ. было только по одному имѣнью съ собственной запашкой, всѣ прочія сдавались въ аренду крестьянамъ.

По Чаславскому („земледѣльческіе отхожіе промыслы") въ черноземномъ центрѣ установились самыя высокія арендныя цѣны. „При густотѣ населенія и относительномъ малоземельи, спросъ на земли такъ великъ, что онѣ разбираются охотно и безъ остатка крестьянами и земледѣльцы получаютъ такой доходъ, о которомъ, при крѣпостномъ правѣ, они не могли и мечтать, и потому, въ этой полосѣ изъ помѣщиковъ хозяйничаютъ сами очень немногіе, справедливо предпочитая раздачу земель крестьянамъ". Такимъ образомъ, въ черноземной полосѣ увеличеніе запашекъ на помѣщичьихъ земляхъ въ первое время послѣ реформы объяснялось

зачастую сдачей въ аренду. Какая же часть владѣльческихъ посѣвовъ сдавалась въ аренду въ первую половину пореформенной эпохи?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, которымъ уже занимались многіе изслѣдователи, очень трудно, т к. оффиціальныя данныя о размѣрахъ арендуемой у владѣльцевъ и казны площади всѣхъ угодій вообще и пахатныхъ земель и посѣвовъ, въ частности, явно преуменьшены, земско-статистическіе же матеріалы, главнымъ образомъ, 80-хъ гг. касаются только 189 у. у. Разные источники даютъ самыя разнообразныя цифры арендной площади. Проф. Карышевъ опредѣляетъ размѣръ всѣхъ арендныхъ угодій (пашни, сѣнокосовъ и пастбищъ) въ 30% территоріи крестьянскихъ надѣловъ, т. е. по опредѣленію Дена—до 45 мил. дес., по другимъ разсчетамъ 49,8 мил. дес. Денъ сокращаетъ это количество до 30—35 мил. Дядиченко и Чермакъ, пользуясь и земскими и оффиціальными данными, устанавливаютъ цифру 24 мил. дес. Оффиціальные источники даютъ: комиссія по оскудѣнію центра—для 47 губ. 18.6 мил. дес, для всей Россіи 19,6 мил. дес.

Данныя центр. стат. к.-та таковы[1])

У частн. владѣльцевъ	(1887 г.)	17,634,4	тыс. дес.
У казны и удѣловъ	(1904 г.)	5,267,7	„ „
У церквей и монастыр.	(1887 г.)	281,3	„ „
Городовъ	(1887 г.)	1,515,6	„ „
		Всего 24,699	тыс. дес.

Для 1881 г. центр. к.-т. даетъ 11,557,5 тыс. дес. аренды.

Если отбросить данныя 1881 г., какъ завѣдомо не полныя, то вычисленія размѣровъ аренднаго фонда будутъ колебаться въ предѣлахъ отъ 19,6 мил. дес. до 49,8 мил. дес. Но дѣло въ томъ, что авторы, работавшіе надъ вопросомъ о размѣрахъ этого фонда, не всегда устанавливали, говорятъ ли они о *всѣхъ* угодьяхъ, или только о главныхъ—пашнѣ и сѣнокосахъ. Аренда пастбищъ и лѣсовъ, даже земскими изслѣдованіями выяснена очень мало, и цифры ея весьма проблематичны. Профессоръ Карышевъ полагаетъ, что она составляетъ 11% всей надѣльной площади, откуда и получаетея такая колоссальная цифра—49,8 мил. дес. Аренда пашни и сѣнокосовъ по его разсчетамъ (основаннымъ на данныхъ 1-26 у.у.) составляетъ 19% надѣловъ.

1) Взяты изъ „статистическихъ свѣдѣнійпо земельному вопросу въ Европейской Россіи“ (изд. 1906 г.).

Близко подходитъ къ этой цифрѣ и профессъ. Мануйловъ, опредѣляющій размѣръ аренды главныхъ угодій въ 20% надѣловъ (по 183 у. у.); 20% въ 1880-хъ г.г. составляли около 25 мил. дес, каковая цифра близко подходитъ къ установленной г.г. Дядиченко и Чермакомъ Если предположить, что въ оффиціальныхъ данныхъ центр. ст к.-та аренда пастбищъ также не приведена, то будетъ сходство этой цифры и съ оффиціальными данными.

Такимъ образомъ, наиболѣе вѣроятной площадью аренды пашни и сѣнокосовъ въ 80-хъ гг. какъ на частной, такъ и на казенной землѣ, надо считать 24—25 мил. дес Возьмемъ, изъ осторожности меньшую цифру—въ 24 мил дес. Площадь казенныхъ и удѣльныхъ „оброчныхъ статей" сдаваемыхъ въ аренду, составляетъ 6,4 мил. дес Предположимъ, что пашни и сѣнокосовъ въ нихъ 6 мил. дес; тогда частно-владѣльческая арендная площадь составитъ около 18 мил. дес. Теперь выдѣлимъ отсюда одну пашню Единственный массовый матеріалъ о распредѣленіи аренды по угодіямъ дастъ центр ст. к.-т. въ 1881 г. Въ этомъ году арендовалось подъ посѣвъ 6033,8 тыс. дес.; луговъ и сѣнокосовъ—3007,1 тыс.—вдвое меньше. Такъ какъ при преобладаніи краткосрочной аренды, паровой клинъ въ аренду пашни почти не входитъ (онъ часто арендуется какъ пастбище), то можно считать, что почти такимъ же будетъ и отношеніе всей арендуемой пашни къ покосу. Отсюда пашня, круглымъ счетомъ, составитъ 12 мил. дес. Для опредѣленія площади посѣва, мы должны принять въ соображеніе, что, по даннымъ проф. Карышева, краткосрочная годичная съемка охватываетъ въ общемъ 56% арендуемой земли (74,6% въ малоарендныхъ и 50,9% въ многоарендныхъ раіонахъ). Слѣдовательно, только на 44% пашни снимается и паровой клинъ, т. е. паръ составляетъ 22% всей арендуемой пашни; одинъ посѣвъ равенъ 78% или 9,4 мил. дес.

У казны и удѣловъ преобладаетъ долгосрочная съемка. Поэтому, если считать, что пашня здѣсь занимаетъ также $^2/_3$ арендуемой площади—4 мил. дес., то посѣвная площадь будетъ равняться, приблизительно, 2,6 мил. дес., а весь арендованный въ 80-хъ гг. у казны и владѣльцевъ посѣвъ составлялъ 12 мил. десятинъ.

Въ 1887 г. посѣвная площадь на крестьянской надѣльной землѣ въ 46 губ. равнялась 43,365 тыс. дес., на землѣ прочихъ владѣльцевъ—19,085 тыс. дес. Прибавляя сюда данныя 1881 г. для недостающихъ 4-хъ губерній, получаемъ 47,3 мил. дес., на крестьянской надѣльной землѣ и 20,7 мил. дес.—на остальной Исключая изъ послѣдняго чи-

сла 12 мил. дес. аренды и прибавляя ихъ къ крестьянскимъ посѣвамъ, мы найдемъ, что въ 80-хъ гг. крестьянскихъ посѣвовъ всего было 59,3 мил. дес. или 87,2%, владѣльческихъ—8,7 мил. дес. или 12,8%.

Передъ реформой, у частныхъ владѣльцевъ было въ собственномъ хозяйствѣ около $^2/_3$ всей запашки на частновладѣльческой территоріи, $^3/_3$ принадлежало помѣщичьимъ крестьянамъ. У казенныхъ, удѣльныхъ и проч. крестьянъ площадь пашни была больше чѣмъ у помѣщичьихъ, т. к. надѣлы ихъ были крупнѣе. Въ 70-хъ гг. у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ было 62,2 мил дес надѣловъ у бывшихъ помѣщичьихъ—36,2 мил дес Пропорція пашни въ надѣлѣ у казенныхъ крестьянъ, вслѣдствіе многоземелья, была меньше, а система полеводства экстенсивнѣе, такъ что, надо думать, что они засѣвали, приблизительно, раза въ полтора болѣе помѣщичьихъ. По крайней мѣрѣ, по земскимъ даннымъ, на 1 дв. у государственныхъ крестьянъ приходилось по 4,15 дес. пашни, у помѣщичьихъ собственниковъ 2,72 дес.[1]) Отсюда слѣдуетъ, что владѣльческія запашки составляли не задолго передъ реформой 20—25% всѣхъ, тогда какъ въ концѣ XVIII в. по 20 центральнымъ губерніямъ, онѣ не превышали 5—6% За первые 20—25 лѣтъ послѣ реформы онѣ спустились до 12,8%

Таковъ, приблизительно, подсчетъ убыли помѣщичьяго хозяйства до 80-хъ гг

Но и въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики вели собственное хозяйство и даже увеличивали свою запашку, была распространена отработочная система, или уплата за работу долей урожая[2]. По докладу Валуевской комиссіи, у помѣщиковъ „существуютъ весьма смѣшанные и не всегда выгодные способы хозяйства, каковы: испольный, издѣльный или гнѣздовой[2]), не допускающіе усовершенствованія въ культурѣ и лучшихъ способовъ обработки. Тѣ землевладѣльцы, которые хотѣли перейти къ вольно наемному труду, съ улучшенными земледѣльческими орудіями и машинами, во многихъ мѣстахъ должны были отказаться отъ этого способа, вслѣдствіе его убыточности, какъ по неопытности въ организаціи этого дѣла, такъ и по неисправности рабочихъ".

Намъ кажется, что почтенные авторы доклада, сваливая всю вину на рабочихъ, и на неопытность хозяевъ, нѣсколько ошибаются. Помѣщиковъ, бросившихся на новше-

---

[1]) Разсчетъ сдѣланъ по 123 у. у по сводному сборнику Благовѣщенскаго.

[2]) За десятину или болѣе земли обработать двѣ десятины посѣва и произвести нѣкоторыя другія сельско-хозяйственныя работы.

ства, высмѣянныхъ нашими писателями, какъ образецъ модниковъ, подобныхъ модникамъ крѣпостного права съ ихъ „аглицкимъ фармерствомъ“, было, надо полагать, не много. Масса помѣщиковъ судила болѣе здраво и въ рискованные опыты не пускалась. Улучшенныя же орудія вовсе не были такимъ новшествомъ, т. к и въ 30—40-хъ гг. отечественные заводы сельско-хозяйственныхъ машинъ отлично работали. Ссылка на неисправность рабочихъ уже совсѣмъ не состоятельна: крѣпостные барщинники были еще неисправнѣе и недаромъ, агрономы 30—50 г.г. выставляли съ этой стороны преимущества вольно-наемнаго труда. На западѣ, гдѣ преобладалъ вольно-наемный трудъ, помѣщичьи хозяйства, какъ увидимъ, были самыми устойчивыми и лучше поставленными.

На нашъ взглядъ, главная причина паденія помѣщичьяго хозяйства, помимо инертности и господской лѣни, заключалась въ томъ, что у помѣщиковъ, при освобожденіи не было своего живого и мертваго инвентаря: при крѣпостномъ правѣ, „capital du cheptel“ (капиталъ орудій) по терминологіи Муравьева, составляли три вещи—скотъ, орудія и сами крестьяне, какъ рабочая сила Скотъ и орудія содержались крестьянами за свой счетъ и, вмѣстѣ съ ихъ хозяевами, составляли главный капиталъ помѣщиковъ. Вотъ этого-то „капитала орудій“ сразу и лишились помѣщики при ликвидаціи крѣпостного права. Надо было его заводить: на пріобрѣтеніе скота, мертваго инвентаря, и на наемъ рабочихъ затрачивать капиталъ: это то и задерживало нашихъ помѣщиковъ, предпочитавшихъ пропивать и проѣдать выкупныя и залоговыя суммы и по прежнему пользоваться крестьянскимъ скотомъ и рабочими руками, расплачиваясь за нихъ не деньгами, а землей, тѣмъ болѣе, что, при неудержимомъ ростѣ арендныхъ цѣнъ на землю, это было и выгодно: давно уже доказано, что отработочная и другія системы натуральной аренды обходятся крестьянамъ гораздо дороже, чѣмъ денежная По военно-конскимъ переписямъ 1882 г. у крестьянъ въ 48 губерніяхъ было 12,134 тыс. рабочихъ лошадей, у частныхъ владѣльцевъ 1,521 тыс —въ восемь разъ меньше. Вихляевъ, въ своихъ, „очеркахъ изъ русской с.-хоз. дѣйствительности“ опредѣляетъ, что владѣльческія лошади въ 27 губ. по переписямъ 1888—91 г.г., могли обработать только 38,7% всѣхъ посѣвовъ на владѣльческой землѣ; и эту цифру онъ считаетъ преувеличенной. „Если принять во вниманіе, что въ приведенный выше разсчетъ вошли выѣздныя, заводскія и т. п. лошади, то, сравнительно съ фактическими отношеніями, приведенныя выше числа явля-

ются преувеличенными. Въ дѣйствительности, въ предѣлахъ изслѣдуемаго раіона изъ 27 губ. Европейской Россіи обрабатывается собственнымъ инвентаремъ землевладѣльцевъ менѣе 38,7% отъ всей площади посѣва Остальная площадь или обрабатывается наемнымъ крестьянскимъ инвентаремъ, или входитъ въ составъ аренднаго фонда мелкихъ съемщиковъ". (стр. 79).

Таково было положеніе владѣльческаго хозяйства въ 80-хъ гг. Измѣнилось ли оно съ тѣхъ поръ въ лучшую сторону? Нѣкоторые факты показываютъ, что *взятое въ цѣломъ* частновладѣльческое хозяйство, какъ будто начало оправляться и прогрессировать.

Прежде всего увеличился посѣвъ на владѣльческой землѣ, сравнительно съ крестьянскимъ.

Изъ 100 дес. посѣва было

	На владѣльческой (и казенной) землѣ	На крестьянской надѣльной
Въ 1881 г	26,0	74,0
„ 1887 г.	30,5	69,5
„ 1906 г.	31,5	68,5

Такъ какъ посѣвы на казенныхъ и удѣльныхъ земляхъ входящихъ въ лѣвый столбецъ, въ общемъ, не велики и измѣняются мало, то главная доля прироста падаетъ на *частно*-владѣльческія земли. Нельзя также сказать съ увѣренностью, что тутъ виновато увеличеніе аренды. Относительно *динамики* арендной площади у насъ имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Земско-статистическіе матеріалы, которыми мы пользовались, касаются лишь 4 губерній и даютъ противорѣчивыя показанія.

Десятинъ арендуемой крестьянами земли (въ тыс.)

Полтавская губ. (12 у.у.)	1885—6 г.г.	538,8
	1900 „	503,6
Воронежская губ. (5 у.у.)	1885—7 г.г.	73,8
	1900 „	74,7
Вятская губ. (4 у.у.)	1886—92 г.г.	17,5
	1900—1 „	21,1
Орловская губ. (1 у.)	1887 г.	41,7
	1901 „	39,3

Въ двухъ губерніяхъ мы видимъ подъемъ арендуемой площади, въ двухъ—паденіе.

По Саратовской губ. корреспонденты земской статистики сообщаютъ о ростѣ собственной запашки у частныхъ владѣльцевъ въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ г.г. „Собственная запашка у частныхъ владѣльцевъ расширяется. Въ прежнее время земли сдавались въ аренду". Тутъ же выясняется и причина этого явленія. „Такъ какъ отдача земли въ наемъ крестьянамъ сокращается по бѣдности крестьянъ, то экономіи, по необходимости, должны обработать оставшуюся землю своимъ инвентаремъ, мертвымъ и живымъ при постоянныхъ рабочихъ". Неурожай 1891—2 г.г., подкосившій благосостояніе крестьянъ, значительно сократившій количество рабочихъ лошадей у крестьянъ, заставилъ помѣщиковъ самихъ распахивать свою землю заново пріобрѣтеннымъ скотомъ и инвентаремъ.

Съ другой стороны, массовыя данныя по 19 мил. десятинъ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ, указываютъ на быстрое *повышеніе* арендуемой площади.

Изъ 100 десятинъ:

	Въ 1886—90 г г.	1891—95 г.г.	1896—901 г.г.
Обрабатывалось за счетъ владѣльца	32	30	21
Сдавалось въ аренду	32	33	47
Велось смѣшанное хозяйство . . .	36	37	32

Если въ имѣніяхъ, въ которыхъ велось смѣшанное хозяйство, только половина пашни сдавалась въ аренду (обыкновенно, болѣе), то къ 1901 г. въ арендѣ было 63% площади имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ.

Такимъ образомъ, матеріалы по динамикѣ аренды послѣ 80-хъ гг. довольно разнорѣчивы. Мы думаемъ, что на пониженіе аренднаго фонда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывали вліяніе покупки крестьянами арендуемыхъ прежде земель. Въ другихъ мѣстахъ уже раньше было заарендовано все, что могло быть сдано въ аренду—и нечего было больше сдавать: здѣсь аренда остановилась или пошла на убыль. Въ третьихъ—аренда прогрессировала. Колебанія аренды находились въ зависимости отъ благосостоянія крестьянъ: если оно понижалось—понижалась и площадь аренды; повышеніе благосостоянія оказывало обратное вліяніе. Всѣ эти гипотезы будутъ провѣрены нами въ 4-й части нашего труда, въ связи съ вопросомъ о технической эволюціи частновладѣльческаго хозяйства Теперь же мы не можемъ вынести опредѣленнаго рѣшенія.

Другой показатель эволюціи владѣльческаго хозяйства 80-хъ гг.—военно-конскія переписи, дающія точныя цифры наличности рабочаго скота, начиная съ 1882 и по 1904—6 гг.

Сравненіе 4-хъ переписей было возможно произвести по 38 губ. Европейской Россіи. Вотъ результаты нашего подсчета:

А). Число рабочихъ лошадей въ тысячахъ головъ (абсолютныя числа).

	У частныхъ владѣльцевъ				У крестьянъ			
	1882 г	1888-91	1899-900[1])	1904-6	1882	1888-91	1899-900	1904-6
Центръ	102,2	123,5	132,9	132,7	1429,3	1597,4	1461,4	1511,1
1 поясъ	274,0	327,7	316,5	337,3	4221,0	4365,0	3388,2	4039,1
2 поясъ	287,7	338,5	416,7	502,7	2547,2	2549,1	2729,6	2959,2
Западъ	608,8	693,6	691,2	613,1	1970,7	2135,8	2093,7	2029,7
Всего 38 губ. .	1272,7	1483,3	1557,3	1585,8	10 168,2	10 647,3	9672,9	10.539,1
	Б). % отношенія.							
Центръ	6,5	7,2	8,3	8,1	93,5	92,8	91,7	91,6
1 поясъ	6,1	7,0	8,6	7,0	93,9	93,0	91,4	93,0
2 поясъ	10,2	11,7	13,2	14,5	89,8	88,3	86,8	85,5
Западъ	23,6	24,5	24,8	23,2	76,4	75,5	75,2	76,8
38 губ	11,1	12,2	13,9	13,1	88,9	87.8	86,1	86,9

Съ 1882 г. абсолютное число лошадей у владѣльцевъ постепенно подымалось. Если принять цифры 1882 г. за 100, то въ слѣдующія переписи у нихъ оказалось:

Въ 1888— 91 г.г... 116
1899—900 г г... 122
1904— 6 г.г. . 124

Наибольшій приростъ произошелъ въ періодъ 1882—88 г.г. — на 16%, въ слѣдующій періодъ абсолютный приростъ постепенно сокращался до 6% и 2%.

Меньше всего лошадей у владѣльцевъ, сравнительно съ крестьянами, было въ центральныхъ промышленныхъ и центральныхъ земледѣльческихъ раіонахъ 1-го пояса. Здѣсь увеличеніе живого инвентаря было весьма слабое, а послѣдняя перепись 1904—6 г.г. показала относительную убыль.

[1]) Новороссія за 1896 г.

За все время число лошадей у владѣльцевъ не превышало 6—8% всѣхъ. Небольшой подъемъ, особенно замѣтный въ 90-хъ г.г., объясняется тѣмъ, что у крестьянъ въ началѣ этого десятилѣтія голодовки унесли огромное количество лошадей и подъемъ этотъ сталъ замѣтенъ, лишь благодаря упадку крестьянскаго хозяйства Когда, въ 1900-хъ г.г. крестьяне возстановили свою убыль, относительное значеніе владѣльческаго скота опять упало

Нѣсколько иная картина представляется въ новыхъ раіонахъ второго пояса въ Новороссіи и Заволжьи. Здѣсь, благодаря сравнительно меньшему количеству крестьянъ, т е. меньшимъ запасамъ живого инвентаря по сосѣдству, помѣщики съ самаго начала разводятъ свой скотъ въ большомъ размѣрѣ и довольно быстро увеличиваютъ его относительно и абсолютно Абсолютный приростъ (принимая цифры 1882 г. за 100) равнялся

Въ 1888— 91 г г.—117
1899—900 г г.—145
1904— 6 г.г —175

За 21—22 года (послѣдняя перепись въ Новороссіи была въ 1903—4 г.г.), количество скота у частныхъ владѣльцевъ увеличилось на 75%.

Но больше всѣхъ рабочаго скота содержатъ владѣльцы запада, у которыхъ сосредоточивалась четвертая часть—вдвое—вчетверо больше чѣмъ въ областяхъ коренной Россіи. Владѣльцы запада издавна основывали свое хозяйство на *вольно—наемномъ трудѣ* и долгосрочной арендѣ. „Вольнонаемное хозяйство, которое въ Россіи признается крайне убыточнымъ для владѣльца, здѣсь, напротивъ, распространено повсемѣстно. Долгосрочное арендованіе, которое такъ трудно принимается даже въ хлѣбородной полосѣ Имперіи, здѣсь, наоборотъ, составляетъ преобладающую систему. Батрацкое хозяйство, которое въ великороссійскихъ губерніяхъ даже въ малоземельныхъ мѣстахъ не удается по трудности находить годовыхъ рабочихъ, здѣсь введено издавна и сохранилось въ большей части имѣній,“ (Кн. Васильчиковъ). Поэтому не только хозяйство помѣщиковъ на западѣ было крѣпче, но и землевладѣніе устойчивѣе, чѣмъ въ русскихъ областяхъ, гдѣ у владѣльцевъ не было своего „капитала орудій“, отчего ихъ хозяйства представляли рыхлыя массы, разсыпавшіяся при первомъ ударѣ.

Данныя о ростѣ посѣвовъ и рабочаго скота показываютъ, на первый взглядъ, что послѣ 80-хъ г. г., эти рыхлыя массы начинаютъ, какъ будто, крѣпнуть. Помѣщики, какъ

будто, расширяютъ свои запашки и увеличиваютъ свой земледѣльческій капиталъ.

Но вотъ вопросъ, *какіе* это помѣщики—новые или старые? Мобилизація земли произвела перемѣну въ составѣ владѣльцевъ; дворяне смѣнились крестьянами и купцами Посмотримъ, не произошло ли такой трансформаціи въ составѣ частновладѣльческихъ *хозяйствъ*, по скольку объ этомъ можно судить по матеріаламъ военно-конскихъ переписей.

А) % распредѣленіе владѣльцевъ рабочихъ лошадей по сословіямъ.

		Дворяне.	Духовенство	Купцы.	Мѣщане.	Крестьяне.	Общества и учрежденія.	Прочія.
Центръ.	1888—91 г г.	16,9	23,7	5,6	29,8	17,4	0,5	6,1
	1899—900 гг	12,5	18,9	5,4	22,4	31,8	1,2	7,8
	1904—6 г.г.	10,5	16,7	3,8	18,7	33,1	0,7	16,5
1-й поясъ.	1888—91 г.г.	20,5	26,4	7,2	20,3	15,8	0,7	9,1
	1899—900 гг.	19,2	23,7	6,4	17,1	23,0	1,2	9,4
	1904—6 г.г.	14,4	19,6	4,7	13,7	23,2	1,2	23,2
2-й поясъ.	1888—91 г.г	5,9	6,9	2,2	26,0	40,1	0,3	18,6
	1899—900 гг.	5,3	5,6	1,8	24,1	43,9	0,3	19,0
	1904—6 г.г.	4,3	4,0	1,6	17,1	28,1	0,2	44,7
Западъ.	1888—91 г.г.	15,5	4,2	0,5	35,1	23,8	0,2	20,7
	1899—900 гг.	14,0	3,4	0,4	31,9	31,5	0,2	18,6
	1904—6 г.г.	13,6	3,3	0,3	27,9	34,3	0,2	20,4
Всего 38 губерній.	1888—91 г.г.	14,4	9,8	2,3	30,6	25,4	0,3	17,2
	1899—900 гг.	12,5	8,2	2,1	27,1	33,4	0,4	16,3
	1904—6 г.г.	10,8	7,4	1,7	21,8	30,9	0,4	27,0

Б) % распредѣленіе рабочихъ лошадей.

		У дворянъ	У духовенства.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ	О-въ и учрежденій.	Прочихъ.
Центръ.	1888—91 гг.	37,9	10,9	1,4	17,3	14,6	2,3	5,6
	1899—900 гг.	28,6	8,2	11,8	13,7	25,3	4,1	8,3
	1904—6 гг.	22,5	7,7	8,2	12,6	27,5	2,8	18,7

		У дворянъ	У духовенства.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	О-въ и учрежд.	Прочихъ.
1-й поясъ.	1888—91 гг	54,1	7,8	14,5	8,4	7,5	1,4	6,3
	1899—900 гг.	53,3	6,2	13,3	7,8	10,2	2,6	6,6
	1904—6 гг.	47,8	5,7	12,0	7,5	12,2	1,6	13,3
2-й поясъ.	1888—91 гг.	18,1	3,6	7,7	17,3	34,8	0,8	17,7
	1899—900 гг.	16,0	2,9	6,7	17,3	37,6	1,3	18,2
	1904—6 гг.	13,4	2,1	6,0	13,7	26,6	0,6	37,6
Западъ.	1888—91 гг.	37,4	4,0	1,8	23,8	14,4	1,1	17,5
	1899—900 гг.	39,2	2,7	1,4	20,7	18,7	1,2	16,1
	1904—6 гг.	39,3	2,5	1,1	18,7	20,4	1,3	16,3
Всего 38 губерній.	1888—91 гг.	36,8	5,3	6,7	18,4	17,6	1,2	14,0
	1889—900 гг.	35,0	4,0	6,1	16,6	22,6	1,7	14,0
	1904- 6 гг.	31,5	3,5	5,6	14,2	21,2	1,2	22,8

Прежде, чѣмъ дѣлать выводы изъ этихъ таблицъ, мы должны замѣтить, что количество рабочихъ лошадей не можетъ служить точнымъ показателемъ величины хозяйства у разныхъ сословныхъ группъ и въ различныхъ областяхъ по слѣдующимъ главнымъ причинамъ.

1) У крупныхъ владѣльцевъ—дворянъ и купцовъ—потому, что значительную часть пашни они обрабатываютъ крестьянскими лошадьми.

2) У мелкихъ владѣльцевъ—крестьянъ, которые имѣютъ и надѣльныя земли, рабочія лошади, вѣроятно, зачисляются, при переписяхъ въ графу „у крестьянъ въ сельскихъ обществахъ“, а не въ графу „у землевладѣльцевъ и другихъ лицъ, проживающихъ въ уѣздѣ“.

3) Въ южныхъ и юго-восточныхъ раіонахъ, особенно 2 пояса, кромѣ лошадей, рабочимъ скотомъ служатъ волы, а въ Полтавской губ., подобно Германіи, и коровы.

Поэтому, цифры военно-конскихъ переписей, сравнительно мало пригодны для констатированія размѣровъ хозяйства въ статическомъ состояніи, но онѣ болѣе примѣнимы для выводовъ *динамическаго* характера, т. е. для опредѣленія соотношеній между различными группами хозяйствъ *во времени*. Сверхъ того, онѣ служатъ показателями размѣровъ земледѣльческаго капитала. Съ этихъ сторонъ мы и будемъ разсматривать приведенныя таблицы.

Крупные землевладѣльцы—дворяне и купцы—въ тоже время и крупные коневладѣльцы.

На одного владѣльца приходилось рабочихъ лошадей

	У дворянъ.	Духовенства	Купцовъ.	Мѣщанъ	Крестьянъ	О-въ и учрежденій.	Прочихъ.
1888—91 г г.	9,35	1,99	10,76	2,20	2,53	13,81	2,98
1889—900 г.г.	9,68	1,66	10,26	2,12	2,35	14,08	2,98
1904—6 г.г.	9,65	1,57	10,71	2,17	2,28	9,88	2,80

У дворянъ и купцовъ въ 5—6 разъ больше лошадей на хозяйство, чѣмъ у мелкихъ владѣльцевъ Военно-конскія переписи показываютъ, что и число этихъ крупныхъ коневладѣльцевъ и относительное число лошадей—у нихъ *систематически убываетъ* Убываетъ оно и абсолютно:

У дворянъ съ 545,6 тыс головъ въ первую перепись до 499,2 тыс головъ въ послѣднюю—на 8,5%.

У купцовъ съ 99,8 тыс. до 88,0 тыс.—на 11,8%.

Сокращается это число и у другихъ мелко-буржуазныхъ владѣльцевъ·

У мѣщанъ—съ 272,6 тыс до 225,7 тыс.—на 17,2%.

У духовенства—съ 78,9 тыс., до 55,8 тыс.—на 29,2%.

Наоборотъ у другихъ сословій рабочій скотъ увеличился:

У крестьянъ—съ 260,7 тыс до 335,7 тыс.—на 28,7%

У „прочихъ“—съ 208,1 тыс. до 361,7 тыс.—на 73,9%

О-въ и учрежденій съ 17,5 тыс. до 19,7 тыс.—на 12,6%

Больше всего увеличилось количество скота у „прочихъ“ владѣльцевъ, по терминологіи Центр. Ст. К-та. Кто такіе эти „прочіе“—мы можемъ только догадываться по аналогіи съ эволюціей землевладѣнія. Быстрый ростъ коневладѣнія, этихъ „прочихъ“ падаетъ на вторую половину 90-хъ и на 900 гг.—именно на тотъ періодъ, въ который сразу усиленно возросло землевладѣніе крестьянскихъ товариществъ. Отсюда возникаетъ предположеніе, что въ числѣ „прочихъ“ видное мѣсто занимаютъ сочлены этихъ товариществъ, предположеніе, подтверждаемое, съ одной стороны, большимъ количествомъ лошадей, у „прочихъ“ соотвѣтствующимъ значительной роли товарищескаго землевладѣнія въ послѣднее время, съ другой мелкими размѣрами коневладѣнія.

По отдѣльнымъ областямъ мы наблюдаемъ ту-же картину, что и по всей Россіи, за исключеніемъ, опять таки запада, гдѣ дворянство относительно увеличило свой живой инвентарь (съ 37,4 до 39,3%). Впрочемъ, абсолютно, у нихъ число лошадей упало съ 260,5 тыс. до 240,7 тыс, такъ что и западъ на самомъ дѣлѣ не представилъ исключенія.

Средніе размѣры количества лошадей на одно хозяйство понизились у всѣхъ сословій коневладѣльцевъ, кромѣ дворянъ. Но у этихъ послѣднихъ повышеніе падаетъ только на западъ.

На 1 владѣльца приходилось рабочихъ лошадей (у дворянъ):

	1888—91 г.г	1904—6 г г.
Въ центрѣ	6,5	5,2
„ 1 поясѣ	15,8	15,6
„ 2 поясѣ	12,7	12,0
На западѣ	7,4	8,0

Сопоставляя измѣненія въ количествѣ лошадей съ измѣненіями въ землевладѣніи, мы констатируемъ, что дворянское землевладѣніе убываетъ *быстрѣе*, чѣмъ ихъ живой инвентарь (въ 38 губерніяхъ).

	Десятинъ земли:	рабочихъ лошадей:
Въ 1887 г.	55,4 мил.	545,6 тыс.
„ 1905 г.	43.0 мил.	499,2 тыс.
Убыль	20,1%	8,5%

Это показываетъ, что уцѣлѣвшія дворянскія хозяйства начали обзаводиться, наконецъ, своимъ „капиталомъ орудій". Наоборотъ, купцы, землевладѣніе которыхъ увеличилось съ 1887 г. на 3,4 мил. дес., т. е. почти на $^1/_4$, потеряли до 12% прежняго запаса конской рабочей силы и раньше весьма ограниченнаго. Мы лично всегда были того мнѣнія, что дворяне, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, всетаки были лучшими хозяевами, чѣмъ купцы, которые на сѣверѣ и въ промышленномъ центрѣ являлись лѣсопромышленниками, а въ степныхъ районахъ—земельными барышниками. Военно-конскія переписи подтверждаютъ наше убѣжденіе.

На 1000 десятинъ земли рабочихъ лошадей (въ 38 губ).

	У дворянъ	У купцовъ
Въ 1887—91 г.г.	9,8	9,6
„ 1904—6 г.г.	11,6	7,9

Увеличеніе конской рабочей силы, сравнительно съ землевладѣніемъ у дворянъ, наблюдается во всѣхъ областяхъ, кромѣ центра, гдѣ отношеніе между землей и рабочимъ инвентаремъ осталось тоже.

На 1000 дес земли у дворянъ рабочихъ лошадей.

	Въ 1888—91 г.г.	1904—6 г.г.
Въ центрѣ	6,7	6,7
„ 1 поясѣ	9,3	10,5
„ 2 поясѣ [1])	5,5	9,4
На западѣ	14,2	15,0

Итакъ, дворяне, къ концу пореформеннаго періода, стали болѣе осмотрительными, и уцѣлѣвшія имѣнія оказались болѣе снабженными рабочимъ скотомъ, чѣмъ въ 80-хъ гг.

Но всетаки и теперь онѣ значительно уступаютъ, въ этомъ отношеніи, крестьянскимъ частнымъ владѣніямъ Если предположить, что графа „крестьяне“ военно-конскихъ переписей относится только къ единоличнымъ владѣльцамъ, то на 1000 дес. у нихъ будетъ рабочихъ лошадей:

Въ 1887—91 г г.	27,1
„ 1904—6 г.г.	33,9

Не смотря на то, что въ составѣ единолпчныхъ владѣльцевъ крестьянъ входятъ и крупные, принадлежащіе къ разряду такихъ же земельныхъ спекуляторовъ, какъ и купцы, обезпеченность ихъ рабочими лошадьми втрое превышаетъ такую же у *дворянъ*.

Итакъ, по скольку данныя военно-конскихъ переписей позволяютъ судить о трансформаціи частновладѣльческаго хозяйства, мы можемъ констатировать, что и хозяйство идетъ по направленію къ *демократизаціи*. Землевладѣніе не только демократизировалось, но и мельчало, дробилось на болѣе мелкія части: дробилось, мельчало и *коневладѣніе*.

---

[1]) Во 2-мъ поясѣ дворянскія владѣнія, вѣроятно, болѣе обезпечены живымъ инвентаремъ, чѣмъ въ 1-мъ, т к. на югѣ, въ большомъ количествѣ употребляются въ упряжку волы.

А) % распредѣленіе владѣльцевъ рабочихъ лошадей по размѣрамъ:

		1—2	3—5	6—10	11—20	21—50	51-100	св. 100
Центръ	1888—91 гг.	72,8	15,3	6,9	3,6	1,26	0,12	0,02
	1899—900 гг.	76,0	14,2	5,7	2,9	1,06	0,12	0,02
	1904—6 гг.	77,6	14,1	4,9	2,4	0,86	0,12	0,02
1 поясъ	1888—91 гг.	61,2	17,2	7,9	6,4	5,53	1,45	0,32
	1899—900 гг.	63,7	15,7	7,5	6,2	5,24	1,34	0,32
	1904—6 гг.	68,5	14,8	6,1	4,9	4,24	1,21	0,25
2 поясъ	1888—91 гг.	56,8	27,4	9,4	3,7	2,07	0,50	0,13
	1899—900 гг.	56,2	28,4	9,7	3,4	1,77	0,42	0,11
	1904—6 гг.	55,8	27,9	10,4	3,8	1,65	0,37	0,08
Западъ	1888—91 гг.	74,7	17,2	3 9	2,1	1,70	0,36	0,04
	1899—900 гг.	78,0	14,4	3,1	2,1	1,91	0.45	0,04
	1904—6 гг.	80,5	12,4	2,8	2,0	1,81	0,45	0,04
Всего 38 губерній.	1888—91 гг.	69,1	19,0	5,8	3,2	2,3	0,51	0,09
	1899—900 гг.	70,7	17,9	5,6	3,0	2,2	0,51	0,09
	1904—6 гг.	71,6	17,2	5,6	3,0	2,03	0,49	0,08

Б) % распредѣленіе рабочихъ лошадей:

		1—2	3—5	6—10	11—20	21—50	51-100	св. 100
Центръ	1888—91 гг.	31,3	18,9	17,1	17,2	11,9	2,7	0,9
	1899—900 гг.	35,0	18,8	15,4	15,3	11,6	2,8	1,1
	1904—6 гг.	38,9	19,8	14,2	13,0	10,5	2,7	0,9
1 поясъ	1888—91 гг.	13,1	10,2	9,7	15,3	28,5	16,0	7,2
	1899—900 гг.	14,1	9,7	9,8	15,5	27,9	15,2	7,8
	1904—6 гг.	17,2	10,5	9,1	14,5	26,2	16,0	6,5
2 поясъ	1888—91 гг.	20,8	23,9	15,9	12,4	14,9	7,8	4,3
	1899—900 гг.	21,3	25,9	17,3	11,9	13,3	7,0	3,2
	1904—6 гг.	21,1	25,8	18,5	12,8	12,6	6,4	2,8
Западъ	1888—91 гг.	34,1	19,6	9,0	9,8	17,6	8,4	1,5
	1899—900 гг.	35,6	16,3	7,3	9,7	19,4	9,7	2,0
	1904—6 гг.	38,4	14,6	6,9	10,2	19,0	9,1	1,8
Всего 38 губерній.	1888—91 гг.	26,2	18,5	11,4	12,2	18,8	9,5	3,4
	1899—900 гг.	27,3	17,7	11,2	11,9	18,9	9,5	3,5
	1904—6 гг.	28,4	17,7	11,7	12,2	17,8	9,2	3,0

Дробленіе хозяйствъ, хотя и не особенно интенсивное, замѣтно во всѣхъ областяхъ; оно болѣе сильно въ центрѣ и 1 поясѣ, менѣе выпукло на югѣ и на западѣ. Среднее число лошадей на 1 хозяйство вездѣ упало.

На одного влад. приходилось лошадей:

	1888—91 г.г.	1899—900 г.г.	1904—6 г.г.	Убыль
Въ центрѣ	2,95	2,77	2,56	—0,39
„ 1 поясѣ	6,14	5,89	5,11	—1,03
„ 2 поясѣ	4,32	4,15	4,11	—0,21
На западѣ	3,15	3,15	3,00	—0,15
Всего въ 38 губ.	3,77	3,69	3,57	—0,20

Попробуемъ теперь сопоставить измѣненія въ распредѣленіи лошадей по группамъ съ измѣненіями въ распредѣленіи площади землевладѣнія. Сдѣлать это нѣсколько затруднительно, во 1-хъ потому, что въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ процентъ пахотныхъ угодій меньше, а потому меньше требуется и рабочихъ лошадей (сравнительно съ размѣрами владѣнія). Такъ % пашни въ имѣніяхъ въ 1881 г. составлялъ:

во владѣніяхъ до 50 дес.	44,6
50—200	41,6
200—500	39.3
500—1 тыс.	35,8
Св. тыс.	19,4

Во вторыхъ, у среднихъ и особенно крупныхъ владѣльцевъ сдача въ аренду земель, повидимому, болѣе распространена, чѣмъ у мелкихъ. Карышевъ говоритъ, что „сдача увеличивается у тѣхъ владѣльцевъ, которые обладаютъ большими пространствами пригодныхъ для этой цѣли земель. Въ однихъ мѣстностяхъ это крупныя, въ другихъ—среднія“ (стр. 111). Одинъ изъ наиболѣе осторожныхъ изслѣдователей, А. А. Кауфманъ, также склоняется къ мнѣнію, что крупные владѣльцы часто сдаютъ свои имѣнія въ аренду. „Владѣлецъ мелкаго и средняго владѣнія можетъ, конечно, вовсе не находить разсчета вести свое хозяйство и сдать свое имѣніе цѣликомъ.

Но разъ онъ считаетъ возможнымъ вести самостоятельное хозяйство, у него, въ видѣ правила, не окажется лишней земли, которую онъ могъ бы сдавать въ аренду. Напротивъ, въ крупномъ владѣніи можетъ оказаться достаточно земли для экономическаго хозяйства выгоднаго владѣльцу размѣра и кромѣ того—излишекъ, который можно сдавать въ аренду безъ ущерба для цѣльности этого хозяйства“ [1]).

Въ сборникѣ „Борьба за землю“ мы опубликовали сводку земско—статистическихъ матеріаловъ, между прочимъ, и по этому вопросу. Изъ 28 уѣздовъ въ 10 наибольшій процентъ сдачи падаетъ на среднія имѣнія, въ 18 — на крупныя и ни въ одномъ на мелкія. Поэтому мы можемъ рѣшительно сказать, что вообще наиболѣе значительныя доли своей территоріи сдаютъ въ аренду крупные владѣльцы, затѣмъ средніе, а меньше всего—мелкіе.

Благодаря этимъ главнымъ причинамъ размѣры землевладѣнія далеко не всегда совпадаютъ съ размѣрами собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Но если даже мы примемъ въ разсчетъ это отсутствіе пропорціональности между землевладѣніемъ и хозяйствомъ—нижеслѣдующее сопоставленіе показываетъ намъ, на сколько коневладѣніе мельче землевладѣнія.

Изъ 100 рабочихъ лошадей было:

	У владѣльцевъ			
	до 5 лош.	6—10	11—20	св. 20.
Въ 1888—91 г.	44,7	11,4	12,2	31,7
1904—6 г.	46,1	11,7	12,2	30,0

Изъ 100 десятинъ площади землевладѣнія:

	До 50 дес.	50—200 д.	200—500 д.	Св. 500
Въ 1877 г.	4,6	6,2	8,7	80,5
1905 г.	7,3	9,9	11,9	70,9

1) Сборникъ „Аграрный вопросъ“ т. II стр. 613 Статья „къ вопросу о культурно-хозяйственномъ значеніи частнаго землевладѣнія“.

Это сопоставленіе даетъ два очень любопытныхъ вывода.

1) Въ среднемъ, на одну рабочую лошадь, у частныхъ владѣльцевъ приходится круглымъ счетомъ около 50 дес. земли[1]). Желая сдѣлать цифры землевладѣнія и коневладѣнія болѣе соизмѣримыми, мы сопоставили группы такъ, чтобы въ низшихъ на одну лошадь приходилось до 10 дес. земли, въ среднихъ—20—25 дес. И, тѣмъ не менѣе, даже съ этой поправкой, оказывается, что мелкія хозяйства (до 5 лошадей) въ 7—10 разъ болѣе распространены, чѣмъ мелкія владѣнія (до 50 дес.). Низшія группы владѣльцевъ до 10 лош. сосредоточиваютъ у себя къ 1905 г. 57,8% рабочаго скота, а землевладѣльцы до 200 дес.—17,2% площади втрое менѣе. Словомъ, *размѣры хозяйствъ, по скольку они опредѣляются рабочимъ скотомъ, значительно меньше размѣровъ землевладѣнія.*

2) Но послѣ 80-хъ г.г. крупное землевладѣніе убывало гораздо быстрѣе, чѣмъ крупное хозяйство и, благодаря этому, дробленіе хозяйствъ шло медленнѣе дробленія землевладѣнія. Впрочемъ данныя по динамикѣ землевладѣнія обнимаютъ промежутокъ времени на 10 лѣтъ большій, чѣмъ данныя по динамикѣ скота. Но сравнивая болѣе соизмѣримыя цифры среднихъ величинъ земле—и коневладѣнія по сословіямъ, мы получаемъ тотъ же результатъ.

Средній размѣръ имѣній личныхъ владѣльцевъ по сословіямъ:

	Дворянъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ	Крестьянъ.	Всѣхъ сословій.
Въ 1887 г. . .	538.	668.	40.	45.	188.
1905 г. . .	488.	559.	43.	26.	112.
Измѣненіе въ %% (+или—).	—9,3	—16,3	+7,5	—42,2	—40,4
Измененіе въ %% количества раб. лошадей по тѣмъ же группамъ (+или—). .	+3,2	—0,5	—0,2	—9,9	—5,3

Происходилъ, повидимому, естественный отборъ, выживанія болѣе приспособленныхъ, т. е. лучше оборудованныхъ земледѣльческимъ капиталомъ хозяйственныхъ единицъ. Слабо оборудованныя хозяйства, образецъ которыхъ можно видѣть въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ,

[1]) У крестьянъ на надѣльныхъ земляхъ—не болѣе 10 десятинъ.

сдавались въ аренду, закрывались, и распродавались; лучше оборудованныя кое—гдѣ даже сокращали сдачу въ аренду и увеличивали собственную запашку. Болѣе приспособленныя хозяйства принадлежали къ разряду болѣе мелкихъ—вотъ почему въ результатѣ, мы видимъ такое сильное дробленіе землевладѣнія...

Подведемъ итоги всему изложенному выше.

1) Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, помѣщичье хозяйство сразу подверглось сильному и глубокому потрясенію. До реформы оно выживало, вытѣсняло крестьянское хозяйство: послѣ реформы крестьяне, подгоняемые ростомъ населенія и земельной нуждой, быстро отвоевали у владѣльцевъ тѣ позиціи, которыя имъ принадлежали еще въ самомъ началѣ XIX вѣка. Сильный регрессъ помѣщичьяго хозяйства продолжался до 80-хъ г.г; послѣ нихъ темпъ его паденія нѣсколько замедляется. Наоборотъ, ликвидація крупнопомѣстнаго землевладѣнія, къ нашему времени, постепенно убыстрялась; такимъ образомъ владѣльцы не приспособленные къ новымъ экономическимъ условіямъ, сначала потеряли свое хозяйство, а затѣмъ, обезсилѣвши себя долгами, окончательно ликвидировали и свое землевладѣніе. Задолженность частнаго замлевладѣнія росла въ слѣдующихъ размѣрахъ.

Капитальный долгъ въ милліонахъ руб		Увеличеніе сравнительно съ цифрами 1876 г., прин. за 100
1876 г. . .	380,8	100
1886 . .	641,8	170
1896 . .	1285,6	338
1906 . .	2247,2	587

2) Между размѣрами собственнаго хозяйства и размѣрами землевладѣнія нѣтъ пропорціональности: чѣмъ крупнѣе владѣніе, тѣмъ меньшій процентъ занимаетъ въ немъ площадь собственнаго хозяйства. Благодаря этому, безхозяйныя, или съ небольшими хозяйственными рессурсами, но болѣе крупныя владѣнія отмирали легче и получалась картина дробленія землевладѣнія, связаннаго съ его демократизаціей—переходомъ земель изъ рукъ дворянъ прямо и черезъ буржуазныхъ посредниковъ—купцовъ въ руки крестьянъ. Трансформація хозяйства, насколько можно судить по единственному источнику—военно-конскимъ переписямъ, по существу, такого же характера. Но а) дробленіе хозяйствъ не такъ интенсивно: пережившія кризисъ хозяйства были болѣе мелкими и поэтому болѣе устойчивыми, б) Де-

мократизація хозяйствъ проявляется болѣе рѣзко, чѣмъ демократизація землевладѣнія: у дворянъ въ 1905—6 г. остается еще 52,5% земли, но только 31,5% рабочихъ лошадей.

Вообще, въ частно владѣльческомъ хозяйствѣ выдающаяся роль принадлежитъ мелкимъ трудовымъ группамъ, тогда какъ частное землевладѣніе до сихъ поръ еще остается крупнымъ по преимуществу: у владѣльцевъ свыше 1000 дес. сохранилось 59,2% всей площади, у владѣльцевъ болѣе 50 головъ рабочихъ лошадей—только 12,2% всей массы лошадей. Общій выводъ: частно-владѣльческое хозяйство послѣ 80-хъ г.г. стало гораздо болѣе мелкимъ, а потому и болѣе устойчивымъ: неустойчивыя крупно-владѣльческія хозяйственныя единицы, вся сила которыхъ базировалась на чужомъ, крестьянскомъ капиталѣ и трудѣ, ликвидировались, въ значительной части до 80-хъ г.г. Результаты этой ликвидаціи, въ видѣ мобилизаціи земли, сказывались въ 90-хъ г.г., 900-хъ г.г., сказываются еще и теперь, т. к. окончательное уничтоженіе умирающихъ естественной смертью хозяйствъ еще не закончено.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ о трансформаціи рынка. Изъ предыдущаго § было видно, что дифференціація областей, въ экономическомъ отношеніи, пошла еще дальше въ пореформенную эпоху, что житницей Россіи, вывозящей внутрь страны и отправляющей за границу сотни милліоновъ пудовъ, становились все болѣе отдаленныя области—Новороссія, Предкавказье, Востокъ, а въ послѣднее время—Сибирь и средняя Азія. Внѣшній вывозъ быстро возросталъ, составляя ежегодно:

Въ 1840—	50-хъ г.г. . . .	42	милл. пудовъ.
„ 1850—	60-хъ г.г. . . .	66	„ „
„ 1860—	70-хъ г.г. . . .	110	„ „
„ 1870—	80-хъ г.г. . . .	243	„ „
„ 1880—	90-хъ г.г. . . .	360	„ „
„ 1890—	1900-хъ г.г. . . .	443	„ „
„ 1901—	5-хъ г.г. . . .	609	„ „

Ростъ вывоза показываетъ, насколько ошибались защитники крупновладѣльческаго хозяйства, говорившіе въ свое время, какъ и нынѣшніе, что паденіе помѣстнаго хозяйства поведетъ къ сокращенію производства и торговли. Возросталъ не только внѣшній, но и внутренній товарообмѣнъ. По приблизительнымъ вычисленіямъ г. Лященко въ 1901—5-хъ гг. земледѣльцы Европейской Россіи вынесли на внѣшній и внутренній рынокъ 47,5% всего урожая продовольственныхъ хлѣбовъ. Въ 40—50-хъ г.г. въ обмѣнъ по-

ступало только 21% зернового производства: за 50—60 лѣтъ доля производства, попадавшая на рынокъ, болѣе чѣмъ удвоилась.

Но въ дореформенную эпоху продавали свой хлѣбъ, главнымъ образомъ, помѣщики: по разсчетамъ тогдашнихъ экономистовъ, впрочемъ, вѣроятно, преувеличеннымъ, имъ принадлежало до 90% всего предложенія зерна на рынкѣ. Теперь даже авторъ довольно яркаго марксистскаго направленія г. Лященко высчитываетъ, что помѣщикамъ принадлежитъ на рынкѣ 477 милл. пудовъ изъ 1002 милл. п.п. всѣхъ или 47,6%. Остальные 52,4% доставляли крестьяне. Но расчетъ этотъ, по нашему мнѣнію, перегнуть въ сторону владѣльцевъ. Г. Лященко опредѣляетъ производство продовольственныхъ хлѣбовъ (безъ сѣмянъ).

На крестьянской	надѣльной	землѣ въ	1308 мил. п.
„ „	на купчей	„	175 „
„ „	арендованной	„	150 „
Въ собственномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ			477 „
		Всего	2110 мил. п.

Выше мы опредѣлили что крестьяне арендовали въ 80-хъ г.г. 12 мил, дес. посѣва (9,4 мил. у частныхъ владѣльцевъ, 2,6 мил. у казны). Допустимъ, что съ тѣхъ поръ, благодаря, главнымъ образомъ, переходу арендованныхъ земель въ купчія, площадь арендуемаго посѣва сократилась до 9 мил. дес.[1]).

Принимая чистый сборъ только въ 33 пуда на десятину (на арендованныхъ земляхъ онъ болѣе), получаемъ 297 мил. пудовъ, изъ которыхъ надо отбросить $^1/_5$ часть на овесъ. Остается 237 мил. пуд. Точно также преуменьшенъ урожай и на купчей землѣ. Г. Лященко обосновалъ свой разсчетъ такимъ образомъ: „если предположить, что изъ всего количества урожая съ частно-владѣльческихъ земель, доля крестьянскаго урожая пропорціональна количеству землевладѣнія, то, слѣдовательно, изъ всего сбора съ владѣльческихъ земель въ 802 мил. пудовъ продовольственныхъ зерновыхъ хлѣбовъ на долю крестьянскихъ хлѣбовъ придется около 200 мил, пудовъ. Но, въ дѣйствительности, это число должно быть, конечно, уменьшено, т. к. урожай на частныхъ крестьянскихъ земляхъ хотя и выше, чѣмъ на надѣльныхъ, однако все же ниже помѣщичьихъ земель. Едвали

*) Крестьянскія покупки съ 80-хъ г.г.—12 мил. дес. Средній % посѣва на нихъ— 25; отсюда, вся площадь посѣва на вновь пріобрѣтенныхъ купчихъ земляхъ равна 3 мил. дес. Быть можетъ, на оставшихся въ рукахъ у частныхъ владѣльцевъ земляхъ сдача и увеличилась, но пока мы точно не установили этого факта, мы не можемъ его принимать въ разсчетъ.

будетъ большой ошибкой принять, что собственныя крестьянскія земли доставляютъ крестьянскому населенію около 175 мил. пудовъ зерновыхъ продовольственныхъ хлѣбовъ" (стр. 407). Авторъ забылъ, что, хотя на крестьянскихъ купчихъ земляхъ урожай, пожалуй, нѣсколько ниже, чѣмъ на помѣщичьихъ, но за то онѣ *распаханы едвали не вдвое болѣе* этихъ послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, по свѣдѣніямъ 80-хъ г.г. процентъ пашни въ имѣньяхъ до 50 дес. равенъ 44,4, до 200 дес.—41,6, а на земляхъ свыше 1000 дес.—19,8%. А т. к. владѣнія свыше 1000 дес. и сейчасъ занимаютъ у дворянъ 72% площади, у купцовъ—80%, тогда какъ у крестьянъ мелкія и среднія владѣнія (съ обществами и товариществами) занимаютъ болѣе $^3/_4$ всей купчей земли,—то ясно, что крестьянскія земли должны быть распаханы, по крайней мѣрѣ, на $^3/_4$ болѣе чѣмъ помѣщичьи. Можно смѣло считать, что изъ 25 мил. дес. крестьянскихъ купчихъ земель теперь распахано болѣе половины,—приблизительно, 13 мил. дес., т. е. подъ посѣвомъ будетъ $8^1/_2$ мил. дес., дающихъ чистаго сбора продовольственыхъ хлѣбовъ 238 мил. пудовъ (считая по 35 пудовъ на десятину). Наши поправки, во всякомъ случаѣ, не преувеличены—скорѣе, наоборотъ. Введя ихъ въ подсчеты г. Лященко, окажется, что на долю крестьянъ придется 1783 мил. пуд., сбора или 84,5%, на долю помѣщиковъ 327 мил. пуд., или 15,5%. Полагая, что весь помѣщичій хлѣбъ поступаетъ на рынокъ, мы найдемъ, что доля помѣщиковъ въ сбытѣ—сократилась съ 80—90% въ дореформенную эпоху до 32,6%, т. е. болѣе, чѣмъ вдвое...

Въ заключеніе, позволимъ себѣ привести маленькую сводную табличку, основанную отчасти на приблизительныхъ, отчасти, на точныхъ подсчетахъ. Мы неохотно прибѣгаемъ къ приблизительнымъ вычисленіямъ: они очень рискованны, хотя почти всегда эффектны, и, благодаря своей эфектности, производятъ наиболѣе сильное впечатлѣніе, бросаются въ глаза, легко запоминаются широкой публикой и быстро входятъ въ оборотъ. Если, по полученіи болѣе точныхъ цифръ впослѣдствіи, они оказываются невѣрными—вытравить ихъ изъ умовъ большой публики нелегко. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ серьезные изслѣдователи прибѣгаютъ къ нимъ, т. к. безъ нихъ иногда немыслимо составить себѣ ясное понятіе о данномъ явленіи. Выше мы вынуждены были произвести прибли, женное вычисленіе площади аренды. Сейчасъ мы поправляли гадательнымъ способомъ гадательные разсчеты г. Лященко. Позволимъ себѣ еще одинъ грѣхъ: подсчитаемъ, на основаніи

всѣхъ предыдущихъ вычисленій, какая доля земли и средствъ производства находилась въ рукахъ у крестьянъ, какая у помѣщиковъ, въ 1905—6 г.г. причемъ будемъ указывать, гдѣ у насъ приближенный, гдѣ точный подсчетъ.

1) *Изъ 100 дес. земли* находилось во владѣніи: (точный подсчетъ).

Крестьянъ (надѣльная, купчая и казачья) 67,4.

Частныхъ владѣльцевъ (безъ крестьянъ) 32,6.

2) *Изъ 100 дес. посѣва* (приближен. подсчетъ)

У крестьянъ (надѣльн.. купчая, арендован). 90,5.

Помѣщиковъ (безъ крестьянской и арендован.) 9,5.

3) *Изъ 100 головъ рабочихъ лошадей* (точный подсчетъ)

У крестьянъ (въ сельск. об-вахъ, частныхъ влад. и проч.)— 92.7.

У частныхъ владѣльцевъ (безъ кр-нъ и проч.) 7,3.

4) *Изъ 100 пудовъ сбора продов. хлѣбовъ* (прибл. подсч.)

У крестьянъ (съ надѣльн., купч., аренд. земель) 84,5

Участныхъ владѣльцевъ 15,5

5) *Изъ 100 пуд., поступающихъ въ продажу* (прибл. подсч.

У крестьянъ 67,4

У частныхъ владѣльцевъ 32,6

По этимъ подсчетамъ, крестьяне владѣютъ $^2/_3$ земли (кромѣ казенной) $^9/_{10}$ хозяйственной площади, $^{11}/_{12}$ конской рабочей силы, $^7/_8$ продуктовъ и $^2/_3$ рыночнаго оборота хлѣбовъ. Но, вѣдь, крестьяне бываютъ разные. Около $^1/_4$ купчихъ крестьянскихъ земель принадлежитъ владѣльцамъ свыше 200 дес., изъ нихъ, имѣющихъ болѣе 1 тыс. дес. —1076 человѣкъ съ площадью въ 2320,6 тыс. дес. Общій сословный терминъ обнимаетъ, въ данномъ случаѣ лицъ. дѣйствительно „полярно—противоположныхъ классовъ. Но и въ средѣ „настоящихъ“ крестьянъ, живущихъ на надѣльной землѣ, какъ извѣстно, существуютъ слои различной экономической силы. Авторы маркситскаго направленія долго и упорно внушали своимъ читателямъ, что крестьяне раскалываются на антагонистическіе классы буржуа и пролетаріевъ, что средніе слои—этотъ пережитокъ патріархальнаго строя „вымываются“, исчезаютъ подъ вліяніемъ напора товарно—капиталическихъ отношеній, какъ таетъ снѣгъ

подъ лучами вешняго солнца. За послѣднее время однимъ изъ главныхъ представителей „аграрнаго“ марксизма, г. Масловымъ, сдѣланы существенныя уступки. Онъ находитъ, что пореформенное крестьянство бѣднѣетъ, нищаетъ во всей массѣ; что при пауперизаціи, при общемъ паденіи производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, которое онъ констатируетъ въ Россіи послѣ реформы, не можетъ происходить дифференціаціи и въ крестьянской средѣ: въ такихъ условіяхъ крестьянстви нивеллируется на почвѣ всеобщаго оскудѣнія, только при развитіи производительныхъ силъ, при подъемѣ народнаго богатства, дифференціація нащупываетъ подъ собой твердую почву и быстрыми шагами двигается впередъ.

Въ предыдущихъ главахъ мы не разъ доказывали на фактахъ, что укоренившееся мнѣніе о равномѣрномъ распредѣленіи земли, средствъ производства и вообще достатка среди крестьянъ какой угодно эпохи—ни на чемъ не основанная легенда. Факты доказываютъ, что при натуральномъ строѣ, по крайней мѣрѣ, въ московскую и крѣпостную эпоху крестьянство было болѣе разслоено, чѣмъ теперь и болѣе равномѣрное распредѣленіе хозяйственныхъ благъ шло crescendo съ различными колебаніями на протяженіи вѣковъ. Намъ осталось установить, на основаніи богатаго и мало использованнаго матеріала военно-конскихъ и повторныхъ земскихъ переписей—дѣйствительно ли въ послѣднюю пореформеную эпоху крестьянство дифференцировалось на антагонистическіе слои, или распредѣленіе въ крестьянской средѣ продолжало становится болѣе уравнительнымъ? Другой вопросъ, котораго мы коснемся въ дальнѣйшемъ изложеніи—вопросъ о связи измѣненій въ распредѣленіи съ колебаніями общаго уровня благосостоянія народныхъ массъ.

---

§ 4. Эволюція распредѣленія въ крестьянской средѣ.

А) Предварительныя замѣчанія по вопросу о правильномъ употребленіи терминовъ. Данныя до 80-хъ годовъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію фактовъ, характеризующихъ эволюцію распредѣленія въ крестьянствѣ въ пореформенную эпоху, мы вынуждены еще разъ остановиться на опредѣленіи терминовъ, употребляемыхъ для кон-

статированія той или иной формы эволюціи распредѣленія, т. к. до сихъ поръ правильное примѣненіе этихъ терминовъ усвоено далеко не всѣми изслѣдователями аграрнаго вопроса. Мы считаемъ правильную постановку терминологіи, въ данномъ случаѣ, дѣломъ чрезвычайно важнымъ, могущимъ распутать очень большое количество, порой совершенно безплодныхъ словопреній, которыя безпрестанно возникаютъ у нашихъ „аграрниковъ", даже когда они пользуются однимъ и тѣмъ-же фактическимъ матеріаломъ. Сплошь и рядомъ, діаметрально противоположные выводы дѣлаются различными авторами изъ однѣхъ и тѣхъ-же цифръ и фактовъ не только по вопросу о причинно-зависимостяхъ этихъ фактовъ (такой споръ умѣстенъ и не можетъ вызвать возраженій), но даже простое констатированіе, простое „чтеніе" однихъ и тѣхъ-же явленій, характеризующихся цифровыми данными вызываетъ постоянныя разнорѣчія. Люди смотрятъ на однѣ и тѣ-же цифры, какъ смотрятъ, напримѣръ, на одинъ и тотъ же столъ: одинъ говоритъ, что столъ—круглый, а другой—что четырехугольный, одинъ—что онъ бѣлый, другой, съ пѣной у рта утверждаетъ, что онъ чернѣе сажи. Это было бы смѣшно, если бы не порождало цѣлой массы, „принципіальныхъ" противорѣчій, грустныхъ и важныхъ по своимъ глубокимъ послѣдствіямъ.

Въ предыдущей главѣ, при анализѣ матеріаловъ Румянцевской описи, мы еще разъ указали, что логически мыслимы *четыре* главныхъ вида процессовъ, получающихся при сравненіи крестьянской неоднородности въ два періода времени.

1) Уменьшеніе нижнихъ слоевъ и возрастаніе за ихъ счетъ верхнихъ—*подвижка вверхъ*.

2) Обратный процессъ—*подвижка внизъ*.

3) Уменьшеніе крайнихъ слоевъ и ростъ среднихъ—*нивеллировка*.

4) Обратный процессъ—*дифференціація*.

Обычно подвижка вверхъ смѣшивается съ дифференціаціей, а подвижка внизъ—съ нивеллировкой. Между тѣмъ первые два типа процессовъ—„подвижки" вверхъ и внизъ принадлежатъ къ процессамъ *односторонним*ъ. Когда одна сторона подвижной группировки хозяйствъ по тому или другому экономическому признаку убываетъ, какъ говорятъ, „падаетъ„ „опускается", другая, наоборотъ, „растетъ", „подымается". Наглядно можно себѣ представить такую группировку въ видѣ доски качелей, на которой качаются дѣти: когда одинъ конецъ доски опускается внизъ, другой подымается вверхъ. Упрощенная схема этихъ односторонних процессовъ такова.

Число дворовъ:

		Съ 1 лош.	2 лош.	3 лош.
Первая перепись		10	10	10
Вторая перепись	подвижка внизъ	15	10	5
	„ вверхъ	5	10	15

Наоборотъ, нивеллировка и дифференціація, процессы обязательно, *двусторонніе.*

Вторая перепись	Нивеллировка	5	20	5
	Дифференціація	15	0	15

Крайніе слои, при нивеллировкѣ, съ обоихъ концовъ, стягиваются по срединѣ, при дифференціаціи, наоборотъ, средніе слои „вымываются“ и отлагаются на крайнихъ „полюсахъ“.

Отсюда ясно, что между дифференціаціей и подвижкой вверхъ, также, какъ между нивеллировкой и подвижкой внизъ существуетъ большая разница даже по внѣшней *формѣ* процессовъ. Но эта разница не играла бы существенной роли, если бы она не была связана съ *внутреннимъ смысломъ* тѣхъ явленій, которыя характеризуются данными процессами.

Односторонніе подвижки представляютъ только *механическій результатъ повышенія или пониженія общаго уровня средней обезпеченности.* Замѣнимъ въ только что приведенной схемѣ число дворовъ тѣмъ числомъ лошадей, которымъ каждая группа владѣетъ.

Лошадей.

		У одно-лошадн. дворовъ.	Съ 2 лош.	Съ 3 лош.	Всего лошадей.	Въ среднемъ на 1 дворъ.
Первая перепись		10	20	30	60	2
Вторая перепись	подвижка внизъ	15	20	15	50	$1^2/_3$
	„ вверхъ	5	20	45	70	$2^1/_3$

При подвижкѣ внизъ общее число лошадей упало съ 60 до 50, а средняя обезпеченность—съ 2 лошадей на дворъ до $1^2/_3$; при подвижкѣ вверхъ число лошадей поднялось до 70, а средняя обезпеченность—до $2^1/_3$ лошадей на дворъ.

Наоборотъ, при нивеллировкѣ и дифференціаціи, въ нашей схемѣ, общее число лошадей и средняя обезпеченность остались неизмѣненными.

Лошадей.

		У одно-лошадн. дворовъ.	Съ 2 лош.	Съ 3 лош.	Всего ло-шадей.	На 1 дворъ.
Вторая перепись	Нивеллировка	5	40	15	60	2
	Дифференціація	15	0	45	60	2

Отсюда слѣдуетъ, что двусторонніе процессы нивеллировки и дифференціаціи, если они происходятъ, зависятъ не отъ колебаній общаго уровня средней обезпеченности, колебаній зачастую случайныхъ и быстро мѣняющихся механически отражаясь въ видѣ подвижекъ, а отъ гораздо болѣе сложныхъ и глубокихъ причинъ, главная изъ которыхъ, по нашему мнѣнію,—*законы эволюціи производства*. Подробно эту причиннозависимость мы будемъ разсматривать въ заключеніи; пока мы скажемъ о ней только два слова.

Теперь болѣе или менѣе твердо установлено, что въ сферѣ обрабатывающей промышленности происходитъ дифференціація производителей и концентрація средствъ производства: на одномъ концѣ соціальной лѣстницы наростаютъ милліоны пролетаріевъ, на другомъ тысячи быстро богатѣющихъ капиталистовъ. Эта дифференціація—несомнѣнный результатъ особенныхъ свойствъ, особыхъ законовъ эволюціи производства въ индустріи, требующихъ, чтобы производство концентрировалось въ возрастающихъ, по своимъ размѣрамъ предпріятіяхъ. Отсюда, по аналогіи, мы заключаемъ, что и въ сельскомъ хозяйствѣ процессы *двусторонняго типа* должны зависѣть отъ особенныхъ свойствъ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства; и вотъ почему мы считаемъ чрезвычайно важнымъ не допускать смѣшенія этихъ процессовъ съ односторонними подвижками, мало интересными, какъ простой механическій результатъ колебаній экономическаго положенія массъ.

Г. Масловъ и прочіе писатели того же лагеря, допускающіе подобное смѣшеніе, дѣлаютъ грубѣйшую ошибку противъ своихъ же догматовъ. Дѣло въ томъ, что, если принять низшіе слои въ экономическихъ группировкахъ за „пролетарскіе“, т. е. живущіе наемнымъ трудомъ въ качествѣ с. хозяйственныхъ батраковъ (какъ это дѣлаютъ гг. марксисты), то необходимо допустить, что, рядомъ съ ними, должны существовать дворы богатѣевъ, которымъ не хватаетъ своихъ рукъ для товарнаго производства и они принанимаютъ таковыхъ со стороны. А т. к. „капиталистъ“ хотя и мелкій, заслуживаетъ такого названія, если онъ нанимаетъ не одного,

а нѣсколькихъ работниковъ, то ясно, что пролетарскій слой въ нѣсколько разъ долженъ превышать слой капиталистическій. Слѣдовательно, изъ теоріи „капиталистическаго развитія“ крестьянства вытекаютъ два сдѣдствія, необходимыхъ для характеристики процесса дифференціаціи:

1) Нижній слой—„пролетаріевъ“ долженъ всегда превышать, по количеству, верхній слой—„капиталистовъ“;

2) Съ ростомъ нижняго слоя и во времени и въ пространствѣ, долженъ происходить ростъ верхняго и наоборотъ.

Иначе говоря, представленіе о капиталистическомъ развитіи можетъ быть связано только съ двустороннимъ процессомъ дифференціаціи, когда, за счетъ среднихъ, возрастаютъ и верхніе и нижніе слои, а никакъ не съ однобокимъ процессомъ „подвижки вверхъ“, когда „пролетаріи“ сами превращаются въ „капиталистовъ“. Обратно только процессъ нивеллировки доказываетъ, что средства производства распредѣляются болѣе уравнительно въ крестьянскихъ массахъ, тогда какъ „подвижка внизъ“ говоритъ лишь о всеобщемъ оскудѣніи.

Матеріалы по динамикѣ средствъ производства, которые мы будемъ разсматривать дальше, чаще всего даютъ односторонніе процессы „подвижекъ“. Процессы того же типа мы можемъ констатировать и по даннымъ статики распредѣленія, если разобьемъ всѣ уѣзды (земско-статистическихъ данныхъ) по проценту нижнихъ слоевъ, а именно·

А) Группировка уѣздовъ по % безнадѣльныхъ дворовъ.

% слоевъ.	I группа—27 уѣздовъ имѣющихъ до 5% безнадѣльныхъ дворовъ.	II груп.—19 уѣзд. съ 5—10% безнадѣльныхъ	III груп.—12 уѣзд. съ 10—15% безнадѣльныхъ.	IV груп.—10 уѣзд. имѣющихъ выше 15% безнадѣльныхъ.
Безнадѣльныхъ	3.1	6,9	12,6	21,2
Съ недостаточнымъ надѣломъ (до 5 дес.)	16,7	20,5	17,1	9,3
Со среднимъ надѣломъ (5--15 дес.)	51,4	43,5	57,0	56,4
Выше средняго (15—25 дес,).	18,7	20,2	10,1	10,8
Съ максимальнымъ надѣломъ (бол. 25 д.)	10,1	8,9	3,2	2,3

Б) Группировка уѣздовъ по % безпосѣвныхъ дворовъ.

% слоевъ.	I груп. 11 уѣзд. имѣющихъ до 5% безпосѣвныхъ.	II груп. 6 уѣзд. съ 5—10% безпосѣвныхъ.	III груп. 5 уѣзд. съ 10—15% безпосѣвныхъ.	IV груп. 11 уѣзд. выше 15% безпосѣвныхъ.
Безпосѣвныхъ	3,0	7,9	11,5	25,2
Съ недостаточ. посѣвомъ (до $2\frac{1}{2}$—5 дес.)	22,8	20,0	35,3	23,6
Со среднимъ посѣвомъ (до 9—10 дес.)	60,3	55,3	33,3	38,3
Выше средняго (до 12—15 дес.)	10,6	12,1	14,4	10,0
Съ максимальнымъ посѣвомъ	3,3	4,7	5,5	2,9

В) Группировка уѣздовъ по % безлошадныхъ дворовъ.

% слоевъ.	I груп. 27 уѣзд. имѣющихъ до 20% безлошадныхъ.	II груп. 37 уѣзд. съ 20—30% безлошадныхъ.	III груп. 19 уѣзд. съ 30—40% безлошадныхъ.	IV груп. 9 уѣзд. имѣющихъ свыше 40% безлошадныхъ.
Безлошадныхъ	15.9	24,9	34.9	48,7
Съ 1 лошадью	38,5	34,5	41,1	42,2
Съ 2 лошадьми	27,2	23,5	16,1	7,4
Съ 3 лошадьми	10,6	10,2	4,7	1,2
4 и больше лош.	7,8	6,9	3,2	0,5

[1]) Большинство матеріаловъ, которыми мы пользуемся въ этомъ § (за исключеніемъ новѣйшихъ военно-конскихъ переписей) были разработаны нами для II-го тома коллективнаго труда „Борьба за землю“ (подъ общей ред. К. Р. Качоровскаго). Т. к. нѣтъ надежды, что II томъ

За небольшимъ исключеніемъ въ двухъ посѣвныхъ группахъ, эта таблица даетъ полную „картину односторонникъ процессовъ „подвижекъ“, совершенно отличныхъ, по своему характеру, отъ тѣхъ типовъ процессовъ, которые должны бы охарактеризовать капиталистическое развитіе.

1) Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ нижніе слои невелики, верхніе превышаютъ ихъ по количеству, такъ что въ этихъ уѣздахъ выходитъ, будто на одного пролетарія приходится по нѣсколько „капиталистовъ“. Напримѣръ, въ 27 уѣз., гдѣ процентъ безнадѣльныхъ дворовъ ниже 5, на одного такого „пролетарія“ приходится по три „капиталиста“ съ надѣломъ болѣе 25 дес.

2) Съ возростаніемъ нижняго слоя верхній не увеличивается, а *сокращается*—т. е. измѣненія въ численности нижняго слоя не прямо, а *обратно* пропорціональны измѣненіямъ верхняго: такіе процессы мы называемъ *подвижкой внизъ*.

Г. Черненковъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ, первый установилъ этуобратную пропорціональность крайнихъ слоевъ. „Различія въ численности какой либо одной группы, говоритъ онъ, сопровождаются, въ общемъ, соотвѣтствующей *подвижкой* всей группировки въ ту или иную сторону; крайнія, по положенію группы оказываются, какъ бы, антагонистичными между собой, антагонистичными не въ томъ, однако смыслѣ, въ какомъ это понимается по обычнымъ представленіямъ о „дифференціаціи“ крестьянства (по которымъ, напримѣръ, большая численность или большая доля высшихъ группъ въ посѣвѣ, скотѣ и проч. предполагаетъ въ видѣ общаго правила, и большую численность низшихъ группъ), а въ совершенно иномъ, или даже обратномъ, т. е. въ томъ смыслѣ, что большая численность высшихъ группъ, въ большинствѣ случаевъ, сопровождается меньшей численностью низшихъ и наоборотъ, что крайнія группы *до извѣстной степени, какъ бы исключаютъ другъ друга*“ (стр. 136). Г. Черненковъ далъ указанія, на причины, благодаря которымъ происходятъ эти подвижки.

„Извѣстной группировкѣ хозяйствъ“, говоритъ онъ дальше *„соотвѣтствуетъ, въ большей* или меньшей степени, опредѣленная средняя обезпеченность населенія рабочимъ скотомъ или, иначе говоря, эта средняя обезпеченность является результатомъ и показателемъ существованія въ данной мѣстности довольно опредѣленной хозяйственной группировки

когда либо появится въ свѣтъ, то мы рѣшаемся на ихъ опубликованіе, на нашъ взглядъ крайне желательное, въ виду большой цѣнности этихъ матеріаловъ.

крестьянскихъ семей". Эту зависимость общей „подвижки" слоевъ вверхъ или внизъ отъ размѣровъ средней обезпеченности даннымъ средствомъ производства, установленную г. Черненковымъ въ группировкахъ по лошадямъ, мы провѣрили по всѣмъ тремъ основнымъ элементамъ хозяйства. Получились такіе результаты.

А. Группировка по надѣламъ.

Уѣзды въ которыхъ на 1 дворъ приходится десятин. надѣла.	Число уѣздовъ.	% безнадѣльн. дворовъ.	% недостаточно обезпеч. (до 5 дес.)	% двор. со средн. обезпеч (5-15 дес.)	Выше средняго (15-25 д.)	Съ наивысш. обезпеч. (св. 25 д.)
Отъ 4 до 8 дес.	13	11,7	42,3	34,6	8,4	3,0
8—12 дес.	37	9,8	31,4	43,5	12,3	3,0
12—16 дес.	10	3.5	10,6	48,4	27,4	10,7
Свыше 16 дес.	6	4,5	3,7	35,1	32,0	24,7.

Б. Группировка по рабочимъ лошадямъ (земскія переписи.)

Уѣзды, въ кот. на 1 дворъ приходится рабочихъ лошадей.	Число уѣздовъ.	% безлошадныхъ дворовъ.	Съ 1 л.	2 лош.	3 лош.	4 и бол.
До 0,75 гол.	10	46,7	44,8	7,1	1,0	0,4
0,75—1,5 гол.	41	27,2	42,8	20,1	6,4	3,5
1,5—2,25 гол.	27	19,3	28,4	28,6	13,7	10,0
Свыше, 2, 25	5	20,9	10,5	36,4		32,3

В. Группировка по рабочимъ лошадямъ (военно-конск. переписи 1896—900 г.г.)

Губерніи, въ кот. на 1 дв. приходится, рабочихъ лош.	Число губерній.	% безлошадныхъ дворовъ.	Съ 1 л.	2 лош.	3 лош.	4 и бол.
До 0,75 гол.	7	50,5	35,9	11,9	1,1	0,6
0,75—1 гол.	18	35,2	46,2	15,2	2,3	1,1
1—1,25 гол.	13	25,6	46,0	21,9	4,6	1,9
1,25—1,50 г.	5	31,4	26,1	29,0	6,8	6,7
Свыше 1,50 г.	6	17,2	29,2	27,8	12,1	13,7

Г. Группировка по посѣвамъ.

Уѣзды въ которыхъ надв. приходится десят. посѣва.	Число уѣздовъ.	% безпосѣв. дворовъ.	% двор. недостаточно обезпеч. посѣв. (до 3-5 д.)	Средне обезпеч. (3-5-9-10 дес.)	Выше средн. (9-10-12-15 дес.)	Съ наив. обезпеченіемъ (св. 12-15 дес.)
До 3 дес.	7	21,5	49,7	27,0	1,0	0,8
3—6 дес.	7	9,9	38,4	38,0	8,4	5,3
6—9 дес.	3	6,9	33,6	42,8	10,9	5,8
6—12 дес.	3	7,6	27,5	30,9	15,7	18,3
Св. 12 дес.	3	7,5	11,7	21,0	19,6	40,2.

По мѣрѣ увеличенія средней обезпеченности дворовъ надѣлами, посѣвами и рабочимъ скотомъ нижніе слои сокращаются, верхніе—возрастаютъ, т. е. происходитъ подвижка *вверхъ*. Незначительное исключеніе представляютъ нижніе слои, слегка возрастающіе въ наиболѣе богатыхъ—многоземельныхъ, многолошадныхъ и многопосѣвныхъ уѣздахъ. Получается нѣчто вродѣ легкой дифференціаціи, сравнительно съ предыдущими группами уѣздовъ (по земскимъ даннымъ): но въ то время, какъ нижнія группы—безпосѣвныхъ, безлошадныхъ и т. д. въ этихъ уѣздахъ увеличиваются на 1 много на $1^1/_2$ %,—верхнія возрастаютъ на 15%—20%, такъ что, въ общемъ, „капиталисты" начинаютъ превышать „пролетаріевъ" въ 5—6 разъ. Иными словами, наряду съ небольшой тенденціей къ разслоенію, вся группировка имѣетъ ясно выраженный характеръ подвижки вверхъ. Уѣзды съ maximum'омъ надѣловъ, посѣвовъ и скота находятся на южной и юго-восточной окраинахъ Европейской Россіи. Въ I т. „Борьбы за землю" нами было показано на фактахъ, что на болѣе отдаленныхъ окраинахъ—въ Сибири и въ киргизскихъ степяхъ, гдѣ населеніе наиболѣе рѣдко, гдѣ средняя обезпеченность достигаетъ еще болѣе высокихъ размѣровъ—дифференціація еще замѣтнѣе (по крайней мѣрѣ, въ группировкахъ по посѣву). Высчитавъ ариѳметическія среднія слоевъ по сибирскимъ округамъ, получаемъ.

% дворовъ
(группировка по посѣвамъ)

	Безпосѣвныхъ	Съ недост. посѣвами (до 3—5 дес.)	Среднимъ (до 9—10 д.	Выше сред. (до 15 дес.)	Наивыш. (болѣе 15 д.)
Европейск. Россія (33 уѣз., 10 губ.)	12,6	24,5	48,0	11,2	3,7

Сибирь	Безпос.	До 5 д.	5—15 д.	15—20 д.	Св. 20 д.
(7 округ. 4 губ.,)	17,5	35,0	34,5	7,8	5,2

Группировка по рабочимъ лошадямъ.

	Безлош.	Съ 1 л.	2 лош.	3 лош.	4 и бол.
Европейск. Россія 92 уѣзд,, 19 губ.	26,7	37,7	21,5	8,3	5,8
				3—4 л.	5 и бол.
Сибирь (15 окр., 5 губ.)	14,2	20,8	21,4	20,5	23,1

	% дворовъ нанимающихъ батраковъ	отпускающихъ батраковъ
Европейс. Росс. (82 уѣз. 17 губ.)—	6,1	12,7
Сибирь и киргиз. степи (13 уѣз. 7 губ.)—	14,6	20,2

Сравнительно съ Европейской Россіей, на нашихъ дальнихъ окраинахъ, безпосѣвныхъ дворовъ и дворовъ отпускающхъ батраковъ больше, а безлошадныхъ меньше. Въ Европейской Россіи $^2/_3$ безлошадныхъ имѣютъ свой, хотя и небольшой, посѣвъ. Въ Сибири безпосѣвныя и батрацкія хозяйства рекрутируются, главнымъ образомъ, изъ новоселовъ. Сначала они обзаводятся лошадьми, содержаніе которыхъ, при обиліи подножнаго корма очень дешево, а затѣмъ, понемногу, устраиваютъ и свое земледѣльческое хозяйство. Въ коренной Россіи луга, по большей части распаханы, кормы дороги и крестьяне, съ небольшими посѣвами, до 2—4 дес., предпочитаютъ не держать своихъ лошадей, а нанимаютъ ихъ у сосѣдей, Но кромѣ этой причины, есть и другія, порождающія нѣкоторую дифференціацію на ближнихъ и дальнихъ окраинахъ: разслоеніе наблюдается и у туземцевъ—киргизъ и бурятъ. Объ этомъ намъ придется говорить отчасти въ заключеніи, а главнымъ образомъ, въ 3-ей части нашего труда, которую мы посвятимъ географіи сельск.-хоз. производства и распредѣленія.

Итакъ, одностороннія подвижки вверхъ и внизъ— эти механическія отраженія колебаній въ благосостояніи крестьянъ, представляютъ процессы, чаще всего встрѣчающіеся въ дѣйствительности. Мы увидимъ дальше, что въ динамикѣ экономическихъ группировокъ они почти также часты, какъ и въ статикѣ [1]). Приступая теперь къ анализу динамическихъ процессовъ, мы убѣдительно просимъ читателей твердо запомнить разницу въ типахъ процессовъ, которую мы установили сейчасъ.

До 80-хъ г.г. мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ для характеристики эволюціи распредѣленія въ крестьянской массѣ. Единственный массовой матеріалъ, который мы могли отыскать, даетъ только свѣдѣнія о движеніи средней обезпеченности скотомъ у государственныхъ крестьянъ. Онъ взятъ изъ оффиціальныхъ матеріаловъ М-ва государствен. Им.-въ и относится къ концу 50-хъ г.г. Мы выбрали оттуда тѣ уѣзды, которые имѣлись въ „сводномъ статистическомъ

[1]) Впрочемъ, какъ увидимъ, дальше, это положеніе относится главнымъ образомъ, къ группировкамъ по скоту, а не по землѣ.

сборникѣ“ по земской статистикѣ г. Благовѣщенскаго—всего по 98 уѣзд. 19 губерній [1]) Сравненіе абсолютныхъ чиселъ за два періода дало такіе результаты (въ тысячахъ)

Области		Дворовъ	Лошадей	Крупнаго рогат. скота	Овецъ, свиней и козъ	
Центръ	1850 г.г.	58,1	104,8	131,5	194,1	
	1880 г.г.	81,6	109,6	219,6	185,3	
Измѣн. въ %	(+или—)	+40,4	+ 4,6	+67,1	— 4,5	
1 поясъ	1850 г.г.	465,7	1063,3	1095,7	3325,4	
	1880 г.г.	761,1	1456,1	1798,8	4477,9	
Измѣнен. въ %		+63,4	+36,9	+61,4	+34,7	
2 поясъ	1850 г.г.	195,6	622,0	855,8	2284,8	
	1880 г.г.	316,3	877,2	1129,9	2524,8	
Измѣнен. въ %		+61,1	+41,0	+32,0	+10,5	
Всего	1850 г.г.	719,4	1790,1	2083,0	5804,3	
	1880 г.г.	1159,0	2442,9	3148,3	7188,0	[2])
Измѣнен. въ %		+61,1	+36,5	+51,1	+23,9	

Количество дворовъ и скота, въ общемъ, значительно увеличилось у казенныхъ крестьянъ за 20 слишкомъ лѣтъ. Больше всего возросъ крупный рогатый скотъ, немногимъ отставшій отъ прироста дворовъ, меньше всего—мелкій. По отдѣльнымъ областямъ—въ центрѣ абсолютное число лошадей осталось почти тоже: это понятно, т. к. земледѣліе здѣсь упало, зато число коровъ поднялось болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, даже больше числа дворовъ, потому-что увеличившееся населеніе столицъ стало требовать болѣе молочныхъ продуктовъ, а достаточный кормъ для скота имѣлся на довольно многочисленныхъ нераспаханныхъ лугахъ. Молочное скотоводство продолжало, какъ и до реформы, вытѣснять земледѣліе.

Въ первомъ поясѣ лошади возросли значительно больше, чѣмъ въ центрѣ, а молочный скотъ почти въ такомъ же масштабѣ. Земледѣліе здѣсь развивалось, но послѣ 60-хъ г.г.

---

[1]) С.-Петербургская (5 уѣзд.), Тверская (5), Новгородская (2). Смоленская (6), Вятская (4), Пермская (1), Московская (1). Нижегородская (3), Рязанская (4), Саратовская (10). Самарская (7), Орловская (6), Курская (15), Воронежская (9), Черниговская (5), Херсонская (2), Таврическая (8), Екатеринославская (4) и Бессарабская (1),

[2]) Въ земскихъ переписяхъ лошади и крупный рогатый скотъ взяты вмѣстѣ съ молоднякомъ.

не такъ интенсивно, какъ раньше: пашня расширилась на 23% а число лошадей поднялось на 37%. Такъ какъ ростъ молочнаго скота слѣдуетъ за ростомъ населенія, а ростъ рабочаго скота связанъ съ ростомъ пашни, то понятно, почему число коровъ увеличилось болѣе, чѣмъ лошадей.

Въ Новороссіи и Самарской губ. (2 поясъ), гдѣ такъ пышно разцвѣло экстенсивное земледѣліе, болѣе всего увеличилось число лошадей: прочіе виды скота прибавились мало. Земледѣліе, очевидно, вытѣсняло дикое тебеневочное скотоводство, царившее до реформы въ цѣлинныхъ степяхъ. Сильнѣе всего, отъ уничтоженія переложныхъ пастбищъ, пострадало овцеводство.

Но абсолютныя числа еще не даютъ понятія объ измѣненіяхъ въ средней обезпеченности. Такъ какъ число дворовъ росло быстрѣе числа головъ скота, то средняя обезпеченность должна была *понизиться*.

		на 1 дворъ.		
		Лошадей	Круп. рог. скота	Овецъ, свиней, козъ
Центръ	1850 г.г.	1,81	2,26	3,34
	1880 г.г.	1,34	2.69	2,27
1 поясъ	1850 г.г.	2,28	2,35	7,14
	1880 г.г.	1,91	2,36	5,89
2 поясъ	1850 г.г.	3,18	4,37	11,65
	1880 г.г.	2,77	3,57	7,99
Всего	1850 г.г.	2,49	2,89	8,31
	1880 г.г.	2,11	2,72	6,20
Измѣненіе въ %		—15,2	—5,8	—25.4

Только въ центрѣ и слегка—въ первомъ поясѣ повысилась обезпеченность рогатымъ скотомъ: обезпеченность лошадьми и мелкимъ скотомъ понизилась всюду—послѣднимъ, болѣе, чѣмъ первымъ (на 25,4% и 15,2%). Сократилось на югѣ, сравнительно съ населенностью, и количество крупнаго рогатаго скота.

Пониженіе общаго уровня средней обезпеченности заставляетъ насъ ожидать, что въ распредѣленіи скорѣе всего произошла *подвижка внизъ*, хотя и не особенно рѣзкая. Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ какимъ либо серьезнымъ матеріаломъ, что бы подтвердить или опровергнуть это предположеніе. Матеріалы имѣющіеся на лицо, или не-

соизмѣримы (какъ приводимые г. Черненковымъ по Подольскому уѣз. Московской губ.—на стр, 116—118) или слишкомъ „молекулярны", какъ выписки изъ дѣлъ присутствія по крест. дѣламъ касающіеся небольшихъ общинъ[1]). Писатели 70—80-хъ г.г. склонялись къ тому мнѣнію, что въ крестьянствѣ происходила дифференціація. Такъ по словамъ князя Васильчикова, въ хозяйственной жизни крестьянскихъ обществъ „мы встрѣчаемъ явленія, отчасти другъ другу противорѣчащія: съ одной стороны, крестьяне являются повсемѣстно, то въ составѣ цѣлыхъ обществъ, то отдѣльными товариществами и домохозяевами, арендаторами и покупателями помѣщичьихъ земель, что, несомнѣнно, доказываетъ, что они *расширяютъ* свои хозяйства.... Но съ другой стороны поражаетъ тотъ фактъ, что число безземельныхъ крестьянъ быстро умножается... что также свидѣтельствуетъ объ упадкѣ общаго уровня благосостоянія земледѣльцевъ" (Землевладѣніе и земледѣліе т. I стр 494).

Въ другой своей работѣ: „сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи" онъ выражается еще яснѣе: „Свобода, равноправность начинаютъ проявлять свое обыкновенное дѣйствіе—*неравенство состояній*. Покуда крѣпостное право и административный произволъ держали весь сельскій людъ подъ однимъ гнетомъ, уровень крестьянскихъ хозяйствъ былъ почти вездѣ равный; въ уравненіи этомъ были заинтересованы сами владѣльцы. Но какъ только отдѣльнымъ хозяевамъ и обществамъ было предоставлено вольное распоряженіе своими способностями, то начали обнаруживаться факты, что люди разумные, бережливые и воздержанные богатѣютъ, а неспособные или слабые, разгульные, бѣднѣютъ" Изъ нѣкоторыхъ обществъ выдѣляются „наиболѣе смышленые и сильные хозяева, снимаютъ у бѣдныхъ своихъ односельцевъ, ихъ полевыя полосы, вносятъ за нихъ подати... и, разумѣется, наживаются на ихъ счетъ." „*Однимъ словомъ, бѣдность и богатство зарождаются одновременно и на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.*" Къ такому же выводу пришелъ и П. П. Семеновъ, изслѣдовавшій одну волость Рязанскаго уѣзда (въ 1877—78 г.г.). „Переходя къ вопросу объ измѣненіи въ степени благосостоянія отдѣльныхъ даже хозяйствъ (по всему раіону), наблюдатель хорошо знакомый съ ихъ положеніемъ при крѣпостномъ правѣ, можетъ заключить, что если, съ одной стороны, явилась между

[1]) Опубликованы въ статист. сборникѣ по Елецкому уѣз., Орловской губ. см. въ приложеніи.

крестьянами большая пропорція зажиточныхъ и богатыхъ дворовъ и послѣдніе возвысились до небывалаго и неизвѣстнаго при крѣпостномъ правѣ уровня благосостоянія, то пропорція достаточныхъ къ недостаточнымъ едвали вообще увеличилась, пропорція же бѣдныхъ дворовъ усилилась и появились такіе неимущіе дворы, которыхъ до 1861 г. почти не существовало" (цит. по Черненкову ст. 114).

Эти выводы, при всей солидности ихъ авторовъ, на нашъ взглядъ, допускаютъ одну существенную ошибку: оба автора исходятъ изъ положенія, что въ крѣпостную эпоху крестьянское благосостояніе было уравнительнымъ, что въ крестьянской средѣ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни пролетаріевъ, ни капиталистовъ. Изъ такого-же положенія исходили и позднѣйшіе сторонники теоріи „капиталистическаго развитія" вродѣ г. Ильина. Факты, приведенные въ предыдущей главѣ, удостовѣряютъ, что тамъ, гдѣ мы имѣемъ достаточно обширные и достовѣрные матеріалы, какъ по Полтавской и Черниговской губ., слишкомъ 100 лѣтъ назадъ господствовала такая сильная разслоенность крестьянской массы, какую сейчасъ мы не можемъ себѣ представить ни въ одномъ углу нашей страны. По Великороссіи у насъ было немного матеріаловъ: но всѣ наличные свидѣтельствовали, что въ крѣпостную эпоху разслоенность во всякомъ случаѣ, была не меньшей, а скорѣе большей, чѣмъ теперь, что она, какъ и сейчасъ, росла отъ центровъ къ окраинамъ и что на окраинахъ, при тогдашнемъ земельномъ просторѣ, богатѣи изъ мужиковъ развертывались, порой, въ настоящихъ помѣщиковъ. Вотъ почему, при всемъ нашемъ уваженіи къ именамъ почтенныхъ авторовъ, мы не можемъ считать правильнымъ исходный пунктъ ихъ умозаключеній. Съ ними могъ произойти такой же обманъ зрѣнія, какъ позднѣе съ нашими марксистами. Въ эпоху крѣпостного права они не присматривались близко къ различію въ экономическомъ положеніи крестьянъ и издали имъ казалось, что они „всѣ на одно лицо". Потомъ, когда всюду заговорили о томъ, что изъ крестьянской среды выростаютъ Колупаевы, тогда какъ значительная часть крестьянъ бѣднѣетъ—они стали присматриваться ближе къ крестьянскимъ ячейкамъ—дворамъ и открыли Америку крестьянскаго разложенія. Тоже случилось и съ нашими марксистами, которымъ земскіе статистики открыли глаза на дѣйствительное положеніе вещей. Мы же теперь твердо увѣрены въ томъ, что экономическая неоднородность въ средѣ трудовыхъ земледѣльцевъ должна была существовать во всѣ времена, уже

въ силу того, что основа этой неоднородности —*семья* всегда была не одинаковой по своимъ размѣрамъ.

Весь вопросъ не въ томъ, существовала ли подобная неоднородность, а въ томъ, сокращалась она или росла съ ходомъ исторіи....

Тѣмъ не менѣе мы допускаемъ, что, послѣ паденія крѣпостного права, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неоднородность могла усилиться и дать въ результатѣ процессы типа дифференціаціи.

Но такое явленіе могло получиться только отъ побочныхъ причинъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ сельскому хозяйству: напримѣръ, на югѣ, громадныя имѣнія сдавались въ аренду за дешевую плату, вокругъ нихъ собиралось множество спекуляторовъ, занимавшихся передачей земли мелкимъ крестьянамъ—и эти спекуляторы, также изъ крестьянской среды, быстро богатѣли. Вольная продажа вина, ростъ хлѣбной торговли, которой занялись многочисленные скупщики—шибаи, однимъ словомъ, ускоренный темпъ всякой торговли, въ томъ числѣ землей и ея продуктами—все это способствовало отслоенію мелкой буржуазіи. Способствовало ей и усилившееся, быть можетъ, ростовщичество, т. к. крестьяне, заваленные новыми непосильными денежными податями, стали сильно нуждаться въ кредитѣ. Съ другой стороны, тоже податное бремя могло выбивать изъ колеи слабосильныя хозяйства и вызывать ихъ пролетаризацію. Но всѣ эти причины прямого касательства къ сельскому хозяйству не имѣли и врядъ-ли были настолько могущественны, чтобы создать дифференціацію *всей массы* крестьянства. Что этой дифференціаціи въ массѣ не было въ 70 г.г.—можетъ доказать первая военно-конская перепись 1875 г., произведенная по 3-мъ губерніямъ: Рязанской, Могилевской и Ковенской.

%% дворовъ.

Губерніи	Безлошадныхъ	Съ 1 л.	2 л.	3 л.	4 л.	5 л.	6 и б.	На 1 двор. лошад.
Рязанская	26,4	26,0	19,8	13,1	7,6	3,6	3,5	1,13
Могилевская	1,2	15,6	25,5	23,0	15,5	9,0	10,2	3,00
Ковенская	5,2	29,4	23,4	18,7	13,5	6,5	3,3	1,93

Какъ и въ настоящее время, большинство дворовъ скоплялось въ среднихъ слояхъ съ 1, 2 и 3 лошадьми. Въ

двухъ губерніяхъ—Могилевской и Ковенской, гдѣ средняя обезпеченность была высока, верхніе слои были многочисленнѣе, а нижніе—очень невелики; въ третьей—Рязанской, гдѣ число лошадей на дворъ было ниже—процентъ безлошадныхъ былъ больше, а много-лошадныхъ меньше. Сравнительно съ данными слѣдующей переписи 1888 г. цифры 1875 г. указываютъ на *подвижку вверхъ*, свидѣтельствуя, такимъ образомъ, что массовой дифференціаціи, по крайней мѣрѣ, въ этихъ губерніяхъ не было.

Какъ бы тамъ ни было, но отсутствіе солидныхъ массовыхъ данныхъ не позволяетъ намъ окончательно рѣшить вопросъ о процессахъ эволюціи распредѣленія въ крестьянствѣ въ первые 15—20 лѣтъ послѣ реформы. Минуя этотъ періодъ, переходимъ къ слѣдующему—съ конца 80 хъ гг., который освѣщенъ многочисленными и точными данными военно-конскихъ и земскихъ переписей.

Б) Военно-конскія переписи 1888—1906 г.г.

Военно-конскія переписи доставляютъ самый полный матеріалъ по вопросу о разслоеніи крестьянства и потому выводы, основанные на этомъ матеріалѣ, пользуются большимъ авторитетомъ.

Всеобщее оскудѣніе крестьянства, ужасающее возрастаніе безлошадныхъ дворовъ,—все это сотни разъ комментировалось не только въ научныхъ, но и въ популярныхъ сочиненіяхъ. Однако, немногіе изъ комментаторовъ задавались вопросомъ: достаточно ли *логически* достовѣренъ тотъ признакъ, который кладется въ основу ихъ выводовъ; иными словами, можетъ ли служить та или иная обезпеченность лошадьми вполнѣ точнымъ показателемъ упадка или подъема всего крестьянскаго хозяйства въ его цѣломъ. Вѣдь лошади—только одинъ изъ составныхъ элементовъ этого хозяйства, правда, довольно важный: но, кромѣ нихъ, на крестьянскомъ дворѣ есть коровы, мелкій скотъ и птицы, на полѣ колосуются хлѣба, а дальше лежатъ луга и лѣса. По массовымъ бюджетамъ 177 тыс. хозяйствъ, Воронежской г. стоимость лошадей опредѣлена въ 11,8 мил. р., а остального скота—17,4 мил. руб. Въ тоже время удобной земли у этихъ хозяйствъ было болѣе 2 милліоновъ десятинъ, стоившихъ, на худой конецъ, до 150 милліоновъ рублей. Ясно, что лошади составляютъ очень небольшую долю всего земледѣльческаго капитала крестьянъ, если причислить къ нему землю. Притомъ капиталъ этотъ—очень *подвижный*: ежегодныя данныя показываютъ, что иногда число лошадей убываетъ на 20 и болѣе процентовъ, (послѣ неурожаевъ) иногда

(послѣ хорошихъ урожаевъ) подымается на 7—8 и, въ исключительныхъ случаяхъ, на 20%. Кромѣ колебаній въ урожайности, въ крестьянскомъ быту есть множество причинъ, благодаря которымъ крестьянинъ можетъ потерять лошадь. Вотъ перечень причинъ обезлошаденія, составленный земскими статистиками по 5 волостямъ Ярославской губ.

Причины безлошадности.

Не получили по раздѣлу. . . .	214 дворовъ.
Не было до вступленія въ хозяйство .	23
Продали на хлѣбъ.	91
По негодности или зарѣзали . . .	55
По нуждѣ	35
По безкормицѣ	48
На избу	17
На подати	6
На долги.	3
На стройку (послѣ раздѣла и пожара) .	10
На уплату податей, недоимокъ и долговъ	13
По болѣзни и старости хозяевъ . .	3
По малоземелью	1
На похороны	13
На уплату арендныхъ денегъ . . .	1
Некому работать	22
Осиротѣли и овдовѣли	17
Поступили въ работники и на заработки .	91
По смерти хозяевъ	10
Заняты промыслами	36
Бросили хозяйство	6
Уходъ въ солдаты	3
На свадьбу, отправку сына въ рекруты и проч. случайныя нужды. . . .	24
Плохіе хозяева	6
Пала, а купить не на что . . .	146
Украдены	13
По неизвѣстной причинѣ . . .	51.

Всякое семейное событіе у крестьянина—свадьба, похороны, особенно раздѣлъ, приводятъ къ утратѣ лошади. Какъ легко потерять лошадь, такъ легко ее и пріобрѣсти, накопивши 40—50 рублей. Вообще лошадь—одинъ изъ очень подвижныхъ элементовъ хозяйства.

Но и незначительная, сравнительно съ другими частями хозяйства, стоимость лошади и ея подвижность не были бы важны, если бы обезпеченность лошадьми являлась точнымъ барометромъ для опредѣленія тѣхъ или иныхъ

колебаній въ состояніи *всего* земледѣльческаго хозяйства если бы мы могли съ увѣренностью сказать, что, паденіе обезпеченности лошадьми, напримѣръ на 20%, указываетъ на точно такое же паденіе общаго уровня крестьянскаго хозяйства, что безлошадность—синонимъ безхозяйности и т. д. Но мы уже видали, что у государственныхъ крестьянъ въ центрѣ и 1 поясѣ число лошадей на дворъ упало, а обезпеченность рогатымъ скотомъ возрасла. Слѣдовательно, одинаковаго колебанія всѣхъ элементовъ хозяйства не оказалось. По этому поводу, г. Черненковъ, разсмотрѣвшій, въ одной изъ своихъ работъ многолѣтнее движеніе скотоводства по Московской и Саратовской губ. заключилъ.

„Явленія въ сферѣ крестьянскаго скотоводства могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ двухъ основныхъ положеніяхъ.

1) Количество рабочаго скота, при малой измѣнчивости посѣвной площади, имѣетъ тенденцію или также къ относительной неизмѣнности, или къ нѣкоторому сокращенію вслѣдствіе постепеннаго низведенія этого количества къ *минимально-необходимому*, для эксплуатаціи наличнаго земельнаго фонда, замѣны худшихъ лошадей меньшимъ количествомъ лучшихъ, измѣненій въ техникѣ и орудіяхъ обработки и т. д. 2) Количество крупнаго рогатаго скота (потребительнаго или продуктивнаго) имѣетъ тенденцію возрастать пропорціонально или даже нѣсколько быстрѣе *прироста населенія*.

Это различіе тенденцій въ измѣненіяхъ количества двухъ основныхъ видовъ скота, стоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ различіемъ въ самомъ его хозяйственномъ назначеніи: рабочій скотъ, по скольку онъ служитъ для прямыхъ или косвенныхъ нуждъ сельскаго хозяйства, находится количественно въ самой тѣсной зависимости отъ *размѣра обрабатываемой территоріи*, причемъ, при ея малой измѣнчивости въ большинствѣ мѣстностей—всякое существенное увеличеніе количества рабочаго скота можетъ имѣть мѣсто лишь при наличности какихъ либо особыхъ или спеціальныхъ условій, требующихъ такого увеличенія: наоборотъ, *элементарный экономическій разсчетъ* требуетъ, при указанномъ условіи и при растущей дороговизнѣ кормовыхъ средствъ, постояннаго низведенія количества рабочаго скота къ *минимально необходимому*. Наоборотъ, количество продуктивнаго скота стоитъ въ наиболѣе тѣсной связи съ *численностью населенія* и потому имѣетъ естествен-

ную тенденцію къ возрастанію, по меньшей мѣрѣ, соотвѣтствующему росту самого населенія". [1])

Такимъ образомъ, паденіе обезпеченности рабочимъ скотомъ является не только результатомъ неурожаевъ и вообще упадка крестьянскаго хозяйства, но и простого *хозяйственнаго разсчета*: не зачѣмъ держать рабочаго скота болѣе, чѣмъ нужно для обработки все сокращающейся (на одинъ дворъ) площади посѣвовъ. Г. Вихляевъ считаетъ, что, нормально, одна рабочая лошадь должна обрабатывать не менѣе 4 дес. посѣва. При такомъ разсчетѣ, избытокъ однихъ рабочихъ лошадей, не считая воловъ, для крестьянскихъ надѣловъ, въ 1880-хъ гг. былъ не менѣе 1,5 милліоновъ головъ. (по 38 губ.). Хозяйства, засѣвающія менѣе 4 дес. и держащія лошадь, болѣе другихъ страдаютъ такимъ избыткомъ: „въ мѣстностяхъ съ земледѣльческимъ характеромъ колоссальный избытокъ конской и воловьей силы въ малонадѣльныхъ группахъ крестьянства" (стр. 47) Встрѣчается этотъ избытокъ и въ среднихъ хозяйствахъ. Въ силу возрастающей дороговизны кормовъ и дальнѣйшаго дробленія посѣвовъ, малоземельнымъ, а иногда и среднимъ и крупнымъ крестьянамъ просто нѣтъ разсчета содержать лишнихъ рабочихъ лошадей и они сбываютъ ихъ, продолжая обрабатывать землю супрягой, или наймомъ.

Итакъ, приступая къ разсмотрѣнію динамики военно-конскихъ переписей, мы должны запомнить, что между колебаніями въ количествѣ лошадей и колебаніями всего земледѣльческаго хозяйства крестьянъ можетъ и не существовать полной пропорціональности: пониженіе обезпеченности лошадьми, положимъ на 20%, конечно, доказываетъ, что весь уровень хозяйства понизился, но не на 20%, а, быть можетъ на меньшую величину; 30% безлошадныхъ покажутъ, что въ данной мѣстности находится 10—15% безпосѣвныхъ дворовъ и т. д.

Военно-конскія переписи даютъ сравнимыя цифры (по 38 губерніямъ) за три періода: 1888—91 гг. 1899—900 гг. и 1904—6 гг. Общее количество рабочихъ лошадей и средняя обезпеченность въ эти періоды колебалась такъ:

	Число рабочихъ лош. въ тысяч.	Дворовъ въ тысяч.	На 1 двор. раб. лош.
Въ 1888—91 гг. . . .	10647,3	8225.6	1,29
1899—900 гг.. . .	9672,9	9050,0	1,07
1904—6 гг. . . .	10539,1	9776,2	1,08

[1]) Изъ матеріаловъ по крестьянскому хозяйству. Саратовская земская недѣля 1905 г. № 10.

По второй переписи даже абсолютное число рабочихъ лошадей дало убыль почти въ милліонъ головъ, а средняя обезпеченность упала на 17%. Отсюда, въ перегруппировкѣ дворовъ, мы должны ожидать сильной *подвижки внизъ*. Въ третью перепись число лошадей поднялось почти до прежняго уровня, но средняя обезпеченность, благодаря приросту дворовъ, осталась почти безъ перемѣны: поэтому, на основаніи сказаннаго выше, мы не вправѣ ожидать односторонняхъ подвижекъ, но можемъ разсчитывать, что именно, при неподвижности уровня обезпеченности, проявитъ себя одинъ изъ наиболѣе интересующихъ насъ рѣдкихъ *двусторонняхъ* процессовъ дифференціаціи или нивеллировки—именно тотъ, который соотвѣтствуетъ *органической* эволюціи сельско—хозяйственнаго производства. Вотъ % слоевъ по всѣмъ 38 губерніямъ:

А) % дворовъ.

	Безлош.	Съ 1 л.	2 лош.	3 лош.	4 лош.	5 лош.	6 и бол.
1888—91 гг.	29,6	35,4	22,8	6,7	3,1	1,1	1,3
1899—900 гг.	34,9	37,7	19,8	4,3	2,0	0,6	0,7
Измѣн. каждаго слоя въ %	+17,9	+6,5	—13,2	—35,8	—35,5	—45,5	—46,2
1904—6 гг.	34,4	37,6	20,4	4,1	1,9	0,6	0,7
Измѣн. каждаго слоя въ %	—1,4	—0,3	+3,0	+2,3	—5,0	0,0	0,0

Б) % рабочихъ лошадей у дворовъ.

	Съ 1 л.	2 лош.	3 лош.	4 лош.	5 лош.	6 и бол.
1888—91 гг.	27,3	35,2	15,6	9,6	4,4	7,9
1899—900 гг.	35,3	37,0	12,1	7,5	2,9	5,2
Измѣн. каждаго слоя въ %	+28,6	+5,1	—22,4	—21,9	—34,1	—34,2
1904—6 гг.	34,9	37,8	12,1	7,2	3,0	5,0
Измѣн. каждаго слоя въ %	—1,1	+2,2	0,0	—4,0	+3,4	—3,8

Во вторую перепись произошла, несомнѣнно, подвижка внизъ: нижніе слои безлошадныхъ и однолошадныхъ

возрасли: начиная съ двулошадныхъ дворовъ происходитъ сокращеніе и чѣмъ крупнѣе владѣльцы, тѣмъ большую долю потеряли они во второй періодъ: двулошадные дворы потеряли 13%, 3—4 лошадные 35%, 5—6 лошадные свыше 45%. Тоже произошло и съ процентнымъ числомъ лошадей.

Въ третью перепись, когда средняя обезпеченность осталась почти на одномъ уровнѣ, т. е. когда не было причинъ для чисто механическихъ перегруппировокъ, произошелъ, сравнительно со второй, *двусторонній процессъ нивеллировки*: убавилась наличность нижнихъ и верхнихъ слоевъ, отъ чего выиграли *средніе* съ 2—3 лошадьми, къ которымъ стянулась часть отъ обоихъ краевъ.

Итакъ, при сильномъ паденіи обезпеченности происходитъ *подвижка внизъ*, при ея неизмѣнности выплываетъ наружу процессъ *нивеллировки*. Таковъ выводъ изъ матеріаловъ по всѣмъ 38 губ. Посмотримъ, будетъ ли онъ вѣренъ при болѣе детальномъ разчлененіи губерній по отдѣльнымъ раіонамъ.

А) % дворовъ

Раіоны		Безлош.	Съ 1 л.	2 лош.	3 лош.	4 лош.	5 лош.	6 и ост.	Среднее чис. лош на 1 дв.
Центрально-промышлен. и Олонец. г.	(1889 г.	23,2	50,8	19,4	4,5	1,4	0,4	0,3	1,13
	(1899—900г.	28,6	52,8	14,9	2,6	0,7	0,2	0,2	0,95
	(1905—6 г.г.	29,1	52,6	14,9	2,5	0,6	0,2	0,1	0,94
Центрально-земледѣльческій	(1888 г.	25,0	38,2	23.2	8,8	2,9	1,1	0,8	1,34
	(1889—900 г.	35,3	43,1	16.2	3,8	1,0	0,4	0,2	0,94
	(1905—6 г.г.	34.2	43,3	17,0	3,9	1,1	0,3	0,2	0,96
Средне волжскій	(1888—91 г.г.	30,3	41,1	19,9	5,9	1,5	0,5	0,8	1,12
	(1899—900 г.	35,9	44,2	15,3	3,2	0,9	0,3	0,2	0,90
	(1905—6 г.г.	34,1	44,9	16,4	3,3	0,9	0,2	0,2	0,94
Сѣверо-восточный	(1891 г.	20,2	42,8	22,9	8,0	3,2	1,4	1,5	1,43
	(1899—900 г.	22,9	50,2	20,0	4,8	1,4	0,4	0,3.	1,16
	(1905—6 г.	21,0	47,8	21,3	6,1	2,2	0,8	0,8	1,28
Всего 1 поясъ	(1888—91 г.	25,7	40,4	21,9	7.5	2.5	1.0	1,0	1,28
	(1899—900 г.	33,1	44,9	16,6	3,8	1,1	0,3	0.2	0,97
	(1905—6 г.г.	31,0	45,0	17,8	4,2	1,3	0.4	0,3	1,03
Заволжскій	(1891 г.	21,8	30,5	21,1	11.0	6,6	3,4	5,6	1,99
	(1899—900 г.	26,3	32,6	20,6	9,5	5.2	2.2	3,6	1,64
	(1905—6 г.г.	19,7	32,9	23.4	11,2	6,1	2,9	3.8	1,84
Новороссія	(1891 г.	46,7	13,1	29,4	4,1	4.3	1,1	1,3	1,17
	(1896 г,	41,6	11,8	33,2	4,8	5.5	1,4	1.7	1,34
	(1903—04 г.	43,8	10,3	33,9	4,6	4,7	1,3	1.4	1,28
Всго 2 поясъ	(1888—91 г.	34,2	21,8	25,2	7.6	5,5	2,2	3,5	1,58
	(1896—900 г.	33,8	22,5	26,7	7,2	5,3	1,8	2.7	1,50
	(1903—6 г.	31,6	21,7	28,7	7,9	5,4	2,1	2,6	1,56

		Безлош.	Съ 1 л.	2 лош.	3 лош.	4 лош.	5 лош.	6 и бол.	Сред. ч. раб. лош. на 1 дв.
Западная Малороссія	(1888—91 г.	55,0	6,7	27,1	5,3	3,9	1,2	0,8	1,04
	(1899—900 г.	60,0	8,8	25,7	3,2	1,8	0,3	0,2	0,79
	(1905—6 г.	61,3	8,9	26,1	2,3	1,1	0,2	0,1	0,74
Литва и Бѣлорус.	(1888 г.	18,6	48,2	22,6	7,0	2,5	0,7	0,4	1,30
	(1899—900 г.	23,2	52,0	18,8	4,3	1,3	0,3	0,1	1,10
	(1905—6 г.	27,8	51,4	16,2	3,4	0,9	0,2	0,1	0,99
Прибалт. кр. (Курлянд. г.)	(1888 г.	4,8	30,3	17,1	17,8	17,1	7,7	5,2	2,60
	(1899—900 г.	8,2	30,4	20,3	18,0	14,2	5,4	3,5	2,34
	(1905—6 г.	14,6	31,3	20,6	16,4	10,8	3,8	2,5	2 02
Всего Западъ	(1888—91 г.	37,6	25,9	24,9	6,3	3,5	1,1	0,7	1,19
	(1899—900 г.	43,0	28,2	22,6	3,9	1,7	0,4	0,2	0,95
	(1905—6 г.	45,9	27,8	21,7	3,0	1,2	0,3	0,1	0,87

Б.) % рабочихъ лошадей у дворовъ.

Раіоны		Съ 1 л.	2 лош.	3 лош.	4 лош.	5 лош.	6 и бол.
Центральный промышлен. съ Олон. губ	(1888 г.	44,9	34,3	11,9	4,9	1,9	2,1
	(1899—900 г.	55,6	31,4	8,1	2,8	0,9	1,2
	(1905—6 г.	56,1	31,7	8,1	2,6	0,8	0,7
Центральн. земледѣль.	(1888 г.	28,4	34,6	19,7	8,8	4,1	4,4
	(1899—900 г.	45,7	34,2	12,2	4,4	1,7	1,8
	(1905—6 г.г.	45,0	35,5	12,1	4,3	1,6	1,5
Средне волжскій	(1888—91 г.	36 7	35,6	15,7	5,4	2,3	4,3
	(1899—900 г.	49,0	33,8	10,6	3,8	1,4	1.4
	(1905—6 г.	47,9	34,9	10,7	3,9	1,3	1,3
Сѣверо-восточный	(1891 г.	29,8	32,0	16,7	9,0	4,7	7,8
	(1899—900 г.	43,6	34,9	12,5	5,0	1,9	2,1
	(1905—6 г.	37,4	33,4	14,3	6,8	3,3	4,8
Всего 1 поясъ	(1888—91 г.	31,5	34,2	17,5	7,8	3,7	5.3
	(1899—900 г.	46,4	34,3	11,7	4,3	1,6	1,7
	(1905—6 г.	43,7	34,7	12,2	5,0	2,0	2,4
Заволжье	(1891 г.	15,3	21,2	16.6	13,4	8,5	25.0
	(1899—900 г.	19,9	25,0	17,3	12,6	6,7	18,5
	(1905—6 г.	17,9	25,5	18,3	13,3	7,9	17,1
Новороссія	(1891 г.	11,2	50,3	10,6	14.6	4,7	8,6
	(1896 г.	8,8	49,5	10,6	16,4	5,4	9,3
	(1903—4 г.	8,0	52,8	10,9	14,8	4,9	8,6

Раіоны		Съ 1 л.	2 лош.	3 лощ.	4 лош.	5 лош.	6 и бол.
Всего 2 поясъ	(1888—91 г.	13,8	31·9	14,4	13,8	7,1	19,0
	(1896—900 г.	15,0	35,7	14,4	14.2	6,2	14,5
	(1903—6 г.	13.9	36,6	15,3	13,9	6.7	13,6
Западная Малороссія	(1888—91 г.	6,5	52,1	15,5	14,9	5,7	5,3
	(1899—900 г.	11,1	64,3	12,1	9,0	1,9	1,6
	(1905—6 г.	12,0	71,3	9,3	5,8	1,0	0,6
Литва и Бѣлорус.	(1888 г.	37,0	34,6	16,0	7.6	2.7	2,1
	(1899—900 г.	47,3	34,1	11,8	4,6	1,4	0.8
	(1905—6 г.	51,8	32.6	10,3	3,7	1,1	0,5
Прибалт. кр. Курлян. губ.	(1888 г.	11.7	13.1	20,5	26,3	14,9	13,5
	(1899—900 г.	13,0	17,3	23,2	24,4	11,5	10,6
	(1905—6 г.	15·5	20,4	24,5	21,3	9,4	8,9
Всего Западъ	(1888—91 г.	21,8	42,0	15,9	11,7	4.5	4,0
	(1899—900 г.	29,5	47.4	12,3	7,3	2,0	1,5
	(1905—6 г.	32,2	50,2	10.3	5,2	1,3	0,8

Всѣ раіоны, по колебаніямъ средней обезпеченности, могутъ быть разбиты на три категоріи: 1) На такіе, въ которыхъ она понизилась болѣе или менѣе сильно—отъ 10% и выше 2) въ которыхъ она повысилась болѣе 10% и 3) въ которыхъ повышеніе или пониженіе мало замѣтно—менѣе 5%.

Между первой и второй переписями средняя обезпеченность сильно упала въ центрально—земледѣльческомъ раіонѣ, центрально промышленномъ, средне волжскомъ, сѣверо восточномъ, заволжскомъ, западно-малорусскомъ, литовско-бѣлорусскомъ и прибалтійскомъ—всего въ 8 раіонахъ изъ 9, на которые разбиты 38 губерній. Во всѣхъ этихъ раіонахъ произошла *подвижка внизъ*. Посмотримъ, какъ измѣнились процентныя отношенія слоевъ въ каждомъ раіонѣ.

Измѣненіе слоевъ въ %.

Раіоны	Измѣненіе средн. обезпечен. въ %	Безлош. двор.	Съ 1 лош.	2 лош.	3 лош.	4 и болѣе
Централь. землед.	—29,9	41,2	—12,8	—30,2	—56.8	—66,7
Западно—Малорос.	—24,0	9,1	—29,8	5,2	—39,6	—61,0
Сѣверо восточн.	—18.9	—13,4	7,3	—12,7	—40,0	—50,0
Средне-волж.	—18,7	—18,5	7,5	—23,1	—45,8	—50,0
Заволжск.	—16,2	—20,6	6,9	2,7	—13,6	—29,5
Центр. промыш.	—15,9	—23,3	3,9	—23,2	—42,2	—47,6
Литва и Бѣлорус.	—15,4	—24,7	7,9	—16,8	—38,6	—52,8
Прибалт.	—10,0	—70,8	0,3	—12,8	1,1	—23.0

Подвижка внизъ совершенно ясна; безлошадные и однолошадные дворы увеличились; начиная съ 2-хъ лошадныхъ идетъ пониженіе, растущее по мѣрѣ укрупнѣнія слоя. Верхніе крупные слои—3 и 4-хъ лошадныхъ потеряли всюду болѣе двулошадныхъ. Въ прибалтійскомъ краѣ двулошадные даже прибавились на 12,8%. Какъ общее правило—верхніе слои теряютъ въ два—три раза болѣе, чѣмъ падаетъ средняя обезпеченность. Менѣе всѣхъ колебаній испытали однолошадные дворы.

Въ одномъ раіонѣ—Новороссіи, гдѣ первая перепись была произведена въ 1891 г. а вторая, не въ примѣръ прочимъ, въ 1896 г. послѣ двухъ высоко—урожайныхъ лѣтъ—средняя обезпеченность поднялась на 14,5% и въ перегруппировкѣ слоевъ произошла общая *подвижка вверхъ*: не двусторонняя дифференціація, какъ упрямо, но безъ всякихъ доказательствъ, вопреки очевидности, продолжаетъ настаивать г. Масловъ, а именно подвижка вверхъ, какъ это видно всякому, имѣющему глаза, изъ слѣдующихъ измѣненій слоевъ въ %.

Безл.	Съ 1 л.	2 л.	3. л.	4 и бобѣе
—10,9	—9,9	-|-12,9	-|-17,1	-|-28,4

Намъ надоѣло въ третій разъ доказывать совершенно очевидную вещь: пусть г. Масловъ призадумается хоть разъ надъ такимъ вопросомъ: куда дѣвались „пролетарскіе“ нижніе слои безлошадныхъ и однолошадныхъ въ этой самой „дифференціаціи“—не превратились ли они въ „капиталистовъ“? Такую „дифференціацію“, хотя мы лично и не принадлежимъ къ сторонникамъ „капиталистическаго развитія“, мы искренно желаемъ всему россійскому крестьянству.

Мы уже объясняли, что эта подвижка вверхъ въ Новороссіи—результатъ хорошихъ урожаевъ. Крестьянство оправилось отъ прежнихъ бѣдъ, безлошадные купили по лошади и перешли въ слѣдующую группу—однолошадныхъ, однолошадные прикупили къ парѣ и т. д. Благосостояніе *всѣхъ* новороссійскихъ крестьянъ въ ихъ цѣломъ поднялось и всѣ группы передвинулись вверхъ. Между тѣмъ, въ сосѣднемъ Заволжьи, гдѣ экономическія условія аналогичны, гдѣ господствуетъ многоземелье и высокая обезпеченность рабочимъ скотомъ, благодаря тому, что вторая перепись была произведена послѣ неблагопріятныхъ лѣтъ (1899—1900 г.г.), какъ и въ другихъ раіонахъ, средняя обезпеченность упала и произошла подвижка внизъ.

Мы понимаемъ слѣпое упрямство г. Маслова: онъ построилъ всю свою теорію „дифференціаціи“ вслѣдствіе по-

вышенія благосостоянія и техническаго прогресса и „нивеллировки“ вслѣдствіе обнищанія, на зыбкой почвѣ старыхъ военно-конскихъ переписей. Согласись онъ съ тѣмъ, что ни дифференціаціи, ни нивеллировки эти переписи не обнаружили—вся его теорія рушится, какъ карточный домикъ. А между тѣмъ, онъ предвидитъ, въ ближайшемъ будущемъ, если не повышеніе благосостоянія, то „техническій прогрессъ“—развитіе крѣпкаго крестьянства и т. д. Въ такой моментъ отказаться отъ своей теоріи было бы слишкомъ обидно. Съ этой стороны, позиція г. Маслова естественна и понятна, тѣмъ болѣе, что „ученики“ толкованію фактовъ своими лидерами привыкли вѣрить вполнѣ догматически. Но мы не можемъ понять, какъ съ легкой руки г. Маслова, такой серьезный ученый, какъ г. Туганъ-Барановскій повторяетъ тотъ же взглядъ въ только что вышедшихъ „основахъ политической экономіи“. „Весьма вѣроятно (говоритъ онъ въ главѣ, посвященной русскому аграрному вопросу), что дифференціація крестьянства идетъ неодинаково въ различныхъ раіонахъ Россіи и что тамъ, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства складываются благопріятнѣе, наблюдается ростъ дифференцированности крестьянства—растутъ группы болѣе зажиточныхъ крестьянъ, что можетъ сопровождаться одновременнымъ ростомъ и сельскаго пролетаріата,—а тамъ гдѣ крестьянское хозяйство не развивается, происходитъ выравниваніе крестьянства на почвѣ общей нищеты“ (стр. 329). Вотъ къ какимъ недоразумѣніямъ приводитъ неправильное употребленіе терминовъ. Если бы г. Туганъ-Барановскій потрудился самъ заглянуть въ цифры, онъ бы убѣдился, что тамъ „гдѣ условія крестьянскаго хозяйства становятся благопріятнѣе“ растутъ не только группы зажиточныхъ крестьянъ, но *подымается уровень благоеостоянія всѣхъ слоевъ*, происходитъ общая „подвижка вверхъ“, при которой кадры сельскаго пролетаріата не ростутъ, а убываютъ; а тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство не развивается, происходитъ не *выравниваніе* крестьянства, а *подвижка внизъ*, т. е. сокращеніе и *верхнихъ* и *среднихъ* слоевъ и ростъ нижнихъ. Сокращеніе среднихъ слоевъ (двулошадныхъ) доказываетъ, что терминъ „выравниваніе“ или нивеллировка къ данному процессу *никоимъ образомъ приложенъ быть не можетъ*.

Тамъ же, гдѣ измѣненія въ уровнѣ обезпеченности невелики, происходитъ уже не односторонній, а *двусторонній* процессъ перегруппировки, который мы имѣемъ возможность наблюдать въ нѣкоторыхъ раіонахъ при третьей военно-конской переписи (1904—6 г.г.). Эта перепись обнаружила легкій подъемъ средней обезпеченности, причемъ наибольшій ростъ

ея оказался въ Заволжьи и на сѣверо-востокѣ [1]) менѣе 5% подъемъ средней обезпеченности произошелъ въ центрально земледѣльческомъ раіонѣ среднемъ Поволжьи.

Болѣе 5% упала средняя обезпеченность во всѣхъ западныхъ раіонахъ: прибалтійскомъ, литовско-бѣлорусскомъ и въ западной Малороссіи; менѣе 5%—въ Новороссіи и промышленномъ центрѣ. Такимъ образомъ, значительный подъемъ обезпеченности двора оказался въ 2 раіонахъ, паденіе—въ 3-хъ слабый подъемъ въ 2-хъ и слабое паденіе—тоже въ 2-хъ. Какія же колебанія въ слояхъ вызвали эти измѣненія обезпеченности.

А) Раіоны съ повышеніемъ обезпеченности болѣе 10%:

	Измѣнен. средней обезпеч. въ %	Безлош.	Съ 1 лош.	Съ 2 лош.	Съ 3 лош.	4 и бол.
Заволжскій. .	+12,2	—25,0	+0,9	+13,6	+28,4	+16,4
Сѣверо-восточ.	+10,3	— 8,3	—4,6	+ 6,5	+24,1	+71,0

Б) Раіоны съ пониженіемъ средней обезпеченности болѣе 5%:

Прибалтійскіе.	—13,7	+78,1	+3,0	+ 1,5	— 8,9	—17,3
Литов.-Бѣлор.	—10,0	+19,9	—1,1	—13,8	—20,9	—29,4
Запад.-Малор.	— 6,3	+ 2,1	+1,1	+ 1,5	—28,1	—39,1

Передъ нами процессы такого же характера, какъ и во вторую перепись: подвижка вверхъ и внизъ, качанія группировокъ въ разныя стороны, подобныя качанію доски: то одинъ конецъ опускается, а другой подымается, то наоборотъ, смотря по колебаніямъ указательной стрѣлки средней обезпеченности.

Также средніе слои остаются наиболѣе устойчивыми, также верхніе слои даютъ maximum паденія при подвижкѣ внизъ. Какъ новость, можно только отмѣтить, что, при подвижкѣ вверхъ, верхніе слои имѣющіе болѣе 4 лошадей, поднялись менѣе сильно, чѣмъ 3-хъ лошадные дворы: зато на сѣверо-востокѣ они увеличились сразу на 71%, что, впрочемъ, вѣроятно, объясняется несоизмѣримостью второй и третьей переписей (см. примѣчаніе).

Посмотримъ, какіе процессы произошли въ раіонахъ со слабыми колебаніями обезпеченности.

---

[1]) Впрочемъ, въ сѣверо-восточномъ раіонѣ этотъ ростъ, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что вторая перепись не коснулась 4 многолошадныхъ уѣздовъ Пермской губ., переписанныхъ въ 1905 г. (такъ же какъ и въ 1891 г.). При вычисленіи отношеній эта неизмѣримость территоріи раіона въ разныя переписи не такъ важна.

А) Раіоны съ повышеніемъ обезпеченности.
(Измѣненіе слоевъ въ %).

	Колебан. средн. обезпечн.	Безлош.	Съ 1 лош.	Съ 2 лош.	Съ 3 лош.	4 и бол.
Средне-волжск. .	+4,5	—5,0	+1,6	+7,2	+3,1	—7,1
Централ. земл. .	+2,2	—3,1	+0,5	+4,9	+2,6	—0.0

Б) Раіоны съ пониженіемъ обезпеченности:

Новороссія . . .	—4,5	+5,3	—12,7	+2,1	—4,2	—13,9
Центр. промыш. .	—1,1	+1,5	— 0,4	—0,0	—3,9	—18,2

При слабомъ *повышеніи* средней обезпеченности обнаруживается ясно процессъ *нивеллировки;* при слабомъ пониженіи процессъ не вполнѣ ясенъ и колеблется, по типу, между нивеллировкой и подвижкой внизъ: нижніе слои возрастаютъ, верхніе убываютъ, но и слой двулошадныхъ или возростаетъ, или остается безъ перемѣны. Попробуемъ выяснить типы процессовъ на распредѣленіи массъ лошадей по группамъ дворовъ.

Измѣненія % рабочихъ лошадей:

		У одно-лошадн. двор.	Съ 2 лош.	Съ 3 лош.	4 и болѣе.
Раіоны съ повыш. обезпеч.	Средне-волжск.	—2,2	+3,2	+0,9	— 1,5
	Централ. земл.	—1,5	+3,9	—0,8	— 6,3
Раіоны съ пониж. обезпеч,	Новороссія . .	—9,1	+6,7	+2,8	— 9,0
	Централ. пром.	+0,9	+1,0	0,0	—16,3

Здѣсь уже мы видимъ яснѣе, что перегруппировка *массъ* лошадей даже въ раіонахъ съ пониженіемъ обезпеченности, тянетъ въ сторону нивеллировки; въ Новороссіи нивеллировка совершенно правильна, но въ промышленномъ центрѣ правильность испорчена увеличеніемъ скота у одно-лошадныхъ дворовъ.

Теперь мы можемъ подвести предварительные итоги. Сопоставленіе группировокъ съ колебаніями обезпеченности, какъ по всѣмъ 38 губерніямъ, такъ и по отдѣльнымъ раіонамъ даетъ такія правильности.

1) Болѣе сильныя повышенія и пониженія уровня средней обезпеченности вызываютъ неизбѣжно односторонніе процессы общихъ подвижекъ *вверхъ* и *внизъ*. При подвижкахъ внизъ наиболѣе страдаютъ верхніе слои—многолошадныхъ крестьянскихъ дворовъ; они же часто (хотя не всегда) даютъ максимальное возрастаніе и при подвижкѣ вверхъ. Отсюда

выводъ—*верхніе слои представляются наименѣе устойчивыми группами крестьянскихъ хозяйствъ.*

Также сильно колеблятся нижніе слои; наиболѣе устойчивы *средніе.*

2) При *слабомъ* повышеніи обезпеченности (менѣе 5%) появляется третій *двусторонній процессъ нивеллировки слоевъ* —возростаніе среднихъ за счетъ крайнихъ. При слабомъ пониженіи процессъ этотъ не такъ ярко выраженъ: признаки его, несомнѣнно, существуютъ, но въ смѣшанномъ видѣ съ признаками, характеризующими подвижку внизъ. Поэтому, можно думать, что *легкое повышеніе обезпеченности болѣе благопріятно процессамъ, нивеллирующимъ хозяйства крестьянскихъ массъ, чѣмъ слабое пониженіе.*

Спеціальную провѣрку этихъ положеній на данныхъ военно-конскихъ переписей мы продѣлали для II тома „Борьбы за землю“ съ имѣвшимися у насъ тогда матеріалами 1888—1893 г.г. и 1890—1900 г.г. Измѣненія слоевъ были прослѣжены по отдѣльнымъ губерніямъ (по рабочимъ лошадямъ), числомъ 38, въ связи со средней обезпеченностью двора. Всѣ 38 губерній мы разбили на пять группъ: 1) на губерніи, гдѣ средняя обезпеченность двора повысилась или осталась безъ перемѣны: такихъ губерній оказалось 3. 2) Съ пониженіемъ обезпеченности до 10%—9 губ. 3) отъ 10 до 20%—15 губ. 4) отъ 20 до 30%—7 г. и 5) свыше 30%4 г. По каждой губерніи опредѣлены типы процессовъ. Оказалось:

Число губерній:

	съ подвижкой внизъ.	съ подгижкой вверхъ.	съ нивелировкой.
I груп. (съ повышен. обезпеченности) . .	—	2	1
II груп. (съ понижен. до 10%)	7	—	2
III груп. (отъ 10 до 20%)	15	—	—
IV груп. (20—30%) .	7	—	—
V груп. (св. 30%) . .	4	—	—
Всего . .	2	2	3

Измѣненія слоевъ по перечисл. группамъ были таковы:

А) Измѣненія % дворовъ.

	Безл.	Съ 1 л.	Съ 2 л.	Съ 3 л.	4 и болѣе.
I груп. съ повыш. обезпеченности. .	—17,1	+10,2	+18,2	+13,9	— 0,9
II груп. съ пониженіемъ до 10% . .	+ 3,8	+ 3,7	— 5,7	—15,4	—23,9

	Безл.	Съ 1 л.	Съ 2 л.	Съ 3 л.	4 и болѣе.
III груп. съ пониженіемъ 10—20%. .	+20,4	+ 5,6	—15,6	—32,4	—43,6
IV груп. 20—30% .	+27,7	+11,2	—14,7	—42,3	—62,3
V груп. св. 30% .	+43,6	+ 9,5	—36,2	—63,3	—70,3

Б) Измѣненія % рабочихъ лошадей.

	Съ 1 лош.	2 л.	3 л.	4 и бол.
I груп. съ повышеніемъ обезпечен. .	— 1,0	+7,4	+ 5,4	— 6,5
II груп. съ пониж. до 10%	+10,8	—3,3	—13,4	—19,0
III гр. отъ 10 до 20%.	+22,8	—1,6	—22,4	—33,8
IV гр. 20—30% . .	+43,3	+9,3	—27,0	—50,0
V гр. свыше 30% .	+57,5	—7,0	—45,7	—59,0

При такомъ комбинированіи матеріала, получилось болѣе яркое и точное цифровое выраженіе выставленныхъ сейчасъ положеній.

1) Изъ 38 губерній въ 33 произошла подвижка внизъ, въ 2 подвижка вверхъ и въ 3-хъ—нивеллировка. Губерній, въ которыхъ оказалась бы дифференціація,—*нѣтъ ни одной.*

2) Группа губерній съ повышеніемъ средней обезпеченности дала *нивеллировку*; всѣ прочія—подвижку внизъ, совершенно правильно возростающую по мѣрѣ паденія средней обезпеченности. Пропорціональность между повышеніемъ нижней и сокращеніемъ верхней группы достигаетъ такой точности, какой мы не встрѣчали въ группировкахъ по раіонамъ.

При пониж. средн. обезп. до 10% нижній слой увелич. на 3,8%, верх. падаетъ на 23,9%.

10—20	20,4	43,6
20—30	27,7	62,3
св. 30	43,6	70,3

Легко увидѣть, что цифры, выражающія повышеніе нижняго слоя безлошадныхъ совпадаютъ съ гранями пониженія средней обезпеченности, т. е. безлошадные увеличиваются, приблизительно, на столько же %, на сколько понижается средняя обезпеченность; верхній слой (съ 4 и болѣе лошадьми) сокращается *вдвое* болѣе высшей грани средней обезпеченности. Здѣсь мы встрѣчаемъ правильность, граничащую съ понятіемъ эмпирическаго закона. По отдѣльнымъ губеніямъ уклоненія отъ этого закона встрѣчаются въ 6 губ. изъ 38.

3) Среднія группы одно и двулошадныхъ оказались наиболѣе устойчивыми. При всеобщемъ сокращеніи средней обезпеченности, % однолошадныхъ увеличивается, дву-ло-

шадныхъ—уменьшается, т. к. двулошадные переходятъ въ однолошадныхъ. Но если просуммировать эти два слоя, то окажется, что оба средніе слои поколебались очень мало.

При повышеніи средней обезпеченности средніе слои увеличил. на 1.3%
При пониженіи до 10% „ „ „ „ 1.3%
„ „ 10—20% „ „ уменьш. „ 2,9%
„ „ 20—30% „ „ „ „ 0,9%
„ „ свыше 30% „ „ „ „ 7%

При всякомъ пониженіи средней обезпеченности, средніе слои почти ничего не теряютъ, т. е. болѣе устойчивы, чѣмъ всѣ остальные; при повышеніи ея они стремятся вверхъ, тогда какъ другіе упадаютъ.

На этомъ мы покончимъ съ военно-конскими переписями. При желаніи, изъ нихъ можно было бы извлечь еще много любопытныхъ и важныхъ выводовъ, но мы боимся перегрузить нашу книгу „цифрью“, которая, хотя необходима и неизбѣжна въ подобной работѣ, но, какъ говаривалъ философъ Хома Брутъ, „въ большомъ количествѣ нестерпима“ для публики.

B) Земскія переписи скота.

По нашимъ матеріаламъ, какія либо свѣдѣнія динамическаго характера по скотоводству даются земской статистикой въ 60 уѣзд. 11 губ., т. е. во много разъ меньше, чѣмъ военно-конскими переписями. За то, во 1-хъ промежутокъ между двумя переписями значительно больше—обычно около 15 лѣтъ. что гарантируетъ большую устойчивость процессовъ, ихъ меньшую зависимость отъ случайныхъ явленій, во 2-хъ—онѣ сообщаютъ свѣдѣнія не только о рабочемъ, но и о другихъ видахъ скота. По тремъ губерніямъ есть матеріалы 3-хъ переписей и по двумъ изъ нихъ—начиная съ 60-хъ г.г. Съ нихъ мы и начнемъ.

		На одинъ дворъ лош. и раб. скота.	Коровъ.	% двор. безъ раб. скота.	Безъ коровъ.
Ярославская губ. (вся).	1862 г.	1,06	2,01 (1868 г.	12,7	—
	1898 г.	0,76	1,94	35,3	—
	1902 г.	0,79	1,83	35,3	—
Московская губ. (вся),	1883 г.	0,91	1,02	41,1	33,7
	1895 г.	0,83	1,25	38,8	28,0
	1904 г.	0,75	1,18	44,2	31,7
Самарской г. Николаев. у.	1867 г.	4, 0	3,09	—	—
	1888 г.	2,80	3,05	10,71	—
	1899 г.	2,22	3,25	14,16	—

Средняя обезпеченность рабочимъ скотомъ понизилась довольно сильно—особенно въ Самарской губ., гдѣ она упала почти вдвое: но обезпеченность молочнымъ скотомъ, увеличилась, сравнительно съ первой переписью, по Московской и Самарской губ., по Ярославской же упала относительно меньше, чѣмъ по рабочему скоту. Тоже самое мы видали и раньше: по большей части, молочный скотъ абсолютно возрастаетъ болѣе и, во время хозяйственныхъ кризисовъ, сохраняется лучше, чѣмъ рабочій. Земскія переписи показываютъ намъ, что повышеніе средней обезпеченности молочнымъ продуктивнымъ скотомъ, при пониженіи обезпеченности рабочимъ, представляетъ обычное явленіе. Мы имѣемъ данныя по тому и другому виду скота по 52 уѣздамъ. Если разгруппировать ихъ, какъ мы поступали съ военно-конскими переписями по % повышенія и пониженія, то окажется.

Уѣзды въ которыхъ средняя обезпеченность на дворъ.	Рабочихъ лошадей		Коровъ.	
	Абс. число уѣздовъ.	% ко всѣмъ.	Абс. число уѣздовъ.	% ко всѣмъ.
Повысилась . . .	6	11,5	22	42,3
Понизилась до 10 %	13	25,0	18	34,6
„ 10—20 %	23	44,2	9	17,3
„ 20—30 %	8	15.4	2	3,9
„ св. 30 %	2	3,9	1	1,9

Въ то время, какъ среднее обезпеченіе двора конской рабочей силой повысилось лишь въ 11,5% уѣздовъ—обезпеченіе молочнымъ скотомъ увеличилось въ 42,3% у. Повышеніе или слабое пониженіе количества молочнаго скота имѣло мѣсто въ $^3/_4$ уѣздовъ, сильное пониженіе рабочаго скота (свыше 10%)—въ $^2/_3$ уѣздовъ. Такимъ образомъ, крестьяне, теряя въ большомъ количествѣ рабочихъ лошадей (что доказано и военно-конскими и земскими переписями) *или увеличиваютъ или сохраняютъ продуктивный молочный скотъ.*

Возростаніе молочнаго скота наблюдается не только въ промышленномъ подстоличномъ раіонѣ (Московская, Ярославская губ.), но и въ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ, какъ Саратовская, Воронежская и въ восточныхъ—Вятской, Самарской, откуда можно заключить, что молочный скотъ имѣетъ не только промысловое, но и *потребительное* значеніе для крестьянъ и ростъ его связанъ съ ростомъ населенія, какъ указалъ г. Черненковъ.

Групировки земскихъ переписей по рабочему скоту вполнѣ подтверждаютъ данныя военно-конскихъ: соизмѣримыя и полныя группировки имѣются у насъ по 28 уѣз., 6 губерн. Изъ этихъ 28 уѣз. 18 даютъ подвижку внизъ,

2 уѣз. подвижку вверхъ и 8 уѣз.—*нивеллировку*. Разгруппировавъ ихъ принятымъ выше способомъ, получаемъ такія измѣненія слоевъ въ %.

	Нижняго слоя (безлош.)	Средн. (въ 1—2 л.)	Верх. (съ 3 и болѣе лошад.).	Число уѣзд. въ котор. произошла подвижка: Внизъ.	Вверхъ.	Нивел.
4 уѣзда съ повыш. сред. обезпеченности . .	—10,5	+4,6	— 0,0	—	2	2
8 уѣзд. съ понижен. до 10%	— 1,6	+3,7	—16,0	3	—	5
15 уѣзд.—отъ 10 до 20% . . .	+18,7	—4,9	—28,0	14	—	1
1 уѣз.—св. 20%	+16,4	+5,1	—15,8	1	—	—

Въ общемъ, по земскимъ переписямъ пониженіе средней обезпеченности слабѣе, чѣмъ по военно-конскимъ, откуда происходитъ и болѣе замѣтное возростаніе среднихъ слоевъ и чаще повторяющіеся случаи *нивеллировки*. Нивеллировку даютъ уѣзды не только съ повышеніемъ средней обезпеченности, но и со слабымъ пониженіемъ до 10%. Такимъ образомъ, земскія переписи расширяютъ и углубляютъ выводы, сдѣланные по военно-конскимъ.

Въ разсмотрѣнную группировку, благодаря своей несоизмѣримости, не вошли данныя по Вяземскому уѣзду Смоленской губ., Николаевскому—Самарской и по всей Полтавской губ. Благодаря особеннымъ условіямъ работы, у насъ нѣтъ сейчасъ подъ руками матеріаловъ по всей Полтавской губ. и мы ихъ разсмотримъ въ приложеніи. Теперь мы имѣемъ только данныя по Лохвицкому и Роменскому уѣзд. Изъ всѣхъ 4 уѣзд. три были разсмотрѣны г. Румянцевымъ въ сборникѣ „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“ и на основаніи ихъ онъ вывелъ „фактъ экономической дифференціаціи крестьянства“. Поэтому они требуютъ усиленнаго вниманія.

% измѣненія каждаго слоя.

	Безъ рабоч. скота.	Съ 1 гол.	2—3 г.	4 г.	5—10	10—20	Св. 20 гол.
Николаевскій у. Самарск. губ.	+32,3	+42,0	+12,6	—19,1	—41,4	—45,3	—61,0

	Безъ рабоч. скота.	Съ 1 гол.	2—3 г.	4—6 г.	7 и болѣе.
Полтавской г.					
Роменскій у.	+ 9,4	— 2,0	— 0,3	—18,4	+16,6
Лохвицкій у.	— 5,6	+ 5,7	3,2	— 3,5	0,0

	Безъ круп. скота.	До 3 гол.	3—6 гол.	Св. 6 гол.
Смоленской г.				
Вяземскій у.	—24,1	— 0,9	-|- 8,5	-|- 2,4

Въ Николаевскомъ уѣздѣ передъ нами совершенно ясная подвижка внизъ, въ Вяземскомъ—подвижка вверхъ, съ нѣкоторой тенденціей къ нивеллировкѣ, такъ какъ слой съ 3—6 головами крупнаго скота увеличился больше, чѣмъ верхній—свыше 6 головъ; въ Лохвицкомъ—ясная нивеллировка; и только Роменскій уѣздъ даетъ, дѣйствительно, *дифференціацію*, возростаніе двухъ крайнихъ группъ—безъ рабочаго скота и имѣющихъ свыше 7 головъ, за счетъ среднихъ. Это, пока, первый случай дифференціаціи, который мы наблюдаемъ и происходитъ онъ при *повышеніи* средней обезпеченности.

Однако, всматриваясь въ цифры, приводимыя г. Румянцевымъ, мы замѣчаемъ нѣкоторую странность, которая повторяется и въ другихъ группировкахъ: именно, поуѣздные итоги даютъ совсѣмъ не тотъ результатъ, на который указываютъ группировки по двумъ главнымъ разрядамъ землевладѣльцевъ: казакамъ и крестьянамъ-собственникамъ.

$^0/_0$ измѣненія слоевъ.

	Безъ раб. скота.	Съ 1 г.	2—3	4—6	7 и бол.
Казаки . . .	—2,1	—0,5	-|-4,1	— 5,0	-|- 6,3
Крестьяне . .	—0,3	+0,8	+2,9	—15,9	+40,0

Въ этихъ разрядахъ произошла довольно сложная перетасовка слоевъ, но такого типа, что ее никакъ нельзя назвать двусторонней дифференціаціей, т. к. нижній слой—дворовъ безъ рабочаго скота *сократился*. Не будетъ это и правильной систематической подвижкой вверхъ, т. к. одинъ изъ верхнихъ слоевъ подвергся уменьшенію. Выходитъ, какъ будто, что здѣсь, подъ вліяніемъ подъема средней обезпеченности (у казаковъ на 19,5$^0/_0$, у крестьянъ на 26,7$^0/_0$) произошла не одна, а *двѣ* подвижки вверхъ: средній слой съ 2—3 головами увеличился за счетъ нижнихъ, а самый верхній, „капиталистовъ“ имѣющихъ болѣе 7 головъ—за счетъ промежуточнаго съ 4—6 гол

Во всякомъ случаѣ, слой безлошадныхъ „пролетаріевъ“ убылъ и это доказываетъ, что дифференціаціи, никоимъ образомъ не произошло. Почему, въ итогѣ вмѣсто убыли, получилась прибыль—могутъ объяснить лишь абсолютныя числа первоисточника.

Переходимъ къ группировкамъ по коровамъ, имѣющимся по 26 уѣздамъ (10 уѣзд. Ярославской, 13 Московской и 3 Вятской).

% измѣненія слоевъ.

	Безъ коров.	Съ 1 коров.	Съ 2 коров.	Съ 3 коров.	Съ 4 коров.	Съ 5 и бол.
Ярославск. губ.	+13,3	+7,7	—5,3	—22,2	—24,1	—23,4

Въ этой губерніи мы видимъ ясную и полную подвижку внизъ.

По Московской губерніи мы можемъ сопоставить группировки за 3 періода.

	Безъ коров.	Съ 1 голов.	Съ 2 голов.	3, 4 и болѣе.		Изм. средн. обезп.
1883— 95 г.г.	—12,2	—5,2	+10,6	+60,0		+16,6
1895—905 г.г.	+ 7,1	—7,6	+2,4	+5,2	—8,6	— 0,9

Во вторую перепись произошла характерная подвижка вверхъ, благодаря увеличенію средней обезпеченности; въ третью, ея слабое пониженіе вызвало частью подвижку внизъ, смѣшанную съ нѣкоторыми признаками нивеллировки, какъ и по военно-конскимъ переписямъ. Наконецъ, вятскіе уѣзды даютъ подвижку вверхъ.

	Безъ коров.	Съ 1 коров.	Съ 2 и бол.	Изм. средн. обезп.
Слободской , .	—17,5	+3,3	+ 1,7	—3,2
Орловской . . .	—25,9	+2,5	+ 3,5	+1,6
Вятской. . . .	—49,0	+9,6	+15,0	+6,8

Итакъ, и въ группировкахъ по молочному скоту, мы видимъ то подвижку вверхъ, то внизъ, то нивеллировку, въ зависимости отъ колебаній средней обезпеченности, но нигдѣ эти измѣненія, какого бы характера они ни были, не приводятъ къ двусторонней дифференціаціи. Чтобы окончательно убѣдиться, дѣйствительно ли проявленіе этого процесса въ народно-хозяйственной жизни также трудно найти, какъ какой нибудь рѣдкій алмазъ въ природѣ, мы опустились къ самымъ дробнымъ группировкамъ по *волостямъ* и *поселкамъ*, изучивъ динамику скотоводства въ 72 волостяхъ Вятской губерніи и 36 поселкахъ Вяземскаго уѣзда (а также по старымъ даннымъ поселковъ Елецкаго уѣзда). Изъ этого числа перегруппировки слоевъ (по рабочему скоту) дали такіе типы процессовъ.

	Подвижку внизъ.	Подвижку вверхъ.	Нивелли-ровку.	Дифферен-ціацію.
Изъ 72 волостей.	4	32	34	2
Изъ 36 поселк. .	19	3	12	2

Слѣдовательно, дифференціація почти не имѣетъ мѣста даже въ самыхъ дробныхъ территоріальныхъ единицахъ, гдѣ наоборотъ, нивеллировка встрѣчается, повидимому, гораздо чаще, чѣмъ при разсмотрѣніи большихъ чиселъ.

Въ общемъ итогѣ, анализъ группировокъ по рабочему скоту, по земскимъ матеріаламъ указываетъ на такіе типы процессовъ эволюціи распредѣленія въ процентахъ.

	Подвиж. внизъ.	Подвиж. вверхъ.	Нивелли-ровка.	Диффе-ренціація
По 28 уѣздамъ.	64,3	7,1	28,6	0,0
„ 36 поселк. .	52,8	8,3	33,3	5,6
„ 72 волост. .	5,5	44,5	47,2	2,8

Изъ 28 уѣздовъ, 36 поселковъ и 72 волостей дифференціація нашлась только въ 2 поселкахъ и 2 волостяхъ (если не считать подозрительнаго Роменскаго уѣзда).

Общій выводъ: *по земскимъ матеріаламъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ нивеллирующіе процессы сказываются сильнѣе, чѣмъ по военно-конскимъ переписямъ.* Но эта тенденція къ нивеллировкѣ остается въ значительной долѣ скрытой въ группировкахъ по рабочему скоту, т. к. крестьяне сокращаютъ этотъ видъ скота не только вслѣдствіе обнищанія, но и благодаря простому хозяйственному разсчету. Отсюда, всѣ перегруппировки по рабочему скоту пріобрѣтаютъ, отчасти, искуственный наклонъ внизъ, и „органическое“ стремленіе слоевъ къ нивеллировкѣ, въ сильной степени затушевывается. Не такъ обстоитъ дѣло съ другими болѣе важными и устойчивыми элементами хозяйства, къ которымъ мы и переходимъ.

Г) Землевладѣніе и землепользованіе (надѣлы, посѣвы, купчая земля, аренда, сдача, способы обработки).

Крестьянское населеніе возростало; возростая оно оставалось на землѣ. Естественно ожидать дробленія надѣловъ и пониженія средней обезпеченности двора землей. Но вотъ вопросъ, было ли это пониженіе одинаковымъ съ паденіемъ обезпеченности рабочимъ скотомъ, или послѣднее опережало первое вслѣдствіе только что изложенной причины? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующая табличка.

	Надѣлы. Абс. число уѣздовъ.	%	Рабочій скотъ. (% уѣздовъ).
Уѣзды съ повышеніемъ обезпеченности. . .	5	14,7	11,5
Съ пониженіемъ до 10%	14	41,2	25,0
Отъ 10 до 20% . . .	14	41,2	44,2
Свыше 20%.	1	2,9	19,3

Относительное паденіе численности рабочаго скота превышаетъ дробленіе надѣловъ, откуда еще разъ подтверждается выводъ, что колебаніями этого вида скота нельзя измѣрять колебанія въ уровнѣ всего крестьянскаго хозяйства, что этотъ барометръ не такой точный, какъ думаютъ многіе изслѣдователи.

Но этого мало: мы знаемъ, что пониженіе средней обезпеченности рабочимъ скотомъ если оно превышаетъ извѣстную норму, непремѣнно влечетъ за собой односторонній процессъ *подвижки внизъ*, выражающійся, между прочимъ, въ повышеніи числа двулошадныхъ дворовъ. Такой пропорціональности между колебаніями среднихъ величинъ надѣловъ и перегруппировками слоевъ по надѣльному землевладѣнію не оказывается совершенно.

УѢЗДЫ.	Измѣненія средней величины надѣла на 1 дв. въ % (+ или —).	Процентъ безнадѣльн. дворовъ. Въ I перепись.	Во II переписи.	Измѣненіе слоя безнадѣльн. въ % (+ или —).
Екатеринбургскій .	+29,7	24,4	16,3	—33,7
Нолинскій	+ 3,2	2,9	3,7	+27,6
Слободской. . . .	+0,96	2,1	1,3	—38,1
Вятскій	— 2,2	2,3	1,1	—52,2
Орловскій	— 2,3	1,5	1,5	0,0
Котельническій . .	— 3,4	5,4	8,2	+51,9
Острогожскій . . .	— 4,3	7,3	5,7	—21,9
Нижнедѣвицкій . .	— 6,2	0,5	0,3	—40,0
Кромской	— 8,0	3,4	2,2	—38,2
Подольскій. . . .	—11,0	7,7	15,5	+101,3
Коротоякскій . . .	—11,2	2,6	1,1	—57,7
Новоладожскій . .	—14,0	15,5	13,6	—12,0
Землянскій. . . .	—15,6	0,8	1,1	+37,5
Задонскій	—16,4	1,8	1,9	+ 5,6
Вяземскій	—15,5	11,14	6,92	—38,1
Московскій	—22,0	10,3	13,3	+29,1
Сычевскій	?	11,4	5,8	—45,6
Дмитровскій . . .	?	6,4	5,1	—20,3

Размѣры надѣла повысились или слабо понизились только въ уѣздахъ Пермской и Вятской губерній; въ остальныхъ произошло болѣе или менѣе сильное сокращеніе: но процентъ безнадѣльныхъ дворовъ увеличился только въ 6 уѣзд. изъ 18.

Въ большинствѣ случаевъ, пониженіе средней величины надѣла на дворъ, связано не съ увеличеніемъ, а съ *уменьшеніемъ числа безнадѣльныхъ*. Уменьшеніе безнадѣльныхъ можетъ указывать или на подвижку вверхъ или на нивеллировку; такъ какъ подвижки вверхъ, въ силу сокращенія надѣльнаго обезпеченія, никоимъ образомъ нельзя ожидать, то остается предположить, что въ распредѣленіи надѣловъ произошелъ процессъ *нивеллировки*. Группировки по надѣльной землѣ въ двѣ переписи имѣются у насъ по 12 уѣздамъ 5 губерній, и изъ этого числа въ 9 уѣздахъ мы констатировали нивеллировку, въ 2—подвижку внизъ и въ 1 подвижку вверхъ.

Сводка группировокъ по 9 уѣздамъ (Вятской, Воронежской и Нижегородской), въ которыхъ произошла нивеллировка и въ которыхъ грани группировокъ одинаковы, даетъ такіе цифры.

% дворовъ.

	Безнадѣльн.	До 5 дес.	5—15 дес.	15—25 д.	Св. 25 д.
Вятская губ. (1886—93 гг.	2,0	4,4	39,9	32,4	21,3
(3 уѣзда). (1900— 1 гг.	1,3	3,9	39,9	36,0	18,9
Измѣнен. слоевъ въ % .	—35,0	—11,4	— 0,0	+11,1	—11,3
Воронеж. губ. (1885—7 гг.	3,3	19,7	53,6	17,2	6,2
(5 уѣзд.). (1900 г.	2,6	23,1	54,2	15,5	4,6
Измѣнен. слоевъ въ % .	—21,2	+12,2	+1,1	—9,9	—25,8
Нижегород. г. (1889 г. . .	6,3	26,4	61,9	10,9	0,8
(1 уѣздъ) (1901 г. . .	4,8	33,0	57,9	8,3	0,8
Измѣненіе слоевъ въ % .	—23,9	+25,0	—6,4	—23,8	0,0

Въ этихъ уѣздахъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ земельнаго надѣла, имѣвшимъ мѣсто въ 8 уѣздахъ изъ 9, *произошло болѣе уравнительное распредѣленіе земли*. Земля стала цѣннѣе, потребность въ ней увеличилась, а увеличеніе потребности привело въ нивеллировкѣ этого основного средства производства. Какимъ бы путемъ ни произошла эта нивеллировка: посредствомъ ли семейныхъ раздѣловъ, или общинныхъ пе-

редѣловъ, но она несомнѣнный фактъ, отмѣченный повторными переписями въ большинствѣ уѣздовъ. Но что всего замѣчательнѣе—это фактъ очень большой нивеллировки землевладѣнія у крестьянъ *Царства Польскаго*, гдѣ мы имѣемъ сплошныя массовыя данныя по всѣмъ 10 губерніямъ за 34 года (заимствованныя изъ стат. справочн. вып. I).

	Абсол. число хозяйствъ въ тыс.				% отношенія		
	До $1^1/_2$ д.	$1^1/_2$-$7^1/_2$ десят.	Св. $7^1/_2$ десят.	Средній размѣръ надѣла.	До $1^1/_2$ д.	$1^1/_2$-$7^1/_2$ десят.	Св. $7^1/_2$ десят.
1870 г. .	129,2	240,8	222,6	7,2	21,8	40,6	37,6
1904 г. .	126,3	506,3	145,5	5,9	16,2	65,0	18,8
Изм. въ %	—2,2	+110,3	—34,6	—18,0	—25,2	+60,1	—50,0

Средній надѣлъ понизился на цѣлыхъ 18% и все-таки, вмѣсто подвижки внизъ произошла рѣзкая и сильная нивеллировка. Царство Польское, по условіямъ производства, подходитъ къ сосѣдней Германіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь царитъ „священный“ принципъ частной собственности на землю, какъ тамъ, такъ и здѣсь сельское хозяйство интенсифицируется довольно быстро; наконецъ, и тутъ и тамъ избыточное сельское населеніе уходитъ въ города и переселяется за океанъ. Развитіе индустріи, городовъ, а вмѣстѣ съ ней, отливъ сельскаго населенія, также какъ и интенсификація сельскаго хозяйства, въ Польшѣ, конечно, не такъ сильны какъ въ Германіи: въ этомъ отношеніи Польша представляетъ переходную ступень отъ земледѣльческой Россіи съ экстенсивнымъ хозяйствомъ къ промышленной Германіи. Земледѣльческая Германія, можетъ быть, во многихъ отношеніяхъ, является прообразомъ будущаго земледѣльческой Россіи, если принять въ соображеніе стремленіе нашего правительства насадить частную земельную собственность. И вотъ недавно опубликованная перепись 1907 г окончательно устанавливаетъ, какого перераспредѣленія земли между различными группами хозяйствъ можно ожидать въ Европейской Россіи, если въ ней сельское населеніе станетъ отливать въ большомъ количествѣ въ города и эмигрировать въ Азію, если земледѣліе будетъ быстро прогрессировать и, если всюду распространится частная собственность на землю.

А) % хозяйствъ.

	До 2 гект.	2—5	5—20	20—100	Св. 100.
1882 года . .	58,0	18,6	17,6	5,3	0,5
1895 „ . .	58,2	18,3	18,0	5,0	0,5
1007 „ . .	58,9	17,5	18,7	4,5	0,5
% измѣн. сравтел. съ 1882 г.	+1,5	—5,9	+5,7	—15,1	0,0

Б) % площади.

1882 года . .	5,7	10,0	28,8	31,1	24,4
1895 „ . .	5,6	10,1	29,9	30,3	24,1
1907 „ . .	5,4	10,4	32,8	29,3	22,1
% измѣн. сравтел. съ 1882 г.	—5,2	+4,0	+14,3	—5,8	—9,1

Распредѣленіе сельско-хозяйственной территоріи систематически нивеллируется. Мы знаемъ, отчего происходитъ эта нивеллировка: мелкія парцельныя хозяйства, если только они не поддерживаются другими промыслами, бросаютъ земледѣліе и уходятъ въ другія мѣста искать счастія. Происходитъ отмираніе нижняго слоя и земля отъ него переходитъ къ слѣдующимъ группамъ крестьянъ.

Но въ то же время средне-крестьянскія хозяйства (съ 5—20 гектарами) оказываются технически и экономически настолько крѣпкими, что отвоевываютъ землю и у нижнихъ и у *верхнихъ* группъ. Такого процесса можно ожидать и въ Россіи: что верхнія группы, группы нетрудовыхъ землевладѣльцевъ дробятся, теряютъ землю—это твердо установлено фактами, изложенными въ предыдущихъ §§: крупное хозяйство и особенно крупное замлевладѣніе въ Россіи подвергается еще большему уничтоженію, чѣмъ на западѣ. Но мы не всегда можемъ это сказать относительно *нижнихъ слоевъ:* дробнымъ парцельнымъ хозяйствамъ часто „некуда податься“ кромѣ земли, потому, что городская жизнь и индустрія не на столько развиты, чтобы дать имъ необходимые заработки. Поэтому они продолжаютъ цѣпляться за землю; поэтому, въ только что приведенной табличкѣ Воронежской и Нижегородской губ., группа *мелкихъ* хозяйствъ до 5 дес. увеличилась значительно, болѣе группы среднихъ. Только поэтому, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, вмѣсто нивеллировки, мы видимъ простую подвижку внизъ.

% дворовъ:

		Беззем.	До 15 дес.	Св. 15 дес.
Нолинскій у.	1886 г.	2,9	45,6	51,5
Вятской г.	1901 г.	3,7	45,5	50,8

		до 5 дес.	5—10 дес.	св. 10 дес.
Козельскій у.	1889 г.	19,8	49,7	30,5
Калуж. г.	1896 г.	31,2	48,2	20,6

Можно думать, что теперь, когда эти именно полупролетарскія хозяйства, одной ногой стоящія въ городѣ, другой въ деревнѣ, такъ быстро и охотно бросились на выдѣлъ своихъ надѣловъ съ цѣлью ихъ распродажи, когда эмиграція въ Азію сразу выросла въ нѣсколько разъ — отмираніе этихъ слабыхъ неустойчивыхъ хозяйствъ пойдетъ значительно болѣе ускореннымъ темпомъ. Но вотъ вопросъ, кто воспользуется ихъ наслѣдствомъ; средне-крестьянскія хозяйства какъ въ Польшѣ или въ Германіи, или крупно-крестьянскія, стоящія на линіи мелкихъ капиталистовъ? Очень многіе изъ современныхъ изслѣдователей сейчасъ склоняются къ послѣднему мнѣнію. Вся земельная политика правительства направлена въ сторону поддержки именно такихъ „крѣпкихъ“ и „сильныхъ“ хозяйственныхъ мужичковъ. Мы думаемъ, однако, что если политическіе факторы и благопріятны сейчасъ этому верхнему слою крестьянской массы, то хозяйственныя условія, при неизбѣжной интенсификаціи земледѣлія, должны будутъ, въ концѣ концовъ, перетянуть, какъ и въ Германіи въ сторону *среднихъ* группъ, за которыми много шансовъ окончательной побѣды въ борьбѣ за землю. Кто изъ насъ правъ—покажетъ будущее.

Возвратимся къ анализу земско-статистическихъ матеріаловъ. Кромѣ изложенныхъ, у насъ имѣются еще свѣдѣнія по всѣмъ уѣздамъ Полтавской губ. (о пахатной землѣ), которыя мы, по указанной выше причинѣ, разсмотримъ въ приложеніи. Въ виду недостатка погубернскихъ и поуѣздныхъ группировокъ мы пересмотрѣли *поволостныя*, по 75 волостямъ 2 уѣзд. Вятской губ. и 5 Воронежской. Типы процессовъ въ группировкахъ по землевладѣнію распредѣлялись такимъ образомъ:

	Подвижка внизъ.	Подвижка вверхъ.	Нивелировк.	Дифференціац.
Абсолютн. число вол.	14	13	36	12
Въ %	18,7	17,3	48,0	16,0

Тенденція къ нивеллировкѣ очень ясно проглядываетъ въ этихъ „молекулярныхъ“ группировкахъ, хотя здѣсь мы встрѣчаемъ болѣе частыя уклоненія въ сторону дифференціаціи, скрадывающіеся при сведеніи волостей въ поуѣздные итоги.

Въ общемъ выводѣ матеріалы по перегруппировкѣ землевладѣнія даютъ довольно большую разницу, сравнительно, съ группировками по скоту. Тамъ большинство группировокъ давало подвижку внизъ, здѣсь *нивеллировку*, откуда видна явная тенденція крестьянъ къ болѣе уравнительному распредѣленію надѣльнаго земельнаго фонда.

Но землевладѣніе не есть еще фактическое землепользованіе: землепользованіе точнѣе всего опредѣляется посѣвной площадью. Къ сожалѣнію, наши матеріалы по динамикѣ группировокъ дворовъ по посѣвамъ еще менѣе обширны, чѣмъ по надѣламъ, такъ какъ при первыхъ переписяхъ, земскіе статистики обращали сравнительно мало вниманія на посѣвы. Кромѣ Полтавской губ., у насъ есть данныя по 12 уѣзд. 5 губерній (въ томъ числѣ по неопубликованнымъ источникамъ 2 уѣзд. Уральской области).

Нивеллировка наблюдается въ 9 уѣзд. (а съ Полтавскими въ 18), подвижка внизъ въ 2-хъ и подвижка вверхъ въ 1-омъ. Снова нивеллировка оказывается преобладающимъ процессомъ. Погубернская сводка этихъ матеріаловъ, только и возможная, при разнообразіи способовъ группировки, употребляемыхъ земскими статистиками, даетъ такіе результаты.

% дворовъ:

Олонецк. г., Повѣнецк. у., 14 сел.	Безъ посѣв.	До 5 мѣр.	6—10	11—20	21—30	31—40	Св. 40	
1895 г. . . .	2,7	14,2	24,5	32,7	13,6	6,5	5,8	
1899 г. . . .	3,6	15,3	27,5	31,7	14,3	5,6	2,0	—
Изм. слоевъ въ %	-|-3,3	-|-7,7	+12,7	—3,1	—5.1	—13,9	—65,6	
Смоленская губер., Вяземск. у.	Безъ посѣв.	До 3 дес.	3—9	Бол. 9				
1884 г. . . .	14,3	24,3	56,9	4,5	—	—	—	—
1900 г. . . .	9,5	24,6	59,2	6,7				
Изм. слоевъ въ %	—33,6	-|-1,2	-|-4,0	+48,9				
Вятская губерн. 3 уѣз.	Безъ посѣв.	До 1 дес.	1—5	5—10	10—20	Св. 20		
1886 г. . . .	3,3	4,6	44,9	36.7	9,9	0,6	—	—
1900—1 г. . .	2,4	2,4	46,3	39,3	9,1	0,5		
Изм. слоевъ въ %	—27,3	—47,8	-|-3,1	-|-7,1	—8,1	—16,7		
Воронежск. губер. 5 уѣзд.	Безъ посѣв.	До 1 дес.	1—5	5—10	10—20	Св. 20		
1885—7 г. . .	8,3	1,4	39,1	32,2	15,6	3,4	—	—
1900 г. . . .	7,6	2,3	43,3	31,0	13,6	2,2		
Изм. слоевъ въ %	—8,4	-|-64,3	-|-10,7	—3,7	—12,8	—35,3		
Полтавская губер. 9 уѣзд.	Безъ посѣв.	До 1 дес.	1—3	3—6	6—9	9—15	15—20	Св. 20
1880-е г.г. . .	24,0	2,9	19,4	28,3	14,3	8,1	1,7	1,3
1899 г. . . .	14,2	6,0	29,7	30,1	11,5	6,0	1,3	1,2
Изм. слоевъ въ %	—40,8	-|-106,9	-|-53,4	-|-6,4	—19,6	—25,9	—23,5	—7,7

Уральская област. 2 уѣзд., казаки.	До 2 дес.	2—5	5—10	10—50	Св. 50
1880 г. . . .	14,5	34,2	20,0	28,2	3,1
1900 г. . . .	17,1	28,7	24,9	27,2	2,1
Изм. слоевъ въ %	+17,9	—16,1	+24,5	—3,5	—32,2

Въ Уральской области, въ дѣйствительности, нивеллировка болѣе ясна, чѣмъ на приведенной таблицѣ: земледѣліе, съ 80-хъ годовъ въ ней распространилось очень широко, много хозяйствъ, не занимавшихся раньше хлѣбопашествомъ, стало производить посѣвы и процентъ безпосѣвныхъ дворовъ (хотя и по другимъ причинамъ, чѣмъ въ центральной Россіи), о которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній, въ ней несомнѣнно, долженъ былъ сократиться. Во всякомъ случаѣ, тенденція къ нивеллировкѣ проявляется въ самыхъ различныхъ углахъ Россіи: на сѣверѣ, сѣверо-западѣ, сѣверо-востокѣ, въ земледѣльческомъ центрѣ и на юго-восточной окраинѣ [1]). Конечно, нашихъ данныхъ недостаточно для категорическаго рѣшенія вопроса, но онѣ подкрѣпляются вѣскими указаніями по другимъ элементамъ хозяйства.

Надѣлы и посѣвы представляютъ самые главные элементы крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Ихъ колебанія служатъ *основными* признаками, основными показателями тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ этомъ землевладѣніи и хозяйствѣ. Но, кромѣ основныхъ признаковъ, данныя земской статистики позволяютъ судить о трансформаціи *дополнительныхъ*—именно по купчей землѣ, являющейся все болѣе и болѣе существеннымъ дополненіемъ къ крестьянскимъ надѣламъ, по арендѣ—сдачѣ, внѣ—надѣльной и надѣльной и наконецъ, по способу обработки земли, чѣмъ опредѣляется степень самостоятельности крестьянскаго хозяйства.

Относительно купчей земли наши матеріалы позволяютъ сдѣлать сравненіе по числу дворовъ, прикупившихъ землю и по размѣрамъ покупныхъ участковъ на одинъ дворъ (по 13 уѣзд.).

---

[1]) Съ той разницей, что на сѣверѣ и юго-востокѣ (Вятская губ., Уральск. обл.) больше всего растутъ *средніе* слои (5—10 дес.), а въ землед. центрѣ мелкіе посѣвщики (до 3—5 дес.), (въ Воронежской, Полтавской губ.).

	% дворовъ съ купчей землей.			Десятинъ купчей земли на 1 дворъ.		
	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.
Острогожскій уѣзд.	0,6	2,4	+300	64,7	38,8	—40,3
Дорогобужскій . .	9,4	33,7	+259	7,5	6,8	—9,3
Нижнедѣвицкій. .	2,8	9,1	+225	15,8	9,2	—41,8
Сычевскій . . .	9,7	28,0	+188	13,4	7,8	—41,7
Вяземскій. . . .	13,8	39,7	+187	5,8	6,0	+3,5
Землянскій. . . .	1,5	4,1	+173	11,1	7,6	—31,8
Задонскій. . . .	1,4	3,1	+121	13,8	11,3	—18,1
Кромской	8,8	16,3	+85	—	—	—
Михайловскій . .	9,7	17,3	+78	5,2	4,7	—9,6
Вятскій.	22,3	25,1	+13	2,7	2,3	—14,7
Орловскій. . . .	33,1	37,0	+12	2,8	2,3	—17,9
Коротоякскій. . .	2,4	2,6	+8	16,8	22,8	+35,8
Слободской . . .	50,0	49,6	—0,4	3,2	3,0	—6,2

На этой таблицѣ, прежде всего, бросается въ глаза быстрое возростаніе числа дворовъ съ купчей землей: въ большинствѣ уѣздовъ число такихъ дворовъ удвоилось, утроилось и даже учетверилось. Вмѣстѣ съ этимъ возрастаніемъ довольно систематически *понижались* размѣры купленныхъ участковъ, иначе говоря, купчая земля дробилась, а не концентрировалась, какъ думаютъ экономисты марксистскаго толка. Повышеніе размѣровъ купчихъ участковъ наблюдалось только въ двухъ уѣздахъ, причемъ въ одномъ изъ нихъ на ничтожную величину. Въ общемъ, чѣмъ быстрѣе возрастало число владѣльцевъ купчей земли, тѣмъ сильнѣе сокращались участки—исключенія изъ этой правильности отмѣчены только въ 4-хъ случаяхъ.

При первыхъ переписяхъ средняя величина участковъ была довольно большихъ размѣровъ: въ одномъ уѣздѣ она превышала 60 дес., въ 5—болѣе 10 десятинъ. Первыя

переписи производились въ 80-хъ г.г. когда еще преобладали единичные покупщики—крестьяне, когда среди нихъ господствовали покупщики мелко—буржуазнаго типа. Къ началу 1900 г.г. уѣздовъ съ участками болѣе 10 дес на дворъ осталось только три. Такое дробленіе, естественно, должно было повести къ подвижкѣ *внизъ*, что подтверждается данными трехъ уѣздовъ Вятской губерніи.

% дворовъ съ собственной землей.

		До 1 д.	1—3	3—5	5—10	10—15	св. 15
Слобод.	1892—3 г.г.	23,4	39,3	18,9	14,6	2,6	1,2
	1900—1 г.г.	27,2	39,0	17,5	12,8	2,3	1,2
Орловскій	1886 г.	21,9	45,5	20,1	11,0	1,2	0,3
	1900 г.	29,4	45,8	15,6	8,4	0,8	0,0
Вятскій	1886 г.	29,0	41,1	16,5	10,8	1,9	0,7
	1900 г.	32,4	43,4	14,7	7,8	1,3	0,4

Если подобное дробленіе происходило по всей Россіи, а это весьма вѣроятно, т. к. средніе размѣры крестьянскаго владѣнія упали за 1887—1905 г.г. съ 45 дес. до 26, то всѣ гаданія о буржуазномъ характерѣ крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній приходится отнести къ *первому* періоду пореформенной эпохи, когда земля была дешева, но, за отсутствіемъ банковскаго кредита, доступна только тѣмъ слоямъ въ крестьянствѣ, которые обладали наличными деньгами. Теперь обстоятельства перемѣнились, перемѣнились и ихъ результаты.

Почти тѣже правильности, которыя даетъ дополнительный элементъ землевладѣнія, наблюдаются и въ дополнительномъ элементѣ землепользованія—*арендѣ* земель.

Уѣзды.	% арендующихъ дворовъ			На 1 аренд. дворъ десятинъ		
	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.
Вятскій.	13,2	21,2	+60,6	2.7	2,1	—22,2
Орловскій.	19,4	28,2	+40,6	2,8	2,5	—10,7
Новоладожскій. .	36,0	48,0	+33,3	—	—	—
Сычевскій . . .	47,4	57,0	+20,5	—	—	—
Екатеринбургскій.	32,2	37,8	+14,4	—	—	—

Уѣзды.	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.
Слободской . . .	24,4	27,8	+14,2	2,20	2,34	+6,3
Вяземскій. . . .	64,09	72,55	+13,4	—	—	—
Роменскій . . .	39,54	43,26	+9,4	4,45	3,09	—30,6
Коротоякскій . .	41,0	44,3	+8,0	4,15	3,88	—6,5
Нижнедѣвицкій .	44,5	47,6	+7,5	4,02	4,10	+2,0
Острогожскій. . .	34,2	36,5	+6,7	7,70	5,88	—23,6
Кромской	56,4	59,8	+6,1	4,6	3,8	—17,4
Лохвицкій. . . .	37,6	38,6	+2,6	3,5	2,8	– 20,0
Задонскій. . . .	44,1	43,9	—0,5	3,76	3,55	—5,6
Котельническій. .	42,3	41,7	—1,4	2,3	2,2	—4,4
Землянскій . . .	45,0	44,0	—2,2	3,75	3,20	—14,7

Число дворовъ, арендующихъ землю, увеличилось въ 13 уѣздахъ изъ 16, хотя далеко не такъ сильно, какъ число купившихъ ее „на вѣчно“: тогда какъ увеличеніе послѣднихъ болѣе, чѣмъ на 10% наблюдалось почти во всѣхъ уѣздахъ, арендаторы прибавились на эту величину только въ 7 уѣз., лежащихъ цѣликомъ въ нечерноземной полосѣ. Удвоенія и утроенія числа арендаторовъ нигдѣ не произошло.

Возрастаніе количества арендаторовъ, повидимому, находилось въ зависимости отъ большей или меньшей использованности арендн­аго фонда, чѣмъ и объясняется, что наибольшее ихъ увеличеніе оказалось въ нечерноземной полосѣ, гдѣ до второй половины 80-хъ г.г. помѣщики, а также порой и крестьяне мало занимались земледѣліемъ и предложеніе земель въ аренду во многихъ мѣстахъ могло превышать спросъ. Если расположить уѣзды по проценту дворовъ, пользовавшихся арендной землей въ первую перепись, то получится такая закономѣрность.

Уѣзды, въ которыхъ число арендующихъ дворовъ въ первую перепись	Число уѣз. съ пониженіемъ числа аренд. двор.	Съ повышеніемъ		
		до 10%	10-20%	св. 20
было ниже 30%	—	—	—	2
отъ 30 до—40%	—	—	1	—
отъ 40 до—50%	—	3	1	1
свыше 50%	3	3	1	1

Чѣмъ менѣе дворовъ арендовало ранѣе землю, тѣмъ болѣе приросло число арендаторовъ и наоборотъ: въ трехъ самыхъ многоарендныхъ уѣздахъ оно даже пошло на убыль. Очевидно, въ этихъ уѣздахъ распространеніе арендныхъ отношеній стало невозможно: весь арендный фондъ оказался исчерпаннымъ.

Вмѣстѣ съ возрастаніемъ числа арендующихъ дворовъ шло сокращеніе размѣровъ арендуемаго участка: только въ двухъ уѣздахъ изъ 12, размѣры аренды на одинъ дворъ повысились и то на ничтожную величину. Такимъ образомъ, арендуемая земля дробилась, какъ и купчая, хотя не такъ сильно, какъ эта послѣдняя: но дѣло въ томъ, что арендные участки, не въ примѣръ купчимъ и въ моментъ первыхъ переписей, были очень не велики, такъ что дальнѣйшее дробленіе становилось затруднительнымъ.

Сплошь и рядомъ въ экономической литературѣ, по крайней мѣрѣ, недалекаго прошлаго встрѣчалось убѣжденіе, что главная часть арендуемой площади сосредоточивается въ рукахъ верхнихъ слоевъ крестьянства. Дробленіе участковъ показываетъ, что если такъ и было раньше, то къ нашему времени арендный фондъ долженъ былъ перемѣститься къ среднимъ или къ нижнимъ слоямъ. Это доказываетъ таблица распредѣленія аренднаго фонда по различнымъ слоямъ крестьянства.

Изъ 100 десятинъ арендной земли приходилось на долю.

А) группировки по скоту

		Имѣющихъ до 6 гол. скота	0,6—1,2 гол.	1,3—2,5 гол.	2,6—5 гол.	св. 5 гол.
Вятской губ. Слободской у.	I перен.	0,8	1,8	14,2	38,6	44,6
	II перен.	0,5	2,5	17,4	42,5	37,1
Орловской	I перен.	0,4	1,6	21,3	45,3	31,4
	II перен.	2,1	3,3	25,9	44,1	24,6
Вятской	I перен.	0,9	2,3	24,5	40,4	31,9
	II перен.	2,6	7,9	28,1	36,4	24,9

Б) группировки по посѣву

		до 1 дес.	1—5	5—10	10—20	св. 20 дес.
Воронежской губ. Нижнедѣвиц. уѣз,	I переп.	0,1	9,8	25,4	35,8	28,9
	II переп.	0,1	7,0	27,0	38,7	27,2
Коротоякскій уѣз.	I переп.	0,0	9,9	29,2	35,9	25,0
	II переп.	0,0	13,4	30,9	33,9	21,8
Задонскій	I переп.	0,1	14,8	37,2	26,1	21,8
	II переп.	0,1	19,5	39,3	25,6	15,5
Землянскій	I переп.	0,1	10,9	31,3	35,7	22,0
	II переп.	0,1	16,0	35,8	34,7	13,4
Острогожск.	I переп.	0,1	4,7	19,7	34,6	40,9
		0,1	7,1	27,3	30,4	35,1

По всѣмъ уѣздамъ средніе, а часто и нижніе слои перетянули къ себѣ значительную долю того аренднаго фонда, который прежде, дѣйствительно, находился въ рукахъ верхнихъ слоевъ.

Обратно арендѣ и куплѣ земли количество дворовъ, *сдающихъ* свой надѣлъ сильно сократилось.

$^0/_0$ дворовъ сдающихъ надѣлъ.

У ѣ з д ы	Въ I переп.	II перепись	Разница въ $^0/_0$
Дмитровскій (сд. весь над.) . . .	21,6	7,1	—67,1
Петровскій	15,4	7,7	—50,0
Лохвицкій	18,8	9,9	—47,3
Кромской (сд. весь надѣл.) . . .	4,5	3,1	—31,1
Слободской	12,9	9,8	—24,6
Котельническій	19,0	15,8	—16,8
Сычевскій	15,1	13,6	— 9,9
Роменскій	15,4	15,1	— 1,9
Вятскій	10,1	10,7	+ 5,9
Орловскій	6,4	10,4	+62,5

Это сокращеніе указываетъ на большій интересъ къ своему земледѣльческому хозяйству, который стали проявлять крестьяне къ 1900 г.г. Заброшенныя хозяйства начали возстанавливаться и, судя по вятскимъ уѣздамъ, этимъ возстановленіемъ занялись, главнымъ образомъ, нижніе слои, —тѣ самые „пролетарскіе“ элементы, которые давно должны были обратиться въ сельско-хозяйственныхъ батраковъ. Въ виду того интереса, который представляетъ это явленіе, представляемъ его въ абсолютныхъ числахъ.

Число десятинъ сдаваемой земли.

Дворы имѣющіе до гол. скота (въ переводѣ на крупный)	Въ I переп.	II переп.	Разница въ %
	1636	693	— 57,5
0,6—1.2 гол.	800	764	— 4,5
1,3—2,5	958	1574	+ 64,2
2,5—5,0	542	856	+ 57,6
св. 5 гол.	88	197	+123,9

Въ моментъ первой переписи нижніе слои сдавали почти двѣ трети всей земли, находившейся въ сдачѣ, въ моментъ второй—ихъ доля участія въ сдачѣ надѣловъ сократилась на половину. Если бы мы могли по вятскимъ уѣздамъ судить и о чисто земледѣльческой Россіи, мы бы сдѣлали тотъ выводъ, что нижніе слои, прекращая сдачу, увеличиваютъ аренду и покупку земли, т. е. болѣе не соглашаются играть роль безземельнаго пролетаріата. Но дѣлать такой выводъ на основаніи только трехъ уѣздовъ мы считаемъ рискованнымъ, хотя его и подтверждаетъ сокращеніе общаго числа сдающихъ по другимъ уѣздамъ.

Все-таки стремленіе къ своему хотя бы и захудалому хозяйству въ промежутокъ между двумя переписями у нижнихъ слоевъ—несомнѣнный фактъ, наличность котораго можно установить еще по одному признаку—*способу обработки*. Двѣ трети безлошадныхъ дворовъ—имѣютъ, хотя и не большой посѣвъ: слѣдовательно, при обработкѣ земли они пользуются наемнымъ рабочимъ скотомъ. Вообще, обработка земли наймомъ больше распространена и въ верхнихъ, а въ *нижнихъ* слояхъ, т. к. верхніе содержатъ рабочій скотъ въ достаточномъ количествѣ. По даннымъ 114 уѣздовъ 18 губ. своимъ скотомъ обрабатываютъ 71,3% крестьянскихъ дворовъ, наймомъ—12,1%; вовсе не обрабатываютъ свою землю (сдаютъ и запускаютъ) 9.7%. Остальная часть примѣняетъ смѣ-

шанную обработку (своимъ и наемнымъ скотомъ). Смѣшанную обработку примѣняютъ въ большихъ размѣрахъ, дворы съ самымъ большимъ посѣвомъ, свыше 40—50 дес. у которыхъ, не смотря на большую семью, не хватаетъ своихъ рабочихъ рукъ и скота Это будутъ, по общему, (а не спеціально крестьянскому) масштабу *среднія* мелко-буржуазныя хозяйства, въ которыхъ, наряду съ собственной семьей хозяина, работаютъ наемные батраки. Но такихъ дворовъ въ крестьянствѣ черноземной Россіи—одна тысячная доля.

Какія же измѣненія произошли въ способѣ обработки къ 1900 г.г.?

% дворовъ обрабатывавшихъ землю.

Уѣзды.	Своимъ скотомъ		Наймомъ		Увеличеніе или уменьшеніе числа обрабат.	
	I перепись.	II перепись.	I перепись.	II перепись.	Своимъ скотомъ.	Наймомъ.
Задонскій . . .	75,0	68,8	18,3	25,3	—6,2	+7,0
Кромской. . .	69,3	63.2	23,1	32,8	—6,1	+9,7
Коротоякскій. .	84,6	80,7	8,3	13,8	—3.9	+5,5
Ямбургскій. . . .	87,2	83,4	6,2	9,4	—3,8	+3,2
Подольскій. , . .	65,7	62,1	16,1	25,7	—3,6	+9,6
Нижнедѣвицкій. .	85,1	81,9	11,0	13,8	—3,2	+2,8
Елецкій.	69,9	66,8	20,6	23,7	—3,1	+3,1
Московскій. . . .	71,9	70,1	9,3	18,1	—1,8	+8,8
Болховской . . .	74,1	72,3	16,6	22,7	—1,8	+6,1
Землянскій. . . .	78,9	77,3	16,4	18,6	—1,6	+2,2
Трубчевскій. . .	83,5	82,0	8,0	12,8	—1.5	+4,8
Карачевскій. . .	75,9	74,6	13,4	20,1	—1,3	+6,7
Вяземскій. . . .	74,6	73,4	1,4	1,7	—1,2	+0,3
Петровскій . . .	76,6	75,8	7,4	16,4	—0,8	+9,0
Екатеринбургскій.	—	—	9,2	14,3	—	+5,1
Мценскій	68,2	70,9	15,4	21,5	+2,7	+6,1
Острогожскій. . .	37,6	55,8	29,4	19,3	+18,2	—10,1

Число обрабатывающихъ своимъ скотомъ убавилось почти всюду—естественный результатъ всеобщей убыли рабочаго скота, отмѣченной военно-конскими переписями къ 1899—900 г.г. Только въ двухъ уѣздахъ произошелъ приростъ такихъ хозяйствъ; въ одномъ изъ нихъ Острогожскомъ, довольно значительный: здѣсь вѣроятно, вслѣдствіе убыли кормовыхъ средствъ, сильно сократилось количество воловъ—когда то самого распространеннаго вида рабочаго скота на югѣ. Волы замѣнялись лошадьми; т. к. воловъ для пахоты требуется не менѣе пары, а лошадь, при болѣе легкихъ орудіяхъ (сохи, одноконные плуги) можетъ работать одна, то переходъ съ воловъ на лошадей облегчалъ возможность самостоятельной обработки тѣмъ хозяйствамъ, которыя раньше имѣли одного вола и пахали супрягой или наймомъ. Отсюда паденіе числа обрабатывающихъ наймомъ и ростъ хозяевъ, обрабатывающихъ самостоятельно.

Въ другихъ уѣздахъ произошло обратное явленіе: уменьшеніе дворовъ съ самостоятельной обработкой вызвало увеличеніе числа обрабатывающихъ наймомъ: ясный признакъ того, что дворы, лишившіеся рабочаго скота, не думали бросать собственное земледѣльческое хозяйство. Т. к. содержаніе рабочаго скота стало для нихъ крайне невыгоднымъ и обременительнымъ, они разстались съ нимъ, но не со своими надѣлами и посѣвами. Наоборотъ, приростъ числа обрабатывающихъ наймомъ, почти вездѣ *превышаетъ* убыль числа обрабатывающихъ своимъ скотомъ. Значитъ, хозяева прежде совсѣмъ не обрабатывающія землю теперь возстановили свое хозяйство, перейдя на обработку наймомъ. Это доказываютъ прямыя данныя количества дворовъ, вовсе не обрабатывающихъ землю.

% дворовъ не обрабатывающихъ землю.

УѢЗДЫ.	I перепись.	II перепись.	Разница въ %
Московскій.	18,8	11,8	—37,2
Подольскій.	18,1	12,2	—32,6
Землянскій.	4,82	4,22	—12,5
Задонскій.	7,3	6,4	—12,3
Коротоякскій	6,85	6,20	—9,6
Острогожскій.	15,4	14,9	—3,2
Нижнедѣвицкій.	4,28	5,42	+26,5

Почти вездѣ процентъ дворовъ, совсѣмъ бросившихъ землю, сократился, причемъ особенно значительно въ двухъ уѣздахъ промышленной Московской губерніи, что указываетъ на „возвращеніе на землю“ нѣкоторыхъ, чисто промысловыхъ хозяйствъ.

Итакъ данныя о способѣ обработки говорятъ намъ, что самостоятельное земледѣльческое хозяйство возстанавливается въ тѣхъ слояхъ, которые раньше его забросили. Вотъ почему сокращается число безпосѣвныхъ и безнадѣльныхъ дворовъ, и увеличивается число засѣвающихъ до 1 или до 5 десятинъ: хозяевамъ, возвращающимся на землю нѣтъ силы поднять болѣе значительный посѣвъ. Мы еще разъ видимъ, что безлошадность—вовсе не непреодолимое препятствіе для земледѣльца, что лошадь не такой исключительной важности факторъ, что бы безъ нея нельзя было стать самостоятельнымъ земледѣльцемъ. Вся суть не въ лошади, не въ инвентарѣ, а въ *землѣ*, въ правѣ или, вообще—въ возможности пріобрѣсти въ пользованіе кусокъ земли въ нужную минуту.

Возрастаніе интереса къ землѣ, къ своему хозяйству у тѣхъ, которые не вели его раньше, возбуждено, конечно, не платоническими чувствами. Надо предположить, что тѣ дворы, которые раньше сдавали или забрасывали свои надѣлы, имѣли сторонніе заработки, а теперь ихъ потеряли. Чѣмъ бы существовали эти хозяйства, если бы у нихъ не было *права на землю*, которое сохранили за ними общинные порядки?

Уменьшеніе количества безпосѣвныхъ, безнадѣльныхъ, сокращеніе сдачи и возрастаніе числа арендующихъ дворовъ, наконецъ убыль вовсе не обрабатывающихъ свою землю и прибыль занимающихся земледѣліемъ—все это указываетъ на развитіе самостоятельности въ крестьянскомъ хозяйствѣ, на сокращеніе тѣхъ пролетарскихъ элементовъ, которые существовали во всѣ времена, но открытіе которыхъ было такъ неожиданно для многихъ. Перейдемъ теперь къ признакамъ непосредственно характеризующимъ „пролетаризацію—капитализацію“ деревни.

Д) Наемный трудъ. Промыслы.

Поуѣздныхъ данныхъ по наемному труду у насъ очень немного.

Уѣзды.	% дворовъ нанимающ. батраковъ			% дворовъ отпускающ. батраковъ		
	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.
Землянскій . . .	4,23	1,66	—59,5	14,4	8,45	—40,9
Сычевскій . . .	16,1	8,2	—49,4	—	—	—
Котельническій. .	7,0	4,3	—38,6	—	—	—
Задонскій. . . .	3,55	2,50	—29,8	17,20	4,25	—76,2
Нижнедѣвицкій .	6,13	5,0	—18,6	11,43	8,3	—29,7
Вяземскій. . . .	8,89	7,46	—16,1	—	—	--
Острогожскій. . .	6,45	5,59	—12,5	8,6	9,5	+10,4
Коротоякскій. . .	4,08	4,25	+4,1	8,35	6,12	—27,4

Это—прямое доказательство паденія капиталистическихъ отношеній въ крестьянствѣ: за 13—16 лѣтъ сильно сократилось число дворовъ и нанимающихъ и отпускающихъ батраковъ—капиталистовъ и пролетаріевъ—этихъ крайнихъ „антогонистическихъ“ слоевъ крестьянской массы. Оба „полюса“ значительно растаяли. И нельзя сказать, чтобы тутъ главную роль играло общее пониженіе уровня средней обезпеченности. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губ. средній размѣръ посѣва на одно хозяйство увеличился (съ 4,45 дес. до 4,72 дес.) Въ этомъ уѣздѣ, а также и въ Сычевскомъ многія общества уже перешли на травосѣяніе, большинство пашетъ плугами—вообще, въ этихъ двухъ уѣздахъ, крестьянство уже вступило на путь сельско-хозяйственнаго прогресса, и этотъ путь оказывается связаннымъ съ сокращеніемъ наемнаго труда. Въ Котельническомъ уѣздѣ, хотя замѣтной интенсификаціи хозяйства не было, но обезпеченность средствами производства не измѣнилась. Увеличеніе скота произошло также и въ Острогожскомъ уѣздѣ. Съ другой стороны, такой бѣдный, такъ сказать, „упалой“ уѣздъ, какъ Задонскій, который прежде поставлялъ батраковъ въ другіе уѣзды (процентъ дворовъ отпускающихъ батраковъ, здѣсь максимальный—17,2) сократилъ батрачество на три четверти.

Поволостныя данныя о наемномъ трудѣ имѣются по 26 вол. Котельническаго уѣз. и 29 вол. 5 уѣз. Воронеж.

губ. Въ Котельнич. у. есть очень любопытныя данныя о числѣ мѣсяцевъ найма, приходящихся на 1 нанимающій дворъ.

Въ сколькихъ волостяхъ число мѣсяцевъ найма.

	Повысилось.	Понизилось.	Всего.
% дворовъ съ батраками:			
Повысился	4	8	12
Понизился	5	9	14
Всего	9	17	26

Въ большинствѣ волостей сократился и наемъ батраковъ, и число мѣсяцевъ найма,—получилось сокращеніе во второй степени. По 19 вол. Воронеж. губ. данъ отпускъ и наемъ батраковъ.

Въ сколькихъ волостяхъ *отпускъ* батраковъ.

	Повысился.	Понизился.	Итого.
Наемъ батраковъ повысился	1	5	6
„ „ понизился	1	12	13

Изъ 10 вол. Острогожскаго уѣзда въ 6 процентовъ дворовъ съ наймитами понизился, въ 4 повысился. Однимъ словомъ, процессъ „таянія“ обоихъ антагонистическихъ полюсовъ шелъ очень интенсивно и былъ широко распространенъ.

Болѣе всего отпускъ батраковъ сократили *нижніе слои*—главные поставщики „пролетаріата“.

На сколько % сократилось число двор. отпуск. батраковъ.

	У безпосѣвн.	до 1 дес.	1—5	5—10	10—20	20—40	Св. 40
Нижнедѣвиц. уѣз.	—13,1	—23,8	—2,6	—3,8	—2,5	—1,5	—5,6
Коротоякскій . .	—7,4	—6,3	—0,4	—4,6	—0,2	+1,5	—
Землянскій . . .	—32,4	—32,3	—4,0	—2,6	—8,2	—23,2	—50,0
Задонскій	—14,9	—8,5	—16,5	—9,0	—6,7	—6,9	+7,1
Острогожскій . .	—3,2	—12,9	—0,6	+4,6	—1,2	—0,5	—

Наемъ батраковъ сократился и очень сильно въ верхнихъ слояхъ въ 3 уѣздахъ изъ 6 (на 16,9—37,2%), въ 3 уѣздахъ, въ томъ числѣ Вяземскомъ, увеличился, но гораздо меньше (на 0,5—6,0%).

Вотъ основныя данныя, которыми мы располагаемъ по наемному труду. Онѣ невелики, но достаточны, чтобы, въ связи съ другими, указать на исчезновеніе „классовыхъ

противорѣчій“ деревни, на фактъ усиленія самостоятельности въ нижнихъ слояхъ. И далеко нельзя сказать, чтобы причиной этого явленія служило всеобщее оскудѣніе: „таяніе полюсовъ“ наблюдается и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ объ оскудѣніи говорить не приходится и въ такихъ, гдѣ крестьяне вышли на широкій путь хозяйственнаго прогресса.

Промыслы. Вопросъ о промыслахъ, собственно, не относится къ сферѣ земледѣльческаго хозяйства, но такъ какъ огромная масса крестьянъ, живущихъ промыслами, въ тоже время занимается и земледѣліемъ, то между этими двумя основными источниками средствъ для существованія у крестьянъ должно существовать какое-либо взаимодѣйствіе: съ этой только стороны намъ промыслы и интересны.

Если крестьяне возвращаются на землю, то отсюда можно думать, что они разстаются съ промыслами.

Посмотримъ такъ ли это?

$^0/_0$ семей, занимающихся промыслами.

У Ѣ З Д Ы.	I переписъ.	II переписъ.	Разница въ процент.
Чердынскій	72,6	24,0	—66,9
Сычевскій	89,4	67,2	—24,7
Вятскій	81,1	68,1	—16,1
Котельническій	90,4	78,3	—13,4
Слободской	95,2	91,0	—4,9
Вяземскій	74,0	71,7	—3,1
Нижнедѣвицкій	77,9	76,4	—1,9
Задонскій	89,5	94,0	+5,0
Коротоякскій	64,9	69,6	+7,2
Кромской	56,4	65,3	+15,8
Орловскій	69,3	84,9	+22,6
Острогожскій	56,1	71,0	+26,6
Землянскій	53,6	75,0	+39,9

На самомъ дѣлѣ оказывается не совсѣмъ такъ, какъ можно предполагать: на 7 уѣздовъ, въ которыхъ констатируется убыль семей, занимающихся промыслами, приходится 6 уѣздовъ, гдѣ число таковыхъ возросло. Можно сказать, на первый взглядъ, что развитіе промысловыхъ заработковъ находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Однако, всматриваясь въ таблицу, мы замѣчаемъ извѣстную правильность въ колебаніяхъ числа промысловыхъ семей, которая обрисуется выпуклѣе, если мы разобьемъ уѣзды по распространенности промысловъ въ первую перепись.

Число уѣздовъ, въ которыхъ число дворовъ съ промыслами.

Въ уѣздахъ, имѣвшихъ до 60 % дворовъ съ промыслами	Повысилось	Понизилось
	3	—
60—70	2	—
70—80	—	3
св. 80%	1	4

Уѣзды съ сильно развитой промысловой дѣятельностью дали пониженіе, а тамъ, гдѣ они были развиты слабѣе— промыслы увеличились. Эти соотношенія совпадаютъ съ раіонами: въ раіонахъ сѣверо-западномъ и с.-восточномъ, гдѣ промысловые заработки изстари составляли большое подспорье почти для всѣхъ дворовъ—они сократились всюду. Наоборотъ, въ центрально земледѣльческомъ раіонѣ, гдѣ такого развитія раньше не наблюдалось, занятіе промыслами распространилось среди очень большого числа дворовъ. Можно сказать, что промыслы нивеллировались въ географическомъ отношеніи. Такое *„разсѣяніе“* промысловъ, концентрировавшихся раньше въ нечерноземной полосѣ, показываетъ, что дифференціація областей въ этомъ отношеніи сильно сгладилась. То населеніе, которое уходило изъ промышленныхъ областей въ пореформенную эпоху, знакомое съ различными промыслами, зачастую осѣдало на новыхъ мѣстахъ. Можетъ быть, въ связи съ этими переселеніями, а можетъ быть, вслѣдствіе промышленныхъ кризисовъ, сокращеніе промысловъ падало, главнымъ образомъ, на отхожіе; мѣстные же пострадали, сравнительно, слабо.

% дворовъ съ промыслами.

Уѣзды.	Отхожими. I перепись.	Отхожими. II перепись.	Отхожими. Разница въ процент.	Мѣстными. I перепись.	Мѣстными. II перепись.	Мѣстными. Разница въ процент.
Вятскій	17,9	12,2	—31,7	58,6	47,7	—18,5
Нолинскій . . .	57,2	40,2	—29,8	44,8	48,2	+7,5
Вяземскій. . . .	50,0	35,22	—29,6	—	—	—
Слободской. . . .	55,2	47,3	—14,6	72,0	56,4	—21,6
Котельническій. .	43,6	37,8	—13,2	82,5	43,4	—47,7
Орловскій. . . .	42,8	48,9	+14,2	37,4	53,3	+42,9
Кромск. % мужч.	19,9	23,1	+16,1	4,7	9,7	+106,4

Въ то время, какъ дворы съ мѣстными промыслами сократились въ трехъ уѣздахъ, а въ трехъ увеличились, дворы съ отхожими—убавились въ 5, а прибавились только въ двухъ. Тамъ же, гдѣ произошло возрастаніе дворовъ съ отхожими промыслами, оно было относительно слабѣе, чѣмъ съ мѣстными. Отсюда, (насколько этотъ небольшой матеріалъ позволяетъ дѣлать выводы), отходъ на сторону въ промысловыхъ губерніяхъ скорѣе идетъ въ сторону сокращенія; мѣстные же промыслы, допускающіе соединеніе земледѣлія съ неземледѣльческими заработками, лучше сохраняютъ прежнее положеніе.

Что отходъ на сторону долженъ былъ сократиться не только въ промысловыхъ, но и въ земледѣльческихъ губерніяхъ, показываетъ сокращеніе числа отсутствующихъ семей.

% отсутствующихъ семей.

Уѣзды.	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.
Аткарскій	7,4	3,6	—51,3
Вольскій	8,1	5,5	—32,1
Кузнецкій	7,9	5,5	—30,4
Балашовскій	6,9	4,8	—30,4

УѢЗДЫ.	I перепись.	II перепись.	Разница въ процент.
Петровскій	10,4	7,6	—26,9
Камышинскій	20,4	18,4	—9,8
Царицынскій	8,3	7,1	—7,2
Лохвицкій (двор. уход. на дал. зар.)	19,5	18,4	—5,7
Роменскій	11,3	12,6	+11,5
Сердобскій	6,4	7,4	+15,6
Хвалынскій	6,6	8,2	+24,2
Ямбургскій (семьи въ полн. сост.)	5,2	12,2	+133,8
— (отдѣльн. члены семействъ)	26,7	28,3	—5,2

Города, въ промежутокъ между двумя переписями, росли, росла и эмиграція въ Сибирь; поэтому, надо полагать, что въ общемъ „бѣгство въ города“ или переселеніе превышало, „возвращеніе въ деревню“. Но были уѣзды, (повидимому, главнымъ образомъ въ земледѣльческихъ раіонахъ), въ которыхъ наблюдалось обратное. Многимъ крестьянамъ въ городахъ, „стало тѣсно отъ многолюдства“ и этотъ фактъ, какъ и другіе, уже разобранные нами, долженъ показать читателю, что интересъ къ землѣ въ дореволюціонный періодъ, естественно, возрасталъ чѣмъ тѣснѣе становилось въ деревнѣ.

Быть можетъ, онъ послужилъ одной изъ причинъ, доведшихъ крестьянскую жажду земли до такой высокой степени интенсивности, какую мы увидѣли во время революціи.

На этомъ мы покончимъ съ матеріалами по динамикѣ крестьянскаго хозяйства. Не считая военно-конскихъ переписей, они довольно скудны, отрывочны, но зато, въ высшей степени, разносторонни, охватывая самыя невидныя стороны, такъ сказать, самые отдаленные углы крестьянскаго двора. Можно ли на фундаментѣ этихъ матеріаловъ построить болѣе или менѣе основательные общіе выводы?

Намъ кажется, что можно, потому, именно, что, при всей своей разносторонности, они бьютъ въ одну точку: группировки по любому изъ признаковъ—надѣламъ, посѣвамъ, арендѣ-сдачѣ, покупкѣ земли, способу обработки, наемному труду, промысламъ—одна другую дополняютъ, одна другую поддерживаютъ—и изъ цѣпи этихъ группировокъ получается довольно ясная картина.

На этой картинѣ мы видимъ, прежде всего, что до 1900 года общій уровень крестьянскаго хозяйства *понизился*: пониженіе, на самомъ дѣлѣ, не было такъ сильно, какъ показываютъ сплошныя массовыя данныя военно-конскихъ переписей—(1899—900 г.г.), но оно, несомнѣнно, существовало: сократились размѣры надѣловъ, посѣвовъ, убавился относительно, а въ иныхъ мѣстахъ и абсолютной арендный фондъ и возрастаніе купчей земли не могло возмѣстить этихъ потерь; скотоводство упало; упалъ наемъ и отпускъ батраковъ—въ иныхъ мѣстахъ и промыслы, т. е. убавился притокъ денежныхъ средствъ со стороны, или сталъ распредѣляться на большее число хозяйствъ... словомъ, общій упадокъ крестьянскаго хозяйства въ періодъ отъ 80 до 1900 года можно признать широко распространеннымъ явленіемъ. Въ тоже время деревенское населеніе возрастало; кое гдѣ крестьяне, пристроившіеся въ городахъ, стали возвращаться въ деревню. Не только въ городахъ, но и въ деревняхъ „стало тѣсно отъ многолюдства“. Земельная тѣснота начала проявляться все рѣзче; въ результатѣ тѣсноты должна была возникнуть „борьба за землю“, между различными группами, слоями различной экономической силы, на которые изстари дѣлилась крестьянская масса. Какіе же результаты дала эта борьба, какая перегруппировка слоевъ явилась ея послѣдствіемъ?

Въ сферѣ частнаго землевладѣнія и хозяйства эволюція распредѣленія въ пореформенную эпоху направилась въ сторону *демократизаціи* и *дробленія*: отъ крупныхъ землевладѣльцевъ дворянъ, черезъ посредниковъ—купцовъ земля переходитъ къ крестьянамъ; относительно мелкіе размѣры частнаго хозяйства дробились и дальше и все большая доля ихъ переходила въ руки крестьянъ. Дробленіе составило характерную черту эволюціи распредѣленія и въ средѣ крестьянъ, сидѣвшихъ на надѣльной землѣ. Но симптомы этого дробленія проявились въ различныхъ формахъ на группировкахъ дворовъ по разнымъ хозяйственнымъ признакамъ: именно, группировки по рабочему скоту, дали, въ большинствѣ, одно-

стороннюю *подвижку внизъ*, выразившуюся въ рѣзкомъ увеличеніи числа безлошадныхъ дворовъ и въ еще болѣе рѣзкомъ уменьшеніи многолошадныхъ; группировка по землевладѣнію и землепользованію, вмѣстѣ съ дополнительными признаками, дали иной типъ процесса—*двустороннюю нивеллировку*, при которой, съ одной стороны, сократилось число земледѣльческаго пролетаріата—безпосѣвныхъ и безземельныхъ дворовъ, съ другой—верхнихъ слоевъ—многопосѣвныхъ и многоземельныхъ, и отъ этого сокращенія выиграли промежуточные слои. Въ началѣ этого параграфа мы выяснили, какое важное значеніе слѣдуетъ придавать разницѣ въ типахъ группировокъ: тогда какъ односторонніе процессы подвижекъ вверхъ и внизъ являются простымъ механическимъ отраженіемъ значительныхъ и кратковременныхъ подъемовъ и паденій общаго уровня средней обезпеченности даннымъ средствомъ производства—двусторонніе процессы нивеллировки и дифференціаціи, *поскольку они не зависятъ отъ политическихъ факторовъ*, будутъ результатомъ *общихъ законовъ эволюціи производства*. А такъ какъ этими законами, въ конечномъ счетѣ, опредѣляется нормальный ходъ эволюціи распредѣленія, то только по двустороннимъ процессамъ и можно установить сущность *закономѣрнаго аграрнаго развитія*. Отчего же происходитъ указанное сейчасъ различіе въ типѣ процессовъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно простъ: уровень средней обезпеченности крестьянскаго двора рабочимъ скотомъ понизился *больше*, чѣмъ такой же уровень землевладѣнія и землепользованія. Общая масса земли и посѣвовъ, находившихся въ пользованіи крестьянъ абсолютно, надо полагать не убавилась: если въ земледѣльческихъ раіонахъ перваго пояса посѣвы на надѣльной землѣ и сократились, то крестьяне компенсировали эту убыль арендой и особенно покупкой новыхъ земель; кромѣ того, и урожайность, все-таки повысилась. Въ тоже время, число рабочихъ лошадей абсолютно сократилось почти на милліонъ головъ: сокращеніе фонда конской рабочей силы и повело за собой болѣе рѣзкое паденіе обезпеченности лошадьми, чѣмъ землей. А мы, на тѣхъ же группировкахъ по лошадямъ, доказали, что слабое пониженіе или слабое повышеніе уровня обезпеченности чаще всего влечетъ за собой процессъ *нивеллировки слоевъ*. Однако, при слабомъ повышеніи, получается болѣе чистая разновидность этого процесса, представляющаго, въ такомъ случаѣ, нормальное тяготѣніе къ среднимъ слоямъ; при пониженіи, къ нему примѣшиваются признаки подвижки внизъ. Такъ, въ груп-

пировкахъ по землѣ, хотя число безземельныхъ и безпосѣвныхъ дворовъ сократилось, также, какъ и верхнихъ слоевъ, но за ихъ счетъ болѣе всего выросли не средніе, а *нижніе* промежуточные слои—съ надѣломъ до 5 дес. и съ посѣвомъ до 3 десятинъ. Чистый земледѣльческій пролетаріатъ поднялся на одну ступеньку выше, превратившись въ полупролетаріевъ. Эти полупролетарскіе слои нельзя считать устойчивыми земледѣльческими хозяйствами. Они слишкомъ мало обезпечены средствами производства: на 2 десятинахъ посѣва, въ среднемъ, не прокормится, хотя и малая семья, изъ 4—5 душъ, и она держится сейчасъ при помощи сторонніхъ заработковъ. Но соціальная дифференціація идетъ впередъ и такая семья рано или поздно должна будетъ или бросить сторонніе заработки, и окончательно перейти на земледѣліе, что потребуетъ отъ нея подняться на высшую ступень среднихъ хозяйствъ, или—окончательно разстаться съ землей на родинѣ и стать въ ряды промышленнаго пролетаріата.

Такое явленіе происходитъ на западѣ Европы—въ Германіи: парцельныя полупролетарскія хозяйства или подымаются на слѣдующую ступень, или уходятъ въ города: въ то же время верхнія группы, въ силу экономическихъ условій аграрной эволюціи, теряютъ землю; за счетъ нижнихъ особенно, верхнихъ, выростаютъ *среднекрестьянскія* трудовыя хозяйства. Послѣдняя перепись 1907 г., констатировала такое перераспредѣленіе сельско-хозяйственной площади въ различныхъ слояхъ.

$^0/_0$ измѣненія площади.

У хозяевъ				
до 2-хъ гектаровъ	2—5	5—20	20—100	св. 100
—4,3	$\pm$ 0,6	$\pm$ 7,2	—5,5	—9,9

Чистый, ясный типъ нивеллировки, происходящей при общемъ, постепенномъ, а не рѣзкомъ, и потому постоянномъ, а не случайномъ повышеніи уровня благосостоянія, при сельско-хозяйственномъ прогрессѣ и подъемѣ всеобщей культуры. Унасъ, при слабомъ повышеніи уровня обезпеченности, установленномъ въ нѣкоторыхъ срединныхъ раіонахъ послѣдними военно-конскими переписями 1905—6 г.г. также болѣе всего выиграли средніе слои *двулошадныхъ* дворовъ; по земскимъ переписямъ тоже самое мы видимъ изрѣдка въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ, гдѣ бывали послѣ реформы земельныя прирѣзки, гдѣ уровень обезпеченности землей слегка повышался, и отъ этого повышенія выиграли опять таки среднія хозяйства въ 5—15 дес. надѣла и 5—10 дес. посѣва.

Итакъ основные выводы, которые можно построить на выше изложенномъ статистическомъ матеріалѣ, будутъ таковы.

1) Общая масса средствъ сельско-хозяйственнаго производства въ данной странѣ—площади культивируемыхъ земель, скота, орудій и т. д.—не остается неизмѣнной: она можетъ увеличиваться или сокращаться, въ зависимости отъ природныхъ условій, отъ политическихъ или экономическихъ факторовъ; Не остается на одномъ мѣстѣ и число хозяйствъ, занятыхъ въ производствѣ. Въ зависимости отъ колебаній всей суммы средствъ производства и числа хозяйствъ происходятъ повышенія и пониженія уровня средней обезпеченности каждаго хозяйства даннымъ средствомъ производства.

2) Если за короткіе промежутки времени, обычно существующіе между двумя переписями, уровень средней обезпеченности подвергается рѣзкимъ и сильнымъ колебаніямъ (происходящимъ, главнымъ образомъ, отъ случайныхъ причинъ—подъемовъ и паденій урожайности), то эти колебанія вызываютъ *односторонніе* процессы перегруппировки слоевъ, которые, мы, по примѣру г. Черненкова, называемъ *подвижками вверхъ и внизъ* и при которыхъ *большая часть хозяйствъ*, занятыхъ въ производствѣ, всей массой передвигается въ одну сторону—или поднимаетъ или понижаетъ уровень своего матеріальнаго благосостоянія: иными словами, происходитъ или всеобщее обогащеніе или всеобщее оскудѣніе.

Если же уровень средней обезпеченности измѣняется сравнительно мало, то въ эволюціи распредѣленія средствъ производства наиболѣе обыченъ *двусторонній процессъ нивелировки*, причемъ, при повышеніи обезпеченности maximum прироста падаетъ на среднія трудовыя хозяйства нормальныхъ размѣровъ, при пониженіи—на болѣе мелкія, съ такой сельско-хозяйственной площадью, при которой существованіе однимъ земледѣліемъ (при трехпольи), по большей части, невозможно.

3) На основаніи этихъ закономѣрностей мы должны отрицательно отнестись, какъ къ возрѣніямъ экономистовъ, полагающихъ, что общее пониженіе уровня крестьянскаго хозяйства вызываетъ процессъ дифференціаціи (гг. Гурвичъ, Ильинъ) такъ и къ противоположному взгляду, что дифференціація можетъ быть исключительнымъ результатомъ лишь возрастанія матеріальнаго благополучія (г. Масловъ).

Дифференціація не проявляется ни при паденіяхъ, ни при подъемахъ уровня обезпеченности: то, что названные экономисты принимали за дифференціацію, были односторонніе процессы подвижки *внизъ* (г. Ильинъ) и подвижки *вверхъ* (г. Масловъ). *Изъ двустороннихъ процессовъ эволюціи распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ только одинъ—нивеллировку*, проявляющуюся въ чистомъ видѣ, при систематическомъ небольшомъ повышеніи уровня обезпеченности.

Дифференціація возможна только при *концентраціи* средствъ производства въ немногихъ хозяйствахъ: эволюція распредѣленія, въ пореформенную эпоху, какъ въ частновладѣльческихъ такъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, даетъ одну общую черту—*дробленіе* средствъ производства, главное изъ которыхъ—земля, въ крѣпостную эпоху, сконцентрировалась въ рукахъ небольшой группы крупныхъ нетрудовыхъ привиллегированныхъ землевладѣльцевъ. Эволюція распредѣленія *до и послѣ крестьянской реформы діаметрально противоположны.* Такъ какъ концентрація земли въ дореформенную эпоху, больше всего зависѣла отъ политическихъ факторовъ, а эволюція распредѣленія послѣ 60-хъ г.г.—отъ экономическихъ условій, то явленія послѣдней эпохи, до извѣстной степени, будутъ явленіями „*въ чистомъ видѣ*“ и могутъ дать намъ путеводную нить для опредѣленія закономѣрнаго хода аграрной эволюціи.

ГЛАВА VII.

Заключеніе.

Связь теоріи съ фактами.

§ 1. Цѣль и границы изслѣдованія.

Обыкновенно, теоретическій анализъ предпосылается фактическому изложенію Въ сочиненіяхъ, посвященныхъ изслѣдованнымъ нами вопросамъ, особенно часто впереди фигурируетъ обширное „введеніе“, въ которомъ излагается не только планъ работы, но и высказываются субъективные взгляды автора на основныя черты изслѣдуемыхъ явленій. Мы поступаемъ какъ разъ наоборотъ: ограничившись вначалѣ обоснованіемъ хронологическаго плана изложенія и общимъ указаніемъ, на то, что аграрная исторія Россіи, въ основныхъ чертахъ должна быть „закономѣрной“, т. е. сходной съ таковой же исторіей европейскихъ странъ, разсмотрѣніе самой сущности этой закономѣрности мы отложили на конецъ. Цѣль такой перемѣны плана изложенія—предохранить описаніе фактовъ отъ налета излишняго субъективизма. Когда теорія предпосылается фактамъ, то невольно ихъ изложеніе преломляется подъ угломъ зрѣнія автора, многіе факты, противорѣчащіе теоріи, прямо выбрасываются за бортъ, или фактическое изложеніе не имѣетъ ничего общаго съ теоріей. Разсматривая теоретическіе вопросы въ концѣ изложенія, мы надѣемся, что сдѣлали его болѣе свободнымъ отъ неизбѣжнаго субъективизма. Съ этой же цѣлью мы старались, гдѣ это было возможно, въ изложеніи примѣнять статистическій методъ. „Примѣненіе статистическаго метода, говоритъ Вихляевъ *) обязываетъ восходить въ процессѣ изслѣдованія, отъ частностей, доступныхъ наблюденію и количественному измѣренію, къ тѣмъ научнымъ обобщеніямъ, изъ которыхъ слагается матеріалъ къ правильной постановкѣ и рѣшенію основного вопроса изслѣдованія. Возможность подойти къ фактамъ съ заранѣе установленной точки зрѣнія

*) См. Введеніе къ „Очеркамъ изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности“.

исключается правильностью примѣненія статистическаго метода. Эта точка зрѣнія, которая могла бы покрыть количественно измѣренные факты, должна быть найдена въ *концѣ изслѣдованія*, какъ обобщающій результатъ отдѣльныхъ наблюденій".

Пятьдесятъ лѣтъ сельско-хозяйственная экономія была въ вавилонскомъ плѣну у апріорныхъ началъ марксистской идеологіи и только теперь она освобождается отъ этого плѣна, становится самостоятельной научной дисциплиной, опираясь, главнымъ образомъ, на выводы, полученные при помощи индуктивно-статистическаго анализа. Вотъ почему, гдѣ мы могли—мы старались прибѣгать къ статистическому методу, считая его лучшимъ ключемъ для познанія соціальныхъ закономѣрностей.

Правда, историко-статистическіе матеріалы въ отмеженной нами области, во многихъ періодахъ, были не полны, отрывочны, еще мало разработаны. Взамѣнъ „большихъ чиселъ" намъ приходилось зачастую излагать единичные факты: въ такихъ случаяхъ, во избѣжаніе неправильной оцѣнки удѣльнаго вѣса этихъ фактовъ—ихъ значенія и повторяемости въ народно-хозяйственной жизни, мы прибѣгали къ сопоставленію съ рядомъ другихъ, относящихся къ данному вопросу, чѣмъ, если не устранялась, то значительно ослаблялась возможность ошибочныхъ выводовъ. Во всякомъ случаѣ, даже при недостаточномъ числѣ фактовъ и статистическихъ данныхъ, они всегда сдерживаютъ полетъ дедуктивныхъ фантазій въ рамкахъ реальной, жизненной дѣйствительности.

Теперь, закончивъ фактическое изложеніе аграрной исторіи Россіи, мы можемъ приступить къ отысканію той нити, которая связываетъ эти факты съ нѣкоторыми основными теоретическими положеніями сельско-хозяйственной экономіи. Однако, надо сознаться, что наше изложеніе не было полнымъ: именно, мы ограничились исторіей населенности, производства и распредѣленія и очень слабо коснулись исторіи *обмѣна*. Между тѣмъ, современная политическая экономія занята изученіемъ хозяйственныхъ отношеній, возникающихъ, преимущественно, на почвѣ обмѣна и нѣкоторые составители курсовъ сельско-хозяйственной экономіи (напр. г. Скворцовъ) выдвигаютъ значеніе обмѣна для сельскаго хозяйства на первый планъ. Наиболѣе популярная схема хозяйственной эволюціи Бюхера—построена на развитіи обмѣна. Авторъ новѣйшаго изслѣдованія по аграрной исторіи Россіи г. Лященко убѣжденъ, что рыночныя отношенія—„почти рѣшающій факторъ аграрной эволюціи". Воз-

никаетъ вопросъ, имѣли ли мы право такъ слабо освѣтить исторію обмѣна, когда, быть можетъ, закономѣрная эволюція производства и распредѣленія цѣликомъ зависитъ отъ этого „почти рѣшающаго“, фактора?...

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, такъ ли мы понимаемъ термины „производство“ и „распредѣленіе“, какъ опредѣляетъ ихъ политическая экономія.

Подъ „производствомъ“ въ политической экономіи подразумѣвается процессъ приспособленія внѣшней природы къ хозяйственнымъ цѣлямъ человѣка. „Хозяйственная дѣятельность, говоритъ Туганъ-Барановскій, имѣетъ своей цѣлью созданіе матерьяльной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей. Дѣятельность эта, въ современномъ обществѣ, распадается на двѣ ступени. На первой преодолѣвается сопротивленіе внѣшней природы, послѣдняя приспособляется къ нашимъ цѣлямъ: этотъ процессъ называется *производствомъ*. На второй, послѣ того, какъ человѣкъ преобразовалъ природу въ соотвѣтствіи со своими потребностями, происходитъ обмѣнъ между различными собственниками произведенныхъ продуктовъ“. (Основы политической экономіи, стр. 130).

Предыдущее изложеніе показываетъ, что наше пониманіе термина „производство“ не расходится съ пониманіемъ политической экономіи. Но подъ „распредѣленіемъ“ мы подразумѣвали совершенно иную категорію хозяйственныхъ явленій: именно, политическая экономія, говоря о распредѣленіи, изучаетъ обычно распредѣленіе доходовъ (прибыль, рента, заработная плата), мы же все время анализировали распредѣленіе *средствъ производства* (земли и орудій труда —скота, инвентаря и пр.). Такая разница зависѣла, прежде всего, отъ технической причины—отъ того, что доходы и въ настоящее время, не говоря о прошломъ, съ большимъ трудомъ поддаются статистическому учету и современная сельско-хозяйственная статистика изучаетъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, распредѣленіе средствъ производства. Обыкновенно, хозяева, по разнымъ соображеніямъ, склонны скрывать свои доходы, да и учетъ ихъ, самъ по себѣ—сложное дѣло. Гораздо легче поддаются учету средства производства и распредѣленіе главнаго изъ нихъ—земли—учитывалось въ Европѣ съ XI—XII в.в., а въ Россіи —съ XV вѣка.

Но эта внѣшняя техническая причина отступаетъ на второй планъ передъ глубокими основаніями, обусловившими расхожденіе указанныхъ понятій въ политической и сельско-хозяйственной экономіи. На прибыль, ренту, заработную

плату распредѣляются доходы только въ *капиталистически-организованномъ обществѣ:* въ крестьянскомъ хозяйствѣ всѣ три вида доходовъ неотдѣлимы, въ мелкомъ ремесленномъ —невозможно отдѣлить прибыль отъ заработной платы. Туганъ-Барановскій опредѣляетъ „проблему распредѣленія, какъ проблему объ отношеніяхъ зависимости между доходами тѣхъ общественныхъ классовъ, которые связаны между собой условіями *капиталистическаго* производства и обмѣна", (классами крупныхъ землевладѣльцевъ, буржуазіи и пролетаріата). „Доходы мелкихъ самостоятельныхъ производителей стоятъ *внѣ* указанной связи и потому *въ ученіи о распредѣленіи для нихъ мѣста нѣтъ*". „Конечно доходъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей существенно зависитъ отъ распредѣленія между ними средствъ производства, но распредѣленіе средствъ производства между различными общественными классами составляетъ проблему совершенно иного рода, чѣмъ проблема распредѣленія общественнаго дохода" (стр. 525 и 532).

Вниманіе политической экономіи устремлено на капиталистическія отношенія. „Капаталистическое хозяйство, по преимуществу, изучается политической экономіей". Но имѣетъ ли право политическая экономія игнорировать классы производителей—трудовыхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, не занимаютъ ли они до сихъ поръ въ народномъ хозяйствѣ настолько замѣтнаго мѣста, что пренебреженіе къ нимъ лишаетъ выводы политической экономіи всеобщаго значенія? Мы охотно присоединяемся къ слѣдующимъ словамъ г. Маслова. „Всѣмъ извѣстно, что въ современномъ народномъ хозяйствѣ даже передовыхъ капиталистическихъ странъ чисто капиталистическое хозяйство занимаетъ не больше половины производительныхъ силъ страны. Другая половина, а мѣстами и двѣ трети населенія заняты не наемнымъ трудомъ, а ремесленнымъ или заняты въ мелкомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, политическая экономія занята анализомъ исключительно капиталистическихъ отношеній. Правда, капиталистическія отношенія... являются доминирующими въ современномъ обществѣ, даютъ тонъ всѣмъ общественнымъ отношеніямъ. Тѣмъ не менѣе, докапиталистическія отношенія еще не исчезли: некапиталистическое хозяйство создаетъ еще массу продуктовъ, занимающихъ большое мѣсто въ общемъ хозяйственномъ строѣ страны. Учитываетъ ли этотъ фактъ политическая экономія? Опредѣляетъ ли она роль и мѣсто некапиталистическихъ отношеній и вліяніе ихъ на весь хозяйственный строй страны и на его развитіе? Нисколько. Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, поли-

тическая экономія должна быть тѣсно связана съ исторіей и *теоріей развитія* (курсивъ автора) народнаго хозяйства, а таковой въ настоящее время еще нѣтъ" *).

Г. Масловъ, какъ марксистъ, склоненъ еще преувеличивать роль капитализма въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Если въ индустріи въ капиталистическихъ предпріятіяхъ теперь производится большинство продуктовъ, то въ сельскомъ хозяйствѣ, наоборотъ, большинство продуктовъ. *Во всемъ мірѣ*, создается руками мелкихъ трудовыхъ (Россія, Германія, Франція, Италія, Данія, Австро-Венгрія, Ирландія, Бельгія, Швеція, Норвегія) или среднихъ, полутрудовыхъ мелко-капиталистическихъ (Англія, Соединенные Штаты, Австралія) производителей. Въ предыдущей главѣ мы разсчитали, приблизительно, что около 85% зерна производится у насъ крестьянами. Можетъ ли игнорировать, послѣ этого „роль и мѣсто не капиталистическихъ отношеній", сельско-хозяйственная экономія? Очевидно, нѣтъ.

Отсюда уже видно, что задачи современной политической экономіи и экономіи сельскаго хозяйства должны расходиться. Сельско-хозяйственная экономія не можетъ игнорировать мелкихъ самостоятельныхъ производителей и одна изъ важнѣйшихъ ея задачъ,—отысканіе законовъ распредѣленія средствъ производства между мелкими трудовыми и крупными не трудовыми хозяйствами. Задача политической экономіи—анализъ распредѣленія доходовъ въ средѣ капиталистически организованнаго общества.

Въ капиталистическомъ обществѣ доминируютъ мѣновыя отношенія. Отсюда народное хозяйство, по опредѣленію политической экономіи—„совокупность связанныхъ обмѣномъ, единичныхъ хозяйствъ". Такое пониманіе сущности народнаго хозяйства порываетъ всякую связь съ *исторіей*.

„Было время, когда мѣновое хозяйство еще не возникло, и будетъ время, когда этотъ хозяйственный строй, совершивъ свой кругъ развитія, отойдетъ въ прошлое" (Туганъ-Барановскій стр. 21).

Хозяйство потребительнаго типа, мелкаго производителя—земледѣльца, также какъ и все средневѣковое натуральное хозяйство не существовало и не существуетъ для современной политической экономіи.

Мы уже указывали въ первой части, что политическая экономія строитъ свои положенія только на одной отрасли промышленности—на индустріи, а индустрія всегда была, по самой натурѣ, мѣновымъ производствомъ, т. к. продуктовъ

*) П. *Масловъ*. Теорія развитія народнаго хозяйства. Спб. 1910.

индустріи ѣсть, по большей части нельзя, и для самого производителя они нужны въ небольшомъ количествѣ. Мы не станемъ отрицать, что и въ сельскомъ хозяйствѣ быстро развивается обмѣнъ, что, если въ бюджетѣ дореформенныхъ крестьянъ денежная часть равнялась 15—20%, то теперь, даже въ нашихъ земледѣльческихъ раіонахъ она достигаетъ половины бюджета, а у европейскихъ крестьянъ денежные расходы и доходы преобладаютъ надъ натуральными. Но, все таки, обмѣнъ въ сельскомъ хозяйствѣ никогда не охватитъ *всѣхъ продуктовъ* и *всѣхъ средствъ производства*: крестьянинъ не продастъ продуктовъ, нужныхъ ему для поддержанія его existenz minimum'а, потому что ему придется покупать ихъ же по повышенной цѣнѣ.—Иначе говоря, личное потребленіе пищевыхъ продуктовъ всегда у крестьянина будетъ натуральнымъ. Тоже самое нужно сказать относительно нѣкоторыхъ средствъ производства: сырья—сѣмянъ, корма скоту, навознаго удобренія. наконецъ—рабочихъ рукъ. Все это и крестьянинъ и крупный владѣлецъ (послѣдній—кромѣ рабочихъ рукъ), пріобрѣтаютъ натурой. „Большинство даже интенсивныхъ хозяйствъ, которыя, по природѣ своей, требуютъ затраты большихъ денежныхъ средствъ, потребляютъ въ натурѣ значительную часть собственнаго производства“ (Гольцъ). Въ индустріи и ремесленникъ и фабрикантъ пріобрѣтаютъ сырье покупкой.

Изъ того факта, что обмѣнъ и теперь не захватываетъ значительной доли продуктовъ и средствъ производства, а въ прежнее время почти совсѣмъ ихъ не захватывалъ, слѣдуетъ выводъ, что на *характеръ производства* и сейчасъ его вліяніе ограничено, а въ прежнее время оно приближалось къ нулю. Теперь вліяніе рынка на производство ограничено:

Во 1-ыхъ *природными* условіями: нельзя въ Африкѣ сѣять морошку, если бы даже это было выгодно, а въ Якутской области заниматься слоноводствомъ. Климатъ—первый изъ природныхъ факторовъ, ставящій преграды приспособленію производства къ рынку. Второй природный факторъ —*почва*. Когда въ Англію хлынула американская пшеница, англичане перестали ее сѣять, а завели искусственные луга. Если бы климатъ и почва Англіи не были благопріятны луговодству—условія рынка не были бы въ состояніи его создать. Въ Германіи производство пшеницы и ржи продолжаетъ расти, несмотря на возрастающій привозъ этихъ продуктовъ. Въ нечерноземной полосѣ Россіи было бы выгоднѣе сѣять пшеницу, но тамъ сѣютъ преимущественно рожь. Словомъ, природныя условія значительно ограничиваютъ

вліяніе рынка на выборъ отдѣльныхъ культуръ, не говоря уже о всей системѣ хозяйства.

Во 2-хъ) Эволюція системъ хозяйства и полеводства, переходъ отъ охотничьяго быта къ пастушескому, отъ перелога къ трехполью, отъ паровой зерновой системы къ плодосмѣну—зависитъ не отъ рынка, а отъ возрастающей *плотности* населенія. Возьмемъ страну, производство которой приспособлено, преимущественно для рынка—Соединенные Штаты. Здѣсь плотность населенія увеличивается по направленію съ запада на востокъ, въ этомъ же направленіи ростетъ и интенсификація земледѣлія. Для производства на рынокъ наиболѣе выгодно засѣвать всю площадь однимъ злакомъ. Такъ и поступали на западѣ Америки. Но, черезъ нѣкоторое время, такое хищническое хозяйство становится невозможнымъ и фермеры съ истощеніемъ почвы и ростомъ населенія переходятъ на „mixed farming"—смѣшанную систему земледѣлія съ посѣвомъ разныхъ культуръ. Требованія рынка уступаютъ мѣсто природнымъ условіямъ и возрастающей плотности населенія. Плотность населенія вліяетъ не только на систему хозяйства: она вліяетъ на самый рынокъ. Какъ только населеніе въ странѣ достигаетъ большой плотности и система земледѣлія интенсифицируется—страна изъ вывозящей хлѣбъ превращается въ ввозящую. Такъ было съ Германіей, Франціей, нѣкоторыми раіонами Россіи; такъ будетъ и съ Соединенными Штатами. Вообще, страны и раіоны съ болѣе интенсивнымъ хозяйствомъ и плотнымъ населеніемъ являются ввозящими, а страны съ экстенсивнымъ земледѣліемъ и рѣдкимъ населеніемъ—вывозящими хлѣбъ. А такъ какъ въ рѣдко населенныхъ странахъ и раіонахъ населеніе возрастаетъ очень быстро, то быстро совершается переходъ странъ отъ экспорта къ импорту хлѣбныхъ продуктовъ. Такимъ образомъ, направленіе мірового рыночнаго оборота находится въ зависимости отъ плотности населенія.

Еще болѣе слабо отражается рынокъ на распредѣленіи средствъ производства и особенно—на *исторіи* этого распредѣленія. Бюхеровская схема исторически невѣрна.

1) Понятіе натуральнаго „замкнутаго" хозяйства, какъ первой ступени историческаго развитія, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: у насъ въ Кіевскую эпоху, въ Европѣ—до возникновенія феодализма, обмѣнъ былъ болѣе развитъ, чѣмъ въ послѣдующія эпохи и этотъ обмѣнъ былъ *международнымъ*. Въ Кіевскую эпоху верхнимъ классамъ принадлежали средства производства, въ удѣльную—они захватили и землю: „замкнутое" крестьянское хозяйство пользовалось

чужими орудіями, скотомъ и землей, брало ссуду и выплачивало ренту. Очевидно, „замкнутость“ такого хозяйства у котораго на дворѣ все было наемное и заемное—является крайне условнымъ понятіемъ.

2) Вторая ступень—городского хозяйства не существовала во многихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи.

„Городское хозяйство, въ его типичномъ видѣ, существовало только въ Западной Европѣ и больше нигдѣ. Не говоря уже о неевропейскихъ странахъ, вся восточная Европа —Россія не знала ничего похожаго на городское хозяйство Бюхера“. (Туг. Бар. стр. 113). Городское хозяйство связано съ ремесленнымъ типомъ производства въ индустріи; у насъ ремесленники были разбросаны по деревнямъ и эта разбросанность сохраняется, въ значительной степени, до настоящаго времени. Съ сельскимъ хозяйствомъ городское и въ Россіи и въ Европѣ было связано очень мало и въ теченіи среднихъ вѣковъ, и тутъ и тамъ организовалось *феодально-помѣстное* и *общинное* хозяйство, изолированное въ нашемъ центрѣ и связанное торговыми отношеніями съ Западной Европой въ Новгородской области.

3) Третья ступень—народное и міровое хозяйство „вовсе не отличается длиной пути отъ производителя къ потребителю. Зомбартъ правильно отмѣчаетъ, что новѣйшее правильное развитіе характеризуется именно стремленіемъ къ сокращенію этого пути“ (Туг. Баран.). Удлиненіе пути отъ производителя къ потребителю въ настоящее время, пожалуй, болѣе характерно не для продуктовъ индустріи, а для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Сельско-хозяйственный обмѣнъ, начинаясь съ *международной* торговли, свойственной *до* земледѣльческому фазису, въ эпоху экстенсивнаго земледѣлія проходитъ ступени изолированнаго, общиннаго, раіоннаго, народнаго и кончается на той ступени, съ которой начался—*мірового* обмѣна. Поэтому схема г. Маслова, данная имъ въ послѣдней работѣ, ближе къ дѣйствительности (изолированное, общинное, раіонное, народное, міровое хозяйство), но и она неправильна въ исходномъ пунктѣ: вмѣсто изолированнаго хозяйства мы встрѣчаемъ довольно развитой международный обмѣнъ.

Для насъ, впрочемъ, не такъ важна фактическая достовѣрность историческихъ ступеней развитія обмѣна: для насъ важнѣе установить, отражалось ли это развитіе на эволюціи *распредѣленія* средствъ производства. Если признать, вмѣстѣ съ г. Лященко, что рынокъ „почти рѣшающій факторъ аграрной эволюціи“, то мы увидимъ очень оригинальную картину: въ средніе вѣка, при господствѣ натуральнаго строя,

средства производства сосредоточивались въ рукахъ *верхнихъ* классовъ — крупныхъ землевладѣльцевъ; теперь большая часть ихъ перешла въ руки среднихъ и мелкихъ хозяевъ— ergo, „рѣшающій факторъ"—обмѣнъ перебросилъ, съ ходомъ своего развитія, средства производства въ руки тѣхъ хозяйствъ, которыя менѣе другихъ склонны къ развитію обмѣна. Исторія, дѣйствительно, говоритъ намъ, что натуральность средневѣковаго строя была благопріятнымъ условіемъ для возникновенія крупнаго землевладѣнія (но не хозяйства). Феодализмъ—первоисточникъ крупнаго землевладѣнія возникъ именно на почвѣ натуральнаго строя. „Въ обществахъ, гдѣ обмѣнъ далеко не составляетъ общаго правила, гдѣ довольствуются потребленіемъ собственныхъ продуктовъ, всякая государственная служба можетъ быть вознаграждена лишь уступкой извѣстныхъ доходовъ, поступающихъ либо съ управляемыхъ вообще, либо съ однихъ воздѣлывателей почвы. Служилый человѣкъ живетъ поэтому, или „кормленіемъ", т. е. съ доходовъ своей должности, или съ доходовъ, получаемыхъ съ данной ему во владѣніе земли". Такъ было во всемъ свѣтѣ. Паденіе феодализма произошло потому, что „мѣновое хозяйство явилось на смѣну хозяйству натуральному. Съ развитіемъ обмѣна накопленіе движимой собственности, въ частности денегъ, даетъ возможность главамъ государства вознаграждать всякую службу—какъ военную, такъ и гражданскую не одними только землями и земельнымъ доходомъ" *).

Конечно, натуральный строй есть только одно изъ условій возникновенія крупнаго феодальнаго землевладѣнія, но не его первопричина: таковой является необходимость организаціи военно-служилаго класса. Не будь этой необходимости, правительству не зачѣмъ было бы раздавать, въ видѣ жалованья, сначала не заселенную, а затѣмъ и заселенную крестьянами землю. Слѣдовательно, первопричиной образованія крупнаго землевладѣнія является не отсутствіе обмѣна, а политическіе факторы.

Когда происходитъ развитіе обмѣна, крупное землевладѣніе не исчезаетъ и на его почвѣ образуется крупное *товарное хозяйство*. Казалось бы, что въ этомъ случаѣ рынокъ имѣетъ первенствующее значеніе. Но вотъ происходитъ освобожденіе крестьянъ, обмѣнъ возрастаетъ въ нѣсколько разъ, а крупное хозяйство быстро падаетъ внизъ. Очевидно, два діаметрально противоположныхъ слѣдствія—развитіе и паденіе крупнаго хозяйства не могутъ быть обусловлены одной

*) М. *Ковалевскій*. Соціологія т. I, ст. 22. Спб. 1910.

общей причиной—возрастаніемъ мѣновыхъ отношеній. Причина образованія и гибели крупнаго хозяйства до и послѣ реформы должна лежать въ томъ элементѣ производства, который *измѣнялся* въ разныя эпохи—и этотъ элементъ, подвергшійся рѣзкому измѣненію—*даровой крѣпостной трудъ*. Не будь дарового крѣпостного труда, крупное хозяйство никогда бы не достигло такого большого развитія: паденіе этого хозяйства обусловлено уничтоженіемъ крѣпостного права, т. е. потерей дарового источника труда. Все это показываетъ, что эволюція распредѣленія средствъ производ связана не столько съ эволюціей обмѣна, сколько съ факторами совершенно иного порядка, значеніе которыхъ мы опредѣлимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Итакъ, обмѣнъ не вліяетъ настолько сильно на эволюцію производства и распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ, чтобы безъ него нельзя было уяснить себѣ основныхъ закономѣрностей хода этой эволюціи. Обмѣнъ развивается вмѣстѣ съ исторіей и на первыхъ ступеняхъ аграрнаго развитія, онъ не могъ отразиться, просто, благодаря своему отсутствію. Между тѣмъ, для характеристики аграрной эволюціи, намъ важно положить въ основу изслѣдованія не перемѣчныя, а *постоянно* дѣйствующіе факторы. Поэтому мы въ предыдущемъ изложеніи, хотя и не игнорировали значеніе обмѣна, но считая его однимъ изъ вторичныхъ факторовъ, обращали на него вниманіе только тогда, когда его роль явственно выступала въ исторіи: намъ кажется, что ясность изложенія фактовъ отъ этого пострадала очень немного. Точно также мы будемъ поступать и въ этой главѣ, посвященной анализу основныхъ причинозависимостей общаго развитія сельско-хозяйственнаго производства и распредѣленія: и здѣсь мы будемъ изучать не „совокупность хозяйствъ, связанныхъ обмѣномъ“ а совокупность хозяйствъ связанныхъ *производственными отношеніями*. Что такая связь существуетъ, что она также стихійна, безсознательна, но тѣмъ не менѣе закономѣрна, какъ и связь, создаваемая обмѣномъ показываетъ фактъ однородности системы хозяйства или системы земледѣлія, преобладающей въ каждой мѣстности или странѣ въ данный моментъ ея исторіи. Причины этой стихійной закономѣрности мы и постараемся вкратцѣ обрисовать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Итакъ, цѣль нашего изслѣдованія—опредѣлить закономѣрность эволюціи производства и распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ. Считая обмѣнъ второстепеннымъ факторомъ этой эволюціи, мы разсматриваемъ его значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно явственно выступаетъ въ исто-

ріи. Исключаемъ мы и разсмотрѣніе послѣдней стадіи сельско-хозяйственнаго производства—технической переработки сырья (сельско-хозяйственной индустріи). И обмѣнъ и сельско-хозяйственная индустрія подвержены совершенно инымъ законамъ развитія, чѣмъ сельское хозяйство, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. производство, непосредственно связанное съ землей и біологическими процессами творчества природы.

Поэтому намъ кажется, что разсмотрѣніе условій развитія обмѣна и сельско-хозяйственной индустріи должно быть выдѣлено изъ анализа условій эволюціи сельскаго хозяйства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ въ особый отдѣлъ сельско-хозяйственной экономіи.

§ 2. Вліяніе природныхъ факторовъ и населенности на эволюцію производства. Основной принципъ эволюціи.

До сихъ поръ главной цѣлью теоретической сельскохозяйственной экономіи *)—науки еще только конструирующейся, было стремленіе отмежевать себя какъ можно рѣзче отъ экономіи индустріи; а такъ какъ политическая экономія связана кровнымъ родствомъ съ этой послѣдней, то с.-хоз. экономія не разъ вступала въ конфликтъ съ политической экономіей, расшатывая „всеобщность“ нѣкоторыхъ ея законовъ.

Основное отличіе сельскаго хозяйства отъ индустріи заключается въ преобладающемъ вліяніи на первую отрасль производства природныхъ факторовъ. О роли природныхъ факторовъ говорилось много разъ, значеніе ихъ твердо установлено, но все таки даже такіе писатели какъ г. Масловъ, ставящіе въ основу „теоріи развитія народнаго хозяйства“ производственныя, а не мѣновыя отношенія, выдвигающіе на первый планъ „фактъ“ убывающаго плодородія почвы, всецѣло зависящій отъ природныхъ факторовъ, обходятъ ихъ презрительнымъ молчаніемъ. Поэтому, а также въ видахъ послѣдовательности изложенія, мы считаемъ не лишнимъ посвятить имъ нѣсколько строкъ.

*) По Фортунатову, с.-хоз. экономія въ *широкомъ* смыслѣ совпадаетъ съ понятіемъ агрономическаго обществовѣдѣнія, изучающаго хозяйственную дѣятельность человѣка во всей ея совокупности. С.-хоз. экономія распадается на 1) теоретическую (с.-хоз. экономію въ узкомъ смыслѣ), 2) с.-хоз. статистику, 3) исторію сельскаго хозяйства, 4) сельскохоз. правовѣдѣніе (и политику Н. О.). См. „Нѣсколько страницъ изъ экономіи и статистики сельскаго хозяйства“. Изд. 2. М. 1909 г.

Всякое производство есть процессъ приспособленія внѣшней природы человѣкомъ. Но въ сельскомъ хозяйствѣ человѣкъ не только приспособляетъ природу для своихъ хозяйственныхъ цѣлей—онъ самъ *вынужденъ приспособляться къ ней*. Какъ говоритъ г. Булгаковъ, въ индустріи „человѣкъ является господиномъ природы, а въ земледѣліи ея рабомъ". Сельско-хозяйственные продукты—результатъ *органическаго* творчества природы, но не *механическаго* творчества человѣческаго труда. Индустрія не имѣетъ дѣла съ областью органической жизни: ея сфера—обработка мертваго матеріала, доставляемой природой. Въ индустріи человѣкъ *самъ* перерабатываетъ сырье; въ сельскомъ хозяйствѣ природа замѣняетъ человѣка; изъ сырья—земли, воды, свѣта, теплоты, газовъ, воздуха, при помощи разныхъ организмовъ, природа *сама* вырабатываетъ тѣ живые организмы, которые нужны для человѣка. Человѣкъ не умѣетъ вырабатывать живыхъ организмовъ и ему остается стараться только, чтобы природа творила въ его пользу.

Природа есть *активный* и могущественный участникъ сельско-хозяйственнаго производства. Поэтому сельско-хозяйственная экономія не можетъ игнорировать ея дѣятельность, точнѣе, ея *производительность*, какъ дѣлаетъ это экономія индустріи, имѣющая дѣло съ мертвымъ пассивнымъ матеріаломъ. На каждомъ шагу въ сельскомъ хозяйствѣ проглядываетъ вліяніе природныхъ факторовъ. Мы не будемъ перечислять ихъ цѣликомъ: мы упомянемъ только о тѣхъ, которые наиболѣе глубоко вліяютъ на хозяйственную дѣятельность человѣка, значительно видоизмѣняя ее сравнительно съ таковой же дѣятельностью индустріи.

Природные факторы мы дѣлимъ на *постоянныя*, значеніе которыхъ не измѣняется или измѣняется очень мало въ рамкахъ человѣческой исторіи и которые почти недоступны воздѣйствію человѣка, и на *перемѣнные*—измѣняющіеся съ ходомъ исторіи и подверженные человѣческому вліянію.

Изъ постоянныхъ факторовъ мы остановимся на *климатѣ*. Неодинаковость температуры во всѣ времена года, смѣна дождливыхъ и солнечныхъ дней создаютъ ту отличительную особенность с.-хоз. производтва, которая извѣстна подъ названіемъ *сезонности*, или шире—*прерываемости* труда. Въ индустріи большинство работъ можетъ производиться въ теченіе круглаго года, во всякую погоду. Такъ какъ смѣна временъ года создаетъ послѣдовательную смѣну біологическихъ процессовъ взращиванія растительныхъ организмовъ, то за этой смѣной послѣдовательно идутъ различные виды человѣческаго труда „удобреніе, паханіе, бо-

роньба, сѣяніе, окучиваніе, косьба, перевозка къ полю и съ поля—всѣ эти работы смѣняютъ другъ друга“ (Давидъ). Одновременное выполненіе этихъ работъ невозможно—отсюда невозможно *техническое раздѣленіе труда*, составляющее одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ производства въ индустріи.

Второй природный факторъ—*пространство* или протяженность земли—той мастерской, въ которой орудуетъ человѣкъ. Размѣры эксплоатируемой земельной площади, въ зависимости отъ системъ хозяйства, варьируютъ очень сильно —отъ сотенъ квадратныхъ верстъ до десятковъ саженей, но, оставаясь всегда во много разъ больше той площади, на которой оперируетъ индустрія, протяженность земли, какъ объекта хозяйственной эксплоатаціи, заставляетъ человѣка передвигаться съ орудіями производства по полю, т. е. создавать *перемѣщаемость* (подвижность) труда. „Мѣсто работы безпрерывно мѣняется. Поле, лугъ, дворъ, хлѣвъ, гумно, въ пестрой смѣнѣ составляютъ мастерскую сельскаго хозяина. Процессъ растительной жизни прикованъ къ опредѣленному мѣсту. Туда долженъ направиться и человѣкъ со своими орудіями. Но и самая работа въ полѣ и на лугу носитъ вполнѣ локомоторный характеръ. Въ фабрикаціи обыкновенно перемѣщается *предметъ* труда: самый трудъ и орудія труда остаются на мѣстѣ. Поэтому, въ фабрикаціи возможно установить прочную устойчивую систему механическихъ силъ и орудій труда. Въ противоположность этому, складъ орудій въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ, носитъ, въ общемъ *подвижной* характеръ. Сельско-хозяйственный машинный механизмъ, это отдѣльныя кочующія машины“ (Давидъ стр. 48).

Кочеваніе сельско-хозяйственнаго труда по землѣ не даетъ возможности установить большой центральный моторъ, который бы направлялъ энергію въ цѣлый рядъ машинъ. Поэтому, сельско-хозяйственныя машины малы, легки, подвижны и слабосильны; ихъ слабость препятствуетъ опять таки техническому раздѣленію труда, которое въ индустріи углубляется и расширяется благодаря примѣненію могучихъ механическихъ двигателей.

Намъ кажется достаточнымъ указать на эти два природныхъ фактора, чтобы понять, что въ сельскомъ хозяйствѣ невозможно широкое *техническое раздѣленіе труда*—невозможна и крупная кооперація (сложное сотрудничество). Мы уже указывали въ первой части, на тотъ чрезвычайной важности фактъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ, нѣтъ предпріятія подобнаго фабрикѣ—предпріятія того типа, который Зом-

бартъ называетъ „общественнымъ производствомъ въ крупныхъ размѣрахъ“. Техническое раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ не идетъ далѣе небольшихъ группъ, при ручной работѣ, совпадающихъ, зачастую съ семьей. Напримѣръ, при покосѣ и жнитьѣ мужчины косятъ хлѣбъ и траву, а женщины сгребаютъ въ копны и вяжутъ въ снопы и т. д. „Для образованія необходимыхъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ организованныхъ группъ рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ вполнѣ достаточно нормальной крестьянской семьи состоящей изъ 4—6 душъ разнаго возраста“ (Давидъ стр. 64). При машинной работѣ, благодаря небольшой величинѣ машинъ, сложная кооперація объединяетъ, лишь маленькія группы въ нѣсколько рабочихъ, тоже разныхъ возрастовъ и половъ. Наиболѣе крупная кооперація наблюдается на молотильныхъ машинахъ, когда производство, собственно уже оторвано отъ земли. Молотьба —процессъ составляющій переходную ступень къ сельскохозяйственной индустріи. Такимъ образомъ, техническое раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ очень незначительно —оно не идетъ далѣе „общественнаго производства въ малыхъ размѣрахъ“. По терминологіи Зомбарта и преобладающимъ видомъ сотрудничества является *простое*, при которомъ группы людей одновременно продѣлываютъ одну и ту же работу. Простое сотрудничество существовало въ сельскомъ хозяйствѣ съ незапамятныхъ временъ: можно даже сказать, что *до* земледѣльческому фазису оно было болѣе свойственно чѣмъ развитому земледѣльческому хозяйству, благодаря чему въ звѣроловномъ и пастушескомъ хозяйствѣ и при переложномъ земледѣліи еще господствовалъ мелко-родовой бытъ и сложная семья—задруга, или артели сябровъ. При окончательномъ переходѣ на земледѣліе, при смѣнѣ перелога трехпольемъ, сложная семья распадается на рядъ простыхъ, остатки родового быта исчезаютъ, артели сябровъ превращаются въ деревенское сосѣдство самостоятельныхъ хозяевъ—словомъ отдѣльная семья—хозяйство индивидуализируется, обособляется отъ себѣ подобныхъ, такъ какъ настоятельной потребности въ постоянномъ сотрудничествѣ семьи уже нѣтъ. Однако и теперь временныя формы простого сотрудничества довольно распространены въ нашей деревенской общинѣ. Болѣе систематическое примѣненіе простого сотрудничества можно найти въ крупномъ производствѣ съ наемнымъ трудомъ „индивидуальномъ производствѣ въ крупныхъ размѣрахъ“, какъ это называетъ Зомбартъ.

Прерываемость труда создаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ и невозможность спеціализаціи профессій, широкаго *обще-*

ственнаго раздѣленія труда. Въ индустріи ткачъ совершенно незнакомъ съ кузнечнымъ дѣломъ и всю жизнь занимается однимъ своимъ ремесломъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ, каждый крестьянинъ, каждый батракъ долженъ умѣть дѣлать всѣ сельско-хозяйственныя работы: пахать, косить, полоть, молотить, ходить за скотомъ, извозничать и т. д.

Итакъ, прерываемость и перемѣщаемость труда зависящіе отъ природныхъ факторовъ—климата и протяженности земли—обусловливаютъ собой невозможность развитія въ сельскомъ хозяйствѣ принциповъ сложнаго сотрудничества—техническаго и общественнаго раздѣленія труда. На климатъ человѣкъ пока почти не можетъ воздѣйствовать и все производство находится въ рабской зависимости отъ этого постояннаго фактора. Что же касается до протяженности земли, то ея вліяніе мѣняется съ ходомъ аграрной эволюціи. Размѣры эксплоатируемой территоріи сокращаются, но, вмѣстѣ съ сокращеніемъ размѣровъ территоріи (дробленіемъ хозяйственной площади) возрастаетъ количество передвиженій по ней, какъ результатъ интенсификаціи сельскаго хозяйства—отсюда подвижность сельско-хоз. труда, если и уменьшается съ ходомъ аграрной эволюціи, то въ гораздо болѣе слабой пропорціи, чѣмъ размѣры площади отдѣльныхъ хозяйствъ.

Изъ *перемѣнныхъ* природныхъ факторовъ наиболѣе важны творческіе процессы природы—или какъ принято ихъ называть — *производительность земли*. Производительность земли выражается въ суммѣ полезныхъ для человѣка продуктовъ, получаемыхъ съ единицы площади. Къ производительности земли въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ отнести не только животныя и растенія, которыхъ производитъ природа безъ участія или при участіи человѣческаго труда, но и *плодородіе почвы*, т. е. наличность въ почвѣ питательныхъ для растеній веществъ, находящихся въ усвояемомъ для нихъ видѣ. Производительность земли доступна воздѣйствію человѣка и главная цѣль сельско-хозяйственнаго производства—развитіе этой производительности. На плодородіе почвы человѣкъ воздѣйствуетъ при помощи ея обработки; на развитіе растительныхъ и животныхъ организмовъ посредствомъ ухода за ними. Отсюда сельско-хозяйственное производство въ узкомъ смыслѣ (безъ сельско-хозяйственной индустріи) разбивается на двѣ стадіи: обработку почвы и уходъ за растеніями и животными.

Но было время, когда человѣкъ не приступалъ ни къ обработкѣ почвы, ни къ уходу за живыми организмами, а довольствовался истребленіемъ тѣхъ продуктовъ, которыя

земля производила самостоятельно безъ участія человѣческаго труда. Голое истребленіе запасовъ природныхъ благъ безъ развитія какой либо изъ сторонъ производительности природы наблюдается только на первыхъ ступеняхъ *до*-земледѣльческаго фазиса въ эпоху каменнаго вѣка, при исключительномъ господствѣ звѣроловнаго хозяйства и собиранія дико-растущихъ плодовъ и корней.

Переходя на пастушеское хозяйство, человѣкъ, хотя и вытравливаетъ скотомъ дико-растущія травы, но въ то же время, при помощи ухода за животными увеличиваетъ ихъ количество, т. е. развиваетъ тотъ элементъ творчества природы—фауну, которую онъ раньше истреблялъ. Бросая пастушескій бытъ и садясь на землю, онъ истребляетъ, при экстенсивномъ земледѣліи, запасы естественнаго плодородія почвы, но за то увеличиваетъ количество производимыхъ природой животныхъ и растеній. Наконецъ, въ интенсивномъ фазисѣ земледѣлія ни одинъ видъ природныхъ благъ уже не подвергается истребленію, но производительность земли развивается во всѣхъ направленіяхъ: увеличивается естественное плодородіе почвы, количество и качество полезныхъ растеній и животныхъ.

Такимъ образомъ, человѣческая дѣятельность въ сельскомъ хозяйствѣ распадается на двѣ послѣдовательно смѣняющіяся стадіи: 1) на *истребленіе* даровыхъ запасовъ природныхъ благъ, которыя накопила природа до начала человѣческой дѣятельности, причемъ истребленію подвергаются въ послѣдовательномъ порядкѣ—фауна, флора и естественное плодородіе почвы, и 2) на *развитіе* творческихъ процессовъ природы, создающихъ эти блага, причемъ это развитіе идетъ въ такомъ-же послѣдовательномъ порядкѣ. Человѣкъ начинаетъ хозяйственную дѣятельность съ голаго истребленія даровыхъ запасовъ природы; въ послѣдующемъ фазисѣ сельско-хозяйственной эволюціи онъ развиваетъ одни элементы творчества природы при помощи истребленія другихъ. Конечный фазисъ—отсутствіе истребленія и развитіе всѣхъ сторонъ природнаго творчества. Звѣроловство смѣняется животноводствомъ, рыболовство—рыбоводствомъ, лѣсоистребленіе—лѣсоводствомъ, дикое пастбище—травосѣяніемъ. истощеніе почвы ея удобреніемъ. Таковъ ходъ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства. При этомъ, однако, *общая производительность земли безпрерывно развивается*, т. е. систематически увеличивается сумма продуктовъ, добываемыхъ человѣкомъ съ единицы площади. Пастухъ добываетъ съ единицы площади больше продуктовъ, чѣмъ звѣроловъ, земледѣлецъ, при переложной системѣ полеводства,

больше, чѣмъ пастухъ, при трехпольѣ больше, чѣмъ при перелогѣ и при интенсивномъ земледѣліи болѣе, чѣмъ при экстенсивномъ. Смѣна системъ хозяйства—рядъ ступеней возрастающей производительности земли. При экстенсивныхъ системахъ, когда развитіе производительности земли совершается за счетъ истребленія нѣкоторыхъ запасовъ природныхъ благъ, это развитіе можетъ остановиться и временно пойти на убыль, при интенсивныхъ—такой остановки произойти не можетъ, т. к. ни одно изъ природныхъ благъ не подвергается истребленію.

Итакъ, основной принципъ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства—*развитіе производительности земли*, къ которому человѣчество побуждается безпрерывно возрастающимъ населеніемъ. Изложенная въ предыдущихъ главахъ эволюція производства въ Россіи настолько наглядно подтверждаетъ это положеніе, что на нашъ взглядъ не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Въ каждомъ раіонѣ, въ каждой мѣстности медленно или быстро, въ зависимости отъ роста населенія, звѣроловство смѣняется экстенсивнымъ земледѣліемъ или скотоводствомъ, переложная система земледѣлія—трехпольемъ и т. д.

Когда происходитъ убыль населенія или остановка въ приростѣ—падаетъ или останавливается въ своемъ развитіи сельско-хозяйственное производство, какъ это случилось во второй половинѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. въ Замосковіи и Новгородской области, когда населеніе убыло болѣе, чѣмъ на половину и начинающая развиваться паровая зерновая система—„пашни паханыя“—опять превратились въ перелогъ или заброшенныя поросли лѣсомъ. Съ остановкой прироста въ Московскомъ центрѣ въ XVIII и XIX в.в. остановилось и земледѣліе. Наоборотъ, чрезвычайно быстрый приростъ населенія въ Новороссіи съ конца XVIII в. производитъ быструю смѣну фазисовъ сельскаго хозяйства, замѣну скотоводческаго хозяйства, переложнымъ земледѣліемъ, перелога—трехпольемъ—на протяженіи какой нибудь сотни лѣтъ, тогда какъ въ центральныхъ раіонахъ Россіи подобная эволюція происходила въ теченіи 600—700 лѣтъ, а въ Западной Европѣ, благодаря еще болѣе слабому приросту —тысячелѣтія.

Исторія подтверждается географіей и въ настоящее время, чѣмъ плотнѣе населеніе, тѣмъ интенсивнѣе система хозяйства. „Сопоставляя плотность населенія на всей поверхности земного шара съ системой хозяйства въ соотвѣтствующихъ пунктахъ, мы найдемъ, что независимо отъ культурнаго уровня населяющихъ землю народовъ, независимо отъ сте-

пени ихъ экономическаго развитія, данной плотности населенія соотвѣтствуетъ опредѣленная *система* хозяйства". (Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства, стр. 31).

Вообще фактъ развитія производительности земли, подъ вліяніемъ уплотненія населенія,—настолько безспоренъ, что въ экономической литературѣ не встрѣчается лицъ, отрицающихъ его существованіе: ожесточенные споры, возникшіе вокругъ этого факта касаются обратной его стороны—именно вопроса, падаетъ или возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ производительности земли, *производительность человѣческаго труда?*

Въ индустріи человѣкъ является хозяиномъ производства и здѣсь онъ легко осуществляетъ свое стремленіе, при наименьшихъ затратахъ труда получить наибольшее количество продуктовъ. Основной принципъ эволюціи индустріи —*развитіе производительности труда.*

Осуществленіе этого принципа достигается при помощи возростающаго техническаго и общественнаго *раздѣленія труда.* Всякая трудовая операція разлагается на свои составныя части и каждая часть работы выполняется особымъ рабочимъ. Благодаря этому, пріемы труда каждаго работника *упрощаются* механизируются, становятся на столько однообразными, элементарными и автоматичными что ихъ легко замѣняетъ машина. Слѣдовательно, раздѣленіе труда ведетъ за собой *упрощеніе пріемовъ труда* и сущность техническаго развитія производства въ индустріи заключается именно въ этомъ упрощеніи.

Въ сельскомъ хозяйствѣ развитіе производительности земли, при почти полномъ отсутствіи раздѣленія труда, достигается діаметрально противоположнымъ процессомъ *усложненія* способовъ и пріемовъ труда.

Первобытное хозяйство заключалось въ добываніи продуктовъ естественной производительности природы. Это— охота, бортничество, рыболовство въ лѣсныхъ и обильныхъ водой раіонахъ и пастбищное—тебеневочное скотоводство кочевниковъ—въ степныхъ. На слѣдующей стадіи развитія въ дѣвственную почву лѣсовъ и степей впервые врѣзается плугъ: къ охотѣ и скотоводству присоединяется переложное земледѣліе. При перелогѣ одинъ и тотъ же участокъ земли засѣвается сплошь однимъ видомъ злаковъ до тѣхъ поръ, пока онъ не истощается. На дальнѣйшей ступени эволюціи поле дѣлится сначала на двѣ, потомъ на три части: двѣ части засѣваются не однимъ, а minimum, двумя видами злаковъ: озимыми и яровыми. Еще далѣе, тотъ же самый участокъ дѣлится уже не на три, а на четыре, шесть или во-

семь частей. Къ злакамъ присоединяются травы и другіе виды растеній. Наконецъ при плодосмѣнѣ, на томъ же самомъ участкѣ засѣваются десятки самыхъ разнообразныхъ растеній и поле дѣлится, по ихъ количеству, на десятки частей. Одновременно чисто земледѣльческое хозяйство становится невозможнымъ безъ скотоводства. „Съ развитіемъ общей культуры усложняется и сельско-хозяйственное производство путемъ увеличенія числа культивируемыхъ растеній и животныхъ. Вмѣсто двухъ—трехъ видовъ растеній и животныхъ, составлявшихъ обиходъ сельскаго хозяйства въ древности, ихъ теперь необозримое множество и въ свою очередь, каждый видъ растеній и животныхъ распадается на десятки спеціальныхъ сортовъ и каждая порода на многочисленныя расы, виды и разновидности“. (Давидъ стр. 87).

Возрастающее разнообразіе производства, влечетъ за собой усложненіе *пріемовъ* труда. Первоначально земледѣлецъ ограничивался одной вспашкой, или задѣлкой подъ борону, а всѣ остальныя заботы о растеніи предоставлялъ „милостивому Богу“. Въ интенсивномъ хозяйствѣ производится нѣсколько вспашекъ, бороновокъ, къ обработкѣ земли присоединяется уходъ за растеніями и животными, все усложняющійся съ каждымъ новымъ видомъ растенія и животныхъ. Однимъ словомъ, съ развитіемъ сельско-хозяйственнаго производства происходитъ, вмѣсто раздѣленія труда и упрощенія пріемовъ, *соединеніе* различныхъ видовъ труда и *усложненіе* пріемовъ—наростаніе новыхъ процессовъ обработки и ухода, новыхъ культуръ и профессій, соединяемыхъ на одномъ и томъ же участкѣ земли и въ одномъ и томъ же хозяйствѣ. Въ одномъ нѣмецкомъ имѣніи въ 1592 г. культивировались пшеница, рожь, ячмень и горохъ; въ 1797 г. въ немъ культивировали пшеницу, рожь, рапсъ, ячмень, горохъ, вику, картофель, свекловицу, люцерну, кормовой горошекъ, кукурузу и ленъ.

Усложненіе труда неразрывно связано съ развитіемъ производительности земли. „Производительность земли будетъ тѣмъ выше, чѣмъ разнообразнѣе производство. Справедливо замѣчаетъ Натенъ: законъ земледѣльческой промышленности противоположенъ закону мануфактурной промышленности (индустріи). Наилучшее употребленіе земли требуетъ разнообразія продуктовъ, тогда какъ фабрика бываетъ наиболѣе продуктивна, дѣлая какой-нибудь одинъ продуктъ“ *).

*) Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе, т. I стр. 66.

Въ индустріи раздѣленіе труда—основа возрастающей его производительности, въ сельскомъ хозяйствѣ—обратный процессъ усложненія труда, на первый взглядъ, долженъ повести къ обратному результату—къ *паденію* его производительности...

Вторая причина возникновенія представленія о паденіи производительности труда, при развитіи производительности земли—постепенное сокращеніе даровыхъ запасовъ природныхъ благъ. Съ ходомъ аграрной эволюціи истребленіе природныхъ благъ, во первыхъ совершается все съ большими трудностями—истреблять звѣрей легче, чѣмъ пасти прирученныхъ животныхъ; пасти скотъ легче, чѣмъ пахать землю, т. е. истреблять естественное плодородіе почвы; вытравливать естественныя пастбища скотомъ легче, чѣмъ сѣять траву и удобрять землю и т. д. Во вторыхъ, наличность ограниченныхъ запасовъ природныхъ благъ постепенно убываетъ и съ ходомъ эволюціи, даровое истребленіе природныхъ благъ замѣщается все увеличивающимся развитіемъ творческихъ силъ природы, требующимъ количественно возростающаго человѣческаго труда

Такимъ образомъ, постепенное истребленіе даровыхъ запасовъ природныхъ благъ и усложненіе труда съ ходомъ аграрной эволюціи, ведетъ къ тому, что многіе изслѣдователи связываютъ развитіе производительности земли съ паденіемъ производительности труда. „Измѣненія производительности земли противоположны измѣненіямъ производительности земледѣльческаго труда и капитала—увеличеніе одной сопровождается уменьшеніемъ другой“ (Булгаковъ). Г. Масловъ, цѣликомъ воспринявшій это положеніе г. Булгакова, совершенно игнорируетъ фактъ развитія производительности земли и, сосредоточивъ все свое вниманіе на обратной сторонѣ эволюціи сельскаго хозяйства—паденіи продуктивности труда, кладетъ этотъ послѣдній фактъ въ основу своей теоріи развитія народнаго хозяйства. Хотя вопросъ объ измѣненіяхъ производительности труда, при развитіи производительности земли, разъ мы считаемъ это послѣднее основнымъ принцицомъ аграрной эволюціи, имѣетъ для насъ только академическое значеніе, но оригинальная широкая постановка этой проблемы г. Масловымъ, заставляетъ насъ еще разъ пересмотрѣть ея рѣшеніе,

Главное доказательство существованія „факта“, паденія производительности труда г. Масловъ видитъ въ *тенденціи къ разсѣянію населенія*. „Во всѣ періоды человѣческаго развитія, при всѣхъ системахъ хозяйства, мы можемъ констатировать стремленіе человѣчества къ разсѣянію, вытекающее

изъ стремленія къ экстенсивному использованію территоріи. Исторія экономическаго быта показываетъ, что человѣческое общество только тогда переходитъ къ болѣе интенсивному использованію территоріи—когда невозможно ея расширеніе... Переходъ къ интенсификаціи хозяйства, вызванный уплотненіемъ населенія, совершается только при невозможности или значительныхъ препятствіяхъ къ дальнѣйшему расширенію территоріи размножающимся населеніемъ" (стр. 36).

Такое стремленіе къ разселенію г. Масловъ объясняетъ тѣмъ, что при болѣе экстенсивныхъ системахъ человѣческій трудъ болѣе производителенъ и населеніе стремится путемъ разселенія сохранить продуктивность старой системы. Производительность земли и производительность труда антагонистичны. „Продуктивность земли возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія затраты труда на ея обработку,..

Переходъ отъ экстенсивнаго земледѣльческаго хозяйства къ болѣе и болѣе интенсивному, при неизмѣнной техникѣ, сопровождается паденіемъ производительности труда. Человѣчество только вслѣдствіе необходимости, для сохраненія размножающагося населенія-- переходитъ къ болѣе интенсивной обработкѣ земли. Интенсификація земледѣльческаго хозяйства, превращеніе его изъ кочевого въ переложное, трехпольное и т. д. сопровождается такимъ же рѣзкимъ паденіемъ производительности труда, какъ при переходѣ отъ скотоводческаго или охотничьяго къ земледѣльческому хозяйству" (стр. 49). Наоборотъ, „чѣмъ экстенсивнѣе хозяйство, тѣмъ трудъ его производительнѣе". Интенсификація хозяйства связана съ расширеніемъ его территоріи „отъ площади территоріи, занятой населеніемъ, зависитъ и производительность его труда". Разсѣляясь по еще незанятой территоріи, человѣчество стремится вернуться къ болѣе экстенсивнымъ системамъ. Ирландцы, англичане, нѣмцы, переселяясь въ Америку и въ Австралію, не заводятъ тамъ плодосмѣна и стойлового содержанія скота, а возвращаются къ переложному земледѣлію и пастбищному скотоводству. На исторіи Россіи мы видѣли, какъ населеніе, хлынувшее въ XII—XIII в.в. изъ Кіевской области въ междурѣчье, найдя тамъ еще нетронутые запасы дичи, вернулось на короткое время къ охотничьимъ промысламъ. Въ XVI—XVII в.в.. продвигаясь на югъ и востокъ, первые поселенцы начинали эксплоатацію новыхъ земель съ организаціи „юртового" хозяйства т. е. охоты, бортничества и дикаго скотоводства. Въ началѣ заселенія Новороссіи надъ земледѣліемъ преобладало скотоводство. Наконецъ, переходя въ Сибирь, современные переселенцы возвращаются отъ трехполья къ

перелогу. Если бы болѣе интенсивныя системы не были менѣе производительными съ точки зрѣнія человѣческаго труда, у переселенцевъ, попадающихъ на незаселенную территорію, не возникало бы этой тенденціи къ возвращенію вспять на старыя системы.

Второе доказательство факта г. Масловъ видитъ въ наличности захвата земель господствующими классами. Мы видѣли изъ предыдущихъ главъ, какое громадное значеніе имѣлъ этотъ захватъ въ исторіи распредѣленія земли. И вотъ, по мнѣнію г. Маслова, этотъ политическій факторъ не могъ бы возникнуть, если бы не существовало факта паденія производительности труда. „Если бы интенсивное хозяйство было производительнѣе, чѣмъ экстенсивное, то вплоть до настоящаго времени захватъ отдѣльныхъ участковъ земли не могъ бы быть источникомъ эксплоатаціи, такъ какъ не было-бы стремленія къ расширенію эксплоатируемой площади земли: а при этомъ условіи захваченные участки просто пустовали бы“ (стр. 59), т. к. крестьяне предпочитали бы не селиться на захваченныхъ крупными владѣльцами земляхъ, гдѣ они должны были выплачивать высокую ренту, а просто интенсифицировали бы производство на тѣхъ участкахъ, которые оставались еще въ ихъ власти.

Третье доказательство—*соціальная дифференціація* въ обществѣ—общественное раздѣленіе труда, образованіе новыхъ профессій, отдѣленіе индустріи отъ земледѣлія. „Тѣ же условія—паденіе производительности послѣдующихъ затратъ на ту же землю—которые всегда толкали населеніе къ разселенію, при невозможности разселяться, побуждаютъ его заняться обрабатывающей промышленностью, чтобы получить необходимыя средства для существованія. Переходъ *значительной* (курсивъ нашъ Н. О.) части населенія къ обрабатывающей промышленности для продажи на рынокъ вызывается малоземельемъ, которое создается вслѣдствіе захвата земель господствующими классами и обостряется ростомъ населенія“ (стр. 99). Руководствуясь основнымъ принципомъ хозяйственной дѣятельности—экономіей своей энергіи, т. е стремленіемъ получить наибольшіе результаты при наименьшихъ затратахъ труда, человѣкъ бросаетъ землю, которая перестаетъ достаточно окупать затраты и переходитъ на индустрію, лучше оплачивающую его трудъ. Перераспредѣленіе производительныхъ силъ между земледѣліемъ и индустріей способствуетъ тому, что и въ земледѣліи улучшаются орудія производства—а всякая „техника“, подъ которой г. Масловъ упрямо продолжаетъ подразумѣвать только механическія орудія, способствуютъ развитію производи-

тельности труда, чѣмъ значительно сглаживается фактъ паденія этой производительности при интенсификаціи. „Мы должны строго различать техническій прогрессъ отъ интенсификаціи культуры земли, Первый сокращаетъ затраты труда на единицу площади земли, послѣдняя увеличиваетъ. Первый увеличиваетъ производительность труда, послѣдняя сопровождается, при одинаковой техникѣ, паденіемъ производительности труда“ (стр. 352). Отсутствіемъ общественнаго раздѣленія труда и техническаго прогресса и объясняется тотъ странный съ точки зрѣнія г. Маслова фактъ, что населеніе, которое вело на первыхъ ступеняхъ развитія самое интенсивное т. е, самое производительное хозяйство, влачило жалкое существованіе, когда оно должно бы было утопать въ роскоши. „Въ періодъ изолированнаго и общиннаго хозяйства, когда всѣ орудія производства изготовлялись въ самомъ хозяйствѣ, техника земледѣлія и охоты была такъ примитивна, что даже самое экстенсивное хозяйство было мало производительно и населеніе съ трудомъ удовлетворяло свои примитивныя потребности. Если теперь населеніе рѣдконаселенныхъ странъ, благодаря экстенсивному хозяйству можетъ прокормить не только себя, но и огромное количество городского населенія и населенія другихъ странъ, то въ періодъ изолированнаго хозяйства сами земледѣльцы нерѣдко голодали вслѣдствіе недостатка добываемой ими пищи. Это обстоятельство обыкновенно и приводитъ въ заблужденіе экономистовъ, которые современное интенсивное хозяйство съ современной техникой сравниваютъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ изолированнаго, общиннаго и раіоннаго хозяйства древности и среднихъ вѣковъ и объясняютъ малую производительность труда первобытнаго человѣка экстенсивностью системы хозяйства. Но вѣдь нужно сравнивать производительность труда при различныхъ системахъ хозяйства, при одинаковой техникѣ производства“. (стр. 65)

Наконецъ, послѣднее серьезное доказательство факта „убывающей производительности труда“, котораго, впрочемъ г. Масловъ въ этой работѣ касается мало (онъ выдвигаетъ его въ своемъ „аграрномъ вопросѣ“)—это систематическое *возрастаніе цѣнъ на пищевые продукты* во времени, наблюдаемое въ Европѣ, за исключеніемъ послѣдняго періода, когда паденіе цѣнъ вызвано конкуренціей дешеваго хлѣба, странъ съ экстенсивнымъ земледѣліемъ. Наряду съ повышеніемъ цѣнъ на пищевые продукты, цѣны на продукты индустріи падали. „Законъ убывающаго плодородія почвы (иначе паденія производительности труда Н. О.). имѣетъ слѣдствіемъ правило, по которому, чѣмъ больше прогрес-

сируетъ земледѣліе, тѣмъ большаго повышенія цѣнъ на продукты оно требуетъ. Если прослѣдить исторію земледѣлія, то увидимъ, что повышающійся уровень цѣнъ на продукты земледѣлія сопровождается и болѣе интенсивной обработкой. Успѣхи техники въ промышленности приводятъ къ *пониженію* цѣнъ на товары, благодаря повышенію производительности труда. Въ сельскомъ хозяйствѣ повышеніе производительности данной земельной площади требуетъ извѣстнаго уровня цѣнъ относительно и абсолютно повышающагося". Отсюда—цѣлый рядъ явленій въ исторіи XIX в. страны съ интенсивнымъ земледѣліемъ всѣ болѣе и болѣе оттѣсняютъ его на задній планъ и въ нихъ развивается промышленный капитализмъ; изъ странъ вывозящихъ хлѣбъ, они становятся ввозящими и т. д. „И все это связано съ закономъ убывающаго плодородія почвы". *)

Вотъ вкратцѣ изложеніе главныхъ доказательствъ существованія закона или „факта" паденія производительности труда при интенсификаціи, т. е. при развитіи производительности земли, составляющемъ сущность аграрной эволюціи. Не трудно замѣтить одну общую черту всѣхъ этихъ доказательствъ: они являются не причинами, а *послѣдствіями* предполагаемаго закона. Г. Масловъ не входитъ въ существо вопроса, не объясняетъ, благодаря какимъ именно техническимъ особенностямъ производства происходитъ паденіе затратъ труда. Самый „фактъ" несомнѣнно, если онъ существуетъ въ дѣйствительности, зависитъ отъ техническихъ причинъ: но г. Масловъ настолько игнорируетъ технику производства, что иногда даже невольно возникаетъ сомнѣніе, знакомъ ли онъ съ ней хотя элементарно. Быть можетъ, конечно, мы ошибаемся, но явно презирая техническую сторону производства, г. Масловъ не даетъ и не можетъ дать доказательствъ по существу, а выводитъ существованіе облюбованнаго имъ „факта" изъ его послѣдствій. Такой способъ доказательства—обратный выводъ причины изъ слѣдствій очень рискованъ и часто приводитъ къ существеннымъ ошибкамъ. На главную изъ этихъ ошибокъ мы и укажемъ сейчасъ.

Авторъ смѣшиваетъ два различныхъ вопроса: вопросъ *о продуктивности каждой отдѣльной системы хозяйства* въ теченіи ея существованія и господства въ данной мѣстности и вопросъ о продуктивности *различныхъ* системъ хозяйства, при сравненіи ихъ между собой. Родоначальникъ закона убывающаго плодородія Тюрго говорилъ о

*) Булгаковъ. Лекціи по аграрному вопросу (изд. на правахъ рукописи) М. 1908—9 г.г. стр. 26 и 118.

правильности его лишь для одной ступени хозяйственнаго развитія. Наиболѣе ясную формулировку его далъ Сеніоръ „при условіи, что земледѣльческое искусство остается *на одной и той же ступени развитія*, примѣненіе большаго количества труда на опредѣленномъ участкѣ земли даетъ сравнительно небольшую прибыль". Смѣшеніе вопроса о колебаніяхъ производительности труда въ предѣлахъ одной и той же системы съ вопросомъ о производительности разныхъ системъ хозяйства въ ихъ историческомъ развитіи, допустилъ Мальтусъ, а за нимъ г. Масловъ, который тѣмъ не менѣе, заявляетъ, что онъ, жестокій врагъ „буржуазнаго мальтузіанства". У Тюрго законъ ограничивается исключительно доходностью даннаго хозяйства съ опредѣленными условіями мѣста и времени. Смѣшавъ этотъ законъ со своей теоріей народонаселенія, Мальтусъ незамѣтно превратилъ его въ универсальный законъ, властно управляющій *исторіей*. Это было второе, худшее извращеніе. Для общаго хода историческаго развитія земледѣлія значеніе имѣютъ успѣхи науки и техники, благопріятно вліяющіе на продуктивность сельско-хозяйственной работы. Законъ пониженія производительности почвы не мѣшаетъ этому. Онъ, вообще, не касается вопроса о колебаніи продуктивности при *переходѣ съ одной научно—технической ступени на другую*, (а также вообще при смѣнѣ системъ хозяйства Н. О.). Законъ занятъ исключительно колебаніями продуктивности на одной и той же научно—технической ступени (Давидъ стр. 477).

Смѣшавъ эти два вопроса, г. Масловъ, рабски слѣдуя за Мальтусомъ, превратилъ „фактъ" паденія продуктивности въ „законъ, властно управляющій исторіей". Мы не послѣдуемъ за нимъ и разсмотримъ оба вопроса отдѣльно.

Каждая затрата труда въ сельскомъ хозяйствѣ, въ чемъ бы она ни выражалась, продуктивна только, *до* извѣстнаго предѣла: достигнувъ этого предѣла, продуктивность труда начинаетъ падать. Такъ, при звѣроловномъ хозяйствѣ—главная затрата труда передвиженіе въ поискахъ и въ погонѣ за звѣремъ. Пока охотникъ не приспособился къ выслѣживанію звѣря, къ его привычкамъ, онъ будетъ терять много времени на безплодные поиски и на первыхъ порахъ его трудъ будетъ мало продуктивнымъ. Черезъ нѣкоторое время онъ изловчится въ своихъ поискахъ, продуктивность его труда повысится, но это повышеніе будетъ губительнымъ для звѣроловнаго хозяйства, потому что поведетъ къ быстрому истребленію звѣрей. Тогда начнется третій періодъ—паденія продуктивности, когда,

сколько бы ни трудился охотникъ въ поискахъ за звѣремъ—онъ будетъ находить его все въ меньшемъ количествѣ. Такое же *дугообразное* движеніе продуктивности существуетъ и въ пастушескомъ и въ экстенсивномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Первыя затраты труда, пока человѣкъ занятъ еще прирученіемъ животныхъ, отыскиваніемъ подходящихъ пастбищъ и пахотныхъ угодій, вырубаніемъ лѣсовъ на подсѣкахъ, поднятіемъ нови примитивными орудіями въ степяхъ—будутъ сравнительно мало продуктивными. Послѣдовательно, продуктивность труда станетъ возрастать, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ приспособится легче пользоваться даровыми запасами природныхъ благъ. Дойдя до высшей точки, истощивъ эти запасы, производительность труда опять падаетъ.

Такимъ образомъ, въ экстенсивныхъ системахъ, производительность человѣческаго труда ограничена тѣми даровыми запасами природныхъ благъ, которые подвергаются истребленію: въ охотничьемъ быту—количествомъ звѣрей, пастушескомъ—пастбищъ, при экстенсивномъ земледѣліи—естественнымъ плодородіемъ почвы. Въ интенсивныхъ системахъ, а также отчасти и въ экстенсивныхъ, когда природныя блага не истребляется, а развиваются, этому развитію кладется предѣлъ ограниченностью производительныхъ силъ природы. Давидъ отмѣчаетъ внѣшнія и внутреннія границы производительности природы, которыя не можетъ переступить человѣкъ. Существуетъ, такъ называемый законъ *минимума*. Для произрастанія растеній необходима наличность извѣстныхъ механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствъ почвы и атмосферы „Если не хватаетъ одного изъ насущно—необходимыхъ естественныхъ фактовъ—напримѣръ тепла, влаги, или питательныхъ веществъ, наличность всѣхъ остальныхъ ничего не можетъ дать: растеніе не можетъ жить, земля остается безплодной. Если имѣются на лицо всѣ необходимыя факторы, но не всѣ въ количествѣ, требуемомъ для полнаго развитія-то факторъ, который *наименѣе* развитъ, опредѣляетъ высшую границу, которой можетъ достигнуть урожай. Это—законъ минимума, понимаемый широко.“ Усиливая наименѣе развитой факторъ производительности почвы, человѣкъ освобождаетъ „остальные факторы плодородія данной мѣстности, которые до того обречены были на бездѣйствіе указаннымъ выше препятствіемъ. Урожай быстро ростетъ... до границы опредѣляемой находящимся теперь въ минимумѣ факторомъ“. Когда повышена производительная сила *всѣхъ* поддающихся человѣческому воздѣйствію факторовъ,

тогда границу дальнѣйшаго развитія образуютъ тѣ неизмѣнныя условія, которыя послѣ полнаго развитія всѣхъ измѣняемыхъ факторовъ, начинаютъ функціонировать, какъ минимумъ—геологическая структура даннаго участка земли и, особенно, климатъ. Это внѣшнія границы производительности природы. Внутреннія—представляетъ жизненная сила самого организма. „При самыхъ идеальныхъ внѣшнихъ условіяхъ, какіе только можно себѣ представить, отъ пшеничнаго зерна нельзя получить ста колосьевъ съ сотней зеренъ каждое. Когда истощаются внутреннія силы, которыя получило въ наслѣдство зерно, служащее сѣменемъ, дальнѣйшее повышеніе растительныхъ процессовъ немыслимо. Такимъ образомъ повышенію продуктивности поставлена граница, деже при самой лучшей почвѣ и подъ самымъ лучшимъ небомъ (стр. 482—3).

Итакъ *ограниченность даровыхъ природныхъ благъ доступныхъ истребленію и ограниченность производительныхъ силъ природы доступныхъ развитію—вотъ основа факта паденія производительности труда въ предѣлахъ одной и той системы, одного и* того же способа обработки, удобренія и т. д.—вообще одного и того же вида и способа труда. Паденіе продуктивности той системы хозяйства, котораго держалось населеніе и есть та основная экономическая причина, которая заставляетъ населеніе разселяться, если только его не гонятъ съ насиженныхъ мѣстъ политическіе факторы. Мы принимаемъ формулу г. Маслова—„тенденція къ разсѣянію людей существующая въ теченіе всей исторіи человѣческаго общества вызывается паденіемъ производительности послѣдующихъ затратъ на ту же площадь земли“ (стр. 52) но съ добавленіемъ—*при одной и той же экстенсивной системѣ хозяйства.* Именно, паденіе продуктивности одной и той же экстенсивной системы хозяйства, возникающее, благодаря истощенію даровыхъ запасовъ природныхъ благъ на данной территоріи заставляетъ населеніе или разселяться или измѣнять систему хозяйства. „Измѣненіе системы, т. е. переходъ отъ скотоводства къ земледѣлію и т. д. изолированнаго и вообще натуральнаго хозяйства, обусловливается тѣмъ, что... благодаря росту населенія—трудъ, при производствѣ или добываніи другихъ продуктовъ становится производительнѣе, чѣмъ при добываніи тѣхъ продуктовъ и тѣмъ путемъ, какимъ они добывались раньше... Увеличеніе населенія ведетъ къ тому, что дикихъ животныхъ и растеній становится недостаточно для охотничьихъ племенъ, а пастбищъ для пастушескихъ. Увеличившееся населеніе должно или

непроизводительно затрачивать трудъ на охоту за рѣдкими теперь животными, или на пастьбу относительно малаго количества скота, т. к. территорія для пастбищъ и охоты относительно сокращается" (стр. 118) Эти слова написаны ни кѣмъ инымъ какъ г. Масловымъ. Самъ г. Масловъ сознается невольно, что на извѣстной ступени, всякая экстенсивная система хозяйства, становится менѣе производительной, благодаря размножившемуся населенію и сокращенію даровыхъ запасовъ природы (охота за рѣдкими животными).

Однако, вообще, вопросъ о причинахъ, толкающихъ населеніе къ разселенію трактуется Масловымъ такъ сказать, съ птичьяго полета, не обращаясь къ конкретнымъ фактамъ исторіи. Если же мы обратимся къ этимъ фактамъ, то увидимъ, что врядъ ли возможно всѣ разнообразныя причины разселенія сводить къ одной—къ паденію продуктивности той системы хозяйства, которой держалось населеніе. Исторію разселенія главнимъ образомъ въ Россіи [1]) можно разбить на три части: 1) въ древнія эпохи—кіевскую и московскую, начало крѣпостной—массовыя переселенія обусловливались скорѣе *политическими*, а не экономическими причинами. Кіевляне преспокойно переходили отъ звѣроловнаго быта на земледѣліе и не думали бѣжать изъ своего благодатнаго края, пока ихъ не погнали въ междурѣчье княжескія усобицы, половцы, да татары. Точно также и жители замосковнаго края не бѣжали въ концѣ XV и въ началѣ XVI в., когда сгущеніе населенія заставило ихъ перейти съ перелога на болѣе урегулированную зерновую систему, а двинулись на югъ и востокъ только въ концѣ XVI и началѣ XVII в. отъ помѣстной системы, начала закрѣпощенія, опричнины, смуты, и т. д. Точно также и въ началѣ XVIII в. третій массовой отливъ населенія—результатъ петровскихъ реформъ, гоненія раскольниковъ, развитія крѣпостного права.

Вообще, до XIX столѣтія историческія указанія выдвигаютъ въ причинахъ переселенія политическіе мотивы—у насъ, гдѣ переселеніе въ средніе вѣка было довольно сильно развито. Это вполнѣ естественно, потому что до новаго времени населеніе возрастало слабо, было довольно рѣдкимъ и относительнаго перенаселенія, т. е. паденія продуктивности той системы хозяйства, которой придерживалось населеніе, не могло еще обнаружиться. Въ

[1]) Исторія Россіи есть, по словамъ Ключевскаго, исторія колонизующейся страны. На ней легче всего опредѣлить причины колонизаціи въ древности.

средневѣковой Европѣ, тенденція къ переселенію была развита очень слабо: населеніе почти не возрастало, и укоренившаяся паровая зерновая система полеводства вполнѣ обезпечивала средства для существованія.

2) Слѣдующій періодъ въ исторіи разселенія конецъ XVIII и XIX вѣкъ. Въ Европѣ и въ Россіи—въ Европѣ раньше, въ Россіи позднѣе происходитъ быстрое возрастаніе населенія: трехполье неспособно прокормить возросшее населеніе и эмиграція усиливается абсолютно въ громадной пропорціи. Европейскіе крестьяне эмигрируютъ въ города и за океанъ—наши сначала въ Новороссію, на Кубань и на ближній Востокъ, потомъ въ Сибирь. Основная причина переселенческаго движенія этой эпохи--кризисъ *старой системы*, относительное, а иногда и абсолютное паденіе продуктивности трехполья. Кризисъ этотъ происходитъ въ Россіи на нашихъ глазахъ и мы ясно видимъ на немъ, насколько ошибается г. Масловъ, увѣряя насъ, что разселеніе вызывается переходомъ къ новой системѣ хозяйства, о которомъ наши крестьяне еще и не помышляли.

3) Наконецъ, современная европейская эмиграція, по скольку дѣло идетъ о странахъ съ интенсивнымъ хозяйствомъ, вызывается не паденіемъ продуктивныхъ интенсивныхъ системъ, а совершенно особыми причинами—невыгодностью наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ, сравнительно съ таковымъ же въ индустріи и невозможностью вести хозяйство, способное пропитать семью на мельчайшихъ парцельныхъ участкахъ. Во всей Европѣ и у насъ въ Польшѣ эмигрируютъ не средніе трудовые земледѣльцы—число ихъ растетъ и относительно и абсолютно, а сельскохозяйственные батраки—пролетаріатъ и полупролетаріатъ. Это явленіе свидѣтельствуетъ, такимъ образомъ не о паденіи производительности интенсивнаго хозяйства вообще, а о паденіи *капиталистическаго* земледѣлія, мало приспособленнаго къ интенсификаціи.

Въ общемъ, факты реальной исторической дѣйствительности, которыхъ не касается г. Масловъ, предпочитая безпрерывное переворачиваніе на всѣ лады одного и того же голословнаго положенія, свидѣтельствуютъ, что если переселенія происходили въ зависимости отъ колебаній въ продуктивности сельскаго хозяйства, то эти колебанія возникали въ предѣлахъ той же самой экстенсивной системы земледѣлія, которой ранѣе придерживалось населеніе и что, слѣдовательно, фактъ паденія производительности человѣческаго труда при исторической смѣнѣ *разныхъ* системъ хозяйства, существованіемъ тенденціи по разсѣянію

населенія никоимъ образомъ, не можетъ быть доказанъ. Точно также этотъ „фактъ“ недоказуемъ и возникновеніемъ общественнаго раздѣленія труда, отдѣленіемъ индустріи отъ земледѣлія. мы затрудняемся опредѣлить, въ какой именно моментъ аграрной эволюціи происходило это явленіе: въ моментъ-ли паденія старой системы сельскаго хозяйства или въ моментъ перехода къ новой. Думаемъ, что и г. Маслову не разрѣшить этого затрудненія, даже если онъ вплотную займется историческими изысканіями.

Да и вообще, мы не можемъ сказать—вызывалось ли развитіе общественнаго раздѣленія труда относительнымъ перенаселеніемъ или другими причинами: это чисто соціологическій вопросъ, который не относится къ сельскохозяйственной экономіи. Несомнѣнно, емкость территоріи повышается, благодаря переходу части населенія въ индустрію; но вѣдь это происходитъ только *теперь*, когда индустрія заняла такое выдающееся мѣсто въ хозяйственной жизни многихъ странъ. Но вплоть до конца XVIII в. она отвлекала слишкомъ ничтожную часть населенія, чтобы хоть немного сокращать относительное перенаселеніе, если таковое имѣло мѣсто. Поэтому, мы думаемъ, что г. Масловъ выставляя возникновеніе дифференціаціи профессій, какъ результатъ паденія продуктивности труда въ сельскомъ хозяйствѣ, сильно погрѣшилъ противъ исторической перспективы этого явленія.

Что касается до захвата земли господствующими классами, то г. Масловъ повидимому забылъ, что, въ концѣ концовъ, у крестьянъ юридически была отнята *вся* земля. При такихъ условіяхъ, если бы даже переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства былъ очень продуктивнымъ все равно, крестьянамъ пришлось бы садиться на чужія земли, т. к. своихъ у нихъ не было. Несомнѣнно и теперь важное преимущество заокеанскихъ земледѣльцевъ передъ европейскими—это свобода отъ рентнаго обложенія земель.

Итакъ, ни тенденція къ разсѣянію населенія, ни общественное раздѣленіе труда, ни захватъ земель господствующими классами не могутъ служить доказательствами паденія производительности труда при интенсификаціи. Остаются еще два аргумента: стремленіе переселившихся въ рѣдко населенныя области къ возврату на болѣе экстенсивныя системы хозяйства и повышеніе цѣнъ на хлѣбъ при интенсификаціи. Несомнѣнно, эти аргументы сильны: если трудовые земледѣльцы всѣхъ націй, безъ различія ихъ культурнаго уровня и хозяйственныхъ

привычекъ, возвращаются къ интенсивнымъ системамъ, какъ только размѣры территоріи это позволяютъ—ясно, что эти послѣднія являются для нихъ болѣе производительными. Доказателенъ и фактъ повышенія цѣнъ, который, если придерживаться трудовой теоріи стоимости, свидѣтельствуетъ о паденіи производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но оба факта получаютъ доказательную силу только при одномъ условіи—*если не признавать производительнаго значенія творческихъ процессовъ природы*. Если считать производительнымъ только человѣческій трудъ—тогда и спорить по этому поводу нечего: всякому ясно, что, по мѣрѣ истребленія даровыхъ природныхъ благъ, производительность человѣческаго труда должна падать, постольку, поскольку ее не поддерживаютъ другія стороны производства. Политическая экономія считаетъ производительнымъ только человѣческій трудъ. „Признавши трудъ единственной субстанціей абсолютной стоимости, говоритъ г. Туганъ—Барановскій, мы тѣмъ самымъ признали трудъ единственнымъ и активнымъ дѣятелемъ производства, признали, что весь *продуктъ производства является созданіемъ только труда*. конечно, съ точки зрѣнія технической, съ точки зрѣнія матеріальныхъ перемѣнъ въ процессѣ производства, человѣкъ есть такая же механическая сила, какъ и всякая другая: съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакого различія между человѣческимъ трудомъ и трудомъ животнаго или работой машины. Но, для экономиста, разсматривающаго хозяйственный процессъ съ точки зрѣнія интересовъ *человѣка*, человѣческій трудъ не можетъ быть приравненъ къ другимъ *механическимъ процессамъ*, ибо только затрата человѣческаго труда, есть затрата личности человѣка. Поэтому, съ этой точки зрѣнія мы должны признавать производительнымъ только трудъ человѣка, иными словами, относить полезное дѣйствіе всѣхъ другихъ факторовъ на счетъ единственнаго *активнаго* фактора человѣческаго производства—человѣческаго труда“. (Основы политической экономіи стр. 78).

Такая точка зрѣнія выросла на почвѣ отношеній, создавшихся въ индустріи и вноситъ, какъ признаетъ авторъ, въ политическую экономію извѣстныя субъективно—этическія тенденціи. Дѣло въ томъ, что признаніе производительности за другими средствами производства, кромѣ человѣческаго труда влечетъ за собой признаніе производительности за капиталомъ вообще. Разъ капиталъ производителенъ, то и владѣльцы капитала—капиталисты

попадаютъ въ разрядъ производителей стоимости. „Стоя на точкѣ зрѣнія интересовъ трудящагося человѣка, нельзя подвергать сомнѣнію важность разцѣнки всего хозяйственнаго процесса, въ частностяхъ и въ цѣломъ, по затраченному въ процессѣ хозяйства труду. Наоборотъ, стоя на точкѣ зрѣнія человѣка не работающаго, но получающаго доходъ, вытекающій изъ владѣнія *имуществомъ*, можно приравнивать трудъ человѣка по дѣятельности силъ внѣшней природы. Этимъ и объясняется, почему то направленіе политической экономіи, которое стоитъ на сторонѣ трудящихся классовъ, выдвигаетъ на первый планъ трудовую разцѣнку; а противоположное направленіе игнорируетъ эту разцѣнку и отрицаетъ ея самостоятельное значеніе (Ibidem) [1])

Мы утверждаемъ, что этотъ взглядъ возникъ на почвѣ особенностей производства въ индустріи: во 1-хъ) г. Туганъ Барановскій говоритъ только о *механическихъ* процессахъ производства. Въ сельскомъ хозяйствѣ преобладаютъ процессы *органическіе*, къ выполненію которыхъ человѣкъ не способенъ. Поэтому въ индустріи человѣкъ замѣняетъ машину и машина—человѣка. Въ сельскомъ хозяйствѣ человѣкъ не можетъ замѣнить природу; какъ мы говорили въ первой части, трудъ человѣка производителенъ лишъ условно, по существу же производительна одна природа—несомнѣнный, *активный* участникъ производства.

Во 2-хъ *земля не есть капиталъ.*

Земля въ современномъ с. хоз. производствѣ является незамѣнимымъ факторомъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ особенностей, въ числѣ которыхъ можно назвать слѣдующія: 1) неизмѣнность (ограниченность количества) 2) несоздаваемость 3) неперемѣщаемость, 4) неуничтожаемость и 5) практически констатируемую неисчерпаемость производительной силы. Все это вмѣстѣ взятое предостерегаетъ отъ смѣшенія земли съ капиталомъ—произведеніемъ рукъ человѣческихъ, хотя такое смѣшеніе встрѣчается на каждомъ шагу. (Фартунатовъ. Нѣсколько стр. изъ экономіи и статистики сельскаго хоз. ст. 5). Въ 3-хъ) антагонизмъ между предпринимателями и рабочими развитъ именно въ индустріи, т. к. въ промышленномъ, капиталистически организованномъ обществѣ преобладаютъ классы лишенныхъ средствъ производства пролетаріевъ и предпринимателей—капиталистовъ. Борьба между этими классами ведется не изъ за средствъ производства, а изъ за *долей доходовъ*,

[1]) Такого же взгляда на производительность труда придерживается и г. Масловъ см. стр. 95.

отсюда и проблема распредѣленія въ политической экономіи сводится къ распредѣленію доходовъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, пролетаріатъ выраженъ слабо и имѣетъ тенденцію къ сокращенію. Тутъ тоже существуетъ антагонизмъ между трудовымъ и не трудовымъ классами, но на иной почвѣ—изъ за главнаго *средства производства—земли* которой, надо полагать *объ стороны* (а не одна, какъ думаетъ г. Масловъ) склонны приписывать абсолютную стоимость, т. е. самостоятельную производительность. Оттого и вопросъ о распредѣленіи въ сельско хоз. экономіи сводится къ вопросу о распредѣленіи средствъ производства.

Что касается, до этической стороны вопроса, то на нашъ взглядъ, сельско-хоз. экономія должна бы стать на защиту производительности природы изъ такихъ соображеній: истребленіе запасовъ природныхъ благъ, придающее такую „производительность“ экстенсивному хозяйству, ведетъ къ ихъ истощенію и заставляетъ слѣдующія поколѣнія усиленными затратами труда расплачиваться за хищническіе инстинкты ихъ предковъ. Мы считаемъ *съ общенародной* точки зрѣнія недопустимымъ хищническое истребленіе лѣсовъ по берегамъ рѣки, или рыбы въ рѣкахъ, или плодородія почвы въ цѣлинныхъ степяхъ, все равно, расхищаютъ ли это общенародное достояніе крестьяне, или капиталисты; и правильно поставленное законодательство, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ флорѣ и фаунѣ всегда стремится ограничить такое хищничество.

И такъ, если политическая экономія, стоящая на почвѣ отношеній, создававшихся въ современной индустріи имѣетъ свои основанія, признавать производительность только за человѣческимъ трудомъ, то для сельско-хозяйственной экономіи, тѣмъ болѣе, для исторіи сельскаго хозяйства, эти основанія доказательной силы не имѣютъ. Органическая дѣятельность природы слишкомъ активна, человѣку приходится слишкомъ приспособляться къ ней, чтобы можно было ограничивать ея творческую роль. Для *исторіи* же сельскаго хозяйства—главной темы нашего труда—безусловно важенъ тотъ фактъ, что запасы природныхъ благъ—величина *ограниченная* и поддающаяся уничтоженію. Какъ мы говорили, человѣкъ способенъ воздѣйствовать только на *перемѣнные* факторы производительности природы. На постоянные природные факторы—о которыхъ г. Масловъ говоритъ, что они безграничны „дождь, вѣтеръ, свѣтъ, тепло и проч.“ ст. 92) человѣкъ не можетъ

воздѣйствовать и ихъ нечего, конечно, принимать въ разсчетъ: но дикая фауна, и флора, естественное плодородіе почвы—ограничены и уничтожаются по мѣрѣ развертыванія хозяйственной исторіи.

Имѣя въ виду именно *ограниченныя* природныя блага, многіе экономисты, даже марксистъ Каутскій предполагаютъ, что въ экстенсивномъ хозяйствѣ человѣкъ пользуется „дарами" природы и только въ интенсивномъ хозяйствѣ земледѣльческіе продукты получаются благодаря затратѣ труда" (Ibidem) Пора бы наконецъ, г. Маслову вникнуть поглубже въ сущность с. хоз. производства, иначе онъ всегда будетъ вносить путаницу въ свои теоретическія построенія, которая обнаруживается на каждомъ шагу и которую не легко иногда распутать

Мы говорили выше, что хозяйственная дѣятельность человѣка, по отношенію къ ограниченнымъ природнымъ благамъ слагается изъ двухъ противоположныхъ процессовъ: изъ ихъ истребленія и послѣдующаго возстановленія и развитія. Истребивши дикихъ звѣрей, человѣкъ приручилъ и развелъ стада дикихъ животныхъ; уничтоживши естественное плодородіе почвы, человѣкъ развиваетъ его посредствомъ удобренія и сложныхъ сѣвооборотовъ. Представляя изъ себя переменную величину, ограниченные запасы природныхъ благъ истребленіе которыхъ требуетъ сравнительно небольшихъ усилій, должны быть приняты историкомъ во вниманіе при учетѣ производительности труда въ разныя эпохи. Основой дѣленія системъ хозяйства на экстенсивныя и интенсивныя, служитъ, какъ говоритъ г. Булгаковъ, „большее или меньшее участіе даровыхъ силъ природы". Силы эти *активно* участвуютъ въ производствѣ въ различной степени въ различныхъ системахъ хозяйства. Г. Масловъ, который отрицаетъ за даровыми природными благами способность повышать производительность труда, однако признаетъ такую повышающую роль за „техникой", т. е. орудіями производства. „Техническій прогрессъ увеличиваетъ производительность труда". Точно такжѣ увеличиваютъ производительность труда и даровыя природныя блага, которыя, представляя перемѣнную величину, даютъ перевѣсъ этой производительности въ болѣе экстенсивныхъ системахъ.

Истребленіе даровыхъ природныхъ благъ убываетъ съ ходомъ аграрной эволюціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется другая сторона хозяйственной дѣятельности—*развитіе* производительныхъ силъ природы, которое опять таки, какъ мы указывали имѣетъ свой предѣлъ въ ограниченности этихъ

силъ: изъ одного зерна нельзя получить десять пудовъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Съ этой ограниченностью человѣкъ борется посредствомъ *усложненія* процессовъ труда. Достигая предѣловъ повышенія продуктивности одного фактора, человѣкъ переходитъ къ другому не оставляя безъ вниманія и первый. Постепенно въ ходѣ исторіи человѣческое воздѣйствіе распространяется на все большее количество факторовъ производительности земли, поэтому процессъ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства заключается не въ раздѣленіи труда и упрощеніи пріемовъ, а въ *соединеніи* различныхъ видовъ труда и въ *усложненіи* пріемовъ. Усложненіе труда, смѣна двуполья—многопольемъ, посѣва одного-двухъ злаковъ—десятками ихъ, созданіе изъ трехъ-четырехъ породъ животныхъ и сортовъ растеній безчисленнаго множества, вспахиваніе почвы, вмѣсто одного—нѣсколько разъ, развитіе ухода за животными организмами, внесеніе въ почву разнообразныхъ видовъ удобреній, наконецъ, усложненіе орудій обработки и ухода—все это служитъ къ развитію производительности труда въ извѣстныхъ границахъ [1]). И только, при высшемъ разнообразіи, наблюдаемомъ въ интенсивныхъ системахъ, человѣкъ достигъ планомѣрнаго *систематическаго развитія производительности своего труда* и ему уже не грозитъ его паденіе какъ это неизбѣжно бываетъ при экстенсивныхъ системахъ. Статистическія данныя доказываютъ весьма убѣдительно, что производительность

---

[1]) Г. Масловъ упорно и бездоказательно продолжаетъ настаивать на томъ, что только усовершенствованныя орудія способны увеличивать производительность труда. Мы не склонны еще разъ трудиться надъ докательствомъ столь очевидной для насъ истины, доступной и статистической повѣркѣ (на опытныхъ поляхъ, въ частныхъ имѣніяхъ и пр.) и доказанной нами въ первой части, а приглашаемъ г. Маслова призадуматься хотя бы надъ слѣдующими словами критика и товарища его по журналу и направленію относящагося въ общемъ, весьма благосклонно къ новой работѣ автора. „Намъ хотѣлось бы только, чтобы авторъ далъ надлежащее широкое опредѣленіе понятію техническаго прогресса: иногда получается впечатлѣніе, что онъ понимаетъ подъ этимъ только усовершенствованіе орудій и машинъ и развитіе производительныхъ силъ ставитъ въ зависимость отъ этого послѣдняго. А между тѣмъ Марксъ, анализируя ренту, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „относительно развитія производительности земли при послѣдующихъ затратахъ капитала слѣдуетъ посмотрѣть Либиха“ (Das kapital III. B. 2 Theie Hamb. 1909, s. 277). Простое измѣненіе удобренія, смѣна культуръ, подсказываемая наукой, можетъ производить громадный эффектъ. Въ упрекъ автору можно поставить и то, что онъ не откликается въ книгѣ на новѣйшую литературу по столь важному для него вопросу о производительности земледѣльческаго труда (напр. статьи проф. Waterstradt'а, Ballod'а книжку Howard'а) и вообще нѣсколько пренебрежительно относится къ противникамъ „закона“ убывающаго плодородія земли (Рецензія г. Бернацкаго см. Современный міръ 1910 г. № 6).

труда въ странахъ съ интенсивнымъ хозяйствомъ растетъ. Такъ, въ Пруссіи на одного жителя приходилось въ 1879—86 г.г.—47 кил. пшеницы, въ 1886—95 г.г —57 кил.; ржи 138 и 144 кил., не говоря уже о томъ, что при развитіи плодосмѣна площадь подъ зерновыми хлѣбами не увеличивается, а растутъ посѣвы травъ, корнеплодовъ и другихъ интенсивныхъ культуръ. И, что особенно замѣчательно, производительность труда при интенсивныхъ системахъ въ Европѣ прогрессируетъ, *несмотря на паденіе цѣнъ*.

Наше краткое изложеніе современной постановки вопроса о паденіи производительности человѣческаго труда съ ходомъ аграрной эволюціи, указываетъ, что, во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ спорный. Спорность его, какъ это ни странно, признаетъ и г. Масловъ: „вопросъ о томъ, увеличивается ли производительность земледѣльческаго труда при интенсификаціи хозяйства или падаетъ—является и до сихъ поръ спорнымъ“ (стр. 286), Въ сущности мы имѣемъ дѣло не съ однимъ, а съ двумя вопросами: во первыхъ съ вопросомъ объ измѣненіи производительности труда *въ предѣлахъ одной и той же системы хозяйства*: во 2-хъ, о колебаніяхъ этой производительности при смѣнѣ хозяйственныхъ системъ, въ общемъ ходѣ аграрной эволюціи.

1) Рѣшеніе перваго вопроса намъ представляется въ такомъ видѣ: каждая экстенсивная система (т. е. такая система хозяйства, при которой человѣкъ истребляетъ тѣ или иные запасы даровыхъ природныхъ благъ) проходитъ три стадіи: стадію опытовъ и организаціи, при которой производительность труда не такъ велика, стадію наивысшей производительности и послѣднюю стадію—истощенія природныхъ благъ и паденія производительности труда. Къ экстенсивнымъ системамъ относятся охотничья, пастбищная, переложная и паровая зерновая.

Переходъ къ интенсивнымъ системамъ составляетъ улучшенная зерновая съ травополѣмъ, чисто-интенсивная—плодосмѣнъ. Въ этой послѣдней развитіе производительности труда, при планомѣрномъ развитіи всѣхъ сторонъ производительности земли, какъ показываютъ статистическіе факты, вполнѣ обезпечено.

2) Второй вопросъ представляется болѣе сложнымъ и спорнымъ. Производительность человѣческаго труда, при смѣнѣ разныхъ системъ, растетъ благодаря *усложненію* труда. посредствомъ котораго развивается производительность земли, но падаетъ вслѣдствіе истощенія даровыхъ запасовъ природныхъ благъ и ограниченности производительныхъ силъ природы. Мы думаемъ, что вопросъ этотъ могъ бы

быть рѣшенъ только *статистическимъ* способомъ: если бы было возможно учесть время, потраченное охотникомъ на поиски и выслѣживаніе дичи, на передвиженіе, съ истощеніемъ однихъ участковъ на новые; время потраченное кочевниками на отыскиваніе пастбищъ и на переходъ съ вытравленныхъ пастбищъ на свѣжія [1]); если подсчитать затраты подсѣчнаго хозяйства на вырубку лѣса, а залежнаго на поднятіе нови и т. д.; если учесть трудовую стоимость производства *въ разные моменты развитія каждой системы хозяйства*—въ ея началѣ, при наивысшемъ развитіи и неизбѣжномъ паденіи = вывести *среднее* изъ этихъ подсчетовъ —только тогда, сравнивая эти средніе между собой, мы могли бы вынести правильное рѣшеніе по вопросу о развитіи производительности труда въ разныхъ системахъ хозяйства. Но это практически почти неосуществимо [2]) и остается довольствоваться словесными доказательствами, при которыхъ субъективные взгляды подсказываемые часто посторонними соображеніями превалируютъ надъ фактическими аргументами. Въ общемъ, вѣроятно, производительность труда растетъ съ интенсификаціей, но значительно менѣе, чѣмъ въ индустріи. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что повышеніе вообще произошло, что, благодаря успѣхамъ науки техники и въ сельскомъ хозяйствѣ можно произвести больше продуктовъ при одномъ и томъ же количествѣ труда. Но это повышеніе продуктивности гораздо скромнѣе, чѣмъ повышеніе продуктивности за тотъ же періодъ времени въ области механическаго производства. Въ то время, какъ въ послѣдней, при томъ же количествѣ труда можно произвести въ десять разъ больше продуктовъ, въ сельскомъ хозяйствѣ не вполнѣ еще удается производить

---

[1]) Въ до-земледѣльческомъ фазисѣ главныя затраты труда сводятся къ передвиженію. У киргизъ „постоявъ на мѣстѣ два-три дня, аулъ поднимается и перекочевываетъ нѣсколько далѣе, на новое мѣсто, на которомъ опять таки остается два-три дня, вновь поднимаясь по истеченіи этого времени". Ермоловъ. Организація полевого хозяйства (стр. 83). Тѣмъ, кто ратуетъ за продуктивность наиболѣе экстенсивныхъ системъ, не приходитъ на умъ считаться съ этими затратами труда.

[2]) Г. Маловъ, пытается, впрочемъ статистически доказать большую продуктивность экстенсивныхъ системъ. На стр. 369 онъ приводитъ табличку сбора хлѣбовъ на души въ странахъ съ экстенсивнымъ и интенсивнымъ хозяйствомъ. При этомъ, онъ забываетъ, что въ экстенсивныхъ странахъ сѣются почти одни зерновые хлѣба, а въ интенсивныхъ —отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ и болѣе культурной площади занято корнеплодами, травами и пр., урожай которыхъ, въ источникахъ, служившихъ автору для составленія его таблички не публикуется. Если прибавить эти продукты къ зерну, то, какъ мы показали въ первой части, на душу земледѣльческаго населенія въ Германіи придется больше с.-хоз. продуктовъ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

двойное количество продуктовъ" (Давидъ стр. 501). Интенсивныя системы земледѣлія въ Европѣ находятся еще въ началѣ своего развитія и нельзя предугадать, до какой степени они способны поднять производительность труда: пока же недостаточность роста продуктивности европейцы возмѣщаютъ при помощи хищническаго истребленія естественнаго плодородія почвы, тамъ гдѣ это еще возможно.

Итакъ „фактъ" паденія производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ—не „фактъ" и не „законъ", а спорный вопросъ и надо удивляться, какъ г. Масловъ, признавая спорность этого „факта" рискнулъ соорудить на его зыбкомъ фундаментѣ свою теорію развитія не только сельскаго хозяйства, но и производительныхъ силъ населенія вообще.

Безспорно только одно положеніе, молчаливо или громко признаваемое всѣми: общій ходъ аграрной эволюціи неразрывно связанъ *съ развитіемъ производительности земли*. Въ каждой данной странѣ, въ каждой мѣстности человѣкъ начинаетъ съ истребленія природныхъ благъ, потомъ переходитъ на ихъ возстановленіе и развитіе и всегда при этомъ *увеличиваетъ сумму продуктовъ, получаемыхъ съ единицы площади*. Къ этому развитію человѣкъ непрестанно побуждается ростомъ населенія и его потребностей, и пока этотъ ростъ существуетъ, до тѣхъ поръ развитіе производительности земли будетъ составлять основную тенденцію, основной принципъ аграрной эволюціи. Въ зависимости отъ этого основного принципа происходитъ и эволюція *распредѣленія* средствъ производства.

---

§ 3. **Вліяніе населенности, природныхъ и политическихъ факторовъ на эволюцію распредѣленія. Основной принципъ эволюціи.**

А) Вліяніе природныхъ факторовъ. Условія образованія и паденія крупнаго и капиталистическаго хозяйства.

Развитіе производительности земли происходитъ подъ вліяніемъ роста и уплотненія населенія. Ростъ населенія заставляетъ получать съ единицы площади возрастающее количество продуктовъ. Природа предоставленная самой себѣ, производитъ лишь ограниченное количество продуктовъ, и на первыхъ ступеняхъ развитія населеніе должно быть очень рѣдкимъ, чтобы пропитаться однимъ голымъ истребленіемъ даровыхъ природныхъ благъ. При звѣроловномъ хозяйствѣ, одинъ человѣкъ можетъ просуществовать на площади въ квадратную милю въ странахъ съ благопріятнымъ климатомъ и въ десять миль въ суровыхъ сѣвер-

ныхъ странахъ. Съ переходомъ на пастушеское хозяйство емкость территоріи увеличивается, и на квадратной милѣ проживетъ уже отъ 40 до 100 человѣкъ; при переходѣ къ переложному земледѣлію емкость территоріи поднимается до 200—500 человѣкъ на кв. милю, при трехпольи—до 1000—2000 чел. и при интенсивномъ хозяйствѣ средней Европы—отъ 2000 до 4000 чел. Но это повышеніе емкости территоріи, само по себѣ не предрѣшаетъ еще характера эволюціи распредѣленія средствъ производства. Вѣдь въ городахъ населеніе также растетъ, и въ настоящее время еще быстрѣе, чѣмъ въ деревняхъ и, однако средства производства въ индустріи не дробятся, а концентрируются. Тоже самое могло быть и въ сельскомъ хозяйствѣ: если бы естественныя условія благопріятствовали концентраціи производства, то, при постепенномъ уплотненіи населенія, территоріальные размѣры отдѣльныхъ хозяйствъ могли оставаться неизмѣнными или даже увеличиваться; такимъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ сосредоточивалось бы все больше работниковъ, орудій, скота и прочихъ средствъ производства, каждое хозяйство увеличивало бы количество добываемыхъ продуктовъ, иначе говоря, становилось бы крупнѣе по размѣрамъ производства. Охотничье хозяйство, трансформируясь въ пастушеское, на одной и той же квадратной милѣ обнимало бы не одного—двухъ человѣкъ, а 10—40 и соотвѣтственно большее количество животныхъ; переложное 200—500, трехполь ое—тысячу со всѣми орудіями и т. д. Словомъ уплотненіе населенія, связанное съ возрастаніемъ средствъ производства и продуктовъ, добываемыхъ на единицѣ площади независимо отъ другихъ условій, само по себѣ могло бы повести къ *концентраціи* средствъ производства въ немногихъ хозяйствахъ—все равно, коллективныхъ или единоличныхъ, съ наемнымъ трудомъ и къ *дробленію* площади, а за ней и остальныхъ средствъ производства между возросшимъ населеніемъ, постоянно распадающимся на все большее количество отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Концентрація производства могла бы легко найти точку опоры *въ захватѣ земли господствующими классами*, развившемся къ X—XI в.в. въ Европѣ и къ XVI вѣку у насъ. Послѣ революцій и реформъ земля, по большей части осталась въ рукахъ этихъ классовъ. Въ индустріи никогда не было и не могло быть явленія подобнаго, этому захвату: однако теперь средства производства въ индустріи сконцентрировались въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ большая часть ихъ во всѣхъ странахъ раздробилась между милліонами мелкихъ и среднихъ хозяевъ. Почему же въ сельскомъ

хозяйствѣ не произошло такой концентраціи средствъ производства, когда политическія условія, создавшія концентрацію землевладѣнія, подготовили почву для этого процесса?..

Представители того направленія въ экономической литературѣ, къ которому принадлежитъ пишущій эти строки, склонны относить всѣ недостатки крупно-капиталистическаго хозяйства, не дающіе ему развиваться въ земледѣліи,—къ послѣдней половинѣ этого термина, т. е. на счетъ отрицательныхъ качествъ земледѣльческаго капитализма. По ихъ мнѣнію, крупное хозяйство *вообще* въ земледѣліи даетъ такія же преимущества для организаціи производства, какъ и въ индустріи, но „капитализмъ, при наличныхъ хозяйственныхъ условіяхъ и является той слабой стороной крупнаго хозяйства, которая парализуетъ ея техническія преимущества. Сильной стороной мелкаго хозяйства даннаго историческаго момента... является, именно отсутствіе въ немъ чертъ капиталистическаго хозяйства и это даетъ ему силу не только бороться, но до извѣстной степени, даже побѣждать крупное, при всѣхъ своихъ органическихъ порокахъ и техническихъ несовершенствахъ". [1]). Первый, обратившій вниманіе на смѣшеніе понятій крупнаго и капиталистическаго хозяйства былъ В. Черновъ, отмѣтившій путаницу, возникшую, благодаря этому въ разсужденіяхъ Каутскаго. Выводъ г. Чернова таковъ: „кооперація, обобщеніе труда и собственности все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развертываетъ передъ нами безконечно растущую цѣпь выгодъ и преимуществъ, но *капиталистическая* форма этого обобщенія не даетъ многимъ изъ нихъ проявиться или парализуетъ ихъ своими своеобразными невыгодами, которыхъ было чуждо хозяйство, когда его еще не угнетала власть денегъ и капитала". Такимъ образомъ, добавляетъ Карышевъ, крупная кооперація безъ капиталистической формы предпріятія —таково, повидимому, рѣшеніе вопроса вытекающее изъ приведенныхъ соображеній". Самъ Карышевъ цѣликомъ присоединяется къ взгляду В. Чернова. „Не трудно видѣть что всѣ аргументы противъ крупнаго хозяйства, въ сущности имѣютъ въ виду лишь разные виды затрудненій, которыя встрѣчаетъ капитализмъ въ примѣненіи къ сельскому хозяйству" (стр. 161).

Особенно широко развилъ идею о непригодности капиталистическаго и преимущества крупнаго коллективнаго хозяйства въ земледѣліи г. Сухановъ въ недавно появившейся работѣ: „къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяй-

[1]) Н. Карышевъ. Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ, стр. 167.

ства". Авторъ склоненъ весь характеръ эволюціи распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. выяснившуюся тенденцію къ дробленію хозяйствъ объяснять исключительно неспособностью земледѣльческаго капитализма не только не организовать производство, но даже бороться изъ за рабочихъ рукъ съ индустріальнымъ капитализмомъ. Въ тѣхъ районахъ, гдѣ индустрія развита сильнѣе—тамъ земледѣльческій капитализмъ выраженъ болѣе слабо, т. к. рабочіе предпочитаютъ уходить изъ деревень въ города, гдѣ заработная плата выше. „По мѣрѣ развитія промысловой дѣятельности производящаго населенія какой нибудь мѣстности, значеніе въ ней крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и земледѣльческаго капитализма понижается" (стр. 345) Поэтому индустріализація народнаго хозяйства неизбѣжно приводитъ къ паденію земледѣльческаго капитализма. „Неблагопріятныя для предпринимательскаго капитала свойства земледѣльческаго производства не позволяютъ сельско-хозяйственнымъ предпринимателямъ довести экономическій уровень рабочихъ до нормальнаго въ странѣ экономическаго уровня пролетаріата: рабочіе обращаются къ инымъ сферамъ приложенія труда и заставляютъ предпринимателей искать иныхъ сферъ приложенія капитала" (стр. 401).

Такимъ образомъ, крупное хозяйство не организуется въ земледѣліи только благодаря неспособности къ этому земледѣльческаго капитализма: естественныя же условія производства указываютъ на „громадныя преимущества *крупнаго* земледѣлія—по существу своему и по характеру тѣ-же самыя, что и въ индустріи" (стр. 82).

Мы лично придерживаемся нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ, что должно быть извѣстно читателю ознакомившемуся съ первой частью нашего труда. Но г. Пѣшехоновъ въ своей рецензіи на эту книгу (Русск. Богатство 1909 г. № 8) послалъ намъ упрекъ въ той же провинности, какую обнаружилъ В. Черновъ у Каутскаго: въ смѣшеніи понятій крупнаго и капиталистическаго хозяйствъ. Поэтому мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи возможно тщательно разграничить эти понятія.

Сдѣлать это намъ довольно легко: земледѣльческое *капиталистическое* хозяйство появляется только въ XVII в., въ Англіи, въ XVIII в. на континентѣ Европы и въ началѣ XIX в. у насъ, вмѣстѣ съ развитіемъ народнаго и международнаго рынка. Крупное капиталистическое хозяйство, будучи по своей природѣ, товарнымъ, немыслимо безъ образованія рынка. Но крупное хозяйство *вообще* и въ коллективной и въ индивидуальной формѣ вполнѣ возможно и

при отсутствіи рынка и исторія свидѣтельствуетъ, что обѣ формы крупнаго хозяйства существовали, *но лишь на первыхъ ступеняхъ хозяйственной эволюціи.* Слѣдовательно, мы можемъ разсмотрѣть причины образованія и паденія крупнаго и капиталистическаго хозяйства въ отдѣльныхъ формахъ.

Коллективно-крупное хозяйство, въ видѣ ли, просто, тотемической группы, въ видѣ ли рода или крупной семьи, или артели товарищей-складниковъ, сябровъ постоянно сопутствовало тѣмъ стадіямъ хозяйственной жизни, которыя соотвѣтствуютъ *до*-земледѣльческому фазису и періоду самаго экстенсивнаго переложнаго земледѣлія. Охотники бродятъ группами; кочевники путешествуютъ по степямъ мелкими и крупными родами; на нашемъ сѣверѣ въ XVI—XVIII в.в., на югѣ въ Малороссіи въ XVII и половинѣ XVIII в., въ западномъ Полѣсьи въ XV в. еще очень распространены коллективныя формы хозяйства, основанныя на семейномъ или товарищескомъ началѣ. Сейчасъ, въ общинѣ уральскаго казачьяго войска сохраняются коллективныя формы рыболовства и сѣнокошенія.

Германцы, въ эпоху Цезаря, вели обработку земли родовыми группами: „земля не только составляла собственность племени, но и обработка земли производилась совмѣстно родами, а не отдѣльными лицами, сопряженныя съ огромнѣйшими усиліями, при отсутствіи сколько нибудь удовлетворительныхъ орудій, вырубки и выкорчеваніе дремучихъ лѣсовъ мыслимы были лишь соединенными силами многихъ“ [1]).

Съ окончательнымъ переходомъ на земледѣліе, съ вытѣсненіемъ перелога паровой зерновой системой заканчивается эра преобладанія крупнаго коллективнаго хозяйства. Его разложеніе начинается съ осѣданіемъ на землю: племена разлагаются на роды, роды на мелко-родовыя группы, (сложныя семьи—задруги), сложныя семьи замѣняются товариществами сябровъ; товарищества распадаются на отдѣльныя семьи.

Тоже самое происходитъ и съ крупнымъ индивидуальнымъ хозяйствомъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда накопленіе с.-хоз. капитала было такимъ легкимъ, благодаря войнамъ, данямъ и внѣшней торговли, мы еще видимъ, что орудія производства—живой и мертвый инвентарь—скопляются въ рукахъ князей и бояръ. На этой почвѣ иногда, при безграничномъ земельномъ просторѣ, возникаютъ крупныя

---

[1]) Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы, стр. 5.

хозяйства: княжескія стада достигаютъ 4000 гол. лошадей; на гумнахъ у нихъ оказывается 900 скирдъ хлѣба. Князьямъ и боярамъ, содержавшимъ многочисленныя дружины, было основаніе заводить свое крупное хозяйство: дружины изъ 1700—3-хъ тысячъ душъ, какъ у Шимана Варяга, или Родіона Несторовича требовали очень большого количества земледѣльческихъ продуктовъ для прокормленія. Препятствіемъ широкому развитію крупныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ служила подвижность военно-служилаго класса и князей, наиболѣе рѣзко проявлявшаяся въ кіевскую и отчасти въ удѣльную эпоху. Однако, и крупныя индивидуальныя хозяйства, которыя образовались въ *до*-земледѣльческомъ фазисѣ, исчезаютъ съ развитіемъ земледѣлія; вмѣсто того чтобы распахивать землю *для себя*, древніе крупные владѣльцы скота и орудій предпочитаютъ сдавать ихъ въ наемъ мелкимъ владѣльцамъ. Крупное хозяйство ведется только въ звѣроловномъ промыслѣ и бортничествѣ: князья расхватываютъ себѣ „бобровые гоны“ и рыбные „ѣзы“, бортные „ухожаи“ и прочіе „лакомые куски тогдашней народной экономіи“. Съ уничтоженіемъ этихъ лакомыхъ кусковъ, исчезаютъ слѣды крупнаго хозяйства, сохраняясь только въ монастыряхъ, которые не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ, т. к. организація и благоустройство покоятся на религіозномъ чувствѣ народныхъ массъ—т. е. на чисто психологическихъ основахъ.

Только съ экономической дифференціаціей областей, съ образованіемъ внутренняго и внѣшняго рынка возрождается въ расширенныхъ размѣрахъ индивидуальное крупное хозяйство, коллективное же еще до сихъ поръ представляетъ далекій идеалъ.

Почему же эти формы крупнаго хозяйства разлагаются съ переходомъ на земледѣліе, т. е. съ дальнѣйшей эволюціей производства? Для индивидуально-крупнаго хозяйства отвѣтъ ясенъ: во 1-хъ—благодаря подвижности служилаго класса землевладѣльцевъ, во 2-хъ—и это гораздо важнѣе —вслѣдствіе трудности транспорта и тогдашней дешевизны громоздкихъ зерновыхъ продуктовъ.

Но для коллективной организаціи мелкихъ потребительно-трудовыхъ хозяйствъ этихъ причинъ не существовало: и тогда и теперь, при общинной и при подворно-чрезполосной формѣ землепользованія, мы не можемъ найти причинъ, препятствующихъ крестьянамъ перейти къ коллективному хозяйству, если только онѣ не лежатъ *въ технико-*

экономическихъ условіяхъ производства. Вѣдь ясно для каждаго, какія измѣненія затраты труда, капитала и времени происходятъ отъ раздробленности мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ, сколько мѣста тратится на межи, сколько лишнихъ лошадей, сохъ и плуговъ приходится держать, сколь-лишнихъ конюшенъ амбаровъ, хлѣвовъ строить и пр. Малокультурность средневѣкового и современнаго крестьянства здѣсь не причемъ: древніе складники—сябры, были, надо полагать еще менѣе культурны.

Вѣроятно большую роль въ разложеніи рода, задруги, артели играли психологическія эмоціи—ростъ сознательности личности, напримѣръ. Но мы не можемъ останавливаться на психологическихъ элементахъ эволюціи, хотя бы ихъ значеніе и было велико. Наша задача—выяснить—какія *экономическія* условія заставили трудовую массу раздробить и индивидуализировать свое хозяйство при переходѣ на земледѣліе и препятствовали возникновенію крупно-коллективныхъ организацій. Препятствія эти слѣдующія.

1) *Пространство*—т. е. территоріальные размѣры каждаго хозяйства. Производство неразрывно связано съ землей. При развитіи производительности земли, для того, чтобы съ единицы площади получать возрастающее количество продуктовъ, надо увеличивать на эту площадь затраты труда. Человѣческій трудъ, какого бы рода онъ ни былъ, сводится, какъ извѣстно, въ конечномъ счетѣ, къ механическому движенію. Вся сельско-хозяйственная работа сводится также къ движенію по землѣ. Съ интенсификаціей производства неразрывно связано *увеличеніе количества передвиженій по площади:* охотникъ проходитъ не по всей площади, а лишь по небольшой части ея, въ пастушескомъ хозяйствѣ эта часть увеличивается, а въ земледѣліи человѣкъ за сохой, бороной и косой шагъ за шагомъ, проходитъ всю площадь и, чѣмъ интенсивнѣе система земледѣлія, тѣмъ большее количество разъ. Понятно, что при необходимости совершать возрастающее количество передвиженій по обработкѣ поля, уходу за растеніями, наконецъ по уборкѣ и перевозкѣ тяжестей, размѣры обрабатываемой территоріи должны сокращаться. Когда при переложномъ земледѣліи, съ 3—5 десятинъ собиралось 30—40 пудовъ урожая—неважно, что усадьба находится въ 2—3 верстахъ отъ поля: но, когда, при плодосмѣнѣ съ одной десятины свозится отъ 200 до 1000 и болѣе пудовъ зерна, соломы, корнеплодовъ, да наваливаются сотни и тысячи пудовъ удобренія—при такомъ разстояніи, издержки по транспорту поглотятъ весь доходъ. „Въ Германіи, уже на раз-

стояніи полутора километровъ... чистый доходъ поглощается повышенными издержками производства“ [1]).

Издержки по транспорту тяжестей, растущія по мѣрѣ интенсивности, представляютъ *совершенно непродуктивныя затраты труда*—и этими издержками, въ значительной степени, обусловливается территоріальное сокращеніе размѣровъ хозяйствъ, все равно, мелкихъ или крупныхъ, трудовыхъ или капиталистическихъ. Рошеръ говоритъ: „чѣмъ больше затрачивается на землю труда и капитала, тѣмъ затруднительнѣе должны дѣйствовать переходы рабочихъ, дальняя перевозка навоза, доставка жатвы...

Поэтому, уже въ самой природѣ интенсивнаго сельскаго хозяйства заключается вполнѣ достаточное основаніе, почему большія, какъ и среднія и мелкія сельско-хозяйственныя единицы вмѣстѣ съ прогрессомъ всего народнаго хозяйства, имѣютъ тенденцію уменьшаться въ размѣрахъ“.

„Въ величинѣ поля производства уже заключается моментъ, который *удорожаетъ* производство и поэтому дѣйствуетъ, какъ тенденція къ уменьшенію площади; тенденція, сила которой увеличивается вмѣстѣ съ необходимостью изъ данной земли извлечь большее количество продуктовъ“ (Давидъ).

„Ростъ количества средствъ производства и затраты труда, при ограниченности поля ихъ приложенія, есть законъ развитія сельскаго хозяйства, вполнѣ противоположный развитію индустріи—онъ повелъ во многихъ странахъ къ прогрессивному уменьшенію *размѣровъ* и увеличенію *числа* сельско-хозяйственныхъ предпріятій, на сколько при этомъ являлись руководителями технико-экономическія соображенія“ (Зерингъ).

„Необходимость уменьшенія среднихъ размѣровъ хозяйства, вытекающая изъ роста его интенсивность есть общепризнанная въ настоящее время истина, отрицаемая развѣ только по недоразумѣнію“ (Булгаковъ).

Число цитатъ можно было бы, по желанію, увеличить и прибавить къ перечисленнымъ авторамъ, напримѣръ, даже Каутскаго. Но оставимъ цитаты; возьмемъ факты: въ Австраліи на одно хозяйство приходится въ среднемъ 290 гектаровъ, въ Канадѣ 173,3, Соединенныхъ Штатахъ 58,6, Россіи 18,7, Франціи 8,7, Германіи 7,8, Японіи 0,8. У насъ въ Россіи на югѣ и востокѣ, гдѣ земледѣліе экстенсивнѣе, средніе

[1]) Конрадъ. Сельское хозяйство и аграрная политика, ч. I, стр. 40. М. 1910.

скомъ хозяйствѣ. Извѣстно, что въ индустріи, съ укрупненіемъ производства, сокращаются издержки на единицу продукта: постройка дома вдвое большей вмѣстимости требуетъ не вдвое большихъ, а меньшихъ затратъ, устройство котла вдвое большихъ размѣровъ обходится не вдвое дороже, а нѣсколько меньше. „Эта зависимость имѣетъ такой всеобщій характеръ, что она не можетъ не вытекать изъ какихъ-либо общихъ законовъ природы. И дѣйствительно, зависимость эта есть не что иное, какъ необходимое послѣдствіе геометрическаго закона соотношенія объема и поверхности: объемы шаровъ растутъ, какъ кубы радіусовъ, а поверхности—какъ квадраты радіусовъ—чѣмъ больше тѣло, тѣмъ меньше приходится поверхности на единицу объема откуда слѣдуетъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда полезное дѣйствіе тѣла находится въ соотношеніи съ его *объемомъ*, а стоимость производства—съ его *поверхностью* (что является наиболѣе частымъ случаемъ въ хозяйствѣ) увеличеніе объема производимыхъ тѣлъ должно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, уменьшить стоимость даннаго полезнаго эффекта... Въ этомъ заключается основное техническое преимущество крупнаго производства надъ мелкимъ“ (Туганъ-Барановскій op cit. стр. 154).

Для крупнаго сельско-хозяйственнаго предпріятія это преимущество почти не существуетъ, т. к. сельское хозяйство имѣетъ дѣло не съ объемами, а съ *площадями*. Даже постройки, употребляемыя для сельскаго хозяйства одноэтажны; машины малы, вслѣдствіе чего не только исчезаетъ экономія затратъ на ихъ сооруженіе, но и полезное дѣйствіе ихъ становится относительно болѣе дорогимъ.

Вотъ три особенности сельскаго хозяйства: связь съ пространствомъ, усложненіе труда вмѣсто раздѣленія и производство на площади, которыя не даютъ хода крупному хозяйству, ни въ капиталистической, ни въ коллективной его формѣ и которыя влекутъ хозяйства къ систематическому дробленію вмѣстѣ съ ходомъ аграрной эволюціи. Дробится только *территорія* хозяйствъ: остальныя средства производства—живой трудъ, орудія, скотъ, возрастающія на единицу площади, по мѣрѣ интенсификаціи, могутъ и не дробиться, а даже наростать, если сокращеніе территоріи каждаго хозяйства идетъ медленнымъ темпомъ, въ зависимости отъ медленнаго уплотненія населенія. Если же дробленіе территоріи идетъ быстрымъ темпомъ, какъ напримѣръ у насъ, благодаря мобилизаціи земли, разрушающей крупнопомѣстное землевладѣніе, замѣняя его трудовымъ крестьянскимъ—дробятся и средства производства, и среднее число рабо-

чихъ лошадей на одно хозяйство сократилось у частныхъ владѣльцевъ (по даннымъ военно-конской переписи) за 1888—91 до 1904—6 г.г. на 5,3% (съ 3,77 гол. до 3,57 гол.).

Значеніе пространства, иначе говоря, непроизводительныхъ затратъ на передвиженіе—главный стимулъ побуждающій хозяйства сжиматься по мѣрѣ интенсификаціи. На ряду съ усложненіемъ труда, съ утратой простымъ сотрудничествомъ его продуктивности, необходимость сжимать территорію своихъ хозяйствъ, заставляетъ разлагаться крупно-коллективное хозяйство древности, основанное на семейно родовомъ или товарищескомъ началѣ. Стоитъ представить себѣ только, во сколько сотъ разъ увеличиваются передвиженія на единицѣ площади при переходѣ отъ звѣроловнаго и пастушескаго быта къ земледѣлію и отъ перелога къ плодосмѣну, чтобы понять всю настоятельную необходимость сжиманія по мѣрѣ интенсификаціи земледѣлія; и не даромъ площадь самаго экстенсивнаго австралійскаго хозяйства въ настоящее время равна 290 гектарамъ, а самаго интенсивнаго японскаго—0,8 гектарамъ—т. е. менѣе австралійскаго въ 300 слишкомъ разъ.

При переходѣ на земледѣліе разлагается не только крупно-коллективное трудовое хозяйство, но исчезаютъ и зачатки не трудового крупно-индивидуальнаго, боярскаго и княжескаго хозяйства. Это хозяйство возрождается на почвѣ феодальнаго землевладѣнія въ товарно-капиталистической формѣ, при проявленіи внутренняго и внѣшняго рынка для земледѣльческихъ продуктовъ. Поэтому, современное крупно-капиталистическое хозяйство отличается качествами, присущими во 1-хъ) вообще крупному хозяйству; во 2-хъ) капиталистической его формѣ и 3) зависящими отъ сохранившихся въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ феодальныхъ традицій.

1) Интенсификація производства, какъ мы показали, неразрывно связана съ сокращеніемъ территоріи каждаго отдѣльнаго хозяйства. Отсюда, всякое крупное хозяйство, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должно быть *экстенсивнѣе* мелкаго, прежде всего потому, что большая экстенсивность уменьшаетъ непроизводительныя издержки по транспорту тяжестей и вообще, по передвиженіямъ рабочихъ на площади.

2) Большая экстенсивность системы земледѣлія, присущая крупному хозяйству какъ таковому, усиливается тенденціей *капиталистическаго* хозяйства сокращать затраты труда и капитала на единицу площади. И въ Европѣ, и въ Россіи, чѣмъ крупнѣе хозяйство, тѣмъ меньше приходится

на единицу площади скота, орудій производства, тѣмъ меньше въ немъ распахана земля, меньшая доля отведена подъ высокія садовыя и огородныя культуры. и наоборотъ, большая площадь находится подъ лѣсами или заброшена подъ выгоны и пустоши, наконецъ, въ Европѣ въ крупныхъ хозяйствахъ и урожайность ниже. Сокращеніе затратъ труда результатъ стремленія капиталистовъ получить большій *чистый доходъ*. „Особенность крупнаго хозяйства-сравнительно большій уровень чистой доходности (это указывалось еще физіократами и Артуромъ Юнгомъ). Послѣдовательное проведеніе доктрины чистаго дохода логически приводитъ къ желательности крупныхъ размѣровъ хозяйства“ (Фортунатовъ or. cit. стр. 12). Мелкое хозяйство, благодаря своей большой трудо и капитало-интенсивности (по отношенію къ площади) получаетъ, обычно большій *валовой* доходъ. „Мелкое хозяйство, при прочихъ равныхъ условіяхъ, даетъ большіе урожаи и большій валовой доходъ съ единицы площади“ (Ihidem стр. 15).

Пока уровень сельско-хоэяйственнаго производства въ данной странѣ, въ данномъ раіонѣ еще не особенно высокъ, пока экстенсивная система не истощила еще естественнаго плодородія почвы, до тѣхъ поръ „сбереженія“ затратъ труда и капитала въ крупно-капиталистическомъ хозяйствѣ даютъ ему преимущество передъ мелкимъ. Но эти же „сбереженія“—палка о двухъ концахъ: на другомъ концѣ они отражаются въ видѣ пониженнаго развитія производительности земли. И вотъ, когда сельское хозяйство начинаетъ прогрессировать, когда приходится на единицу площади усиливать затраты— капиталистическое хозяйство оказывается неспособнымъ къ этому и начинаетъ разлагаться и падать. Обыкновенно главной причиной упадка капиталистическаго хозяйства въ послѣднюю четверть XIX в. въ Европѣ выставляютъ паденіе цѣнъ. Интенсифицировать производство якобы, возможно, только при повышеніи цѣнъ. Однако, паденіе цѣнъ не помѣшало крестьянскому хозяйству Германіи, Даніи, отчасти Франціи обнаружить признаки быстраго сельско-хозяйственнаго процесса. Съ другой стороны крупное хозяйство начало падать, въ нѣкоторыхъ странахъ еще *до* пониженія цѣнъ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что, послѣ освобожденія крестьянъ, рынокъ сталъ быстро развиваться, хлѣбныя цѣны, особенно съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, сильно возросли *), а тѣмъ не менѣе, русское помѣщичье

*) См. у Лященко „Очерки аграрной эволюціи“ стр. 255.

хозяйство, достигшее къ концу крѣпостной эпохи значительнаго развитія, проявило симптомы упадка, симптомы гораздо болѣе рѣзкіе, чѣмъ послѣ 80-хъ гг., когда цѣны на хлѣбъ, вообще, повышались значительно менѣе, а въ нѣкоторые періоды клонились къ паденію. Тоже самое мы видимъ въ Пруссіи, гдѣ остатки крѣпостного права сохранились до 1848 г: до 1870-хъ гг. хлѣбныя цѣны постоянно повышались, а между тѣмъ, число имѣній свыше 150 гектаровъ сократилось на 10%.

Слѣдовательно, основная причина кризиса капиталистическаго хозяйства—не паденіе цѣнъ; паденіе цѣнъ раскрыло только его слабыя стороны, губившихъ земледѣльческій капитализмъ и до кризиса. Вѣдь въ индустріи систематическое пониженіе цѣнъ составляетъ постоянное явленіе: однако промышленные капиталисты, расширяя производство, увеличивая массу производимыхъ продуктовъ, т. е. сумму валового дохода, достигаютъ, при меньшемъ процентѣ, большей суммы чистаго дохода. Почему-же земледѣльческіе капиталисты не могутъ увеличивать суммы валового дохода, какъ дѣлаютъ крестьяне и этимъ путемъ бороться съ пониженіемъ цѣнъ и уровня прибыли?

Слабость земледѣльческаго капитализма, есть въ тоже время первопричина его экстенсивности—*недостатокъ живого человѣческаго труда*. Пока существовало крѣпостное право, помѣщики были обезпечены даровымъ—трудомъ въ достаточной степени и крупнопомѣстное хозяйство процвѣтало въ Россіи и въ Пруссіи; какъ только крѣпостного работника смѣнилъ—наемный, начался кризисъ этого хозяйства. Переходъ съ дарового на оплачиваемый трудъ сразу повысилъ издержки. Стремясь сократить эти издержки, помѣщики старались меньше прибѣгать къ найму рабочихъ, меньше содержать скота и эти „сбереженья“ отразились на господскихъ поляхъ, которыя во многихъ мѣстахъ запустѣли и начали порастать бурьяномъ. Помѣщичьи имѣнія *обезлюдѣли*, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда потребовалось вести болѣе интенсивное хозяйство, т. е. когда понадобилось большее количество труда, т. к. при интенсификаціи, живой трудъ не вытѣсняется машинами, а наоборотъ „чѣмъ выше интенсивность, тѣмъ меньше машинной работы“ (Давидъ).

Почему же земледѣльческій капитализмъ страдаетъ отъ недостатка живого труда? Почему избыточныя рабочія руки, которыя выбрасываетъ на рынокъ крестьянство въ такомъ большомъ числѣ, уходятъ въ индустрію, переселяются за океанъ, въ Сибирь или просто остаются въ крестьянскомъ

хозяйствѣ, составляя тамъ, зачастую ненужный балластъ? Во первыхъ потому, что капиталистъ не въ состояніи дать такой высокой заработной платы, какую можетъ дать крупный промышленникъ. Въ этомъ отношеніи г. Сухановъ правъ: развитіе производительности труда въ индустріи идетъ быстрѣе и это даетъ возможность предпринимателямъ поднимать заработную плату выше того уровня, до котораго она можетъ подняться въ сельскомъ хозяйствѣ. Поэтому въ странахъ съ развитой индустріей всюду сокращается количество сельско-хоз. рабочихъ—и на контингентѣ Европы и въ Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но въ Россіи индустрія развита слабо: избытокъ крестьянскихъ рабочихъ рукъ на столько великъ, что въ погонѣ за лишнимъ десяткомъ рублей сотни тысячъ отхожихъ рабочихъ, проходятъ многія тысячи верстъ—очевидно, что положеніе г. Суханова, по крайней мѣрѣ, къ чисто земледѣльческимъ раіонамъ Россіи, неприложимо: „развитіе промысловъ“ можетъ обусловить паденіе земледѣльческаго капитализма только въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ это развитіе существуетъ. Притомъ г. Сухановъ, изучаетъ это явленіе въ предѣлахъ крестьянскаго хозяйства. Въ частно-владѣльческомъ же хозяйствѣ, у насъ въ Россіи на первый планъ, выступаетъ другая причина—*небольшіе размѣры сельско-хозяйственнаго капитала, по отношенію къ площади землевладѣнія* [1]) Въ предыдущей главѣ мы показали на данныхъ военно-конскихъ переписей, что лучше оборудованное живымъ инвентаремъ западно-русское дворянское землевладѣніе, меньше потеряло земель при пореформенной мобилизаціи. Мы, конечно, не утверждаемъ, что у нашего дворянства вообще было мало капиталовъ: но лишь небольшая часть этихъ капиталовъ пошла на производительные расходы, большинство же денежныхъ средствъ было растрачено на „спокойствія жизни“.

Какъ бы тамъ ни было, но и въ Россіи, и въ Европѣ, и въ Америкѣ, въ однѣхъ странахъ рѣзче, въ другихъ слабѣе, проявляется одна общая черта земледѣльческаго капитализма—слабые запасы труда и капитала на единицу площади. *Размѣры землевладѣнія у капиталистовъ шире наличныхъ средствъ производства*—поэтому земледѣльческій капитализмъ вынужденъ брести въ хвостѣ. эволюціи

[1]) Противъ теоріи г. Суханова говоритъ тотъ фактъ. что въ такой промышленной странѣ, какъ Германія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ гораздо больше, чѣмъ въ Россіи.

производства [1]) тогда какъ промышленный капитализмъ гордо шествуетъ во главѣ развитіе производительныхъ силъ. Отсюда выводъ: если признать и сущностью аграрной эволюціи развитія производительности земли, то капитализмъ служитъ *тормазомъ* этой эволюціи.

Если крупное хозяйство страдаетъ отъ недостатка живого труда, то, на другомъ концѣ лѣстницы, мелкое и особенно парцельное хозяйство, наоборотъ, страдаетъ отъ *перенасыщенія* этимъ трудомъ. Даже сторонникъ мелкаго хозяйства Гертцъ находитъ, что „особенно терпитъ отъ колоссальной растраты труда, вызываемой парцельной системой европейскаго землевладѣнія мелкое хозяйство". Запасы труда въ немъ слишкомъ велики, при данномъ уровнѣ производства, и владѣльцамъ парцельныхъ участковъ приходится или растрачивать даромъ свои силы или искать имъ продуктивнаго примѣненія на сторонѣ. Только въ пригородныхъ раіонахъ, или въ мѣстностяхъ съ высокими культурами, огородничество, садоводство, виноградарство могутъ поглотить избыточный запасъ труда въ парцельномъ хозяйствѣ и тогда оно процвѣтаетъ. Вообще же, крестьянскія хозяйства, недостаточно обезпеченныя землей, т. е. такія, у которыхъ запасы труда и капитала превышаютъ площадь ихъ приложенія при данной системѣ хозяйства, оказываются такими же неустойчивыми, какъ крупно-капиталистическія.

3) Кромѣ основного недостатка крупно-капиталистическаго хозяйства—слабыхъ запасовъ труда и капитала, это хозяйство получило въ наслѣдіе отъ феодально-крѣпостной эпохи нѣкоторыя черты, которыя сохраняются до сихъ поръ, особенно у насъ въ Россіи. Кадры землевладѣльцевъ и сейчасъ состоятъ изъ дворянъ-потомковъ военно-служилаго класса. Во всѣ времена дворяне тяготѣютъ къ казенной службѣ—отсюда развивается *абсентеизмъ*. Другая психологическая черта землевладѣльцевъ дворянъ—ихъ неразсчетливость. Очень часто они жалуются на недостатокъ капитала, но въ каждой странѣ дворянство получило въ видѣ жалованья, ренты, ссуды—милліарды, которые уплыли на широкую жизнь, и теперь дворянство стонетъ подъ бременемъ задолженности, растущей съ каждымъ го-

1) Де Лаверпо говоритъ: „для культуры важно не то, чтобы собственность была велика, но, чтобы она была *богата*, что далеко не одно и тоже... Въ рукахъ 1000 собственниковъ, которые имѣютъ каждый только по 10 гектаровъ, но по 1000 франковъ на гектаръ, земля будетъ вдвое продуктивнѣе, чѣмъ въ рукахъ одного человѣка, который имѣетъ 10000 франковъ, но издерживаетъ только по 500 франковъ на гектаръ" (цит. по Булгакову т. I стр. 63). Мелкое хозяйство и есть именно *богатое* хозяйство, а крупное—бѣдное.

домъ и заставляющей наиболѣе слабыхъ разставаться съ родовыми землями. Психологическія черты дворянства неистребимы; и пока оно существуетъ, если не юридически, то фактически, какъ привиллегированное сословіе, до тѣхъ поръ на крупномъ землевладѣніи будутъ сказываться эти отрицательныя черты, влекущія его къ систематическому самоуничтоженію. Въ Россіи еще недавно уничтожено крѣпостное право: дворянскія традиціи еще такъ свѣжи и сильны—и въ рѣзультатѣ, нигдѣ нѣтъ такой быстрой ликвидаціи крупнаго землевладѣнія, какъ у насъ...

И такъ, крупное хозяйство вообще и крупно-капиталистическое въ частности, не можетъ занять твердой позиціи въ сельско-хозяйственной сферѣ: во 1-хъ, вслѣдствіе органическихъ условій производства, во 2-хъ, вслѣдствіе экстенсивности земледѣльческаго капитализма, и въ 3-хъ благодаря феодальнымъ традиціямъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Крупно-коллективное и крупно-индивидуальное хозяйство исчезаетъ на зарѣ аграрной исторіи, съ переходомъ населенія на земледѣліе. Крупно-капиталистическое хозяйство, само по себѣ, никогда бы не образовалось, если бы политическіе факторы не создали крупнаго землевладѣнія.

Образовавшись, наканунѣ побѣднаго шествія капитализма въ индустріи, земледѣльческій капитализмъ менѣе, чѣмъ черезъ сотню лѣтъ послѣ своего возникновенія, обнаружилъ признаки хроническаго упадка. Обреченный, по своей природѣ, брести въ хвостѣ аграрной эволюціи, онъ не въ состояніи привлечь и прокормить на своей обширной и пустынной территоріи возрастающіе съ каждымъ поколѣніемъ милліоны трудовыхъ земледѣльцевъ. Поэтому, земледѣльческій капитализмъ представляетъ временное явленіе, возникшее на почвѣ постороннихъ для сельскаго хозяйства факторовъ и исчезающее на извѣстной ступени сельско-хозяйственнаго развитія: а милліоны трудовыхъ земледѣльцевъ, оставаясь самостоятельными хозяевами, создаютъ противоположный процессъ эволюціи и распредѣленія—*дробленіе* земли.

Г) Дробленіе земли подъ вліяніемъ роста населенія.

Статистическія данныя устанавливаютъ фактъ дробленія хозяйствъ подъ вліяніемъ возрастающей плотности земледѣльческаго населенія.

	Удобной земли на 1 чел. землед. населенія.	% площади въ хозяйствахъ.			Средній размѣръ хоз. въ гектар.
		До 20 гект.	20—256	Св. 256	
Новая Зеланд. (1906 г.)	91,0	1,1	17,8	81,1	206,9
		До 20 гект.	20—104	Св. 104	
Соедин. Штаты (1906 г.)	4,40	5,8	47,2	44,0	58,6
		До 20 гект.	20—120	Св. 120	
Великобритан (1895 г.)	2,82	15,0	57,6	27,4	25,5
		До 14.85 гект.	14.85—59,4	Св. 59,4	
Данія (1901 г.) . . .	2,70	16,6	50,8	32,6	15,6
		До 21,8 гект.	21,8—109	Св. 109	
Россія (1905 г.) . . ,	2,59	40,9	22,3	36,8	18,7
		До 20 гект.	20—100	Св. 100	
Германія (1907 г.). . .	1,95	48.6	29,3	22,1	7,8
		До 10 гект.	10—40	Св. 40	
Франція (1892 г.) . .	1,81	25,5	29.0	45.5	8,7
		До 20 гект.	20—100	Св. 100	
Бельгія (1902 г.). . .	1,31	61.7	25,0	3,4	6,0 [1]

Несмотря на развитіе въ способахъ группировки, на таблицахъ ясно видно возрастаніе площади у мелкихъ хозяевъ и сокращеніе ея у крупныхъ, по мѣрѣ уплотненія населенія. Исключеніе представляетъ Россія, гдѣ площадь у нижней и, особенно, у верхней группы относительно велика, а средняя представлена слабо, что зависитъ отъ недавняго происхожденія крупно-капиталистическаго землевладѣнія, не успѣвшаго еще раздробиться и перейти въ разрядъ среднихъ.

Такимъ образомъ, уплотненіе населенія—статистическій фактъ. Фактъ этотъ—результатъ закономѣрнаго хода аграрной эволюціи и существованіе его подтверждается не только данными географическаго характера, но

1) Составлена по Заку „Соціально-политич. таблицы вып. III, 1910 г.

и *историческими* матеріалами, разсмотрѣнію которыхъ было удѣлено нами много вниманія въ предыдущихъ главахъ. Всякому, знакомому съ современной постановкой аграрнаго вопроса въ наукѣ, долженъ быть ясенъ мотивъ заставляющій насъ концентрировать свое вниманіе именно на этомъ пунктѣ. Мотивъ этотъ—стремленіе опрокинуть фактами, ни на чемъ не основанное, но тѣмъ не менѣе глубоко вкоренившееся убѣжденіе, что при „натуральномъ" строѣ хозяйственныхъ отношеній распредѣленіе земли и прочихъ средствъ производства. было гораздо болѣе равномѣрнымъ, чѣмъ теперь. Такъ какъ эволюція распредѣленія въ средѣ частныхъ владѣльцевъ зависитъ отъ политическихъ факторовъ то вопросъ сводится къ изученію формъ распредѣленія преимущественно *въ крестьянской средѣ*. Въ этой области историческіе факты, приведенные нами, позволяютъ установить слѣдующія главныя положенія.

1) Распредѣленіе земли и прочихъ средствъ производства въ крестьянской средѣ, никогда не было равномѣрнымъ.

2) Неравномѣрность въ распредѣленіи въ прежнее время была большей, чѣмъ теперь. Съ ходомъ исторіи наблюдается дробленіе болѣе крупныхъ хозяйствъ.

3) Въ рѣдко населенныхъ раіонахъ разслоенность крестьянства во всякую эпоху, выражена рѣзче, чѣмъ въ населенныхъ болѣе густо.

Европейскіе историки менѣе обращали вниманія на разслоенность крестьянства въ древности, чѣмъ русскіе. Русскіе, болѣе заинтерссованные вслѣдствіе споровъ, идущихъ между народниками и марксистами, переносили иногда этотъ интересъ и на европейскую почву: въ работахъ проф. Лучицкаго по исторіи французскаго крестьянства и г. Граната—англійскаго,—мы находимъ статистическія данныя, свидѣтельствующія, прежде всего, что и въ Европѣ, въ древности, крестьянскія хозяйства не были равновеликими. Въ концѣ XII в. въ 5 центральныхъ графствахъ Англіи было:

	% дворовъ.
Безземел. и до 5 акровъ (2 гек.)	— 33,8
5 — 9 (2 — 4)	— 10,6
10 — 19 (4— 4)	— 33,8
20 — 30 (8—12)	— 21,4
Св. 30 (Св. 12)	— 0,4

Это—въ средѣ крѣпостныхъ 10581 дворовъ. Въ средѣ свободныхъ держателей Фригольдеровъ, которые подсчитаны г. Гранатомъ въ числѣ—2826 дворовъ находилось:

Безземел. и до 5 акровъ 53,4%
6— 9 — 13,2
10—19 — 16,4
20—30 — 10,6
Св. 30 — 6,4

Наконецъ, подсчетъ въ части описей крѣпостныхъ крестьянъ 1189 г. (3930 дв.) даетъ:

Беззем. и до 5 акровъ—28,9%
6— 9 — 29,4
20—30 — 26,9
Св. 30 — 14,8

Въ общемъ, г. Гранатъ считаетъ, что процентъ безнадѣльныхъ дворовъ и съ минимальнымъ для того времени надѣломъ (до 2 гектаровъ) достигалъ одной трети. „Для цѣлой трети населенія своя земля можетъ имѣть только вспомогательное и часто ничтожное значеніе, главнымъ же источникомъ средствъ долженъ быть трудъ по найму: за нѣсколько вѣковъ до возникновенія капитализма въ странѣ уже существовалъ обширный классъ наемныхъ рабочихъ и съ развитіемъ обрабатывающей промышленности, оставалось лишь перевести этихъ безнадѣльныхъ крестьянъ изъ деревни въ городъ, побудивъ ихъ окончательно порвать слабую связь, которая у нихъ была съ землей". [1]) Верхній слой—владѣльцевъ свыше 30 акровъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ также довольно великъ и достигалъ судя по послѣдней таблицѣ, въ болѣе раннюю эпоху XI- в. почти 15% всѣхъ дворовъ. Очевидно, даже въ довольно густо населенной по тому времени Англіи, притомъ въ центральныхъ ея частяхъ, разслоеніе было довольно значительно.

Второе положеніе, выведенное нами на основаніи русскихъ и, главнымъ образомъ, малорусскихъ данныхъ, подтверждается въ трудѣ проф. Лучицкаго, основанномъ на подсчетѣ историко-статистическаго матеріала во Франціи. Сводки цифръ, приводимыхъ имъ въ этомъ трудѣ [2]) по 2 описямъ 3-хъ бощинъ даетъ такіе процентные итоги,

1) И. Гранатъ. Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи стр. 16.

2) И. В. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи и продажѣ національныхъ имуществъ. Кіевъ 1894 г.

	% дворовъ.	
	Въ 1569 г.	1779 г.
Безземельныхъ огородн. и имѣвшихъ до 1 манкоде [1])		
коде—	59,0	49,2
1— 5	20,2	32,5
5—15	13,5	13,2
15—30	4,5	3,2
Св. 30	2,8	1,8

За 210 лѣтъ въ распредѣленія земли и этихъ общинъ произошелъ тотъ же типъ дробленія, который мы наблюдали въ Черниговской губ., сравнивая данныя Румянцевской описи съ современными и который носитъ названіе *нивеллировки*. Нивеллировка, какъ мы знаемъ изъ послѣдней главы, происходитъ при небольшемъ повышеніи и прислабомъ пониженіи средней обезпеченности. Тоже самое произошло и въ этихъ общинахъ, по словамъ проф. Лучицкаго. „Какъ можно судить по собраннымъ мною даннымъ, оказывается, что, хотя и въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ, крестьянская собственность *увеличилась* въ теченіи двухъ столѣтій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно видно, какъ въ то же время она все болѣе и болѣе мельчала, какъ росло число собственниковъ, владѣвшими все меньшими и меньшими участками“ (стр. 99). Во Франціи XVII—XVIII в. в. наблюдалась довольно значительная разслоенность крестьянъ. „Съ одной стороны, выдѣляется, какъ указываетъ Бернье— классъ крупныхъ крестьянскихъ владѣльцевъ, крестьянской аристократіи, появляется рядомъ съ gentilhom e и honnete homme (avasseur) который „гордится не столько своими предками, сколько своими внуками“—насмѣшка надъ нимъ и который постепенно прибираетъ къ рукамъ земли сеньоровъ и становится quasi-сеньоромъ изъ крестьянъ. А съ другой стороны мы находимъ въ XVII—XVIII в.в. обширную категорію мелкихъ собственниковъ: въ Бретани большинство имѣло менѣе 5 и даже 1—2 гектара 146 процентовъ“. (Кулишеръ лекціи стр. 195).

Установить на историческихъ фактахъ принципъ эволюціи распредѣленія въ крестьянской средѣ—одна изъ главныхъ задачъ нашей работы. Распредѣленіе у частныхъ владѣльцевъ зависитъ отъ политическихъ факторовъ и не можетъ служить показателемъ той естественной *органической* эволюціи, которая возникаетъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ производительныхъ факторовъ. Только на крестъ-

1) Манкоде (mencaude) мѣра земли=42 arel 91 centiares0,=43 гектара.

янствѣ мы можемъ наблюдать явленія эволюціи распредѣленія въ „чистомъ видѣ“ безъ постороннихъ примѣсей, насколько это вообще доступно при изученіи соціально-экономической среды: только здѣсь легче всего провѣрить теоретическія положенія, вытекающія изъ анализа эволюціи производства.

Основное теоретическое положеніе, построенное на приведенныхъ выше соображеніяхъ—интенсификація производства должна повести къ сокращенію территоріальныхъ размѣровъ каждаго отдѣльнаго хозяйства, иначе говоря—*къ дробленію площади между возрастающимъ числомъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ.*

Въ до-земледѣльческомъ фазисѣ на кв. милѣ помѣщаются нѣсколько человѣкъ соединенныхъ, вмѣстѣ съ примитивными орудіями и скотомъ въ одно хозяйство. При переходѣ на экстенсивное землевѣліе, на томъ же пространствѣ уже скопляется нѣсколько сотъ человѣкъ, при интенсивной системѣ нѣсколько тысячъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ средствъ производства, которыя вслѣдствіе специфическихъ условій сельско-хозяйственной эволюціи (значенія пространства, усложненіе труда, слабости капитализма) препятствующихъ концентраціи, распадаются сначала на десятки, а потомъ на сотни и даже на тысячи отдѣльныхъ хозяйствъ.

Эта формула слишкомъ схематична, и если бы реальная дѣйствительность строилась только по ней, то всѣ хозяйства образовавшіяся въ каждый отдѣльный моментъ эволюціи, были бы *равновеликими*. Напримѣръ, если при переложномъ земледѣліи, на квадратной милѣ оказалось 150 человѣкъ съ 30 сохами и 60 головами рабочаго скота, то раздѣлившись на 30 хозяйствъ, каждое бы имѣло по $^1/_{30}$ мили земли, 5 человѣкъ, одной сохѣ и парѣ головъ рабочаго скота; при трехпольи, при сгущеніи до 500 чел. въ каждомъ изъ обоазовавшейся сотни хозяйствъ было бы тоже одинаковое количество земли, людей, орудій и скота. Какъ ни несуразна, подобная картина эволюціи распредѣленія, но именно въ такомъ видѣ представляется она въ эпоху „натуральнаго строя“ большинству экономистовъ. По ихъ мнѣнію, только капитализмъ внесъ въ крестьянскую среду дифференцирующее начало и разложеніе крестьянъ на слои различной экономической силы—явленіе настоящей эпохи.

Три положенія, выставленныя нами выше, устанавливаютъ діаметрально противоположную схему эволюціи распредѣленія: крестьянскія хозяйства не только никогда не были равновеликими, но въ прежнія эпохи, при рѣдкомъ

населеніи и экстенсивныхъ системахъ дифференціація народныхъ массъ и концетрація земли и средствъ производства достигали максимальнаго развитія; по мѣрѣ уплотненія населенія и интенсификаціи сельскаго хозяйства распредѣленіе становится болѣе равномѣрнымъ.

Первое изъ этихъ положеній—что крестьянскія хозяйства никогда не были равно великими—достаточно полно и основательно доказывается фактическимъ матеріаломъ, приведеннымъ въ предыдущихъ главахъ. Мы знаемъ, что въ кіевскую эпоху были смерды, имѣвшіе своихъ холоповъ, и такіе, которые сами рядились въ холопы: въ удѣльную и московскую эпохи въ центрѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ и востокѣ максимальные земельные участки, превышали минимальные въ десятки разъ. Тоже самое мы видѣли и въ крѣпостную эпоху и въ настоящее время: всегда существовали въ крестьянствѣ богатые и бѣдные, полные пролетаріи и полупролетаріи-бобыли, подсусѣдки, казаки, половники и форменные капиталисты—„могустные“, дворы пользовавшіеся пролетарскимъ трудомъ.

Но для насъ важнѣе было обосновать второе положеніе—сглаживаніе дифференціаціи съ ходомъ аграрной эволюціи. Это положеніе допускаетъ двоякаго рода формулировку: 1) точную и детальную: въ до-земледѣльческомъ фазисѣ крестьяне были болѣе разслоены, чѣмъ въ періодъ переложнаго земледѣлія, въ этомъ періодѣ, болѣе чѣмъ въ періодъ переложнаго земледѣлія, въ этомъ періодѣ, болѣе, чѣмъ при трехпольи, т. е. распредѣленіе средствъ производства въ крестьянской массѣ выравнивается съ каждой новой системой сельскаго хозяйства, съ каждымъ періодомъ аграрной эволюціи. Для такой детальной формулы историческихъ фактовъ намъ не хватаетъ: историческій методъ придется пополнить *географическимъ анализомъ*, которому и будетъ посвящена третья часть нашего труда. У насъ нѣтъ никакихъ историческихъ матеріаловъ для полнаго количественнаго опредѣленія слоевъ, въ *до*-земледѣльческомъ, звѣроловномъ и пастушескомъ хозяйствѣ. Періодъ переложнаго земледѣлія и захватнаго права (займанщины) хорошо освѣщенъ съ этой стороны, Румянцевской описью, захватившей, впрочемъ только его конецъ. Для начала трехполья на сѣверѣ мы имѣемъ данныя Иванова, на тогдашнемъ югѣ—Миклашевскаго: но данныя Иванова касаются только земледѣлія-промысла, стоявшаго на сѣверѣ въ тѣни; данныя Миклашевскаго касаются искусственно подобранныхъ „прожиточныхъ“ сведенцевъ. Всѣ остальные матеріалы не полны, отрывочны и для точной формулировки недоста-

точны. 2) Поэтому мы выставили выше болѣе не опредѣленную и общую формулу: неравномѣрность распредѣленія въ прежне время была большей, чѣмъ теперь и болѣе крупныя хозяйства подверглись сильному раздробленію. Эту формулу подтверждаютъ, безъ всякаго исключенія, всѣ изложенныя нами историческія матеріалы, которые, въ своей совокупности, представляютъ для нея достаточно солидное основаніе.

Теперь спрашивается, чѣмъ объясняется, какъ постоянная раслоенность трудовыхъ массъ, существовавшая во всѣ эпохи, такъ и сокращеніе ея къ настоящему времени? Вѣдь, одной эволюціей производства эта раслоенность, какъ мы говорили, не можетъ быть объяснена: эволюція производства *дробитъ* территорію, но не размываетъ и не нивеллируетъ крестьянскія хозяйства...

Основа крестьянской неоднородности—во всякую эпоху —*семья*. Въ каждой деревнѣ существовала и существуетъ цѣлая гамма семействъ, начиная, отъ сложныхъ семей изъ 20—30 душъ и кончая одинокими бобылями и бобылками. Неоднородность семейнаго состава—главный базисъ имущественной неоднородности. Сложныя семьи, съ большимъ количествомъ рабочихъ — сильныя физически коллективныя ячейки—и въ экономическомъ отношеніи являются наиболѣе мощными хозяйственными организмами. Любой статистическій сборникъ, въ которомъ есть группировки по семейному составу, показываетъ, что, съ ростомъ семьи, обезпеченность средствами производства возрастаетъ еще быстрѣе: чѣмъ крупнѣе семья, тѣмъ больше на душу приходится земли, посѣвовъ, скота, рабочаго инвентаря и т. д. Но крупно-крестьянскія хозяйства отличаются тѣми же отрицательными качествами, какъ и крупно-капиталистическія: наличность земледѣльческаго труда и капитала на *единицу площади* у нихъ меньше, чѣмъ у остальныхъ группъ. На этотъ фактъ мы указывали въ сборникѣ „Борьба за землю“, гдѣ собрали данныя по нѣсколькимъ десяткамъ уѣздовъ (см. таблицы №№ 12 и 13 приложенія). Беремъ для иллюстраціи оттуда данныя по Полтавской и Екатеринославской губ.

На 100 десятинъ посѣва.

Полтавск. губ. 14 уѣзд.		У дв. до 1 десят.	1—2	2—3	3—6	6—9	9—15	15—25	25—50	Св. 50
Казаки	Плуговъ .	11	12	15	16	12	9	5	4	3
	Гол. раб. скота . .	63	48	47	43	39	33	26	21	19

Крестьяне	Плуговъ .	9	10	12	14	12	9	6	4	4
	Гол. раб. скота . .	59	46	47	43	39	33	28	23	22

Десятинъ пашни на 1 работника.

Екатерин. уѣздъ.	Двор. до 1 десят.	1—3	3—5	5—10	10—15	15—20	20—25	Св. 25
	0,1	1,3	2,4	4,6	5,8	6,9	7,8	25,3

Крупная семья—хозяйство стремится, также какъ и капиталистическое „сберегать“ затраты труда и капитала на единицу площади, только, конечно, въ иной пропорціи. При экстенсивныхъ системахъ эти „сбереженія“ даютъ крупнымъ семьямъ не малыя преимущества: особенно эти преимущества проявляются въ до-земледѣльческомъ фазисѣ, когда такъ развиты формы простого сотрудничества. Исторія и показываетъ намъ, что сложныя семьи—задруги царятъ повсюду на этихъ ступеняхъ развитія—разныя дворища, печища, артели сябровъ, состоящія изъ десятковъ членовъ. Захватное право, господствующее въ переложномъ періодѣ земледѣлія, также способствуетъ тому, что „семьянистыя“ и „могутныя“ хозяйства, подобно князьямъ разбираютъ „лакомые куски народной экономіи“—звѣроловныя и рыбопромышленныя угодья, лучшіе и обширнѣйшіе участки земли. Справедливо замѣчаетъ г. Масловъ: „при земельномъ просторѣ богатому есть гдѣ развернуться, завести большое хозяйство“ („Агр. вопр.“ т. I, изд. 3-е, стр. 451). Поэтому мы предполагаемъ, что максимальная *концентрація* средствъ производства существовала на первыхъ ступеняхъ развитія: въ пастушескомъ хозяйствѣ въ рукахъ такихъ крупныхъ и сильныхъ мелко-родовыхъ группъ сосредоточивался скотъ, при переложномъ земледѣліи—земля.

Эта концентрація, насколько позволяютъ судить данныя Румянцевской описи сопровождалась чаще всего процессомъ *„дифференціаціи“*, т. е. наростаніемъ на другомъ полюсѣ группировки—чисто пролетарскаго и полупролетарскаго слоя безземельныхъ и малоземельныхъ хозяйствъ. „Скудныя“ и „одинокія“ хозяйства не были въ состояніи бороться со своими могущественными сосѣдями и, отчасти, подъ давленіемъ политическихъ факторовъ—податного гнета, господства права сильнаго, иногда въ зависимости отъ развитія торговли и промышленности, какъ на сѣверѣ, иногда бла-

годаря нуждѣ въ кредитѣ и ростовщическимъ операціямъ, „оскудѣвали“, „обмолодали“, „одолжали“, теряли послѣдніе достатки и шли въ бобыли, половники, подсосѣдки.

Румянцевская опись захватила конецъ „займанщины“: крупныхъ семей, имѣвшихъ болѣе 4-хъ работниковъ м. п. оставалось 4—5,5%—все-таки, впятеро болѣе, чѣмъ сто лѣтъ спустя. Еще раньше, когда можно предполагать, что такихъ семей было больше—концентрація средствъ производства, вѣроятно, достигала большихъ размѣровъ.

Но вотъ населеніе окончательно переходитъ на земледѣліе; исчезаютъ звѣроловныя угодья; вмѣстѣ съ до-земледѣльческими промыслами уничтожаются выгоды простого сотрудничества, которое замѣняется усложненіемъ индивидуальнаго труда. Съ переходомъ на урегулированную зерновую систему, съ уничтоженіемъ захватнаго права, по всей Европѣ, (М. Ковалевскій указываетъ и на Азію) проходитъ полоса семейныхъ, и сябринныхъ раздѣловъ, каждая *простая* семья получаетъ свои отдѣльныя, полосы на нѣкогда общихъ участкахъ. Появляются опредѣленныя нормы подворныхъ участковъ; въ Германіи—гуфа, во Франціи—манза, въ западной Руси и Польшѣ—волока, Новгородской области—обжа, въ Замосковьи—выть. Поэтому, дальнѣйшій процессъ дробленія площади связанъ не только съ разложеніемъ крупныхъ семей, сколько вообще съ возрастаніемъ населенія. Конечно, возрастаніе населенія фактически выражается тоже въ дробленіи семей: каждая семья недостаетъ въ своемъ составѣ до извѣстнаго предѣла, потомъ распадаются на двѣ, три части; но этотъ круговоротъ наростанія и раздѣленія семей не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ массовымъ разложеніемъ сложныхъ семей—задругъ, которое происходитъ въ эпоху окончательнаго осѣданія на землю въ исторіи каждаго народа.

Въ процессѣ наростанія и дробленія семей—хозяйствъ площадь каждаго отдѣльнаго хозяйства то увеличивается, (путемъ покупокъ и аренды при частномъ владѣніи и передѣловъ по душамъ при общинномъ), то падаетъ вновь но, въ общемъ, понемножку *таетъ*. Каждое новое поколѣніе, увеличивая число семей—хозяйствъ, тѣмъ самымъ заставляетъ ихъ потѣсниться. Въ очень интересной статьѣ г. Яснопольскаго (къ вопросу о движеніи крестьянскаго землевладѣнія) описана исторія одного крестьянскаго общества въ М. Борисполѣ Переяславскаго уѣзда (подворниковъ) за 1861—1901 гг. Въ 1864 г. въ этомъ обществѣ было 70 дворовъ съ 251,9 дес., въ 1901 г.—90 дв. изъ 279 дес. На одинъ дворъ приходилось въ 1863 г. 3,6 дес. Въ 1901 г.—30,3 дес.

убыло на 14,6%. Изъ 90 дворовъ, бывшихъ въ наличности въ 1901 г., 21 дв. принадлежали къ *первому* поколѣнію, т. е. дѣлились съ 1863 г. они увеличили за 38 лѣтъ свои земельный фондъ съ 53 до 60,5 дес. Изъ прочихъ дворовъ 17 мелкихъ исчезло, продавъ свои земли (всего 24,4 дес.— по 1,7 дес.) подверглись семейнымъ раздѣламъ 38 дворовъ съ 1886,8 дес.: средній размѣръ 4,0 дес. указываетъ, что хозяйства, подвергшіяся раздѣлу, были *самыми крупными*, по мѣстному масштабу. Они разбились на 61 хозяйство, изъ которыхъ до 1901 г. сохранилось 53 съ 145,6 дес. а 8 исчезло, благодаря браку съ чужими.

Въ теченіе второго поколѣнія эти 53 хозяйства увеличили свое землевладѣніе до 190,2 дес., но, всетаки у нихъ и въ 1901 г. было по 3,6 дес., т. е. площадь каждаго хозяйства, сравнительно съ первымъ поколѣніемъ, убавилась на 26,7%.

Такимъ образомъ, каждое отдѣльное хозяйство, возрастая въ своемъ семейномъ составѣ, стремилось расширить свое землевладѣніе. „Съ переходомъ къ новому поколѣнію сразу все падаетъ: переполняются низшіе разряды, а хозяйства выбившіяся наверхъ—всѣ исчезаютъ. Но снова начинается Сизифова работа: опять низшія группы карабкаются наверхъ, снова возникаютъ болѣе зажиточныя хозяйства... чтобы снова низвергнуться внизъ, можетъ быть еще глубже, съ переходомъ къ прежнему поколѣнію".

Вотъ коротенькая иллюстрація того пути, которымъ происходитъ органическій процессъ дробленія площади хозяйствъ въ крестьянской средѣ. Въ предыдущей главѣ, мы установили, что дробленіе выражается въ процессѣ двоякаго типа въ видѣ односторонней *подвижки внизъ*, т. е. сокращенія верхнихъ и возрастанія нижнихъ пролетарскихъ слоевъ или въ видѣ двусторонней *нивелировки*, сокращенія крайнихъ —верхнихъ, и нижнихъ слоевъ, и возрастанія за ихъ счетъ среднихъ.

Историческіе факты указываютъ, что, въ зависимости отъ разныхъ причинъ, главнымъ образомъ отъ колебаній средней обезпеченности даннымъ средствомъ производства, или отъ колебанія общаго уровня благосостоянія, возникаетъ тотъ или другой типы процессовъ. Если происходитъ рѣзкое пониженіе уровня обезпеченности—оно сопровождается сильной подвижкой внизъ. Такъ было у насъ во второй половинѣ XVI вѣка и въ смутное время, когда процентъ безпахотныхъ бобылей поднялся выше 40, такъ было въ Германіи, послѣ тридцатилѣтней войны, во Франціи передъ революціей, въ Англіи въ XVI столѣтіи: такъ было на на-

шихъ глазахъ (въ группировкахъ по рабочимъ лошадямъ) послѣ неурожая 1891—2 гг. Всякое народное бѣдствіе—политическій гнетъ, неурожай, кризисъ экстенсивной системы, а также перенасыщенность земли населеніемъ при данной системѣ отражаются на крестьянскомъ хозяйствѣ въ видѣ всеобщаго оскудѣнія и сопровождаются во всѣ времена—общей „подвижкой внизъ"—появленіемъ массы крестьянскаго пролетаріата и полупролетаріата, причемъ и „капиталисты" страдаютъ больше всѣхъ. Устойчивѣе другихъ слоевъ переносятъ бѣдствіе средне-крестьянскія хозяйства; когда проходятъ бѣды, эти слои выступаютъ на арену и ихъ роль и значеніе, повидимому, растутъ съ ходомъ исторіи. Румянцевская опись, французскія данныя, и нѣкоторые изъ матеріаловъ, приведенныхъ въ предыдущихъ главахъ, показываютъ, что въ группировкахъ *по пахатной землѣ*, сравниваемыхъ черезъ вѣковой промежутокъ времени, преобладаетъ процессъ *нивеллировки*. Нивеллировку мы и считаемъ наиболѣе нормальнымъ типомъ процесса эволюціи крестьянскаго хозяйства.

Экономическіе соображенія убѣждаютъ насъ, что дробленіе, при нормальныхъ условіяхъ, не должно заходить дальше того предѣла, за которымъ слѣдуетъ перенасыщеніе площади трудомъ и капиталомъ. Какъ только въ нижнихъ группахъ является это перенасыщеніе—онѣ становятся неустойчивыми. Малѣйшій толчекъ—и онѣ летятъ внизъ, теряютъ сначала инвентарь и скотъ, а потомъ и землю, какъ это случилось съ 14 малоземельными хозяйствами въ деревнѣ, описанной г. Яснопольскимъ. Малоземельныя хозяйства—обыкновенно малонаселенныя. Кадры ихъ составляются или изъ молодыхъ семей, только что отщепившихся отъ старыхъ или изъ упавшихъ, оскудѣвшихъ хозяйствъ высшихъ группъ. Если они жизнеспособны, то, при благопріятныхъ условіяхъ они поднимутся до уровня среднихъ; при неблагопріятныхъ—они превращаются въ чисто пролетарскія, т. е. и въ томъ и въ другомъ случаѣ не представляютъ устойчиваго, постояннаго явленія. Превратившись въ пролетарскія, они должны искать заработка на сторонѣ или переселяться и на чужбинѣ заводить новое хозяйство, т. к. земледѣльческій капитализмъ можетъ поглотить лишь небольшую часть крестьянскаго пролетаріата. Такимъ путемъ крестьянское населеніе избавляется отъ избыточной своей части, а среднія хозяйства всасываютъ въ себя оставшуюся землю.

Вотъ почему мы считаемъ нормальнымъ явленіемъ, при дробленіи площади, процессъ *нивеллировки*, т. е. разло-

женіе крупныхъ и исчезновеніе мелкихъ хозяйствъ. Ненормальна слабая обезпеченность трудомъ и капиталомъ у верхнихъ группъ; ненормально перенасыщеніе этими элементами у нижнихъ: нормально *среднее* хозяйство, обезпеченное въ уровень съ размѣрами своей хозяйственной площади, уровень, опредѣляемый степенью интенсивности земледѣлія въ данной мѣстности, въ данный моментъ эти „гармоническія" хозяйства и берутъ верхъ въ борьбѣ за существованіе.

Нивеллировкѣ благопріятствуетъ систематическое повышеніе общаго уровня хозяйственнаго благосостоянія: на единицу площади увеличивается количество средствъ производства и, главнымъ образомъ среднія хозяйства быстро прогрессируютъ, что мы видимъ въ Германіи и отчасти въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ, впрочемъ, и средне-крестьянскіе участки слишкомъ малы. Въ Россіи подробный разборъ въ предыдущей главѣ показалъ, что съ конца 80-хъ и до 1900-хъ г.г. господствовалъ затяжной кризисъ трехполья, усиливавшій неурожай до степени массовыхъ голодовокъ, отъ которыхъ крестьянское хозяйство очень долго не могло оправиться. Аграрный кризисъ, вмѣстѣ съ тяжелыми политическими условіями, создалъ, какъ мы видѣли, массовое оскудѣніе, не перешедшее въ окончательную пролетаризацію только потому, что крестьянскому пролетарію было некуда податься. „Появилось огромное число безлошадныхъ хозяйствъ, тѣмъ не менѣе не бросавшихъ земледѣлія и засѣвавшихъ клочки въ 1—2 десятины. Эти неустойчивыя хозяйства, не знающія куда приложить лишнія рабочія руки, съ нѣкоторымъ улучшеніемъ экономическихъ условій, на которое намекаютъ послѣднія военно-конскія переписи, быть можетъ частью перейдутъ въ разрядъ среднихъ. Быть можетъ другая часть ихъ составляетъ теперь кадры переселенцевъ, толпами ринувшихся въ Сибирь; можетъ быть они преобладаютъ въ составѣ тѣхъ „крѣпкихъ и сильныхъ" хозяевъ, которые укрѣпляютъ за собой земли, съ тѣмъ, чтобы ихъ продать: по крайней мѣрѣ, на это указываетъ средній размѣръ выдѣленныхъ участковъ—по 7 съ небольшимъ десятинъ на дворъ вполтора раза меньшій нормальнаго крестьянскаго надѣла. Въ четвертой и послѣдней части нашего труда мы надѣемся, если позволятъ обстоятельства, подойти поближе къ этому вопросу.

И такъ естественная органическая эволюція распредѣленія, создающаяся подъ вліяніемъ производственныхъ факторовъ—*дробленіе* площади между возрастающимъ числомъ хозяйствъ, принимающее, при нормальныхъ условіяхъ развитія народнаго хозяйства, форму нивеллировки.

В. Дифференцирующее вліяніе политическихъ факторовъ и капитализма.

Предыдущее изложеніе показываетъ, что размѣры землевладѣнія въ отдѣльныхъ хозяйствахъ всегда расходятся съ размѣрами хозяйственныхъ средствъ: въ крупно-капиталистическихъ и крупно-крестьянскихъ хозяйствахъ размѣры землевладѣнія превышаютъ наличные запасы труда и капитала, необходимые для поддержанія земледѣлія, на средней ступени интенсивности въ данный моментъ, мелкія парцельныя хозяйства перенасыщены излишнимъ трудомъ и капиталомъ. Въ индустріи подобнаго расхожденія нѣтъ и не можетъ быть: тамъ формы и размѣры предпріятій обязательно связаны съ формами и размѣрами собственности на средства производства. Крупная собственность въ индустріи—фабрика непремѣнно требуетъ и крупнаго хозяйства, мелкая собственность—мастерская—мелкаго. Расширяя или сокращая свою собственность въ индустріи, предприниматель долженъ соотвѣтственно расширять или сокращать свое производство.

Но владѣлецъ латифундій совершенно свободенъ въ выборѣ размѣровъ своего хозяйства: онъ можетъ ограничиться обработкой огорода въ полъ-десятины, можетъ не обрабатывать ни пяди земли, но можетъ разрабатывать и всю площадь. Это несоотвѣтствіе размѣровъ землевладѣнія и хозяйства, наблюдаемое въ повседневной дѣятельности, объясняется тѣмъ, что земля не есть *продуктъ человѣческаго труда, а даровое благо природы и доступна непосредственному захвату*. Формы земельнаго захвата какъ онѣ рисуются въ исторіи, разбиваются на двѣ категоріи: 1) на всеобщій, неорганизованный, свободный захватъ, развивающійся при переходѣ населенія съ *до*—земледѣльческихъ промысловъ на переложное земледѣліе, при существованіи и господствѣ крупной семьи и волостной общины—слѣдовъ родового быта и племенной организаціи общества. 2) На организованный *политическій* захватъ земли со стороны господствующихъ классовъ, достигающій значительнаго развитія на слѣдующей ступени с.-хоз. эволюціи, при переходѣ съ перелога на трехполье, когда населеніе окончательно осѣдаетъ на землю и земледѣліе становится господствующимъ промысломъ.

Объ формы захвата вносятъ въ эволюцію распредѣленія земли *дифференцирующее* начало. Первая форма, связанная съ неограниченнымъ земельнымъ просторомъ и отсутствіемъ частной собственности на землю, исчезаютъ при

уплотненін населенія и разложеніи крупныхъ семей; вліяніе слѣдовъ политическаго захвата велико еще въ настоящее время. Политическіе факторы надолго повернули эволюцію распредѣленія, идущую по направленію къ наибольшей уравнительности, въ противоположную сторону—максимальной дифференціаціи.

Насколько велико значеніе политическихъ факторовъ въ исторіи распредѣленія—видно изъ того, что на ихъ почвѣ происходитъ *образованіе классовъ*, тогда какъ въ индустріи —образованіе классовъ есть результатъ органической эволюціи производства.

Общеизвѣстно, какъ появился классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Когда трудовое населеніе осѣло на землю, всенародное ополченіе могло быть созываемо только изрѣдка, въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ. Уже въ 1103 г. въ Кіевской Руси дружинники указываютъ на неудобства похода весной, когда смерды заняты полевыми работами. Въ Европѣ, гдѣ земледѣліе распространилось на нѣсколько вѣковъ ранѣе, къ IX вѣку совершенно исчезла крестьянская пѣхота. „Земледѣлецъ не могъ уходить на войну, иначе—какъ это было въ эпоху Карла Великаго и позднѣе, хозяйство, его приходило въ упадокъ и онъ раззорялся". (Кулищеръ). Непрерывныя войны заставляютъ монарховъ организовать кадры людей, спеціально занятыхъ военнымъ дѣломъ; содержать ихъ. при натуральномъ строѣ и пустыхъ денежныхъ кассахъ было нечѣмъ, кромѣ земли, сосредоточенной въ большихъ массахъ у королей, имѣвшихъ право владѣнія на всѣ завоеванныя и пустопорожнія земли—отсюда и возникаетъ раздача земель дружинникамъ въ частновладѣніе. Поэтому, въ сельскомъ хозяйствѣ, классы создаются гораздо раньше, чѣмъ въ индустріи и при совершенно противоположныхъ условіяхъ—именно тогда, когда по мнѣнію Бюхера „не существуетъ никакого народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, а, слѣдовательно, никакихъ профессій". Какъ разъ въ это время возникаетъ разграниченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ профессіи—военной и земледѣльческой и классъ военныхъ обмѣниваетъ свои услуги королю и народу на право кормиться за счетъ земледѣльческаго класса.

Такимъ образомъ, главное условіе образованія классовъ и сословій въ сельскомъ хозяйствѣ—*война*, а затѣмъ организація управленія государствомъ. „Война, говоритъ Зиберъ, служитъ отправной точкой процесса образованія сословія, но сверхъ того и постояннымъ условіемъ дальнѣйшаго его развитія" (собр. соч. т. I стр. 125). У насъ, на сѣверѣ въ

XVII в. не было военно служилаго класса—не было и политическаго захвата земель и крѣпостного права. По словамъ лучшаго изъ современныхъ историковъ сѣвера г. Богославскаго, сказаннымъ на диспутѣ при защитѣ его диссертаціи причину сохраненія крестьянствомъ сѣвера свободы „надо усматривать въ томъ, что сѣверъ былъ застрахованъ отъ враждебныхъ нападеній, почему здѣсь и не было почвы для развитія помѣстнаго служилаго класса, который затѣмъ закрѣпостилъ бы сельское населеніе".

Военный господствующій классъ, вмѣстѣ съ Церковью, создаютъ институтъ частной земельной собственности въ Европѣ и въ Россіи. Въ Европѣ „раньше, чѣмъ общинныя земли успѣли превратиться въ индивидуальную собственность, возникла частная земельная собственность, на другія категоріи земель, на пустопорожнія земли, или земли, отнятыя у другихъ племенъ" (Кулишеръ лекціи стр. 21). Церковь, какъ у насъ „ставится на равную ногу съ королемъ—въ пользу нея можно завѣщать свое имущество помимо наслѣдниковъ. Въ Кіевской Руси первыми частными собственниками земли сдѣлались князья, потомъ монастыри, за ними бояре и прочіе дружинники. Разобравши завоеванныя и пустыя земли, господствующіе классы феодаловъ и духовенства, при помощи королей или простымъ насиліемъ, или по добровольному согласію [1]) мелкихъ земледѣльцевъ, разбираютъ и земли принадлежавшія волостной общинѣ или отдѣльнымъ крестьянамъ. Происходитъ концентрація земельной собственности и въ Англіи, тамъ, гдѣ до завоеванія сидѣло десять или двѣнадцать свободныхъ, водворяется одинъ норманскій баронъ или аббатъ", (Виноградовъ), а къ концу періода Каролинговъ и во Французской монархіи, какъ мелкое равномѣрное распредѣленное землевладѣніе, такъ и общины мелкихъ землевладѣльцевъ исчезаютъ". (Кулишеръ). Къ X—XI ст. въ Европѣ крупныя помѣстья становятся господствующимъ явленіемъ: монастырскія помѣстья въ 300 гуфъ (свыше 4 тыс. дес.) считались мелкими, въ 1—2 тыс. гуфъ (до 25 тыс. дес.) средними, а въ 3—8 тыс. (до 100 тыс. дес.)—крупными. Свѣтскія владѣнія были также очень велики.

---

[1]) Добровольная передача земель—commendatio—сильнымъ владѣльцамъ была распространена въ ту эпоху всеобщаго насилія. „Соціальныя условія ранняго средневѣковья въ Европѣ не допускали существованія класса „мелкихъ" „бѣдныхъ" „свободныхъ", т. е. людей безсильныхъ". Павловъ-Сильванскій доказалъ, что она существовала и въ Россіи.

Слѣдующій періодъ XII—XV в. в. характеризуется въ Западной Германіи, Франціи, Англіи нѣкоторымъ дробленіемъ владѣній. Болѣе всего сократились королевскіе домены, но раздробились и владѣнія монастырей и свѣтскія помѣстья. Монастырскія имѣнія въ 300 гуфъ считались уже крупными, также, какъ и свѣтскія владѣнія съ 20 крестьянскими держателями (тогда, какъ раньше нормальны были *дворія* въ 100 и 150 держателей). Въ этотъ періодъ въ Англіи, западной части Франціи произошло постепенное раскрѣпощеніе крестьянъ, въ Германіи, наоборотъ, крѣпостное право усилилось.

Въ третій періодъ съ XVI в. до эпохи французской революціи въ Англіи крестьяне обезземеливаются и ихъ земли переходятъ къ лендлордамъ. Во Франціи сеньоры также расхватываютъ остатки свободныхъ общинныхъ угодій. Передъ революціей господствующимъ классамъ юридически принадлежала вся земля, фактически, въ пользованіи крестьянъ оставалось, по разнымъ источникамъ отъ $^1/_3$ до $^2/_5$ удобной земли. Во Франціи и въ Западной Германіи крѣпостное право смѣнилось вѣчно—арендными отношеніями. (чиншемъ). „Франція и вся Западная Германія представляютъ собой страны сеньоріальнаго, основаннаго на крестьянскихъ платежахъ аграрнаго строя, восточная Германія и далѣе—Польша и Россія являются государствами съ помѣщиками—сельскими хозяевами, имѣющими самостоятельное хозяйство. Характерную черту первыхъ составляетъ мелкое крестьянское хозяйство, уплачивающее оброкъ, вторыхъ—крупныя помѣщичьи хозяйства, обрабатываемыя барщиннымъ трудомъ. (Кулишеръ стр. 201). Въ восточной Германіи —пожалованія и самовольные захваты быстро расширили дворянское землевладѣніе—поэтому и до сихъ поръ, особенно на крайнемъ востокѣ, здѣсь сосредоточенъ цвѣтъ юнкерства. Еще въ 1882 г. хозяйства свыше 100 гектаровъ занимали въ 7 восточныхъ провинціяхъ 42% всей площади, тогда какъ во всей Германіи—только 24,4%, не смотря на то, что послѣ 1848 г. до 70-хъ гг. крупныя владѣнія Пруссіи сократились на 16%.

Такимъ образомъ, исторія помѣщичьяго землевладѣнія Европы проходитъ три періода: первоначальной концентраціи, послѣдующаго дробленія и новой концентраціи, продолжавшейся на континентѣ Европы до революціи и реформы, положившихъ предѣлъ дальнѣйшему расширенію. Въ Россіи мы находимъ тѣже три періода: въ удѣльную эпоху—кратковременный разцвѣтъ политическаго феодализма и первоначальная концентрація землевладѣнія; въ

Московскую эпоху—эпоху сословной монархіи земли раздаются въ помѣстья, подобно ленамъ Западной Европы. Общая территорія дворянскаго землевладѣнія разрослась очень сильно—приблизительно до 25—30 мил. дес., но средніе размѣры дворянскихъ владѣній нѣсколько уменьшились. Съ конца XVII в. абсолютная монархія и связанный съ ней фаворитизмъ съ одной стороны расширяютъ, съ другой укрупняютъ, концентрируютъ помѣщичье землевладѣніе: передъ реформой дворянскія земли въ 44 губ. охватывали 105 мил. десятинъ, изъ которыхъ, судя по числу душъ, 81,4% принадлежало въ 1835 г. владѣльцамъ свыше 100 душъ, т. е. не менѣе 1000 десятинъ—концентрація невиданная нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Англіи.

Мы много мѣста удѣлили анализу вліянія политическихъ факторовъ и въ первой части, и въ предшествующихъ главахъ и историческая роль ихъ намъ кажется достаточно выясненной для читателя; поэтому мы не считаемъ нужнымъ много распространяться о нихъ въ заключеніи. Основной выводъ по этому вопросу будетъ таковъ: политическіе факторы, пока они доминировали въ народно-хозяйственной жизни вносили въ эволюцію распредѣленія земли *дифференцирующее* начало. Раздѣляя населеніе на классы и сословія, предоставляя однимъ классамъ землю, власть надъ народной массой и даже ея даровой трудъ, отнимая у этой массы всѣ права и значительную долю средствъ существованія, политическіе факторы создавали экономическую дифференціацію такого огромнаго масштаба, съ которой едва можетъ сравниться современная дифференціація въ индустріи. Помѣщичье землевладѣніе, а въ странахъ съ развитой барщиной и хозяйство расширялось, укрупнялось, концентрировалось, т. е. обнаруживало процессъ *подвижки вверхъ*; крестьяне, вслѣдствіе политическаго гнета, *экспропріаціи* землевладѣнія, а потомъ и землепользованія, въ концѣ концовъ, начали разворяться, нищать, обнаруживать *подвижку внизъ*: пропасть между обоими сословіями расширялась до того момента, пока стиснутое, сжатое въ средствахъ существованія до послѣдней степени крестьянство не выдержало и не взорвалось, какъ взрываются пары въ переполненномъ ими котлѣ.

XIX в. и, главнымъ образомъ вторая его половина характеризуется все возрастающимъ обратнымъ процессомъ *дробленія крупнаго землевладѣнія* и хозяйства во всѣхъ странахъ Европы, въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ первой части нами были приведены цифровыя данныя, подтверждающія всеобщность дробленія, наблюдаемаго и въ

капиталистическихъ странахъ съ сильнымъ развитіемъ индустріи и въ странахъ, гдѣ индустрія и капитализмъ развиты слабо, въ странахъ съ экстенсивнымъ и въ странахъ съ интенсивнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Новѣйшія данныя по Германіи (1907 г.) и Англіи (1905 г.) не только подтверждаютъ фактъ дробленія, но и констатируютъ его замѣтное усиленіе. Такъ, площадь хозяйствъ свыше 100 гектаровъ сократилась въ Германіи за 1882—95 г.г. относительно на 1,3%, а въ 1895—1907 г.г. уже на 8,3%—почти въ семь разъ болѣе; въ Великобританіи абсолютное число хозяйствъ свыше 120 гектаровъ въ 1885—95 г.г. убавилось на 600, а въ 1895—1905 г.г —на 900. Фактъ дробленія въ европейскихъ странахъ показываетъ, что крупное землевладѣніе и хозяйство, созданное не тѣмъ путемъ, какимъ оно образовалось въ индустріи—путемъ естественной эволюціи производства, ведущей неизбѣжно къ концентраціи, благодаря технико-экономическимъ преимуществамъ крупныхъ хозяйствъ, а *вопреки* органической эволюціи, начинаетъ распадаться, какъ только политическіе факторы, его создавшіе, исчезаютъ съ исторической арены. Теперь спрашивается, каковы основныя причины, создающіе такое повсемѣстное дробленіе крупныхъ хозяйствъ?

Самое яркое явленіе народно-хозяйственной жизни въ послѣднее время—развитіе индустріи, обмѣна и капитализма. О роли обмѣна мы уже высказывались въ этой главѣ; говорили и о земледѣльческомъ капитализмѣ: но мы мало еще затронули вліяніе *промышленнаго* капитализма, а между тѣмъ г. Сухановъ въ своей большой и содержательной работѣ выставляетъ на первый планъ именно нивеллирующее вліяніе промышленнаго капитализма на земледѣліе. Поэтому позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ.

Промышленный капитализмъ, по мнѣнію г. Суханова, губитъ капитализмъ земледѣльческій тѣмъ, что отнимаетъ у него рабочія руки, т. е. лишаетъ его производительнаго значенія. Г. Сухановъ, знаетъ, что большая плотность населенія и связанная съ ней интенсификація земледѣлія также участвуютъ въ уничтоженіи земледѣльческаго капитализма, но онъ думаетъ, что ихъ роль второстепенна и притомъ интенсификація *совпадаетъ съ индустріализаціей*. Г. Сухановъ, какъ и г. Масловъ—оба—убѣжденные сторонники факта паденія производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ и оба, независимо одинъ отъ другого, вывели, что этотъ фактъ является стимуломъ для общественнаго раздѣленія труда, для перехода части населенія къ занятію индустріей. „Переходъ къ болѣе интенсивному земледѣлію, го-

воритъ г. Сухановъ, немыслимъ безъ перехода части населенія къ неземледѣльческимъ занятіямъ... Поэтому, интенсификація земледѣлія есть именно такое условіе, которое имѣетъ внутреннюю связь съ развитіемъ промысловъ и „всякая интенсивная мѣстность есть мѣстность промысловая“. Отсюда выводъ „условія внутренне связанныя съ развитіемъ промысловъ, оказываютъ рѣшающее вліяніе на земледѣльческій капитализмъ“ (стр. 364). Вслѣдствіе факта паденія производительности труда, условія земледѣльческаго капитализма, вообще, очень неблагопріятны: онъ можетъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока населеніе рѣдко, пока система земледѣлія экстенсивна, т. е. болѣе производительна, что позволяетъ капиталисту оплачивать трудъ рабочихъ относительно хорошо (напр. въ Америкѣ *и* у насъ Малороссіи) и пока на сцену не появляется промышленный капитализмъ. Когда же этотъ послѣдній, рука объ руку съ интенсификаціей земледѣлія, появляется на исторической аренѣ —земледѣльческій капитализмъ умираетъ. „Земледѣльческій капитализмъ именно потому умираетъ съ ростомъ индустріи, что неблагопріятныя его свойства не позволяютъ ему обезпечить своимъ рабочимъ нормальный уровень вознагражденія труда капиталомъ и удержать въ своемъ распоряженіи рабочую силу, перетекающую въ индустрію“ (стр. 374). Разъ индустрія является могильщикомъ земледѣльческаго капитализма, то въ странахъ съ болѣе развитой индустріей и съ болѣе интенсивнымъ хозяйствомъ—т. е. вообще стоящихъ на высшихъ ступеняхъ развитія производительныхъ силъ, земледѣльческій капитализмъ долженъ быть менѣе развитъ, чѣмъ въ странахъ экстенсивныхъ, со слабымъ развитіемъ капитализма и вообще—съ низкимъ уровнемъ развитія производительныхъ силъ.

„Въ странахъ большого развитія индустріи и болѣе высокаго уровня производительныхъ силъ... земледѣльческій капитализмъ долженъ играть еще меньшую роль и долженъ разрушаться болѣе интенсивно, чѣмъ въ Россіи“ (стр. 388).

При самомъ поверхностномъ сопоставленіи съ фактами, мы убѣждаемся въ несостоятельности столь широкаго взгляда на рѣшающую роль индустріи въ сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ. Прежде всего, не совсѣмъ правиленъ взглядъ г. Суханова, что интенсификація связана съ индустріализаціей. Мы указывали въ первой части—и это указаніе повторяется г. Масловымъ, въ новой его работѣ,—что есть страны съ экстенсивнымъ хозяйствомъ и широко развитой индустріей (Соединенные Штаты, нѣкоторые штаты Австраліи) и страны съ интенсивнымъ хозяйствомъ и слабо развитой индустріей

(Китай). Въ болѣе узкихъ предѣлахъ Европы интенсификація чаще совпадаетъ съ индустріализаціей, но и здѣсь не всегда и не вездѣ. Мы затрудняемся установить какое-либо точное мѣрило степени интенсивности земледѣлія для всѣхъ странъ: пусть будетъ имъ урожайность главныхъ хлѣбовъ Европы—пшеницы и ржи.

	% неземледѣльческаго населенія.	Урожайность пшеницы (килогр. на 1 гектаръ). [1])
Великобританія	87,6	2163.
Бельгія	78,9	2264.
Германія	68,1	1998 (ржи 1572).
Франція	58,2	1284.
Данія	52,0	2927 (ржи 1704).
Италія	40,6	935.
Россія	25,1	602 (ржи 685).

Конечно, можно привести сильныя возраженія противъ нашего опредѣленія степени интенсивности земледѣлія только по урожайности: климатическія условія, почва, вообще постоянные природные факторы измѣняютъ урожайность независимо отъ степени интенсивности; мы не могли взять урожайность за рядъ лѣтъ (см. примѣчаніе): по одному (или двумъ) хотя бы главнымъ хлѣбамъ, урожайность опредѣляется не полно и т. д. Но мы не утверждаемъ, что наша табличка точно характеризуетъ степень интенсивности земледѣлія: мы приводимъ ее только, какъ *предостережніе* автору отъ черезъ чуръ поспѣшныхъ широкихъ и важныхъ выводовъ, не провѣренныхъ строгимъ фактическимъ анализомъ.

Тѣмъ не менѣе, мы все таки допускаемъ, что хотя не полное и не повсемѣстное совпаденіе индустріализаціи и интенсификаціи существуетъ [2]), но не потому, чтобы—между ними была какая либо причинная связь, а потому, что въ европейскихъ условіяхъ оба явленія появились одновременно, послѣ рѣзкаго и быстраго роста населенія въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Ростъ населенія заставилъ земледѣльческую его часть интенсифицировать сельское хозяй-

[1]) Высчитано по Заку: данныя за 1908 и 1907 г.г.: конечно неправильно высчитывать урожайность по одному году: но другихъ данныхъ сейчасъ нѣтъ у насъ подъ руками. Неземледѣльческое населеніе взято по проценту самодѣятельнаго; въ Россіи же, вслѣдствіе неправильности учета самодѣятельности (самостоятельности) всего населенія.

[2]) Такъ на приведенной табличкѣ, если выбросить Бельгію и Данію, получится систематическое паденіе урожайности вмѣстѣ съ пониженіемъ процента неземледѣльческаго населенія.

ство и доставилъ еще ранѣе накопленному капиталу рабочія руки (см. Зомбарта). Но самые процессы эволюціи сельскохозяйственнаго производства и распредѣленія, развитія индустріи проходятъ *независимо другъ отъ друга*, по скольку они не связаны общимъ подъемомъ науки, культуры, техники, производительныхъ силъ вообще.

Зато главный выводъ г. Суханова, что аграрный капитализмъ убиваетъ индустрію, совершенно не выдерживаетъ фактической повѣрки. Въ брошюрѣ „земельный переворотъ въ Россіи“ мы сравнивали аграрный капитализмъ Россіи и Германіи и изъ этого сравненія желающіе могутъ убѣдиться, что въ промышленной Германіи, аграрный капитализмъ болѣе развитъ, чѣмъ въ земледѣльческой Россіи; идя далѣе на западъ мы видимъ, что въ Англіи индустріализмъ до сихъ еще сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, но и земледѣльческій капитализмъ здѣсь болѣе могущественъ. Вообще, сравнивая процентъ внѣ-земледѣльческаго населенія со степенью развитія земледѣльческаго капитализма получаемъ:

% внѣземледѣл. населенія.	% крупныхъ хозяйствъ.	% площади у нихъ.
Великобританія 87,6	(свыше 120 гект.)—3,6	27,4
Бельгія . . . 78,9	(„ 109 „)—0,2	3,4
Новая-Зеландія 74,3	(„ 400 „)—5,3	73,0
Германія . . . 68,1	(„ 100 „)—0,5	24,1
Соедин. Штаты. 64,1	(„ 200 „)—2,7	34,9
Австрія . . . 41,8	(„ 100 „)—1,3	—
Россія 25,1	(„ 109 „)—0,9	36,7

Какое причудливое сочетаніе странъ даетъ фактическая повѣрка теоріи г Суханова! Новая-Зеландія, по проценту внѣ-земледѣльческаго населенія, стоитъ рядомъ съ Бельгіей Соединенные Штаты съ Германіей; въ Новой-Зеландіи крупные хозяева захватили 73% площади, а въ Бельгіи только 3,4. Никакой рѣшительно, правильности сопоставленіе степени развитія индустріи съ относительнымъ числомъ земледѣльческихъ капиталистическихъ хозяйствъ не даетъ и не можетъ дать. Между тѣмъ, сопоставивъ размѣры земледѣльческихъ предпріятій, съ плотностью населенія, мы увидали выше между рядами цифръ очень тѣсную, вполнѣ отчетливо выраженную зависимость.

Если географическая повѣрка подрываетъ выводы г. Суханова, то окончательно разбиваетъ ихъ исторія. По теоріи автора земледѣльческій капитализмъ долженъ разрушаться быстрѣе тамъ, гдѣ сильнѣе идетъ индустріализація—т. е. въ Европѣ быстрѣе, чѣмъ въ Россіи. Наше предыдущее изложеніе говоритъ, какъ разъ наоборотъ, что нигдѣ круп-

ное землевладѣніе и хозяйство не исчезаетъ такъ быстро, и оно всей тяжестью напираетъ на помѣстное землевладѣніе и хозяйство. Разрушаться земледѣльческій капитализмъ сталъ сейчасъ же послѣ реформы, когда индустрія развивалась сравнительно слабо, а послѣ 80-хъ г.г., когда начался разцвѣтъ индустріи, это разрушеніе (по отношенію къ хозяйству, а не землевладѣнію) пошло болѣе медленнымъ темпомъ. Тоже самое наблюдалось и въ Пруссіи.

Намъ кажется, что выводы автора, съ которыми до извѣстной степени, мы не можемъ не согласиться, страдаютъ излишней преувеличенностью вслѣдствіе не критическаго отношенія къ „факту“ паденія производительности труда. Анализируя этотъ „фактъ“ мы пришли къ выводу, что производительность труда падаетъ въ концѣ всякой экстенсивной системы, но въ интенсивныхъ системахъ, планомѣрно развивающихъ всѣ стороны производительныхъ силъ природы, производительность труда не падаетъ, а растетъ, что доказывается уже точными статистическими данными. Крупное капиталистическое хозяйство менѣе всякаго другого приспособлено къ интенсификаціи, во 1-хъ вслѣдствіе своей большой протяженности.

Даже Каутскій сознается, что въ сельскомъ хозяйствѣ расширеніе площади предпріятія ведетъ къ увеличенію потери въ матеріалахъ, тратѣ силъ, средствъ и времени для перевозки матеріаловъ, къ затрудненію надзора и т. д. Во 2-хъ)—крупно-капиталистическое хозяйство стремится получить наивысшій процентъ чистаго дохода, а это легче всего добиться при помощи экстенсификаціи хозяйства.

Такимъ образомъ, для крупнаго капиталистическаго хозяйства отрѣзанъ путь развитія производительности труда, при помощи интенсификаціи: оно вынуждено оставаться болѣе экстенсивнымъ и эта экстенсивность дѣлаетъ его неустойчивымъ при малѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя и создавались въ Европѣ, благодаря паденію цѣнъ. Паденіе цѣнъ обозначаетъ сокращеніе процента чистаго дохода: съ этимъ сокращеніемъ можно бороться только увеличеніемъ валового дохода, т. е. интенсификаціей, а крупное хозяйство къ интенсификаціи приспособлено гораздо меньше, чѣмъ мелкое: поэтому оно и гибнетъ въ борьбѣ разныхъ хозяйствъ за землю.

Въ Россіи, переживающей кризисъ экстенсивнаго трехполья, конечно невозможно говорить, что мелкое хозяйство развиваетъ производительность труда, болѣе чѣмъ крупное и этимъ побиваетъ его. Здѣсь, какъ часто бываетъ при ломкѣ старой системы земледѣлія (такъ было въ Европѣ сто

лѣтъ назадъ) нѣкоторыя крупныя хозяйства даже идутъ во главѣ реформы сельско-хоз. производства. Но, въ общемъ, нигдѣ размѣры землевладѣнія такъ не расходятся съ размѣрами хозяйства и, въ то время, какъ крестьяне страдаютъ отъ избытка конской рабочей силы, т. е. отъ избытка, земледѣльческаго капитала, у частныхъ владѣльцевъ дворянъ *на 100 десятинъ землевладѣнія приходится одна рабочая лошадь, у купцовъ еще меньше.* Вооруженные избыточными запасами труда и капитала наши крестьяне, для которыхъ борьба за землю есть борьба за существованіе, при всемъ своемъ невѣжествѣ и отсталости, побѣждаютъ крупное землевладѣніе, лишенное главнаго орудія борьбы. И до тѣхъ поръ, пока хоть отчасти, размѣры крупнаго землевладѣнія у насъ не сравняются съ размѣрами хозяйства—до тѣхъ поръ, надо полагать, крупное землевладѣніе будетъ разрушаться также быстро, какъ и теперь; потомъ, если политическія условія не измѣнятся, это разрушеніе пойдетъ болѣе медленнымъ темпомъ, такимъ, какимъ оно идетъ въ Западной Европѣ.

Итакъ, признавая извѣстное значеніе, за развитіемъ промышленнаго капитализма, отвлекающаго населеніе въ города и повышающаго заработную плату, мы не можемъ считать развитіе индустріи *рѣшающимъ* факторомъ для эволюціи распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ. Какъ ни соблазнительна эта идея побить марксистовъ ихъ же оружіемъ, мы должны отказаться отъ нея во имя трезвой правды реальныхъ факторовъ. Не можемъ мы, конечно, согласиться и съ авторами марксистскаго направленія, которые признаютъ за капитализмомъ вообще (и за промышленнымъ и торговымъ въ частности) дифференцирующее значеніе,—просто потому, что мы считаемъ доказаннымъ несомнѣнный фактъ *дробленія* хозяйствъ какъ разъ при развитіи капитализма.

Однако, въ исторіи были моменты, когда кое-гдѣ, при рѣдкомъ населеніи и экстенсивномъ хозяйствѣ капитализмъ оказывалъ дифференцирующее вліяніе. Рельефный примѣръ этого вліянія даетъ намъ сѣверъ въ XVII и началѣ XVIII в. в.: тамъ не было военной опасности, не было и помѣстнаго класса, но купеческій капиталъ, благодаря Бѣломорской торговлѣ, рыбнымъ и звѣринымъ промысламъ, былъ потому времени, довольно силенъ; купцы вторгались въ крестьянскую жизнь и дефференцировали массу, скупая землю у слабыхъ хозяевъ и превращая ихъ въ половниковъ. При крѣпостномъ правѣ, на югѣ и юго-востокѣ заводятся крупныя арендаторскія, а иногда собственническія хозяйства купцовъ; и теперь купеческія земли преобладаютъ на юго

и сѣверо-восточныхъ окраинахъ. На далекомъ Западѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ до сихъ поръ господствуетъ хищническое экстенсивное земледѣліе, царятъ гигантскія формы капиталистическаго типа. При уплотненіи населенія, при интенсификаціи земледѣлія капиталъ забрасываетъ ставшее для него ненужнымъ сельское хозяйство.

По своей природѣ, капитализмъ, какъ и политическіе факторы, вноситъ дифференцирующее начало въ сельскохозяйственныя отношенія. Пока ему выгодно входить въ эти отношенія—при экстенсивныхъ системахъ или при сильной нуждѣ въ кредитѣ (какъ было у насъ вскорѣ послѣ освобожденія, когда выкупная операція и прочія подати сразу увеличили денежную часть крестьянскаго бюджета) —онъ несетъ за собой дифференціацію. Но интенсификація земледѣлія, правильно поставленный кредитъ, дѣлаетъ для капитализма не интересной с.-хозяйственную сферу—онъ и исчезаетъ и съ его исчезновеніемъ вымираютъ тѣ ростки дифференціаціи, которые выросли подъ его непосредственнымъ вліяніемъ.

Конечно, въ прежнее время капитализмъ вліялъ на эволюцію распредѣленія гораздо слабѣе, чѣмъ политическіе факторы, слабѣе вліяетъ онъ и теперь, не смотря на то, что политическіе факторы создавшіе дифференціацію, отошли въ прошлое и дѣйствуютъ сейчасъ больше по инерціи. Для сравненія значенія капитализма и политическихъ факторовъ, возьмемъ двѣ страны: Соединенные Штаты, гдѣ соціальнаго феодализма почти не было, т. к. исторія Штатовъ началась послѣ его паденія и Россію—гдѣ политическіе факторы сохраняютъ до сихъ поръ наибольшую силу и гдѣ капитализмъ наиболѣе слабъ. Такимъ образомъ, по этимъ странамъ мы можемъ сравнить отдѣльно въ наиболѣе чистомъ видѣ, силу капитализма и силу политическихъ факторовъ въ борьбѣ съ нивеллирующимъ началомъ уплотненія населенія, т. е. интенсификаціей земледѣлія.

Соединенные Штаты.

Раіоны.	Плотность населенія. на кв. километръ	% фермъ свыше 400 гектаровъ
Сѣверо-атлантическ. . .	107,4	0,11
Южно-атлант.	33,0	1,07
Сѣверо-центр.	29,7	0,23
Южно-центр.	18,9	1,13
Далекій Западъ . . .	2,9	4,13

За исключеніемъ южныхъ атлантическихъ Штатовъ, гдѣ еще сохранились слѣды бывшихъ рабовладѣльческихъ плантацій, т. е. гдѣ и въ Америкѣ сказалось вліяніе политическихъ факторовъ—крупно-капиталистическія фермы исчезаютъ по направленію съ запада на востокъ подъ давленіемъ *возрастающей плотности населенія*. Не то мы видимъ въ Россіи, если возьмемъ однѣ частновладѣльческія хозяйства.

Раіоны.	Плотность сельскаго населенія на 1 кв. в.	Процентъ площади влад. имѣющихъ свыше 500 дес.
Западно-малорос. . . .	60,1	76,3
Восточно-малорос. . . .	49,2	51,3
Земледѣльч. центр. . .	45,4	57,1
Литва и Бѣлорус. . . .	33,4	70,6
Московско-промыш. . .	29,6	72,4
Средне-волжск.	29,1	53,2
Новороссійскій	25,1	73,9
Прибалтійскій	22,0	89,1
Сѣверо-восточный . . .	13.6	98,5
Сѣверо-западный. . . .	12,6	65,7
Заволжье	9,9	85,2
Сѣверъ	1,5	61,3

Никакой зависимости между плотностью населенія и количествомъ земли у крупно-капиталистическихъ владѣльцевъ нѣтъ: свыше 70% частновладѣльческой земли находится въ рукахъ владѣльцевъ болѣе 500 дес. и въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ плотность населенія достигаетъ 60 человѣкъ на кв. в. и въ тѣхъ, гдѣ она менѣе 10 человѣкъ. Но мы легко установимъ причину концентраціи землевладѣнія въ разныхъ раіонахъ, если обратимся къ исторіи. Болѣе 70% площади крупныхъ владѣній оказывается въ *западныхъ* раіонахъ—западно-малорусскомъ, бѣлорусско-литовскомъ и прибалтійскомъ, гдѣ не такъ давно еще владѣльчествовали польскіе магнаты и тевтонскіе бароны, а также на нашихъ *южныхъ и восточныхъ окраинахъ*, начиная со средняго Поволжья, Заволжья, Новороссіи и кончая сѣверо-восточнымъ,—раіоновъ перваго и второго поясовъ колонизаціи, гдѣ оставилъ до сихъ поръ неизгладимые слѣды фаворитизмъ императорско-дворянской эпохи.

Не только въ Россіи замѣтны слѣды политическихъ факторовъ: они велики еще и въ Европѣ: въ доказательство достаточно привести цифры арендующихъ хозяйствъ.

	Число арендующихъ хозяйствъ (въ тыс.).	Число не арендующихъ и ведущихъ хозяйство на собствен. землѣ (въ тыс.).
Великобританія	459	61
Италія	1436	1325
Германія (1895 г.) . . .	2607	2951
Бельгія	598	232
Австрія	782	2054
Голландія	83	100
Франція	1406	4191
Итого . . .	7371	10914

Въ 7 государствахъ Европы число арендующихъ хозяйствъ доходитъ до 40,3%. У насъ, по разсчетамъ проф. Мануйлова, арендуетъ 37% крестьянскихъ дворовъ. Аренда наглядно показываетъ, на сколько въ настоящее время, еще расходятся размѣры собственности съ размѣрами хозяйства: двумъ-пятымъ всѣхъ хозяйствъ Европы не хватаетъ своей земли для мало-мальски продуктивнаго использованія наличныхъ запасовъ труда и капитала. Нужная этимъ хозяйствамъ земля находится въ рукахъ крупныхъ собственниковъ не имѣющихъ достаточно запасовъ труда и капитала, что бы самимъ оживить свои пустыри.

При современныхъ условіяхъ нельзя думать, что послѣдствія дѣйствовавшихъ до послѣдней эпохи политическихъ факторовъ, скоро исчезнутъ съ лица земли. Но все-таки, несомнѣнно, что владѣнія, слабо оборудованныя трудомъ и капиталомъ по отношенію къ территоріи, въ иныхъ странахъ медленно, въ другихъ скорѣе *разрушаются* подъ вліяніемъ естественныхъ послѣдствій интенсификаціи сельскаго хозяйства.

Г. Общіе выводы. Основной принципъ эволюціи распредѣленія.

Общіе выводы изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ уложить въ три элементарныхъ тезиса.

1) Основной принципъ эволюціи производства—*развитіе производительности земли*, происходящее подъ вліяніемъ роста и умноженія населенія.

2) Развитіе производительности земли, въ силу естественныхъ условій производства и вслѣдствіе измѣненій

въ семейномъ составѣ населенія, ведетъ къ *дробленію* земли и прочихъ средствъ производства, между возрастающимъ числомъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Нормальный типъ дробленія *нивеллировка*, не нормальный, возникающій при паденіи производительныхъ силъ страны—*подвижки внизъ*.

3) Политическіе факторы вносятъ въ этотъ органическій процессъ эволюціи распредѣленія *дифференцирующее* начало. Пока они обладаютъ достаточной силой, они выбиваютъ теченіе эволюціи изъ ея природнаго русла: когда они теряютъ значительную долю своей силы—эволюція распредѣленія начинаетъ опять идти нормальнымъ ходомъ.

Итакъ мы считаемъ нормальнымъ типомъ эволюціи распредѣленія—*нивеллировку*.

Два крайнихъ полюса экономической группировки—крупно-капиталистическія и мелко-крестьянскія (парцельныя) хозяйства являются неустойчивыми; первые—вслѣдствіе слабыхъ запасовъ труда и капитала на единицу площади и въ силу экстенсивности своего производства, второе—отъ перенасыщенія трудомъ и капиталомъ, не находящимъ продуктивнаго примѣненія, на ничтожныхъ участкахъ. Крупно-капиталистическія хозяйства съ ходомъ аграрной эволюціи должны дробиться, переходить въ разрядъ—*мелко*-капиталистическихъ (среднихъ), какъ это происходитъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, или поглощаться средне-крестьянскими хозяйствами, какъ въ Германіи. Мелко-крестьянскія должны или *расширить* площадь своего землепользованія на родинѣ, покупкой или арендой, или переселеніемъ въ страны со свободной землей, т. е. такъ или иначе но подняться на слѣдующую ступень, или окончательно разстаться съ землей и пополнить *кадры промышленнаго пролетаріата*.

Вотъ основныя положенія, вытекающія изъ всей нашей работы.

Направленіе эволюціи распредѣленія устанавливается реальными фактами дѣйствительности, комбинируемыми при помощи статистическихъ пріемовъ. Каждый фактъ, каждое явленіе въ соціально-экономической жизни есть результатъ сложнаго взаимодѣйствія различныхъ силъ, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, зависитъ отъ цѣлаго ряда другихъ силъ. При однихъ условіяхъ развиваются однѣ силы и порождаютъ данное явленіе, при другихъ условіяхъ—другія силы, создающія явленіе совсѣмъ иного порядка. Мы въ состояніи теперь, преимущественно, при помощи статистическаго метода, довольно точно сфотографировать то или

иное явленіе и эта фотографія является, въ нашихъ глазахъ, фактомъ, спорить противъ котораго по *существу* нельзя: можно только спорить по поводу точности передачи явленія, т. е. оспаривать полноту и достовѣрность зарегистрованныхъ фактовъ и правильность примѣненныхъ при регистраціи пріемовъ. Если факты констатируютъ дробленіе и нивеллировку распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ въ тотъ или иной историческій моментъ, можно доказывать, что эти факты не полны, не точны, т. е. неправильно передаютъ данное жизненное явленіе, но нельзя говорить, что это—не дробленіе, а концентрація, не нивеллировка, а дифференціація. [1])

За то вопросъ о *причинахъ*, порождающихъ данное явленіе, въ виду ихъ многочисленности, сложности и трудной уловимости, подвергался, подвергается и будетъ подвергаться безконечнымъ словопреніямъ по существу и только усовершенствованіе статистическаго метода, современемъ, освободитъ эти словопренія отъ субъективизма изслѣдователей, отъ котораго, конечно, теперь не свободенъ никто, въ томъ числѣ и пишущій эти строки. Каждый экономическій фактъ есть результатъ множественности причинъ: уловить ихъ—не возможно: изслѣдователь можетъ отмѣтить только главныя причины, дѣйствующія постоянно, а не случайно. Но въ томъ то суть, что критерій ихъ значенія находится въ головахъ у авторовъ... Легко доказуемъ, что та или иная причина *дѣйствуетъ* вообще на данное явленіе: но весь вопросъ въ томъ, *какъ* она дѣйствуетъ на него. Поэтому, единственное, что можно и должно требовать отъ автора, при теоретическомъ объясненіи причинозависимостей даннаго явленія,—*чтобы теорія не расходилась съ уже констатированными фактами*. Въ этихъ рамкахъ мы и старались держать наши теоретическія построенія.

Современные экономисты выставляютъ слѣдующіе главные факторы, вліяющіе на эволюцію распредѣленія средствъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ: 1) Капитализмъ и обмѣнъ вообще—торговый и промышленный капитализмъ въ частности. 2) Технико-экономическія условія производства. 3) Населеніе—ростъ, уплотненіе населенія, его семейный составъ. 4) Общій уровень производительныхъ силъ страны (въ томъ числѣ культурное развитіе. 5) Политическіе факторы. 6) Психологическіе факторы.

Мы считаемъ изъ этихъ факторовъ наиболѣе важными и технико-экономическія условія производства, населенность,

---

[1]) Хотя подобные казусы и случались кое съ кѣмъ изъ нашихъ экономистовъ, отчасти, впрочемъ, благодаря неясности до сихъ поръ не установленной твердо терминологіи процессовъ эволюціи распредѣленія.

политическіе факторы и общій уровень производительныхъ силъ. Капитализмъ и обмѣнъ, по нашему мнѣнію, въ эволюціи распредѣленія не играютъ первенствующей роли. Что касается до психологическихъ факторовъ, то они лежатъ внѣ сферы компетенціи сельско-хозяйственной экономіи.

Производительные факторы, плюсъ населенность создаютъ естественную „органическую" эволюцію распредѣленія; политическіе факторы отклоняютъ эту эволюцію отъ ея нормальнаго хода. Мы позволяемъ себѣ думать, что и въ индустріи *концентрація* происходитъ, благодаря специфическимъ свойствамъ производства—выгодности раздѣленія труда, увеличенія размѣровъ орудій и машинъ и пр. Капитализмъ въ индустріи есть *слѣдствіе* технико-экономическихъ условій производства; будь эти условія другія, не могло бы создаться и крупно-капиталистической организаціи производства, какъ не можетъ она создаться въ сельскомъ хозяйствѣ. Наоборотъ, измѣнятся условія производства въ сельскомъ хозяйствѣ и здѣсь будетъ преобладать крупно-коллективное или крупно-капиталистическое хозяйство.

Въ русской литературѣ есть еще одинъ писатель, кладущій производительные факторы и населенность въ основу своихъ теоретическихъ построеній по вопросу объ эволюціи распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ и писатель этотъ *г. Масловъ, приходящій къ діаметрально-противоположнымъ выводамъ* съ нами: по его мнѣнію—нормальная эволюція распредѣленія, при естественномъ развитіи производительныхъ силъ—*концентрація* и дифференціація, подобна таковой же въ индустріи, нивеллировка-же, которая якобы происходитъ въ Россіи, есть временный результатъ паденія производительныхъ силъ. Правда, въ послѣдней своей работѣ, онъ совершенно игнорируетъ вопросъ распредѣленія средствъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ—этотъ жгучій, центральный вопросъ и теоріи, и программныхъ построеній, но онъ дѣлаетъ ссылку на свою прежнюю работу, изъ которой видно, что взгляды его ни на волосъ не поколебались. „Въ другомъ мѣстѣ, при анализѣ земледѣльческаго хозяйства, я пришелъ къ выводу, что сохраненіе мелкаго земледѣльческаго хозяйства возможно *только при отсутствіи въ немъ развитія производительныхъ силъ*, что развитіе производительныхъ силъ, какимъ бы путемъ оно не происходило, въ видѣ ли техническаго прогресса, или въ видѣ увеличенія производительности труда, благодаря естественнымъ условіямъ (какъ это происходитъ на окраинахъ) *приводитъ къ побѣдѣ капиталистическаго хозяйства.* Тоже

мы видимъ и въ развитіи обрабатывающей промышленности" (стр. 177) (курсивъ вездѣ нашъ Н. О.)

Какъ случилось, что г. Масловъ и мы, исходя изъ признанія первостепенной важности однихъ и тѣхъ же факторовъ эволюціи, пришли къ противоположнымъ выводамъ,— читатель можетъ подробно узнать изъ первой части нашего труда и изъ предшествующаго изложенія. Здѣсь мы изложимъ только вкратцѣ основные тезисы автора и резюме нашей оцѣнки.

Основные тезисы автора таковы:

1) Главная тенденція хозяйственной дѣятельности человѣка одинакова въ с. хозяйствѣ и индустріи—экономія своей энергіи, т. е. стремленіе къ развитію производительности труда.

2) Интенсификація с. хозяйства, возникающая подъ вліяніемъ роста и уплотненія населенія, сопровождается *паденіемъ* производительности труда.

3) Человѣкъ борется съ паденіемъ производительности труда двумя средствами: экстенсификаціей сельскаго хозяйства посредствомъ разселенія по пустыннымъ областямъ и „техническимъ прогрессомъ"—улучшеніемъ орудій и машинъ.

4) Улучшенныя орудія и машины доступны только крупному капиталистическому хозяйству; это хозяйство также обладаетъ всѣми преимуществами при экстенсивныхъ системахъ. Отсюда, при развитіи производительныхъ силъ, побѣждаетъ крупное хозяйство.

Эти тезисы неправильно характеризуютъ, по нашему мнѣнію и эволюцію производства и эволюцію распредѣленія средствъ производства, и взаимно противорѣчивы:

1) Авторъ полагаетъ, что основная тенденція эволюціи сельскаго хозяйства и индустріи—*одинакова*—развитіе производительности труда, при помощи „техники", т. е. усовершенствованныхъ орудій. Такъ и учитъ К. Марксъ: „экономическія эпохи различаются между собой не тѣмъ, что производится, но *тѣмъ какъ производится, какими орудіями труда*, орудія труда являются не только мѣриломъ развитія человѣческой рабочей силы, но также и показателемъ общественныхъ отношеній, при которыхъ производится работа". Слѣдуя ученію Маркса, авторъ долженъ бы былъ изобразить этапы эволюціи производства въ сельскомъ хозяйствѣ по орудіямъ труда, техникѣ производства и сбыта. Въ индустріи онъ такъ и дѣлаетъ (см. ст. 224, „формы промышленности"). Въ эволюціи сельскаго хозяйства, однако,

онъ изображаетъ не техническій прогрессъ, не возрастающее раздѣленіе труда, а смѣну *системъ хозяйства*, которыя различаются, вопреки Марксу, не тѣмъ *какъ* производится (техника до XIX в. была слишкомъ примитивна), а тѣмъ, *что* добывается на землѣ (см. главы первой части „системы хозяйства"). Такимъ образомъ, фактически, авторъ вскрылъ разницу между эволюціей индустріи—промышленности обрабатывающей и сельскаго хоз-ва—промышленности *добывающей*. Смѣна системъ хозяйства—это развитіе производительности *земли*, интенсификація. Интенсификація ведетъ, по убѣжденію автора, къ *паденію* производительности труда. Отсюда выводъ: производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ или совсѣмъ не развивается, или развивается не такъ, какъ въ индустріи, т. е. сельское хозяйство и индустрія *подчинены различнымъ законамъ развитія*. Выводъ этотъ убійственъ для марксистской догмы; вотъ почему за принятіе „факта" на г. Маслова обрушились его товарищи по направленію. [1])

2) Но „фактъ" паденія производительности труда неправильно освѣщается авторомъ: производительность труда падаетъ *въ концѣ* каждой экстенсивной системы хозяйства, при истощеніи запасовъ природныхъ благъ; интенсивная система планомѣрно *развиваетъ* производительность труда. Неправильность взглядовъ автора вытекаетъ изъ того, что онъ признаетъ производительное значеніе только за механическими орудіями труда, но не признаетъ ее за другими элементами производства: удобреніемъ, усложненіемъ сѣвооборотовъ, улучшеніемъ сортовъ растеній и породъ скота, современной и умѣлой вспашкой, уходомъ за животными и растеніями и т. д.

3) Развитіе сельско-хоз. производства выражается въ его интенсификаціи: экстенсивныя системы достояніе прошлаго и каждая страна медленно или быстро, но интенсифицируетъ свое хозяйство.

Поэтому и крупное капиталистическое хозяйство, по существу болѣе приспособленное къ экстенсивнымъ системамъ (въ этомъ мы согласны съ авторомъ) есть достояніе *прошлаго*, исчезающее съ ходомъ аграрной эволюціи.

4) Абсолютно неправильно положеніе, что улучшенныя орудія и машины доступны только *крупному* капиталистическому хозяйству: maximum концентраціи, требуемой машинами,—площадь хозяйства *среднихъ* размѣровъ (если не считать парового плуга). Развитіе машинизма въ сельскомъ

[1]) Г. Сухановъ, дѣлающій вполнѣ логическіе выводы изъ этого „факта", наглядно доказываетъ его убійственное значеніе для догмы.

хозяйствѣ началось только въ XIX в. и во второй половинѣ этого вѣка, во всѣхъ странахъ и экстенсивныхъ, и интенсивныхъ, и промышленныхъ, и земледѣльческихъ происходитъ не концентрація, а *дробленіе* крупныхъ капиталистическихъ хозяйствъ.

Много еще можно отыскать неправильностей и противорѣчій въ запутанныхъ теоретическихъ построеніяхъ автора. Но мы ограничимся этими: изъ нихъ видно, что теорія г. Маслова неправильна, въ 1-хъ потому, что авторъ не желаетъ принимать въ разсчетъ *всѣхъ* главныхъ технико-экономическихъ условій производства, во 2-хъ—и это важнѣе всего—онъ не выполняетъ требованія, выставленнаго нами выше—не находитъ нужнымъ хоть слегка посчитаться съ реальными фактами. Если онъ не хочетъ, или не можетъ *самъ* работать надъ сырыми матеріалами—пусть воспользуется ими въ чьей либо обработкѣ: но, пока онъ не провелъ свою теорію черезъ горнило фактическаго анализа [1]) до тѣхъ поръ мы считаемъ дальнѣйшія словопренія совершенно безполезными.

Итакъ, пока г. Масловъ не провѣритъ свою теорію фактами, мы можемъ ее игнорировать и оставаться при своемъ мнѣніи: если мы поступаемъ правильно, считая технико-экономическія условія производства вмѣстѣ съ ростомъ населенія, основными факторами эволюціи распредѣленія, то естественнымъ результатомъ этихъ факторовъ должны быть *дробленіе и нивеллировка*, территоріальныхъ размѣровъ всѣхъ хозяйствъ данной мѣстности и соотвѣтственной пропорціи—остальныхъ средствъ производства. Земля и прочія средства производства должны стягиваться отъ краевъ къ серединѣ экономической группировки. Но середина эта—понятіе довольно обширное: оно обхватываетъ цѣлую серію слоевъ различной экономической силы, которые можно свести въ двѣ главныя группы: средне-крестьянскихъ, чисто *трудовыхъ* хозяйствъ, не прибѣгающихъ къ найму посторонникъ рабочихъ и группу мелко-капиталистическихъ или крупно-крестьянскихъ хозяйствъ—среднихъ, по общему масштабу смѣшаннаго, *полутрудового* типа, которыя къ рабочимъ силамъ своей семьи прибавляютъ наемныхъ батраковъ. На континентѣ Европы преобладающее положеніе начинаютъ занимать средне-крестьянскія хозяйства; въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ—мелко-капиталистическія фермы. Но и въ Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ число сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, сравнительно съ числомъ самостоя-

[1]) Факты приводимые въ его „Аграрномъ вопросѣ“ крайне устарѣли, отрывочны, а порой и прямо невѣрны.

тельныхъ хозяевъ, относительно сокращается; въ Англіи оно сокращается даже абсолютно (съ 870,8 тыс. въ 1881 г. до 631,7 тыс. въ 1901 г.) Сокращеніе наемнаго труда въ Англіи падаетъ, вѣроятно, не только на крупныя, но и на среднія фермы, которыя, такимъ образомъ, увеличиваясь въ числѣ, (на 5,6 тыс. за 20 лѣтъ) становятся, *по типу, ближе къ трудовымъ хозяйствамъ*.

Оба типа хозяйствъ—для краткости, будемъ ихъ называть средними и мелкими, имѣютъ свои техническія преимущества и свои недостатки.

Передъ крупнымъ хозяйствомъ среднее имѣетъ громадныя преимущества въ сокращеніи пространства, которое, какъ мы указывали, является одной изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ концентраціи и создающихъ процессъ дробленія хозяйствъ. Цѣлый рядъ непроизводительныхъ затратъ труда уменьшается съ сокращеніемъ территоріи хозяйства.

Среднее хозяйство болѣе крупнаго оборудовано запасами труда и капитала на единицу площади. Оно не несетъ тѣхъ расходовъ на администрацію, которые существуютъ въ крупномъ хозяйствѣ.

Сравнительно съ мелкими, среднее хозяйство сберегаетъ издержки, гдѣ это можно и нужно, болѣе раціонально используетъ орудія и машины; ему доступнѣе тѣ виды сотрудничества, которые возможны въ сельскомъ хозяйствѣ; на большей площади возможно большее разнообразіе культуръ; наконецъ, каждое среднее хозяйство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ большую *массу* труда и капитала, которую ему легче направить въ извѣстный пунктъ въ нужную минуту.

Мелкое хозяйство, сравнительно со среднимъ, имѣетъ на единицу площади больше запасовъ труда и капитала; поэтому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оно является болѣе *интенсивнымъ*. Недостатки мелкаго хозяйства: безполезная растрата излишнихъ силъ и средствъ, меньшее разнообразіе культуръ, *изолированность* и разбросанность средствъ производства, абсолютно малыхъ по величинѣ, хотя и слишкомъ большихъ по отношенію къ площади.

Въ общемъ, какъ мы говорили въ первой части, мелкое хозяйство является самымъ интенсивнымъ, среднее наиболѣе выгоднымъ, т. е. мелкое индивидуальное хозяйство (при прочихъ равныхъ условіяхъ) развиваетъ maximum производительности *земли*, а среднее индивидуальное—maximum производительности труда. Достиженіе большей производительности земли и труда одновременно, возможно въ средне-

коллективномъ хозяйствѣ, т. е. соединеніе въ одну производительную кооперацію нѣсколькихъ десятковъ или нѣсколькихъ индивидуальныхъ хозяйствъ.

Такой представляется намъ, при современомъ уровнѣ техники, идеальная организація земледѣльческаго хозяйства; въ ближайшемъ будущемъ эта организація должна охватить двѣ стадіи сельско-хозяйственнаго производства, *связанные непосредственно съ землей:* обработку почвы, и уходъ за растеніями и животными. На третьей стадіи сельско-хозяйственной индустріи, кооперація должна укрупняться поскольку этого требуетъ техника производства. Обмѣнъ (бытъ, покупка) и кредитъ (мы имѣемъ въ виду рамки современнаго строя) требуютъ самыхъ крупныхъ организацій—вплоть до союзовъ, соединяющихъ милліоны людей.

Г. Пѣшехоновъ отнесся къ этой схемѣ хозяйственной организаціи ближайшаго будущаго съ пренебреженіемъ, котораго она вовсе не заслуживаетъ. Пренебреженіе это—плодъ недоразумѣнія, получившагося, вѣроятно, потому, что почтенный критикъ не вдумался въ планъ цѣли нашей работы. Тѣ упреки, которые онъ посылаетъ поэтому поводу, доказываютъ, что онъ смѣшалъ изслѣдуемый нами вопросъ *о программахъ и размѣрахъ хозяйства*, съ вопросомъ, *о программахъ земельной собственности*. Въ предисловіи къ первой части, мы заявили, что программно-политическаго вопроса о формахъ собственности на землю мы касаться не будемъ, что очередной задачей настоящаго момента, мы считаемъ отысканіе устойчивыхъ экономическихъ принциповъ аграрной эволюціи, которые не найдены; что только на фундаментѣ этихъ принциповъ можно построить прочную жизнеспособную программу.

Мы не отрицаемъ, что тѣ или иные формы собственности могутъ содѣйствовать или противодѣйствовать организаціи формъ и размѣровъ хозяйствъ: *но онѣ не могутъ ихъ создать.* Нашей же задачей было установить направленіе тѣхъ факторовъ эволюціи, которые *создаютъ*—тѣ или иные формы и размѣры хозяйственныхъ организацій. Поэтому мы совершенно не затрагиваемъ при теоретическомъ анализѣ, вопроса о формахъ собственности на землю, и полемическіе выпады г. Пѣшехонова попадаютъ въ пустое пространство.

По вопросу о развитіи хозяйственныхъ формъ, мы пришли къ убѣжденію, что закономѣрный ходъ аграрной эволюціи, больше всего способствуетъ развитію среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ трудового типа, но что при современныхъ технико-экономическихъ условіяхъ, еще большими преимуществами должна обладать *коллективная* организація

этихъ хозяйствъ—производительная кооперація, непревышающая извѣстныхъ территоріальныхъ размѣровъ, предѣлъ расширенію которыхъ ставится повышеніемъ непроизводительныхъ затратъ труда на передвиженіе. Такая организація даже въ рамкахъ *современнаго строя* и будетъ, какъ мы полагаемъ, создаваться, если не у насъ, то въ Европѣ, когда культурное развитіе вольетъ въ психику крестьянства достаточно сильный потокъ соціальныхъ эмоцій.

Другіе экономисты, придерживающіеся, въ общемъ, одинаковыхъ съ нами принциповъ, но не принимающіе въ разсчетъ увеличенія непроизводительныхъ затратъ, съ расширеніемъ площади, и считаютъ, что наиболѣе идеальной хозяйственной организаціей, опять таки, съ точки зрѣнія технико-экономическихъ условій, является производительная кооперація максимально крупныхъ размѣровъ. Какъ видитъ читатель, весь споръ сводится только къ техническимъ условіямъ и рѣшительно никакихъ принциповъ не затрагиваетъ. Въ принципѣ мы лично ничего не имѣемъ, противъ коллективно крупныхъ хозяйствъ: но мы находимъ, что, при современномъ уровнѣ техники, непроизводительныя затраты по передвиженію ставятъ извѣстный предѣлъ укрупненію. Какъ механическая энергія, протекая по проводамъ, теряется отъ тренія и потеря эта возростаетъ по мѣрѣ удлиненія пути отъ двигателя къ рабочей машинѣ, такъ теряется и человѣческая энергія отъ безполезнаго передвиженія по большимъ площадямъ.

Механическая энергія будетъ сохраняться, если изобрѣтутъ передачу энергіи безъ проводовъ, т. е. уничтожатъ безполезное треніе; также и безполезная растрата человѣческой энергіи можетъ быть если не уничтожена, то сокращена—напримѣръ, транспорта при помощи техническихъ двигателей. И насколько будетъ сокращаться эта безполезная растрата энергіи, на столько возможно увеличивать территоріальные размѣры коллективныхъ хозяйствъ. Какъ бы тамъ не было, но несомнѣнно одно: на нашихъ глазахъ выростаетъ могущественное кооперативное движеніе. Крестьяне не только не отстаютъ, но даже зачастую, опережаютъ въ этомъ движеніи городской пролетаріатъ. Развитіе сельскохозяйственной техники, въ широкомъ смыслѣ этого слова, заставляетъ кооперацію все глубже проникать въ нѣдра крестьянскаго хозяйства, и не такъ далекъ моментъ, когда кооперація, наконецъ, коснется до животворящаго источника всякаго бытія,—до всеобщей матери—земли.

Конецъ II части.

Приложеніе I-е

(къ VI гл. стр. 396).

Въ статистическомъ сборн. по Елецкому у. (см. сборн. стат. свѣд. по Орловской губ. по II в. I изд. 1887 г.) приведены сопоставленія описей мировыхъ посредниковъ въ 6—70-хъ гг. и земской подворной переписи 1886 г. по 9 деревнямъ. Переведенныя въ относительныя цифры итоговыя данныя этого сопоставленія, таковыя.

		% дворовъ					На 1 дворъ				
		Безлош.	Съ 1 л.	2 л.	3 л.	4 и бол.	Кор.	Лош.	Овецъ	% безкор. дом.	% безкор.
4 дер.	1868 г.	4,3	12,7	31,9	24,5	26,6	0,68	2,78	7,7	1,1	45,7
	1886 г.	23,4	31,0	33,8	10,4	1,4	0,62	1,36	3,9	6,9	40,0
5 дер.	1876 г.	6,9	16,1	33,9	26,4	16,7	0,95	2,43	7,1	0,0	17,8
	1886 г.	21,0	28,3	28,8	16,9	5,0	0,64	1,58	6,1	3,7	28,3

Процессъ перегруппировки слоевъ по лошадямъ даетъ характерную *подвижку внизъ*, при которой относительное число безлошадныхъ дворовъ увеличилось въ 3—5 разъ, а дворовъ съ 4 и бол. лошадьми—уменьшилось въ 3—15 разъ. Подвижка внизъ—результатъ сильнаго паденія обезпеченности лошадьми, понизившейся почти вдвое. Значительно уменьшилась и обезпеченность мелкимъ скотомъ (овцами). Но обезпеченность коровами сократилось, сравнительно мало, благодаря чему число безкоровныхъ дворовъ прибавилось на небольшой процентъ (въ 5 дер.) и даже убавилось (въ 4 дер.). Эти сопоставленія показываютъ, что, по крайней мѣрѣ, въ данной мѣстности: 1) до 80-хъ гг. происходила не дифференціація, а подвижка внизъ, какъ результатъ общей пауперизаціи (см. повышеніе бездомовыхъ хозяйствъ) 2) измѣненія въ группировкахъ по лошадямъ, какъ и всюду, не совпадаютъ съ измѣненіями въ группировкахъ по молочному скоту, т. е. опредѣленіе *степени* (но не направленія) измѣненій въ общемъ благосостояніи крестьянъ будетъ неправильнымъ.

Приложеніе II-е

(къ стр. 511).

Динамика распредѣленія средствъ производства у земледѣльцевъ Полтавской губ. представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что въ этой губерніи крестьяне—подворники и эволюція распредѣленія здѣсь, слѣдовательно, независима отъ общинныхъ распорядковъ. Выше, на стр. 511, мы привели данныя динамики группировокъ по посѣву. Данныя эти заимствованы нами изъ статьи Гельрота: „изъ народно-хозяйственной жизни Полтавской губ." (Рус. Бог. 1902 г. № 8), взявшаго ихъ, въ свою очередь изъ земскаго ежегодника Полтавской губ. (годъ 5-ый). По этимъ даннымъ, мы констатировали (въ 9 у.у. Полтавской губ) процессъ *нивеллировки*. Между тѣмъ г. Туганъ-Барановскій, въ своихъ „основахъ политической экономіи", приводитъ соотвѣтственныя данныя, взятыя только изъ другого источника—изъ земско-статистическаго своднаго сборника (изд. 1907 г.) въ подтвержденіе своей мысли, что благопріятныя экономическія условія въ крестьянской средѣ порождаютъ *дифференціацію*. Цифры, приводимыя г. Туганъ-Барановскимъ, таковы.

Абсол. число дворовъ въ тыс.

	Безлош. до 1 д.	1—2	2—3	3—6	6—9	9—15	15—50	Св. 50 дес.
I перепись . .	6,8	19,4	25,5	66,1	33,5	19,0	6,9	0,3
II перепись . .	15,2	30,6	32,0	71,7	30,6	18,5	8,9	0,65
Разница въ %	+12,4	+60	+25	+8	—9	—3	+29	+117

„Нужно думать, заключаетъ г. Туганъ-Барановскій, что наиболѣе сильнымъ и жизнеспособнымъ является у насъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянское хозяйство вообще можетъ развиваться, *крупное крестьянское хозяйство, переходящее въ капиталистическое* (курсивъ нашъ Н. О.). Хозяйства такого типа, стоящія на границѣ трудового и капиталистическаго сельскаго хозяйства, въ которомъ хозяинъ еще самъ своимъ трудомъ участвуетъ въ производствѣ, но уже стоитъ значительно выше зауряднаго крестьянина и обычно прибѣгаетъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, къ помощи наемнаго труда, всего лучше умѣютъ пользоваться благопріятными условіями сельскаго хозяйства и энергично разростаются, въ такихъ случаяхъ, на-

счетъ другихъ хозяйствъ. Хозяйства этого рода, при ограниченности потребностей хозяевъ, легко накапливаютъ избытки, которые и обращаются на расширеніе предпріятія. Именно этимъ хозяевамъ, если бы наше земледѣліе было предоставлено своему естественному развитію, безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, и *принадлежало-бы, повидимому, будущее* (курсивъ нашъ Н. О). Но въ томъ же направленіи толкаетъ крестьянскій міръ и новѣйшая аграрная политика правительства, стремящаяся сдѣлать сильныхъ еще сильнѣе, а слабыхъ еще слабѣе. Все это должно усиливать дифференціацію крестьянскаго населенія" (стр. 330).

Такъ какъ г. Туганъ-Барановскій строитъ такіе широкіе выводы только на данныхъ Полтавской губ. и притомъ—касающихся лишь группировокъ по посѣву и т. к. тѣ-же данныя, взятыя изъ другого источника, указываютъ на діаметрально-противоположный процессъ нивеллировки, то мы и сочли нужнымъ выяснить въ особомъ приложеніи, чѣмъ объясняется это противорѣчіе. Объясняется оно во 1-хъ, тѣмъ, что г. Туганъ-Барановскій не принялъ въ разсчетъ сокращенія чисто пролетарской безпосѣвной группы, значительная доля которой (около 8 тыс. дворовъ) завела свои небольшіе посѣвы. Разъ безхозяйный пролетаріатъ сократился—о полной дифференціаціи говорить не приходится.

Во 2-хъ—абсолютныя цифры разныхъ источниковъ взятыхъ г. Гельротомъ и Туганъ-Барановскимъ—не *сходятся*. Вотъ цифры, на которыя опирался т. Гельротъ (взяты изъ извѣстной статьи г. Пѣшехонова въ Рус. Бог. 1902 г. № 10).

Абс. ч. дворовъ (въ тысячахъ).

	Сѣющ. до 3 д.	3—6	6—9	9—15	15—50	Св. 50 дес.
I перепись . .	51,7	65,6	33,1	18,7	6,6	0,25
II перепись. .	82,8	69,8	26,7	13,8	5,7	0,26

Разница съ цифрами у г. Туганъ-Барановскаго.

I переп.	0,0	—0,5	—0,4	—0,3	—0,3	—0,05
II переп.	+5,0	—1,9	—3,9	—4,7	—3,2	—0,39

Разница между цифрами первой переписи весьма незначительна и составляетъ до 4—5 сотенъ дворовъ: но за то, по второй переписи она достигаетъ, въ нѣкоторыхъ группахъ, до 5 тыс. дворовъ какъ произошло такое расхожденіе цифръ, заим-

ствованныхъ изъ одного и того же первоисточника—земскихъ подворныхъ переписей—мы не знаемъ: но, примѣняя методъ сопоставленія г. Туганъ-Барановскаго (сравненіе абсолютныхъ чиселъ) къ только что приведеннымъ даннымъ, мы получаемъ иную картину трансформаціи группъ.

Дворы.

	До 3-хъ дес.	3—6	6—9	9—15	15—50	св. 50 дес.
Ростъ и убыль числа хозяйствъ во 2-ую перепись въ % . .	+60	+6	—19	—26	—14	+4

Разница заключается въ томъ, что крупно-посѣвныя группы, по даннымъ, взятымъ Гельротомъ, или убыли (дворы съ 15—50 дес. посѣва), или прибыли очень мало (св. 50 дес.); по тѣмъ же даннымъ, которыми пользуется г. Туганъ-Барановскій, эти группы сильно возросли: особенно возросла капиталистическая группа съ посѣвомъ болѣе 50 дес., увеличившаяся съ 298 до 645 дв., тогда какъ, по болѣе раннимъ источникамъ, она возросла лишь съ 248 до 258 дв. Это-то расхожденіе цифръ, при сведеніи мелкихъ группъ въ болѣе крупныя и даетъ разнохарактерную картину процессовъ эволюціи распредѣленія...

Будемъ считать болѣе правильными данныя, на которыя опирается г. Туганъ Барановскій, взятыя изъ позднѣйшаго источника—провѣренной сводки поуѣздныхъ матеріаловъ. Будетъ ли, въ данномъ случаѣ, здѣсь дифференціація? Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо сравнить не абсолютныя числа, а процентныя отношенія. Заимствуемъ ихъ изъ своднаго сборника.

% дворовъ.

	Безпосѣв.	До 1 д.	1—2	2—3	3—6	6—9	9—15	15—50	Св. 0.
I пер.	24,2	2,9	8,3	10,9	28,2	14,3	8,2	3,0	0,1
II пер.	18,8	5,9	12,0	12,5	28,0	12,0	7,2	3,4	0,2

Дифференціаціей этотъ процессъ, какъ мы уже сказали, назвать нельзя; вслѣдствіе сокращенія безпосѣвныхъ увеличились малосѣющіе и многосѣющіе дворы, а средніе—сократились. Очевидно, часть безпосѣвныхъ и среднихъ перешла въ разрядъ малосѣющихъ, а небольшое количество среднихъ поднялось на ступень крупныхъ посѣвщиковъ. Въ результатѣ этого перекрещивающагося перемѣщенія слоевъ, дѣйствительно, болѣе всего выиграли группы, лежащія близко къ краямъ. Однако, такой процессъ произошелъ вовсе не *вслѣдствіе улучшенія экономи-*

ческаго благосостоянія: количество пашни на душу сократилось съ 0,83 до 0,79, рабочаго и крупнаго рогатаго скота (на дворъ) осталось безъ перемѣны, овецъ—убавилось съ 3,9 до 3,3 гол.; такъ что, въ общемъ, если не было сильнаго пониженія средней обезпеченности, то, во всякомъ случаѣ, не было и ея подъема. Группировка по другому экономическому признаку—именно, по рабочему скоту—даетъ и по послѣднему подсчету не дифференціацію, а *нивелировку* (по 12 у. у.).

	% дворовъ.				
	Безъ раб. скота.	Съ 1 гол.	2—3	4—6	7 и болѣе.
I перепись .	29,1	14,6	36,5	16,3	3,5
II перепись .	27,4	17,6	36,5	15,4	3,1
Измѣненія слоевъ въ %.	—5,8	+20,5	0,0	—5,5	—11,4

Такимъ образомъ, большинство данныхъ свидѣтельствуетъ, что и въ Полтавской губерніи дифференціаціи не произошло и что она не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Что же касается до мелко-капиталистическихъ хозяйствъ съ посѣвомъ свыше 50 дес., то г. Туганъ-Барановскій, сравнивая абсолютныя числа, упустилъ изъ вида всю ничтожность *относительнаго* значенія этой группы. Повышеніе числа этихъ хозяйствъ съ 300 до 645, при общемъ количествѣ всѣхъ хозяйствъ въ размѣрѣ *372 тысячъ* въ первую перепись и *413 тыс.* во вторую—такая ничтожная величина, что отъ какихъ причинъ бы ни происходило это повышеніе—какого либо серьезнаго вліянія на эволюцію распредѣленія оно оказывать не можетъ: „статистика—не такая точная наука"—совершенно правильно заключаетъ по этому поводу, г. Пѣшехоновъ,—„какъ химія, которая можетъ съ пользою если не для практики, то для теоріи искать „слѣды" элементовъ. Во всякомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о положеніи многомилліонной массы, сосредоточивать вниманіе на ничтожныхъ цифрахъ не приходится. Иначе, это значило бы, вмѣсто серьезнаго дѣла, заниматься игрою въ бирюльки". И странно видѣть у г. Туганъ-Барановскаго такіе огромные выводы, построенные на положительно микроскопическомъ основаніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. **О „закономѣрности“ и „самобытности“ аграрной эволюціи въ Россіи.** § 1. Эволюція производства 1
§ 2. Эволюція распредѣленія (5). А. Организація классовъ и сословій (8). Б. Эволюція формъ государственнаго и общественнаго строя (10), § 3. Отличительные факторы сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи (13). § 4. Отличительные факторы эволюціи распредѣленія. Дѣленіе исторіи Россіи на періоды (18).

Глава II. **Кіевская Русь** 27
§ 1. Характеръ производства. § 2. Первоначальное накопленіе капитала и первый земельный захватъ. Образованіе классовъ. Паденіе Кіевской Руси (43).

Глава III. **Удѣльная эпоха** 61
§ 1. Колонизація; характеръ производства по раіонамъ. § 2. Распредѣленіе. Первоначальный захватъ земли и эволюція формъ землевладѣнія по раіонамъ (75). § 3. Феодализмъ политическій и соціальный. Возвышеніе Москвы (95).

Глава IV. **Московская Русь** 102
§ 1. Характеристика главнѣйшихъ явленій эпохи. § 2. Населенность, производ-

Стр.

ство и распредѣленіе въ старыхъ областяхъ Московской Руси. А.) Эволюція населенности и производства (108). Б) Трансформація землевладѣнія (121). В) Закрѣпощеніе крестьянъ. Дифференціація въ крестьянской средѣ. Эволюція общинныхъ формъ (154). § 3. Населеніе, производство и распредѣленіе земли въ юго-восточномъ колонизаціонномъ поясѣ степи и Поволжья (174). § 4. Производство и распредѣленіе земли на сѣверѣ (190). § 5. Главнѣйшія черты эволюціи распредѣленія въ литовско-русскомъ государствѣ. Политическій феодализмъ. Разрушеніе общины (199). Главнѣйшіе источники и пособія для исторіи сельскаго хозяйства и поземельныхъ отношеній Россіи до XVIII вѣка (216).

Глава V. **Крѣпостная Россія** 221

§ 1. Естественное движеніе населенія и колонизація. Вліяніе крѣпостного права на ростъ населенія. § 2. Общая характеристика эволюціи производства. А) Эволюція сельскаго хозяйства (242). Б) Эволюція промышленности и обмѣна (259). § 3. Эволюція помѣщичьяго землевладѣнія и хозяйства. А) Концентрація дворянскаго землевладѣнія и первые признаки его паденія (268). Б) Развитіе крупнаго товарнаго хозяйства у землевладѣльцевъ (282). В) Прогрессивныя начинанія въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. (306). § 4. Крестьянское землепользованіе въ крѣпостную эпоху. А) Эволюція распредѣленія въ крестьянской средѣ (313). Б) Эволюція общины въ крѣпостную эпоху (325) § 5. Эволюція распре-

Стр.

дѣленія земли и общины въ Малороссіи (346). § 6. Причины паденія крѣпостного права. (370). Источники и пособія для исторіи сельскаго хозяйства и поземельныхъ отношеній въ Россіи въ крѣпостную эпоху (386).

Глава VI. **Пореформенная эпоха**. . . . 396

Предварительныя замѣчанія § 1. Ростъ населенія. Колонизація. Развитіе городской жизни (399). § 2. Общая эволюція сельско-хозяйственнаго производства. Кризисъ трехполья (413), § 3. Эволюція частнаго землевладѣнія и хозяйства. А) Трансформація землевладѣнія (430). Б) Трансформація частновладѣльческаго хозяйства (443). § 4. Эволюція распредѣленія въ крестьянской средѣ. А) Предварительныя замѣчанія по вопросу о правильномъ употребленіи терминовъ. Данныя до 80-хъ г.г. (470). Б) Военно-конскія переписи 1888—1906 г.г. (486). В) Земскія переписи скота (500). Г) Землевладѣніе и землепользованіе (надѣлы, посѣвы, купчая земля, аренда, сдача, способы обработки) (505). Д) Наемный трудъ. Промыслы (521). Общіе выводы (527).

Глава VII. **Связь теоріи съ фактами** . . . 533

§ 1. Цѣль и границы изслѣдованія. § 2. Вліяніе природныхъ факторовъ и населенности на эволюцію производства. Основной принципъ эволюціи (543). § 3. Вліяніе населенности, природныхъ и политическихъ факторовъ на эволюцію распредѣленія. Основной принципъ эволюціи. А) Вліяніе природныхъ факторовъ. Условія образова-

Стр.

нія и паденія крупнаго и капиталистическаго хозяйства (570). Б) Дробленіе земли подъ вліяніемъ роста населенія (586). В.) Дифференцирующее вліяніе политическихъ факторовъ и капитализма (599). Общіе выводы. Основной принципъ эволюціи распредѣленія (612).

Приложеніе I-е 623

Приложеніе II-е 629

Важнѣйшія опечатки.

Страница.	Строка. Сверху.	Снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
6	—	22	устроенъ	надстроенъ
18	10	—	43	173
30	—	17	сотнями	сотнями и десятками
32	17	—	былой вереницы	бѣлой вереницѣ
41	—	5	43	3/4
46	13	—	разселенія	разслоенія
65	—	3	великій русскій	великорусскій
113	—	2	Новгородской	Нижегородской
126	20	—	экстенсивна	интенсивна
—	—	16	6 пудовъ	16 пудовъ
134	2	—	(заголовокъ таблицы)	
		Свыше 475	150—1200 дес. 1200,475	Свыше 475— 150— 1200 дес. 1200 475
152	—	26	центральную	денежную
168	21	—	одинъ на	на одинъ
178	4	—	—	пропущено 1)
—	9	—	—	пропущено 2)
—	—	8	1)	3)
202	—	2	прогрессъ	процессъ
235	15	—	перемѣны	передвиженія
251	—	20	12,2	42,3
260	—	1	2)	1)
—	—	2	1) Бранатъ Исторія Россіи глава IV стр. 110) къ 259 страницѣ.	относится
291	—	12	Шторъ	Шторнъ
312	—	2	жнеожетъ	не можетъ
397	1	—	общихъ	обоихъ
—	11	—	колонизаціонныя	колонизованныя
400	—	24	нарушили	обнаружили
401	—	20	Съверн. Нов.	Съверн. Кавк.
542	10	—	пропзвод-	производства
546	—	8	семьи	семей
—	—	3	это	его
551	—	14	1797	1897
555	11	—	интенсивное	экстенсивное
563	1	—	интенсивнымъ	экстенсивнымъ
571	—	17	повести	повести или
—	—	14	и	или

Страница.	Строка. Сверху.	Снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
571	—	21	благоустройство	благоустройство ихъ
582	—	8	процесса	прогресса
585	—	8	Де Ливерно	Де Лавеле
587	—	14	развитіе	различіе
—	—	5	уплотненіе населенія	дробленіе земли подъ вліяніемъ уплотненія населенія
592	—	22	въ періодъ переложнаго земледѣлія, въ этомъ періодѣ переложнаго земледѣлія	въ періодъ переложнаго земледѣлія
593	14	—	размываетъ	раздробляетъ
595	—	20	недостаетъ	наростаетъ
596	7	—	1886,8	186,6
605	14	—	Малороссіи	въ Новороссіи
645	6	—	производительные	производственные
—	—	26	производительные	производственные
620	—	23 и 24	программахъ	формахъ